СЕРГЕЙ

ЛУКЬЯНЕНКО

ДОЗОРЫ

ПОСЛЕДНИЙ ДОЗОР
НОВЫЙ ДОЗОР
ШЕСТОЙ ДОЗОР

Дозоры: Последний Дозор. Новый Дозор. Шестой Дозор

Сергей Лукьяненко

Аннотация
Сергей Лукьяненко. Дозоры: Последний Дозор. Новый Дозор. Шестой Дозор
Последний Дозор
- Часть первая. Общее дело
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Эпилог
- Часть вторая. Общий враг
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6

Эпилог
Часть третья. Общая судьба
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Эпилог
Новый Дозор
Часть первая. Смутные цели
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Часть вторая. Смутные времена
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Часть третья. Смутные деяния
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Шестой Дозор
Пролог
Часть первая. Вынужденные действия
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Часть вторая. Вынужденные союзы
Глава 1
Глава 2

Глава 3
Глава 4
Глава 5
Часть третья. Вынужденные меры
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Эпилог

Аннотация

Продолжение легендарного цикла «Дозоры» от отечественного фантаста номер один, книги которого завоевали популярность по всему миру и уже переведены на два десятка языков.

История вечного противостояния Светлых и Темных магов.

Тайные боевые операции, жестокие интриги и высокая политика, белое пламя любви и ненависти, где плавятся судьбы людей и Иных, отстаивающих свою истину…

Сергей Лукьяненко
Дозоры: Последний Дозор. Новый Дозор. Шестой Дозор

© С. Лукьяненко, 2005, 2012, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Последний Дозор

Моей жене Соне и сыну Теме с любовью.

Автор

Данный текст допустим для сил Света.

Ночной Дозор

Данный текст допустим для сил Тьмы.

Дневной Дозор

Часть первая. Общее дело
Пролог

Лера смотрела на Виктора и улыбалась. В каждом мужчине, даже самом взрослом, живет мальчишка. Виктору было двадцать пять, и он, конечно же, был взрослым. Валерия готова была отстаивать это со всей убежденностью влюбленной девятнадцатилетней женщины.

— Подземелья, — сказала она на ухо Виктору. — Подземелья и драконы. У-у-у!

Витя фыркнул. Они сидели в комнате, которая была бы грязной, не будь она такой темной. Вокруг теснились возбужденные дети и смущенно улыбающиеся взрослые. На разрисованной мистическими символами сцене кривлялся молодой парень с белым от грима лицом и в развевающемся черном плаще. Снизу его подсвечивало несколько багровых лампочек.

— Сейчас вы встретитесь с ужасом! — протяжно кричал парень. — А! А-а-а! Мне самому страшно от того, что вы увидите!

Произношение у него было таким четким и артикулированным, каким оно бывает только

у студентов театральных училищ. Даже Лера, плохо знающая английский язык, понимала каждое слово.

— Мне понравились подземелья в Будапеште, — прошептал ей Виктор. — Там реальные старые подземелья… очень интересно.

— А здесь всего лишь большая комната страха.

Виктор виновато кивнул. Сказал:

— Зато прохладно.

Сентябрь в Эдинбурге выдался жарким. Утро Витя и Лера провели в королевском замке, центре туристического паломничества. Перекусили и выпили по пинте пива в одном из бесчисленных пабов. И вот — нашли куда спрятаться от полуденного солнца…

— Вы еще не передумали? — завопил лицедей в черном плаще.

За спиной Леры послышался негромкий плач. Она обернулась — и с удивлением обнаружила, что плачет взрослая уже, лет шестнадцати, девушка, стоявшая рядом с матерью и маленьким братом. Откуда-то из темноты вынырнули служители и быстро увели всю семью.

— Вот это обратная сторона европейского благополучия, — наставительно сказал Витя. — Разве в России взрослая девушка испугается комнаты

страха? Слишком спокойная жизнь заставляет их бояться любых глупостей…

Лера поморщилась. Отец Виктора был политиком. Не очень крупным, но очень патриотичным, всегда и везде доказывающим ущербность западной цивилизации. Впрочем, это не помешало ему отправить сына учиться в Эдинбургский университет.

И Виктор, десять месяцев в году проводя за пределами родины, упорно повторял отцовскую риторику. Такого патриота, как он, в России было еще поискать. Это Леру порой смешило, а порой и немного злило.

К счастью, вступительная часть закончилась — и началось медленное передвижение по «Подземельям Шотландии». Под мостом, вблизи железнодорожного вокзала, в каких-то унылых бетонных помещениях предприимчивые люди разгородили маленькие клетушки. Ввернули слабые лампочки, развесили повсюду обрывки тряпок и синтетическую паутину. На стены поместили портреты маньяков и убийц, бесчинствовавших в Эдинбурге за его долгую историю. И стали развлекать детей.

— Это испанский сапог! — с завываниями сообщала девушка в лохмотьях, их гид в очередной

комнате. — Страшное орудие пыток!

Дети визжали от восторга. Взрослые сконфуженно переглядывались, словно их застали за пусканием мыльных пузырей или игрой в куклы. Чтобы не скучать, Лера с Виктором становились позади и целовались под болтовню экскурсоводов. Они были вместе уже полгода. Обоих преследовало необычное ощущение, что этот роман станет для них чем-то особенным.

— Сейчас мы пройдем зеркальным лабиринтом! — сообщил экскурсовод.

Как ни странно, это оказалось действительно интересно. Лера всегда считала, что описание зеркальных лабиринтов, в которых можно заблудиться и со всего маху налететь лбом на стекло, — преувеличение. Ну как можно не увидеть, где зеркало, а где проход?

Оказалось, что можно. Оказалось, что очень даже легко. Они со смехом толкались в холодные зеркальные грани, размахивали руками, блуждали в галдящем людском хороводе, внезапно превратившемся из горсточки в толпу. В какой-то момент Виктор призывно замахал кому-то рукой, а когда они все-таки вышли из лабиринта (дверь была тоже коварно замаскирована под зеркало), долго озирался.

— Кого-то ищешь? — спросила Лера.

— А, ерунда. — Виктор улыбнулся. — Чушь.

Потом было еще несколько залов с мрачными атрибутами средневековых тюрем, потом — «Кровавая река». Притихшие дети погрузились в длинную металлическую лодку, и та медленно поплыла по темной воде «в замок к вампирам». В темноте раздавались зловещие смешки и угрожающие голоса. Хлопали над головой невидимые крылья, журчала вода. Впечатление портило только то, что лодка проплыла от силы метров пять — дальше иллюзию движения создавали дующие в лицо вентиляторы.

И все-таки Лере стало жутко. Стыдно за свой страх, но все-таки жутко. Они сидели на последней скамье, рядом никого не было, впереди стонали и хихикали изображающие вампиров актеры, сзади…

Сзади было пусто.

Но ей упорно казалось, что там кто-то есть.

— Витя, мне страшно, — беря его за руку, произнесла Лера.

— Глупая… — прошептал Виктор ей на ухо. — Только не заплачь, ладно?

— Ладно, — согласилась Лера.

— Ха-ха-ха! Вокруг злые вампиры! — подражая

интонации актеров, произнес Виктор. — Я чувствую, как они крадутся ко мне!

Лера закрыла глаза и вцепилась в его ладонь покрепче. Мальчишки! Все они мальчишки, до седых волос! Ну зачем так пугать?

— Ай! — очень натурально воскликнул Виктор. И сказал: — Кто-то… кто-то кусает меня в шею…

— Дурак! — бросила Лера, не разжимая век.

— Лерка, кто-то пьет мою кровь… — грустно и обреченно произнес Виктор. — А мне даже не страшно… как во сне…

Дул холодный ветер из вентиляторов, хлюпала вода за бортом, завывали дикие голоса. Даже запахло чем-то похожим на кровь. Виктор безвольно расслабил руку. Лера со злости больно ущипнула его за ладонь, но Виктор даже не вздрогнул.

— Мне же страшно, дубина! — почти в голос воскликнула Лера.

Виктор ничего не ответил, но мягко привалился к ней. Стало не так страшно.

— Я тебе сама горло перегрызу! — пригрозила Лера. Похоже, Виктор смутился. Молчал. Неожиданно для себя Лера добавила: — И всю кровь выпью. Ясно? Сразу… после свадьбы.

Она в первый раз произнесла это слово приме-

нительно к их отношениям. И замерла, ожидая реакции Виктора. Ну не может холостой мужик не отреагировать на слово «свадьба»! Либо испугается, либо обрадуется.

Виктор, казалось, дремал на ее плече.

— Напугала? — спросила Лера. Нервно рассмеялась. Открыла глаза. Но вокруг все еще было темно, хотя завывания уже затихали. — Ладно… не буду кусать. И свадьба нам не нужна!

Виктор молчал.

Заскрипел механизм, железная лодка проплыла еще метров пять по узкой бетонной канавке. Зажегся неяркий свет. Галдящая детвора повалила на берег. Девочка лет трех-четырех, одной рукой держась за маму, а палец другой засунув в рот, все поворачивала голову, не отрывая взгляда от Леры. Что ее так заинтересовало? Девушка, говорящая на незнакомом языке? Нет, быть того не может, они же в Европе…

Лера вздохнула и посмотрела на Виктора.

А он и впрямь спал! Глаза были закрыты, на губах застыла улыбка.

— Ты что? — Лера легонько пихнула Виктора — и он стал мягко заваливаться, головой прямо на железный борт. Завизжав, Лера успела схватить Виктора (что происходит, да что ж это

делается, почему он такой вялый, безвольный?) и уложить на деревянную скамью. На крик мгновенно появился еще один служитель — черный плащ, резиновые клыки, размалеванные черным и красным щеки. Ловко спрыгнул в лодку.

— Что-то случилось с вашим другом, мисс? — Парень был совсем молодой, наверное, ровесник Леры.

— Да… нет… я не знаю! — Она заглянула служителю в глаза, но тот и сам был растерян. — Помогите же мне! Его надо вынести из лодки!

— Возможно, сердце? — Парень наклонился, попытался взять Виктора за плечи — и отдернул руки, будто схватился за горячее. — Что это? Что за глупые шутки? Свет! Нужен свет!

Он все тряс и тряс ладонями, с которых слетали тягучие темные капли. А Лера, оцепенев, смотрела на неподвижное тело Виктора. Загорелся свет — яркий, белый, выжигающий тени, превращающий страшненький аттракцион в декорации убогого фарса.

Впрочем, фарс закончился вместе с аттракционом. На шее Виктора зияли две открытые раны с вывороченными краями. Из ран слабо, будто последние капли кетчупа из перевернутой бутылки, сочилась кровь. Редкие, толчками

выкатывающиеся капли казались еще страшнее из-за глубины ран. Прямо над артерией… будто двумя бритвами… или двумя острыми зубами…

И тогда Лера начала кричать. Тонко и страшно, закрывая глаза, взмахивая руками в воздухе перед собой, будто маленькая девочка, на глазах которой самосвал размазал по асфальту любимого котенка.

В конце концов, в каждой женщине, даже самой взрослой, живет маленькая испуганная девочка.

Глава 1

— Как я смог это сделать? — спросил Гесер. — И почему этого не смог сделать ты?

Мы стояли посреди бескрайней серой равнины. Взгляд не фиксировал ярких красок в целой картине, но стоило всмотреться в отдельную песчинку, и та вспыхивала: золотом, багрянцем, лазурью, зеленью. Над головой застыло белое с розовым, будто молочную реку перемешали с кисельными берегами да и выплеснули в небеса.

А еще дул ветер, и было холодно. Мне всегда холодно на четвертом слое сумрака, но это индивидуальная реакция. Гесеру, напротив, было жарко: лицо раскраснелось, по лбу стекали ка-

пельки пота.

— Мне не хватает Силы, — сказал я.

Лицо Гесера совсем побагровело.

— Ответ неправильный! Ты — Высший маг. Так получилось случайно, но ты — Высший. Почему Высших магов также называют магами вне категорий?

— Потому что разница в Силе между ними настолько незначительна, что не может быть исчислена, и невозможно определить, кто сильнее, а кто слабее… — пробормотал я. — Борис Игнатьевич, я понимаю. Но мне не хватает Силы. Я не могу пройти на пятый слой.

Гесер посмотрел себе под ноги. Поддел носком ботинка песок, подбросил в воздух. Шагнул вперед — и исчез.

Это что, совет?

Я подбросил перед собой песок. Шагнул вперед, тщетно пытаясь поймать свою тень.

Тени не было.

Ничего не изменилось.

Я по-прежнему оставался на четвертом слое. И становилось все холоднее — пар от моего дыхания уже не рассеивался белым облачком, а колючими иглами осыпался на песок. Развернувшись — это всегда проще психологически,

искать выход позади, — я сделал шаг и вышел на третий уровень сумрака. В бесцветный лабиринт изъеденных временем каменных плит, над которыми серело низкое застывшее небо. Кое-где по камню стелились высохшие стебли, похожие на прибитый морозом вьюнок-переросток.

Еще шаг. Второй слой сумрака. Каменный лабиринт накрыли переплетенные ветви…

И еще. Первый слой. Уже не камень. Уже стены и окна. Знакомые стены московского офиса Ночного Дозора — в его сумеречном обличье.

Последним усилием я вывалился из сумрака в реальный мир. Прямо в кабинет Гесера.

Разумеется, шеф уже сидел в кресле. А я пошатываясь стоял перед ним.

Ну как, как он мог меня опередить? Ведь он пошел на пятый слой, а я начал выходить из сумрака!

— Когда я увидел, что у тебя ничего не получается, — сказал Гесер, даже не глядя на меня, — то вышел из сумрака напрямую.

— Из пятого слоя — в настоящий мир? — Я не смог скрыть удивления.

— Да. Что тебя удивляет?

Я пожал плечами. Ничего не удивляет. Если Гесер захочет преподнести мне сюрприз — у него

будет огромный выбор. Я очень многого не знаю. И это…

— Обидно, — сказал Гесер. — Сядь, Городецкий.

Я сел напротив Гесера. Сложил руки на коленях, даже голову опустил, будто в чем-то чувствовал свою вину.

— Антон, хороший маг всегда достигает своего могущества в нужное время, — сказал шеф. — Пока не станешь мудрее — не станешь сильнее. Пока не станешь сильнее — не овладеешь высшей магией. Пока не овладеешь высшей магией — не влезешь в опасные места. У тебя ситуация уникальная. Ты попал под… — он поморщился, — заклятие «Фуаран». Ты стал Высшим магом, не будучи к этому готовым. Да, у тебя есть Сила. Да, ты умеешь ею управлять… и то, что ты с трудом делал раньше, теперь не составляет проблем. Сколько ты пробыл на четвертом слое сумрака? И сидишь как ни в чем не бывало! Но вот то, чего ты не умел раньше…

Он замолчал.

— Я научусь, Борис Игнатьевич, — сказал я. — В конце концов, все признают, что я делаю значительные успехи. Ольга, Светлана…

— Делаешь, — легко признал Гесер. — Ты же не совсем идиот, чтобы не развиваться. Но сейчас

ты напоминаешь мне неопытного водителя, который полгода покатался на «жигулях» — и вдруг сел за руль гоночного «феррари»! Нет, хуже, за руль карьерного самосвала, БелАЗа весом в двести тонн, что ползет себе по спирали, выезжает из карьера… а рядом пропасть в сотню метров! А там, внизу, едут другие самосвалы. Одно твое неверное движение, резкий поворот руля или дрогнувшая на педали нога — плохо будет всем.

— Понимаю. — Я кивнул. — Но я в Высшие не рвался, Борис Игнатьевич. Это вы меня отправили в погоню за Костей…

— Я тебя ни в чем не упрекаю и пытаюсь многому научить, — сказал Гесер. И довольно непоследовательно добавил: — Хоть ты однажды и отказался быть моим учеником!

Я промолчал.

— Даже не знаю, что и делать… — Гесер барабанил пальцами по лежащей перед ним папке. — Гнать тебя на повседневные задания? «Школьница видела бомжа-оборотня», «В Бутово объявился вампир», «Колдунья по-настоящему колдует», «В моем подвале раздается таинственный стук»? Бессмысленно. С такой ерундой ты справишься за счет своей Силы. Учиться ничему не придется. Оставить тебя киснуть на кабинет-

ной работе? Ты же сам этого не хочешь. И?..

— Вы же сами знаете, Борис Игнатьевич, — ответил я. — Дайте мне настоящее задание. Такое, чтобы я вынужден был развиваться.

В глазах Гесера мелькнула искорка иронии.

— Ага, сейчас. Организую нападение на спецхран Инквизиции. Или отправлю тебя штурмовать офис Дневного Дозора…

Он толкнул папку через стол:

— Читай.

Сам Гесер открыл точно такую же папку и погрузился в изучение исписанных от руки листочков из школьной тетради.

И откуда у нас в офисе эти старые картонные папки с растрепанными тесемками-завязочками? Были закуплены в прошлом веке в количестве нескольких тонн? Приобретены недавно у общества инвалидов-надомников с гуманитарными целями? Выпускаются на древнем комбинате в городе Мухосранске, принадлежащем мухосранскому Ночному Дозору?

Но факт остается фактом, в век компьютеров, копиров, прозрачных пластиковых «файликов» и крепких красивых папок с удобными фиксаторами наш Дозор пользуется рыхлым картоном и веревочками… Позорище, перед иностранными

коллегами стыдно!

— На папки из материалов органического происхождения легко накладываются защитные заклинания, препятствующие дистанционному зондированию, — сказал Гесер. — По той же самой причине для обучения магии используются только книги. Текст, набранный на компьютере, магию в себе не сохраняет.

Я посмотрел в глаза Гесеру.

— Даже не собирался читать твои мысли, — сказал шеф. — Пока не научишься контролировать лицо — в этом нет необходимости.

Теперь и я почувствовал магию, пронизывающую папку. Легкое защитно-сторожевое заклинание, для Светлых не представляющее никаких проблем. Впрочем, и Темные его снимут без труда, но нашумят.

Открыв папку — Великий Гесер завязывал тесемки на бантик, — я обнаружил четыре свеженькие, еще пахнущие типографской краской газетные вырезки, факс и три фотографии. Три вырезки были на английском, на них я и сосредоточился в первую очередь.

Первая вырезка представляла собой короткую заметку о происшествии на аттракционе «Подземелья Шотландии». Как я понял, в этом

заведении, довольно-таки банальном варианте комнаты страха, «из-за технических неполадок» погиб русский турист. «Подземелья» были закрыты, полиция проводит расследование и выясняет, нет ли в трагедии вины персонала…

Вторая заметка была куда подробнее. Про «технические неполадки» уже не было ни слова. Текст был немножко суховатым, даже педантичным. С нарастающим волнением я прочитал, что погибший, двадцатипятилетний Виктор Прохоров, учился в Эдинбургском университете, был сыном «русского политика», в «Подземелья» отправился вместе с невестой, прилетевшей из России Валерией Хомко, на руках которой и скончался от потери крови. В темноте аттракциона кто-то перерезал ему горло. Или что-то перерезало. Бедолага сидел вместе с невестой в лодочке, которая медленно плыла по «Кровавой реке», мелкой канавке вокруг «Замка вампиров». Возможно, из стены торчала какая-то острая железка, которая и полоснула Виктору по шее?

Дочитав до этого места, я вздохнул и посмотрел на Гесера.

— У тебя всегда замечательно получалось… э-э-э… с вампирами, — сказал шеф, на секунду оторвавшись от своих бумаг.

Третья заметка была из какой-то «желтой» шотландской газетенки. И вот тут, конечно же, автор рассказал страшную историю про современных вампиров, которые во мраке аттракционов сосут кровь своих жертв. Единственной оригинальной деталью было утверждение журналиста, что обычно вампиры высасывают своих жертв не насмерть. Но русский студент, как положено русскому, был настолько пьян, что бедный шотландский вампир тоже захмелел и увлекся.

Несмотря на всю трагичность истории, я засмеялся.

— «Желтая» пресса — она во всем мире одинакова, — сказал Гесер, не поднимая глаз.

— Самое ужасное, что так все и было, — сказал я. — Кроме пьянства, конечно.

— Кружка пива за обедом, — согласился Гесер.

Четвертая вырезка была из какой-то нашей газеты. Некролог. Соболезнования Леониду Прохорову, депутату Государственной думы, чей сын трагически погиб…

Я взял листок факса.

Это, как я и предполагал, было донесение от Ночного Дозора города Эдинбурга, Шотландия, Великобритания.

Немножко необычным оказался лишь адресат

— сам Гесер, а не оперативный дежурный или руководитель международного отдела. И тон письма — чуть более личный, чем полагается в официальных документах.

А содержание меня не удивило.

«С прискорбием сообщаем… по результатам тщательно проведенного дознания… полная потеря крови… признаков инициации не выявлено… проведенные поиски результатов не дали… привлечены лучшие силы… если московское отделение считает необходимым направить… передавай самые теплые приветы Ольге, очень рад за тебя, старый ко…»

Второй листок факса отсутствовал. Видимо, там был исключительно личный текст. Поэтому и подписи я не увидел.

— Фома Лермонт, — сказал Гесер. — Глава шотландского Дозора. Старый друг.

— Ага… — задумчиво протянул я. — Значит…

Наши взгляды опять встретились.

— Нет уж, родственник ли он Михаилу Юрьевичу — сам спросишь, — сказал Гесер.

— Я о другом. «Ко» — это «командир»?

— «Ко» — это… — Гесер запнулся и с явным недовольством покосился на листок. — «Ко» — это «ко». Это тебя уже не касается.

Я посмотрел на фотографии. Молодой человек — это и был бедолага Виктор. Девушка — совсем юная. Его невеста, что тут гадать. И мужик постарше. Отец Виктора?

— Косвенные данные говорят о нападении вампира. Но почему ситуация требует нашего вмешательства? — спросил я. — Наши соотечественники частенько гибнут за рубежом. И от вампиров — тоже. Вы не доверяете Фоме и его подчиненным?

— Доверяю. Но у них мало опыта. Шотландия — мирная, уютная, спокойная страна. Они могут не справиться. А ты частенько имел дело с вампирами.

— Конечно. И все-таки? Дело в том, что его отец — политик?

Гесер поморщился:

— Да какой он политик? Бизнесмен, пробрался в депутаты, на голосованиях жмет кнопки потихоньку.

— Коротко и ясно. Но не верю, что нет особой причины.

Гесер вздохнул:

— Отец юноши двадцать лет назад был определен как потенциальный Светлый Иной. Довольно сильный. От инициации отказался, объявив,

что хочет остаться человеком. Темных сразу же послал прочь. Но с нами поддерживал некоторые контакты. Иногда помогал.

Я кивнул. Да, случай редкий. Нечасто люди отказываются от таких возможностей, что открываются перед Иными.

— Можно сказать, что я чувствую себя виноватым перед Прохоровым-старшим, — сказал Гесер. — И если уж не могу помочь сыну… то не позволю его убийце уйти безнаказанным. Ты поедешь в Эдинбург, найдешь этого сумасшедшего кровососа и развеешь по ветру.

Это был приказ. Но я и без того не собирался спорить.

— Ко… — я невольно запнулся, — когда лететь?

— Зайди в международный отдел. Тебе должны были подготовить документы, билеты, деньги. И легенду.

— Кому легенду? Мне?

— Да. Будешь работать неофициально.

— Контакты?

Гесер почему-то нахмурился и глянул на меня с непонятным подозрением:

— Только с Фомой… Антон, хватит издеваться!

Я непонимающе смотрел на Гесера.

— «Ко» — это начало слова «кобель», — бурк-

нул Гесер. — Молодость, знаешь ли… вольные нравы эпохи Ренессанса… Все, иди! И постарайся вылететь ближайшим рейсом. — Он мгновение помедлил, но все-таки добавил: — Если Светлана не будет против. А если будет, то скажи, я постараюсь ее убедить.

— Она будет против, — уверенно сказал я.

И все-таки на что обиделся Гесер? И почему разъяснил мне про «кобеля»?

Светлана поставила передо мной тарелку, полную жареной картошки с грибами. Следом на столе оказались вилка и нож, солонка, соленые огурцы на блюдце, рюмка и маленький, на сто граммов, графинчик с водкой. Графинчик был только что из холодильника и в тепле мгновенно запотел.

Идиллия!

Мечта мужчины, пришедшего с работы. Жена хлопочет у плиты и подает на стол вкусные и вредные вещи. Хочет о чем-то меня попросить? Дочка тихо играет с конструктором — в пять лет она перестала интересоваться куклами. Строит, впрочем, не машинки и самолетики, а маленькие домики, может, архитектором станет?

— Света, меня командируют в Эдинбург, — на всякий случай повторил я.

— Да, я слышала, — спокойно ответила Светлана.

Графинчик на столе приподнялся. Притертая пробка выкрутилась из горлышка. Холодная водка тягучей прозрачной струйкой потекла в рюмку.

— Мне сегодня ночью лететь, — сказал я. — До Эдинбурга рейса нет, так что лечу в Лондон, там пересадка…

— Тогда много не пей, — забеспокоилась Светлана.

Графинчик описал вираж и унесся в сторону холодильника.

— Я думал, ты расстроишься, — обиженно сказал я.

— А смысл? — Светлана наложила и себе полную тарелку. Села рядом. — Ты не полетишь?

— Полечу…

— В том-то и дело. Только еще примется звонить Гесер и объяснять, как важна твоя командировка. — Светлана поморщилась.

— Она и впрямь важна.

— Знаю. — Светлана кивнула. — Я утром почувствовала, что тебя отправят куда-то далеко. Позвонила Ольге, спросила, что случилось за последние дни. Ну… она рассказала про того па-

ренька в Шотландии.

Я с облегчением кивнул. Светлана в курсе — прекрасно. Не надо лжи и недомолвок.

— Странная какая-то история, — сказала Светлана.

Пожав плечами, я выпил выделенные мне сорок граммов. С удовольствием захрустел соленым огурчиком, пробормотал с набитым ртом:

— Что тут странного? Либо дикий вампир, либо спятил с недожора… у них это обычное дело. Ну и чувство юмора, видимо, специфическое. Убить человека в аттракционе «Замок вампиров»!

— Тише. — Светлана поморщилась, взглядом указав на Надюшку.

Я принялся энергично жевать. Люблю жареную картошку — с хрустящей корочкой, да чтобы еще жарить на гусином жире, со шкварками и с пригоршней белых грибов, если сезон — то свежих, не сезон — так сушеных. Все в порядке, все хорошо, папа с мамой говорят про всякие глупости, про кино, про книжки, на самом деле вампиров нет…

К сожалению, нашу дочку не обманешь, будто вампиров не существует. Она их прекрасно видит. Еле-еле отучили громко высказываться в метро или троллейбусе: «Ма, па, глядите, а вон

дядька-вампир!» Пассажиры-то ладно, спишут все на детские глупости, а перед вампирами как-то неудобно. Некоторые и на людей никогда не нападали, честно пьют донорскую кровь и ведут вполне благопристойную жизнь. А тут посреди толпы пятилетняя малявка тычет в тебя пальчиком и хохочет: «Дядька неживой, а ходит!» Никуда не денешься, все равно она слышит, о чем мы говорим, и делает свои выводы.

Но на этот раз Надя нашими разговорами не заинтересовалась. Возводила над домиком из желтых пластиковых кирпичиков красную «черепичную» крышу.

— Мне кажется, тут дело не в чьем-то чувстве юмора, — сказала Светлана. — Не стал бы тебя Гесер гонять через всю Европу. В Шотландии тоже не дураки в Дозоре сидят, рано или поздно найдут кровососа.

— Тогда что? Про парня я все выяснил. Хороший мальчик, но не святой. И явно не Иной. Убивать его нарочно Темным нет никакой необходимости. Отец паренька когда-то отказался стать Иным, но неофициально сотрудничал с Ночным Дозором. Случай редкий, но не уникальный. Я все проверил, Темным ему мстить не за что.

Светлана вздохнула. Покосилась на холодиль-

ник — и графинчик примчался обратно.

И я вдруг понял — она чем-то встревожена.

— Света, ты смотрела в будущее?

— Смотрела.

Увидеть будущее в том смысле, какой вкладывают в это предсказатели-шарлатаны, невозможно. Будь ты даже Великим Иным. Но можно просчитать вероятность того или иного события: попадешь ты в пробку на этой дороге или нет, не разобьется ли в воздухе самолет, удастся ли завершить какое-то дело, погибнешь ты или уцелеешь в грядущей заварухе… Если совсем уж просто, то чем точнее задан вопрос, тем точнее будет ответ. Спросить «что меня ждет завтра?» нельзя.

— Ну и что?

— Твоей жизни в этом расследовании ничего не угрожает.

— Здорово, — искренне сказал я. Взял графинчик, налил еще по рюмке себе и Светлане. — Спасибо. Ты меня успокоила.

Мы выпили — и мрачно посмотрели друг на друга.

Потом на Надюшку — дочка сидела на полу и возилась с конструктором. Почувствовав наш взгляд, она тихонько замурлыкала: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля».

Такими песенками взрослые обычно изображают девочек в анекдотах. Очень вредных девочек. Которые собираются что-нибудь взорвать, сломать или сказать гадость.

— Надежда! — ледяным голосом произнесла Светлана.

— Ля-ля-ля… — чуть громче произнесла Надя. — А чего я? Ты сама сказала, что папе пить не надо перед полетом. Водку пить вредно, ты сама говорила! У Маши папа пил, пил и ушел из дома…

В ее голосе послышалась тоненькая плаксивая нотка.

— Надежда Антоновна! — совсем уж сурово сказала Светлана. — Взрослые люди имеют право… иногда… выпить рюмку водки. Ты когда-нибудь видела папу пьяным?

— У дяди Толи на дне рождения, — мгновенно ответила Надя.

Светлана очень красноречиво посмотрела на меня. Я виновато развел руками.

— Все равно, — сказала Светлана. — Ты не вправе применять волшебство к маме и папе. Я никогда себе такого не позволяла!

— А папа?

— Папа тоже. И повернись немедленно! Я с твоей спиной разговариваю?

Надя повернулась. Упрямо поджала губки. Задумалась, прижав палец ко лбу. Я едва сдержал улыбку. Маленькие дети обожают копировать такие жесты. И их ничуть не смущает, что, уперев палец в лоб, размышляют только герои мультиков, а не живые люди.

— Ладно, — сказала Надя. — Извините меня, пожалуйста, мама и папа. Я больше не буду. Я все исправлю!

— Не надо исправлять! — воскликнула Светлана.

Но было уже поздно. Вода, которая оказалась в рюмках вместо водки, внезапно превратилась обратно в водку. А может быть, и в спирт.

Прямо у нас в желудках.

Я почувствовал, как в животе будто маленькая бомба взорвалась. Крякнул и стал наворачивать почти остывшую картошку.

— Антон, скажи ты хоть что-нибудь! — воскликнула Светлана.

— Надя, если бы ты была мальчиком, то получила бы сейчас ремешком по попе! — сказал я.

— Как мне повезло, что я девочка, — ничуть не испугавшись, ответила Надюшка. — Па, а что не так? Вы же хотели водки выпить. Вот вы ее выпили. Она уже у вас внутри. Ты же сам говорил, что

водка невкусная, так зачем ее пить ртом?

Мы со Светланой переглянулись.

— Нечем крыть, — резюмировала Светлана. — Пошла я чемодан тебе собирать. Такси вызвать?

Я покачал головой:

— Не надо. Семен подвезет.

Даже поздним вечером кольцевая дорога была забита. Впрочем, Семен этого словно бы и не замечал. И я даже не знал, просчитывал он линии вероятности либо просто вел машину на своих инстинктах водителя со столетним стажем.

— Зазнался ты, Антон, — бурчал он, не отрывая взгляд от дороги. — Нет бы сказать Гесеру — никуда один не полечу, напарник мне нужен, командируй со мной Семена…

— Ну откуда мне было знать, что ты так Шотландию любишь?

— Как откуда? — возмутился Семен. — Я же тебе рассказывал, как мы в войну в Севастополе-то с шотландцами схватились!

— А не с немцами? — неуверенно поправил я.

— Нет, с немцами это потом, — отмахнулся Семен. — Эх, были люди в наше время… пули над головой свищут, ядра летят, у Шестого бастиона рукопашная… а мы как дураки магией друг друга лупим. Два Светлых Иных, только он с англий-

ской армией пришел… Как он мне в плечо-то, Копьем Страдания… А я его Фризом — да и заморозил от пяток до шеи!

Он довольно крякнул.

— И кто победил? — спросил я.

— Ты историю не помнишь, что ли? — возмутился Семен. — Мы, конечно. А Кевина я пленил. Потом к нему в гости ездил. Ну, уже в двадцатом веке… в одна тысяча девятьсот седьмом… или восьмом?

Он рванул руль, обгоняя спортивный «ягуар», и крикнул в открытое окно:

— Сам тормоз и обалдуй! Еще ругаться будет…

— Ему перед девушкой неудобно, — пояснил я, глядя на исчезающий позади «ягуар». — На какой-то старой «Волге» — и так подрезали.

— Перед девушкой не в машине надо похваляться, — мудро изрек Семен, — а в постели. Там последствия ошибки более обидны, но менее трагичны… Эх. Ты это… если туго будет, то звони Гесеру, проси меня на помощь прислать. Завязки как-никак. К Кевину зайдем, посидим, виски выпьем. Из его винокурни, между прочим!

— Хорошо, — пообещал я. — Чуть прижмет — сразу попрошу тебя приехать.

За кольцевой стало спокойнее. Семен поднажал

(никогда не поверю, что под капотом разъездной «Волги» стоит штатный движок ЗМЗ-406), и через пятнадцать минут мы подъезжали к Домодедово.

— Эх, какой сон замечательный мне сегодня снился! — выруливая на стоянку, произнес Семен. — Еду я по Москве, почему-то на раздолбанном фургоне, рядом еще кто-то из наших… И вдруг вижу — на дороге стоит Завулон. Почему-то одет как бомж. Я газую и пытаюсь его задавить! А он — хренась! И барьер ставит! Нас подкидывает в воздух, делаем сальто и перескакиваем через Завулона. Едем дальше.

— Что ж ты не развернулся? — съязвил я.

— Спешили мы куда-то, — вздохнул Семен.

— Пить надо меньше, чтобы такие сны не беспокоили.

— А они меня вовсе не беспокоят, — обиделся Семен. — Наоборот, понравилось. Словно сцена из какой-то параллельной реальности… дьявол!

Он резко затормозил.

— Скорее его полномочный представитель… — сказал я, глядя на шефа Дневного Дозора. Завулон стоял на парковке, именно там, куда собирался вырулить Семен. И приглашающе махал нам рукой. Я сказал: — Может, сон в руку? Попробуешь?

Но Семен не был расположен к экспериментам. Очень плавно подал вперед, Завулон посторонился, дождался, пока мы встали между грязным «жигуленком» и старым «ниссаном», после чего открыл дверь и уселся на заднее сиденье.

Тому, что блокировка двери не сработала, удивляться не приходилось.

— Вечер, дозорные, — негромко сказал Высший Темный.

Мы с Семеном переглянулись. И снова посмотрели на заднее сиденье.

— Скорее уж ночь, — сказал я. Как бы там ни было, пусть Семен и в тысячу раз опытнее, но переговоры придется вести мне. Как старшему по Силе.

— Ночь, — согласился Завулон. — Ваше время. В Эдинбург?

— В Лондон.

— А потом в Эдинбург. Расследовать дело Виктора Прохорова.

Врать не имело смысла. Врать вообще невыгодно.

— Да, разумеется, — сказал я. — Вы против, Темный?

— Я — за, — ответил Завулон. — Я почти всегда «за», как ни странно.

Он был в костюме, при галстуке — только узел распущен и верхняя пуговица на рубашке расстегнута. Сразу видно: человек то ли в бизнесе, то ли на госслужбе… Впрочем, ошибка тут началась бы уже со слова «человек».

— Тогда что вам нужно? — осведомился я.

— Хочу пожелать вам счастливого пути, — невозмутимо сказал Завулон. — И удачи в расследовании убийства.

— Вам-то это зачем? — спросил я после неловкой паузы.

— Леонид Прохоров, отец усопшего, двадцать лет назад был определен как Иной. Сильный Темный Иной. К сожалению, — вздохнул Завулон, — он не захотел проходить инициацию. Остался человеком. Но с нами продолжал поддерживать хорошие отношения, иногда по мелочам помогал. Это не дело, когда сына твоего приятеля убивает какой-то мелкий взбесившийся кровосос. Найди его, Антон, и поджарь на медленном огне.

Семен при моем разговоре с Гесером не присутствовал. Но что-то о Леониде Прохорове знал — судя по тому, как в замешательстве почесывал плохо выбритый подбородок.

— Я и так собираюсь это сделать, — осторожно сказал я. — Вам не о чем беспокоиться, Великий

Темный.

— А вдруг понадобится помощь? — как ни в чем не бывало предположил Завулон. — Ты же не знаешь, с кем столкнешься. Возьми…

В руке Завулона появился амулет — резная фигурка из кости, изображающая оскалившегося волка. От фигурки ощутимо тянуло Силой.

— Это связь, помощь, совет. Все вместе. — Завулон перегнулся через сиденье, жарко дохнул мне в левое ухо: — Бери… дозорный. Спасибо скажешь.

— Не скажу.

— Все равно бери.

Я покачал головой.

Завулон вздохнул:

— Ну хорошо, хорошо, пусть будут эти глупые театральные эффекты… Я, Завулон, клянусь Тьмой, что вручаю свой амулет Антону Городецкому, Светлому магу, не питая никаких злых умыслов, не намереваясь причинить вред его здоровью, душе и сознанию, не требуя ничего взамен. Если Антон Городецкий примет мою помощь, это не накладывает никаких обязательств на него, силы Света и Ночной Дозор. В благодарность за принятие помощи я разрешаю Ночному Дозору Москвы трижды применять светлое маги-

ческое вмешательство до третьего уровня Силы включительно, никакой ответной благодарности не требую и требовать не стану. Тьма будь моим свидетелем!

Рядом с фигуркой волка закружился темный шарик, миниатюрная черная дыра, прямое подтверждение клятвы Изначальной Силой.

— Я бы все-таки не стал… — предостерегающе начал Семен.

И в этот миг в моем кармане звякнул и сам собой включился на громкую связь мобильный телефон. Я никогда не использовал все его многочисленные функции: громкую связь, органайзер, игры, фотоаппарат, калькулятор, радио. Пользовался только встроенным в телефон плеером. Но вот — пригодилась и конференц-связь…

— Возьми, — сказал Гесер. — В этом он не врет. А в чем врет — мы выясним.

Связь прервалась.

Завулон усмехнулся, продолжая протягивать мне фигурку. Я молча сгреб ее с ладони Темного мага и сунул в карман. Мне клясться было не в чем.

— Итак, желаю удачи, — продолжил Завулон. — Да! Если не затруднит — привези мне из Эдинбурга в подарок какой-нибудь магнитик на

холодильник.

— Зачем? — спросил я.

— Я их собираю, — улыбнулся Завулон.

И исчез — рухнул сквозь сумрак на какие-то глубинные слои. Преследовать его, конечно же, мы не стали.

— Позер, — сказал я.

— На холодильник, — пробормотал Семен. — Да уж, представляю, что у него хранится в холодильнике… Магнитик… стрихнина баночку ему привези! Намешай в их шотландский хаггис и привези.

— «Хаггис» — это подгузники такие, — сказал я. — Хорошие, мы их дочке брали.

— Хаггис — это еще и еда. — Семен покачал головой. — Хотя… если по вкусу… наверное, похоже.

Глава 2

В наши дни трудно наслаждаться удовольствием от авиаперелета. Аварии износившихся «Боингов-737» и Ту-154, задумчивые швейцарские диспетчеры и меткие украинские ракетчики, арабские террористы всех мастей — не слишком все это располагает к спокойному времяпрепро-

вождению в комфортабельном кресле. И пусть коньяк из магазина дьюти-фри дешев, стюардесса заботлива, а питание и вино вполне достойны — человеку трудно расслабиться.

К счастью, я не человек. Линии вероятности смотрели Гесер и Светлана. Да и я сам способен прощупать будущее на несколько часов вперед. Долетим, прекрасно долетим, мягко сядем в Хитроу, и пересесть на ближайший самолет до Эдинбурга я успею…

Так что я мог спокойно сидеть в своем кресле бизнес-класса (полагаю, не от неожиданной щедрости шефа, а просто иных билетов не достали), попивать приличное чилийское винцо и сочувственно поглядывать на молодящуюся женщину через проход. Женщине было очень страшно. Периодически она крестилась и беззвучно шептала молитвы.

В конце концов я не выдержал, потянулся к ней через сумрак и слегка погладил по голове. Не руками — сознанием. Коснулся многократно перекрашенных волос той лаской, что свойственна у людей лишь матерям и мгновенно уносит любые тревоги.

Женщина расслабилась и через минуту крепко уснула.

Мужчина средних лет рядом со мной был куда спокойней, да к тому же изрядно навеселе. Он деловито откупорил парочку бутылочек джина, принесенных стюардессой, смешал их с тоником в жестокой пропорции один к одному и выпил — после чего задремал. Выглядел он типичным представителем богемы — в джинсах, хлопковом свитере, с короткой бородкой. Писатель? Музыкант? Режиссер? Кого только не манит город Лондон — от бизнесменов и политиков до богемы и богатых прожигателей жизни…

Можно было и мне расслабиться, посмотреть в иллюминатор на темные просторы Польши и хорошенько подумать.

До появления Завулона все выглядело довольно просто. Мальчик Витя попался голодному или глупому (или и то и другое сразу) вампиру. Погиб. Вампир, утолив голод, сообразил, что именно он натворил, — и затаился. Рано или поздно, действуя старыми проверенными полицейскими методами, Ночной Дозор Эдинбурга проверит всех городских и заезжих кровососов, выяснит наличие или отсутствие алиби, установит наблюдение — и схватит убийцу. Гесер, испытывая какой-то свой комплекс вины перед отцом Виктора, отказавшимся стать Светлым Иным, но

помогавшим Ночному Дозору, решил ускорить это благое дело. А заодно и мне дать возможность заработать опыт.

Логично?

Абсолютно. Никаких странностей.

Потом появляется Завулон.

И наш благородный Леонид Прохоров, неслучившийся Светлый Иной, предстает с другой стороны! Он, оказывается, еще и неслучившийся Темный! Помогал Дневному Дозору, так что и Завулон горит желанием покарать убийцу его сына!

Бывает такое?

Значит, бывает. Значит, человек решил играть на два фронта сразу. Для нас, Иных, невозможно служить сразу Свету и Тьме. Людям проще. Они в большинстве своем именно так и живут.

Тогда… тогда убийство Виктора может быть не случайным. Завулон мог узнать, что Прохоров помогает нашим, — и отомстить, убив его сына. Убив чужими руками, конечно же.

Или наоборот. Как ни печально, но и Гесер мог отдать приказ о ликвидации Виктора. Не в качестве мести, нет, конечно же! Но Великий всегда найдет морально приемлемую форму для оправдания своего желания.

Стоп, но зачем Гесеру посылать меня в Эдинбург? Если он виноват — то должен понимать, что я не стану скрывать его вину!

А если виновен Завулон, то ему еще меньше смысла помогать мне. С Завулоном, несмотря на все его реверансы, я разделаюсь с огромным удовольствием!

Значит, не Великие…

Я сделал маленький глоток вина. Отставил стаканчик.

Великие тут ни при чем, но они подозревают друг друга. И оба рассчитывают на меня. Гесер знает, что я не упущу возможности насолить Завулону. Завулон понимает, что я способен пойти даже против Гесера.

Прекрасно. Лучшего расклада и желать нельзя. Великий Светлый и Великий Темный, да еще и не из последних Великих в мировой борьбе Света и Тьмы, стоят на моей стороне. Я смогу получить от них помощь. Мне поможет и Фома Лермонт, шотландец с фамилией, так приятно звучащей для русского сердца. А значит, вампиру никуда не скрыться.

И это радует. Слишком часто зло остается безнаказанным.

Я встал, осторожно протиснулся мимо своего

соседа в проход. Глянул на табло. Туалет в голове самолета был занят. Конечно, проще всего подождать, но мне хотелось размять ноги. Отодвинув занавеску, отделяющую бизнес-класс от экономического, я двинулся в хвост.

Как говорится в известной иронической присказке, «пассажиры экономического класса прилетают одновременно с пассажирами первого, только гораздо дешевле». Ну, допустим, первого класса на нашем рейсе не имелось, но и бизнес-класс был неплох — хорошие широкие кресла, большие расстояния между рядами. Опять же — стюардессы внимательнее, питание вкуснее, выпивка обильнее.

Впрочем, и пассажиры эконом-класса не унывали. Кто-то спал или дремал, многие читали газеты, книжки, путеводители. Несколько человек работали за ноутбуками, другие играли. Один, очевидно большой оригинал, пилотировал самолет. Как я понял, это был довольно реалистичный флайт-симулятор, а игрок вел из Москвы в Лондон как раз наш «Боинг-767». Возможно, таким любопытным образом он боролся с аэрофобией?

Ну и конечно же, многие пассажиры выпивали. Сколько ни говори, что спиртное в полете особенно вредно, но всегда найдутся любители скрасить

свой путь над облаками.

Я прошел в хвост. Здесь туалеты тоже были заняты, и мне пришлось несколько минут постоять, разглядывая затылки пассажиров. Пышные прически, девичьи хвостики, короткие ежики, блестящие лысины, забавные детские ирокезы. Сотня голов, обдумывающих свои лондонские дела…

Дверца туалета открылась, из кабинки выскользнул молодой парень, протиснулся мимо меня. Я шагнул к туалету.

Остановился.

Обернулся.

Парню было лет двадцать. Широкоплечий, чуть повыше меня ростом. Некоторые юноши начинают резко расти и раздаваться в плечах после восемнадцати. Раньше это списывали на благотворное влияние армии, которая «из мальчика мужчину сделала». На самом деле — просто гормоны, которые в этом организме сыграли именно таким образом.

Банальная физиология.

— Егор? — вопросительно произнес я.

И торопливо посмотрел сквозь сумрак.

Ну да, конечно. Он мог бы надеть железную маску, все равно я бы его узнал. Егор, манок Заву-

лона, перехваченный и ловко использованный Гесером. Когда-то он был уникальным мальчиком с неопределенной аурой[1].

Теперь он вырос и стал молодым мужчиной. С той же самой неопределенной аурой. Прозрачное сияние, обычно бесцветное, но временами окрашивающееся и красным, и синим, и зеленым, и желтым. Словно песок четвертого слоя сумрака… вглядись пристальнее — и ты увидишь все краски мира. Потенциальный Иной, даже во взрослом возрасте способный стать кем угодно. И Светлым, и Темным.

Я же его шесть лет не видел!

Вот это совпадение!

— Антон? — Он был растерян не меньше, чем я.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

— Лечу, — глупо ответил он.

Но я не оплошал, задал вопрос еще более идиотский:

— Куда?

— В Лондон, — сказал Егор.

И вдруг, словно осознав весь юмор нашего диалога, рассмеялся. Так легко и беззаботно, словно

---

[1] Примечания: 1

Эта история описана в первой части книги «Ночной Дозор». — *Примеч. авт.*

не было у него никаких обид на Ночной Дозор, Гесера, меня, всех Иных на свете…

Через секунду мы дружно колотили друг друга в плечи и бормотали всякую ерунду вроде «Вот это да!», «Я как-то недавно вспомнил…», «Не ожидал…». В общем, все как положено для переживших вместе что-то значительное и не слишком приятное, поссорившихся, а потом, за давностью прожитых лет, находящих в воспоминаниях большей частью интересные моменты.

Но при этом все-таки не настолько расположенных друг к другу, чтобы обняться и прослезиться от умиления встречей.

Ближайшие пассажиры на нас оглядывались, но с явной благожелательностью. Случайная встреча давних приятелей в таком неожиданном месте, как самолет, всегда вызывает расположение у зрителей.

— Ты что, специально здесь оказался? — спросил все-таки Егор с ноткой былой подозрительности.

— С дуба рухнул? — возмутился я. — У меня командировка!

— Ух ты. — Он прищурился. — Все там же работаешь?

— Конечно.

На нас уже не обращали внимания. Да и мы растерянно топтались, не зная, о чем говорить дальше.

— Ты, я вижу… не прошел инициацию? — неловко спросил я.

Егор на секунду напрягся, но ответил с улыбкой:

— Да ну вас всех! Чего мне ее проходить? Сам знаешь… седьмой уровень с натяжкой. Ничего хорошего не светит. Не светит и не темнит. Так что я всех послал.

У меня тоскливо заныло в груди.

А вот таких совпадений точно не бывает.

Как и Леонид Прохоров, Егор остался человеком, не пошел в Иные.

Покарай меня Свет, таких совпадений не бывает!

— Куда летишь? — снова спросил я, вызвав у Егора новый взрыв хохота. Наверное, он пользуется репутацией души компании — смеется легко и заразительно. — Нет, я понимаю, что в Лондон. Учиться? Отдыхать?

— Летом в Лондоне отдыхать? — Егор фыркнул. — А почему тогда не в Москве? Что одни каменные джунгли, что другие, все едино… Я на фестиваль.

— На Эдинбургский? — спросил я, зная ответ.

— Да. Я же цирковое училище окончил.

— Чего? — Настала моя очередь вытаращить глаза.

— Я иллюзионист. — Егор усмехнулся.

Вот это номер!

Между прочим, замечательная маскировка для Иного. Даже для неинициированного — все равно мелкие способности, превосходящие человеческие, у него имеются. От фокусников ждут чудес. Они лицензированные человечеством маги и волшебники.

— Здорово! — искренне сказал я.

— Жалко, что ты в Лондон, — вздохнул Егор. — Я бы тебя провел на выступление.

И вот тут я сделал глупость. Сказал:

— Я не в Лондон, Егор. Я тоже в Эдинбург.

Редко увидишь, как с лица так быстро спадает радость, чтобы смениться неприязнью и даже презрением.

— Понятно. Зачем я вам снова понадобился?

— Егор, ты… — Я запнулся.

У меня хватит духу сказать, что он ни при чем?

Нет.

Потому что я и сам в это не верю.

— Понятно, — повторил Егор. Развернулся и

пошел в середину салона. Мне ничего не оставалось, кроме как войти в кабинку и закрыть за собой дверь.

Пахло табаком. Несмотря на все запреты, курящие пассажиры дымят в туалетных кабинках. Я посмотрел в зеркало — мятое лицо недоспавшего человека. Пускай даже я много больше и много меньше, чем человек… Захотелось побиться лбом о зеркало, что я и сделал, шепча одними губами: «Идиот, идиот, идиот…»

Расслабился. Поверил, что предстоит банальная командировка.

Разве такое возможно, когда тебя отправил в путь лично Гесер?

Ополоснув лицо холодной водой, я постоял немного, зло глядя на свое отражение. Потом все-таки отлил, нажал ногой на педаль, пуская в стальной унитаз синенькую дезинфицирующую жидкость, вымыл руки и еще раз ополоснул лицо.

Чья эта операция? Гесера или Завулона?

Кто отправил одной дорогой со мной Егора, мальчика, не ставшего Иным? Зачем?

Чья игра, каковы правила и, самое главное, сколько фигур окажется на доске?

Я достал из кармана подарок Завулона. Кость

была матово-желтой, но почему-то я знал, что резчик изобразил черного волка. Матерого черного волчару, запрокинувшего голову в тоскливом призывном вое.

Связь, помощь, совет…

Статуэтка казалась самой обычной, в сувенирных киосках таких сотни и тысячи, разве что из пластика, не из кости. Но я чувствовал магию, что пронизывала фигурку. Мне надо сжать ее в руке… и захотеть. Только и всего.

Нужна ли мне помощь Темных?

Подавив искушение отправить фигурку в унитаз, я вернул ее в карман.

Нет зрителей, чтобы оценить патетичный жест.

Порывшись в кармане, я нашел пачку сигарет. Я курю не так часто, чтобы страдать в четырехчасовом перелете, но сейчас мне хотелось отдаться простым человеческим слабостям. Это свойственно всем Иным — чем старше мы становимся, тем больше мелких дурных привычек приобретаем. Будто цепляемся за малейшие проявления своей природы — а нет якоря надежнее, чем порок.

Впрочем, обнаружив, что зажигалка осталась в кармане пиджака, я без малейших колебаний разжег между большим и указательным паль-

цами дугу высокотемпературного разряда — и прикурил от магического огня.

Начинающие Иные пробуют все делать с помощью магии.

Они бреются Хрустальным Клинком, пока не отхватывают себе полщеки или мочку уха. Греют обед файерболами, разбрызгивая суп по стенам и отскребая котлеты с потолка. Проверяют линии вероятности, прежде чем сесть в тихоходный троллейбус.

Им нравится сам процесс применения магии. Если бы они сумели, то подтирались бы с ее помощью.

Потом Иные взрослеют, умнеют и начинают жадничать. Они понимают, что энергия всегда остается энергией и правильнее встать с кресла и подойти к выключателю, чем тянуться до кнопки чистым потоком Силы, что электричество разогреет бифштекс куда лучше, чем магический огонь, а царапину лучше залепить пластырем, приберегая Авиценну для серьезных ранений.

А дальше, конечно, если Иной не обречен остаться на самых низких уровнях Силы, приходит настоящее умение. И ты уже не обращаешь внимания, как прикурить сигарету — газом или магией.

Я выпустил струйку дыма.

Гесер?

Завулон?

Ладно, гадать бессмысленно. Надо крепко-накрепко запомнить, что все будет куда сложнее, чем казалось вначале. И отправляться в свое кресло — скоро посадка.

Над Ла-Маншем нас, как положено, помотало в воздухе. Но сели мягко, обычный паспортный контроль прошли вмиг. Остальные пассажиры двинулись за багажом (кроме неинициированного Егора, в самолете не было ни одного Иного), а я, чуть отстав, нашел на полу свою тень. Вгляделся в серый силуэт, заставляя его обрести объем, подняться мне навстречу. Шагнул в свою тень — и вошел в сумрак.

Здесь все было почти таким же. Стены, окна, двери. Только все серое, выцветшее. Медленными тенями плыли в реальном мире обычные люди. Сами не зная почему, они старательно огибали ничем с виду не примечательный участок коридора, да еще и ускоряли шаг.

К стойке таможенного поста Иных лучше всего было подходить в сумраке, чтобы не нервировать людей. Над ней раскинуто несложное заклятие, Круг Невнимания, и люди очень стараются ее не

видеть. Но меня, разговаривающего с пустотой, могут и зафиксировать.

Поэтому я прошел к стойке в сумраке, а лишь потом, уже под защитой заклятия, вышел в реальный мир.

Таможенников было двое — Светлый и Темный. Как положено.

Контроль Иных при пересечении границы — вещь, на мой взгляд, не очень-то разумная. Вампиры и оборотни обязаны регистрироваться в местном отделении Дозора, если остаются в городе на ночь. Мотивируется это тем, что низшие Темные слишком часто поддаются животной стороне своей натуры. Так-то оно так, но любой маг, что Темный, что Светлый, способен такого натворить — вампир от ужаса в гроб залезет. Ну ладно, все равно, допустим, есть такая традиция, и отменять ее нигде не хотят… несмотря на протесты со стороны вампиров и оборотней. Но какой смысл контролировать перемещения Иных из страны в страну? Это для людей имеет значение — незаконная миграция, контрабанда, наркотики… шпионы, в конце-то концов. Хотя вот уже полсотни лет шпионы не идут через контрольно-следовые полосы, привязав к ногам лосиные копыта, и не выпрыгивают в ночи с

парашютом над вражеской территорией. Уважающий себя шпион прилетает на самолете и селится в хорошей гостинице. А что касается Иных — то никаких ограничений в миграции у нас нет, а гражданство любой страны даже слабый маг получит без всякой проблемы. Ну зачем эта нелепая стойка?

Вероятно, для Инквизиции. Формально таможенные посты принадлежат местным Дозорам, Ночному и Дневному. Но еще один доклад каждый день уходит в Инквизицию. И вот там, наверное, его изучают более внимательно.

Делают выводы.

— Доброй ночи. Меня зовут Антон Городецкий, — сказал я, останавливаясь перед стойкой. Документы у нас не в ходу, и то хорошо. Все ходят слухи, что не то магическую метку на каждого начнут ставить, как сейчас на вампиров, не то в обычных человеческих паспортах сделают невидимую для людей запись.

Но пока обходимся без бюрократии.

— Светлый, — утвердительно произнес Темный маг. Слабенький маг, не выше шестого уровня. И очень чахлый физически: узкоплечий, худой, невысокий, бледный, с реденькими светлыми волосенками.

— Светлый, — сказал я.

Мой собрат из лондонского Ночного Дозора оказался жизнерадостным толстым негром. Единственное сходство с напарником — тоже молодой и тоже слабый, седьмой-шестой уровень.

— Привет, брат! — радостно сказал он. — Антон Городецкий? Служишь?

— Ночной Дозор, Россия, город Москва.

— Уровень?

Я вдруг сообразил, что они не могут прочесть мою ауру. До четвертого или пятого уровня Силы — прочитали бы. А выше для них все сливается в сплошное свечение.

— Высший.

Темный немного подтянулся. Они, конечно, эгоисты и индивидуалисты. Но зато и перед вышестоящими преклоняются.

Светлый широко открыл глаза и сказал:

— О! Высший! Надолго?

— Проездом. В Эдинбург. Через три часа улетаю.

— Отдых? Или по делу?

— Командировка, — ответил я без уточнений.

Светлые, конечно, либеральны и демократичны. Но при этом Высших уважают.

— В сумрак вошли там? — Темный кивнул в

сторону человеческой таможни.

— Да. На камерах слежения не останусь?

Темный покачал головой:

— Нет, тут все нами контролируется. А вот в городе рекомендуем быть осторожнее. Камер много. Очень много. Периодически люди замечают, как мы исчезаем и появляемся, приходится заметать следы.

— Я даже из аэропорта не выйду.

— В Эдинбурге камеры тоже есть, — вмешался Светлый. — Меньше, но все же… У вас есть координаты эдинбургского Дозора?

Он не стал уточнять, что речь идет о Ночном Дозоре. И так понятно.

— Есть, — сказал я.

— У меня хороший друг держит маленькую семейную гостиницу в Эдинбурге, — опять вступил в разговор Темный. — Уже двести с лишним лет. Рядом с замком, на «Королевской миле». Если вас не смутит, что он вампир…

Да что ж это такое, сплошные вампиры вокруг!

— …то вот визитка. Очень хорошая гостиница. Дружественная к Иным.

— Я отношусь к вампирам без всякого предубеждения, — заверил его я, принимая картонный прямоугольник. — Среди моих друзей были вам-

пиры.

И одного друга-вампира я отправил на смерть…

— В секторе «В» есть хороший ресторан, — опять вмешался Светлый.

Они так искренне были настроены мне помочь, что я не знал, как и миновать этот кордон сплошного дружелюбия и благожелательности. К счастью, приземлился какой-то самолет — и за мной замаячили еще несколько Иных. Непрерывно улыбаясь, к чему мимическая мускулатура русского человека плохо приспособлена, я отправился за своим чемоданом.

В ресторан я не пошел, есть мне не хотелось совершенно. Побродил немного по аэропорту, выпил чашку двойного эспрессо, подремал на кресле в зале ожидания — и, позевывая, прошел в самолет. Как и следовало ожидать, Егор летел тем же рейсом. Но теперь мы демонстративно не замечали друг друга. Точнее, он меня демонстративно не замечал, а я с общением не навязывался.

Еще через час мы приземлились в аэропорту Эдинбурга.

Время близилось к полудню, когда я сел в такси — замечательно удобное английское такси, по

которым начинаешь тосковать, едва покидаешь Великобританию. Поздоровался с водителем и, повинуясь внезапному порыву, протянул визитку «дружественной гостиницы». У меня было забронировано место в обычном человеческом отеле. Но возможность поговорить с одним из старейших шотландских вампиров (двести лет — не шутка даже для них) в неформальной обстановке была слишком уж соблазнительной.

Отель и впрямь был в историческом центре города, на холме, поблизости от королевского дворца. Я опустил стекло и с любопытством человека, впервые выбравшегося в новую и интересную страну, глазел по сторонам.

Эдинбург впечатлял. Можно, конечно, сказать, что так впечатляет любой старинный город, по которому не прокатился шестьдесят лет назад огненный каток мировой войны, стирая в прах древние соборы, замки, дома и домишки. Но тут было что-то особенное. Может быть, сам королевский замок, так удачно стоящий на горе и венчающий город каменной короной. Может быть, обилие людей на улицах — праздношатающихся, увешанных камерами, заглядывающихся то на витрины, то на памятники туристов. Ведь короля всегда делает свита. Может быть, кружево

улиц со старинными домами и булыжной мостовой, вольно раскинувшихся вокруг замка.

Королю, даже с самой красивой короной на голове, нужно еще и достойное облачение. Голого короля из сказки Андерсена не спасли сверкающие на голове бриллианты.

Такси остановилось у четырехэтажного каменного дома, узкий фасад которого был зажат между двумя магазинами, полными посетителей. В витринах висели разноцветные килты и шарфы, стояли неизбежные бутылки виски. Ну а что еще отсюда везти? Из России — водку и матрешки, из Греции — узо и расшитые скатерти, из Шотландии — виски и шарфы.

Я выбрался из такси, принял из рук водителя чемодан, расплатился. Посмотрел на здание. Вывеска над входом в отель гласила: «Highlander Blood».

Да. Наглый вампир.

Морщась от яркого солнца, я подошел к дверям. Становилось жарко. Легенда о том, что вампиры не переносят солнечного света, не более чем легенда. Переносят, солнце им всего лишь неприятно. А вот в такие жаркие летние дни я их даже в чем-то понимаю.

Дверь передо мной не спешила открыться, ав-

томатику в отеле явно недолюбливали. Так что я толкнул ее рукой и вошел.

Ну, хотя бы кондиционер здесь был. Вряд ли эта прохлада осталась с ночи, несмотря на толстые каменные стены.

Маленький вестибюль был полутемным и, может быть, именно поэтому очень уютным. За стойкой я увидел немолодого, очень представительного господина. Хороший костюм, галстук с заколкой, рубашка с серебряными запонками в виде цветка чертополоха. Лицо полное, усатое, краснощекое — кровь с молоком… Впрочем, аура сомнений не вызывала — человек.

— Добрый день. — Я подошел к стойке. — Мне рекомендовали вашу гостиницу… Я бы хотел снять номер на одного.

— На одного человека? — с милейшей улыбкой спросил господин.

— На одного, — повторил я.

— Очень плохо с номерами, фестиваль… — Господин вздохнул. — Вы ведь не бронировали?

— Нет.

Он снова горестно вздохнул, стал пролистывать какие-то бумаги — будто в этой маленькой семейной гостинице было столько номеров, что он не мог запомнить, есть ли свободные. Не поднимая

глаз, спросил:

— А кто рекомендовал нас?

— Темный на контроле в Хитроу.

— Полагаю, мы сумеем вам помочь, — без всякого удивления ответил мужчина. — Какой номер предпочтете? Светлый, темный? Если вы… э… с собачкой — есть очень удобный номер, из которого даже самый большой пес сможет сам выходить… и входить обратно… никого не беспокоя.

— Мне нужен светлый номер, — сказал я.

— Дай ему люкс на четвертом, Эндрю, — раздалось из-за спины. — Это высокий гость. Очень высокий.

Взяв у портье возникший как по волшебству ключ (нет, никакого волшебства, только ловкость рук), я повернулся.

— Я сам вас провожу, — сказал светловолосый юноша, стоящий у сигаретного автомата рядом с дверьми, ведущими в маленький гостиничный ресторанчик. Очень часто в таких гостиницах обходятся вообще без ресторана, завтрак подают в номера, но у здешних постояльцев слишком экзотические вкусы.

— Антон, — представился я, разглядывая владельца гостиницы. — Антон Городецкий, Москва. Ночной Дозор.

— Брюс, — сказал юноша. — Брюс Рамзей, Эдинбург. Владелец этого заведения.

Выглядел он так, что ему было бы впору играть Дориана Грея в экранизации Уайльда. Молодой, грациозный и до неприличия свеженький красавчик, которому пошел бы значок с надписью «К разврату готов!».

Вот только глаза у него были старые. Серые, выцветшие, с равномерно розовым белком глаза двухсотлетнего вампира.

Подхватив мой чемодан — я не стал спорить, — юноша начал подниматься по узкой деревянной лестнице, говоря на ходу:

— К сожалению, у нас нет лифта. Старое здание и слишком маленькое, чтобы прорубать в нем шахту. К тому же я не привык к лифтам. Мне кажется, что механическое чудище обезобразит этот чудесный дом. Ненавижу эти реконструированные дома, старые фасады, за которыми прячутся скучные типовые квартиры. Да у нас и нечасто появляются посетители, которым трудно подняться по лестнице… разве что оборотни не любят крутые ступеньки, но их мы стараемся селить на первом этаже — там есть специальный номер — или на втором… каким ветром вас занесло в наш тихий город, Высший Светлый?

Он и сам был не прост. Вампир первого уровня Силы — не совсем магической, не такой, как у меня, а вампирской. Но все-таки его смело можно было назвать Иным первого уровня.

— Происшествие в «Подземельях», — сказал я.

— Так и предполагал. — Размашисто перешагивая сразу через две ступеньки, юноша шел впереди. — Крайне неприятное происшествие. Я оценил юмор ситуации, да… Но это нехорошо. Сейчас не те времена, когда можно было подойти к симпатичному человеку и выпить его досуха. Совсем не те!

— Скучаете по прошлому? — не выдержал я.

— Иногда, — сказал юноша. Засмеялся: — Но в каждом возрасте и каждом времени есть свои преимущества, верно? Цивилизуются люди, перестают охотиться за ведьмами и верить в вампиров. Цивилизуемся и мы. Нельзя подходить к человеку, будто к бесправному скоту. Люди заслуживают право на уважительное отношение, хотя бы как наши предки. Надо чтить предков, верно?

К сожалению, я не нашел, с чем тут можно спорить.

— Номер хороший, вам понравится, — продолжал вампир, выходя на площадку четвертого этажа. Тут было всего две двери. Лестница про-

должалась дальше, в мансарду. — Справа — люкс для Темных, тоже крайне симпатичный, я обставлял его на свой вкус и горжусь дизайном. А это ваш номер.

Ему ключ не понадобился — он мягко похлопал ладонью по замку, и дверь открылась. Мелкое позерство, даже странное для древнего вампира.

— У нас есть очень хороший дизайнер-самоучка, Светлый Иной. У него только шестой уровень, но для этой работы магия не нужна, — продолжил Брюс. — Я его попросил, он оформил три номера по вкусу Светлых. В большинстве, конечно же, интерьер более своеобразный, вы понимаете…

Я вошел в номер. И застыл в остолбенении.

Никогда не думал, что у меня такой вкус.

Все вокруг было белое, бежевое, розовое. Паркет из светлого, выбеленного дерева, стены обиты бежевыми обоями с бледно-розовыми цветами, мебель старомодная, но тоже из светлого дерева и снежно-белого атласа. Большой диван у стены — кожаный. Уточнять цвет? Белый, конечно же. Хрустальная люстра под потолком. На окнах — прозрачный тюль и шторы из светло-розовой ткани.

Как же тут солнце жарит по утрам…

Одна дверь вела в маленькую спальню. Уют-

ную, с двуспальной кроватью. Постельное белье — шелковое, розовое. На туалетном столике — вазочка, в ней свежая алая роза, единственный яркий мазок на весь номер. За другой дверью оказался санузел, крошечный, но оборудованный каким-то высокотехнологическим гибридом гидромассажной ванны и душевой кабины.

— Пошловато и не отвечает стилю, — вздохнул за моей спиной Брюс. — Но многим нравится.

Лицо его, отражающееся в зеркале, было слегка огорченным. Видимо, ему очень не нравилась идея с установкой в гостинице этого сантехнического чуда.

Не оборачиваясь, я кивнул вампиру. То, что кровососы не отражаются в зеркалах, — это такая же ложь, как и полная непереносимость солнечного света и страх перед чесноком, серебром, осиной. Напротив, в зеркалах они отражаются, даже когда отводят человеку глаза.

А вот если при разговоре на них не смотрят, более того — безбоязненно поворачиваются спиной, это их крайне нервирует. У вампиров очень много приемов, для которых надо встретиться с противником прямым взглядом.

— С удовольствием вымоюсь, — сказал я. — Но попозже. У вас не найдется для меня десяти ми-

нут, Брюс?

— Вы с официальным визитом в Эдинбурге, Светлый?

— Нет.

— Тогда, конечно же, найдется. — Вампир расплылся в улыбке. Уселся в одно из кресел.

Я занял место напротив. Выдавил ответную улыбку, глядя юноше на подбородок.

— Так что вы скажете о номере? — поинтересовался Брюс.

— Мне кажется, он понравился бы невинной девушке семнадцати лет, — честно ответил я. — Только еще нужен белый котенок.

— Если пожелаете — организуем и то и другое, — любезно предложил вампир.

Что ж, светскую часть беседы можно считать оконченной.

— Я прибыл в Эдинбург неофициально, — повторил я. — Но одновременно — по просьбе руководства Ночного… и Дневного Дозоров Москвы.

— Как необычно… — тихо сказал юноша. — Уважаемый Гесер и досточтимый Завулон отправляют одного и того же гонца… к тому же — Высшего мага… к тому же — по такому мелкому поводу. Что ж, я буду рад помочь.

— Лично вас беспокоит случившееся? — в лоб спросил я.

— Конечно. Я ведь уже высказал свое мнение. — Брюс нахмурился. — Мы не в Средневековье живем. Мы граждане Европы, на дворе двадцать первый век. Надо ломать старые модели поведения… — Он вздохнул, покосился на дверь в ванную. — Нельзя мыться из тазика и ходить в деревянный сортир, если придуманы водопровод и канализация. Даже если тазик привычнее и милее… У нас, знаете ли, последнее время растет движение за гуманное отношение к людям. Без лицензии кровь никто не пьет. Да и с лицензией стараются не насмерть… детей до двенадцати лет почти не пьют, даже если жребий выпадет.

— А почему до двенадцати?

Брюс пожал плечами.

— Так исторически сложилось. В Германии, к примеру, знаете какое самое страшное преступление? Убийство ребенка до двенадцати лет. Если двенадцать исполнилось, ну, хоть бы вчера, то уже совершенно другие статьи и другие сроки… Ну так вот, у нас сейчас принято не трогать молодняк. Сейчас пробиваем закон, чтобы детей вообще вывести из лотереи.

— Очень трогательно, — пробормотал я. — А

почему же парня схарчили без лицензии?

Брюс задумался.

— Вы знаете, я могу лишь строить предположения…

— Как раз они меня и интересуют.

Брюс еще помедлил, потом широко улыбнулся:

— Да что тут рассуждать? У кого-то из молодых крыша поехала. Скорее всего девка молодая, вампиром стала недавно, понравился ей парень… а тут еще обстановка такая волнующая, в духе старых преданий… не удержалась.

— Думаете, что женщина?

— Может, и парень. Если гей. Оно не то чтобы напрямую завязано. — Брюс смущенно опустил глаза. — Но всегда приятнее… физиологичнее как-то, естественнее…

— А второй вариант? — с трудом удержавшись от комментариев, спросил я.

— Гастролер. Какой-нибудь турист. Знаете, после Второй мировой войны все так перемешалось, все стали ездить туда-сюда… — Он неодобрительно покачал головой. — Некоторые безответственные личности стали этим пользоваться.

— Брюс, я не хотел бы тревожить ваши Дозоры, — сказал я. — Еще сочтут, чего доброго, будто

московские коллеги сомневаются в их профессионализме. Может быть, вы подскажете, кто у вас в городе главный вампир? Старший, Великий… как вы его называете?

— Я — никак. — Брюс широко улыбнулся. И демонстративно неторопливо шевельнул клыками — выпустил из верхней челюсти два длинных острых зуба, потом втянул обратно. — А вот меня называют Мастером. Мне не очень нравится слово, оно из глупых книжек и фильмов. Но если им так хочется — пускай зовут.

— Для Мастера вы все-таки молоды, — сказал я с легким удивлением. — Всего двести лет.

— Двести двадцать восемь лет, три месяца и одиннадцать дней, — уточнил Брюс. — Да, я молод. Но это же Шотландия. Вы бы знали, какой подозрительный, упрямый, заскорузлый в своих суевериях народ эти горцы! В пору моей юности не проходило и года, чтобы кого-нибудь из нас не забивали осиновыми кольями.

Возможно, что мне показалось, но в голосе Брюса мелькнула отчетливая гордость за земляков.

— Вы мне поможете, Мастер? — спросил я.

Брюс покачал головой:

— Нет. Конечно же, нет! Если мы выясним, кто убил русского парня, мы его накажем. Сами. Не

упокоим, но накажем строго. Дозорам его никто не выдаст.

Ну разумеется. Ничего иного не стоило и ожидать.

— Бесполезно спрашивать: «А вдруг вы его уже нашли и наказали»? — спросил я.

— Бесполезно, — со вздохом ответил Брюс.

— Так что мне, суетиться, искать преступника? — нарочито жалобно произнес я. — Или просто отдохнуть в вашем чудесном городе?

В голосе Брюса прорезалась ирония:

— Как Темный я не могу сказать вам ничего иного, кроме как «отдыхайте!». Расслабьтесь, осмотрите музеи, погуляйте вволю. Кому теперь важен этот дохлый студент?

И тут я почувствовал, что больше сдерживаться не хочу. Посмотрел Брюсу в глаза. В черные дыры зрачков, радостно полыхнувших алым. Спросил:

— А если я сломаю тебя, дохлый кровосос? Сломаю, выпотрошу и заставлю ответить на все вопросы?

— Давай, — нежным, почти ласковым голоском ответил Брюс. — Попробуй, Высший. Думаешь, мы не знаем про тебя? Думаешь, мы не знаем, откуда твоя Сила?

Глаза в глаза.

Зрачки в зрачки.

Черный пульсирующий тоннель, влекущий меня в пустоту. Водоворот красных искр чужой, похищенной жизни. Манящий шепот в ушах. Одухотворенное, возвышенное, неземной красоты лицо юноши-вампира.

Упасть к его ногам…

Плакать от восторга и восхищения — этой красотой, мудростью, волей…

Молить о прощении…

Он был очень силен. Все-таки двести лет опыта, помноженные на первый уровень вампирской Силы.

И я почувствовал его мощь в полной мере. Встал на негнущихся, чужих ногах. Сделал неуверенный шаг.

Брюс улыбнулся.

Точно так же улыбались восемь лет назад вампиры в московской подворотне, куда я вбежал вслед за беспомощным, поддавшимся зову Егором…

Я вложил в ментальную атаку столько Силы, что потрать я ее на файербол — огненный шар пронзил бы десятка три домов и ударил в крепостную стену древнего шотландского замка.

Зрачки Брюса побелели, выцвели. Манящий

черный тоннель выжгло белым сиянием. Передо мной, покачиваясь вперед-назад, сидел ссохшийся старик с молодым лицом. Впрочем, кожа на лице стала шелушиться, отслаиваться крошечными чешуйками, будто перхотью.

— Кто убил Виктора? — спросил я. Сила продолжала течь сквозь меня тонким ручейком, вилась гибкой удавкой, продернутой в глаза вампира.

Он молчал, лишь продолжал качаться в кресле. Уж не выжег ли я ему мозги… или что там у него вместо мозгов? Хорошее начало неофициального расследования!

— Ты знаешь, кто убил Виктора? — переформулировал я вопрос.

— Нет, — тихо ответил Брюс.

— У тебя есть какие-то догадки по этому поводу?

— Да… две. Молодой… молодая не удержалась… Гастролер… заезжий вампир…

— Что еще ты знаешь об этом убийстве?

Молчание. Словно он собирается с мыслями, прежде чем начать долгую речь.

— Что еще ты знаешь такого, что неизвестно сотрудникам городских Дозоров?

— Ничего…

Я остановил поток Силы. Опустился в кресло.

Что же теперь делать? А если он заявит жалобу в Дневной Дозор? Неспровоцированное нападение, допрос…

С минуту Брюс все так же качался в кресле. Потом вздрогнул, и взгляд его стал осмысленным.

Осмысленным и жалким.

— Прошу прощения, Светлый, — тихо сказал он. — Я приношу свои извинения.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять.

Мастер вампиров — это не просто самый сильный, ловкий, умный кровосос. Это еще и тот, кто ни разу не терпел поражения.

Для меня жалоба Брюса обернется большими неприятностями. Но для него — потерей статуса.

А этот вежливый древний юноша очень честолюбив.

— Принимаю твои извинения, Мастер, — ответил я. — Пусть случившееся останется между нами.

Брюс облизнул губы. Его лицо розовело, приобретая прежнюю миловидность. Голос чуть окреп — он тоже понял, что не в моих интересах обнародовать случившееся.

— Но я бы попросил, — в последнем слове был и нажим, и ядовитая ненависть, — не повторять

больше подобных атак, Светлый. Агрессия не была спровоцирована.

— Ты вызвал меня на поединок.

— Де-юре — нет, — быстро ответил Брюс. — Ритуал вызова не соблюден.

— Де-факто — да. Станем тревожить Инквизицию?

Он моргнул. И снова стал прежним гостеприимным хозяином.

— Хорошо, Светлый. Кто старое помянет…

Брюс поднялся — его чуть качнуло. Прошел к двери. За порогом повернулся и с видимым неудовольствием произнес:

— Мой дом — твой дом. Этот номер — твое жилье, я не войду без спроса.

А вот эта древняя легенда, как ни странно, правдива. Вампиры не могут войти в чужой дом без приглашения. Никто не знает, почему это так.

Дверь за Брюсом закрылась. Я отпустил подлокотники кресла — на белом атласе остались мокрые отпечатки ладоней. Темные отпечатки.

Плохо, когда ночь не спишь. Нервы начинают шалить.

Но зато я твердо знаю, что у Мастера вампиров Эдинбурга нет никакой информации об убийце.

Я распаковал чемодан. Повесил на плечики

светлый льняной костюм, пару свежих рубашек. Посмотрел в окно. Покачал головой. Достал шорты и футболку с надписью «Ночной Дозор». Хулиганство, конечно, но мало ли странных надписей на футболках?

Потом мое внимание привлек витиеватый, каллиграфический текст в рамочке на стене. Я уже заметил одну такую рамочку внизу и одну на лестнице — по всей гостинице, что ли, развешаны? Подошел поближе и с удивлением прочитал:

By oppression's woes and pains,
By your sons in servile chains,
We will drain our dearest veins
But they shall be free![2]

— Ай да сукин сын! — сказал я. Почти с восхищением. И ведь даже люди, останавливающиеся в гостинице, ничего дурного бы не заподозрили!

Бесспорно, у Брюса было такое же чувство юмора, как и у вампира, высосавшего жертву

---

[2] Примечания: 2
Бой идет у наших стен.
Ждет ли нас позорный плен?
Лучше кровь из наших вен
Отдадим народу.
Роберт Бернс. *Перевод С. Я. Маршака.*

в аттракционе «Замок вампиров». Прекрасный кандидат на роль убийцы.

Одна беда — под таким ударом, который он получил, врать Брюс попросту не мог.

Глава 3

Туристы — это самая ужасная порода людей. Иногда возникает смутное подозрение, что любой народ за пределы страны старается отправить самых неприятных своих представителей — самых шумных, самых невоспитанных, самых бестолковых. Но, наверное, все проще. Наверное, в голове у каждого человека срабатывает секретный переключатель «работа-отдых» и отключает процентов восемьдесят мозгов.

Впрочем, на отдыхе и оставшихся двадцати более чем достаточно.

Я шел в толпе, которая медленно продвигалась к замку на холме. Нет, я не собирался сейчас изучать суровое обиталище гордых шотландских королей. Хотелось почувствовать атмосферу города.

Атмосфера мне нравилась. Как и в любом туристическом месте, веселье было отчасти наигранным, горячечным, подстегнутым алкого-

лем. И все-таки люди вокруг радовались жизни, улыбались друг другу и на время отринули свои заботы.

Машины сюда заезжали редко, большей частью такси. В основном люди шли пешком — текущие к замку и обратно потоки смешивались, вращались тихими омутами вокруг выступающих посреди улицы артистов, тонкими ручейками втекали в пабы, просачивались в двери магазинов. Бесконечная человеческая река.

Прекрасное место для Светлого Иного. Хотя и утомительное.

Свернув в переулок, я неторопливо спустился вниз, к разделяющему город на старую и новую части оврагу. Тут тоже попадались и пабы, и сувенирные лавки. Но туристов было меньше, ритм безудержного карнавала стих. Я сверился с картой — это было проще, чем использовать магию, — и двинулся к мосту через широченный овраг, когда-то бывший озером Лох-Нор. Теперь озеро-овраг прошло последний этап эволюции и превратилось в парк, место прогулок горожан и тех туристов, кому надоели шум и суета.

На мосту снова клубились туристы. Оккупировали двухэтажные экскурсионные автобусы, наблюдали за уличными артистами, ели моро-

женое, задумчиво разглядывая старый замок на холме.

А на лужайке плясали, размахивая саблями, казаки.

Повинуясь тому стыдливому любопытству, с которым праздношатающийся турист смотрит за рубежом на работающих соотечественников, я подошел ближе.

Ярко-красные рубахи. Широченные шаровары. Сабли из титанового сплава — чтобы красиво искрили при фехтовании и размахивать было легче. Застывшие улыбки.

Четверо мужиков отплясывали вприсядку.

И разговаривали — хоть и с украинским акцентом, но на исконно русском языке. Можно даже сказать — на секретном языке. В более цензурном варианте это звучало бы так.

— Мать твою! — цедил сквозь зубы бодро приплясывающий бутафорский казак. — Шевелись, тля! Ритм держи, презерватив рваный!

— Пошел ты! — не переставая улыбаться, отвечал ему второй ряженый. — Не трынди, маши руками, бабло уходит!

— Танька, сука! — подхватывал третий. — Выходи!

Девушка в цветастом платье принялась пля-

сать, давая «казакам» короткую передышку. Но все-таки успела ответить достойно и без матюков:

— Козлы, я вся взмокла, а вы яйца чешете!

Я стал выбираться из жужжащей камерами и щелкающей фотоаппаратами толпы. Рядом со мной какая-то девушка отчетливо спросила по-русски своего спутника:

— Кошмар какой… они всегда так матерятся, как ты думаешь?

Да, интересный вопрос. Всегда? Или только за рубежом? Все? Или только наши? В той наивной и странной вере, что вне России никто не знает русского?

Лучше я буду думать, что так общаются все уличные артисты.

Автобусы.

Туристы.

Пабы.

Магазины.

В сквере блуждает мим, ощупывая несуществующие стены, — грустный человек в невидимом лабиринте.

Играет на саксофоне невозмутимый негр в килте.

Я понимал, почему не спешу в «Подземелья

Шотландии». Я должен вдохнуть в себя этот город. Почувствовать его — кожей, телом… кровью в венах.

Я поброжу в толпе еще немного. А потом куплю билет и пойду в комнату страха.

Аттракцион не работал. На каменных опорах моста осталась огромная зазывная вывеска. Стилизованная под «вход в древнее подземелье» двустворчатая дверь была открыта, но проем на уровне груди перетянут веревочкой. На ней висела табличка, вежливо извещающая, что аттракцион закрыт по техническим причинам.

Честно говоря, я был удивлен. Виктор погиб пять дней назад. Достаточный срок, чтобы провести любое полицейское расследование. Ночной Дозор Эдинбурга осмотрел бы все, что требуется, вообще не оповещая людей.

Но — закрыто…

Пожав плечами, я приподнял веревочку, нырнул под нее, стал спускаться по узкой темной лестнице. Металлические решетчатые ступени гулко отдавали под ногами. На пару пролетов вниз обнаружились туалеты, потом узкий коридорчик с закрытыми кассами. Горели редкие лампы, но, вероятно, не те, которые создают мрачную атмосферу для посетителей. Обычные

тусклые энергосберегающие лампы.

— Есть кто живой? — позвал я по-английски и сам поразился двусмысленности своих слов. — Эй… есть кто… Иной?

Тишина.

Я прошел несколько комнат. На стенах висели портреты людей со зверскими рожами, душевно порадовавшие бы Ломброзо. Тексты в рамочках повествовали о преступниках, маньяках, людоедах, чернокнижниках. В шкафчиках — грубые муляжи отрубленных рук и ног, колбы с темными жидкостями, орудия пыток. Из интереса я посмотрел на них сквозь сумрак. Новодел — ими никого не пытали, ни малейших остаточных следов страдания.

Я зевнул.

Над головой были натянуты веревки, долженствующие изображать паутину, на них болтались тряпки, еще выше угадывался металлический потолок с неромантичными заклепками размером с блюдце. Под аттракцион приспособили сугубо утилитарное, техническое помещение.

Что-то меня тревожило…

— Есть тут кто? Кто живой, кто мертвый, все отзывайтесь! — снова позвал я. Снова не дождался ответа. Нет, что же все-таки меня смутило? Толь-

ко что… какая-то неправильность… вот когда я через сумрак смотрел…

Я снова огляделся, используя сумеречное зрение.

Все верно! Вот она, несуразность!

Вокруг не было синего мха — безобидного, но неприятного паразита. Он растет на первом слое сумрака, единственный постоянный обитатель этой серой изнанки мироздания. Здесь, где люди постоянно испытывали страх, пусть даже и несерьезный, ярмарочный, синий мох должен был разрастись вовсю. Свисать с потолка мохнатыми сталактитами, устилать пол отвратительным шевелящимся ковром, разукрасить стены.

А мха нет.

Кто-то регулярно чистит помещение? Выжигает — если Светлый, или замораживает — если Темный?

Что ж, если среди сотрудников есть Иной — это мне поможет.

Словно в ответ на мои мысли послышались шаги. Торопливые — словно кто-то услышал мои крики и спешил издалека, через лабиринт гипсокартонных перегородок. Прошло еще несколько секунд, выкрашенная в черный цвет дверь, ведущая из этой комнаты в следующую, открылась.

И вошел вампир.

Ненастоящий, конечно. Обычная человеческая аура.

Ряженый.

Черный плащ, резиновые клыки во рту, бледный грим на лице. Грим качественный. Вот только с рыжими кудрявыми волосами это все сочетается плохо. Наверное, во время работы ему приходится надевать черный парик. Еще выпадала из картины пластиковая бутылочка минералки, из которой гость как раз собирался отхлебнуть.

Увидев меня, парень нахмурился. Добродушное лицо стало не то чтобы злым, но строгим, наставительным. Он потянул руку ко рту, на секунду отвернулся. Когда снова посмотрел на меня — клыков уже не было.

— Мистер?

— Вы здесь работаете? — спросил я. Мне не хотелось применять магию и ломать его волю. Всегда можно договориться просто так. По-человечески.

— Да, но аттракцион закрыт. Временно.

— Это из-за убийства? — спросил я.

Парень нахмурился. Теперь уж он точно не был настроен дружелюбно.

— Мистер, не знаю, как вас там… Это частная

территория. Она закрыта для посетителей. Прошу вас, пройдемте к выходу.

Он сделал шаг ко мне и даже протянул руку, всем своим видом выражая готовность вывести меня силой.

— Вы присутствовали здесь, когда убили Виктора Прохорова? — спросил я.

— Кто вы такой, собственно говоря? — Парень насторожился.

— Я его друг. Сегодня прилетел из России.

Парень изменился в лице. Начал пятиться, пока не уперся в дверь, из которой пришел. Толкнул ее — но дверь не открылась. Каюсь, в этом была моя вина.

Теперь уже парень пребывал в полнейшей панике.

— Мистер… я ни в чем не виноват! Мы все скорбим о гибели Виктора! Мистер… товарищ!

Последнее слово он произнес по-русски. Из какого старого боевика он его запомнил?

— Да что с вами? — Теперь уже растерялся я. Подошел к нему ближе. Неужели мне повезло, и я с ходу наткнулся на человека, который что-то знает, который причастен к убийству? А иначе — с чего такая паника?

— Не убивайте меня, я ни в чем не виновен! —

выпалил парень. Кожа его теперь была белее грима. — Товарищ! Спутник, водка, перестройка! Горбачев!

— Вот за последнее слово в России точно могут убить, — пробормотал я и полез в карман за сигаретами.

Очень неудачная оказалась фраза. Да и движение не лучше. Глаза у парня закатились, и он рухнул на пол. Бутылка с минералкой упала рядом.

Из чистого упрямства я все-таки обошелся без магии. Выручили похлопывания по щекам и глоток воды. А потом — заботливо предложенная сигарета.

— Тебе хорошо смеяться, — мрачно сказал парень, когда мы с ним расположились в бутафорских пыточных креслах. В сиденье была дыра, в дыре угрожающе таился кол на кривошипно-рычажном механизме. — Тебе смешно…

— Я не смеюсь, — кротко заметил я.

— Смеешься, только про себя. — Парень жадно затянулся. Протянул мне руку: — Жан.

— Антон. А я решил, что ты — шотландец.

Жан с некоторой гордостью тряхнул рыжими кудрями.

— Нет… француз. Я из Нанта.

— Учишься здесь?

— Подрабатываю.

— Слушай, а почему на тебе этот идиотский костюм? — спросил я. — Посетителей ведь нет.

Жан покраснел — быстро, как могут только рыжие и альбиносы.

— Шеф назначил сегодня дежурить, пока аттракцион не открылся. Жду… вдруг снова полиция что-то захочет проверить. Одному тут неуютно. В костюме… спокойней.

— Я чуть в штаны не наложил, — пожаловался я парню. Нет ничего лучше для снятия стресса, чем такой вот низкий стиль. — А ты-то чего испугался?

Жан покосился на меня. Пожал плечами:

— Кто его знает? Парня убили у нас. Вроде как мы в чем-то виноваты… хотя в чем, в чем? А он же русский! Мало ли… все помнят, чем это кончается… Мы тут стали обсуждать, вначале в шутку… Потом как-то серьезнее. Вдруг приедет отец, брат или друг… ну и поубивает всех.

— Вот ты о чем, — сообразил я. — Ну… могу уверить, в России кровная месть не слишком распространена. У шотландцев, между прочим, она тоже существует.

— А я о чем говорю? — непоследовательно со-

гласился Жан. — Варварство какое-то. Дикарство! Двадцать первый век, цивилизованный мир…

— И перерезанное горло, — поддакнул я. — Что все-таки случилось с Виктором?

Парень покосился на меня. Затянулся сигаретой, покачал головой:

— Мне кажется, ты врешь. Ты не друг Виктора. Ты из русского КГБ. Тебя послали расследовать убийство. Так?

Он что, действительно пересмотрел боевиков? Мне стало смешно.

— Ты же понимаешь, Жан, — вполголоса сказал я, — что ответить на твой вопрос я не вправе.

Француз очень серьезно закивал. Потом тщательно загасил сигарету о пол.

— Пошли, русский. Я тебе покажу то место. Только больше не кури, здесь все из тряпок и картона, полыхнет как порох — ух!

Он толкнул дверь — и та, конечно же, легко открылась. Жан задумчиво осмотрел ее и пожал плечами. Мы миновали еще несколько комнат.

— Вот он, этот дерьмовый вампирский замок, — мрачно сказал Жан. Пошарил по стене, щелкнул выключателем — свет стал гораздо ярче.

Да, темнота тут была бы уместнее. Без нее аттракцион выглядел просто нелепо. «Кровавая

река», по которой предстояло плыть к вампирам, представляла собой длинный металлический желоб шириной метра в три. Желоб был заполнен водой.

Неглубоко.

По колено примерно.

Металлическая баржа, конечно же, не плыла по воде. Я покачал борт ногой и понял, что лодка стоит на дне на каких-то роликах. Под водой виднелся и трос, который буксировал лодку от одного «причала» к другому. Общая длина желоба не превышала пятнадцати метров. На середине пути железное корыто заползало в отгороженную тяжелыми занавесками (сейчас отдернутыми) комнату. Под потолком комнаты виднелся внушительных размеров вентилятор. На одной стене был грубо нарисован мрачный замок, стоящий на скале.

Пройдя на нос баржи, я заглянул в темную комнатку. Да, идиотское место, чтобы расстаться с жизнью. Так… за пять дней следы могли и исчезнуть, но все-таки попробую.

Взгляд сквозь сумрак не помог. Я отметил слабые следы Иных — Светлых и Темных, но это изучали место убийства эксперты Дозоров. Никаких признаков «вампирской тропы» не было. А

вот эманации смерти чувствовались. И настолько явные — будто не пять дней прошло, а час-другой от силы. Ох нехорошо умирал парень…

— А кто озвучивает? — спросил я. — Наверняка ведь слышны всякие охи-вздохи, страшные завывания? Не в тишине же туристов возят?

— Запись, — грустно сказал Жан. — Вон там динамики и еще там…

— И никто здесь не присматривает за туристами? — спросил я. — А если кому-то станет плохо?

— Присматриваем, — неохотно признался Жан. — Видите, слева дырка в стене? Там обязательно кто-то стоит и смотрит.

— В темноте?

— С помощью прибора ночного видения… — Жан смутился. — Обычная видеокамера с режимом ночной съемки. Стоишь, глядишь на экран…

— Ага… — Я кивнул. — И что ты видел, когда убивали Виктора?

То ли он немного успокоился, то ли смирился, но отрицать ничего не стал. Только спросил:

— Почему вы решили, что там был я?

— Потому что ты в костюме вампира. Вдруг кто-то из посетителей тоже снимает на камеру с ночным режимом? Для этого и гримируют, так? Я

думаю, у вас тут у каждого своя роль, значит, ты и во время представления носил этот костюм и был поблизости.

Жан кивнул:

— Да, верно. Там был я. Вот только ничего не увидел, поверьте. Все сидели как сидели. Никто на них не нападал, никто не приближался.

Я не стал говорить, что голодного вампира (а он должен был быть очень голодным, чтобы так нагло охотиться) на ночной режим не снять — такая съемка идет в инфракрасных лучах. А голодный вампир не теплее окружающей среды. Может быть, легкие следы на пленке…

— Запись велась?

— Нет, конечно. Зачем зря пленку тратить.

Присев на корточки, я помотал рукой в воде. Вода была холодная и затхлая. Похоже, никто не удосужился ее сменить… впрочем, если расследование не закончено, то это естественно…

— Что-то увидели? — с любопытством спросил Жан.

Я не отвечал. Я смотрел на воду сквозь закрытые веки. Смотрел сумеречным взглядом, проникающим сквозь реальность в суть вещей.

Желоб заполнился мутным хрусталем. Сквозь хрусталь проступили багровые прожилки. На дне

желоба клубилась оранжевая взвесь.

В воде была человеческая кровь.

Много крови.

Литра четыре.

Вот откуда, наверное, такие сильные эманации смерти. Кровь хранит память дольше всего на свете.

Если бы в полиции догадались сделать хороший анализ воды — они бы поняли, что всю кровь Виктора попросту слили в канаву. Что никакие вампиры в преступлении не замешаны.

Впрочем, полиция вампиров и не искала. И анализ, возможно, провели. А если нет — то лишь потому, что не сомневались в результатах. По горлу — чик-чик, кровь за борт — буль-буль… Только Иным могла прийти в голову такая идиотская мысль, как искать вампира в аттракционе!

— Ларчик просто открывался, — пробормотал я, вставая с колен. — Блин…

Да, жестокое убийство. И черного юмора убийце не занимать. Вот только это уже не наше дело. Пусть полиция Эдинбурга ведет свое расследование.

Так за что же убили парня? Увы, вопрос дурацкий. Для смерти существует куда больше причин, чем для жизни. Парень молодой, горячий. Отец

— бизнесмен и политикан. Мог пострадать и по своей вине, и из-за отцовских дел, и вообще без причины.

Да, Гесер и Завулон сели в лужу одновременно. Увидели опасность там, где ее нет и не было.

— Спасибо за помощь, — сказал я Жану. — Я пойду.

— Все-таки ты русский полицейский, — с удовлетворением произнес Жан. — Ты что-то заметил?

Многозначительно улыбаясь, я покачал головой.

Жан вздохнул:

— Я тебя провожу, Антон.

Неподалеку от «Подземелий» нашелся симпатичный паб под названием «Коростель и флажок». Три маленьких сообщающихся зала, темные стены и потолок, старые лампы, пивные кружки, картинки, безделушки на стенах. Барная стойка с десятком кранов и батареей бутылок — одного виски было сортов пятьдесят. Все, что приходит в голову при слове «шотландский паб», имелось — к удовольствию разноязыких туристов.

Вспомнив слова Семена, я заказал хаггис и суп дня. Взял у барменши — крупной, с руками, на-

качанными от непрерывной работы с рычагом пивного насоса, — кружку «Гиннесса». Прошел в дальний зал — самый маленький, где нашелся свободный столик. За соседним обедала компания японцев. Еще за одним столиком у окна пил пиво усатый, полный, пожилой господин, похоже, местный. Вид у него был унылый, как у москвича, которого сдуру занесло на Красную площадь. Откуда-то доносилась музыка, к счастью — негромкая и мелодичная.

Суп оказался простым бульоном с яйцом и сухариками, хаггис — всего-навсего шотландским вариантом ливерной колбасы. Но я съел и суп, и хаггис, и прилагающуюся к нему картошку фри, после чего счел обязательную туристическую программу исполненной.

Больше всего мне понравилось пиво. Допивая бокал, я позвонил домой. Коротко поговорил со Светланой, сообщил, что долго задерживаться не придется — все разрешилось очень быстро.

Перед тем как звонить начальнику эдинбургского Ночного Дозора, я взял себе еще кружку пива. Нашел в телефонной книжке номер Фомы Лермонта, набрал.

— Слушаю вас, — вежливо ответили мне через пару гудков. Что характерно — ответили на

русском.

— Добрый день, Томас, — сказал я, решив все-таки не использовать русское имя Фома. — Меня зовут Антон Городецкий, я ваш коллега из Москвы. Гесер просил передать вам большой привет.

Все это прозвучало ужасно похоже на плохую шпионскую историю. Я даже поморщился.

— Здравствуйте, Антон, — непринужденно ответили мне. — А я как раз ждал вашего звонка. Как долетели?

— Прекрасно. Поселился в симпатичной гостинице, немного темная, но зато в центре. Погулял по городу и немного под городом. — Меня уже несло. Говорить эзоповым языком оказалось неожиданно забавно. — Мы могли бы встретиться?

— Конечно, Антон. Я сейчас к вам подойду, — пообещал мой собеседник. — Хотя… может быть, вы ко мне переберетесь? У меня уютнее место.

Я поднял глаза и посмотрел на пожилого господина, сидящего у окна. Высокий лоб, густые брови, острый подбородок, умные ироничные глаза. Господин спрятал в карман мобильник и жестом указал на свободный стул.

Да, у них с Гесером много общего. Не во внешности, конечно, а в манере общения. Пожалуй,

господин Томас Лермонт не хуже Бориса Игнатьевича умеет сбить спесь с подчиненных.

Подхватив кружку, я пересел за столик главы эдинбургского Ночного Дозора.

— Зови меня Фома, — заговорил он первым. — Мне будет приятно вспоминать Гесера.

— Вы давно знакомы?

— Давно. У Гесера есть и более давние друзья, у меня — нет… Я много слышал о тебе, Антон.

Я промолчал. Ответить мне было нечем, до вчерашнего дня я и не слышал о главе эдинбургского Ночного Дозора.

— Ты говорил с Брюсом. Как тебе наш Мастер вампиров?

Помедлив, я сформулировал свои впечатления:

— Злой, несчастный, ироничный. Но они все злы, несчастны и ироничны. Не убивал Виктора, конечно же.

— Ты на него надавил, — не спросил, а констатировал Фома.

— Да. Так получилось. Он ничего не знает.

— Не оправдывайся. — Лермонт отпил пива. — Очень удачно вышло. Самолюбие заставит его смолчать, а информацию мы получили… Хорошо, что ты увидел в «Подземельях Шотландии»?

— Страшилка для детей. Аттракцион закрыт,

но мне удалось поговорить с одним из актеров. И осмотреть место происшествия.

— Ну? — оживился Лермонт. — И что ты выяснил, Антон?

Годы общения с Гесером не прошли даром. Теперь я сразу чуял, когда властная начальственная рука собирается макнуть в грязь зарвавшегося молодого мага.

— Эта «Кровавая река», где зарезали Виктора… — Я посмотрел на невозмутимого Лермонта. Поправился: — Где убили Виктора. В воде — кровь. Много человеческой крови. Похоже, что никакой вампир не высасывал из парня кровь. Ему вспороли артерии и держали, пока кровь выливалась в канаву. Но надо сделать анализ воды. Можно привлечь полицию, пусть проведут анализ ДНК…

— Ох уж ваша вера в технологию. — Фома поморщился. — В канаве кровь Виктора. Мы проверили в первый же день. Простейшая магия подобия, достаточно пятого уровня Силы.

Но сдаваться я не собирался. Искусству выкручиваться меня тоже научило общение с Гесером.

— Нам это ни к чему, а вот полиции подсказать идею надо. Пусть тоже узнают, что кровь вылили в канаву. Это им поможет в расследовании, а

заодно пресечет все слухи о вампирах.

— У нас хорошая полиция, — спокойно сказал Фома. — Они тоже все проверили и ведут расследование. А пресекать глупые слухи — не в их компетенции. Кому интересны глупые «желтые» газетенки…

Я приободрился. Как бы там ни было, но я быстро и четко произвел правильное дознание.

— Полагаю, что дальше наше вмешательство не требуется, — сказал я. — Убийство — зло, но пусть люди сами борются со своим злом. Парня, конечно, жалко…

Фома покивал и отпил еще пива. Потом сказал:

— Жалко парня, да… Антон, а что же нам делать с укусом?

— Каким еще укусом?

Фома слегка перегнулся через стол и шепотом произнес:

— На шее Виктора не рана, Антон. Без всяких сомнений это следы от клыков вампира. Вот незадача, верно?

Я почувствовал, как у меня вспыхнули уши. Глупо спросил:

— Точно?

— Точно-точно. Ну откуда киллеру знать строение и функции вампирского клыка с такой

точностью? Латеральные желобки, крючок-метчик, борозда Дракулы, винтовой разворот при прокалывании…

Теперь у меня полыхало все лицо. Я словно наяву увидел класс, в котором когда-то учился, Полину Васильевну с указкой и здоровенный резиновый муляж на столе: что-то острое, вывернутое, закрученное штопором, с белой табличкой из оргстекла, на которой черными буквами написано: «Правый глазной (рабочий) зуб вампира. Муляж. 25/1 нат. вел.». Когда-то муляж был движущимся, при нажатии на кнопку он удлинялся и начинал вращаться. Но моторчик давным-давно перегорел, починить его никто не удосужился, и клык навсегда застыл в положении, среднем между маскировочным и рабочим.

— Я поспешил с выводами, — признался я. — Моя вина, господин Лермонт.

— Вины никакой нет, тебе просто хотелось, чтобы Иные были ни при чем, — великодушно сказал Фома. — Стал бы знакомиться с результатами вскрытия — понял бы, что версия ошибочна. Ну так что скажешь?

— Если вампир был очень голоден и высосал человека досуха, — я поморщился, — то он мог потом и сблевать. Но не всю же кровь… Следы

анестезирующей сыворотки в воде были?

— Не было. — Фома одобрительно кивнул. — Впрочем, это ни о чем не говорит, вампир мог спешить и обойтись без обезболивания.

— Мог, — согласился я. — Значит, либо его стошнило, либо укусил и держал, пока парень истекал кровью. Но зачем?

— Чтобы ввести всех в заблуждение и запутать дознание.

— Никакого смысла в этом нет. — Я помотал головой. — Зачем запутывать? Зачем одновременно оставлять следы вампирьего укуса и выливать кровь? Они к ней относятся бережно, попусту не льют. У наших вампиров даже присказка такая есть, для новичков: «Кровь на землю пролил — мать ударил».

— Смысл всегда можно найти, — наставительно произнес Фома. — К примеру — убийце-вампиру нужно было навести подозрения на молодого и голодного вампира. Поэтому он укусил парня, но пить не стал, вылил кровь, понадеявшись, что ее не обнаружат. Или же вампир был голоден, укусил, но тут же опомнился и предпочел вылить кровь, чтобы создать видимость фальсификации данных…

Я замахал руками, совершенно увлекшись и

чувствуя себя так, будто разговаривал с Гесером:

— Да бросьте, Бо… Фома! Версий можно много придумать, но я еще не встречал голодного вампира, который, вонзив клыки, отказался бы от крови. Это непродуктивный спор. Куда важнее — почему убили парня. Случайная жертва? Тогда и впрямь надо искать гастролера или неофита. Или кому-то было важно убить именно Виктора?

— Вампир может убить человека одним ударом, — сказал Фома. — И даже без прикосновения. Зачем ему оставлять следы? Виктор мог умереть от разрыва сердца — никто не заподозрил бы неладное.

— Согласен. — Я кивнул. — Тогда… тогда ваш Мастер прав. Это какой-то гастролер, а парень попался ему случайно. Укусил, выпил, перепугался, вытошнил кровь…

— Похоже на то, — согласился Фома. — Но что-то меня тревожит, Антон.

В молчании мы допили пиво.

— Вы не пробовали снять следы с тела? — спросил я.

Уточнять, что имелся в виду отпечаток ауры, не было нужды.

— С мертвого — мертвечину? — Фома скептически покачал головой. — Никогда это не удавалось

толком. Но мы пробовали, да. Следов не нашли… Скажи, дозорный, а что еще необычного ты увидел в «Подземельях»?

— Там работают Иные, — сказал я. — Синего мха нет совсем, а место-то эмоциями накачано. Кто-то регулярно чистит.

— Иные там не работают, — буркнул Фома. — Не растет там синий мох.

Я недоверчиво посмотрел на Фому.

— Ради интереса пытались со стороны принести. Сохнет и распадается в течение часа. Вот такая природная аномалия.

— Ну… бывает, вероятно, — сказал я, мысленно отметив, что надо порыться в архивах.

— Бывает, — признал Фома. — Антон, я бы попросил тебя не устраняться пока от расследования. Что-то меня тревожит. Попробуй поговорить с подругой Виктора.

— Девушка еще тут?

— Конечно. Полиция попросила ее пока не покидать город. Отель «Апекс-Сити», здесь неподалеку. Полагаю, тебе будет проще установить с ней контакт.

— Вы ее в чем-то подозреваете?

Фома покачал головой:

— Обычный человек… Нет, дело в другом. Она

тяжело переживает гибель любовника, охотно сотрудничает с полицией. Мой сотрудник тоже с ней пообщался… под видом следователя. Но, возможно, соотечественнику будет проще наладить с ней контакт. Вдруг она еще что-то вспомнит? Жест, взгляд, слово — любую мелочь. Мне очень не хочется закрывать это дело и оставлять все на усмотрение полиции, Антон.

— Хорошо бы еще встретиться с хозяином «Подземелий Шотландии», — сказал я.

— Это тебе ничего не даст, — отмахнулся Фома.

— Почему же?

— Да потому что эти дурацкие «Подземелья» принадлежат мне! — с отвращением сказал Фома.

— А… — Я осекся. — Ну… но тогда…

— Что тогда? У меня небольшой холдинг, «Scottish colours», занимающийся туристическим бизнесом. Наш Ночной Дозор — акционер холдинга, прибыль идет на финансирование оперативной деятельности. Организуем музыкальные и цирковые выступления, есть доля в нескольких гостиницах, четыре паба, «Подземелья Шотландии», три экскурсионных автобуса и агентство, которое возит туристов на озера. А на чем еще прикажешь зарабатывать деньги? — Он

усмехнулся. — Весь Эдинбург живет за счет туристов. Если тебя занесет в Глазго и ты окажешься на окраине — не пугайся. Ты увидишь разваливающиеся здания, заколоченные гостиницы, стоящие заводы. Промышленность умирает. В Европе невыгодно производить товары, в Европе выгодно производить услуги. Что еще оставалось делать старому барду, кроме как организовывать концерты и аттракционы?

— Я понимаю, просто это неожиданно…

— Не работают там Иные, — повторил Фома. — Место странное… синий мох не растет… потому и купил когда-то землю. Но ничего необычного не оказалось.

— Тогда возможно, что убийство — удар, направленный на вас? — спросил я. — На вас лично и на Ночной Дозор Эдинбурга? Кто-то хочет скомпрометировать Светлых?

Фома улыбнулся и поднялся со стула.

— Вот для этого ты мне и нужен, Антон. Чтобы в расследовании участвовал сильный маг со стороны. Поговори с Валерией, хорошо? И не откладывая.

Но встречу с Валерией все-таки пришлось отложить.

Уже подходя к отелю, я увидел очередную толпу

туристов, сомкнувшихся кольцом вокруг выступающего артиста. Над головами людей радугой взлетали вверх крошечные цветные шарики — и я почему-то сразу понял, кого увижу. Хоть Егор и назвался иллюзионистом, а не жонглером.

На самом деле артистов там оказалось пятеро. Трое молодых парней в ярких «цирковых» одеждах сейчас отдыхали. Молодая девушка в развевающемся полупрозрачном платье обходила зрителей с подносом — монетки и купюры клали довольно охотно.

Сейчас выступал один Егор. Он был в черном костюме, белой рубашке, с галстуком-бабочкой — подтянутый и подчеркнуто отстраненный от яркой, по-летнему одетой толпы.

Егор жонглировал цветными шариками. Нет, не просто жонглировал… Его правая кисть будто выстреливала в воздух красные, синие, зеленые мячики размером не больше вишни. Открытая кисть разворачивалась нарочито медленно, демонстрируя, что в ладони ничего нет. Потом пальцы смыкались, кисть делала резкий взмах — и вверх взмывал очередной шарик. Левая рука подхватывала падающие шарики, комкала, прятала в кулак, обрывала радугу и тут же раскрывалась — пустая.

Мячики брались ниоткуда и исчезали в никуда. Их становилось все больше — будто Егор не успевал вынуть из воздуха все, что подбрасывал. Цветная парабола становилась все ярче, плотнее, превращалась в сверкающий переливчатый жгут. В глазах рябило. Движения пальцев ускорились настолько, что уже вышли за пределы доступного самому ловкому престидижитатору. Зрители затаили дыхание. Уличный шум подкатывался к замершей кольцом толпе — и стихал, будто рокот далекого моря. Цветной шнур бился в руках Егора.

Напряжение нарастало. Девушка прекратила сбор денег — на нее все равно уже никто не смотрел, развернулась к Егору — и уставилась на него влюбленными восторженными глазами.

Егор резко рванул руками — и в его руках оказалась трепещущая разноцветная лента.

Зрители зааплодировали, будто очнувшись ото сна.

Мне вспомнился старый-престарый анекдот о фокуснике, который пришел наниматься в цирк: «Я выхожу на сцену и жонглирую разноцветными рыбками, представляете? А потом они взлетают к самому куполу — и исчезают. Вот только как это сделать, я еще не придумал…»

Бедный глупый фокусник. Чтобы это сделать, надо быть Иным. Пусть даже неинициированным.

На самом деле даже без инициации, без первого входа в сумрак, Иной способен куда на большее, чем простой человек. А с Егором все еще сложнее. В детстве он входил в сумрак. Он даже прорвался на второй слой — пускай и на подпитке чужой Силой, его собственные способности минимальны.

Но окончательной инициации он избежал. И остался тем, кем он есть, — неопределившимся Иным, не умеющим сознательно контролировать свои способности, не обратившимся ни к Свету, ни к Тьме. Его Книгу Судьбы переписали, вернули к исходному состоянию, дали возможность снова выбирать — но он отказался от выбора.

И решил, что он обычный человек.

Егор ведь и сам не понимает, как делает свой номер. Он уверен, что очень ловко жонглирует шариками, незаметно перекидывая их из руки в руку, прежде чем вновь запустить вверх. А потом очень ловко подменяет шарики какой-то специальной лентой, видимо утяжеленной в нескольких местах для удобства.

На самом деле такой фокус невозможен.

Но Егор уверен, что делает номер без всякой

магии. Как обычный ловкий человек.

Зрители рукоплескали. На лицах был живой, неподдельный восторг, какой в цирке случается видеть разве что у детей. Мир для них на мгновение стал волшебным и удивительным.

Они не знают, что он такой и есть — наш мир…

Егор раскланялся и быстро пошел по кругу — не собирая деньги, хотя ему и протягивали купюры, а просто вглядываясь в лица зрителей.

Он же подпитывается! Не понимая того — подпитывается эмоциями зрителей!

Я начал торопливо выбираться из толпы. Но сзади подпирали зрители, у ног подпрыгивали дети, в ухо жарко дышала полуголая девица с проколотыми пирсингом губами. Я не успел — Егор меня заметил. И остановился.

Мне ничего не оставалось, кроме как развести руками.

Егор секунду помедлил, потом что-то шепнул идущей следом девушке с подносом. И ввинтился в толпу. Люди расступались, но при этом одобрительно похлопывали его по плечам, что-то восхищенно говорили на разных языках.

— Извини, я здесь случайно, — виновато сказал я. — Никак не ожидал тебя увидеть.

Он секунду смотрел на меня, потом кивнул:

— Верю.

Ну да, он же сейчас на пике Силы. Интуитивно чувствует ложь.

— Пойду, — сказал я. — Ты здорово выступал, я засмотрелся.

— Погоди, мне надо горло промочить. — Егор двинулся рядом. — С меня семь потов сошло…

Какой-то любопытный мальчишка требовательно схватил его за рукав. Егор вежливо остановился, расстегнул манжеты рубашки, продемонстрировал, что там ничего нет. Потом достал из воздуха легкий серебристый шарик и вручил недоверчивому зрителю. Пацан взвизгнул от восторга и бросился к стоящим неподалеку родителям.

— Очень здорово, — похвалил я. — Ты в Москве выступаешь? Я бы дочку сводил в цирк.

— В Москве — нет. — Егор поморщился. — Знаешь, как у нас в цирке трудно молодежи пробиться?

— Догадываюсь.

— Если ты не из цирковой семьи, если не прыгал с пяти лет по манежу и связями не обзавелся… А если предлагают выступать за рубежом… — Егор поморщился. — Ну их! Я в следующем году

буду выступать во французском цирке, сейчас договариваюсь о контракте, пусть потом локти кусают…

Мы присели за открытый столик у ближайшего кафе. Егор заказал стакан сока, я — двойной эспрессо. Меня опять клонило в сон.

— Так ты из-за меня здесь или нет? — резко спросил Егор.

— Да я и не предполагал, что ты летишь в Эдинбург! У меня командировка совсем по другому делу!

Егор подозрительно смотрел на меня. Потом вздохнул и расслабился:

— Тогда извини. Я в самолете чего-то вспылил. Не люблю я твою контору… не за что мне ее любить.

— Все нормально. — Я протестующе выставил вперед ладони. — Никаких обид. Нашу контору любить не надо, она этого не заслуживает.

— Угу. — Егор задумчиво смотрел в стакан с апельсиновым соком. — Как там у вас? По-прежнему Гесер, да?

— Конечно. Был, есть и будет.

— А как Тигренок с Медведем? — Егор улыбнулся, будто вспомнив что-то хорошее. — Они поженились?

— Тигренок погибла, Егор[3]. — Я даже вздрогнул, сообразив, что он про это не знает. — У нас была очень нехорошая история… всем досталось.

— Погибла, — задумчиво сказал Егор. — Жалко. Она мне очень нравилась. Она такая сильная была, оборотень…

— Маг-перевертыш, — поправил я. — Да, сильная, но очень эмоциональная. Кинулась на Зеркало.

— На зеркало?

— Ну… это такой тип мага. Очень необычный. Иногда, если какой-то Дозор начинает побеждать, другому на помощь приходит маг-Зеркало. Говорят, что его порождает сам сумрак, но точно никто не знает. Зеркального мага нельзя победить в обычном бою, он принимает Силу противника и отражает любой удар. Нам тогда досталось… и Тигренок погибла.

— А Зеркало? Вы его убили?

— Виталий Рогоза, так его звали… Он развоплотился. Сам собой, это их судьба. Зеркалом становится слабый неопределившийся маг, который теряет память, приезжает в то место, где одна Сила получает резкое преимущество над

---

[3] Примечания: 3

Эта история описана во второй части книги «Дневной Дозор». — *Примеч. авт.*

другой, и встает на сторону проигрывающего. А потом Зеркало исчезает, растворяется в сумраке.

Я говорил уже совершенно автоматически. Думая о другом.

В груди рос болезненный холодный ком.

Значит, слабый неопределившийся маг?

— Туда ему и дорога, — мстительно сказал Егор. — Жаль Тигренка… Я ее вспоминал часто. Еще тебя иногда.

— Правда? — спросил я. — Надеюсь, не злился?

Честно говоря, мне было сейчас все равно, кого и как вспоминал Егор.

Слабый неопределившийся маг.

Приезжает в то место, где…

Растворяется в сумраке…

— Злился немного, — признался Егор. — Но не сильно. Ты в общем-то не виноват. У тебя работа такая… гнусная. Но я обижался, конечно. Мне даже приснилось однажды, что ты на самом деле — мой отец. И что я назло тебе становлюсь Темным магом и работаю в Дневном Дозоре[4].

Но ведь он же не потерял память! Нельзя так однозначно проводить параллели между Рогозой и Егором.

---

[4] Примечания: 4

Эта история рассказана в кинофильмах «Ночной Дозор» и «Дневной Дозор». — *Примеч. авт.*

— Смешной сон, — сказал я. — Говорят, некоторые сны — это другие реальности, прорывающиеся в наше сознание. Может быть, где-то когда-то так и было. Зря, конечно, к Темным пошел…

Егор помолчал, потом фыркнул:

— Нет уж. Чума на оба ваших дома. Не люблю Темных, не люблю Светлых. А ты заходи, Антон! Я тут рядом остановился. В «Апекс-Сити». С нашими познакомлю, вот такие ребята!

Он положил на стол несколько монеток и встал.

— Пойду работать. Мой номер — гвоздь программы, без меня ребята мало что заработают.

К соку он едва притронулся.

— Егор! — окликнул я его. — А ты как в Эдинбург приехал? Сам по себе?

Юноша с удивлением посмотрел на меня.

— Нет, не сам. Фирма пригласила, «Scottish colours». «Шотландский колорит». Ну, мы ее зовем «Скотские краски». Тебе-то зачем?

— Думал помочь, если что, — без колебаний соврал я. — Найти антрепренера.

— Спасибо, — сказал Егор с такой теплотой в голосе, что я готов был провалиться сквозь землю от стыда. — Не надо, но все равно спасибо, Антон.

Я сидел, глядя в осадок на дне чашки. Мне все

еще мало совпадений? Погадаем по кофейной гуще?

— Скотские краски, — пробормотал я.

В груди было так холодно, что больше уже не болело.

Глава 4

Нет ничего более нелепого, чем, приехав в незнакомый город, сидеть в гостиничном номере. Ладно бы — в раскаленное пекло испанской сиесты. Ладно бы — новобрачным в свадебном путешествии, когда размер кровати волнует куда больше вида за окном…

Впрочем, Валерия попала в безвыходное положение. Покинуть город ей не разрешала полиция. А выходить — в веселящуюся толпу, в круговерть туристов — ей было совсем невмоготу.

Дверь она открыла сразу, будто ждала у порога. Хотя, конечно, никто ее предупредить не мог — мимо портье я прошел в Круге Невнимания.

На девушке были только шорты и лифчик. Да… жарковато, конечно. Кондиционеров здесь нет даже в хороших отелях, не тот климат. Жарковато — особенно когда выпьешь.

— Да? — с пьяным вызовом произнесла Лера.

Черные волосы уложены в каре, симпатичная, худенькая, довольно высокая.

Одной рукой она держалась за приоткрытую дверь в ванную комнату. Мой визит застал ее на пути в туалет.

— Здравствуйте, Лера, — вежливо произнес я. Вид у меня был не слишком представительный, шорты да футболка, но я все-таки избрал тон «представитель органов». — Вы позволите войти?

— Почему нет? — удивилась Лера. — Про… — она икнула, — проходите. Только я… сейчас.

Она скрылась в дверях ванной, не потрудившись даже запереть за собой дверь. Покачав головой, я прошел мимо разобранной постели, сел в кресло у окна. Номер небольшой, по-казенному уютный. На журнальном столике обнаружилась бутылка виски «Гленливет» — больше чем наполовину опустошенная. Посмотрев на дверь ванной, я послал в сторону Леры несложное заклинание.

Из ванной комнаты послышались кашляющие звуки.

— Вам помочь, Лера? — наливая себе на два пальца виски, спросил я.

Лера не отвечала. Ее тошнило.

В мини-баре нашлась холодная минералка. Я сполоснул стакан Леры — от него пахло вискарем. Налил туда чуть-чуть воды и выплеснул прямо на ковер. Налил еще воды.

— Извините… — Из ванной комнаты девушка вышла полусогнутая, но ощутимо более живая. — Я… извините.

— Выпейте воды, Лера. — Я протянул ей стакан.

Симпатичная девчонка. Молодая совсем. И с очень несчастными глазами.

— Вы кто? — Она жадно осушила стакан. — Блин… затылок раскалывается.

Усевшись в свободное кресло, она тяжело обхватила голову руками.

Да, так у нас разговора не выйдет…

— Помочь?

— У вас найдется аспирин? Что-нибудь от головы…

— Древний китайский массаж, — сказал я, вставая и подходя к ней сзади. — Сейчас боль пройдет.

— Ой, да не верю я в массаж, мужики все втирают, будто массажем владеют, лишь бы полапать… — начала Лера. И замолчала, едва прикосновение моих рук стало убирать боль.

Конечно, массажем я не владею. Зато могу замаскировать под него лечебную магию.

— Как хорошо… вы волшебник… — пробормотала Лера.

— Волшебник, — согласился я. — Дипломированный Светлый маг.

Так… снять спазм сосудов… вывести алкоголь из крови… куда бы его… ладно, пропустим через почки… нейтрализовать метаболиты… серотонин и адреналин к норме… кислотный баланс крови… ладно, заодно и в желудке уменьшим выработку соляной кислоты…

Конечно, мне далеко до Светланы. Она все это проделала бы одним прикосновением. Я честно пыхтел минуты три — Сила есть, а мастерства не хватает.

— Таких чудес не бывает, — нервно сказала Валерия. Повернулась, посмотрела на меня.

— Бывает-бывает, — сказал я. — Вам сейчас захочется в туалет. Не смущайтесь и не терпите, писать будете каждые четверть часа. Пока не выведете из организма всю гадость… Стоп. Подождите немного…

Я всмотрелся внимательнее. Да, и впрямь…

— Больше не пейте, — велел я. — Совсем.

И прошел в ванную — вымыть руки. Бегу-

щая вода унесла из пальцев усталость и слепок искаженной страданием ауры. Можно было почиститься и Силой, но народные средства — они самые надежные.

— Что это вы мне указываете? — мрачно сказала Лера, когда я вернулся. — Спасибо, массаж у вас хороший… я сейчас!

Я дождался, пока она вернулась из туалета, явно ошарашенная быстротой и результативностью начавшегося очищения организма. И когда она уже села, пояснил:

— Вы беременны. Не стоит вам сейчас пить.

— У меня месячные завтра должны начаться, — выпалила Лера так яростно, что я понял — она чувствовала. Женской интуицией, без всякой задержки, поняла, что беременна. Поняла, отвергла саму мысль — и ушла в запой.

— Не начнутся.

Она не спорила. Даже не интересовалась, как я это узнал. Наверное, списала на чудеса восточной медицины. Спросила:

— Зачем мне ребенок без мужа?

— Это вы сами должны решить, — сказал я. — Я не собираюсь вас в чем-то убеждать.

— Кто вы? — спросила Лера наконец-то.

— Городецкий. Антон Городецкий. Я из Москвы.

Мне… мне поручено выяснить обстоятельства гибели Виктора.

Лера вздохнула. Горько произнесла:

— Тряхнул Витькин папа связями… А смысл… теперь-то…

— Узнать правду.

— Правду… — Девушка налила себе воды, осушила стакан. Ее организм сейчас в бешеном темпе гонял кровь через почки, убирая алкоголь и продукты обмена. — Виктора убил вампир.

— Вампиров нет, Лера.

— Знаю. Но если парень говорит: «Кто-то пьет мою кровь», а потом его находят с прокушенной шеей и обескровленного?

В ее голосе зазвенели тонкие истерические нотки.

— Канаву, по которой плыла лодка, проверили, — сказал я. — Там кровь. Много крови. Успокойтесь, Лера. Никаких вампиров не существует. Кто-то убил вашего друга. Он истек кровью. Это страшно, это жестоко, но вампиров не существует.

Она с минуту молчала. Потом спросила:

— Почему полиция мне этого не сказала?

— У них свои резоны. Они боятся утечки информации. Возможно, даже подозревают в чем-то

вас.

Это ее ничуть не испугало, скорее — разозлило.

— Сволочи. Я уснуть не могу, виски накачиваюсь к вечеру, вчера чуть не затащила в постель какого-то парня… Мне страшно одной, понимаете? Страшно. А они молчат… Извините, я на минуту.

Я дождался, пока она вернулась из туалета. Сказал:

— Наверное, я немного переусердствовал с массажем. Но я не профессионал, так… нахватался приемов.

— Чему только вас не учат, — сказала Лера, и я понял, что в моей работе на КГБ она не сомневается точно так же, как молодой француз из «Подземелий». Все мы дети массовой культуры. Все мы верим в ее штампы. Даже документов не требуется, если ты ведешь себя будто секретный агент в боевике.

— Лера, я попрошу вас напрячься и вспомнить все обстоятельства гибели Виктора, — сказал я. — Понимаю, вы все рассказывали уже много раз. Но все-таки постарайтесь.

— Мы сели в эту дурацкую лодку, — начала Лера. — Я еще чуть не упала, там очень неудобно спускаться, дно глубоко, и в темноте этого не

видно.

— Расскажите все с самого начала. Вот как встали утром — с этого момента и рассказывайте. И подробно.

В глазах Леры появился хулиганский огонек.

— Ну… мы проснулись в десять, на завтрак уже опоздали. Поэтому занялись сексом. Потом пошли в душ. Ну а в душе расшалились…

Я с доброжелательной улыбкой кивал, выслушивая ее рассказ — действительно подробный. И когда девушка разрыдалась, молча ждал несколько минут. Слезы стихли, Лера тряхнула головой. Посмотрела мне в глаза:

— Мы зашли в паб… «Дуб и ленточка»… поели. Выпили по кружке пива. Было жарко, а тут мы увидели вывеску этого проклятого аттракциона. Виктор решил, что это интересно. Ну… в любом случае там будет прохладно. И мы туда пошли.

Ничего. Никаких зацепок. Я понимал, что и до меня Леру расспрашивали профессионалы, выматывали, заставляли вспоминать, по десять раз переспрашивали и задавали вопросы. Что она может вспомнить неожиданного?

Она начала снова описывать лодку, неудобный спуск в нее, когда я поднял руку.

— Стоп, Лера. А вот зеркальный лабиринт… вы

сказали, что это было самым интересным. Там тоже ничего любопытного не произошло?

Не знаю, почему я это спросил. Может быть, потому что думал о Егоре. Может быть, вновь вспомнив старую и лживую байку о вампирах, которые не отражаются в зеркалах.

— В зеркальном зале… — Лера нахмурилась. — А! Было. Витя начал кому-то махать рукой. Вроде как увидел знакомого. Потом сказал, что ему почудилось.

— А вы, Лера? Увидели кого-нибудь знакомого?

Она покачала головой:

— Нет. Там же все вокруг зеркальное. В лицах, в людях на самом деле теряешься. И это раздражает немного… я старалась не всматриваться.

— Хотя бы предположить… кого он увидел?

— Это может быть важно? — серьезно спросила Лера.

— Да, — ответил я без колебаний.

Это было очень важно. Это был отчетливый след. Если в «Подземельях» присутствовал вампир, отводящий окружающим глаза, в зеркальной комнате его можно было увидеть. И Виктор мало того что увидел — узнал.

Что было опасного в этом узнавании? Ну, зашел человек в «Подземелья», что с того? Почему

вампир запаниковал и убил не заподозрившего дурного студента?

Не знаю. Пока не знаю.

— Думаю, Виктору показалось, что он увидел своего знакомого… и не местного, — сказала Лера, подумав. — Потому что он удивился довольно сильно. Если бы заметил кого-то из университета, то помахал бы ему, крикнул бы «привет». А тут он махал рукой, но не звал. Знаете, так бывает, когда не уверен до конца, знакомого ты встретил или обознался. И потом, когда он никого не нашел, то как-то даже растерялся. И сказал, что это все ерунда. Ну… как бы убедил себя, что этого не может быть. Антон, Витя увидел убийцу?

— Боюсь, что да. — Я кивнул. — Возможно, поэтому его и убили. Спасибо. Вы очень помогли.

— Мне рассказать это полиции? — спросила Лера.

Я подумал и пожал плечами:

— Почему бы и нет? Если можно, не упоминайте про мой визит, хорошо? А вот то, что вспомнили, можно и рассказать.

— Вы мне расскажете, если найдете убийцу?

— Обязательно.

— Врете. — Лера покачала головой. — Врете вы… ничего не расскажете.

— Я пришлю вам открытку, — сказал я, помолчав. — С видом Эдинбурга. Если вы получите открытку, значит, Виктор отомщен.

Она кивнула. И ее вопрос застал меня уже у дверей:

— Антон, если я… что мне делать с ребенком?

— Это решать вам. Поймите, что никто никогда ничего не решит за вас. Ни президент, ни начальник, ни добрый волшебник.

— Мне девятнадцать, — тихо сказала Лера. — Я Витьку любила. Но его уже нет. В двадцать лет с ребенком и без мужа…

— Решать вам. Но вы все равно не пейте, — попросил я.

И закрыл за собой дверь.

Наступил вечер, а позади уже была бессонная ночь, поделенная между аэропортами и самолетами. Я опять выпил кофе, с сожалением поглядывая на пивные краны: мне сейчас хватит пинты, чтобы совсем осоловеть. Позвонив Гесеру, коротко пересказал все, что узнал за день.

— Искать вампира среди московского окружения Виктора, — задумчиво произнес Гесер. — Спасибо, Антон, но его московские контакты уже проверяли… Хорошо, поищем тщательнее. Будем копать, начиная с детского сада. Что собираешься

делать?

— Пойду отсыпаться, — сказал я.

— Какие-то предварительные выводы?

— Тут что-то затевается, Гесер. Не знаю, что именно, но что-то крупное.

— Тебе нужна помощь?

Я хотел было отказаться — и вспомнил Семена.

— Борис Игнатьевич, если Семен не слишком занят…

— Соскучился по Шотландии? — хмыкнул Гесер. — Хорошо, я пришлю. Если не будет копаться — утром встретитесь. Отдыхай.

Про Егора я ничего говорить не стал. Спрятал мобильник, мельком глянув на индикатор зарядки. Ну надо же, батарея совсем полная. В Москве у меня телефон садится за сутки, хоть и не слишком много говорю. За рубежом — неделю спокойно работает. Вышки чаще натыканы, что ли?

Теперь еще одно дело. Неприятное.

Я достал фигурку волка, водрузил на стол.

Связь, совет, защита?

Сжав фигурку в руках, я прикрыл глаза. Мысленно позвал: «Завулон!»

Тишина. Никакого отклика. Может быть, не так работает?

«Завулон!»

Мне показалось, или я почувствовал на себе чей-то взгляд?

Как мне помнится, Завулон никогда не откликался сразу. Даже когда его звала любовница.

«Завулон!»

«Чего орешь, Городецкий?»

Я открыл глаза. Рядом никого не было, конечно.

«Мне нужен совет, Темный».

«Спрашивай».

Хорошо, что в таком разговоре почти не передаются эмоции. Завулон наверняка ухмыляется. Светлый обратился за помощью!

«Завулон, когда к вам пришел зеркальный маг — вы его звали?»

Он явно не ждал такого вопроса.

«Зеркало? Виталий Рогоза?»

«Да».

Пауза. Нет, он знает, что ответить. Он решает, сказать правду или соврать.

«Зеркало нельзя призвать, Светлый. Их порождает сумрак».

«Тогда что должно произойти, чтобы появился зеркальный маг?»

«Значительный перевес одной Силы над другой. И при этом — перевес резкий, полученный

слишком быстро. Зеркало пришло, потому что Гесер слишком быстро поднимал уровень Светланы, вновь ввел в противостояние Ольгу и… и переписал судьбу твоей будущей дочери, сделав ее Величайшей из Великих».

«Можно предвидеть, кто станет следующим зеркальным магом?»

«Можно. Это Иной, чья изначальная Сила минимальна. Он не должен быть инициирован. Он должен питать нелюбовь как к Свету, так и к Тьме. Или, наоборот, любить и Свет, и Тьму. И человек, и Иной, стоящий на распутье, не делающий разницы между силами Света и Тьмы. Такие встречаются, пускай и редко. В Москве их двое — отец Виктора и… твой маленький друг Егор. Впрочем, он уже вырос, верно?»

«Почему же Рогоза приехал с Украины?»

«Да потому, что не мы решаем, кто станет Зеркалом. У меня были надежды на его приход, но заранее никто ничего не знает. Зеркальный маг может прийти — может не прийти. Он может появиться сразу, а может добираться к месту, где нарушилось равновесие, дни и даже месяцы. Я удовлетворил твое любопытство?»

«Да».

«Тогда я жду ответной любезности. Кто убил

Виктора? И при чем тут зеркальные маги?»

«Вас не порадует информация, Завулон. Я полагаю, что Виктора убили с целью дискредитировать шотландский Ночной Дозор. Аттракцион принадлежит им. А что касается Зеркала… боюсь, что ситуация здесь может дестабилизироваться. Настолько, что придет зеркальный маг. В Эдинбурге есть кандидаты на эту роль?»

Он поверил. Кажется, поверил. Ответил задумчиво:

«Не знаю. Никогда не интересовался».

«Тогда пока все. Если выясните — проинформируйте, будьте добры».

Я не стал дожидаться ответного смешка — разжал ладонь и прервал связь. Фигурка блестела от пота и от этого казалась почти живой.

Все, пора в гостиницу. В уютный номер-люкс для Светлых, в царство бело-розо-бежевого, к кружевным занавескам и шелковому белью.

Призывно затренькал телефон.

— Да? — Я прижал телефон к уху, поймал взгляд официанта и поводил пальцем по открытой ладони — будто выписываю чек. Официант вымученно улыбнулся, глянув на единственную чашечку передо мной, и черканул на бумажке «2 £».

— Энтони, друг мой, — произнес Лермонт. И это «Энтони» сразу же сказало мне — рядом есть кто-то, кому не стоит знать, что я русский. — Когда ты покидал «Подземелья», как себя чувствовал мой сотрудник?

— Нормально.

— Он убит, Энтони. Ты не мог бы приехать?

Я прошипел что-то нецензурное, выгребая из кармана мелочь. Так… замок там, а овраг и мост там…

— Если сразу поймаю такси, то буду через пять минут.

— Поторопись, — велел Лермонт.

Свободное такси нашлось сразу — не пришлось прибегать к магии, чтобы освобождать занятую машину. В Эдинбурге вообще было на редкость хорошо с такси. Я сел, достал сигарету и закурил. Водитель посмотрел с легким неодобрением — но ничего не сказал. Я до конца опустил стекло со своей стороны. Действительно, сядут после меня некурящие…

Но мне хотелось курить.

Идиот. Какой я идиот! Встревожился за Егора, позаботился о Валерии… А вот подумать головой, для этого и предназначенной, — не удосужился. Мой визит в «Подземелья» был замечен, кого-то

насторожил. И бедолага Жан, нервный французский студент, уже никогда не вернется в свой Нант…

Моя вина.

Но Лермонт-то — сам хорош! Аттракцион прикрыл и отрядил дежурить одного человека. Не Иного, не боевого мага, способного схватиться с вампиром на равных, — а перепуганного пацана в гриме и карнавальном наряде.

Я представил себе рыжего парня с бледным, но теперь уже не от грима, а от потери крови лицом, лежащего среди жутковатых пыточных орудий. «Одному тут неуютно». И начал отчаянно, хоть и вполголоса, материться.

Дурак я, дурак…

Лермонт ждал меня у входа в «Подземелья». Был он мрачен и зол так, как только может быть зол Светлый.

— Пошли. — Он не оглядываясь затопал впереди. Мы быстро прошли череду пустых комнат и вышли к «Кровавой реке». Опять здесь?

Но Фома молча полез в лодку. Я — за ним. Фома взмахнул рукой, заскрежетал механизм, и лодка двинулась вперед.

— Вы еще не вызвали полицию? — спросил я.

— Пока нет. Только своих… и наблюдателя от

Темных.

— Где они?

— Я попросил их подождать несколькими комнатами дальше. Сказал, что хочу пригласить для осмотра трупа независимого эксперта. Обычного человека. Нечего тебе пока светиться…

Лодка проползла короткий затемненный участок и пришвартовалась ко второму причалу.

— Вот, — мрачно сказал Фома.

Я выбрался из лодки и вслед за Фомой прошел в соседнюю комнату. Тут размещалась экспозиция орудий казни. С потолка свисал манекен в петле, а вот на гильотине… на гильотине был не манекен. Убийца опять продемонстрировал свое чувство юмора.

Отрубить человеку голову тупым бутафорским ножом макета гильотины — для этого надо обладать нечеловеческой силой. К примеру — быть вампиром.

Белое пластиковое ведро под гильотиной было наполовину заполнено кровью. Отсеченная голова лежала рядом.

Я сел на корточки, осторожно взял голову в руки. И мне захотелось закричать — от бессилия и осознания своей глупости.

— Знать бы, какая сволочь… — сказал Фома. —

Человек у меня работал семнадцать лет…

— Сволочь — молодой рыжеволосый парень, — сказал я. — Представляется французом, говорит с легким акцентом. На вид — лет двадцать. Имеет склонность к театральным эффектам. Очень находчив. Замечательный актер.

Я бережно положил отрубленную голову на пол. Посмотрел на ошарашенного Лермонта и пояснил:

— Меня провели как ребенка. Я разговаривал с убийцей, находясь в двух шагах от трупа. И ничего не заподозрил. Ничего!

Голова убитого сторожа — черноволосая, с редкой сединой, как и положено человеку в возрасте после пятидесяти, — слепо смотрела на нас с пола.

— Замаскировать свою природу можно лишь от слабейшего. — Лермонт буравил меня недоверчивым взглядом. — Это аксиома. Попробуй определить мою ауру.

Странный разговор над телом человека с отрубленной головой. Странное место, странные преступления, странные разговоры…

Аура Лермонта — полыхающие желто-зеленые разряды, колючий ежик Силы, — потускнела. Иглы разрядов втянулись, померкли. Несколько

секунд — и Лермонта окружала гладенькая многослойная аура, характерная для человека.

Четкий признак Иного — рваная, незакрытая аура. Она может топорщиться иглами и шипами, втягиваться воронками, зиять прорехами. Все это признаки открытого энергетического контура, способности не только отдавать энергию, как люди, но и принимать ее. Принимать, перерабатывать — и творить чудеса.

Человеческая аура гладкая, многослойная, цельная. Люди только отдают Силу, не принимают. И ровная пленка ауры — их попытка защититься, прекратить медленный и неумолимый отток жизни.

Да, теперь Лермонт выглядел человеком.

Почти человеком…

Я всмотрелся чуть пристальнее — и увидел бледные иглы ауры. Фома замаскировался очень хорошо. Но я пробил защиту.

— Вижу, — сказал я. — Но в того парня я так пристально не всматривался. Он мог прикрыться.

— Значит, твой рыжий собеседник — Высший вампир. Или Высший маг, притворяющийся вампиром. — Фома удовлетворенно кивнул. — Причем он не мог наложить на себя маску, одновременно маскируя свою ауру. Уже хорошо,

Антон. Уже хорошо! Мы знаем его физический облик: молодой, рыжеволосый… не так уж и много в мире Высших Иных.

— Плащ он, вероятно, взял где-то здесь, — сказал я. — И накладные клыки. Услышал, что я приближаюсь, и вместо бегства спокойно вышел мне навстречу… мгновенно сочинив правдоподобную легенду.

— Я даже догадываюсь, зачем ему понадобился плащ, — мрачно сказал Фома, глядя на забрызганный кровью пол. — Он не мог не измазаться… Дай мне его образ, Антон.

Прикрыв глаза, я попытался как можно лучше вспомнить француза. Потом мысленно бросил картинку Лермонту.

— Ага, — сказал шотландец. — Прекрасно. Я проверю по нашим картотекам.

— Возможно, стоит сообщить Инквизиции? — спросил я.

Лермонт покачал головой:

— Нет. Пока не надо. События не выходят за рамки обычного преступления одиночного Темного. Дневной Дозор Эдинбурга протестов не заявляет. Обойдемся без Инквизиторов, Антон. Пока можем.

Я не спорил. Небольшое это удовольствие —

звать Инквизиторов на помощь.

— Моя помощь еще требуется?

— Нет. Иди отсыпайся, — велел Лермонт. — Полицию мы уведомлять не станем, это уже полностью наше расследование. Мои ребята попробуют поискать следы, а я займусь проверкой Высших.

Он с кряхтеньем склонился над отрубленной головой, будто надеялся увидеть какие-то улики, оставленные неосторожным преступником. Брюшко Лермонту надо бы сгонять…

— Фома, — негромко позвал я. — Фома, что находится в «Подземельях Шотландии»?

— А? — Он даже не обернулся.

— Что тут ищут Темные?

— Это аттракцион, господин Городецкий, — сухо сказал Фома. — Аттракцион, и более ничего.

— Ну-ну, — сказал я, прежде чем уйти.

Никакой необходимости возвращаться для убийцы не было. Если бы он оставил улики, их бы уже нашли — и обычные, и магические.

Но он вернулся и снова убил. Чтобы еще больше позлить Ночной Дозор? Ерунда. Чтобы подставить под удар Лермонта? Тем более чушь.

Значит, в первый раз он не смог, не успел чего-то сделать. И был вынужден прийти снова.

Что может прятать Лермонт? Место не такое уж и простое. Тут, к примеру, не растет синий мох. А это уже изрядная аномалия. Структура сумрака неоднородна. Есть, к примеру, места, где в него войти труднее, а есть и такие, где проще. Слыхал я и про зоны, где вход в сумрак вообще невозможен. Но синий мох — паразит повсеместный…

Отойдя от моста метров на сто, я посмотрел сквозь сумрак.

Ага.

Там, где я стоял, мох рос вволю. У пабов и кафе — целыми гирляндами. У жилых домов больше, у офисов и магазинов — меньше. На перекрестках, где водители нервничают, мха тоже больше.

Обычное дело.

А по направлению к мосту, ко входу в «Подземелья», синего мха становилось все больше и больше! Его туда тянуло, и неудивительно. Мха все больше, больше… и вдруг метров за десять от дверей он начинает засыхать, будто наткнувшись на невидимую границу.

Странно. Если бы там был какой-то вредный для мха фактор, то его количество уменьшалось бы постепенно. Тут скорее дело в другом…

Я протянул руку к ближайшей колонии мха — пушистому синему пятну на асфальте. И при-

казал:

— Гори!

Сила потекла через меня, вот только я сдерживал ее напор. И мох не сгорел сразу. Вспучился, разрастаясь и пытаясь переработать дармовую энергию. Но Сила нарастала, и мох не справлялся. Начал сереть, сохнуть… и наконец загорелся.

Вот теперь я видел. Когда знаешь, что именно искать, все становится предельно ясно.

Рассеянная в пространстве Сила, излучаемая людьми жизненная энергия, уходила в сумрак неравномерно. Да, она непрерывно сочилась сквозь ткань мироздания: на первый слой, на второй, на третий… Но где-то в районе «Подземелий» зияла дыра — и туда хлестал непрерывный поток Силы. Будто в ткани, сквозь которую медленно течет, фильтруется вода, прорезали дырку…

Слишком много пищи для безмозглого паразита. Мох сползался к аттракциону, привлеченный и потоком Силы, и теми эмоциями, что порождали испугавшиеся посетители. Сползался — и засыхал.

Кажется, я понял, почему Фома Лермонт именно здесь открыл аттракцион. Стекающуюся в одно место энергию надо было замаскировать от рядовых Иных. А здесь избыток дармовой Силы

списывали на подвыпивших туристов, на испуганных детишек, на бесконечный эдинбургский карнавал…

Не удивлюсь, если Фома приложил изрядно усилий к популяризации Эдинбурга с одной-единственной целью: чтобы замаскировать это место.

Ничего не поделаешь. Даже Светлые иногда играют втемную.

Я медленно двинулся вверх, по одной из улиц, ведущих к «Королевской миле». Улица не самая туристическая, темная, свет падает только из окон, все лавки на ней закрыты, но должна вывести прямо к гостинице. Спать хотелось ужасно. Может, все-таки такси поймать? Но тут хода — десять минут…

Свернув в проулок между домами, я оказался не то на маленькой площади, не то в большом дворе. Вышел к крошечному, метр от мостовой, монументу. На каменной чаше, откуда била маленькая струйка — то ли все-таки уличный фонтан-недомерок, то ли питьевой фонтанчик, — сидел бронзовый попугай. Ниже виднелась табличка. Подсветив зажигалкой, я узнал, что этот фонтанчик был установлен жителем города в память о любимом попугае, скончавшемся в

преклонном возрасте от пневмонии…

Что-то щелкнуло за спиной, и меня сильно толкнуло в плечо. Так сильно, что я сделал несколько шагов, чтобы не упасть лицом в чашу с водой.

По спине побежала горячая струйка.

Это… это что такое?

Щелкнуло снова. Звонко отрикошетило от бронзовой птицы. Чтобы окончательно убедить меня, что я едва не погиб у памятника попугаю, горячая пуля с шипением упала в чашу фонтана.

Да по мне же стреляют!

По мне, Иному!

Высшему магу!

Способному мановением руки рушить дворцы и возводить города!

Ну ладно, про города приврал… ломать всегда проще, чем строить.

Скорчившись за фонтаном, я всматривался в тьму. Никого. Так… а сквозь сумрак?

Результат меня ошарашил.

Стреляли явно из переулка, соседнего с тем, по которому я вышел на площадь. Но я никого не видел! Ни Иного, ни человека!

Хорошо хоть ранение было легким. Пуля прошла сквозь мягкие ткани навылет. Кровь я остановил рефлекторно, в первую же секунду.

Сейчас вспомню парочку хороших лечебных заклинаний, чтобы зарастить пробитые мышцы…

Еще один выстрел — пуля прошла над макушкой, мне даже волосы взъерошило горячей волной. Судя по тихому звуку — оружие с глушителем. Судя по тому, что меня еще не убили, — стреляют либо из пистолета, и стреляют хорошо, либо из снайперской винтовки — и тогда из рук вон плохо.

Но почему я не вижу стрелка?

Взмахнув рукой, я накрыл весь переулок пятиминутным Морфеем. А потом, поколебавшись секунду, прошелся и по окнам, и по крыше здания, и по соседним переулкам. Людям кратковременный сон не повредит. Морфей — заклинание мягкое, у человека есть секунд пять, прежде чем его сморит окончательно, стоящие успеют присесть, матери, держащие младенцев, — опустить их, водители — сбросить скорость. Жертв не будет. Скорее всего.

Тишина.

Я попал?

Приподнявшись, я снова посмотрел сквозь сумрак. Ну же, ну… кто бы ты ни был, но если ты уснул — маскировка с тебя спадет…

Щелчок. Едва заметная вспышка в переулке.

И в мое несчастное правое плечо вошла вторая пуля! В то же самое место!

Нет, можно тешить себя мыслью, что там и без того была рана. Но больно-то как! Почему так больно, там ведь уже дырка!

Я присел на корточки, так, чтобы фонтанчик прикрывал меня от стрелка. Теперь уже сомнений не было ничуть, палят действительно из переулка.

Что же мне делать? Палить в темноту файерболами, надеясь хоть так зацепить замаскировавшегося стрелка? Выжечь все вокруг Белым Маревом? Навесить на себя Щит Мага и выйти в открытый бой… но если я не вижу врага, то мне противостоит маг, превосходящий меня по Силе!

Или звать на помощь, звонить в полицию, призывать Гесера и Фому?

Стоп.

Можно и не Гесера с Фомой.

Что там говорил Завулон? Связь, совет, помощь?

Помощь бы мне не помешала.

Достав из кармана фигурку, я поставил ее на булыжную мостовую. Чуть-чуть коснулся Силой. И крикнул:

— Мне! Нужна! Помощь!

Все произошло в доли секунды. Воздух ударил в лицо так сильно, что в первый миг я подумал, будто неведомый стрелок перешел на гранаты. Но это трансформировалась фигурка — разбухала, размягчалась, превращаясь в черную мохнатую тень. Сверкнули в темноте белые зубы, блеснули желтые волчьи глаза — и оборотень прыжком перемахнул через фонтан. Тут же прыгнул вправо. Щелкнул выстрел, но явно впустую. Прыгая из стороны в сторону, так грамотно, как может бежать лишь существо, уже становившееся объектом ружейной охоты, зверь метнулся в переулок. Я услышал рычание, потом что-то загремело, металлически звякнуло. Щелчки выстрелов раздавались по-прежнему равномерно, с интервалом в секунду-две, но что-то подсказывало — пули уходят в молоко, стрелок уже не опасен.

Я вскочил, побежал вслед за волком, на всякий случай прикрыв себя Щитом. И наконец-то догадался сделать то, что не помешало бы с самого начала: создал свет. Простейшее заклинание, доступное любому Светлому магу. Призыв изначальной Силы — и надо мной закачался в воздухе яркий белый огонек.

И я сразу же увидел того, кто меня едва не убил.

Того, кто не был виден в сумраке.

Ажурная металлическая тренога, напоминающая профессиональный штатив для видеокамеры. На треноге, на вращающемся диске, поблескивающий линзами цилиндр. На цилиндре, в пружинном амортизирующем зажиме, закреплена короткая винтовка с круглым, как на старом советском ППШ, барабаном и длинным рифленым глушителем на стволе. Кольчатый бронированный кабель подходит к спусковому крючку и кончается скобой на тросике, обхватывающей крючок.

Робот еще функционировал. Цилиндр с тихим жужжанием моторов подергивался, скоба нажимала на спуск — и задранная вверх винтовка палила в небо. Я наклонился, чувствуя, как стекает по плечу кровь. Прижал здоровой рукой цилиндр. Сбоку нашелся маленький лючок, на котором китайскими иероглифами была выгравирована надпись: «Стрелок И». Дальше шел номер: «285590607». Под иероглифами была несколькими линиями нарисована улыбающаяся круглолицая детская рожица.

Юмористы…

Я подцепил лючок ногтем, открыл и перекинул тумблер питания на «выключено».

«Стрелок И» тихонько заурчал сервомоторами и затих.

— Привет из Поднебесной, — сказал я и уселся рядом с роботом. Посмотрел на короткий прутик антенны, торчащий из цилиндра. Да, настоящий стрелок мог быть где угодно. Я воевал с роботом.

И мне очень повезло, что прицел был немного сбит.

— Это ж надо, — разглядывая робота, сказал я. — Нет, ну куда это годится? Теперь придумывать заклинания против техники?

Из темноты вышел волк. Сел напротив, стал зализывать лапу. Раны я не видел, наверное, оборотень обжегся о горячий ствол, когда сбил треножник на землю.

— Если бы у марсианских треножников были блохи, они выглядели бы так же, — сказал я волку. — Ты читал «Войну миров»?

Вначале мне казалось, что он не ответит. Да и не все оборотни способны говорить, перекинувшись в зверя. Но волк поднял на меня тяжелый взгляд и пролаял:

— Толь-ко ки-но.

— Ну, тогда ты меня понял, — сказал я. — Спасибо.

— Ра-ну за-ли-жи.

— Я тебе не перевертыш, раны зализывать… — Прижав ладонь к правому плечу, я сосредоточился. Меня мутило, в руке пульсировала боль. Неприятная это штука — огнестрельное ранение. Даже для мага. Вот Света — она бы меня исцелила за пару минут…

— Кому на хвост нас-ту-пил? — Теперь слова давались оборотню лучше. — Эй-фе-ле-вой баш-не?

Я даже не сразу понял, что он так шутит. Покачал головой:

— Да ты у нас, я гляжу, остроумен, как Петросян. Спасибо за помощь. Не пострадал?

— Лапа, — невнятно пробормотал волк, снова принимаясь зализываться. — Афтомат жжот.

— Перекидывайся в человека, подлечу. — Я поднялся. Кровь у меня уже не текла. Набросив на выключенный треножник маскировочное заклятие (теперь каждый увидит вместо него что-то банальное, на свой вкус), я подхватил его под левую руку. Тяжелый. Сильно пахнет горячим металлом, кислой пороховой гарью и чем-то масляным. Но придется тащить, не оставлять же оружие посреди города.

— По-том, — уклончиво протявкал волк. — В бе-зо-пас-ном мес-те. Ты где жи-вешь?

— В гостинице. Тебе понравится, пошли. Только

все время иди у моей ноги и постарайся выглядеть как хорошая собачка.

Волк зарычал, но тут же спрятал клыки. В общем-то зверюга не крупный, в темноте должен сойти за овчарку.

Честно говоря, я не рассчитывал, что на этом сегодняшние неприятности закончились. Но до гостиницы мы дошли благополучно. За стойкой скучал новый портье, однако вопросов не задавал, видимо, получил насчет меня указания и ориентировку. На оборотня он посмотрел с любопытством, но тоже смолчал. Я сам подошел к стойке и попросил:

— Ключ от темного люкса наверху.

Портье не спорил. Выдал ключ, но поинтересовался:

— А в одном номере вы не могли бы переночевать?

— У меня аллергия на шерсть, — ответил я.

Из ресторана доносились голоса, звон бокалов. Постояльцы отдыхали. Но у меня не было особого желания присоединяться к гулянке, где коктейль «Кровавая Мэри» являлся самым распространенным, а название его понималось буквально.

Глава 5

Вначале я отпер дверь для волка, потом уже свою.

Волк нырнул в темноту номера, развернулся и мордой захлопнул дверь. Тут же послышался влажный рвущийся звук — будто раздирали на части мокрый поролон. Оборотень начал перекидываться обратно в человека.

Я зашел в свой номер, включил свет и закрылся. Поставил в углу «Стрелка И», все еще попахивающего пороховым дымом. Стянул окровавленную футболку, выбросил в мусорное ведро. Посмотрелся в зеркало.

Красавец. Плечо в запекшейся крови, страшный багровый рубец там, где вошли пули.

Ну ничего. Главное было подлатать рану. Сейчас наложу Авиценну, и к утру никаких следов не останется. Что нам, волшебникам, пулевое ранение? Тьфу! Взять и растереть. Но шторы на окнах я все-таки закрыл, верхний свет выключил. Если я получу пулю в голову — никакая магия не спасет.

Стоя под душем, смывая с себя пот и кровь, да и просто нежась в теплых струях воды, я пытался

совместить несовместимое.

«Подземелья Шотландии» — аномальная зона, через которую Сила изливается из нашего мира… куда? На нижние слои сумрака, очевидно. С этим ясно.

Студента Витю убил вампир. Почему? Потому что Виктор заметил его в зеркальном лабиринте и узнал. Вампиру было очень важно сохранить свое инкогнито. С этим тоже ясно.

Егора пригласили в Эдинбург как потенциального зеркального мага. Причем мага, который встанет на сторону Ночного Дозора, не будет же Фома работать себе во вред! Значит, Фома боится серьезной схватки, в которой Темные возьмут верх. Боится настолько, что страхуется всеми возможными путями. И меня, похоже, Гесер отправил в Шотландию по его просьбе. Это тоже достаточно ясно.

А вот дальше все становится непонятным!

У Виктора высосали кровь — только вампир с его устроенным будто вакуумный насос горлом может опустошить человека за три-четыре минуты. Но вампир кровь тут же срыгнул в канаву. Зачем? Был сыт? Но вампир никогда не насыщается настолько, чтобы пренебречь еще одной порцией. Кровь — не столько пища, сколько

энергия в единственно пригодной для вампира форме. Вампир может переработать выпитую кровь за четверть часа. Зачем выливать? Чтобы не подумали на вампира? Но люди и так в вампиров не верят, а Дозор все поймет по форме раны.

Зачем убили сторожа? Да еще с такой жестокостью? Он кому-то мешал в «Подземельях»? Но существует масса способов вывести человека из строя, не причиняя ему вреда. Тот же самый Морфей. Зов вампиров. В конце концов — дубинкой по башке, жестоко, но не смертельно! Непонятное, ненужное убийство…

И уж совсем все запутывается с роботом-стрелком! Порой и мы, и Темные пользуемся огнестрельным оружием. Особенно это характерно для молодых Иных — глубокая вера в тяжелые пистолеты, снаряженные серебряными пулями автоматы, мощные гранаты… Но притащить в мирный Эдинбург дистанционно управляемого робота-стрелка! Я даже не знал, что такие штуки вышли из уровня прототипов и поставлены в Китае на поток. Ничего сложного, конечно, — подвижная турель, телекамера и прибор ночного видения, зажим для любого ручного оружия и спусковое устройство. Тот, кто установил на моем пути устройство, таился где-то в отдалении,

всматривался в экран радиопульта, крутил джойстик, давил на кнопку «огонь». Доступно и магу, и вампиру. И человеку, в конце концов.

Что происходит? Отчего такая агрессия по отношению ко мне? Напасть на Высшего Светлого, на сотрудника Ночного Дозора — это очень серьезный поступок. Тому, кто это сделал, нечего терять…

Вытеревшись насухо, я накинул белый шелковый халат и вышел из ванной. Так, надо чего-нибудь сжевать. Хотя бы шоколадку из мини-бара. И принять грамм сто виски. Или стакан вина. А потом можно упасть на шелковые простыни и уснуть: крепко, без сновидений.

Будто прочитав мои мысли, в дверь постучали. Я застонал, запахнул халат и пошел открывать.

На пороге стояла девочка-подросток. Ну или юная девушка — ей было лет пятнадцать, этот возраст уже можно трактовать по-разному. Девочка была босая, короткие черные волосы влажно блестели, из одежды на ней, похоже, был только халат из черно-красного шелка.

— Можно? — голосом примерной школьницы спросила девочка.

— Мне следовало сразу догадаться, — сказал я. — Заходи.

— И как вам следовало догадаться? — потупив глаза, спросила девочка. — Рассмотреть статуэтку получше?

— У меня с собой микроскопа не было. Но волк-самец обязательно обоссал бы оружие.

— Фу, какой вы грубый, а еще Светлый! — Девочка поморщилась. Прошла к креслу, села, закинув ногу на ногу. — Не обоссал, а пометил! А ничего, что я зашла? Я вас не скомпрометирую?

— К сожалению, нет, детка, не скомпрометируешь. — Я уже открывал мини-бар. — Ты что-нибудь будешь?

— Теплое молоко с медом.

Я кивнул:

— Хорошо, сейчас позвоню в ресторан.

— Здесь нет рум-сервиса.

— Для меня сделают исключение, — уверенно сказал я.

— Ладно, налейте вина. Красного.

Себе я налил виски со льдом. Потом, заметив пятидесятиграммовую бутылочку ликера «Драмбуи», вылил ее в виски. То, что мне нужно для крепкого сна, — изрядная порция «ржавого гвоздя». Если девочка отказывается от молока с медом, это не повод для меня отказаться от виски на меду…

— А кому вы так хвост прищемили? — спросила девочка. — Первый раз такое вижу, чтобы из автоматической пушки палили…

— Это не пушка.

— Какая разница, — фыркнула гостья. — Я же девочка, мне можно ошибаться.

— Ты не девочка, ты оборотень. — Я внимательно всмотрелся ей в лицо. — И я тебя помню.

— Да? — С нее вдруг слетела вся бравада. — Помните?

— Конечно. Тебя зовут Галя. Это ты заметила ведьму Арину, когда она похитила мою дочь.[5]

— Помните. — Девочка улыбнулась. — А я думала, вы забыли давно…

— Нет. — Я протянул ей бокал с вином. — Спасибо. Ты тогда очень нам помогла.

— У вас хорошая дочка. — Она смело глотнула вино, чуть поморщилась. — И жена очень красивая.

Я кивнул и спросил:

— Что ты намерена делать теперь?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Завулон мне сказал, что это очень ответственное задание. Что я должна вам помогать, хоть вы и Светлый.

---

[5] Примечания: 5

Эта история описана во второй части книги «Сумеречный Дозор». — *Примеч. авт.*

Защищать от всего.

— А почему именно ты? — спросил я. — Ты, уж извини, все-таки очень молода. И уровень у тебя всего лишь пятый.

— Потому что я… — Галя осеклась. — Я же помогла? Хоть и пятый уровень.

— Помогла. — Я залпом выпил свой коктейль. — Извини, я ужасно хочу спать.

— Я тоже. Но у меня там так страшно. Все красное и черное. Можно, я с вами останусь? — Она глянула на меня — и смущенно опустила глаза.

Поставив стакан, я кивнул:

— Конечно. Диванчик тебя устроит? Подушку и одеяло я дам.

— Светлый… — с обидой и разочарованием протянула девочка. — Ладно, пойду из этих райских кущ в свой филиал ада. Там, пожалуй, будет веселее!

С бокалом в руках она гордо вышла из номера. Я заглянул через порог — и впрямь ее номер был выдержан в багрово-черных тонах. На полу виднелись клочья черной шерсти — девочка перекидывалась так быстро, что преобразовала шкуру не полностью.

Притворяя за собой дверь, Галя показала мне язык.

А я, закрывшись, принялся тихо смеяться.

Акселерация, эмансипация и сексуальная революция! Нет, врать не буду. Мне все-таки приятно, что четыре года назад эта девочка на меня запала. Ну или не четыре. Может быть, влюбилась она потом. Задним числом, так сказать. Когда на волне гормонов пришла пора романтических переживаний и смутных желаний.

Нет, ну как она меня соблазняла! Ножку на ножку закинула, халатику позволила сползти, глазками кокетливо стреляла.

Но самое смешное — другое. Будь на моем месте кто-то другой — она бы все равно пришла. После перекидываний у оборотней резко повышается либидо. Некоторые этим специально пользуются, чтобы приобрести репутацию страстных и неутомимых любовников.

Да, порой становится очень обидно, что я Светлый…

Впрочем, спать хотелось так, что предаваться волнующим фантазиям о сексе с юной девушкой-оборотнем не было никакого желания. Несколько сторожевых и защитных заклинаний я поставил совершенно автоматически, это был такой же ритуал, как почистить зубы перед сном. Потом забрался в постель, вслушался в шум за окнами

— город еще гулял, город не спешил засыпать. Взяв мобильник, я включил музыку, закрыл глаза. Время кассетных плееров ушло вслед за грампластинками, время мини-дисков так и не случилось, теперь уходит и время компакт-дисков. Остается холодная цифра MP3. Но мы привыкли. Нас это больше не смущает.

Так начинается свет.

Темная ночь без особых примет.

Но кто-то вошел в этот мрак.

Тебе пока невдомек, что и с тобой будет так же.

Да, это похоже на бред, да, это похоже на глюк,

Но именно так начинается свет, так кончается страх,

Так рождается звук.

Так кончается страх.

И ты выпил отвар из отравленных трав.

Из тщательно спрятанных книг.

Теперь каждый твой крик – это тоже улика.

Столько несчастий и бед.

Столько бессмысленных мук.

Но только так начинается свет, так кончается страх,

Так рождается звук.

Скоро день похорон.

Так рой этот ров под рев воров и ворон.

Хорони свою смерть.

Наворожи себе жизнь, нагадай себе свет.

Первый оставленный след.

Последний потерянный друг.

Так начинается свет, так кончается страх,

Так рождается звук…[6]

Я уснул. И в моем сне в меня никто не стрелял. Никто никому не отрезал голову тупым ножом. Никто ни за кем не гнался.

Девочки в шелковых халатах там отсутствовали, но и для Светы места не нашлось. И только чей-то взгляд, любопытный и недобрый, все не

---

[6] Примечания: 6
Кирилл Комаров. *Так рождается звук.*

отпускал и не отпускал меня.

Просыпаться от телефонного звонка всегда неприятно. Даже если звонит любимая женщина или старый друг.

За окном уже было светло. Я оторвал голову от подушки, оглядел спальню — все в порядке, только одеяло во сне я скинул на пол. Потянулся за трубкой, посмотрел на номер.

Вместо номера телефон скромно написал «Завулон», хотя номер Темного, конечно же, не был забит в мою адресную книжку.

— Слушаю, Темный.

— Как здоровье, Антон? — участливо спросил Завулон. — Плечо зажило?

— Благодарю, все в порядке. — Я невольно потрогал место, где еще вчера была рана. Кожа там была розовая и чесалась.

— Рад, что мой подарок пригодился, — все тем же любезным тоном продолжал Завулон. — Хотел поделиться с тобой информацией. В Великобритании кандидатов на роль Зеркала нет. Есть один во Франции, один в Польше, двое в Италии… ума не приложу, зачем Томасу приспичило вытаскивать в Эдинбург именно Егора.

Понятно. Моя наивная хитрость успехом не увенчалась. Завулон все-таки докопался до ис-

тины.

— Надеюсь, он не понадобится, — сказал я.

— Конечно-конечно, — поддакнул Завулон. — Это уже свинство какое-то, опять эксплуатировать бедного мальчика в интересах Света… Антон, дорогой мой, а что все-таки там творится? Я слышал, вчера произошло второе убийство? Еще одного человека обескровили?

— Да, — сказал я, садясь в кровати. — Еще одного. Отрубили голову макетом гильотины.

— А что сделали с кровью? — полюбопытствовал Завулон.

— Слили в ведро для мытья пола.

— Понятно.

— Рад, что вам что-то понятно, — сказал я.

— Ну, не скромничай, Антон… — Завулон помедлил. — Поинтересуйся у Фомы, давно ли он навещал соседа по могиле.

— Чего? — Мне показалось, что я недослышал. — Могилу соседа?

— Давно ли он навещал соседа по могиле, — со смешком произнес Завулон. И прервал связь.

Ругаясь вполголоса, я встал, отправился в ванную. Привел себя в порядок, принял холодный душ. Надел рубашку с короткими рукавами и джинсы, почему-то на легкомысленные шорты и

футболку меня больше не тянуло, позволяла бы погода — влез бы в свитер или пиджак.

Телефон зазвонил снова.

— Слушаю, Гесер, — глянув на дисплей, произнес я.

— Как ты там?

— Плечо зажило, — ничуть не сомневаясь, что Гесеру все известно, ответил я.

— Какое еще плечо?

— Вечером в меня стреляли. — Я коротко пересказал ему случившееся. В трубке повисло такое гробовое молчание, что я дунул в микрофон, будто в старом проводном телефоне.

— Я думаю, — сухо сказал Гесер. — Думаю…

— Может быть, я вначале пойду завтракать?

— Сходи, — позволил шеф. — А потом разыщи Фому. Скажи ему, что на недомолвки и притворство больше нет времени. Пусть проверит Руну.

— Какую именно? — спросил я тоном человека, день-деньской проверяющего Руны.

— Руну Мерлина.

— А… — сказал я, медленно начиная что-то соображать. — Мерлина… Разве она не в могиле?

Я ляпнул наугад, но по молчанию Гесера понял, что попал в точку.

— Антон, откуда ты… — Он коротко выругал-

ся. — Найди Фому и поговори с ним начистоту! Я с ним тоже свяжусь.

— Есть! — отчеканил я. Спрятал трубку в карман.

Вот оно как, да?

Есть Руна. Руна в могиле. Могила Мерлина.

Но ведь Мерлин — персонаж мифологический? Король Артур, рыцари Круглого стола, Мерлин… Никого из них никогда не существовало!

Ага. А также не существует Великого Гесера и Томаса-Рифмача. А также сумасшедших вампиров, девочек-оборотней, Светлых целительниц и строптивых молодых магов, по недосмотру получивших Высший уровень Силы…

Как ни странно, но настроение у меня стремительно улучшалось. Может быть, потому, что дело сдвинулось с мертвой точки? Я сбежал вниз по лестнице, поздоровался с давешним портье и открыл дверь ресторанчика.

Там не было ни единого человека.

Только два молодых вампира и девочка-оборотень.

Вампиры ели карпаччо. Галя — омлет. Удивительно, обычно после двух трансформаций подряд оборотни лопают мясо килограммами.

— Утро доброе, — приветствовал я соседей.

Вампиры криво улыбнулись и кивнули. Галя принялась ковырять вилкой омлет. Понятное дело: гормональная волна схлынула, и теперь ей неловко. Она где-то ухитрилась добыть одежду — черные брючки, белая блузка, пиджачок с короткими рукавами. Что-то подобное носят школьницы в японских мультиках.

— Привет, — усаживаясь рядом, сказал я. — Отдохнула?

— Угу.

— Кошмары не мучили? Жутковатый у тебя номер, неудивительно, что боялась ночевать. Дизайнер перестарался, верно?

Галя задумчиво посмотрела на меня. Отправила в рот кусок омлета, прожевала, сказала:

— Спасибо, Светлый. Но ты мне нравишься, честно. Хочешь, я тебе поесть принесу? Поухаживаю?

— Принеси, — согласился я.

Девочка пошла к шведскому столу — омлет и яичница в подогревающихся судках, хлеб, колбаса, сыр, мясо, чуток зелени. В углу, у двери на кухню, стоял маленький холодильник. Интересно, кровь для вампиров хранится там? Или ее разливает бармен по вечерам? Сейчас барная стойка была пустой, даже краны для пива были

закрыты цветастыми чехлами.

У меня снова зазвонил телефон.

— Дайте же мне поесть, — взмолился я, хватая трубку.

— Антон?

— Слушаю вас, Фома.

— Вы уже поднялись, Антон?

— Да. Завтракаю.

— Я пришлю за вами машину. Вы сможете выйти из отеля минут через пять?

— Э… — Я уставился на Семена, появившегося в дверях. Семен сиял и радостно махал мне рукой. — Ничего, если я с товарищем?

— С этой Темной? Девочкой-оборотнем? Не стоит.

— Нет, ко мне приехал товарищ из Москвы. Светлый маг.

Фома вздохнул:

— Хорошо, Городецкий. Приезжайте вдвоем. Водитель знает, куда ехать.

— Мне надо вас кое о чем спросить, — предупредил я.

Лермонт снова вздохнул:

— Боюсь, что мне тоже надо… кое о чем вам рассказать. Поторопитесь, я жду.

Спрятав телефон, я улыбнулся подошедшей с

тарелками и кофейником Гале. Одновременно от дверей приблизился Семен.

— Я вам взяла кофе, почему-то решила, что вы будете кофе, а не чай, — гордо сказала девочка. Подозрительно посмотрела на Семена.

— О! Галочка Добронравова! — Семен расплылся в улыбке. — Помню-помню… Как учишься? Как Марина Петровна?

Лицо девочки пошло красными пятнами. Она поставила посуду на стол.

— Представляешь, — доверительно сказал мне Семен, — невзлюбила Галочка свою учительницу химии. И стала ее пугать. По вечерам подкарауливала возле дома, предварительно перекинувшись, рычала и скалила зубы. Представляешь? А муж у скромной учительницы химии оказался скромным милиционером патрульно-постовой службы. И вот на третий вечер, как это всегда бывает в сказках, вышел он, слегка озабоченный нашествием агрессивных собак, встречать с работы жену. Увидел нашу Галочку, скалящуюся из кустов, понял, что это не собака, а волк, выхватил пистолет и расстрелял всю обойму. Две пули, кстати, попали Галочке в попу, когда она улепетывала от разъяренного стража порядка. Тут все закрутилось, мы выяснили, в

чем дело, приехали к Гале домой, побеседовали… Ничего, обошлось без Инквизиции. Спустили дело на тормозах.

Девочка развернулась и выбежала из столовой. Вампиры проводили ее задумчивыми взглядами.

— Зря ты так сурово, — сказал я. — Она вчера бросилась под пули, чтобы спасти меня.

Семен подхватил с тарелки кусок колбасы, прожевал. Вздохнул:

— Сплошная соя… Что под пули бросилась — это хорошо. А что учительницу травила?

— Это плохо, — мрачно сказал я.

В ожидавшее нас такси мы погрузились вместе с завернутым в халат роботом-стрелком. Металлическая тренога торчала наружу, но нас это не слишком смущало.

Водитель был человеком. Похоже, в эдинбургском Дозоре куда шире использовали труд наемных людей, чем это принято у нас. Мы быстро выехали из туристического центра и покатили куда-то в сторону залива.

— Спасибо, что вызвал, — сказал Семен, с нескрываемым удовольствием глядя в окно. — Я уж засиделся в Москве… Рассказывай, что тут происходит?

Я начал рассказывать. Вначале Семен слушал со

снисходительным интересом старого опытного бойца, которому салага-новобранец пересказывает какие-то ужасы. Потом посерьезнел.

— Антоха, а ты уверен? Насчет того, что Сила туда стекает?

— Попросить шофера вернуться, проехать мимо «Подземелий»?

Семен вздохнул. Покачал головой. И коротко произнес:

— Схрон.

— То есть?

— Тайник. Там спрятано что-то очень важное.

— Семен, я все-таки не пойму…

— Антон, представь себе, что ты очень-очень сильный маг. И можешь, к примеру, ходить на пятый уровень сумрака.

— Не могу.

— Представить?

— Ходить не могу. Представить — запросто.

— Ну так представь. Можешь ты ходить так глубоко, как никто из известных тебе Иных. Потребовалось вдруг тебе спрятать что-то очень ценное. Магический артефакт, мощное заклинание… да хоть бы и мешок с золотом. Что делать? В землю зарыть? Найдут. Особенно если ты прячешь магическую вещь, она ведь вокруг себя

возмущения в Силе создает, как ты ее ни закрывай. Тогда ты берешь эту штуку, уходишь глубоко в сумрак…

— И оставляю ее там. Допустим, на пятом слое. — Я кивнул. — Но предмет из нашего мира будет выталкивать обратно…

— Вот для этого тебе и нужен постоянный приток Силы. Ну… будто ты плавучий предмет на дно ванны поместил. Сам по себе он всплывет. А вот если его сверху будет прижимать поток воды…

— Понял я, Семен.

— У тебя идеи есть, кто и что там спрятал?

— Есть, — признался я. — Только вначале я спрошу об этом Фому.

В кармане опять зазвенел телефон. Ну что за наказание…

— Да? — не глядя на экран, сказал я.

— Антон, это Гесер.

Голос у шефа был какой-то странный. Будто бы растерянный.

— Слушаю.

— Я поговорил с Фомой… он обещал быть с тобой откровенным. И с Семеном, уж если на то пошло…

— Спасибо, Борис Игнатьевич.

— Антон… — Гесер помолчал. — Тут еще одно…

Покопались мы в прошлом Виктора Прохорова. И кое-что нашли.

— Ну? — Я уже понял, что ничего хорошего ожидать не приходится.

— Тебе его фотография не показалась знакомой?

— Обычный парень. Рожа московская, среднестатистическая. — Я поймал себя на том, что начинаю грубить, как всегда в минуты волнения. — В любом институте таких парней… каждый второй.

— Попробуй представить Виктора помоложе. Юношей, подростком…

Я честно попробовал. И ответил:

— Получится московский среднестатистический школьник. В каждой школе таких…

— А ведь ты его скорее всего видел, Антон. И неоднократно. Он учился в одном классе с твоим бывшим соседом Костей Саушкиным. Был его хорошим приятелем, можно сказать — другом. Наверняка частенько забегал к нему домой. Думаю, порой натыкался на тебя, размахивая портфелем и хохоча без всякой причины.

— Не может быть… — прошептал я. Слова Гесера меня настолько ошарашили, что я даже не удивился небывалой красочности его рассказа.

Размахивая портфелем и хохоча? Да легко. Если в твоем подъезде живут дети, ты обязательно натыкаешься на их портфели, слышишь смех и наступаешь на комочки жевательной резинки. Кто же при этом запоминает лица…

— Антон, это правда. Единственным знакомым вампиром у Виктора был Костя Саушкин.

— Гесер, но Костя погиб![7]

— Да, я знаю, — сказал Гесер. — Или, точнее, мы так считали.

— Он не мог спастись, — сказал я. — Никак не мог. Триста километров от Земли. Там нет Силы. Он сгорел в атмосфере. Он сгорел, понимаешь, Гесер? Сгорел!

— Не ори, — спокойно попросил Гесер. — Да, сгорел. Мы вели скафандр радарами до самого конца. Но мы не знаем, Антон, был ли Костя Саушкин в этом скафандре. Высота была уже совсем другой. Надо думать. Надо считать.

Он отключился. Я посмотрел на Семена — тот печально покачал головой:

— Антон, я услышал.

— Ну?

— Не видел труп — не спеши хоронить.

---

[7] Примечания: 7

Эта история описана в третьей части книги «Сумеречный Дозор». — *Примеч. авт.*

Фома Лермонт жил в пригороде. В тихом и недешевом районе уютных коттеджей и ухоженных садиков. В саду он нас и встретил. Глава эдинбургского Ночного Дозора сидел в деревянной беседке, увитой плющом, и раскладывал на поцарапанном журнальном столике пасьянс. В мятых серых брюках и трикотажной рубашке поло он выглядел мирным гражданином предпенсионного возраста. Еще бы кучу внуков-внучек вокруг — и получится пожилой глава большого семейства. При нашем появлении Лермонт вежливо привстал, поздоровался со мной и Семеном, после чего сгреб карты в кучу, пробормотав:

— Не выходит…

— Фома, мне кажется, что пора поговорить начистоту. — Я покосился на Семена. — Вы не против, если мой коллега будет присутствовать?

— Не против. Гесер за него поручился.

— Фома, сегодня со мной говорил Завулон из московского Дневного Дозора.

— Я знаю, кто такой Завулон.

— Он сказал… он просил узнать у вас… давно ли вы навещали соседа по могиле.

— Сегодня ночью, — тихо ответил Лермонт.

— И Гесер… он спрашивал про Руну. Руну Мерлина.

— Руны в могиле нет, — ответил Лермонт. Перевел взгляд на Семена. Спросил: — Что ты знаешь о Мерлине?

— Был такой маг. — Семен почесал в затылке. — Великий Светлый маг. Очень давно.

Лермонт посмотрел на меня. Спросил:

— А ты?

— А я думал, что Мерлин — мифологический персонаж, — честно ответил я.

— Вы оба в чем-то правы. — Лермонт улыбнулся. — Великий Светлый маг Мерлин — это и впрямь мифологический персонаж. Настоящий Мерлин был… менее приятным. Да, конечно, он помог маленькому Артуру вытащить меч из камня и стать королем. Хотя никаких прав на престол у Артура не было… между нами говоря. Мерлин не был убежденным злодеем. Он просто добивался своих целей любыми средствами. Надо возвести на престол короля, который будет его слушаться? Возведем. Надо, чтобы король внушал подданным уважение и любовь? Конечно, надо, зачем лишние проблемы! Воспитаем короля благородным и возвышенным. Пусть у короля будут свои, королевские игрушки… красивый круглый стол и отважные рыцари. А вы знаете, что гибель Артура от рук ребенка, родившегося

в определенный день, была предсказана еще до рождения Мордреда? И знаете, что сделал благородный Артур?

— Боюсь предполагать.

Лермонт усмехнулся. И процитировал:

— «Между тем повелел король Артур привезти к нему всех младенцев, рожденных в первый день мая знатными дамами от знатных лордов; ибо Мерлин открыл королю Артуру, что тот, кто погубит его и все его земли, родился на свет в первый день мая. Потому и повелел он, чтобы прислали ему их всех под страхом смерти, и многие сыновья лордов и рыцарей были отправлены к королю. Был и Мордред послан к нему женою короля Лота. Посадили их всех на корабль и пустили по морю, а иные были четырех недель от роду, иные же и того моложе. И по воле случая пригнало корабль тот к берегу, где стоял замок, и разбило, и все почти при этом погибли, только Мордреда выбросило волной, его подобрал один добрый человек и растил у себя до тех пор, пока не сровнялось ему четырнадцать лет от роду, а тогда он привел его ко двору, как о том повествуется дальше, в конце книги “Смерть Артура”.

А многие лорды и бароны Артурова королевства негодовали на то, что у них отняли и погубили

детей, но вину за это возлагали больше на Мерлина, нежели на Артура. И из страха ли, из любви ли, но сохраняли мир».[8]

— Достойный продолжатель дел царя Ирода, — пробормотал Семен.

Я молчал. Я вспоминал мультфильм, который очень любила Надюшка. Про маленького короля Артура. Про смешного забывчивого волшебника Мерлина. Я представил себе продолжение этого мультфильма — как взрослый Артур, наученный Мерлином, приказывает загрузить на старый, ненужный корабль орущих, плачущих, ничего не смыслящих младенцев…

И это символ чистоты и благородства? Воспетый легендами король Артур?

— Не очень-то похоже на славного мальчика из доброго диснеевского мультика? — спросил Лермонт, будто прочитав мои мысли. — И на чудака-мага, который взял его под опеку? Но вы не должны винить Артура. Такова уж была его судьба. Такой уж ему попался учитель.

— Как Мордред выжил? — спросил я.

В глазах Лермонта мелькнула ирония.

— Трудно сказать. А как мальчик Артур оказал-

---

[8] Примечания: 8
Томас Мэллори. «Смерть Артура».

ся наследником трона? Быть может, Мордред и не выжил. Но нашлись люди, которые рассказали пареньку, что он сын Артура, которого отец пытался убить в младенчестве. Важно ли, кто он был по крови? Главное, кем он себя считал.

— Он жив?

— Мордред? Нет, конечно. Он был всего лишь человек. И Артур был человек. Они давным-давно ушли из мира.

— А Мерлин?

— И он навсегда ушел в сумрак… — кивнул Лермонт. — Но Мерлин был действительно великим магом. Я думаю, он был самым великим магом всех времен. Я думаю, — он покосился на Семена, — что Мерлин был *нулевым*.

Я кивнул. Понятно. Нулевая магическая «температура». Мерлин не вносил ни капли в потоки той Силы, что пронизывает мир, был ее начисто лишен. И именно поэтому он был Великим магом. Он поглощал чужую Силу, разлитую в пространстве, — и с ее помощью творил чудеса.

Никогда больше в мире не рождалось таких сильных магов.

А вот одна волшебница родилась. Моя дочь. Надя.

— После Мерлина осталось немало артефак-

тов, — продолжал Лермонт. — Он создавал их играючи, будто это не стоило ему ни малейших усилий. Эскалибур, конечно же. Плащ Мерлина. Чаша Мерлина. Кристалл Мерлина. Посох Мерлина.

— Он не слишком утруждал себя поиском названий, ага? — Семен засмеялся и тут же осекся.

— Руна Мерлина? — спросил я.

Лермонт покачал головой.

— Руна Мерлина — это всего лишь ключ. Она хранилась в могиле Мерлина, в двадцати двух милях от… от того места, которое считают могилой Томаса-Рифмача. Разумеется, самого Мерлина в могиле нет, но кое-что от Великого мага там хранилось. Можете счесть меня сентиментальным, но я часто навещал свою могилу. А вот на могилу Мерлина ходить не любил. Полагался на защитные заклинания. И зря. Могила разорена.

— Я полагал, что могила Мерлина находится в Бретани, — сказал Семен.

— Нет. Она южнее Эдинбурга. Вблизи городка Пиблс, у схождения Твида и Поусейла. Это не слишком далеко отсюда.

— И что собой представляет Руна? — спросил я.

— Камень. Заряжен магией до отказа и исцарапан неразборчивыми значками. Руна Мерли-

на… — Лермонт обвел нас взглядом, заколебался, но все-таки продолжил: — Это ключ, точнее — главная часть ключа, служащего для доступа в тайник, устроенный некогда Мерлином на дне озера. Озера давно уже нет, но тайник, конечно же, сохранился.

— Тайник в сумраке? — спросил я.

— Да.

— Пятый слой?

Лермонт вздохнул.

— До пятого я бы дошел сам, мой юный друг. Или позвал бы Гесера. Или Эндрю. Найдутся Высшие, способные дойти до пятого слоя. Но тайник делал Мерлин. Он на самом дне. Значит — на седьмом слое.

— Ой, мать моя женщина! — восхищенно воскликнул Семен. — На седьмом? Так он есть, седьмой? Не сказки?

— Есть. Только я не знаю, кто из живущих на Земле способен туда пройти… — Лермонт развел руками.

— А ключ? Руна?

— Что Руна… Я прочитал надпись — она позволяет пройти Стража на пятом слое. Но после этого надо еще двигаться дальше. Я не могу.

— Хотя бы пробовали? — спросил я.

— Зачем? — Лермонт замахал руками. — Лезть в сумрак за наследством Мерлина? Антон, ты теперь должен представлять, каким он был… ты считаешь, там что-то хорошее?

Я пожал плечами.

— Считается, что в тайнике спрятан Венец Всего, — сказал Лермонт. — Звучит заманчиво, да? Но я почему-то думаю, что Венец Всего — это на самом деле Конец Всего.

Семен открыл было рот, но передумал и смолчал.

— А что еще за части ключа? — спросил я. — Хрустальная Булава Мерлина? Или какой-нибудь Старый Башмак Мерлина?

Лермонт покачал головой.

— Это самая неприятная часть истории. Вы поняли, что в районе тайника Сила хлещет из нашего мира на нижний уровень сумрака?

— Да.

— Так вот, если попробовать войти в сумрак, находясь в «Подземельях», вы сможете дойти только до третьего слоя. Дальше барьер, водоворот Силы. Это одновременно и груз, удерживающий тайник на дне мироздания, и защита от любопытных.

— Не так уж и много найдется любопытных, способных дойти до третьего слоя… — пробурчал

Семен. Поскреб в затылке. — Извините, молчу-молчу!

— Так вот Руна Мерлина пройти третий слой не поможет, — продолжал Фома. — Я был уверен, что никто, кроме меня, не знает секрет, я и сам-то узнал его случайно, когда в начале двадцатого века у моста произошел несчастный случай… молодая девушка при падении напоролась на острый железный прут и перебила артерию…

— Кровь, — понял я.

— Да. Если человек погибает, истекая кровью, то сумрак на время перенасыщается энергией. Водоворот на третьем слое стихает, и можно пройти глубже.

— Человек обязательно должен погибнуть? — спросил я.

— Не знаю. Не проверял, как ты понимаешь. Консервированная кровь не годится, это точно. Вот почему меня насторожило убийство в «Подземельях». Но защитные заклинания на могиле Мерлина оставались нетронутыми. Ни один человек не приближался к могиле, не вскрывал ее. И я расслабился, списал все на случайное совпадение. Только сегодня ночью решил приехать к могиле.

— И обнаружили ее вскрытой посредством ди-

станционно управляемого устройства, — сказал я. — Так? Что-нибудь вроде тех роботов, которых используют на ядерных станциях?

— Откуда ты знаешь? — спросил Лермонт.

— Вчера меня обстреляли из этого. — Я кивнул на треногу с винтовкой, которую Семен прислонил к беседке снаружи. — Автоматическая стрелковая установка с радиоуправлением.

Лермонт посмотрел на оружие без всякого интереса. Горько улыбнулся:

— Мы устарели, Антон. Мы пыжимся, но мы устарели… Гесер, Аль-Ашаф, Рустам, Джованни, я… все остальные древние, помнящие мир без электричества, паровозов, пороха. Самые старые маги, самые знающие… почти самые сильные. Мы недооценили новое поколение. Ракеты, роботы, телефоны… — Он пожевал губами. Посмотрел на аккуратный домик — с той тоской, что я порой видел в глазах Гесера.

Наверное, именно эта тоска и заставляет меня прощать Гесеру все, что он творит на посту главы Ночного Дозора.

— Кто-то из молодых, — продолжил Фома. — Кто-то из молодых, умеющих и не боящихся использовать технологию.

— Я, кажется, знаю, кто это, — прошептал я. —

Костя Саушкин.

— Высший вампир, завладевший книгой «Фуараан»? — Лермонт нахмурился. — Я знаю эту историю. Но ведь он погиб!

— Никто не видел тела, — ответил я. — Во всяком случае… он бы не испугался лезть за наследством Мерлина. И технику бы применял без колебаний. А еще — он должен меня ненавидеть. Достаточно сильно, чтобы попытаться пристрелить. Это моя вина! Я отправил его умирать. Он выжил — и решил отомстить.

— Антон, не спеши, — вразумительно сказал Семен. И виновато пояснил Фоме: — Вы уж не серчайте, господин Лермонт! Антон — парень молодой, горячий. Вчера считал, что Костя погиб. Теперь в одночасье все перерешил. А нам сейчас о другом беспокоиться надо. Как вы считаете, господин Лермонт, нашел уже злоумышленник тайничок Мерлинов?

— Мерлин был магом старой закалки, — ответил Лермонт, подумав. — Ключ должен иметь три элемента. Три — число магии, число Силы. Три, семь и одиннадцать.

— Ну да, простые числа, — согласился Семен. — Как не понять. А третья часть ключа?

— Про вторую я узнал случайно, — сказал

Лермонт. — Про третью не знаю ничего. Только предполагаю, что она должна быть. Даже что это такое — предмет, заклинание, жертвоприношение, время суток, — не знаю. Возможно, идти в сумрак надо голым в ночь новолуния, держа в зубах цветок чертополоха. Мерлин — большой шутник.

Мы помолчали. Потом Лермонт натянуто улыбнулся:

— Хорошо, друзья. Я раскрыл вам все тайны, какие знал. Думаю, паниковать раньше времени не стоит. Тайник Мерлина покорится Высшему Иному небывалой силы, который вновь прольет чью-то кровь в «Подземельях» и добудет третий фрагмент ключа. А что это за фрагмент — никому не известно. Давайте успокоимся, пройдем в дом и выпьем чаю.

— Традиция английского чаепития! — уважительно произнес Семен.

Фома насмешливо посмотрел на него и поправил:

— Не английского. Не забывайте, вы в Шотландии. Будьте же гостями в моем доме…

— У меня остался еще один вопрос, — перебил я Лермонта. — Зачем вы пригласили в Эдинбург Егора?

— Ты про юношу-иллюзиониста? — Лермонт вздохнул. — Я решил подстраховаться. Если случится серьезная заваруха, то в первую очередь пострадает наш Ночной Дозор. У меня не так уж и много боевых магов. Зеркало — самое лучшее, что можно противопоставить…

— Кому? — спросил я, когда Лермонт осекся на полуслове.

Далекий предок Лермонтова посмотрел на меня с таким раздражением, что я вполне прочувствовал семейную вспыльчивость характера, раньше времени прервавшую жизнь русского поэта.

— Мерлину! Довольны?

— Вы допускаете, что он…

— Самым ценным для Мерлина всегда был он сам. И Венцом Всего он мог назвать способ вытащить себя из небытия. Шутка вполне в его духе.

— Такого еще не случалось. — Семен покачал головой.

— Не случалось. Но и магов, подобных Мерлину, не было. Его сущность… душа, если хотите, может дремать где-то там, на седьмом слое… пока туда не опустится достаточно сильный маг. Грубо говоря — пока глупое тело само не притащит черной душонке Мерлина новое вместилище! Вас порадует, если Великий Мерлин вернется в

мир? Меня — ничуть! И вот для этого случая мне нужен под рукой потенциальный зеркальный маг. Быть может, это сработает. Быть может, он обернется Зеркалом и уничтожит Мерлина. Чем ты недоволен, Городецкий?

— Да нельзя же так! — воскликнул я с неожиданной даже для себя болью. У меня уже все смешалось в голове — Костя, которого я убил и который, может быть, жив; жаждущий воскрешения Темный маг Мерлин, ничего не подозревающий Егор. — Мы же его с детства использовали для своих операций! А теперь — бросить в ад, прикрыться парнем от Мерлина? Он же мальчишка совсем!

— Хорошо! — Лермонт тоже повысил голос. — Ты привел убедительный довод! Сейчас я выложу перед тобой личные дела всех потенциальных зеркальных магов. Ткнешь пальцем? Выберешь другого кандидата? Там есть девочка девяти лет, мальчик пятнадцати, молодой муж и отец, беременная женщина… они никогда не доживают до старости в неопределенном состоянии, рано или поздно выбирают Свет или Тьму! Они все молодые, все почти дети! Возьмешь на себя выбор? Избавишь меня от этой подлости?

— Да! — закричал я, вскакивая. — Да, возьму!

Избавлю! Тащи свои досье, господин Фома Лермонт!

— Сейчас притащу! — Он тоже поднялся. — Выбирай, выбирай!

Мы стояли, зло глядя друг на друга. И не сразу поняли, что у нас обоих по лицу текут слезы.

Глава 6

Не знаю, принес бы Лермонт досье или все-таки нет.

И уж тем более не могу сказать, что бы я сделал. Наверное, все-таки выбрал бы другого кандидата на роль зеркального мага.

Но нам не дали этого сделать.

Вначале я заметил, как изменилось лицо Лермонта. Он смотрел куда-то в сторону, на дорогу.

Потом я услышал рев мотора и обернулся.

Маленький белый фургон, несшийся по дороге, внезапно свернул и легко проломил символический деревянный забор, обносивший коттедж Лермонта. С диким визгом шин, разбрасывая из-под колес землю и гравий, затормозил.

Задние двери фургончика были заранее сняты. Двое людей выпрыгнули из него, а третий, оставшийся внутри, открыл огонь из закрепленного

на турели пулемета.

Первым среагировал Фома. Он поставил щит, едва машина влетела в его сад. А может быть, и не ставил? Возможно, это было сторожевое заклинание, давным-давно установленное на случай подобного вторжения?

Пулемет грохотал, звук резонировал в кузове и шел в нашу сторону, будто усиленный огромным жестяным рупором. Вместе со звуком шел и поток свинца. Но пули не долетали — мягко останавливались, секунду неподвижно висели в воздухе, будто оживший спецэффект из кинобоевика, после чего падали на землю.

Двое выскочивших, оба в темных масках-капюшонах, залегли у фургона и открыли огонь из автоматов. Из кабины пока никто не показывался.

Они что, идиоты?

Семен несколько раз взмахнул рукой. Я успел заметить и безобидный Морфей, который даст нападавшим десяток секунд на продолжение игры в войнушку, и мгновенно действующий Опиум. Но заклинания не сработали, огонь продолжался, пули все так же вязли в воздухе между нами. Я всмотрелся — нет, это не Иные. Обычные люди. Но у каждого на груди тлела искорка защитного

амулета.

— Только не убивай! — выкрикнул Лермонт, когда я поднял руку.

На мгновенное действие у меня было подвешено только два Тройных Лезвия, я никак не рассчитывал угодить в такую переделку. Я метнул оба, целясь в пулемет. Первый заряд прошел мимо, второй попал — и превратил оружие в горку мелко нашинкованного металла. Грохот немного притих, теперь стреляли только автоматчики, но как-то неуверенно, будто обнаружив невидимый барьер. Это хорошо. У каждой защиты есть предел насыщения, пулеметный огонь быстро вывел бы ее из строя.

На нас напали люди! Обычные люди, но снабженные защитными амулетами. Поступок мало того что небывалый, еще и глупый. Одно дело — расстрелять мага из засады, да еще посредством дистанционно управляемого оружия. А вот так, лицом к лицу, трое стрелков против трех магов… на что они рассчитывали?

Только на то, чтобы отвлечь наше внимание!

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть белый дымный след, несущийся в нашу сторону. Ракету запустили с крыши многоэтажного здания, стоящего едва ли не в километре отсюда.

Но ракета явно была управляемой и шла точно в беседку.

— Фома! — закричал я, наудачу бросая в сторону ракеты Фриз. Но то ли темпоральная заморозка не попала в цель, то ли ракету тоже защитили от магии — ничего не произошло.

— В сумрак! — крикнул Лермонт.

Иногда лучше подчиняться, чем придумывать свои, оригинальные ходы. Я шагнул в сумрак, почти сразу погрузившись до второго слоя. Рядом оказался Лермонт — он тоже счел первый слой недостаточно надежной защитой. Но, к моему удивлению, на втором слое Фома не остановился — взмахнул рукой и погрузился глубже. Недоумевая, я все-таки двинулся за ним на третий слой. К чему это? Сильный взрыв в реальном мире может отразиться на первом слое, но до второго ему все равно не достать… а если уж Фома заподозрил самое ужасное, немыслимое, то ядерный заряд все равно выжигает материю на всех слоях мироздания…

Серую мглу высветило белое пламя. Земля под ногами слабо сотряслась. Слабо — но сотряслась!

— Где Семен? — закричал я.

Лермонт только развел руками. Мы еще несколько секунд медлили, пока в обычном мире

разлетались осколки, стихало пламя и заканчивали падение дымящиеся фрагменты беседки.

А потом вышли обратно.

Аккуратный коттедж Лермонта лишился всех стекол и покрылся мелкой сыпью от осколков. Из окна второго этажа торчала здоровенная ветвь, срезанная взрывом с ближайшего дерева.

Фургончик лежал, перевернутый набок. Рядом застыли два неподвижных тела. Третий, то ли пулеметчик, то ли благоразумно отсиживавшийся водитель, медленно отползал к забору, волоча неподвижные ноги.

Особой жалости к нему я не испытывал. Это был обычный бандит, которого использовали втемную — чтобы отвлечь наше внимание от пущенной ракеты. Он знал, на что шел.

На месте беседки образовалась небольшая воронка, усыпанная свежей белой щепой. Над головой, порхая, кружили и оседали игральные карты — прихотливый случай не сжег их, а подбросил в воздух.

Семен обнаружился у самого фургончика. Он был заключен в сверкающий прозрачный шар, будто выточенный из хрусталя. Шар медленно катился, Семен, раскинув руки и ноги, вращался внутри. Его поза так смешно пародировала

известную картинку «золотого сечения», что я глупо хихикнул. Коренастый, коротконогий Семен никак не походил на мускулистого атлета, нарисованного Леонардо да Винчи.

— Очень неудобное заклинание, — сказал Лермонт с облегчением. — Хотя и надежное.

Хрустальный шар пошел трещинами и распался облачком пара. Семен, оказавшийся в этот момент вниз головой, ловко извернулся и приземлился на ноги. Поковырял пальцем в ухе, спросил:

— Так у вас всегда по субботам принято, господин Лермонт? Или по случаю нашего приезда?

Лермонт на незатейливое ехидство никак не отреагировал. Склонил голову набок, будто вслушиваясь в чей-то голос. И хмурился — все больше и больше.

А потом двумя движениями создал перед собой светящуюся рамку портала. Сказал:

— За мной, господа. Боюсь, это все было отвлекающим маневром.

Я не успел спросить, что он собирается делать с перевернутым фургоном, взорванной беседкой, уползающим бандитом, замаячившими уже на улице соседями. Рядом открылся второй портал — и из него один за другим принялись выпры-

гивать Иные.

Не просто Светлые из Ночного Дозора — они были одеты в полицейскую форму, в бронежилетах и шлемах, с автоматами на изготовку!

Да, Томас-Рифмач, горазд ты кокетничать! Недооценили технологии! Вижу-вижу, как ты ее недооцениваешь…

Лермонт шагнул в портал. Я чуть задержался, ожидая Семена. А тот вдруг остановился, вперив взгляд в сухопарого рыжего мужчину. Завопил:

— Кевин! Старый хрыч!

— Симон! Тупая твоя башка! — восторженно закричал рыжий. — Ты куда? Погоди!

Они обнялись и принялись молотить друг друга по спинам с энтузиазмом спятивших зайчиков из рекламы батареек.

— Потом, потом наговоримся, — выдираясь из объятий Кевина, пробормотал Семен. — Вишь, портал стынет… Я тебе вина привез из Севастополя, помнишь? Мускатное игристое, вот!

Сплюнув, я покачал головой. Ну что за манера — «потом, потом…». В кино герой, который говорит старому другу такие слова, обречен на скорую неминуемую смерть.

Остается лишь порадоваться, что мы — не герои боевиков.

Я шагнул в рамку портала.

Молочное свечение вокруг. Легкость, сравнимая лишь с той, что испытывают космонавты. Тайные тропы, недоступные людям.

Что там сейчас будут делать Иные в форме полицейских? Стирать память случайным свидетелям, убирать все следы произошедшего взрыва, допрашивать нападавших, если те выживут. Черновая работа, из которой на самом-то деле и состоят будни Дозоров.

Но кто посмел? Напасть на сотрудника Дозора — уже безумный поступок. На шефа Дозора да плюс еще двух иностранных магов — совсем неслыханно. А уж использовать при этом людей…

Я вдруг четко осознал, что встреченный мной в «Подземельях» француз тоже был человеком. Нет, не Высший маг, спрятавший от меня свою сущность. Обычный человек. Но потрясающе ловкий, хладнокровный, артистичный. Не такая пешка, как отправленные на смерть бандиты. Уж не он ли выпустил в нас ракету?

А еще вампир. Неужели Костя? Неужели он все-таки выжил?

И в довершение всего защитные амулеты на бандитах, позволившие им выиграть время. Вам-

пиры не способны создавать амулеты. Это работа мага, чародея или ведьмы!

Так с кем же мы столкнулись? Кто ломится в сумрак за наследством Мерлина?

И способен ли он погрузиться до седьмого слоя…

Портал закончился, как всегда, неожиданно. Белое свечение сжалось в рамку, я шагнул в нее — и тут же меня схватили за плечо, резко дернули влево и вниз, уложили под прикрытием импровизированной баррикады — несколько опрокинутых столов.

Вовремя. Над головой пропела пуля.

Я был в «Подземельях Шотландии». В одной из первых комнат.

Рядом прятался за баррикадой Лермонт, а меня уложил на пол темнокожий Иной первого уровня. Судя по количеству заклинаний, подвешенных у него на пальцах, это был боевой маг.

Снова грянул выстрел. Стреляли из открытой двери, ведущей в следующую комнату.

— Фома, что случилось? — Я непонимающе посмотрел на него. — Почему мы лежим? Надо ставить Щит…

Лермонт даже не шевельнулся, но у двери, закупоривая ее, возник барьер. Я не успел удивиться

глупости шотландского мага и порадоваться своей проницательности — снова ударил выстрел, и пуля просвистела над нами. Барьер ее не удержал.

— Прошу прощения, погорячился… — пробормотал я. — А сквозь сумрак?

— Та же беда, что и с ракетой, — пояснил Лермонт. — Пули зачарованы до второго слоя.

— Пошли через третий!

— На третьем — барьер! — напомнил Лермонт. Я пристыженно замолчал.

Темнокожий маг привстал и метнул в коридор несколько заклинаний. Я успел заметить Опиум, Фриз и Буку. В ответ опять выстрелили. Все с тем же четким, механическим ритмом…

— Лермонт, это автомат! — быстро сказал я. — Лермонт, это такой же автомат, что в меня стрелял!

— И что с того? От легких заклятий он защищен. Предлагаешь палить файерболами, устроить пожар и обрушить на нас мост?

Нет, Томас-Рифмач не паниковал, не впал в отчаяние. Он явно пытался что-то придумать. И, наверное, у него был какой-то план. Вот только я медлить не хотел…

Из портала, по-прежнему висящего в воздухе,

шагнул Семен. Тут же присел и на корточках шагнул к баррикаде. Да… опыт порой важнее Силы…

Где-то далеко, за стенами и дверями, раздался крик. Душераздирающий человеческий крик, оборвавшийся на высокой ноте.

…А ярость порой важнее опыта.

Я скользнул в сумрак.

Первый слой. Декорации будто обрели реальность. Стены из гипсокартона и пластика стали каменными, под ногами зашуршали какие-то сухие стебли. Наверное, в сумраке помещения выстроила человеческая фантазия — слишком много людей прошло здесь, искренне принимая правила игры, заставляя себя поверить в подземелья.

В подземелья и драконов.

Маленький дракончик с топорщащейся красной чешуей стоял в каменной арке, загораживая мне проход. Дракончик был ростом мне по плечо, он опирался на две лапы и длинный, свернутый штопором хвост. Перепончатые крылья нервно хлопали по спине. Блестящие фасеточные глаза уставились на меня, пасть открылась — и выплюнула сгусток пламени.

Вот каков ты в сумраке, «Стрелок И»…

Я отпрыгнул к стене, бросая в дракончика

файербол. Совсем маленький, чтобы не вызвать никаких потрясений в реальном мире.

А сам ушел на второй слой.

Подземелье не изменилось. Зато дракончик здесь был черным и немного повыше. Глаза у него округлились и потемнели, а еще появились растопыренные уши. Чешуя превратилась то ли в жесткую шерсть, то ли в прижатые к телу хитиновые иглы. Пасть вытянулась вперед. Крылья превратились в маленькие подрагивающие лапки. Я подумал, что так бы выглядел гибрид Чебурашки и крокодила Гены.

Пасть раскрылась, в мою сторону ударил сноп синих искр.

Увертываясь, я продвинулся еще на несколько шагов. И, снова позабыв про барьер, шагнул на третий слой сумрака.

Вначале мне показалось, что я наткнулся на стену — гибкую, упругую, но непроницаемую стену. Но это было лишь секундное ощущение.

Миг — и я оказался на третьем слое.

И сразу же понял, как это соотносится с предсмертным человеческим криком.

Кто-то вновь открыл барьер. Открыл чьей-то живой кровью.

Но зато дракончика тут не было…

Я побежал по коридору, не заботясь о том, чтобы уничтожить робота-стрелка. Лермонт справится и сам. Никуда не денется. Мне важнее схватить убийцу. Кто бы он ни был — вампир, маг, чародей. Незнакомый — или бывший приятель…

Видимо, это было центральное место «Подземелий». Средоточие Силы, центр воронки, замочная скважина. Та же самая «Кровавая река» — только здесь она выглядела канавой, заполненной пузырящейся, густой, как смола, черной жижей. Сверкающий черный стол. И на нем неподвижное тело в запятнанном кровью белом халате.

Похоже, на этот раз с жизнью расстался один из вольнонаемных людей, состоящих на службе в Ночном Дозоре Эдинбурга. Один из патологоанатомов или иных экспертов, работающих на Лермонта.

Неужели Лермонт не оставил в «Подземельях» надежную охрану? Не устроил засаду для налетчиков? Бросил доверившихся ему людей на произвол судьбы?

Один лишь взгляд на реальный мир сказал мне все.

Оставил. Устроил.

Но недооценил силу врага.

В комнате я насчитал шесть трупов. Из них

трое были чужаками — в полувоенном обмундировании, не принадлежащем ничьей армии, с автоматами — и обоймы автоматов тускло мерцали наложенными на пули чарами. Один — Светлый маг первого уровня. Мертвый, разорванный почти напополам выпущенными в упор автоматными очередями. Неизрасходованная Сила медленно истекала из мага туманным белым свечением. Еще двое застреленных были люди — наемные сотрудники Ночного Дозора. Не спасшие их защитные амулеты огоньками пылали у них на груди. Они тоже умерли с оружием в руках — мертвые руки все еще сжимали пистолеты.

Сколько же их было, нападавших? И сколько ушли ниже третьего слоя?

Я не успел додумать — сквозь сумрак мелькнула быстрая серая тень, погружаясь с первого слоя ко мне, на третий. И передо мной оказался Брюс.

Мастер вампиров выглядел неважно. Грудь его была изорвана пулями. Он тяжело дышал, во рту сверкали клыки.

— Ага! — воскликнул я с таким восторгом, что Брюс сразу все понял.

— Стой, Светлый! — завопил он. — Я на вашей стороне! Я пришел по просьбе Лермонта!

— И кто же в тебя стрелял?

— Робот в коридоре!

Я прищурился, прослеживая «вампирью дорожку». Да, отпечатки ног нежити шли через коридор, от входа в «Подземелья». Кровавую баню устроил не он.

Вот на кого рассчитывал Лермонт, чтобы преодолеть автоматического стрелка. Мертвого трудно убить даже заговоренными пулями.

— Кто он? — Я не уточнял свой вопрос, но Брюс понял.

— Не знаю! Не наш! Чужак! С ним было два десятка людей, но все уже мертвы. И охранники Лермонта мертвы!

— Идем за ним! — приказал я.

Брюс заколебался. Бросил взгляд на истекающее кровью тело — в отличие от остальных убитых этот человек погиб совсем недавно и труп его присутствовал на всех слоях сумрака сразу. Смерть — очень сильная магия…

— Даже не думай, — предупредил я.

— Ему уже ни к чему, — пробормотал Брюс. — Ему ни к чему, а мне еще драться невесть с кем!

Это было гнусно, и это было правдой. Но отдать мертвого сотрудника на корм вампиру…

— Если выпьешь кровь, то барьер возникнет снова, — нашел я аргумент в свою пользу. — По-

шли. Потерпишь.

Брюс скривился, но спорить не стал. Низко наклонил голову, будто собрался бодаться с препятствием, и ушел на четвертый слой.

Я скользнул следом.

Брюс стоял, держась за грудь. Его трясло. В глазах был откровенный страх. Кроме Брюса, тут никого не было. Никого и ничего — подземелья исчезли. Лишь песок, серый и цветной одновременно, лишь разбросанные там и тут черные валуны… И розовато-белое небо без солнца.

— Антон… я не могу ниже.

— Ты бывал на пятом?

— Нет!

— Я тоже нет. Идем!

— Я не смогу! — завопил вампир. — Мать твою, ты что, не видишь, я же умираю!

— Ты давно уже мертв!

Брюс замотал головой так яростно, словно хотел отвинтить ее от шеи.

Если бы у меня была хоть капля сомнения в том, что он притворяется, я бы его заставил. Заставил или упокоил навечно.

Но выход на четвертый слой явно лишил его последних сил.

— Иди за Лермонтом! — велел я.

С явным облегчением Брюс рванулся обратно. Так рвется из смертельных глубин задыхающийся ныряльщик.

А я стал искать на песке свою тень.

Она есть. Я не могу не отбрасывать тени. Я ее обязательно найду.

Иначе случится что-то страшное.

К примеру — восстанет из мертвых Мерлин. И на помощь Ночному Дозору Эдинбурга, уже понесшему тяжелые потери, придет зеркальный маг. Тот, кто вопреки всему сохранит равновесие.

Фокусник Егор.

И это будет ослепительный миг его славы — прежде чем он сгинет, растворится в сумраке, будет выброшен в ничто безжалостной волей изначальных Сил.

Нам же не привыкать использовать людей?

Я зарычал, делая шаг вперед. Эту тень надо искать не на песке. Эта тень — во мне самом.

Меня хлестнуло ледяным ветром — и я вывалился на пятый слой сумрака.

Лицом в зеленую траву.

Дул порывистый холодный ветер. Солнечный свет сочился сквозь плывущие по небу фиолетовые облака — тяжелые, будто снежные.

Холмистая равнина, поросшая колючей высокой травой, тянулась до горизонта. Где-то вдали грохотал гром и били молнии — били наоборот, из земли в небо, в фиолетовые тучи.

Я поднялся, сглотнул — у меня заложило уши. Обычное давящее ощущение сумрака, наползающая слабость, желание побыстрее выйти в реальный мир исчезли. Пятый слой оказался энергетически сбалансирован. Когда глаза привыкли и я присмотрелся, то стало понятно, что краски вокруг все-таки не совсем живые. Трава зеленая — но бледная. Облака скорее сизые, чем фиолетовые. Даже молнии какие-то притушенные, не обжигающие сетчатку глаза.

Но все-таки… Здесь, похоже, можно жить.

Я огляделся. И в примятой траве увидел Стража.

Это был голем — существо, сотворенное из глины и оживленное магией. Штука редкая, давным-давно никем не производимая. Средневековый робот, которого порой пытались приспособить к труду, но чаще создавали для охраны.

Вот только классический голем походил на глиняного человека и оживлялся посредством рун, вложенных в специальное отверстие (тут чувство юмора у магов обычно падало ниже плинтуса).

А этот голем был змеей. Что-то вроде глиняной анаконды длиной метров десять, толщиной с торс взрослого человека, причем хищно оскалившиеся головы были с обеих сторон змеи. Шкура — красновато-серая, будто плохо обожженный кирпич. Глаза голема были открыты… и вот глаза меня испугали больше всего. Они были совсем как человеческие.

Впрочем, почему «совсем как»? Если голема делал Мерлин…

Ровно посередине туловище змеи утончалось, в нем была небольшая, с ладонь, выемка. И вот в этой выемке лежал серый квадратный камень с полустертыми кельтскими письменами.

Да, странный голем. Руна его не оживляла, а убивала.

Или скорее обездвиживала — судя по злобному блеску в глазах.

Я еще раз огляделся. Кроме меня и неподвижного голема — никого. Грабитель могил ушел глубже.

Ну-ка!

Вызвав из памяти боевые заклинания, все самое мощное, что мне довелось узнать и на что хватало сил, я подвесил их на быстрое применение. Надо быть готовым в любую секунду вступить в

бой. Конечно, если смогу пройти глубже…

— Подожди, Антон!

Из воздуха материализовались трое — Лермонт, Семен и незнакомый мне негр. Причем и Семена, и негра Лермонт буквально вытащил вслед за собой, держа под руки. Силен, ох силен…

— Красота какая! — Семен с восторгом огляделся. — Ух… так вот куда…

Он замолчал, увидев голема. Подошел к нему, осторожно пнул. Покачал головой.

— У… зверюга-то какая… Ты завалил, Антон?

— Боюсь, ее так просто не завалишь. — Я показал на Руну. Повернулся к Фоме: — Двигаемся дальше, господин Лермонт?

— Сможешь?

— Попробую.

Лермонт с сомнением покачал головой. Покосился на своего подчиненного, сказал:

— Ты не пройдешь. Я тащил вас из-за… этой твари. Но дальше вам хода нет. Ждите сколько сможете и уходите.

Он глубоко вдохнул — и растворился в воздухе.

Я шагнул вперед.

Ничего.

Еще один шаг. Еще и еще.

— Не выходит? — с сочувствием спросил Се-

мен.

Что ж такое, я ведь на пятый слой пробился, тут совсем спокойно, а я не могу погрузиться глубже!

Шаг. Еще шаг. Где моя тень?

— Антон… — Семен потряс меня за плечо. — Антон, остановись. Ты тратишь силы впустую.

— Я пройду, — прошептал я. — Мне надо…

— Ничего тебе не надо. Лермонт опытнее. Он сам все сделает.

Я замотал головой. Попытался расслабиться. Сюда я вошел на ярости… может быть, дальше пройду на спокойствии? Передо мной всего лишь водораздел. Тонкая пленка поверхностного натяжения между мирами, граница, за которой, как оказывается, жизненная Сила начинает нарастать. Первый слой практически мертв, высушен, бесплоден. Второй — чуть живее. Третий, четвертый — уже начинают напоминать наш мир. Пятый… пятый почти пригоден для жизни. Здесь уже есть краски, здесь холодно, но не настолько, чтобы замерзнуть, здесь растет трава, идут дожди, бушуют странные грозы. Что будет на шестом? Мне надо понять, куда я ломлюсь. В мир, дышащий льдом, умирающий и вымороченный? Где будет трудно дышать, тяжело ходить и трудно

разговаривать?

Нет. Шестой слой будет другим. Еще ярче, чем пятый. Еще живее. Еще ближе к настоящему миру.

Я кивнул своим мыслям.

И шагнул из пятого слоя в шестой.

Здесь была ночь. Может быть, не летняя, но теплая. В небе над головой я не увидел ни единой звезды, но зато там была Луна. Не пояс серой пыли в небе, как на первом слое. Не три крошечные цветные луны, что светят на втором. Самая обычная, привычная человеческому взгляду Луна.

Но ни одной звезды. Звезды — не для Иных.

Под белым прожектором Луны мир казался совсем реальным. Деревья — настоящие, живые, с шелестящими на ветру листьями. Пахнет травой и гарью… я вдруг понял, что впервые ощутил запах в сумраке. Наверное, если пожевать травинку, то и горький вкус сока почувствую…

Гарь?

Я обернулся — и увидел Лермонта. Но уже не в облике плотного пожилого господина, а в его сумеречном воплощении.

Томас-Рифмач стал белокурым великаном ростом под три метра. Его кожа излучала неяркий молочный свет. Он выхватывал из воздуха

сгустки белого и синего огня, смешивал их в исполинских ладонях, будто лепил снежки, бросал куда-то вдаль. Я проследил траекторию — шипящие клубки пламени неслись над равниной, сметая по пути редкие деревья, — и гасли в темном, удаляющемся облаке. Горящие деревья отмечали промахи.

— Фома! — крикнул я. — Я пришел!

Великан смешал в руках совсем уж огромный шар. Крякнул — и метнул вслед темному облаку. Развернулся.

У него было удивительное лицо. Одновременно древнее и свежее, доброе и жесткое, красивое и пугающее.

— Юный маг прошел барьеры, — прогрохотал Томас. — Юный маг спешил на помощь…

Он был сейчас немножко не в себе — как все Иные, которые в горячке боя принимают глубинное, сумеречное воплощение.

Томас в несколько шагов преодолел разделяющее нас пространство. Мне показалось, что даже земля вздрогнула от его шагов.

— Они не справились, мой друг… — Древний бард опустил на мое плечо огромную, как лопата, ладонь. — Они дошли лишь до шестого слоя. Томас их прогнал, да. Томас их прогнал, будто

трусливых шавок.

Лермонт склонил ко мне лицо и доверительно прошептал:

— Но только лишь потому, что враги не приняли боя. Они провели тут достаточно времени, чтобы понять — им не выйти на седьмой слой сумрака.

— Сколько их было, Томас?

— Трое, друг мой. Трое. Правильное число.

— Ты их разглядел?

— Чуть-чуть. — Томас покачал головой. — Ауру здесь не прочесть, но Томас чуть-чуть сумел. Темный Иной — нежить-вампир. Светлый Иной — чародей-целитель. Инквизитор-Иной — боевой маг. Трое собрались за наследством Мерлина. Трое почти прошли. Трое Высших. Но даже Высшим не пройти на седьмой слой сумрака.

— Темный, Светлый и Инквизитор? — изумился я. — Вместе?

— Наследство Мерлина манит всех. Даже Светлых. Как ты думаешь, юный маг, почему Томас хотел сохранить твой приезд в тайне от своего Дозора?

— Все мужчины? — спросил я.

— Все мужчины. Все женщины. Откуда Томасу знать? Томас их не щупал. Томас чуть-чуть по-

смотрел ауру…

— Томас, надо уходить. — Я заглянул в глаза великана. — Томас, пора назад. Пора домой.

— Почему? — удивился великан. — Здесь хорошо, юный маг. Здесь можно жить. Волшебная земля, царство фей и волшебников… Томас может поселиться здесь, Томас может найти свой приют…

— Томас Лермонт, ты глава Ночного Дозора! Вся Шотландия под твоей охраной! Ведьмы, вампиры, вурдалаки… ты же не дашь им бесчинствовать?

Томас молчал, и на мгновение мне показалось, что он откажется. Что он все-таки нашел свое царство фей, куда, по преданию, ушел еще четыреста лет назад.

Конечно, Темные не станут бесчинствовать. Помощь придет — из Англии, из Ирландии, из Уэльса. Найдутся и в Европе, и в Америке Светлые, кто поможет осиротевшему шотландскому Дозору.

Но не станет ли исчезновение Лермонта той каплей, что превратит Егора в зеркального мага?

— Пойдем, мой юный друг, — сказал Лермонт. — Ты прав, ты прав, а я спешу… еще не время… Но послушай, молодой маг! Послушай, как звенит тишина, как поют цикады в траве, как ночные

птицы крылами бьют воздух…

То ли он заставил меня услышать, то ли это все было взаправду, но я услышал сквозь шумное дыхание великана и тишину, и звуки.

— Гляди, как жарко пылает огонь, как серебристые листья ловят лунный свет, как темна трава под ногами… — шептал Лермонт. — Здесь можно жить…

Я увидел.

— Мало кто из Иных при жизни побывал здесь… — Лермонт вздохнул. — Мы приходим сюда только после смерти, понимаешь? Приходим уже навсегда…

У меня по спине пробежали мурашки. Я вспомнил погибших в нашем Дозоре. Игоря, Тигренка, Андрея…

— Ты знал? Ты знал это раньше?

— Все Высшие, кто смог пройти на пятый слой, знают. — Голос Томаса был печален. — Но это слишком опасное знание, юный маг.

— Почему?

— Не стоит знать, что ждет тебя после смерти. Томас знает — и ему тяжело. Томасу хочется сюда. Подальше от людей, жестоких и жадных. Подальше от человеческого зла и человеческого добра. Так сладко… жить в мире Иных…

— Жить?

— Жить, юный маг… Здесь даже вампирам не нужна кровь. Здесь все другое, все иначе. Все так, как должно быть. Тут настоящий мир… на пятом, шестом и самом великом — седьмом слое. Тут возносятся к небу башни мудрецов, изучающих мироздание; кипят жизнью города, полные Света и Тьмы; бродят в девственных лесах единороги и охраняют свои горные пещеры драконы. Сюда мы придем… я — раньше, ты — позже… и друзья выйдут нам навстречу. Я тоже рад буду встретить тебя, юный маг…

Великанская рука обняла меня за плечи, будто ребенка. Фома глубоко и тяжело вздохнул. И продолжил:

— Но не время. Еще не время. Если бы я сумел пройти на седьмой слой… я бы не вернулся. Но здесь моей Силы не хватит. И твоей не хватит, юный маг.

— Я пока не спешу, — пробормотал я. — У меня…

Что у меня? Жена и дочь? Они Иные. Высшие Иные. Мы можем уйти все вместе. В города из Света и Тьмы… где счастливы вместе Алиса и Игорь, где никто не вспоминает о глупых людишках…

Я вздрогнул. Мне показалось, или я тоже стал

выше? Или это уменьшается Лермонт?

— Фома, уходим!

— Подожди. Посмотри на это!

Над нашими головами заплясал белый огонек. Фома вытянул ручищу, указывая на плиту из прозрачного красного камня, прячущуюся в траве под ногами. Это что ж такое, рубин размером с большой поднос?

Я присел. Провел рукой по гладкой поверхности. Посмотрел на черточки кельтских букв.

— Что тут написано, Фома?

— Это писал Мерлин. — В голосе Лермонта появилась задумчивость. — Это писал Мерлин, это сразу и замочная скважина, и последний ключ. На коэлбрене тут написано… — Он помолчал. — Если говорить высоким слогом, то…

— Любым говори! — почти физически чувствуя, как уходит время, воскликнул я.

Венец Всего здесь скрыт. Всего лишь шаг остался.

Но он – наследие для сильных или умных, —

каким-то чужим, более тонким и напевным голосом произнес Фома. И при первых же звуках его голоса вырезанные в камне буквы принялись

светиться, будто под камнем зажгли мощную лампу. Одна за другой буквы превращались в тонкие столбцы света, бьющие в небо.

Получишь все и ничего, когда достать его сумеешь.

Иди вперед, коль ты силен, как я;

Иди назад, коль ты, как я, умен.

Начало и конец, глава и хвост, все слито воедино

В Венце Всего. Так жизнь и смерть неразделимы.

Последняя буква вспыхнула белым одновременно с последним словом Лермонта.

— Ненавижу караоке, — сказал я. — Что все это значит?

— Томас знает не больше тебя, юный маг. — Великан сгреб меня в охапку. — А теперь — уходим!

Я полагал, что Лермонт хочет шагнуть сразу в реальность. Но нет, он вначале вышел на пятый слой, махнул рукой Семену и негру:

— Уходите!

Долго упрашивать их не пришлось. А Лермонт подмигнул мне, наклонился над големом — и вырвал из тела змеи Руну Мерлина.

Глаза твари полыхнули яростью. Туловище петлями взвилось в воздух, две пасти синхронно открылись.

Но мы уже были вне досягаемости Стража. В обычном, человеческом мире. В комнате, полной мертвых тел.

Пожилой толстенький Лермонт отпустил меня и рухнул на пол. Его лицо покрывал пот, даже на топорщащихся усах повисли капли.

Вокруг уже шла привычная суета — Светлые Иные снимали следы ауры, изучали тела, брали кусочки плоти и капли крови для анализов. На меня и появившегося следом Семена сразу же уставились настороженные взгляды, по телу заелозили щупы заклинаний. Обнаружив в нас Светлых, да еще и высокого ранга, дозорные сконфуженно отдернули заклинания.

Чуть в сторонке я увидел и Брюса. Мастер вампиров уже не выглядел ходячим трупом, на щеках даже заиграл румянец. Он сидел в углу, на корточках, и пил что-то из стакана. Я не стал всматриваться, что именно.

— Во дела! — сказал Семен, крутя головой. Вид у него был совершенно счастливый. — И не думал не гадал, что на пятом слое побываю, будто Великий Гесер или Томас-Рифмач. Ох… теперь и

помирать не страшно…

Он подмигнул мне.

— Рот зашью, — с очень знакомыми интонациями произнес Лермонт. — Пятый уровень сумрака — не тема для сплетен.

— Ага, — быстро согласился Семен. — Это я так, по глупости своей балаболю…

— Фома… — Я протянул руку, помогая магу подняться. — Спасибо… что вернулись. И за то, что показали, — спасибо.

— Идем. — Фома быстро вышел в соседнюю комнату, к «причалу», где на темной воде колыхалась железная лодка. Я — за ним. Лермонт навесил над нами Зонтик Тишины — шум сразу стих. — Ты хочешь что-то спросить?

— Да. Кто они?

— Не знаю. — Фома достал платок, утер пот с лица. — До наследства Мерлина пытались добраться уже несколько раз. Но не уверен, что именно эти Иные… последняя попытка была больше века назад. И уж тем более никто раньше так широко не привлекал людей… Все очень серьезно, Антон. Но нам повезло — Мерлин третьим ключом озадачил всех.

— Что значит тот стих?

— Загадка. В ту пору очень любили загадки,

Антон. Считалось хорошим тоном дать противнику возможность победить себя. Призрачную, но все-таки возможность.

— Одно понятно: кроме как ломиться на седьмой слой в лоб, есть еще и обходной путь, — сказал я.

— Похоже на то. Но я не знаю, что тебе сказать. Да и знал бы — не сказал.

— Будешь хранить тайник Мерлина до конца времен?

— Пока смогу. — Лермонт покрутил в руках Руну Мерлина. Вздохнул: — По крайней мере Страж снова охраняет пятый слой. И врагу на этот раз придется снова ее добыть.

— Уничтожь ее, Фома!

Он покачал головой:

— Простых решений не существует, Антон. Если уничтожить Руну, Страж тоже исчезнет. Я спрячу ее понадежнее. Тебе не надо знать как. И… спасибо за помощь…

— Это называется «проваливай»? — Я улыбнулся.

— Это называется «спасибо за помощь». Чем больше здесь будет посторонних, тем больше шума поднимется вокруг случившегося. Я благодарен и тебе, и Семену. Билеты вам привезут

в гостиницу.

— Ясненько. Спасибо и вам, Фома. — Я поклонился. — Свет с вами!

— Подожди, — мягко сказал Томас. Подошел и неожиданно обнял меня. — Я говорю «спасибо тебе!». Не обижайся. У нас сейчас будет много проблем и много гостей из Инквизиции. Неужели ты хочешь застрять здесь на месяц?

— Охраняй Венец, Фома, — сказал я после паузы.

— Думай над тем, что увидел, Антон. Я уверен, что в случившемся замешан кто-то из твоих земляков. Иди к тайне со своей стороны — и мы еще встретимся.

— Найду, кто из наших, — ноги оторву и в уши вставлю, — пообещал я. — До свидания, Томас-Рифмач!

И, уже отойдя к дверям, добавил:

— Да, мы привыкли летать первым классом!

— Скажите спасибо, если багажом не отправлю, — в тон мне ответил Фома. И тут же, развернувшись, пошел назад, к своим сотрудникам.

Эпилог

— И впрямь — плохая это примета, другу в бою сказать, что еще встретимся, — мрачно изрек Семен. — У него даже минутки нет ко мне выбраться. А мы, словно дурни какие, назад полетим. Хоть бы недельку… съездили бы на озера, рыбку половили…

— Семен, нагрянет Инквизиция — застрянем тут на месяц.

— А что, плохо?

— Я человек семейный.

— Ох, верно… — Семен вздохнул. — Дочурка маленькая… она у тебя уже ходит?

— Семен, ну хватит придуриваться!

Мы остановились перед входом в гостиницу. Семен ухмыльнулся, потер переносицу.

— Эх… сколько у нас времени-то?

— Часов пять-шесть. Если будут билеты на вечерний рейс.

— Зайду я сейчас в лавку, сувенирчиков прикуплю. Тебе взять?

— А что именно?

— Как что? Виски да шарфы. Мужикам виски, бабам шарфы. Я обычно по пять штук того и

другого беру.

— Валяй. — Я махнул рукой. — Только мне еще детский шарф, если увидишь. Веселенький какой-нибудь.

— Обязательно.

Я вошел в вестибюль. Портье за стойкой не было, зато лежал конверт с крупной надписью «Anton Gorodetsky». В конверте обнаружились три билета в первый класс — на меня, Семена и Галю Добронравову. Фома мало того что работал с невероятной оперативностью, он еще и не забыл про девочку-оборотня.

На четвертом этаже я постучал в дверь темного люкса. Никакой реакции. Я прислушался — где-то за дверью шумела вода. Достав билет Гали из конверта, я подсунул его под дверь.

Отыскал в карманах ключ и вошел в свой номер.

— Медленномедленноподойдиккреслуисядьвнего, — сказал рыжеволосый парень, который в «Подземельях Шотландии» представился мне Жаном.

Позицию он занял великолепную. У окна, в которое бил слепящий солнечный свет. Моя тень была где-то сзади — не нырнешь.

— Медленноипечальнодвигайсяккреслу, —

протараторил парень.

Он был ускорен, его обволакивало зеленое свечение, исходящее из амулета на руке: с виду обычная фенечка из бусинок, которые плетут хиппи. Сейчас его рефлексы во много раз превосходят человеческие. А учитывая автомат «узи», магазин которого тоже пылал красным от зачарованных пуль, возражать было неумно.

— Говори разборчивее, — попросил я, проходя и садясь в кресло. — Раз ты не убил меня сразу, значит, есть о чем поговорить.

— Ошибаешьсяволшебник, — сказал парень, и я отметил это смешное, детское «волшебник». — Мневелелитебяубить. Нояхочукоеочемтебяспросить.

— Спрашивай.

Мне нужна тень. Мне нужно повернуть голову, увидеть свою тень и нырнуть в сумрак. Там я буду быстрее его.

— Головойневерти! Посмотришьнатеньстреляюсразу. Сколькомас?

— Чего?

— Сколькотакихтварейкактыходитпоземле?

— Ну… — Я задумался. — Ты имеешь в виду Светлых или Темных?

— Всеравно!

— При-и-име-е-ерно-о-о ка-а-ажды-ы-ый де-е-еся-я-яти-и-иты-ы-ыся-я-я-чны-ы-ый, — протянул я. Не из вредности, а пытаясь убедить парня, что он слишком уж ускорился. Впрочем, может ли он регулировать действие чар?

— Сукиненавижу, — сказал парень. — Тебевеленосказатьчтотыпредалдругаизаслуживаешьсмерти…

В дверь постучали. Взгляд парня метнулся к двери. Снова вернулся ко мне. Одним движением он сорвал со стола скатерть, набросил на автомат, по-прежнему нацеленный в меня. Велел:

— Ответь!

— Кто там? Открыто! — крикнул я.

Если это Семен — у нас появятся шансы.

Дверь открылась, и вошла Галя. Но в таком виде, что у меня дыхание перехватило. Коротенькая черная юбочка, почти прозрачный розовый топик — Лолита нервно курит в углу.

Остолбенел и Жан.

— Привет. — Девочка что-то жевала. Сосредоточилась — и выдула здоровенный пузырь жвачки. Пузырь лопнул, заставив Жана вздрогнуть. Я испугался, что сейчас-то он и начнет палить, но пронесло. — А ты кто?

Она уставилась на Жана таким взглядом, что

убийца стал заливаться краской. И ухитрился протараторить и промямлить одновременно:

— Явгостизашел.

— Ну, друзьям Энтони — скидка. — Галя подмигнула парню. Подошла ко мне, покачивая бедрами. Сказала: — Я у тебя трусики забыла, не находил?

Я только и смог, что покачать головой.

— А, фиг с ними, — решила Галя. И стала медленно наклоняться, тянуться губами к моим губам, предоставив Жану возможность уставиться… даже не буду думать, на что именно!

Но он уставился.

— Готовься, — прошептала Галя. Глаза девочки были серьезными, тревожными. Но она все-таки коснулась моих губ — и в глазах заплясали озорные искорки…

За мгновение до того, как она перекинулась в волчицу. Грубо, страшно, разбрызгивая капли крови и лоскутья кожи, не тратя время на полноценный морфинг. Перекинулась — и черной всклокоченной тенью прыгнула на убийцу.

Он начал стрелять в тот самый миг, когда я метнул одно за другим два Тройных Лезвия.

Первое отсекло ему руку с автоматом и выгрызло кусок тела. Куда попало второе, я понял не

сразу. Вскочил, прыгнул к корчащейся на полу волчице. Ее тело приняло все пули, предназначенные мне. Не так уж много — пять или шесть пуль. Если бы только они не были заговоренными…

Жан стоял, покачиваясь. Смотрел на меня безумными глазами.

— Кто тебя послал? — закричал я, ударяя его Доминантой, заклинанием абсолютного подчинения.

Жан вздрогнул, попытался открыть рот — и его голова разлетелась на три части. Мой второй заряд попал в голову.

Тело покачнулось и рухнуло на пол рядом с девочкой-волком. Из артерий, пульсируя, била кровь.

Если бы она была вампиром, а не оборотнем…

Я наклонился над ней — и увидел, что девочка перекидывается обратно в человека.

— Не смей! Умрешь!

— Все равно умру, — отчетливо произнесла она. — Не хочу… зверем…

— Ты не…

В голосе ее на миг прорезалась ирония.

— Глупый… Светлый…

Я встал. Мои руки были в крови. Под ногами

хлюпала кровь. Обезглавленное тело убийцы конвульсивно вздрагивало.

— Что тут… — Семен застыл в дверях. Провел ладонью по лицу. Выругался.

В другой руке у него было два пакета. Один с бутылками. Второй, наверное, с шарфиками.

— Тут? Тут уже ничего, — глядя на мертвую девочку, сказал я. — Уже все.

Магнитик для Завулона я купил в аэропорту Эдинбурга, пока Лермонт и Семен переоформляли билеты. Нам теперь требовалось всего два места в салоне самолета и билет на ненормативный груз — длинный деревянный ящик с наложенными на него чарами. Одно заклинание предохраняло содержимое от разложения. Второе убеждало таможенников, что проверять этот ящик нет никакой необходимости — в нем перевозят безобидные лыжи.

Магнитик был банальный, но красивый: фигурка шотландца в килте и с волынкой. Я спрятал его в карман, потом постоял перед стойкой с открытками. Выбрал одну, с королевским замком, заложил ее в путеводитель по Великобритании. Пока у меня не было никаких оснований отправлять ее девочке Лере. Но я очень надеялся, что рано или поздно смогу выполнить данное подру-

ге Виктора обещание.

Семен был непривычно тих. Не вспоминал, как выглядели самолеты на заре авиастроения, не балагурил. Мы прошли пограничников и таможенников, заняли свои места в салоне. Семен достал фляжку виски, вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул. Мы сделали по глотку прямо из горлышка, заслужив неодобрительный взгляд стюардессы. Она немедленно удалилась в свой закуток, вернулась со стаканчиками и несколькими бутылочками, молча вручила их Семену.

— Не жалей, — негромко сказал Семен. — Темные всегда останутся Темными. Она бы выросла и стала чудовищем. Скорее всего.

Я кивнул. Конечно же, он прав. Это должен понять даже такой глупый Светлый, как я…

Откинувшись в кресле, я закрыл глаза. Подумал, что забыл даже проверить вероятности — не грозит ли самолету катастрофа. А… какая разница. Люди летают, не думая о плохом. Попробую так и я…

— Посмотрел я реальности, — сказал Семен. — Вылетаем на десять минут позже, но прилетаем вовремя. Ветер попутный, повезло, да?

Я надел одноразовые наушники из пластикового пакета, воткнул штекер в розетку, прячущуюся

в подлокотнике. Пощелкал клавишами, выбирая канал. Остановился, услышав знакомую песню:

Что подарено – не теряй,
О потерянном не жалей.
Этот парень у входа в рай
Уже устал от слез и соплей.
Но он видит нас насквозь,
И он не станет нам петь псалмы.
Он нам задаст лишь один вопрос —
Были ли мы, любили ли мы…
Были ли мы, любили ли мы…
Были ли мы, любили ли мы…[9]

[9] Примечания: 9
Кирилл Комаров. *У входа в рай.*

Часть вторая. Общий враг
Пролог

Инспектор пожарной охраны ткнул пальцем в ароматическую палочку, тлеющую в курительнице:

— Что это?

— Опиум, — мечтательно ответила девушка.

В бухгалтерии наступила тишина. На лице инспектора проступили красные пятна.

— Я не шучу. Что это?

— Палочка ароматическая, индийская. Опиум называется. — Девушка оглянулась на коллег, смущенно добавила: — Да это только название, вы не подумайте! Никакого опиума тут на самом деле нет!

— У себя дома курите хоть опиум, хоть коноплю. — Инспектор демонстративно послюнил пальцы и затушил палочку. — А здесь… у вас же сплошные бумаги вокруг!

— Я же смотрю, — возмутилась девушка. — И курительница специальная, видите? Пепел падает на керамическую подставку. Запах приятный, всем нравится…

Она говорила успокоительно и мягко, таким тоном, каким взрослые общаются с маленьким ребенком. Инспектор хотел еще что-то сказать, но тут вмешалась пожилая женщина, сидящая отдельно, за самым большим столом, лицом к остальным бухгалтерам:

— Верочка, ты уж меня извини, но инспектор совершенно прав. Тяжелый запах. Голова от него под вечер болит.

— В Индии, наверное, всегда окна нараспашку, — вступила в разговор третья женщина. — Вот и жгут свои ароматы. Там и антисанитария жуткая, выгребные ямы рядом, гниет все очень быстро, климат такой. Надо забивать вонь. А у нас-то зачем?

Четвертая девушка, ровесница Веры, хихикнула и уткнулась в экран компьютера.

— Ну… так вы бы сказали! — воскликнула Вера. В голосе послышались слезы. — Что ж вы не говорили?

— Обижать не хотели, — сказала самая пожилая.

Вера вскочила и, прижимая ладони к лицу, выскочила в коридор. Процокали по паркету каблучки, хлопнула вдали дверь туалетной комнаты.

— Надо было ей это сказать рано или поздно, — со вздохом произнесла пожилая женщина. — Сил уж нет эти свечки нюхать. То у нее опиум, то жасмин, то корица…

— Помните стручковый перец и кардамон? — воскликнула молодая. — Вот был ужас!

— А ты подругу не высмеивай. Сходи лучше за Верой, уж слишком сильно она расстроилась…

Молодая с готовностью встала и вышла из бухгалтерии.

Инспектор обвел женщин безумным взглядом. Потом посмотрел на своего спутника — молодого упитанного мужчину в футболке и джинсах. Рядом с одетым в форму инспектором он выглядел совсем несолидно.

— Сумасшедший дом, — твердо сказал инспектор. — Повсюду нарушения правил противопожарной безопасности. Как вас еще не закрыли?

— Сам удивляюсь, — согласился мужчина. — Иду порой на работу и думаю: а вдруг все? Вдруг закончился этот бардак? Работать станем согласно КЗОТу, ничего не нарушая…

— Покажите мне пожарный щит второго этажа, — прервал его инспектор, заглядывая в план.

— С удовольствием. — Мужчина распахнул перед инспектором дверь. Подмигнул оставшимся

в кабинете женщинам.

У щита негодование инспектора несколько стихло. Щит был красивый, новенький, аккуратный, выкрашенный в красный цвет. Два огнетушителя, ведро с песком, пустое ведро конической формы, лопата, багор и лом.

— Ну-ну. Ну-ну-ну, — бурчал инспектор, заглядывая в ведро, проверяя даты зарядки огнетушителей. — Как-то даже старомодно. Не ожидал.

— Стараемся, — сказал его провожатый. — Я когда в школе учился, у нас такой же висел.

Инспектор развернул схему. На миг задумался.

— Давайте-ка еще посмотрим… посмотрим ваших программистов.

— А давайте! — оживился мужчина. — Это выше, идите за мной…

Перед лестницей он посторонился, пропуская инспектора вперед. Обернулся, глядя на пожарный щит. Тот побледнел и растворился в воздухе. Что-то с тихим звуком упало на пол. Мужчина улыбнулся.

После визита к программистам у инспектора снова появился повод для негодования. Программисты (две девушки и юноша) беззаботно курили на рабочем месте, провода от компьютеров вились жуткими клубками (инспектор даже залез

под один стол и, кряхтя, проверил розетки на предмет заземления). Спустившись через четверть часа на первый этаж, инспектор вошел в кабинет со странной надписью «Дежурный стрелочник» и разложил на столе бумаги. Сопровождавший его молодой человек сел напротив и с улыбкой стал смотреть, как инспектор заполняет бланк протокола.

— Что за глупая надпись у вас на дверях? — спросил инспектор, не отрываясь от работы.

— «Дежурный стрелочник»? Ну, это тот, на кого валятся все шишки. С проверкой кто придет, трубу прорвет канализационную, пиццу привезут или воду питьевую — всем приходится заниматься. Смесь диспетчера по зданию и завхоза. Должность скучная, дежурим по очереди.

— Чем вообще вы тут занимаетесь?

— Это входит в обязанности пожарной охраны? — Мужчина задумался. — Ну… мы охраняем Москву от порождений зла.

— Шутите? — Инспектор тяжело посмотрел на «дежурного стрелочника».

— Ничуть.

В дверь без стука вошел немолодой, восточной наружности человек. При его появлении дежурный быстро встал.

— Ну, что тут у нас? — спросил вошедший.

— Одна закладка в бухгалтерии, одна в туалете, одна в пожарном щите на втором этаже, — с готовностью ответил дежурный. — Все в порядке, Борис Игнатьевич.

Инспектор побледнел.

— Лас, у нас нет пожарного щита на втором этаже, — заметил Борис Игнатьевич.

— А я иллюзию навел, — похвастался Лас. — Очень достоверно получилось.

Борис Игнатьевич кивнул. Сказал:

— Хорошо. Только ты не заметил еще двух «жучков» у программистов. Я думаю, наш гость не впервые совмещает обязанности пожарного инспектора и шпиона… верно?

— Что вы себе… — начал мужчина. И замолчал.

— Тебе очень стыдно, что ты занимался промышленным шпионажем, — сказал Борис Игнатьевич. — Омерзительно! Ты же был честным человеком… когда-то. Помнишь, ты ездил на БАМ? И не только за деньгами, тебе хотелось романтики, хотелось участвовать в чем-то великом…

По щекам инспектора потекли слезы. Он кивнул.

— А помнишь, как тебя принимали в пионеры? — бодро спросил Лас. — Как ты стоял на линейке и думал о том, что отдашь все свои силы делу победы коммунизма? А вожатая повязывала тебе галстук, почти касаясь тугими сиськами…

— Лас, — ледяным голосом произнес Борис Игнатьевич. — Я не устаю удивляться, как ты стал Светлым.

— Я в тот день в хорошем настроении был, — признался Лас. — Мне приснился сон, будто я маленький и катаюсь на пони…

— Лас! — повторил Борис Игнатьевич.

Дежурный замолчал.

В наступившей тишине послышались всхлипывания инспектора пожарной охраны:

— Я… я все расскажу… Я на БАМ поехал, чтобы от алиментов укрыться…

— Про БАМ не надо, — мягко сказал Борис Игнатьевич. — Рассказывай, как тебя попросили установить «жучки» в нашем офисе.

Глава 1

— Думаю, вы догадываетесь, почему я вас собрал, — сказал Гесер.

В кабинете шефа нас было пятеро. Сам Гесер,

Ольга, Илья, Семен и я.

— Чего ж тут не догадаться, — пробормотал Семен. — Вы собрали Высших и первый уровень Силы. Только Светланы нет.

— Светланы нет, потому что она не в штате Ночного Дозора. — Гесер поморщился. — Я не сомневаюсь, что Антон ей все расскажет. Даже не буду пытаться это запрещать. Но потакать нарушениям не стану… это совещание руководства Ночного Дозора. Хочу сразу предупредить Илью… кое-что из услышанного будет для него новостью, которой в обычных обстоятельствах он бы не узнал. Так вот рассказывать это нельзя. Никому.

— Что именно? — спросил Илья, поправляя очки.

— Пожалуй… пожалуй, все, что ты здесь услышишь.

— Хорошенькое «кое-что», — кивнул Илья. — Как скажете. Если хотите — готов принять знак Карающего Огня.

— Обойдемся без формальностей. — Гесер достал из стола металлический ящичек, принялся в нем рыться. Я тем временем с неизменным любопытством оглядывался. Кабинет у шефа интересен огромным количеством мелких предметов, не то нужных ему для работы, не то просто

памятных. Что-то вроде закромов Плюшкина, ящика с самыми заветными «сокровищами» ребенка и квартиры рассеянного коллекционера, все время забывающего, что же именно он собирает. И еще удивительно, что вроде бы ничего никуда не исчезает, свободного места в шкафах практически нет, а новые экспонаты все прибавляются.

Сейчас мой взгляд остановился на небольшом террариуме. Крышки у него почему-то не было, на стекле приклеена бумажка — то ли с буквами «ООО», то ли с номером «000». Внутри террариума стояла дурацкая игрушка, сделанная в Китае: маленький пластиковый унитаз, на котором в царственной позе восседал тарантул. Вначале мне показалось, что паук пластиковый или дохлый, но потом я заметил, что глазки у паука поблескивают, а жвалы шевелятся. По стеклам ползал другой паук: толстый, кругленький, похожий на мохнатый шарик с ножками. Время от времени паук останавливался и выплевывал на стекло каплю зеленого яда, явно целясь наружу. Впрочем, вниз, в террариум, с паука тоже что-то сыпалось. Внизу шевелились какие-то другие насекомые, жадно протягивающие лапки за угощением. Счастливцы, которым удалось что-

нибудь поймать, начинали радостно прыгать.

— Интересуешься? — спросил Гесер, не поднимая глаз.

— Ага… что это?

— Симулякр. Ты же знаешь, я люблю изучать замкнутые социальные группы.

— И что этот симулякр отображает?

— Один интересный социум, — уклончиво сказал Гесер. — В базовой модели он должен был превратиться в традиционную паучью банку. Но здесь мы имеем двух главных пауков, один из которых занял главенствующую позицию, вовремя взобравшись на возвышение, а второй изображает защиту от внешней агрессии и заботу о членах сообщества. При постоянной активности главенствующих пауков данный симулякр способен функционировать с минимальной аутоагрессией. Иногда только приходится спрыскивать обитателей свежим пивом для релаксации.

— А никто не пытается выбраться? — спросил Илья. — Крышки-то нет…

— Крайне редко. И только те, кому надоедает быть пауком в банке. Во-первых, в террариуме поддерживается постоянная иллюзия борьбы. Во-вторых, пребывание в банке воспринимается подопытными как собственная незаурядность. —

Гесер наконец-то достал из своей коробки какой-то предмет и сказал: — Все, хватит отвлекаться по пустякам. Вот вам первый предмет для размышления. Что это?

Мы молча смотрели на серый кусок бетона, словно вырубленный из стены.

— Магией не пользоваться! — предупредил Гесер.

— Я знаю, — виновато сказал Семен. — Помню я этот случай. Радиомикрофон. Это в пятидесятых нам пытались поставить… или в шестидесятых? Когда мы были трестом «Горсветремтехмонтаж». Какие-то умные ребята из КГБ, верно?

— Верно, — сказал Гесер. — За шпионами тогда охотились — будь здоров. Под горячую руку и нас принялись проверять… внушили мы некоторые подозрения компетентным органам… Хорошо, что свои глаза и уши у нас в КГБ имелись. Провели кампанию по дезинформации, бдительные товарищи схлопотали выговор за нецелевое разбазаривание дорогостоящего оборудования… А вот это?

Теперь в руках Гесера поблескивал здоровенный стальной шуруп. Честно говоря, я даже не знал, что выпускают такие большие шурупы.

— Об этом вы вряд ли знаете, — сообщил Ге-

сер. — Единственная… я надеюсь… попытка Темных шпионить за нами человеческими средствами. Семьдесят девятый год прошлого века. Я имел очень тяжелый разговор с Завулоном. После этого мы подписали приложение к соглашению о запрещенных методах борьбы.

Шуруп отправился в коробку. Вместо него были извлечены две крошечные коричневые «таблетки».

— Это когда у нас хотели здание отобрать! — оживился Илья. — В девяносто шестом. Правильно?

Гесер кивнул:

— Совершенно верно. Одному амбициозному молодому олигарху показалось, что бывшее госпредприятие, а ныне закрытое акционерное общество «Горсвет» — очень лакомый и абсолютно беззащитный кусочек собственности. Однако когда прослушка и внешнее наблюдение установили, какие люди сюда запросто захаживают выпить чая со стариком директором, у олигарха резко поубавилось амбиций.

— Конечно, это тоже была деза? — спросила Ольга с любопытством. Похоже, непривычно витиеватая тирада шефа предназначалась именно для нее, пропустившей те давние события.

Семен хихикнул и тягучим голосом произнес:

— Ты, па-а-анимаешь ли, важные вопросы в масштабах города решаешь, тезка, а за помощью не обращаешься… Ты заходи, если что.

Гесер улыбнулся в ответ:

— Насчет «заходи, если что» ты несколько переборщил. Но ничего, победителей не судят… Итак, это все были дела минувших дней. А вот сегодняшний улов…

Он извлек из коробки что-то, напоминающее кусочек лейкопластыря. Тонкий белый квадратик, с одной стороны немного липкий — Гесер с трудом отодрал его от пальца.

— Технология не стоит на месте, — сказал я с воодушевлением. — Микрофон и передатчик?

— Ты будешь удивлен, но тут еще и магнитофон, — сообщил Гесер. — Все записывается и выстреливается кодированным импульсом за три секунды раз в сутки. Хорошая игрушка. Дорогая. И просто так ее не купишь.

— Давай к делу, Борис, — попросила Ольга.

Гесер бросил «игрушку» обратно в коробку. Обвел нас внимательным взглядом:

— Неделю назад Антон и Семен побывали в городе Эдинбурге. Там произошла нехорошая история… если не вдаваться в подробности

— группа Иных, среди которых имелись как минимум Светлый, Темный и Инквизитор, с помощью людей-наемников, снабженных магическими амулетами, пыталась захватить один из древнейших артефактов. Так называемый Венец Всего, созданный Великим Мерлином незадолго до ухода в сумрак.

Илья присвистнул. Ольга молчала — то ли уже знала это от Гесера, то ли не считала нужным проявлять эмоции.

— Надо добавить, что троица Иных — Высшие, — продолжал Гесер. — Ну… может быть, не все трое. Может быть, двое. Вдвоем они бы сумели протащить третьего на шестой слой сумрака.

Илья, к моему удивлению, смолчал. Остолбенел, наверное. Не думаю, что он погружался ниже третьего слоя.

— Все это неприятно уже само по себе, — сказал Гесер. — Что за артефакт Мерлин спрятал на седьмом, последнем слое сумрака, никто из нас не знает. Но имеются серьезные основания подозревать, что данный артефакт способен уничтожить всю цивилизацию на Земле.

— Еще один «Фуаран»? — спросил Семен.

— Нет, у Мерлина не было знаний для превращения людей в Иных, — покачал головой

Гесер. — Но это что-то очень серьезное. Сейчас охрана артефакта усилена, помимо Ночного Дозора Шотландии, его охраняют Инквизиторы. Но ситуация слишком серьезна. Как мне стало известно, попытки шпионажа за Дозорами происходят в Москве, Нью-Йорке, Лондоне, Токио, Париже, Пекине… короче — во всех ключевых точках планеты. Всюду действуют люди, которые не знают своих нанимателей. Пока никакие поиски злоумышленников успеха не принесли.

— Гесер, а что там, на седьмом слое сумрака? — поинтересовался Илья. — Я знаю, не принято рассказывать о более глубоких слоях тем, кто там не бывал, но…

— Семен тебе расскажет о том, что видел, — ответил Гесер. — Он побывал на пятом. Если хочешь, спроси Антона — он расскажет про шестой. Разрешаю. А что же касается седьмого…

Все с любопытством смотрели на Гесера.

— Я там не был. И не могу ответить на твой вопрос, — твердо закончил Гесер.

— Ха, — сказала Ольга. — Борис, я была уверена, что ты был…

— Нет. Упреждая твой вопрос — и Завулон не был. И никто из известных мне Иных. Полагаю, что на это способен только *нулевой* маг. Облада-

ющий абсолютной Силой. Таким был Мерлин. Такой волшебницей станет Надя Городецкая…

Все дружно посмотрели на меня.

— Пока она не вырастет, в сумрак я ее не пущу, — твердо сказал я.

— Никто и не требует этого, — заверил меня Гесер. — И… ты уж не протестуй сразу. Я хочу, чтобы твою Надю охраняли. Непрерывно. По меньшей мере два боевых мага. Второго-третьего уровня Силы. Против Высших они долго не выстоят, но если снабдить их хорошими артефактами — успеют потянуть время и позвать на помощь.

Илья схватился за голову:

— Борис Игнатьевич! Где ж я вам столько вторых и третьих возьму? Это всю боевую силу с улиц убрать?

— Ну, не всю, — поправил его Гесер. — Вторых у нас все ж таки четверо. Третьих — девять человек. Алишера и Александра поднять до троечки можно.

— Какого Александра? Коростылева? — удивился Илья.

— Нет, Маленкова.

— Сашку можно, — вступила в разговор Ольга. — Я за три дня готова натаскать. Даже за два.

— Стойте! — воскликнул я. — Стойте! А мое

мнение вы хотите услышать?

Гесер с любопытством посмотрел на меня:

— Да, хочу. Только учти, те, кто не добыл артефакт, рано или поздно придут к мысли, что им нужен абсолютный маг. А такой в мире один. Одна. Твоя дочь. Так ты согласен на ее охрану?

— А Светлана что скажет?

— Светлана — мать, — мягко произнесла Ольга. — Я думаю, она помнит, как однажды похитили девочку. И понимает, что не может сама круглосуточно охранять дочь.

— Света согласится, Антон, — кивнул Семен. — К гадалке не ходи.

— Борис Игнатьевич, но что мне с улицами-то делать? — взмолился Илья. — Это я вам официально заявляю как ваш заместитель по патрульной службе! Четвертый и пятый уровень на самостоятельную работу выпускать? Темные на голову сядут!

— Не сядут. — Гесер поморщился. — Завулон тоже выделяет своих магов второго и третьего уровня для охраны Нади Городецкой.

Я схватился за голову. Зато Илья сразу успокоился:

— Так от нас только половина телохранителей требуется? Тогда я…

— Нет, не половина. Двое наших и двое Темных.

— Гесер! — воскликнул я.

— Антон, это делается для безопасности твоей дочери, — твердо ответил Гесер. — Все, вопрос закрыт! Работаем дальше. Ты, Илья, после совещания останешься, мы с тобой обсудим, кого направить в телохранители и как экипировать.

Я молчал. Я весь кипел в душе, но молчал.

— Пока мы говорили только об обороне, — продолжал Гесер. — Меры защиты Дозора от средств технической разведки… и от возможной атаки людей-наемников я поручаю разработать Ольге. Привлеки Толика от компьютерщиков. И Ласа от оперативников.

— Он же слабый маг, — фыркнула Ольга.

— Зато нестандартно мыслит, — сказал Гесер. — Что же касается боевых столкновений Иные — люди, то здесь ты и сама все прекрасно знаешь. Опыта тебе не занимать.

Я с любопытством посмотрел на Ольгу. Интересный у нее, оказывается, опыт…

— От вас всех мне сейчас нужно другое, — продолжал Гесер. — Как будем атаковать?

— Кого? — не выдержал я. — Если бы мы знали, кто мутит воду…

— Атаковать — это не обязательно кидаться в бой, — наставительно произнесла Ольга. — Атаковать — это еще и совершать неожиданные для противника действия, ломать его планы.

Гесер одобрительно кивнул.

— Тогда у нас всего один выход, — сказал я. — Ну, кроме поиска предателей… тут, я полагаю, Инквизиция носом землю роет? Нам надо пробиться на седьмой уровень. Но если мы не можем… цепочка Силы?

— Завулон предложил Круг Силы, — кивнул Гесер. — Но ни мы, аккумулируя Силу друг друга, ни Темные, высасывая друг друга дочиста… даже с жертвоприношением человека… все равно это не поможет. Барьер между слоями сумрака усиливается по экспоненте. Мы считали.

— Даже жертвоприношение? — поразился Семен.

— Даже, — сухо сказал Гесер.

— Тот стишок… на шестом слое… — Я посмотрел на Гесера. — Помните, я вам рассказывал?

— Воспроизведи, — кивнул Гесер.

Венец Всего здесь скрыт. Всего лишь шаг остался.

Но он – наследие для сильных или ум-

ных,

Получишь все и ничего, когда достать его сумеешь.

Иди вперед, коль ты силен, как я;

Иди назад, коль ты, как я, умен.

Начало и конец, глава и хвост, все слито воедино

В Венце Всего. Так жизнь и смерть неразделимы, —

прочитал я на память.

— И что нам это дает? — почти весело спросил Гесер.

— Иди назад, коль ты, как я, умен, — повторил я. — Есть какой-то обходной путь на седьмой слой! Не обязательно биться лбом в барьер.

Гесер кивнул:

— Правильно. Мне хотелось, чтобы это сказал именно ты.

Семен с сочувствием посмотрел на меня. Ну, все понятно. У нас как в армии — кто предложил, тот и выполняет.

— Вы только не переоценивайте мои умственные способности, — пробормотал я. — Конечно, я подумаю. И Светлану попрошу поразмышлять об этом. Но пока мне ничего в голову не приходит.

Может, в архивах порыться?

— Пороемся, — пообещал Гесер. — Но есть еще один путь.

— И он предназначен для меня, — произнес я. — Догадался?

— Антон, опасность грозит твоей дочери, — просто сказал Гесер.

Я развел руками:

— Сдаюсь. Хорошо, готов. Куда? В жерло вулкана? Подо льды Арктики? В космос?

— В космосе, как ты знаешь, нам делать нечего. — Гесер поморщился. — Есть некоторая надежда… небольшая. Возможно, что кто-то из товарищей Мерлина догадывается, что тот имел в виду.

— Это надо найти живого ровесника… — начал я.

— Я ровесник… более или менее, — скучным голосом сказал Гесер. — Но, увы, с Мерлином знаком не был. Ни в бытность его Светлым, ни в бытность его Темным. Что вы так смотрите? Да, это возможно. Иногда. Для Высших. Дело не в этом… надеюсь, никто из вас не собирается менять цвет?

— Борис Игнатьевич, не тяните, — попросил я.

— Мерлин был дружен… насколько это вообще

возможно, с Иным, которого я знал под именем Рустам.

Я переглянулся с Семеном. Тот пожал плечами. Ольга тоже выглядела озадаченной.

— У него было много имен, — продолжал Гесер. — Когда-то он тоже был в Дозоре. Очень, очень давно. Когда-то мы с ним были друзьями. Много раз помогали друг другу в бою… много раз спасали друг другу жизнь. Потом мы стали врагами. Несмотря на то что он был и остался Светлым.

Гесер помолчал. Похоже, ему не очень-то хотелось это вспоминать.

— Он жив до сих пор. Живет где-то в Узбекистане. Я не знаю, где именно, он равен мне по силе и способен замаскироваться. В Дозоре он давным-давно не служит. Скорее всего — живет как обычный человек. Тебе придется его найти, Антон. Найти и уговорить помочь нам.

— Угу, — сказал я. — Что нам тот Узбекистан? Раз — и прочесал, два — нашел скрывающегося мага, который сильнее меня…

— Я не говорю, что это просто, — признал Гесер.

— Три — уговорил помочь.

— Тут чуть проще. Дело в том, что он спасал

меня шесть раз. Я его — семь. — Гесер усмехнулся. — За ним должок. Даже если он по-прежнему ненавидит меня. Если ты его найдешь, то он ответит…

В голосе Гесера не было убежденности, и это все почувствовали.

— Ведь не факт, что он вообще что-то знает! — сказал я. — А жив ли он?

— Десять лет назад был жив, — сказал Гесер. — Его узнал мой помощник, девона. И рассказал об этом своему сыну.

— Великолепно, — кивнул я. — Просто замечательно. Наверное, как это принято, я должен отправиться в путь безоружным и в полном одиночестве?

— Нет. Ты отправишься в путь экипированный по полной программе, с толстой пачкой денег и мешком полезных артефактов.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять — шеф вовсе не шутит.

— И не один, — добавил Гесер. — С тобой поедет Алишер. На Востоке, знаешь ли, сила и деньги — не главное. Куда важнее, чтобы за тебя поручился кто-то свой.

— Еще и Алишер… — вздохнул Илья.

— Извини, — без малейшей вины в голосе отве-

тил Гесер. — Будем считать, что мы на военном положении. Тем более что так оно и есть.

Нечасто мне доводится возвращаться домой средь бела дня. Если выпало идти в дозор — домой приходишь под утро. Если же предстоит обычный рабочий день, то раньше семи с работы не доберешься. Даже обладая способностью предугадывать заторы на дорогах — чем она поможет, если пробки повсюду?

И, разумеется, любая жена без всякой магии знает, что просто так муж с работы раньше времени не приходит.

— Папка, — сообщила Надя. Разумеется, она стояла у дверей. Мой приход она предвидит с того момента, как я подхожу к подъезду — это если занята каким-нибудь важным детским делом. Если же ей скучно — то с того момента, как я выхожу из офиса.

Я попытался подхватить дочку на руки. Но ее явно куда больше интересовали идущие по телевизору мультики: из гостиной доносилось писклявое «Ля, ля, ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!». А дочерний долг уже был исполнен, папа с работы встречен, ничего интересного в руках и карманах у него не обнаружилось.

Так что Надюшка ловко выскользнула из моих

рук и унеслась к телевизору.

Я разулся, бросил на галошницу купленный по дороге «Автопилот», прошел в гостиную, по пути потрепав дочку по голове. Надя замахала руками — я заслонял ей экран, на котором мчался на лыжах однорогий синий лось.

Светлана выглянула из кухни. Внимательно посмотрела на меня. Хмыкнула и снова скрылась.

Оставив попытки исполнить отеческие функции до лучших времен, я прошел на кухню. Светлана варила суп. Никогда не мог понять, почему женщины проводят так много времени у плиты. Что там так долго делать? Кинул в воду мясо или курицу, включил плиту, оно все само и варится. Через час накидал макарон или картошки, овощей каких-нибудь — вот и готова еда. Ну, посолить еще надо не забыть, это самое сложное.

— Чемодан сам соберешь? — спросила Светлана, не оборачиваясь.

— Гесер звонил?

— Нет.

— В будущее заглядывала?

— Я же тебе обещала, что не буду этого делать без спроса… — Светлана на миг замолчала, потому что я подошел сзади и поцеловал ее в шею. — Или без крайней необходимости…

— Тогда почему спросила про чемодан?

— Антон, если ты днем приходишь с работы, то вечером я ложусь спать одна. Либо тебя в дозор отправляют, либо в командировку. Но в дозор ты ходил два дня назад, обстановка в городе спокойная…

В гостиной засмеялась Надя. Я заглянул в дверь — лось-горнолыжник, выпучив глаза, несся прямо на цепочку мелких и явно малолетних зверушек, гуськом идущих вдоль края пропасти. Ой, что сейчас будет…

— Света, ты уверена, что Наде можно смотреть такие мультики?

— Она же смотрит новости, — спокойно ответила Светлана. — Ты не увиливай. Что случилось?

— Еду в Самарканд.

— У тебя интересная география командировок. — Светлана зачерпнула ложкой суп, подула, попробовала. — Соли мало… Что там стряслось?

— Ничего. Пока ничего.

— Бедные узбеки. Если ты приедешь, то обязательно что-то произойдет.

— Гесер сегодня устроил совещание. Созвал высший и первый уровень…

Я коротко пересказал Светлане все, о чем мы говорили. К моему удивлению, реакции не по-

следовало — даже на известие о том, что Надю теперь будут скрытно охранять два Светлых и два Темных мага. Точнее, реакция была именно такая, какую предсказывала Ольга.

— Гесер все-таки молодец, — сказала Светлана. — Я сама думала ему позвонить… и попросить охрану.

— Ты всерьез… допускаешь?

Светлана посмотрела на меня. Кивнула. Добавила:

— Пока я рядом, Наде ничто не грозит. Поверь, я и трех Высших в порошок сотру. Но лучше подстраховаться. Когда ты летишь?

— Через пять часов. Из Шереметьево.

— Семен тебя за час довезет. Часа два у тебя еще есть. Поешь, потом соберемся. Как долго ты там будешь?

— Не знаю.

— А сколько мне тогда класть белья и носков? — резонно спросила Светлана. — Я не представляю, чтобы ты в дороге что-то стирал.

— Куплю новое, старое выброшу. Гесер обещал дать кучу денег.

— Интересно, что для него «куча», — с сомнением ответила Светлана. — Я пять пар белья соберу. Садись за стол, я наливаю суп.

— Папа! — позвала из гостиной Надя.

— Что, доча? — откликнулся я.

— Папа, а дядя Афанди мне бусы подарит?

Мы со Светланой переглянулись — и быстро вышли в гостиную. Дочка по-прежнему смотрела мультики. На экране компания разноцветных зверюшек собралась вокруг костра.

— Наденька, какой дядя?

— Дядя Афанди, — не отрываясь от экрана, сказала дочка.

— Какой Афанди? — терпеливо повторила Света.

— Какие бусы? — уточнил я.

— Дядя, к которому папа едет, — с интонацией «какие же вы глупые, взрослые!» сообщила Надя. — А бусы синенькие. Красивые.

— Откуда ты знаешь, к кому папа едет? — продолжала расспросы Светлана.

— Вы же сейчас об этом говорили, — невозмутимо ответила Надя.

— Мы не говорили, — возразил я. — Мы говорили, что я еду в командировку в Узбекистан. Это такая красивая страна на Востоке, там когда-то жил дядя Гесер. Помнишь дядю Гесера? А про Афанди мы не говорили.

— Значит, мне послышалось, — ответила На-

дя. — Нет никакого дяди.

Светлана покачала головой и укоризненно посмотрела на меня. Я развел руками — да, виноват, зря встрял. Мама выспросила бы куда больше…

— А бусы все равно есть, — вдруг непоследовательно добавила Надя. — Привези, ладно?

Спрашивать про дядю Афанди больше не имело смысла. Надюшку «пробивало» на предвидения лет с трех, если не с двух. Но пророчествовала она совершенно неосознанно, и стоило только начать расспросы «откуда ты это знаешь?», как девочка тут же замыкалась.

— Моя вина, — покаялся я. — Извини, Света.

Мы вернулись на кухню. Светлана молча налила мне суп, отрезала хлеб, вручила ложку. Иногда мне кажется, что она играет роль самой обычной женщины с подчеркнутой иронией. Но, в конце концов, это был ее выбор. Гесер бы пришел в восторг, вернись Светлана в Дозор.

— У Рустама много имен… так сказал Гесер? — задумчиво спросила Светлана.

— Угу, — сказал я, хлебая суп.

— Можно предположить, что сейчас его зовут Афанди.

— Все может быть. — Я не то чтобы очень уж на это рассчитывал, но в моей ситуации даже

самой сомнительной ниточкой пренебрегать не приходилось. — Я поспрашиваю.

— Хорошо, что с тобой будет Алишер, — заметила Светлана. — Ты уж предоставляй ему почаще спрашивать. Восток — дело тонкое.

— Очень свежая мысль… — кисло сказал я. — Извини. Сегодня я все время выслушиваю мудрые мысли о Востоке. Реки красноречия уже заполнили озера моего внимания, о рахат-лукум моего сердца!

— Папа, привези рахата и лукума! — немедленно откликнулась дочка.

С Алишером я по работе сталкивался нечасто. Он предпочитал работать «в поле» — не вылезал из патрулей, в офисе появлялся обычно по утрам, с красными от недосыпа глазами. Я как-то слышал, что у него был роман с какой-то девочкой из бухгалтерии, Иной седьмого уровня. Но в общем-то я очень мало о нем знал. Парень от природы замкнутый, а я не люблю первым завязывать дружбу.

Впрочем, с Семеном, похоже, у него были более приятельские отношения. Когда я спустился и сел в машину, Семен как раз заканчивал рассказывать анекдот. Я садился рядом с Семеном, когда тот, перегнувшись назад, тонким голосом

балованной девочки произнес:

— Хорошо, папа, пойдем долгим путем. Привези мне, пожалуйста, аленький цветочек!

Алишер захохотал и только после этого протянул мне руку.

— Привет, Антон.

— Привет, Алишер. — Я пожал руку и передал ему сумку. — Брось на заднее сиденье, неохота в багажник лезть.

— Как Светка? Не ругала? — спросил Семен, трогая с места.

— Нет, что ты. Пожелала удачи, вкусно накормила и дала массу полезных советов.

— Хорошая жена — она и мужу в радость! — бодро сказал Семен.

— Чего-то ты сегодня веселый, — не удержался я. — Или Гесер тебя тоже в Самарканд отправляет?

— Дождешься от него, — наигранно вздохнул Семен. — Слушайте, ребята, а чего вы в Самарканд? Там же столица Бинкент, я точно помню!

— Ташкент, — поправил я.

— Не, Бинкент, — сказал Семен. — Или не Бинкент? О, вспомнил! Шаш город называется!

— Семен, ты не такой старый, чтобы Бинкент помнить, — насмешливо сказал сзади Алишер. —

Бинкент, Шаш — это давно было. Это только Гесер помнит. А летим мы в Самарканд, потому что самый старый Светлый Иной, работающий в Дозоре, там живет. В Ташкенте Дозор больше, у них там понты столичные, но работает в основном молодежь. Даже начальник их младше тебя.

— Ишь ты… — Семен покачал головой. — Удивительно. На Востоке — и сплошная молодежь в Дозорах?

— А старики на Востоке не любят воевать. Старики любят смотреть на красивых девушек, кушать плов и играть в нарды, — серьезно ответил Алишер.

— Ты домой часто ездишь? — спросил Семен. — К родным, к друзьям?

— За восемь лет ни разу не ездил.

— Чего так? — удивился Семен. — Неужели не скучаешь по дому?

— У меня нет дома, Семен. И родных нет. И друзей у сына девоны не бывает.

Наступила неловкая тишина. Семен молча вел машину. Потом я не выдержал:

— Алишер, если это не слишком личный вопрос… Твой отец — он был человеком? Или Иным?

— Девона — слуга, которого создает себе могу-

щественный маг. — Голос Алишера был ровным, будто он лекцию читал. — Маг находит безродного дурачка, который никому не нужен, и впускает в него Силу из сумрака. Накачивает чистой энергией… так что на свет появляется глупый, но очень здоровый и владеющей магией человек… Нет, уже не совсем человек. Но и не Иной, вся его сила — заемная, вложенная когда-то магом. Девона верно служит своему повелителю, может творить чудеса… но с головой у него по-прежнему не все в порядке. Обычно маг выбирает дебилов или даунов, они не агрессивные и очень преданные. Вложенная Сила дает им здоровье и долголетие.

Мы молчали. Мы не ожидали от Алишера такой откровенности.

— В народе девону считают одержимым духами. Отчасти так оно и есть… это словно взять пустой треснувший сосуд и заново его наполнить. Только вместо разума обычно наполняют преданностью. Но Гесер — он не такой, как другие. Даже как другие Светлые. Он исцелил отца. Не совсем… ему тоже не все подвластно. Когда-то отец был полнейшим безумцем. Я думаю, что у него была имбецильность, видимо — из-за органических повреждений мозга. Гесер исцелил

его тело, и со временем отец обрел нормальный, человеческий разум. Он помнил, что когда-то был круглым дураком. Знал, что если Гесер вовремя не вольет в него новую Силу — его тело вновь отторгнет разум. Но служил Гесеру не за страх. Он говорил, что отдаст за Гесера жизнь только за то, что однажды осознал себя. Стал человеком. И за то, конечно, что у него, юродивого, была семья и родился сын. Он очень боялся, что я вырасту дураком. Но обошлось. Вот только… только в народе у нас помнят все. Что мой отец — девона, что он слишком долго живет на свете, что был когда-то безумцем, не способным подтереть себе нос, — все это помнили. Родные отреклись от матери, когда та ушла к отцу. И меня не признали. И детям запрещали со мной играть. Я — сын девоны. Сын человека, который должен был прожить жизнь животного. Мне некуда возвращаться. Теперь мой дом — здесь. Моя работа — делать то, что велит Гесер.

— Ну дела… — тихо сказал Семен. — Сурово у вас… сурово. Помню, гоняли мы басмачей… — Он осекся, виновато оглянулся на Алишера: — Ничего, что такое говорю?

— А что не так? — вопросом ответил Алишер.

— Ну, может, они нынче у вас не басмачи, а

народные герои…

— Когда Гесер был комиссаром в Туркестане, отец воевал в его отряде, — с гордостью сказал Алишер.

— Как воевал? — всполошился Семен. — Это в каком году?

— В начале двадцатых.

— Нет, я позже… В Гарме, в двадцать девятом, когда из-за границы басмачи прорвались…

Они принялись оживленно обсуждать какие-то события давно минувших дней. Как я понял, отец Алишера и Семен едва-едва не пересеклись — оба сражались рядом с Гесером, когда тот подвизался на военной службе в Красной Армии. Честно говоря, я не совсем понимал, каким образом Гесер мог участвовать в событиях времен Гражданской войны. Не мог же Великий Светлый файерболами забрасывать белогвардейцев и басмачей! Похоже, не все Иные восприняли ту революцию равнодушно. Кто-то встал на одну из противоборствующих сторон. И вот для борьбы с ними и мотался по азиатским степям и пустыням Великий Гесер со товарищи.

А еще я подумал, что, пожалуй, догадываюсь, из-за чего поссорились Гесер и Рустам.

Глава 2

Это очень правильно — приезжать в чужой город под утро. На поезде, на самолете — все равно. День начинается будто с чистого листа…

В самолете Алишер снова стал молчалив и задумчив. Я продремал почти весь полет, Алишер молча смотрел в иллюминатор, будто было что-то интересное на далекой, погруженной в ночь земле. А уже перед посадкой, когда мы влетели в утро и самолет начал снижение, спросил:

— Антон, ты не будешь против, если мы на время разделимся?

Я с любопытством посмотрел на молодого мага. Инструкции Гесера ничего подобного не предусматривали. Про своих родственников и друзей, точнее — про их отсутствие, Алишер уже все сказал.

Впрочем, догадаться, о ком может думать парень, в двадцать с небольшим покинувший родину, было нетрудно.

— Как ее зовут? — спросил я.

— Адолат, — ответил он без всякого притворства. — Мне хочется ее увидеть. Узнать, что с ней стало.

Я кивнул. Поинтересовался:

— Это имя что-то значит?

— Все имена что-то значат. А разве ты не попросил Гесера вложить тебе знание узбекского? — поразился Алишер.

— Он не предложил, — промямлил я. И в самом деле, почему я об этом не подумал? И как мог Гесер так опростоволоситься? Основные мировые языки Иные изучают в обязательном порядке — и, конечно, с помощью магии. Редкие языки может вложить в твое сознание более сильный или опытный маг. Гесер бы смог. Алишер — нет…

— Значит, он считал, что это тебе не нужно, — задумчиво сказал Алишер. — Интересно…

Похоже, Алишер не мыслил себе ошибки Гесера.

— Мне понадобится знание узбекского? — спросил я.

— Вряд ли. Русский знают почти все. Разве что совсем молодые и глупые не учат русский язык… Что ж, тебя все равно не приняли бы за узбека. — Алишер улыбнулся. — Адолат — справедливость. Красивое имя, да?

— Красивое, — согласился я.

— Она обычный человек, — пробормотал Алишер. — Но у нее хорошее имя. Светлое. Мы

учились вместе в школе…

Самолет тряхнуло — мы выпустили шасси.

— Конечно, съезди к ней, — сказал я. — Думаю, до офиса Дозора я доберусь и сам.

— Не подумай, что я только из-за девушки. — Алишер улыбнулся. — Мне кажется, лучше будет, если вначале ты поговоришь с местными дозорными сам. Покажешь им письмо от Гесера, посоветуешься… А я подъеду через час-полтора.

— Ты не слишком дружил с коллегами? — тихо спросил я.

Алишер не стал отвечать — и это было ответом.

Я вышел из здания аэропорта — явно недавно реконструированного, выглядящего вполне современно. В руках у меня была только сумка с вещами и маленький пакет из дьюти-фри, более ничего. Остановился, оглядываясь. Ослепительно-синее небо и накатывающая, несмотря на раннее утро, жара… Пассажиров оказалось немного, наш рейс был первым с вечера, следующий ожидали только через час. Меня сразу же обступили частники, на разные голоса предлагая свои услуги:

— Поехали, дорогой!

— Весь город покажу, будет тебе экскурсия

бесплатно!

— Куда едем?

— Садись, у меня в машине хорошо, кондиционер!

Я покачал головой, посмотрел на пожилого таксиста-узбека, который спокойно ждал возле старой «Волги» с нарисованными по трафарету шашечками такси. Спросил:

— Свободен, отец?

— Человек свободен, пока он верит в свою свободу, — философски ответил таксист. По-русски он говорил очень хорошо, совсем без акцента. — Садись.

Ну вот. Не успел прилететь — из меня откуда-то вылезло обращение «отец», а из таксиста в ответ — очередная цветистая мудрость Востока. Я спросил:

— Это кто-то из великих сказал?

— Это мой дед сказал. Он был красноармеец. Потом враг народа. Потом директор совхоза. Да, он был великий.

— Его не Рустамом звали? — поинтересовался я.

— Нет, Рашидом.

Машина выехала со стоянки, я подставил лицо ветру из окошка. Воздух был теплый, свежий

и пахнущий совершенно не так, как в России. Дорога тоже оказалась хорошая, даже по столичным меркам. Стена деревьев вдоль трассы приносила тень и создавала ощущение, что мы уже в городе.

Таксист задумчиво сказал:

— Кондиционер… Все теперь обещают пассажирам прохладу. А разве наши деды и прадеды знали про кондиционер? Они открывали окна в своей машине, и им было хорошо!

Я недоуменно посмотрел на водителя. Таксист улыбнулся:

— Шучу так. Из Москвы приехали?

— Да.

— Совсем без багажа… Ай-ай-ай! — Он поцокал языком. — Неужели потеряли?

— Срочная командировка. Времени не было собраться.

— Срочная? В нашем городе не бывает ничего срочного. Тысячу лет назад, две тысячи лет назад, три тысячи лет — здесь уже стоял город. Он разучился быть срочным.

Я пожал плечами. Машина и впрямь ехала как-то неспешно, но это не раздражало.

— Так куда едем? У нас есть гостиница «Самарканд», есть гостиница…

— Нет, спасибо. Я сюда не спать приехал. Мне надо на базар. На Сиабский, в Старом городе.

— Вот это правильно! — воодушевился водитель. — Человек знает, куда едет и зачем. Прилетел — и сразу на базар. Без вещей, без жены, без проблем — так и надо жить! Но деньги-то захватил, на базар идти?

— Захватил, — кивнул я. — Как на базар без денег? А сколько я вам должен буду? И что берете — сомы, рубли?

— Да хоть доллары или евры, — беззаботно ответил водитель. — Сколько не жалко, столько и дашь. Я ведь вижу — человек хороший, так зачем торговаться? Хороший человек стесняется мало заплатить бедному таксисту. Он сам платит больше, чем у меня совести хватает просить.

— А вы хороший психолог, — засмеялся я.

Водитель кивнул:

— Хороший? Да… наверное. Кандидатскую в Москве защищал. Давно… — Он помолчал. — Но психологи сейчас не очень нужны. Таксистом больше зарабатываю.

Он помолчал. Я тоже не нашелся, что ответить. Но мы уже ехали по городу, и вскоре водитель принялся перечислять, куда мне непременно надо сходить в Самарканде. Три медресе, состав-

ляющие архитектурный ансамбль Регистан, мечеть Биби-Ханум… Все это, кстати, как раз у самого лучшего самаркандского базара, Сиабского, слава которого, как теперь ясно водителю, давно уже достигла Москвы. Базар тоже надо посетить, и даже в первую очередь. Не побывать на нем просто грешно. Но я человек правильный и такой ошибки не совершу…

Наверное, водитель был бы очень расстроен, если бы увидел, как я миновал вход на базар. Нет, побывать я там, конечно же, планировал. Работа — работой, но надо же и какие-то впечатления с собой увезти!

Но не сейчас.

Так что я выбрался из шумной толпы на подходе к базару, миновал стайку японцев (и сюда добрались!), как положено, увешанных крошечными фотоаппаратами и видеокамерами, — после чего двинулся в обход Биби-Ханум. Мечеть действительно впечатляла. Керамическая облицовка огромного купола отливала на солнце лазурью. Входной портал был так огромен, что, на мой взгляд, превосходил Триумфальную арку в Париже, а отсутствие барельефов на стенах вполне возмещал затейливый узор глазурованных синих кирпичей.

Но сейчас меня ждал совсем не помпезно-туристический район.

В каждом городе есть улицы, которые построены под несчастливой звездой. Они совсем не обязательно расположены на окраине. Иногда рядом с угрюмыми фабричными корпусами, иногда вдоль железных дорог или автомагистралей, порой у какого-нибудь парка или уцелевшего по недоразумению городских властей оврага. Там неохотно селятся, но и уезжают оттуда редко — будто скованные какой-то затянувшейся дремотой. И жизнь там идет по каким-то совсем другим законам и совсем в другом темпе…

Я помню один район в Москве, где вдоль заросшего деревьями оврага шла дорога с односторонним движением. Вроде бы самый обычный спальный район — но словно скованный дремотой. Я оказался там зимним вечером на ложном вызове — ведьма, делавшая приворот, имела лицензию. Машина уехала, меня оставили составлять протокол об отсутствии взаимных претензий, потом я вышел из дома и стал ловить машину — вызывать такси и ждать в квартире ведьмы не хотелось. Несмотря на не слишком поздний час, уже совсем стемнело. Валил снег. Людей на улице совсем не было, видимо, от метро

все двигались другой дорогой. Машины тоже куда-то подевались, а те, что все-таки проезжали мимо, не спешили останавливаться. А у самого оврага, огороженный низким заборчиком, оказался маленький парк аттракционов: будочка билетера, две-три карусели, детская железная дорога — кольцо из рельсов метров десять в диаметре. И вот в полной тишине, под валящим с неба мягким снегом, на фоне черного, мертвого провала ездил по кругу, позвякивая и мигая цветными огоньками, крошечный паровозик с двумя вагончиками. В переднем сидел совершенно неподвижно запорошенный снегом мальчик лет пяти, в большой шапке-ушанке и с крепко зажатой в руке пластиковой лопаткой. Наверное, это был ребенок билетерши, которого не с кем было оставить дома… Вроде бы и ничего особенного, но мне стало так неприятно, что я вынудил остановиться водителя проезжавшего мимо грузовика и смылся оттуда в центр города.

Вот примерно в таком районе, только с поправкой на разницу городов, размещался офис Ночного Дозора. Карта мне не требовалась, я и так чувствовал, куда мне идти. И пройти-то от базара, от самого центра, мне надо было всего минут десять. Но я словно попал в другой мир. Нет, не в

яркую восточную сказку, а в что-то усредненное, что можно встретить и в азиатских республиках бывшего Советского Союза, и в Турции, и в южных странах Европы. Полу-Европа, полу-Азия, взявшая не самые лучшие черты от обеих частей света. Много зелени, но этим все и исчерпывается — дома пыльные, грязные, обветшалые, в два-три этажа. Будь они менее однообразны, могли бы хоть порадовать взгляд туриста. Но тут и этого нет, все уныло и однотипно: облупившиеся стены, мутные окна, распахнутые двери подъездов, развешенное во дворах на веревках белье. Откуда-то из глубин памяти всплыло название «каркасно-камышитовые домостроения». При всем своем унылом канцеляризме оно лучше всего характеризовало эти здания, построенные «временно», но отстоявшие уже не меньше полувека.

Офис Ночного Дозора занимал большой, но одноэтажный дом — тоже ветхий, с небольшим палисадником вокруг. Мне подумалось, что в таком здании уместно смотрелся бы маленький детский садик, полный смуглых черноволосых ребятишек.

Но здешние детки уже давно выросли. Я обошел припаркованный у ограды «пежо», открыл

калитку, миновал клумбы, на которых боролись за жизнь высыхающие цветы, и с содроганием прочитал на двери старую вывеску советско-бюрократического вида:

НОЧНОЙ ДОЗОР
отделение г. Самарканда
приемные часы:
20.00 — 8.00

Вначале мне показалось, что я сошел с ума. Потом — что я смотрю сквозь сумрак. Но нет, надпись была абсолютно реальной, выполненной желтыми буквами на черном фоне, сверху прикрытой треснувшим стеклом. Уголок стекла вывалился, и последняя буква в слове «дозор» истрепалась, поблекла.

Рядом шел тот же текст на узбекском, из которого я узнал, что «Ночной Дозор» в переводе звучит как «Тунги Назорат».

Толкнув дверь — не заперто, конечно же, — я вошел сразу в большой зал. Как это принято на Востоке — никакой прихожей. Ну правильно, к чему тут сени, в Самарканде холодов не бывает.

Обстановка была простой и чем-то напоминала маленькое отделение милиции, чем-то — контору советских времен. У входа стояла вешалка и

несколько шкафов с бумагами. За канцелярским столом чаевничали три молодых узбека и полная немолодая русская женщина. На столе кипел большой электрический самовар, расписанный под хохлому. Нет, ну это же надо — самовар! Я его в России последний раз видел на измайловском вернисаже вместе с матрешками, шапками-ушанками и прочим товаром для иностранных туристов. Еще несколько столов пустовали. Старенький компьютер с громоздким монитором натужно шумел на дальнем столе — давно пора поменять вентилятор…

— Ассалом алейкум, — сказал я, чувствуя себя полным идиотом, пытающимся выглядеть умным. Ну почему Гесер не обучил меня узбекскому?

— Алейкум ассалом, — отозвалась женщина. Она была смуглая, черноволосая — явно славянских кровей, но с тем удивительным изменением внешности, что без всякой магии происходит с европейцем, долго и с самого рождения живущим на Востоке. Даже одета она была как узбекская женщина — в яркое длинное платье. Женщина с любопытством посмотрела на меня — я почувствовал умелое, но слабое прикосновение зондирующего заклинания. Закрываться я не

стал, и она сняла информацию без проблем. Тут же изменилась в лице, поднялась из-за стола, негромко произнесла:

— Мальчики, у нас высокий гость…

— Я совершенно неофициально! — замахал я руками.

Но все уже завертелось. Со мной здоровались, представлялись — Мурат, шестой уровень, Тимур, пятый уровень, Нодир, четвертый уровень. Как мне показалось, выглядели они на свой реальный возраст, то есть на двадцать — тридцать лет. В самаркандском Дозоре, как говорил Гесер, пятеро Иных… в ташкентском Дозоре, по словам Алишера, сотрудники моложе. Это куда ж еще моложе, школьников, что ли, на работу берут?

— Валентина Ильинична Фирсенко, Иная. Четвертый уровень.

— Антон Городецкий, Иной, Высший уровень, — в очередной раз повторил я.

— Я заведую канцелярией, — продолжила женщина. Она пожала мне руку последней и вообще вела себя как младший сотрудник Дозора. При этом возраст ее я оценил в сто пятьдесят лет, не меньше, да и по Силе она мужчин превосходила.

Тоже специфика Востока?

Впрочем, через секунду сомнения, кто тут глав-

ный, рассеялись.

— Ребята, быстренько стол сообразите, — скомандовала Валентина. — Мурат, ты возьми машину, живо сгоняй по маршруту, а потом заскочи на базар.

С этими словами она вручила Мурату ключи от огромного старого сейфа, из которого парень, всячески пытаясь сделать это незаметно, достал растрепанную пачку денег.

— Пожалуйста, не надо! — взмолился я. — Я совершенно неофициально и ненадолго. Так, представиться, пару вопросов задать… И мне еще в Дневной Дозор надо зайти.

— Зачем? — поинтересовалась женщина.

— На пограничном контроле Иных не было. Висела табличка в сумраке, что Светлым по приезде надо отметиться в Дневном, Темным — в Ночном Дозоре.

Мне было очень интересно, как дозорная прокомментирует столь вопиющую безалаберность. Но Валентина Ильинична только кивнула:

— Сотрудников у нас мало пост в аэропорту держать. В Ташкенте — вот там все как положено… Нодир, сбегай к упырям, скажи, что в город с частным визитом прибыл Высший Светлый Городецкий из Москвы.

— Я неофициально, но не совсем с частным… — начал я. Но меня уже не слушали. Нодир открыл неприметную дверь в стене и вышел в соседнюю комнату, где я с удивлением заметил такой же просторный и полупустой зал.

— Почему к упырям? — спросил я, ошарашенный совсем уж немыслимой догадкой.

— Ой, да там Дневного Дозора офис, упырей у них и нет совсем, но мы уж так их кличем… по-соседски… — Валентина Ильинична засмеялась.

Я молча прошел в соседнюю комнату вслед за Нодиром. Двое Темных Иных — молодой и средних лет, четвертый и пятый уровни, дружелюбно улыбнулись мне.

— Ассалом алейкум… — пробормотал я, прошел через зал (все то же самое, даже самовар стоит точно такой же) и открыл дверь на улицу, параллельную той, с которой я зашел.

За дверью обнаружился такой же палисадник, а на стене — вывеска:

ДНЕВНОЙ ДОЗОР
отделение г. Самарканда
приемные часы:
8.00 — 20.00

Тихо прикрыв за собой дверь, я вернулся в

помещение. Нодир, видимо почувствовав мою реакцию, уже смылся.

Один из Темных добродушно сказал:

— Как дела свои сделаете, заходите и к нам, уважаемый. Из Москвы гости редко бывают.

— Заходите, заходите! — поддержал его второй.

— Как-нибудь… спасибо за приглашение, — промямлил я. Вернулся в офис Ночного Дозора, притворил за собой дверь.

В ней даже замка не было!

Светлые выглядели слегка смущенными.

— Ночной Дозор, — процедил я сквозь зубы. — Светлые силы…

— Уплотнились немного. Коммунальные услуги дорогие, аренда… — Валентина Ильинична развела руками. — Мы уже лет десять как на две конторы помещение снимаем.

Я сделал легкий пасс — стену, отделяющую офис Светлых от офиса Темных, на миг осветило синим сиянием. Вряд ли у Темных в Самарканде есть маг, способный снять наложенное Высшим заклинание.

— Да зря вы так, Антон, — укоризненно сказала Валентина Ильинична. — Не будут они подслушивать. Не принято у нас так.

— Вы ведь должны следить за силами Тьмы, — воскликнул я. — Контролировать их!

— Так мы и контролируем, — рассудительно ответил Тимур. — Если они рядом — так их проще контролировать. А по всему городу мотаться — штат надо в пять раз больше!

— А вывески? Вывески — это как? «Ночной Дозор», «Дневной Дозор»? Люди же читают!

— И пусть читают, — сказал Нодир. — Мало ли какие конторы в городе есть? Если прячешься, вывеску не вешаешь — сразу подозрительно. Либо милиция придет, либо бандиты с рэкетом. А так все видят: государственная организация, взять с нее нечего, пусть себе работают…

Я опомнился. В конце концов, это не Россия. Самаркандский Дозор не под нашей юрисдикцией. Это где-нибудь в Белгороде или Омске я могу права качать и претензии предъявлять. Самаркандским дозорным я не указ — хоть и Высший Светлый.

— Все понимаю. Но в Москве такое невозможно… чтобы Темные за стенкой сидели!

— Сидят, так что с того? — примиряюще сказала Валентина Ильинична. — Сидят себе и сидят. У них, чай, тоже работа не сахар. Нет, если что — мы принципами не поступимся. Помните, ребята,

как три года назад жодугар Алия-апа на старика Назгула порчу навела?

Ребята закивали. Ребята оживились и явно были готовы вспоминать эту славную историю.

— На кого навела? — не выдержал я.

Все засмеялись.

— Это имя такое — Назгул. Это не те назгулы, что в американском кино, — сверкая белозубой улыбкой, объяснил Нодир. — Человек такой есть. Был, умер в прошлом году. Он долго помирал, а жена у него молодая была. Ведьму попросила извести мужа. Мы порчу заметили, ведьму арестовали, жену поругали, все как положено сделали. Порчу Валентина Ильинична сняла, очень хорошо все получилось. Хотя старик был вредный, совсем плохой старик. Злой, жадный и распутник, хоть и старый. Все обрадовались, когда умер. Но порчу мы сняли как положено!

Я подумал и сел на скрипучий венский стул. Да, знание узбекского языка мне бы не сильно помогло. Дело не в языке. Дело в менталитете.

Умное слово меня немного успокоило. Но тут я заметил взгляд Валентины Ильиничны — добрый, но снисходительно-сочувственный.

— Все-таки нельзя так, — сказал я. — Поймите, я ничего не хочу сказать, это ваш город, вы тут

отвечаете за порядок… Но как-то непривычно.

— Это потому, что вы к Европе ближе, — разъяснил Нодир. Узбекистан он явно не считал совсем уж не относящимся к Европе. — А у нас ничего, у нас когда мир — тогда можно и рядом жить.

— Угу. — Я помолчал. — Спасибо за разъяснения.

— Вы за стол садитесь, — дружелюбно сказала Валентина Ильинична. — Что ж вы, будто чужой, в уголке присели?

В общем-то сидел я как раз не в уголке. В уголке Тимур заканчивал накрывать стол. На яркой скатерти, мгновенно превратившей два офисных стола в один большой, обеденный, уже стояли тарелки с фруктами: ярко-красные и сочно-зеленые яблоки; черный, зеленый, желтый и красный виноград; огромные, с мелкую дыньку размером, гранаты; какая-то очень аппетитная колбаса домашнего вида; нарезанное ломтями мясо и горячие, не иначе как магией разогретые лепешки. Я вспомнил, как Гесер когда-то в нечастый миг ностальгии принялся расхваливать самаркандские лепешки — и какие они вкусные, и что по неделе не черствеют, только разогреть надо — и ешь их, ешь, остановиться не можешь… Тогда я принял его слова за обычные старческие воспоминания

из разряда «деревья раньше были большие, а колбаса вкусная». Теперь же рот наполнился слюной, и я вдруг заподозрил, что Гесер не так уж и преувеличивал.

А еще на столе было две бутылки коньяка. Местного, что меня сразу напугало.

— Вы не обессудьте, что стол пустой, — сказал Нодир невозмутимо. — Сейчас наш младший приедет с базара, сядем нормально. А пока перекусим чуть-чуть.

Я понял, что от торжественного обеда с обилием спиртного мне никуда не деться. И заподозрил, что Алишера заставил увильнуть от немедленного визита к дозорным не только вполне понятный интерес к судьбе школьной подруги. Пускай уже много лет визит московского гостя не был здесь визитом вышестоящего начальства. Все равно Москва осталась для самаркандских дозорных очень и очень важным центром.

— Дело в том, что я приехал по просьбе Гесера… — сказал я.

И увидел по лицам, что мой статус с просто высокого взлетел до немыслимого. Куда-то в космос, куда Иным нет дороги.

— Гесер просил меня разыскать его друга, — продолжил я. — Он живет где-то в Узбекистане…

А вот теперь наступила неловкая пауза.

— Антон, речь идет о девоне? — спросила Валентина Ильинична. — Но он уехал в Москву… в девяносто восьмом. И там погиб. Мы считали, что Гесер об этом знает.

— Нет, нет, речь не о девоне! — запротестовал я. — Гесер просил меня разыскать Рустама.

Молодые узбеки переглянулись. Валентина Ильинична нахмурилась:

— Рустам… я что-то слышала… — Она заколебалась. — Но это… это очень старая история. Совсем давняя. Ей тысячи лет, Антон.

— Он не работает в Дозоре, — признал я. — И, конечно, у него другое имя. Думаю, он сменил много имен. Я знаю только, что он Высший Светлый маг.

Нодир пригладил жесткие черные волосы и твердо сказал:

— Это очень трудно, Антон-ака. У нас в Узбекистане есть один Высший маг. Он работает в Ташкенте. Но он молодой. Если старый и сильный маг хочет спрятаться — он всегда спрячется. Тут нужен не только сильный, чтобы его найти. Нужен мудрый. Надо самому Гесеру искать. Кечрасыз, Антон-ака. Мы тебе не сможем помочь.

— Можно спросить Афанди, — задумчиво сказала Валентина Ильинична. — Он слабый маг и не слишком… не слишком сообразительный. Но память у него хорошая, и на свете он живет уже триста лет…

— Афанди? — насторожился я.

— Это наш пятый сотрудник. — Валентина Ильинична чуть смутилась. — Ну, сами понимаете, седьмой уровень. Он… больше по хозяйству. Но вдруг поможет?

— Я почти в этом уверен. — Я кивнул, вспоминая слова Надюшки. — А где он?

— Должен скоро подойти.

Выхода не оставалось. Я кивнул и пошел к «пустому» столу.

Мурат приехал через полчаса, с полными сумками, часть содержимого которых тут же перекочевала на стол. Остальное Мурат отнес в маленькую кухню, примыкающую к основному помещению Дозора. Моих кулинарных познаний хватило на то, чтобы понять — сейчас будут готовить плов.

А пока мы пили коньяк, оказавшийся неожиданно приличным, и закусывали фруктами. Валентина Ильинична уступила вести беседу Нодиру. И я вежливо выслушивал историю уз-

бекских Дозоров от древних мифических времен до Тамерлана и от Тамерлана — до наших дней. Врать не стану, Светлые тут не всегда жили с Темными душа в душу. Хватало событий мрачных, кровавых и ужасающих. Но у меня сложилось ощущение, что противоборство Дозоров в Узбекистане обострялось по каким-то совершенно неведомым мне законам. Люди могли воевать и убивать друг друга, а Дозоры соблюдали вежливый нейтралитет. Зато во времена Хрущева и первые годы брежневского правления Светлые и Темные били друг друга с немыслимым ожесточением. Именно в ту пору погибли три Высших мага — двое из Дневного и один из Ночного Дозоров. Выкосила война и ряды Иных первого-второго уровня.

Потом все стихло, будто «застой» восьмидесятых годов распространился даже на Иных. И отношения Темных и Светлых с тех пор пребывают в вялом противостоянии, скорее на уровне подначек и насмешек, чем серьезной неприязни.

— Алишеру это не нравилось, — заметил Тимур. — Он по-прежнему в Москве?

Я кивнул, обрадованный удачным поворотом разговора.

— Да. Он в нашем Дозоре.

— Как он поживает? — вежливо спросил Нодир. — Мы слышали, у него четвертый уровень?

— Практически третий, — сказал я. — Но он сам расскажет. Он тоже прилетел, но решил вначале зайти к знакомым.

Вот эта новость дозорных явно не обрадовала. И Тимур, и Нодир теперь выглядели не то чтобы огорченными, но смущенными. Валентина Ильинична покачала головой.

— Кажется, я вас расстроил? — поинтересовался я. Распитая вместе бутылка вынуждала к откровенности. — Объясните, в чем дело? Почему вы так относитесь к Алишеру? Из-за того, что его отец — девона?

Дозорные переглянулись.

— Дело не в том, кто его отец, — сказала Валентина Ильинична. — Он хороший мальчик, Алишер. Но он… очень резкий.

— Разве?

— Возможно, он изменился в Москве, — предположил Тимур. — Но Алишеру всегда хотелось воевать. Не в свое время он родился.

Я задумался. Конечно, в нашем Дозоре Алишер всегда предпочитал работать на улицах. Патрули, стычки, задержания — мало что обходилось без него…

— Ну… у нас это как-то более естественно, — сказал я. — Москва — большой город, жизнь напряженнее. Но Алишер очень скучает по родине.

— Нет, мы рады, конечно же! — спохватилась Валентина Ильинична. — Так давно Алишера не видели. Правда, мальчики?

«Мальчики» с наигранным энтузиазмом согласились. Даже Мурат отозвался с кухни, что очень скучает по Алишеру.

— А скоро подойдет Афанди? — спросил я, уводя разговор с неловкой темы.

— И впрямь, — забеспокоилась Валентина Ильинична. — Уже третий час…

— Так он давно пришел, — снова откликнулся с кухни Мурат. — Ходит по двору с метлой, я его в окно вижу. Наверное, решил, что его попросят плов готовить…

Нодир быстро прошел к двери, позвал:

— Афанди! Что ты делаешь?

— Двор мету, — с достоинством отозвался пятый сотрудник самаркандского Дозора. Судя по голосу, он не только родился триста лет назад, но и телом был немолод.

Нодир повернулся, виновато развел руками. Снова позвал:

— Афанди, заходи, у нас гость!

— Знаю, что гость. Потому и мету!

— Афанди, но гость уже в доме! Зачем же ты убираешь на улице?

— Э, Нодир! Не учи меня, как принимать гостей! Когда гость еще на улице — все убирают в доме. А если гость в доме — то надо прибирать на улице!

— Как хочешь, Афанди! — посмеиваясь, сказал Нодир. — Тебе виднее, конечно. А мы пока будем кушать виноград и пить коньяк.

— Постой, Нодир! — встревоженно отозвался Афанди. — Неуважением к гостю будет не покушать с ним за одним столом!

Через мгновение Афанди уже стоял в дверях. Выглядел он донельзя нелепо. На ногах — расшнурованные кроссовки, из одежды — подпоясанные советским солдатским ремнем синие джинсы и белая нейлоновая рубаха с разномастными пуговицами. Нейлон — материал прочный. Рубашке было, пожалуй, лет двадцать или тридцать. Сам Афанди оказался гладко выбритым (впрочем, судя по клочкам газетной бумаги, которыми были залеплены порезы на подбородке, это стоило ему немалого труда) и плешивым стариком лет шестидесяти. Окинув одобрительным взглядом стол, Афанди прислонил к косяку длинную метлу

и бойко подскочил ко мне.

— Здравствуй, уважаемый! Да будет твоя Сила прибывать, будто пыл юнца, раздевающего женщину! Да достигнет она второго уровня и даже первого!

— Афанди, наш гость — Высший маг, — заметила Валентина Ильинична. — Зачем желаешь ему второго уровня?

— Молчи, женщина! — отпуская мою руку и усаживаясь за стол, произнес Афанди. — Неужели ты не видишь, как споро исполнилось мое пожелание и даже было превзойдено?

Дозорные засмеялись. Впрочем, совершенно не обидно. Афанди — я просканировал его ауру и понял, что старик находится на самом низком уровне Силы, — был в самаркандском Дозоре за шута. Но за любимого шута, которому и любую глупость простят и которого в обиду никому не дадут.

— Спасибо на добром слове, отец, — сказал я. — И впрямь — твои пожелания сбываются быстро.

Старик закивал, с удовольствием забрасывая в рот половинку персика. Зубы у него были отличные — если за внешностью он не следил, то такому важному органу явно придавал большое значение.

— Тут одни молокососы, — пробормотал он. — Уверен, они даже не смогли принять тебя как следует. Как тебя зовут, добрый человек?

— Антон.

— Меня зови Афанди. Это значит — мудрец. — Старик обвел дозорных строгим взглядом. — Если бы не моя мудрость, давно бы уже силы Тьмы, да засохнут они в корчах и сгорят они в аду, выпили их маленькие сладкие мозги и сжевали большие жилистые печенки!

Нодир с Тимуром захохотали.

— Почему печенки жилистые, я понял, — разливая коньяк, произнес Нодир. — А почему мозги сладкие?

— Да потому, что мудрость горька, а глупость и неведение — сладки! — опрокидывая вслед за персиком бокал коньяка, произнес Афанди. — Эй! Эй, глупец, что ты делаешь!

— Что? — Тимур, собиравшийся закусить коньяк виноградом, вопросительно посмотрел на Афанди.

— Нельзя закусывать коньяк виноградом!

— Почему?

— Это то же самое, что варить козленка в молоке его матери!

— Афанди, только евреи не варят козленка в

молоке!

— А ты варишь?

— Нет, — растерялся Тимур. — Зачем его в молоке-то…

— Вот и коньяк виноградом не закусывай!

— Афанди, я только три минуты знаком с вами, но уже вкусил столько мудрости, что буду переваривать ее целый месяц. — Я встрял в разговор, привлекая к себе внимание старика. — Мудрый Гесер послал меня в Самарканд. Он просил разыскать своего старого друга, которого когда-то звали Рустам. Не знаете ли вы Рустама?

— Конечно же, знаю, — кивнул Афанди. — А кто такой Гесер?

— Афанди! — Валентина Ильинична всплеснула руками. — Ну не может быть, чтобы ты не слыхал про Великого Гесера!

— Гесер… — задумчиво сказал старик. — Гесер, Гесер… Это не тот Светлый маг, что работал в Бинкенте золотарем?

— Афанди! Как ты можешь путать Великого Гесера с каким-то золотарем! — Валентина Ильинична была шокирована.

— Ах, Гэсэр! — Афанди закивал. — Да, да, да! Ольджибай, победитель Сотона, Лубсана и Гуркара. Кто же не знает старика Гэсэра?

— А кто знает старика Рустама? — вновь встрял я, прежде чем Афанди погрузился в перечисление славных деяний Гесера.

— Я, — гордо сказал Афанди.

— Только, пожалуйста, не преувеличивай, Афанди, — попросил Тимур. — Нашему гостю очень нужно встретиться с Рустамом.

— Это трудно. — Внезапно с Афанди слетело все шутовство. — Рустам ушел от людей. Десять лет назад его видели в Самарканде. Но с тех пор никто не говорил с Рустамом, никто…

— Откуда вы знаете про Рустама, Афанди? — не выдержал я. Если бы не слова дочки, я бы уже уверился, что хвастливый старик просто морочит мне голову.

— Давно это было. — Афанди вздохнул. — Жил в Самарканде старик, совсем глупый, вот как эти молокососы. Шел он по городу и плакал, потому что нечего ему было есть. И вдруг навстречу вышел могучий батыр, чьи глаза сияли, а лоб был высок и мудр. Он посмотрел на старика и сказал: «Дедушка, зачем ты грустишь? Неужели ты не знаешь, какая в тебе скрыта сила? Ты же Бошкача! Иной!» Батыр коснулся старика рукой — и тот обрел силу и мудрость. А батыр сказал: «Знай, что сам Великий Рустам стал твоим учителем».

Вот такая приключилась со мной история двести пятьдесят лет назад!

Судя по всему, дозорных этот рассказ поразил не меньше, чем меня. В дверях кухни застыл Мурат, Тимур расплескал коньяк, который принялся доливать в бокалы.

— Афанди, тебя инициировал Рустам? — спросила Валентина Ильинична.

— Я все рассказал, мудрому достаточно, — забирая у Тимура бокал, ответил Афанди. — А глупому хоть сто раз перескажи — ничего не поймет.

— Почему же ты эту историю не рассказывал раньше? — спросил Тимур.

— Повода не было.

— Афанди, ученик всегда может позвать своего учителя, — сказал я.

— Это так, — важно подтвердил Афанди.

— Мне надо встретиться с Рустамом.

Афанди вздохнул и хитро посмотрел на меня.

— А надо ли Рустаму встречаться с тобой?

Как же мне надоела эта восточная витиеватость! Неужели они и между собой, в быту, общаются именно так? «Жена, разогрела ли ты мне чурек?» — «О, мой муж, неужели горячие ласки не заменят тебе чурека?»

Я понял, что сейчас не удержусь и выскажусь

не слишком достойно для гостя, которого встречают с таким радушием. Но, к счастью, в дверь тихонько постучали, и вошел Алишер.

Лицо его мне решительным образом не понравилось. Я бы не удивился, увидев Алишера опечаленным. В конце концов, он мог обнаружить, что его школьная любовь вышла замуж, родила пятерых детей, растолстела и напрочь его забыла — вполне достаточный повод для грусти.

Но Алишер был явно чем-то встревожен.

— Привет, — сказал он своим бывшим коллегам, будто расстался с ними только вчера. — У нас проблемы.

— Где? — спросил я.

— Прямо за забором.

Глава 3

После Эдинбурга мне стоило ожидать чего-то подобного. Но я расслабился. Утопающие в зелени улицы и плеск воды в арыках, шумный восточный базар и строгие купола мечети, Темные за стенкой и угрожающее гостеприимство Светлых — все было совсем иначе, чем в Шотландии. И казалось, что вся трудность будет в поисках старого мага, а не в людских кознях.

Дом оцепили человек сто. Я видел среди них и милиционеров, и неплохо экипированных бойцов местного спецназа, и тощих прыщавых пацанов, неумело сжимающих автоматы. Силы для нашего захвата согнали самые разные. Все, что нашлось поблизости.

Но это все было ерундой. Даже один Алишер без моей помощи смог бы промыть мозги и сотне, и двум нападавших.

К сожалению, на каждого человека в оцеплении были наложены защитные чары.

Любой Иной способен закрыться от магического воздействия сам и защитить других. И не обязательно даже иметь высокий уровень, чтобы наложить защитные чары на сотню человек. Дело в том, что вся магия, влияющая на человеческое сознание, сама по себе проста и больших сил не требует. Грубо говоря: магия, подчиняющая разум, аналог ножа, а не гранатомета. И против нее нужна не танковая броня, а легкий бронежилет из кевлара. Ударив чистой Силой в форме файербола, Белого Копья или Огненной Стены, я мог бы начисто выжечь городской квартал. И для защиты потребовались бы не менее мощные амулеты и чары. Но для того, чтобы подчинить нападавших своей воле и разогнать, с каждого

потребовалось бы вначале снять защиту. А это уже совсем нетривиальная задача. Существуют десятки видов ментальных Щитов, и какой из них использовали — я не знал. Скорее всего (во всяком случае, я бы делал именно так) каждый индивидуальный Щит комбинировался из двух-трех случайно выбранных заклинаний. У одного солдатика, к примеру, — Щит Мага и Сфера Спокойствия. У другого — Сфера Отрицания, Ледяная Кора и Барьер Воли.

Попробуй найди к каждому своей подход! Да еще и на расстоянии!

— За мной следили, — пояснил Алишер, пока я, стоя у окна, прикрывшись своей собственной Сферой Отрицания, изучал окруживших дом вояк. — Уж не знаю как, но от самого аэропорта. У меня все время было ощущение слежки, но я никого не заметил. А потом, когда… когда выходил от знакомых… попытались задержать. Два десятка человек. Ни одного Иного! Попытался от них закрыться, а они — видят!

Меня тоже видели. Не все, но некоторые солдаты меня явно заметили, несмотря на магию. Значит, помимо защитных чар, на них навесили и поисковые. Взор Сердца, Ясный Взгляд, Истинное Зрение… магический арсенал обши-

рен. Тысячи лет Светлые и Темные придумывали способы обмануть друг друга.

Что ж, теперь это обернулось против нас.

— Как ты ушел? — спросил я, отходя от окна.

— Сквозь сумрак. Только… — Алишер заколебался. — Там меня тоже ждали. На втором слое кто-то караулил… я побыстрее выскочил.

— Кто караулил? Светлый, Темный?

Алишер сглотнул и неловко улыбнулся:

— Мне кажется, это был дэв.

— Чушь. — Я подавил желание выругаться. — Дэвов не существует.

— В Москве не существует, а у нас есть, — убежденно произнес Тимур. Поймал мой взгляд на дверь, ведущую к Темным. — Антон, поверьте, это не они! Незачем им на вас нападать, да еще и людей привлекать! Инквизиция голову снимет!

Я кивнул. Дневной Дозор Самарканда я и не думал подозревать.

— Свяжитесь с Ташкентом, с начальством, — велел я. — Пусть остановят этих!

— Как? — не понял Тимур.

— По-человечески! Звонками министров обороны и внутренних дел! И в Инквизицию звоните живо!

— Что сказать? — доставая старенький мобиль-

ник, спросила Валентина Ильинична.

— Скажите, что у нас тут критическая ситуация. Нарушение Великого Договора альфа-прим. Предоставление людям информации об Иных, вовлечение людей в противоборство Дозоров, незаконное использование магии, незаконное распространение магии, нарушение соглашения о разделении полномочий… короче: нарушение пунктов один, шесть, восемь, одиннадцать и четырнадцать базового Приложения к Договору. Хватит, я думаю.

Валентина Ильинична уже звонила. Я снова выглянул в окно. Солдаты ждали, присев за штакетником. Дула автоматов молча смотрели на домик. Из чего тут стены? Если и впрямь из прессованного камыша — пробьет насквозь…

— Ай, как красиво сказал! — неожиданно произнес Афанди. Он по-прежнему сидел за столом и с аппетитом жевал колбасу. Бокал у него был полон, а бутылка коньяка на столе — пуста. — Нарушение базового Приложения! Теперь все понятно, да, совсем понятно! Приказывай, начальник!

Я отвернулся от Афанди. Вот уж повезло так повезло — тот, на кого вся надежда, глуп, как девона до знакомства с Гесером…

— Ребята, надо уходить, — сказал я. — Извините, что так получилось.

— Антон, вы можете их разогнать? — с робкой надеждой спросил Нодир.

— Убить — запросто. Разогнать — нет.

В дверь, ведущую в офис Темных, принялись колотить. Тимур подошел к двери, что-то спросил, открыл. Вбежали двое дежуривших там Темных. Судя по растерянным физиономиям, они только что обнаружили оцепление и жаждали объяснений.

— Что делаешь, Светлый? — завопил тот, что постарше. — Зачем людей привел?

— Тихо. — Я поднял руку. — Молчать!

Ему хватило ума замолкнуть.

— Данная ситуация попадает под пункт первый Приложения к Великому Договору, — сказал я. Афанди громко крякнул. Я невольно покосился на него, но старик всего лишь проглотил полный бокал коньяка и теперь часто дышал, прижимая ладонь ко рту. Я продолжил: — Людям предположительно сообщили о нашем существовании. В данной ситуации, согласно Пражскому соглашению, я, как наиболее сильный маг, принимаю на себя общее руководство присутствующими Иными. Всеми присутствующими!

Молодой Темный посмотрел на старшего. Тот поморщился, кивнул и сказал:

— Приказывайте, Высший.

— Полная эвакуация Дозоров, — сказал я. — Все документы и магические артефакты уничтожить. Приступайте.

— Как будем уходить? — спросил молодой Темный. — Поставим Щиты?

Я покачал головой:

— Боюсь, у них заговоренные пули. Уходить только через сумрак.

— О, Афанди бывал в сумраке! — громко изрек старик. — Афанди может ходить в сумраке!

— Афанди, ты пойдешь со мной и Алишером, — велел я. — Остальные…

Алишер тревожно посмотрел на меня и одними губами произнес:

— Дэв…

— Остальные прикрывают нас, — велел я.

— Да с какой стати! — все-таки возмутился молодой Темный. — Мы…

Я взмахнул рукой — и Темный скорчился, взвизгнув от боли и прижимая ладони к животу.

— Потому что я так велел, — снимая боль, пояснил я. — Потому что я Высший, а ты — пятый уровень. Понял?

— Понял. — Как ни ужасно, но в голосе Темного даже не было возмущения. Он попытался качать права, был наказан и признал мое право сильного. Потом, конечно, он напишет кучу жалоб в Инквизицию. Но сейчас будет подчиняться.

Тем временем дозорные уничтожали офисы. Старший Темный работал в одиночку, но у него там, похоже, все было под контролем, заклинания уничтожения были загодя привязаны к сейфу — из замочной скважины вовсю валил дым — и наложены на все бумаги — документы на столах скручивались, желтели и рассыпались прахом. Светлые все жгли вручную. И жгли с энтузиазмом: на моих глазах Тимур вогнал в сейф лихо закрученный файербол, насквозь пронзивший металл и разорвавшийся внутри.

— Что-то они притихли, — с тревогой сказал Алишер, выглядывая в окно. — Сейчас дым увидят…

Они и увидели. Раздался усиленный мегафоном голос, с сильным акцентом приказывающий:

— Террористы! Сложите оружие и выходите из здания по одному! Вы окружены! В противном случае будем штурмовать!

— Какой бред… — возмущенно произнесла Валентина Ильинична. — Террористы, надо же!

В следующую секунду Алишер отпрянул от окна, а стекло со звоном разлетелось. На пол упал, вращаясь вокруг оси, маленький металлический цилиндр.

— Уходим! — крикнул я, ныряя в сумрак. После самаркандской жары холод первого слоя был даже приятен.

В тот же миг серая мгла вокруг ярко осветилась. Насколько ослепительно полыхнуло в человеческом мире, даже думать не хотелось. Раскалывающего уши визга, к счастью, я из сумрака совсем не услышал.

Никогда не думал, что светозвуковая спецназовская граната настолько страшна против Иных. Вместе со мной в сумрак успела уйти только Валентина Ильинична — здесь она выглядела молодой стройной женщиной не старше тридцати.

Остальные дозорные беспомощно кружили по комнате: кто пытался протереть глаза, кто держался за уши. Светозвуковая граната ослепляет секунд на десять — двадцать. А значит, в сумрак они сейчас уйти не могут.

— Помоги ребятам! — крикнул я Валентине. Сам бросился к дверям. Распахнул их — не в обычном мире, в сумраке, выглянул во двор.

Ну да, конечно, нас уже штурмовали. Бестол-

ково, но массированно — десяток спецназовцев бежали ко входу, а солдатики за изгородью открыли пальбу по окнам. Штурм был несогласованный, как всегда и происходит, если в чью-то умную голову приходит мысль создать совместный отряд из милиционеров, военнослужащих и спецназовцев. На моих глазах один из спецназовцев раскинул руки и упал — в спину ему попала пуля. Скорее всего отделается синяками — штурмующие были в бронежилетах.

А вот то, что несколько стрелков принялись прицельно садить по мне, было очень нехорошо. Это либо Ясный Взгляд, либо Истинное Зрение. Это очень, очень серьезно. И пули действительно были заговорены на славу: мало того что существовали одновременно и в реальном мире, и на первом слое сумрака, так еще и были наполнены смертоносной магией!

Я пригнулся — к счастью, враги не были убыстрены и преимущество в скорости оставалось за мной. Взмахнул рукой, позволяя Силе стекать с кончиков пальцев. На землю пролился огненный дождь, перед нападающими выросла стена дымного пламени. Ну-ка, ребята, готовы ли вы лезть в огонь?

Они не были готовы. Остановились (один

слишком разогнался, сунулся мордой в огонь и отпрянул с воплем), отступили и стали поднимать автоматы.

Разумеется, я не дожидался стрельбы. Ворвался обратно в дом, по пути файерболом превратив в шлак сомнительную вывеску Ночного Дозора. В крови бурлил адреналин.

Войнушка? Прекрасно, будем играть в войнушку!

На дверь — заклинание Абсолютного Запора (этих заклинаний на самом деле два, но другое не дало бы никакого эффекта, будь оно применено к неодушевленному предмету). На всю стену — легкий Щит, чтобы продержался под автоматным огнем минут пять. Конечно, атакующие заметят неладное. Но у нас уже нет возможности уходить совершенно скрытно.

В сумрак один за другим вошли оба Темных — они стояли спиной к взорвавшейся гранате. Старший тут же вознамерился чем-то ударить в окно, я поймал его за руку.

— Что у тебя?

Он оскалил в улыбке длинные кривые зубы. Надо же, обычный слабый Темный маг, а какую челюсть отрастил!

— В штаны наложат. Немножко.

— Валяй, — согласился я. — Только не здесь, свою сторону прикрывай!

В сумрак вошел Тимур, следом — Алишер, волочащий за собой Мурата. Только Нодир тер глаза и все никак не мог опомниться, его ослепило сильнее всех.

— Алишер, берем Афанди! — крикнул я.

Мы подошли к старику, по-прежнему сидевшему за столом и норовившему присосаться прямо к горлышку непочатой коньячной бутылки.

— На счет «два», — сказал я. — Раз, два…

Выскочив из сумрака, мы подхватили Афанди под руки и подняли со стула. Свободной рукой я еще успел подобрать сумку со своими пожитками и набросить ремень на плечо. В ушах гремели автоматные очереди, звякали рикошетирующие от Щита пули, за окнами колыхалось багровое пламя. Ловким движением старик успел-таки еще разок приложиться к бутылке — в тот самый миг, когда мы втащили его в сумрак.

— Ай! — огорченно воскликнул он. Бутылка так и осталась в обычном мире, ладонь Афанди сомкнулась на пустоте. — Ай, продукт пропадает!

— Дедушка, нам не до продукта, — с немыслимым терпением произнес Алишер. — Враги напали, уходим!

— Врагам не сдадимся! — бодро воскликнул Афанди. — В бой!

Наконец-то в сумрак вошел и Нодир. Я оглядел свое импровизированное войско: четверо слабых Светлых, двое слабых Темных, проверенный на московских улицах Алишер и Афанди в качестве балласта. Ну… все не так уж и плохо. Даже если где-то рядом скрываются те самые Высшие, что были в Шотландии, можно дать им достойный бой.

— Уходим! — велел я. — Алишер, на тебе Афанди! Валентина, Тимур — вы первые! Всем поставить Щит Мага!

Уходили мы прямо сквозь стену. На втором слое сумрака мы бы ее вообще не заметили. На первом она существовала и вроде бы даже задерживала движение. Но с разбега здесь можно было пройти почти сквозь любой материальный предмет.

Мы и прошли. Только у Афанди застряла нога, и он долго дрыгал ею в стене, пока не прорвался, оставив внутри одну кроссовку. Так она и будет теперь висеть на первом слое сумрака, медленно, в течение нескольких месяцев истлевая. Некоторые особо чувствительные люди даже будут ее замечать краем глаза… конечно, если после штурма здание уцелеет.

С той стороны, где мы вышли, оцепление было пожиже. Пятеро автоматчиков таращились в глухую стену, явно недоумевая, зачем их тут поставили. Но двое все-таки оказались зачарованными и увидели нас. Уж не знаю, как мы выглядели — обычными людьми, выскочившими из стены, или призрачными тенями. В любом случае радушия на лицах автоматчиков не появилось, только страх и готовность стрелять. Валентина действовала грамотно — ее заклинание не имело никакого видимого эффекта, но безотказный «калашников» в руках солдата стрелять отказался. А вот Тимур метнул сквозь сумрак файерболом и сжег ствол автомата.

Зря!

Да, эти двое не могли больше стрелять. Но их товарищи, не способные обнаружить нас самих, увидели ударивший из пустоты огненный шар — и принялись стрелять. То ли с перепугу, то ли их этому научили.

Вначале мне показалось, что он не поставил Щит. Очередь буквально прошила его насквозь — я видел, как спину Тимура одна за другой дырявят пули. Он завалился на спину, и только тут я увидел, что Щит у него все-таки был. Слабенький, только впереди, но был.

Зачарованные пули прошли сквозь магическую броню. Та же работа, что и в Эдинбурге!

— Тим! — закричал Нодир, склоняясь над другом. — Тим!

Это его спасло — беспорядочно паливщие автоматчики выпустили несколько очередей над его головой.

А в следующий миг — я не успел ничего сделать — Мурат ударил в ответ.

У них был не слишком большой выбор заклинаний. Провинциальные маги, отвыкшие от стычек и не слишком-то сильные от природы, они не были готовы к такому поединку — с людьми, умеющими убивать Иных.

Мурат применил какой-то незнакомый мне вариант Белого Меча. Теоретически это заклинание должно убивать только Темных Иных и людей, полностью склонившихся ко злу. Практически — нужно быть монахом, проводящим свои дни в молитвах и смирении, чтобы беспощадный удар не нанес тебе вреда. Любая агрессия, любой страх делают человека уязвимым для лезвия из чистого Света.

У этих узбекских парнишек в военной форме страха и агрессии было хоть отбавляй…

Четверых солдат белый клинок перерезал, буд-

то острая коса пшеничные колосья. Напополам. С фонтанами крови и прочими неприглядностями. Пятый солдат бросил автомат и с безумным криком кинулся бежать. Даже из сумрака его движения выглядели быстрыми — как же он припустил!

Я обогнул застывшего на месте Мурата. Белый клинок уже истаивал в его руке. Взгляд у него сделался очень спокойным и будто бы сонным. Я заглянул магу в глаза и нашел в них ответ на свой вопрос.

Все. Он уже уходил.

Присев рядом с Нодиром, я потряс его за плечо:

— Пошли.

Он повернулся ко мне. Очень удивленно сказал:

— Тимура убили. Застрелили!

— Я вижу. Идем.

Нодир замотал головой:

— Нет! Мы не можем его тут оставить…

— Можем и оставим! Тело врагам не достанется, растает в сумраке. Мы все туда уйдем рано или поздно. Вставай.

Он снова покачал головой.

— Вставай. Ты нужен Свету.

Нодир застонал, но поднялся. И тут же его глаза

остановились на Мурате. Нодир замотал головой, будто стараясь вытрясти избыток впечатлений. Кинулся к Мурату, попытался схватить его за руку.

Его пальцы поймали лишь воздух. Мурат истаивал, растворялся в сумраке. Куда быстрее, чем будет исчезать мертвое тело Тимура. Светлому магу нужно обладать большим жизненным опытом, чтобы убедить себя в правомочности убийства четверых людей. Я, наверное, смог бы удержаться. Мурат — нет.

— Уходим! — Я залепил Нодиру пощечину. — Уходим!

Он все-таки сумел собраться. Потащился вслед за мной — от офиса, который еще штурмовали, от двух товарищей — мертвого и умирающего. Впереди шла Валентина, рядом с ней Темные. Алишер тащил протрезвевшего и присмиревшего Афанди. Мы с Нодиром замыкали шествие.

Вслед нам опять принялись стрелять — крики уцелевшего солдата привлекли внимание. Я опять поставил Огненную Стену и, не удержавшись, всадил в старый «пежо» у ограды маленький файербол. Машина весело вспыхнула, привнеся в азиатский пейзаж чуточку французского шарма.

В возникшей неразберихе отступать было проще. К тому же в сумраке заборчик вокруг палисадника зиял дырами, соседний дом вообще не существовал. По безлюдной улице мы добежали до перекрестка и свернули на такую же узкую дорогу, ведущую от базара. Тут, похоже, каждая дорога рано или поздно выходит к базару… Нодир то всхлипывал, то ругался. Афанди все время озирался, с удивлением глядя на кипящий у пустого здания бой. Похоже, в неразберихе нападающие уже принялись палить друг в друга.

Темные держались лучше. Валентина Ильинична шла по центру, а Темные вполне грамотно осуществляли боковое охранение. Я даже решил, что мы оторвались от преследования. И это было ошибкой, непростительной для Высшего мага. Ну или почти непростительной.

Я все-таки никогда до конца не верил в существование дэвов.

Европейская традиция — это големы. Существа, созданные из глины, дерева, да хоть бы даже и из металла. Деревянных в России ласково зовут буратинками, хотя последний реально работавший буратинка истлел еще в восемнадцатом веке. Как их звали современники — не знаю. На занятиях нас учили создавать буратинок, и это было смеш-

но и поучительно — ожившая деревянная кукла могла ходить, выполнять простейшую работу, даже разговаривать… и рассыпаться в прах через несколько минут. Чтобы деревянный голем просуществовал хотя бы несколько дней, маг должен быть очень сильным и очень умелым, а туповатые буратинки не слишком-то нужны опытным магам. Еще труднее оживить железяку, создание из металла — я помню, как однажды Света соорудила для Надюшки двигающуюся куколку из канцелярских скрепок, но она сделала ровно три шага, после чего замерла навсегда. Глина на удивление пластична и податлива для анимации, долго держит магию, но даже из нее големов нынче лепят редко.

А вот на Востоке были дэвы. Точнее — считалось, что они были. По сути, те же самые големы, вот только не имеющие никакой материальной основы: ожившие сгустки сумрака, закрученные вихри Силы. Согласно легендам, создание такого дэва (арабы чаще называли их джиннами) считалось своего рода экзаменом мага на Высший уровень. Во-первых, надо было создать голема, во-вторых, подчинить себе. Некоторые срезались на первом этапе, но гораздо печальнее была судьба тех, кто напортачил на втором.

Я полагал дэвов легендами. Ну, в крайнем случае — редчайшим, удавшимся раз или два экспериментом кого-то из величайших магов древности. И уж тем более не предполагал, что дэвы существуют и поныне. Местные дозорные, похоже, в дэвов верили.

Но им не хватило Силы, чтобы увидеть приближение дэва.

Молодой Темный — я так и не узнал его имени — закричал, замолотил руками, будто отбиваясь от чего-то невидимого. Его подняло с земли, пронесло по воздуху и остановило, орущего и дергающегося, на высоте двухэтажного дома. Я с содроганием увидел, что бока Темного смина-ются, как от давления исполинской ладони, а одежда обугливается. Крик превратился в хрип.

А потом по телу Темного дугой проступила кровавая полоса. Миг — и перерезанное, а скорее перекушенное тело упало на землю.

— Щиты! — крикнул Алишер.

Я не стал усиливать свою защиту. Во-первых — не знал, поможет ли она против дэва. Во-вторых — единственным, кто сможет ему противостоять, был я.

Миг — я погрузился на второй слой сумрака.

И тут же увидел дэва.

Гибкое, сотканное из струек огня и дыма тело действительно напоминало сказочного джинна. Преобладал серый цвет, даже лепестки пламени были черно-серыми с едва уловимым багровым оттенком. Ног у дэва не было, торс сужался, превращаясь в змеиное тело, извивающееся при движении. Земля под ним дышала паром, будто влажное белье под утюгом. Голова, руки и даже нелепо торчащие из змеиной половины гениталии выглядели вполне человеческими. Только огромными — дэв достигал в росте пяти — пяти с половиной метров — и состоящими из дыма и пламени. Глаза горели алым огнем — единственная яркая деталь и на теле дэва, и на всем втором слое сумрака.

Чудовище тоже увидело меня — в тот самый миг, когда потянуло ручищу к Валентине. Дэв радостно взвыл и с неожиданным проворством заскользил ко мне. Что за мода пошла на пресмыкающихся? В Шотландии двухголовая змея, в Узбекистане полузмея-получеловек…

Для пробы я швырнул в дэва файербол — никакого эффекта совершенно, сгусток пламени растворился в теле монстра, потом Тройное Лезвие — дэв вздрогнул, но движения не замедлил.

Ну хорошо…

Я позволил Силе течь по руке и создал белый клинок. Наверное, сказался последний поступок Мурата. Но, похоже, я зря взял пример с узбекского мага — белое лезвие легко прошло сквозь тело дэва, но не причинило ему никакого вреда. Обдумывать причины неудачи не было времени. Дэв размахнулся, ударил рукой — я успел отпрыгнуть. Но вот коварный выпад змеиного хвоста был слишком неожиданным. Я кубарем покатился по земле. Дэв торжествующе гоготал, надвигаясь на меня, а я все никак не мог подняться. Почему-то я даже не испугался, а только почувствовал отвращение при виде поднимающегося в эрекции пениса монстра. Одной рукой дэв сжал пенис и принялся им помахивать, то ли мастурбируя, то ли собираясь огреть меня им, будто огненной дубиной. Это что же, умереть от елды безмозглого чудовища??? Я больше не пытался создать белый клинок. Собрал в ладони Силу — и ударил по дэву знаком Танатос.

Дэв вздрогнул. Свободной рукой почесал грудь, куда пришелся удар. Тонкие струйки дыма вились за его ладонью, будто волосы. Потом дэв принялся хохотать, по-прежнему сжимая член, уже увеличившийся до размеров бейсбольной биты. От дэва шел жар — не живое тепло, а горя-

чий воздух, как от разгоревшегося костра.

Не такой уж он и безмозглый. Куда глупее я, ударивший знаком смерти существо, которое и так не является живым.

— Ай, шайтан, шелудивый пес, порочный отпрыск больного глиста! — раздался за спиной дэва знакомый голос. Старик Афанди ухитрился-таки войти на второй слой сумрака! И мало того что вошел — крепко ухватил дэва за хвост и попытался оттащить от меня!

Чудовище медленно повернулось, словно недоумевая, кто посмел обращаться с ним так бесцеремонно. Прекратило чесаться — и занесло над стариком сжатую в кулак ручищу. Он же его по уши в землю вгонит!

А я судорожно просеивал хлам, скопившийся в моей голове. Все, что касалось големов, от первых занятий и до когда-то услышанных от Семена баек. Дэв — это тот же голем. Големы уничтожимы! Голем… големы… големы каббалистические, големы мотивированные и свободные, големы для развлечений и забав, големы деревянные… о невозможности создания пластикового голема… заклинания против големов… Ольга однажды рассказывала… никому больше не нужное умение… а заклинание-то в принципе несложное,

только Силы много берет…

— Прах! — выкрикнул я, выбрасывая руку в направлении дэва.

Теперь все зависело от того, правильно ли я сложил знак. Как обычный кукиш, широко использующийся в магических пассах, только мизинец выставлен вперед, параллельно большому пальцу. Не зря, ох не зря нас целый месяц учат растягивать пальцы. Любой пианист позавидует…

Монстр застыл. Потом медленно развернулся в мою сторону. Красный огонь в его глазах погас. Дэв тонко заскулил, будто щенок, которому прижали лапу. Разжал ладонь. Пенис отвалился и рассыпался горой искр, будто вылетевшая из костра головешка. Затем стали осыпаться пальцы на руках. Дэв уже не скулил — всхлипывал, протягивая ко мне беспалые руки и мотая ослепшей головой.

Вот так их и укрощали Великие маги Востока…

Я держал и держал знак Праха, позволяя Силе течь сквозь меня. Долго — минуты три по времени второго слоя, пока дэв окончательно не обратился в горстку пепла.

— Холодно, а? — сказал Афанди, приплясывая. Подошел к останкам дэва, вытянул руки, потер

их, согревая. Потом плюнул на пепел, пробормотал: — У, сын греха и отец мерзости…

— Спасибо, Афанди, — сказал я, поднимаясь с заиндевелой земли. На втором слое и впрямь было ужасно холодно. Хорошо хоть, каким-то чудом я ухитрился даже не потерять сумку с вещами, она так и болталась у меня на плече. Хотя… не было ли это чудо наложенным Светланой заклинанием сродства? — Спасибо, дедушка. Пойдемте отсюда, вам трудно тут долго находиться.

— Ай, спасибо, могучий воин. — Афанди просиял. — Ты сказал мне спасибо? Я буду гордиться этим всю свою бесцельную жизнь! Победитель дэва похвалил меня!

Я молча взял его под локоть и потащил на первый слой. В уничтожение дэва я всадил столько Силы, что и мне самому было трудно находиться в сумраке.

Глава 4

В чайхане было сумрачно и грязно. Под потолком, вокруг слабых лампочек в загаженных абажурах, кружили с жужжанием жирные мухи. Мы сидели на засаленных и пестрых не то подушках, не то маленьких матрасиках вокруг

низенького, сантиметров пятнадцать от пола, стола. Самого обычного стола, только с укороченными ножками. На столе была скатерть — яркая, но тоже грязная.

В России такое кафе мгновенно бы закрыли. В Европе посадили бы владельца в тюрьму. В США собственнику влепили бы немыслимого размера штраф. А где-нибудь в Японии хозяин подобного заведения от стыда сам сделал бы себе сеппуку.

Но таких вкусных запахов, как в этой маленькой, совершенно не туристической чайхане, я нигде не слышал!

Оторвавшись от преследования, мы разделились. Темный ушел искать своих и докладывать о происшедшем. Валентина Ильинична и Нодир отправились собирать Светлых, состоящих в резерве Дозора, отзваниваться в Ташкент, просить подкрепление. А мы с Алишером и Афанди поймали такси и добрались до этой чайханы на окраине Самарканда, рядом с небольшим базаром. У меня зародилось подозрение, что базаров в Самарканде больше десятка и уж точно больше, чем музеев и кинотеатров, вместе взятых.

По пути я наложил на себя заклинание личины и стал двойником Тимура. Молодые маги почему-то считают дурной приметой принимать

внешность покойника. Поверья с этим связаны самые разные, от «скоро умрешь» и до «чужих привычек нахватаешься». Можно подумать, что привычки — это блохи, которые после смерти хозяина разбегаются по сторонам в поисках кого-то максимально похожего… Я никогда не был суеверным, так что принял внешность Тимура без колебаний. Все равно надо было замаскироваться под местного. Приезжий с европейской внешностью и в этой чайхане выглядел бы так же нелепо, как папуас на сенокосе в русской деревне.

— Здесь очень вкусно кормят, — объяснил Алишер вполголоса, сделав заказ. Я, не понимая по-узбекски ни слова, в присутствии молодого парнишки-официанта молчал. Афанди, к счастью, тоже: только временами крякал, потирал залысину и гордо поглядывал на меня. Видимо, взгляд подразумевал: «Как мы этого дэва, а?» Я послушно кивал в ответ.

— Верю, — ответил я. У стены стояла здоровенная китайская магнитола с огромными хрипящими динамиками и мигающими разноцветными лампочками. Играла кассета с чем-то национальным, исходно интересным, но безнадежно испорченным переделкой в ритмы поп-музыки и качеством магнитолы. Но зато громкость звука

была достаточной, чтобы спокойно говорить по-русски, не рискуя вызвать удивленные взгляды соседей. — Пахнет вкусно. Только, извини, грязновато тут.

— Это не грязь, — ответил Алишер. — Точнее, не та грязь. Знаешь, когда в Россию приезжают из Западной Европы, тоже морщатся: мол, грязно у вас везде. А ведь грязно не оттого, что не убирают! В России почвы другие, больше эрозия земли, в воздухе от этого пыль, и она повсюду оседает. Вымыл тротуар с мылом, так в Европе он три дня останется чистым, разве что клочок бумаги ветром принесет. А в России хоть языком вылизывай, пыль через час снова осядет. В Азии пыли еще больше, поэтому и европейцы, и русские говорят: «Грязь, бескультурье, дикость!» Неправда это! Просто местность такая! В Азии если пахнет хорошо — это не грязь. В Азии надо верить не глазам, а носу!

— Любопытно, — сказал я. — Никогда не задумывался об этом. Наверное, поэтому на Востоке глаза у людей узкие, зато носы большие?

Алишер мрачно посмотрел на меня. Потом вымученно рассмеялся:

— Ладно, уел. Смешно. Но я и вправду так думаю, Антон. На Востоке все иначе.

— Даже Иные, — кивнул я. — Алишер, а я ведь не поверил в дэва. Извини.

— Знаешь, по твоему описанию — это был не тот, что меня преследовал, — серьезно сказал Алишер. — Тот пониже ростом, но очень юркий. С ногами. Похож скорее на обезьяну с рогами.

— Тьфу на них, отрыжка мироздания, творение безответственных магов! — подхватил Афанди. — Мы с Антоном победили этого безнравственного, развратного дэва! Если бы ты видел этот бой, Алишер! Хотя не стоит юноше смотреть порнографию…

— Дедушка Афанди… — начал я. — Умоляю!

— Зови меня просто — бобо! — велел Афанди.

— Что это значит? — спросил я с подозрением.

— Это значит «дедушка». — Старик похлопал меня по плечу. — Мы с тобой победили этих дэвов, ты мне теперь как внук родной!

— Афанди-бобо, — попросил я. — Пожалуйста, не вспоминайте этот бой. Мне очень неловко, я не сразу смог поразить дэва.

— Дэвов! — твердо повторил Афанди.

— Дэва? — наивно предложил я.

— Дэвов! Их там было два! Большой сжимал маленького в руке и размахивал им налево-направо, направо-налево!

Афанди привстал и очень красочно изобразил поведение «дэвов».

— Хай, великий воин Афанди, — быстро сказал Алишер. — Их было два. Антон не заметил второго от страха. Сядьте, нам несут чай.

Минут десять мы пили чай со сладостями. Я опознал халву, рахат-лукум и что-то вроде пахлавы. Все остальные сладкие кондитерские чудеса Востока были мне незнакомы. Но получить удовольствие от вкуса это не помешало. Тут были разноцветные кристаллы сахара (я предпочел не размышлять, чем именно их подкрашивали), мотки тонких, очень сладких нитей, что-то похожее на халву, но белое, сухофрукты. Все очень вкусное. И все очень сладкое, что для нас было особенно важно. После потери Силы всегда тянет на сладкое. Пусть мы оперируем чужой Силой, всего лишь перераспределяя ее в пространстве, но и это непросто. Глюкоза в крови падает так, что легко свалиться в гипогликемической коме. Если это случится в сумраке, то спасет лишь чудо.

— Потом будет шурпа и плов, — сказал Алишер, наливая себе уже пятую пиалу зеленого чая. — Здесь простая еда. Но настоящая.

Он замолчал. И я понял, о чем он думает.

— Они погибли в бою. Как положено дозор-

ным, — сказал я.

— Это был наш бой, — негромко произнес Алишер.

— Общий бой. Даже для Темных. Мы должны найти Рустама, и никто нам в этом не помешает. Вот Мурата жалко… и людей положил, и сам жить не смог.

— Я бы смог, — мрачно сказал Алишер.

— И я тоже, — признался я. Мы обменялись понимающими взглядами.

— Люди против Иных. — Алишер вздохнул. — Поверить не могу! Как в кошмарном сне! Их всех зачаровали, это работа для Высшего!

— Как минимум трое Высших, — сказал я. — Темный, Светлый и Инквизитор. Вампир, целитель и боевой маг.

— Настал конец времен. — Афанди покачал головой. — Никогда не думал, что сойдутся вместе Свет, Тьма и Страх…

Я быстро посмотрел на него — и успел поймать краткий миг перед тем, как глуповатое выражение вернулось на лицо Афанди.

— А ты ведь не так глуп, как притворяешься, Афанди, — сказал я негромко. — Зачем ты ведешь себя будто выживший из ума старик?

Несколько секунд Афанди улыбался. Потом

посерьезнел:

— Слабому лучше выглядеть дурачком, Антон. Только сильный может позволить себе быть умным.

— Ты не так уж и слаб, Афанди. Ты вошел на второй слой и пять минут пробыл там. Хитрость какую знаешь?

— У Рустама было много секретов, Антон.

Я долго смотрел на Афанди, но лицо старика оставалось невозмутимым. Потом перевел взгляд на Алишера. Тот выглядел задумчивым.

Интересно, мы с ним пришли к одной и той же мысли?

Скорее всего да.

Афанди — он и есть Рустам? Глуповатый старик, который десятилетиями безропотно прибирал офис провинциального Дозора, — один из старейших в мире магов?

Все может быть. Все, что угодно. Говорят, что с годами каждый Иной меняет характер, упрощается: на первый план выходит какая-то одна, доминирующая черта личности. Хитроумному Гесеру хотелось интриг, так он и интригует до сих пор. Фома Лермонт, который мечтал о спокойной и уютной жизни, теперь ухаживает за своим садиком и работает антрепренером. А Рустам, если

в его характере преобладала скрытность, вполне мог дожить до полной паранойи и скрываться в обличье слабого и недалекого старика…

Но если так — он не раскроется, даже выскажи я свою догадку. Рассмеется в лицо, начнет старую песенку про своего учителя… А ведь он вовсе не сказал, что Рустам инициировал его! Он рассказал эту историю от третьего лица: Рустам, глупый старик, инициация. Это мы сами поместили Афанди на место глупого старика!

Я снова посмотрел на Афанди. Теперь мое воспаленное воображение готово было найти в его взгляде и лукавство, и болезненную скрытность, и даже ехидство.

— Афанди, я должен говорить с Рустамом, — сказал я, аккуратно выбирая слова. — Это очень важно. Гесер послал меня в Самарканд, просил разыскать Рустама и в память о старой дружбе попросить у него совета. Только совета!

— Хорошая вещь — старая дружба, — кивнул Афанди. — Очень хорошая! Когда она есть. Но я слышал, что Рустам и Гэсэр рассорились. Так сильно рассорились, что Рустам плюнул вслед Гэсэру и сказал, что не желает видеть его на узбекской земле. А Гэсэр рассмеялся и ответил, что тогда Рустаму надо выколоть себе глаза. На дне

бутылки хорошего старого вина может выпасть горький осадок, и чем старее вино, тем сильнее осадок горчит. Так и старая дружба может породить очень, очень большую обиду!

— Ты прав, Афанди, — сказал я. — Ты во всем прав. Но Гесер сказал еще одну вещь. Ему довелось спасать жизнь Рустама. Семь раз. И Рустаму довелось спасать его жизнь. Шесть раз.

Нам принесли шурпу, и мы замолчали. Но Афанди и после того, как паренек удалился, сидел с плотно сжатыми губами. И с таким выражением лица, будто что-то считал в уме.

Наши с Алишером взгляды встретились. Алишер едва заметно кивнул.

— Скажи, Антон, — произнес наконец Афанди. — Если твой друг расстроился, когда его любимая женщина ушла от него… так расстроился, что решил покинуть этот мир… а ты пришел к нему и месяц жил у него, с утра до вечера пил вино, заставлял ходить в гости и рассказывал, как много вокруг других красивых женщин… это считается спасением жизни?

— Я думаю, зависит от того, действительно ли друг готов был расстаться с жизнью от любви, — осторожно сказал я. — Каждому мужчине, который пережил подобное, казалось, что неза-

чем жить. Но очень, очень редко они кончали с собой. Ну, разве что были глупыми безусыми юнцами.

Афанди снова замолчал.

А у меня, будто дождавшись паузы, звякнул телефон.

Я достал трубку в полной уверенности, что звонит либо Гесер, которому доложили о случившемся, либо Светлана, почувствовавшая неладное. Но никакого номера или имени на дисплее не было. Он просто светился ровным серым светом.

— Да? — произнес я.

— Антон? — спросил голос. Знакомый голос с легким прибалтийским акцентом.

— Эдгар? — обрадованно воскликнул я. Нормальный Иной звонку Инквизитора радоваться не станет. Тем более если этот Инквизитор — бывший Темный маг. Но сейчас была слишком нестандартная ситуация. Лучше уж Эдгар, чем незнакомый ревнитель равновесия, увешанный амулетами с ног до головы и подозревающий в преступлениях всех и вся.

— Антон, ты в Самарканде. — Эдгар, конечно, не спрашивал, а утверждал. — Что там творится? Наши провешивают портал от Амстердама до

Ташкента!

— А почему до Ташкента? — не понял я.

— Проще. Этой трассой хоть раз пользовались, — пояснил Эдгар. — Так что там у вас?

— Про Эдинбург знаешь?

Эдгар только насмешливо фыркнул. Да уж, задал я вопрос. В Инквизиции вряд ли остались даже стажеры, не слыхавшие про попытку похитить артефакт Мерлина. Что уж говорить об опытных сотрудниках.

— Судя по всему, та же команда. Только там они пользовались услугами наемников. А здесь задурили головы местным военным и полицейским. Все в амулетах и чарах, пули заговорены…

— Понятно, отпуск у меня накрылся, — безнадежно сказал Эдгар. — Хоть бы ты туда не совался! Меня с пляжа выдернули! Потому что я имел опыт работы с тобой!

— Ценю такое внимание, — ехидно сказал я.

— Все очень серьезно? — помедлив, спросил Эдгар.

— Сотня человек, натравленных на оба местных Дозора. При отходе погибли двое Светлых. А потом нас атаковал дэв. Перекусил пополам Темного. Я его три минуты трамбовал!

Эдгар выругался. Спросил:

— Чем трамбовал?

— Прахом. Хорошо хоть знал случайно…

— Восхитительно! — с сарказмом произнес Эдгар. — Молодой московский маг случайно помнит заклинание против големов, которое не применялось лет сто!

— Уже статью шьешь? — усмехнулся я в ответ. — Приезжай, тебе понравится. Кстати, заклинания против големов подучи, тут, по слухам, еще один ошивается.

— Это какой-то кошмар… — пробормотал Эдгар. — Я на Крите. В плавках стою на пляже. Мне жена спину мажет солнцезащитным кремом. А мне велят через три часа быть в Амстердаме и немедленно отправляться в Узбекистан! Это как называется?

— Глобализация, сэр, — сообщил я.

Эдгар застонал в трубку. Потом сказал:

— Меня жена убьет. У нас медовый месяц. Она, между прочим, ведьма! А меня вызывают в какой-то там Узбекистан!

— Эдгар, тебе не идет говорить «какой-то там», — снова не удержался я от ехидства. — Как-никак в одном государстве раньше жили. Считай это своим отсроченным патриотическим долгом.

Но Эдгар явно не был расположен ни к сар-

казму, ни к пикировке. Тяжело вздохнул, потом спросил:

— Как мне тебя найти?

— Звони, — просто ответил я. И прервал связь.

— Инквизиция, — понимающе кивнул Алишер. — Спохватились. Им тут работка найдется.

— Для начала бы свои ряды почистили, — сказал я. — Ведь кто-то орудует у них в конторе.

— Не обязательно, — попытался вступиться за Инквизицию Алишер. — Это может быть Инквизитор в отставке.

— Да? И откуда тогда люди узнали, что Гесер направил нас в Самарканд? Он сообщил только Инквизиции!

— Среди предателей есть и Светлый целитель, — напомнил мне Алишер.

— Ты хочешь сказать — Высший Светлый из нашего Ночного Дозора? Целитель? И он работает на врага?

— Да хоть бы и так! — упрямо сказал Алишер.

— У нас в Дозоре был только один Светлый целитель высшего уровня, — спокойно напомнил я. — Только одна, точнее. Моя жена.

Алишер осекся. Замотал головой:

— Прошу прощения, Антон! Я не имел в виду ничего подобного!

— Ай, хватит ссориться! — прежним дурашливым голосом сказал Афанди. — Шурпа остыла! Что хуже остывшей шурпы? Только горячая водка!

Он воровато огляделся и провел рукой над пиалами с шурпой. От остывшего бульона снова пошел пар.

— Афанди, как нам поговорить с Рустамом? — повторил я.

— Шурпу ешь, — буркнул старик. И подал нам пример.

Отломив кусок лепешки, я принялся за шурпу. Что поделать, Восток есть Восток. Прямо отвечать здесь не любят. Наверное, лучшие в мире дипломаты — восточные. «Да» и «нет» не говорят, но это вовсе не значит, что они воздерживаются…

Только когда и я, и Алишер доели шурпу, Афанди со вздохом произнес:

— Наверное, Гэсэр сказал правду. Наверное, он может потребовать от Рустама ответа. Одного ответа на один вопрос.

Что ж, это уже маленькая победа!

— Сейчас. — Я кивнул. Вопрос, конечно же, надо было задать правильно и так, чтобы не оставить возможности двусмысленного ответа. — Минутку…

— Зачем ты спешишь? — удивился Афанди. — Минутку, час, день… Думай.

— Я в принципе готов, — сказал я.

— И что? Кого ты будешь спрашивать, Антон Городецкий? — Афанди усмехнулся. — Тут нет Рустама. Мы поедем к нему, и ты задашь свой вопрос.

— Тут нет Рустама? — Я едва не потерял дар речи.

— Нет, — твердо ответил Афанди. — Прости, если какие-то мои слова ввели тебя в заблуждение. Но нам придется поехать на плато демонов.

Я подумал, что начинаю понимать Гесера, разругавшегося с Рустамом. И что Мерлин, несмотря на все свои злодеяния, был все-таки добрейшей души и великого терпения Иной. Потому что Афанди — это Рустам. К гадалке не ходи!

— На одну минуточку я… — Афанди поднялся и двинулся к дверке в углу чайханы. На двери был нанесен трафаретом понятный без перевода мужской силуэт. Что интересно — двери с женским силуэтом не наблюдалось. Видимо, проводить время в чайхане женщины Самарканда не привыкли.

— Ну и фрукт Рустам, — пробормотал я, пользуясь возможностью. — Сухофрукт. Урюк упрямый.

— Антон, а ведь Афанди — не Рустам, — сказал Алишер.

— Ты что, поверил?

— Антон, десять лет назад Рустама узнал мой отец. Я тогда не придал этому особого значения… ну, жив древний Высший, ну и что с того? Много их отошло от дел, живут себе незаметно среди людей…

— Ну?

— Отец знал Афанди. Лет пятьдесят, наверное, знал.

Я задумался.

— А как именно отец тебе рассказал про Рустама?

Алишер наморщил лоб. Потом очень четко, будто читая с листа, произнес:

— Сегодня я видел Великого, которого семьдесят лет никто и нигде не встречал. Великого Рустама. Друга, а потом врага Гесера. Я прошел мимо. Мы узнали друг друга, но сделали вид, что не видим. Хорошо, что такой маленький Иной, как я, никогда с ним не ссорился.

— Ну и что? — Настал мой черед спорить. — Твой отец мог наконец-то узнать Рустама, замаскировавшегося под Афанди. Об этом и сказать.

Алишер задумался и признал, что да, могло

быть и так. Но он все же считает, что отец говорил не об Афанди.

— Все равно нам это ничего не дает. — Я махнул рукой. — Ты же видишь, какой он упрямый. Нам придется идти с ним на плато демонов… кстати, что это такое? Только не говори мне, что на Востоке есть демоны, которые живут на каком-то плато!

Алишер усмехнулся:

— Демон — это сумеречная форма Темных магов высокого уровня, чья человеческая природа искажена Силой, сумраком и Тьмой. На первом занятии учат. Нет, плато демонов — человеческое название. Это горная местность, где стоят валуны причудливой формы — будто окаменевшие демоны. Люди туда не любят заходить. Ну, только туристы…

— Туристы — не люди, — согласился я. — Значит, обычные суеверия?

— Нет, не суеверия. — Алишер посерьезнел. — Там была битва. Большая битва Темных и Светлых, почти две тысячи лет назад. Темных было больше, они побеждали… и тогда Великий Светлый маг Рустам применил ужасное заклинание… никто и никогда больше не применял в бою Белое Морево. Темные окаменели. И не рассосались

в сумраке, а так и вывалились в обычный мир — каменными демонами. Люди говорят правду, хоть и не знают об этом.

У меня вдруг сжало сердце. Холодным, скользким, отвратительным воспоминанием. Я стою перед Костей Саушкиным. И далекий голос Гесера шепчет в голове…[10]

— Белое Марево, — сказал я. — Заклинание называется «Белое Марево». Доступно лишь Высшим магам, требует максимального сосредоточения и полной прокачки Силы в радиусе трех километров…

Слова Алишера будто сорвали какой-то замок в моей памяти. И открылась скрипучая дверца шкафа, в котором затаился древний скелет, оскалившийся в костяной ухмылке…

Гесер дал мне не просто голое знание. Он передал целый кусок своей памяти. Щедрый подарок… почти такой же, какой получился у данайских плотников.

…Камень жжет ноги сквозь мягкие кожаные туфли, потому что камень раскален докрасна, и даже наложенные на одежду чары теряют свою

---

[10] Примечания: 10

Эта история описана в третьей части книги «Сумеречный Дозор». — *Примеч. авт.*

силу. А впереди дымится чье-то тело, наполовину ушедшее в размягчившийся камень. Не у всех соратников чары выдержали Молот Судьбы.

— Гесер! — кричит мне в ухо рослый широкоплечий мужчина. Его черная бородка курчавится от жара, бело-красные одежды припорошены черным пеплом. Сверху падают, рассыпаясь порошком, кружевные черно-серые хлопья. — Гесер, надо решиться!

Я молчу. Я смотрю на дымящееся тело и пытаюсь узнать убитого. Но тут его защита сдается окончательно, и труп мгновенно вспыхивает, превращаясь в столб жирного пепла, уходящий в небо. Потоки рассеивающейся Силы колышут пепел, и тот на мгновение складывается в призрачную человеческую фигуру. Я понимаю, что именно падает на нас сверху, и к горлу подступает ком.

— Гесер, они хотят поднять Тень Владык! — В голосе мага в бело-красных одеждах панический ужас. — Гесер!

— Я готов, Рустам, — говорю я. Протягиваю ему руку. Маги нечасто творят заклинания вдвоем, но мы многое пережили вместе. И еще — вдвоем легче. Легче решиться. Потому что впереди — сотня Темных и десять тысяч людей.

А за нами — всего лишь сотня доверившихся нам людей и десяток магов-учеников.

Очень трудно убедить себя, что десять и сто дороже, чем сто и десять тысяч.

Но я смотрю на черно-серый пепел, и мне вдруг становится легче. Я говорю себе то, что всегда будут говорить себе сильные и добрые в такой ситуации. Через сто, через тысячу, через две тысячи лет.

Впереди — не люди!

Впереди — взбесившиеся звери!

Сила течет сквозь меня, Сила пузырящейся жижей наполняет жилы, Сила проступает на коже кровавым потом. Вокруг много, очень много Силы — истекающей из убитых Иных, рассеивающейся из произнесенных заклинаний, рвущейся из бегущих в атаку людей. Темные не зря привели с собой целое войско. Иным не страшно человеческое оружие, но машущие саблями руки, оскаленные в крике рты и жаждущие смерти глаза принадлежат живым бурдюкам, наполненным Силой. И чем больше ненавидит и боится это грязное человеческое отребье, согнанное под знамена Тьмы жестокими правителями или жаждой наживы, — тем сильнее идущие среди них Темные маги.

Но у нас в запасе есть заклинание, которое никогда еще не звучало под этим солнцем. Привезенное Рустамом с далекого северного острова, придуманное хитроумным Светлым по имени Мерлин, но ужаснувшее даже его, стоящего опасно близко к Тьме…

Белое Марево.

Рустам произносит чужие, грубо звучащие слова. Я повторяю вслед за ним, даже не пытаясь постичь смысл. Слова важны, но они лишь руки гончара, придающие форму глине; глиняная форма, в которую вольют расплавленный металл; бронзовые оковы, не дающие лишней свободы рукам. Слова все начинают и все заканчивают, в словах форма и направление, но решает все Сила.

Сила и Воля.

Я больше не могу сдержать ту мощь, что бьется во мне, с каждым ударом сердца готовая разорвать жалкое человеческое тело. Я открываю рот одновременно с Рустамом. Я кричу, но кричу уже без слов.

Время слов кончилось.

Белый туман вылетает из наших ртов, вздымается мутной волной — и накатывается на приближающуюся армию, на круг Темных ма-

гов, что плетут паутину своего заклинания… не менее ужасающего, но более медленного… чуть более медленного. Серые тени, уже начинающие подниматься из камня, сдувает белым туманом.

А потом Белое Марево настигает и Иных, и человеческих воинов.

Мир перед нами теряет краски, но не так, как это происходит в сумраке. Мир становится белым, но это белизна смерти, а не жизни, это смешение красок, которое так же бесплодно, как их отсутствие. Сумрак вздрагивает, сминается — слой за слоем слипаются меж собой, протягивая меж ледяных жерновов кричащих от боли людей и онемевших от страха Иных.

И мир застывает.

Белая мгла рассеивается. Остается валящий с неба пепел. Остается раскаленная земля под ногами. И остаются окаменевшие фигуры Иных — причудливые, очень часто совсем не похожие на человеческие тела, превратившиеся в гранит и песчаник, огрубленные и исковерканные. Перекидывающийся в тигра оборотень, припавший к земле вампир, воздевшие руки в тщетной попытке защититься маги…

От людей не остается вообще ничего. Сумрак поглотил их, переварил и обратил в ничто.

Нас с Рустамом трясет. Мы распороли ногтями кожу друг другу до крови. Что ж, мы давно собирались побрататься.

— Мерлин говорил, что Иных выбросит на седьмой, последний слой сумрака… — тихо произносит Рустам. — Он ошибся. Но так тоже вышло… неплохо… Эта битва… будет жить в веках. Это славная битва.

— Посмотри, — говорю я ему. — Посмотри… брат.

Рустам всматривается — не глазами, а так, как умеем мы, Иные. И бледнеет.

Эта битва не будет жить в веках. Мы никогда не станем ею хвалиться.

Убить врага — доблесть. Обречь его на муки — подлость. Обречь на вечные муки — вечная подлость.

Они все всё еще живы. Обращены в камень, лишены движения и Силы, осязания, зрения, слуха, всех отпущенных людям и Иным чувств.

Но они живы и будут жить — пока камень не обратится в песок, а может быть, и дольше.

Мы видим их трепещущие живые ауры. Видим их удивление, страх, гнев.

Мы не станем гордиться этой битвой.

Не станем о ней говорить.

И никогда больше не произнесем чужих колючих слов, вызывающих Белое Марево…

Почему я смотрю на Алишера снизу вверх? И с какой стати за его головой потолок?

— Очнулся, Антон?

Я привстал на локтях. Огляделся.

Восток — дело тонкое. Восток умеет быть деликатным. Все в чайхане сделали вид, что не заметили моего обморока. Предоставили Алишеру самому приводить меня в чувство.

— Белое Марево, — повторил я.

— Понял, понял, — кивнул Алишер. Он был не на шутку встревожен. — Ну ошибся я, не морево, а марево. Извини. В обморок-то чего падать?

— Рустам применял Белое Марево вместе с Гесером, — сказал я. — Три года назад… в общем, Гесер научил меня этому заклинанию. Серьезно так научил. Воспоминаниями поделился. В общем… я теперь помню, как все это было.

— Действительно так мрачно? — спросил Алишер.

— Очень. Не хочется мне туда ехать.

— Ну, это ведь было давно, — успокоительно произнес Алишер. — Все уже кончилось, все давным-давно прошло, кануло в Лету…

— Если бы, — ответил я, но уточнять не стал.

Если Алишеру не повезет, то он сам все увидит и поймет. Потому что ехать на плато демонов нам все-таки придется. Рустам из моих заимствованных воспоминаний ничего общего с Афанди не имел.

Как раз в этот момент вернулся из туалета Афанди. Сел на подушки, посмотрел на меня, добродушно спросил:

— Отдохнуть решил, да? Отдыхать рано, после плова будем отдыхать.

— Не уверен, — пробормотал я, садясь.

— Ах какая хорошая вещь — цивилизация! — продолжал Афанди, будто не слыша меня. — Вы молодые, вы не знаете, сколько блага принесла цивилизация миру.

— Неужели там горела лампочка? — пробормотал я. — Алишер, поторопи официанта с пловом, ладно?

Алишер нахмурился.

— И впрямь…

Он встал, но как раз в этот момент появился молодой мужчина с большим блюдом. Разумеется, одна тарелка на всех, как положено… красноватый рассыпчатый рис, оранжевая морковь, изрядное количество мяса, цельная головка чеснока сверху.

— Я же говорил, здесь хорошо готовят, — с удовольствием произнес Алишер.

А я смотрел на мужчину, который принес плов. Интересно, куда делся тот молодой паренек? И почему новый официант так нервничает?

Я взял рукой пригоршню плова, поднес к лицу. Посмотрел на официанта. Тот закивал и начал вымученно улыбаться.

— Баранина под чесночным соусом, — сказал я.

— Каким еще соусом? — удивился Алишер.

— Это я так… вспоминаю мудрого Холмса и наивного Ватсона, — ответил я, больше не беспокоясь о том, что мой русский язык выглядит неуместно. — Чеснок — чтобы отбить запах мышьяка. Сам же говорил — на Востоке надо верить носу, а не глазам… Дорогой, откушай-ка с нами плова!

Официант замотал головой, медленно отступая. Из любопытства я посмотрел на него сквозь сумрак — в ауре преобладали желтые и зеленые оттенки. Страх. Профессиональным убийцей он не был. И отравленный плов потащил сам, вместо младшего брата, потому что боялся за того. Удивительно, какие мерзости способен совершить человек из-за любви к ближним своим и

заботы о них.

Вообще все это было чистой воды импровизацией. В чайхане нашлась какая-то гадость с мышьяком, какой-то крысиный яд. И кто-то приказал накормить нас пловом с отравой. Убить сильного Иного таким образом невозможно, но ослабить, отвлечь нас можно было запросто.

— Сейчас я из тебя самого лагман сделаю, — пообещал я официанту. — И накормлю им твоего брательника. За чайханой следят?

— Не… не знаю… — Официант сразу понял, что, несмотря на мою внешность, надо говорить по-русски. — Я не знаю, мне велели!

— Пшел вон! — велел я, вставая. — Чаевых не будет.

Официант бросился к двери на кухню. А посетители тем временем принялись покидать чайхану, по такому случаю решив обойтись без платы. Что их так напугало — мои слова или интонации?

— Антон, штаны себе не прожги, — сказал Алишер.

Я опустил глаза — в моей правой ладони с шипением крутился файербол. Я разозлился настолько, что заклинание «с кончика пальцев» вышло на пусковую стадию.

— Спалить бы этот гадючник… в назидание, —

процедил я сквозь зубы.

Алишер молчал. То неловко улыбался, то морщился. Я прекрасно понимал, что он хочет сказать. Что эти люди не виноваты. Им велели, и они не могли воспротивиться. Что эта небогатая чайхана — все, что у них есть. Что с нее кормится две-три большие семьи с детишками и стариками. Но он молчал, потому что в данном случае я был вправе устроить маленький пожар. Человек, пытающийся отравить трех Светлых магов, заслуживает воспитательных мер. В назидание и себе, и другим. Мы Светлые, а не святые…

— Шурпа хорошая была, — тихо сказал Алишер.

— Пошли сквозь сумрак, — сказал я, превращая файербол в струйку жидкого пламени и выливая ее на блюдо с пловом. Рис и мясо превратились в головешки вместе с мышьяком. — Не хочется мне что-то мелькать в дверях. Слишком быстро работают, твари.

Алишер с благодарностью кивнул, встал, для верности растоптал угольки на блюде ногами и опрокинул туда два чайника.

— Зеленый чай тоже был хорош, — согласился я. — Слушай, ведь чай вроде как простецкий. Гадкий чай, если честно. А очень вкусный!

— Тут главное — правильно заварить, — с облегчением подхватил разговор Алишер. — Когда чайнику пятьдесят лет и его ни разу не мыли… — Он запнулся, но, не обнаружив на моем лице ярко выраженного отвращения, продолжал: — В этом-то и вся хитрость! На стенках изнутри образуется такая хитрая корочка из танинов, эфирных масел и флавоноидов…

— А разве в чае содержатся флавоноиды? — удивился я. Снова повесил сумку на плечо. Едва не забыл. Белье — ладно, но в сумке комплект боевых амулетов от самого Гесера и пять толстых пачек баксов!

— Ну, может, я и путаю… — согласился Алишер. — Но дело именно в этой корочке, она позволяет заваривать чай словно в скорлупе из чая…

Уже привычно подхватив Афанди под руки, мы вошли в сумрак. Хитрый старик не спорил, даже наоборот, поджал ноги и повис между нами, гнусно хихикая и покрикивая: «Но! Но!» Я подумал, что если все-таки вопреки воспоминаниям Гесера Афанди и есть Рустам — не посмотрю на возраст. Обложу таким русским народным, что у него уши в трубочку свернутся.

Глава 5

Честно говоря, я бы предпочел «уазик» или «Ниву». Не из патриотических соображений, а потому что джип «тойота» не самая распространенная в Узбекистане машина. А маскировать ее при помощи магии — все равно что размахивать над головой флагом и вопить: «Мы здесь! Кто на новенького?»

Но Афанди очень уверенно сказал, что дорога нас ждет плохая. Совсем плохая. Единственная «Нива», на которую мы наткнулись поблизости от чайханы, была в таком ужасающем состоянии, что подвергать старушку издевательствам было и стыдно, и неразумно.

А «тойота» была новенькая, укомплектованная по полной программе, как это принято в Азии, — если уж можешь себе позволить купить дорогую машину, то пусть в ней будет все! И спортивный глушитель, и стойка для велосипедов (на которые толстопузый хозяин с детства не забирался), и сиди-чейнджер, и форкоп, и накладки на порожки — в общем, вся та красиво блестящая фигня, которую придумывают производители, чтобы задрать цены в полтора раза от номинальной.

Хозяин машины был, похоже, и хозяином местного рынка. Выглядел он обычным узбекским баем, как их рисовали в старых мультиках и карикатурах, то есть с тем же правдоподобием, что толстый капиталист с неизменной сигарой в зубах. Наверное, ирония судьбы заключалась в том, что все представления о внешнем виде богатого человека этот немолодой мужчина почерпнул из детских мультфильмов и модных европейских журналов. Он был толстый. В тюбетейке, расшитой золотыми нитями. В дорогущем и явно тесном ему костюме. В не менее дорогом галстуке, который, вне всякого сомнения, несколько раз заляпали жирной пищей, а потом, не мудрствуя лукаво, постирали в машинке. В начищенных туфлях, совершенно неуместных на пыльной улице. В золотых перстнях со здоровенными синтетическими камнями, «дурмалинами», как их ехидно называют торговцы ювелирными украшениями. Тюбетейка долженствовала символизировать его близость к народу, а все остальное — европейский лоск. В руке он сжимал мобильник — дорогой, но приличествующий скорее богатому молодому остолопу, а не солидному бизнесмену.

— Пойдет нам эта машина? — спросил я

Афанди.

— Хорошая машина, — согласился Афанди.

Я еще раз огляделся — Иных поблизости не наблюдалось. Ни враждебно настроенных, ни союзников, ни обычных, живущих среди людей. Ну и замечательно.

Выйдя из сумрака, я всмотрелся в лицо владельца внедорожника. Потом легонько коснулся его Силой. Подождал, пока он повернулся ко мне, недоуменно морща густые брови. Улыбнулся и послал в его сторону два заклинания, чьи точные названия были слишком вычурны. В быту их называют «сколько лет, сколько зим» и «не разлей вода».

Лицо современного бая расплылось в ответной улыбке.

Двое сопровождавших его парней — то ли охранников, то ли дальних родственников, а скорее всего и то и другое вместе — настороженно уставились на меня. В сумраке с меня смыло небрежно наложенную личину Тимура. И незнакомый русский, который, раскинув руки, шел навстречу их начальнику, вызывал естественное подозрение.

— А! Сколько лет, сколько зим! — закричал я. — Старый друг моего отца!

К сожалению, он был старше меня лет на двадцать. Иначе прошла бы версия однокашника или «помнишь, как служили вместе, брат!». Впрочем, «служили вместе» в последнее время очень часто не срабатывает. Человека клинит в попытке честно вспомнить, как он служил с тобой вместе и как это вообще могло случиться, если он честно откупился от армии за стопку зеленых бумажек американского производства. Некоторые зарабатывают серьезный невроз на этой почве.

— Сын моего старого друга! — завопил мужчина, открывая мне объятия. — Где ты был так долго?

Тут главное — дать человеку чуть-чуть информации. Дальше он все придумает сам.

— Я? Я жил в Мариуполе у бабушки! — сообщил я. — Ох как же я рад тебя видеть! Ты стал таким большим человеком!

Мы обнялись. От мужчины вкусно пахло шашлыком и хорошим одеколоном. Вот только одеколона было чересчур много.

— И какая у тебя прекрасная машина! — добавил я, окидывая джип одобрительным взглядом. — Это ее ты хотел мне продать?

В глазах у мужчины появилась тоска, но «не

разлей вода» не оставляло ему выбора. Ничего, пусть скажет спасибо, что Гесер так щедро снабдил нас перед дорогой. Иначе я попросил бы подарить «тойоту».

— Да… ее… — печально подтвердил он.

— Держи! — Я открыл сумку, достал четыре пачки долларов и сунул ему в руку. — Ключи, если можно. Я очень, очень спешу!

— Она… она дороже стоит… — несчастным голосом произнес мужчина.

— Ну так я же подержанную беру! — пояснил я. — Верно?

— Верно… — вымученно признал он.

— Дядя Фархад! — растерянно воскликнул один из молодых людей.

Фархад окинул его строгим взглядом, и юноша замолчал.

— Не мешай, когда старшие разговаривают, не позорь меня перед сыном моего старого друга! — рявкнул Фархад. — Что подумает сын моего старого друга?

Молодые люди были в панике. Но молчали.

А я, взяв из рук мужчины ключи, сел на сиденье водителя. Вдохнул запах свежей кожаной обивки и подозрительно посмотрел на спидометр. Н-да… подержанная. Если верить приборам, машина

проехала всего триста километров.

Я помахал оставшейся без транспорта, но с сорока тысячами долларов троице рукой. Вырулил на дорогу. И сказал:

— Всем выйти из сумрака!

На пустом заднем сиденье возникли Алишер и Афанди.

— Я бы на него еще немножко счастья наложил, — сказал Алишер. — Пусть не переживает потом. Человек вроде как не очень хороший, злой человек. Но все-таки.

— Лишние заклинания — лишний повод с катушек съехать. — Я покачал головой. — Ничего. Я с ним, можно сказать, расплатился. Переживет.

— Будем ждать Эдгара? — спросил Алишер. — Или искать Светлых?

Но я уже обдумал и отверг эти варианты.

— Нет, не стоит. Давай-ка сразу рванем в горы. Чем дальше от людей, тем спокойнее.

Алишер сменил меня за рулем, когда начало темнеть. Мы ехали от Самарканда на юг, к афганской границе, уже три часа. Как раз к началу сумерек ужасная асфальтированная дорога перешла в кошмарную грунтовую. Я перебрался на заднее сиденье, где спокойно похрапывал Афанди, и решил последовать примеру стари-

ка. Но прежде чем задремать, достал из сумки несколько боевых амулетов.

Новички очень любят всякого рода магические жезлы, кристаллы, ножи — как сделанные самостоятельно, так и заряженные более сильным магом. Впрочем, даже слабый неопытный маг, несколько дней любовно изготавливающий артефакт и накачивающий его Силой, может добиться потрясающего эффекта. Беда в том, что это именно эффект — мощный, продолжительный, выверенный. Но — одиночный. Два различных заклинания к одному предмету не привяжешь. Магический жезл, предназначенный для того, чтобы извергать пламя, великолепно справится со своей задачей даже в руках слабенького Иного. Но если его противник успеет сообразить, в чем дело, и поставит защиту от огня, жезл со всеми своими огненными чудесами станет бесполезным. Он не сможет замораживать, иссушать или переворачивать вверх ногами. Либо используй запасенный огонь, либо молоти жезлом, как дубинкой. Недаром слабые маги, которые взаимодействуют с людьми (а вмешиваться в дела людей или вмешивать их в свои дела предпочитают именно слабые маги), всегда использовали магический посох — гибрид обычного жезла и

длинной дубинки. Некоторые, скажем честно, владели дубинкой куда лучше, чем магией. Помню, как мы всем Дозором пошли в кинотеатр «Пушкинский» на премьеру «Властелина Колец». И все было замечательно, пока Светлый Гэндальф и Темный Саруман не принялись драться при помощи боевых посохов. Вот тут два ряда, заполненных Иными, разразились гомерическим хохотом. Особенно практиканты, которым каждый день вдалбливают в головы: маг, полагающийся на артефакты, — это стремящийся к эффектности, а не эффективности лентяй. Сила мага — в умелом использовании сумрака и заклинаний.

Но, разумеется, из каждого правила есть исключения. Если опытный маг сумел предугадать будущее, все равно как — путем грамотного анализа линий вероятности или просто исходя из своего опыта, то заряженный артефакт незаменим. Уверен, что твой противник — оборотень, не способный манипулировать Силой напрямую, полагающийся на физическую силу и быстроту? Один ускоряющий амулет, одна подвеска со срабатывающим на приближение Щитом, один простенький жезл (многие предпочитают зачаровывать обычный карандаш, дерево и графит

— прекрасная форма для накопления Силы) с заклинанием заморозки. Все! На охоту за Высшим оборотнем можно смело отправлять мага седьмого уровня. Щит отразит атаку, амулет придаст движениям мага немыслимую скорость, а Фриз, темпоральная заморозка, превратит врага в неподвижный комок шерсти и ярости. Вызывайте перевозку, враг готов к транспортировке на суд Инквизиции.

Артефакты, которые хранились в моей сумке, были куда дороже валявшихся рядом с ними денег. И готовил их лично Гесер… ну, может быть, не готовил, но по крайней мере отбирал из спецхрана оружейной комнаты. Можно было рассчитывать не только на их мощь, но и на то, что они будут полезны. Мне вдруг вспомнился старый-престарый, в детстве еще увиденный австралийский мультфильм «Вокруг света за восемьдесят дней». Хладнокровный английский джентльмен Филеас Фогг, вознамерившийся совершить кругосветное путешествие за рекордный для тех времен срок, в мультфильме выглядел этаким хитрым предсказателем, четко знающим, что ему понадобится в ближайшие часы. Если он поутру брал с собой гаечный ключ, чучело опоссума и связку бананов, то уже к

вечеру чучелом затыкали течь в борту лодки, гаечным ключом подпирали дверь, в которую ломились враги, а бананы получала обезьянка, отдавая взамен билеты на пароход. В общем, все это напоминало компьютерную игрушку в жанре «квест», где каждому предмету надо найти нетривиальное применение.

Артефакты от Гесера могли использоваться и по прямому назначению, и совершенно неожиданным образом. Но в любом случае применение для них обычно находилось.

Вот и сейчас я разложил на сиденье между собой и похрапывающим Афанди двенадцать предметов и внимательно осмотрел. Стоило сделать это раньше, но дома я не доставал их, чтобы не заинтересовать Надюшку, в самолете возиться с магическими артефактами не хотелось, потом просто не было времени. Вот будет обидно, если среди амулетов — оружие против големов!

Два портативных боевых жезла, не длиннее десяти сантиметров каждый. Первый из древесины черного дерева — огонь. Второй из моржового клыка — лед. Ну, это одновременно банально и полезно. Пока справлялись без них, но все может случиться.

Четыре серебряных кольца с защитными чара-

ми. Вот это очень странный комплект! Обычный Щит Мага защищает от всего, надо лишь подпитывать его энергию. Защитные кольца Иному требуются редко. А тут — целевые защиты от огня, льда, кислоты… и вакуума. Я даже не сразу поверил в то, что увидел сквозь сумрак. Изучил кольцо повнимательнее. Нет, все верно! При резком падении давления кольцо начинало работать и удерживало вокруг своего обладателя воздух.

Странная штука. Есть, конечно, несколько боевых заклинаний, удушающих противника, в том числе и путем удаления вокруг него воздуха. За тысячелетия войны чего только ни придумано! Но в бою эти капризные и медленные заклинания никто не применяет.

Четыре браслета. А вот с ними как раз все ясно! Четыре различных заклинания, заставляющих человека или Иного говорить правду: Пьяный Язык, Вагонный Разговор, Последняя Исповедь и Как-на-духу. Все амулеты накачаны под завязку. Тут никакой Рустам не устоит — выложит все, что знает. Хорошая вещь.

Я подумал и надел все браслеты на левую руку, связав их общим спусковым заклинанием. Если Рустам заупрямится — мне достаточно

произнести «Скажи мне правду», чтобы на древнего мага обрушился чудовищной силы удар. Откровенность, откровенность и ничего, кроме откровенности.

Осталось еще два амулета, менее банальные как по форме, так и по содержанию, явно изготовленные самим Гесером специально для этой нашей миссии. Во-первых — сим-карта для мобильного в пластиковой коробочке. Обычная карта, но изрядно накачанная магией. Я некоторое время изучал ее, но так ничего понять и не смог. Тогда решился на эксперимент — вытащил из телефона свою карту, вставил обработанную магией.

Ничего не понимаю! Это была копия моей же сим-карты! Но зачем? Чтобы я не тратил деньги на звонки в Москву? Чушь собачья…

Некоторое время я размышлял, потом попросил Алишера набрать мой номер. Мобильный тут, как ни странно, еще работал.

Мой телефон зазвонил. Все в порядке, это действительно копия моей симки, но зачем-то обработанная магией… Я пожал плечами и решил оставить в телефоне эту карту. Может быть, какое-то хитрое магическое шифрование разговора? Но я никогда не слышал о такой магии.

Последний амулет представлял собой обкатанный морем камешек с дыркой, «куриный бог», по человеческим суевериям, приносящий удачу. В дырку была продета тонкая серебряная цепочка хитрого плетения, похожая на толстую крученую нитку.

Сам по себе, конечно, «куриный бог» никакой удачи не приносит, что не мешает детям увлеченно искать его на берегу и таскать потом на груди, продев веревочку в дырку. Но на этот камень было наложено сложное заклинание, похожее отчасти на Доминанту. Тоже для разговора с Рустамом? Я подумал-подумал, да и надел цепочку на шею. Вреда не причинит…

Оставалось распределить кольца и жезлы. Тут я тоже долго не думал. Растолкав Афанди, попросил его надеть кольца. Афанди восхищенно сказал: «Ах!», нацепил кольца на левую руку, полюбовался ими — и снова задремал.

Жезлы я отдал Алишеру, он молча спрятал их в нагрудный карман рубашки. Они торчали оттуда словно экзотические авторучки от какого-нибудь «Паркера» или «Монблана», столь же изысканные на вид и почти столь же смертоносные. Почти — потому что от росчерка чьего-то начальственного пера погибло все-таки гораздо

больше людей, чем от всех боевых жезлов.

— Я посплю, — сказал я Алишеру.

Алишер некоторое время молчал. Джип медленно пер в гору по каменистой тропе, которую куда чаще форсировали на ишаках, чем на четырех колесах. Свет фар метался слева направо и справа налево, выхватывая то темную пропасть, на дне которой шумела река, то крутой скалистый склон.

— Поспи, — сказал Алишер. — Только линии вероятности глянь. Дорога больно плохая.

— Я вообще не рискну назвать это дорогой, — согласился я. Прикрыл глаза и посмотрел в сумрак. В ближайшее будущее, куда вели извилистые, переплетающиеся линии вероятности.

Рисунок мне не понравился. Слишком много было резко обрывающихся линий, кончающихся на дне ущелья.

— Алишер, останови. Ты слишком вымотался, чтобы ехать в горах по темноте. Подождем до утра.

Алишер упрямо покачал головой:

— Нет. Чувствую, спешить надо.

Я это тоже чувствовал, поэтому спорить не стал. Предложил:

— Давай я сяду за руль?

— Не думаю, что ты бодрее. Антон, встряхни меня немного.

Я вздохнул. Не люблю я это — с помощью магии прогонять сон и усталость, обострять восприятие. И даже не из-за негативных последствий, нет их, отоспался как следует — и все хорошо. Тут беда другая: очень скоро перестаешь полагаться на обычное восприятие, начинаешь все время ходить с подпиткой магической энергией, все время бодрый и заводной, будто больной МДП в маниакальной фазе. И все-то у тебя в руках спорится, и в любой компании ты желанный гость, весельчак и балагур. Но рано или поздно ты к этому привыкаешь, тебе хочется быть еще активнее, еще остроумнее, еще энергичнее. Ты увеличиваешь поток Силы, стимулирующей твои нервы. И так все длится и длится, пока ты не обнаруживаешь, что всю Силу, которую способен перерабатывать, тратишь на искусственную бодрость. И остановиться уже просто страшно.

Магическая наркомания — она ничем от обычной наркомании не отличается. Только болеют ею одни лишь Иные…

— Встряхни, — попросил Алишер. Остановил машину, поставил на ручник, откинул голову назад, закрыл глаза.

Положив одну ладонь ему на лицо, а другую прижав к коротко стриженной макушке, я сосредоточился. Представил, как поток Силы, идущий через мое тело, начинает просачиваться через ладони, впитывается в голову Алишера, холодным огоньком пробегает по нервам, искрами перепрыгивает по синапсам, встряхивает каждый нейрон… Никаких специальных заклинаний не надо, работа идет на чистой Силе. Тут самое важное — хорошо представлять себе физиологию процесса.

— Хватит, — сказал Алишер посвежевшим голосом. — Хорошо-то как. Пожрать бы только.

— Сейчас. — Я перегнулся через сиденье в багажное отделение. Предчувствия меня не обманули: там стояли два ящика с колой в пластиковых бутылках и несколько коробок с шоколадными батончиками. — Колу будешь?

— Что? — воскликнул Алишер. — Кола? Буду! И батончики буду! Боже, благослови Америку!

— Не слишком ли много за изобретение очень сладкого лимонада и очень калорийных шоколадок?

Вместо ответа Алишер ткнул пальцем в кнопку проигрывателя. Через секунду из динамиков донеслись ритмичные аккорды.

— Тогда еще за рок-н-ролл, — невозмутимо ответил он.

Некоторое время мы ели батончики, запивая колой. Все Иные — сладкоежки поневоле. Афанди, не прекращая похрапывать, зачмокал губами и протянул руку. Я вложил в украшенные кольцами пальцы батончик, Афанди сжевал его, словно бы даже не просыпаясь, и снова захрапел.

— К трем часам ночи будем на месте, — сообщил Алишер. — Станем дожидаться утра?

— Ночь — наше время, — ответил я. — Разбудим старика Рустама, ничего. Он и так не перерабатывает.

— Странно это, — заметил Алишер. — Необычно. Что ж он там, отшельником живет, в пещере?

— Ну почему… — Я подумал немного. — Может, коз пасет или баранов. Или пасеку в горах держит. Или метеостанцию.

— Или обсерваторию, за звездами наблюдать… Что за странное колечко ты Афанди надел?

— Ты про то, с рубином? Защита от вакуума.

— Экзотично. — Алишер присосался к бутылке. — Я и не припомню случая, чтобы Иной погиб от вакуума.

— А я помню.

Несколько секунд Алишер молчал, потом кивнул и сказал:

— Извини. Не подумал. Ты все еще переживаешь?

— Мы были друзья… почти. Насколько это возможно для Светлого и Темного.

— Не просто Темного. Костя же был вампиром.

— Он не убивал, — просто ответил я. — И не его вина, что он вырос не человеком. Вампиром его сделал Геннадий.

— Кто это?

— Родной отец.

— Вот скотина, — с чувством произнес Алишер.

— Не суди. Мальчику не было и года, когда он загремел в больницу. Двухсторонняя пневмония, аллергия на антибиотики… в общем — родителям сказали, что их сын не жилец. Знаешь, попадаются иногда такие удивительные доктора, которых и в ветеринарию пускать нельзя, коров жалко… «Мальчик ваш умрет, вы к этому готовьтесь, люди вы еще молодые, нового заведете…» Нового бы они, конечно, не завели. Костя был уже посмертным ребенком Геннадия. Вампиры после инициации довольно долго сохраняют способность к зачатию, это такая странная шут-

ка природы. Но ребенок у них может родиться только один. После этого вампир становится стерильным.

— Да, я слышал, — кивнул Алишер.

— Так вот Геннадий поговорил с женой… Она была человеком. Она знала, что ее муж вампир… бывают такие семьи. Но он никого не убивал, был очень законопослушный вампир, она его любила… В общем — он укусил ее. Инициировал. Они планировали, что сына инициирует мать. Но у нее еще шел метаморфоз, а малыш стал умирать. Геннадий укусил и его. Костя поправился. То есть он умер, конечно. Как человек — умер. А от пневмонии поправился. Врач бегала вокруг и квохтала, что это исключительно благодаря ее талантам. Геннадий как-то признался, что едва не вцепился ей в горло — когда она стала намекать, что за чудесное спасение не грех бы ее и отблагодарить.

Некоторое время Алишер молчал. Потом сказал:

— Все равно. Они — вампиры. Лучше было мальчику умереть.

— Так он и умер, — согласился я. Мне вдруг как-то резко стал противен этот разговор. Я хотел объяснить, что Костя был самым обыкновенным

ребенком, только ему приходилось раз в неделю пить консервированную кровь. Что он обожал играть в футбол, читать сказки и фантастику, а потом решил поступить на биофак, чтобы изучить природу вампиризма и научить вампиров, как обходиться без человеческой крови.

Но Алишер меня не поймет. Он настоящий дозорный. Он настоящий Светлый. А я пытаюсь понять даже Темных. Даже вампиров. Понять и простить, или хотя бы понять, или хотя бы простить. Последнее — труднее всего. Иногда простить — вообще труднее всего на свете.

Телефон в кармане звякнул. Я достал трубку. Ага. Ровное серое свечение.

— Привет, Эдгар, — сказал я.

После короткой паузы Эдгар спросил:

— У тебя что, мой номер определился?

— Нет, догадался.

— Ты силен, — со странной интонацией ответил Эдгар. — Антон, я уже час в Самарканде. Где вы?

— Кто «мы»?

— Ты, Алишер и Афанди. — Инквизитор явно не потерял даром последний час. — Ну и дел вы натворили…

— Мы? — возмутился я.

— Ну, не вы, — пошел Эдгар на попятный. — Хотя и вы тоже. Машину у директора рынка зачем отняли?

— Не отняли, а купили. Согласно пунктам о возможности конфискации транспорта в чрезвычайной ситуации. Тебе зачитать соответствующие параграфы?

— Антон, Антон, не гони, — быстро сказал Эдгар. — Никто вас ни в чем не обвиняет. Но ситуация и впрямь мрачная. Чтобы замаскировать ее, придется провести версию об уничтожении крупной банды террористов. А ты же знаешь, мы очень не любим маскировать свои… свои недоработки под человеческие преступления.

— Эдгар, я тебя понимаю, — сказал я. — Но мы-то здесь при чем? У меня есть личный разговор к одному Иному, не состоящему на службе в Дозорах. Я прилетел неофициально и имею полное право перемещаться по стране.

— В силу чрезвычайной ситуации — с ведома и под контролем сотрудника Дозора, — поправил меня Эдгар.

— Ну так Афанди с нами.

Эдгар вздохнул. Мне показалось, что где-то на заднем плане ему что-то быстро сказали.

— Ладно, Антон. Решай свои личные дела…

которыми потом придется заниматься Инквизиции. Только не надо разъезжать ночью по горам, навернетесь в пропасть.

Честно говоря, меня его забота даже тронула.

— Не беспокойся, — сказал я. — Мы до утра отдохнем.

— Ладно, Антон. — Эдгар помолчал, потом както неловко пробормотал: — Приятно было с тобой поговорить… несмотря ни на что.

Я спрятал трубку. Сказал Алишеру:

— Странный он, Эдгар. Он и Темным-то был странным. А уж когда в Инквизиторы подался, то совсем изменился.

— Знаешь, я думаю, ты рано или поздно уйдешь в Инквизиторы, — очень буднично произнес Алишер.

Я обдумал его слова и покачал головой:

— Нет. Не выйдет. Жена и дочь — Высшие Светлые. Таких не берут в Инквизиторы.

— Рад этому обстоятельству, — серьезно сказал Алишер. — Ну что, поехали?

И в этот момент горы встряхнуло. Вначале несильно, будто пробуя скалы на прочность. Потом все сильнее и сильнее.

— Землетрясение! — завопил Афанди, мгновенно просыпаясь. — Из машины!

Что ж, когда он хотел, то мог быть очень даже серьезен. Мы выскочили из джипа, поднялись чуть выше по тропе и замерли. Горы тряслись. Сверху с шуршанием посыпались мелкие камни. Мы с Алишером, не сговариваясь, подняли общий защитный купол. Афанди тоже не остался в долгу — приложил ладонь козырьком к глазам и принялся обозревать ночь в поисках неведомой опасности.

И кое-что действительно углядел.

— Глядите туда! — закричал он, подпрыгивая на месте и протягивая руку. — Туда, туда!

Мы повернулись, продолжая держать над головой Щит, от которого с грохотом отскакивали камни. Проследили взгляд Афанди. Усилили ночное зрение (впрочем, Алишер после моей стимуляции в этом не нуждался).

И увидели, как соседняя гора, густо поросшая лесом, превращается в прах.

Выглядело это так, будто могучие удары молотили откуда-то изнутри горного кряжа. Гору потряхивало, она осыпалась водопадами щебня, лавинами валунов, целыми рощами вековых деревьев, быстро заполнявших ущелья. За несколько минут километровой высоты пик превратился в плато перемолотого каменного крошева и обра-

щенных в щепу древесных стволов.

А потом я догадался посмотреть на гору сквозь сумрак.

И увидел водоворот Силы, кружащий над зоной катаклизма.

То ли воронка проклятия, нанесенная на местность. То ли какое-то специальное заклинание, вызывающее землетрясение. Не знаю. Но сомневаться в том, что катастрофа имела магическую природу, не приходилось.

— Промазали, — сказал Алишер. — Антон… ты с Эдгаром разговаривал?

— Да.

— Уверен, что у Инквизиции нет к тебе претензий?

Я сглотнул вставший в горле комок. Претензии Инквизиции — это очень, очень печально. Не лучшая новость.

— Инквизиция бы не промазала… — начал я. Осекся. Достал мобильный телефон, посмотрел сквозь сумрак.

В коконе из пластика, металла и кремния пульсировала синим огнем сим-карта. Типичное поведение для работающего амулета.

— Кажется, я знаю, что произошло, — сказал я, набирая номер. — Кажется, Инквизиция здесь

ни при чем.

— Слушаю тебя, Антон, — ответил Гесер. Вроде как не разбудил я его. Хотя… в Москве еще вечер.

— Гесер, мне нужно поговорить с кем-то из Европейского Трибунала. Немедленно.

— С кем-нибудь из магистров? — уточнил Гесер.

— Да уж не с помощником ночного сторожа!

— Подожди минутку, — спокойно сказал Гесер. — И не прерывай потом связь.

Ждать пришлось минуты три. Все это время мы стояли и смотрели на затихающий водоворот Силы. Зрелище и впрямь было феерическое. На это землетрясение скорее всего истратили какой-то древний и мощный амулет. Вроде тех, что есть в спецхранах Инквизиции.

— Меня зовут Эрик, — раздался в трубке уверенный, сильный голос. — Я слушаю вас, Светлый.

— Господин Эрик. — Я не стал уточнять, какой пост он занимает в Инквизиции. Они там очень не любят раскрывать свою иерархию. — Я нахожусь сейчас вблизи города Самарканда в Узбекистане. У нас чрезвычайная ситуация. Не могли бы вы сообщить, направляла ли Инквизиция своего сотрудника Эдгара?

— Эдгара? — задумчиво спросил Эрик. — Ка-

кого?

— Честно говоря, никогда не знал его фамилии, — признался я. — Бывший сотрудник московского Дневного Дозора, перешел в Инквизицию после процесса Игоря Теплова в Праге…

— Да, да, да, — оживился Эрик. — Эдгар. Конечно же. Нет, мы его не направляли в Самарканд.

— А кого направили?

— Не знаю, в курсе ли вы, Антон, — с нескрываемой иронией произнес Эрик, — но Европейское бюро Инквизиции занимается Европой. И еще Россией в силу двойственности ее географического положения. Брать под свой контроль происшествия в Азии, где расположена страна Узбекистан, у нас нет ни сил, ни желания. Вам надо связаться с Азиатским бюро Инквизиции. Сейчас оно расположено в Пекине. Вам подсказать номер?

— Нет, спасибо, — ответил я. — А где сейчас находится Эдгар?

— В отпуске. Уже… — последовала короткая пауза, — месяц. Что-то еще?

— Маленький совет, — не удержался я. — Проверьте, где находился Инквизитор Эдгар во время известных вам эдинбургских событий.

— Подождите, Антон! — Эрик утратил невозму-

тимость. — Вы хотите сказать…

— Я закончил, — буркнул я в трубку.

И Гесер, который, конечно же, слушал разговор с первого до последнего слова, немедленно отключил Эрика. Сказал:

— Поздравляю, Антон. Одного из трех мы вычислили. Ты вычислил.

— Спасибо за сим-карту, — ответил я. — Если бы она не искажала позиционирование — я был бы уже мертв.

— Вообще-то она должна придавать убедительность твоему голосу при телефонных разговорах с людьми, — сказал Гесер. — А сбой позиционирования — побочный эффект, мне никак не удается от него избавиться. Все, работай! Мы немедленно займемся Эдгаром.

Я задумчиво посмотрел на трубку. Отключил телефон и спрятал в карман. Пошутил Гесер про убедительность или сказал правду?

— Эдгар, — удовлетворенно произнес Алишер. — Все-таки Эдгар! Я знал, что Темным нет веры. Даже Инквизиторам.

Глава 6

На плато демонов мы выехали в половине четвертого утра. По пути миновали крошечный поселок в горах — меньше десятка глинобитных домишек чуть в стороне от дороги. На единственной улочке горел костер, вокруг него теснились люди — десять — двадцать человек, не больше. Видимо, землетрясение напугало обитателей горного аула, и ночевать в домах они боялись.

Машину по-прежнему вел Алишер. А я дремал на заднем сиденье и думал об Эдгаре.

Что заставило его пойти против Дозоров и Инквизиции? Почему он нарушил все мыслимые запреты и привлек к своим интригам людей?

Непонятно! Эдгар был карьеристом, как все Темные, не без этого. Он мог пойти на убийство. Он на все мог пойти, чего уж тут говорить, у Темных нет моральных запретов. Но чтобы сотворить такое, чтобы поставить себя в оппозицию ко всем Иным, — тут надо совершенно сойти с ума от жажды власти. А Эдгару все-таки хватало прибалтийской сдержанности. Десятилетиями ползти вверх по карьерной лестнице — легко. Поставить все на одну карту? Немыслимо.

Что же такое он узнал о Венце Всего? Какие данные откопал в архивах Инквизиции? Кого еще сумел привлечь? Темный вампир и Светлый целитель. Кто они? Откуда? Почему пошли на сговор с Инквизитором? Какие общие цели могут быть у Темного, Светлого и Инквизитора?

Впрочем, насчет цели я не слишком-то обольщался. Цель всегда одна и та же. Могущество. Сила. Власть. Можно говорить, что мы, Светлые, другие. Что нам не нужна власть ради власти, а только чтобы помочь людям. И это, наверное, правда. Вот только власть нам все равно нужна. Каждому Иному знакомо это сладкое искушение, это восхитительное чувство собственного могущества: и вампиру, впивающемуся в девичье горло; и целителю, мановением руки спасающему умирающего ребенка. Какая разница, для чего, — каждый найдет, как употребить обретенное могущество.

Меня куда больше тревожил другой момент. Эдгар участвовал в истории с книгой «Фуаран». Он общался с Костей Саушкиным.

И это опять же возвращало меня к незадачливому юноше Виктору Прохорову. К мальчику Вите, дружившему с мальчиком Костей…

Все снова и снова указывало на Костю Саушки-

на. Что, если он смог каким-то образом спастись? На остатках Силы поставил вокруг себя какой-нибудь Щит, доступный вампиру, и просуществовал достаточно, чтобы создать портал и исчезнуть из горящего скафандра? А потом связался с Эдгаром!

Нет, конечно, такого быть не могло. Инквизиция очень серьезно проверяла этот вопрос. Впрочем, если Эдгар уже тогда начал двойную игру? И фальсифицировал результаты расследования?

Все равно не складывается. Зачем ему спасать вампира, за которым он только что охотился? Спасать, а потом идти на сговор. Что мог ему дать Костя? Без «Фуарана» — ничего! А книга погибла, это совершенно точно. За ней следили не менее тщательно, чем за Костей. Тем более что и магическими средствами зафиксировали ее уничтожение — выброс Силы при разрушении такого мощного и древнего артефакта ни с чем не спутаешь.

В общем, по всему выходило, что Эдгар спасти Костю не мог — это раз, и необходимости в этом не испытывал — это два.

И все же, все же, все же…

Алишер остановил джип, выключил мотор.

Наступившая тишина показалась оглушительной.

— Кажется, приехали, — сказал он. Погладил руль, одобрительно сказал: — Хорошая машинка. Не ожидал, что доедем.

Я повернулся к Афанди — но тот уже не спал. Смотрел, поджав губы, на причудливые каменные фигуры, разбросанные впереди.

— Так и стоят, — сказал я.

Афанди с непритворным испугом посмотрел на меня.

— Я знаю, — пояснил я.

— Плохая вышла история, — со вздохом произнес Афанди. — Некрасивая. Недостойная Светлого.

— Афанди, ты и есть Рустам? — спросил я прямо.

Афанди покачал головой:

— Нет, Антон. Я не Рустам. Я его ученик.

Он открыл дверь, выбрался из джипа. Помолчал секунду. И пробормотал:

— Я не Рустам, но я буду Рустамом…

Мы с Алишером переглянулись и вышли из машины.

Было тихо и прохладно. Ночью в горах всегда прохладно, даже летом. Только-только начинало

светать. Плато, знакомое мне по воспоминаниям Гесера, почти не изменилось. Разве что очертания каменных фигур сгладились от ветра и редких дождей, стали менее явными, хотя все равно узнаваемыми. Группа магов с поднятыми в призывном заклинании руками, оборотень, бегущий маг…

Меня зазнобило.

— Что это… — прошептал Алишер. — Что тут произошло…

Он полез в карман, нашел пачку сигарет, зажигалку.

— Дай и мне, — попросил я.

Мы закурили. Воздух вокруг был настолько чист, что резкий запах табака показался чем-то родным, напоминающим о городском смоге.

— Это… это были люди? — спросил Алишер, указывая на каменные глыбы.

— Иные, — поправил я.

— И они…

— Они не умерли. Они окаменели. Лишились всех чувств. А разум остался, привязанный к каменным глыбам. — Я посмотрел на Афанди, но тот пока задумчиво стоял рядом, то ли разглядывая поле давней битвы, то ли глядя на восток, где небосвод слегка порозовел.

Тогда я посмотрел на плато сквозь сумрак.

Зрелище было поистине чудовищным.

То, что увидел Гесер две тысячи лет назад, вызывало страх и отвращение. То, что я видел сейчас, вызывало жалость и боль.

Почти все Темные, обращенные Белым Маревом в камень, были безумны. Разум их не вынес заключения в полной изоляции от всех органов чувств. Трепещущие цветные ореолы вокруг камней пылали коричневыми и буро-зелеными огнями безумия. Если попытаться найти аналогию — это выглядело так, будто сотня умалишенных бессмысленно кружит на одном месте или, напротив, стоит оцепенев; кричит, хихикает, стонет, плачет, бормочет, пускает слюни, царапает себе лицо или пытается вырвать глаза.

И только несколько аур сохраняли какие-то остатки разума. То ли их обладатели отличались неслыханной силой воли, то ли слишком пылали жаждой мести, но безумия в них было немного. А вот ярости, ненависти, желания уничтожить всех и вся — хоть отбавляй.

Я перестал смотреть сквозь сумрак. Перевел взгляд на Алишера. Маг курил, не замечая, что у сигареты уже тлеет фильтр. Только когда ему обожгло пальцы, он отбросил окурок. И сказал:

— Темные получили по заслугам.

— Тебе их совсем не жаль? — спросил я.

— Они используют нашу жалость.

— Но если в нас не будет жалости, то чем мы будем отличаться от них?

— Цветом. — Алишер посмотрел на Афанди. — Где нам искать Великого Рустама, Афанди?

— Ты нашел его, Светлый с каменным сердцем, — негромко ответил Афанди. И повернулся к нам.

Он преображался со скоростью матерого перевертыша. Стал на голову выше. Шире в плечах — рубашка затрещала, верхняя пуговица, выдранная с мясом, отлетела. Кожа, к моему удивлению, посветлела, а глаза стали ярко-голубыми. Мне пришлось напомнить себе, что две тысячи лет назад жители Азии выглядели совсем иначе, чем ныне. Сегодня русский улыбнется, а европеец политкорректно промолчит, услышав от азиата, что его предки были русыми и голубоглазыми. Но в этих словах куда больше правды, чем кажется нашим современникам.

Впрочем, волосы у Рустама были черные. И в чертах лица, конечно же, восточное происхождение угадывалось.

— Все-таки ты и есть Рустам, — сказал я, склоняя

голову. — Приветствую тебя, Великий! Спасибо тебе, что ты откликнулся на нашу просьбу.

Рядом со мной Алишер опустился на одно колено, словно доблестный рыцарь перед своим владыкой, — почтительно, но и горделиво.

— Афанди — не Рустам, — ответил древний маг. Взгляд его был затуманен, словно он слушал сейчас чей-то голос. — Афанди — мой ученик, мой друг, мой хранитель. Я больше не живу среди людей. Мой дом — сумрак. Если мне надо ходить среди смертных — я одалживаю его тело.

Вот оно что… Я кивнул, принимая его слова. Сказал:

— Ты знаешь, зачем мы пришли, Великий.

— Знаю. И я не хотел бы отвечать на вопросы Гесера.

— Гесер сказал, что ты…

— Мой долг перед Гесером — это мой долг. — В глазах Рустама сверкнул яростный огонек. — Я помню о нашей дружбе и помню о нашей вражде. Я просил его уйти из Дозора. Просил прекратить войну за людей… ради нашей дружбы и ради самих людей. Но Гесер похож на этого юношу…

Он замолчал, глядя на Алишера.

— Ты поможешь нам? — спросил я.

— Я отвечу на вопрос, — сказал Рустам. — На

один вопрос. И тогда мой долг перед Гесером исчезнет. Спрашивай, но не ошибись.

Я едва не ляпнул: «Ты и вправду знал Мерлина?» Ох уж эти ловушки… задай один вопрос, загадай три желания…

— Что такое Венец Всего и как его проще всего достать с седьмого слоя сумрака? — спросил я.

На лице Рустама появилась улыбка.

— Ты напомнил мне одного человека из Хорезма. Хитрого купца, которому я задолжал… и пообещал исполнить три его желания. Он долго думал, а потом сказал: «Хочу помолодеть, исцелиться от всех недугов и стать богатым — это раз». Нет, юный маг. Мы не станем играть в эту игру. Я не исполняю желания, я отвечаю на один вопрос. Этого будет довольно. Что именно ты хочешь знать? Что такое Венец Всего или как его достать?

— Очень бы не хотелось оказаться в роли Пандоры, задающей вопрос: «Как открыть этот ларец?» — пробормотал я.

Рустам засмеялся — и в смехе его была нотка безумия.

А что еще ожидать от Светлого, растворившегося в сумраке и живущего рядом с врагами, которых он когда-то обрек на вечные мучения?

Он сам назначил себе то ли наказание, то ли покаяние, которое медленно убивает его…

— Что такое Венец Всего? — спросил я.

— Заклинание, пробивающее сумрак и связывающее его с человеческим миром, — мгновенно отозвался Рустам. — Ты сделал правильный выбор, молодой маг. Ответ на вторую часть вопроса тебя бы смутил.

— Нет уж, если отвечаешь на один вопрос — так отвечай честно! — воскликнул я. — Объясни, как работает это заклинание, для чего оно служит!

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Рустам. — Сила Иного — это умение использовать человеческую Силу, текущую сквозь все слои сумрака. Наш мир — словно огромная равнина, в которой бьют крошечные родники-люди, отдающие свою Силу, но не умеющие ею управлять. Мы, Иные, всего лишь рытвины, куда сливается вода сотен и тысяч родников. Мы не даем ни капли воды этому миру. Но мы умеем хранить и использовать чужое. Наша способность накапливать чужую Силу — следствие нашей способности погружаться в сумрак, пробивать барьеры между слоями и манипулировать все более и более мощными энергиями. Заклинание, которое придумал Великий Мерлин, стирает барьеры, отделяющие

наш мир от слоев сумрака. Как ты думаешь, молодой маг, что произойдет в результате?

— Катастрофа? — предположил я. — Сумрачный мир… он же отличается от нашего. На третьем слое две Луны…

— Мерлин считал по-другому, — сказал Рустам. Похоже, он увлекся и, ответив на вопрос, был не прочь еще поговорить. — Мерлин считал, что каждый слой сумрака — это не случившееся с нашим миром. Возможность, не ставшая данностью. Тень, отброшенная на бытие. Наш мир не погибнет, а уничтожит сумрак. Сотрет его, как солнечный свет стирает тени. Сила, будто вода океана, зальет весь мир. И под слоем воды станет уже не важно, кто умел погружаться в сумрак, а кто нет. Иные утратят свою Силу. Навсегда.

— Это точно, Рустам?

— Кто знает? — Рустам развел руками. — Я отвечаю на твой второй вопрос, потому что не знаю ответа. Возможно, что так и будет. Что люди даже не заметят изменений, зато Иные станут обычными людьми. Но это самый простой ответ, всегда ли простое бывает правильным? Возможно, нас ждет катастрофа. Две маленькие луны столкнутся с одной большой, синий мох начнет расти на пшеничных полях… кто знает,

маг, кто знает… Может быть, Иные ослабнут, но все же сохранят часть своих сил. А может быть, случится что-то совсем невообразимое. То, чего мы даже представить себе не можем. Мерлин не рискнул применить заклинание. Он придумал его забавы ради. Ему было приятно знать, что он может изменить весь мир… но он не собирался этого делать. И я думаю, что Мерлин был прав. Не стоит трогать то, что он спрятал в сумраке.

— Но за Венцом Всего уже охотятся, — сказал я.

— Плохо, — невозмутимо произнес Рустам. — Я бы советовал вам прекратить эти попытки.

— Это не мы, — сказал я. — Вовсе не мы. Это Инквизитор, Светлый и Темный, которые объединились между собой.

— Интересно, — согласился Рустам. — Нечасто одна и та же цель сводит вместе врагов.

— Ты можешь помочь нам остановить их?

— Нет.

— Но ты же сам говоришь, что это плохо!

— В мире очень много плохого. Но обычно попытка победить зло рождает еще большее зло. Я советую делать добро, только так можно добиться победы!

Алишер возмущенно фыркнул. И даже я поморщился от этого благого, но абсолютно беспо-

лезного умозаключения. Поглядел бы я, как ты победил зло, Рустам, не примени вы с Гесером Белое Марево! Пусть мне было жалко заточенных Темных, но я ничуть не сомневался: уничтожь они двух Светлых на своем пути — тех Иных и людей, которых защищали Гесер с Рустамом, ждала бы мучительная гибель… Да, возможно, зло не победишь злом. Но и добра одним лишь добром не прибавишь.

— Ты хоть можешь предположить, чего они добиваются? — спросил я.

— Нет. — Рустам покачал головой. — Не могу. Стереть разницу между людьми и Иными? Но это ведь глупо! Тогда надо стирать все неравенство в мире. Между богатыми и бедными, сильными и слабыми, мужчинами и женщинами. Проще всех убить. — Он засмеялся, и я снова с ужасом понял, что Великий маг не в себе.

Но ответил я вежливо:

— Ты прав, Великий Рустам. Это глупая цель. Ее уже пытался добиться один Иной… с помощью книги «Фуаран». Правда, другим путем, превратив всех людей в Иных.

— Какой затейник, — без особого интереса ответил Рустам. — Но я согласен, это две дороги, ведущие к одной цели. Нет, молодой маг! Все,

пожалуй, сложнее. — Он прищурился. — Я думаю, Инквизитор нашел что-то в архивах. Ответ на вопрос, что такое Венец Всего на самом деле.

— И?.. — спросил я.

— И это оказалось ответом, который устроил всех. И Темных, и Светлых, и хранящих равновесие Инквизиторов. Удивительно, что нашлась в мире такая вещь. Мне даже чуть-чуть любопытно. Но я рассказал все, что знаю сам. Заклинание Мерлина уничтожает разницу между слоями сумрака.

— Ты ведь сам обитаешь в сумраке, — заметил я. — Мог бы и подсказать! Ведь если сумрак исчезнет, ты погибнешь!

— Или стану обычным человеком и проживу остаток человеческой жизни, — сказал Рустам без особых переживаний.

— Погибнут все, кто ушел в сумрак! — воскликнул я. Алишер удивленно посмотрел на меня. Ну да… он же не знает, что путь Иных заканчивается на седьмом слое сумрака…

— Люди смертны. Чем мы лучше?

— Ну хотя бы предположи, Рустам! — взмолился я. — Ты мудрее меня. Что это может быть? Что мог найти Инквизитор?

— А ты сам его спроси. — Рустам протянул руку.

Губы его шевельнулись — и поток ослепительного белого света ударил мимо меня к «тойоте».

Наверное, я мог бы заметить Эдгара и сам — если бы ожидал увидеть его на плато. А может быть, самая тщательная проверка ни к чему бы не привела. Он укрылся не в сумраке и не с помощью банальных заклинаний, доступных любому Иному. Эдгара скрывал от наших взглядов какой-то магический амулет, водруженный на голову и напоминающий не то тюбетейку, не то кипу. Назвать его шапкой-невидимкой мешали только размеры. Ну, пусть будет тюбетейка-невидимка, все-таки мы в Узбекистане.

Совершенно машинально я создал вокруг Щит и заметил, что Алишер поступил так же.

Только Рустама присутствие Инквизитора, казалось, ничуть не взволновало. Призванный им свет застал Эдгара врасплох. Инквизитор сидел на капоте машины, свесив ноги и невозмутимо наблюдая за нами. В первую секунду, похоже, он не сообразил, что происходит. Потом тюбетейка на его голове начала дымиться. Со сдавленным проклятием Эдгар сбросил ее наземь. И только тут сообразил, что мы его видим.

— Привет, Эдгар, — сказал я.

Он совсем не изменился с того дня, как мы

последний раз виделись — в поезде, сражаясь с Костей Саушкиным. Только одет был не в неизменный костюм с галстуком, а вольно и куда более удобно: серые льняные брюки, белый тонкий свитер из хлопка, хорошие кожаные ботинки на толстой подошве… Весь он был лощеный, светский, европейский — и за счет этого в азиатской глуши казался не то добродушным колонизатором, отвлекшимся ненадолго от бремени белого человека, не то английским шпионом времен Киплинга и Большой Игры, в которую играли в этих местах Россия и Великобритания.

— Привет, Антон. — Эдгар слез с капота, развел руками. — Ну вот… помешал разговору.

Как ни странно, но он казался смущенным. Значит, обрушивать на наши головы тектоническое заклятие — это мы не смущаемся? А в глаза посмотреть стыдимся?

— Что ты натворил, Эдгар? — спросил я.

— Так получилось. — Он вздохнул. — Антон, даже не стану оправдываться! Мне крайне неудобно.

— В Эдинбурге тебе тоже было неудобно? — спросил я. — Когда резали горло дозорным? Когда нанимали бандитов?

— Очень неудобно, — кивнул Эдгар. — Тем бо-

лее что все оказалось зря, на седьмой слой мы не пробились.

Афанди-Рустам захохотал, похлопывая себя руками по бокам. Что в этом было от Рустама, а что от Афанди — не знаю.

— Ему неудобно! — произнес Рустам. — Им всегда неудобно и всегда зря!

Эдгар, явно смущенный такой реакцией Рустама, ждал, пока маг посмеется вволю. А я быстро оглядывал Инквизитора (впрочем, наверное, стоит говорить «бывшего Инквизитора»?) сквозь сумрак.

Да, он был увешан амулетами, как новогодняя елка — игрушками. Но, помимо амулетов, было еще кое-что. Чары. Соединение простейших природных компонентов, которые не надо долго и трудно насыщать волшебством, которые обретают свои магические свойства от легких, почти незаметных касаний Силы. Так селитра, уголь и сера, почти безобидные сами по себе, становятся порохом, вспыхивающим от малейшей искры.

Эдгар не зря был одет в сплошной хлопок, лен и кожу. Натуральные материалы имеют сродство к магии. Нейлоновую куртку не зачаруешь.

И вот эти чары, превращающие его легкую одежду в магическую броню, меня смущали. Ча-

ры — орудие волшебниц и ведьм. Маги редко их используют. Представить себе Эдгара, тщательно пропитывающего штаны травяными отварами, я никак не мог.

Что же, это работает другой член их преступной команды? Светлая целительница? Да, целительницы умеют обращаться с чарами, по Светлане прекрасно знаю.

— Эдгар, ты же понимаешь, что я обязан тебя задержать, — сказал я.

— А если не получится? — Эдгар не ждал ответа. Он пристально смотрел на Рустама, и пальцы его левой руки шевелились, сплетая заклинание. Я понял какое — и замешкался ровно на мгновение, решая, предупреждать Рустама или нет. Как ни странно, но и в моих интересах было, чтобы Эдгар добился успеха…

— Рустам, он качает Исповедь! — крикнул я.

Все-таки он был Светлым, этот древний маг со съехавшей крышей…

Эдгар мгновенно ударил заклинанием, одновременно выкрикнув:

— Как я могу взять Венец Всего?

Ну вот. Не пригодились четыре моих браслета, принуждающие к откровенности!

Все мы молчали, глядя на Рустама. А тот медлен-

но потер грудь, куда пришелся удар заклинания. Поднял голову, посмотрел на Эдгара холодными голубыми глазами. И сказал:

— Руками.

Алишер захохотал. Ну вот, попался Эдгар на двусмысленности формулировок. Даже под мощным заклинанием Рустам исхитрился и дал ответ абсолютно точный и совершенно бесполезный — как математик из анекдота.

А потом Рустам, едва шевельнув губами, ударил в ответ. Причем ударил чем-то совершенно незнакомым. Никаких красочных эффектов — только Эдгара зашатало из стороны в сторону, а на щеках его вспухли красные отпечатки невидимой ладони.

— Никогда больше не пытайся на меня давить, — наставительно произнес Рустам, когда сеанс пощечин закончился. — Понял, Инквизитор?

Прежде чем Эдгар решился хоть что-то ответить, я, успев несказанно обрадоваться, что не применил свой боекомплект против Рустама, вскинул руку и выпалил в Эдгара все четыре подвязанных к браслетам заклинания для развязывания языка. Амулеты на теле Инквизитора полыхнули, но поглотить всю мощь удара не

успели.

— Что за вампир был с тобой в Эдинбурге? — закричал я.

Лицо Эдгара исказилось — он мучительно пытался сдержать рвущиеся с языка слова. И не смог.

— Саушкин! — крикнул Эдгар.

Рустам захохотал снова. Сказал на выдохе:

— Пока!

И Афанди снова стал самим собой. Будто слегка сдули резиновую куклу — уменьшился рост, сузились плечи, проступили морщины на лице, потускнели глаза, выпала и разлетелась пучком волос бородка.

Мы с Эдгаром с ненавистью смотрели друг на друга.

А потом, не тратя время на сбор Силы или произнесение заклинаний, Эдгар нанес удар. Огненный дождь пролился с неба, вскипая на наших с Алишером Щитах. Вокруг растерянного, еще не пришедшего в себя Афанди огня не было вовсе — видимо, так сработало защитное кольцо.

Следующая минута состояла сплошь из атак и контратак. Алишер благоразумно уступил мне ведение боя, отступил на шаг — и подпитывал Силой наши Щиты, лишь временами позволяя

себе короткий выпад атакующей магией.

Гесер, похоже, привлек к нашему снаряжению лучших предсказателей Дозора — или постарался сам. После огня был лед. В воздухе запела метель, крошечные снежинки с острыми как бритва краями пробовали на прочность наши Щиты и беспомощно таяли, приближаясь к Афанди. Ледяная буря еще не успела стихнуть, как Эдгар нанес Поцелуй Ехидны — камни под ногами покрылись каплями кислоты. Афанди опять оказался защищен. Краем глаза я заметил, что старик тоже не бездельничает, а плетет какое-то слабое, но очень хитрое и необычное заклинание. Вряд ли его ждал успех, но он хотя бы был занят и не путался под ногами.

Четвертым заклинанием, которое применил Эдгар, оказался вакуумный удар. Я уже ничего иного и не ожидал — и когда давление вокруг стало стремительно падать, невозмутимо продолжил долбить Эдгара попеременно Опиумом и Танатосом. Из-за моей спины Алишер бил из жезлов огненными шарами и сгустками переохлажденной воды. Комбинация из файерболов и взрывающихся ледяной шрапнелью тягучих синих капель действовала превосходно — я видел, как попавшие в контраст защитные амулеты

Инквизитора теряли силу.

И все же дело было не только в амулетах. Эдгар, маг первой категории, держался против нас двоих и ухитрялся атаковать в ответ! То ли он был накачан Силой сверх всякой меры… то ли уже превзошел первый уровень Силы. Времени на то, чтобы досконально проверить его ауру, у меня не было.

Неудача с вакуумом, похоже, подкосила пыл Эдгара. Заклинание было столь редкое, что наша к нему готовность смутила Инквизитора. Он начал медленно пятиться, обходя обугленную, дымящуюся от кислоты и покрытую инеем «той-оту». Зацепился за пробившую дверцу сосульку и едва не упал; удерживая равновесие, взмахнул руками и едва не пропустил мой Опиум.

— Эдгар, сдавайся! — крикнул я. — Не заставляй тебя убивать!

Эти слова Инквизитора задели. Он помедлил секунду, потом сорвал с пояса странную подвеску — пучок серых перышек, связанных ниткой наподобие метелки. Подбросил в воздух.

Перья обратились стаей птиц, похожих на воробьев-переростков, но со сверкающими медным отливом клювами. Их было два или три десятка — и они метнулись ко мне, маневрируя, будто

сверхсовременные боеголовки, предмет гордости генералов ракетных войск.

«Куриный бог» на моей шее раскололся и слетел с цепочки. А стая медноклювых воробьев заметалась в воздухе. Приблизиться к Эдгару они тоже не решались, но и напасть на меня не могли — так и метались, пока Эдгар с ругательством не взмахнул рукой, заставляя их исчезнуть.

Афанди тоже метнул свое заклинание и, похоже, пробил защиту Эдгара. Впрочем, на маге это никак не сказалось. Он продолжал отступать, периодически атакуя ответно. А на груди его все сильней и сильней разгоралось сияние — скрытый под одеждой амулет активировался и готовился отработать. На миг я даже подумал, что Эдгар снарядил себя каким-то самоубийственным заклинанием, Шахидом или Гастелло, которое должно унести нас в могилу вслед за ним.

— Щиты сильнее! — приказал я, и Алишер выложился, накачивая Щиты и вокруг нас, и вокруг Афанди.

Но Эдгар явно не был склонен к самоубийственным жестам. Он еще раз коротко атаковал — и прижал руки к груди, к сиянию амулета. Вокруг него вспыхнули голубые линии портала — и маг резко шагнул вперед, исчезая.

— Сдрейфил, — констатировал Алишер. Присел на камни, тут же с ругательством вскочил — брюки на нем дымились. Поцелуй Ехидны все еще действовал.

Я стоял совершенно опустошенный. Рядом посмеивался Афанди.

— Чем ты… в него? — спросил я.

— Следующие семьдесят семь раз, когда он возляжет с женщиной, его будет ждать постыдная неудача! — торжественно объяснил Афанди. — И снять это заклятие не сможет никто.

— Очень остроумно, — сказал я. — Очень по-восточному.

Несколькими короткими заклинаниями я очистил землю под ногами от следов магии. Кислотные капли вздыбили камни пузырями, будто поднимающееся тесто.

Саушкин!

Все-таки Саушкин!

Эпилог

Гесер ответил не сразу. Честно говоря, он ответил на третьей минуте.

— Антон, ты не мог бы…

— Нет, не мог бы, — сказал я.

Надо мной медленно светлело небо. Гасли непривычно крупные южные звезды. Я отхлебнул еще колы из бутылки и добавил:

— За амулеты спасибо. Все в самую точку. Но теперь выдерни нас отсюда. Если припрется еще один психопат…

— Антон. — Голос Гесера стал мягче. — Что случилось?

— Имели жаркую беседу с Эдгаром.

Гесер помолчал и спросил:

— Он жив?

— Жив. Ушел порталом. Но вначале долго пытался нас прикончить.

— Наш друг Инквизитор сошел с ума?

— Возможно.

Гесер что-то замурлыкал в трубку, и я внезапно понял, что шеф размышляет — как получше использовать эту информацию в разговоре с Завулоном. Как посильнее унизить Темного рассказом про его бывшего подопечного.

— Гесер, мы очень устали.

— За вами прилетит вертолет, — сказал Гесер. — Провесить портал — это будет очень тяжело. Подождите чуть-чуть, я свяжусь с Ташкентом. Вы… у Рустама?

— Мы на плато, где вы били Темных Белым

Маревом.

Мне не так часто удается смутить Гесера, чтобы позволить себе упустить такой момент.

— Вертолет будет скоро, — сказал Гесер, помедлив. — Ты говорил с Рустамом?

— Да.

— Он ответил?

— Ответил. Но не на все вопросы.

Гесер облегченно вздохнул:

— Хорошо, что хоть на что-то… Не пришлось его… э… уламывать?

— Нет. Все четыре браслета я разрядил в Эдгара.

— Да? — Гесер веселел с каждым моим словом. — И что удалось узнать?

— Имя вампира, вместе с которым орудует Эдгар.

— Ну? — помолчав секунду, сказал Гесер. — Кто?

— Саушкин.

— Этого не может быть! — рявкнул Гесер. — Чушь собачья!

— Значит, заклинания не сработали.

— Мои заклинания не могли не сработать. Это ты мог промазать, — чуть мягче произнес Гесер. — Антон, не надо… интеллигентских замо-

рочек. Приедешь — я покажу тебе то, что не хотел показывать.

— Весь в предвкушении, — фыркнул я.

— Я говорю об останках Константина Саушкина. Они хранятся у нас, в Дозоре.

Настала моя пора замолчать. А Гесер сказал:

— Мне очень не хотелось тебя лишний раз расстраивать. Обугленные кости — не самое веселое зрелище… извини за случайный каламбур. Константин Саушкин мертв. В этом нет никаких сомнений. Даже Высший вампир не способен жить без черепа. Все. Расслабься. Ждите вертолет.

Я прервал связь. Посмотрел на Алишера — тот лежал неподалеку, жевал шоколад. Сказал:

— Гесер сказал, что останки Саушкина хранятся у нас.

— Да, — спокойно ответил Алишер. — Я видел. Череп, в который вплавлено стекло от скафандра. Мертв твой Саушкин.

— Ты не переживай, — подал голос Афанди. — Бывает так, под любым заклятием можно исхитриться, да и соврать.

— Не мог он соврать… — прошептал я, вспоминая лицо Эдгара. — Нет, не мог…

Поднеся телефон к глазам, я забрался в меню

плеера. Включил случайное воспроизведение. Услышал женский голос под тихий перебор гитары и положил трубку рядом. Крошечный динамик старался изо всех сил.

Мы раньше вставали с восходом солнца
И жили тысячу лет.
А потом кто-то взял и выкрал
Огонь – мерцающий свет.
Тогда одни из нас стали молиться,
Другие – точить клыки,
Но все мы пили из Голубой Реки.
А время тогда потекло сквозь пальцы,
К зиме обмелела река.
И тот, кто жил здесь всегда, стал винить
Пришедших издалека.
У одних подрастали дочери,
У других сыновья,
Но все мы пили из одного ручья…[11]

— Афанди! — позвал я. — А ты знаешь, мне про тебя дочка говорила. Еще в Москве.

---

[11] Примечания: 11
Зоя Ященко. *Ночной Дозор*.

— Да? — удивился Афанди. — Волшебница дочка?

— Волшебница, — признался я. — Только маленькая пока. Шесть лет всего. Спрашивала, подаришь ли ты ей бусы. Синенькие.

— Какая правильная дочка! — восхитился Афанди. — Шесть лет — а уже о бусах думает! И бирюзу правильно выбрала… держи!

Я уж не знаю, из какого кармана он извлек бусы, которые подал мне. Я с любопытством посмотрел на нитку небесно-синей бирюзы. Спросил:

— Афанди, они ведь магические?

— Совсем чуть-чуть. Нитку заколдовал, чтобы не порвалась никогда. А так — просто бусы. Красивые! Я для правнучки выбирал, старенькая она у меня, а все равно украшения любит. Ничего, другие куплю. А эти твоей дочке, пусть носит на здоровье.

— Спасибо, Афанди, — сказал я, пряча подарок.

Один поднимался все выше и выше,
Другой повредил крыло.
На одних полях наливались колосья,
На других ничего не росло.
Один умирал, настигнутый пулей,
Другой – стрелял из ружья,

Но все мы пили из одного ручья.

И отхлебнув – кто вина, кто зелья,
Кто отца поминая, кто – мать,
Один решает, что время строить,
Другой – что время взрывать,
Но каждую полночь Сидящий у Мельницы
Судеб решает их спор:
Он говорит, кому выходить в дозор.[12]

Алишер кашлянул и негромко сказал:

— Возможно, это не мое дело, музыканты вообще люди странные! Но я считаю, что надо бы провести служебное расследование по поводу этой песни…

---

[12] Примечания: 12
Зоя Ященко. *Ночной Дозор*.

Часть третья. Общая судьба
Пролог

Преподаватель обвел стажеров внимательным взглядом. Он и сам был молод, недавно еще стоял на их месте, и сейчас ему отчаянно не хватало солидности. Во всяком случае, так он сам считал.

— Сейчас мы с вами проведем первое полевое занятие, — сказал преподаватель. Рука сама собой потянулась к переносице. Все время хотелось поправить очки. И зачем только он вылечил свою близорукость? Очки добавляли бы солидности! — Андрей, повтори задание.

Худенький мальчик-подросток сделал шаг вперед и ломающимся голосом произнес:

— Идем по улице. Разглядываем прохожих сквозь сумрак. Сообщаем вам, если видим Темных или Светлых. Но основное внимание — на неинициированных Иных.

— Что делаем, если обнаруживаем неинициированного?

— Ничего, — твердо сказал мальчик. — Сообщаем вам, после чего действуем по обстановке. Инициировать Иного надо в подходящий мо-

мент времени, когда он будет наиболее склонен к Свету.

— Что делаем, если замечаем преступные действия Темных?

— Ничего, — с явным огорчением ответил мальчик. — Сообщаем вам, после чего связываемся с Дозором…

— Оставаясь на безопасном расстоянии, — добавил преподаватель. — А если мы обнаруживаем преступление, совершаемое людьми?

— Тоже ничего, — совсем уже мрачно сказал подросток. — Мы только и делаем, что смотрим!

Стажеры заулыбались. Кроме мальчика, в строю стояли двое взрослых мужчин и молодая девушка. По мнению преподавателя, всех их ожидал четвертый-пятый уровень. А вот мальчик, возможно, дорастет до второго или даже первого. Задатки боевого мага у него были превосходные.

— Спасибо, Андрей. Ты все правильно сформулировал. Мы смотрим. Мы только учимся. Ясно? В сумрак не входить, заклинаний не создавать. Наша основная задача — искать потенциальных Иных. И не думайте, что это так просто. Иногда требуется изучать человека несколько минут, чтобы обнаружить потенциал Иного. Между прочим, Антона Городецкого обнаружили во время

такого учебного занятия. Сам Гесер и обнаружил.

Выждав несколько секунд, преподаватель пошутил:

— Ну, я не Гесер, но собираюсь дорасти до Высшего.

Высший уровень ему совершенно не светил. Впрочем, ему и жить-то оставалось менее получаса. Но преподаватель этого не чувствовал. В ворохе линий вероятности, которые он мог бы просмотреть, была лишь одна-единственная, совсем незаметная ниточка, ведущая к смерти.

Но именно сейчас десятки случайностей складывались воедино, и тонкая нить наливалась кровью. К сожалению, преподавателю было не до того, чтобы каждый час изучать свою судьбу.

— Идем по Чистопрудному бульвару, — сказал он. — Ничего не делаем, только смотрим.

В километре от них, в самом центре, на Лубянке, автомобиль наглухо застрял в пробке. Водитель-кавказец развел руками, виновато глядя на пассажира. Тот молча сунул водителю несколько купюр и вылез из машины. Водитель спрятал деньги в карман. Посмотрел вслед пассажиру, поморщился. Неприятный какой-то. Вроде и заплатил хорошо, но… Кавказец посмотрел на маленькую иконку, приклеенную к приборной

панели старых «Жигулей», потом на медную бляшку с сурой из Корана. Мысленно поблагодарил и мусульманского, и христианского богов, что поездка вышла короткой. Не нравился ему этот пассажир!

Водитель был неинициированным Иным, но не знал об этом. Сегодня его судьба могла круто повернуться.

Но — не сложилось. Он свернул в переулок, почти сразу же его тормознула разбитная молодая деваха, они сговорились о цене и поехали на юго-запад.

Преподаватель остановился напротив кинотеатра «Ролан», закурил. Сказал, глядя на Андрея, которому больше всех симпатизировал:

— Читал «Денискины рассказы»?

— Угу, — буркнул мальчик. Он был начитанным, «книжным» мальчиком из хорошей семьи.

— Что мы можем сказать, вспоминая рассказ «Шляпа гроссмейстера»?

— Что маленький Денис Кораблев жил в очень престижном районе, — ответил мальчик.

Девушка-стажер прыснула. Она не читала «Денискины рассказы», когда-то давно видела и благополучно забыла телефильм, но иронию поняла.

— А еще что? — спросил преподаватель с улыбкой. Он никогда не курил на ходу, поскольку вычитал в модном журнале, что это несолидно. Сейчас каждая затяжка приближала его к смерти — но никотин тут был совсем ни при чем.

Мальчик задумался. Ему нравилась девушка-маг и нравилось полуосознанное понимание того, что он умнее.

— Еще мы можем сказать, что гроссмейстеры — люди очень невнимательные. У него шляпу ветром унесло, а он не заметил.

— Допустим, — согласился преподаватель. — Но для нас, Иных, основная мораль этого рассказа — не надо вмешиваться в мелкие человеческие проблемы. Скорее всего вы будете неправильно поняты либо даже станете объектом агрессии.

— Но ведь Дениска помирился с гроссмейстером. Когда предложил ему сыграть в шахматы.

— А это еще одна мудрая мысль! — подхватил преподаватель. — Чтобы наладить отношения с человеком, не надо никакой магии. И даже не надо стараться оказать ему какую-то помощь. Главное — разделить с человеком его увлечения!

Преподавателя внимательно слушали. Он любил взять за пример какую-нибудь сказку или детскую книжку и вывести на ее основе массу

занимательных аналогий. Это всегда развлекало учащихся.

В полукилометре от них бывший пассажир, идущий пешком по Мясницкой, остановился у газетного киоска. Поискал в кармане мелочь, купил «Комсомолку».

Преподаватель поискал глазами урну. Далеко. Он хотел было отправить окурок в пруд, на радость лебедям, но поймал взгляд Андрея и передумал. Ну что ж это такое, три года как Светлый Иной, а мелкие гадкие человеческие привычки не проходят… Преподаватель бодро пошел к урне, отправил туда окурок, вернулся к стажерам.

— Двигаемся дальше. И смотрим, смотрим, смотрим!

Теперь его смерть стала почти неизбежной.

Немолодой мужчина с газетой в руках дошагал до станции метро «Чистые пруды». Заколебался, спускаться ли вниз. С одной стороны, он спешил. С другой… день был слишком хорош. Чистое небо, теплый ветерок… граница лета и осени, сезон романтиков и поэтов.

Мужчина неторопливо дошел до пруда, сел на скамеечку, открыл газету. Достал из кармана пиджака маленькую фляжку, глотнул. Проходящий мимо бомж с полным пакетом пустых

бутылок вытаращился на мужчину, медленно облизывающего губы после глотка. Просипел, ни на что не рассчитывая, но не в силах избавиться от привычки клянчить все, что только можно:

— Не угостишь, браток?

— Тебе не понравится, — спокойно ответил мужчина. Без всякой злости или раздражения. Просто проинформировал.

Бомж заковылял дальше. Еще три пустые бутылки — и можно будет купить одну полную. «Девяточку», крепенькую, сладенькую, вкусненькую «девяточку»… пропади они все пропадом, буржуи, газеты читают, а люди тут с похмелья мучаются…

Именно в этот день цирроз печени у бомжа перейдет в рак. Жить ему оставалось меньше трех месяцев. Но к происходящему на бульваре это не имело никакого отношения.

— Человек с пакетом, обычный человек, — сказала девушка-стажер. — Андрюшка, ты у нас самый глазастый, видишь кого?

— Бомжа вижу… У метро Светлый Иной! — Мальчишка встрепенулся. — Вадим Дмитрич! Светлый Иной у метро! Маг!

— Вижу, — похвалил его преподаватель. — Инициирован лет десять назад. Маг. Пятый уровень.

В Дозоре не работает.

Стажеры с восхищением посмотрели на преподавателя. Потом Андрей снова закрутил головой. И радостно выпалил:

— О! На скамейке! Темный Иной, нежить! Вампир! Высший вампир! Не зарегистрирован…

Мальчик начал понижать голос уже на слове «нежить». «Не зарегистрирован» он произнес шепотом.

Но вампир услышал. Сложил газету, встал. Посмотрел на мальчика, покачал головой.

— Уходите. — Преподаватель дернул Андрея за руку, оттаскивая себе за спину. — Уходите все, быстро!

Вампир шел к нему — широким шагом, протягивая правую руку, будто собирался здороваться.

Один из мужчин-стажеров достал телефон, нажал кнопку экстренного вызова. Вампир зарычал и ускорил шаг.

— Стой! Ночной Дозор! — Вадим Дмитриевич поднял руки, создавая Щит Мага. — Остановитесь, вы задержаны!

Силуэт вампира смазался будто от быстрого движения. Девушка-стажер закричала, пытаясь создать свой Щит, у нее никак не получалось. Преподаватель повернулся, глядя на нее, — и

в этот миг что-то ударило его в грудь, сжалось колючим и жарким — и вырвало сердце. Бесполезный Щит гас, рассеиваясь в пространстве. Преподаватель покачивался, все еще не падая и беспомощно смотря на кровавый бьющийся ком, лежащий у него под ногами. Потом начал нагибаться, будто пытаясь схватить свое сердце и запихнуть обратно в распоротую грудь. Мир вокруг него потемнел, асфальт прыгнул навстречу — и он упал, вцепившись в свое сердце. Его преподавательская карьера вышла не слишком долгой.

Девушка взвизгнула, когда удар обрушился на нее, отшвырнул между деревьями к самой проезжей части. Она лежала поперек бордюра, визжала, глядя на приближающуюся машину цвета грязного асфальта.

Машина успела затормозить.

Девушка взвизгнула еще раз, попыталась подняться и только тогда ощутила страшную боль в пояснице. Она потеряла сознание.

Андрея вскинуло вверх, приподняло в воздух: будто кто-то хотел всмотреться ему в глаза или впиться в горло. Чей-то голос шепнул:

— И зачем ты меня увидел, отличник?

Мальчишка закричал, забился в невидимых ру-

ках. Почувствовал, как на джинсах расплывается постыдное мокрое пятно.

— Тебя учили снимать ауру? — спросила пустота. — Учти, я почувствую ложь.

— Нет! — закричал Андрей, извиваясь. Хватка невидимого вампира чуть ослабла.

И в этот момент перед его глазами сверкнуло. Один из мужчин-стажеров собрал-таки достаточно Силы для боевого заклинания. Ну разумеется, не только пацанам было интересно заглядывать в следующие разделы учебника…

Андрея рвануло, мир закрутился вокруг — и он бухнулся в воду почти посредине пруда, распугивая толстых ленивых лебедей и наглых пронырливых уток. Уже оттуда, барахтаясь в воде, он увидел, как выстреливший Шоком мужчина-стажер упал, а второй, звонивший по телефону, бросился бежать.

Андрей доплыл до домика для лебедей, вскарабкался на деревянную платформу. Из домика несло птичьим пометом. Но мальчишка все-таки предпочел до приезда оперативной группы отсидеться посреди пруда. На следующий день его поступок был отмечен Гесером как единственно правильный в сложившейся ситуации, а мальчик получил неофициальное предложение подумать

о работе в Дозоре. Как говорил при жизни Вадим Дмитриевич, «мертвые герои служат где-то в другом месте».

Учитывая ситуацию, жертв было немного. Преподаватель и один из стажеров, математик по образованию. Может быть, у него не хватило времени посчитать, что может противопоставить Высшему вампиру необученный маг пятого уровня.

А может быть, он просто не хотел считать.

Глава 1

Я поздоровался с Гариком, что-то обсуждавшим с полковником милиции. Полковник был человеком, но привлеченным, знающим кое-что о Дозорах и помогающим прикрыть подобные ситуации. Тела уже увезли, наши эксперты возню с аурами и следами магии закончили. Теперь к своей работе приступили криминалисты из милиции.

— В «газели», — сказал Гарик, кивая мне. Я прошел к нашей разъездной «газели», забрался в салон.

Пацан, замотанный в одеяло и пьющий из кружки горячий чай, испуганно посмотрел на

меня.

— Меня зовут Антон Городецкий, — сказал я. — А ты Андрей, верно?

Мальчишка кивнул.

— Вампира заметил ты?

— Я, — произнес мальчик с явным раскаянием. — Я не знал…

— Успокойся. Ты ни в чем не виноват. Невозможно было предусмотреть появление дикого вампира в центре Москвы средь бела дня, — сказал я. А сам подумал, что если уж у паренька такая хорошая способность к снятию ауры — это предусмотреть стоило. Но высказывать претензии в адрес мертвого преподавателя не хотелось. Эта история войдет когда-нибудь в методические пособия для преподавателей, на те страницы, что печатают красным цветом — в знак того, что знание оплачено кровью.

— Все равно я не должен был так орать… — сказал мальчик. Отставил кружку с чаем. Одеяло сползло у него с плеча, обнаружив здоровенный синяк на груди. Изрядно же его приложил вампир. — Если бы он не услышал…

— То все равно заметил бы ваш испуг и растерянность. Успокойся. Сейчас куда важнее схватить нежить.

— И упокоить, — твердо сказал мальчик.

— Верно. И упокоить. Ты давно учишься у нас?

— Три недели.

Я покачал головой. Да, талантливый паренек. Надеюсь, это происшествие не отвратит его от работы в Дозорах…

— Вы изучали, как снять ауру?

— Нет, — признался мальчик. И вздрогнул, как от неприятного воспоминания.

— Тогда опиши вампира как можно точнее.

Мальчик заколебался. Потом сказал:

— Мы не изучали. Но я сам пробовал. Это в четвертом параграфе учебника… снятие, копирование и трансляция ауры.

— И ты изучил эту тему?

— Да.

— Ты сможешь транслировать мне ауру вампира?

Мальчик подумал и кивнул:

— Я могу попробовать.

— Давай. Я открываюсь. — Прикрыв глаза, я расслабился. Ну-ка, молодое дарование…

Вначале было слабое ощущение тепла — будто мне в лицо подули издалека феном. А потом я почувствовал неумелую, немного сбитую передачу. Подцепил ее, поймал, всмотрелся. Мальчик

старался изо всех сил — транслировал ауру раз за разом. Постепенно из разрозненных кусочков у меня стала складываться цельная картинка.

— Еще чуть-чуть, — попросил я. — Повтори…

Цветные нити вспыхнули ярче и сложились в причудливый узор. Основные цвета, конечно же, черный и красный, нежить и смерть, стандартная аура вампира. Но мальчик и впрямь зафиксировал ауру — помимо цветовой гаммы, которая непостоянна и может очень сильно разниться, были и глубинные детали — тонкий узор Силы, индивидуальный, словно отпечатки пальцев или рисунок сосудов радужной оболочки.

— Молодец, — сказал я удовлетворенно. — Спасибо. Очень хороший слепок.

— Вы сможете его найти? — спросил подросток.

— Обязательно, — заверил я его. — Ты очень помог. И не переживай, не казни себя… твой наставник погиб как герой.

Это ложь, конечно же. Герои не умирают, это раз. Герои не прикрываются Щитом Мага при виде атакующего вампира, они бьют на поражение, это два. Обычный Серый Молебен позволил бы задержать, остановить вампира… хотя бы на время. Успели бы разбежаться ученики, успел

бы собраться и поставить нормальную защиту учитель.

Но что уж теперь. Не стоит объяснять мальчику, что его первый учитель был добрым, славным, но совершенно не подготовленным к настоящей работе. В этом вся беда — в учителя редко идут настоящие, понюхавшие крови и огня боевые маги. Чаще — прекраснодушные теоретики…

— Гарик, я не нужен? — спросил я. Рядом с Гариком и полковником терся теперь незнакомый Темный. Чего и следовало ожидать. Дневной Дозор пожаловал, отмазать своего, если получится, а если нет, то разузнать, насколько тяжелы наши потери. Гарик покачал головой, и я, игнорируя Темного, спокойно двинулся к своей машине, припаркованной прямо под знаком «Стоянка запрещена». Противоугонными заклинаниями пользуются все Иные, а вот наложить такое заклинание, чтобы тебя и видели все на дороге, и парковаться где угодно не запрещали, — задача посложнее.

То, что удалось снять ауру вампира, было удачей. В такой ситуации и взрослые, опытные маги порой теряются. А тут мальчишка исхитрился. У меня просто руки чесались побыстрее приехать в офис, раздать слепок ауры для ориентировки

дежурным — пусть все, выходя в патруль, ищут кровососа. Высший, незарегистрированный… Да нет, не стоит рассчитывать на такое совпадение.

Но Высший!

Отгоняя от себя лишние надежды, я сел за руль и двинулся к офису.

Дежурным по городу был Павел. Я сбросил ему слепок ауры, который он с энтузиазмом принял. Всегда приятно снабжать патрульных чем-то серьезным вместо крайне познавательной информации: «На Чистых прудах дикий Высший вампир порвал двоих наших… Выглядит? Вроде как мужик средних лет…»

В своем кабинете я сел за компьютер. Посмотрел минуту на экран. Сказал:

— Чушь какая…

И все-таки запустил «Сличение». Вся трудность идентификации аур в том, что их не запустишь для проверки на автомате, как те же отпечатки пальцев. Слепок ауры можно передать «из головы в голову», а никак не из головы в компьютер — нет таких компьютеров. А чтобы аура все-таки была в компьютерной базе данных, у нас работает пожилой художник Леопольд Суриков. В живописи он, несмотря на звучную фамилию, не преуспел. Иным тоже оказался слабым. Но

принять слепок ауры мог, а потом, терпеливо и занудно, в духе китайских или японских миниатюристов, перерисовывал затейливый узор. Вот этот рисунок уже можно ввести в компьютер для хранения и сличения. Точно так же работают во всех остальных Дозорах, которые могут позволить себе держать в штате Иного-художника.

Работа, конечно, кропотливая и долгая. Два дня на самую незатейливую ауру.

Впрочем, если аура в архиве все-таки есть, то можно пойти кружным путем. Что я и собирался сделать. Для очистки совести — ну откуда в архиве аура незарегистрированного вампира?

На экране возникла таблица, и я, постоянно сверяясь с хранящимся в памяти отпечатком, стал щелкать «мышкой», расставляя в таблицы плюсы и минусы.

«Верхняя дуга присутствует?»

Нет, конечно. Откуда у нежити верхняя дуга в отпечатке ауры…

Счетчик зарегистрированных аур сразу же сократился раз в пять. Нежити в архиве куда меньше, чем живых. Исчез и ряд строчек, табличка сразу сократилась, нацелилась на вампиров.

«Насколько выражен первый латеральный зубец?»

Я поставил два плюса. Можно было поставить и три, зубец был на самой грани.

Вопросы следовали один за другим. Я ответил на два десятка, прежде чем позволил себе глянуть в верхний правый угол таблицы.

Там мигала цифра «3».

Все-таки прищучил! Если пошли такие маленькие числа — то речь идет о вампире и членах его клана, тех, кого он лично инициировал. Там отличия ауры тоже присутствуют, но уже совсем минимальные, потребуется полсотни вопросов, чтобы добиться точного ответа.

Впрочем, меня три кандидата тоже вполне устраивали.

Я щелкнул по цифре «три».

И едва не слетел со стула. На меня смотрел улыбающийся Костя Саушкин. Жирная красная надпись «УПОКОЕН» шла поперек досье.

Несколько секунд я тупо смотрел в экран, вспоминая содержимое алюминиевого контейнера, показанное мне на прошлой неделе, после возвращения из Самарканда, Гесером…

А потом застонал.

До меня дошло.

Наконец-то дошло.

Я щелкнул второй раз — и снова вздрогнул,

увидев Полину, мать Кости. Впрочем, поразила меня не ее фотография, я знал, кого увижу. Тоже красная надпись «УПОКОЕНА»!

Стал прокручивать досье от верхних строчек «Родилась человеком. Способностей Иной не имела. Инициирована мужем согласно параграфу 7 соглашения “Право семьи Иного на самоопределение…”» вниз. Мимо несколько раз мелькнувших строк «От лотереи отказалась, премирована месячной нормой неконсервированной донорской крови 3-й группы, резус положительный». В еде она была консервативна, на людей не охотилась, всегда брала один и тот же, не самый редкий тип свежей крови — не то что некоторые вампиры, которые, отказавшись от охоты, начинают требовать себе «кровь девственницы, только первой или второй группы, на третью и четвертую у меня несварение» или «детскую, 1-й группы, резус отрицательный».

Последние строчки мне все объяснили.

«Добровольно прервала свое существование и упокоилась 12.09.2003, вскоре после гибели сына, Высшего вампира Константина Геннадьевича Саушкина (дело № 9752150). 14.10.2003 похоронена, согласно личной просьбе, по христианскому обряду с совершением заупокойной службы Свет-

лым Иным отцом Аристархом».

Знал я отца Аристарха — редчайший случай, когда православный священник ухитряется совмещать свою сущность Иного с верой, да еще и пытается вести какую-то миссионерскую деятельность среди Темных. Месяц назад с ним разговаривал. Почему же не знал про самоубийство — а если отбросить словесную шелуху, то так оно и есть, — Полины Саушкиной?

Не хотел — и не знал. Все просто.

Третий щелчок «мыши» — третий файл.

Разумеется.

«Саушкин Геннадий Иванович…»

Я застонал, обхватив голову руками.

Дурак! Дурак! Дурак!

Не важно, что, согласно досье, у Саушкина-старшего четвертый вампирский уровень, что он «не охотился», «не состоит», «не замечен».

Эдгар тоже никогда не числился среди Высших. А гляди-ка — сумел даже под ударом четырех амулетов исхитриться и сказать лишь часть правды.

И я понял эту правду именно так, как хотелось мне. Моим комплексам, страхам, переживаниям.

Зря винит себя мальчик Андрей, выловленный из Чистых прудов после тесного знакомства с Геной Саушкиным. Он не виноват в гибели своего

учителя и своего товарища.

А вот я виноват. Уперся в фамилию «Саушкин», будто в барьер какой-то. И не решался сделать хоть шаг в сторону.

Вначале я хотел распечатать лист. Потом понял, что ждать тридцать секунд, пока принтер продует свои печатающие головки и изготовится печатать, не могу.

Выскочил из кабинета и кинулся вверх по лестнице.

Вот тут меня ждал капитальный облом. Гесера на месте не было. Нет, конечно, я понимаю, иногда ему тоже надо отдыхать, но почему именно сейчас? Как не везет…

— Антошка, привет. — Из дверей своего кабинета вышла Ольга. — Ты что такой… взбудораженный?

— Где Гесер? — завопил я.

Секунду Ольга задумчиво смотрела на меня. Потом подошла, аккуратно прижала ладонь к моим губам, сказала:

— Борис спит. Он с того дня, как вы из Узбекистана вернулись, домой ни разу не уходил. Час назад я его загнала в постель, применив все возможные женские хитрости.

Выглядела Ольга замечательно. Над ее при-

ческой явно поработал хороший парикмахер, кожу покрывал великолепный золотистый загар, косметики было совсем чуть-чуть — лишь чтобы оттенить красивый разрез глаз и сексапильную припухлость губ. И пахло от нее чем-то очень дорогим, цветочно-пряным, жарким и манящим.

И впрямь применяла все возможные хитрости.

Ну ничего, я ее видел совсем другой. И не только видел — сам был в этом роскошном теле. Ощущения познавательные, хоть и не рискну сказать, что я по ним скучаю.

— И если ты, Антон, будешь сейчас вопить, звонить Боре, требовать от него немедленно прибыть на работу — я тебя превращу в кролика, — сказала Ольга. — Я только пока не решила, в настоящего или в плюшевого.

— В надувного из секс-шопа, — сказал я. — Не пугай, это все одинаково невозможно.

— Думаешь? — Ольга прищурилась.

— Думаю. А если уж тебе так хочется попрактиковаться в боевой магии — у меня есть для тебя кандидат на роль мишени.

— Кто? — просто спросила она.

— Высший вампир. Тот, который орудовал вместе с Эдгаром. Тот, который сегодня порвал наших на Чистых прудах.

— Кто? — с напором повторила Ольга.

— Саушкин.

По лицу Ольги пробежала легкая тень. Она мягко взяла меня под руку, сказала:

— Антон, у всех у нас в жизни бывают трагические события. Порой мы теряем друзей, а порой и врагов, но все равно виним себя…

— С Гесером психотерапией занимайся! — рявкнул я. — Это Геннадий Саушкин! Старший Саушкин! Отец Кости!

— Мы его проверяли, он четвертый уровень… — начала Ольга. И замолчала.

— Тебе объяснить, как легко вампиру повысить свой уровень? — спросил я.

— От четвертого до Высшего… но пропали бы десятки людей, мы бы заметили…

— Значит, не заметили! — Я схватил ее за руку. — Ольга, один шанс на тысячу… но вдруг он еще у себя дома? Вдруг его можно застать врасплох?

— Пошли. — Ольга кивнула. — Надеюсь, ты еще помнишь свой старый адрес?

— Вдвоем?

— Я полагаю, что двое Высших Светлых способны одолеть одного вампира. В конторе одна молодежь, не тащить же с собой пушечное мясо?

Несколько секунд я смотрел ей в глаза. Там плясали задорные огоньки… что, Ольга, засиделась на руководящей работе?

— Пойдем, — сказал я. — Пойдем вдвоем. Хотя мне это очень напоминает начало голливудского боевика.

— В каком смысле?

— Ну, в том, что нас будет ждать засада. Или ты окажешься тем самым Светлым, кто помогает Эдгару и Геннадию.

— Дурак. — Ольга даже не обиделась. Но пока мы спускались вниз, ехидно сказала: — Кстати, мы тут на всякий случай проверяли даже Светку.

— И что? — поинтересовался я.

— Не она.

— Это радует, — согласился я. — А тебя проверили?

— Всех Высших Светлых проверили. И в России, и в Европе, и в Штатах. Не знаю, кого там Фома углядел в сумраке, но у всех Высших — стопроцентное алиби.

Никогда не стоит возвращаться к домам, где жил раньше. Никогда и ни за что — пока не разбил старческий маразм, заставляющий улыбаться и пускать слюни при виде песочницы во дворе родительского дома.

Я смотрел на свой старый подъезд и думал, что прошло не так уж и много лет… даже по обычным человеческим меркам. Восемь лет назад я выходил из подъезда этой скучной типовой шестнадцатиэтажки, чтобы отправиться на очередную охоту за вампирами. Я не знал тогда, что встречу Светлану, которая станет моей женой, что у нас родится Надька, что я стану Высшим…

Но уже тогда я был Иным. И знал, что надо мной живут Иные — семья вампиров. Законопослушных, хороших вампиров, с которыми я довольно долго ухитрялся дружить.

Пока не убил своего первого вампира.

Что ж, все когда-то случается в первый раз.

— Пошли? — сказала Ольга.

И меня опять болезненно ударили воспоминания. Мальчишка Егор, он тогда был даже младше стажера Андрея, так удачно скопировавшего ауру, и тоже чуть не стал жертвой вампиров. И мы с Ольгой, первый раз работавшие в паре, идем по его следу… Гесер тогда ухитрился вывести Ольгу из-под страшного наказания, заточения в чучеле совы…[13]

— Дежавю, — сказал я.

---

[13] Примечания: 13

Эта история описана в первой части книги «Ночной Дозор». — *Примеч. авт.*

— С чего бы вдруг? — спросила Ольга рассеянно. Она живет на свете так долго, что могла уже и позабыть то приключение. — А! Вспомнил, как Егора выслеживали? Кстати, я недавно узнавала, парень в цирке работает, представляешь? Иллюзионист!

— Пошли, — произнес я.

Ольга молодец. Она не боится теней своего прошлого. Напротив, если чувствует себя виноватой за Егора, то не выпускает его из-под контроля.

Мы сели в лифт, и я надавил кнопку десятого этажа. Поднимались в полном молчании. Ольга явно настраивалась, собирала Силу. Я разглядывал свои пальцы. Лифт за эти годы поменяли, заменили на «вандалостойкий», с металлическими стенами и кнопками. Поджигать, как раньше, пластиковые кнопки зажигалкой у малолетней шпаны теперь не получалось, поэтому на кнопки была налеплена жвачка.

Я потер пальцы, счищая липкую гадость из поливинилацетата, вкусовых добавок и чьей-то слюны.

У меня не всегда получается любить людей.

Лифт остановился, и я смущенно сказал:

— Десятый этаж. Саушкины… Саушкин на одиннадцатом живет.

— Все правильно, — одобрила Ольга. — Дальше пешком.

Я покосился на дверь своей бывшей квартиры. Дверь не поменяли… даже замки, кажется, остались прежними, только личинки поблескивали чуть ярче, свежее. Мы поднялись на полпролета, я еще раз оглянулся на свою дверь — и она открылась, будто кто-то ожидал, пока мы удалимся. Высунулась всклокоченная женщина неопределенного возраста, с опухшей физиономией и в грязном халате. Смерила нас злобным взглядом. Заорала, сразу переходя на визг:

— Опять ссали в лифте?

Обвинение было настолько неожиданным, что я невольно расхохотался. А вот Ольга, поджав губы, сделала шаг назад. Тетка быстро прикрыла дверь, готовая ее захлопнуть. Ольга некоторое время всматривалась в женщину, потом очень тихо сказала:

— Нет. Вам показалось.

— Мне показалось, — тягуче произнесла тетка.

— А вот сосед сверху вас заливает, — продолжала Ольга. — Поднимитесь и выскажите ему все, что о нем думаете.

Тетка просияла и выскочила на площадку как была — в ужасном засаленном халате и рваных

тапочках на босу ногу. Бодро пробежала мимо нас.

— Ты это зачем? — спросил я.

— Сама напросилась, — брезгливо ответила Ольга. — Пусть послужит делу Света. Хоть один раз в жизни.

Я подумал, что если в квартире Саушкина затаился Высший вампир, то это действительно станет последним поступком в жизни тетки. Вампиры очень не любят личных оскорблений.

Впрочем, симпатии у меня женщина не вызвала ни малейшей.

— Кому ты квартиру-то продал? — спросила Ольга. — Что за пациентка психлечебницы?

— Через агентство продавал.

— И ведь не бедные люди, раз квартиру купили. — Ольга пожала плечами. — Как можно так за собой не следить?

Похоже, ее больше возмутила не грубость женщины, а ее затрапезный вид. Ольга в этом вопросе почти маниакально сурова, видимо — после тягот военных лет и последовавшего заточения.

А женщина, мимолетно рекрутированная Ольгой, уже колотила в дверь Саушкина руками и ногами, повизгивая при этом:

— Открывай! Открывай, кровопийца! Ты меня

всю залил! Всю квартиру кипятком залил, козел!

— Меня всегда умиляли эти милые, случайные людские угадывания, — заметила Ольга. — Ну с чего бы вдруг сосед, заливший ее, пусть даже кипятком, стал кровопийцей?

Женщина наверху тем временем пустилась в перечисление залитого и испорченного имущества. Список был настолько красочным, что я невольно оглянулся — не идет ли пар из открытых дверей ее квартиры?

— Пианино чешское, телевизор японский, гарнитур итальянский, шуба норковая рыжая!

— Жеребец арабский, гнедой, — насмешливо сказала Ольга.

— Жеребец арабский! Гнедой! — послушно выкрикнула женщина.

— Нет там никого, — сказала Ольга. — Ни малейшего шевеления…

— Мама! — тихонько позвали сзади. Я обернулся.

Из моей бывшей квартиры вышла маленькая девочка, чуть постарше Нади. Лет семь-восемь, хорошенькая, с печальным и испуганным лицом. В отличие от матери она была одета как куколка — в нарядное платье, белые гольфы, лаковые туфельки. На нас она смотрела с испугом, на мать

— с каким-то усталым утомленным сочувствием.

— Солнышко мое! — Женщина отпрянула от двери Саушкина. Заметалась то к дочери, то обратно, в панике глядя на Ольгу.

— Идите домой, — негромко сказала Ольга. — Вас прекратили заливать. С соседом мы разберемся. Мы из ЖЭКа. А завтра с утра идите в парикмахерскую, сделайте себе маникюр и прическу.

Схватив девочку за руку, женщина юркнула в свою квартиру, испуганно оглядываясь на нас.

— Откуда что берется и куда что девается… — задумчиво сказала Ольга, глядя на мать и дочь.

Уже закрывая дверь, женщина тявкнула:

— А в лифте больше не… писайте! Милицию вызову!

Это «писайте», смягченное из-за ребенка, почему-то казалось особенно ужасным. Будто в голове у женщины временами щелкали какие-то реле, пытаясь переключить ее мысли на нормальный ход.

— Больная? — спросил я Ольгу.

— В том-то и дело, что нет, — досадливо сказала Ольга. — Психически здорова! Пошли сквозь сумрак…

Я нашел взглядом свою тень и шагнул в нее.

Рядом проявилась Ольга.

Мы оглянулись, и я невольно присвистнул. Весь подъезд зарос синей комковатой дрянью. Мох ультрамариновой бородой свисал с потолка и перил, лазурным ковром устилал пол, вокруг лампочек сплелся в ячеистые голубые шары, вдохновившие бы любого дизайнера на новый стиль абажуров.

— Запустили подъезд, — сказала Ольга с легким удивлением. — Впрочем… сбрендивший вампир и дама-истеричка…

Мы подошли к двери. Я дернул — закрыто, конечно. Уж закрывать свои двери на первом слое сумрака умеют даже слабые Иные. Спросил:

— Глубже?

Вместо ответа Ольга отступила на шаг — и сильно, с разворота, ударила ногой в район замка. Дверь распахнулась.

— Без лишних сложностей, — усмехнулась Ольга. — Давно хотела проверить этот удар на практике.

Я не стал спрашивать, кто ее научил вышибать двери. Несмотря на уверенность Ольги, я далеко не был уверен, что квартира пуста. Мы вошли в прихожую (все тот же синий мох вокруг). И, не сговариваясь, вышли из сумрака.

Как давно я здесь не был…

И как давно здесь вообще никого не было. В квартире стоял тот тяжелый, затхлый дух, что встретишь лишь в заброшенных и закрытых наглухо помещениях. Вроде как и не дышал им никто, через вентиляцию и щели неизбежно должен поступать свежий воздух, ан нет. Все равно воздух умирает, становится невкусным, будто спитый вчерашний чай.

— Запаха нет, — с облегчением сказала Ольга.

Я ее понял. Запахи, конечно, были — запахи затхлости, сырости, скопившейся пыли. Не было того запаха, которого мы ждали, который боялись почувствовать, — сладковато-гнилостного запаха обескровленных вампиром тел. Как тогда, в Мытищах, где брали в своей квартире Алексея Сапожникова, мелкого, слабоумного, но именно поэтому долго остававшегося вне поля зрения Дозоров серийного вампира…

— Здесь не меньше месяца никто не живет, — согласился я. Посмотрел на вешалку — зимняя куртка, меховая шапка… на полу — грязные тяжелые ботинки на меху. Не месяц, куда дольше. Хозяин отсутствовал как бы не с самой зимы. Защитные заклинания, навешенные на себя еще в машине, я снимать не стал, но расслабил-

ся. — Ну что… давай посмотрим, как он жил… существовал.

Осмотр мы начали с кухни. Здесь, как и по всей квартире, окна занавешивали тяжелые шторы. Посеревший от пыли тюль должен был, вероятно, придавать квартире уют. Не стирали тюль, похоже, года два, с тех пор как умерла Полина.

Ольга за моей спиной щелкнула выключателем, заставив меня вздрогнуть. Сказала:

— Что ж мы ходим в темноте, как Скалли с Молдером… Холодильник проверь.

Я уже открывал довольно урчащий корейский холодильник. Кухонная техника лучше всего обходится без человеческого присмотра. А вот компьютер, простояв полгода, очень часто начинает глючить. Уж не знаю, чем это вызвано, не магией — это точно, в железках магии нет.

В холодильнике тоже ничего ужасного не оказалось, на что я почти и не надеялся. Подозрительная трехлитровая банка с поросшей белой плесенью темной жидкостью содержала скисший томатный сок, хоть сейчас брагу заквашивай. Нехорошо, конечно, помидоры зазря переводить, но этим преступлением пусть занимается какой-нибудь Томатный Дозор на службе Гринписа. В гнездах на дверце холодильника

— двухсот– и пятисотграммовые бутылочки из толстого стекла. Отметка Ночного Дозора слабо светила из сумрака с каждой бутылочки — кровь была лицензионная, донорская.

— Даже пайку свою не допил, — сказал я.

Еще в холодильнике нашлись сосиски, яйца, колбаса. В морозильнике — кусок мяса (говядина) и пельмени (большей частью — соя). В общем, обычный продуктовый набор одинокого мужчины. Только спиртного не хватало, но тут уж ничего не поделаешь. Все вампиры трезвенники поневоле, спирт мгновенно разрушает их странный метаболизм и является сильнейшим ядом.

После кухни я заглянул в туалет. Вода в унитазе почти высохла, из канализации пованивало. Спустив бачок, я вышел.

— Нашел время, — сказала Ольга. Я недоуменно уставился на нее, пока не понял, что Ольга шутит. Великая волшебница улыбалась, она тоже ожидала увидеть что-то жуткое и теперь расслабилась.

— Для этого любое время уместно, — ответил я. — Воняло там, воду спустил.

— Да я поняла.

Открыв дверь в ванную, я обнаружил, что лампочка перегорела. Может, включенной оставили, уходя? Искать в карманах фонарик было лениво,

я призвал первичную Силу и зажег над своей головой огонек магического света. И вздрогнул.

Нет, никаких ужасов не наблюдалось. Ванна, раковина, медленно капающий кран, полотенца, мыло, зубная щетка, зубная паста…

— Погляди, — сказал я, усиливая свет.

Ольга подошла, заглянула через мое плечо. И задумчиво сказала:

— Это любопытно.

На зеркале была надпись. Нет, не кровью, а трехцветной зубной пастой, придавшей высохшей надписи невольное сходство с цветами российского флага. Крупными печатными буквами, и почему-то я был уверен, что пальцем Геннадия Саушкина, на зеркальном стекле было написано:

ПОСЛЕДНИЙ ДОЗОР

— Ни одна таинственная история не обходится без надписей на стенах или зеркалах, — сказала Ольга. — Хотя, конечно, полагается делать надпись кровью…

— Эта зубная паста тоже подходит, — ответил я. — Красная, синяя, белая. Традиционно цвета Инквизиции — серый и синий.

— Знаю, — задумчиво произнесла Ольга. —

Думаешь, с умыслом? Вампир, Инквизитор, целитель?

— Я уже не знаю, где умысел, а где совпадение, — признался я.

Пройдя коротким коридором, я заглянул в гостиную. Здесь свет включился.

— Симпатично-то как, — сказала Ольга. — Дом плохонький, а ремонт хороший сделан.

— Геннадий по профессии строитель, — пояснил я. — Он и себе все дома делал, и мне как-то помогал… ну, я тогда не знал, кто он. Очень на хорошем счету был на работе.

— Конечно, раз не пил, — согласилась Ольга и пошла в спальню.

— Аккуратист еще тот, — продолжал я нахваливать Геннадия, будто мы не упокаивать вампира пришли, а я его Ольге для ремонта квартиры рекомендовал. — Никакого мусора никогда после работы не оставлял.

За моей спиной раздался сдавленный звук. Я обернулся.

Ольгу тошнило. Она привалилась к косяку двери, отворачиваясь от спальни, и ее рвало прямо на стену. Потом Ольга подняла на меня взгляд, вытерла рот ладонью. Сказала:

— Аккуратист… Да. Я поняла.

Мне совершенно не хотелось видеть то, что настолько не понравилось Ольге.

Но я все-таки пошел к двери в спальню. Ноги заранее стали ватные.

— Подожди, я отойду, — пробормотала Ольга, освобождая мне место.

Я заглянул в спальню. Несколько секунд осмысливал то, что вижу.

Ольга зря отходила. Я даже повернуться не успел, вытошнил обед прямо в спальню, через порог. Интересно, вот прощаться через порог — плохая примета, а блевать?

Глава 2

Гесер стоял у окна. Смотрел на одевающийся вечерними огнями город. Молчал. Только сложенные за спиной руки двигались — пальцы шевелились, будто сплетая какое-то особо хитрое заклинание.

Мы с Ольгой молчали. Можно подумать, тут есть наша вина…

Вошел Гарик. Замялся у дверей.

— Ну? — спросил Гесер, не оборачиваясь.

— Пятьдесят два, — сказал Гарик.

— Эксперты что говорят?

— Троих осмотрели. Повреждения у всех одинаковые. Горло прокушено, кровь выпита. Борис Игнатьевич, можно не продолжать здесь? Вонь такая стоит, заклинания не справляются… Да и вокруг дома уже… словно канализацию прорвало…

— Грузовик вызвали?

— Фургон.

— Хорошо, увозите, — сказал Гесер. — Куда-нибудь на пустырь, подальше от города, там пусть и осматривают.

— А потом?

— Потом… — задумчиво сказал Гесер. — Потом похороните.

— Не будем родственникам возвращать?

Гесер задумался. Неожиданно спросил меня:

— Антон, как ты считаешь?

— Не знаю, — честно ответил я. — Пропал без вести или погиб… Не знаю я, как оно лучше для родственников.

— Похороните, — велел Гесер. — Будет время — подумаем. Может, начнем потихоньку эксгумировать и отправлять родным. Для каждого свою легенду придумать… Документы у всех есть?

— У всех. Они там отдельно, стопочкой лежали. Аккуратно так…

Меня кольнуло это слово. Аккуратно.

Да, он всегда был аккуратен. Подстилал полиэтилен, когда сверлил дырки в стене. Потом тщательно вытирал за собой пол…

— Как мы могли не заметить? — с болью в голосе спросил Гесер. — Как прошляпили? У нас под носом вампир убил полсотни людей!

— Так они же… иногородние все. Из Таджикистана, Молдовы, Украины… — Гарик вздохнул. — Работяги. На заработки в Москву приехали. Никакой регистрации, конечно. Жили нелегально. У них такие места есть вдоль трассы, стоят там день-деньской, на работу нанимаются. А он же строитель, верно? Знал всех, и его знали. Приехал, сказал, что нужно пять человек на работу. Сам ведь еще и выбрал… скотина. Увез. Через неделю за новыми приехал…

— У людей что, такой бардак? — спросил Гесер. — До сих пор? Полсотни человек сгинуло, их никто не хватился?

— Никто, — вздохнул Гарик. — Мразь дохлая… он же их не сразу, наверное, убивал… одного убивал, другие своей очереди ждали — день, другой, третий… В этой же комнате. А он выпитых в два полиэтиленовых мешка, чтоб не воняли, и в угол… Там даже батареи отопительные отключе-

ны. Видно, зимой начал…

— Мне очень хочется кого-нибудь убить, — процедил Гесер. — Желательно вампира. Но сгодится любой Темный.

— Так попробуй меня. — Небрежно отодвинув с дороги Гарика, в гостиную семейства Саушкиных вошел Завулон. Зевнул, сел на диван.

— Ты не провоцируй, — тихо сказал Гесер, по-прежнему глядя в окно. — А то ведь я могу счесть это официальным вызовом на поединок.

В квартире повисла совсем уж мертвая тишина. Завулон прищурился, подобрался. Как обычно, он был в костюме, но без галстука. И я почему-то подумал, что черный костюм и белую рубашку он выбрал намеренно. В знак траура.

Мы с Ольгой ждали, глядя на двух старых Иных, от которых зависело все и вся на одной шестой части суши.

— Гесер, это же была фигура речи, — примиряюще сказал Завулон. Откинулся на спинку дивана. — Ты что, полагаешь, я был в курсе этого… этого беспредела?

— Не знаю, — отрезал Гесер. Но по голосу было понятно — знает он прекрасно, что в данном случае Завулон ни при чем.

— Ну так я тебе говорю, — все так же мирно

сказал Завулон. — Я возмущен не меньше, а возможно, и больше, чем ты. И вся община московских вампиров возмущена и требует казни преступника.

Гесер фыркнул. А Завулон все-таки не удержался от шпильки:

— Ты же знаешь, они очень негативно относятся к подрыву кормовой базы…

— Я им покажу кормовую базу, — негромко и очень веско произнес Гесер. — Пять лет будут сидеть на консервированной крови.

— Думаешь, Инквизиция поддержит? — заинтересовался Завулон.

— Думаю, да. — Гесер наконец-то развернулся и посмотрел ему в глаза. — Думаю, да. И ты мое прошение поддержишь.

Игру в гляделки проиграл Темный. Завулон вздохнул, отвернулся, посмотрел на меня и развел руками: мол, что с ним поделать, а? Достал дорогую сигарету фривольного розового цвета, закурил. Произнес:

— Озвереют ведь совсем…

— Ничего. Ты проследишь, чтобы не озверели.

— Детки без этого взрослеть не станут, ты же знаешь. У них половое созревание только от свежей крови начинается.

Разумеется, Завулона судьба детей-вампиров ничуть не волновала. Ему хотелось поиздеваться над Гесером. В рамках возможного.

— Детям? Детям свежую кровь позволим, — сказал Гесер, подумав секунду. — Ни к чему нам тридцать… э… Антон?

— Тридцать два.

— Ни к чему нам тридцать два кровососущих недоросля. Свежую. Но донорскую! Выдачу лицензий закрываем на пять лет.

Завулон вздохнул и сказал:

— Хорошо. Я и сам считаю, пора их приструнить. Я ведь просил секретаря общины приглядывать за Саушкиным… гнилая оказалась семейка.

— Надо было настаивать на семи годах, — сказал Гесер. — Ты слишком легко согласился на пять.

— Что поделать, уже договорились. — Завулон выпустил клуб дыма. Спросил меня: — Антон, а ты не заглядывал к Геннадию после гибели Кости?

— Нет, — ответил я.

— Что ж так? На правах бывшего друга и соседа… ай-ай-ай…

Я не стал отвечать. Это восемь лет назад я бы сорвался.

— С этим решили, — сказал Гесер. Поморщился, глядя в коридор: там принялись выносить тела. На весь подъезд сейчас наведено какое-нибудь легкое заклинание, начисто отбивающее у жителей желание выглядывать за дверь или смотреть в окно. Впрочем, судя по тому, что на вопли соседки никто не вышел, тут и без того живут на зависть нелюбопытные люди.

Мне все труднее и труднее их любить. С этим надо что-то делать.

— Что еще? — спросил Завулон. — Насчет помощи в поимке Саушкина — никаких вопросов. Мои уже ловят. Вот только, боюсь, могут доставить в разобранном виде…

— Ты плохо выглядишь, Завулон, — неожиданно сказал Гесер. — Пойди в ванную, умойся.

— Да? — с любопытством произнес Завулон. — Ну, раз просишь…

Он поднялся, остановился на миг в дверях, пропуская двух дозорных, которые несли на носилках запакованный в пластиковые мешки полуразложившийся труп. Помимо крови, в человеке очень много воды. Если оставить обескровленное тело разлагаться в пластиковом коконе… результат крайне неприятный.

Впрочем, Завулона это зрелище не ужаснуло.

— Пардон, мадам, — произнес он, пропуская останки. И бодро двинулся в ванную.

— Там и женщины были? — спросил Гесер.

— Были, — кратко ответила Ольга.

Гесер не стал больше ничего уточнять. Кажется, даже у нашего железного старика сдали нервы.

А ребята, которые сейчас выносят трупы, ночью напьются в хлам. И пусть это нарушение всех правил, но я им мешать не стану. Лучше сам выйду на дежурство.

Завулон вернулся через минуту. Лицо у него было мокрое.

— Полотенце грязное, так обсохну, — с улыбкой сообщил он. — Ну?

— Твое мнение? — спросил Гесер.

— Была у меня одна знакомая, любила к Новому году на зеркалах зубной пастой елочку рисовать. Ну и надписи: «Поздравляю с Новым годом!» И цифирки.

— Очень смешно, — брезгливо сказал Гесер. — Ты что-нибудь слышал о такой структуре?

— О «Последнем Дозоре»? — Завулон четко выделил интонацией заглавные буквы. — Дорогой мой враг, даже среди Темных есть масса сект, группировок и просто клубов по интересам, о которых я никогда не слышал. Есть и те, о которых

слышал. А уж какие названия встречаются! «Дети Ночи», «Дозорные полной Луны», «Сыны Ветра». Кстати, припоминаю одну компанию детишек, человеческих детишек, а не Иных, которые любят играть в вампиров. Может, привести их сюда? Чтобы поняли — вампир вовсе не импозантный джентльмен в черном плаще, увлекающий красоток в древний замок. Все вовсе не так готично…

— Завулон. Ты слышал что-нибудь о «Последнем Дозоре»?

— Нет.

— Городецкий высказал предположение… — Гесер посмотрел на меня. — Что так называет себя троица Иных, пытавшаяся достать артефакт в Эдинбурге. Темный, Инквизитор и Светлый.

— Темный — Саушкин, Инквизитор — Эдгар. — Завулон кивнул. — А кто Светлый?

— Не знаю. Мы проверили всех Высших, они чисты.

— Ну так и Саушкин не был Высшим… — Завулон пожал плечами. — Хотя… вампирам это проще. А вот что с Эдгаром? Городецкий?

— У меня не было времени досконально изучать его ауру, — ответил я. — Шел бой… К тому же он был увешан амулетами с ног до головы. Мне бы минут пять в спокойной обстановке, я бы все

про него знал…

— И все-таки? — настаивал Завулон. — Я знаю, что происходило на плато демонов. В общих чертах. Так что рассказывай.

— В бою он вел себя как Высший, — признал я, посмотрев на неохотно кивнувшего Гесера. — Нас было трое… Ну, двое, если не считать Афанди, хотя он тоже старался как мог. У нас был комплект защитных амулетов от Гесера, все очень хорошо подобраны. Он нам практически не уступал. Я даже думаю, что он мог бы и продолжить бой, и даже имел бы шанс победить. Но когда Рустам ушел, у Эдгара пропала необходимость драться.

— Значит, мы имеем Иного, сумевшего поднять свой уровень, — сказал Завулон. — Что и требовалось доказать. Гесер, дорогой, ты не думаешь, что Инквизиция все-таки успела добыть «Фуаран»?

— Нет, — твердо сказал Гесер.

— Если бы уцелел Костя, — рассуждал Завулон вслух, — то мы могли бы предположить, что он запомнил рецепты «Фуарана». И сумел создать какое-то… э… подобие книги. Может быть, не с такой силой, но все-таки способное подтянуть Эдгара на Высший уровень. Тогда и какой-то Светлый мог подвергнуться той же процедуре.

— И тогда мы можем подозревать любого Свет-

лого, — подытожил Гесер. — К счастью для нас, Костя мертв и секрет «Фуарана» никому открыть не мог.

— У него не было времени поделиться содержимым книги с отцом?

— Нет, — твердо сказал Гесер. — Это же чародейская книга. Ее не перескажешь по телефону, не сфотографируешь.

— Жаль, хорошая идея пропадает. — Завулон прищелкнул пальцами. — Мне тут одна ведьмочка показала, есть такая штука в мобильных телефонах, ММС-сообщения называется! Можно передать фотографию по телефону.

Вначале я подумал, что это опять какая-то острота. Завулон, с умным лицом рассуждающий о ММС-сообщениях, которыми бодро обмениваются детишки на уроках, выглядел очень комично.

А потом я понял — это всерьез. Я просто иногда забываю, насколько они стары. Для Завулона мобильный — та же магия.

— К счастью, это невозможно, — сказал Гесер. — Он мог бы что-то запомнить и восстановить… да нет, чушь. Даже это невозможно. Природа вампира отличается от природы ведьмы. Воссоздать «Фуаран», пусть даже в ослабленном виде, смогла

бы только опытная ведьма…

Я посмотрел на Гесера. И спросил:

— Борис Игнатьевич, скажите… А ведьма может стать Светлой?

…Самые счастливые минуты в жизни родителей маленького ребенка — это с без четверти девять и до девяти часов вечера. Пятнадцать минут счастья, пока ребенок радостно смотрит рекламу йогуртов и шоколадок (пусть это и нехорошо), а потом прилипает глазами к Хрюше, Каркуше, Степашке и прочим персонажам передачи «Спокойной ночи, малыши».

Если бы те, кто выделяет на телевидении время на детские передачи, по вечерам сидели со своими детьми сами, а не стряхивали их на вышколенных нянь, то «Спокойной ночи» длилась бы полчаса. Или час.

Кстати, это бы здорово помогло повышению рождаемости. Пятнадцать минут, что ни говори, все-таки маловато. Но хотя бы можно спокойно попить чай.

Я не рассказывал Светлане деталей того, что мы увидели в квартире Саушкина. Впрочем, она и сама все прекрасно поняла, даже по самому короткому пересказу. Нет, аппетит ей это не отбило, Света продолжала пить чай. Мы и не

такого в Дозоре навидались. Но она, конечно же, помрачнела.

— У нас есть версия насчет Светлого, — сказал я, пытаясь увести разговор на другую тему. — Гесер проверял всех Высших, никто под подозрение не попадает. Так вот… на Эдгаре было множество чар. Это работа ведьмы. Я подумал…

— Что Арина сменила цвет? — Светлана посмотрела на меня. — Может быть.

— Ты ведь ее тогда хорошо придавила, — сказал я. — Должна была почувствовать ее сознание. Как ты думаешь, могла она стать Светлой?

— Для рядового Иного это невозможно, — сказала Светлана. — Или почти невозможно… Для Высшего… для Арины…

Она замолчала, вспоминая. Я ждал, поглядывая на экран телевизора, где грустная девочка тащила на веревке варежку, воображая, что это щенок. Ужас! Пропали все наши варежки и перчатки. В собаку их Надя, конечно же, не превратит, у любой магии есть пределы. А вот игрушечных собачек в квартире прибавится.

Пора покупать ей щенка, иначе жизни не будет.

— Могла, — сказала Светлана. — Могла она стать Светлой. Странно у нее в душе, всего там

намешано… а зверств особых не было. Но Арина мне дала клятву, что целый век не убьет ни человека, ни Иного. Она не сможет отступиться.

— Она и не убивала, — заметил я. — А насчет того, чтобы снабдить Эдгара амулетами, повысить его Силу… об этом разговора не было. Арине хватит мудрости, чтобы истолковать твой запрет именно так.

— Антон, не о том мы говорим. — Светлана отставила чашку. — Арина, ставшая Светлой… какая-то другая волшебница — все это не важно. Важно понять другое — чего они добиваются? Что объединило их вместе? Стремление уничтожить весь мир? Ерунда! Только в глупых фильмах встречаются злодеи, желающие разрушить мир ради самого процесса. Власть? Антон, но это тоже глупость! Им и так хватало власти. Абсолютной власти не поможет добиться никакой артефакт, даже сработанный полторы тысячи лет назад безумным магом. Пока мы не поймем, чего они добиваются, что хотят найти на дне сумрака, никакой роли не играет — Арина это или не Арина, стала она Светлой или замаскировалась так, что Томас ее не опознал.

— Света, у тебя есть какие-то догадки? — Я сделал вид, что не заметил произнесенного ею «мы».

Правду говорят, из Дозора никогда не уходят насовсем.

— Венец Всего стирает барьеры между слоями сумрака… — Светлана помолчала.

— Мама, мультик кончился! — закричала Надя.

— Попробуй сравнить это с Белым Маревом. Заклинания-то явно одного корня… — Светлана встала, пошла к Наде. — Идем спать.

— Сказку! — потребовала Надя.

— Сегодня не получится. Нам с папой надо поговорить.

Надя с обидой уставилась на меня, теребя на шее тоненькую ниточку бирюзы. Пробормотала:

— У вас все время разговоры… И папа все время уезжает.

— Такая у папы работа, — спокойно объяснила Светлана, подхватывая дочку на руки. — Ты же знаешь, он борется с темными силами.

— Как Гарри Поттер, — с некоторым сомнением произнесла Надя, глядя на меня. Наверное, мне не хватало очков и шрама на лбу, чтобы соответствовать высокому образу.

— Да, как Гарри Поттер, Фэт Фрумос и Люк Скайуокер.

— Как Скайуокер, — решила Надя и улыбнулась

мне. Видимо, этому персонажу я в ее глазах соответствовал сильнее всего. Что ж, и то хлеб.

— Я сейчас… — Светлана с Надей ушли в детскую. А я сидел, разглядывая надкушенную шоколадную конфету. Слоистую — темный и белый шоколад чередовался. Я насчитал семь слоев и усмехнулся. Вот наглядный пример структуры сумрака. Белое Марево сложило все слои, обратив попавших под удар Иных в камень. Ладно, отвлечемся от боевого действия заклинания. Что случилось потом? Я закрыл глаза, вспоминая.

Потом сумрак распрямился. Слои сумрака вернулись на свое место.

С чего вдруг мы решили, будто Венец Всего соединит сумрак и реальный мир навсегда? Поверили словам Рустама? А он-то сам откуда знает… Сумрак соединится — и снова разойдется. Идущая из нашего мира Сила вновь растащит слои. Это как тугая пружина — ее можно сжать, но она все равно распрямится.

А вот это уже интереснее. В Мерлина, соорудившего потехи ради магическую бомбу для уничтожения всего мира, мне не верилось. Не тот он был Иной. А вот в Мерлина-экспериментатора, придумавшего новую забаву, но не решившегося ее испытать, — легко.

Что может произойти от кратковременного соединения всех слоев сумрака с реальным миром?

Вымрут все Иные?

Вряд ли.

Уж тут Мерлин бы не преминул похвалиться своей властью.

А он придумал какое-то иносказательное послание…

Я негромко прочитал вслух, глядя на тихонько возвращающуюся на кухню Светлану:

Венец Всего здесь скрыт. Всего лишь шаг остался.

Но он – наследие для сильных или умных,

Получишь все и ничего, когда достать его сумеешь.

Иди вперед, коль ты силен, как я;

Иди назад, коль ты, как я, умен.

Начало и конец, глава и хвост, все слито воедино

В Венце Всего. Так жизнь и смерть неразделимы.

— Пытаешься понять? — Светлана села ря-

дом. — Я вот что подумала — почему мы решили, что сумрак соединится навсегда? Скорее всего будет и возвратное движение.

— Я тоже так решил, — согласился я. — Как с Белым Маревом. Но к чему это приведет? Синий мох начнет расти в нашем мире?

Светлана засмеялась:

— То-то ботаники обрадуются! Новая форма растительности, к тому же реагирующая на человеческие эмоции. Защитят миллион диссертаций…

— Откроют фабрики по переработке синего мха, — подхватил я. — Начнут из него делать пряжу, джинсы шить…

Светлана вдруг посерьезнела:

— А что произойдет с теми, кто живет в сумраке?

— С развоплотившимися Иными? — уточнил я.

Светлана кивнула.

— Жизнь и смерть. — Я кивнул. — Не знаю. Ты предполагаешь, что они могут… воскреснуть? Вновь ожить в нашем мире?

— Почему бы и нет. Мы же знаем, они живут. Я видела одного даже на пятом слое, когда дралась с Ариной…

— И не сказала мне, — заметил я.

— Ты же понимаешь, этого лучше не говорить. Не знать, если сам не можешь туда попасть. Я вообще не уверена, что туда попадают все… возможно, только самые сильные. Высший уровень, например. Зачем остальным знать, что они лишены посмертного существования.

— Томас-Рифмач говорил, что там, на нижних слоях сумрака, волшебные города, драконы и единороги… все то, чего нет в нашем мире, но что могло бы в нем быть.

Светлана покачала головой:

— Томас, мне кажется, очень хороший человек. Но он бард. Поэт. Это не лечится, Антон. Ты говорил с ним, когда он был в своем сумеречном воплощении, мечтающий о единорогах и феях, волшебных городах, Иных, которые построили свой собственный мир, а не паразитируют на человеческом. Я бы так сильно на это не рассчитывала. Быть может, там всего лишь шалаши и деревянные домики. И никаких фей с единорогами.

— Это тоже немало, — сказал я. — Очень многие люди променяли бы рай, в котором робко надеются оказаться, на вечную жизнь в шалаше среди природы. Деревья там есть точно.

— Не слишком-то веселым мне показался тот

Иной, которого я видела, — сказала Светлана. — Он, конечно, был… ну, словно размазанный, неясный. Но это понятно, если его обычная среда обитания — седьмой уровень сумрака. Но он был такой… помятый. И бежал ко мне, будто хотел что-то сказать. Мне было не до того, сам понимаешь.

— А я видел бывшего Иного на первом слое, — вспомнил я. — Давно. Когда охотились за диким Светлым, Максимом.[14] Он даже мне чуть-чуть помог, подсказал, куда идти.

— Это бывает, — согласилась Светлана. — Редко, но я слышала несколько историй. Да и ты уже рассказывал…

Мы помолчали.

— Может быть, их действительно вернет обратно в наш мир, — сказала Светлана. — И вот это могло заставить действовать вместе Эдгара, Геннадия и Арину. Не только Саушкин, все они наверняка теряли тех, кого любили. Наверное, любого, кто утратил близких, такая возможность… смутит.

— Любого бы смутила, — сказал я.

И мы посмотрели друг на друга с тревогой. Хоро-

---

[14] Примечания: 14

Эта история описана во второй части книги «Ночной Дозор». — *Примеч. авт.*

шо, что нас теперь непрерывно охраняют. Плохо, что потенциальные враги — трое Высших.

— Я поставлю на ночь несколько новых защитных заклинаний, — сказала Светлана. — Не считай меня трусихой.

— К Венцу Всего можно пройти силой, — сказал я. — Проломиться сквозь сумрак на седьмой слой. Но я не смог. Наверное, сможет Надя. Если бы знать, как пройти умом… хитростью. Я бы сам использовал этот артефакт. Пускай оживают. Светлых и Темных там будет примерно поровну, справимся.

— А если мы ошибаемся и это всего лишь бомба, что уничтожит мир?

— Вот поэтому я предпочту даже не думать, как добраться до артефакта. Пусть у Гесера с Завулоном голова болит.

— Пойдем спать, — сказала Светлана. — Утро вечера мудренее.

Но спать мы пошли не сразу. Вначале Светлана поставила вокруг квартиры несколько новых защитных заклинаний. А потом то же самое сделал я.

Глава 3

Утро выдалось таким чистым и ясным, что все вчерашние мрачности будто подернулись дымкой. Надюшка безропотно съела нелюбимую рисовую кашу, Светлана ни слова не сказала, когда я мимоходом сообщил, что собираюсь пойти на работу пораньше. Зато предложила прийти с работы пораньше и отправиться всем вместе в кино, на какой-то семейный фильм, который ей нахваливали подруги. Я представил себе Темных, охраняющих Надю, которые вынуждены будут смотреть романтическую сказку, где добро, конечно же, побеждает зло, и улыбнулся.

— Непременно. Хочу узнать, как там дела. Может быть, что-то сдвинулось с мертвой точки.

— Тебе бы позвонили, — развеяла мои мечты Светлана.

Но настроения мне это не испортило. Я быстро собрался, подхватил портфель с бумагами (да, что поделать, Светлым магам тоже приходится заниматься бумажной работой). Поцеловал дочку, жену и вышел из квартиры.

Этажом ниже оживленно беседовали Ромка — добродушный молодой увалень, года два как

работающий у нас в Дозоре, — и симпатичная худенькая девчонка. Темная. Из тех, кого выделил Завулон для нашей охраны.

Я поздоровался с обоими и пошел дальше, покачивая головой.

Вот так и завязываются романы с несчастливым концом. Как это случилось у Алисы и Игоря…

Погода была такой хорошей, что я секунду поколебался, стоя у подъезда, не пройти ли до метро пешком. С другой стороны, как раз в метро лезть не хотелось совершенно. Жара, толкотня, набитые поезда — час пик в московском метро кончается к двенадцати часам ночи.

Нет уж, лучше на машине. Светлана никуда ехать не собиралась. А просматривая линии вероятности, я проскочу мимо пробок и буду на работе через двадцать минут.

Сняв защитные заклинания, которые мне не повредят, но будут заставлять особо чувствительных водителей шарахаться от моей машины, я сел за руль. Включил зажигание. Прикрыл глаза, изучая, как мне лучше проехать.

Результат был обескураживающий. Почему-то все вероятности сливались в дорогу до Шереметьево. С чего бы вдруг, я же вовсе туда не собирался!

Что-то пушистое обвило мою шею. И добродушный, чуть тягучий голос спросил:

— Нынче дальняя дорога выпадает королю?

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Картина мне крайне не понравилась.

Эдгара я не видел. Зато видел штуку, которую он набросил мне на шею, — серебристую меховую ленту. На роль горжетки она никак не годилась, было в ней что-то хищное… будто под серым мехом таилось множество крошечных острых зубов.

А еще я видел Геннадия Саушкина, сидящего на заднем сиденье справа. Лицо у вампира было бесстрастное.

— Что задумал, Эдгар? — спросил я.

— Это тебя не касается. — Эдгар нехорошо рассмеялся. — Не вздумай уходить в сумрак и не пытайся колдовать. Ленточка на твоей шее существует во всех слоях сумрака… во всяком случае, до шестого включительно. И она оторвет тебе голову при малейшем применении магии.

— Проверять не стану, — сказал я. — Что дальше?

— Пригласишь нас к себе домой? — спросил невидимый Эдгар. Лицо Саушкина при этих словах чуть дрогнуло.

— Нет. Извини, не до гостей.

— То есть можно убивать? — поинтересовался Эдгар.

— Неужели ты думаешь, что я отдам вам Надю? — Я не испугался, я даже удивился вопросу. — Можешь убивать.

— Я особенно и не рассчитывал, — сказал Эдгар. — Но Геннадий настаивал на этом вопросе… сам понимаешь — ему очень хотелось использовать твою дочь.

— Так же, как он использовал своего сына? — не удержался я. И был вознагражден оскаленной физиономией вампира, с которой мгновенно смыло все человеческое.

— Тихо-тихо. — Эдгар толкнул меня в плечо. — Не горячись. А то я Гену не удержу. Он на тебя очень обижен, догадываешься, за что?

— Да. Ты не мог бы проявиться? Неприятно говорить с пустотой.

— Выезжай со двора. — Эдгар усмехнулся. — Не хочется, чтобы заметили твои охраннички… Мы бы их порвали — даже пикнуть не успели бы. Но вот Светлана, боюсь, нам могла бы оказаться не по зубам.

Геннадий снова оскалился, продемонстрировав, что зубов у него полный комплект, причем

четыре клыка явно превосходят человеческие.

— Уверен, — сказал я совершенно искренне. Дал газ, неторопливо вывел машину со стоянки. Может быть, врезаться в столб? Нет, этим их не удивишь, они к таким действиям готовы. — За Надю она вас с пылью смешает.

— Вот и я считаю, — так же вежливо, миролюбиво сказал Эдгар, — что нам вовсе ни к чему разъяренная баба на хвосте. Сможет ли твоя дочка пробиться на седьмой слой, нет ли — это вилами по воде писано. Шансов ничуть не больше, чем если тебя как следует вздрючить.

Я фыркнул.

— Боюсь вас разочаровать. Но выше головы мне не прыгнуть. Я Высший, но не *нулевой*. Надо быть Мерлином, чтобы пройти на седьмой слой.

— Я же говорил, надо брать девчонку, — тихо сказал Геннадий. — Я же говорил, он не сможет!

— Тихо! — успокоил его Эдгар. — Он сможет. Он пока недостаточно замотивирован, но мы поможем, и он справится.

— Попробуй, — сказал я. — Ну, куда ехать-то?

— К Шереметьево-два, куда же еще. — Эдгар засмеялся. С него медленно сходила невидимость, он проявлялся, вначале полупрозрачной фигурой, затем обретая краски. Геннадий так и

не стал открываться, его я видел только в зеркале. — Думаю, быстрее всего выйдет по кольцевой, верно? И постарайся не мешкать в пути. Через час у нас самолет в Эдинбург. Думаю, мы успеем долететь, прежде чем тебя хватятся. Очень не хочется тратить последний заряд Минойской Сферы на портал до Эдинбурга. Но ты учти, если опоздаешь на самолет — пойдем через портал.

— Надо полагать, в Эдинбурге вас ждет Арина? — спросил я.

— Ты езжай, езжай. — Эдгар усмехнулся. — А я пока объясню, почему ты будешь нам помогать.

— Очень интересно, — сказал я. В груди рос холодок, но показывать страх решительно не хотелось. Хотя… что толку? Вампиры чуют страх инстинктивно. Даже магией трудно укрыться от их восприятия.

— Ты будешь стараться ради дочки, конечно же, — сказал Эдгар. — Ради дочки и ради жены. С Темным этот фокус не сработает, а вот со Светлыми — самое то.

— До моих тебе не добраться.

— Самому — возможно, что и не добраться. Гесер с Завулоном постарались на славу. Я вот насчитал шестерых охранников. А ты про скольких знаешь? Про двух молодых дурачков на

лестнице?

Я промолчал.

— Полагаю, их не меньше восьми, а то и двенадцати, — озабоченно сказал Эдгар. — Гадать бесполезно, тут оба старых пердуна решили перестраховаться. Но если рядом с твоим домом случится взрыв… нет, не обычный взрыв, а ядерный… Тут гибнут даже Высшие Иные, Хиросима это наглядно доказала.

— Ты не пойдешь на такое, Эдгар, — сказал я. — Ты Темный, но ведь ты же не психопат. Атомный взрыв в центре Москвы? Ради того, чтобы убить мою жену и дочь? А сколько погибнет людей? А если у кого-то сдадут нервы, это сочтут ядерной атакой, и начнется мировая война?

— Вот! Самое главное, — Эдгар засмеялся, — что даже если Гесер почует неладное и вывезет твоих родных подальше от Москвы, куда-нибудь в уфимский схрон, к примеру, то ситуацию это кардинально не изменит. От твоих действий все равно будет зависеть судьба сотен тысяч, а то и миллионов людей. Неплохой манок для Светлого, а?

— Эдгар, — спросил я, — что с тобой случилось?

— Ничего. — Эдгар засмеялся нервным, неесте-

ственным смехом. — Со мной все в порядке!

— Кого-то потерял, Эдгар?

Вопрос я задал наудачу. Но Эдгар молчал — и я понял, что попал.

Что я наконец-то начал что-то понимать в происходящем.

— Жену, — сказал он наконец. — Аннабель.

— Ты сказал, что был с ней на Крите, — вспомнил я.

— Был. Ровно год назад. Шли от пляжа к отелю, вдоль дороги… Мимо ехал грузовик. Водитель не справился с управлением, сбил ее на скорости восемьдесят километров в час. Я ничего не успел сделать.

— Ты ее любил, — сказал я с удивлением.

— Да. — Эдгар кивнул. — Любил. Я же не Завулон, я умею. Умел.

— Мне очень жаль, — сказал я.

— Спасибо, Антон, — совершенно нормальным тоном произнес Эдгар. — Я знаю, ты говоришь искренне. Но это ничего не меняет… в наших отношениях.

— Зачем ты пошел против всех? Зачем ты привлек людей?

— Людей? Какая разница, как их использовать, Антон? Мы живем за счет их энергии. Почему бы

не применять их и как пушечное мясо… А зачем я пошел против всех… тут ты неверно ставишь вопрос. Я вовсе не против. Я — за. Если угодно, то я за всех Иных. Темных и Светлых. Когда мы добьемся своей цели, вы поймете. Даже ты поймешь.

— Мы так не договаривались, — сказал Геннадий.

— Я помню, как мы договаривались, — обрезал Эдгар. — Мы делаем то, что задумали. А потом ты вызываешь Антона на бой. Все правильно, так? Ты ведь сам хотел честного поединка?

— Хотел, — с некоторым сомнением сказал Геннадий.

— Ну, если ты так уверен, что я пойму, — я уже сворачивал на кольцевую, борясь с искушением резко рвануть руль и сбросить машину с эстакады, — то мог бы и рассказать мне, что вы задумали. Вдруг я стану помогать вам добровольно?

— Думал я на эту тему. — Эдгар кивнул. — Даже с самого начала думал, ты из всех Светлых, что я знаю, наиболее вменяемый. Но так случилось, что мы стали работать с Геннадием. А он был резко против. Он тебя не любит, знаешь ли. Ты убил его сына. Из-за тебя развоплотилась его жена. Ну как тебя брать в «Последний Дозор»?

— Очень романтичное название.

— Это Гена, он у нас большой романтик. — Эдгар засмеялся. — Нет, не собирались мы тебя трогать. Месть — штука хорошая, но только если у тебя не осталось ничего, кроме мести… Надо же было Гесеру именно тебя послать в Эдинбург!

— Виктора вы убили, потому что он узнал Геннадия?

— Да, — кивнул Эдгар. — Это был спонтанный ход. Гена занервничал, решил, что появление однокашника Кости не случайно, что за нами следят. Ошиблись, конечно. Зато обнаружили, как открывать барьер на третьем слое. У нас на этот счет точных данных не было.

— Насчет голема на пятом — были?

— О да! — Эдгар засмеялся. — Меня после гибели Аннабель перевели работать в отдел специального хранения. Ну… чтобы успокоиться, пережить свою боль на тихой архивной должности… Ты бы знал, Светлый, чего только нет в спецхране Инквизиции! Я даже не подозревал, что такие вещи возможно создать. Честно тебе скажу, магия за последние сто лет несколько деградировала. Мы избаловались, используя человеческие вещи. А ведь у нас существовали аналоги и телефонам, и машинам, и самолетам… да что там аналоги!

Мы могли бы создать цивилизацию, основанную исключительно на магии!

— Вот только мы вырабатываем Силы меньше, чем потребляем, — сказал я. — Мы не можем жить без людей.

— Кстати, я думал на эту тему. — Эдгар оживился. — Можно было бы… эй, ты не сбавляй ход! Иди по левой полосе, там пока чисто… Так вот я думал на эту тему. Самым идеальным обществом мне представляется структура, близкая к средневековой. Люди живут простым, здоровым, незатейливым бытом, работают на природе, занимаются ремеслами и искусствами. Централизованных правительств не надо, вполне хватит феодальной системы, баронов и номинальных королей. А мы, Иные, живем отчасти сами по себе, отчасти среди людей. Не таясь! И все знают о нас. Конечно, даже люди в такой схеме могут бросить вызов магу или вампиру. Пускай! Должен работать механизм естественного отбора, выбраковывая слабых и излишне жестоких Иных. Вот этот мир был бы куда приятнее нынешнего, причем как для Иных, так и для людей. Ты никогда не читал фэнтези?

— Чего?

— Книжки не читал? Всех этих «Властелинов Колец», «Конанов», «Волшебников Земноморья»,

«Гарри Поттеров»?

— Читал кое-что, — сказал я. — Ну… что-то наивно, а что-то любопытно. Как развлекательная литература вполне сносно даже для нас.

— А среди людей куда популярнее, чем научная фантастика, — уверенно сказал Эдгар. — Вот ведь парадокс — читать про освоение Марса или полеты к звездам, про то, чего люди действительно могут добиться, а мы — никак, людям неинтересно. Зато они мечтают стать магами, кидаться в сражение с большим острым мечом… если бы хоть кто-то из них знал, как выглядят раны от настоящего меча… Что это значит? Что средневековый мир, в котором существует магия, для людей наиболее привлекателен!

— Ну да, — сказал я. — Конечно. Потому что никто не задумывается о прелестях отправления нужды в выгребную яму в двадцатиградусный мороз или амбре, которое эти ямы распространяют в сорокаградусную жару. Потому что герои книжек не страдают насморком, несварением, аппендицитом и малярией, а если уж страдают — то сразу под рукой оказывается Светлый целитель. Потому что все видят себя на королевском троне, в плаще могучего мага или на худой конец в дружине веселого и отважного барона. А никак

не на высохшем поле с деревянной мотыгой в руках, глядящим вслед дружине, только что потоптавшей твой жалкий урожай, наполовину принадлежащий веселому отважному барону.

— Это другой вопрос, — миролюбиво сказал Эдгар. — Всюду есть плюсы и минусы. Зато нет рекламы, политиков, адвокатов, генетически модифицированных продуктов…

— Продуктов вообще будет мало, — вставил я.

— …детей, родившихся уродами из-за загрязнения окружающей среды…

— Тебе пора в Гринпис. Зато полно будет детей, которых сглазили во чреве матери. И еще больше самых обычных детей, умирающих в родах из-за неправильного предлежания и отсутствия лекарств. Эдгар, вы что, задумали опрокинуть мир в Средневековье?

Эдгар вздохнул:

— Да нет, Антон. Это очень, очень маловероятный исход. Могу сказать честно, я на него надеюсь. Но шансов немного.

— Я очень серьезно думаю о том, чтобы дернуть руль и врезаться в столб, — сказал я. — Видишь, впереди над кольцевой пешеходный переход? У него такие соблазнительные бетонные опоры…

— Нам не повредит, — ответил Эдгар. — Да и

тебе, полагаю. Машина у тебя хорошая, подушки безопасности, ремни… есть шанс выжить. Не глупи. Хочешь покончить с собой — поколдуй немного.

— Что ты откопал в архивах? На что надеешься?

— Не говори ему, — мрачно сказал Геннадий. И, похоже, эти слова подействовали прямо противоположным образом. Все-таки Эдгар был изначально Темным, привыкшим смотреть на вампиров с брезгливым презрением. Даже к союзникам.

— Инквизиция всегда с большим вниманием относилась к артефактам, находящимся вне ее досягаемости, — сказал Эдгар. — Артефактам, созданным Мерлином, уделялось особое внимание… по вполне понятным причинам. О Венце Всего было известно немного. Только то, что он находится в Шотландии и является потенциально одним из самых сильных магических предметов. Если не сильнейшим. Но считалось, что данных по Венцу нет никаких. К счастью, несколько лет назад началась полная каталогизация и компьютеризация архивов. В числе прочего были переведены в электронную форму результаты средневековых допросов ведьм, всеми забытые

отчеты агентов и ученых. Я искал все, что связано с Мерлином, и обнаружил несколько строчек, о которых давным-давно забыли. Одна из Светлых волшебниц тринадцатого века, первоуровневая… данные попали к ней, скажем так, не в силу ее ранга… Волшебницу допрашивали по поводу одной заварушки в Глазго, тогда это был мелкий провинциальный городок. И вот в ходе допросов она упомянула про «последний артефакт, созданный Мерлином». У нее уточнили, что делает этот артефакт. И она ответила, если переводить буквально: «Венец — это то, о чем мечтают ушедшие от нас Иные, то, чего они ждут в сумраке, то, что принесет им счастье, вернет им свободу…» Тогда ее словам не придали значения, и они на долгие века остались в архивах. Пока лист пергамента не положили на сканер, а я не задал поиск по слову «Мерлин».

— Сейчас, надо полагать, этой информации в базе данных Инквизиции нет, — заметил я.

Эдгар усмехнулся.

— Вы хотите оживить мертвых Иных?

— Ушедших, — процедил Геннадий. — Ушедших, а не мертвых!

— Не так просто, — сказал Эдгар. — Мы думаем, что Венец Всего сольет сумеречный мир и чело-

веческий, уничтожит барьеры между слоями. Если сейчас ушедшие от нас не могут… практически не могут возвращаться в наш мир, а мы не в силах хоть сколько-нибудь долго находиться в глубоких слоях сумрака, то Венец все изменит. Наши ушедшие будут с нами.

— Эдгар, вы же ничего не знаете наверняка, — сказал я. — Не можете знать. Это все одни лишь догадки. А что, если слои по-настоящему сольются с нашим миром? Это будет катастрофа!

— Мы знаем, что ушедшие Иные этого хотят, — твердо сказал Эдгар.

— На основании одной фразы, сказанной в тринадцатом веке волшебницей?

— Она была любовницей Мерлина. Она знала точно.

Я не стал больше спорить.

Что я мог противопоставить их вере? Да ничего. Вере можно противопоставить только другую веру, а не факты и уж тем более не гипотезы.

— Эдгар, если бы я твердо знал, что Венец вернет ушедших Иных, — я бы вам помог. Но я в этом не уверен. — Я повернул на Ленинградское шоссе. — Это раз.

— Продолжай, — любезно предложил Эдгар.

— Но если бы даже я хотел вам помочь — охра-

на артефакта в Эдинбурге усилена. Всем понятно, что ты снова туда рванешься. И я полагаю, что уже сосчитано, сколько и какой магии ты спер из хранилища, так что твои амулеты неожиданностью не станут. Нам просто не пройти. Это два.

— Поверь, я хорошо поработал, — с гордостью сказал Эдгар. — В Инквизиции сейчас сами не знают, что у них было, чего не было и что осталось. Инквизиция — очень, очень сильно бюрократизированная структура. Это, наверное, судьба любой надгосударственной организации, что человеческой, что нашей. Нам будет трудно, но мы пройдем. Даже если ты нам не поможешь… полагаю, заставить тебя убивать Светлых почти невозможно.

— Девчонку надо было брать, тогда бы помог, — проскрежетал сзади Геннадий.

— Уймись, — ответил Эдгар. — Ну что ты за нелюдь такой, а? Гуманнее надо быть, Геннадий!

— Я при жизни был гуманным, — сказал вампир. — И пока Костю не убили — тоже держался. И пока Полина не ушла. Хватит с меня!

— И все-таки надо стараться преодолевать разногласия, раз уж мы теперь на некоторое время в одной команде, — рассудительно произнес Эдгар. — Не опускаться до оскорблений, не угрожать

родным и близким… попусту. У тебя все, Антон?

— Нет, осталось еще одно маленькое замечание. Я не могу пройти на седьмой слой. На шестой я прошел — на нервах, на адреналине. Смог. Но дальше такой барьер, что мне никогда не пробиться. И в Дозорах тоже оценивали мощность барьера — никакой приток Силы извне не поможет.

— Почему?

— Да потому, что тут дело не в Силе как таковой! Она и без того хлещет в воронку над «Подземельями Шотландии» — мама не горюй! Но ведь Силой надо оперировать, пропускать ее через себя. Ну подашь ты Силу искусственно, выкачаешь из людей, из артефактов… и что? Напряжение в сети тоже нельзя повышать бесконечно, провод расплавится! Тут нужен сверхпроводник, понимаешь? А такой сверхпроводник — это *нулевой* Иной, совершенно не вырабатывающий магической энергии!

— Ох уж эти мне технические аналогии. — Эдгар вздохнул. — Геннадий, а ты понял?

— Понял. Говорил я…

— Все, молчи. Антон, я понимаю, что ты выше головы не прыгнешь. И я не прыгну…

— Эдгар, а с каких пор ты стал Высшим?

Бывший Инквизитор усмехнулся:

— Недавно. Не обращай внимания.

— Ну, знак регистрации Геннадию ты снял, — рассуждал я вслух. — Это понятно, в Инквизиции тебя и не таким вещам учили. Но поднять уровень Силы можно только «Фуараном». Книга сгорела…

— Не заговаривай мне зубы. — Эдгар вдруг хохотнул. — Геннадию заговаривай, у него они чешутся. Так вот чудес от тебя не ждут. От тебя требуется смекалка. Найди кружной путь.

— Уверен, что Томас-Рифмач искал этот путь сотни лет.

— Но у него же не было жены и дочки, под которыми может взорваться ядерный заряд. — Эдгар посмотрел на часы. — Успеваем. Молодец, хорошо руль крутишь. А теперь слушай — машину на парковку не загоняешь, это не нужно. Лишние следы. Нас у входа в зал вылета ждет парнишка, отдашь ему ключи. Человеку заплатили за то, чтобы он отогнал твою тачку на платную стоянку и оплатил трое суток. Вернешься — сможешь забрать.

— Если вернешься, — добавил Геннадий.

— Ты уж извини, но его шансы я ставлю выше, — отрезал Эдгар. — Так вот мы сейчас быстренько-быстренько пройдем контроль, причем

ты не будешь привлекать внимания Иных на таможне. Лишние жертвы Светлому ни к чему, так? Сядем в самолет, ты выпьешь кофе, позволителен даже глоточек коньяка. И будешь думать. Хорошо думать. Так, чтобы я слышал, как у тебя мозги скрипят. И очень будет хорошо, если к Эдинбургу ты уже будешь знать, как достать Венец Всего. Потому что времени у нас в обрез. Всего двенадцать часов до взрыва.

— Ты сволочь, — сказал я.

— Нет, я очень эффективный менеджер по персоналу. — Эдгар улыбнулся.

Глава 4

Есть такие слова, от которых человек впадает в ступор без всякой магии.

К примеру: «Расскажи что-нибудь смешное». Даже если вы только что просмотрели финал КВН, прочитали свежий том Пратчетта и отрыли в Интернете десяток действительно смешных и свежих анекдотов — из головы все вмиг вылетает.

Еще хорошо действуют слова «Сядь и подумай». Мне сразу вспоминается школа, контрольная по алгебре или какое-нибудь четвертное сочинение,

усталое лицо учителя, который ничего хорошего от подопечных уже не ждет.

В этот раз в Эдинбург мы летели напрямую, рейсом «Аэрофлота». Будь это обычная командировка, я бы ничего против не имел, в Шотландии мне понравилось. Тем более что Эдгар, конечно же, взял места в бизнес-классе. Трое разъяренных соотечественников, явно способных вскладчину купить «Боинг-767», на котором мы летели, бесновались у стойки регистрации — их билеты оказались недействительными. Я ничего не сказал, но в груди затеплилась надежда. Большинство людских неприятностей с двойными или недействительными билетами — следствие махинаций каких-нибудь нечистых на руку Иных, чаще Темных, но порой и Светлых. Поэтому все подобные случаи Дозорами отслеживаются. Ну, теоретически все, на практике — лишь вызвавшие серьезные скандалы. В данном случае скандал намечался изрядный…

Но, боюсь, все-таки расследование будет не столь оперативным, как мне нужно. Тем более сейчас, когда по всей Москве ищут Саушкина…

Таможенный пост на вылете тоже был усилен. Вместо двух Иных дежурили аж четверо, паритет в данном случае соблюдался жестко. Я питал

слабые надежды, что на усиление бросят наших ребят и они меня заметят, но нет, все Иные были из подмосковных отделений, в данном случае — химкинские. К тому же еще перед регистрацией Эдгар раздал нам фальшивые паспорта и наложил качественные личины, которые четвертому-пятому уровню Иных были не по зубам. Так я и прошел мимо своих коллег под именем петербуржского жителя Александра Петерсона. Геннадий стал Константином Арбениным, а как назвался сам Эдгар, я не расслышал.

Уже в самолете, получив от стюардессы обещанные Эдгаром кофе и коньяк, я понял, что проиграл начисто. Пушистая удавка на шее, на которую недоуменно поглядывали еще на таможенном контроле, временами сжималась покрепче, а то и царапала кожу крошечными коготками… или зубками. Разве что не мурлыкала, ожидая, пока я применю магию. Я даже вспомнил, как эта штука называется. Кот Шредингера. Видимо, потому, что никто так и не смог понять, живая эта дрянь или все-таки мертвая. В Инквизиции Кота Шредингера применяли для конвоирования самых опасных преступников. Промахов эта дрянь не давала. Кстати, если я не путаю, она была единственной в своем роде. Эдгар спер поистине

уникальные артефакты.

— Пей кофе, — любезно сказал Эдгар. Меня посадили к окну, рядом уселся Геннадий. Эдгар сел сзади, да еще и озаботился тем, чтобы соседнее место никто не занял: озадаченного, но даже не протестующего пассажира пересадили куда-то в эконом-класс, рассыпаясь в извинениях и обещая бесчисленные бонусы в качестве компенсации. Вообще «Аэрофлот» оставлял на удивление приятное впечатление. Ничуть не хуже западных перевозчиков, а то и получше. Жаль лишь, что наслаждаться полетом не получится, компания подкачала.

Я пил кофе вприкуску с коньяком. Смотрел, как лайнер выруливает на взлетную. Эдгар за моей спиной что-то прошептал — и гул исчез. Сфера Молчания. Что ж, разумно, теперь и нам ничто не мешает, и нас никто не услышит. Хорошо, что в отличие от волшебника Хоттабыча из сказки Эдгар располагает другими методами борьбы с шумом, кроме остановки двигателей…

Иди вперед, коль ты силен, как я; иди назад, коль ты, как я, умен.

Он издевался. Конечно же, издевался над незадачливыми охотниками за сокровищем. Но считал себя обязанным дать намек, это было в

неписаных правилах игры тех времен. Значит, путь есть.

Вперед-назад…

Может быть, стоит «раскачаться»? Словно выволакивая из грязи забуксовавший автомобиль… искусство, прочно забытое массами в эпоху автоматических коробок передач. Дошел до шестого, отпрыгнул назад, снова до шестого, уже с разбега…

Чушь собачья. Я один-то раз до шестого слоя едва добрел, переводя дыхание после каждого рывка. Ну, допустим, сумею я подобно Гесеру выпрыгивать сразу из глубин сумрака. Все равно «раскачаться» не получится.

Повторим рассуждения с самого начала.

Венец Всего здесь скрыт. Всего лишь шаг остался.

Тут все ясно. Надпись была на шестом слое, Венец Всего скрыт на седьмом. Хитрый Мерлин оставил указательный знак там, куда может забрести только самый сильный и умелый маг… эх, как приятно все-таки! Ведь я туда дошел!

Ничего особенного, однако, здесь не говорится. Этакая преамбула. Вступительное слово. Будем надеяться, что Томас-Рифмач перевел адекватно… впрочем, великому барду, да еще и предку

Лермонтова, это положено.

Но он — наследие для сильных или умных.

И тут все более-менее ясно. Мерлин оставил решение, применять или нет артефакт, для тех, кто будет равен ему. По силе, по уму — не важно.

Получишь все и ничего, когда достать его сумеешь.

Что ж, тут чуть интереснее. Мерлин, похоже, не считал, что применение Венца грозит вселенской катастрофой. «Получишь все и ничего» — получишь все, но не для себя.

Или же я, подобно Эдгару с Геннадием, вижу лишь то, что хочу видеть?

Если «получишь все и ничего» означает, что весь мир будет в твоей власти, но погибнет?

Не знаю. Не могу понять. Тут бы в оригинале прочитать…

— Эдгар, я должен сделать один телефонный звонок, — сказал я.

— Чего? — развеселился Эдгар. — Кому, Гесеру? Вообще-то мобильники велели выключить.

— Ты хочешь от меня результата? Мне надо задать вопрос Фоме Лермонту.

Эдгар колебался недолго. Прикрыл глаза, потом кивнул:

— Звони. У тебя есть три минуты, прежде чем

начнем взлетать. Но учти, я внимательно тебя слушаю.

Как хорошо, что я не стал стирать номер Лермонта… Я достал мобильный, позвонил. Гудок, второй…

— Антон?

В голосе Лермонта слышалось явное любопытство.

— Фома, я тут размышляю над стихотворением… над той надписью, что оставил Мерлин на шестом слое…

— Ну-ну? — заинтересовался Лермонт.

— Как звучит третья строка? Ты перевел как «получишь все и ничего, когда достать его сумеешь», помнишь? Так вот имеется в виду «получишь все и все потеряешь» или «получишь все, но оно тебе не нужно»?

Томас крякнул. И прочитал по-английски:

— With it, thou shalt acquire all — and nothing shalt thou get…

Ну спасибо, что не по-кельтски…

— Это значит… — решил я все-таки уточнить.

— Это значит, что если достанешь, получишь то, что лично тебе не нужно, хотя оно и очень значительно, глобально, всеобще.

— Спасибо, Фома!

— Мозговой штурм? — поинтересовался Лермонт. — Удачи. Мы тут тоже время даром не теряем, работаем…

Я отключил связь. Интересно, слышали Эдгар и Геннадий наш разговор? Я вдруг с удивлением понял, что задача меня захватила. Несмотря на удавку на шее. Несмотря на шантаж. Несмотря на вампира и спятившего Инквизитора, сидящих рядом.

Я хочу понять. Я хочу отгадать загадку Мерлина. Сильным, как он, мне никогда не стать, но хотя бы в интеллекте с ним я могу потягаться?

Хочется верить, что могу…

Иди вперед, коль ты силен, как я; иди назад, коль ты, как я, умен.

Ну вот. Мы опять пришли к этой фразе. Тут смысл более-менее ясен. Сильный может пойти вперед и достигнуть цели путем Мерлина. Умный вернется и выберет окольный путь.

Начало и конец, глава и хвост, все слито воедино…

Это все лирика, пожалуй. Альфа и омега, начало и конец. Глава и хвост? Может, это намек на голема на пятом слое сумрака?

Так, над этой строчкой надо подумать серьезнее. А что там в конце говорилось?

В Венце Всего. Так жизнь и смерть неразделимы.

Пожалуй, это уже относится к области применения. Жизнь и смерть неразделимы. Ушедшие в сумрак Иные смогут ожить, вернуться в наш мир… Интересно, а оно им надо? Томаса-Рифмача пришлось чуть ли не за руку утаскивать, так ему хотелось остаться, вкусить радости магического рая.

Я представил себе, как воскрешенный Костя начнет орать на отца: «Я у тебя просил меня воскрешать?» Может такое быть?

Не знаю. Ничего не могу понять. Ох, вряд ли Томас прав. Он в ловушке своей мечты, как Эдгар и Геннадий ослеплены своей. Не показался мне особо восторженным обитатель сумрака, что когда-то давным-давно сумел выйти на первый слой, да еще и указать мне путь к штабу Темных… спас, можно сказать. Интересно, кто он был и зачем помог? Как вообще узнал из своих призрачных глубин мироздания о происходящем?

Вопросы, вопросы, и нет на них ответов…

Начало и конец, глава и хвост, все слито воедино…

Вот здесь, пожалуй, что-то есть. Глава и хвост, вот что не дает покоя! У кого там голова была

с хвостом сращена? Ну, если не рассматривать всерьез чудо-голема с зубами на обоих хвостах…

Кстати, а почему бы не рассматривать его *почти* всерьез?

Не для себя, конечно. Для нашего дорогого «Последнего Дозора».

Итак, Венец Всего скрыт в теле этой несчастной двухголовой твари. Где-нибудь посередине. Где начало одной половины и конец другой. Где глава и хвост неразделимы… Иди назад, то есть на пятый слой, там и найдешь!

А ведь очень убедительно получается. Если говорить с серьезным лицом. Руны у них нет, и вряд ли Эдгар ее сумеет достать. Пусть попробуют уничтожить голема, сотворенного Мерлином!

Конечно, если в брюхе ползающего уродца и впрямь найдется Венец Всего — это будет… это будет очень обидно.

Но я сомневаюсь в таком исходе.

— Улыбаешься, — сказал Геннадий. — Что задумал?

— Тише, — сказал я. — Я воспаряю духом. Лучше возьми мне коньяка.

Геннадий сжал зубы и замолчал.

За размышлениями и в коконе полной тишины я совсем упустил момент взлета. Посмотрел в

иллюминатор — мы были уже высоко, за первым слоем облаков. Тьфу ты, всюду теперь видятся слои, которые надо преодолевать…

Нет, что-то меня все-таки цепляло в этой строчке. Глава и хвост, так? Я про это слышал. В магии? Да нет, скорее в фольклоре. В каких-то верованиях… Ну да, конечно! Египетские, а позже и европейские мифы. Алхимические трактаты. Буддизм — в виде колеса Сансары, перерождения…

Уроборос.

Змей, пожирающий свой хвост.

По коже у меня пробежал холодок. Ох не зря Мерлин поставил на страже пятого слоя двуглавого змея… Венца в нем, конечно, нет.

А вот намек был, да еще какой явный!

Начало и конец. Сам себя порождает, оплодотворяет и убивает. Вечная и неизменная сила, растворяющаяся в пространстве и вновь восстанавливающаяся, бесконечный круг времени, защита от хаоса и тьмы, ограждающая Вселенную, объемлющая и поддерживающая мир, несущая жизнь в смерть, а смерть — в жизнь, одновременно неподвижная и движущаяся…

Смерть и возрождение.

Бесконечный поток Силы, умирающий и возрождающийся…

Я понял.

Я все понял.

Пальцы задрожали, я вцепился в подлокотники. Поймал подозрительный взгляд Геннадия и сказал:

— Летать боюсь. Возьми коньяка, а? Будь человеком, хоть ненадолго.

Геннадий молча приподнялся, жестом позвал стюардессу.

Уроборос.

Начало и конец. Смерть и жизнь. Кольцо Силы, удерживающее Вселенную.

Я все понял. Первым после Мерлина. Есть чем гордиться, если останусь в живых!

— Ты что-то придумал, — сказал Эдгар. Привстал, перегнулся через спинку кресла, с любопытством заглянул мне в глаза: — Эй, Антон! А ведь я был прав, у тебя есть какая-то мысль.

— Есть. — Я не стал отнекиваться. — Эдгар, я все-таки тебя еще раз хочу спросить… ты уверен, что извлекать ушедших — безопасно? Ты же знаешь, что такое Тень Владык?

— Знаю. — Эдгар помрачнел. — Это ушедшие маги, призванные с пятого слоя, где они уже могут существовать более-менее долго. Вырванные из родной среды, накачанные Силой, обезумев-

шие… уничтожающие все вокруг с неслыханной жестокостью. Антон, не надо сравнивать насильственное извлечение и использование ушедших с их воскрешением. Знаешь, если тебя разбудить ночью, стукнуть по голове, облить дерьмом и начать орать что-нибудь в ухо — ты тоже начнешь буйствовать.

— Значит, вы решили твердо… — Я помолчал. Не следовало «сдаваться» сразу. Эдгар не сможет прочитать мои мысли, я все-таки Высший, но вот почувствовать ложь в интонациях, в выражении лица он способен. И Геннадий — тоже. — Эдгар, каковы мои гарантии?

— Какие еще гарантии? — поразился он.

— Гарантии того, что, когда я все вам объясню, ты не прикажешь взорвать бомбу в Москве. И что ты снимешь с моей шеи Кота Шредингера.

Эдгар усмехнулся:

— Многого хочешь.

— Многое даю, — ответил я с теми же интонациями.

— Клятва Светом и Тьмой тебя устроит?

— Эдгар! — холодно сказал Геннадий. — У всего есть границы!

— Клянусь Светом, Тьмой и равновесием между ними, — размеренно заговорил Эдгар, вытягивая

руку в промежуток между мной и Геннадием, — что, если ты поможешь нам овладеть Венцом Всего, я сниму с тебя Кота Шредингера, не отдам приказа на взрыв в Москве и позволю сразиться с Геннадием один на один. Если ты победишь, я не буду больше чинить препятствий тебе и твоей семье, если не подвергнусь с вашей стороны нападению. Если ты проиграешь, я обязуюсь не предпринимать ничего по отношению к Светлане и Наде. Опять же — если они не нападут на меня сами. Клянусь!

На его ладони возник шарик, наполовину светящийся, а наполовину черный, будто всасывающий в себя свет. Шарик медленно вращался, свет перетекал в тьму, а тьма — в свет.

— Одно уточнение, — сказал я. — Что значит «если помогу овладеть»? Это когда?

— Когда Венец будет в наших руках.

— Не согласен. — Я покачал головой. — Есть серьезные шансы, что вы все погибнете, доставая Венец. А снять Кота может только тот, кто его ставил. Мне не улыбается провести остаток жизни без всякой магии и с этой дрянью на шее.

Эдгар задумался. Или скорее сделал вид, что задумался. Он наверняка давно определил границы, до которых готов двигаться.

— Уточняю, — сказал он, глядя на кружащийся в ладони шарик из Света и Тьмы. — Я прикажу не взрывать бомбу в Москве, как только все мы сочтем твои слова правдой. Я сниму Кота перед тем, как мы отправимся доставать Венец. Но ты будешь рядом, связанный клятвой не мешать нам. Это максимум того, на что я могу пойти.

Теперь настала моя очередь изображать работу мысли. Готов я или не готов пойти на такие условия? Если бы я собирался сказать правду, то скорее всего надо было бы торговаться дальше…

— Еще одно уточнение, — сказал я. — Ты не просто снимешь Кота, но и позволишь мне уйти на безопасное расстояние. Я не хочу поневоле вступать в бой на вашей стороне!

— В бой? — с любопытством произнес Эдгар. — Вероятно, имеется в виду не бой с сотрудниками Лермонта?

— Нет, не с ними. — Я улыбнулся. — Вам и без них хватит проблем, поверьте.

— Хорошо, — сказал Эдгар. — Я позволю тебе уйти на безопасное расстояние, прежде чем мы отправимся доставать Венец. Но после этого ты обязан будешь вернуться и вступить в бой с Геннадием. Он… очень этого хочет.

— Согласен, — сказал я. Вытянул руку. — Кля-

нусь Светом.

На моей руке возникла и тут же исчезла огненная сфера. Кот на моей шее недовольно сжался — и расслабился. Это была не моя магия, изначальная Сила сама решала, подтвердить слова мага или нет.

— Геннадий, а ты подтверждаешь обязательства Эдгара? — спросил я.

— Да. — Он не стал клясться Тьмой. К вампирам изначальная Сила нисходит редко. Но я ему верил. Все-таки главное для Геннадия было вернуть сына и жену. Месть отошла на второй план.

Внезапно сообразив, что Сфера Молчания не мешала пассажирам наблюдать за неожиданной иллюминацией, я огляделся.

Но нет, все было в порядке. Пассажир через проход спал. Его сосед у окна работал на ноутбуке. Какие молодцы эти деловые люди…

— Пройти на седьмой слой невозможно, — сказал я. — Никак. На это способен только *нулевой* маг… или тот, кто развоплотился и ушел в сумрак.

Геннадий напрягся. Эдгар ледяным тоном спросил:

— Это и есть твой совет?

— Нет. — Я покачал головой. — Мерлин все

замечательно объяснил. Вы просто уперлись в свою идею о седьмом слое сумрака! Ну, не только вы… — самокритично добавил я. — А ведь Мерлин оставлял не просто инструкцию по добыче Венца! Он говорил о проблеме в общем. О возможности встретиться с ушедшими!

Эдгар и Геннадий переглянулись.

Да, это должно было их зацепить. И зацепило.

— Иди вперед, коль ты силен, как я! — процитировал я. — О чем это? О пути на седьмой слой, где ушедшие обитают! А если ты не *нулевой* маг, то что? То тебе нужен артефакт, созданный Мерлином. Венец Всего. И где его взять? Надпись на шестом слое гласит: «Иди назад, коль ты, как я, умен»! А что у нас на пятом слое?

— Страж. Голем в обличье двухголовой змеи. — Эдгар прищурился.

— Глава и хвост, все слито воедино! — торжествующе сказал я. — Это не просто страж, идиоты! Это обертка, защита артефакта! Сказки в детстве читал? Смерть Кащея в яйце, яйцо в утке, утка в сундуке… Тот же принцип. Кстати, — в порыве вдохновения добавил я, — не удивлюсь, что, когда вы разорвете голема напополам, из него вылезет еще какая-нибудь тварь. Или даже выпорхнет. Скорее всего она постарается спастись

бегством, так что готовьтесь сбивать скоростную летящую цель!

— Там жизнь и смерть неразделимы, — сказал Эдгар. И задумался.

— Смерть голема — новая жизнь ушедшим, — прошептал Геннадий. — Эдгар, это может быть правдой?

Эдгар думал. Что-то вспоминал.

— Кстати, Венец, наверное, является активатором голема, — добавил я. — Мерлин был склонен к простым и изящным решениям.

— Были два случая в истории, когда голем-охранник служил одновременно и оболочкой для хранимого, — сказал Эдгар. — И первый раз эту хитрость использовал один из учеников Мерлина.

Мысленно я возблагодарил неизвестного мне мага, так кстати подтвердившего мои слова. А себе позволил лишь задумчиво кивнуть:

— Вот-вот. Наверное, Мерлин поделился с ним своей идеей. Или он помогал учителю создавать голема-змею.

Эдгар кивнул. Сказал:

— Если бы у нас была руна… С ней нейтрализовать голема оказалось легче легкого…

Он поверил.

— Сами виноваты, — сказал я. — Надо было не тайные общества организовывать, а вынести свои догадки на всеобщее обсуждение. Все Иные когда-то кого-то теряли…

— Ты не представляешь себе силу бюрократии, — с отвращением сказал Эдгар. — Обсуждение затянулось бы на сотни лет. А в итоге решили бы ничего не предпринимать.

— Не может быть, — буркнул я.

— Ты просто слишком молод… и далек от управленческих структур. Гесер с Завулоном со мной бы согласились.

Я пожал плечами. Может быть, и согласились бы.

Интересно, а Гесеру есть о ком грустить? Он любит Ольгу, а та теперь рядом с ним. Они даже своего сына исхитрились сделать Иным. Но… неужели за тысячи лет Великий Гесер не терял любимых, друзей, детей? Да наверняка терял! И среди них были не только люди, а еще и Иные. Те, что ушли в сумрак.

А Завулон? Да, конечно, такой, какой он есть сейчас, — Завулон никого не любит. Но разве могло так быть всегда? Когда-то он был ребенком, таким же, как все, только обладающим потенциалом Иного. Так случилось, что он ступил на

дорогу Тьмы. Но не мог же он никого и никогда не любить! Даже Темные это умеют… даже злые и бессердечные вроде Алисы Донниковой…

Интересный расклад. А ведь и Гесеру, и Завулону в принципе действия «Последнего Дозора» на руку! Любого хоть сколько-нибудь старого Иного должна радовать идея возвращения ушедших.

Хотя, конечно, они никогда не смогут признать это открыто.

Глава 5

Стюардесса разнесла по салону обед. Мне опять был предложен коньяк, но я отказался. Хватит, в Эдинбурге надо быть в форме.

Эдгар за спиной ел с аппетитом. Геннадий задумчиво ковырялся вилкой, выбирая кусочки мяса. При взгляде на него у меня начисто пропало желание есть мясо. Я с трудом заставил себя съесть салат и кусочек сыра. Даже обидно, что все оказалось вкусно. Надо было попросить вегетарианский обед.

Саушкин достал из кармана фляжку. Открутил пробку, глотнул. Спрятал фляжку, демонстративно облизнул испачканные темным губы.

— Знаешь, Эдгар, одна вещь меня удивила, —

негромко сказал я. — Ты вроде как всегда был нерасположен к кровососам. А уж к вампирам, нарушающим Договор… И ты снял знак регистрации с преступника?

— Успокойся, Антон, — миролюбиво сказал Эдгар. — Что Гена Светлых на бульваре порвал — так он защищался. В Эдинбурге… ну, нехорошо вышло. Но это тоже была в каком-то смысле самозащита. Гена ведь даже не выпил парня, неприятно ему было Костиного друга пить, он всю кровь вылил…

— А как же он достиг Высшего уровня? — спросил я, глядя на Геннадия.

Вампир едва заметно приоткрыл рот, выпуская клыки. Покачал головой.

— В записях его сына остался рецепт «Коктейля Саушкина», — сказал Эдгар невозмутимо. — Да, Гена возвысился незаконно. Но ему не пришлось для этого убивать людей…

— Уверен? — спросил я, глядя на Геннадия. Клыки у него выдвигались все дальше и дальше. Интересно, что будет делать Кот Шредингера, если меня попытаются укусить сквозь его пушистое тело?

— Что не так? — Эдгар протянул руку и крепко взял Геннадия за плечо. — Я чего-то не знаю о

своем соратнике?

— Он врет, — сказал Геннадий. — Он пытается нас поссорить.

— Не думаю. — Эдгар по-прежнему держал вампира за плечо. И, похоже, уже прилагая к тому некоторые усилия. — Ты разволновался, Гена. Успокойся.

— Я совершенно спокоен, — процедил вампир.

— Ты убивал людей? — невозмутимо спросил Эдгар. — Никакого рецепта коктейля, отправленного тебе сыном по электронной почте, не было?

— Убивал, — сказал Геннадий. Снова достал фляжку, встряхнул. — А рецепт был! Вот он, коктейль Костин. Не смотрел я почту, не до того мне было! Весной письмо прочитал, только ни к чему уже было… И что теперь?

— В его квартире нашли полсотни выпитых тел, — пояснил я. — Думаешь, чего сегодня Дозоры на ушах стоят? Гену теперь свои же порвать на клочки готовы, они на пять лет без лицензий остались.

— Это Гесер поскромничал, — заметил Эдгар. — Я бы на его месте десять лет требовал. Обидно. У меня были подозрения на этот счет. Обидно! Геннадий, так не поступают! Мы же одна команда!

— Мы остаемся одной командой? — спросил

Геннадий.

Эдгар вздохнул:

— Да. Сделанного не воротишь… Зачем ты это делал?

— Откуда мне было знать, что вы на меня выйдете? — вопросом ответил вампир. — Я хотел отомстить Антону. А как может слабый вампир отомстить Высшему? Мне пришлось качаться. Он сам во всем виноват!

Я подумал, что это оправдание никогда не исчезнет из обихода. Не только сил Тьмы, а еще и самых обычных человеческих подонков.

Он сам во всем виноват! У него была квартира, машина и дорогой мобильный телефон, а у меня — три рубля, хронический алкоголизм и похмелье каждое утро. Потому я и ждал его в подворотне с кирпичом, гражданин начальник… У нее были длинные ноги, семнадцать лет и красивый парень, а у меня — импотенция, порнографический журнал под подушкой и рожа как у гориллы. Как я мог не накинуться на нее в подъезде, когда она вошла, напевая, с губами, горящими от поцелуев… У него была интересная работа, командировки по всему миру и хорошая репутация, а у меня — купленный диплом, мелкая должность под его началом и хроническая

лень. Только поэтому я подстроил все так, чтобы его обвинили в растрате и выгнали из фирмы…

Они все одинаковы — что люди, что Иные, жаждущие славы, денег, крови, обнаружившие, что самый короткий путь — это всегда путь темный.

Им всегда кто-то мешает и всегда кто-то в чем-то виновен.

Наверное, когда Геннадий Саушкин хотел спасти своего умирающего сынишку, он действительно желал добра. Не всей душой, конечно, у него уже не было души. Но разумом и сердцем он не хотел смиряться с его смертью. Так же, как не хочет смиряться сейчас. И темный путь оказался так прост и так близок…

Он долго еще балансировал на самой грани, если у вампира еще остается эта грань. Он не убивал. Он даже старался быть честным и добрым, и у него получалось. Даже Костю он смог воспитать почти человеком.

Но короткие дороги тем и отличаются от длинных, что на них взимают плату за проезд. И на темных дорогах очень любят объявлять цену в конце пути.

— Ты удовлетворен его объяснениями? — спросил я.

— Я огорчен, — ответил Эдгар. — Но тут уже

ничего не исправишь.

— Есть вещи, которые исправить нельзя, — согласился я.

А про себя добавил: «Но есть и те, которые исправить можно».

Стойка сумеречного таможенного контроля в Эдинбурге пустовала. Лежали какие-то бланки и даже поисковый амулет, светящийся ровным молочно-белым светом: последним тут прошел Светлый. Дежурных не было. Или дежурного? Вряд ли тут много работы…

В сумрак меня втянул Эдгар. Я по-прежнему не мог применять магию, на шее беспокойно ворочался и временами выпускал коготки проклятый шредингеров Кот. Я посмотрел разок на Геннадия — и отвернулся. Тот еще видок. Что там Завулон говорил про человеческих детей, играющих в вампиров? Им надо показывать, как по-настоящему выглядит вампир. Источенные язвами щеки; землисто-серая кожа; мутные и пустые белесые глаза, похожие на сваренные вкрутую яйца, с которых содрали скорлупу.

Мы прошли мимо стойки, свернули куда-то в служебный коридор сквозь закрытую в реальном мире дверь. Зашли в небольшую комнату, то ли скудно меблированную бытовку, то ли склад для

отслужившей свое, но еще не списанной рухляди: кресла со свернутыми спинками и сломанными ножками, стеллажи с какими-то пыльными коробками и банками, рулоны ковролина мрачной окраски.

Эдгар дернул меня за плечо, вытягивая в реальный мир. Я чихнул. Точно, временный склад для хлама. Поморгал, привыкая к тусклому освещению — окна глухо закрывали жалюзи. И усмехнулся. Ну что ж, пока можно смело записывать себе еще одно очко.

В кресле, сохранившемся лучше всего, сидела красивая черноволосая женщина. Простецкая повседневная одежда — брюки и блузка — на ней казалась совершенно неуместной. Тут либо длинное платье, подчеркивающее женственность, либо что-то воздушное, белое, полупрозрачное, либо совсем ничего.

Хотя… она была способна украсить собой любую одежду. Хоть костюм бомжа.

Я ею снова залюбовался. Как в первый раз, когда наши пути пересеклись.

— Здравствуй, Арина, — сказал я.

— Здравствуй, чароплет. — Она протянула руку, и я прикоснулся губами к ладони.

Хоть и видел ее в сумеречном воплощении.

Хоть и знал, что это роскошное, дышащее жизнью и здоровьем тело существует лишь в человеческом мире.

— Ты не удивился, — сказала Арина.

— Ничуть. — Я покачал головой.

— Он знал, — подал голос Эдгар. И по его интонации я вдруг понял, что он в троице не самый главный. Может быть, он всю кашу и заварил. И боевой магией «Последний Дозор» снабдил именно он. Но Эдгар не главный.

— Светлана догадалась? — предположила Арина.

— Вместе так решили, — сказал я. — Кстати, ты ведь теперь Светлая? Извини, глянуть ауру не рискну… у меня тут Котик на плечах дремлет…

— Светлая, — сказала Арина спокойно. — Это тоже для тебя не новость, что Великие могут менять цвет?

— Мерлин же сменил, — отмахнулся я. — У меня вопрос к тебе, ведьма… или как тебя нынче? Целительница?

Арина молчала.

— Ты давала обещание моей жене. Клятву. Что сто лет…

— Не причиню вреда никому, ни Иному, ни человеку, кроме разве что самозащиты, — про-

должила Арина.

— Неужели смена цвета избавила тебя от клятвы?

— Так я никого и не убивала, Антон. Что Эдгара с Геннадием снаряжала — так это другое дело. Это клятвой не возбранялось.

— Пожалела тебя Светлана, — сказал я. — Пожалела.

— Может, и не зря пожалела, Антон? — Арина улыбнулась. — Вот… Светлой я стала. Жене твоей и дочке не вредила, нет разве?

— А как насчет ядерного заряда, который Эдгар грозится взорвать у нашего дома? Через сколько часов? — Я посмотрел на бывшего Инквизитора.

Эдгар поднял руку. Посмотрел на часы. И сказал:

— Видишь ли, в чем дело, Антон… Для того чтобы быть по-настоящему заинтересованным в успехе нашего дела, ты должен испытывать в этом личную потребность.

Он еще не закончил — у меня тяжело застучало в висках, а в глазах будто туман повис.

— Взрыв произошел пять минут назад, — сказал Эдгар хладнокровно. — Клятву я не нарушил, время было назначено еще вчера… И не бесись, пожалуйста. Если Кот Шредингера тебя прикон-

чит — ты жене и дочке не поможешь.

Я и не собирался применять магию.

У мертвых всегда возникают проблемы с местью. Даже у мертвых Иных. Зачем они мне.

Я ударил Эдгара ногой. Может быть, и не так красиво, как Ольга, вышибающая замок в двери Саушкина. Но, похоже, сильнее.

Эдгар отлетел к стене, ударился о нее затылком, медленно сполз вниз, царапая руками пах.

А на мне повис Геннадий. С нечеловеческой силой обхватил поперек груди, другой рукой запрокинул голову, оскалил зубы…

— Гена! — Арина сказала лишь одно слово, но клыки у вампира тут же втянулись. — Эдгар сам напросился. Антон, успокойся. Наш серый друг ошибся.

Эдгар стонал, катаясь по полу и держась за пах. Это я хорошо попал.

— Никакого взрыва не было, — продолжала Арина. Встала, подошла к нам. Заглянула мне в лицо. — Эй, Антон! Успокойся. Взрыва не было!

Я посмотрел ей в глаза. И кивнул.

Она говорила правду.

— Как… не было… — простонал из угла Эдгар.

— Я же тебе говорила, что мне не нравится эта идея, — сказала Арина. — Даже если бы я Темной

оставалась — не нравилась бы! Взрыва не было. Преступники, похитившие тактический ядерный заряд, раскаялись и вернули его властям. Сейчас их всех допрашивают, — она вздохнула, — и, боюсь, не очень-то гуманно. Взрыва не было и не будет.

— Арина! — Эдгар даже стонать перестал. — Зачем? Ну пусть бы подержали… для гарантии…

— Я теперь так не могу, — мило улыбнувшись, объяснила Арина. — К сожалению — не могу. Я сразу тебе говорила — массовые акции по уничтожению людей стану пресекать.

— Зачем же тогда… позволила все это вообще затеять… — Эдгар с трудом выпрямился. Посмотрел на меня ненавидящим взглядом. — Козел! Ты мне все… все отбил!

— А тебе на ближайшие семьдесят семь раз оно и не нужно, — с удовольствием ответил я. — Не заметил заклинания, которое в тебя Афанди кинул?

Арина засмеялась:

— Вот оно что! Старый шутник Афанди… Да, ближайшие семьдесят пять раз, Эдгар, будешь приставать к кому-нибудь другому.

— Зачем позволила? — с болью в голосе переспросил Эдгар.

— Чтобы ты убедительно говорил! Антон и с Котом на шее мог бы ложь раскусить. Саушкин, прошу вас, отпустите нашего гостя. Он больше не будет драться. Мальчишки вечно выясняют свои отношения самыми примитивными методами…

Геннадий неохотно отошел от меня и сел прямо на пол, сложив ноги по-турецки. Я поискал взглядом кресло получше, уселся, демонстративно не спрашивая разрешения. Арина тоже вернулась в кресло. Эдгар, обнаруживший, что он единственный из всех стоит, да еще и хватается за причинное место, тоже сел.

— Итак, все успокоились, и можно спокойно поговорить, — голосом любезной хозяйки литературного салона, на глазах у которой только что один поэт драл кудри другому, сказала Арина. — Мир, мир и мир! Антон, давай-ка я тебе объясню… ты же понимаешь, врать мне куда сложнее, чем Гене или Эдгару. Мы не хотим никаких ужасов. Мы не собираемся уничтожать мир. Мы не собираемся уничтожать людей. Мы всего лишь возвращаем к жизни наших ушедших.

— Арина, тебя-то на чем подцепили? — сказал я. — Любимый? Ребенок?

В глазах Арины вдруг явственно мелькнула грусть.

— Любимый… был у меня любимый, чароплет. Был да сплыл. Даже своего, человеческого века не прожил, погиб… И дочка была. Раньше, еще до него. Тоже умерла. Четыре годика… от мора. Не было меня с ней рядом, не успела спасти. И Венец их не вернет, люди они были. Если и ушли куда — нам нет туда дороги, им обратно нет возврата.

— Так зачем же ты… — Неоконченный вопрос повис в воздухе.

Геннадий тихо и хрипло засмеялся:

— Она у нас идейная! Она же теперь Светлая, как ты. Убивает только из высоких соображений…

— Цыц, кровосос! — Арина сверкнула глазами. И тут же ровным голосом подтвердила: — Он правду говорит, Антон. Я ведь Светлой стала осознанно. По велению разума, а не души, можно так сказать. Надоели мне Темные. Никогда от них ничего хорошего не видела. В Инквизицию думала податься, да слишком много на мне висело. Да и не люблю я их, ханжей самодовольных… извини, Эдгар, к тебе, конечно, уже не относится. Я ведь тогда и впрямь в Сибирь уехала. Жила в Томске, хороший город, тихий. К Свету располагает. Работала по старинке, колдуньей. Объявление в газету дала, когда из Дозора проверять приходили

— шарлатанкой притворялась, мне-то нетрудно рядового дозорного вокруг пальца обвести. А потом на том себя поймала, что делаю только добрые дела. Мужей женам возвращаю — только если любовь еще жива, если и впрямь вижу, что от того всем лучше будет. Болезни лечу. Пропавших ищу. Молодость возвращаю… чуть-чуть. Тут ведь главное капельку магии приложить, а остальное — веру в себя вселить, заставить здоровый образ жизни вести. И ни одного сглаза, ни одного приворота к нелюбимой… Я и решила, что хватит мне в темные-то игры играть. А для того, чтобы Иному цвет сменить, знаешь, что требуется?

Я покачал головой.

— Требуется что-то огромное, важное придумать. Не просто так — делал целый год добрые дела, стал Светлым, творил зло — стал Темным. Нет. Что-то такое нужно, чтобы все в тебе перевернуло. Чтобы оно все предыдущее, что ты в жизни сотворил, обеляло… или, напротив, перечеркивало.

— Мерлин попался на избиении младенцев? — спросил я.

— Думаю, что да, — кивнула Арина. — На чем же еще? Уж очень ему хотелось царство справед-

ливости и благородства на земле создать, затем и Артура пестовал. Как можно церемониться ради великой-то цели? А тут в линиях вероятности младенец, что вырастет и разрушит все королевство… Не жила я тогда, знать, что Мерлин думал и чего хотел, не могла. Но в тот миг, когда Мерлин решился ради своей мечты погубить невинных, умер Великий Светлый маг, а родился Великий Темный.

Опять Уроборос. Жизнь в смерти и смерть в жизни…

Действительно ли все так просто у Арины? Надоело быть Темной, потянуло на добрые дела — вот и Светлая. Перевоспиталась, будто старуха Шапокляк, да и стала на другую сторону…

Или тут еще в чем-то дело? В тех долгих и сложных отношениях, что связывали ее с Гесером? В их совместных интригах, когда Светлый маг и Темная ведьма шли к одной и той же цели? Склонил ли ее Гесер к Свету, или Арина поняла, что между ее Тьмой и Светом Гесера не такая уж и большая разница?

Не знаю. И тут уж она не ответит. Как не ответит и на вопрос, знали ли Гесер и Завулон ее планы загодя, ведя свою игру, позволяя «Последнему Дозору» тянуться к наследию Мерлина.

— А как с Эдгаром сошлась? Не секрет?

Эдгар молчал. Что-то шептал… видимо — залечивал по мере возможности травму.

— Какой уж теперь секрет. — Арина посмотрела на своего соратника и, похоже, любовника. — Он меня все-таки выследил. Дело принципа это для него стало. Выследить-то выследил, только к тому моменту ему уже не выслужиться хотелось. Жена у него погибла, он узнал про последний артефакт Мерлина и хотел его добыть. А для этого самый простой путь — стать Высшим, и не просто Высшим — *нулевым*, как Мерлин. Эдгар думал, я сумею «Фуаран» восстановить. Тут он меня немного переоценил. Но вот рассказ про Венец Всего мне понравился. Тогда мы с ним союз и заключили.

Я кивнул. Да, похоже, так оно и было. Эдгар, уже одержимый идеей добраться до артефакта, нашел Арину. Вместе они кооптировали в свой «Последний Дозор» жаждущего мести Саушкина. И начали работать. Имеющий доступ к самому обширному хранилищу магических амулетов Инквизитор; очень умная ведьма, ставшая Светлой; сходящий с ума от тоски по сыну и жене Высший вампир…

Грустная у них вышла компания.

И страшная.

— Не боишься, что Венец станет твоей ошибкой, Арина? Как Мордред стал ошибкой Мерлина?

— Боюсь, — сказала она. — Есть такое… Ну так что, ошиблись мы или нет, тебя в полон беря? Придумал, как добыть Венец Всего?

— Да, — сказал я. — Про седьмой слой — это Мерлин запутывал. Живому, не будучи *нулевым*, в царство мертвых не войти.

— Ушедших, — без всякой злобы поправил Геннадий. — Ушедших, а не мертвых.

Почему это его так задевает? Потому что и он — не жив?

— Тоже думаю, что не войти, — кивнула Арина. — Был бы «Фуаран» — сумела бы подтянуть Эдгара до *нулевого*. А без книги трудно. Что-то вспомнила, что-то заново смогла написать, кое-как до Высшего подтянула. Видно, не хватает мне искусства с самой Фуаран тягаться… И что ты удумал?

— Венец Всего — на пятом слое, — сказал я. — Вы могли его взять еще две недели назад!

Арина прищурилась, глядя на меня. А я стал рассказывать все то, что плел Эдгару и Геннадию в самолете. Про шаг назад. Про главу и хвост. Про голема.

— Врешь ведь небось, — задумчиво сказала Арина. — Складно так… Но как-то просто для самого Мерлина. А? Что скажешь?

— Тоже думаю, что врет, — неожиданно поддержал ее Геннадий, в самолете никак не проявлявший недоверия. — Дочку надо было брать…

— Гена, пусть тебе в страшном сне не привидится — эту девочку тронуть, — негромко сказала Арина. — Ясно?

— Ясно, — тут же присмирел Геннадий.

— Ну так что, чароплет? Правду ты говоришь или врешь? — Арина смотрела мне в глаза. — А?

— Правду? — Я подался вперед. Меня сейчас могла спасти только ярость… и искренность, конечно. — Я тебе что, Мерлин? Откуда мне правду знать? Мне повесили на шею эту тварь, угрожали взорвать пол-Москвы вместе с женой и дочкой, а потом велели ответить, как достать артефакт! Откуда я знаю, прав я или нет? Я думал. Мне кажется, что это может быть правильным ответом! Но гарантий тебе никто никаких не даст, и я в том числе!

— Что ж вы от меня хотите, душегубы вы мои родненькие… может, мне вам еще «Мурку» сыграть? — неожиданно произнес Эдгар.

Я не сразу понял, что он пошутил. Редко это у

него случалось.

— И все-таки в этой версии что-то есть, — добавил Эдгар, неприязненно глядя на меня. — Похоже на правду.

Арина вздохнула. Развела руками. Сказала:

— Что ж, ничего не остается, кроме как проверить. Поехали.

— Стоп, — сказал я. — Эдгар обещал, что Кота с меня снимут.

— Раз обещал — сними, — после короткого размышления велела Арина. — А ты учти, Антон, ты нынче сильный, но нас трое, и мы не слабее. Даже не вздумай выкидывать фокусы.

Глава 6

За рулем был Геннадий. Видимо, Эдгар и Арина считали, что они лучше сумеют меня сдержать, если я попытаюсь убежать или напасть. Я сидел на заднем сиденье, Эдгар по левую руку от меня, Арина — по правую.

Убежать или напасть я не пытался, у них было в запасе слишком много козырей. Кота с моей шеи действительно сняли, кожа под пушистой лентой оказалась исцарапанной и зудела.

— Венец охраняют гораздо серьезнее, — заме-

тил я. — Не боишься побоища, Арина? Совесть выдержит?

— Мы обойдемся малой кровью, — уверенно ответила Арина. — Насколько это возможно.

Я очень сомневался, что это возможно, но спорить не стал. Молча смотрел на пригороды, по которым мы проезжали, будто надеялся увидеть Лермонта или его чернокожего помощника, хотя бы взглядом, жестом предупредить их…

Попытаюсь уйти — скорее всего меня перехватят… Надо ждать.

День только начинал клониться к вечеру, начиналось самое туристическое время, но Эдинбург сегодня казался совсем другим, чем две недели назад. Люди на улицах какие-то притихшие, невеселые, небо подернуто дымкой, и кружат над городом встревоженные чем-то птицы.

Что ж, все в мире ощущает приближение катаклизма. Даже люди и птицы…

В кармане у меня звякнул телефон. Эдгар вздрогнул, напрягся. Я вопросительно посмотрел на Арину.

— Ответь, но будь благоразумен, — сказала она.

Я посмотрел на трубку. Светлана.

— Да.

Связь, как назло, была прекрасная. И не заподозришь, что нас разделяют тысячи километров.

— Ты еще на работе, Антон?

— Да, — сказал я. — В машине еду.

Арина внимательно смотрела на меня. Она наверняка слышит каждое слово, произнесенное Светланой.

— Я специально не звонила. Мне сказали, что было какое-то происшествие… какие-то террористы, накачанные магией… ты из-за этого задерживаешься?

Слабый огонек надежды затеплился у меня в груди. Я еще не задерживался! Светлана не могла ждать меня с работы так рано.

— Из-за этого, конечно, — сказал я.

Ну догадайся же! Примени магию! Ты можешь узнать, где я сейчас нахожусь. Поднять тревогу. Предупредить Гесера, тот свяжется с Лермонтом. Если Ночной Дозор Эдинбурга будет ждать нападения — «Последнему Дозору» придет конец.

— Ты все-таки слишком долго не застревай, — попросила Светлана. — У тебя что, подчиненных мало? Не взваливай все на себя. Ладно?

— Обязательно, — сказал я.

— Ты с Семеном? — небрежно спросила Светлана.

Я не успел ответить — Арина покачала головой. Ну да, если Светлана что-то подозревает, то после утвердительного ответа она может перезвонить Семену.

— Нет, — сказал я. — Один. У меня тут особое задание.

— Хочешь помогу? Что-то я засиделась дома. — Светлана засмеялась.

Арина напряглась.

— Да брось, тут сущая ерунда, — сказал я. — Инспекционная поездка.

— Ну смотри, — сказала Светлана с легким огорчением. — Позвони, если будешь задерживаться совсем. Ой, там Надя что-то куролесит, пока…

Она прервала связь. А я стал прятать трубку в карман. И, глядя прямо в лицо расслабившейся Арине, трижды нажал кнопки на телефоне. Входящие звонки — звонок по последнему номеру — отбой.

Все. Оставить телефон включенным я не рискнул, Арина способна услышать гудки вызова, доносящиеся из моего кармана. Прошел звонок, успела ли отработать международная телефонная сеть, если вызов был сброшен? Не знаю. Остается надеяться только на жадность операторов сотовой связи, для которых куда выгоднее пропустить

звонок и снять лишние деньги со счета.

Ну и на то, конечно, что когда телефон у Светланы звякнет и отключится, она не станет перезванивать, а использует магию. Арина и Эдгар — куда старше и мудрее меня. Но зато и мобильный телефон для них навсегда останется переносным вариантом громоздкого агрегата, в который требовалось громко кричать: «Барышня! Барышня! Смольный дайте!»

— Она что-то заподозрила, — сказал Эдгар. — Зря ты с бомбой… пусть бы и не взрывалась, но у нас был бы козырь!

— Ничего, — сказала Арина. — Даже если заподозрила… у них уже нет времени. Антон, дай-ка мне трубочку.

Во взгляде у нее появилось подозрение. Я молча отдал телефон, демонстративно достав его кончиками пальцев и не касаясь клавиатуры.

Арина глянула на аппарат, убедилась, что он в режиме ожидания. Пожала плечами и выключила его.

— Обойдемся без звонков, ладно? Если надо позвонить, попросишь у меня трубочку.

— Не разорю? — вежливо поинтересовался я.

— Не разоришь. — Арина действительно достала свой телефон. Набрала номер — не из

телефонной книжки, а вводя каждую цифру отдельно, по старинке. Поднесла трубку к уху, дождалась ответа. И негромко сказала: — Пора. Действуй.

— Сообщники еще не кончились? — спросил я.

— Это не сообщники, Антон. Это наемные работники. Люди могут быть вполне эффективными союзниками, если снабдить их небольшим количеством амулетов. Особенно таких, какие есть у Эдгара.

Я посмотрел на королевский замок, царящий над городом, венчающий останки древнего, потухшего навсегда вулкана. Надо же, второй раз попадаю в Эдинбург, а нет времени посмотреть его главную достопримечательность…

— И что вы приготовили на этот раз? — спросил я.

Какая-то мысль мелькала на грани сознания, царапалась, будто шредингеров Кот. Что-то очень важное…

— Как ни смешно, но приготовил я еще один артефакт Мерлина, — сказал Эдгар. Он уже оправился от моего неджентльменского удара. — Так называемый Сон Мерлина.

— Ну да, да, он был несколько однообразен в названиях, — кивнул я. — Сон?

— Просто сон. — Эдгар развел руками. — Арина очень переживала из-за избытка жертв в прошлый раз. Сейчас все пройдет… культурно.

— А вот и первый огонек культуры, — сказал я, глядя на дымящееся впереди такси. Водитель, очевидно, уснул в момент поворота, автомобиль въехал на тротуар и врезался в старинное здание. Самым ужасным был не дым из-под капота и не застывшие тела в машине. Тротуары были усеяны неподвижными телами горожан и туристов — и молодую девушку, видимо начавшую падать, отбросило решеткой радиатора к стене, а потом и прижало старомодной черной коробкой такси. Она, наверное, умирала. Можно было порадоваться лишь тому, что умирала она во сне.

Это не был гуманный Морфей, которому обучают в Ночном Дозоре, дающий людям несколько секунд перед беспамятством. Сон Мерлина подействовал мгновенно. Локализация его была удивительно ровной, я видел границу, где кончилось действие артефакта. Двое взрослых, идущих впереди, упали, погруженные в сон. А отставший на несколько шагов мальчик лет семи-восьми не уснул и теперь с плачем тормошил неподвижных родителей. Помощи ему не предвиделось — не попавшие в зону сна люди разбегались с завидным

проворством. Их можно было понять, со стороны все это выглядело действием какого-то крайне ядовитого газа. И все-таки вид этого ревущего малыша, позади разбегающейся толпы пытающегося поднять спящих родителей, был почти так же трагичен, как вид убитой при столкновении девушки.

Эдгар остановившимся взглядом проводил дымящееся такси, мимо которого мы проехали. Пожалуй, это был хороший момент для бегства… если я все-таки собираюсь бежать.

— Что-то напоминает? — спросил я.

— Случайные жертвы неизбежны, — хрипло сказал Эдгар. У него сел голос. — Я знал, на что иду.

— Жаль, они не знали, — сказал я. И посмотрел на Эдгара сквозь сумрак.

Плохо, очень плохо. Он весь был увешан амулетами, на него были наведены десятки чар, на кончиках его пальцев дрожали готовые сорваться заклинания. Он весь сиял от ждущей применения Силы. И точно так же выглядели Арина и Геннадий. Даже вампир не пренебрег магическими побрякушками.

Силой я не справлюсь.

В полной тишине, вдоль усыпанных телами

тротуаров и неподвижных машин (я насчитал три горящих), мы подъехали к «Подземельям». Вылезли из машины.

Через овраг, на Принцесс-стрит, тоже все замерло, но откуда-то уже доносился вой сирен. Люди всегда преодолевают панику. Даже если не знают, с чем столкнулись.

— Идем. — Эдгар легонько подтолкнул меня в спину.

Мы стали спускаться вниз. Я на мгновение обернулся, глядя на каменную корону замка над крышами домов.

Ну да. Разумеется. Надо было лишь подумать и сложить все воедино. Мерлин был на удивление великодушен, сочиняя свои вирши…

— Что ты копаешься! — прикрикнул Эдгар. Он весь был на нервах — и немудрено. Он ждал встречи с той, которую любил.

Мы прошли мимо неподвижных тел. Тут были и люди, и Иные, Сон Мерлина не делал между ними различия. Я заметил нескольких спящих Инквизиторов, за бутафорскими стенами все просто сияло от аур. Они ждали, и засада была подготовлена на славу.

Вот только всей силы примененного артефакта никто не знал.

— А про барьер на третьем слое не забыли? — спросил я.

— Нет, — ответила Арина.

Я заметил, что по пути то Эдгар, то Арина оставляли на полу и стенах «Подземелий» заряженные магией предметы, с виду совершенно невинные: клочки бумаги, пластинки жевательной резинки, обрывки бечевки. В одном месте Эдгар быстро начертил на стене несколько странных символов красным мелком — мелок рассыпался пылью, едва он вывел последний знак. В другом Арина, улыбаясь, рассыпала по полу коробок спичек. «Последний Дозор» явно опасался погони.

Наконец мы вошли в зал с гильотиной, почему-то выбранный «Последним Дозором» как точка входа в сумрак. Наверное, именно тут было средоточие Силы, центр воронки.

И тут, помимо двух спящих магов первого уровня, нашелся один бодрствующий человек.

Молодой, плотный, невысокий, в очках на интеллигентном лице, в джинсах и пестрой рубахе, он выглядел очень мирно. В углу комнаты я заметил спящую девочку лет десяти с заботливо подложенной под голову сумкой. Они что, решили открыть проход кровью ребенка?

— Дочка уснула, — развеял мою ошибку чело-

век. — Крайне интересное устройство, должен признать… — Он достал из кармана маленькую сферу из переплетенных решеткой грубых металлических полосок. — Рычажок сдвинулся и обратно уже не возвращается.

— Так и должно быть, — сказал Эдгар. — Обратно он вернется через семьдесят с лишним лет. Так что для тебя устройство бесполезно, оставишь тут. Держи!

Он бросил мужчине пачку денег. Тот поймал ее на лету, небрежно провел пальцем по срезу купюр. Я заметил, что левую руку он держит за спиной. Ой-ей-ей…

— Все правильно. — Мужчина кивнул. — Но меня несколько смущают масштабы происходящего… и те устройства, которые вы используете. Мне кажется, сделка была совершена на заведомо неравных условиях.

— Я же говорил, что будет так, — сказал Эдгар Арине. Вновь обернулся к мужчине: — Чего ты хочешь? Еще денег?

Мужчина покачал головой.

— Бери деньги, дочку и уходи, — сказала Арина. — Мой тебе совет.

Мужчина облизнул губы. Потом расстегнул рубашку.

Оказывается, он вовсе не был толстым. Его торс был закован в какой-то корсет вроде ортопедического. Вот только из ортопедических корсетов не торчат провода.

— Килограмм пластита. Выключатель по принципу «мертвой руки», — сказал мужчина, поднимая левую руку. — Я заберу эту сферу, все те странные побрякушки, что нашел на этих ребятках, — он пнул одного из лежащих Иных, — и все то, что у вас в карманах. Понятно?

— Чего ж тут не понять, — сказал Эдгар. — Я сразу говорил, что так все и будет. Я тебя правильно выбрал.

Я вдруг заметил, что Геннадия среди нас уже нет.

— И это избавляет от ряда проблем морального свойства, — сказал Эдгар, отворачиваясь.

Пояс со взрывчаткой вдруг разлетелся на клочки. Это был не взрыв, а словно бы взмах когтистой невидимой руки, двигающейся с неестественной скоростью… к примеру — из сумрака. Мужчина растерянно разжал левую ладонь — из нее вывалился маленький выключатель с нелепым хвостиком оборванного провода. Не врал…

В следующий миг мужчина закричал, и я тоже предпочел отвернуться.

— Редкой мерзости тип, — сказал Эдгар. — Он ведь всерьез угрожал, хотя девочка — его родная дочь. Но зато мы получили необходимую нам кровь без убийства невиновных, которые так огорчают Арину.

— Ты ничуть не лучше его, — ответил я.

— Я и не претендую. — Эдгар пожал плечами. — Пошли. Нам не впервой ходить вместе в сумрак, верно?

Он даже взял меня за руку. Я не протестовал. Нашел на полу свою тень — и шагнул в нее. Сквозь удар ледяного ветра, в вымороженное, жаждущее пространство сумрака…

Первый слой.

Не задерживаясь — дальше. Второй слой. Пространство вокруг бурлило — то ли взбудораженное живой кровью, то ли от пробитого здесь когда-то Мерлином мироздания.

Эдгар и Арина по-прежнему были рядом. Собранные, напряженные. А через миг появился и Геннадий, облизывающий окровавленные губы. На втором слое я его едва узнал — такой чудовищной злобой и безумием было обезображено лицо Саушкина-старшего.

Третий слой. Тут еще бушевали отголоски водоворота Силы, недавно преграждавшего путь

вниз. Эдгар начал озираться и произнес:

— Кто-то идет за нами… знак сработал.

— Удачно? — Изо рта Арины вырвалось облачко пара.

— Не знаю. Идем ниже!

Четвертый слой встретил нас розовым небом и цветным песком. Я вырвал руку из хватки Эдгара и сказал:

— Мы договаривались! Драться с големом я не полезу!

— Тебя никто и не заставляет. — Эдгар осклабился. — Не бойся, постоишь в сторонке. Вперед!

Именно здесь я собирался устроить спор. Потянуть время, убежать, а то и, если удастся, остаться, отправив «Последний Дозор» на бессмысленную схватку с монстром.

Но меня будто толкало что-то. Словно та же мания, что обуревала Арину, Эдгара и Геннадия, овладела и мной. Я должен был спуститься на пятый слой… должен!

Хотя бы усыпляя их бдительность…

— Хорошо, но голову из-за вас я класть не собираюсь! — выкрикнул я и под бдительным взглядом Эдгара шагнул на пятый слой.

Они возникли рядом почти мгновенно. Да, накачались изрядно. Только Геннадий чуть поот-

стал, видимо, прошел со второй попытки.

А здесь все-таки было куда приятнее верхних уровней сумрака! Прохладно, стыло, но уже без высасывающего жизнь ледяного ветра. Опять же — краски почти натуральные…

Я огляделся в поисках голема. И обнаружил его метрах в двухстах — из высокой травы торчали две змеиные головы, поворачивающиеся, будто перископы подводных лодок. Вот голем обнаружил нас. Головы вздрогнули, вытянулись выше. Раздалось шипение, очень напоминающее змеиное, если бы оно не доносилось с такого расстояния…

Через мгновение змея уже скользила в нашу сторону, ухитряясь при этом держать над травой обе свои головы.

— Глава и хвост, — задумчиво сказала Арина. — Не знаю, не знаю… Эдгар, выпускай Конга.

Что она имела в виду, я понял, когда Эдгар достал из кармана маленькую нефритовую статуэтку — длиннорукая обезьяна с короткими острыми рожками, торчащими из головы. Инквизитор подышал на фигурку, потом осторожно открутил ей голову — внутри фигурка оказалась полой — и бережно опустил открытый флакон в траву. Когда сосуд стал испускать зеленый дым,

оборачивающийся чудовищем, мы едва успели отпрянуть.

На Кинг-Конга дэв, охотившийся в Самарканде за Алишером, ничуть не походил. В общем-то и ростом для этого не вышел, от силы метра три в холке. Но оскаленная пасть, мускулистые лапы с острыми когтями, жесткая шерсть темно-зеленого цвета и горящие тупой злобой оранжевые глаза впечатляли куда больше, чем сентиментальная громадина из фильмов.

А еще Кинг-Конг, наверное, не вонял так отвратительно и резко. Как может вонять голем, состоящий не из плоти и даже не из глины, а из концентрированной Силы, до времени загнанной в магический сосуд? Не знаю. Возможно, это было случайным побочным эффектом, а возможно — шуткой создателя дэва.

— Иди и убей это! — крикнул Эдгар, указывая на змею. Конг взревел и огромными прыжками понесся навстречу змее. Та, ничуть не испуганная его приближением, а словно бы даже оживившаяся при виде достойного соперника, заскользила навстречу. Земля содрогалась под ногами, громовой рев обезьяны и оглушительное шипение змеи сливались в единый грохочущий звук.

Пора! Пока они зачарованы ожиданием схват-

ки.

Я обернулся — и застыл. За моей спиной стоял невысокий бородатый старик в белых одеждах. Он то казался совершенно реальным, можно было пересчитать каждый волосок в седой бороде, всмотреться в усталое, изборожденное морщинами лицо; то становился расплывчатой бледной тенью, сквозь которую просвечивала трава и небо.

Старик медленно указал рукой себе под ноги. Повторил жест.

Он хочет, чтобы я погрузился на шестой слой?

Я ткнул рукой вниз. Старик кивнул, на его лице отразилось облегчение.

И начал истаивать в воздухе.

Колебаться не было времени. В любой миг кто-то из «Последнего Дозора» мог обернуться и понять, что я готовлюсь к бегству.

Сила во мне! Я смогу погрузиться на шестой слой.

Моя тень во мне! Я вижу ее всегда.

Я должен это сделать! Значит, я это сделаю.

Меня хлестнуло ледяным ветром.

Уже шагая сквозь барьер, я услышал голос Арины:

— За нами действи…

Голос затих, скрылся за гранью, отделяющей шестой слой. За гранью, хранящей мир ушедших Иных.

— Спасибо, что пришел, — сказал старик. И улыбнулся.

Прежде чем ответить, я осмотрелся.

День. Солнце и белые пушинки облаков в синем небе. Зеленая трава на поляне. Щебет птиц в ветвях.

Седой древний старик передо мной. Его одежды, похоже, никогда не были белыми — грубая сероватая дерюга казалась белоснежной лишь на первый взгляд. А еще он был босой… вот только в этом не было никакой пасторальной умилительности, никакой близости к природе. Просто босой человек, не считающий нужным тратить время на изготовление обуви.

— Приветствую тебя, Великий, — сказал я, склоняя голову. — Это честь для меня… увидеть Великого Мерлина.

Старик с любопытством смотрел мне в лицо. Так, будто видел не в первый раз, но лишь сейчас получил возможность рассмотреть как следует.

— Честь? Хорошо ли ты знаешь мою жизнь, Светлый?

— Кое-что. — Я пожал плечами. — Про корабль

с детишками — знаю.

— И все равно «честь»?

— Мне кажется, ты уже за многое расплатился. К тому же для миллионов людей ты — мудрый защитник добра и справедливости. Это тоже кое-чего стоит.

— Их было всего-то девять… — пробормотал Мерлин. — Легенды… они всегда преувеличивают. И плохое, и хорошее…

— Но они были.

— Были, — согласился Мерлин. — Почему ты думаешь, что я расплатился? Разве тебе не нравится рай, который ждет Иных после смерти?

Вместо ответа я нагнулся, сорвал травинку. Сунул ее в рот, прикусил. Травяной сок был горьким… вот только немножко недостаточно горьким. Я прищурился и посмотрел на солнце. Солнце сияло в небе, но его свет не ослеплял. Хлопнул в ладоши — звук был самую малость приглушен. Я вдохнул полной грудью — воздух был свеж… и все же в нем чего-то не хватало. Оставалась легкая затхлость, будто в покинутой квартире Саушкина…

— Здесь все чуть-чуть ненастоящее, — сказал я. — Не хватает жизни.

— Молодец. — Мерлин кивнул. — Многие за-

мечают не сразу. Многие живут здесь годами, столетиями… прежде чем понимают, как их обманули.

— Нельзя привыкнуть? — спросил я.

Мерлин улыбнулся:

— Нет. К этому не привыкнешь.

— Помнишь анекдот про фальшивые елочные игрушки, Антон? — спросили из-за спины. Я обернулся.

Тигренок стояла в пяти шагах от меня.

Их было много. Очень много тех, кто стоял и слушал мой разговор с Мерлином. Игорь Теплов и Алиса Донникова — они были рядом, они держали друг друга за руки, но в лицах их не было счастья. Девочка-оборотень Галя спрятала глаза. Мурат из самаркандского Дозора смущенно помахал рукой. Темный, когда-то убитый мной, сброшенный с Останкинской башни, смотрел на меня без злобы и раздражения.

Их было очень много. Деревья мешали увидеть, сколько их тут есть. Но если бы не лес, они бы стояли до самого горизонта. Вперед пустили тех, кого я знал.

— Помню, Тигренок, — сказал я.

Во мне больше не было ни страха, ни злости. Только печаль — тихая и усталая.

— С виду они как настоящие, — сказала Тигренок и улыбнулась. — Только вот радости от них никакой…

— Ты хорошо выглядишь, — пробормотал я, чтобы хоть что-то сказать.

Тигренок задумчиво оглядела свою накидку из тигриной шкуры. Кивнула:

— Я старалась. Ради встречи.

— Привет, Игорь! — сказал я. — Привет, Алиса!

Они кивнули. Потом Алиса сказала:

— А ты молодец. Силен. Только не зазнавайся, Светлый! Тебе ведь помогал сам Мерлин.

Я оглянулся на старика.

— Иногда, — деликатно сказал Мерлин. — Ну… возле этой вашей диковинной башни. И еще когда ты дрался с оборотнем в лесу… И совсем немного…

Я его уже не слушал. Я озирался в поисках того, чьи слова мне были важнее всего.

Костя оттолкнул Иного, за чьей спиной стоял, и вышел мне навстречу. Пожалуй, из всех присутствующих он выглядел и лучше, и одновременно нелепее всех — на нем были обрывки космического скафандра, когда-то белого, а сейчас почерневшего и прожженного в нескольких местах.

— Привет, сосед, — сказал он.

— Привет, Костя, — ответил я. — Я… я давно хотел тебе сказать. Прости.

Он поморщился:

— Да брось ты свои светлые замашки… чего прощать-то… Честно дрались, ты честно победил. Все в порядке. Мне-то надо было сообразить, что ты не от страха Щит ставишь…

— Все равно, — сказал я. — Ты знаешь, ненавижу свою работу. Я стал винтиком… деталью машины, которая не знает пощады!

— А как с нами иначе-то? — Костя вдруг улыбнулся. — Перестань… Ты… это… отца прости. Если сможешь. Он таким не был.

Я кивнул:

— Постараюсь. Попробую.

— Скажи, что мы с мамой его ждем. — Костя помедлил и твердо добавил: — Здесь.

— Я скажу, — отыскивая взглядом Полину, пообещал я.

Костя вдруг сделал шаг вперед, неловко пожал мне руку — и отступил.

И за тот крошечный миг, пока наши ладони соприкасались, я почувствовал, как его холодная рука стала теплой, кожа вспыхнула розовой краской, а в глаза вернулся блеск. Костя стоял,

пошатываясь, и смотрел на свою ладонь.

А мою ладонь жег леденящий холод…

Строй Иных дрогнул. Они медленно, непроизвольно двинулись ко мне. В глазах их была жажда и зависть — у всех, даже у Тигренка, даже у Игоря, даже у Мурата…

— Стоять! — закричал Мерлин. Метнулся, встал между мной и ушедшими Иными, высоко поднимая руки. Я заметил, что он старательно огибает меня, чтобы не коснуться. — Стойте, безумцы! Минуты жизни… это не то, чего мы хотим, не то, чего мы ждали!

Они остановились. Смущенно переглядываясь, отступили. Но в глазах их по-прежнему горел голодный огонь.

— Уходи, Антон, — сказал Мерлин. — Ты все понял, и ты знаешь, что нужно сделать. Иди!

— Мне не пройти, там «Последний Дозор», — сказал я. — Если только твой голем их не остановит…

Мерлин посмотрел куда-то сквозь меня. И вздохнул:

— Голем мертв. Оба голема мертвы. Жаль… я порой выходил на пятый слой поиграть со змеей. Но она тоже тосковала.

— Вы сможете проводить меня? — спросил я.

Мерлин покачал головой:

— Немногие из нас способны выйти даже на пятый слой. Достичь первого могут лишь единицы, и то мы там беспомощны.

— Я же не пройду мимо них, — сказал я. — А напрямую… на седьмой слой тоже не смогу.

Мы улыбнулись друг другу.

— Тебе помогут, — сказал Мерлин. — Только сделай все правильно, прошу тебя.

Я кивнул.

Я не знал, получится ли. Я мог лишь постараться.

А в следующий миг воздух рядом со мной завибрировал, будто что-то, кипящее от избытка Силы, прорывало сумрак. Какие слои… какие расстояния… что это значило перед лицом этой звенящей от осознания себя Силы?

Надюшка шагнула на траву. Взмахнула руками, не удержала равновесия и плюхнулась на попу, глядя на меня.

— Вставай, — сказал я строго. — Сыро.

Надя вскочила, отряхивая вельветовый комбинезончик, и затараторила:

— Меня мама научила в тень ходить! Это раз! А еще там обезьяна со змеей дрались и друг друга победили! Это два! Два дядьки и тетенька смотрят

на змею и ругаются очень плохими словами! Это три! И мама велела, чтобы я тебя немедленно привела ужинать! Это четыре!

Она запнулась, обнаружив вокруг себя целую толпу. Смутилась, опустила глаза и голосом вежливой девочки пробормотала:

— Здравствуйте…

— Здравствуй. — Мерлин присел перед ней. — Ты Надежда?

— Да, — гордо сказала Надя.

— Я рад, что тебя увидел, — сказал Мерлин. — Отведи папу домой. Только не сразу домой, вначале назад, к людям. А потом домой.

— Назад — это вперед? — уточнила Надя.

— Верно.

— Ты похож на волшебника из мультика, — подозрительно сказала Надя. На всякий случай попятилась ко мне и взяла за руку, что явно придало ей уверенности.

— Я и был волшебник, — признался Мерлин.

— Хороший или плохой?

— Разный. — Он грустно улыбнулся. — Иди, Надежда.

Опасливо поглядывая на Мерлина, Надя спросила меня:

— Пошли, пап?

— Пошли, — сказал я.

Обернулся, кивнул Иным, которые молча смотрели на нас. С грустью и ожиданием. Вначале, прощаясь, подняла руку Тигренок. Потом Алиса. И вот уже нам махали вслед все… прощаясь навсегда.

И когда моя дочь, только что инициированная Абсолютная Волшебница, сделала шаг вперед, я шагнул вслед за ней. Держась за ее руку, чтобы не потеряться в бушующем вихре Силы, завершившем свой круг и возвращающемся в наш мир.

Потому что сумрак, конечно же, бесконечен, как бесконечно любое кольцо.

Потому что тепло человеческой любви и холод человеческой ненависти, бег зверей и полет птиц, трепетание крыльев бабочки и рост пробивающего землю зерна не уходят бесследно. Потому что всемирный поток живой Силы, от которого жадно отрывают свои крохи паразиты вроде синего мха и Иных, не исчезает бесследно — а возвращается в ждущий возрождения мир.

Потому что все мы живем на седьмом слое сумрака.

Эпилог

— Как! Здесь! Красиво! — воскликнула Надя.

Я взял ее на руки. Мы стояли на булыжной мостовой Эдинбурга, в окружении сотен и тысяч спящих людей. Сирены выли все ближе и ближе — время Иных кончалось.

— Да, — согласился я. — Тут все настоящее.

— Только все спят, — грустно заметила Надя. — Как в сказке про спящую царевну. Может, их разбудить?

Она может… Она ведь все теперь может — если научить.

— А ты не устала? — спросил я. У меня подкашивались ноги и слегка кружилась голова.

— От чего? — удивилась Надя.

— Чуть попозже, — сказал я. — Чуточку попозже всех разбудим… кого сможем. Папе сейчас надо сделать одно большое дело. Ты мне поможешь?

— Как?

— Просто держи меня за руку, — сказал я. Закрыл глаза. Раскинул руки. Задержал дыхание.

Мне надо ощутить этот город. Камни и стены, которые помнят Мерлина и Артура. Люди могли

забыть, а камни помнят. И древняя крепость, венцом застывшая над городом, помнит и ждет.

Почему мы порой так глупы? Почему ждем, что магия будет спрятана в том, что можно взять в руки, когда она может быть повсюду вокруг?

Конечно же, Великий Мерлин не прятал свое самое главное творение в сумраке, не полагался на силу голема, но он не рассчитывал и на крепость сундуков. Полторы тысячи лет простояла на скале эта древняя крепость, ее обороняли и захватывали, ее рушили и перестраивали, в ней хранили свои сокровища гордые шотландские короли — но там, в основе основ, заложенные Мерлином, испещренные узором рун камни ждали своего часа.

Надо лишь потянуться к ним. Коснуться, почувствовать…

— Светлый! — взревели за спиной. Я обернулся, выходя из транса.

Эдгар и Арина стояли неподвижно, глядя на меня, — и я с удивлением понял, что взгляд их полон страха. А вот Геннадий бежал. Бежал и кричал. Неужели он думает, что сила магии зависит от громкости крика? Геннадий несся огромными прыжками, преображаясь на ходу, все больше и больше утрачивая сходство с человеком. Росли

клыки, кожа мертвела, волосы на голове вылезали седыми свалявшимися космами.

Я поднял руку, собирая Силу для Серого Молебна.

Но в этот момент Надя шагнула вперед и выкрикнула в лицо вампиру:

— Не кричи на папу!

Геннадий зашатался. То, что ударило его, было сильнее ненависти. Но он уже не мог остановиться, он все бежал, будто против урагана. И рухнул к нашим ногам. Надя пискнула и спряталась за меня.

Я присел, заглянул Геннадию в глаза. И сказал:

— Костя и Полина тебя ждут. Они просили тебя прийти. Прямо сейчас. Пока еще есть время.

Безумие на миг покинуло его взгляд. Саушкин посмотрел на меня и спросил:

— Они не могут?

— Они не могут прийти. И никогда бы не смогли. Но я сделаю то, о чем они просили. Иди, пока еще есть время.

— Помоги мне, Антон, — сказал он почти нормальным голосом.

— Надя, отвернись! — велел я.

— Не смотрю, не смотрю! — забормотала дочка, отвернувшись и закрыв для верности глаза

руками.

Я поднял руку — Геннадий как зачарованный следил за моими движениями. И Серый Молебен отправил вампира на шестой слой сумрака.

Поднявшись, я посмотрел на Эдгара и Арину. Они не смотрели на меня и Геннадия, они смотрели только на Надю.

– *Нулевая*, — сказала Арина с восхищением. — Абсолютная Волшебница…

— Пять минут мне будет не до вас, — сказал я, глядя на них. — А потом…

— У нас есть Минойская Сфера, — просительно произнес Эдгар. — Можно?

— Вас станут искать, — сказал я. — И я стану, учтите. Но сейчас у вас есть пять минут. Только потому, что они попросили меня прощать.

— Что ты хочешь сделать? — спросила Арина.

— То, о чем мечтали ушедшие. Дать им смерть. Потому что возрождение невозможно без смерти.

Эдгар прищурился. Открыл сумочку, подвешенную к поясу. Извлек оттуда маленький костяной шарик и протянул Арине. Та молча приняла его.

— Помоги и мне, Светлый, — сказал Эдгар. — Что тебе стоит?

— Ты в защитных чарах, как новогодняя елка в

гирляндах. Как мне тебе помочь?

— Я ему помогу, — внезапно сказала Арина. — А ты не отвлекайся. Делай свое дело.

Что именно она сделала, я не понял. Вроде бы лишь губами шевельнула. Эдгар улыбнулся, на миг его лицо стало красивым и почти молодым. Потом его ноги подогнулись, и он рухнул на мостовую.

— А ты развоплощаться не собираешься, — заметил я. — Какая же ты Светлая?

— Ну так ведь цель-то достигнута, так или иначе, — произнесла Арина. — Ушедшие получат то, к чему стремились!

Я покачал головой. Посмотрел на замок, снова закрыл глаза.

— Телефон твой возвращаю… — сказала Арина. — Мне чужого не надо.

За моей спиной негромко хлопнула Минойская Сфера, открывая Арине портал, который невозможно будет проследить. Ох, странная она была Темная, и странная из нее получилась Светлая…

И я вдруг услышал музыку — слабую, негромкую. Арина включила скрытый в телефоне плеер. Случайно?

Или демонстрируя, что она разбирается в технике куда лучше, чем я думал?

Вышли из нигредо вроде бы как ты да я
И идут по свету, ничего не ведая.
В зеркало плюются, над собой смеются – да,
Вышли из нигредо, ничего не ведая.
Темного накажут, мелом лоб намажут,
Светлого поймают, в саже изваляют,
А куда деваться?
Вроде бы как ты да я вышли из нигредо,
Ничего не ведая.

На руке капризной восемь линий жизни,
Оттого при встрече друг друга калечат,
А куда деваться?
Вроде бы как ты да я вышли из нигредо,
Ничего не ведая.[15]

Что ж, это уже счастье, когда удается выйти из нигредо. Будь ты Темный или Светлый, все равно есть шанс продолжить путь. Только через нигредо, распад и разложение можно двигаться

---

[15] Примечания: 15
Э. Шклярский. *Нигредо*.

дальше. К синтезу. Созиданию нового. К альбедо.

Древние камни на вершине скалы ждали.

Я потянулся к ним. Тут не нужно было заклинаний, слов, ритуалов. Надо было лишь знать, куда тянуться и чего просить.

Мерлин всегда оставлял для себя лазейку. Даже собравшись в рай для Иных, он предполагал, что ворованный рай может оказаться адом.

«Отпусти их, — попросил я, сам не зная кого. — Отпусти их, пожалуйста. Они творили зло, которое было злом, и добро, которое злом оборачивалось. Но ведь всему есть свой срок и свое прощение. Отпусти их…»

Крепость над городом будто вздохнула. Кружащие в небе птицы стали снижаться. Мутная мгла в воздухе стала рассеиваться. Последний луч садящегося солнца упал на город — обещанием вернуться с рассветом.

И я почувствовал, как сжались и вздрогнули все слои мироздания. Увидел — почти наяву, как рушатся каменные идолы на плато демонов в Узбекистане. Как растворяются в сумраке ушедшие туда после развоплощения Иные — с облегчением и робкой надеждой.

Стало легче дышать.

— Папа, уже можно смотреть? — спросила На-

дя. — Если одним глазком?

— Можно, — ответил я. Присел, ноги уже совсем не держали. — Сейчас папа чуть-чуть отдохнет, и мы отправимся домой… ты же меня отведешь короткой дорогой?

— Отведу, — согласилась Надя.

— Нет, знаешь, не надо короткой, — внезапно поправился я. — Не люблю я что-то короткие дороги. Давай на самолете полетим?

— Ура! — завопила Надя. — На самолете! А сюда мы еще вернемся?

Я смотрел на нее и улыбался. Может быть, мне удастся ее научить, что нужно опасаться простых решений и коротких дорог?

— Обязательно, — сказал я. — Ну неужели ты подумала, что это был последний дозор?

Ноябрь 2005 года

Новый Дозор

Моим родителям
Данный текст сомнителен для Дела Света.

Ночной Дозор

Данный текст сомнителен для Дела Тьмы.

Дневной Дозор

Часть первая. Смутные цели
Пролог

Старший сержант Дима Пастухов был хорошим полицаем.

Случалось, конечно, что он воспитывал обнаглевших пьяниц мерами, не предусмотренными уставом, — к примеру, хорошими зуботычинами или пинками. Но только в том случае, когда пьяница всерьез начинал качать права или отказывался следовать в вытрезвитель. Дима не брезговал пятихаткой, вытрясенной у не имеющего регистрации хохла или чурека, — в конце концов, если зарплата полицейского такая нищенская, пусть нарушители платят штраф ему лично. Он ничего не имел против, когда в забегаловках на подотчетной территории ему вместо стаканчика воды наливали рюмочку коньяка, а с сотни давали тысячу рублей сдачи.

В конце концов, служба есть служба. Она и опасна, и трудна. И на первый взгляд как будто не видна. Должно быть материальное поощрение.

Но зато Дима никогда не выбивал денег с проституток и сутенеров. Принципиально. Было что-

то в воспитании, мешающее этим заниматься. Слегка подвыпивших, но сохранивших рассудок граждан Дима зазря в вытрезвитель не тащил. А узнав о реальном преступлении — не раздумывая бросался в погоню за грабителями, честно искал улики, подавал рапорта о мелких кражах (если пострадавшие настаивали, конечно), старался запомнить лица тех, кого «разыскивает полиция». У него были на счету задержанные, включая настоящего убийцу — зарезавшего вначале любовника жены, что простительно; потом жену, что понятно; а потом бросившегося с ножом на соседа, который и сообщил ему о неверности супруги. Возмущенный такой неблагодарностью, сосед заперся в квартире и позвонил в «ноль-два». Приехавший на вызов Пастухов задержал убийцу, бессильно колотящего в железную дверь хилыми, пусть и перемазанными в крови интеллигентскими кулачками, а потом долго боролся с желанием вытащить на лестницу соседа-провокатора и начистить ему физиономию.

Так что Дима считал себя хорошим полицейским — и был не так уж далек от истины. На фоне некоторых коллег он выглядел прилежным, словно милиционер Свистулькин из старой книжки про Незнайку в Солнечном городе.

Единственное пятно в служебной биографии Димы относилось к январю девяносто восьмого года, когда он, совсем еще молодой и зеленый, патрулировал вместе с сержантом Каминским район ВДНХ. Каминский был вроде как наставником молодого милиционера (тогда еще они назывались милиционерами, или попросту «ментами», не было ни модного «полицейского», ни обидного «полицая») и этой своей ролью очень гордился. В основном его советы и назидания сводились к тому, как и где можно легко подзаработать. Вот и в тот вечер, увидев спешащего из метро в переход молодого пьяненького мужика (даже в руке у него была початая чекушка дешевой водки), Каминский радостно присвистнул, и напарники двинулись наперехват. По всему было ясно, что пьяница сейчас расстанется с полтинником, а то и со стольником.

Но что-то не заладилось. Чертовщина какая-то началась. Пьяненький посмотрел на них неожиданно трезвым взглядом (трезвым-то трезвым, только во взгляде было что-то страшноватое, дикое, будто у давно разуверившейся в людях дворовой собаки) и посоветовал напарникам напиться самим.

И они послушались. Пошли к ларькам (послед-

ние годы ельцинского бардака истекали, но водку еще продавали прямо на улице) и, хихикая как ненормальные, купили по бутылочке — такой же, как у пьяницы, подавшего дельный совет. Потом еще по одной. И еще.

Через три часа их, веселых и остроумных, забрал с улицы свой же патруль — и это спасло Пастухова и Каминского. Влетело им не по-детски, но из милиции все-таки не выперли. Каминский с тех пор совсем завязал и божился, что встречный пьяница был гипнотизером или даже экстрасенсом. Пастухов напраслину на мужика не возводил и пустых догадок не строил. Но запомнил его крепко.

Исключительно с той целью, чтобы не попадаться на пути.

То ли дурацкая и позорная пьянка так запомнилась, то ли в Пастухове прорезались неожиданные способности, но через какое-то время он стал замечать и других людей со странными глазами. Для себя Пастухов называл их «волками» и «псами».

У первых во взгляде было спокойное равнодушие хищника — не злобное, нет, волк задирает овцу без злобы, а скорее даже с любовью. Таких Пастухов просто сторонился, стараясь при этом

не привлечь внимания.

У вторых, больше похожих на давнего молодого пьянчужку, был собачий взгляд. Иногда виноватый, иногда терпеливо-заботливый, иногда грустный. Пастухова смущало только одно: собаки так смотрят не на хозяина, а в лучшем случае на хозяйского детеныша. Поэтому Пастухов сторонился и их тоже.

Довольно долго это ему удавалось.

Если дети — цветы жизни, то этот ребенок был цветущим кактусом.

Орать он начал, едва войдя в разошедшиеся двери «Шереметьево D». Красная от злости и стыда мать (очевидно, крик возобновлялся не в первый раз) тащила его за руку — но мальчишка, откинувшись назад, упирался обеими ногами и вопил:

— Не хочу! Не хочу! Не хочу лететь! Мамочка, не надо! Мамочка, не хочу! Мамочка, самолет упадет!

Мать отпустила руку — и мальчишка грохнулся на пол, где и остался сидеть: толстый, зареванный, некрасивый ребенок лет десяти, одетый чуть легче, чем следовало бы по московской июньской погоде, — явно полет предстоял в теплые края.

Метрах в двадцати от них сидящий за столиком кафе мужчина приподнялся, едва не опрокинув недопитую кружку пива. Несколько мгновений смотрел на мальчика и что-то втолковывающую ему мать. Потом сел и негромко сказал:

— Это ужасно. Это просто кошмар.

— Я тоже так считаю, — поддержала его молодая женщина, сидевшая напротив. Отставила чашку кофе и неприязненно посмотрела на мальчишку. — Я бы даже сказала — омерзительно.

— Ну, омерзительного я тут ничего не вижу, — мягко сказал мужчина. — Но что ужасно… это вне всяких сомнений…

— Лично я… — начала девушка, но умолкла, увидев, что мужчина ее не слушает.

Он достал телефон, набрал номер. Негромко сказал:

— Мне требуется первый уровень. Первый или второй. Нет, не шучу. Поищите…

Прервав связь, он посмотрел на девушку и кивнул:

— Извините, срочный звонок… Что вы говорили?

— Лично я — чайлд-фри, — сказала девушка с вызовом.

— Свободны от детей? Бесплодны, что ли?

Девушка замотала головой:

— Распространенное заблуждение! Мы, чайлдфри, против детей, потому что они порабощают. Надо выбирать — либо ты свободная гордая личность, либо социальный придаток к механизму воспроизводства населения!

— А… — кивнул мужчина. — А я было подумал… проблемы со здоровьем. Хотел посоветовать хорошего врача… Ну а секс вы признаете?

Девушка заулыбалась:

— Ну разумеется! Что мы, асексуалы какие-то? Секс, супружеская жизнь — все это хорошо и нормально. Просто… связывать себя с этими орущими, бегающими…

— Гадящими, — подсказал мужчина. — Они ведь еще гадят непрерывно. И сами даже задницу подтереть не могут поначалу.

— Гадящими! — согласилась девушка. — Именно так! Провести лучшие годы за обслуживанием нужд неразвитых человеческих особей… Надеюсь, вы не собираетесь читать мне мораль и убеждать, что я одумаюсь и заведу кучу ребятишек?

— Нет, не собираюсь. Я вам верю. Я абсолютно убежден, что вы доживете жизнь бездетной.

Мимо прошел мальчишка с матерью — то ли

слегка успокоившийся, то ли, что вероятнее, просто смирившийся с тем, что полет состоится. Мать вполголоса выговаривала сыну — доносилось что-то про теплое море, про хороший отель и корриду.

— О Господи! — воскликнула девушка. — Они еще и в Испанию… похоже, мы одним рейсом. Вы представляете, три часа слышать истерические визги этого маленького жирдяя?

— Полагаю, что не три, — сказал мужчина. — Час десять, час пятнадцать…

На лице девушки появилось легкое презрение. Мужчина выглядел вполне успешным, как можно не знать при этом самых банальных вещей…

— До Барселоны самолет летит три часа.

— Три двадцать. Но допустим…

— А вы куда летите? — Девушка стремительно утрачивала к нему интерес.

— Никуда. Я провожал приятеля. Потом присел выпить кружку пива.

Девушка поколебалась.

— Тамара. Меня зовут Тамара.

— Меня зовут Антон.

— У вас ведь наверняка нет детей, Антон? — спросила Тамара, все никак не желая расставаться с любимой темой.

— Ну почему же? Есть. Дочка. Наденька. Ровесница этого… жирдяя.

— То есть позволить супруге остаться здоровой и свободной женщиной вы не захотели? — усмехнулась Тамара. — Кто она у вас?

— Супруга?

— Ну не дочка же…

— По образованию — врач. А так… волшебница.

— Вот что я в вас, мужиках, не люблю, — вставая, произнесла Тамара, — так это пошлые красивости. «Волшебница»! А сами довольны небось, что она у плиты горбатится, пеленки стирает, ночей не спит…

— Доволен. Хотя пеленки сейчас никто не стирает, подгузники давно в ходу.

При слове «подгузник» лицо девушки перекосилось, будто ей предложили съесть пригоршню тараканов. Она подхватила сумку и не прощаясь пошла к стойке регистрации.

Мужчина пожал плечами. Взял телефон, поднес к уху — и тот немедленно зазвонил.

— Городецкий… Совсем? Нет, третий уровень никак. Полный чартер до Барселоны. Можно принять, что это второй… Нет?

Он помолчал. Потом сказал:

— Тогда мне одно седьмое. Нет, вру. У мальчишки дар предвидения второго-первого уровня. Темные упрутся рогом… Одно вмешательство пятого уровня — изменение судьбы одного человека и одного Иного… Хорошо, запишите на меня.

Он встал, оставив недопитый бокал на столе. Пошел к стойке регистрации, где рядом с матерью, замершей с каменным лицом в очереди, нервно переминался с ноги на ногу толстый мальчишка.

Мужчина прошел мимо контроля (почему-то его никто даже не попробовал остановить), приблизился к женщине. Вежливо кашлянул. Поймал ее взгляд. Кивнул.

— Ольга Юрьевна… Вы забыли выключить утюг, когда утром гладили Кеше шортики…

На лице женщины отразилась паника.

— Вы можете улететь вечерним чартером, — продолжал мужчина. — А сейчас вам лучше съездить домой.

Женщина дернула сына за руку — и рванулась к выходу. Мальчик, про которого она, похоже, напрочь забыла, широко раскрытыми глазами смотрел на мужчину.

— Хочешь спросить, кто я и почему твоя мама мне поверила? — спросил мужчина.

Глаза мальчика затуманились — будто посмотрели не то внутрь, не то куда-то далеко-далеко наружу, куда не стоит заглядывать воспитанным детям (впрочем, и невоспитанным взрослым туда смотреть без нужды не стоит).

— Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг, — сказал мальчик. — Вы отец Надьки. Вы… вы нас всех…

— Ну? — с живым интересом спросил мужчина. — Ну, ну?

— Кеша! — завопила внезапно вспомнившая о сыне женщина. Мальчик вздрогнул, туман в его глазах рассеялся. Он сказал:

— Только я не знаю, что все это значит… Спасибо!

— Я вас всех… — задумчиво сказал мужчина, наблюдая, как женщина с ребенком несется вдоль стеклянной стены аэропорта к стоянке такси. — Я вас всех люблю. Я вас всех убью. Я вас всех достал. Я вас всех… Как же я вас всех…

Он развернулся и неторопливо пошел к выходу. На входе в «зеленый коридор» остановился и посмотрел на очередь, выстроившуюся к стойке регистрации на Барселону.

Очередь была большая и шумная. Люди летели отдыхать к морю. В очереди было много детей,

много женщин, много мужчин и даже одна девушка чайлд-фри.

— Спаси вас Бог, — сказал мужчина. — Я не могу.

Дима Пастухов как раз достал зажигалку, чтобы дать прикурить своему напарнику Бисату Искендерову. Своя зажигалка у того была — просто уж так у них повелось. Доставал сигарету Дима — за огоньком лез Бисат. Собирался закурить азербайджанец — зажигалку подносил Дима. Если бы Пастухов был склонен к интеллигентской рефлексии, он мог бы сказать, что таким образом они демонстрируют друг другу взаимное уважение, несмотря на расхождение по очень многим взглядам — начиная от национальных проблем и кончая тем, какая машина круче — «Мерседес-ML» или «БМВ-Х3».

Но Дима к таким размышлениям склонен не был, ездили они с Бисатом на «фордах», немецкое пиво предпочитали русской водке и азербайджанскому коньяку, а относились друг к другу достаточно дружески. Так что Дима нажал на кнопку, извлекая крошечный язычок пламени, мимолетно глянул на выход из аэропорта — и выронил зажигалку, к которой уже тянулась сигарета приятеля.

Из дверей зала отлета выходил «пёс». Нестрашный, интеллигентного вида мужчина средних лет. К таким Пастухов привык, но это был не просто «пёс» — а тот самый… с ВДНХ… из далекого-далекого прошлого… Сейчас он пьяным не выглядел, скорее — немного похмельным.

Пастухов отвернулся и стал медленно нашаривать на земле зажигалку. Мужчина с глазами сторожевого пса прошел мимо, не обратив на него никакого внимания.

— Пил вчера? — сочувственно спросил Бисат.

— Кто? — пробормотал Пастухов. — А… нет, просто зажигалка скользкая…

— У тебя руки трясутся, и ты белый весь стал, — заметил напарник.

Пастухов наконец-то дал ему прикурить, краем глаза проследил, что мужчина уходит к автостоянке, достал сигарету и закурил сам — не дожидаясь Бисата.

— Чёт ты странный… — сказал Бисат.

— Да, выпил вчера, — пробормотал Пастухов. Снова посмотрел на здание аэропорта.

Теперь оттуда выходил «волк». С уверенным хищным взглядом и твердой походкой. Пастухов отвернулся.

— Хаш надо есть поутру, — наставительно

сказал Бисат. — Только правильный хаш, наш. Армянский — отрава!

— Да они у вас одинаковые, — привычно ответил Пастухов.

Бисат презрительно сплюнул и покачал головой:

— Только на вид, да. А по сути — совсем разные!

— По сути они, может, и разные, а на самом деле — одинаковые, — глядя вслед «волку», тоже прошедшему к стоянке, ответил Дима.

Бисат обиделся и замолчал.

Пастухов в несколько затяжек докурил сигарету и снова посмотрел на двери аэропорта.

Первая мысль была злой и даже обиженной: «Они что, тусовку там сегодня устроили?»

А потом пришел страх.

Тот, кто вышел из раздвинувшихся дверей и теперь стоял, задумчиво озираясь, не был «псом», но не был и «волком». Это был кто-то другой. Третий.

Такой, кто ест волков на завтрак, а собак на обед. Оставляя все вкусное на ужин.

«Тигр» — зачем-то классифицировал его Пастухов.

И сказал:

— Живот прихватило… я в сортир.

— Иди, я покурю, — все еще обиженно ответил напарник.

Звать Бисата с собой в туалет было бы странно. Что-то объяснять или придумывать — не было времени. Пастухов повернулся и быстро пошел прочь, оставляя Искендерова на пути «тигра». «Да что он ему… пройдет мимо, и все…» — успокаивал он себя.

Обернулся Пастухов, только входя в зал отлета.

Как раз чтобы увидеть, как Бисат, небрежно козырнув, останавливает «тигра». Напарник, конечно, не различал их, не чувствовал — не было у него в прошлом такого происшествия, как у Пастухова. Но сейчас что-то ощутил даже он — тем полицейским чутьем, которое порой помогает выдернуть из толпы ничем не примечательного внешне человека со стволом в потайной кобуре или ножом в кармане.

Пастухов понял, что у него по-настоящему прихватило живот. И рванулся в безопасное, шумное, наполненное людьми и чемоданами нутро аэропорта.

Поскольку он был хорошим полицаем, то ему было очень стыдно. Но еще более ему было страшно.

Глава 1

— По утреннему происшествию ситуацию доложит Городецкий, — не отрывая взгляда от бумаг, сказал Гесер.

Я встал. Поймал сочувственный взгляд Семена. Начал:

— Два часа назад я провожал на рейс в Нью-Йорк господина Уорнса. После того как наш коллега прошел регистрацию и стал покупать водку в дьюти-фри…

— Вы что, прошли с ним за паспортный контроль, Городецкий? — осведомился Гесер, не поднимая глаз.

— Ну да.

— Зачем?

— Убедиться, что с ним все в порядке. — Я откашлялся. — Ну и купить кое-что себе в дьюти-фри…

— Что именно?

— Пару бутылок виски.

— Какого… — Гесер оторвал взгляд от стола.

— Шотландского. Односолодового. «Гленливет» двенадцатилетний и «Гленморанж» восемнадцатилетний… но это на подарок, я лично считаю,

что пить восемнадцатилетний вискарь — пижонство…

— Какого хрена! — рявкнул Гесер. — Что за… мелкие корыстные акции…

— Вы извините, Борис Игнатьевич, — сказал я. — Но господин Уорнс пьет как лошадь. И предпочитает не «Белую лошадь», а приличные сингл молты. У меня бар опустел. А завтра приедет еще какой-нибудь гость — и вы мне поручите его принимать. А моя зарплата не позволяет покупать алкоголь в «Азбуке вкуса».

— Дальше, — ледяным голосом сказал Гесер.

— Дальше я сел в баре выпить кружку пива.

— Вы давно пьете пиво по утрам, Городецкий?

— Четвертый день. С момента приезда Уорнса.

Семен хихикнул. Гесер привстал и оглядел всех сидящих за столом — десять Иных не ниже третьего уровня, или, как говорили ветераны, «ранга».

— Особенности приема гостей мы обсудим позже. Итак, вы похмелялись пивком. Что дальше?

— Вошла женщина с ребенком. Толстый мальчишка лет десяти вопил не переставая. Просил мать не лететь, говорил, что самолет разобьется. Ну… разумеется, я просканировал ауру. Мальчишка оказался неинициированным Иным высокого

уровня, первого-второго как минимум. Судя по всему — предсказатель. Возможно, даже пророк.

В зале слегка зашевелились.

— Откуда такие смелые выводы? — спросил Гесер.

— Цвет. Интенсивность. Мерцание… — Я напрягся, посылая в пространство то, что видел. Все сидящие уставились в пустую точку над столом. Разумеется, никакого реального изображения я не создавал, но сознание всегда услужливо подыщет для картинки какую-нибудь точку в воздухе.

— Допустим, — кивнул Гесер. — Но все-таки пророк…

— Предсказатель, как правило, лишен возможности увидеть собственное будущее. А мальчик испугался своей смерти. Это уже довод в пользу пророка… — негромко сказала Ольга.

Гесер неохотно кивнул.

— Я узнал, есть ли у нас право на вмешательство первого-второго уровня — спасти весь самолет. Такого права, увы, не было. Тогда я взял право на пятый уровень и снял с рейса мальчика и его мать.

— Разумно. — Гесер вроде бы чуть успокоился. — Разумно. Мальчик на контроле?

Я пожал плечами. Семен деликатно кашлянул

и вставил:

— Работаем, Борис Игнатьевич.

Гесер кивнул и снова посмотрел на меня:

— Что-то еще?

Я поколебался.

— Он сделал еще одно предсказание. Мне лично.

— Иному Высшего уровня? — уточнил зачем-то Гесер.

— Пророк! — почти весело произнесла Ольга. — И впрямь пророк!

Я кивнул.

— Можешь его озвучить, Антон? — уже совершенно мирно и дружелюбно спросил Гесер.

— Легко. «Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг. Вы отец Надьки. Вы… вы нас… вы нас всех…»

— Что дальше?

— А дальше его прервали.

Гесер что-то проворчал и стал постукивать пальцами по столу. Я ждал. И все остальные тоже ждали.

— Антон, я не хотел бы показаться невежливым… но вы уверены, что решили выпить пива по собственной воле?

Я растерялся. Даже не обиделся — а растерял-

ся. Спросить Иного, не попал ли он под чье-то внушение, — довольно серьезное дело. Словно… ну, словно для одного человека поинтересоваться успешностью интимной жизни другого. Между близкими друзьями, конечно, подобный вопрос возможен. Но между начальником и подчиненным… да еще и в присутствии других сотрудников… Нет, ну если неопытный Иной совершает какой-то неадекватный поступок… тут вопрос «Ты своей головой думал?» уместен. Но и то как риторический. А уж обратиться с таким вопросом к Высшему Иному…

— Борис Игнатьевич, — сказал я, с ожесточением сдирая с себя все слои ментальной защиты. — Наверное, я чем-то дал основания вашим словам. Не пойму, правда, чем именно. На мой взгляд — да, я действовал исключительно по собственной воле. Но если вы сомневаетесь, то просканируйте меня, я не против.

Конечно же, это тоже была риторическая фраза. Абсолютно. Так человек, оказавшийся под каким-нибудь нелепым подозрением — к примеру, что он, будучи в гостях, украл со стола серебряные ложечки, — предлагает проверить его карманы…

— Спасибо, Антон, я воспользуюсь твоим предложением, — ответил Гесер вставая.

В следующее мгновение я отключился.

А потом открыл глаза.

В промежутке, конечно, было какое-то время — минут пять, десять. Вот только я его не запомнил. Я лежал на диванчике, который стоит в кабинете Гесера и который все иронично называют «плацдарм для мозгового штурма». Мою голову придерживала Ольга — и она была очень, очень зла. Напротив меня сидел на стуле Гесер — и он был очень, очень смущен. Больше никого в кабинете не было.

— Ну и как… тварь ли я дрожащая, или право имею? — спросил я.

— Антон, я нижайше приношу свои извинения, — сказал Гесер.

— Перед присутствующими он уже извинился, — добавила Ольга. — Антон, прости старого дурака.

Я сел и потер виски. Голова не то чтобы болела — казалась удивительно пустой и звенела.

— Кто я? Где я? Кто вы такие, я вас не знаю! — пробормотал я.

— Антон, я прошу принять мои извинения… — повторил Гесер.

— Шеф, с чего вы взяли, что я под влиянием? — спросил я.

— Тебе не кажется странным, что, проводив гостя, ты внезапно присел выпить пива в дрянной и дорогой кафешке, хотя знал, что тебе предстоит садиться за руль?

— Кажется. Но так уж тот день сложился.

— А что, именно в этот момент, когда ты внезапно решил задержаться в аэропорту, у тебя на глазах устроил истерику мальчик-предсказатель?

— Жизнь вся состоит из совпадений, — философски сказал я.

— Ну а то, что самолет благополучно долетел до Барселоны?

Вот тут он меня уел.

— Как — долетел?

— Обычно. Шумя моторами и покачивая крыльями. Долетел, выгрузил людей и час назад вылетел обратно.

Я помотал головой.

— Борис Игнатьевич… Я, конечно, не предсказатель. Но уж когда прицельно начинаю проверять вероятность того или иного события… Мальчик завопил о катастрофе. Я глянул его ауру — Иной, неинициированный, в спонтанном выплеске Силы. Я начал проглядывать линии реальности — самолет падал. С вероятностью в девяносто

восемь процентов. Может… ну, нет же абсолютно точных предсказаний… Выплыли те два процента?

— Допустим. А как еще можешь интерпретировать произошедшее?

— Провокация, — неохотно сказал я. — Мальчика накачали Силой, повесили фальшивую ауру. Прием известный, вы сами… Хм… Ну, потом мальчишка истерит, я слышу его вопли, начинаю просчитывать вероятности… допустим, они тоже искажены.

— Какова цель? — спросил Гесер.

— Заставить нас истратить право на вмешательство первого уровня впустую. Самолет и не думал падать, пацан интереса не представляет. А мы как идиоты выстрелили впустую.

Гесер назидательно поднял палец.

— Но у нас все равно не было права на вмешательство!

— Было, — буркнул Гесер. — Было и есть. Но зарезервировано за мной лично. Если бы ты обратился ко мне напрямую… я бы разрешил вмешаться.

— Во как… — сказал я. — Ну тогда… тогда и впрямь похоже. А что пацан?

— Пророк… — неохотно сказал Гесер. — Боль-

шой силы. И на тебе никаких следов воздействия. Так что ты прав, пожалуй.

— Но самолет не упал, — негромко сказала Ольга.

Мы замолчали.

— У пророков не бывает ошибок. Мальчик — пророк, поскольку выдавал предсказания о своей судьбе и о судьбе Высшего Иного. Но самолет не упал. Ты в события не вмешивался… — негромко произнес Гесер.

И тут до меня дошло.

— А вы ведь проверяли не то, под влиянием я был или нет, — сказал я. — Вы проверяли, не спас ли я самолет без разрешения.

— И это тоже. — Гесер даже не смутился. — Но озвучивать такую причину при коллегах не хотел.

— Спасибо огромное. — Я поднялся и пошел к двери. Гесер дождался, пока я открою дверь, и только после этого сказал:

— Должен сказать, Антон, я очень рад за тебя. Рад и горд.

— Чему же именно?

— Тому, что ты не стал вмешиваться без разрешения. И даже не придумывал никаких человеческих глупостей вроде телефонных звонков о

бомбе в самолете…

Я вышел и закрыл за собой дверь.

Мне хотелось заорать или стукнуть кулаком по стене.

Но я держался. Я был невозмутим и холоден.

Я ведь действительно не придумывал «никаких человеческих глупостей»! Мне это даже в голову не пришло. Я убедился, что у нас нет законной возможности спасти двести человек, — и спасал одного Иного и его мать.

Уроки пошли мне на пользу. Я вел себя как правильный Высший Иной.

И от этого на душе было мерзко.

— Антон!

Обернувшись, я увидел поспешно догонявшего меня Семена. Выглядел тот слегка смущенным, как старый друг, ставший невольным свидетелем неловкой и некрасивой сцены. Но мы были дружны достаточно долго и крепко, чтобы Семену не пришлось изображать, будто он задержался случайно.

— Думал, дольше ждать придется, — пояснил Семен. — Ну учудил шеф, учудил…

— Он прав… — неохотно признал я. — Ситуация и впрямь сложилась странная.

— Мне поручили поговорить с мальчишкой,

инициировать, обосновать родителям его занятия в нашей школе… в общем — стандартная процедура. Хочешь, поедем?

— А что, уже нашли? — заинтересовался я. — Я только имена считал, дальше возиться не стал…

— Конечно, нашли! Двадцать первый век на дворе, Антоха! Позвонили в наш информационный центр, задали вопрос — кто не явился на рейс такой-то в Барселону. Через минуту Толик перезвонил, выдали имена и адреса. Иннокентий Григорьевич Толков, десять с половиной лет. Живет с мамой… ну, ты же знаешь, что в неполных семьях Иные встречаются статистически чаще.

— Социальная депривация способствует… — буркнул я.

— А я слышал версию, что папаши подсознательно чувствуют, что ребенок — Иной, и уходят из семьи, — сказал Семен. — Боятся, короче… Живут Толковы рядом, на «Водном стадионе»… смотаемся?

— Нет, Семен, не поеду, — покачал я головой. — Ты и сам прекрасно справишься.

Семен вопросительно смотрел на меня.

— Да все в порядке! — твердо сказал я. — Не бойся, я не бьюсь в истерике, не ухожу в запой и не вынашиваю планов покинуть Дозор. Я в аэропорт

съезжу, поброжу там. Как-то все неправильно, понимаешь? Мальчик-пророк изрек туманные пророчества, самолет, который должен был упасть, не разбился… все не так!

— Гесер уже послал в Шереметьево инспекцию, — сообщил Семен.

Какой-то у него был голос ехидный…

— Кого он послал?

— Ласа.

— Понятно, — кивнул я, останавливаясь у лифтов и нажимая вызов. — То есть ничего интересного Гесер не ждет.

Лас был нетипичным Иным. Начать с того, что никаких способностей Иного у него не было и не должно было появиться. Но несколько лет назад его угораздило попасть под заклинание древней магической книги «Фуаран». Вампир Костя, бывший когда-то моим соседом и даже приятелем, продемонстрировал на Ласе, что с помощью книги способен превращать людей в Иных…

Самым странным я считал даже не то, что Лас превратился в Иного, а то, что он превратился в Светлого Иного. Злодеем он не был, но вот чувство юмора имел специфическое… да и его взгляды на жизнь соответствовали скорее Темному. Работа в Ночном Дозоре, к которой он относился, похоже,

как к очередной шутке, его особо не изменила.

Но Иным он был слабым. Седьмого, самого начального уровня, с неопределенными перспективами дорасти до пятого-шестого (впрочем, Лас к этому не рвался).

— А вот не скажи, — не согласился со мной Семен. — Гесер не ждет ничего интересного в магическом плане. Ты ведь там был, ничего не заметил. Ты и сам Высший…

Я поморщился.

— Высший, Высший, — дружелюбно сказал Семен. — Опыта у тебя мало, но способности-то есть. Так что копать в этом направлении бесполезно. А вот Лас — он по-другому на ситуацию посмотрит. Практически с точки зрения человека. Голова у него работает довольно парадоксально… вдруг что-то заметит?

— Тогда точно нам следует съездить вдвоем, — сказал я. — А ты дерзай, инициируй пророка.

— Восстань, и виждь, и внемли… — Семен первым вошел в наконец-то появившийся лифт, вздохнул: — Ох, не люблю я пророков и предсказателей! Как ляпнут что-нибудь в твой адрес — и ходишь потом как дурак, размышляешь, что же имелось в виду. Порой таких страхов себе напридумываешь, а на деле полная ерунда, тьфу,

внимания не стоит!

— Спасибо, — сказал я Семену. — Да не беспокойся ты… я спокойно к этому отношусь. Подумаешь, пророк!

— Помню, был у нас в Петрограде один предсказатель, — с готовностью подхватил Семен. — И вот в году одна тыща девятьсот шестнадцатом, под Новый год, спрашиваем его о перспективах. А он нам и выдает…

Ласа я успел перехватить во дворе, он как раз садился в свою чисто вымытую «мазду». При моем появлении он откровенно обрадовался.

— Антон, а ты не сильно занят?

— Ну…

— Не смотаешься со мной в «Шарик»? Борис Игнатьевич велел по твоим следам пройти, странности всякие поискать. Может, присоединишься?

— Что с тобой поделать, — вздохнул я, забираясь на правое сиденье. — Съезжу. Будешь должен, сам понимаешь.

— О чем речь, — обрадовался Лас, заводя машину. — А то у меня со временем плохо, и так сегодня планы пришлось менять.

— Что за планы? — спросил я, пока мы выезжали со стоянки.

— Да это… — Лас слегка смутился. — Я сегодня креститься собирался.

— Чего? — Мне показалось, что я ослышался.

— Креститься, — повторил Лас, глядя на дорогу. — Ничего? Нам ведь можно креститься?

— Кому «нам»? — уточнил я на всякий случай.

— Иным!

— Можно, конечно, — ответил я. — Это как бы… дела духовные. Магия магией, а вера…

Ласа будто прорвало:

— Вот и я подумал — черт его знает, как *там* посмотрят на то, что магией занимаюсь… я вообще-то агностик всегда был, ну точнее — экуменист широкого профиля, а тут как-то подумал… лучше уж креститься, для гарантии.

— В «Симпсонах» один персонаж был, так он на всякий случай еще соблюдал день субботний и совершал намаз, — не удержался я.

— Не кощунствуй, — сказал Лас строго. — Я же серьезно… Церковь вот специально нашел в Подмосковье. В Москве, говорят, все попы коррумпированные. А в провинции — ближе к Богу. Вчера созвонился, поговорил… ну, меня там знакомые порекомендовали… сегодня обещали покрестить, а тут Гесер задание выдал…

— Как-то быстро ты, — усомнился я. — Ты вооб-

ще готов к таинству крещения?

— Конечно, — усмехнулся Лас. — Крестик купил, Библию на всякий случай, пару иконок…

— Подожди-подожди, — заинтересовался я. Мы как раз выскочили на Ленинградку и понеслись к аэропорту. Лас привычно наложил на машину чары «эскорт», и нам начали торопливо уступать дорогу. Уж не знаю, кто из водителей что видел — кто «скорую помощь», кто полицию с включенной сиреной, кто правительственный эскорт, увешанный мигалками, как дурень мобильниками, но дорогу нам освобождали резво. — А символ веры ты выучил?

— Какой символ веры? — удивился Лас.

— Никео-Царьградский!

— А надо? — заволновался Лас.

— Ладно, священник подскажет, — развеселился я. — Рубашку крестильную купил?

— Зачем?

— Ну, когда из купели вылезешь…

— В купель только младенцев окунают, я же в нее не залезу! На взрослых брызгают!

— Дубина, — с чувством сказал я. — Есть специальные купели, для взрослых. Называются баптистерии.

— Это у баптистов?

— Это у всех.

Лас задумался, благо вождение автомобиля под прикрытием «эскорта» позволяло не особо напрягаться.

— А если там бабы будут?

— Они тебе теперь не бабы, а сестры во Христе!

— Ну ты врешь! — возмутился Лас. — Хватит уже, Антон!

Я достал мобильник, подумал секунду и спросил:

— Кому из наших ты веришь?

— В духовном плане? — уточнил Лас. — Ну… Семену поверю…

— Годится, — кивнул я, набрал номер и включил громкую связь.

— Да, Антон? — отозвался Семен.

— Слушай, ты крещеный?

— Ну как в моем возрасте русский человек может быть некрещеным? — ответил Семен. — Я ж при царе родился…

— А сейчас вере православной близок?

— Ну… — Семен явно смутился. — В церковь хожу.

Иногда.

— Скажи, взрослых как крестят?

— Если по-нормальному, то как детей. Разделся

— и в воду с головой три раза.

— Спасибо. — Я прервал связь. — Понял? Фома… готовящийся к таинству…

— Что еще там будет? — спросил Лас.

— Становишься лицом на запад, трижды плюешь и говоришь: «Отрекаюсь от Сатаны!»

Лас расхохотался.

— Ну, Антон… Хорош гнать! С крещением согласен, это я погорячился! Правильный некоррумпированный поп не будет воду экономить. А вот стать на запад лицом… плюнуть…

Я снова набрал Семена.

— Да? — с любопытством отозвался тот.

— Еще вопрос. Как происходит обряд отречения от Сатаны при крещении?

— Становишься лицом на запад. Батюшка спрашивает, отрекаешься ли ты от Сатаны и от дел его. Трижды вслух отрекаешься, плюешь в сторону запада…

— Спасибо. — Я снова прервал связь.

Лас молчал, вцепившись в руль и глядя перед собой. Мы уже проехали МКАД.

— А еще какие сложные моменты будут? — почти робко спросил он.

— Окунулся, отрекся. — Я начал загибать пальцы. — И третий шаг… ты учти, в церкви все

троично, потому что Бог триедин. Третий шаг — выходишь из купели и обегаешь вокруг церкви трижды, строго противосолонь…

— Голым? — ужаснулся Лас. — Без штанов?

— Конечно. Аки Адам ветхозаветный, безгрешный до вкушения плодов с древа познания!

Фраза родилась спонтанно, но звучала очень убедительно.

— Ну… если надо… — тихо сказал Лас.

— Ты б зашел в любую церковь, — посоветовал я. — Даже в коррумпированную. И книжечку купил с пояснениями.

— Мне неудобно в церковь заходить, — признался Лас. — Мало того что некрещеный, так еще и волшебник!.. Блин, может, отложить крещение? Раз надо голым вокруг церкви бегать… в фитнес похожу, подкачаюсь…

— Ладно, насчет бега вокруг церкви — это неправда, — сжалился я. — Но я бы все-таки советовал тебе отнестись к вопросу серьезнее.

— Как все сложно… — вздохнул Лас, выруливая к терминалу. — Нам в «D»?

— Да, в новый, — подтвердил я.

— Что ж, попробуем с Божьей помощью! — сказал Лас.

Я понял, что пыл неофита в нем не угас.

Глава 2

В аэропорту мы с Ласом разделились. Он отправился общаться с людьми — его способностей вполне хватало, чтобы ему выкладывали всё начистоту. В первую очередь Ласу предстояло пообщаться с техниками, готовившими злополучный (или правильнее будет сказать — счастливый?) «боинг» к полету, потом с диспетчерами и, если получится, с экипажем. А я отправился к дежурившим в аэропорту Иным.

Как и положено, двое их было — Темный и Светлый. Нашего я, конечно, знал — Андрей, молодой парень, пятый уровень, в офисе появлялся редко, постоянно работал в аэропорту. Темного видел несколько раз, когда самому приходилось куда-то улетать или возвращаться.

Конечно, они уже были в курсе случившегося. И Андрей, и пожилой Темный по имени Аркадий с удовольствием обсудили со мной историю с самолетом — вот только ничего полезного они не знали и сказать не могли. У Темных мальчик уже получил ироническое прозвище «Мальчик, который не полетел», вот, пожалуй, и все ценное, что я узнал. А еще заметил, что отношения Андрея и

Аркадия вполне дружеские, и мысленно отметил: рекомендовать более частую смену дежурных. В принципе ничего запрещенного в дружеских отношениях между Иными нет. Бывают такие случаи… я сам дружил с семьей вампиров, а в Питере даже есть уникальная семья Светлого волшебника и Темной прорицательницы, правда, не работающих в питерских Дозорах… Но в случае с молодым Светлым и опытным Темным возникал риск нежелательного влияния.

Лучше перестраховаться.

С этой мыслью я еще побродил по аэропорту, обнаружил стоящего в очереди на регистрацию вампира, от скуки проверил у него регистрационную печать — все было в порядке. Подмывало снова выпить пива, но это уже было бы чересчур. С другой стороны… за руль мне сейчас не надо… я поймал себя на том, что толкусь все ближе и ближе к бару.

К счастью, появился Лас — бодрый и веселый. Я облегченно отвернулся от ресторанчика и помахал Ласу рукой.

— Девяносто четыре процента! — радостно сообщил он мне.

Я вопросительно приподнял бровь — ну, во всяком случае, попытался изобразить именно это.

— Меня давно занимал вопрос, сколько людей ковыряют пальцем в носу, когда уверены, что их никто не видит. Так вот, я опросил ровно сто человек — из них девяносто четыре сознались!

На секунду мне показалось, что Лас сошел с ума.

— И ты спрашивал людей об этом вместо поиска чего-то странного?

— Почему «вместо»? — обиделся Лас. — Вместе! Сам подумай, как минимальным магическим воздействием заставить людей вначале говорить правду, а потом покрепче забыть о расспросах? Я представился социологом, который с разрешения руководства проводит опрос. Спрашивал о всяких наблюдаемых странностях, о том, как они провели сегодняшнее утро… в общем, все, что положено. Все это под действием *«Платона»*. А в конце задавал вопрос про ковыряние в носу. Сам понимаешь, человек, который сознался, пусть даже в анонимном опросе, что наедине сам с собой выковыривает пальцем козюли из носа, постарается побыстрее забыть всю историю. И для дела полезно, и я получил ответ на вопрос!

— Зачем тебе этот ответ? — спросил я. — Люди наедине сами с собой часто совершают… ну… не самые красивые поступки. Поковырять пальцем

в носу — мелочь в общем-то.

— Конечно, — согласился Лас. — Так это ведь и показательно! Подавляющее большинство людей будет насмерть стоять за такую ерундовую ложь. Отрицать не то, что заглядываются на недозрелых нимфеток, не платят налоги или подсиживают коллег на работе, — а банальную, никому вреда не приносящую, смешную вещь — ковыряние пальцем в носу! Это многое говорит о людях.

— Следующий раз спроси про ковыряние пальцем в другом месте, — мрачно ответил я. — Что по делу?

Лас пожал плечами.

— Самолет был нормальный. Проверяли его как положено, никаких нареканий… кстати, а ты знал, что самолеты можно выпускать в полет, когда у них часть аппаратуры не работает? Так вот, у этого никаких нареканий не было. И самолет новенький, три года назад сделан, не какая-нибудь рухлядь после китайцев.

— То есть упасть он не должен был? — уточнил я.

— Все в руке Божьей, — пожал плечами Лас и блеснул знанием Библии: — И птица с неба не упадет без воли Господа! Тем более — самолет. Ну… он и не упал.

— Но ведь мальчик пророчил… — сказал я. — И линии вероятности указывали на неминуемую катастрофу… Хорошо. Самолет был исправный, экипаж опытный. Хоть какие-то странности были?

— Касательно самолета — или вообще? — уточнил Лас.

— Вообще.

— Ну… один полицай местный поутру обосрался.

— Что?

— До туалета не добежал. Наложил в штаны. Ему в дежурке старую форму нашли, он в душе отмылся…

— Лас, да что тебя так тянет на всякую брутальность? — возмутился я. — Если даже с работником полиции случился приступ дизентерии, это не повод для обсуждения… и уж тем более — иронии! Ты же Светлый! Светлый Иной!

— Так я обоим полицаям сочувствую, — небрежно обронил Лас.

У меня что-то екнуло в груди.

— Обоим? Беляшей в местном кафе поели?

— Да нет, у второго с пищеварением все в порядке, — успокоил Лас. — Второй с ума сошел.

Я ждал. Было понятно, что Лас ждет уточняю-

щих вопросов и что информацию он излагает дозированно вполне сознательно — для пущего драматизма.

— Тебе неинтересно? — спросил Лас.

— Докладывай по форме, — попросил я.

Лас вздохнул и почесал затылок.

— Да в общем-то ничего особенного. Но как-то выбивается из рутины повседневной жизни. Утром, примерно в то время, как ты из аэропорта уехал, случилась неприятность с нарядом патрульно-постовой службы. Один полицай, Дмитрий Пастухов, пошел в сортир, но не добежал. А второй… второй чуть позже зашел в дежурную часть, положил на стол кобуру, документы, рацию. Сказал, что утратил интерес к работе в органах охраны порядка, и ушел. Начальство пока даже сообщать никуда не стало. Надеется, что одумается и вернется.

— Поехали, — сказал я.

— К кому первому?

— К тому, что не добежал.

— А к нему ехать не надо. Я же говорю — он помылся, переоделся и вернулся на рабочее место.

С первого взгляда никак нельзя было сказать, что сегодня утром полицейский Дмитрий Пастухов попал в столь деликатную и, чего уж греха

таить, постыдную ситуацию. Разве что форменные брюки, если повнимательнее присмотреться, были ему чуть великоваты, да и тоном чуть отличались от кителя.

Зато выглядел он просто великолепно. Одухотворенно, можно сказать. Как сказочный милиционер, задержавший бандита на месте преступления и получающий из рук генерала наручные часы с гравировкой «За отвагу при исполнении служебного долга». Как летчик-испытатель, дотянувший-таки самолет с отказавшим мотором до аэродрома — и ощутивший, как колеса мягко коснулись земли. Как прохожий, что смотрит на рухнувшую за его спиной, там, где он только что прошел, гигантскую сосульку и с нелепой улыбкой достающий из пачки сигарету…

Как человек, переживший смертельную опасность, уже осознавший, что остался жив, но еще не до конца понявший — зачем.

Дмитрий Пастухов прогуливался перед входом в аэропорт, не по-уставному заложив руки за спину и как-то очень добродушно и дружелюбно поглядывая вокруг.

Но по мере того как мы с Ласом подходили к нему, на лице полицейского проступало совсем другое выражение.

Как у милиционера, которому улыбающийся генерал говорит: «Молодец… молодец… знал же, наверное, чьего племянника арестовываешь, — и не испугался? Герой…»

Как у летчика, в чьем самолете, уже катящемся по бетонке, свирепым жадным пламенем вспыхивает топливный бак.

Как прохожий, что, разминая сигарету и не отрывая взгляда от расколовшейся сосульки, вдруг слышит над головой «Берегись!!!»

Он меня боялся.

Он знал, кто я такой. Ну, может, не точно… но представляться проверяющим, журналистом или санитарным врачом смысла не имело.

Он знал, что я не человек.

— Лас, подожди здесь, — попросил я. — Лучше я сам…

Пастухов ждал, не пытаясь уйти или сделать вид, что не замечает моего приближения. К оружию, чего я слегка опасался (не хотелось начинать разговор так энергично), он не тянулся. А когда я остановился в двух шагах, глубоко вздохнул, неловко улыбнулся и спросил:

— Разрешите закурить?

— Что? — Я растерялся. — Конечно…

Пастухов достал сигареты, жадно закурил. По-

том сказал:

— Большая просьба… не надо больше заставлять напиваться. Меня из органов попрут! У нас сейчас очередная кампания, даже за появление на работе с похмелья выгоняют…

Несколько секунд я смотрел на него. А потом что-то сложилось в голове, и я увидел серую московскую зиму, грязный снег на обочине проспекта Мира, бесчисленные ларьки у метро «ВДНХ», двух подходящих ко мне милиционеров — один постарше, другой совсем молодой парень…

— Извините, — сказал я. — Вам тогда сильно досталось?

Полицейский неопределенно пожал плечами. Потом сказал:

— А вы совсем не изменились. Тринадцать лет прошло… а даже не постарели.

— Мы медленно стареем, — сказал я.

— Угу, — кивнул Пастухов и выбросил сигарету. — Я не дурак. Я все понимаю. Так что… говорите сразу, что вам нужно. Или делайте, что вам нужно.

Он меня боялся. Ну а кто бы не испугался человека, который одним словом может заставить вас делать все, что угодно?

Я опустил глаза, ловя свою тень. Шагнул в нее

— и оказался в Сумраке. В этом не было особой нужды, но все-таки из Сумрака аура сканируется тщательнее.

Полицейский был человеком. Ни малейших признаков Иного. Человек, и не самый плохой.

— Расскажите, что произошло сегодня утром? — спросил я, возвращаясь в обычный мир. Пастухов мигнул — наверное, ощутил дыхание Сумрака. Заметить мое исчезновение на такое короткое время он никак не мог.

— Мы с Бисатом здесь стояли, — сказал он. — Так… трепались. День сегодня был хороший. — По интонации было понятно, что сейчас он уже так не считает. — Тут вы прошли…

— Вы меня узнали, Дмитрий? — спросил я. Накладывать заклинание правды не было никакого смысла — он говорил честно.

— Ну, вначале просто понял, что вы из этих… — Полицейский неопределенно повел рукой. — А потом узнал, да…

— Как поняли?

Пастухов посмотрел на меня с удивлением.

— Ну… я таких, как вы, сразу узнаю…

— Как?

До полицейского дошло.

— А что, это редкость? — спросил он, явно о

чем-то размышляя.

— Не то чтобы редкость. — Я решил ничего не скрывать. — Но обычно нас видят такие же Иные, как и мы. Узнают по ауре.

— Аура — это вроде свечение такое вокруг головы, да? — наморщил лоб Пастухов. — Я думал, его психи всякие видят. И жулики.

— Не только вокруг головы, не только психи и жулики. А что видите вы?

— Да я по глазам вас узнаю! Вот с тех пор, как с вами встретился первый раз… — резко сказал Пастухов. — У вас глаза… как у сторожевого пса.

Если бы я только что не сканировал его ауру, то уверился бы, что передо мной какой-то странный слабый Иной, который воспринимает чужие ауры очень своеобразно. В конце концов, аура действительно сильнее вокруг головы, а на лице сильнее всего излучают свечение глаза. Может, он так и считывает Иных?

Ну нет же, он не Иной, он человек…

— Любопытно, — признался я. — Значит, как у пса?

— Без обид, — пожал плечами Пастухов. Он потихоньку приходил в себя.

— Да какие уж тут обиды. Я собак люблю.

— А еще есть те, у кого глаза как у волка, — ска-

зал Пастухов.

Я кивнул. Понятно. Значит, так он видит Темных.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Утром вы прошли мимо, — сказал Пастухов. — Ну… я напрягся, конечно. Почему-то думал, дурак, что вы меня тоже запомнили, как и я вас. С чего бы, на самом-то деле? Вы, наверное, такие фокусы с людьми каждый день проделываете.

— Нет, — сказал я. — Нельзя. Тогда ситуация была критическая. Ну и я сам… был очень молод и неопытен. Что придумал, то и сделал… Вы продолжайте.

Пастухов вытер пот со лба. Пожал плечами.

— Потом «волк» один прошел… ну… обычное дело. В аэропорту я каждый день ваших вижу. А потом вышел еще один… тут меня страх и пробрал.

— Тоже «волк»? — уточнил я.

— Нет… — Пастухов замялся, затоптался на месте. — Никогда таких не встречал. Я его «тигром» про себя назвал. У него такой взгляд… будто он кого хочет, того и сожрет, прямо на месте… И я… я почему-то подумал, что он меня вычислит. Поймет, что я его вижу. И убьет тут же. Да что я говорю, я не подумал, я и сейчас так думаю! Он

бы меня убил. В ту же секунду. Я и решил отойти. Сказал напарнику, что живот схватило, и в туалет. Бисату-то что сделается? Он же ваших не видит! Но я когда отходил, то смотрю — Бисат этого… «тигра»… останавливает!

— Ты можешь его описать, «тигра»?

Пастухов помотал головой.

— Я только издалека его видел. Мужчина, средних лет, среднего роста, волосы темные…

— Очень не люблю людей с такими приметами, — поморщился я. — Как же ты взгляд его разглядел на расстоянии?

— А я взгляд на любом расстоянии вижу, — серьезно ответил Пастухов. — Сам не знаю почему.

— Национальность?

Дмитрий задумался.

— Обычная, наверное. Уроженец европейской части.

— То есть не кавказец, не азиат, не скандинав…

— Даже не негр.

— Еще что-нибудь?

Пастухов закрыл глаза и нахмурился. Он искренне старался.

— Багажа у него не было. Когда он стоял рядом с Бисатом, я заметил — у него руки пустые. Вряд

ли прилетел так, правда?

— Спасибо, это интересно, — сказал я. Конечно, на самом деле багаж мог быть и невидим. Я как-то сам протащил в самолет невидимый чемодан, чтобы не платить за перегрузку…

Полицейский вздохнул и сказал:

— Наверное, надо было вернуться. Только у меня и впрямь живот свело так, что боялся до туалета не добежать… — Он осекся, потом продолжил: — Я и не добежал. Да вы уже знаете, наверное.

— Знаю, — кивнул я.

— Навалил в штаны, — обреченно сказал Пастухов. — Нет, если бы расстройство какое, дизентерия — так с кем не бывает? А тут… на ровном месте… Пока почистился как смог, пока в дежурку зашел… взял там со старой формы на подмену штаны… Дежурный ржет, понятно, к вечеру все знать будут… Вернулся на пост.

— И?.. — Это интересовало меня куда больше, чем проблемы со здоровьем и реноме Пастухова.

— Да вроде ничего. Бисат стоит, улыбается. Я его спросил, что было с тем, кого он остановил. Бисат рукой махнул, говорит: «Все в порядке, никакого смысла не было его задерживать». Ну, думаю, пронесло… А тут Бисат вдруг снимает китель,

погоны так аккуратненько с него сдирает! Бляху сдирает! Документы достает. Пистолет, рацию, спецсредства… И все вручает мне! Я спрашиваю, что с ним. А он отвечает: «Это все смысла не имеет, нет никакой надобности в моей работе». И к электричке! Я ему кричу вслед, а он рукой машет — и вперед! Сейчас, наверное, уже дома.

— Я слышал, что он сам зашел в дежурную часть, — заметил я.

— Роман небось сказал? — уточнил Пастухов. — Это я его так попросил, когда вещи отнес. Все-таки одно дело, когда человек прямо на улице все бросил, другое — когда в дежурку сдал. Может, одумается, вернется? Ему и так неприятностей светит по полной… хотя, наверное, через дурку пропустят и уволят по состоянию здоровья…

— Ты сам-то веришь, что он вернется? — спросил я.

Пастухов замотал головой:

— Нет. Не верю. Это «тигр». Это он что-то такое с ним сделал. Может, велел так… как вы мне напиться тогда приказали… А может, что-то другое. Не вернется он.

— Спасибо, — сказал я искренне. — Ты хороший человек, мне кажется. Извини, что тогда так вышло.

Пастухов замялся. Потом все-таки спросил:

— Ну и что теперь со мной будет? Велите все забыть?

Я задумчиво смотрел на него. Не хотелось мне применять к Пастухову даже самые простенькие заклинания. Странный он человек, пускай и хороший.

— Даешь честное слово никому и ничего не рассказывать про наш разговор? — спросил я. — И вообще про нас?

— Да что я, дурак, что ли? — возмутился полицейский. — Кто же мне поверит? Никому я не расскажу!

— Тогда еще вопрос напоследок. Когда ты один и вокруг никого нет — ты ковыряешь пальцем в носу?

Пастухов открыл и закрыл рот. Неожиданно покраснел. А потом сказал:

— Ну… если потребность есть… бывает.

— Я как-нибудь к тебе загляну, надо будет еще поговорить, — сказал я. — Но ты не беспокойся. Только разговор по душам, ничего более.

— Ага… — неловко сказал Пастухов. — Спасибо…

— Не хочешь задать мне никаких вопросов?

Пастухов медленно покачал головой:

— Хочу. Но не буду. Меньше знаешь — крепче спишь.

Я уже шел к Ласу, когда он меня окликнул:

— Вы поможете Бисату?

— А почему ты думаешь, что я стану ему помогать? — спросил я.

— Ну… — Полицейский замялся. А потом вдруг улыбнулся: — Потому что собака — друг человека. Правда?

Я погрозил ему пальцем и подошел к Ласу.

— Чего там? — с любопытством спросил Лас.

— Он тоже ковыряет пальцем в носу, — ехидно сказал я. — Данные полицая, который ушел с поста, записал? Звони в информационный, нам срочно нужен его адрес. Хотя нет, ты за руль, я сам позвоню, пока будем выезжать.

Глава 3

Проживал полицейский Бисат Искендеров недалеко, в Куркино. Район хороший, по мнению многих, даже элитный. Но Искендеров жил там в муниципальной квартире, так что вряд ли он относился к числу тех удачливых полицейских, что всю жизнь работают в патрульно-постовой службе, но при этом живут в роскошных

апартаментах и ездят на работу в «мерседесе» представительского класса.

Пока мы добирались к столь неожиданно и необычно уволившемуся со службы полицейскому, я пересказал Ласу свой диалог с Пастуховым.

— «Собаки», значит, — задумчиво сказал Лас. — Сильно… Слушай, а что ты с ним разговаривал-то? Наложил бы *«Платона»*, он бы все с радостью рассказал. Или просто в голову ему влез… ты-то умеешь…

В последних словах прорезалась зависть. Лас был слабым Иным и без всяких шансов сильно подняться в уровне. Некоторые заклинания ему никогда не будут доступны.

— Лас, ты часто встречал людей, которые видят Иных? — ответил я вопросом.

— Нет.

— Вот и я нет. Вообще о таком не слышал. Похоже, эта способность у него появилась после встречи со мной. Тогда есть какая-то вероятность, что это последствия наложенного мной заклинания.

— И ты боишься, что новое заклинание лишит его этой способности… — кивнул Лас. — Понятно. Ну, ты Высший, тебе решать.

— Решать Гесеру, — признал я. — Но торопиться

я не хочу. Пастухов никому ничего не расскажет. А если расскажет — попадет в психбольницу.

— А этот… «тигр»?

— Что — «тигр»?

— Как думаешь, кто он? Высший маг?

— Пастухов же не назвал «тигром» меня…

— Логично… А кто тогда? Инквизитор?

— Нет, — сказал я с сожалением. — Не думаю. Инквизиторы остаются Светлыми или Темными, кем были раньше.

— У них же аура серая делается.

Я вздохнул и прикинул, стоит ли раскрывать детали:

— На самом деле — нет. Аура у них прикрывается серым. Сильный маг может заглянуть под маскировку — там ровно то же самое, что и было. Либо Светлый, либо Темный. Сущности они не меняют.

— О как, — поднял бровь Лас. — Ну так и почему это не может быть инквизитор?

— Иной с серой, невнятной аурой — «тигр»? Как-то не сходится, верно? Учитывая, как метко Пастухов охарактеризовал нас и Темных.

— Кто же тогда? — поразился Лас.

— А это тоже пусть Гесер решает, — ответил я. — У него голова большая, умная. Он на свете

пожил долго. Пусть думает.

— Самый правильный подход! — одобрил Лас. — Слушай, а я вот что подумал… полицай этот напарнику соврал, что в сортир хочет…

— Ну, — кивнул я. Мы как раз въехали во двор многоэтажного здания, и теперь Лас искал, где припарковаться.

— Вначале — соврал. А потом — обделался.

— С перепугу, — решил я.

— Все равно какое-то совпадение необычное.

Я промолчал. В словах Ласа было здравое зерно. Если вокруг творятся странные вещи, то любое совпадение следует рассматривать особо тщательно.

— Пошли, — сказал я, вылезая из машины. — Поговорим с этим Бисатом… потом будем думать.

Скорее по привычке, чем ожидая увидеть что-то необычное, в подъезде я вошел в Сумрак. Полицейский жил на втором этаже, служебное жилье редко выделяют на престижных высоких этажах. На первом этаже ничего необычного не было — синий мох, паразит Сумрака, ровным слоем покрывал все стены, особенно сильно разрастаясь в углу, возле батареи, и около дверей лифтов. Все предсказуемо, возле батареи целуются молодые парочки, прежде чем девушка поправит одежду и

побежит домой к маме и папе… или мужу и детям. А возле лифтов ругаются, когда обнаруживают, что они сломаны и придется идти пешком на двенадцатый этаж, или тихо радуются, предвкушая возвращение домой… Привычными движениями я бросил во все стороны огонь, сжигая паразита. Его, конечно, до конца не выведешь, но это для любого Иного — как вытереть ноги, входя в дом.

Второй этаж меня озадачил. Синий мох был везде — кроме одной двери. От нее он, похоже, отполз. Причем совсем недавно, несколько часов назад. Тонкие синие нити медленно втягивались в синий ковер — так сокращается амеба, наткнувшись на кристаллик соли.

— Он живет здесь, — сказал я, возвращаясь в реальность.

— Что-то увидел? — заинтересовался Лас.

— Да нет, ерунда.

Я позвонил.

Прошло почти полминуты, прежде чем дверь открылась. Без вопросов и, кажется, даже без взгляда в глазок, совершенно ритуального для любого москвича.

На пороге стояла невысокая полная женщина. Эдакая «типичная немолодая восточная женщина» в представлении москвича — в молодости

явно красивая, сейчас не очень, с каким-то очень тихим лицом, будто погруженная в себя.

— Здравствуйте. — Я чуть выдвинулся вперед. — Мы из управления… Бисат дома?

Управление — это очень удобное слово. Почему-то никто никогда не уточняет, из какого именно управления. Вот и женщина тоже не стала переспрашивать.

— Входите. — Она сдвинулась в сторону. — В спальне он…

Похоже, нас ждали. Ну, не нас, конечно, но кого-то ждали.

Входя, я глянул на ее ауру. Ничего особенного, конечно. Человек.

Квартирка была трехкомнатная, но небольшая, прихожая совсем узкая и неудобная. Из открытой двери в гостиную гремел незнакомый рок.

Я был игрок и сыграть бы мог

С тем, кто придумывал карты.

Мне везло всегда, и я верил, что моя звезда

Не упадет никогда, но случилась беда…

Жизнь дорога, но все же

Слабых волей бьют как моль.

Выбери, что надежней —

Библия или культ![16]

Лас, навостривший было уши — он обожал малоизвестные группы, — с сожалением покачал головой и цокнул языком.

Женщина молча подала мне тапочки, взяв пару побольше из целого табунка у входа. Лас разуваться не стал — и на это она никак не отреагировала.

Странно. Обычно такие простые привычки устойчивее всего. Либо попросила бы переобуться обоих, либо, в силу модных европейских традиций, плохо приживающихся в Москве с ее климатом и грязью, не предлагала бы мне.

В гостиной на диване сидел худенький мальчишка с ноутбуком на коленях. От ноутбука змеились провода к стоящим на полу колонкам. На нас паренек посмотрел и звук в колонках убавил, но даже не поздоровался, что для восточного мальчика уж совсем странно. Я просканировал и его ауру. Человек.

— Сюда…

Вслед за женщиной мы прошли к спальне. Она открыла дверь, пропуская нас, и так же молча, ничего не говоря, закрыла ее за нами, оставшись

---

[16] Примечания: 16
И. Аутов. *Библия или культ.*

в прихожей.

Ох, что-то неладное тут творится…

Бисат Искендеров лежал на заправленной кровати в одних трусах и майке и смотрел телевизор, висящий на стене напротив кровати. Все тут было какое-то усредненно-московское, практически без национального колорита, без каких-то личных заморочек: мебель из ИКЕИ, ковер в изголовье кровати (я думал, сейчас так уже не вешают, это была традиция из каких-то замшелых, брежневских еще времен), женский журнал на одной тумбочке, сборник детективов на другой. Такая спальня могла быть в любом российском городе. В ней мог валяться на кровати менеджер Ваня или строитель Ринат.

Не люблю квартиры, в которых нет отпечатка хозяина.

— Здравствуйте, Бисат, — сказал я. — Мы из управления. С вами что-то случилось? Вы заболели?

Бисат посмотрел на меня и снова перевел взгляд на экран. Там шла популярная передача, немолодая женщина-врач с добрыми глазами рассказывала народу про парапроктит. «А теперь мы попросим выйти на сцену кого-нибудь из зала, одетого в футболку или рубашку без ворот-

ничка…»

— Здравствуйте, — ответил Бисат. — Ничего не случилось. Я здоров.

— Но вы покинули дежурство… — сказал я.

И посмотрел на него сквозь Сумрак.

Вначале я решил, что со мной что-то случилось.

Потом я понял, что это не со мной. Но легче мне от этого не стало.

— Лас, глянь ауру… — тихо сказал я.

Лас наморщил лоб. И ответил:

— Чего-то не вижу…

— Потому что ее нет, — подтвердил я.

Бисат терпеливо ждал, пока мы говорили. Потом ответил:

— Я покинул дежурство, потому что не было смысла дежурить.

— Расскажите про человека, с которым вы говорили перед тем, как уйти, — попросил я.

— Чего-то я не понял, — задумчиво сказал Лас. — А разве бывают люди без ауры?

«Представьте себе, что горловина футболки — это на самом деле…» — сообщила с экрана ведущая.

— Перед тем как уйти, я разговаривал с Димой Пастуховым, — сказал Бисат. — Он неплохой

человек…

— Раньше! — попросил я. — Перед Димой!

— Перед Димой я разговаривал с продавщицей в табачном ларьке, — сказал Бисат. — Она симпатичная женщина, но худая очень…

— Нет, постой, — попросил я. — Бисат, когда у Пастухова заболел живот и он ушел в здание аэропорта. Помнишь? Ты остановил человека, выходящего из зала прилета…

— Так это был не человек, — очень спокойно возразил Бисат.

— А кто? — воскликнул я.

— Не знаю. — Бисат оставался столь же невозмутим. — Но не человек. Люди такими не бывают.

— Хорошо, расскажи мне, как выглядел этот «не человек», — попросил я. — И о чем вы говорили.

— Он… — Бисат впервые задумался над ответом. И даже проявил какую-то живость — протянул руку и почесал живот. — Он светловолосый. Высокий очень. У него короткая бородка. Глаза голубые. Я попросил у него документы. Он ответил, что в этом нет необходимости. Положил мне руку на плечо и посмотрел в глаза. Я… я хотел спросить, что он такое себе позволяет. Но не стал.

— Почему?

— А какая разница.

— Ваш напарник Дима описывал этого… не человека… иначе.

— Я не знаю, как он его описывал, — спокойно сказал Бисат.

Вздохнув, я собрал в руке немного Силы и отправил в сторону полицейского заклинание *«Сократ»* — кратковременное, но непреодолимое желание говорить истину, и только истину.

Заклинание туманным сгустком пронеслось через Сумрак, прошло Бисата насквозь и унеслось сквозь стену на улицу. Ох, кому-то достанется…

– *«Доминанту»* давай, — предложил Лас.

Я покачал головой, глядя на лежащего на кровати человека. Обычного человека, которому теперь было «все равно». У которого не было ауры. И сквозь которого проходили насквозь заклинания.

— Не поможет. Пойдем, Лас.

— Но…

— Пойдем, — сказал я.

Бисат снова повернулся к экрану. Ведущая радостно объясняла: «И вот в эти нежные складки и складочки…»

Жена полицейского ждала нас в прихожей. Музыка по-прежнему играла, только уже потише:

Вой не вой, а итог такой:

Надо платить за удачу.

Только поздно, брат, поливать давно засохший сад,

Жизнь за деньги не взять мне назад…[17]

— Мы пойдем, — неловко сказал я. — Знаете… вам, наверное, будут еще звонить. И зайдут… с работы.

— Я хочу его увезти, — сказала внезапно женщина.

— Куда?

— Домой. В Азербайджан. Есть такой отачи, Юсуф. Травами лечит. Все лечит. Он не только травник, он гам.

— Колдун? — спросил я.

Женщина кивнула и плотно сжала губы.

— Увозите, — сказал я. — Только покажите вначале нашему знахарю, хорошо?

Женщина с подозрением посмотрела на меня.

— Он сегодня к вам придет, — сказал я. — Хороший знахарь. Поверьте.

— Что с ним? — спросила женщина.

— Не знаю, — признался я.

---

[17] Примечания: 17
И. Аутов. *Библия или культ.*

— У него будто души не стало, — сказала женщина.

— Дождитесь знахаря, — попросил я.

Мы вышли из квартиры. Я посмотрел в Сумрак — синий мох отполз еще дальше от дверей. Ему не нравилось то, что там происходило.

— Пошли, Лас, — сказал я. — Надо к Гесеру, и живо.

Но на улице нам все-таки пришлось на минуту задержаться. Перед подъездом стояла парочка — девушка с одновременно разъяренным и растерянным лицом и парень, который с воодушевлением рассказывал:

— А с твоей сестрой я только целовался, и то по пьяни. С Ленкой мы однажды переспали, она пришла, когда тебя не было…

— Придется подчистить, — решил я. — Займусь девушкой, а ты сними с парня *«Сократа»* и заставь все забыть.

— Надо ли? — задумчиво произнес Лас. — Сам виноват, пусть сам и расхлебывает…

— Ошибки надо исправлять, — сказал я. — Хотя бы те, которые можно исправить.

Лас, очевидно, думал, что мне уже кое-что понятно и мы сейчас целеустремленно спешим к Гесеру, потому что уж ему-то точно понятно все.

Кто такой этот «тигр», почему у живого человека нет ауры (и заодно еще и полностью утрачен интерес к жизни), почему нацеленные в него заклинания проходят его насквозь. На самом деле я ничего не понимал. И подозревал, что Гесер будет ошарашен не менее.

Что такое аура, если разобраться?

Это Сила. Та самая Сила, которую люди постоянно продуцируют, но использовать не могут. Сила истекает в пространство и покрывает всю Землю. Мы, Иные, продуцируем ее куда слабее — и поэтому можем впитывать из внешней среды (примерно то же самое делает синий мох, только мы куда эффективнее — и еще умеем мыслить). Если нет ауры — значит, нет Силы… нет жизненной энергии… человек или Иной — он уже мертв…

Нет, ерунду я думаю! Как это — нет ауры? Вампиры мертвы, они находятся в состоянии «послежизни», а вот аура у них есть. Своя, особая, вампирская, но есть. У Надюшки — Абсолютной волшебницы, имеющей «нулевую магическую температуру», — аура тоже имеется — и будь здоров какая!

Я потер лоб. Никогда не стремился разобраться во всех этих деталях нашего существования. Счи-

тал, пусть научная группа ломает ум… все равно все эти теории бесконечно далеки от жизни.

Итак… почему есть аура у тех, кто мертв? И у тех, кто вообще не излучает «жизненной энергии»? И почему они живы… как ни ужасно мне было ставить в один ряд вампиров и Надю, я сделал над собой усилие и попытался рассмотреть вопрос абстрактно. Без жизненной энергии жить нельзя… а мертвые и «нулевые волшебники» ее не продуцируют…

Стоп! Все элементарно. Они не излучают, но потребляют. Вампирам чужая Сила дает посмертное существование. Получается, что… что и Наде она обеспечивает жизнь. Если проводить какую-то аналогию… то моя дочь — она как человек, чей организм не вырабатывает кровь. И живет она на постоянных, непрерывных переливаниях…

Я сморщился и заерзал на сиденье. Даже думать об этом было неприятно. Может быть, поэтому я никогда и не вдавался в детали того, как связаны между собой Сила, аура, жизнь?

Ладно, это все пустое. Пусть Надя живет на чужой жизненной силе. Она живет, и с ней все хорошо. А как можно лишить человека Силы — и при этом оставить его в живых? Не убить, не превратить в вампира — а превратить в какую-то

странную разговаривающую куклу?

Не знаю.

— Задумался ты, — сказал Лас.

— Ага, — подтвердил я.

— Слушай, у меня вопрос есть… А Высшие — они видят, как душа отлетает?

— Душа? — не понял я. — Отлетает?

— Ну да. Аура — это же душа, верно? Вот когда человек умирает, видно, куда аура полетела? Я к тому, что можно было бы вычислить положение рая и ада. Если взять двух одновременно умирающих в разных концах земного шара, засечь направление отлета души, то методом триангуляции…

— Лас, аура — не душа! — возразил я. — Аура — жизненная энергия.

— А я думал — душа, — расстроился Лас. — Так душу не видно?

— Нет, — ответил я. — И когда человек умирает, то аура никуда не улетает, она гаснет.

Что-то в этом было. В вопросе Ласа, в моем ответе…

Но понять я не смог или просто не успел — мы проехали под услужливо поднявшимся шлагбаумом на нашу стоянку. И остановились прямо перед Гесером.

Вот чем настоящий Высший маг отличается от неофита вроде меня — опытом. И умением делать кучу дел одновременно. Если бы я послал кого-то по делам и отслеживал потом его действия — я бы, наверное, мог почувствовать, что он спешит обратно с важным докладом. Но мне пришлось бы этим заниматься специально. А Гесер, похоже, ощутил мое приближение так, между делом, и заинтересовался настолько, что вышел навстречу.

— Рассказывай, — коротко велел он, когда я начал выбираться из машины. — И быстро!

Быстро так быстро. Я посмотрел ему в глаза и прокрутил в голове разговор с Пастуховым и визит к Искендерову.

— Пошли в кабинет. — Гесер развернулся. Провешивать портал на таком расстоянии было бы пижонством. — Звони Светлане.

— Зачем? — доставая мобильник, спросил я.

— Я открою портал в вашу квартиру. Пусть берет Надю и идет сюда.

По спине противным холодком пробежал страх.

— Нет, я не вижу непосредственной угрозы, — сказал Гесер не оборачиваясь. — Но мне крайне не нравится происходящее. И мне нужны все Высшие Москвы.

На ходу Гесер время от времени словно бы запинался, не совсем уж останавливаясь, но притормаживая на мгновение. Похоже, он связывался с другими Высшими.

Хотя с какими другими? Светлане звоню я… что ж она не берет-то трубку… есть еще Ольга… вот и весь состав «магов вне категории» Ночного Дозора. У Дневного в активе сейчас только Завулон, у них много магов первого-второго уровня, но с Высшими последнее время не складывается…

— А мне что делать? — обиженно крикнул вслед Лас.

— Зайди в научный отдел, Иннокентия ко мне! — велел Гесер. Он любил, когда все вокруг при деле.

Светлана наконец-то ответила.

— Антон?

— Света, сейчас Гесер провесит к нам в квартиру портал…

— Уже висит, — спокойно ответила Светлана.

— Бери Надьку и дуй к нам.

— Спешно? — уточнила Света.

— Пусть возьмут вещи на день-два, — обронил Гесер. — Но особо не копаются.

Эта реплика мне совсем не понравилась. Похоже, Гесер собирался перевести Свету и Надю

«на осадное положение». Это пугало: учитывая, что речь шла о Высшей волшебнице (пусть и специализирующейся на целительстве — но, как известно, любое лечебное заклинание с тем же успехом может служить и атакующим) и волшебнице Абсолютной — то, что ей всего десять лет, не делает Надю беззащитной. Она может поставить самую банальную Сферу Отрицания — но с такой мощностью, что ее из пушки не пробьешь.

— Я слышала, — сказала Света. — Сейчас, покидаю чистого белья в сумку… Тебе чего-нибудь принести?

— А… — запнулся я. — Ну… пару носков, пару трусов…

— Рискну захватить еще и чистую рубашку, — решила Светлана.

Мы уже подходили к кабинету Гесера, когда я все-таки решился заговорить — шеф больше не вздрагивал при ходьбе, видимо, со всеми, с кем нужно, уже связался.

— Борис Игнатьевич, вы, как я вижу, поняли, что происходит…

— Ни черта я не понял, Антон, — ответил Гесер. — Ни черта. Я даже не слышал ни о чем подобном. И это… — Он пожевал губами, подбирая подходящие слова. — Это меня пугает.

Он распахнул дверь, и мы вошли в его кабинет.

Глава 4

Первое, на что я обратил внимание, — висящие в воздухе порталы. Вызванные Гесером Высшие очень спешили.

Потом я сосчитал порталы. Один, для моих девчонок, мерцал тонкой белой рамкой, ожидая, пока через него пройдут. Три портала медленно гасли.

Три?

И я уставился на тех, кто уже сидел за столом.

Ольга. Ну, это понятно. Я машинально кивнул ей.

А этот тихий старичок с растрепанными седыми волосами, в потертом костюме и старомодном широком галстуке, похожий на престарелого профессора или врача?

И этот крепкий бородатый мужчина, чье лицо мне почему-то знакомо… не из дозорной жизни, скорее — из человеческой, то ли по телевизору видел, то ли в газетах…

У нас в Дозоре таких нет.

— Спасибо, что не задержались, — сказал Гесер,

проходя к своему креслу. — Познакомьтесь. Это Антон Городецкий. Вы о нем наверняка слышали.

— Кто же не знает Антона Городецкого? — с улыбкой сказал старичок.

— Это — Марк Эммануилович Жермензон, — представил его Гесер. — Высший Светлый. Боевой маг.

— Сергей, — представился второй. — Сергей Глыба. Высший Светлый.

— Я вас знаю, — вспомнил я наконец-то. — Вы… вы же этот…

— Прорицатель! — радостно подтвердил он.

Он действительно был прорицателем. Из числа тех, что публикуются в «желтых» газетах и не менее «желтых» журналах, толкутся на телевидении, сидят среди приглашенных гостей «на первом ряду» в бесчисленных ток-шоу. Он предсказывал финансовый кризис, когда тот заканчивался. Укрепление рубля перед тем, как тот падал. Замену долларов в США на неведомые «амеро». Падение астероидов. Прилет инопланетян. Эпидемию козьего гриппа. Неслыханный рост российской экономики. Тайфуны и землетрясения.

Если бы все его прогнозы сбывались с точно-

стью до наоборот, то в них был бы смысл. Но это была обычная предсказательная болтовня по принципу «трех П» — пол, палец и потолок. Иногда в прессе над ним хихикали, но его импозантный облик и бойко подвешенный язык нравились читателям (точнее — читательницам), и без работы он не оставался.

— Вы прорицатель? — сказал я с сомнением.

— Антон, ну что же вы, думаете, я буду всерьез прорицать для людей? — с улыбкой ответил Сергей.

— Никогда не видел вас в Дозоре, — сказал я.

— А они не в Дозоре, — мрачно сказал Гесер. — Марк Эммануилович, можно сказать, на пенсии.

— По ранению, — с веселой улыбкой уточнил Жермензон.

— А Сергей просто не хочет служить, — добавил Гесер.

— Имею право, — ответил Глыба. — Хочу жить как человек.

Из последнего портала вышла Света, держащая за руку Надю. Портал немедленно погас.

— Здравствуйте, — очень вежливо сказала Надя. — Дядя Гесер, тетя Оля, здравствуйте.

Я увидел, с каким нескрываемым любопытством уставились на мою дочь Марк и Сергей, и

усмехнулся.

— Все прибыли, прекрасно, — сказал Гесер. — Начинаем работать. Вы все в курсе того, что узнал Антон…

Ого… быстро он. Не только позвал, значит. Еще и проинформировал.

— У нас чрезвычайная ситуация, — продолжал Гесер.

— Полагаю, очень сильно чрезвычайная? — уточнил Марк Эммануилович.

— Крайне, — неожиданно сказал Глыба, запрокидывая голову и закрывая глаза. — Гесер… спасибо, что всех собрал.

— Что видишь? — не глядя на прорицателя, спросил Гесер.

— Ничего.

— Тогда откуда панические настроения?

— Я ничего не вижу, Гесер. — Сергей потер лоб и криво улыбнулся. — Вот откуда и паника. Ты же знаешь, я всегда что-нибудь да вижу…

— Обычно — всякие гадости… — буркнул Гесер.

— Жизнь такая. А сейчас — пусто.

— Ты что, конец света предрекаешь? — заинтересовался Жермензон. — И что-таки, потом ничего?

— Да не обязательно. — Глыба поморщился. — Уж с твоим опытом, Эммануилыч, стоило бы знать азы прорицания. «Слепота прорицателя» возникает в ситуации, когда на ближайшее будущее воздействуют силы, превосходящие силы прорицателя как минимум на порядок. То есть для второго ранга это будет маг первого уровня, для первого уровня — Высший маг…

— И в результате мы получаем замечательную картину — в Москве появилась сила, на порядок превосходящая Высшего мага, — подытожил Гесер. — Не знаю, как вам, а мне это кажется близким к апокалипсису…

— Дядя Гесер. — Надя, присевшая рядом со Светланой за дальний конец стола, подняла руку будто в школе. — Силы Высших не могут различаться на порядок, нас так в школе учили…

Гесер поморщился и попросил:

— Надя, давайте, пожалуйста, без «дядя». Ты уже… э…

— Большая девочка, — послушно сказала Надя. — Ну так нас учили, что сила Высших магов практически одинакова, небольшие колебания, замеренные в ходе прямых силовых противостояний вроде Пресса, никакого значения не имеют и не являются стабильными. Сегодня чистая Сила

выше у одного Высшего, завтра у другого. Основное значение в противостоянии Высших имеют опыт и тактика ведения поединка.

— Исключение из правила? — спросил Гесер с любопытством.

— Так называемые нулевые маги вроде меня, — без лишней скромности ответила Надя. — Мы бесконечно превосходим силой любых магов, включая Высших, поскольку теоретически можем создать заклинание любой мощности.

— Любое, но в рамках существующей на Земле магической энергии, — уточнил Гесер. — Точнее формулируй!

— Да я просто не успела закончить, — сказала Надя.

Выкрутилась!

— Хорошо, пять с минусом, — сказал Гесер. — И что же ты хотела сказать?

— Как может существовать маг, на порядок превосходящий Высшего прорицателя? Это либо нулевой, либо…

— Ну, ну! — подбодрил Гесер.

— Либо вообще не маг. — Надя внезапно смутилась и подалась к матери. Светлана обняла ее за плечи. Я поймал взгляд дочери и одобрительно кивнул.

— Мы не можем исключить существование другого нулевого мага полностью, — сказал Гесер. — Но и предпосылок к этому нет.

— В том числе не было и никаких предсказаний на этот счет, — заметил Глыба. — А Надя была предсказана.

— Давайте рассматривать другие варианты, — сказал Гесер. — Маг, даже нулевой, — это всего лишь маг.

— Зеркало? — тихо спросила Светлана.

Повисла напряженная тишина.

Зеркало — это плохо. Это очень плохо, потому что с ним практически невозможно бороться. Зеркало порождается Сумраком… то есть никто на самом деле не знает, как и почему обычный неинициированный Иной с неопределенной аурой, одинаково склонный к Свету и Тьме, превращается в Зеркального мага. Зато известно, почему он появляется и что потом происходит. Зеркальный маг приходит в то место, где сильно нарушен баланс Света и Тьмы, после чего встает на сторону проигрывающей стороны. Ну и… ликвидирует разрыв. Самым банальным способом — либо убивая магов, либо лишая их силы. Светлана одиннадцать лет назад потеряла большую часть своей силы — и еще счастье, что ей удалось

восстановиться так быстро.

— Это не может быть Зеркало, — сказал Гесер и покачал головой. — Зеркальный маг поднимается по уровням лишь в ходе поединка с обычными магами. У нас кто-нибудь из Высших с Зеркалом сражался?

— Темные? — предположил Марк Эммануилович.

— У них в Дозоре один Высший, сам Завулон.

— А Юрий и Николай? — удивленно поднял бровь Жермензон.

— Юрий семь лет назад перебрался в Минск, там у него карьерные перспективы более внятные, — усмехнулся Гесер. — А Николай — как вы. В запасе уже пятый год. По-моему, ничем не занят, кроме рыбалки на Ахтубе…

— Он еще пишет любовные романы под женским псевдонимом, — вставила Ольга.

— Да? — неожиданно заинтересовался Глыба. — И как?

— Читать можно, — оживилась Ольга. — Особенно…

— Тише! — Гесер постучал пальцем по столу. Звук был неожиданно громким. Прикрыл глаза, посидел несколько секунд молча. — Я попросил Завулона проверить его Высших из запаса. Но,

полагаю, никто из них ни с кем не сражался. Да и с какой бы стати Зеркалу убивать Темных? При нынешнем раскладе сил он опять должен убивать нас!

— Тогда кто? — Жермензон развел руками. — Если не Зеркало… кто-то из древних магов? Были же среди них нулевые… ну… или близкие к тому…

— Кто и зачем? — ответил вопросом Гесер. — Главное — зачем? Тайком явиться в Москву, проделать невесть что с попавшимся на пути человеком… Нет, давайте рассмотрим альтернативные варианты!

— Не Зеркало и не неизвестный нам Выс… э… нулевой маг? — спросил Глыба.

— А какие варианты еще могут существовать? — впервые задала вопрос Светлана. — Вы извините, Борис Игнатьевич, у меня на плите борщ недоваренный остался, Надя сидела уроки делала, тут вы нас выдергиваете… и, как я вижу, сами не понимаете зачем!

Гесер посмотрел на меня. И сказал:

— Давай-ка ты, Антон. Что тебя пугает?

Я подумал минуту, прежде чем начать отвечать.

— Самолет… Самолет, который должен был

упасть, но не упал. Мальчик-пророк, который так удачно попался мне на глаза. Его слова… относительно меня в первую очередь. Полицейский, с которым я столкнулся много лет назад и который теперь видит Иных, сам Иным не являясь. Его напарник, у которого исчезла аура и которому теперь все поровну. Неизвестный, которого полицейский назвал «тигром». То, что оба полицейских описали неизвестного совершенно по-разному. Невозможность предвидеть события для Высшего мага-прорицателя.

— Как это все может быть взаимосвязано?

— Не знаю, — честно сказал я.

— И что именно тебя пугает? Неужели слова про «тигра»? Так твой полицейский и нас называет «собаками», и Темных «волками».

— Меня пугает концентрация странностей, — сказал я. — Все началось сегодня утром. Восемь с половиной часов назад! И столько всего сразу!

Гесер кивнул. Кажется, он был удовлетворен моими словами.

— Правильно. Очень много странностей. Совпадением это быть не может, значит, должна быть общая причина. Предлагайте свои варианты.

— Вы прямо как доктор Хаус, Борис Игнатьевич, — с иронией произнесла Светлана.

— Что?

Это был один из тех редких случаев, когда я видел шефа растерянным. Он, по-моему, совсем не интересовался кинематографом, а по телевидению смотрел только новости и фигурное катание — чем-то оно его привлекало.

— Не важно, — сказала Светлана. — Доктор такой… известный. Он тоже предлагал подчиненным выдвигать безумные теории, а сам выбирал из них правильную.

Гесер с легким сомнением смотрел на Светлану. Потом кивнул и сказал:

— Надеюсь, у этого доктора более инициативные подчиненные. Я пока ни одной версии не слышу.

— Божественная сущность, — неожиданно сказал Жермензон. — Нет, я не веду речь о Боге или мессии, но, возможно, мы имеем дело с проявлением какой-либо сакральной, мистической сущности…

— Пенсия на тебе вредно сказывается, Марк, — сказал с раздражением Гесер. — Единственная мистическая сущность в нашем мире — это мы, Иные. Все остальное — человеческий фольклор.

— Ну, некоторые Иные так не считают… — пробормотал Жермензон, впрочем, без особого

напора.

— Значит, это фольклор Иных! — отрубил Гесер. — Серьезные версии есть?

— Порождение изначальной Силы, — предположил Глыба. — Света или Тьмы…

— Это та же самая «божественная сущность», только другими словами, — сказал Гесер.

— Но Свет и Тьма существуют, — пожал плечами Глыба. — Когда мы клянемся Светом, он подтверждает наши слова.

Гесер поморщился.

— Софистика. Мы не знаем, как и почему это происходит. Ты знаешь? Я — нет. Возможно, кто-то из Великих магов древности создал заклинание, которое действует до сих пор. Подозревать Свет и Тьму в осознанной деятельности — это…

— Это все равно как предположить, будто Сумрак создаст Зеркало и пошлет проигрывающей стороне… — мягко сказала Ольга.

Гесер заткнулся.

Именно заткнулся, а не замолчал. Посидел, глядя в столешницу, потом сказал:

— Версия принимается. Она нелепа. Она мне не нравится… потому что я боюсь чего-то подобного. Но как версия — принято. Еще?

Надя снова подняла руку.

— Мне кажется, Борис Игнатьевич, что гадать сейчас вовсе не нужно, — сказала она. — Ну какая нам разница, кто именно появился? Мы ведь уже знаем, что он очень сильный и делает странные вещи. И пусть! Нам надо понять, чего он хочет.

— И?.. — спросил Гесер.

— Па… Антон… — Надя покраснела.

— Ничего, мы в курсе, что он твой папа, — неожиданно мягко сказал Гесер. — Говори.

— Все началось с того, что папа увидел мальчика-пророка, который боялся лететь на самолете, потому что самолет должен был упасть, — явно смущаясь, начала Надя. — Ну, он мальчика и его маму спас, так? А если кто-то тоже хотел его спасти, только поступил проще, спас сразу весь самолет? Поэтому самолет и не упал. Ну а когда понял, что мальчика там уже нет, то отправился его искать…

— История с полицейскими? Почему он так прокололся? Оставил не просто свидетелей, а свои следы?

— Он не прокололся. Он… он представился, — тихо сказала Надя.

— Оставил визитную карточку! — Ольга щелкнула пальцами. — Верно. Понял, что один из полицейских распознал в нем Иного. Воздей-

ствовал на его напарника. Но с чего он решил, что мы выйдем на этих полицейских, да еще так быстро?

— Если тот полицейский обычный человек, но видит Иных, — это может быть последствием общения с папой, — сказала Надя. — Нас учили, что заклинание может оставить побочный эффект, след… И этот след обычно завязан на того мага, который заклинание накладывал. Вдруг кто-то увидел на полицейском след — и понял, что он с папой связан? Для него это было… ну, как собаку пнуть — чтобы завизжала и хозяин обернулся…

— Ничего себе сравнение, — сухо сказала Ольга.

— Извините, — ответила Надя. — Я же с его точки зрения сужу…

Я обратил внимание, что Гесер уже с полминуты сидит с закрытыми глазами. И медленно багровеет. Потом Гесер открыл глаза и встал:

— Так. Я не слышу Семена. И не могу с ним связаться. Кто-нибудь, попробуйте!

Ольга тоже прикрыла глаза.

Глыба картинно приложил ладонь ко лбу.

Жермензон пожевал губами.

Светлана нахмурилась.

А я достал мобильник и нажал одну из клавиш

«горячего вызова».

— Да, Антоха? — жизнерадостно ответил Семен.

— Ты где?

— Я? Я в гостях у Оли и Кеши. Чай пью. Рассказываю, какая у нас замечательная школа для художественно одаренных детей.

— Гесер не может с тобой связаться, — сказал я.

Последовала короткая пауза, после которой Семен сказал.

— А ты знаешь, я тоже не могу. Ни с кем. Как-то глухо… в эфире…

— Скажи, что мы едем, — быстрым шагом направляясь к двери, приказал Гесер. — Антон, Марк, Ольга, вы со мной! Светлана, Сергей, вы за старших по Дозору.

— Я не в штате! — возмутилась Светлана.

— Считай, что тебя призвали, — бросил Гесер не оглядываясь.

— Света, если мы сейчас будем спорить, — мягко сказала Ольга, поднимаясь вслед за Гесером, — ребенок может погибнуть. И Семен тоже. Понимаешь?

И Светлана, которая на моей памяти уже сотню раз отбивалась от попыток Гесера хоть как-то

привлечь ее к делам Дозора, сразу осеклась. Лишь спросила вслед:

— Что именно мне делать?

— Убивай все непонятное, что попробует войти в офис, — ответил Гесер.

— Я врач, а не убийца! — возмутилась Света.

— У каждого врача должно быть свое кладбище, — отрезал Гесер.

Когда мы выбежали во двор, шлагбаум на въезде был уже поднят, а в разъездную машину — потрепанный японский «паркетник» — садились Алишер и Гарик — видимо, они сегодня были дежурными.

— Марк Эммануилович, будь добр, сядь к ребятам, — бросил Гесер.

Похоже, он всерьез считал необходимым присутствие в каждой машине хотя бы одного Высшего.

А мы уселись в старый «БМВ», на котором Гесер ездил сколько я себя помню. Я сел впереди, Ольга — на заднее сиденье, Гесер — за руль. Обычно он так не делал, я даже не был уверен, что Великий умеет водить автомобиль.

Оказалось — умеет, да еще как. Мы вылетели на улицу и с ходу рванули по встречке, которая, очевидно, показалась Гесеру более свободной от

транспорта. От дружных проклятий водителей и возгласов о распоясавшихся депутатах и чиновниках, которые ездят как хотят, нас спасало только одно.

Машина была невидима.

Причем Гесер использовал не обычное заклинание вроде Сферы Отрицания или его аналогов. Мы были совершенно невидимы. Мы были пустым местом, несущимся по дороге сквозняком, пустотой — с точки зрения любого водителя.

Честно говоря, это напрягает, даже если за рулем сидит Высший маг, чей водительский стаж в принципе может превышать сотню лет.

Но Гесер, оказывается, не собирался играть в салки с московскими автомобилистами. Еще через мгновение машина соскользнула в Сумрак.

Войти в Сумрак может каждый Иной. Привести с собой человека, пронести что-либо — тоже задача чисто техническая.

Но вот протащить в Сумрак машину!

— А помнишь, как мы на боевом слоне в Сумрак въехали? — внезапно спросила Ольга и засмеялась.

Шутит или всерьез? Кто ее знает…

Теперь мы мчались по сумеречной Москве. Первый слой — самый близкий к реальности. Тут

даже есть дома, машины, люди. Все сероватое, тусклое, заторможенное — но еще настоящее. Почти настоящее. Только добавился синий мох на дорогах и стенах домов…

И машина радикально изменилась. Старый, но крепкий немецкий автомобиль будто потек, меняя пропорции, салон сделался куда старомоднее, руль в руках Гесера сжался, став тоненьким, с блестящим никелированным ободком внутри и эмблемой в виде горделивого оленя посередине. Такая же фигурка оленя выскользнула из капота. Приборная доска выгнулась горбом, выпятив перед Гесером полукруглый спидометр, под которым прятались четыре крошечных прямоугольных циферблата. Посередине вместо простенького борткомпьютера возник совсем уж примитивный радиоприемник на два диапазона, а прямо передо мной — круглые механические часы.

— Да, — сказал Гесер. — Я предпочитаю отечественные машины. «Волга», вторая серия. Мой верный боевой конь. Прошу никому не рассказывать… знаю я вас, остряков…

Это была не просто видимость — я почувствовал запах кожаной обивки и заелозил на скользком сиденье. Ну надо же… даже не знал, что советский

автопром выпускал «Волги» с кожаным салоном и автоматической коробкой… может, тут еще и подушки безопасности есть… не помешали бы!

Нет, ну каков шеф-то! Ездить на старой «Волге», маскируя ее под старенькую, но приличную «бэху»! Честно говоря, не ожидал от него такого стеснительного патриотизма… или это не патриотизм, а консерватизм?

Впрочем, патриотизм и консерватизм, как правило, неразделимы.

Гесер крутанул руль, уворачиваясь от «рейнджровера», стоящего посреди дороги. Странная это была машина — вся разукрашенная какими-то рекламными надписями, прогнившая насквозь, с вывалившимся из капота двигателем. Скорее всего в реальном мире ее уже давно не было, в Сумраке догнивал информационный фантом — такое бывает с предметами, которые по тем или иным причинам долго были объектом человеческого внимания. Последствия какого-то ДТП, что ли?

— Нет, надо поглубже, — внезапно сказал Гесер.

И вот тут он меня удивил по-настоящему. Крякнул — и мир вокруг совсем выцвел.

Мы были на втором слое Сумрака.

Дома стали деревянными. Очень странно выглядят деревянные дома в девять-десять этажей, честное слово. Дорога превратилась в проселок, извилистый и покрытый кочками. Люди почти исчезли, со второго уровня они плохо различимы. Все стало серым. Вместо машин над дорогой висели облачка пара — будто выдохнули полной грудью в холодный день…

Ну и конечно же, стало очень холодно.

И машина опять изменилась.

Очень заметно и в лучшую сторону.

Выгнувшийся в прыжке олень на капоте трансформировался в крылатую девушку.

Некоторое время я смотрел на эмблему в виде двух переплетенных латинских букв «R». Потом спросил:

— Борис Игнатьевич, так вы предпочитаете отечественные автомобили?

Гесер молча гнал «роллс-ройс-фантом» по пустым дорогам, беззаботно проносясь сквозь пар и человеческие тени. Большинство ничего не заметит. Некоторые ощутят на секунду холодок на коже и почувствуют глухую, безысходную тоску по чему-то прекрасному, захватывающему… чего им никогда не дано испытать. Американцы в таких случаях говорят: «Кто-то прошел по моей

могиле».

На самом деле все чуточку страшнее — сквозь тебя в этот миг прошел Иной.

— Все врут, Антон, — неожиданно ответил Гесер. — Все врут.

Похоже, телевизор он все-таки смотрит.

А его консерватизм все-таки не равен патриотизму.

— Хорошая машина, — признал я. — Так… между нами, конечно.

По второму слою мы ехали с той же скоростью, как и в обычном мире. Ну, за исключением того, что у нас на пути не было пробок. Но Гесера, конечно, интересовало не это. Главное было в том, что время здесь шло куда медленнее, чем в реальности. К Семену мы приедем буквально через минуту после звонка.

Впрочем, тот, кто к нему идет, тоже может двигаться через Сумрак. И даже спуститься на слой-другой ниже.

Конечно, если к нему вообще кто-то идет.

Внезапно Гесер выругался. В принципе языка, на котором он сейчас заговорил, я не знал. Наверное, на этом языке говорили на Тибете во времена его детства. Но интонация сомнений не вызывала — шеф ругался.

— Фи, Гесер, — подтвердила мою догадку Ольга.

— Ничего необычного не замечаете? — спросил Гесер.

Я огляделся. Сказал:

— Сумрак. Синий мох. Все как обычно.

— Мы на втором слое, — задумчиво произнесла Ольга. — Откуда здесь синий мох?

Мха, если честно, было немного. Иногда — пятна на дороге, иногда — на стенах. Бесцветность второго уровня делала их едва заметными, но они и впрямь здесь были.

Синий мох — на втором уровне Сумрака!

— Никогда такого не видел, — признался я.

— Дело в том, что и я такого не видел, — произнес Гесер. — Вот разве что…

Но закончить он не успел — прямо перед лобовым стеклом «роллс-ройса» полыхнул файербол.

Глава 5

Если разделить всю существующую магию на две части, то проще всего делить ее на боевую и бытовую. Вопреки расхожим мнениям начинающих Иных бытовой получится раза в два, а то и в три больше. На самых первых занятиях в

Ночном Дозоре это старательно вдалбливается в головы новичков — магия предназначена не для зла, не для войны, не для убийства… на любой файербол или «поцелуй ехидны» найдется штук пять мирных заклинаний — «дробилка» для измельчения мусора, «утюг» для глажки белья, «шило» и «сверло» для проделывания дырочек в домашних условиях, «Прометей» для легкого и удобного розжига костра или барбекю…

Довольно быстро, впрочем, новички понимают, что почти все бытовые заклинания прекрасно работают и в боевых условиях. По сути, единственные их недостатки — они либо более медленные, либо затрачивают больше Силы, чем специализированная боевая магия. За то время, пока начинающий Иной создает и настраивает «сверло» или прилаживает к физиономии противника «утюг», можно раз десять шарахнуть Тройным Лезвием.

Поэтому после краткого интереса к нестандартным способам применения «дробилки» или «вантуза» большинство Иных перестают экспериментировать и начинают пользоваться бытовой магией в быту, а боевой — в бою.

Кроме некоторых Иных. Тех, кто рано или поздно заслужит уважительное звание боевого мага.

Именно они в конце концов постигают главную истину — очень просто и эффектно получается колотить друг друга файерболами или давить Прессом. А еще — очень долго. Потому что противник от тебя этого ожидает. И закрывается «барьером воли», Сферой Отрицания, Щитом Мага… Вот и стоят друг против друга Светлый и Темный, молотя друг друга заклинаниями, закрываясь от них, порой еще успевая переругиваться при этом. Может быть, оно и хорошо. Все-таки большинство магических поединков ведутся не насмерть, а пока противник не сдастся или не покинет поле боя. Иначе мы бы уже давно сами себя поубивали.

А вот если в бой вступает настоящий боевой маг — то все происходит совсем иначе. Он применяет старую добрую лечебную «ивовую кору» или его развеселую темную вариацию «аспирин». И не ожидающий этого враг внезапно обнаруживает, что температура его тела упала до температуры окружающей среды. Боевой маг не швыряет Тройное Лезвие, он использует простенькую «тёрку», которой Светлана делает для Надюшки витаминный салат из яблока с морковкой, а я отчищаю кастрюли, если что-то пригорит… И противник становится на миллиметр-другой тоньше. Сразу

со всех сторон. После этого обычно бой никто продолжить не может.

Я, конечно, до настоящего боевого мага не дорос. Но и файерболами уже давно не кидаюсь.

Впрочем, такой файербол, как летящий сейчас в нас, был достоин всяческого уважения. Это был файербол премиум-класса, выражаясь языком менеджеров торговых компаний. Это был царь-файербол, говоря поэтически. Это был альфа-файербол, как сказал бы биолог. Это был файербол диаметром около трех метров, мог бы заметить очень хладнокровный математик.

Это был обосраться какой страшный файербол!

— Мать твою! — завопил Гесер, выкручивая руль. В минуту настоящего ужаса только русский язык мог передать все его чувства. Я горжусь великой русской культурой!

«Роллс-ройс» рванул влево — как любой водитель, Гесер непроизвольно поворачивал так, чтобы подставить под удар не себя, а соседа. Ничего личного, просто рефлексы.

У меня они тоже были — я ударил руками в стекло, к своему великому удивлению, выбив его наружу, и направил к летящему в нас огненному шару раскрытые ладони. Что я хотел сделать — Сферу Отрицания или Щит Мага, — я даже и

сам не понял. Потому что оказалось, что я уже непроизвольно делаю Пресс — бью в сгусток пламени чистой Силой.

Инстинктивная реакция оказалась удачной. Выдержал бы Щит удар такого мощного файербола или нет — это еще вопрос. Успел бы Гесер уклониться — тоже непонятно. Хороший файербол самонаводится на цель подобно современной ракете.

А вот удар Силой помог. Файербол расплескало во все стороны, будто горящее масло. Какие-то мелкие сгустки пламени ударили и по машине — но Ольга тоже не зевала, нас накрыло полупрозрачной чешуей какой-то хитрой защиты, да и сама машина, похоже, была от души накачана заклинаниями. Пламя стекло вниз, под колеса, и мы проскочили сквозь ревущий огненный шторм.

Как раз вовремя, чтобы увидеть противника.

Мне он ничуть не показался похожим на то описание, что дали полицейские.

Совсем молодой, чуть больше двадцати.

Стройный, светловолосый.

Приятное лицо, очень доброжелательное, какое-то даже благородное.

Одежда светлых тонов (цвет на втором слое Сумрака не разглядишь) и плащ. Честное слово,

плащ! Настоящий, развевающийся за плечами, будто у какого-нибудь комиксового Супермена!

Парень стоял и задумчиво смотрел на машину. Не то чтобы с разочарованием… Но с некоторым удивлением.

— Идем, — сказал Гесер, выключая зажигание и выбираясь из-за руля.

Мы с Ольгой последовали за ним. Вне машины холод Сумрака вцепился в нас мертвой хваткой. Дул ровный стылый ветер, вечный ветер второго слоя.

— Кто ты такой и что тебе нужно? — крикнул Гесер.

Парень не ответил. Похоже, он размышлял.

— Ночной Дозор! Выйти из Сумрака! — сказал я, не переходя на крик, но погромче, поубедительнее.

— Иначе мы применим силу, — поддержала меня Ольга.

Парень начал улыбаться. А Гесер вполголоса произнес:

— Вот это я бы не стал говорить, вдруг он сам…

И он действительно все сделал *сам*. Уж не знаю, что хотел сказать Гесер, но незнакомцу самости было не занимать. Парень развел руками — мне показалось, что он лепит из воздуха новый фай-

ербол, чуть поменьше прежнего, но свечения не возникло, хотя какая-то сила в его ладонях мерцала, что-то готовилось…

— «Фриз»! — крикнула Ольга, и я отреагировал на ее слова как на команду — со всей силы, что была, ударил в незнакомца заклинанием локальной остановки времени.

А что? Если разобраться — гуманно и надежно. Враг обездвижен, беспомощен, но совершенно цел. У нас есть время разобраться и что-то сделать, у него времени нет.

Вот только Ольга вовсе не просила применять «фриз». Она предупреждала о том, что собирается сделать чужак.

Гесер внезапно исчез — похоже, прыгнул вниз или вверх по Сумраку. Ольга гигантским прыжком, которому позавидовал бы не то что Брумель, а даже и голодный вампир, отлетела в сторону метров на десять.

А я остался стоять как дурак прямо под идущим на меня «фризом»…

Но зависнуть посреди Сумрака, мухой в янтаре остановившегося времени, мне было не суждено. Мой собственный «фриз» — куда более слабый, чем у врага, — влетел в несущееся навстречу заклинание. И как это частенько с заклинаниями

бывает — они мгновенно взаимодействовали.

Посреди мрачной серой дороги, зажатой между карикатурными деревянными домами, повис сверкающий, будто драгоценный камень, многогранник. Он медленно вращался, оседая вниз, в землю. Силуэт противника за ним дробился на множество крошечных фигурок.

— Старый дурак! — рявкнул Гесер, возникая рядом со мной. Взмахнул руками — за прозрачным кристаллом полыхнуло зеленым пламенем.

— Не стоит так убиваться, шеф, — не удержался я.

И встретил непонимающий взгляд Гесера.

— Рад, что ты способен шутить, но я — о нем. — Гесер кивнул в сторону зеленого огня. — А ты, Антон, на сегодня все запасы удачи явно исчерпал. Сбить «фриз» «фризом» — задачка не из легких.

— О нем? — уточнил я, кивая на парня. Посмотрел на зеленое пламя — оно медленно гасло. — Что это такое?

— Оно его затормозит, — уклончиво, но очень убежденно сказал Гесер.

Зеленый огонь погас.

Парень отряхнул с плаща какие-то липкие зеленые искры и посмотрел на нас. На этот раз

— совсем не по-доброму.

— Ого, — сказала Ольга, возвращаясь к нам. — На «тайгу», значит, мы плюем…

— Что-то страшное грядет, — сообщил Гесер, после чего снял пиджак и бросил его на землю. Он что, на кулачках подраться решил?

Парень, похоже, и против рукопашной ничего не имел — двинулся по дуге, обходя замороженный «фризом» участок пространства. И несмотря на весь его симпатичный, благообразный облик, я как-то очень четко вспомнил слова Пастухова.

«Тигр»…

И в этот момент послышался звук работающего мотора. Боевой маг Жермензон с командой наконец-то нас догнал. Они выскочили из машины, по-моему, даже раньше, чем она остановилась. Гарик с ходу поставил Щит Мага, причем, судя по мощности, использовав какой-то служебный амулет. Жермензон выдвинулся вперед, Алишер встал за ним, чуть наклонив голову и прижав ладони к сердцу, — похоже, он собирался работать на подхвате, подкачивая Жермензона энергией.

Парень остановился, оценивая диспозицию. Честно говоря, непонятно, что он собирался в такой ситуации ловить — против него было четыре Высших мага, да еще и пара оперативников,

пусть и уступающих в силе, но имеющих неплохой боевой опыт.

Жермензон повел рукой — снизу вверх, будто поднимая невидимый груз. Между ним и незнакомцем вспучилась земля. Выросла трехметровым столбом. Столб подрагивал, потом приобрел очертания гротескной человеческой фигуры, рядом с которой боксер Николай Валуев выглядел бы стройным и красивым, пускай и низкорослым, манекенщиком.

Мне доводилось встречаться с големами. Пожалуй, даже чаще, чем я хотел для общего развития. Но вот сотворение голема, причем настолько быстрое, без всяких там заложенных в глину рун и манускриптов, без явного программирования, я видел впервые.

— Ох уж мне эти еврейские штучки! — сказала Ольга.

Парня голем явно смутил. Он сделал какое-то неуловимое движение — и на голема будто рухнул чудовищный груз, сминая и вдавливая обратно в землю. Вот только голема это не смутило. Он всосался в землю и тут же вынырнул из нее в другом месте, гораздо ближе к незнакомцу. И протянул к нему здоровенную руку.

Опять легкое движение пальцев, шевеление

губ — и протянутая к незнакомцу рука стала разваливаться, осыпаться на землю комьями глины, будто невидимая мясорубка шинковала ее на ходу.

Голем на это никакого внимания не обратил — продолжал тянуть руку. Падающая на землю глина шевелилась и всасывалась в его ноги, так что никакой потери массы не происходило.

— Ше илех адони а нэхбад ми а маком а зэ! — крикнул Жермензон.

Парень отступил на шаг. Бросил быстрый взгляд в нашу сторону. Потом на Жермензона.

И в этот момент за его спиной сгустилась тьма. Оформилась в болтающуюся в воздухе чернильную кляксу. Из кляксы выступила шипастая нога, похожая на конечность гигантского богомола. Вслед за ногой появился и ее владелец — не уступающий ростом голему демон.

Увы, кавалерия прибыла к шапочному разбору. Парень бросил быстрый взгляд на демона, развел руками — и исчез. Без всяких вспышек, блесток, искр. Не открывая порталов, не растворяясь в воздухе и не проваливаясь сквозь землю. Просто исчез.

Очень разумно с его стороны. Если против тебя выступают главы Ночного и Дневного Дозоров

плюс сопутствующие им Высшие — лучше всего свалить куда-нибудь подальше.

Голем помедлил, а потом всосался в землю. Обычно големы, созданные для выполнения одного конкретного задания, рассыпаются в прах. Но этот не рассыпался… и, похоже, он свое задание выполненным не считал.

— Здравствуй, Завулон, — сказал Гесер.

Демон трансформировался в человека — обычного невысокого человека неопределенного возраста и с незапоминающимся лицом. Меня всегда удивляло, почему Темные ходят сквозь нижние слои Сумрака в устрашающем обличье. Когда-то я думал, что там скрываются неведомые мне опасности, но я уже давно не начинающий неопытный маг. Я проходил сквозь Сумрак насквозь, сквозь все его слои, и знаю, что никаких кровожадных тварей там нет.

Или я все-таки не прав? Может быть, у Темных свои дороги, не похожие на наши?

— И ты здравствуй, Гесер, — кивнул Завулон. — Что это была за мерзкая тварь?

Я рассмеялся. И хохотал до тех пор, пока в лице Гесера не появилось понимание.

— Ты видел отвратительного злобного демона, Завулон? — спросил он.

Темный нахмурился. Кивнул.

— Я видел хитрого немолодого мужчину, — сказал Гесер. — Антон, полагаю, приятного и простого парня. Жермензон — мудрого старого еврея. Ольга — ловкую и коварную женщину.

— Ты забыл добавить, что видел не простого хитрого немолодого мужчину, а еще и очень скромного хитрого немолодого мужчину, — сказала Ольга.

— И очень себя уважающего, — фыркнул Завулон. — Но, между прочим, он исчез, только когда появился я.

— Может быть, у него просто развито эстетическое чувство... — пробормотал Алишер. Но негромко. Не самая лучшая идея для обычного Светлого мага — ссориться с Высшим Темным.

В квартиру, где жила маленькая семья Толковых, мы поднялись втроем — я, Гесер и Завулон. Предварительно Завулон вежливо подтвердил, что Дневной Дозор не претендует на инициацию мальчика-пророка, но ему, Завулону, было бы интересно на ребенка взглянуть. Просто для общего развития. Потому что настоящий пророк попадается раз-другой в поколение, а уж пророков, за которыми бросается в охоту «тигр», ему вообще встречать не доводилось.

— У тебя мысли какие-то по этому поводу есть? — спросил Гесер, когда мы поднимались в лифте.

Завулон кивнул и даже слегка улыбнулся.

— Есть, Гесер. Есть. Как хорошо, что этого мальчика встретили вы и он не наша головная боль.

— Ну надо же, Дневной Дозор отказывается от пророка, — пробормотал Гесер. — Ты, наверное, и воевать бы за него с «тигром» не стал?

— Стал бы, — с сожалением признал Завулон. — Жадность заставила бы. Но мне очень не понравилось, что четыре Высших Светлых не смогли не то что победить, а хотя бы напугать одного чужака.

— И кто он, этот чужак? — спросил я.

Завулон посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то очень недоброе. Нет, сейчас между нами нет личной вендетты. Но гадостей мы друг другу сделали много. Так уж сложилось, что я, будучи рядовым сотрудником Дозора, ухитрился напакостить Завулону… и стать его персональным врагом. Сейчас у нас как бы перемирие.

Но Темные становятся Высшими не потому, что умеют забывать или прощать. Они просто умеют ждать.

— Не знаю, Антон, не знаю, — со вздохом произнес Завулон. — Вначале я подумал, что речь все-таки о Зеркальном маге. Но Зеркало отражает только чужую силу, а не внешность. Да и вел он себя… — Завулон осекся.

— Договаривай, — дружелюбно сказал Гесер. — Чего уж там.

— Кстати, ты не забыл, что я вам сейчас помог? — спросил Завулон.

Мы вышли из лифта на одиннадцатом этаже.

— Не забыл, — сказал Гесер. — И я готов прийти на помощь тебе…

— Дневному Дозору, — поправил Завулон.

— Дневному Дозору Москвы, — согласился Гесер, — в той ситуации, когда это не будет явно вредить целям и интересам Ночного Дозора или людей.

— Уклончиво, но приемлемо, — кивнул Завулон. — Враг мой любезный, я тебе даже несколько сочувствую. У меня полное ощущение, что ваш «тигр» — не человек.

— Почему наш? — спросил я.

— Почему не человек? — спросил Гесер.

— Готов ответить на один вопрос, — радостно сообщил Завулон. — Выбирайте, на какой.

Гесер презрительно фыркнул и сказал:

— Вообще-то ответы на оба вопроса элементарны. У него не было ауры вообще. Вряд ли он мог замаскировать ее от нескольких Высших. И он выглядел по-разному для каждого из нас. Значит, он вообще не материален, а просто отражается в нашем сознании. А «наш» он по той причине, что его интересует мальчишка, который теперь под нашей защитой.

— О, то есть в ответах вообще нет нужды? — обрадовался Завулон.

Иногда мне кажется, что пикироваться вот так они могут вечно.

— Ответь на вопрос Антона, — сказал Гесер. — Почему «тигр» — наша проблема.

Завулон кивнул:

— Изволь. На мой взгляд, дело не в том, что он охотится за мальчишкой. Возможно, он просто хотел погладить его по головке и пожелать успехов в борьбе за дело Света. Куда интереснее, что «тигр» ушел после моего появления.

— Он не рискнул биться на два фронта, — сказал Гесер, мрачнея с каждой секундой.

Завулон расхохотался:

— И не надейся! Я полагаю, он не хотел повредить мне.

— Родство душ? — спросил я.

— Ну что ты как маленький, Антон! — упрекнул меня Завулон. — Когда это мешало Темным? Дневной Дозор на нынешний момент уступает вам в силе. И если бы он уничтожил всех нас, Ночной Дозор был бы просто обескровлен, а вот Дневной — практически мертв.

— Поддерживать равновесие — работа Инквизиции, — сказал Гесер. — Ты на это намекаешь?

— Нет, Гесер. Я намекаю на то, что равновесие поддерживает еще и сам Сумрак. Это сумеречная тварь. Ты можешь в них не верить, но…

Несколько секунд Гесер и Завулон буравили друг друга взглядами. Мне захотелось сказать «А вот и не подеретесь!», но я не был уверен, что окажусь прав.

Ситуацию разрядила открывшаяся дверь одной из квартир. Из двери медленно, торжественно, будто черепаха из панциря, высунула голову бабка. Вообще-то ей и пятидесяти лет не было, но выглядела она именно старухой, карикатурной русской «babushka» в представлении американца или европейца — одутловато-полная, в замызганном халате, шлепанцах поверх толстых чулок и даже в платочке. Обалдеть! Таких обычно разве что возле церкви увидишь.

— И что встали? — спросила бабка. — С коврика

моего сойди, ирод!

Завулон удивленно посмотрел под ноги. Он действительно стоял на уголке коврика, выложенного бабкой перед дверью квартиры. Коврик явно знавал другие, лучшие времена. Когда-то он был частью большого яркого паласа из синтетического волокна, за которыми в советские времена стояли в очередях. Потом, когда даже поливинилхлорид выцвел от времени, покрылся пятнами, кое-где протерся до основы, а кое-где был прожжен сигаретами, палас отлежал свое на незастекленном балконе. Его поливало дождем. Его пыталась грызть сумасшедшая городская моль. На него опрокинули банку с краской.

А теперь этот полуразложившийся гнильник косо разрезали на куски и выкладывали их перед дверью в качестве коврика.

Подчеркнуто вежливо кивнув, Завулон сошел с коврика.

— Пить сюда пришли? — спросила бабка. — На девятый идите, там алкаши живут! А здесь приличные люди!

Самое удивительное, что Завулон ничуть на бабку не злился. Он изучал ее с живейшим интересом энтомолога, с которым попытался наладить общение таракан. Скорее уж закипал

Гесер.

— Мы к вашим соседям в гости, — сказал я. — Все в порядке, не беспокойтесь.

— К Ольке? — обрадовалась старуха. — Приставы, да? Что, кредиты не выплачивает? А я ей говорила — нечего с жиру беситься! Без мужа живет, тефтеля своего растит, а туда же — то ремонт делает, то по заграницам мотается… — тут в ее словах прорезалась искренняя ненависть человека, никогда и никуда не ездившего, — то телевизор плоский покупает, то по секциям-кружкам тефтеля своего водит…

— Антон, сделай что-нибудь, — попросил Гесер. — Я… боюсь не рассчитать.

— Да, поработай, — кивнул Завулон. — Хочешь — реморализируй. Обещаю не засчитывать это в ваш лимит на вмешательство.

Наверное, можно было попытаться воздействовать на бабку. Не была же она всегда такой, ведь верно? Не бывает таких людей от природы. С ними случается что-то плохое… а может быть, это неизвестный науке вирус скотства…

— Реморализировать не стану, боюсь надорваться… — сказал я. — Идите спать, бабушка!

Мне даже не хотелось считывать ее имя, будто я боялся испачкаться в ее мыслях.

— Спать? — удивилась бабка.

— Вы будете спать ровно десять часов, — сказал я. — А когда проснетесь, то забудете про нас.

Бабка кивнула и закрыла дверь, втянув голову в щель в самый последний момент.

— Все гениальное просто, — сказал Гесер. И позвонил в соседнюю дверь.

Открыла Ольга Юрьевна. Глаза у нее были чуть затуманены, как у любого человека, попавшего под мягкое, но непреодолимое внушение Иного.

— Проходите! — тоном радушной хозяйки произнесла она, отступая в сторону.

Семена я увидел сразу — он стоял посреди комнаты, одной рукой прижимая к себе мальчика Кешу, а другой «держа» на взводе какое-то очень и очень неприятное заклинание. Семен — он оперативник опытный и умелый. Но увидев «тигра» воочию, я понимал, что никакой опыт и мастерство Семену бы не помогли.

При нашем появлении Семен облегченно выдохнул и взмахнул рукой, разряжая заклинание. Потом сказал:

— Это друзья, Кеша, все хорошо… — А нам, куда с большим чувством: — Спасибо. Вы бы знали, как я рад вас видеть. Даже тебя… Завулон.

Глава 6

В сказочных книгах родителям юных волшебников всегда честно сообщают, что их ребенка берут учиться волшебству. В Дозорах так никогда не делают. Во-первых, никакой специальной школы у нас нет. Иных учат при Дозоре, и детей среди них редко бывает больше трети, ведь способности Иного могут проявиться в любом возрасте. Среди Иных, как среди шахматистов, нет «взрослых» и «детских» разрядов. Во-вторых, родителям этого просто не надо знать. И дело тут не в том, что они могут что-то разболтать, это легко предупредить простыми заклинаниями. Проблема совсем в другом…

За многие века, пока человечество окончательно утратило веру в магию, а колдуны и волшебники создали Дозоры и разделились на Светлых и Темных, у нас появился немалый опыт общения с людьми. Представьте, что вам сообщили, что ваш сын или ваша дочь — волшебники. Вначале скорее всего вы будете просто рады этому факту (или огорчены, если это противоречит вашей пламенной вере или не менее пламенным атеистическим убеждениям). Потом… потом вам

станет обидно. Конечно, все родители хотят своим детям самого лучшего будущего. Но настолько лучшего… понимать, что вы проживете короткую жизнь обычного человека, в то время как ваш ребенок сможет совершать чудеса и будет жить сотни лет — это непросто! Очень многие срываются и начинают явно или неявно вымещать свое раздражение на ребенке. А это, кстати, может привести к большим неприятностям — дети контролируют себя куда хуже взрослых.

Но главное даже не в этом.

Пусть человек будет рад, что его ребенок — Иной.

Пусть он будет искренне любить его и не пустит в свое сердце даже капли жалости к себе.

Обычно это означает, что мы имеем дело с хорошей, любящей семьей.

И тут начинается самое тяжелое.

«Доченька, бабушка тяжело болеет… ты ведь сумеешь ей помочь?»

Сумеет. Вмешательство седьмого уровня. Ерунда, конечно… но уже нарушает баланс между Дозорами.

«Сын, что-то совсем тяжеловато жить становится… Не зайдешь ко мне на работу? Там есть такой дядька, от него зависит, повысят ли мне

зарплату… сможешь с ним… поговорить?»

Сможет. Вмешательство седьмого или шестого уровня. А еще — расшатывание морали у юного Иного.

«Да что ж они творят, сволочи! Да этот закон все наше образование угробит!»

И даже не надо ничего говорить. Честный хороший ребенок-Иной смотрит на лоснящуюся физиономию чиновника в телеэкране. И невольно желает ему зла.

Вспухает над мудрой чиновничьей головой воронка инферно. И не такая, которые они каждый день накапливают от обычных человеческих проклятий, за эти пусть сами отвечают — детьми-наркоманами, заминированными автомобилями, видеокамерами в бане, а настоящая, серьезная. От которой шарахнет так, что Инквизиция будет мирить Дозоры, выясняющие, кто виноват и кто теперь кому что должен.

Поэтому лучший и единственный способ — сразу объяснить человеку, не важно, большому или маленькому… «Ты — не человек. Ты — Иной. Это не лучше и не хуже… это иначе. Беды и проблемы людей тебя отныне не касаются, а ты — не касаешься их. Тебе хватит своих бед и своих проблем».

Не всегда сразу, но это понимают все.

А родители… они узнают, что их талантливый ребенок будет теперь учиться помимо обычной школы еще и в особой. Физико-химической. Художественной. Или посещать пять раз в неделю кружок макраме. Совершенно неважно, что они будут думать, потому что они примут любую ложь и никогда не станут допытываться до правды. Когда-то я думал, что это все-таки жестоко. Потом понял, что это не жестокость, а жесткость. Добрая жесткость.

…Вот что действительно жестоко — так это инициировать Иного, влюбленного или влюбленную со всем человеческим пылом. И объяснять, что нет, скорее всего он не сможет омолаживать или продлевать жизнь субъекту своей любви… что никогда и ничего не должен рассказывать… Наверное, это похоже на жизнь разведчика-нелегала, заброшенного в чужую страну. Только Иные не разведчики, и влюбленные, как правило, расстаются. Даже если Иной согласен любить человека, смиряется с необходимостью молчать и видеть, как подкрадывается беспощадная старость, — сама жизнь день за днем, год за годом разводит их все дальше и дальше. Меняются интересы, вкусы, привычки. И любовь умирает.

Поэтому те люди, что отказываются от возможной инициации и остаются людьми, поступают, наверное, мудро. Глупо, но мудро…

— Маме ничего нельзя будет говорить? — спросил Кеша.

— Ничего, — подтвердил Гесер.

— А вот Гермиона… — Кеша исподлобья посмотрел на Гесера, — это подружка Гарри Поттера…

— Я знаю, — ободрительно сказал Гесер.

— Она родителям рассказала.

— Но потом, вспомни, была вынуждена стереть им память, — ласково заметил Гесер. — Поверь, лучше вообще ничего не рассказывать.

Да, после книг Роулинг работать стало гораздо проще. Основную концепцию дети схватывают на лету, только отсутствие Хогвартса их крайне огорчает. Гесер утверждает, что Роулинг написала свои книги по заказу лондонского Дозора, точнее — обоих Дозоров, а разрешение на дозированную выдачу ей информации принимала Инквизиция. Может быть, это правда. А может быть, он просто шутит. Светлым Иным возможность пошутить легко заменяет невозможность соврать.

— Но в обычную школу я ходить буду? — уточнил Кеша с явной надеждой услышать «нет».

— Конечно, — сказал Гесер. — Волшебники-

недоучки никому не нужны. Ты будешь ходить в нашу школу после уроков в обычной. Но сейчас… сейчас тебе придется некоторое время пожить у нас, в Ночном Дозоре. Там есть помещения для сотрудников, тебе дадут комнату с большим телевизором, игровой приставкой…

— Интернетом, — добавила Ольга.

Кеша слегка побледнел — в десять лет перспектива оказаться где-то без мамы пугает куда больше, чем радует возможность колдовать. Но довольно твердо спросил:

— А мама разрешит?

— Конечно, — кивнула Ольга. — Мы ее убедим. И это ненадолго. Несколько дней… может быть, неделя. И отправишься домой.

Завулон саркастически улыбнулся, но промолчал. Он что-то пока не спешил уходить, видимо, никак не мог насмотреться на настоящего пророка. Мы с ним стояли в стороне, а Гесер с Ольгой сидели на диване с обеих сторон от Кеши и на два голоса расписывали ему преимущества жизни Иного. Семен, натерпевшийся страху, пока мы не приехали, пил на кухне чай с Ольгой Юрьевной. В принципе ничего ужасного за то время, пока мы добирались, с ним не произошло. Он просто обнаружил, что начисто лишился возможно-

сти связаться с кем-либо магическим образом, не способен прощупать пространство вокруг и предугадать будущее хотя бы на минуту вперед. Ну и ощущение надвигающейся опасности нарастало с каждой секундой. Семен про «тигра» ничего не знал, но понял, что дело тут не в обычной разборке между Дозорами, что все куда серьезнее. Вот и стоял с каким-то заклинанием на взводе, ожидая, кто доберется до него раньше…

— Это интересно, что я волшебник, — нерешительно сказал Кеша. — А… я обязательно должен им стать? Не могу остаться человеком?

Гесер и Ольга переглянулись над головой мальчика. Завулон хмыкнул.

— Можешь, — признался Гесер. — Если хочешь. Ты хочешь?

— Нет, — твердо сказал Кеша. — Просто интересно.

Недобрая соседка, обзывающая мальчишку тефтелем, была во многом права. Мальчишка был рыхлый, круглолицый, будто Пончик из книжки про Незнайку, кожа на лице была бугристая, как обычно бывает у немолодых людей и крайне редко у детей. Про таких детей родители говорят слегка извиняющимся тоном: «Знаете, он очень умненький и добрый…»

Насчет доброты — не знаю, хотя аура у мальчика и была хорошая, однозначно светлая, Завулону тут нечего было делать. А вот что умненький — это походило на правду.

— Это все из-за самолета? — продолжал расспрашивать Кеша. — Потому что я испугался?

— Да, — кивнул Гесер. — Самолет и вправду мог упасть, ты предвидел опасность. И Антон, — Гесер кивнул в мою сторону, — понял, что ты — пророк.

— И спас самолет? — уточнил мальчик.

— Как видишь, самолет не упал, — ушел Гесер от ответа.

— Так я могу только предсказывать? Больше ничего? — с явным огорчением спросил Кеша.

— Нет, почему же. Просто это у тебя будет лучше всего получаться, — вступила в разговор Ольга. — Это как с музыкой. Всех учат играть на фортепьяно, даже скрипачей и флейтистов. Для общего развития. Так что ты сможешь бросать файерболы, останавливать время, делаться невидимым…

Мне вдруг резко захотелось курить. Последнее время я курю редко, но с пачкой сигарет в кармане все-таки чувствую себя спокойнее. Я посмотрел на Завулона — тот маялся, разминая в

руках длинную темную сигарету. Мы переглянулись и не сговариваясь направились на балкон.

Как и положено маленькому балкону в маленькой квартире, он был изрядно захламлен. Тут стояли санки и старый детский велосипед, коллекция пустых банок из-под джемов и солений, большой картонный ящик со всяким хламом, маленький пластиковый контейнер с инструментами. Контейнер был открыт, и я видел, что и молоток, и плоскогубцы слегка подернулись ржой. Ну кто же хранит инструменты на незастекленном балконе? Эх, женщины…

Или лучше сказать: эх, мужчины? Тяжело быть матерью-одиночкой. Особенно в России.

Мы закурили — Завулон любезно поднес мне язычок пламени, пижонски зажатый между большим и указательным пальцем, я прикурил, не побрезговал. Глубоко затянувшись, я сказал:

— Надо, пожалуй, мамашу отправить на курорт. Что ей здесь торчать, если ребенок будет у нас? А так… может, снимет кого, развлечется…

— Отправь, — согласился Завулон. — Дневной Дозор претензий не имеет.

— Что-то ты добрый сегодня, — сказал я. — И это, прости за дурацкий каламбур, не к добру.

— Я-то могу позволить себе быть добрым, —

усмехнулся Завулон. — А вот ты, Антон, стесняешься собственной доброты.

— Почему это?

— А с чего бы иначе эти слова? «Мамаша», «снимет», «развлечется»… Опошляешь собственное доброе предложение. Стесняешься.

Я подумал и согласился:

— Да. Стесняюсь. В наше время даже добрые волшебники стараются выглядеть злыми. Завулон… скажи, а что это такое — сумеречная тварь?

— Чистой воды теория, — усмехнулся Завулон. — Не бери в голову.

— В Сумраке ведь никто не живет, — сказал я.

— Раз не живет, значит — не живет, — легко согласился Темный, и я понял, что больше никакой информации от него не получу.

— Ну ладно, — сказал я, щелчком пальцев отправляя окурок в полет с балкона, а вторым щелчком — испепеляя его на лету. — Спасибо и на том, что помог. И что не стал претендовать на пацана.

— Будь он боевым магом — претендовал бы, еще как, — усмехнулся Завулон. — Мальчик не наш, конечно, но возможности всегда есть… И будь он прорицателем — я бы за него поборолся. А пророк? Нет, спасибо.

— Ты ценишь прорицателя больше пророка? — поразился я.

— Конечно. Прорицатель говорит о том, что может случиться, — и будущее можно изменить. Пророк вещает истину. То, что неизбежно. Зачем знать неизбежное, Антон? Если неизбежное плохо, то не стоит расстраиваться раньше времени. А если хорошо — пусть лучше будет приятная неожиданность. Многие знания — многие печали. — Завулон посмотрел на сигарету в своих руках. — Бывай, Светлый…

Сигарета в его пальцах вспыхнула мрачным багровым пламенем. Огонь перекинулся на пальцы, пробежал по руке, охватил все тело. Завулон улыбнулся мне сквозь пламя — и исчез.

Только догорающая сигарета упала под ноги.

— Позер, — сказал я. — Фигляр… Самовлюбленный урод!

Демонстративный отказ Завулона от борьбы за мальчишку-пророка меня пугал. Быть может, это была всего лишь хорошая мина при плохой игре, но что-то подсказывало мне — Темный говорил то, что думал.

Что же это такое — сумеречная тварь?

Завулон говорил так, словно Гесер должен его прекрасно понимать. Значит, Гесер знает…

Но спрашивать у шефа я, разумеется, ничего не стал. У Бориса Игнатьевича свое мнение о том, что нужно знать подчиненным для успешного выполнения своих обязанностей.

Закончилось наше пребывание в квартире Толковых именно так, как я и предполагал. Мать мальчика была посажена в машину и в сопровождении Игоря, Алишера и Жермензона отправлена в аэропорт — лететь регулярным рейсом в Барселону и отдыхать на курорте. Матерью она явно была хорошей, судя по тому, что Семену потребовалось два внушения шестого уровня, чтобы убедить ее оставить ребенка на наше попечение, а самой отдыхать на каталонских пляжах. Ну а для нас Гесер открыл портал прямо в офис Дозора.

И даже инициировал мальчика лично, прямо во время перехода сквозь Сумрак. Можно было бы сказать, что это большая честь, не будь мальчик настоящим пророком.

Комнаты для проживания расположены в офисе в полуподвале. Выбор оправданный — реально там мало кто живет, обычно в них ночуют дежурные или останавливаются приехавшие в командировку иногородние Иные.

Ниже есть еще несколько этажей — начиная

от хранилища артефактов и архивов и кончая камерами предварительного заключения. Но это уже другая история, туда ведет другая лестница, и вообще так просто туда не спуститься.

Кеше выделили комнату, которую обычно занимали некурящие. Приволокли туда огромный плоский телевизор, две игровые приставки, кучу дисков и два мешка игрушек, закупленных в ближайшем «Детском мире». Судя по всему, покупать игрушки послали бездетного сотрудника, иначе в этой горе не соседствовали бы плюшевые зверюшки, конструкторы «Лего», радиоуправляемые машинки и вертолеты, игры-бродилки, в которые можно играть только компанией, и развивающие деревянные игрушки для малышей младшего детсадовского возраста. Кеша, уперев руки в упитанные бока, взирал на эти развалы с легким испугом.

— Семен, ты уж проследи, чтобы кормил его кто-то семейный, имеющий детей, — попросил я. — И желательно, чтобы ребенок у него был моложе ста лет. А то мальчику принесут шашлык, пиво и копченую колбасу.

— Пиво ему рано, это я понимаю, — кивнул Семен. — А колбаса и шашлык чем плохи? Помню, в Гражданскую дело было, подобрал я на вокзале

беспризорника — Светлый Иной оказался. Ты его знаешь, кстати, это… ну, не важно. Худющий был! Так вот, месяц его колбасой откармливал! На Украине дело было, хорошую там колбаску делают… жареную…

— Понял, проехали, — кивнул я. — Тогда точно попроси кого-то из женщин заняться мальчиком. Ладно?

— Попрошу, — усмехнулся Семен. — Только до ужина ему далеко, шеф пожелал немедленно заняться с мальчиком азами магии.

Я пожал плечами. К чему такая спешка? Ребенок теперь под охраной всего Ночного Дозора. Разберемся помаленьку, на что он способен…

— Пойду, — сказал я Семену. — Заберу своих, и домой. Светлана борщ обещала.

— Борщ — это замечательно! — расплылся в улыбке Семен. — А я, пожалуй, в столовку. И сам поем, и повариху попрошу что-нибудь для мальчонки сварганить.

Поварихой у нас была тетка лет сорока, как Иная — слабенькая, но повариха замечательная. Еда в нашей столовой уступала блюдам из мишленовских ресторанов только ценой.

— Вот это хорошая идея! — одобрил я.

В машине Надька тарахтела без умолку. Во-

первых, ее восхитил открытый Гесером портал. Вообще-то она и сама умела открывать порталы, но ей это было строжайше запрещено, к тому же портал Гесера, на ее взгляд, чем-то отличался. Какой-то «тонкоэнергетической структурой» и «личной избирательностью». В общем, на его открытие Гесер тратил на порядок меньше сил, а пройти через портал мог только тот, кому это было разрешено.

Во-вторых, Наде было очень жалко мальчика-пророка. Жалко, что он живет с мамой, но без папы. Жалко, что не поехал на море. Жалко, что без мамы в скучном офисе… хотя игрушки ему интересные притащили, можно будет вертолетик попросить на поиграться? Жалко, что он толстый и неспортивный, над ним, наверное, все в школе смеются.

В-третьих, Надя очень гордилась, что подала самому Гесеру правильный совет. Нет, прямо она не хвасталась, но то и дело возвращалась к этому моменту…

Светлана едва заметно улыбалась, слушая болтовню с заднего сиденья. Потом негромко сказала:

— Я очень за вас волновалась.

— Нас была целая армия.

— И сильно вам это помогло? Не люблю непонятные волшебные штуки…

— Это человеческие атавизмы, — вздохнул я. — Иным положено любить магию во всех проявлениях. Кстати, ты не знаешь, что такое сумеречная тварь?

— Впервые слышу, — покачала Светлана головой.

— Вот и я…

— А я знаю! — воскликнула сзади Надя. Поразительная детская способность слышать все интересное, даже если собственный рот ни на секунду не закрывается.

— Ну? — насторожился я.

— Если в Сумраке есть растения…

— Какие растения?

— Синий мох! То должны быть те, кто его ест.

— А кто вообще ест мох? — спросила Света.

— Олени, — автоматически ответил я. — Но этот… он никак на оленя не походил. Козел, конечно, но никак не олень…

— Антон!

— Что я такого сказал? — буркнул я. Надя захихикала. — У нас критическая ситуация…

— Нет уже критической! Кто-то охотится за мальчиком-пророком. Ну и что? Против всего

Дозора, да еще если и Темные помогут, никому не выстоять. Гесер сейчас свяжется с Инквизицией, если уже не связался. Порыщут в архивах. Найдут, в чем дело. Какая-то секта, возможно. Как с братьями Регина, помнишь? Ты лучше реши, что предпочитаешь — доваривать борщ или позаниматься с Надей математикой.

— Я математику выбираю, — ответил я. — Борщ я варить не умею.

Секта… Может, и впрямь? Сидели себе пару столетий, ждали пророка. Может, хотят, чтобы он им смысл жизни открыл. Сидели, ждали… Накачивали артефакты энергией, тренировали охотника…

Хорошая версия. Экзотическая, но понятная. Хочется надеяться, что так и есть.

Глава 7

С математикой у Нади было плохо. С языками — хорошо, причем она принципиально учила сама, а не пользовалась магией. С историей — прекрасно, ей это было очень интересно, причем и человеческая история, и Иная. Читала она очень много.

Математика не давалась.

С грехом пополам мы справились с квадратными уравнениями (можете считать меня садистом и звать на помощь детского омбудсмена, но Надя училась в школе, где программа не соответствовала утвержденной Министерством образования). Дочка с облегчением закрыла тетрадку и забралась на кровать с книжкой. Мимолетно глянув на обложку, я решил, что это какой-нибудь клон Гарри Поттера — там был изображен одухотворенный мальчик, творящий заклинания (ну или каким-то удивительным образом обмотавший руки светящимся голубым туманом и мрачно наморщивший лоб). А сам я пошел в гостиную, выбрал книжку Терри Пратчетта и улегся с ней на диван.

Что еще нужно семейному и немолодому волшебнику для счастья после бурно проведенного дня? Почитать про придуманных волшебников, пока жена варит борщ, а дочка занята чем-то тихим и мирным.

— Папа, так, значит, сумеречные твари и впрямь есть?

Я посмотрел на Надю. И чего ей не читается?

— Наверное. Не знаю.

— И они гоняются за пророками?

— Не верь всему, что говорят в сказках, — от-

ветил я, перелистывая страницу. Волшебник Ринсвинд попал в очередную передрягу, из которой, конечно же, выпутается. Герои всегда выпутываются, если автор их любит… и если не устал от них.

— Но это же не сказки!

— Что? — Я взял из рук дочки книгу, открыл на выходных данных. Ага… и впрямь. Издательство «Иное слово». Печатает книги и прочую бумажную продукцию для Иных. Для Светлых и Темных, без разбора. Конечно, ничего особенно серьезное они не выпускают, настоящие заклинания либо слишком секретны, чтобы их печатать, либо не выдерживают механического переноса текста на бумагу. Кое-что вообще можно передать только на словах и на примерах. Ну а печатают самые основы… тут даже секретность особо не важна, попади такая книга в обычный магазин (как иногда и случается), ее сочтут детской книжкой или же графоманской фантастикой. Книжка называлась «Детство замечательных Иных». — Это что-то учебное?

— Для внеклассного чтения. Истории про детство великих волшебников.

Мне в школе магов учиться не довелось. В те годы находили не так много Иных и открывать

ради них школу посчитали нецелесообразным. Так что я учился прямо на работе…

Я пролистал главу про Мерлина, про Карла Цемиуса, про Мишель Лефрой, про Пан Чанга. Наткнулся на статью про Гесера и ухмыльнулся, прочитав первые строчки: «Когда великий Гесер был маленьким, он жил в горах Тибета. В детстве он был некрасивым болезненным ребенком, часто простужался, и его даже обзывали обидным именем Джору — “сопливый”. Никто не знал, что на самом деле Гесер — Иной, один из самых сильных магов на Земле. Про это знал только Темный Иной — Сотон, который мечтал сделать Гесера Темным…»

— Дальше… — нетерпеливо попросила Надя. — Про Эразма…

— Разве Эразм Роттердамский был пророком? — удивился я, открывая книгу на заложенной странице. Закладка была розовенькая, с феечками из какого-то диснеевского мультика. — А… Дарвин…

Автор не баловал юных читателей разнообразными началами. Впрочем, это даже придавало повествованию некоторую эпичность.

«Когда великий пророк Эразм Дарвин был маленький, он жил в деревушке Элтон, в Ирландии.

С детства он был мечтательным и романтичным ребенком. Часто убегая из дома, он лежал на поле цветущего клевера и разглядывал цветочки. Эразм был убежден, что растения умеют любить, как люди, что у них даже есть своя сексуальная жизнь. Об этом он написал замечательную поэму “Любовь растений”. Но это было позже…»

Я закрыл книжку и посмотрел на титул. «Пособие для внеклассного чтения для Иных среднего и старшего школьного возраста». Хмыкнул.

— Папа, ну неужели ты думаешь, что я ничего не знаю про сексуальную жизнь? — спросила Надя.

Я посмотрел на нее.

— Надя, тебе десять лет. Да, я думаю, что ты ничего не знаешь.

Надя слегка покраснела. Пробормотала:

— Я же смотрю телевизор. Я знаю, что взрослые любят целоваться и обниматься…

— Стоп! — запаниковал я. — Стоп. Давай, ты об этом поговоришь с мамой?

— Хорошо, — кивнула Надя.

Я попытался вернуть книжку.

— Так про Сумрак правда? — повторила Надя.

— Про Сумрак? Ах, да… — Я стал проглядывать дальше. Вот Эразм научился входить в Сумрак…

вот Иные решили привлечь его в Дозор… ну надо же, в Дневной… Что?

Я сел на диване и уставился в текст.

«…пророков и предсказателей всегда очень ценят в Дозорах, потому что дар их встречается редко — особенно дар настоящего пророка. И если пророк становится на службу одной из сил, то это может привести к большим бедам. Поэтому сам Сумрак старается не допустить этого. Если пророк может сказать что-то очень, очень важное, чего Иным знать не следует, то к нему приходит сумеречная тварь. Ее порождают глубины Сумрака, и сила сумеречной твари бесконечна — никто из Иных не способен ее остановить или победить. И либо Дозоры оставляют пророка в покое, либо сумеречная тварь его убивает — чтобы не случилось большей беды… Маленькому Эразму повезло. Когда он понял, что сумеречная тварь идет по его следу, он пришел к своему любимому дереву — старому дуплистому ясеню — и выкрикнул пророчество прямо в дупло. Когда пророк изрекает главное в своей жизни пророчество, он не помнит, что именно он говорил. Сумеречная тварь поняла, что о пророчестве никто не узнает, и оставила Эразма в покое…»

Дальше начиналось повествование о том, как

хитроумный Эразм убедил Дозоры оставить его в покое и жил счастливой жизнью, создавая забавы ради големов и поднимая трупы, частенько выдавая обычные предсказания для Иных — и иногда шокируя окружающих людей, сообщая им в семнадцатом веке то про Большой взрыв, то про реактивные двигатели на кислороде и водороде, или про самозарождение жизни в океанах. Немножко было и про его внука Чарльза, куда более известного среди людей. Со временем Эразм отошел от дел, как это водится у Иных, инсценировал собственную смерть и теперь живет где-то в Великобритании, не желая ни с кем видеться…

Я быстро долистал главу до конца. И чем же, интересно, замечателен этот пророк, про которого я лично никогда не слышал? А… вот…

«Вы, наверное, спросите, а чем же замечателен Эразм Дарвин? А вот чем — он обманул сумеречную тварь. Обычно пророкам удается сделать свое главное пророчество только в том случае, когда они произносят его сразу после инициации, — даже сумеречной твари нужно время, чтобы найти жертву. А Эразм догадался, как избавиться от преследователя, когда зверь уже шел по его пятам и под взглядом его глаз, горящих во тьме, люди становились немногим отличны от

любимых Эразмом растений… Никогда не надо отчаиваться, никогда не надо сдаваться, даже непреодолимую силу можно обмануть — вот чему учит нас жизнь замечательного маленького Иного Эразма…»

— Глаз, горящих во тьме… — сказал я и потер переносицу. — Тигр. Тигр…

— Какой-то новый перевод? — спросила Светлана, выглядывая с кухни.

— Чего перевод?

— Тигр, тигр, жгучий страх, ты горишь в ночных лесах. Чей бессмертный взор, любя, создал страшного тебя? В небесах иль средь зыбей вспыхнул блеск твоих очей?.. Блейк. Вильям Блейк. Стихотворение «Тигр».

— А ты не знаешь, случайно, не был ли он знаком с дедушкой Чарльза Дарвина? — спросил я.

— С Эразмом? — уточнила Светлана. — Который был Иным?

Я кивнул и встал с дивана.

— Ну как же «не был ли он знаком»? Блейк даже его книги иллюстрировал. Что-то там про любовь растений.

— А он не только стихи писал?

— Вообще-то он иллюстрировал кучу книг и как художник известен не меньше, чем как поэт.

Кстати, он не был Иным в буквальном смысле слова, но при этом обладал редкой способностью… — Светлана вдруг осеклась.

— Ну? — устало спросил я, открывая шкаф, который Наде было трогать строжайше запрещено. Запоры, увы, от нее не помогут, но Надя девочка умная и слово держит.

— Он видел Иных. И Темных, и Светлых.

— Как мой знакомый полицай, — сказал я. — Светлана, мне надо на службу.

— Борщ поешь? — спросила жена.

Я только вздохнул, рассовывая по карманам всякую магическую мелочевку. Я был стопроцентно уверен, что ничего из этих амулетов мне не пригодится, но привычка была сильнее.

— Антон… — позвала Светлана, когда я уже был в дверях.

— Что?

— Когда-то я ушла из Дозора, чтобы мы могли быть вместе.

— Помню.

— Я уже давно хочу тебя попросить…

Я посмотрел на нее. Светлана помолчала секунду, потом опустила глаза:

— Береги себя.

На третий этаж, в кабинет Гесера, я вбежал

как сумасшедший. Учитывая, что я размахивал книжкой про детство замечательных Иных, я, наверное, выглядел как человек, обнаруживший в «Буратино» зашифрованные пророчества на двести лет вперед, отчет о встрече с инопланетянами, рецепт средства от насморка и неприличный акростих в начале второй главы.

— Где пожар? — спросил Гесер.

Он сидел на краю стола, а в его кресле развалился мальчишка-пророк. Кресло пацану было, мягко говоря, просторно. Судя по тому, что сидел Кеша в неумелом подобии самой простой позы для медитации, Гесер пытался научить его контролировать свой дар. Больше тут никого не было.

— Тигр! — выкрикнул я.

— Он еще далеко, — спокойно ответил Гесер. — Полагаю, что у нас есть время до утра.

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?

В небесах иль средь зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?

Кто посмел огонь схватить?

Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован – такой?

Чей был молот, цепи чьи,
Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх? —

продекламировал я.

— А мне больше нравится перевод Степанова, чем Бальмонта, — ответил Гесер. — Тогда окончание звучит так:

Кто ужасный млат вздымал?
Кто в клещах твой мозг сжимал?
А когда сошел на нет
Предрассветный звездный свет —

Неужели был он рад,
Встретив твой зловещий взгляд?
Неужели это был
Тот, кто Агнца сотворил?

Кеша, открыв глаза, с недоумением смотрел на нас. Нечасто в наши дни увидишь, как двое взрослых мужиков начинают читать стихи. Потом снова закрыл глаза. Какая старательность, потрясающе!

— И в чем разница? — мрачно спросил я.

— Если верить этому переводу, у нас есть время до утра, — пояснил Гесер. — А вот Бальмонт появление Тигра относит к вечеру:

В тот великий час, когда
Воззвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, —

Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?

— Вы все знаете, — сказал я. — Пророк Эразм Дарвин. Единственный пророк, ускользнувший от сумеречной твари.

— Я не знаю, — просто ответил Гесер. — Есть такая версия. Но я считаю ее поэтической вольностью, отражением каких-то обычных свар между Светлыми и Темными Ирландии.

— Тигр — это кто-то вроде Зеркала? — спросил я.

— Нет. Вовсе не каждого пророка преследуют сумеречные твари. И их вовсе не заботит баланс сил между Дозорами. Если… если верить легендам… они пытаются предотвратить произнесение пророчеств, которые предвещают неслыханные беды и катастрофы. И уничтожают всех, кто стоит у них на пути…

— Вы знали, — сказал я. — Вы все знали, Борис Игнатьевич…

— Да не знал я! — буркнул Гесер. — Что я тебе, компьютер, все помнить? Завулон намекнул про сумеречных тварей. Я ничего подобного не слышал, но сделал хорошую мину при плохой игре… якобы понимаю, о чем речь. Дал команду аналитикам, они прочесали базы данных и полчаса назад выдали мне вот эту же самую книжку… плюс две странички анализа и версий… Это Толик тебе скинул информацию? Я его премии лишу до конца столетия!

— Никто мне ничего не выдавал, — заступился я за приятеля. — Надя читала эту книжку по внеклассному чтению, пришла с вопросом. Я прочитал. Дальше… дальше догадались всей семьей. Про Эразма, про Блейка, про тигра…

— Видимо, к Эразму сумеречная тварь приходила не в образе человека, — усмехнулся Гесер. — А он потом что-то рассказал приятелю, который хоть и не был Иным, но их видел…

— Борис Игнатьевич, надо просить о помощи Инквизицию, — сказал я. — Если это все верно, то мы перед тигром…

Гесер не дал мне закончить.

— Они отказали, Антон.

— Что? — растерялся я.

— Рекомендация Инквизиции — не вступать в конфликт, предоставить Тигру возможность забрать мальчика.

Он первый раз произнес слово «тигр» так, что оно прозвучало как имя.

— Но он же… — Я покосился на Кешу.

— Да, Тигр его убьет, — кивнул Гесер.

— Борис Игнатьевич!

— Мальчик не слышит, — успокоил меня шеф. — Я поставил завесу. Просто ради того, чтобы наши голоса ему не мешали.

— Гесер, так кто он — Тигр?

— Никто не знает, Антон. Уж больно редкая тварь. Либо пророк успевает сказать свое главное пророчество и Тигр от него отступает. Либо… либо он убивает пророка и уходит. Полагаю, потому

они так редки, пророки. Он обычно находит их раньше, чем мы.

— Что такое главное пророчество?

Гесер вздохнул. Демонстративно посмотрел на часы. Потом указал мне на одно из кресел, сам сел рядом. Покосился на Кешу, погрозил тому пальцем. Мальчик снова закрыл глаза.

— Самое первое пророчество, которое произносит пророк, вступая в силу, называется главным. Оно может быть очень важным, а может — и совсем пустяковым. Но есть такая… такая версия… тут мы вступаем на очень зыбкую почву, Антон.

— Не тяните.

— Есть версия, что первое пророчество — это не предсказание реальности, а ее изменение. А есть и другая… что изменить будущее, конечно, пророк не способен. Но он выбирает одно из возможных течений реальности, проявляет его и… и фиксирует. Выражаясь языком фотографов.

— Уже и фотографов-то таких нет, кто проявляет и фиксирует, — пробормотал я. — То есть Тигр предотвращает первое пророчество, потому что если оно будет ужасно — то оно и случится?

— Ну да. Вот предскажет мальчик третью мировую — она и произойдет. Предскажет падение астероида размером в пару километров — тот

свалится…

— Но то, что он говорил мне в аэропорту…

— Не пророчество. Предвестники. Пророчество он должен сделать теперь, после инициации. Обычно — в первые сутки. Иногда в первые часы.

Я посмотрел на толстого пацана, ерзающего в большом потертом кресле. Спросил:

— Что вы хотите делать, шеф?

— Растормошить парня, чтобы он все-таки произнес свое главное пророчество. Ведь вовсе не факт, что оно будет ужасным. Мне, Антон, очень не хочется уступать какой-то непонятной сумеречной твари, которая даже не желает с нами разговаривать!

— А мальчика вам не жалко?

Гесер пожал плечами:

— Всех не пожалеешь. Если ради слезинки одного ребенка должны пролить свою кровь десятки Иных — пусть ревет. Но отдавать его на заклание, не попытавшись ничего сделать, я не хочу.

— Значит, если Тигр придет…

— Ночной Дозор не станет с ним сражаться.

— Это подло.

— Это честно. Если бы Инквизиция пришла на помощь — был бы какой-то шанс. Возможно.

Но они отказались. Теперь все зависит от того, сколько у нас времени, когда явится Тигр. Если к утру — я, наверное, мальчишку раскачаю. Пусть говорит свое пророчество… я и слушать его не стану. Пусть в унитаз бормочет. Или в дупло, как Эразм… могу специально дерево с дуплом вырастить. Но если Тигр придет ночью…

— Борис Игнатьевич, а как там в оригинале говорилось? — спросил я. — У Блейка? Предрассветный звездный свет? Или «в час как небо все зажглось»?

Гесер помолчал несколько секунд. Потом процитировал:

When the stars threw down their spears,
And water'd heaven with their tears…

— Фигово, — сказал я.

— Очень надеюсь, что в российских условиях перевод важнее оригинала, — сказал Гесер.

— Когда звезд лучи упали… — сказал я. — Но, может быть, это именно о рассвете? Не о появлении звезд на небе? Эти поэты… они такие поэты…

— Аналитики говорят, что это вообще аллюзия на «Потерянный рай» Милтона. И речь тут идет о падших ангелах, которые были побеждены,

упали с небес и были оплаканы оставшимися ангелами… Поэты, Антон, ты прав, они такие поэты… Попробуй разбери, что имеют в виду.

Я подошел к окну и посмотрел в московское небо. Обычное низкое московское небо. Звезд не видно, хотя уже стемнело и они должны были появиться. Дождь… дождь возможен, вполне…

— Антон, ты ничего не сможешь сделать, — мягко сказал Гесер. — И я не смогу. И весь Дозор вместе. Иди, а я буду работать с мальчиком. Надеюсь, что успею.

Шеф, конечно, прагматик еще тот. И в этом своем прагматизме он без колебаний отдаст пацана хоть существу из Сумрака, хоть настоящему тигру в зоопарке — если решит, что это меньшее зло. Но просто из упрямства он сделает все, что возможно, пытаясь его спасти…

Я это знал.

— Побуду в офисе, — сказал я. — Вы, если что, зовите, Борис Игнатьевич…

Гесер кивнул.

— Наш разговор — тайна? — спросил я на всякий случай, уже подходя к двери.

— Как сочтешь нужным, — неожиданно ответил Гесер.

Я замешкался. Посмотрел на шефа.

И вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

В дежурке сидели трое — Лас, Семен и Алишер. Обсуждали они не мальчишку-пророка и не Тигра. У них был куда более возвышенный разговор.

— И тут я понимаю, — рассказывал Лас, — что на меня снизошли спокойствие и душевный мир. Значит, мое решение прийти к Богу — правильное!

— Еще бы, после бутылки коньяка, — заметил Алишер. — Привет, Антон!

— Привет, — ответил я, усаживаясь за стол. Комната дежурных довольно просторная, но из-за двух диванов, большого круглого стола с креслами вокруг и мини-кухни у одной стены места там не очень много.

— Коньяк тут ни при чем! — возмутился Лас. — Ты в Аллаха веришь?

— Верю, — ответил Алишер. — Так я и не пью.

— А пиво?

— Пиво пью. Но пророк сказал, что первая капля вина убивает человека, он про пиво ничего не говорил.

— Отговорки, — отрезал Лас. — Так что ж ты иронизируешь над моей верой в Бога?

— Я не иронизирую, — спокойно сказал Алишер. — Очень хорошо, что ты веришь. Только

не надо состояние опьянения смешивать с божественным прикосновением. Некрасиво получается.

Лас только махнул рукой:

— Легкое опьянение помогает человеку сбросить с плеч цепи условностей и раскрепостить сознание.

— Это вовсе не является условием божественного откровения, — хмыкнул Семен. — Я вот в церковь люблю заходить, там спокойно так, пахнет хорошо, и аура добрая, светлая. Но Бога не чувствую.

— Придет и твой миг! — торжественно сказал Лас. — Ты почувствуешь Бога в себе. Ты ведь хороший человек.

— Я Иной, — ответил Семен. — Надеюсь, что хороший. Но Иной. А для нас, боюсь, Бога нет…

— Ребята, а можно вопрос? — произнес я.

— Ну? — оживился Лас.

— Если ты точно знаешь, что победить невозможно, но если не сражаться — кто-то погибнет… Что ты сделаешь?

— Если невозможно, то зачем гибнуть мне? — спросил Лас.

— Если надо сражаться, то не важно, победишь ли ты, — ответил Алишер.

— Что, с парнишкой совсем все плохо? — нахмурился Семен.

— Ребята, вы слышали про сумеречную тварь? — продолжил я расспросы.

Молчание.

— Вот я тоже только что узнал. Это потому, что мы детских книжек не читаем. Только не знаю, надо ли…

— Раз начал говорить, то говори, — сказал Семен. — Или говори сразу, или не произноси никогда. Все прочее — нечестно.

— Мне кажется, Гесер дал выбирать нам, — сказал я. — Ребята, сегодня ночью офис будут штурмовать. Точнее, будет штурмовать… И победить мы не сможем.

Глава 8

Если честно, то мне казалось, что Гесер молчаливо благословил меня набрать добровольцев. Я как-то сразу представил себе, как все будет: я рассказываю ребятам, они рассказывают друзьям, в офисе собирается весь Дозор, и когда является Тигр — его встречают все Светлые Москвы… И дружно дают отпор. В конце концов, кто сказал, что сумеречную тварь невозможно победить? То-

же мне, аналитики… происхождение неизвестно, сила неизвестна, цели малопонятны, победить невозможно…

Победим! Соберемся всей толпой — и победим. Вместе и черта бить веселее. Разве Семен, Алишер, Лас согласятся с тем, что беззащитного ребенка надо отдать неведомой твари?

— Если бы кто-то из наших попал в такую переделку — я бы вмешался, — сказал Семен. — Если бы твоя дочка… тьфу-тьфу… — Семен постучал по столу. — А ради этого мальчишки — нет.

— Он наш! — возмутился я.

— Он Светлый Иной, — кивнул Семен. — Но не наш. Может, через год уже был бы «наш». Через месяц. А пока — нет. Ты же сам говоришь, победить невозможно. Разве лучше будет, если мы все умрем?

— Да откуда мы знаем, что невозможно? — возмутился я.

— Судя по той стычке, что была днем, — невозможно, — спокойно ответил Семен. — Нет у нас шансов. И губить Дозор ради одного Иного — глупо.

— Семен прав, — кивнул Алишер. — Я не боюсь погибнуть в бою, если есть шанс на победу. Но здесь — здесь игра не нашего уровня. Я его видел…

он мне не понравился. Будем надеяться, что Гесер научит мальчика пророчествовать.

— Ты же говорил только что — если надо сражаться, то не важно, победишь ли!

— Да. Но здесь сражаться — не надо.

Я посмотрел на Ласа.

— Вот почему пророк — противный жирный мальчишка, а не красивая молодая девушка? — воскликнул Лас. — Нет мотивации жертвовать собой!

— Ты, кажется, креститься собрался… — напомнил я.

— Вот именно. И хочу успеть это сделать. Знаешь, даже тупые рыцари, которым лишь дай возможность подраться, мчались на бой с драконом, когда ты похищал прелестную юную деву, а не мальчишку-подпаска.

— Какая-то у тебя мотивация эгоистическая, — зло сказал я.

— Эстетическая, — поправил Лас. — Уж если жертвовать собой — так ради высокой цели.

— А жизнь пророка — не высокая цель?

— Пророки обычно озвучивают невеселые прогнозы, — пробормотал Семен.

Я смотрел на них, и в голову ко мне закрадывались неприятные предчувствия.

— Вы что, уже обсуждали ситуацию? — спросил я.

— Конечно, — сказал Семен. — С кем мы имеем дело, мы не знали. Но предположить, что нападение повторится, — много ума не надо.

— А если я упрусь и стану защищать парня? — Я посмотрел Семену в глаза.

— Тогда я помогу тебе, — кивнул Семен. — И мы погибнем вместе. Так что я прошу тебя этого не делать. Подумай о Светлане. О Наде. И скажи честно — ты готов умереть за незнакомого тебе паренька?

Я посмотрел на друзей.

Подумал несколько мгновений.

Представил себе Свету, Надю…

Потом пацана-пророка.

Сказал:

— Нет, Семен. Не готов.

— И ты прав, — кивнул Семен. — Высокие чувства, благородные порывы, бесшабашная смелость, отчаянная жертвенность — это все прекрасно. Но должна быть причина. Настоящая. Иначе все твои светлые устремления — не больше чем глупость. Летопись Дозоров помнит много Иных, кто был благороден, но глуп. Но они остались только в истории. И, увы, не как приме-

ры, достойные подражания.

— Ты лучше езжай домой, — добавил Алишер. — Ты же не на дежурстве.

И я понял, что Гесер, разрешая мне раскрыть информацию о Тигре, имел в виду совсем другую цель. Вразумить меня.

Что ж, у него получилось.

* * *

Домой я, конечно, не уехал. Нет, я больше ни к кому не приставал с вопросами — ввяжутся ли они в безнадежный бой с сумеречной тварью. И не ходил по офису, мысленно расставляя в ключевых точках защитников-Иных. Я пошел к аналитикам, выпросил копию докладной для Гесера (прежде чем ее выдать, ребята связались с шефом и получили его «добро»). Внимательно прочитал, убедился, что Гесер не врет и, по мнению аналитиков (основанному на нескольких плохо документированных попытках сразиться с Тигром — в пятнадцатом и девятнадцатом веках), победить сумеречную тварь не удастся.

Ночью офис Дозора, как ни странно, пустеет. Пусть мы и называемся «Ночным», и патрулируем улицы большей частью ночью (а что прикажете делать, основной наш контингент

— это низшие Темные, вампиры и оборотни, которым труднее сдержать себя), но наша работа — как айсберг, большая часть ее незрима. И эта работа как раз и происходит днем — бумажная волокита, обучение, анализ данных, изучение поступившей информации. Мы все-таки живем среди людей, и нам удобнее жить в их ритме. Хорошо хоть, недавно удалось продавить через человеческое правительство инициативу и сдвинуть время по всей стране — чтобы темное время суток длилось меньше…

Некоторое время я просидел в своем кабинете за компьютером. Залез в почту и написал пару писем. С чего-то вдруг вспомнил песню, которую крутил сын полицейского Искендерова, поискал группу, которая ее исполняла, — к моему удивлению, она оказалась из Казахстана, вот уж не знал, что там не только на домбре играют! Потом нашел пиратский сайт, на котором были выложены и другие песни. Щелкнул по названию «О послушных мальчиках» и, откинувшись в кресле, стал слушать.

Острые астры вонзая в улицы,

Вышла Луна к впечатлительной юности.

Пела она, излучая язычество:
«Дети, убейте в себе электричество!
Дети, пока вы не стали безглазыми,
Я укажу вам спасительный азимут:
Каждый, кто лунной дорогою ходит,
В город волшебный однажды приходит.
Дышат, как воздухом, там вдохновением.
Все архитекторы там – сновидения.
Греет там солнце, а не банкноты.
Будешь влюблен – не сочтут идиотом».
И в эти лживые лунные песенки
Поверил мальчик, сидящий на лесенке.
Но лишь поверил, лесенка стала
Вдруг вырастать… И до неба достала.
Мальчик пошел по ступенькам ребристым,
Но тут сбежались родные и близкие:
«Стой! Не ходи – дуракам такой жребий!
Нечего делать тебе в этом небе».
Мальчик послушался, мальчик вернул-

ся

И лишь с тоской на Луну оглянулся.

После скрывался, всех ненавидел,

Плакал о том, что там, в небе, увидел.

Я невольно поморщился. Неправильный выбор. Хоть мальчик-пророк ничем не напоминал романтического юного героя, но песня меня в чем-то упрекала.

Плакал, в груди пустоту ощущая.

Он ведь карабкался вверх, освещая

Путь своим сердцем, светлым и трепетным.

И второпях обронил его в небе том.

И вот висит оно в космосе звездочкой,

Словно игрушка на праздничной ёлочке

Среди таких же сердечек-игрушек,

Брошенных мальчиками послушными...[18]

Ну что за дела! Нет бы петь, как вся российская попса, нормальные песни о красивых девушках, дорогих курортах и сверкающих машинах, а

---

[18] Примечания: 18

И. Аутов. *О послушных мальчиках.*

эти казахи какую-то декадентскую романтику разводят! Я выключил компьютер и вышел из кабинета.

Ноги сами принесли меня в подвальные этажи. Дверь одной из комнат оказалась открыта, я заглянул. Там сидели и неторопливо попивали коньяк «старички» — Жермензон и Глыба. Марк Эммануилович преспокойно закусывал коньяк некошерным копченым угрем, Глыба, как человек советской закалки, употреблял «николашку» — лимон, посыпанный кофе и сахаром. Впрочем, приметой новой эпохи было то, что кофе использовался не растворимый, а натуральный — Глыба крепкими пальцами растирал зерна над лимоном.

Ко мне маги сидели спиной, что им, впрочем, ничуть не помешало.

— Заходи, Антон! — дружелюбно позвал Жермензон.

— Коньяк будешь, — не менее приветливо сказал Глыба. Не спросил, а именно сказал.

Я молча сел к ним за стол, взял бокал. Коньяк, к моему удивлению, оказался не французским, а молдавским — пузатая бутылка с надписью «Сюрпризный».

— За победу сил добра, — сказал Жермензон,

отпивая из своего бокала.

— Над силами разума, — поддержал Глыба.

Я выпил залпом и тут же пожалел об этом. Бренди оказался неожиданно хорошим. Можно даже сказать — прекрасным.

— Где такой берете? — удивился я.

— Места надо знать, — усмехнулся Глыба. — Видишь, Эммануилыч? Я же тебе говорил, Антон разумный человек.

— В том-то и дело, что человек… — буркнул Жермензон. Извлек из кармана пиджака длинный кожаный футляр, протянул мне: — Сигару будете, юноша? Очень рекомендую. Не надо профанаций с лимоном, хорошему коньяку соответствует лишь настоящая сигара.

Выглядели Великие вполне мирно и расслабленно. Никак не похоже, что готовятся к схватке с Тигром. Только что ж они тогда в офисе делают?

— Гесер вам уже рассказал? — спросил я.

— Про Тигра? — уточнил Жермензон. — Да, конечно. Позор мне на самом-то деле. Слышал я про такие дела… давно, впрочем, дело было.

— И что? — спросил я резко.

— Посидим до утра, поболтаем по-стариковски, — пожал плечами Жермензон. — Если придет… что ж, посмотрим. Драться не будем, а

вот посмотреть… за спрос морду не бьют.

— Будете смотреть, как Тигр убьет мальчишку?

— Уйти в такой ситуации — еще большая трусость, — хладнокровно ответил Жермензон. — Ты лучше расскажи, что он тебе пророчил в аэропорту. Слово в слово. Может, Гесер ошибается? Может, мальчик уже свое пророчество изрек?

— А с чего бы тогда Тигр за ним продолжал ломиться? — вопросом ответил Глыба. — Нет, ты расскажи, Антон. И в самом деле интересно.

— «Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг. Вы отец Надьки. Вы… вы нас всех…» — Я развел руками. — Годится на пророчество?

— Нет, — покачал головой Глыба. — Прав Джору, это был предвестник, вызванный стрессом.

— Но есть кое-что интересное! — Жермензон поднял вверх палец. — Верно?

— Верно, — расплескивая по бокалам еще немного коньяка, сказал Глыба. — Во-первых, пророчество будет адресное. Завязано на Антона. Быть может, именно потому, что он встретился мальчику?

— Или потому, что Антон его спас… — кивнул Жермензон. — И важно то, что «отец Надьки». Наш маленький друг не похож на детей, которые

называют девочек так фамильярно. Значит…

— Значит, пророчество завязано и на Надю, и мальчик-пророк с ней должен подружиться…

— И касается всех Иных — «вы нас всех» тут не зря. Но финальную роль сыграет Антон. — Похоже было, что Жермензон не первый раз так вот играет в «мозговой штурм» с Глыбой.

— Очень интересно, правда! — просиял Глыба. — Хотелось бы услышать. Надеюсь, Джору сумеет объяснить мальчику, как пророчествовать.

— Джору, может, и сумел бы, — сказал Гесер, входя в комнату. — А вот я не смог.

Он присел к нам (странное дело — мне казалось, что у стола раньше стояло только три стула), взял бокал (а вот четвертого бокала на столе точно не было, тем более налитого!). Посмотрел на меня, хмыкнул, глотнул коньяка. Сказал:

— Не идет мяч в ворота. Парень Иной, парень и впрямь пророк. Только мы ошиблись, он не Высший, он первого-второго ранга.

— Для пророка это не критично, — сказал Глыба. — Ну реже будет пророчества выдавать, вот и все.

— Тут ведь дело не только в инициации, — продолжал Гесер. — И не в понимании технических

деталей. Это я объяснил, мальчик-то смышленый. Но нужен еще соответствующий настрой. Готовность пророчить. А ее вызвать труднее. Сколько я ни возился, так ничего и не вышло, блуждает где-то в облаках…

— Маму, наверное, вспоминает, — сочувственно сказал Глыба. — Я ведь тоже ребенком в Дозоры попал, скучал по родным ужасно…

— Борис Игнатьевич, можно я с ним поговорю? — попросил я.

— Попробуй, — легко согласился Гесер. — Не думаю, что это поможет, но попробуй. Только не затягивай, уже почти двенадцать ночи, у мальчишки глаза слипаются…

Вслед мне смотрели сочувственно и одобрительно, но без всякого энтузиазма.

Иннокентий Толков, десяти с половиной лет, пророк первого уровня Силы, еще не спал. Сидел на полу возле горы игрушек от щедрот Ночного Дозора и вертел в руках игрушечный телефон. При моем появлении он смутился и быстро положил телефон в разноцветную гору — игрушка была для совсем уж малышей, несколько крупных кнопок с цифрами, при нажатии на которые играла какая-то веселая китайская музыка, и кнопка, чтобы записать какую-то свою фразу. У

Нади, когда ей было года три, тоже был такой «телефон».

Мне стало совсем нехорошо.

— Привет, Кеша, — сказал я и уселся рядом на полу.

— Добрый вечер, дядя Антон, — сказал Кеша.

— Ну у тебя и сокровища, — неловко сказал я, вытаскивая из горы игрушечный вертолетик. — Моя Надя хотела таким поиграться…

— Вы ей отнесите, — спокойно сказал Кеша. — Мне ведь не надо.

Я посмотрел ему в глаза — и мое «нехорошо» превратилось в «ужасно».

— Ты это к чему? — нарочито бодро спросил я.

— Мне дядя Борис все рассказал. Что за мной охотится зверь из Сумрака. И что вы его не сможете остановить.

— Зачем? — спросил я, обращаясь, конечно, не к мальчишке. — Зачем?

Но Кеша ответил:

— Он сказал, что это последний шанс меня мотивировать. Что я должен собраться с духом и сказать пророчество. Тогда зверь отстанет.

— Ну?

— У меня не получается. — Мальчик виновато опустил глаза. — Я старался, честное слово!

Извините…

Он еще и извиняется перед нами…

— И что потом? — спросил я.

— Дядя Борис сказал, что раз не получается, то не стоит зря мучиться. Надо лечь и поспать. Может быть, зверь и не придет. И тогда все будет хорошо, а утром у меня обязательно получится.

— Но ты не лег спать, — сказал я.

— Страшно, — просто ответил мальчик.

— Ты правда старался? — спросил я.

— Да. Что я, дурак, что ли? Но дядя Борис сказал, что если надежды нет, то хватит зря стараться.

Он поднял на меня глаза и попросил:

— Вы идите, правда. Я поиграюсь немного и лягу.

— Если надежды нет… — сказал я. — Если нет надежды… — Похлопал себя по карманам. Достал телефон. — Подожди-ка, Кеша…

Вообще-то звонить десятилетней дочери в полночь — не самое педагогически верное решение. Но я позвонить не успел — телефон звякнул в моих руках, и я поднес его к уху.

— Да?

— Пап, ты мне хотел позвонить? — Голос Нади был абсолютно не сонным и очень, очень заведенным.

— Хотел.

— Вы сражаетесь? С этим зверем?

— Нет, Надя, мы не будем с ним сражаться. Мы не сможем его победить.

— А если…

— И ты не будешь с ним сражаться!

— Но ты ведь хочешь, чтобы я пришла? — уточнила Надя.

— Да, но только вовсе не для того, чтобы сражаться, а для… — начал я.

Дохнуло холодом. В воздухе возник овал темного свечения, опоясанный белыми искрами. Из него шагнула Надя — босиком, одетая только в розовую пижаму.

— …того, чтобы у Кеши появилась надежда, — закончил я, глядя на дочь.

— Папа, у меня получилось, как у Гесера! — радостно сказала Надя. — Ой. Привет!

Нет, Надя не смутилась. А вот Кеша покраснел и опустил глаза.

— Надя, я боюсь, у нас очень мало времени, — сказал я. — Может быть, всего несколько часов. Кеша должен сказать свое первое пророчество. Он знает как. Но у него не получается. Мне кажется, что ты можешь ему как-то помочь.

— Может, мне его поцеловать? — невинным

голосом спросила Надя. — Для воодушевления? В мультиках всегда помогает!

Вот ведь маленькая… маленькая… нет, не ведьма, конечно. Но что-то от ведьмы в ней есть. Как в любой женщине.

— Боюсь, дело не в поцелуях, — сказал я. — Надя, поговори с мальчиком. Попытайтесь понять, в чем проблема. Я… я буду рядом. Минут через пять вернусь.

Я вышел, закрыл за собой дверь и подумал, что через пару лет уже остерегусь оставлять дочь с мальчишками наедине. Ну надо же! Поцелую! Телевизор все-таки надо выкинуть…

— Антон!

Я зашел в комнату, где сидели Гесер, Алишер и Жермензон. Коньяка в бутылке, кажется, даже прибыло, что наводило на подозрения. Глыба куда-то делся, но замена московского прорицателя на казахского боевого мага ничуть не повлияла на времяпрепровождение всей компании.

— Было какое-то… движение… — вглядываясь в меня, сказал Гесер. — Скажи, ты не сделал никаких глупостей? Не телепортировал парнишку отсюда?

— Нет, это Надя, — сказал я. — Я ее позвал… поговорить с мальчиком. Она всю жизнь знала, что

она — Иная. Может быть, подскажет что-нибудь?

— Самоотверженный отец, — сказал Гесер.

— Ну вы ведь этого хотели? — уточнил я. — Когда говорили мальчику, что если надежды нет, то не стоит стараться.

Гесер медленно покачал головой:

— Нет, Антон. Спасибо, что ты так высоко ценишь каждое мое слово, но это не было намеком. Я просто сказал, что надежды нет. Не имея в виду твою дочь…

— А ведь красиво было бы… — задумчиво произнес Жермензон. — Жаль…

И тут «движение», о котором говорил Гесер, почувствовал я. Будто колыхнулся Сумрак, вздрогнул, выплескивая энергию, и застыл.

— Пойду-ка я надеру Наде уши, — сказал я.

— Девочкам уши драть нехорошо. — Гесер встал. — И это не она.

— Это Тигр, — сказал Жермензон, вставая.

— Антон, бери дочку и уходи. — Алишер достал из кармана браслет из трех переплетенных колец — золотого, серебряного и медного. Продел в него левую руку, поболтал в воздухе, будто примеряясь к незримому грузу.

— Вы чего? — спросил я. — Вы же сказали…

— Мало ли, что мы сказали, — пожал плечами

Жермензон. — И вообще… если удастся выгадать час-другой — это может все решить. По Сумраку он не пройдет, Гесер?

— Нет, — твердо сказал Гесер.

— Может, все-таки попросить Инквизицию… или Завулона…

— Я просил. Четверть часа назад. В помощи отказано.

— Тогда своими силами, — бодро произнес Жермензон. — Очень любопытный… как вы, молодежь, это называете, Али?

— Экспириенс, — сказал Алишер и встряхнул рукой с браслетом. Его тело окутало белое свечение. Он тряхнул рукой снова, свечение угасло.

— Точно, — просиял Жермензон. — Экспириенс! Не думал, что меня что-то сможет удивить, но этот Тигр — и впрямь новый жизненный опыт.

И в этот миг наверху грохнуло. Сильно, гулко — будто что-то взорвалось. Маги подняли головы, прислушиваясь.

— Семен, — сказал Гесер. — Я же велел не вмешиваться… Жалко, что в Дозоре не практикуются телесные наказания.

— Можно ввести, — оживился Жермензон.

— Он осторожненько, — сказал Алишер. — Ребята не хотят сдавать офис без боя. Ну… хотя бы

символически…

Гесер посмотрел на меня:

— Антон, твоя задача проста. После того как Тигр спустится по лестнице и появится в том конце коридора, у нас будет от трех до пяти минут. Ты можешь что-то сделать… для очистки совести. Одно-два заклинания, только постарайся его не злить… А потом хватай дочь и уходи. Она сумеет открыть портал.

— Я и сам могу, — без особой убежденности сказал я.

— Вот и хорошо. Уходите. И даже не пробуй прихватить с собой пацана. Не геройствуй понапрасну, тебе еще жить да жить.

— Не стану, — кивнул я, с отвращением понимая, что говорю правду.

— Мы тоже постараемся максимально его задержать, а потом уйдем, — сказал Гесер, то ли для меня, то ли для Жермензона и Алишера. — Вдруг эти минуты чему-то помогут…

Наверху пронзительно засвиристело — будто вырывался под большим давлением пар из маленького отверстия. Что они там творят? Или это Тигр?

— Красивая сцена, — внезапно сказал Жермензон. — И очень позитивная… интернациональ-

ная… Тибетец, казах и два еврея пытаются спасти маленького русского мальчика…

— Я не еврей, — поправил я.

— С фамилией Городецкий? — заинтересовался Жермензон.

— Это старинная русская фамилия! От названия городка на Волге, там мои предки жили.

— Тогда еще красивее, — решил Жермензон. — Тибетец, казах, русский и еврей…

Гесер посмотрел на Жермензона и спросил:

— Так ты что, Марк, еврей, что ли?

— Подкалывай, подкалывай, — пробурчал Жермензон.

Наверху часто-часто застучало — будто кто-то включил швейную машинку. Или начал стрелять из автомата, что, пожалуй, было более вероятно — вряд ли Тигр согласился оставить мальчика в покое за пару хорошо пошитых штанов.

— Оптимисты, — фыркнул Гесер.

— Ну почему бы и не попробовать? — пожал плечами Жермензон. — Знаешь, когда придумали порох, я был в восхищении. Против поднятой мертвечины — самое милое дело!

В коридоре вдруг заморгали и погасли лампы. Через мгновение они снова засветились, уже тусклее — сработал аварийный генератор. Но

еще через пару секунд погасли насовсем.

Я взмахнул рукой и развесил вдоль всего коридора несколько магических огоньков. Гесер щелкнул пальцами и погасил два ближайших к нам, после чего проворчал:

— Учишь вас, учишь…

По лестнице застучали шаги. Неторопливые, но уверенные. Тигр сошел с лестницы, остановился в конце коридора. Посмотрел в нашу сторону — темнота, похоже, ему не мешала. Улыбнулся и сделал шаг.

Грохнуло — и Тигра окутал белый морозный вихрь. То ли туман, то ли вьюга… На секунду Тигр замер, потом с некоторым напряжением сделал шаг — и направился к нам.

— Я же говорил, что не сработает, — бросил Гесер через плечо.

— Но попробовать-то стоило! — обиженно ответил Жермензон.

Оба Высших чуть выступили вперед, прикрывая нас с Алишером. И в этот миг за спиной хлопнула дверь. Я обернулся и увидел Надю.

Дочка выглядела задумчивой, но, пожалуй, довольной. Подошла ко мне, взяла за руку. Спросила:

— Это он и есть?

Тигр тем временем остановился. На его лице появилось какое-то смущение и растерянность, будто нулевая, Абсолютная волшебница стала неожиданностью в его планах.

— А кого ты видишь? — спросил я. — Девочку?

— Нет. Тигра. Он большой, полосатый и у него горят глаза.

— Красиво, — вздохнул я.

— Папа, тигров нельзя убивать, они в Красной книге.

— Этого можно, — сказал я. — Только все не получается.

И вдруг Тигр заговорил. Во время нашей предыдущей встречи он не проронил ни слова, и я, честно говоря, был уверен, что он и не умеет говорить…

— Уйдите. Вы мне не нужны.

— И ты нам не нужен, — ответил Гесер. — Почему бы не уйти тебе?

Тигр покачал головой. (Интересно, как это видит Надя? Говорящего тигра? Шер Хана из мультика про Маугли?)

— Пророчество не должно быть услышано.

— Он всего лишь маленький мальчик, — сказал Гесер. — Оставь его в покое, дай ему время. Пусть пророчество прозвучит в пустоту. Пусть его не

услышат.

— Риск, — сказал Тигр. — Прежде всего он пророк. Уже потом он — мальчик. Уйдите.

— Дай ему время, — повторил Гесер.

Вместо ответа Тигр пошел вперед. Видимо, время для разговоров кончилось.

Что именно сделали Великие, я не понял. Коридор будто затянуло разноцветной огненной паутиной. Синие, красные, зеленые, оранжевые нити повисли в воздухе, Тигр напоролся на них, его лицо исказилось, будто от боли. Но он продолжал идти. Медленно, но верно.

— Антон, уходите! — рявкнул Гесер.

Я посмотрел на Надю. Крепче сжал ее руку. Кивнул.

— Мы должны уйти, папа? — очень спокойно спросила она.

Я кивнул.

— Ему нужно совсем чуть-чуть, — сказала Надя. — Давай я…

— Мы уходим! — выкрикнул я. — Открывай портал! Я приказываю!

— Папа, ты не можешь мне приказывать убежать!

— Я приказываю не как папа, а как работник Дозора!

Надя смотрела на меня, и я не знал, сработает ли это. Мы с детства учили ее уважать Ночной Дозор. Объясняли, что сказанное дозорным — это приказ. Что с магией не шутят. Но она была маленькой девочкой, для которой все сказки всегда заканчивались хорошо, — и я видел, что в ее глазах сейчас бушует энергия, способная затопить всю Москву… вот только поможет ли это против Тигра — не знал никто.

— Надя, я прошу тебя, — повторил я устало.

В глазах у дочки блеснули слезы. Она сжала губы, кивнула — и рядом с нами открылся портал. Я глянул на Тигра — тот уже прошел половину коридора. Он не атаковал, мы не были его врагами… мы были лишь помехой, он шел убивать пророка.

Я взял Надю за руку, потянул к порталу…

И в этот миг Тигр остановился. Поднял руку, совсем по-человечески потер лоб. И улыбнулся.

За нашей спиной открылась дверь, и маленький пророк Кеша вышел в коридор. Он был весь взмокший, словно толстяка заставили заняться физкультурой. Глаза у него были слегка осоловевшие, дурные, смотрел он на нас растерянно, едва узнавая. Из носа текла кровь.

— Все хорошо, — сказал Тигр. — Я ухожу.

Похоже, он собирался просто уйти — по коридору. Но пол под его ногами внезапно проломился, брызнуло в стороны бетонное крошево и доски. Запущенный Жермензоном еще в первую схватку голем все-таки догнал противника.

С выражением крайнего удивления на лице Тигр провалился в яму, где земля клокотала, будто кипящая каша. Мелькнули руки голема, нога Тигра… на секунду мне показалось, что я вижу длинный полосатый хвост, торчащий из земли будто исполинский червяк…

И все исчезло.

— Боюсь, он его не убил, — сказал Жермензон. — Боюсь, он просто не счел нужным сражаться…

Цветная паутина гасла. Гесер и Жермензон смотрели друг на друга, медленно начиная улыбаться.

Я наклонился к Наде и тихо спросил:

— Как ты ему помогла?

Обернувшись на Кешу, Надя привстала на цыпочки и прошептала мне в ухо:

— Я сказала, что, если он сейчас же не скажет свое дурацкое пророчество, я его изобью и всем расскажу, что его побила девчонка.

— И он поверил? — спросил я.

— А я ему дала по носу.

Я достал из кармана носовой платок, подошел к мальчику. Протянул платок и сказал:

— Запрокинь голову и прижми к носу. Сейчас мы позовем… доктора.

И пока он растерянно запрокидывал голову — разжал ему пальцы, забрал крепко стиснутую игрушку и сунул в свой карман.

— Повезло, — сказал Гесер, подходя. — Пророчество никто не услышал, Тигр ушел. Поздравляю тебя, малыш, все беды позади!

— Повезло, — повторил я за Гесером.

Игрушечный телефон, который я забрал у Кеши, жег мне карман. Я не знал, рискну ли нажать на кнопку и проиграть то, что на нем записано. И записано ли там вообще что-то.

Но хорошо хотя бы то, что сумеречная тварь ничего не понимает в современных детских игрушках.

Часть вторая. Смутные времена
Пролог

— Сегодня урок проведу я, — сказал Городецкий. — Анна Тихоновна заболела.

— А что с ней? — забеспокоился Павел. — Что-то магическое?

— Холецистит, — ответил Антон.

— Это можно вылечить заклинанием, — сказал Павел. Ему было двадцать с небольшим, он был из поколения, выросшего на компьютерных ролевых играх и книжках о Гарри Поттере.

— Можно, — согласился Антон. — Но зачем, если можно выпить желчегонное?

— Магией быстрее, — не сдавался Павел.

— И сложнее. Как ни странно, но проще всего магическому лечению поддаются смертельные заболевания. Банальные простуды, желчные колики и геморрой легче вылечить обыкновенными средствами. К тому же всегда стоит экономить силы и возможности магического вмешательства.

— Зачем? — Павел оглянулся на остальных учеников, будто ища поддержки. — Мы гораздо

сильнее Дневного Дозора.

— Вот об этом и поговорим, — кивнул Антон. Прошелся по классу, разглядывая учеников — десять Иных, десять будущих магов и волшебниц. Шестеро взрослых, четверо детей и подростков. Обычные пропорции — возраст, в котором удается определить в человеке Иного, бывает самым разным. Младшему ученику, пророку Иннокентию Толкову, — десять с половиной, старшему — волшебнице Галине Станиславовне, пятьдесят два года. Кто-то из них придет в Дозор, а кто-то решит продолжить жить человеческой жизнью… почти человеческой. — Сколько, на ваш взгляд, учеников в Дневном Дозоре?

— Десять, — сказал Павел.

— Увы. — Городецкий покачал головой.

— Сто, — ответила Надя.

— Ответ не засчитывается, — сказал Городецкий. — Ты слышала об этом дома.

— Ну и что? — возмутилась Надя. — Какая разница, где я слышала?

— Ну, ты все равно ошиблась, — пожал плечами Антон. — Это было давно.

— Сто пятьдесят три, — пробормотал Иннокентий.

— Ответ засчитывается, — кивнул Городец-

кий. — Хотя я считал, что у них сто пятьдесят один ученик, но спорить с пророком не стану. О чем нам говорит эта диспропорция?

— О том, что плохих людей на свете больше? — тихо спросила Галина. До инициации она была учительницей русского языка и литературы старших классов в маленьком подмосковном городке. Антон полагал, что она имеет право на такое предположение.

— Не людей, а Иных! — поправил Денис. Тридцать с небольшим лет, бывший военный, уволенный из армии в ходе реформы. Как ни странно, его человеческая профессия и специализация Иного совпадали — из него обещал получиться неплохой боевой маг.

— Извините, Денис, но все-таки людей, — тихо, но твердо сказала Галина Станиславовна. — Иные не рождаются плохими или хорошими… как и люди, впрочем. Иные становятся на сторону Света или Тьмы исходя из своего душевного состояния на момент инициации…

— Одно замечание, — сказал Антон. — Кто хочет поправить?

Руки подняли несколько учеников. Антон кивнул Фархаду, бывшему менеджеру нефтяной компании из Казани. Состоявшийся в жизни

человек, достигший успехов в бизнесе… такие не часто становились Светлыми Иными.

— Светлые и Темные — это не значит хорошие или плохие, добрые или злые, — сказал Фархад. — Если уж делить человеческими мерками… то это альтруисты и эгоисты. Те, кто хочет лучшего для окружающих, и те, кто хочет лучшего для себя.

— И порой во имя личного блага Темные Иные способны нести добро окружающим, а Светлые — причинять зло, — кивнул Антон. — Верно. Хотя я удивлен, что вы плаваете в самых основах… Итак, что означает пятнадцатикратный перевес в числе учеников Дневного Дозора по сравнению с нами?

— Среди людей гораздо больше эгоистов, — сказала Галина Станиславовна.

— Ночной Дозор хуже ищет будущих Иных, — предположил Денис.

— Обе версии хорошие, — сказал Антон. — Пока не будем уточнять, насколько они верны. Скажите, а почему при этом сохраняется баланс сил между Дозорами?

— Потому что вы — Высший Иной, — сказал Денис. — И еще Гесер, и Светлана… а Наденька — вообще Абсолютная волшебница!

Городецкий кивнул:

— Правильно. Численность Ночного Дозора ощутимо меньше, но при этом среди нас больше сильных магов. И, возвращаясь к предыдущему вопросу, такая ситуация является обычной на протяжении многих веков. Темных действительно больше. Светлые действительно сильнее. В целом — существует паритет. Именно поэтому не стоит, Павел, по малейшему поводу использовать магию. Там, где есть возможность довериться науке, — стоит ей доверяться.

Павел кивнул, хотя, судя по взгляду, Городецкий его до конца не убедил.

— Антон, делались попытки как-то изменить баланс сил? — спросила Галина Станиславовна.

— Конечно, — кивнул Антон. — Самая глобальная из них называлась Великой Октябрьской революцией. Коммунистическая идеология построена на альтруизме, и российским Дозорам был санкционирован этот эксперимент. По сути, это наибольшее вмешательство Иных в человеческую жизнь после Ренессанса, Великой Чумы и независимости Северо-Американских Штатов.

— И Темные позволили? — удивилась Галина.

— Конечно. Во-первых, они нам задолжали…

— За независимость США? — хмыкнул Денис.

— Нет, за Ренессанс. А во-вторых, по мнению

Темных, распространение среди людей коммунистической идеологии должно было привести к росту эгоизма и темных эмоций.

— И они оказались правы? — возмутилась Галина.

— Нет. Мы все ошибались. Это никак не изменило баланс эгоистов и альтруистов, ни в мире, ни в России. После этого негласно возобладало мнение, что пропорция «один к пятнадцати», а точнее — «один к шестнадцати» является константой, отражающей соотношение альтруистов и эгоистов среди людей.

— А как, допустим, в США? — поинтересовался Давид Саакян. Семнадцатилетний старшеклассник был инициирован всего месяц назад, и его интересовало абсолютно все.

— В США, Швеции, Зимбабве, Северной Корее, Эстонии, Бразилии… да где угодно — пропорция та же самая. К сожалению, выяснилось, что ни общественный строй, ни уровень жизни, ни главенствующая идеология не имеют никакого влияния на соотношение потенциальных Светлых и Темных. Потому оно и константа. Сильные социальные потрясения, конечно, вызывают изменения в ту или иную сторону — но они рано или поздно сглаживаются. Принадлежность к

христианской, мусульманской или любой другой религии тоже не меняет пропорции.

— Папа, но этого не может быть! — возмутилась Надя. — Люди везде ведут себя по-разному!

— Ведут, — кивнул Антон. — Конечно… Надежда Антоновна. От существующих в обществе моральных установок и норм зависит и поведение людей. Разумеется, красные кхмеры, террористы «Аль-Каиды», добропорядочные европейские бюргеры и, допустим, комсомольцы тридцатых годов прошлого века совершенно по-разному вели бы себя в одинаковых ситуациях. Но сути это бы не изменило. Соотношение альтруистов и эгоистов даже среди монахов-бенедиктинцев и гестаповцев — одно и то же. Просто проявляется их альтруизм и эгоизм по-разному.

— Но ведь в этом все дело! — не сдавалась Надя.

— Для людей. Для них разница, конечно, велика. Для нас, увы, нет.

— Почему? Мы ведь должны делать жизнь людей лучше!

— Как? Светлые Иные создали общество, декларирующее альтруизм и всеобщее братство. В результате — воспитали чудовищных эгоистов, которые радостно предали все, что было свято.

— Не мы предали! — Галина Станиславовна вскочила со стула. Ее губы дрожали. — Не мы! Нас предали!

— Разве? — мягко спросил Антон. — Вспомните себя в те годы, пожалуйста. Когда вожди предают свой народ, а народ не свергает их — не стоит винить одних лишь вождей.

— Любая власть развращает, — сказал Денис. — Светлым Иным стоило бы взять власть в свои руки…

— И плеткой погнать людей к счастью, — усмехнулся Антон. — Ничего, что они это счастье понимают по-разному? И вы уверены, что Светлых Иных власть не развратит? Подумайте над этим. И напишите, пожалуйста, к следующему занятию эссе на тему «Каким будет человеческий мир, если Светлые Иные решат прийти к власти».

— Тогда в чем же смысл нашего существования? — резко спросила Галина Станиславовна. — Если вы считаете, что мы не можем повлиять на человеческую жизнь, изменить ее к лучшему?

— О, правильно, — кивнул Антон. — И еще одно эссе: «В чем смысл жизни Иного?»

Класс застонал.

— Но если мы… — начала Галина Станисла-

вовна.

— Ради всего святого, молчите! — взмолился Денис. — Нам только третьего эссе не хватало!

Глава 1

Анна Тихоновна пила чай в кабинете Гесера. Перед шефом тоже стояла чашка, но он, казалось, был целиком погружен в открытый на компьютере документ.

— Как прошел урок? — спросила старушка с любопытством.

— Нормально. — Я сел напротив, пользуясь молчанием Гесера, и налил себе стакан чаю. — Я сказал, что у вас холецистит.

— Хорошо, — кивнула Анна Тихоновна. — Надеюсь, вы не слишком устали, Антон?

— Нет, что вы. — Я отхлебнул чай. Анна Тихоновна была женщиной старой закваски. Поговаривали, что если не при свидетелях, то наша единственная учительница пьет чай из блюдца. Зеленых чаев она не признавала, еще более презирала травяные настои, по недоразумению называемые чаями. Чай в ее представлении должен был быть черным, как деготь, и крепким, как совесть грешника.

Ну или наоборот. Черным, как совесть, и крепким, как деготь.

И сладким.

Под внимательным взглядом старушки я сдался и положил в чашку три куска рафинада. Размешал. Сделал глоток.

Как ни странно, это было вкусно. Хотя дома мне и в голову бы не пришло пить чай с сахаром. Да и не полез бы он в горло.

— А почему вы так не любите этот урок, Анна Тихоновна? — спросил я. — Помнится, в мое время вы тоже занятие не проводили… гриппом болели. У нас Тигренок вела…

Мы секунду помолчали.

— Антон, а вам было комфортно проводить этот урок? — спросила учительница.

— Ну… не очень. — Я поморщился. — Объяснять молодежи, что все их грандиозные планы облагодетельствовать человечество или родную страну навсегда останутся пшиком, что все, что мы можем, — это работать по мелочам, противостоять Дневному Дозору… Неприятно, да.

— Но это надо делать, — сказал Гесер, не отрывая взгляда от компьютера. — Антон, как в «Пэйджесе» отключить маркированный список?

— Зайдите в «Вид», вызовите окно инспектора,

там будет закладка… — Я удивленно посмотрел на Гесера. — А что вы взялись «Мак» осваивать?

— Интересно узнавать новое, — ответил Гесер, елозя по столу мышкой. — Или считаешь, я для этого уже слишком стар?

— Ну что вы, шеф, — ответил я, прихлебывая чай. — Вы еще крепкий старик.

— С абака на арифмометр я переходил с трудом, — сказал Гесер. — А вот с арифмометра на калькулятор — с легкостью. И пишущая машинка мне никогда не нравилась, у меня раньше даже стенографистка была… — Он запнулся и улыбнулся каким-то воспоминаниям. Анна Тихоновна тоже едва заметно улыбнулась. — А компьютер мне сразу понравился. В нем есть что-то правильное… волшебное!

— Я всецело одобряю, — кивнул я. — Нет, правда. Полезно осваивать что-то новое.

— А как там наш маленький пророк? — неожиданно поинтересовался Гесер.

— Учится.

— Подружился с кем-нибудь?

— С Надей, — сказал я. — Полагаю, вы это знаете.

— Знаю, — признался Гесер. — В этом возрасте если девочка дает мальчику по носу, то это ста-

новится началом большой и крепкой дружбы. Жаль, что у взрослых все сложнее.

— Угу, — буркнул я. Шеф начал разговор про Иннокентия не просто так, я в этом не сомневался.

— Обидно, что его пророчества так никто и не услышал, — продолжил шеф.

— Обидно, — согласился я, настораживаясь.

— А Надя точно ничего не слышала?

— Точно. Она стукнула пацана в целях мотивации и вышла.

— И камеры слежения у нас в этой комнате не было, — продолжал сокрушаться Гесер. — Или была?

— Была. Только Надя их… э… отключила.

— Сожгла, — уточнил Гесер. — Кстати, зачем?

— Чтобы никто не услышал пророчества.

— Логично, логично… — вздохнул Гесер.

Мы с Анной Тихоновной переглянулись. Я, конечно, знал шефа лет на сто меньше, чем наша учительница. Но уж понять, что он ведет разговор к какой-то лишь ему ведомой теме, было нетрудно.

— Знаешь, что меня беспокоит? — Гесер вдруг откинулся в кресле и отодвинул от себя клавиатуру.

— Глобальные проблемы мироздания, — бурк-

нул я.

— Да, ты прав, Антон. Именно глобальные проблемы мироздания. Я убедился, что не понимаю, что же такое Сумрак.

— Параллельная реальность, имеющая слоистую структуру, — сказала Анна Тихоновна. — Переход с уровня на уровень Сумрака требует затраты Силы — как на сам переход, так и на поддержание собственной жизнедеятельности. Каждый слой Сумрака все больше и больше отличается от нашего мира, однако с шестого слоя возможен переход обратно в наш мир — который, таким образом, является седьмым слоем Сумрака.

— Для Иного первого месяца обучения — вполне исчерпывающее объяснение, — сказал Гесер. — Замечу, что еще лет десять назад молодые Иные пребывали в полной уверенности, что у Сумрака три слоя… а про переход с шестого обратно в наш мир не знал и я сам. Но все же, что такое Сумрак?

— Параллельные миры. — Я пожал плечами. — Это, конечно, объяснение на уровне научной фантастики, но любое другое будет из области фэнтези. Можно даже предположить, что это некие вариации нашего мира, каким он мог бы

быть… альтернативные миры, отделившиеся в свое время от нашего…

— Или наш мир — отделился от какого-то другого, — сказал Гесер. — Ладно, допустим. Наша научная группа ничего более вменяемого тоже сказать не может. И научные центры Инквизиции мало что добавят… только туману напустят своими «тонкими структурами», «темной материей» и «квантовыми вариациями». Но все-таки: что есть Сумрак? Просто шесть миров, которые человечество не сумело загадить?

— У вас Тигр из головы не выходит, — понял я.

— Конечно. — Гесер кивнул. — Пока мы клянемся Светом и Тьмой и получаем некий давно определенный отклик… — Гесер провел в воздухе рукой, и на его ладони на миг полыхнул ослепительно-белый шарик огня, — мы можем считать это неким физическим законом. Ну или магическим. Но Тигр — он был живой. Он разговаривал. Он формировал свое поведение в зависимости от нашего. Когда лавина обрушивается на альпиниста — это закон природы. Но когда лавина начинает гоняться за одним-единственным мальчиком, ковыряющимся в снегу у подножия горы, причем всех остальных лавина бережно отбрасывает в сторону или обходит… это уже не

мокрый снег плюс сила тяготения. Это разум.

— Законы природы не разумны, — ответил я. — Сила притяжения не разумна. Электричество не разумно. Дикарь, глядя в телевизор, может допустить, что это мудрое существо, но мы-то…

— Мудрое существо? Глядя в современный телевизор, можно допустить только, что это истеричный крикливый маньяк с прогрессирующей дебильностью, — насмешливо сказала Анна Тихоновна.

— Я о том, что разумность Тигра никак не доказывает, что разумен Сумрак, — упрямо сказал я. — Зеркало — Виталий Рогоза — был разумен? Вполне. В то же время он был порожден Сумраком в целях сохранения равновесия.

— Сумрак лишь повлиял на неопределившегося Иного Виталия Рогозу, — сказал Гесер. — И Рогоза действовал интуитивно, толком не понимая происходящего. С Тигром — дело иное.

— Ладно. — Я вздохнул. — Не буду спорить. Вы же не зря меня грузите, шеф. Не для общего развития.

— Конечно, — кивнул Гесер. — И Анна Тихоновна тут не зря. Как ни странно, но она наш лучший специалист по живым и квазиразумным явлениям Сумрака. Короче говоря — по фольклору.

Я с удивлением посмотрел на нашу учительницу. Она, конечно, умная старушка, но есть же научный отдел…

— Это мое хобби, — скромно сказала Анна Тихоновна. — Сила у меня невеликая, по улицам бегать за кровососами здоровье не позволяет. Да и гением я себя не считаю. Но свободного времени у меня много, вот и занимаюсь тем, что наши ученые мужи оставляют без внимания…

— То, что я об этом раньше не знал, моя недоработка, — кивнул Гесер. — Полагаю, с Тигром все прошло бы куда проще.

— Я изучаю Зеркала, Тени, Прозрачного Иного, Тигров, Хлопушу, Глиняного Человечка… — продолжила Анна Тихоновна.

— Прозрачный Иной? Хлопуша? Глиняный Человечек? — Сказать, что я был удивлен, значило ничего не сказать.

— О, Антон, это такие интересные феномены! — оживилась Анна Тихоновна. — Хлопуша, к примеру, появляется только на втором слое Сумрака. Зарегистрировано пять случаев за всю историю. В тот момент, когда Иной…

— Анна Тихоновна, я готов допустить, что и под этим фольклором что-то есть, — сказал Гесер. — Но давайте вернемся к Тигру.

— Про Тигра вы и сами все раскопали, — вздохнула учительница. — Жаль, конечно, что ко мне не обратились, я бы вам сэкономила массу времени. Единственное — я знаю адрес Эразма.

— Дарвина? — восхитился я.

— Даже не спрашивай, Антон, как я его добывала. — Анна Тихоновна скромно потупилась. — Ты же знаешь, что, по закону, Иного, самоустранившегося от активной деятельности, никто не вправе тревожить…

— Мне бы потребовалось разрешение главы местного Ночного Дозора и четко выраженное невозражение главы Дневного, чтобы просто подать в местный филиал Инквизиции прошение о выдаче адреса, — сказал Гесер. — И еще не факт, что мне бы адрес сообщили…

— А я пошла проще. — Анна Тихоновна все-таки не сдержалась и, несмотря на свое «не спрашивай, Антон», принялась рассказывать. — Я прочитала Эразмовскую «Любовь растений» и написала критический трактат о ней. Ну… отчасти хвалебный, отчасти критический. Как раз в той мере, чтобы задеть Эразма. Опубликовала в английском журнале… и через неделю получила отповедь.

Она заулыбалась. Не сдержал улыбки и я:

— Клюнул, значит, дендрофил наш… И что

дальше?

— Мы с ним некоторое время переписывались. Я для вида поспорила, потом признала полную ошибочность своей критики… в общем — покаялась перед Эразмом, тот сменил гнев на милость. Не так уж часто люди ныне интересуются его любимым научным трудом. Мы очень славно пообщались, он даже кокетничать со мной стал и приглашал его посетить. Но тут я допустила ошибку. Меня же, Антон, интересовала только история с Тигром… И я про нее упомянула. Эразм, видимо, понял, в чем мой интерес. И оскорбился.

— Почему? — удивился я.

— Ну как почему? Его любимая ботаника, на почве которой он и стал со мной общаться, оказалась для меня всего лишь предлогом для знакомства… — В голосе старушки прорезалось смущение.

— Представь, что у тебя есть увлечение, фанатичное и слегка безумное, — добавил Гесер. — И вдруг ты встречаешь Иную, которая разделяет твою страсть… к коллекционированию мотыльков, допустим. Или к изучению целебных свойств кефира. Ты общаешься, радуешься… возможно — влюбляешься. И вдруг узнаешь, что все это — лишь предлог сойтись с тобой поближе и узнать

про Мел Судьбы, который когда-то был в твоих руках.

— Понятно, — кивнул я. — Эразм не сменил место жительства?

— Насколько мы выяснили — нет, — покачал головой Гесер.

— И где он живет? Какая-нибудь глушь, очевидно? Среди безбрежных трав и вековых деревьев? Вересковые поля Шотландии, суровые скалы Уэльса…

— В Лондоне он живет, — фыркнул Гесер. — С годами начинаешь ценить комфорт, поверь мне.

— Командировка в Лондон — это неплохо, — мечтательно сказал я.

— Вот и поедешь.

— Не буду спорить, — быстро ответил я. — С кем?

— Один. Никаких боевых столкновений не предвидится. Никого знакомого с Эразмом у нас нет… кроме Анны Тихоновны, но учитывая обстоятельства, при которых прервался их контакт…

— А вы с ним не знакомы? — с надеждой спросил я.

Гесер покачал головой:

— Не знаком. И Фома Лермонт — тоже. Через третьи-четвертые руки могу найти контакт, но

вряд ли это поможет.

— Я тут подумала, — почти застенчиво спросила Анна Тихоновна. — А если Антону взять с собой Кешу?

— Полагаешь, Эразма растрогает мальчик, чья судьба похожа на его собственную? — Гесер потер переносицу. — Как полагаешь, Антон?

— Не думаю, что четырехсотлетнему Иному свойственны сантименты, — ответил я. — Я бы лучше Светлану с собой взял.

— Как только она вернется в Дозор, — усмехнулся Гесер. — Съезди в Лондон, Антон. Поговори с Эразмом. Вдруг он сумеет рассказать что-нибудь важное? А нет… так просто проветришься. Командировку тебе выписали, билеты готовы, возьми в бухгалтерии. Летишь завтра утром.

— Бизнес-классом, надеюсь? — пошутил я.

— Да, — кивнул Гесер.

Мне как-то сразу расхотелось острить. Конечно, Ночной Дозор не бедная организация, а командировки у нас не столь часты… Но с чего бы вдруг Гесер расщедрился на бизнес-класс?

— А суточные какие? — уточнил я.

— Сто двадцать фунтов в день. Плюс оплата гостиницы.

Он что, не шутит?

— Проживать буду в «Рэдиссоне» или в «Шератоне»? — бросил я еще один пробный камень.

— Обойдешься, — усмехнулся Гесер. — Маленькая традиционная английская гостиница — что может быть лучше, чтобы понять чужую страну?

— Борис Игнатьевич, в чем подвох? — не выдержал я.

— Да ни в чем. Просто ты и впрямь неплохо работал в последнее время. Считай, что я придумал для тебя отпуск за казенный счет. Не добьешься успеха — ругать не стану, а если и впрямь что-нибудь разузнаешь — следующий раз отправлю тебя на задание служебным самолетом.

— Ага, если бы он еще у нас был, — хмыкнул я, вставая.

— Я как раз собираюсь его купить, — сказал Гесер. — Как думаешь, что лучше — «Гольфстрим» или «Эмбрэйр»?

— «Як-сорок», — ответил я и вышел.

Больше всего меня смущало то, что Гесер, похоже, не шутил.

Зачем Ночному Дозору города Москвы служебный самолет?

Лучше бы кондиционеры в офисе поменял, летом не продохнуть от жары!

Если меня в чем-то и убедили пятнадцать лет

в Дозоре, так это в том, что Гесер ничего не делает просто так. Он не дает задания ни исходя из чистой функциональности, ни давая волю альтруизму.

Возьмем, к примеру, давнюю историю с мальчиком Егором, неопределившимся Иным, за которым охотились вампиры. С чего бы вдруг Гесер выгнал меня «в поле» ловить нарушивших правила кровососов? Просто с целью перевести с кабинетной работы на оперативную? Нет. Точнее, не только из-за этого. А еще и с целью накрутить погуще дымовую завесу вокруг паренька, преподать мне урок относительно «доброты» Ночного Дозора — и «злобности» Дневного. И, очень вероятно, выводя меня на Светлану, завязывая наши отношения в тот узел, который должен был привести к рождению Нади. Может быть, даже с целью объяснить — и мне, и прочим дозорным, кто такой Зеркальный маг, — уж не ждал ли шеф явления Зеркала, не подозревал ли, что Егору, а не бедолаге Рогозе суждено в него обратиться… Кстати, как-то созвучны имя русского мальчишки и фамилия украинского юноши — Егор и Рогоза…

Тьфу! Совсем с ума схожу! Конспирологией занимаюсь. Гесер, разумеется, интриган, и все его действия — с двойным и тройным дном, но уж

привязывать сюда созвучие имен — верный шаг к паранойе.

Что реально замыслил Гесер, отправляя меня в Лондон, да еще и на таких условиях — великолепно оплаченная командировка, перелет бизнес-классом, неопасное и ненапряжное задание? У нас хватает менее сильных, но весьма профессиональных сотрудников и сотрудниц, которые могли бы встретиться с Эразмом и попробовать что-то у него разузнать.

Либо Гесер подозревает, что задание может стать более опасным, чем кажется…

Либо видит во мне какие-то особенности, позволяющие мне справиться с этой миссией лучше других.

Либо все это пустышка, отвлечение чьего-то внимания от реальных дел. Допустим, Гесер считает, что Завулон следит за мной и сейчас тоже рванется в Лондон к Эразму…

Я вздохнул. Вариантов можно было напридумывать еще много. Но почему-то мне казалось, что я упускаю какой-то очень простой и очень логичный, а потому — самый вероятный вариант.

— А я бы не заморачивалась на твоем месте, — сказала Светлана, собирая мне маленький чемоданчик. — Гесер, конечно, хитрит. Но ты ему

нужен, и вообще он по-своему к тебе очень привязан. Надо было для порядка кого-то в Лондон к Эразму отправить — почему бы и не тебя?

— Но он явно считает дело с Тигром незаконченным, — задумчиво сказал я. Мы были в спальне, Надя смотрела в гостиной телевизор, и можно было поговорить откровенно.

— И я тоже считаю его незаконченным… — Светлана на мгновение замерла над чемоданчиком, держа в руках стопку чистых трусов. — Антон, а ты ничего от меня не скрываешь?

— В смысле?

— Ничего, касающегося Тигра и пророчества?

— Все, что знал, рассказал, — немного покривив душой, сказал я. Того, что надиктовано на игрушечном телефоне, я и вправду не знал. Даже не был уверен, что там что-то вообще надиктовано. — Света, а ты меня на сколько дней собираешь?

Светлана задумчиво посмотрела на мое белье в своих руках.

— Три… пять… семь. На неделю.

— Зачем? У меня обратный билет через двое суток.

— Видимо, мне почему-то показалось правильным положить тебе семь пар чистого

белья, — задумчиво сказала Светлана. — И рубашек я положила пять штук… и еще два теплых свитера…

— В Лондоне жара, как и в Москве, — заметил я.

— Знаю. — Светлана вздохнула. — К сожалению, я интуитивный прорицатель.

Я кивнул. Большинство Иных, даже если чувствуют необходимость поступить именно так, а не иначе, причину объяснить не могут. И Светлана не знает, почему собирает меня на неделю. И вполне возможно, что она ошибается. Вот мальчик Иннокентий сумеет это объяснить — когда научится обращаться со своим даром.

— Еще я положу тебе плащ, — неожиданно сказала Светлана. — И зонт.

— Влезет? — с сомнением глядя на чемодан, спросил я.

— Я его растяну изнутри.

Самое смешное, что заклинание, позволяющее упаковывать в небольшой объем кучу всякого барахла, появилось сравнительно недавно. Ни одному Иному просто не приходило в голову, что так можно сделать — пока волшебные безразмерные сумки и чемоданы не стали описывать люди в сказочных и фантастических книгах. Разуме-

ется, от идеи до реализации немалый путь. Да и теперь заклинание «дамская сумочка», оно же «торба», способен наложить не каждый маг.

Светлана, конечно, могла.

— Я чемодан тебе расширю на две недели, — сказала Светлана. — Мало ли что… а то и впрямь задержишься, посреди аэропорта начнет фонтанировать трусами и рубашками.

— Спасибо, — сказал я. — Что тебе привезти из Лондона?

Светлана отмахнулась.

— Еще ты мне тряпки не выбирал… Там есть самый старый в мире детский магазин — «Хэмли». Зайди купи что-нибудь Наде.

— Из одежды? — уточнил я.

— Из игрушек.

Я хмыкнул. На мой взгляд, к игрушкам дочь была уже почти равнодушна. Был бы у меня сын — понятное дело. Купил бы какой-нибудь радиоуправляемый вертолет или затейливый конструктор.

— «Барби»? — напрягая воображение, спросил я.

Светлана вздохнула, улыбнулась и объяснила:

— Посмотри, что выбирают девочки ее возраста, то и бери.

— Так и сделаю, — обрадовался я. — И все-таки, что тебе привезти?

Повисла какая-то неловкая тишина. Только в гостиной работал телевизор и тонкие «мультяшные» голоса вели диалог: «Я хочу знать, в чем смысл жизни!» — «Тогда тебе нужна кузинатра — дающая смысл!»

— Нам кухонный комбайн нужен, — усмехнулась чему-то Светлана. — Но из Великобритании его тащить совершенно не обязательно. Привези то, что у англичан получается лучше всего.

— Мировой язык или империю?

— Хорошее виски.

— Во-первых, виски бывает шотландским или ирландским, а не английским. Во-вторых, с каких пор ты стала его пить?

— Я попробую, — снова улыбнулась Светлана. — А выпьешь ты с друзьями. И при этом твоя совесть будет чиста — подарок мне ты привезешь.

Благосклонность Гесера была столь велика, что мне даже не пришлось озабочиваться заказом такси — в семь утра за мной заехал Семен.

— Тут тебе гостинцы для Эразма. — Он махнул рукой на валяющийся в багажнике туго набитый полиэтиленовый пакет, по-простецки перехва-

ченный скотчем.

— И что там?

— Не знаю. Что из России в подарок везут? Водка, икра…

— Матрешка и балалайка, — в тон ему сказал я. Открыл чемодан и впихнул туда пакет. Вопреки здравому смыслу тот преспокойно улегся в туго набитый чемодан.

— Света «торбу» наложила? — спросил Семен.

— Ага. Ей почему-то кажется, что моя поездка продлится целую неделю.

— Я бы Свете доверял, — серьезно сказал Семен.

— Я и доверяю.

Уже в дороге, когда мы выехали на Ленинградку, Семен неожиданно спросил:

— Антон, позволишь личный вопрос?

— Валяй.

— Как у вас со Светланой?

— В каком смысле?

— Да в самом прямом. Как отношения?

— Очень хорошие, — сказал я. — Дружеские. Товарищеские. Полное взаимопонимание.

— Это не совсем то, что нужно в семейных отношениях, — наставительно сказал Семен. — Это между нами с тобой должны быть дружеские и

товарищеские отношения, мы вместе воюем. А в постели и за семейным столом товарищество неуместно.

Я немного помолчал, потом опустил стекло со своей стороны, достал сигареты и закурил. Ленинградское шоссе уже было забито машинами, но Семен вел легко и быстро.

— С чего вдруг ты этот разговор завел? — спросил я. — Психотерапевт хренов…

— Помочь тебе хочу, — объяснил Семен. — Я все-таки на свете долго живу, много чего повидал. Вначале у вас все наперекосяк складывалось, верно? И ты, и Света — сильные, под других подстраиваетесь с трудом, даже если хотите. Потом как-то все завязалось. Дочка родилась — совсем хорошо стало, верно? А потом, как подросла, — снова все наперекосяк пошло. По-товарищески.

— Ну? — жадно затягиваясь, произнес я.

— Встряска вам нужна, — сказал Семен невозмутимо. — Например, поругаться надо, хорошенько так, с битьем посуды, а то и подраться. На время в стороны разойтись, надуться друг на друга. Но вам это трудно, из-за дочки… Еще хорошо будет, если ты ей изменишь. Ты ведь никогда Свете не изменял?

— Слушай, иди ты… — Я начал заводиться не на

шутку. — Тебя в детстве мама не учила в чужие семейные дела не лезть?

— Нет, у меня мамаша обожала влезать в чужие склоки, — ответил Семен. — Антон, без обид только, но больше никто тебе этого не скажет. А я вас со Светой очень люблю. И хотел бы, чтобы у вас все хорошо было.

— И советуешь нам либо подраться, либо изменить друг другу!

— Так я и сам простой, и методы у меня простые, — усмехнулся Семен. — Можно еще к психотерапевту обратиться, походите годик-другой, полежите на кушетках, о жизни поговорите…

— Ну тебя… — Я некультурно отправил окурок за окно.

— Антон, что-то надвигается, — сказал Семен. — Поверь моему чутью. Приходят трудные времена, и хорошо бы, чтобы все мы их встретили во всеоружии. Без разлада в душе, в семьях…

— Вот и женись сам, укрепляй ячейку общества.

— Моя любовь была человеком, она умерла, — просто ответил Семен. — Я ведь тебе рассказывал. А я, похоже, однолюб. Вроде тебя. Ладно, не обижайся и в голову не бери.

— Да уж, вначале загрузил, потом «в голову

не бери»… — пробормотал я. — Тебе привезти чего-нибудь из Лондона? Виски…

— Я и здесь виски куплю, — отмахнулся Семен. — Знаешь что, зайди в магазин «Фортан и Мэйсон», это на Пиккадилли. Купи мне баночку меда из Йоркшира, очень я его люблю, а у нас не достанешь.

— Мир сошел с ума, — сказал я. — Свету спросил, она меня попросила привезти вискаря. А ты, здоровый и выпивающий мужик, баночку английского меда!

— Я чай с медом люблю, — невозмутимо сказал Семен. — А ты, будучи умным и любящим мужчиной, подарок жене должен придумать сам, а не спрашивать «чего привезти». Хоть бы и баночку меда.

Глава 2

В Хитроу мы приземлились неудачно. Нет, с самолетом все было в порядке, летели мы по расписанию, полосы коснулись мягко, с рукавом состыковались быстро.

Но прямо перед нами в тот же самый четвертый терминал прибыл рейс откуда-то из Юго-Восточной Азии — то ли из Бангладеш, то

ли из Индонезии. И полторы сотни российских пассажиров оказались в очереди на паспортный контроль за спиной двух сотен смуглых азиатов.

Каждый из них нес с собой целый ворох документов. Похоже, судя по бумагам, все они собирались учиться в Оксфорде или Кембридже, собирались инвестировать в экономику сотни тысяч фунтов или получить миллионное наследство. В общем, оснований для въезда у бангладешцев-индонезийцев было так много, что сразу становилось ясно — большинству предстоит работать в ресторанчиках, на стройках и фермах Британии. Офицеры на паспортном контроле — в большинстве своем тоже не урожденные англосаксы — это прекрасно понимали и проверяли бумаги с предельной въедливостью. То и дело проверка оканчивалась тем, что пассажира отводили в сторону — для дальнейших разбирательств…

Через отдельные стойки быстренько просочился ручеек пассажиров с нашего рейса, имеющих британское гражданство. Не такой уж и тоненький ручеек — по моему ощущению, процентов двадцать летевших в Лондон были «слугами двух господ». Остальные мрачно встали в длинный извилистый накопитель. Маялись мужики, меч-

тающие покурить после полета. Капризничали дети, успевшие засидеться в самолете. Слали эсэмэски и копались в сумочках женщины, мечтавшие «пройтись по Пиккадилли» и наброситься на магазины Оксфорд-стрит.

Я, конечно, мог пройти без очереди. Тем или иным способом. В конце концов, мог просто войти в Сумрак и миновать человеческий паспортный контроль — на моих глазах так сделал молодой парень, в котором я в самолете даже не заподозрил Иного. Собственно говоря, не будь в паспорте визы — я бы так и сделал без малейшего колебания.

Но мне было неудобно. В хвост очереди терпеливо встала женщина с двумя младенцами, которых она при этом еще и кормила одновременно, «по-македонски». Ее, впрочем, через некоторое время отправили в небольшую очередь для тех, кто шел без очереди. Впереди тоже стояли и дети, и старики. Ну что поделать — неудачно прилетели, а для Европы вымирающие русские остаются таким же подозрительным третьим миром, как и любая перенаселенная азиатская страна. Может, даже более подозрительным — поскольку хоть на роль страны третьего мира Россия и согласилась, но какие-то амбиции временами еще проявляет

и открыто стать колонией стесняется.

В общем, преисполнившись благородства, я решил выстоять очередь вместе с соотечественниками. И первые полчаса искренне гордился своим поступком.

Вторую половину часа я держался уже исключительно из упрямства и понимая, что произнести заклинание и миновать паспортный контроль — это все равно что признать свою глупость.

Ко мне особых вопросов не возникло. Офицер, судя по тюрбану, сикх, глянул на визу, поинтересовался, надолго ли я приехал в Британию, получил ответ, что на два-три дня, кивнул и шлепнул в паспорт штамп.

Контроль из Темного и Светлого дозорных я миновал вообще без задержки — моя аура Высшего Иного внушала уважение.

Очередь меня так вымотала, что экспрессом, пусть тот и шел очень удобно для меня, к Паддингтонскому вокзалу, я не воспользовался. Вышел из аэропорта, свернул налево, где, удаленные на подобающее расстояние от приличных людей, травили свое здоровье курильщики. Для жертв никотиновой зависимости был оборудован маленький стеклянный карцер под открытым небом. Впрочем, истомившиеся пассажиры и

одетые в униформу работяги из аэропорта правилами пренебрегали и курили на свежем воздухе.

Закурил и я. Рядом мусолила тонкую сигарету красивая длинноногая девица с дорогим алюминиевым чемоданом и ругала по телефону Питера, который ее вовремя не встретил. Девица, кстати, была русская, но по-английски говорила и ругалась виртуозно. Закончив разговор, она сокрушенно покачала головой, тут же позвонила в Москву и принялась обсуждать с подругой разницу в менталитете русских и английских мужчин.

Усмехнувшись, я пошел к остановке такси. Длинная очередь высоких кебов, среди которых попадались и старинные, и вполне современные, терпеливо ждала клиентов.

Гостиница, в которую меня отправил Гесер, была самой обычной дешевой лондонской гостиничкой, расположенной в Бэйсуотере — районе, славящемся подобными гостиницами. Ну или, напротив, не славящемся из-за обилия дешевого жилья для туристов. Никаких видимых лишь в Сумраке знаков вроде инь-ян, что традиционно означало «дружественная для Иных», на гостинице тоже не было. Закрадывалось ощущение, что, отправив меня бизнес-классом, Гесер решил сэкономить на жилье.

Или какой-то смысл в проживании в трехзвездочном отеле «Дарлинг», занимавшем два подъезда старого викторианского дома (белые стены, колонны у входа, деревянные рамы с одним стеклом), все-таки был?

Номер оказался типичным для такого рода гостиниц — то есть небольшим, с узкими дверьми, низким потолком, крошечной ванной комнатой. Но сантехника была новая, европейского типа, имелся и плоский телевизор с сотней спутниковых каналов, где среди арабских и китайских затесалась парочка русских, и мини-бар, и кондиционер. Кровать тоже оказалась неожиданно большой и удобной.

Пойдет. Я сюда не в номере торчать приехал.

Чем именно сейчас заняться — это полностью зависит от меня. Можно пройтись по магазинам, купить сувениры и посидеть в пабе за кружкой пива — отложив дела на завтра. Можно отправиться в гости к Эразму — бесцеремонно, без приглашения. Можно поехать или пройтись через Гайд-парк в Белгравию — где расположен офис лондонского Ночного Дозора — и попросить содействия.

А можно и позвонить господину Эразму.

Я достал телефон. Не мудрствуя лукаво, госпо-

дин Эразм Дарвин нынче звался на французский манер — господином Эразмом де Арвин. И, услышав в трубке его голос, я даже понял причину — он говорил с легким акцентом, который любой современник опознал бы как французский.

На самом деле это был отзвук миновавших времен. Акцент семнадцатого века.

Обычно речь старых Иных мало чем отличается от современной. Язык меняется постепенно, новые слова и интонации плавно входят в лексикон Иных, остаются лишь какие-то отдельные старомодные словечки или обороты. Чем больше Иной общается с людьми, чем активнее работает в Дозоре, тем труднее на слух определить его возраст.

Но если Иной свел свое общение с соплеменниками и людьми к минимуму…

Тут был и акцент. И сама старомодная манера говорить. И отдельные словечки… если бы я учил английский как нормальные люди, а не впитал его магическим образом, я вообще мало бы что понял. К примеру — Эразм обращался ко мне на «ты». По-английски — и на «ты»! Используя словечко «thou», которое устарело и почти не использовалось уже ко времени его рождения.

Похоже, он просто валял дурака.

— Эразм на проводе, внимаю.

— Мое имя Антон, Антон Городецкий. Я приехал из Москвы, и мне очень нужно с вами встретиться, господин Дарвин. Я хотел бы поговорить… о тиграх.

Повисла короткая пауза. Потом Эразм сказал:

— Долго ждал я звонка твоего, Антуан. Не мыслил, что приедешь ты из Московии, галлом тебя видел.

— Видели? — не понял я.

— Ведомо тебе, что пророк я, — сообщил Эразм. — Приезжай ко мне, судьбе перечить не стану, приму тебя.

— Спасибо большое, — слегка растерявшись от такой доброжелательности, сказал я.

— Пустое дело спасибо мне говорить, Антуан. Адрес тебе знаком, бери же кеб и приезжай немедля.

Господин Эразм де Арвин, отошедший от дел пророк Дневного Дозора и знаток интимной жизни растений, жил возле парка. В принципе гостиница, где я остановился, тоже располагалась у парка, но между Гайд-парком и Риджентс-парком есть большая разница. Пускай оба принадлежат королеве, но первый — более «народный», более шумный и простой. И найти рядом с ним можно

все, что угодно, — от дорогущих особняков и роскошных магазинов (если со стороны Темзы) и до дешевых гостиниц и этнических кварталов, заселенных китайцами, албанцами и русскими (это в сторону железнодорожного вокзала, куда некогда прибыл самый симпатичный из английских иммигрантов — медвежонок Паддингтон).

Риджентс-парк окружен дорогими домами, земли вокруг него принадлежат королеве — и их невозможно купить, только арендовать, пусть даже на сотню-другую лет, так что никто из владельцев роскошных особняков и стоящих миллионы фунтов квартир не может с полным основанием сказать: «Мой дом — моя крепость». Впрочем, это никого не смущало — во всяком случае, двигаясь вдоль парка, я заметил и припаркованный «бентли» с номерным знаком «Armany», и пару людей, лица которых видел то ли в кино, то ли на первых страницах газет.

Что ж, если ты прожил на свете триста с лишним лет и не накопил достаточно денег, чтобы поселиться где угодно, — то ты полный идиот. Такие, конечно, встречаются и среди пророков, но Эразм явно был не из их числа. Так что особнячок вблизи Риджентс-парка он, конечно, мог себе позволить.

Впрочем, реальность даже превзошла мои ожидания.

Картам — что схематичным туристическим, что детальным полицейским — я предпочел свой телефон с встроенным навигатором. Пялиться в экран, как маньяк-гаджетофил, мне не хотелось, так что я просто надел клипсу наушника и шел, повинуясь командам, которые отдавал приятный женский голос. Как всем известно, помимо стандартных голосов в Интернете можно найти сотни прошивок для навигатора: хочешь, дорогу тебе будет указывать велеречивый Горбачев или заторможенный Ельцин, резкий Путин или суетливый Медведев, ну а для особых ценителей найдутся и Ленин — «Правильной дорогой идете, товарищи!», и Сталин — «Уклоняетесь вправо!». У меня звучание имитировало какой-то старый фильм: «Налево, милорд», «Направо, милорд», и это мне нравилось — как-то очень хорошо гармонировало с господином Эразмом.

Так вот, вначале я шел вдоль Риджентс-парка, с любопытством поглядывая на дорогие особняки и старинные здания, либо красного кирпича с башенками и эркерами, либо белые и с колоннами. Район был вполне туристический, так что попадались и знаменитые красные телефонные будки

(как ни странно, но в век сотовых телефонов ими тоже пользовались), и внушительные тумбы королевской почты (и письма на моих глазах в эти тумбы засовывали). Все это ретро, которому так умиляются туристы, действительно выглядело уместным и не нарочитым, и меня в какой уже раз уколола печальная мысль о Москве. Каким мог быть мой город, если бы его не сносили, не перестраивали, не рвали на части, выжимая прибыль из каждого клочка земли? Конечно, совершенно другим, но тоже живым и интересным… а не нынешним нагромождением унылых новостроек, обветшалых сталинских строений и редких, чаще всего полностью перестроенных, старинных домов.

Навигатор шепнул: «Налево, милорд», и я послушно вошел в один из входов Риджентс-парка, оказавшись в царстве могучих деревьев, благоухающих цветов и гуляющих по тропинкам людей. Лондонцев здесь, наверное, было меньше трети — все больше туристы с фотоаппаратами.

Интересно, где же обитает Эразм? В шалаше, среди своих любимых растений?

Я подавил желание глянуть на экран. Идти по командам было интереснее. В памяти навигатора оказались даже узенькие тропинки, и я все

больше и больше углублялся в парк. Никакой настоящей дикости здесь, конечно, не было и быть не могло — но туристов попадалось все меньше и меньше.

Потом я увидел огромное здание, стоявшее, как мне показалось, в самом парке или на самой его границе. На самом деле вдоль границы парка тянулась аллея, на которой и был выстроен дом. Больше всего он напоминал лучшие образчики сталинской архитектуры — присутствовали даже статуи на карнизе под крышей, вот только я не разобрал, кого именно они изображают — то ли мифологических персонажей, то ли видных деятелей британской культуры и политики, то ли представителей различных народов Британии. Судя по запаркованным у здания автомобилям, обитали здесь люди с многомиллионными счетами в банках.

Но навигатор повел меня по аллее дальше.

Он что, и в самом деле в шалаше живет?

— Прямо, милорд, — сказал навигатор. — Прибываем, милорд.

Я в недоумении остановился. Передо мной была древняя церковь. Ну, не церковь, но что-то церковное — аббатство, монастырское строение… Странной архитектуры, с двумя крыльями, как

помещичья усадьба, но явно имеющее отношение к культовым сооружениям.

— Направо, милорд.

Правое крыло аббатства и впрямь выглядело несколько иначе. Нет, те же поросшие мхом каменные стены, витражные окна, высокие резные двери.

Но это был жилой дом. Точнее — жилая часть церкви-аббатства.

Ну а почему бы и нет, собственно говоря? Тем более в Англии. Была церковь. При ней был дом священника… викария, точнее. Церковь — Богу, жилой дом — людям. Службы в церкви давным-давно не ведут, потомки викария… стоп, а у него могут быть потомки?.. Наверное, да, это же не католические священники с их целибатом… выбрали себе другую стезю. Ну и продал кто-то рано или поздно свой дом господину Эразму. А может, дом принадлежал семейству Дарвинов и достался ему по наследству?

Дверь открылась в тот момент, когда я подошел к ней и остановился в размышлениях, что делать — нажимать ли на кнопку звонка или постучать тяжелым бронзовым дверным молотком. Немолодой толстенький седовласый господин в старомодном твидовом костюме с любопытством

посмотрел на меня.

— Господин Эразм? — спросил я.

— Мсье Антуан? — Он то ли вжился в свой образ француза, то ли не мог до конца свыкнуться с мыслью, что я не галл. Зато архаизмы из языка практически исчезли. Включая и архаичное «thou». — Входите. Я ждал вас без малого век.

— Извини, что задержался, — невольно ответил я.

В жилище Эразма Дарвина можно было снимать историческое кино. Причем — разное. Кухня, на которую я зашел вслед за хозяином, была обставлена по последнему слову техники семидесятых годов прошлого века. Причем, скорее американских семидесятых годов — много хрома, стекла, умилительно-наивный дизайн. На фоне всего этого блеска как-то особенно впечатляюще выглядело обилие дорогого старинного фарфора. Я мог бы подумать, что Эразм был поклонником знаменитой фирмы «Wedgwood», но обходился он с коллекционной посудой как-то удивительно по-свойски — несколько грязных тарелок было небрежно свалено в мойке, изящная чашечка была забыта на столе, в опасной близости от края… Дарвин сделал нам кофе в огромной кофемашине со стеклянным контейнером для зерен

наверху. Перемалывая кофе, машина грохотала, как взлетающий авиалайнер. На одном из столов под разноцветным витражным окном стоял сверкающий кухонный комбайн, на чьем боку было написано «Cuisine Art». Холодильник тоже был незнакомой марки.

С подносом, на который он поставил кофейные чашки, сливочник и сахарницу, Эразм повел меня в гостиную. Тут семидесятые годы прошлого века бесславно капитулировали перед двадцатыми или тридцатыми годами — благородно вытертая кожаная мебель; повсюду темное дерево — и в мебели, и в настенных панелях; мраморный камин… причем, к моему удивлению, в нем горели настоящие поленья! Насколько я знал, это было строжайше запрещено — в свое время, борясь со знаменитым лондонским смогом, все камины в городе перевели на газ. Никакого телевизора, конечно, тут не было, зато имелся ламповый радиоприемник, деревянный и основательный, напоминающий небольшой шкафчик.

— Не замерзли, Антуан? — спросил Эразм. — Быть может, немного порто с коньяком?

— Лето на дворе, — удивленно сказал я. До меня иногда не сразу доходят элементарные вещи. — А… впрочем… у вас здесь так прохладно. Толстые

стены, да? Спасибо, с удовольствием выпью глоток порто с коньяком.

На лице Эразма отразилось облегчение.

— Ну конечно, вы же из Моско… России! — обрадованно сказал он. — Вас не должно смутить пить с утра!

— Уже почти обед, — дипломатично сказал я, удобно располагаясь в глубоком кожаном кресле.

— К черту порто! — воскликнул Эразм. — Хорошее, доброе, старое ирландское виски!

Ну что ж, три сотни лет — вполне достаточный срок не только для того, чтобы приобрести кусок аббатства в центре Лондона, но и чтобы стать алкоголиком.

Из широкого буфета, чьи полки были закрыты дверцами с мутным матовым стеклом, Эразм извлек несколько бутылок. Придирчиво их осмотрел и выбрал одну, без всякой этикетки.

— Полтораста лет, — сообщил он. — У меня есть виски и постарше, но это не имеет особого смысла. Главное, что тогда бензиновые моторы еще не травили природу своей вонью, рожь была рожью, солод — солодом, а торф — торфом… Вам со льдом, Антуан?

— Нет, — сказал я, скорее из вежливости, чтобы

не заставлять Эразма отправляться на кухню. — Чистое.

— Правильно! — одобрил Эразм. — Лед — для неотесанных жителей колоний. Если потребуется, у меня есть чистая ирландская вода…

Виски он плеснул по чуть-чуть. Я коснулся темного, почти черного напитка губами.

Мне показалось, что я хлебнул из торфяного болота.

Потом — что я выпил жидкого огня.

Эразм, тихо посмеиваясь, смотрел на меня.

— Я и не думал, что ирландское виски бывает торфяным! — выдохнул я, отставляя бокал.

— Бывает даже сейчас, но… — Эразм махнул рукой. — Не то! Нынче так уже не делают!

— Надо привыкнуть, — пробормотал я дипломатично. — Очень… очень необычно.

— Нравится?

— Пока не могу сказать, — честно признался я. — Одно могу сказать точно — напиток уникальный. «Лагавуленн» и рядом не стоял.

— Ха! — фыркнул Эразм. — «Лагавуленн», «Лафройг» — это для изнеженных современных людишек… А вы откровенны, Антуан. Это мне нравится.

— Какой смысл врать пророку? — пожал я

плечами.

— Ну… какой я пророк… — неожиданно засмущался Эразм, отхлебывая своего могучего напитка. — Так… предсказателишка… Да, я буду стараться говорить понятно для вас, но я нечасто общаюсь с людьми… и Иными. Если покажусь излишне старомодным — сразу скажите.

— Хорошо. — Я взял полиэтиленовый пакет и протянул Эразму: — Это просил передать вам глава Ночного Дозора Москвы.

— Пресветлый Гесер? — заинтересовался Эразм. — И что внутри?

— Не знаю. — Я пожал плечами.

Эразм взял с каминной полки маленький ножик для бумаги и принялся открывать пакет с энтузиазмом пятилетнего ребенка, обнаружившего рождественским утром свой долгожданный подарок.

— Чем же я заслужил внимание великого воина Света… — бормотал Эразм. — И почему я удостоился подарка…

Мне было понятно, что отставной Темный Иной валяет дурака. Но для того, кто живет практически взаперти посреди огромного шумного города, это вполне простительная слабость.

Наконец пакет был вспорот и его содержимое

оказалось на низком журнальном столике. Как я и предполагал, в пакете было куда больше, чем могло бы в нем поместиться естественным путем. Там оказалась литровая бутыль водки — причем водки старой, с дореволюционной орфографией этикетки. Еще там была трехлитровая стеклянная банка, наполненная зерненой черной икрой. Без сомнения, браконьерской — впрочем, Гесера это вряд ли смущало, а еще меньше могло смутить Эразма. Ну и, наконец, там стоял цветочный горшок, который я привык видеть на подоконнике в кабинете шефа. В горшке росло маленькое страшненькое корявое деревцо, которое любой мастер бонсая выкорчевал бы из жалости. Я с некоторым смущением вспомнил, что как-то во время затянувшегося совещания, когда Гесер разрешил желающим курить в его кабинете, тушил в горшке с деревом, за неимением пепельницы, окурки. Да и не только я.

Эразм не глядя поставил на пол водку и икру. На центр столика водрузил горшок с деревцом. Сел на пол и уставился на ботаническое недоразумение.

Дерево было высотой сантиметров пятнадцать. Корявое, как древняя олива, почти лысое — только из одной ветки оптимистично торчали два

листочка.

Эразм сидел и смотрел на деревцо.

Я терпеливо ждал.

— Потрясающе, — сказал Эразм. Потянулся за стаканом и глотнул виски. Чуть-чуть повернул горшок и посмотрел на него под другим углом. Потом прищурился — и я почувствовал, что старый Иной смотрит на деревцо сквозь Сумрак.

— Вы не в курсе, какова суть этого подарка? — спросил Эразм, не глядя на меня.

— Нет, сэр, — вздохнул я. И внезапно подумал, что Эразм наверняка является сэром — в изначальном смысле этого слова.

Дарвин встал и прошелся вокруг горшка. Потом пробормотал:

— Да будь я проклят… Прошу вас, Антуан, отойдите на шаг или прикройтесь… я немного поработаю с Силами…

Я счел за благо и отойти, и поставить Щит Мага, прихватив с собой на всякий случай и стакан с виски. Это оказалось правильным решением — к столику я вернулся только через четверть часа. Все это время Эразм бился с бонсаем. Он погружал в растеньице поисковые заклинания, он смотрел на него сквозь Сумрак и сам уходил в Сумрак до третьего слоя, он растер в пальцах и съел щепот-

ку земли из горшка, он долго нюхал листочки — и вроде бы даже обрадовался, просветлел лицом, но потом досадливо махнул рукой и налил себе еще одну порцию виски. Последнюю минуту он стоял, покачивая в ладони огненный шарик, словно борясь с искушением испепелить и горшок, и бонсай, и стол в придачу.

Но сдержался.

— Сдаюсь, — буркнул Эразм. — Ваш Гесер и впрямь велик… я не могу раскусить смысл его послания. Вас точно не просили передать что-либо на словах?

— Увы.

Эразм снял пиджак, бросил его на свободное кресло. Сам уселся в другое, потер лицо руками, вздохнул, буркнул:

— Старею… Что ж, вы хотели поговорить о тиграх, Антуан?

— Да. А вы ждали моего прихода, Эразм?

— Это все взаимосвязано… — Эразм никак не мог оторвать взгляда от бонсая. Потом попросил: — Антуан, переставьте растение на каминную полку. Позже я займусь им, сделаю все, что в моих силах. Уверен, что разгадать загадку Гесера сумею… Но пока… не могу смотреть спокойно, раздражает… Скажите, откуда вы знаете о Тигре?

— История вашего детства — не тайна, уважаемый Эразм, — сказал я.

— Но она не столь уж широкоизвестна…

— Она описана в книжке, которую читала моя дочь.

— О! — заинтересовался Эразм. — Вы не догадались ее привезти?

— Блин… — Я смутился. — Понимаете… как-то не пришло в голову… Я могу выслать!

— Если не сложно, — кивнул Эразм. — Простите стариковское честолюбие, но я с удовольствием собираю все упоминания о человеческом периоде своего существования… Но как вы узнали мой адрес? Мне казалось, что Ночной Дозор Лондона не имеет этой информации.

— Это не Дозор, — признался я. — Адрес получен из частных источников…

Эразм ждал.

— В нашем Дозоре работает госпожа Анна Тихоновна…

— Анна! — вскинулся Эразм. — Дурак… я должен был догадаться… — Он искоса посмотрел на меня. — Что, она до сих пор веселится, вспоминая, как поймала меня?

— Гордость и предубеждения… — задумчиво сказал я.

— Что?

— Она вовсе не веселится. Она до сих пор переживает, что ваши отношения так резко прервались. Ее, конечно, интересовала история с Тигром, она собирает всякие странности, которые игнорирует официальная наука, но ей нравилось общаться с вами.

Эразм пожал плечами. Потом буркнул:

— Мне тоже было интересно… она так аккуратно дала понять, что и сама — Иная, и знает, кто я такой… но при этом проявила глубокие познания в ботанике… такую интересную статью опубликовала в журнале… очень милая дама, удивительно, что из Моско… извините, конечно, Антон. Но мне раньше не нравились русские женщины.

— Ничего-ничего, мне вот английские не очень… — мстительно ответил я.

— Надо нам было все-таки встретиться, — продолжил Эразм. — Посмотрели бы глаза в глаза, лучше бы друг друга поняли.

— Интернет — он не дает полноценного общения, — сказал я глубокомысленно.

— Какой Интернет, Антуан? — засмеялся Эразм. — Это было более тридцати лет назад! У вас тогда еще СССР существовал! Бумажные пись-

ма… только с маленьким заклинанием, чтобы цензура не просматривала и шли быстрее…

Да… это я и впрямь сглупил. Порой забываешь, что все эти мобильные телефоны и компьютеры появились совсем недавно!

— Так опубликовать в журнале — это именно в журнале? — понял я. — В научном, бумажном? А я-то думал — в «живом журнале»…

Эразм расхохотался до слез. Потом сказал:

— Вот так-то, Антуан. И вы начинаете чувствовать себя динозавром! Скоро начнете украшать свой дом советскими плакатами и красными знаменами! Ничего-ничего, к бегу времен тоже можно привыкнуть… Что ж, давайте я расскажу вам про Тигра. Про моего Тигра. А потом вы объясните, что стряслось у вас.

Глава 3

Семнадцатый век — время не слишком-то приспособленное для счастливого детства. Впрочем, для бурной зрелости и спокойной старости оно тоже не слишком-то годилось. Умереть было не просто, а очень просто. Жизнь была всего лишь прелюдией к смерти и посмертному существованию, в котором мало кто сомневался.

Иногда эта прелюдия была долгой, но куда чаще — короткой.

Как для людей, так и для Иных.

— Ты слушаешь меня или спишь, мальчик?

Эразму Дарвину было четырнадцать лет, и в двадцатом веке он бы обиделся на обращение «мальчик». Но в семнадцатом веке это было нормально. Собственно говоря, человек из двадцатого или двадцать первого века принял бы Эразма за ребенка десяти-одиннадцати лет. Возможно, его бы смутило, что и штаны, и камзол Эразма ничуть не отличаются от одежды его взрослого спутника, но это тоже была часть времени. Дети не являлись чем-то особенным, требующим иного отношения, питания или одежды. Просто маленькие человеческие существа, которым, возможно, посчастливится стать полноценными взрослыми. Даже на картинах лучших живописцев того времени тела и лица детей были неотличимы от тел и лиц взрослых — если взгляд художника и ловил отличие в пропорциях, то сознание успешно отвергало разницу. Мальчик — это просто недомужчина. Девочка — просто недоженщина… впрочем, девочки меняли свой статус на женский очень быстро, и это никого не смущало. Человеческое

тесто, куда упали первые дрожжи цивилизации, бурлило и расползалось. Человечеству надо было расти. А для этого — больше рожать, потому что не в человеческой власти было меньше умирать.

— Я не сплю! — возмутился Эразм.

— Тогда где витает твой дух? — Спутник Эразма гневно посмотрел на мальчика. Он выглядел лет на тридцать — немалый возраст. Немалый — будь он человеком. Но он был Иным, и сколько ему лет на самом деле — знал лишь он сам.

— Я думал… об этом… — Эразм смущенно развел руками.

— Об этом? — спутник Эразма с отвращением посмотрел на цветущий луг. — Скажи, мальчик, ты — пчела, собирающая нектар?

— Нет…

— Тогда, быть может, ты — ведьма, варящая зелья?

Эразм слегка вздрогнул. Ведьм он боялся, хотя по всему выходило, что теперь ему их бояться не надо.

— Нет, учитель…

— Или ты крестьянин, что будет выпасать здесь коров?

Эразм молчал.

— Ты — Иной, — твердо сказал его спутник. —

Ты обладаешь великой силой прорицания и пророчества. Тебе свыше отпущена иная судьба, и все мирское не должно тебе тревожить!

— А оно точно свыше? — буркнул себе под нос Эразм. Его спутник услышал, но против обыкновения не разозлился. Пожал плечами, сел на землю, подминая травы и цветы. Потом лег, глядя в небо. И ответил:

— Я видел Иных, которые кричат, что сила их — от Бога. Они блюдут посты, следуют заповедям и часто ходят в церковь. Не знаю, что уж они говорят на исповеди… быть может, у них есть свои священники… Я видел Иных, которые верят, что Люцифер, светоносный князь Тьмы, подарил им могущество. Они жгут ночами черные свечи из жира покойников — знал бы ты, как они коптят и воняют! — целуют отрезанную козлиную башку и творят такие непотребства, про которые мне противно говорить. Но одно я тебе скажу точно — я не видел ни Бога, ни слуг его и не встречал ни Сатаны, ни его прислужников. Может быть, им просто нет до нас дела. Может быть, наша Сила — просто Сила, как умение птицы парить в небе или рыбы — дышать водой.

— Я не хочу жечь черные свечи и творить непотребства, — на всякий случай сказал Эразм.

— Не жги и не твори, — равнодушно ответил его спутник.

— Но мне скучно в церкви, учитель, — признался Эразм. — И… и я однажды украл пенни… и еще вечерами, когда Бетти приносит мне грелку в постель, я прошу ее прилечь рядом…

— Служанки созданы для того, чтобы радовать господина, — великодушно ответил его спутник. — А ты — больше чем ее господин. Ты — Иной. Поступай с Бетти в свое удовольствие.

Мальчик молчал. Мужчина скосил глаза и посмотрел на него. Эразм медленно водил рукой над примятыми стеблями травы — и те поднимались, тянулись к его пальцам.

— У тебя есть сродство к царству растений, — неохотно признал мужчина. — Это более подобает ведьме, чем магу, но Сила всегда находит неожиданные выходы… Но не забывай, что ты пророк. Кто победит в сражении на холме?

— Король, — мгновенно ответил Эразм. Недоуменно заморгал, поднял голову: — На каком холме?

— Не важно. Ты предсказываешь будущее, пусть пока и неумело. А скажи-ка… кто через три-четыре сотни лет будет править на Капитолийском холме?

— Негр воссядет на трон и славить его будут как миротворца, но пошлет он железных птиц через океан, чтобы завладеть сокровищами ливийскими и персидскими, и случится от того великая война и потрясения в мире… — медленно, будто сонно, произнес мальчик.

— Хм… — Спутник Эразма почесал кончик носа. — Нет, ты все-таки еще далек от главного пророчества. Слишком много ошибок. Итальянцы вечно воюют с арабами, но как может чернокожий править в Риме? Персия — ладно… но в Ливии нет никаких сокровищ, одна лишь пустыня, рождающая только бесполезное черное масло. И даже если через триста лет в мире будут железные птицы — то какой еще океан? Италию от Ливии отделяет лишь море. Нет, многовато ошибок… ты пока не готов. Еще есть время.

— Время на что?

— Подготовиться к приходу Палача.

…Я плеснул себе еще на палец виски. Спросил:

— Эразм, так вы называли его Палачом?

— Да. Тигром его назвал Блейк… поэт, сами понимаете… — Эразм задумчиво смотрел в закопченное жерло камина, где светились багровым угли. — Тогда мой учитель называл его Палач… или Безмолвный Палач… или Палач Пророков…

Пожалуй, последнее самое верное. Он приходит только к пророкам. Тем, кто готовится сделать основное пророчество.

— Зачем? Что такого важного в основном пророчестве?

— Оно глобально, вот и все, — усмехнулся Эразм. — Предсказать войну в Ливии или полет на Луну — это частности. При всей значительности данных событий. Первое пророчество должно касаться всего человечества.

Несколько мгновений я размышлял, что именно в словах Эразма меня задело больше всего. Потом понял.

— Человечества?

— Да, конечно. Первое пророчество слишком глобально, чтобы касаться нас, Иных. Пророчество всегда говорит о людях. О человечестве.

— Что может быть событием, затрагивающим все человечество? — вслух размышлял я. — Мировая война?

— К примеру, — кивнул Эразм. — Конечно, даже Первая и Вторая мировая не затронули весь мир напрямую. Но в целом их влияние было глобальным.

— Мировые войны были предсказаны? — спросил я.

— Конечно. Только не предсказаны, а пророчены. Первая и Вторая мировая. Социалистическая революция в России…

— Коммунисты могут гордиться, — невольно сказал я. — «Событие всемирно-исторического значения», так в СССР называлась революция.

Эразм усмехнулся.

— А что еще пророчили пророки?

— Исходя из моей, неофициальной информации, — вежливо сказал Эразм, — еще чести быть первым пророчеством удостоилось создание ядерного оружия, открытие пенициллина, появление рок-музыки…

Я недоверчиво посмотрел на Эразма, но тот убежденно кивнул:

— Да-да, появление рок-музыки. А также публикация стихотворения Эдгара По «Колокольчики», мода на мини-юбки, выход в свет фильма «Эммануэль», рождение Алистера Максвелла…

— Кто такой Алистер Максвелл? — не понял я.

— Умер в шестидесятых годах прошлого века в Австралии, — сказал Эразм. — Во младенчестве. Прожил меньше месяца.

— И что?

— Не знаю. А фильм «Эммануэль» сильно повлиял на людей?

— Если рассматривать его как символ сексуальной революции и классику эротического кино — то да, — твердо сказал я.

— Допустим. Вероятно, Алистер тоже повлиял.

— Как?

Эразм развел руками:

— Иногда пророчество не бывает понято сразу. Видимо, рождение Максвелла еще окажет влияние на все человечество.

— Через полвека после его смерти во младенчестве?

— Есть многое на свете, друг Горацио… Было еще два-три странных пророчества, но там не удалось доказать, что это именно пророчества, а не предсказания. Ну а чего-то мы, ясное дело, не услышали. Из-за Тигра или из-за иных причин.

— В том числе и ваше пророчество, — сказал я.

Эразм смутился.

— В том числе и мое… Но знаете, я очень хотел жить.

— Трудно вас в этом упрекнуть, — согласился я.

* * *

Учитель разбудил Эразма под утро. Он вообще не признавал различий между днем и ночью, ну

а люди, разумеется, ему помешать не могли.

— Вставай! — зажимая ему рот ладонью, сказал учитель. — Молчи и не шуми!

Эразм сполз с кровати. Учитель уже кидал ему одежду — чулки, штаны, рубаху, камзол…

— Он близко, — сказал учитель. Лицо его было бледным, губы чуть заметно дрожали. — Мне удалось уйти… он отвлекся на деревню…

— На деревню? — не понял Эразм, торопливо одеваясь.

— Да… я заставил людей пойти на него… это ничего не даст, кроме времени, Палач всегда основателен, он вначале закончит с людьми…

В постели Эразма сонно шевельнулся кто-то, спящий в глубине пуховых одеял. Учитель глянул на пунцовое лицо Эразма и сказал:

— Не надо будить Бетти! Она даст нам еще пару минут…

Эразм колебался лишь мгновение. Потом кивнул — и вслед за учителем выбрался в окно.

Сад дышал предрассветной тишиной и прохладой. Эразм пробирался вслед за учителем, который тихо бормотал на ходу:

— Как же я мог… такая ошибка… ты был готов к пророчеству уже давно… я пропустил предвестники…

— Если я скажу пророчество, то Палач уйдет? — спросил Эразм.

— Да. Но только если пророчество никто не услышит. Или если его услышат люди.

— А если услышишь ты…

— Пророчество — оно для людей! — рявкнул учитель. — Оно сбудется, если его услышат люди! Оно не сбудется, если его никто не услышит. Ты и сам не вспомнишь, что говорил, тебя он уже не тронет, а вот меня — меня убьет! Чтобы я не рассказал людям!

— Тогда… — Эразм схватил учителя за фалды камзола. — Тогда уходите! Я же помню, как вы учили, я все сделаю — и скажу пророчество!

— Ты не сможешь, — ответил учитель. — Ты не готов. Тебе нужен слушатель. Ты слишком неопытен, чтобы пророчить в пустоту… я не успел тебя подготовить…

Он вдруг застонал, обхватив голову руками.

— Что случилось? — воскликнул Эразм.

— Я дурак, мальчик… Надо было мне оборонять дом… а ты сказал бы пророчество своей глупой девке… Палач бы ушел.

— И пророчество бы сбылось?

— Да. Это плохо, все пророчества плохи… но ты бы остался жить.

Учитель вдруг горько рассмеялся.

— Оказывается, я к тебе привязался, мальчик…

— А Бетти… он ее убьет?

— Палач не убивает людей. Он выпьет ее душу, — ответил учитель. — Она станет равнодушной ко всему, будто соломенная кукла…

— Да она и так не слишком горячая… — пробормотал мальчик.

Они отбежали от усадьбы почти на милю, когда до них донеся женский крик — пронзительный, но тут же оборвавшийся.

— Мы не знали, что пророчество должен услышать человек, а не Иной, — сказал я. — Гесер пытался уговорить Кешу пророчествовать при нем…

— Кешу? — недоуменно спросил Эразм.

— Да, это мальчик-пророк… его обнаружили в Москве, совсем недавно. Собственно говоря, потому мы и решили вас потревожить…

Эразм покачал головой:

— Ваш Великий сильно рискует. Если пророчество услышит только он, то Тигр переключится с мальчика на него… точнее, добавит Гесера в свое меню. А Тигр сильнее любого из нас. Какова ситуация сейчас? Тигр идет по следу?

— Нет, мы уже справились.

— И каково было пророчество?

— Мы не знаем. Его никто не слышал. Мальчик находился один в комнате, в нашем офисе. Мы смогли задержать Тигра, и мальчик сказал пророчество.

— Находясь в комнате в полном одиночестве? — Эразм недоверчиво покачал головой. — Странно. Очень странно. На самом деле крайне редко удается подготовить пророка настолько, чтобы он смог пророчествовать в пустоту. Это сложно, обычно Тигр успевает раньше, или же пророчество уходит к людям…

— Но вы же смогли! — напомнил я.

— Я — другое дело. Для меня никогда не было особой разницы между человеком, собакой и, к примеру, дубом. — Эразм улыбнулся.

Палач настиг их на опушке леса. Он, казалось, шел неспешным шагом, но расстояние между темным силуэтом и бегущими со всех ног Иными сокращалось с каждой секундой.

— Беги, мальчик! — сказал учитель. Он остановился в пыли проселочной дороги, тянущейся вдоль леса. — Беги… постарайся найти кого-нибудь и сказать то, что должен… Беги!

В его голосе не было надежды. Он просто делал то, что считал нужным делать. Не из-за высоких

моральных устоев — он был Темным. Может быть, ему неприятно было бы жить в том мире, в котором он пропустит Палача к своему ученику. Может быть, он просто не привык проигрывать.

Иногда мотивы поведения Темных очень сложно понять.

— Эй, сумеречная тварь! — крикнул мужчина. — Я Высший маг Тьмы! Ты не пройдешь мимо меня! Отступись!

Палач даже не замедлил шага. Эразм увидел, как из рук его Учителя выросли и легли на землю шелестящие плети синего огня. Плети подрагивали, будто готовясь самостоятельно ринуться на врага.

Палач не замедлил шага.

Эразм понял, что его учитель ничего не сможет сделать. Что он будет биться — минуту, две, три, что плети темного огня будут рвать землю и воздух, бессильно колотить тело Палача — а потом наступит тот миг, когда Палач сомнет учителя, раздавит, отбросит в сторону — и пойдет дальше. За пророком.

Он это не просто понимал. Он это видел, почти как наяву.

Эразм уже знал, что это такое. Это не просто предвидение, которое может не сбыться. Это

предвестник пророчества… он видит судьбу Иного и, значит, так оно и будет… наверняка… почти наверняка… если он не скажет пророчество, настоящее Первое Пророчество, которое изменит мир и изменит судьбу…

Он сглотнул вставший в горле комок. Оглянулся. Старый дуплистый дуб рос в трех шагах от него. Эразм кинулся к дереву, привстал на цыпочки, подтянулся — дупло было чуть высоко для него. Всунул голову в темное, пахнущее прелыми листьями и гнилью отверстие. Внутри что-то зашуршало — лесная мышь, устроившаяся в дупле на ночлег, в панике юркнула в щели дуба.

Эразму на это было наплевать. Собственно говоря, он не считал, что люди, животные и растения заметно отличаются друг от друга.

Он закрыл глаза. Он заткнул бы и уши, но ему приходилось цепляться за край дупла. Поэтому он просто попытался ничего не слышать — ни голос учителя, ни свист огненных плетей, ни угрожающий, похожий на тигриный рык (Эразм никогда не видел тигров, но полагал, что они рычат именно так) звук, который издал Палач.

Уйти от всего.

От прошлого.

От настоящего.

От будущего.

Прошлое не важно. Настоящее несущественно. Будущее не определено.

Он не какой-нибудь там предсказатель, он пророк. Он — голос судьбы. Он скажет то, что будет правдой.

Нужно только, чтобы его кто-то услышал. Обязательно нужно.

Но чем плох этот старый дуб?

Мальчик представил свою тень, лежащую на дне дупла. И опустил голову ей навстречу.

…Эразм открыл глаза. Учитель сидел рядом, баюкая на весу левую руку. Рука казалась помятой, будто пожеванной.

— Палач… — прошептал Эразм.

— Тебе удалось, мальчик, — с недоумением в голосе ответил учитель. — Не представляю как, но ты сказал свое пророчество в пустоту. И Палач ушел. За мгновение перед тем, как убить меня.

— Я сказал не в пустоту, — ответил Эразм. — Я… я сказал дубу.

На лице учителя появилась легкая улыбка.

— Ах вот как… Что ж, наверное, твоя любовь к деревьям — она не зря. Наверное, это часть твоего дара. Предвидение того, что, только возлюбив дубы и осины, ты сможешь спастись.

Он захохотал и смеялся долго, до слез, прежде чем подняться и отряхнуть с одежды пыль и грязь. На ней еще оставались темные пятна, но это учителя не смущало.

— Тогда нам пришла пора проститься, юный Эразм. Ты знаешь свои способности, ты сумеешь за себя постоять. Если ты захочешь власти и силы — ты получишь ее. Сам или в Дневном Дозоре.

— В Дублине?

— В Дублине, Эдинбурге, Лондоне. В любом городе мира, который есть или будет.

Он даже похлопал Эразма по плечу, прежде чем повернуться и пойти вдаль по дороге. Наверное, ему действительно понравился этот ученик. Но он, конечно же, не обернулся.

Эразм посидел немного в пыли, размышляя. Страшный враг исчез. Светало.

Жизнь обещала много интересного, а Эразм всегда был жизнелюбив.

Он решил пойти обратно в усадьбу и посмотреть, что стало с Бетти. Быть может, не так уж и плохо, если она стала равнодушной ко всему. Быть может, теперь она позволит ему некоторые вещи, от которых с хихиканьем отказывалась раньше…

Я некоторое время молчал. Потом сказал:

— В книжке написано, что это был вяз.

— Дуб, — немедленно отозвался Эразм. — Вязы я не очень-то и люблю. Дубы куда глубже и содержательнее.

— А как звали вашего учителя?

— Я полагал, что вы знаете, — обронил Эразм.

— Уже догадываюсь, но…

— Его звали Завулон. Мы больше никогда не встречались, но, как я знаю, он уже много лет как глава Дневного Дозора Москвы. Вы ведь знакомы, верно?

— Зараза, он же мог все нам сразу рассказать! — в сердцах воскликнул я. — Он уже имел дело с Тигром!

— Завулон никогда не рассказывает всего, — ответил Эразм.

— А вы, Эразм?

— И я тоже, — ухмыльнулся Эразм. — Я не играю в дозорные игры, благодарю покорно! Но все рассказывают только идиоты. Информация — это и оружие, и товар.

— Если товар… то мне кажется, что вы нам кое-что должны, — наудачу бросил я и посмотрел на нелепый бонсай, стоящий над камином.

Эразм нахмурился и тоже уставился на подарок Гесера.

— Должен, — признал он неохотно. — Вот только не понимаю, сколько именно… Ладно, спрашивайте. Я отвечу еще на несколько вопросов. Допустим… на три. А потом будет мой черед спрашивать.

Ох уж мне эти старые маги с их формальностями! Три вопроса, три ответа…

— Вы говорили, что ждете меня, — сказал я. — Что ждете давно, считали меня французом…

— Может, и к лучшему, что вы русский, — сказал Эразм. — Я вас не очень люблю, уж извини, еще со времен Севастопольской кампании. Но французов не люблю еще больше.

— Еще со времен Столетней войны… — пробормотал я.

— Почти что так. Но вы, русские, в прошлом. Вы мертвый враг, а мертвого врага можно и уважать, и жалеть.

Я как-то даже не ожидал от себя такой реакции. Стакан треснул в моей руке, осколки стекла и остатки виски забрызгали пол, а во взгляде, видимо, появилось что-то очень неприятное. Эразм мгновенно поднял руки в успокаивающем жесте:

— Стоп-стоп-стоп… Это всего лишь мое мнение, мнение старого, отошедшего от дел предсказа-

теля. Я… не учел, что вы совсем еще молоды, Антуан. И был излишне резок.

— Не то слово, — сказал я вполголоса.

— Никто из Великих не связывает себя с тем народом, из которого он вышел, — примиряюще сказал Эразм. — Но вы молоды, я забыл об этом. Приношу свои извинения, Ан… Антон.

— Принимаю… — мрачно ответил я.

— Я действительно ждал вас, — сказал Эразм. — Дело в том, что одно из моих пророчеств касалось меня самого. Там не было ничего особенного… несколько слов. «И на исходе придет ко мне Антуан, который узнает смысл первого и услышит последнее».

Я нахмурился:

— Это о чем?

— Это обо мне, — пояснил Эразм. — Ваш визит, возможно, означает, что я скоро умру. А вы узнаете смысл моего первого пророчества и станете свидетелем последнего.

— Что говорится в вашем первом пророчестве? — спросил я.

— Это второй вопрос? — уточнил Эразм.

— Да!

— Я не знаю, — улыбнулся старый пророк. — Я же рассказал вам, Антуан, — я прокричал проро-

чество в дупло старого дуба.

Мне пришлось подумать с полминуты, прежде чем я задал третий вопрос. Спорить по поводу бездарно профуканного второго было бесполезно.

— Каким образом, расскажите четко и внятно, я могу услышать ваше первое пророчество?

Прежде чем ответить, Эразм налил себе еще виски. Потом спросил:

— Уверены ли вы, что хотите этого? Прошло двести пятьдесят лет, но вдруг это пророчество еще не исполнилось? Тогда, стоит вам его услышать, вы запустите таинственный механизм пророчества. Во-первых, оно сможет исполниться, если вы перескажете его человеку. Во-вторых, до тех пор, пока вы будете единолично знать пророчество, за вами будет охотиться Тигр.

— Я хочу этого, — ответил я. И подумал о лежащей в кармане куртки игрушечной телефонной трубке с записанным на нее (возможно) пророчеством мальчика Кеши.

— Может быть, вы и правы, молодой человек, — сказал Эразм. — Знание — это великое искушение, перед которым трудно устоять…

Он поднялся, подошел к буфету. Открыл. Достал из дальнего угла что-то темное, пыльное… подержал секунду в руках, разглядывая, — и вернулся

ко мне.

— Держите, Антуан.

Я взял небольшую темную чашу… или, скорее, кубок — у нее был широкий верх, но присутствовала и небольшая ножка, покрытая незатейливой резьбой. Чаша оказалась на удивление легкой.

— Дерево, — понял я.

— Дуб, — уточнил Эразм.

— Это…

— Да уж не Грааль, конечно, — усмехнулся Эразм. — Я сам вырезал его из того дуба.

Я вопросительно посмотрел на старого пророка.

— Не знаю, — сказал Эразм. — Как именно услышать предсказание — не знаю. Но растения тоже имеют память. И где-то там оно есть… мое первое пророчество.

Подумав, я приложил кубок к уху. Вслушался в легкий шум собственной крови. Увы, никаких голосов…

— Может быть, налить в него вина и выпить? — спросил я.

— Тогда уж виски, — хихикнул Эразм. — Если выпить достаточно, то услышите все на свете.

Вид у него был довольный, словно от только что отмочил хорошую шутку.

— Мне кажется, вы лукавите, — сказал я. — Вы либо знаете… либо хотя бы предполагаете, как именно получить отсюда информацию.

— Быть может, — не стал спорить Эразм. — Но ведь и Гесер не разъяснил свой подарок, верно? А мне не очень-то хочется, чтобы вы действительно услышали пророчество.

— Трудно вас в этом упрекнуть… — согласился я. — Хотя вы относитесь к предсказанию о собственной смерти как-то… спокойно.

— К пророчеству, — поправил Эразм и, повернувшись ко мне спиной, протянул руки к камину. — Но вы же знаете, насколько пророчества туманны. «На исходе» — чьем? Моем? Или всего человечества? Или имеется в виду просто время суток? На исходе дня?

— Время суток — вряд ли, — сказал я. — Сейчас утро.

— Надо было попросить вас зайти вечером! — Эразм всплеснул руками. — Хотя… есть же еще один вариант! «На исходе придет ко мне Антуан…»

Я молчал.

— Возможно, речь шла о вас? — любезно предположил пророк, искоса поглядывая на меня. — И вы пришли ко мне на своем исходе… и ведь если

за вами начнет охоту Тигр…

— Вот за это вас, Темных, и не любят, — сказал я, вставая. — Спасибо за чашку.

— Не обижайтесь, Антон. — То ли Эразм смутился, то ли сделал вид, что смущается. — Я всего лишь хочу предостеречь вас и показать все возможные толкования пророчества…

— Вы давно последний раз общались с Завулоном? — резко спросил я.

— Позвольте мне не отвечать на этот вопрос… — со вздохом произнес Эразм.

— Считайте, что вы уже ответили, — сказал я. — Передавайте привет своему учителю.

Поскольку мы были в Лондоне, то я счел себя вправе уйти по-английски — и прощаться не стал.

Глава 4

Этим же вечером я сидел в пабе «Лебедь» недалеко от своей гостиницы и пил пиво.

Английское пиво мне нравилось, хоть я и совершенно не разбирался в его многочисленных сортах. То, которое я пил сейчас, было легким и пахло медом (быть может, даже йоркширским) — меня это вполне устраивало.

Сам паб тоже выглядел достойно, хоть и был насквозь туристическим (а каким еще может быть паб на людной улице, рядом со знаменитым Гайд-парком и десятком гостиниц?). Надпись на стене гордо сообщала, что паб ведет свою историю с начала семнадцатого века и когда-то именно в нем пили свою последнюю кружку пива следующие на эшафот преступники.

Умение англичан гордиться тем, что другие народы предпочли бы замолчать, — удивительная черта…

Я пил пиво в кругу галдящих туристов и снующих девушек-официанток, смотрел на парк и размышлял, что мне теперь делать.

Загадочный подарок от Гесера я Эразму передал. Информацию, во всяком случае всю, которую тот готов был сообщить, получил. Да еще и дубовый кубок, который якобы хранит в себе пророчество Эразма.

Выйдя от старого Иного, я доехал до того самого «Фортана и Мэйсона», о котором говорил Семен, и купил ему вожделенный мед. Поддавшись стадному чувству, взял и себе. Потом отправился в магазин игрушек «Хэмли» (если верить вывеске — самый старый магазин для детей в мире) и, протолкавшись через пять этажей галдящих

детей и их родителей, выбрал подарок для дочки. Вначале я честно пытался подсмотреть, что покупают девочки ее возраста, потом понял, что все эти бусики, наклеечки и стразики ее не порадуют. Тогда я отправился в подвальный этаж и там обнаружил что-то вроде сборного лабиринта, по которому должны были бегать два крошечных электронных жучка. Игрушка была такой потрясающе нелепой, что я купил ее не раздумывая, а у кассы прихватил еще плюшевого медвежонка.

Весь ужас ситуации был в том, что вся программа пребывания в Лондоне была мной доблестно выполнена за один день! Виски и прочие алкогольные сувениры проще купить в аэропорту. Весь завтрашний день и половину следующего я мог посвятить туристическим развлечениям — музеям, паркам, пабам, мостам… ну и, конечно, магазинам.

Но мне этого почему-то не хотелось. Ни мрачной суровости Тауэра, ни великолепия королевских садов, ни блеска лондонских магазинов. На Пиккадилли я уже побывал, «отметился», на Темзу поглазел и кинул в мутную воду двухпенсовую монетку. Я хотел домой!

Наверное, я сумасшедший.

Я допил кружку и на миг задумался. Идти в

гостиницу не хотелось, там все развлечения сводились к крошечному бару и телевизору в номере. В общем-то ничто не мешало выпить еще кружку пива… Я начал привставать с традиционной для уважающего себя паба деревянной лавки.

— Я уже взяла, — передо мной на столе оказалась полная кружка пива.

Вначале я снова опустился на лавку. А уже потом посмотрел в лицо женщины, которая проявила обо мне такую неожиданную заботу.

Впрочем, особой нужды в этом не было. Арину я узнал по голосу.

В руках бывшей ведьмы, а ныне — Светлой Иной, тоже была полная кружка пива. Старушка предпочитала «Гиннес».

Впрочем, старушка предпочитала еще и выглядеть женщиной «до тридцати», фигуристой, красивой и одетой от-кутюр. Элегантная серая юбка и пиджачок, туфельки на высоком каблуке, розовая блузка — настолько простая на вид, что явно стоила чудовищных денег, сумочка «Луи Вуттон» и шелковый шарф на шее. Выглядела она при этом не балованной богатой стервой, за которую платит муж, а, скорее, серьезной бизнесвумен, топ-менеджером какой-нибудь крупной корпорации или банка.

— Рада тебя видеть, — сказала Арина улыбаясь. — Ты… заматерел, Антон.

Что я всегда в ней ценил — так это точность и аккуратность формулировок. Не «постарел» — какая уж тут старость. Не «повзрослел» — с высот ее годов я и впрямь сущий ребенок, но сказать так для Арины — все равно что признаться в собственном возрасте. Не «изменился» — опытные Иные знают, что по-настоящему мало кто способен меняться.

Хотя вот Арина — смогла.

— А ты в курсе, что тебя разыскивает Инквизиция? — спросил я. — И всем сотрудникам Ночного и Дневного Дозоров в любой стране мира, независимо от уровня силы и занятости, необходимо при твоем появлении вызвать Инквизицию и принять меры к задержанию?

— В курсе, — согласилась Арина. Подумала секунду и провоцировать не стала. — Надеюсь, обойдемся без этого?

— Обойдемся, — согласился я.

Минуту мы пили пиво и смотрели друг на друга. Странная она была Иная. Когда-то Темная, частенько совершавшая добрые дела. Потом ухитрилась сменить масть и стать Светлой — но натворила при этом бед похлеще, чем некоторые

оборотни или вампиры. У меня даже закрадывалось подозрение, что по большому счету Арине все равно, кем называться и как выглядеть — и она способна в любую минуту хоть на гнусность, хоть на благородство. И вовсе не факт, что, совершая зло, она не будет выглядеть стопроцентно Светлой, а делая добрый проступок — Темной с головы до пят.

Я даже подозревал, что вопреки всеобщему мнению Арина способна снова и снова изменить свой цвет.

Для нее в этом не то чтобы не было разницы — разницу-то она видела. Просто путь от Тьмы к Свету и обратно она считала торной дорогой, а не узкой, осыпающейся за спиной горной тропинкой.

— Как ни странно, я рад, что ты тогда удрала, — сказал я. — Несмотря на все, что ты натворила.

— Я должна была помочь ушедшим обрести покой. — Арина пожала плечами. — И я считаю, что итог того стоил. Да и Саушкин-старший закончил свои… деяния. И Эдгар упокоился. Мир стал лучше. Тебе нервы потрепали немного, признаю, но ведь все кончилось хорошо… Мир?

— Мир, — сказал я, помедлив. — Дело прошлое. В отчете я сообщу, что встретил тебя, но пороть

горячку не стану.

— Спасибо, — сказала Арина. — Это очень правильное решение! К тому же… я ведь не случайно тебя разыскала.

Я промолчал. Не стал интересоваться, как она меня нашла и зачем. «Как» — все равно не ответит, у ведьмы свои хитрости. А «зачем»… это расскажет и сама.

— Ты уже встречался с Эразмом? — спросила Арина.

Я улыбнулся и ничего не ответил. Неплохие источники информации у Арины, но не всеведущие.

— Полагаю, встречался, — продолжала Арина. — Поделишься новостями?

— Зачем? — спросил я.

Арина вздохнула.

— Вот это правильный вопрос. Антон, как ты намерен справиться с Тигром?

— Никак. Он ведь ушел.

— А когда он вернется за тобой?

— С чего бы вдруг?

— Ты старался никогда не совершать необратимые поступки, Антон. Я не верю, что пророчество мальчика кануло в никуда.

Я развел руками:

— Арина, если бы я слышал пророчество — Тигр пошел бы за мной. Так? Это первое. Второе — меня физически не было с ним рядом. Мальчишку тормошила Надя. Потом и она ушла. Неужели ты думаешь, что я оставил бы дочь без присмотра, будь у меня хоть малейшее подозрение, что она слышала пророчество… и, значит, находится в опасности?

На лице Арины мелькнула тень сомнения.

— Да, все так… все верно. Я это понимаю. Но что-то не сходится! Ты не мог не попытаться сохранить информацию и приберечь ее для себя. Это не в твоей натуре!

Я засмеялся.

— Ну, Арина… это все замечательно, но как я мог это сделать?

— Магнитофон? — предположила Арина.

— Магнитофон — это такое древнее устройство для записывания и воспроизведения музыки… — задумчиво сказал я. — Да-да, вспоминаю… в детстве у меня был такой, туда вставлялась кассета с лавсановой лентой, измазанной окисью железа…

— Антон! Не цепляйся к словам! Магнитофон, патефон, диктофон — не важно что! Старое поколение недооценивает технику. Но мне хватает

ума это понимать. Ты — молод, ты в прошлом работал с техникой. Ты мог что-то придумать. Сейчас любой телефон способен записывать звуки. Скажи честно, информация сохранилась?

— Мне кажется, тебе стоит первой проявить откровенность, — сказал я.

— Почему?

— Потому что козыри на руках у меня.

Арина кивнула. Посмотрела на пробегавшую мимо девушку-официантку, тащившую за какой-то столик еду. Девушка кивнула и, сгрузив тарелки, унеслась к стойке паба.

— Согласна, — сказала Арина. — Ладно, слушай.

— Ты уверена, что здесь стоит вести приватные разговоры? — спросил я. — Тут полно русских туристов.

— Официантка из Риги и тоже прекрасно знает русский, — ответила Арина. — Не беспокойся, нас никто не услышит.

Я не замечал ничего похожего на Сферу Отрицания или другое заклинание приватности, но Арине поверил. У ведьм, пусть даже бывших, своя магия.

— Тогда говори, — сказал я.

— Антон, главные пророчества должны испол-

няться. Непременно. Этого требует Сумрак… этого требует сама жизнь.

— Да ну? — удивился я. — А мне казалось, что Сумрак пытается помешать пророкам.

— Это ошибка. — Арина покачала головой. — Тебя не удивляет, что Тигр, при всем его всемогуществе, так нетороплив?

— Ну…

— Тигр — это шпоры, это плеть, подстегивающая пророка. Тигр торопит, вынуждает побыстрее произнести главное пророчество.

— Смелый вывод, — сказал я.

Официантка принесла нам свежее пиво. Выглядела она слегка растерянной — во-первых, пиво в пабах принято брать за стойкой, самим, а во-вторых, Арина не озаботилась расплатиться. Я молча протянул ей десятку.

— Я думаю, лучше начать с азов. Кто такой пророк? — спросила меня Арина. И сама же ответила: — Это не просто Иной, способный предвидеть линии вероятности и таким образом как бы «заглядывать в будущее». На таком уровне «предвидим будущее» мы все, в той или иной мере. Даже обычные люди при удачном стечении обстоятельств способны на подобные предвидения.

— Пророк — качественно иной, — сказал я. — Иной Иной, извини за каламбур.

— А вот и нет, — усмехнулась Арина. — Всего лишь количественно. Пророк просчитывает линии реальности всего мира, а не только свои или близких ему людей. Пророк сообщает, куда направится человечество, но не в виде трактата, а всего лишь одним фактом, на первый взгляд незначительным. Возьмем, допустим, одна тысяча девятьсот пятьдесят шестой год. Французский пророк Андре Ляфлер в возрасте шестидесяти двух лет излагает свое первое, главное пророчество… так уж случилось, его поздно инициировали… Пророчество совершенно безумное: «Скоро девушка Мэри укоротит юбки и мир украсят голые ножки».

Я фыркнул.

— Вот-вот, — сказала Арина. — Те, кто слышал пророчество, резонно заподозрили, что старина Андре впал в маразм и погрузился в сластолюбивые старческие грезы. Заметь — через год в космос поднялся первый спутник! А француз бормочет про какую-то Мэри, которая обрежет юбки… Но в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году Мэри Куант, кстати, лондонерка…

— Чего?

— Жительница Лондона. Так вот, она выставила коллекцию мини-юбок. И они потрясли мир. Результаты — сексуальная революция, эмансипация, заметный рост рождаемости в Старом Свете. Так что было важнее: спутник или мини-юбка?

— Спутник, — обиделся я, хотя и сам отстаивал перед Гесером важность мини-юбок.

Арина рассмеялась:

— Все было важно. Спутник тоже пророчили. Но космос и впрямь ожидаемое и значительное событие, а отрезанные двадцать сантиметров ткани не предвидел никто. И оценить их значение смогли только через многие годы. Вот так и работает пророк — предвидит великие потрясения и оповещает о них через малые события.

— Тогда, быть может, ты знаешь, чем знаменит умерший во младенчестве австралиец…

— Алистер Максвелл? Знаю. Смерть мальчика расстроила брак его родителей. В конце семидесятых годов у его матери родился второй ребенок, от другого мужчины. Мальчик живет ничем не примечательной жизнью… но в возрасте пятнадцати лет он вытащил из воды тонущую девочку. Ситуация не выглядела критической, он даже сам не понял, что реально спас чью-то жизнь. Но теперь эта девочка — одна из самых сильных

волшебниц Австралийского Дневного Дозора. Ей прочат большую карьеру. Но если бы младенец не умер…

— Понятно, — сказал я. — Прямо по анекдоту.

— Какому? — заинтересовалась Арина.

— Ну, мужик один умер и спрашивает у Бога — в чем был смысл его жизни? А Бог отвечает — помнишь, в семьдесят втором году ты ехал в поезде и в вагоне-ресторане передал попутчику солонку? Так вот…

Арина засмеялась.

— Да-да. Именно так порой и бывает. Все странные пророчества, если ими досконально заняться, получают свое объяснение.

— И ты занималась.

— Да. Это важно.

— Хорошо, пророчества важны, — кивнул я. — С этим никто и не спорит. Но разве пророк создает будущее? Разве от того, услышат его или нет, зависит, каким станет мир? Я слышал разные версии.

— Если честно, то я не знаю, — неохотно призналась Арина. — Быть может, пророчество, выкрикнутое в дупло старого вяза, все равно сработало. А быть может, и нет…

— Дуба, — сказал я. — Эразм доверил свое про-

рочество дубу. Вязы он не очень любит.

— Ах, какой разборчивый друид… — рассмеялась Арина. — Дубы, значит, ему милее… Не знаю, Антон, работает пророчество без слушателей или нет. Это сродни вопросу, был ли слышен звук падения дерева, упавшего в глухом лесу. Скорее всего нет, на этом сходится большинство исследователей. Но вот что совершенно точно — пророчество можно изменить.

— Вот это номер, — насмешливо сказал я. — Все уверены, что пророчества — истина в последней инстанции, что они неизменны в отличие от предсказаний. И только ты знаешь правду.

— Только я, — совершенно спокойно ответила Арина. — Потому что я уже меняла пророчества.

— А вот отсюда поподробнее, — попросил я. Подумал секунду и встал. — И знаешь… пойдем-ка в другое место.

— Пригласишь к себе в гостиницу? — усмехнулась Арина.

— Не думаю, что это стоит делать. Сядем в парке.

— Его вот-вот закроют на ночь, — ответила Арина. — Впрочем… нам-то какая разница?

Пить пиво на детской площадке — это старинная советская традиция. А куда еще могла

податься молодежь, желающая выпить… ну, допустим, пива? На рестораны денег нет, пабов и баров в СССР не существовало, в крошечных квартирках — мама, папа, бабушка, брат с сестрой и родственник из деревни, приехавший в город за колбасой… не разгуляешься. Вот и сидели на детских скамеечках и каруселька великовозрастные дети, еще недавно ковырявшиеся в песочницах, а теперь распивающие пиво в родных дворах…

СССР почил с миром, но квартиры не стали больше, а молодежь — обеспеченнее. Детские площадки, там, где они сохранились, по-прежнему принимали в дневную смену малышей, а в вечернюю — старшеклассников и студентов. Те компании, что поглупее, шумели, мусорили, включали громкую музыку и задирались к прохожим, за что их гоняли бдительные старушки, которым нет большей радости, чем позвонить в милицию. Те, что поумнее, сидели тихо, алкоголь припрятывали, с прохожими вежливо здоровались, мусор за собой убирали. Я в такой компании тоже сиживал.

Ну, во всяком случае, мне кажется, что наша компания была вежливой и никого не напрягала. У жильцов окрестных домов, вполне вероятно,

могло быть совсем иное мнение.

Но вот чего я никогда не мог представить — ни будучи юным оболтусом, ни став Светлым Иным, так это того, что буду сидеть поздним вечером в Лондоне, в Кенсингтонском саду, на детской площадке имени принцессы Дианы, и пить пиво с древней ведьмой!

— Мне повезло, что пророчество оказалось достаточно внятным, — сказала Арина. — Маша была девочка старательная, и пророчила тоже… аккуратно. Только все старалась в рифму, втемяшилось ей, что пророчества должны быть в стихах. И вот сижу я перед этой дурындой и думаю, что же мне делать. Если бы я не понимала, о ком идет речь, я бы и внимание не обратила. Какой смысл жалеть о том, что нельзя изменить… верно, чароплет? Но я поняла. Одна тысяча девятьсот пятнадцатый год на дворе… все прозрачно было. «Умрет наследник, омрачится царь. Большевиков повесят в казематах. Война продлится долгих девять лет. Москва погибнет, пламенем объята. Германец Малороссию возьмет, японский меч гуляет по Сибири, от голода народ на треть умрет, а остальные растворятся в мире».

— Прямо апокалипсис, — сказал я саркасти-

чески.

— Я полагаю, так оно и было бы, — сказала Арина. — Гибель цесаревича Алексея могла повлиять на Николая достаточно неожиданным образом. Революцию он мог бы и задавить… а вот Первую мировую войну — проиграть. И Россия де-факто перестала бы существовать. На Дальнем Востоке — японцы, на Западе — немцы.

— Не очень верится, — признался я.

— Это было пророчество, Антон. Оно должно было исполниться, люди его слышали. Но я вмешалась.

— Исцелила цесаревича?

— Ну, не исцелила… скажем так — продлила его существование. Николай мямлил и трусил, большевики взяли власть. Крови, конечно, пролилось… но могло быть и хуже.

— Так ты, можно сказать, спасительница России, — сказал я едко. — И вдобавок герой Советского Союза, помогла революции свершиться.

— Ну в общем-то — да, — скромно сказала Арина.

Детская площадка, которую мы беззастенчиво оккупировали, была роскошная. Посредине ее стоял деревянный корабль, будто приплывший с острова Нетинебудет, да и брошенный за нена-

добностью Питером Пэном. На корабле, где днем было не продохнуть от галдящей, лазающей по мачтам и веревочным лестницам детворы, мы и сидели. Маг и ведьма, держащие в руках по бутылке пива — но давно уже к ним не прикладывающиеся.

— Допустим, я тебе верю, — сказал я. — Даже допустим, что ты не ошибаешься, и это было пророчество, и ты сумела его изменить. Что дальше?

— Дозоры давно уже занимаются ерундой, — сказала Арина. — Варятся в собственном соку. Даже конфликтуют будто понарошку.

— А тебе хотелось бы войны? — съязвил я. — За кого играешь в этом сезоне, за команду Светлых? А Договор как — чтим?

— Не хочу я войны, — серьезно ответила Арина. — Мы, ведьмы, народ мирный. А уж светлые ведьмы — особенно… Напомни-ка мне Великий Договор, Антон.

Я пожал плечами и процитировал то, чему учат на первом уроке — не важно, в Ночном или Дневном Дозоре.

Мы — Иные

Мы служим разным силам

Но в Сумраке нет разницы между отсутствием тьмы и отсутствием света

Наша борьба способна уничтожить мир
Мы заключаем Великий Договор о перемирии
Каждая сторона будет жить по своим законам
Каждая сторона будет иметь свои права
Мы ограничиваем свои права и свои законы
Мы — Иные
Мы создаём Ночной Дозор
Чтобы силы Света следили за силами Тьмы
Мы — Иные
Мы создаём Дневной Дозор
Чтобы силы Тьмы следили за силами Света
Время решит за нас.

— Прекрасно, — сказала Арина. — Договор, как ты можешь заметить, не запрещает вмешиваться в человеческую жизнь. Он лишь ограничивает борьбу Светлых и Темных.

— И что с того? — Мне начало надоедать. — Темные вмешивались, Светлые вмешивались… тебе ли не знать? Что в итоге? Сколько войн развязано из-за экспериментов по созданию идеального общества? Коммунизм, фашизм, демократия, автократия, гласность, глобализация, национализм, мультикультурализм — что из этого человеческое, а что наше? Мы подталкиваем людей то в одну сторону, то в другую. Наблюдаем,

что получилось. Потом перечеркиваем результат и начинаем заново. Ах, не получается… ну попробуем в другой стране, в другой культуре, с другими установками… Что, коммунизм был безнадежен? Не думаю. Но игрушка надоела. Что, демократия насквозь фальшива? Вряд ли. Но и с ней закончили играться. А людям, знаешь ли, все равно, от чего умирать — от построения социализма, от привнесения демократии или от борьбы за права и свободы. Как по мне — лучшее, что мы могли бы для людей сделать, — оставить их в покое! Пусть живут своей жизнью, придумывают свои правила, учатся на своих ошибках!

— Полагаешь, мне не стоило вмешиваться в судьбу России? — спросила Арина.

— Да! Нет! Не знаю… — Я развел руками. — А если бы после всех потрясений итог оказался бы лучшим? Не было бы Второй мировой войны, к примеру?

— Я не могла сидеть и ничего не предпринимать… — сказала Арина. — И посоветоваться не могла ни с кем. Что Гесер, что Завулон — каждый стал бы ситуацию поворачивать к своей выгоде. С тобой — могу посоветоваться. Ты нормальный. Ты до сих пор человек.

— Не уверен уже… — сказал я, глядя на идущего

вдоль ограды детской площадки чернокожего охранника. Тот бдительно глянул на карусели-качели-песочницы, скользнул невидящим взглядом по нам и удалился.

— Все мы люди, Антон. Кто в большей мере, кто в меньшей. Да, есть ситуации непонятные, когда не знаешь, стоит ли вмешиваться. Но есть же и однозначно ясные!

— Чего ты от меня хочешь? — спросил я.

— Антон, пророки появляются редко. За двадцатый век — восемь случаев. И еще реже удается зафиксировать их первое пророчество до того момента, как оно станет известно людям и обретет силу. Если ты знаешь пророчество мальчика…

— Нет, я его не знаю. Клянусь.

— А можешь узнать? — уточнила Арина.

Я помолчал. А потом резко, будто прыгая в холодную воду, сказал:

— Вероятно — да. Более того, возможно, я могу узнать и первое пророчество Эразма. Хотя оно, вероятно, за эти годы давно свершилось.

— А вот не факт, — сказала Арина. — Полет Гагарина в космос был напророчен еще в семнадцатом веке… Антон, ты меня по-хорошему поражаешь!

— Тебе, как сменила цвет, неймется творить

добро, — сказал я.

— Допустим. А тебе разве нет? Антон, в Дозоре никто на такое не решится. Я — готова попробовать. И я клянусь тебе, что если пророчество окажется хорошим или невнятным — мы ничего не станем делать. Пусть исполняется. Но вдруг мы получили шанс действительно направить жизнь людей к лучшему?

— «Мы», — фыркнул я. — Предыдущий раз ты говорила «мы», когда была с Эдгаром и Саушкиным. Кончили они плохо.

— Ты мне не веришь, и это правильно, — кивнула Арина. — Но со мной у тебя появится шанс не тянуть лямку в Дозоре, а сделать что-то по-настоящему важное.

— Я почти уверен, что Эдгару ты говорила то же самое, — мрачно ответил я.

— Подумай, Антон. — Арина открыла сумочку и достала оттуда маленький шарик. — Я пока отправлюсь… к себе. Извини, что не приглашаю — Минойская Сфера переносит лишь одного.

— Мне казалось, она одноразовая, — сказал я.

— Нет, она однозарядная, — улыбнулась Арина. — А я умею ее перезаряжать. Навещу тебя утром, ты не против?

Я пожал плечами. Арина улыбнулась, сжала

сферу в кулаке — и исчезла.

Вздохнув, я взял пустые бутылки из-под пива и стал спускаться с деревянного кораблика. В отличие от ведьмы мне придется добираться до гостиницы пешком.

По пути на детскую площадку Арина открыла калитку каким-то своим способом, растерев в пальцах сухую траву и посыпав ею замок, я же никогда не любил возиться с заклинанием «Бильбо» и решил миновать ограду сквозь Сумрак. К моему удивлению, на первом слое Сумрака площадка тоже была огорожена, да и на втором ее окружало что-то вроде полосы высохших деревьев, ощетинившихся колючими ветками в сторону парка. Я с любопытством осмотрел живую (да нет, скорее — мертвую) изгородь. Такие сухие стволы чаще встречались на третьем слое, но там они были разбросаны хаотично — а здесь выглядели сознательно высаженными. Ну или вкопанными в землю. К счастью, тратить силы и идти глубже не потребовалось — эта ограда препятствовала лишь желающим войти на площадку, а не выйти с нее. Кто бы из Иных ни работал с детской площадкой, но он подошел к делу основательно.

Я протиснулся сквозь ветви, отошел немного и вернулся в реальный мир. После сумеречного хо-

лода и тишины ночной лондонский парк казался теплым и полным звуков. Где-то вдалеке слышалось тонкое пение свирели. Я пошел через парк, решив выйти поближе к своей гостинице. По пути попалась заботливо очищенная вечером урна, в которую я и сгрузил пустые пивные бутылки.

Что может быть прекраснее, чем вечерняя прогулка в пустынном парке?

Бесхитростная мелодия звучала все ближе и ближе. Внезапно я увидел музыканта — на кривом стволе огромного дерева, изогнутого когда-то давно ветром, так и растущего почти параллельно земле, сидел маленький мальчик, одетый в какие-то причудливые лохмотья. Мальчик самозабвенно играл на свирели. Вокруг него, будто танцуя, кружились огромные светлячки.

— Эй! — окликнул я юного музыканта и от растерянности спросил на русском: — Тебе не поздно здесь находиться?

Мальчик резко повернулся в мою сторону. То ли в свете светлячков, то ли в отблеске далеких фонарей с Бэйсуотер-роуд сверкнули белоснежные молочные зубы. Мальчик спрыгнул с дерева — и исчез. Следом, со звенящим звуком, разлетелись светлячки.

— Твою мать! — выругался я. — Чушь собачья!

Я не верю…

Впрочем, договаривать я не стал.

Я, конечно, не верю в фей. Я даже в Деда Мороза давно не верю.

Но все-таки я предпочел промолчать.

Глава 5

Гремела музыка. Резкая, незнакомая, на мой взгляд — совершенно диссонансная. Но похоже, окружающим она нравилась. Дискотечный зал был набит до отказа — молодежь словно и не танцевала, а колыхалась, подергивалась на месте, задевая друг друга, периодически сцепляясь руками и начиная двигаться в каком-то гротескном, запутанном хороводе. Потолок светился, и это были не лучи прожекторов или дискотечных фонарей, похоже было, что сами панели потолка испускали свет. В какое-то мгновение разноцветные всполохи сменились ровным оранжевым светом, потом потолок засиял небесной лазурью — и превратился в сплошной экран. Над нами было небо, по небу плыли белые перистые облака.

— Что это? — спросил я, уворачиваясь от сцепившейся вереницы подростков.

— Дискотека, — ответили мне.

Я повернул голову. Рядом стоял юноша лет восемнадцати, невысокий, упитанный. Чем-то знакомый.

— Кеша? — внезапно понял я.

— Что, Антон Сергеевич?

Что?

Я не знал «что». Я не понимал, где я и как здесь оказался. Но надо было что-то спросить.

— Где Надя? — Я вдруг понял, каким должен быть мой вопрос.

— Здесь, — пожав плечами ответил Иннокентий Толков. — Где-то здесь…

Я поискал глазами в толпе. Потом понял, что невольно смотрю слишком низко, туда, где должна быть голова десятилетней девочки. А надо смотреть выше…

И почти сразу я увидел Надюшку. Даже странно, как я ее узнал… она была такой же большой, как и Кеша. Но изменилась куда сильнее — голова начисто выбрита, остались только два клочка обесцвеченных до белизны волос над ушами. Длинная узкая юбка с разрезами, доходящими чуть ли ни до пояса, то ли сапоги, то ли ботинки… и совершенно обычная белая блузка. Надя была нелепой, жалкой, даже омерзительной в таком виде… но это была моя Надя. И сердце болезненно

сжалось у меня в груди.

Я сделал шаг вперед, распихивая танцующих, схватил дочь за руку и вытащил из цепочки танцующих. На ее руке звякнули разноцветные металлические браслеты, закрывающие все запястье.

— Папа? — удивленно спросила Надя. — Что ты здесь делаешь?

— Что ты здесь делаешь? — синхронно спросил я.

Надя пожала плечами:

— Отдыхаю.

Парень и девушка, между которыми Надя раньше двигалась в цепочке, протолкались к нам. Выглядели они… ну, соответствующе. На парне были блестящие стринги и пушистая рубашка (да-да, именно рубашка и именно пушистая), на девушке — такая же длинная юбка с разрезами и блузка.

Видимо, это модно.

Давно я не бывал в молодежных компаниях.

— Надя, что надо этому эрзацу? — спросил парень. Не то чтобы угрожающе, но с вызовом.

— Иди в аут, — непонятно ответила Надя. — Это мой абу.

Парень глянул на меня неприязненно, но уже

помягче. И спросил:

— Какие проблемы, уважаемый?

— Никаких, — ответил я. — И если ты немедленно исчезнешь, то их и не возникнет.

Парень криво усмехнулся. Похоже, я его не напугал. Дурачок. Он же у меня сейчас отправится домой уроки учить и полы мыть…

— Все гладко, Вовик, — сказала Надя. — Уймись.

— Тапай, если вдруг, — ответил Вовик, еще раз зыркнул на меня — и растворился в толпе вместе с подругой.

— Что за дурацкий сленг? — спросил я.

— Обычный, — ответила Надя и шмыгнула носом. Глаза у нее были красные. — Ты зачем пришел, папа?

— Надя, пошли домой, — сказал я.

— Зачем?

— Надя, мама будет волноваться, — попытался воззвать я к доводу, который безотказно работал в ее десять лет.

— А при чем тут мама и ты? — спросила Надя.

И у меня в груди стало совсем холодно и нехорошо.

— Надя, я не пойму, что происходит, — сказал я. Музыка резала уши, небо на потолке-экране

затягивали тяжелые темные тучи. — Давай поговорим в другом месте.

— Чем это плохо?

— Тем, что это не место для Высшей Иной! — не выдержал я.

Надя засмеялась. И если вначале это был просто тихий смех, как от удачной шутки, то уже через мгновение он превратился в истерическое хихиканье.

Ненавижу женские истерики! Это совершенно нечестный прием в отношениях между мужчинами и женщинами!

Хуже женских истерик — только мужские.

— Для Высшей Иной? — повторила Надя. — Для Иной? Папа… папочка, ну ты влил! Папа… после того, что ты сделал с нами — ты еще можешь произносить слово «Иной»?

Она так и ушла в толпу, продолжая смеяться и проводя рукой по лицу, будто смахивая слезы.

А я стоял и смотрел ей вслед.

Потом перевел взгляд на Кешу.

— «Вы Антон Городецкий… — сказал я. — Вы нас… вы нас всех…» Что я «всех»?

— Не знаю, — ответил Кеша.

— Почему Надя с тобой даже не заговорила?

— Она меня не видела.

Над головой загрохотал гром. И застучали тяжелые дождевые капли. Я подставил им руку… капля упала на ладонь и исчезла. Дождь был, но он был иллюзией — как и тучи над головой.

Как все здесь.

— Почему она не видела тебя, Кеша?

— Потому что это ваше предвидение, Антон Сергеевич, — ответил юноша. — И ваш сон.

Он развернулся и тоже исчез в толпе — такой же пухлый, неуклюжий и некрасивый, как и в детстве.

И похоже, такой же одинокий и несчастный.

— Это неправда! — закричал я.

И проснулся.

Почему-то — молча.

Низкий потолок дешевенькой лондонской гостиницы. Англичане вообще живут в домах крошечных, будто почтовые марки. Наверное, чтобы проще было их оборонять, ведь «мой дом — моя крепость». В окошке брызжет солнечный свет. Утро, хотя и раннее…

Я глянул на часы — всего семь утра местного.

Потом посмотрел на стоящий на тумбочке деревянный кубок от сэра Эразма. Может быть, было виновато пиво, а может быть, сто грамм коньяка, которые я добавил за просмотром телевизора,

перед тем как лечь спать, но когда мне захотелось выпить воды — я распаковал подаренный кубок и выпил воды из него. Причем не просто так, а с глубоким убеждением, что после этого услышу первое пророчество Дарвина.

Насчет его пророчества ничего не вышло. А вот собственное я получил.

Или все-таки нет?

Что это было — очень яркий и реалистичный сон, возникший от гремучей смеси алкоголя, усталости и массы впечатлений?

Пророчество?

Я могу предвидеть будущее, как и любой Иной, как любой человек, в конце концов. Даже лучше многих, в свое время Гесер всерьез советовал мне специализироваться на предсказаниях. Но и просто дурацкие сны мне снятся — тоже как любому человеку.

Размышляя об этом, я сходил в туалет, принял душ (все очень компактно было втиснуто в два квадратных метра — и эти люди попрекали Советский Союз за «хрущобы»?). Оделся и задумчиво спустился вниз, в полуподвал, где располагался маленький отельный ресторанчик. У официантки, которая суетилась в зале, наливая постояльцам кофе и убирая грязную посуду, было

такое обыденное лицо, что я поздоровался с ней по-русски. И угадал.

— Ой, здравствуйте, — почему-то засмущалась она. — Вам чай или кофе?

— Кофе, — кивнул я, приглядываясь к выложенной на столе снеди.

— Кофе не очень, — тихо прошептала девушка, подавшись ко мне.

— Все равно, — так же тихо ответил я. — Проснуться надо.

— Лучше я вам растворимого принесу, — пообещала девушка и исчезла на кухне.

Я взял себе йогурт, кусок хлеба, пластик сыра в герметичной упаковке (чеддер — это чеддер!) и омлет-скрэмблинг, который представляет из себя высшую форму надругательства над яйцами, которую только смогли изобрести в Европе.

Но по крайней мере он был горячий.

Присев за угловой столик, я подцепил вилкой комок разваливающейся омлетной массы. Придирчиво осмотрел и отправил в рот. На вкус лучше, чем на вид…

И тут запахло кофе. Хорошим настоящим кофе, а никак не растворимыми химикалиями. И огромная чашка восхитительного кофе оказалась передо мной.

— Спасибо, — сказал я, поднимая глаза.

Арина, улыбаясь, забрала у меня тарелку с омлетом и отставила на пустой столик. Сказала:

— Не кушай эту гадость. Это я тебе как ведьма говорю.

И протянула другую тарелку — с яичницей-глазуньей, прожаренной в самую меру, так что желток загустел, но остался жидким, посыпанную мелко нарезанным зеленым лучком и с угадывающимися в толще кусочками обжаренного сала. Перед собой Арина поставила еще один кофе.

— Скушай заячий помет, он ядреный, он проймет? — уточнил я. Поскольку Арина на стихи Филатова отреагировала удивленным поднятием бровей, то вздохнул и сказал: — Ты же уже не ведьма, ты Светлая.

— Ведьма бывшей не бывает, — вздохнула Арина. — Как спал, Высший?

Вначале я отправил в рот поджаренное яйцо и запил его большим глотком кофе. Потом сказал:

— Твоя работа?

— Что именно? — удивилась Арина.

— Мой сон.

— Я не знаю, что тебе снилось. — Она покачала головой и нахмурилась. — Что-то неприятное? Пророческое? Я в твои сны не вмешиваюсь.

— Так, ерунда, — отмахнулся я и в два глотка допил кофе.

— Принести еще? — спросила Арина.

— Слушай, ты не официанткой в Лондоне подрабатываешь?

— Увы, у меня нет рабочей визы, — усмехнулась Арина. — Это исключительно благотворительность. Вид у тебя какой-то мятый.

— Мне снился кошмар, — неохотно признал я. — Ничего особо информативного. Просто выросшая Надька… такая… странная… как все подростки, наверное… Неприятная, скажу честно. И она меня обвиняла. В том, что я что-то сделал с Иными.

Лицо Арины стало серьезным. А произнесенные слова еще больше убедили меня в том, что она относится к этому сну серьезно.

— Ерунда, Антон. Бывают просто сны. Ты можешь рассказать подробнее?

— Нет, — покачал я головой. — Ладно, оставим это. Ты не знаешь, феи — есть?

— Э… — Арина запнулась. — Не знаю. Скорее, конечно, нет, но рядом с Кенсингтонским садом это говорить как-то неприлично.

— Я вчера шел в отель и увидел на поваленном дереве маленького мальчика. Он играл на свире-

ли, а вокруг него роились какие-то светящиеся букашки. Увидел меня, оскалился и убежал.

— Убежал или улетел?

— Вот уж чего не знаю.

— И ты решил, что наткнулся на Питера Пэна?

— Да фиг его знает, что я подумал!

— Инверсия. И проекция.

— Что?

— Инверсионный след. Сколько людей читало сказку про Питера Пэна? Сколько детей смотрело мультик или кино? Какое количество из них представило себе Кенсингтонский сад и Питера? Сколько среди них было явных и потенциальных Иных?

— Мы не можем сотворить людей.

— Любая баба это может, — усмехнулась Арина. — Но в данном случае речь о другом. Образ — а он достаточно визуализирован, проецируется на точку, где и без того огромная концентрация Силы. Начинается возбуждение Силы по слоям Сумрака. Энергия стабилизируется на высоком уровне. Можно посчитать по распределению Больцмана, тут все почти равнозначно термодинамическим уравнениям, даже постоянную Планка можно использовать. Только для Сумрака она называется Кентерберийской Константой.

Я поймал себя на том, что сижу с открытым ртом, в котором держу вилку с нацепленным на нее куском яичницы. Торопливо захлопнул рот, больно укусил при этом вилку и шепотом выругался.

— Это обычный механизм появления привидений, — продолжала Арина. — Неужели Светлые нынче этого не учат?

— Нет, — признался я. — Да и Темные… наверное.

— Ну и зря, — сказала Арина. — Практической пользы никакой, но неужели тебе не интересно, откуда возникают призраки, как живет Сумрак, какие заклинания и в какой точке будут наиболее эффективны?

— Я даже не знал, что это можно… — я запнулся, — превратить в формулы.

— А ведьмы всегда это знали, — сообщила Арина. — Неужели ты думаешь, что ведьма — это грязная страшная бабища, которая варит в котле неаппетитные субстанции и бормочет «бамбарачуфара, пикапу-трикапу, лорики-ерики»?

Я предпочел промолчать. Арина, явно наслаждающаяся ситуацией, пила кофе.

— Ну, что решил? — требовательно спросила Арина.

— Даже то, что я говорю с тобой и не пытаюсь тебя задержать, должностное преступление, — буркнул я.

Арина фыркнула.

— Клянись Светом и Тьмой, — сказал я.

Арина подняла на меня глаза.

— Клянись, что ты не имеешь никакого отношения к сну, приснившемуся мне этой ночью, — продолжил я.

— Значит, все совсем плохо, — понимающе кивнула Арина. — Хорошо…

Она несколько секунд молчала, будто вспоминая что-то. Потом протянула через стол руки, повернула так, чтобы ладони были обращены вверх.

Меня обдало холодным ветром.

Все немногочисленные постояльцы отвернулись в другую сторону и старательно перестали нас замечать.

— Я, Арина, клянусь Изначальными Силами. Я, Темная, ведьма вне рангов, клянусь Тьмой — и пусть вечная Тьма будет свидетелем моих слов. Я, Светлая, целительница вне рангов, клянусь Светом — и пусть вечный Свет будет свидетелем моих слов. Я, тринадцатая и последняя глава высшего Конклава Ведьм, клянусь землей, из

которой пришла, водой, которая внутри меня, воздухом, который снаружи меня, огнем, в который я приду. Я не оказывала никакого влияния на тебя, твои сны, твои пророчества, твои мысли, твои видения, твои желания, твои страхи, твою любовь, твою ненависть, твою радость и твое горе. Все, что я сказала тебе, истинно либо сочтено мной истинным.

На ее левой руке заплясало белое пламя, на ее правой руке сгустилась тьма. Арина свела ладони — и между ними заплясал бешено крутящийся шарик. Он был одновременно белым и черным, светящимся и поглощающим свет. Не серым, как у Инквизиторов, а именно двойственным, одновременно Светлым и Темным.

— Я верю тебе и принимаю твою клятву, — сказал я.

Шарик свернулся в ослепительно черную точку и исчез.

— Значит, глава высшего Конклава? — уточнил я. — А в Дозорах так гадали, кто же им был и куда исчез…

Арина пожала плечами.

— Я просто выбираю меньшее зло, — добавил я.

— Выбирая меньшее зло, ты никогда не должен

забывать, что все-таки выбрал зло, — серьезно сказала Арина.

— Но не выбирая ничего, мы выбираем сразу и большее, и меньшее зло, — ответил я.

— Значит, мы друг друга поняли, — кивнула последняя верховная ведьма распущенного почти сотню лет назад Конклава.

— Но остается одна небольшая проблема, — сказал я. — Тигр. Как я понимаю, сейчас пророчества неактивны.

— Спят, — кивнула Арина.

— Если они станут известны нам — за нами придет Тигр.

— Но если мы сообщим их людям — Тигр оставит нас в покое.

— А если пророчества плохие? Предлагаешь героически погибнуть? Или открыть ящик Пандоры и наплевать на людей?

Арина покачала головой:

— Нет и нет. Ведьмы всегда предпочитают выбрать третий путь.

Я вопросительно посмотрел на нее.

— Мы пытались понять природу Тигра, — сказала Арина. — Как ты уже, наверное, понял, в некоторых областях Конклав обладал знаниями, не уступающими Дозорам. Успеха мы не

добились, но… — Она помолчала. — Мы нашли Иного, кто знает, как победить Тигра. Он жив. Я предлагаю встретиться с ним, получить эту информацию — и уже после этого открывать пророчества.

Я посидел, переваривая услышанное. Спросил:

— И где он? Почему-то чувствую, что не в Лондоне и не в Москве.

— На Формозе, — кивнула Арина.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, что во времена Арины называли Формозой.

— Тайвань? — Перед глазами у меня невольно всплыл глобус, который я год назад подарил Наде для общего развития. — Это… это сколько же…

— Почти десять тысяч километров. Четырнадцать часов. К счастью, есть прямой рейс. — Арина посмотрела на часы. Изящные часики из розового золота и, кажется, с бриллиантами. — Сейчас половина восьмого. До рейса час сорок пять минут. Тебе долго собираться?

— Ты хочешь сказать, что у тебя уже есть билеты? — уточнил я.

— Я хочу сказать, что на рейс я нас зарегистрировала вчера вечером. Тебя не очень смутит отсутствие визы? Чистое белье купишь в аэро-

порту, если успеем, а нет — так в Тайбэе.

— Надо полагать, такси ждет? — спросил я.

— Ждет, — кивнула Арина. — Счетчик тикает. Ну как… что решаешь?

Я намазал маслом кусок хлеба и положил сверху ломтик сыра. Откусил, прожевал, а потом уже сказал:

— Мне не надо покупать белье. Даже носки не нужны. Света собрала меня на неделю.

* * *

Глядя, как исчезает под самолетом Лондон, я думал о том, что сейчас совершаю.

Вся наша жизнь — бесконечный выбор. Остаться дома или выйти прогуляться. Пойти в кино или посмотреть телевизор. Выпить чая или воды.

Даже эти никчемушные выборы могут переменить всю жизнь. Что уж говорить о выборе посерьезнее! Жениться или повременить. Сменить работу или остаться на прежней. Переехать в другой город или в другую страну.

Мне тоже приходилось выбирать — и я до сих пор не знаю, всегда ли делал правильный выбор. Но то, что я совершил только что, рисковало стать самым серьезным выбором в моей жизни.

Нет, дело, конечно, было не в том, что я не

кинулся арестовывать Арину, как велели уставы Ночного Дозора и циркуляры Инквизиции. Как маг вне категорий, пусть даже мой ранг был несколько сомнителен и отражал скорее потенциал и чистую Силу, чем опыт и мудрость, которые должны к Силе прилагаться, я был достаточно свободен в своих поступках.

Я мог, к примеру, заявить, что не считал себя способным задержать Арину (что было правдой!) и решил потянуть время.

Или — и мне тоже не пришлось бы грешить против истины — я мог аргументировать свой поступок необходимостью получить дополнительную информацию и выяснить, кто и как способен противостоять Тигру. В конце концов, недавние события в офисе показали, что это вполне актуальная задача!

Ну и сам факт двух пророчеств и моего собственного странного сна прямо-таки требовал дальнейшего расследования.

Конечно, по-хорошему стоило бы сообщить о происходящем… ну хотя бы Гесеру. Но и тут у меня было убедительное оправдание — Высшая ведьма, да еще и бывшая глава Конклава, способна перехватить практически любые сообщения, даже связь ученика с наставником.

Так что с официальной стороны я был более-менее в безопасности. Оправданий для своего поступка у меня найдется вагон и маленькая тележка.

За собственную безопасность я в общем-то тоже не волновался. Клятву не вредить мне я с Арины не требовал, но и оснований подозревать ее в чем-то нехорошем не имел. Уж если я с Завулоном совместно работал, то с бывшей ведьмой, а нынче Светлой как-нибудь поладим.

Так что же меня тревожит?

Симпатичная стюардесса-китаянка разнесла по салону бокалы с шампанским. Арина не поскупилась на билеты в бизнес-классе — впрочем, с чего бы опытной ведьме испытывать нехватку в средствах? Арина, сидящая в соседнем кресле, свой бокал взяла, я отказался и, поколебавшись, попросил коньяк. Четырнадцать часов полета — времени хватит на все: и выпить, и протрезветь.

Утро начинало удаваться.

— Не покажешь кубок? — попросила Арина.

Я не стал ломаться, достал сумку и извлек из нее артефакт работы Эразма. Арина некоторое время держала его в руках, потом покачала головой:

— Не чувствую магии.

— Я тоже, но не все можно ощутить.

— Это верно…

Арина вылила в кубок свое шампанское, выпила. Пожала плечами. Поднесла кубок к уху, вслушалась, будто в морскую раковину.

— Пробовал, — сказал я. — И пил из нее, и слушал. Мне кажется, Эразм знал, как пробудить пророчество… но не счел нужным пояснять.

— Как ты вообще его убедил отдать эту чашу? — с любопытством спросила Арина.

— Подарок от Гесера помог. — Я рассказал ей про наш офисный бонсай, переехавший жить к Дарвину.

— Загадка на загадке. — Выслушав меня, Арина пожала плечами. — Гесер — известный хитрец, но что он придумал в этот раз — ума не приложу…

— Информация за информацию, — сказал я. — Расскажи про Иного, к которому мы летим.

— Зовут его Фан Веньян, — ответила Арина. — Собственно говоря, имен у него немало, но под этим он сейчас живет среди людей. Ему около трехсот лет. Он Светлый, но в Дозорах не состоял и не состоит.

— Ранг? — спросил я.

— Четвертый.

— Всего лишь? — поразился я.

Конечно, четвертый ранг — не пустяк. Не спо-

собность к мелким магическим фокусам, как у седьмого. Но даже слабый Иной за триста лет подтягивается от своего первоначального ранга на две-три ступени. Выходит, при инициации Фан был совсем слабаком?

— Что за снобизм? — фыркнула Арина. — Сам-то давно на четвертом ранге числился?

— Лет пятнадцать назад, — признался я. — Но меня и инициировали сразу как Иного четвертого уровня.

— А он с самого низа шел, — подтвердила мой вывод Арина. — С седьмого уровня. Терпеливо шел… В тысяча девятьсот двадцать пятом году получил он должность хранителя Императорского музея «Гугун» в Пекине. Великие Иные там не требовались, китайцы власть уважают, на сокровища никто не посягал. Даже когда случилась синьхайская революция… — Арина посмотрела на меня и сжалилась: — а было это в тысяча девятьсот одиннадцатом году, сокровища императорские особо не грабили… Жил бы себе Фан Веньян тихонько, да произошла в тысяча девятьсот тридцатом году странная история. Был у Фана друг, пророк. Слабенький — но все-таки пророк. Деталей я не знаю… может, и не просто друг он ему был… — Арина усмехнулась. — В

общем, что-то такое парень напророчил, и свидетелем пророчества был только Фан. Почему-то ему пророчество не понравилось, озвучивать его людям он не захотел. И за Фаном с его приятелем явился Тигр. Они его, правда, называли не так, но по всем описаниям — это был Тигр.

Я ждал.

— Приятель погиб. А вот Фан ухитрился что-то сделать… то ли уничтожил он Тигра…

— Ну как же он его уничтожил? — удивился я. — Он в Москву приходил только что…

— А ты уверен, что Тигр — он один? — улыбнулась Арина. — В общем, что-то Фан сумел сделать. Убил, отогнал, напугал, подкупил… не знаю. Но пророчество не прозвучало, причем Фан потом сказал на допросе в Ночном Дозоре, что «скорее разрезал бы сам себя на части и скормил тигру в бэйцзинском зверинце, чем произнес бы то, что ему открылось». Когда мы все сопоставили и поняли, что слабенький китайский маг сумел отогнать Тигра, решено было выяснить детали. Не то чтобы для конкретной надобности… но знание лишним не бывает.

— Что же помешало?

— Распри, Антон. Для нас, ведьм, и мировая война, и революция были бедами почище, чем

для других Иных…

— Почему?

— Мы, ведьмы, ближе к земле. К той стране, где выросли, где вошли в силу. Уже в четырнадцатом году трудно нам было собираться на Конклаве… сидеть рядом русской ведьме и немецкой, английской и австрийской… А уж после революции, когда с одной стороны СССР, с другой — все остальные… договариваться о чем-либо вообще невозможно стало. Потом я уснула, от подруг скрылась, из Конклава ушла… он и развалился сам собой, видать, вышло его время. Так и не сделали мы ничего. А жаль… Я-то стойкостью Фана не обладала, когда в пятнадцатом году моя подруга пророчила — довела все до людей.

— Но сделала все по-своему, — кивнул я.

— Да. Сумела переспорить пророчество, спасти страну. Пророчество ее стало неверным, так и затерялось среди фальшивых предсказаний. Вроде как все у меня получилось… но когда я узнала про Фана — крепко его историю запомнила. И когда снова в мир вернулась, начала искать его. Нашла.

— Что он делает на Тайване? Неужели бежал от коммунистов?

— Нет, конечно. Ему человеческая идеология

безразлична, как и нам. Но он хранитель императорского музея, понимаешь? А когда китайцы, те, что не коммунисты, в тысяча девятьсот сорок восьмом году стали на Тайвань отступать — они и сокровища вывезли. И Фан с ними… а что ж ему делать? Так теперь и работает в Национальном Императорском музее «Гугун».

— Он же в Пекине.

— Нет, там просто Императорский музей «Гугун». А это Национальный.

— А он расскажет? — спросил я.

Арина пожала плечами.

— Силовое давление исключено, — на всякий случай сказал я. — Ссориться с китайскими Инь-ми я не стану.

— Я тоже не сошла с ума, — кивнула Арина. — Только лучше говори «тайваньскими», а не «китайскими». Это вежливее и правильнее.

— Какие-то еще советы?

— Самые элементарные. Никогда не поднимай в разговоре тему двух Китаев. Хвали Тайвань, но не ругай Китай! Даже если разговор коснется этого, увильни от любых оценок. Это их внутренняя проблема, и иностранцам в нее лезть не стоит. Кстати, в материковом Китае, если занесет, следует вести себя так же.

— Понял, — сказал я.

— Воздерживайся от телесных контактов. Я не имею в виду секс, просто старайся не вторгаться во внутреннее пространство, не касаться человека при разговоре, не похлопывать по плечу, не обнимать. Это невежливо.

— Да ты хорошо подготовилась, — сказал я.

— Чем еще заняться пенсионерке? — улыбнулась Арина. — Зато можешь быть совершенно спокоен на улицах, преступность там очень низкая. И есть можешь что угодно и где угодно, из чего бы еда ни была сделана. Тайваньцы очень строго относятся к гигиене. Повар, у которого просрочена санитарная книжка или нарушены какие-то правила, садится в тюрьму на несколько лет. Вне зависимости от того, отравился кто-то его стряпней или нет.

— Мне это нравится, — сказал я, вспоминая московские ларьки с шаурмой, где одетые в грязные халаты «повара» стругают с гриля мясо непонятного происхождения. — Как они этого добились?

— Жестокой диктатурой, — усмехнулась Арина. — Ты же большой мальчик, должен понимать, что четко работающий транспорт, порядок и безопасность на улицах, вежливые люди и хорошая медицина — это все достижения диктатуры.

— О да, Лондон тому примером, — саркастически сказал я.

— Конечно. Просто у англичан период диктатуры уже кончился. Больше не огораживают земли, выгоняя крестьян из дома, и не вешают детей за кражу носовых платков. Больше не продают в Китай опиум под дулами пушек, подсаживая на него четверть населения страны. Больше не выкачивают сокровища из колоний. Британцы хорошо потрудились для диктатуры и заслужили право на демократию, толерантность и плюрализм.

— Интересный взгляд на мир, — сказал я.

— Честный, — отпарировала Арина. — Сам знаешь, «джентльмен к западу от Суэца не отвечает за то, что делает джентльмен к востоку от Суэца…». Да что нам британцы? А ну-ка, вспомни, чем из истории нашей страны ты можешь гордиться? Военными победами? Присоединением территорий? Полетами в космос? Заводами и электростанциями? Могучей армией и всемирно известной культурой? Так все оно, Антошка, сотворено при тиранах и диктаторах! Санкт-Петербург и Байконур, Чайковский и Толстой, ядерное оружие и Большой театр, Днепрогэс и БАМ.

— Ты, никак, старая, в коммунисты подалась, —

буркнул я.

— С какой стати? — фыркнула Арина. — Я про твердость власти, жесткость ее, если угодно. Политические гримасы меня не интересуют.

— Ну а к чему все эти достижения, если Санкт-Петербург был построен на костях, а в Советском Союзе нельзя было купить туалетной бумаги?

Арина улыбнулась.

— Да к тому же, что европейские колонии в Африке и Азии, английские огораживания с разорением крестьян, американские рабы на хлопковых полях… и вечные кровавые войны по всему миру. Вначале страна жиреет и процветает — не путай с народом, речь именно о стране! Потом правители мягчеют, народ расслабляется — и начинается спокойная вольная жизнь. Римские легионы уже не маршируют по приказу Рима, а спокойно загнивают в какой-нибудь Иудее. Аристократия предается своим порокам, народ своим… разница только в цене шлюх и гастрономических изысках. А под боком уже подрастают злые, голодные и связанные единой жесткой волей, которые смотрят на бывшую могучую державу как на вкусный обед. И тут уж два варианта — либо страна встряхнется и снова начнет жить, хоть народу от этого придется

ох как не сладко… Либо страна умрет. Вместе с народом, конечно. Станет частью той самой диктатуры, от которой ушла и к которой не хотела возвращаться. Вечный круговорот силы и слабости, жесткости и мягкотелости, фанатизма и терпимости. Повезло тем, кому выпало жить в начале эпохи покоя, когда и аристократ уже не может затравить простолюдина собаками, и простолюдин не отстаивает свое право бездельничать. Это и называют золотым веком… только длится он куда меньше.

— А может быть счастливо то общество, где этот баланс достигнут? — поинтересовался я.

— Конечно, — кивнула Арина. — Только он не может быть достигнут надолго. Я как-то спорила об этом с одним питерским студентом, смышленый был парень. Объясняла ему, что общество — оно балансирует на лезвии бритвы. С одной стороны вялость и смерть, с другой — жесткость и жизнь, и хорошо бы пройти посередине — да только долго на лезвии не устоять. Но он так и не согласился, упрямый был и в коммунизм сильно верил.

— Да, насколько я понимаю, он так и не согласился, — задумчиво сказал я. — Ладно, Арина. Я не готов спорить.

— Ты тоже не согласен, — кивнула она. — Понимаю. Это молодость, Антон. Не беспокойся, она пройдет.

Глава 6

Я полусидел-полулежал в просторном кресле, смотрел в иллюминатор на белую пелену облаков и слушал музыку. Когда-то у меня был мини-дисковый плеер, на который я загонял любимые песни. Увы, мини-диски умерли… точнее, заканчивают вымирать, став уделом ретроградов, романтиков, скупердяев и консервативных журналистов. На смену им пришли MP3, просто файлы без всякого внешнего носителя. Закачал с пиратских просторов Интернета — и слушай сколько влезет…

Вот я и слушал, как обычно, включив случайный режим воспроизведения. Электроника выбрала группу «Оргия Праведников». Иногда мне кажется, что я все-таки непроизвольно влияю на ее выбор, уж слишком созвучны оказываются песни моим мыслям…

Удары сердца твердят мне, что я не убит,

Сквозь обожженные веки я вижу рассвет.

Я открываю глаза – предо мною стоит

Великий Ужас, которому имени нет.

Они пришли, как лавина, как черный поток,

Они нас просто смели и втоптали нас в грязь.

Все наши стяги и вымпелы вбиты в песок,

Они разрушили все, они убили всех нас…

Я посмотрел на Арину. Ведьма спала, то ли срубившись с приветственного бокала шампанского, то ли утомившись после неведомых мне ночных дел… то ли просто по привычке. Она по-прежнему выглядела красивой и молодой, вот только рот у нее по-стариковски приоткрылся и из уголка губ стекала на подбородок тонкая ниточка слюны.

И можно тихо сползти по горелой стерне,

И у реки срезав лодку, пытаться бежать.

И быть единственным выжившим в

этой войне,

Но я плюю им в лицо, я говорю себе: «Встать!»

Удары сердца твердят мне, что я не убит,

Сквозь обожженные веки я вижу рассвет.

Я открываю глаза – предо мною стоит

Великий Ужас, которому имени нет.

Я вижу Тень, вижу пепел и мертвый гранит,

Я вижу то, что здесь нечего больше беречь.

Но я опять поднимаю изрубленный щит

И вырываю из ножен бессмысленный меч.

Последний воин мертвой земли…

Я знаю то, что со мной в этот день не умрет,

Нет ни единой возможности их победить.

Но им нет права на то, чтобы видеть

восход,

У них вообще нет права на то, чтобы жить.

И я трублю в мой расколотый рог боевой,

Я поднимаю в атаку погибшую рать,

И я кричу им – «Вперед!», я кричу им – «За мной!»,

Раз не осталось живых, значит, мертвые – встать![19]

Голос Сергея Калугина стих, я поставил плеер на паузу и разложил кресло поудобнее. Покосился на Арину. Рот она, к счастью, закрыла, но теперь у нее будто оплыли подбородок и щеки. Во сне иллюзия таяла… впрочем, нет, это не банальная «паранджа», которую практикуют ведьмы, это что-то куда более близкое к реальности… Но зато и удержать ее ведьме было труднее.

Как странно порой складывается жизнь. Сидишь себе в Москве, радуешься короткой командировке в Лондон — и вдруг тебя подхватывает вихрь событий и тащит на другой конец света, в экзотическую страну, про которую толком ничего

---

[19] Примечания: 19

С. Калугин. *Последний воин мертвой земли.*

и не знаешь… даром что половина компьютерных железок на моей памяти была произведена на Тайване.

И с кем! С бывшей ведьмой, ныне Светлой Иной. С той, с которой доводилось сходиться в смертельной схватке…

У меня вдруг заныло в груди. Это была не физическая боль, а четкое, пронзительное понимание того, что наш поединок с Ариной был не только в прошлом, но еще и предстоял в будущем.

Не предвидение, нет. Что-то другое. Будто в подсознании я уже понял все, что пока не сложилось, что торчит в памяти отдельными, случайными занозами. Будто все эти пророки, сны, видения, Тигры, ведьмы, Гесер и Завулон — все это слилось воедино… и дало результат, который мне совсем не нравится.

И во многом не нравится потому, что мне придется убивать. Или — быть убитым.

Да что же это такое! Дернуло же меня обратить внимание на ревущего мальчишку в аэропорту, прошел бы мимо…

Я болезненно сморщился. Прошел бы? И позволил бы ему умереть? И еще полутора сотням человек?

Нет, конечно.

Так уж в жизни устроено, что чья-то жизнь — это всегда чья-то смерть…

Тихонько прошла улыбающаяся хорошенькая стюардесса. Поймала мой взгляд, чуть склонила голову, взглядом вопросительно указала на пустой бокал на широком подлокотнике кресла. Я кивнул. Дождался, пока она принесла коньяк, глотнул — так и оставаясь полулежа в кресле. Поспать бы… но сон сейчас не придет. Совсем с ума сойдут биологические часы, вначале из Москвы в Лондон, потом из Лондона в Тайбэй…

Почему я уверен, что мне предстоит сразиться с Ариной?

И не просто сразиться, а насмерть?

Да, она хоть и стала Светлой, но темнит… не хуже Гесера.

Да, какую-то информацию она мне открыла, но еще больше скрывает.

Да, она откуда-то знает то, что ей знать не следовало бы. Такое ощущение, что у нее есть источники информации в одном из Дозоров… я мысленно поставил в уме галочку — надо будет проработать этот вопрос. Конечно, на словах она Завулона ненавидит, да и цвет сменила… но как оно все на самом деле?

Но мы все, даже в отношениях с друзьями,

что-то недоговариваем, а что-то скрываем. Не обязательно из дурных побуждений. Иногда проще и быстрее недоговорить, чем объяснять и убеждать.

Что меня смутило?

Арина клялась, что не влияла на меня. Я ей верю, и дело не только в клятве… с ее умением убеждать вовсе не нужно опускаться до прямого магического влияния на психику.

Но вся ее клятва относилась к прошлому. Она не сказала, что не будет причинять мне зло, что не попытается обмануть или сразиться. Мелочь, конечно… но если бы она не держала в уме такой возможности — обязательно постаралась бы усилить клятву, сделать ее убедительнее.

Что-то еще?

Я глотнул жгучего коньяка. Попытался вызвать в памяти лицо Арины. Странно, перед мысленным взглядом она хоть и оставалась молодой, но глаза были старые, выцветшие… мудрые… и печальные.

Этот взгляд уже заглядывал в будущее.

Она знала, что наш союз недолог.

Или по меньшей мере всерьез это допускала.

Арина смотрела на меня как на того, кто ей симпатичен — но неизбежно станет врагом… и

скоро, очень скоро.

Что ж… в эти игры можно играть и вдвоем.

Пока наши интересы сходятся.

Дальше — посмотрим.

Спать, конечно, не хотелось. Я включил встроенный в кресло развлекательный центр, полистал кинопрограмму, минут десять посмотрел какой-то фильм про борцов с вампирами, похихикал. С одной стороны — было очень смешно. Так у нас смотрят голливудские фильмы про Россию, так реальный врач смеется, глядя «Доктора Хауса», «Доктора Тырсу» или «Доктора Мартина». С другой стороны — ну ведь все не так! В последнее время классические байки про вампиров, боящихся святой воды, чеснока и креста, канули в Лету. Но вовсе не потому, что сценаристы поумнели. Просто на смену старым, немодным байкам пришли новые — с вампирами гламурными, загадочными, элегантными… Появились какие-то псевдонаучные объяснения — то в вампиризме виноват вирус, то в крови вампиров низкое содержание гемоглобина, то это мутация (на мутацию режиссеры вообще готовы списать все, что угодно)…

На самом же деле все гораздо проще. Первые вампиры, очевидно, были существами, полу-

чившими такую форму в Сумраке. Какой-то садомазохистский комплекс, скорее всего банальное расстройство влечения, но проявившееся не у человека, а у Иного. Думаю, ничего, кроме сексуального возбуждения, которое Иной получал, кусая симпатичных девушек и делая это благодаря вампирским способностям безнаказанно, изначально не было. Что поделать, Средневековье, нравы простые, это нынче для людей — любителей покусать друг друга существуют даже специальные клубы, а тогда дорога была одна — на костер. А вот дальше случилось странное. Кто-то из первых вампиров — возможно, они в своих преданиях хранят эту тайну — экспериментировал с составом токсина, который вампиры впрыскивают жертве. Стандартный вампирский укус ведь не убивает, а погружает жертву в блаженное и беспомощное состояние. Впрыснув чуть больше яда, вампир вызывает у жертвы ретроградную амнезию. А вот еще чуть-чуть — и человек умрет. Даже не от потери крови, большинству вампиров необходимо всего двести-триста миллилитров раз в месяц, а просто от интоксикации…

Но однажды вампир втащил жертву в Сумрак. Какой-то вариант токсина, выработанный од-

ним из первых вампиров, действительно убил жертву — но убил уже в Сумраке, где свои законы. И переставший жить человек не умер до конца. Трансформировался в нечто, способное существовать бесконечно долго, сохранив при этом разум, приобретя немыслимые способности к регенерации и частично обретя способности Иного — пусть даже изначально был их лишен.

Все дело в том, что эта версия токсина не убивала человеческие клетки — а лишала их способности к естественному обновлению, делению клеток, зато придавала совершенно немыслимые способности к внутриклеточной регенерации. Большая доза токсина «консервировала» человека практически мгновенно — юные вампиры оставались юными навсегда, любые повреждения в считаные минуты регенерировали. Доза поменьше превращала человека в вампира постепенно — дети взрослели, молодежь старилась… пока токсин не побеждал окончательно и вампир застывал в одной форме, будто муха в янтаре. Без способностей Иного, без Сумрака вампиры не сильно бы выиграли от этого — теоретически вампир был бы не способен восстановить отрубленную конечность, любая полностью уничтоженная клетка умирала бы

навсегда, заменить ее было бы нечем… Но вот тут-то вампирам и помогли их магические способности. При вхождении в Сумрак они создавали что-то вроде карты своего организма, сумеречной матрицы — и вот в Сумраке, сверившись с этой матрицей, они уже могли управлять своим телом в совершенстве: молодеть или стариться по желанию, менять внешность, отращивать утраченные конечности… ну а самые опытные и сильные — даже менять форму на нечеловеческую.

Даже в этом пока не было ничего ужасного, скорее это отвечало вечной человеческой мечте о бессмертии. Разве что репродуктивная функция у законченных вампиров исчезала, но те, кто обратился не до конца, даже были способны размножаться…

Была лишь одна проблема. Вампиры уже не были живыми. Рост, размножение клеток — это суть жизни. «Законсервированные» клетки стали не живыми и не мертвыми. Они не излучали в Сумрак энергию, не вносили свой вклад в ту Силу, из которой черпают все Иные. И как следствие, не могли энергию воспринимать. Для того чтобы быть полноценным вампиром, потреблять Силу и не разваливаться на куски от мелкой, неизбежной гибели отдельных клеток, вампирам нужны

живые клетки. Пусть даже чужие.

Ими и стала кровь. Ее легче всего сохранять живой в вампирском организме… кстати, начинающие вампиры предпочитают пить кровь своей группы, с ней им легче работать. А жажда этой крови, стремление организма не умереть окончательно и трансформировалось в тот самый вампирский Голод, с которым так много проблем. Опытные вампиры могут с ним совладать. Новообращенные — не всегда… оттого и жертвы вампиров часто гибнут, выпитые насухо, хотя реально это вампиру не требуется и лишнюю кровь он все равно отрыгнет через несколько минут… Донорская кровь спасает, но не до конца — подсознание вампира все равно требует свежей, горячей, льющейся в рот прямо из артерий…

Было еще много всяких занятных вещей, связанных с вампирами. Некоторые из них, как ни странно, просочились в человеческую среду и нашли отражение в фольклоре. Например — Мастер вампиров. Если человек обращается в вампира постепенно, а большинство все-таки идут этим путем, то запас токсина в его организме тает, и ему нужна постоянная подпитка — новые укусы. Причем укусы именного того вампира, кто его инициировал. Иначе — смерть. Сформировав-

шийся до конца вампир в этом уже не нуждается, но по понятной любому политику причине опытные старые вампиры стараются не плодить количество законченных вампиров. Куда лучше держать свою стаю на коротком поводке, иметь реальную, абсолютную власть пусть даже над небольшой горсткой нежити…

У оборотней, кстати, биология очень схожа. Только они не пьют кровь, а жрут сырое мясо. Светлые, которые предпочитают называть себя перевертышами, едят звериное мясо. Темные — человеческое. На мой взгляд, тут тоже проблема в голове, а не в физиологии — Медведь рассказывал, что никакой разницы в притоке Силы он не ощутил…

Я, кстати, не стал тогда спрашивать, при каких обстоятельствах он пробовал человечину. Ходили слухи, что он когда-то был Темным. Ходили слухи, что он воевал в человеческой армии, что партизанил в Отечественную… и даже не факт, что в Великую. Ходили слухи, что наш научный отдел долго его изучал, а с них станется провести любой эксперимент…

Не уверен, что знание делает счастливым. Как правило, гораздо блаженнее те, кто не ведает правды.

Выходит, прав был Завулон, повторяя мне библейскую истину — «многие знания, многие печали»?

Нет, так думать тоже нельзя. Абсолютно все истины не являются абсолютными.

Я улыбнулся своему мысленному софизму, потом решил, что это все-таки не софизм, а апория, точнее — почти классический «парадокс лжеца» Евбулида.

Некоторое время я размышлял о двоичной, троичной и многозначной логике, чему изрядно способствовал коньяк. Потом снова включил фильм. На экране герой убивал вампира. Вампир орал дурным голосом, изрекал туманные проклятия и упорно отказывался смириться с неизбежным.

Да о чем я вообще думаю? Кому это нужно? Парадокс лжеца и древний философ Евбулид, чья игра ума в свое время доводила несчастных греческих мудрецов до самоубийства? Кому вообще нужна логика — кроме горстки кабинетных ученых, которые превратят ее в разжеванную кашицу логических схем, из которых более практичные ученые соорудят языки программирования и математические модели, которые в итоге позволят еще более практичным про-

граммистам написать программы, которые дадут возможность совсем уж деловым режиссерам правдоподобно снять вот это вот тупое дерьмо, которое крутят в кинотеатрах и транслируют по телевидению по всему миру?

— Веселишься?

Я повернул голову, посмотрел на Арину. Кивнул:

— Да, немного. Какая все-таки потрясающая глупость — все это фэнтези.

Ведьма снова выглядела обворожительно.

— Я долго смеялась над «Ведьмой из Блэр», — согласилась Арина. — Но ты знаешь… после этого два дня спала с включенным светом.

— Ты? — поразился я.

— А чему ты удивляешься? Когда живешь одна, в лесу, в маленькой избушке, и посмотришь на ночь такие страсти…

Я только покачал головой. Хотя этот фильм я не видел, может, там и впрямь есть что-то страшное.

— Еще мне «Властелин колец» понравился, — продолжала делиться впечатлениями Арина. — Глупость, конечно, но какая чудесная сказка!

Тут я спорить не стал, у нас в дежурке «Властелин колец» крутили постоянно, это стало

каким-то ритуалом, вроде как у космонавтов — посмотреть «Белое солнце пустыни», а у всего населения страны — под Новый год включить «Иронию судьбы». Фильм не то чтобы смотрели, скорее он шел каким-то фоном… но периодически начинались горячие споры — а каким заклинанием можно было бы вот так вот раскрутить противника и закинуть на вершину башни… реально ли создать амулет, хотя бы имитирующий Кольцо Всевластия — чтобы и на носителя влиял, и уничтожить его было почти невозможно, и в Сумрак позволял входить без усилий… Как ни странно, но выход этого фильма внес кое-что новое в практическую магию — ведь всегда найдется упрямец, который не поверит, что «так сделать нельзя», и придумает, как это сделать можно.

— Тебе, наверное, все было в диковинку, когда проснулась? — спросил я.

— Конечно, — фыркнула Арина. — Ну… телевидение да компьютеры — это человеческие игрушки. Вот медицина меня удивила, да… Совсем было ведьм работы лишили.

— Совсем было? — уточнил я.

— Ну да. Хотя в тридцатые годы похуже было — пусть и врачи меньше умели, зато в знахарок

почти не верили. Молодежь — так та в лицо смеялась. Сейчас ничего, сейчас нормально. Человек первым делом к экстрасенсу или целителю побежит, — насмешливо произнесла Арина. — А уж потом рентген или анализ крови сделает. Все молодым ведьмам на пользу, и потренироваться есть на ком, и заработок хороший. Шарлатанок только развелось… хрустальный шар на стол поставят, портьеры задернут да и давай вещать замогильным голосом: «Я Элеонора, потомственная белая ведьма, целительница и предсказательница, владею картами Таро, древней тибетской магией и святыми заговорами, снимаю венец безбрачия, колдую на удачу…» И музыка зазывная играет, и лампочки разным цветом горят… А приглядишься — это всего лишь старая шалава Таня Петрова, сорок два года, выглядит на пятьдесят пять, у самой грудная жаба, молочница и вросший ноготь, раньше была комсомольской активисткой на вагоноремонтном заводе, теперь в ведьмы подалась…

Арина изобразила шарлатанку очень похоже, я улыбнулся. Сказал:

— Мы таких не трогаем. Они от Иных внимание отвлекают.

— Да знаю я, знаю, — вздохнула Арина. — Я то-

же не трогаю… почти. Так… экзему какую-нибудь на нежные места напущу… иногда, в сердцах… в воспитательных целях. Порой уж невтерпеж хочется всерьез проучить… а потом подумаешь — что ж я делаю? В аду, может, в соседних котлах вариться будем, так я-то хоть за дело, а она за глупость и жадность!

Я почесал кончик носа. Разговор становился интересным.

— Ты серьезно веришь в ад?

— А как можно верить в Бога и не верить в дьявола? — спросила Арина. Причем произнесла это так, что сразу стало понятно — Бог для нее с большой буквы, а его оппонент с маленькой.

— В котлы и сковородки? — продолжал я интересоваться. — Извини, если личный вопрос…

— Да нет, чего тут личного? — удивилась Арина. — В котлы, конечно, не верю, это фигура речи…

— А в сковородки? — не удержался я.

Арина улыбнулась.

— Тоже. Но система должна иметь обратную связь, должно быть вознаграждение за праведную жизнь и наказание за неправедную.

— Какая система?

— Взаимоотношений Творца с тварями. В смыс-

ле — с людьми и Иными. И если у людей выбор есть, так у нас, увы, нет — мы все виновны и обречены на адские муки.

Становилось все интереснее и интереснее.

— Ладно, ты веришь в Бога, это твое личное дело, — сказал я. — На самом деле это для Иных не то чтобы редкость… Но обычно придерживаются более… э… гуманной точки зрения на Бога.

— Как соотносятся Бог и гуманизм? — удивилась Арина. — Гуманизм — это человеческое. Ясно даже из названия.

— Допустим, но… Понимаешь, обычно считают, что Богу важны добрые дела людей, их поведение! Можно быть магом, Иным, но делать добрые дела…

— Противоречит правилам, — строго сказала Арина. — В Библии сказано ясно, никаких двусмысленных толкований быть не может: колдовство — это зло. «Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам, не ходите, и не доводите себя до осквернения от них…» Или вот, поконкретнее: «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник, вопрошающий мертвых, ибо мерзок перед Господом

всякий, делающий это, и за эти-то мерзости Господь изгоняет их от лица твоего…»

— Ты всегда была такая умная? — спросил я. — А чего тогда подалась в ведьмы?

— Какой выбор у крестьянской девчонки? — пожала плечами Арина. — Господин Якоб меня не спрашивал — ни когда юбку задирал, ни когда в Сумрак запихнул. А раз уж стала ведьмой, то пришлось ведьмой жить… этого не отмолишь.

— Никак? — не удержался я. — Что-то ты недооцениваешь милосердие Божье.

Арина пожала плечами.

— Может, ты и прав, — неожиданно легко согласилась она. — Только я ж не только колдовала. Бывало, что и людей изводила… начиная с Якоба, учителя моего, а это уж совсем нехорошо — учителей убивать…

— Он же тебя изнасиловал! — возмутился я. — Несовершеннолетнюю!

— Тю… — махнула рукой Арина. — Вот невидаль. Вовсе не насиловал, а совратил. Леденец сахарный дал, между прочим. Не бил почти. А что совсем девчонкой была — так время ж другое было, тогда не на паспорт смотрели, а на сиськи — есть или нет. Не колдун Якоб, так пастух Ванька или барин Евграф Матвеич попортили бы…

Она секунду подумала и добавила:

— Скорее, Ванька, не так уж я и пригожа была, чтобы барин к себе вызвал.

— А я был уверен, что ты убила своего наставника именно за насилие, — сказал я. — Помнишь… ты же писала в объяснительной? «Стервец похотливый»… как-то так…

— Стервец похотливый! — поддержала меня Арина. — А кто ж еще? Я ему и стирала, и готовила, и в постели старалась изо всех своих девчоночьих сил! А он каждый месяц — то в бордель, то какую-нибудь светскую даму соблазнит… Я реву, кулачками его колочу, а он только руками разводит и говорит: «Майн либер Арина… пойми, что мужчина по природе своей животное развратное, склонное к победам на любовном поприще… Сплю я с тобой, ибо это полезно для обучения и воспитания, но нет в тебе ни тела, ни опыта, чтобы претендовать на все мое внимание…» Я, конечно, понимала, прав он. Но тут уж вроде отъелась на ученических харчах, грудь — во! Задница — во! И мужчину уже умела ублажить любым способом. А он все ходит и ходит налево! У меня день рождения был, тринадцать исполнилось, а он этот самый день в борделе провел! Ну… я и не выдержала. Вызвала его на

дуэль, все по чести. Надеялась, что он сдастся… пощады запросит… я бы простила. А он, видать, поверить не мог, что я сильнее его стала, дрался насмерть… ну и вот…

Арина вздохнула.

— Ты надо мной не издеваешься? — спросил я.

— Нет, с чего бы? — удивилась Арина. — Светлый, ты пойми, жизнь она сложная, не черно-белая, а цветная и в крапинку. Есть, конечно, и такие, что злодеи до глубины души, а есть и праведники во всем. Но такие долго не живут. А большинство — оно разное. В людях все намешано, а мы из людей вышли, и никуда нам от этого не деться… — Арина повернулась к проходящей мимо стюардессе и с улыбкой попросила: — Милочка, а подай-ка нам какой-нибудь еды, мне — шампанского, а кавалеру моему — коньяка.

— Я не буду, — буркнул я.

— Тогда и ему шампанского, — не смутилась Арина.

Глава 7

Я был уверен, что нас начнут шерстить еще в аэропорту. Разумеется, паспортный контроль мы прошли без проблем — бдительные тайвань-

ские пограничники увидели в наших паспортах несуществующие тайваньские визы, а умные компьютеры послушно проглотили их несуществующие номера. Этим занималась Арина — я, если честно, предпочел бы просто пройти сквозь контроль невидимым или через Сумрак. Но ведьма предпочла создать фальшивые въездные документы, проворчав: «Дабы форму не терять…» В самолете нам так и не удалось поспать, зато шампанского и коньяка мы выпили с избытком, глаза устали от просмотра кинофильмов… в общем — вид был еще тот. Мне лично ничего не хотелось, кроме как ввалиться в отель и уснуть.

Вслед за паспортным мы миновали и контроль для Иных. Опять же выглядел он на удивление дружеским — дорогу нам никто не перегораживал, просто еще в коридоре на подходе к паспортному контролю мы увидели различимый лишь Иными плакат, вежливо приглашающий Иных «посетить комнату контроля». Для людей плакат выглядел куда более устрашающе — он сообщал, что на Тайване за ввоз наркотиков положена смертная казнь, и если у вас в карманах завалялось что-либо сомнительное, лучше все выбросить в заботливо поставленную под плакатом мусорку…

— Какое удивительное доверие, — сказал я, пока мы двигались к «комнате контроля». — А если бы взяли и не пошли? Выход свободен.

Арина фыркнула. Недосып и похмелье сказались на ее характере не лучшим образом.

— Не будь остолопом, чароплет. Я уверена, за нами следили с момента выхода из самолета… точнее — с самолета.

— Да с чего бы? — поразился я.

— Наша стюардесса — светлая Иная. Слабая, седьмого уровня. Но мы же и не скрывались… И правильно делали, полагаю.

Комната контроля притаилась ближе к выходу, между туалетными комнатами и ларьком с сувенирами (не представляю, кто покупает сувениры, только что сойдя с самолета, но парочка таких странных людей у ларька стояла). Мы вошли в дверь и обнаружили небольшой и вполне уютный зал, с мягкой мебелью, крошечной барной стойкой, собственным сортиром и столом администратора (который по-русски обычно именуют ресепшеном, приделывая к английскому слову русское окончание). Честно говоря, в данном случае получившийся двуязычный уродец был бы предпочтительнее — двух милых девочек за столом никак не хотелось называть «админи-

страторами». Слишком уж казенное это слово в русском языке. Девочкам было от силы по двадцать лет, выглядели они еще моложе, обе были миленькие и улыбчивые — только одна Светлая, а другая — Темная.

Причем и в буквальном смысле — у одной были изрядно обесцвечены волосы.

В общем-то никто и не скрывал, что за нами наблюдали. Когда мы вошли, светленькая девочка как раз заканчивала наливать второй бокал шампанского. Арина усмехнулась, взглядом указывая на бутылку — я всмотрелся и понял, что это тот же самый сорт, что нам наливали в самолете.

— Приветствуем вас на земле Тайваня, — тем временем сказала темненькая, склоняясь в полупоклоне. — Выбрали ли вы гостиницу, в которой остановитесь, уважаемые Великие?

— «Шангри-Ла», — ответила Арина, принимая бокал.

— Вот карточка с адресом, которую нужно показать водителю. — Темненькая протянула ведунье бумажный прямоугольник. — К сожалению, не все водители знают английский язык…

— Мы Иные и можем… — начал было я, поражаясь нелепости ситуации — ведь мы разговаривали на китайском.

— Если вы заговорите на гойю или тайваньском, водитель очень смутится. На карточке указана приблизительная стоимость поездки до гостиницы в новых тайваньских долларах. Если водитель потребует с вас большую сумму, заплатите, а потом сообщите об этом по указанному телефону.

— И что будет? — полюбопытствовал я.

— Его уволят, — прощебетала девушка. — А деньги вам вернут. Чувствуйте себя спокойно и радостно на гостеприимной земле Тайваня!

— Нам надо заполнить какие-нибудь бумаги? — спросил я.

— В этом нет необходимости, господин Городецкий, — ответила девушка на русском языке. Причем не просто на русском, освоенном магическим образом. В ее голосе было чуть-чуть, в самую меру для пикантности, акцента — и совершенно явный московский выговор.

Интересно, если бы я был из Питера, меня встретила бы девушка, стажировавшаяся там?

С некоторым смущением я отпил шампанского, принял карточку, слегка поклонился девушке (и откуда взялись такие манеры?), после чего мы с Ариной вышли.

— Хорошо работают, — одобрительно сказала

Арина.

— Мне нравится их подход к таксистам-хапугам, — кивнул я.

— Разумеется. Хотя надо заметить, что зачастую один такой таксист, работающий в Тайбэе, кормит половину своей горной деревушки. Искушение ободрать туриста велико… но я согласна. Обижать туристов нехорошо. Особенно если туристы — это мы.

— А ты заметила, что у них не просматривается уровень Силы? — спросил я. — Конечно, я активно не сканировал…

— У Светлой — третий, — высматривая машину, ответила Арина. — А Темная молодец, хорошо закрывалась, у нее какой-то интересный амулет из водорослей и рыбьей кожи… я ее тоже не пробила… Пошли, вон стоянка такси.

* * *

Насчет аэропорта я ошибся. Серьезный разговор нас ждал в гостинице.

Мы заселились в соседние номера (Арине хватило деликатности не предлагать поселиться вместе), я с любопытством оглядел номер, постоял минуту у огромного, во всю стену, французского окна, за которым наливался огнями вечерний

Тайбэй. Зрелище было потрясающее. И вовсе не из-за небоскребов, хотя прямо перед гостиницей вонзался в небо почти пятисотметровый небоскреб, некогда самый высокий в мире, похожий одновременно и на китайские пагоды, и на какой-то экзотический фрукт. В Нью-Йорке, Шанхае или Гонконге небоскребов побольше.

Здесь потрясал контраст. Тайбэй был городом не слишком высотным, повсюду тянулись целые кварталы зданий не выше трех-четырех этажей. Казалось бы, отдельные высотные здания должны выглядеть здесь чужеродно.

Но контраст был на удивление гармоничным. Старый, жмущийся к земле город казался подлеском, из которого вырастали небоскребы. Невысокие и не слишком-то современные здания совершенно не стеснялись своего вида — напротив, будто гордились тем, что из них поднимаются сверкающие современные строения…

Мне невольно вспомнились шумные кампании протеста, которые бурлили в Санкт-Петербурге, когда там задумали построить небоскреб. Все эти истеричные вопли о порушенной культурной среде, об искажении чудесной линии горизонта, о том, что под небоскребом могут быть похоронены уникальные руины семнадцатого века, а может

быть, даже стоянки первобытных людей…

Нет, конечно, питерский менталитет — он особенный, взращенный болотами и сырым, пронизывающим ветром. Но я бы с удовольствием отправлял всех митингующих пожить месяц-другой в старой питерской коммуналке с заплесневелыми стенами и узенькими оконцами. А уже потом предлагал им проголосовать — надо ли и можно ли строить в старинном городе современные здания.

Ведь любовь к своей стране — она не только в том, чтобы сохранить побольше старинных развалюх. Иначе Северная Америка жила бы в индейских вигвамах и бревенчатых домах первых поселенцев; Лондон сплошь состоял бы из викторианских и эдвардианских зданий, таких милых взгляду туриста, но не очень-то удобных внутри; ну а про Африку и Азию можно вообще не говорить…

Я смотрел на растущие небоскребы и думал, что начинаю чуть больше понимать китайцев. Что живущих на материке, что на острове.

И даже немного завидую.

Открыв чемодан, я достал чистое белье, прошел в ванную комнату. Все было очень стильно. Даже маленький телевизор стоял на полочке рядом с

раковиной. Дорогая штука, все эти телевизоры для ванных комнат нуждаются в изоляции от влаги и стоят бешеных денег. Я когда-то хотел такой в ванной повесить, чтобы смотреть новости, пока умываюсь, бреюсь и чищу зубы, но цена меня изрядно смутила…

Я приподнял телевизор — он был совсем миниатюрный, дюймов двенадцать, легко можно взять одной рукой. Повернул.

Сзади, за обычным дырчатым пластиковым кожухом, поблескивали микросхемы. Это как же так? Постояльцы моются, расплескивают воду, принимают горячий душ, заполняя ванную клубами пара, — а тут стоит неизолированный телевизор? Да он же сгорит! Может, год выдержит — и сгорит! Почему же не поставили дорогой, но специальный?

Да по той же причине, почему не сносят старые дома, пока они не разваливаются сами, шепнул мне внутренний голос. Специальный телевизор будет стоить две тысячи долларов. Такой вот — от силы сто. Не проще ли менять его раз в двадцать лет, чем вкладываться в стремительно устаревающую технику?

Я поставил телевизор на место, включил Би-би-си и полез под душ, понимая, что опять понял

что-то занимательное и при всей своей простоте безумно далекое от нашего российского менталитета. У нас бы телевизора не было, или был бы, но безумно дорогой, и цена номера взлетела бы раза в полтора. У нас не любят одноразовых вещей. У нас еще помнят, как чинить нейлоновые колготки, стирать пластиковые пакеты и ходить за молоком с бидоном. У нас пустой коробочке из-под йогурта найдут массу применений — начиная от выращивания рассады и кончая емкостью для хранения мелочи.

В чем-то тут Россия невольно оказалась идущей в ногу с западными странами, внезапно помешавшимися на экологии, экономии и вторичном использовании ресурсов. Но только не из-за популярности «зеленых» движений, а из-за многовековой привычки экономить. Но вот только у нас, как это часто бывает, все доводят до крайностей, притом в обе стороны — одни и те же люди штопают чулки и покупают дорогущие машины и бытовую технику…

Интересно, это все-таки наш плюс или минус, поливая себя из душевой лейки, думал я. Вот возьмем этот душ. Лейка не дешевая, скорее — дорогая, с тонюсенькими дырочками для воды и клапаном подсоса воздуха. Баловство? Не совсем.

В этом душе воды утекает раза в два меньше, чем в моем, в Москве. А то, что вода стоит денег, и немалых, мы поняли только сейчас — никто не ценит то, что имеет в избытке, так и мы, русские, никогда особо не ценили и не берегли свои леса, реки, природу… да и самих себя в общем-то. Анекдот «Этих детей отмоем или новых нарожаем?» — это ведь тоже про нас, только детей-то мы все-таки бережем… а вот себя — нет. Что же должно с нами случиться, чтобы мы поняли — надо беречь то, что мы имеем, каждое дерево в бескрайнем лесу, каждую речушку, что и на карту-то не наносят, каждое село в пять дворов, каждого солдата, призванного в армию, каждого обывателя, уныло тянущего свою лямку… Что нас должно и может изменить? Нас не изменил коммунизм — он ценил людей больше на словах, да и то не всех, да и то лишь как винтики единого механизма. Нас не изменила демократия, она, напротив, дала всем свободу ненавидеть друг друга. Что же нам нужно? Может быть, как евреям тысячи лет назад — только боль и смерть, потеря государства и расселение по миру, презрение других народов и гонения — может быть, только это позволит русскому этносу опомниться и вновь собраться воедино? И собраться уже не

так, как собирался раньше — не считая потерь и не признавая цены за победу? А на каком-то другом уровне? Всем великим народам рано или поздно приходится проходить через катастрофы, через свои национальные холокосты… это помнит Китай, умирающий от опиума и раздираемый на части, это помнит Германия, прошедшая через поражение в двух войнах и позор нацизма, это должна бы помнить и Россия, прошедшая сквозь братоубийственные революции и жестокие войны…

Но почему-то не помнит.

Я выключил воду, посмотрел на бормочущий телевизор.

Вот зато чего мы, русские, никогда не упустим — так это из-за любой ерунды вроде дешевого телевизора или душевой лейки предаться размышлениям о судьбах Отчизны и мироздания. Это у нас всегда хорошо получается.

Обтеревшись и набросив халат, я вышел из ванной комнаты. И тут же тихонько звякнул звоночек у двери.

Почему-то я был уверен, что это не Арина.

И, в общем, даже не собирался ломать комедию и интересоваться, кто ко мне пожаловал.

— Прошу вас, господа, — сказал я, открывая

дверь.

Господ оказалось двое — молодой мужчина, пожилой мужчина. А еще была дама средних лет.

Все трое были Иными, причем все Светлыми. Ауру они вежливо не маскировали. Пожилой мужчина — волшебник, четвертый уровень. Молодой мужчина — волшебник, второй уровень. Женщина — предсказательница, первый уровень. Ого. Не думаю, что в тайваньском Дозоре полным-полно первых и вторых уровней Силы. Значит, к моему неофициальному визиту отнеслись со всей серьезностью и подобающим уважением.

— Вы позволите войти, Антон Сергеевич? — вежливо поинтересовался молодой мужчина. И, не дожидаясь разрешения, продолжил: — Вы можете звать моего спутника Уважаемый господин Паша, мою спутницу — Уважаемая госпожа Лена, а меня — Петя.

— Проходите, Паша, проходите Лена, ну и вы, Петя, тоже проходите, — ответил я и посторонился. Разумеется, русские имена были традиционной китайской данью вежливости — американцу они бы представились как Джон, Джим и Джил, к примеру. — Ничего, что я в халате? Помылся с дороги.

— Это очень хорошо, — одобрил Петя, пока его спутники входили и рассаживались в кресла. Я вдруг только теперь понял, что в номере явно многовато кресел — целых четыре. Даже было заметно, что два из них чуть-чуть отличаются цветом обивки и стоят на не слишком удобных местах, в проходе. — В здоровом теле — здоровый дух.

— Как говорят у нас, в России, «на самом деле — одно из двух», — кисло пошутил я.

— Ошибаются, — сказал Петя, дожидаясь, пока я сяду. Я сел и мысленно выругался — хотелось принять нарочито небрежную позу, заложить ногу за ногу, но в халате это было невозможно.

На что, конечно, и был расчет.

Ладно, потерпим. Не будем мудрить, превращая халат в костюм или телепортируя на себя собственную одежду. Это будет слишком нарочито.

Убедившись, что все расселись, Петя и сам присел на край кресла. Посмотрел на Пашу. Поинтересовался:

— Удачным ли был ваш перелет? Не возникло ли проблем в дороге? Понравился ли вам аэропорт? Успели ли вы насладиться архитектурой и колоритом Тайбэя?

— Да, нет, да, нет, — ответил я. — Как здоровье

моих уважаемых гостей? Ликвидированы ли последствия недавнего тайфуна? — Честно говоря, я не знал, когда тут был тайфун и насколько сильный, но они на Тайване непрерывно случаются. — Не шалят ли Темные?

Пожилой мужчина неожиданно улыбнулся.

— И виды на урожай риса и чая у нас тоже хорошие, — кивнув, произнес он. — Хорошо, Антон, оставим пикировку. Визит сотрудника русского Дозора такой силы — заметное событие на нашем маленьком тихом острове. Мы хотели бы поинтересоваться, что привело к нам вас… и вашу столь неожиданную спутницу.

Я помолчал.

Почему-то мы с Ариной совершенно не обсуждали такую ситуацию — хоть и понимали, что без внимания наш приезд не останется.

— Это не командировка, — сказал я. — Это частный визит.

Пожилой кивнул и выжидающе посмотрел на меня.

— В Москве произошли некоторые события… некоторое время назад… — осторожно продолжил я.

— Мы знаем, — сказала женщина. Но уточнять ничего не стала.

— Поскольку я оказался лично к ним причастен, я глубоко переживал случившееся, — ловя себя на каком-то азиатском построении фразы, продолжил я. — Встретившись в Лондоне с уважаемой ведуньей Ариной, я услышал от нее, что эта история, как часто бывает, уже когда-то случалась… и многоуважаемый господин Фан Веньян, служащий в Императорском музее «Гугун»… Национальном Императорском музее «Гугун»… — поправился я, — может пролить свет на ту давнюю историю…

Тайваньцы переглянулись.

— Ваша спутница разыскивается Инквизицией и вашим собственным Дозором, — сказал Паша. — Вас это не смущает?

— Как Высший Ночного Дозора я имею право на выбор тактики своих действий, — осторожно сказал я. — К тому же в данный момент наши с ней интересы совпадают. Ну а что касается Инквизиции… я, увы, не могу гарантировать задержание ведуньи Арины. Она владеет Минойской Сферой и в любое мгновение может исчезнуть в неизвестном направлении. Телепортацию с помощью этого артефакта нельзя прервать или отследить, — на всякий случай добавил я.

— Мы в курсе, — кивнул Паша. — Мы призна-

ем… ваше право на визит.

— И ваше право на выбор тактики, — добавила Лена.

— И на разговор с господином Фан Веньяном, — вставил и свои три копейки Петя.

— Но любое несанкционированное использование магии против Иных или людей Тайваня будет караться со всей строгостью закона, — продолжил Паша.

— Даже если вы будете спровоцированы, в опасности или лишь косвенно виновны, — уточнила Лена.

— Господин Фан Веньян сам примет решение, общаться с вами или нет, — вы не должны ему докучать, — присовокупил Петя.

Что ж, все справедливо. Честность оказалась лучшей политикой.

Помедлив, я кивнул:

— Благодарю вас, коллеги. Я не надеялся и не рассчитывал на столь радушный прием и великодушные условия. Разумеется, мы не собираемся нарушать ваши порядки и обычаи, равно как докучать или иным образом беспокоить Иных и обычных граждан Тайваня.

Паша улыбнулся.

— Мы все граждане Тайваня, господин Горо-

децкий. В том числе и Иные, Светлые и Темные. Позвольте еще раз приветствовать вас на нашем острове и… в вашей сумке я чувствую несколько артефактов, один из которых вызывает у меня особый интерес. Могу ли я его осмотреть?

Особый интерес?

В чемодане у меня ничего магического нет, разве что сам чемодан заколдован. В сумке… так, там расческа, подаренная Светланой на день рождения, ничего особенного, просто чтобы волосы хорошо росли и прическа держалась… несколько пузырьков лечебных зелий, от нее же… магический эквивалент обезболивающих и антацидов… самый обычный серебряный перстень с кусочком янтаря, где накоплено немного Силы, — тоже подарок, только это дарила Ольга после одной операции… ничего необычного, такие кольца носит каждый второй Иной…

— О каком артефакте речь? — уточнил я.

— Он имеет вид кубка, — любезно пояснил Петя.

Вот оно что…

Я прошел к сумке, достал кубок Эразма и протянул Пете. Тот убрал руки за спину.

Кубок взял Паша, деликатно сделав вид, что не заметил мою оплошность. Или это не было

оплошностью? Кому я должен был подать артефакт — самому сильному из них, в знак уважения, или самому слабому, чтобы тот проверил его на опасность и передал начальнику?

Как же трудно с этими китайскими правилами вежливости!

Паша взял кубок, покрутил в руках. Потом посмотрел на меня.

— Вы знаете, как им пользоваться, Городецкий?

— Нет.

— А вы уверены, что хотите это узнать?

— Да, — ответил я не колеблясь.

Но Паша ничего не стал мне объяснять. Смотрел на кубок, поглаживал его сухим цепким пальцем, будто вел беседу… Может быть, он досказатель? Редкая специализация — извлекать информацию из прошлого, используя предметы…

Потом Паша посмотрел на Лену. Та пожала плечами. Потом на Петю. Тот кивнул.

— В этом сосуде горечь и печаль, Городецкий, — сказал Паша. — Ты должен это знать, если захочешь из него испить.

— Мы знаем, как пробудить пророчество, — подтвердила Лена. — Это просто.

— Но мы не скажем этого тебе, — заключил

Петя. — Мы не хотим быть ответственны за возможные последствия.

Они поднялись одновременно и направились к дверям. Первым вышел Петя и встал в коридоре, придерживая дверь, потом Лена. Паша задержался на миг и посмотрел на меня. То ли с симпатией, то ли с сочувствием.

— В Европе принято думать, что всегда и везде есть как минимум два пути, причем один из них — хороший. Мы, в Азии, знаем, что путей может не быть вообще, а может быть бесчисленное множество. Но это не значит, что хотя бы один путь окажется хорошим.

— Я в России живу, — ответил я. — Это и не Европа, и не Азия. Путей у нас вообще нет, только направления, но нас это никогда не смущало.

Паша приподнял бровь, обдумывая мои слова. Потом улыбнулся, кивнул и вышел.

Дверь за ним закрыл Петя.

Сбросив халат и торопливо одевшись, я уже через минуту стучался в соседний номер. Дверь со щелчком открылась, хотя Арина стояла у окна, глядя на Тайбэй.

— К тебе заходили? — спросил я.

— Только что вышли, — ответила Арина не оборачиваясь. — Паша, Лена и Петя. Четвертый,

первый, второй уровень, Светлые.

— Забавно, у меня тоже были они, — сказал я. — И тоже только что вышли.

— Детские фокусы, — обронила Арина пренебрежительно. — Полагаю, разговор у нас состоялся также идентичный.

— Наверное, — согласился я. — Тебя не пытались арестовать?

— Я объяснила, что это бесполезно, — ответила Арина. — Впрочем, они и сами это видели… Ну что… пойдем к Фану?

— Я отведу тебя в музей, сказала мне сестра, — пробормотал я. — Стоит так спешить? Я бы предпочел нормально поесть, отоспаться, а встречаться уже завтра.

— Давай, — легко согласилась Арина. — Тут несколько хороших ресторанов, прямо в гостинице. Или можно поехать в город… Я тебе уже говорила, что тут не отравишься?

— Говорила, — ответил я. — Тебя что-то печалит?

Арина посмотрела на меня и снова повернулась к окну.

— Время, Антон, время… Я смотрю, как изменился город. И понимаю, как изменилась сама. Старая карга, которая выглядит молодой… креп-

кая, здоровая, вечная, но — старая карга.

— Мне жаль, — сказал я. — Почему у вас, ведьм, все именно так? Иной, если у него хотя бы пятый уровень, может поддерживать свое тело молодым…

— Мы ведьмы, — ответила Арина, будто это было объяснением. Помолчала и все-таки добавила: — Мы берем Силу чуть иначе. Берем ее от земли, ветра, рек… Природа не умеет быть вечно юной, Антон. Природа была древней, когда люди еще не отличались от животных. Горы стареют и осыпаются, реки меняют берега, землю уносит ветер… Так и мы. Наверное, теоретически бессмертны — как все Иные. Но стареем, хоть и медленно. Очень обидно, чароплет… я вспоминаю, как в этом самом городе пила сладкое сливовое вино и целовалась с любовником… одним из тысяч, которые у меня были. Но я тогда была еще молодой. И город был другим. И жизнь казалась ярче.

— Но разве он стал хуже?

— Даже Москва хуже не стала, а уж как старались последние годы, — фыркнула Арина. — Нет, не хуже, просто чужим. И от этого щемит мое старое сердце.

Мне стало неловко, будто я невольно заглянул

в щелочку и увидел что-то, вовсе мне не предназначенное.

— Пойдем отведаем китайских деликатесов, — встряхнувшись, сказала Арина и отвернулась от окна. — Потом я намерена посетить спа-салон, но ты вряд ли составишь мне компанию?

— Да уж вряд ли, — кивнул я.

— А то смотри, тут предлагают скидку на двоих, — усмехнулась Арина. — Джакузи с видом на ночной город, массаж, ароматные масла…

— Уйди, развратница, твои противны ласки… — продекламировал я, переиначивая Козьму Пруткова. И тут же сообразил, что в данном случае это было более чем неуместно.

— Не так, Антон. «Отстань, беззубая! Твои противны ласки! С морщин бесчисленных искусственные краски, как известь, сыплются и падают на грудь. Припомни близкий Стикс и страсти позабудь!»

— Извини, — пробормотал я.

— Ничего, — усмехнулась Арина. — Я не греческая старуха, а самая что ни на есть русская. Да, старуха. Но со своими зубами, хочу заметить! А с выводом не спорю: «Сожженной в порошок, тебе бы уж давно во урне глиняной покоиться должно».

— Арина, я приношу свои извинения.

Арина снова ухмыльнулась.

— Да ладно. Спасибо, напомнил мне Володю…

— Какого Володю?

— Ну не Путина, конечно. Жемчужникова Володю, поэта…

— Одного из авторов Пруткова? — Я всмотрелся в мечтательную улыбку Арины. — У тебя что, и с ним роман был?

— Про персоны известные и исторические я анекдотов не рассказываю, — отрезала Арина. — Не так воспитана. Могу рассказать про одного графа, не называя его имени, вот был затейник! Приехал раз ко мне в экипаже, абсолютно голым и с букетом белых роз преогромнейшего размера. Ну, кучера-то он, понятно, не стеснялся, а я жила уединенно. И входит без доклада — а у меня как раз его жена сидит, мне же и жаловаться пришла на распутство мужа…

— Убежден, что это не могло быть случайным совпадением, — негромко заметил я.

— Ну так что придумал, затейник, когда оценил конфуз, — продолжала Арина. — Букет к ногам жены бросает и, не глядя на меня, кидается на супругу, аки дикий зверь. И кричит: «Что ты со мной сделала? Приворожила! Только о тебе думаю, в

карете одежды сорвал!» Та, дуреха, поверила. С пальца сняла перстень с чудесным рубином, мне в ладонь вкладывает, шепчет: «Спасибо, волшебница!» Мужа в скатерть завернула и потащила домой. Ну а он мне, понятное дело, на следующий день браслет в пару к перстню прислал… сам уж не являлся, кобелина.

Довольная своим рассказом, Арина умолкла.

— Еще раз убеждаюсь, что ведьмы смотрят на мир под своеобразным углом, — сказал я.

— Не ведьмы, а женщины, не на мир, а на мужчин, — усмехнулась Арина. — Ладно, идем. Не буду тебя соблазнять, тем более на тебе заклятие, женой наложенное…

— Ты уже признавалась, что это вранье, — заметил я.

— Да? Совсем стара стала, — вздохнула Арина.

Глава 8

В чемодане среди чистого белья я нашел плавки и некоторое время их задумчиво разглядывал.

В общем-то Тайвань никогда не был в моих представлениях морским курортом. Но ведь это же остров. И на юге.

Неужели Света предчувствовала, что я доберусь

до моря? Интересно, как оно здесь называется — Желтое, Китайское, Японское… До сих пор мне удавалось поплавать только в Черном и Средиземном.

Но как-то сомневаюсь, что судьба подкинет мне такой приятный сюрприз… Гостиница, музей, вот все мои развлечения…

Гостиница! Ну конечно же. Это ведь пятизвездочный отель, а значит…

Через пару минут я стоял в лифте, одетый в халат поверх плавок и отельные тапочки. А еще через две минуты лежал в прохладной воде и смотрел в небо.

Бассейн в отеле был на крыше. Огромный, глубокий и совершенно пустынный — то ли ранний час, то ли занятость всех без исключения постояльцев были тому виной. Только в круглой чаше джакузи, врезанной в угол бассейна, возлежал толстяк европейской внешности и благодушно взирал на меня. Наверное, правильно было бы начать носиться по водной глади, вспарывая ее бодрым кролем, упорным брассом или энергичным баттерфляем. Может быть, мой пример заставил бы упитанного постояльца заняться спортом, обрести прекрасную фигуру и в итоге полностью изменил бы его жизнь.

Но я и сам умел плавать только одним стилем, который в мое детство называли «лягушачьим», а по сути был самым примитивным брассом, известным человечеству со времен неолита.

К тому же мне было лениво.

Я поплескался в бассейне, глядя в чистое голубое небо. Начало сентября на Тайване достаточно жаркое время, да и дожди случаются часто. Но сегодня утром было на удивление прохладно и одновременно солнечно.

Хорошо бы задержаться здесь на несколько дней… Или нет, лучше приехать сюда с женой и дочкой. Посмотреть на чужую природу, культуру, попробовать местные блюда, действительно искупаться в море… Как жалко, что Светлана не хочет возвращаться в Дозор. С ее способностями…

Я вздохнул и выбрался из воды. Пора завтракать и искать Арину; вряд ли ведьма настроена спать до полудня.

В музей мы поехали на такси, хотя я и предлагал ознакомиться с тайваньским метрополитеном. Он располагался за городом, и мы ехали по какой-то скоростной трассе, минуя и новые, и старые кварталы. Я с любопытством смотрел в окно.

— Тебе надо больше путешествовать, Городец-

кий, — сказала Арина, поглядывая на меня. — Иначе в командировках внешнее будет отвлекать тебя от сути.

— Все как-то не складывается, — признался я.

— Бери пример с начальства, — продолжала Арина. — Вот Гесер, к примеру. Родом с Тибета. Работал на территории современного Китая и Индии. Потом — в Европе, в Голландии.

— Да? — удивился я.

— Конечно. Давно, правда. Потом перебрался в Россию. Питер, Москва… Осел в Средней Азии. Теперь снова в Москве. Интересно, куда его занесет дальше.

— Мне кажется, Гесер уже охладел к перемене мест.

Арина рассмеялась.

— Ну что ты, Антон. Пока работать интересно, Гесер сидит на месте. А потом — уходит.

— У нас ему скучать некогда, — буркнул я. Сама мысль о том, что Гесер может уехать из Москвы куда-нибудь во Францию или Китай, назваться Антуаном Гесером или Ге Се Ро, казалась полной дичью.

— Пусть так, — легко согласилась Арина. — Пусть так…

Наша машина с водителем-тайваньцем, мол-

чаливым, но постоянно оборачивающимся и дружески улыбающимся нам, миновала какой-то туннель, свернула направо. Мы подъехали к музею, точнее, к парковочной площадке, за которой начинался парк, а уже дальше на фоне холмов виднелись здания — современные, но в традиционном китайском стиле, с крышами-пагодами, желто-бирюзовых цветов.

Арина расплатилась с водителем, что-то коротко сказала ему, вызвав одобрительный смех, мы купили входные билеты и двинулись через парк по широкой аллее. Посетителей было изрядно — и туристы-европейцы, и туристы-азиаты, и сами тайваньцы — в первую очередь представленные школьными экскурсиями.

— Надеюсь, господин Фан сегодня на службе, — сказал я. — И что нам не придется обойти весь музей в его поисках… хотя… в общем-то я не против посмотреть на сокровища. Не знаешь, магических артефактов среди них много?

— Не очень, — покачала головой Арина. — Китайцы традиционно разделяли прикладное искусство и магию. Самые интересные их магические артефакты выглядят абсолютно банально… палочки для еды, к примеру, невзрачный веер, или свиток из бамбуковых планочек…

Я вдруг заметил, что навстречу нам целеустремленно движется молодой китаец. Не то чтобы поток шел исключительно внутрь музея, но этот парень явно нацеливался на нас.

— А это не Фан? — спросил я.

Ответить Арина не успела. Парень остановился перед нами, едва заметно склонил голову:

— Господин Антон, госпожа Арина. Господин Фан Веньян просит вас ожидать его в парке «Чжишаньюань», в Беседке Орхидей. Господин Фан Веньян считает, что красота этого места благотворна и воодушевляюща для столь лестной для него встречи. Господин Фан Веньян просит вас следовать за мной.

Говорил юноша по-китайски, а ко всему еще и не был Иным. Еще раз поклонившись, он двинулся по аллее, даже не глядя, следуем ли мы за ним.

Мы с Ариной переглянулись.

— А еще господин Фан Веньян считает, что в случае каких-либо непредвиденных ситуаций им лучше случиться в парке, а не в здании, среди драгоценных экспонатов, — усмехнулась Арина. — Что ж, невежливо отвергать приглашение…

Свернув с аллеи, мы двинулись направо, в

парк. Честно говоря, это было не менее занимательно — парк был разбит вокруг прудов, по всем правилам искусства (не знаю, приложимо ли здесь затасканное слово «фэн-шуй», но какая-то четкая структура в планировке явно была). Пруды покрывали цветы, в которых я с некоторым сомнением признал лотосы. Пастораль была настолько идиллическая, что казалась ненатуральной: то ли ожившей картиной, то ли какой-то виртуальной реальностью из фантастических книжек.

Метров за двадцать от красивой беседки — действительно утопающей в орхидеях и выполненной, разумеется, все в том же китайском стиле — юноша остановился. Посмотрел на нас и серьезно сказал:

— Дальше я идти не могу, простите.

Я понимал, почему он не может провожать нас дальше. Над беседкой висела «сфера невнимания» — одно из простейших, но абсолютно эффективных в отношении людей заклинаний. Беседку в принципе гуляющие продолжали видеть, но взглядов на ней никто не задерживал и подойти ближе не пытался. Незатейливый, но действенный способ избавиться от лишних глаз и ушей.

— Спасибо, — сказал я, и мы с Ариной прошли в беседку.

К беседе все было подготовлено. Стоял изящный столик, на котором дожидался нас чайник, чашки, засахаренные фрукты и еще какие-то местные сладости. На скамейки были заботливо подложены мягкие красные подушечки. Помимо «сферы невнимания» я обнаружил еще пять заклинаний, все — для предотвращения подслушивания и подглядывания со стороны Иных, еще одно от людей — только не отвлекающее внимание, а мешающее произвести фото или видеосъемку, и одно непонятной структуры. Вначале я заподозрил, что оно влияет на психику сидящих и их зрение, но немного разобравшись, понял, что оно достаточно безобидно. Весь его эффект заключался в том, чтобы и без того замечательный вид вокруг был еще замечательнее, а также пробуждал в душе легкую грусть и умиротворение при виде природы. Я подумал и позволил заклинанию подействовать на меня. Очень изящная и приятная магия.

— Вот затейники, — беззлобно сказала Арина, оглядывая беседку. Она явно занималась тем же, чем и я, — распутывала сеть заклинаний. — Сколько углядел?

— Два от людей, пять от Иных, одно для нашего удовольствия. Очень забавное заклинание, все такое китайское… на воздух, воду и землю…

— Верно, — с заметным огорчением признала Арина, искоса поглядывая на меня. — Так и есть. Хороший ты чароплет, Антон…

— Спасибо.

— Не говори спасибо, когда ведьма хвалит… — неожиданно сказала Арина. — Примета плохая.

Я посмотрел на нее.

— Нервничаешь?

Арина кивнула.

И в этот момент откуда-то из-за деревьев появился и направился к нам пожилой тайванец. Невысокий, плотный, улыбчивый — он походил на какую-то из инкарнаций Будды. Светлый, четвертый уровень Силы, похоже, ни на какой стороне магии не специализируется, практикует все понемножку…

— Господин Фан… — Я встал, поклонился. Арина, к моему удивлению, тоже поднялась и вполне искренне склонила голову.

— Оставьте-оставьте! — замахал руками Фан. — Не надо этих восточных церемоний! Поверьте, это все излишне, мы цивилизованные Иные, живем в двадцать первом веке…

Он поднялся в беседку, крепко пожал мне руку, приложился губами к ладони Арины, потом с искренним удовольствием огляделся.

— Ах, как я люблю это место! И так редко выпадает возможность просто посидеть в тишине и покое в приятной компании… Вы будете пить чай? Мы, тайваньцы, помешаны на зеленом чае. А у вас больше пьют черный, верно? С молоком? Или это англичане с молоком?

— У нас пьют и зеленый, и черный, и с молоком, и с лимоном… — сказал я.

— С молоком и лимоном? — Лицо Фана передернулось. — Одновременно?

— Нет, ну что вы. — Я невольно начал расслабляться. — Либо так, либо эдак. У нас все очень по-разному.

— Прекрасно! — расцвел Фан. — Это взаимообогащение культур, влияние и слияние обычаев, это чудесно. Мне вообще очень нравится Россия, я люблю читать Достоевского и смотреть русские фильмы.

Последнюю реплику я все-таки счел восточной вежливостью и не стал интересоваться, какие русские фильмы он видел. Мы сели, и господин Фан самолично налил нам чай.

— Что привело вас на Формозу в эти прекрасные

дни начала осени? — продолжал Фан. — Помимо простого интереса к нашим краям? Нет-нет, не отвечайте, позвольте мне догадаться самому!

Мы позволили. Фан несколько мгновений размышлял, крошечными глотками отпивая чай, потом воскликнул:

— Я понял! Тигр! Я слышал о той схватке, которую выдержал московский Дозор!

— Тигр, — признал я. Честно говоря, та жизнерадостная комедия, которую разыгрывал Фан, была немногим лучше, чем столь же комедийно обставленный визит в гостиницу. Но она все-таки смотрелась как-то веселее и жизнерадостнее.

— Ужасное… э… существо, — сказал Фан. — Не уверен, что слово «существо» подходит, вряд ли Тигр имеет сущность в нашем понимании. Но ведь надо как-то его называть?

— Вы уже сталкивались с ним, — сказала Арина. Это не было вопросом, но Фан закивал головой.

— Да, да, да… Старая и тяжелая история. Восемьдесят с лишним лет назад… — Он на миг замолчал, и сквозь напускную веселость проступило что-то искреннее. — У меня был друг. Очень хороший друг, мы были неразлучны. В наше время сочли бы, что мы любовники, а тогда это никому и в голову не приходило… включая

нас самих. Но в духовном плане мы были очень близки, ближе чем супруги или братья.

Фан отставил чашечку и посмотрел на Арину.

— Он был пророк, и его первое предсказание слышал только я. Часто пророки забывают то, что пророчат, и вспоминают только через какое-то время. Но Ли помнил свое пророчество. Так что мы могли его обсудить вдвоем… и решить, что делать. Ли очень переживал, что я тоже услышал пророчество и потому был обречен стать жертвой Тигра.

— Вы не думали рассказать пророчество людям?

— Нет, — сказал Фан. — Не думали. Его не слышал ни один человек… да и ни один Иной. Когда придет мой срок, я унесу его с собой в Сумрак и похороню там.

— Понятно, — кивнула Арина. И, помедлив, добавила: — Время было тяжелое.

— Не бывает легких времен, — уточнил Фан.

— Само существование Поднебесной как единого государства вызывало сомнения.

— Поднебесная ныне разделена, — сказал Фан.

— Но, наверное, мог быть и худший вариант? — вкрадчиво спросила Арина.

Фан налил себе еще чая. Потом сказал:

— Мы знали, что если пророчество останется с нами, то придет Тигр. Летописи хранят предания… и мы догадывались, почему некоторые пророки предпочитали умереть, никому не сказав, что они увидели в грядущем. Мы не хотели умирать. И мы стали искать выход…

— Самый простой выход — изменить пророчество, — сказала Арина. — У меня тоже был такой случай. Он грозил… очень нехорошим будущим для России. Мы поведали пророчество людям, а потом я сделала так, что оно не сбылось.

— Значит, это было не пророчество, а предсказание. — Фан пожал плечами. — Озвученное людям пророчество нельзя отменить. Оно сбудется.

— Это было пророчество, и я его изменила! — твердо сказала Арина.

Фан на мгновение задумался. Потом посмотрел на Арину каким-то другим взглядом.

— Мне очень жаль, уважаемая госпожа Арина. Но пророчество, пришедшее к людям, сбывается всегда. Единственное, что можно сделать, — это отсрочить его, уничтожив самый ближний и явный путь его реализации. Но пророчество, не случившееся вовремя, только накопит свою силу — и ударит снова, даже с большими последствиями. Мне очень жаль.

У Арины дернулось веко. Потом на щеках проступили красные пятна.

— Это чушь!

— Увы, госпожа Арина. Как вы понимаете, в свое время я очень хорошо изучил этот вопрос. Более того, я продолжил его изучение позже. Вот уже восемьдесят лет я собираю всю доступную мне информацию о пророчествах, Тигре, возможностях изменить пророчество…

— Вы не можете знать все! — Чуть ли не в первый раз я увидел, что Арине изменяет выдержка. — Вы не знаете моего случая! Пророчество не случилось и не случится!

— Я не знаю, что вы в свое время услышали и что сделали. — Фан склонил голову. — И не смею спрашивать, хотя… если вы поделитесь со мной, я буду признателен. Но спросите саму себя — возможно ли ныне то, что вы пытались предотвратить?

Повисла тишина, только пели в парке птицы и стрекотали какие-то насекомые. Я вспоминал рассказ Арины.

Сомнения, если честно, вызывал только «царь».

Впрочем, пророчества всегда иносказательны, они пропущены через сознание пророка. Не

могла же подруга Арины, тем более привыкшая рифмовать свои предсказания, изречь «президент»? Или… или «генеральный секретарь»…

— А могло пророчество уже случиться? — спросил я. — Арина, ведь кое-что вполне можно считать…

— Молчи! — рявкнула Арина. — Фан, как убить Тигра?

— Его нельзя убить. — Фан развел руками. — Тигр — это воплощение Сумрака в реальном мире. Можешь ли ты убить Сумрак, ведьма?

— Я ведунья!

— Ты сменила цвет, но ты была, есть и будешь ведьмой, — спокойно ответил Фан. — В моих словах нет оскорбления. Еще раз спрошу — можешь ли ты убить Сумрак?

— Зачем он приходит, Фан? — быстро спросил я, опережая Арину.

Я не думал, что он ответит. Но Фан начал отвечать, причем с явным удовольствием — наверное, ему нечасто попадались столь заинтересованные слушатели.

— Сумраку нужна Сила. Силу дают люди, обычные люди, и чем сильнее их радость или горе — тем больше Силы. Сумрак не жесток, но он требует свое. Человеческая радость его тоже вполне

устраивает, но редко бывает так, чтобы радости было больше, чем горя. Гораздо чаще люди становятся равнодушны и пресыщенны… а значит — Сумрак начинает голодать. Синий мох — это самый простой и слабый инструмент Сумрака, он впитывает Силу и может раскачивать человеческие эмоции. Но если в мире все больше и больше равнодушных, если добро и зло уступает место спокойствию и апатии… тогда Сумрак порождает Тигра. Пророки рождаются постоянно, но если Сумраку достаточно пищи, они могут поступать как им угодно — изрекать пророчества хорошие или плохие, таить их, забывать… А вот если род людской успокаивается, говорит себе, что достиг равновесия и покоя, — Тигр приходит к пророкам. Он не разбирает между хорошими и плохими пророчествами. Ему лишь надо, чтобы они прозвучали. Рано или поздно пророк открывает дорогу великим потрясениям, горю и радости. И Сумрак снова насыщается. Он не злой. Он просто живет… и как все живое — хочет кушать.

Фан взял кусочек какого-то засахаренного плода и бросил себе в рот.

— Но ведь Сумрак это просто… просто… — Я запнулся.

— Что — просто? — усмехнулся Фан. — Просто

иной мир? Просто другое измерение реальности? И мы, Иные, способные войти в него, просто так произносим «гори» — и извергаем пламя, или превращаем свои тела в демонические, или видим будущее? Уважаемый Антон, ты пользуешься магией и считаешь это само собой разумеющимся. Но как именно ты пользуешься магией?

— Вхожу в Сумрак… или просто… — я осекся и дал себе зарок не употреблять больше это слово, — или тянусь к нему…

— И что дальше? У тебя вместо руки вырастают пушки, а вместо пальцев клизмы? Как ты сражаешься и исцеляешь? Как ты можешь говорить на китайском языке, который никогда не учил? Откуда все это берется, по-твоему? Из Сумрака? В ответ на твои желания? Что же тогда для тебя Сумрак — компьютер, где ты тычешь пальцем в экран и получаешь желаемое? Но компьютер кто-то придумал, кто-то сделал, а кто-то написал для него программы. Компьютер не имеет разума, и ты не заставишь его сварить тебе кофе или выполоть грядку. А Сумрак послушно делится с тобой Силой, которая нужна ему самому, и позволяет совершать один фокус за другим…

— Зачем же, если он разумный? — воскликнул я.

— Синий мох тоже не только собирает Силу, но и ест ее, — усмехнулся Фан. — Синий мох нужен Сумраку… для одной цели. Тигр — для другой. Иные — для третьей. Но все вместе мы занимаемся одним и тем же — тормошим человечество, дергаем людей, заставляем их что-то делать, придумывать, к чему-то стремиться… иногда достигая успеха, иногда набивая шишки. Мы все — часть Сумрака, его симбионты, если угодно. Его руки и ноги, глаза и уши. Грабли и лопаты, которыми он управляется со своим огородом — человечеством. Ты хочешь восстать против Тигра? Ты восстанешь против Сумрака. И значит, против самого себя, против своей природы, своих способностей, своей жизни. Тигра нельзя убить.

— Что же тогда вы сделали? — спросила Арина. Я посмотрел на нее и вздрогнул — она постарела. Нет, ее маскировка не исчезла, но теперь это была лишь маска красивой и уверенной в себе женщины на лице несчастной опустошенной старухи.

— Мы принесли ему жертву. Тигру нет нужды убивать пророка, если тот озвучил предсказание людям и тем самым запустил механизм. И если пророк готов умереть, но все равно не раскрыть пророчество… если Тигр понимает, что это действительно так… он уходит. Он не жесток. Он не

наказывает за сопротивление. Он всего лишь пытается добиться результата. Если результат невозможен — Тигр теряет интерес к пророку.

— И ты убил своего лучшего друга, чтобы показать Тигру — пророчество не придет к людям… — прошептала Арина.

— Нет. Умереть должен был я. Мы все продумали… — Фан запнулся. — Но Ли продумал чуть больше. Он обманул меня. И сделал так, что я убил его, убил на глазах Тигра, уверенный, что погибну сам. Это убедило Тигра. Он понял, что Ли приносит себя в жертву, и понял, что я никогда не оскорблю его подвиг и не повторю его слов. Тигр повернулся и ушел. В мире все время рождаются новые пророки, и каждый из них однажды произносит то, что может перевернуть все человечество. Тигр ушел… — Фан замолчал, но потом все-таки добавил: — Сказав напоследок, что сочувствует мне. Это было трогательно. Я тоже хотел умереть, но Ли просил, чтобы я жил. Мне пришлось жить.

— Постой, — прошептал я. Слова старого мага вдруг пробудили мою память. — Постой, Фан. Что-то не так. Что-то не сходится. Я… я верю тебе. Точнее — я верю, что ты говоришь то, что считаешь правдой, и это выглядит как правда, но…

— Но? — Фан явно заинтересовался.

— Но если Тигр охотится на пророков, всего лишь побуждая их говорить, а вовсе не заставляя замолчать… почему же он хотел убить мальчика-пророка в Москве?

— Он не хотел его убить, — твердо сказал Фан. — Он подстегивал его. Торопил.

— Когда мы пытались защитить пацана, Тигр потребовал от нас уйти. И он сказал… что пророчество не должно быть услышано.

Фан не мигая смотрел на меня. Взгляд его вдруг утратил всю благодушность.

— Он соврал? — спросил я.

— Нет, Тигр не может врать. Ты ошибся. Ты не расслышал его слова.

Я потянулся в Сумрак… вздрогнул, вспоминая слова Фана… так как же я это делаю? Как управляю неведомыми мне энергиями, как совершаю то, что называется чудесами? Не важно… сейчас не важно, прав Фан или нет, говоря о Сумраке…

— Лови, — сказал я, бросая в Фана слепок своей памяти.

Фан уставился в пустоту, глядя как мы стоим в подвальном коридоре Дозора на пути Тигра…

— Немыслимо, — медленно сказал он. — Тигр не хочет пророчества…

— Такого не было? — спросил я. — Никогда?

— Бывали случаи… но я считал… что это непонимание и упорство… — Фан снова посмотрел на меня. — Хорошо, что это пророчество никто не услышит.

— Почему?

— Меня пугает то, что могло быть сказано.

— Это может быть услышано, — пробормотала Арина. — Антон — хитрый жук… Антон сохранил пророчество, не знаю как, но сохранил запись… я почувствовала это.

— Уничтожь эту запись, — быстро сказал Фан. — Не играй с изначальной Силой.

— Изначальные Силы — это Свет и Тьма.

— Изначальная Сила — это Сумрак! Все остальное лишь его проявления! Уничтожь запись! — Фан вскочил.

— Не смей! — воскликнула Арина, тоже вставая. — Не смей, Антон! Если… если там что-то способное отменить пророчество? Уничтожить Тигра?

— Да отстаньте вы от меня! — закричал я. И Фан, и Арина подступали ко мне с такими горящими глазами, что я испугался. — Я сам решу, что мне делать! Прекратите!

Фан остановился. Тряхнул головой, приложил

руку ко лбу.

— Прошу меня простить… но это была слишком странная новость. Прошу меня простить.

А вот Арина не остановилась. Шла ко мне мелкими семенящими шажками, пока не уперлась в меня и не застыла лицом к лицу. Веки ее подрагивали, глаза были безумные.

— Антон… Антон, мы должны пройти этот путь до конца… Где эта запись, Антон? Где пророчество? Если оно нам не понравится, мы сделаем… как Фан и Ли… Ты меня убьешь, и Тигр успокоится…

— Он не успокоится, — сказал я, отпихивая Арину. — Потому что ты мне не лучшая подруга, и твоя смерть ничего Тигру не докажет! Успокойся. Не надо спешить, не надо совершать необду…

— Ты понимаешь, что я наделала? — взвизгнула Арина. — Ты понимаешь? Я убила нашу родину, Антон! Нам надо было умереть и не пустить пророчество в мир, или позволить ему свершиться… а я оттянула! Я, оказывается, оттянула пружину! Ослепла от самоуверенности, от веры в себя… решила бороться. И сейчас все будет еще хуже, понимаешь, еще хуже!

— Арина, мы ничего пока не знаем, — сказал я. — Возможно, твое пророчество сработало в со-

роковые годы. Помнишь? «Германец Малороссию возьмет…» Ведь так и было?

На секунду безумие в глазах Арины погасло.

— Да… но… Но ведь остального не случилось… Антон… — Ее голос стал вкрадчивым. — Ты же знаешь, я сумела кое-что восстановить из «Фуарана»… я могу повышать силу Иных… это очень важно… и там есть многое другое, что неведомо никому…

У бедного Фана Веньяна глаза натуральным образом полезли на лоб.

Он только что поделился с нами своей выстраданной историей и мнением о Сумраке, которое противоречило всем основным теориям Иных.

А в ответ услышал фрагмент старого «отсроченного» пророчества, узнал, что легендарный «Фуаран» был в руках ведьмы и даже восстановлен ею, может повышать Силу (представляю, каково это было слышать ему, за триста лет достигшему всего четвертого уровня!) и делать «еще многое другое»…

— Антон… миленький… ты даже не представляешь, что я могу… я для тебя такое могу сделать… никто не сможет… — Ее руки легли на мою грудь, Арина склонила голову, заглядывая мне в глаза. — Антон… хороший мой… ты ведь сохранил

пророчество?

— Да. — Я кивнул, глядя в глаза Арины.

— Антон, — очень спокойно и вежливо сказал Фан. — Я хотел бы обратить ваше внимание… — Он снова перешел на вы…

— Антон, а как ты его сохранил? — продолжала Арина.

— Там была детская игрушка, — объяснил я. — Игрушечный телефон, на который можно записать фразу. Кеша сжимал его в руке, после того как произнес пророчество. Он ничего не помнит… но на телефоне была запись. Я ее не слушал, но переписал на флешку.

— А где эта флешка? — уточнила Арина.

— У меня в бумажнике, — сказал я.

— Мне очень не хочется быть назойливым, Антон, — Фан сделал к нам шаг, — но хочу заметить, что к вам применено заклинание «длинный язык».

Он еще не успел договорить, когда я толкнул Арину, уже запустившую руку в карман моего пиджака. Ведьма была совсем легкая, она отлетела на несколько шагов и плюхнулась на подушки.

А я отчаянно проверял всю ту защиту, что была на меня наложена.

«Барьер воли»… Радужная Сфера…

Все в порядке. Защита стоит.

Ирония ситуации была в том, что это была сложная и хорошо структурированная защита, которая легко отразила бы мощную «доминанту» или любое другое атакующее заклинание. «Длинный язык», которым баловались ученики на первом году обучения, защита бы тоже отразила… вот только я сам снял эту защиту! «Длинный язык» был вплетен в то самое заклинание любования пейзажем, которое я счел местным, тайваньским, наложенным на беседку любезными хозяевами. Оно действительно выглядело как обычное развлекательное заклинание… ровно до той поры, пока ему не открывали дорогу. А вот дальше начинало работать, потихоньку наращивая мощность.

Нет, это была не работа Фана! Чем пристальнее я вглядывался в заклинание, тем яснее видел, что чары, завязанные на воздух, воду и землю, сделанные вроде как в китайской манере, были чуточку иными.

Более изящными, более женственными.

Более ведьминым.

Это заклинание наложила Арина. Наложила практически мгновенно, в ту секунду, когда мы подошли к беседке, аккуратно вплела в сторожe-

вые и защитные заклинания хозяев, ничуть их не потревожив, да еще и замаскировала под старую местную работу!

Вряд ли это была заранее рассчитанная ловушка на меня. Скорее на нас обоих. Но и на меня тоже. Не специально ли Арина намекала на гомосексуальность Фана, чтобы в случае чего я списал ее магию, несущую на себе явную женскую природу, на магию женственного мужчины… каким Фан, конечно, не был — поставленный им только что щит был грубым, резким и действенным.

Арина думала не на шаг вперед, и не на два или три, а на все десять!

Вместо того чтобы выправлять старые заклинания, я предпочел наложить новое, «ледяную кору», отрубая окутывающие мой разум нити.

— Антон… — жалобно сказала Арина, не делая попыток встать. — За что?

— Не лезь в мой разум, ведьма, — сказал я. — Я сам решу, как мне поступать.

— Антон, но ведь я только хотела… — начала она. К счастью, на этот раз я ожидал, что она попробует заболтать меня, и удар Доминанты бесследно растворился в Радужной Сфере.

— Прекрати! — воскликнул я. — Хватит! Ты проиграла!

Фан стоял рядом, все наращивая и наращивая Щит Мага. И похоже, кого-то призывая.

— Отдай мне ее! — закричала Арина. Она не вставала, но каким-то образом оказалась на ногах, будто сама земля подкинула ее в воздух. Глаза Арины горели, руки были вытянуты ко мне — и я почувствовал, как бумажник дергается в кармане, пытаясь вырваться и улететь к ведьме.

Я ударил Прессом. В любой другой ситуации мне бы хватило чистой Силы, чтобы сбить, удержать и остановить Арину.

Но она тоже была Высшей. И если меня «Фуаран» сделал магом вне категорий случайно, то над собой Арина явно работала долго и упорно. Она отвела мой Пресс взмахом ладони, за ее спиной будто взорвались цветущие орхидеи, а из беседки вылетела балясина. Ох, не зря Фан решил не встречаться в музее!

Я стоял, чуть пригнувшись, и ждал, что последует дальше.

Как ни странно, это была не совсем атака. Арина воспользовалась «тройным ключом» — но такой силы, что вся моя ментальная защита треснула и подалась.

— Пойми меня! — крикнула Арина.

Я ее действительно понимал. Я чувствовал

ее боль от содеянного когда-то. Ненависть к собственной самоуверенности и собственной трусости. Нежелание сражаться со мной — и готовность биться до конца.

Но все дело было в том, что я не собирался отдавать ей пророчество, не обдумав этот вопрос как следует.

— Пойми и ты! — отпарировал я, бросая «тройной ключ» в ответ.

Это было самое нелепое сражение в моей жизни. Мы стояли друг напротив друга, переполненные Силой, с дрожащими на кончиках пальцев смертоносными заклинаниями — и не испытывали друг к другу никакой ненависти, понимая друг друга до самых глубин души…

А потом воздух вокруг наполнился хлопками, и из открывшихся порталов стали вываливаться Иные.

Фан призвал Инквизицию.

Арина оценила ситуацию моментально. Порыв огненного ветра ударил во все стороны, скорее отвлекая внимание, чем в реальной попытке задержать Инквизиторов. Потом я увидел улыбающуюся Арину, стоящую посреди огненного кольца в не по размеру больших мужских брюках и пиджаке. Томительно медленно, как мне пока-

залось, хотя вряд ли это заняло больше секунды, Арина правой рукой выхватила из кармана пиджака бумажник — мой бумажник! — раскрыла, ей на ладонь выпрыгнула флешка… и Арина исчезла. Бумажник мгновение висел в воздухе, будто в мультике, а потом упал.

Минойскую Сферу, вероятно, Арина все это время сжимала в левой руке.

Я опустил глаза, осматривая себя.

Да… на Арине эта длинная юбка и лазурная блузка смотрелись лучше, чем на мне. К тому же мне ее одежда была явно мала и трещала по швам.

— Стоять! — рявкнул один из Инквизиторов, когда я наклонился за своим бумажником.

— Господин Антон Городецкий противоборствовал преступнице и ни в чем не виновен, — быстро сказал Фан. — К нему не должно быть претензий!

То ли Фан пользовался непререкаемым авторитетом, то ли Инквизиторы слишком мечтали поймать Арину — они исчезли в открывшихся порталах один за другим, все пятеро или шестеро.

— Бесполезно, — сжимая бумажник в руке, сказал я. — Минойскую Сферу не проследить. Там

будет целое дерево фальшивых следов, ветвящееся до бесконечности.

— Они обязаны попытаться, — вежливо сказал Фан. — Это их работа. Вам помочь с одеждой?

— Справлюсь, — поморщился я. — Наложу видимость, а в гостинице у меня есть запасная.

— Очень элегантное заклинание, — продолжил Фан. — Не представляю только, с какой целью оно было создано.

— Арина — такая затейница… — Я сел и плеснул себе чая. — Вот старая карга… все-таки обманула…

— Но оставила вам документы и деньги.

— Что есть, то есть, — признал я. — У нее всегда был стиль. Но флешка…

— Полагаю, у вас есть копия.

Я покосился на Фана. Спросил:

— А это что-то изменит? Вы же настаивали, что пророчество надо уничтожить…

Фан развел руками. Накачанный им щит, из-за которого тайванец казался слегка тусклым, выцветшим, медленно растворялся в Сумраке.

— И что вы теперь будете делать? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я. — Наверное, допью чай, вернусь в гостиницу и переоденусь. А потом

отправляюсь домой.

Часть третья. Смутные деяния
Пролог

Антон Городецкий смотрел телевизор.

Он не относился к числу тех, кто принципиально не имеет телевизора или с гордостью заявляет при случае, что не включал его уже несколько лет. Честно говоря, он даже его иногда смотрел — почти каждый день новости, а пару раз в год даже какой-нибудь фильм, если, конечно, случайно натыкался на него в эфире.

Но сейчас он смотрел телевизор вдумчиво и целенаправленно. И то, что он переходил с канала на канал каждые пять секунд, вовсе не свидетельствовало о его невнимательности.

Щелк…

— Подсудимый, зачем вы пришли к потерпевшему?

— Ну… я… выпить с ним хотел… А он…

Щелк…

— …приговор суда — тринадцать лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. Защита уже заявила, что подает на апелляцию, и вина подсудимого ничем не…

Щелк…

— …обнаружил дворник, который и сообщил в полицию. Несмотря на все усилия врачей…

Щелк…

— …потерял ориентацию и не вышел на орбиту. Но специалисты особо подчеркивают, что спутник был застрахован…

Щелк…

— …средний размер пенсий возрастет на одиннадцать процентов и составит пять тысяч девятьсот семьдесят четыре рубля…

Щелк…

— …и эти ужасные годы, десятилетия несвободы и тирании не сломили художника, он продолжал творить и дерзко выставлял свои работы наперекор коммунистическому режиму…

Щелк…

— …передовые технологии. По словам ученых, использование их при производстве нанотехнологического цемента позволяет значительно улучшить качество…

Щелк…

— …было выкуплено пять лет назад и с тех пор никакой ремонт не производился. Запасные выходы были заделаны, и когда начался пожар…

Щелк…

— …предложено рассмотреть вопрос об изъятии детей из семьи, поскольку уровень доходов родителей не позволяет им обеспечить должный уход…

Щелк…

— Вот что я тебе скажу, командир, начнем отступать — заградотряды расстреляют, а сдадимся — хоть какой-то шанс…

Щелк…

— …самая большая в Европе! И это бесспорное доказательство верности проводимой политики…

Щелк…

— Устрицы в этом ресторане лучшие в Москве, но вино действительно дороговато — дешевле пяти-шести тысяч ничего приличного найти не удалось…

Городецкий выключил телевизор, хотя в запасе еще оставался десяток каналов. Потер переносицу.

Те, кто говорит, что телевизор смотреть не стоит, — дураки. Просто это надо делать раз в три-четыре месяца. Тогда глаз не замыливается.

Но конечно, если смотреть с интервалом в три-четыре года — то это еще показательнее.

Он подошел к окну, посмотрел на низкое серое

небо, нависающее над городом. Потом медленно повел ладонью вдоль холодного стекла.

Облака разметало, и в небе открылся просвет — крошечный глаз ясного темно-синего неба. Где-то за пеленой облаков садилось солнце.

Антон опустил руки в карманы. Достал горошины наушников, вставил в уши. Щелкнул кнопкой плеера. Выпал «Пикник».

Огнями реклам,
Неоновых ламп
Бьет город мне в спину, торопит меня.
А я не спешу,
Я этим дышу,
И то, что мое, ему не отнять.

Минуту еще, мой ветер не стих,
Мне нравится здесь, в Королевстве Кривых.

Здесь деньги не ждут,
Когда их сожгут.
В их власти дать счастье и счастье отнять.
Но только не мне,
Я сам по себе,

И темные улицы манят меня.

Он занят игрой

И каждый второй,

Да, каждый второй, замедляет свой шаг.

Но только не я,

Я весел и пьян.

Я только сейчас начинаю дышать…[20]

Просвет в облаках затянулся. Антон поднял было руку — и опустил ее.

Все равно затянет…

Он прошел на кухню, открыл шкафчик и извлек из него початую бутылку коньяка. Воровато оглянулся, налил немного в пузатый винный бокал и варварски, залпом выпил.

Бутылка издала сокрушенный вздох. Антон прищурившись посмотрел на нее, определяя авторство заклинания.

Светлана.

Антон налил вторую порцию, спрятал вздыхающую бутылку в шкаф и прошел в гостиную. Встал у застекленного шкафа, изучая стоящий на

---

[20] Примечания: 20

Э. Шклярский. *Королевство Кривых.*

полке деревянный кубок.

Конечно, подобного рода артефакты стоило бы хранить в офисе Дозора. Но за неделю изучения никто из аналитиков так и не выяснил, как можно считать таящееся в кубке пророчество (и есть ли оно там вообще), а квартира двух Высших Иных (и даже трех, если считать Надю) по факту защищена почти от любого вторжения.

Так что кубок Эразма, по предложению Гесера, вернули Городецкому. Вернули без энтузиазма — Инквизиции очень не понравилось, что Антон не попытался вызвать их для захвата Арины. Но у Гесера нашелся убедительный довод — Эразм мог каким-то образом настроить кубок так, чтобы пророчество открылось только Городецкому.

У Гесера, если он этого хотел, всегда находился убедительный довод.

Антон некоторое время смотрел на кубок, потом открыл шкаф и взял его в руки. Приложил к одному уху, к другому. Потом прошел на кухню, плеснул на дно кубка коньяка и выпил.

Пророчество, разумеется, не открылось.

— Папа?

Погруженный в раздумья, Антон стоял с кубком у окна и не сразу заметил, что из школы вернулась Надя.

— Что, доча?

— Ты… — Надя демонстративно принюхалась, но спросила дипломатично: — Облака разгонял?

— Было дело. Немножко.

— Я заметила.

Надя переминалась с ноги на ногу у дверей. То ли хотела что-то спросить, то ли, наоборот, сказать. Антон посмотрел на дочь и вдруг — совершенно неожиданно — понял, что его дочь уже не совсем ребенок, что она ступила на ту таинственную тропинку, что уводит из детства в юность и на которой остаются брошенными и забытыми говорящие куклы, плюшевые мишки и любимые родители…

Надя на эту тропинку только вступила, но с нее уже нет и не будет возврата…

— Ты хотела что-то спросить? — сказал Антон.

— Папа, вот этот кубок… Я его тоже трогала.

Антон кивнул, понимая, что речь не о физическом прикосновении.

— Мне кажется, там что-то есть. Но очень хорошо спрятано, ни хитростью, ни силой не достать.

— Если бы хватало хитрости или силы, в Инквизиции бы все поняли, — кивнул Антон.

— Мне кажется, там какой-то хитрый спусковой механизм, — продолжала Надя, ободрив-

шись. — Надо сделать что-то такое, о чем никак не подумаешь. Чего не станешь делать. И тогда пророчество откроется.

Антон посмотрел на кубок в своей руке.

Потом кивнул.

— Тогда, наверное, нам его никогда не узнать.

— Ты расстроен?

— Нет, — сказал Антон. — Не очень. Точнее — совсем нет.

Глава 1

Парень был славный, из молодых, пришедших в Дозор в прошлом году и мечтающий стать оперативником. Честный четвертый уровень и все шансы еще подрасти. Звали его Александром, еще недавно он учился в МАИ и мечтал стать космическим инженером. Из таких только Светлые и получаются, потому что в 2012 году в России мечтать стать космонавтом могут либо совсем дети, либо блаженные.

— Антон Сергеевич, — он очень старался говорить спокойно и собранно, но в голосе все равно что-то подрагивало. — А вы уверены, что они придут сюда?

Я пожал плечами, достал пачку сигарет, заку-

рил, протянул Саше, не обращая внимания на его неодобрительную гримасу. Саша занервничал, потом неуверенно потянулся за сигаретой.

Я убрал пачку.

— Не надо. Во-первых, никогда не кури. Во-вторых, вообще не делай того, что тебе предлагают авторитеты, если тебе это не нравится. Если я с моста вниз прыгну, тоже прыгнешь?

— Если надо — прыгну! — твердо сказал Саша.

Я посмотрел вниз, на серую воду Москвы-реки, в которой отражались ночные фонари (звезды в Москве и на небе-то видны не часто). Кивнул:

— Вот самое важное, всегда, это понять, надо прыгать или нет… Саша, они придут сюда, потому что так направлен Зов. Когда я был чуть старше тебя, но вряд ли сильнее, я с большим трудом мог вообще почувствовать вампирский зов и пойти на него. Сейчас я умею чуть-чуть больше… и знаю, что вампир идет по Берсеневской набережной, а девушка — по Пречистенской. Это в последнее время стало крайне популярно у вампиров, брать жертву на мосту, потом сбрасывать тело в воду. Пока вытащат… никто уже и не поймет, отчего она погибла.

— Как это «не поймет»? — возмутился Саша. — А потеря крови? А отметины от клыков?

— Вот представь, — выпуская в воздух клуб дыма, сказал я. — Ты патологоанатом. Тебе привозят тело, выловленное из воды, изрядно пострадавшее, побитое о берег или опоры моста…

Саша начал бледнеть. Молодой еще. Хороший, но молодой…

— Даже если ты заметишь, что на шее есть какие-то ранки, а в теле почти нет крови, что ты предпочтешь думать? Что по Москве ходят вампиры? Или что влюбленная дурочка сиганула в воду и, падая, напоролась на какую-нибудь железяку?

— Я все варианты буду рассматривать, — решил Саша.

— Вот потому ты в Дозоре, — кивнул я.

Саша помолчал, бдительно поглядывая то налево, то направо. Потом робко спросил:

— А храм им не мешает?

Я глянул на массивное, благообразно подсвеченное здание. Покачал головой.

— Этот — нет, не мешает. Вампиры вообще не боятся религии, если бы они верили в Бога, то вампирами бы не стали. Но ты прав в том, что настоящий храм может защитить. Если он рядом и если жертва верит. Понимаешь? Это не пугает вампира, это защищает жертву.

— Кажется, понимаю, — задумчиво кивнул Саша. — А почему этот не помогает?

— Много факторов, — сказал я уклончиво.

Саша стоял, теребя нацепленный на перила моста замочек. Вот смешная манера современных влюбленных — пришли на мост, поцеловались, замочек навесили — и вроде как уже заперли свою любовь.

А любовь запирать не надо. Она не для этого дается.

— Я его чувствую, — возбужденно сказал Саша. — Идет! Слева!

— Знаю, — кивнул я.

— Он нас не…

— Он не почувствует в нас Иных и даже не увидит истинного облика, — успокоил я. Не уточняя, что вместо меня вампир увидит молодого тощего парня с серьгой в ухе, а вместо Саши — грустную девушку. Стандартная картина для этого места — повздорившие влюбленные.

— Девушку тоже чувствую, — сказал Саша с облегчением. — Вон идет… да она совсем девчонка!

Я чуть повернул голову — девушка шла мимо нас, слепо глядя вперед, и признал:

— Да, лет четырнадцать-пятнадцать. Это плохо. Будь ей лет десять…

— Чем же плохо? — поразился Саша.

Ну вот как он учился? Неужели не помнит, что лицензии выдаются…

— Исчезли! — возбужденно воскликнул Саша.

Я и сам видел, как вампир — такой же молодой на вид, как мой напарник, сделал шаг навстречу девушке, улыбнулся — клыки у него еще не выдвинулись, так, едва заметный намек… и они исчезли.

— Пошли, — сказал я, щелчком пальцев отправляя окурок через парапет в воду. Скорее почувствовал, чем увидел свою тень — и шагнул в нее.

Холод. Привычный пронизывающий холод Сумрака. Мир вокруг подернулся серым, замедлился, звуки стали тягучими и далекими. Под ногами стлался сплошной синий мох, ноги утопали в нем, как в дорогом ковре.

Вампир стоял в нескольких шагах от нас, совсем молодой, красивый, аристократически бледный. Э, да он тоже совсем салага, не маскируется под молодого, а молодой и есть… иначе его сумеречный образ Иного был бы совсем иным…

До сих пор люблю этот бородатый каламбур…

Вампир стоял, обнимая девушку и целуя ее в губы. Именно целуя, не кусая. Краем глаза он

посматривал на меня и неуклюже вошедшего в Сумрак за моей спиной Сашку.

— Ночной Дозор, всем выйти из Сумрака, — скучным голосом сказал я.

Я очень надеялся, что вампир оскалит клыки и кинется на меня. Или бросится бежать. Или начнет кричать, что ничего плохого не делал, просто поцеловался с симпатичной девчонкой…

Вампир прекратил целоваться, осторожно отставил девушку — та замерла как кукла — и с некоторой обидой спросил:

— В чем, собственно говоря, дело?

— Антон Городецкий, Ночной Дозор города Москвы, — сказал я, уже все понимая. — Предъявите вашу регистрацию.

— Доброй ночи, — вежливо сказал вампир, расстегивая куртку. Голубые линии регистрационной метки слабо светились сквозь рубашку. — Очень приятно познакомиться, Антон. Я много о вас слышал.

— Денис Любимов, вампир, шестой уровень, — произнес я, считывая метку. — Вы задержаны за нелицензированный контакт с человеком.

— Почему же сразу «нелицензированный»? — обиделся Денис. — Вот!

Тонкий лист «пергаментной» бумаги развер-

нулся в его руке. Можно было долго и нудно сверять цифры, подписи, печати, магические знаки… Но только я и так прекрасно видел, что лицензия настоящая.

— Ей и пятнадцати лет нет, — зачем-то сказал я.

— А мне двадцати, — кивнул Денис. — Лицензии выдают начиная с двенадцати, если в семье нет Иных первой степени родства. Все законно.

Саша за моей спиной тяжело задышал.

— Это ваше право, — сказал я без всяких интонаций. Посмотрел себе под ноги — и синий мох полыхнул, будто на него плеснули керосином и подожгли. — Но вы совсем молоды, Денис. Я не оспариваю ваших прав, но хотел бы напомнить, что многие вампиры столетиями живут, не используя свои лицензии на охоту. Взамен вам могут быть предоставлены разного рода преференции согласно соглашению шестьдесят четыре семнадцать от третьего июля…

— Я прочитал и подписал все положенные документы, знаю свои права и обязанности, — вежливо сказал вампир. — Могу еще раз подтвердить, что все будет произведено с максимальной гуманностью, безболезненно и быстро. А теперь я бы хотел попросить вас… господа дозорные…

выйти из Сумрака!

— Почему? — внезапно воскликнул Александр. — Ну почему? Скажи, ты, вампирская морда!

Я развернулся и крепко взял Сашку за плечо. Вот еще чего нам не хватало, так это жалобы вампира в Дневной Дозор на неспровоцированные оскорбления и дискриминацию по принципу питания…

Но это был современный вампир, молодой, вежливый и сдержанный.

— Потому что таковы законы природы, — любезно пояснил он. — Потому что люди непрерывно и с огромным удовольствием жрут друг друга. Чаще всего фигурально, но гораздо более жестоко и болезненно, чем вампиры или оборотни. Я не выбирал свою судьбу, я не выбирал своего образа жизни… или смерти, если вам так угодно. Но изображать из себя овцу, будучи волком, я тоже не намерен. А теперь оставьте нас… Зов слабеет, девушка может прийти в сознание, испугаться, и виной тому будете вы!

— Запомни одно, — сказал я не оборачиваясь. — Может быть, ты и волк, но мы — волкодавы.

Я уже выходил из Сумрака, выволакивая за собой Александра, когда услышал брошенное

вслед:

— Мой отец держал ирландского волкодава, хорошая псина. Только они долго не живут.

Александра мне пришлось схватить за грудки и прижать к парапету, иначе он ворвался бы в Сумрак обратно.

— Да он же, он!.. — бушевал молодой дозорный.

— Издевался над нами, провоцировал, особенно тебя, — сказал я. — Успокойся. Он в своем праве.

— Но он же сейчас убьет девчонку!

— Да, вероятнее всего, — кивнул я. Достал сигарету, закурил. — Ты знаешь, сколько людей в Москве погибает за одну ночь? И кстати, большую часть убивают вовсе не Иные, а сами люди.

— Но…

— Мы не рыцари в поисках девы в беде, — сказал я.

— Мы полиция! Мы храним и защищаем!

— Нет, мы даже не полиция. Мы бюрократы, следящие за соблюдением законов, которые не нравятся нам самим. Мы собаки, которые берегут стадо от волков, но не кусают пастухов, которые делают вечерком шашлык. Успокойся.

Александр отступил на шаг, в ужасе глядя на меня. Потом помотал головой и с неподдельным

отвращением произнес:

— Не верю. Нет, я не верю, честное слово! Вы, Антон Городецкий… вы же герой, вы столько раз такое делали… нам на уроках рассказывали, я учебные фильмы смотрел, как вы…

— В учебных фильмах играют актеры, — сказал я. — А на уроках рассказывают легенды.

За моей спиной раздался шорох. В воздухе возникло обвисшее тело девушки. На секунду повисло — а потом перелетело через парапет и устремилось к воде.

В следующую секунду появился вампир. Он был розовощек, бодр и красив. Слегка склонив голову, будто прощаясь, он развернулся и с немыслимой скоростью устремился по мосту прочь от нас.

Под нами едва слышно плеснула холодная грязная вода Москвы-реки.

Александр стеклянным взглядом смотрел на меня.

— Помнишь, я говорил, что важно понять — надо прыгать или нет? — спросил я.

Александр молчал.

— В этом вся проблема, — пояснил я. Выплюнул сигарету через парапет — и прыгнул следом.

Река ударила по ногам противным тяжелым студнем, мгновенно разжижившимся и превра-

тившимся в ледяную осеннюю воду. Я погрузился с головой, открыл глаза, посмотрел на светящиеся сквозь воду огоньки. Если не всматриваться, то можно подумать, что это звезды…

Тело девушки медленно погружалось совсем рядом со мной. Я сделал всего два гребка, когда по ушам резко ударило — еще одно тело вошло в воду.

* * *

— Ты дурак? — спросил я, убедившись, что Александр кончал выхаркивать воду. — Чего ж ты прыгал, если плавать не умеешь?

— Вы… вы же… сказали… — простонал он, садясь.

— Что я сказал?

— Что… надо…

— Что надо всегда понимать, что делаешь, — безжалостно напомнил я. — Ты же маг. Иной. Светлый. Тебе быть дураком — особенно стыдно!

Александра и девушку я выволок из воды против течения, туда, где народа было поменьше — спасибо, возможности Иного позволяли такие фокусы. Мы сидели на грязной набережной, рядом с парковкой, напротив чудовищной статуи Колумба, к которой была приделана голова Петра

Первого. Петр-Христофор презрительно взирал над нашими головами в свою, железно-бронзовую даль.

— Девчонка… — простонал Сашка.

— Вон лежит. — Я кивнул. — Я вас обоих вытащил. Спасибо, здорово помог…

— Она жива? — с надеждой спросил Саша.

— Она не мертва, — глянув на ауру, ответил я.

— Что? — Сашка наконец-то сел нормально и огляделся. — Этот гад…

— Мог ее совсем убить. Но мне удалось его разозлить, с твоей помощью. Так что она не мертва… она будет вампиром.

Мимо прошла какая-то мрачная парочка — солидный мужчина в костюме при галстуке и еще более крепкий мужик в костюме чуть больше нужного размера и с бычьей шеей. Я автоматически растянул «сферу невнимания», чтобы прикрыть бедную девчонку, но обладатель крепкой шеи все равно настороженно закрутил головой и повел рукой под борт пиджака. Хорошие телохранители — они такие, чуют нас, Иных…

— Что же нам делать? — спросил Саша.

— Во-первых, просушиться, — сказал я. — Заклинания помнишь? Молодец. Во-вторых, встать,

тут грязно и холодно, мы еще молодые мужики, нам простатит не нужен. В-третьих, я поеду домой, мыться и спать.

— А я? — тихо спросил Саша.

— А ты останешься ждать, пока девочка придет в сознание. Вызови пока Дневной Дозор… скажи — «ситуация шесть, без осложнений». Если не помнишь номера или брезгуешь говорить с Темными — попроси нашего диспетчера. Мобильник-то цел?

— Он заговоренный…

— Умница. Пока Темные приедут, а они торопиться не станут, поговори с девочкой. Объясни, что ее укусил вампир, что она теперь тоже станет… по сути, уже стала… вампиром. Ну, права и обязанности… Темным ее сдашь, они найдут ей учителя. Например, того самого Дениса. Все, на этом твоя работа закончена.

Я встал, встряхнулся. От одежды повалил пованивающий гнилью и нефтью пар. Хорошо, что я в куртке, хороший костюм даже магией от московской воды не отчистишь…

«Мерседес» с господином и его охранником уже выруливал со стоянки. Я поднял руку, посылая легкий приказ. Реморализацией или даже «дыханием Терезы» здесь не обойтись…

«Мерседес» мягко затормозил. Я открыл заднюю дверцу — владелец машины сидел рядом с водителем, по удивительной манере отечественных нуворишей средней руки.

— Пока езжай по набережной, — велел я охраннику. И прежде чем захлопнуть дверцу, крикнул Александру. — Да, кстати, зачет ты сдал. Завтра можешь приходить в себя, я в таких случаях напиваюсь, а ты можешь придумать что-то свое. А послезавтра — в оперативный отдел. Ты принят на работу.

Гесер сегодня с утра был в приподнятом настроении. На летучке он улыбался, рассказал немного не к месту смешной, хоть и пошловатый анекдот, научному отделу внезапно увеличил фонды на следующий квартал, Ольгу игриво приобнял, когда она всего лишь проходила мимо, Игнату выписал командировку во Львов «для обмена опытом», хотя все прекрасно знали, что Игнат оттуда родом и просто хочет навестить родных и друзей.

Мой рассказ о зачете курсанта Александра тоже был принят благосклонно. Единственный вопрос тоже был ожидаем.

— А ты уверен, что девочке не лучше было умереть, чем стать нежитью? — спросил шеф,

поигрывая авторучкой.

— Не уверен, — честно сказал я. — Но у меня не было возможности спросить, а решать за нее я не хотел. В конце концов, до полного преображения у нее есть достаточно времени с относительно здравой психикой. И если она примет иное решение… А вот Александру было крайне полезно понять, что не всегда действия приводят к желаемому результату. Уверен, он все понял.

— Убедительно, — кивнул Гесер и размашисто расписался на приказе о зачислении Александра в штат.

В общем, сегодня у Гесера можно было добиться всего или почти всего. Чем я и попытался воспользоваться, задержавшись, когда народ стал расходиться.

— Вопросы, Антон? — открывая ноутбук, спросил Гесер.

— Да, есть один. Про Эразма.

— Ты догадался, как открыть его пророчество? — заинтересовался Гесер.

— Пока нет, хотя одна идейка появилась. Но тут все так взаимосвязано… Борис Игнатьевич, скажите, а вот тот бонсай, что вы ему передали… вы можете сказать, что за магия в нем скрыта?

— Нет, — отрезал Гесер.

Что ж, попытка не пытка…

— Я бы вообще не брал в голову то древнее пророчество, — продолжил Гесер, не глядя на меня. — Либо оно скисло и не осуществилось, либо давно случилось. Вот то, что хотел сказать мальчик, нам было бы куда интереснее узнать.

— Арина меня обвела вокруг пальца… — снова покаялся я. — Но я и сам не уверен, что там, на флешке, что-то было…

— Исходя из неписаного закона, что неприятности всегда случаются, там что-то было… — Гесер вздохнул и закрыл ноутбук. — Сядь, Антон. Поговорим. Я понимаю, что тебя тревожит.

— Пророчество Арины, — признался я. — Точнее, ее подруги… Что, если она права и пророчество сработает?

Гесер пожал плечами:

— Быть может, права, и пророчество сработает. Быть может, сработало, несмотря на ее уловки, — немцы оккупировали Малороссию, японцы вторгались в Сибирь, большевиков вешали…

— Война продлится долгих девять лет?

— Первая мировая началась в одна тысяча девятьсот четырнадцатом, Гражданская война в России завершилась в одна тысяча девятьсот двадцать третьем. Сам посчитаешь?

— В двадцать втором она закончилась, — упорствовал я.

— Ох уж эти историки! В Якутии, на Камчатке и Чукотке — в двадцать третьем! — рявкнул Гесер. — С кем ты споришь? Ты там был? А я с казаками Бологова и их шаманом в двадцать третьем схлестнулся! А потом еще басмачи сколько лютовали…

— Да я не о том спорю, — примиряюще сказал я. — Если считать включая четырнадцатый год и двадцать второй — то как раз и есть девять лет.

Гесер задумчиво поднял руки и начал загибать пальцы. Потом посмотрел на меня и побагровел.

— Тогда о чем ты споришь? Все случилось!

— Не все, — мрачно сказал я. — От голода народ на треть умрет…

— Голод в Поволжье, Казахстане, Малороссии… Не треть, конечно, но оставим пророкам право нагнетать трагичность.

— А остальные растворятся в мире…

— А что, какая-то страна нынче не растворилась в мире? — Гесер удивленно приподнял бровь. — Глобализация, Антон! Все растворились во всех! Я в Париже в туалет вошел — на стене на двенадцати языках надписи выцарапаны были!

— Москва погибнет, пламенем объята…

— Пророчества всегда иносказательны, — отрезал Гесер. — Старая Москва погибла, от нее, кроме Кремля, ничего и не осталось… но Кремль — не Москва.

— Умрет наследник, омрачится царь…

Гесер на миг задумался. Потом сказал:

— Вот это и есть результат вмешательства Арины. Она наследника подлечила, если не врет, тот и не умер… своей смертью… А все остальное так или иначе случилось. Так что старая дура просто выжила из ума. Пострадать ей, видишь ли, хочется. Россию она погубила. Смешно! Россию тысячу лет губят все, кому не лень, а она стоит и стоять будет!

— Спасибо, — искренне сказал я, вставая. — А то… как-то тяжело на душе.

— Антон, я жил во многих местах, — мягко сказал Гесер. — Тибет… Китай… Индия… Фландрия…

— Не Голландия? — уточнил я.

— Зеландская Фландрия, — уточнил Гесер, — нынче это Нидерланды, да. Так вот, Антон, к любой стране прикипаешь. Мне и Тибет дорог, и Индия, и Фландрия. И Россия, конечно! Но с годами понимаешь, что самое главное — это твоя семья, твои друзья, твоя работа. А страны… все мы граждане человечества, вышедшие из него,

но ради него живущие и работающие. Все мы — Иные! Вот это главное. Не бойся глупостей старой ведьмы, на ней плохо сказался слишком долгий сон. Не ищи смысла в старой деревяшке Эразма — если даже Арина на нее не позарилась, а ведь могла ее у тебя сто раз спереть, значит, и смысла в ней нет. Вот то, что Иннокентий пророчил… вот тут ты, конечно, сплоховал! Вот это стоило бы узнать!

Я покаянно опустил голову.

— Ты точно стер все с игрушечного телефона? — спросил Гесер небрежно.

— Да. Я же сдал его научникам.

— Ничего вытащить не смогли, — вздохнул Гесер. — Крошечная микросхема, все переписано, старая информация стерта начисто… И другой флешки ты не оставил?

— Нет у меня другой флешки. Проверяли же…

— Плохо. — Гесер снова тяжело вздохнул. — Самая ценная информация, которую ты добыл на Формозе, — Тигр не совсем то, что мы думали, он пытается не уничтожить пророков, а подстегнуть их к пророчеству. Но ведь у нас он вел себя иначе! Он же сам заявил, что пророчество не должно прозвучать! Вот это делает пророчество интересным, а оно нам недоступно!

— Я виноват…

— Иди уж. — Гесер махнул рукой. Нет, он явно был в прекрасном настроении. — Что было, то было — и быльем поросло. На сегодня у меня для тебя заданий нет, можешь заниматься своими делами. Ну и… получаешь право на одно доброе вмешательство седьмого уровня!

— Если бы оно у меня было вчера вечером…

— То ты спас бы девчонку, а вампиру дали бы новую лицензию. Сам же понимаешь!

Я развел руками — и вышел из кабинета.

Глава 2

Главное преимущество начальника, во всяком случае, в такой организации, как Ночной Дозор, заключается в свободном планировании своего дня.

Работы на самом деле у меня всегда хватало. Официально на меня было возложено курирование курсантов, контроль обучения в школе и инспекции патрулей. Скучным бюрократическим языком, который возникает сам собой в любой организации, будь то бухгалтерия трубопрокатного завода или союз романтических художников-анархистов, моя должность назы-

валась «Заместитель директора по вопросам подготовки и переподготовки персонала».

Звучит не очень-то утомительно, верно? Но свободного времени практически не оставалось — если, конечно, не сгрести волевым решением все бумаги в угол стола, не отключить рабочий мобильник и не заняться чем-то совершенно необязательным. Тогда чудесным образом выяснялось, что Дозор способен существовать без одного из заместителей директора сколько угодно. Но стоило вернуться к работе — и ворох заявлений, прошений, жалоб, инструкций и расписаний обрушивался на мою голову подобно цунами.

В детстве не любил школу, в юности не любил институт — и все ради того, чтобы в магической полиции курировать преподавание! Интересно, если бы я остался программистом или занялся архитектурой (так хотели родители, был у нас в роду какой-то известный архитектор), преподавательская работа тоже меня догнала бы?

Скорее всего да. Человек, даже если он Иной, может изменить только форму своей жизни, а не ее содержание. В одной старой компьютерной игре злая ведьма имела обыкновение спрашивать встречных: «Что может изменить природу

человека?» — и после с удовольствием убивать собеседника. Потому что правильного ответа не мог найти никто…

Но хоть природу изменить и невозможно, зато ее всегда можно обмануть. На время.

Поэтому в своем кабинете я посидел несколько минут за столом, проглядывая бумаги и дымя сигаретой. С год назад Игорь, фанатично увлекшийся здоровым образом жизни, развернул целую кампанию по запрету на курение в помещениях Дозора. В целом с его доводами были согласны все, включая самих курящих. А вот в частностях все во мнениях разошлись. Разумеется, в помещениях, где работали некурящие, никто и так не дымил. В общественных местах это разрешалось, если никто не был против. Травились табаком все либо в курилках, либо в своих кабинетах… в конце концов, для очистки комнат от табачного запаха требовалось не слишком много магии. Но Игорь стоял на своем, ругал табачное вонище, ставил в пример цивилизованную Европу, напирал на то, что стыдно перед приезжающими оттуда коллегами (хотя что-то не замечал я переживаний у европейских Иных, когда те пили на фуршетах водку, курили в комнатах или, к примеру, закупали сотнями в

магазинах подозрительно дешевые «лицензионные» диски с фильмами и музыкой). Кончилась агитация в тот момент, когда Гесер, благосклонно выслушавший выступившего с инициативой Игоря, сказал: «Правильно, курить надо трубку или кальян, а не вонючие сигареты…» Игорю бы вовремя остановиться, но он в запале сообщил, что кальян, трубка и сигары — это еще хуже, чем сигареты: «Вонище-то куда хуже!» Гесер помрачнел и поинтересовался, надо ли ему отныне, когда он решит сосредоточиться на обдумывании важных проблем, выбегать на улицу с кальяном? А потом спросил, нет ли разницы в климате между Европой, где в декабре можно выйти из здания в рубашке, и Россией, где даже в Москве минус двадцать — не редкость? После этого тема как-то сама собой закрылась. Игорь некоторое время ходил обиженный, из помещений, где кто-то курил, демонстративно удалялся, но потом борьба за здоровый образ жизни в его увлечениях сменилась борьбой против дискриминации Иных слабой магической силы.

Поскольку я визита Игоря не ожидал, то курил беззастенчиво, проглядывая накопившиеся бумаги.

Расписание занятий в школе для начинающих

Иных. Это подождет.

План переподготовки Иных пятого-четвертого уровня с целью выявления более сильных магов. Уже интереснее… я внимательно посмотрел на листок, прочитал замечательную фразу «Целью проведения данной переподготовки является переподготовка с целью выявления…», после чего затосковал, подписал бумаги и бросил в папку «Одобрено». Листы побледнели и исчезли, телепортировавшись к своему автору.

Так, что еще?

Расписание занятий для патрульных по теме «Некоторые аспекты взаимодействия с сотрудниками Дневного Дозора в ситуациях обнаружения и задержания «диких» Иных». Тезисы занятий я просмотрел с большим интересом. Вести занятия собиралась Ольга, что интересно было само по себе. Да и тема эта оставалась вечно животрепещущей и актуальной — далеко не всех Иных обнаруживали и инициировали сотрудники Дозоров, частенько люди обнаруживали свои магические способности самостоятельно… и могли наломать немало дров. Вне зависимости от того, кем были — Темными или Светлыми.

Так что я даже отметил в ежедневнике завтрашнее занятие, чтобы зайти на него самому. Не

в качестве инспектора, а простым слушателем. Учиться всегда пригодится.

А это что?

Снова Ольга?

Забавно. Ею овладел какой-то преподавательский зуд, не иначе. Лекция для сотрудников на тему «Действия Дозоров в условиях техногенных и социальных катастроф, особенности взаимодействия с человеческими правоохранительными структурами». И две пометки. Первая — «присутствие желательно», так что это только по форме лекция свободная для посещения, на самом деле явиться туда рекомендовано всем. Вторая — «приглашенный гость, не-Иной».

Совсем интересно!

И лекция началась полчаса назад… интересно, а почему ни Ольга, ни Гесер мне про нее не сказали ни слова?

Я решил, что на сегодня бумажная работа у меня закончилась, и встал. Будем считать, что это и посещение рекомендованной лекции, и инспекция одновременно. На самом деле пометка «присутствие желательно» развязывала мне руки. Просто так явиться на лекцию Ольги было бы некрасиво, выглядело бы официальным визитом. А так — все в порядке. Пришел поучиться.

Лекционный зал был битком набит, и я почувствовал себя полным идиотом. Пожалуй, собрались все, кроме Гесера (уж ему-то учиться даже у Ольги нечему) и дежурных.

Вошел я под взрыв хохота собравшихся. И даже замешкался на пороге. Но смеялись, к счастью, не надо мной. У двери вообще было достаточно темно, и меня никто не заметил.

Ольга стояла на маленькой трибуне возле лекционной конторки и с улыбкой смотрела в зал. Когда хохот стих, она произнесла:

— И тут я и говорю: «Франс, а почему у вас обе перчатки на правую руку?» Он смотрит на Виллема, краснеет и кричит: «Дьявол меня раздери, так это была твоя рука!»

Зал стонал от хохота. Зал гоготал, хихикал, хрюкал и повизгивал. Очевидно, история была очень смешная — вот только я застал самый конец.

Нет ничего нелепее человека, который, услышав финал анекдота, начинает жалобно просить: «А про что, про что это было? Что там вначале случилось?»

— И что Виллем? — выкрикнул кто-то из зала.

Ольга, похоже, ждала этого вопроса, и ответ был заготовлен.

— А Виллем смущенно опускает глаза и отвеча-

ет: «Да, минхеер Франс. Но это была не рука».

Зал снова полег в пароксизмах хохота. Пожалуй, еще более сильных. Я вздохнул, привалился к стене и стал ждать.

На то, чтобы восстановился порядок, потребовалось минуты две. После этого Ольга, видимо сочтя внимание зала в достаточной мере прикованным к ее словам, произнесла:

— А теперь встречайте нашего гостя, старшего сержанта полиции Дмитрия Пастухова!

Становилось все интереснее и интереснее! Я мысленно похвалил себя за стратегически верную неприметную позицию у дверей и присел на корточки. А на трибуну, с которой, хлопая в ладоши, сошла Ольга, смущенно улыбаясь, поднялся мой старый, хоть и шапочный знакомый — старший сержант Дмитрий Пастухов.

— Здравствуйте, — неловко, но в принципе искренне и дружелюбно улыбаясь, сказал Дмитрий. — Мне очень приятно, честное слово, что вы меня пригласили.

Зал неожиданно зааплодировал.

— Я, конечно, не Франс и не Виллем, — продолжал ободренный Пастухов. — Но работа — она всегда работа, в любой стране и в любое время. Верно? Так что спрашивайте, отвечу… только

учтите, я старший сержант, не какой-нибудь там начальник…

— А что так долго засиделись в сержантах? — подала голос из зала молоденькая девчонка из исследовательского отдела.

— Знал бы, что к себе выступать позовете, — генералом бы стал! — отшутился Пастухов. Похоже, обсуждать свою неторопливую карьеру ему не хотелось.

Собравшиеся, впрочем, были настроены дружелюбно. Первым встал Алишер и спросил:

— Дима… можно просто Дима?

— Конечно!

— Давайте обсудим такую ситуацию. В городе происходят какие-то волнения, полиция пытается восстановить порядок. Сил не хватает. Толпа поджигает машины, грабит магазины, избивает мирных прохожих. И вот к вам, обычному сержанту патрульно-постовой службы, подходят два человека. Один говорит, что способен утихомирить толпу, людям станет стыдно и они разойдутся по домам. Другой — что способен напугать толпу, причинить людям боль и они разбегутся по домам. Чью помощь вы примете?

— Да кто первый подойдет! — не задумываясь ответил Пастухов.

— А если подходят двое сразу? — не сдавался Алишер. — А помощь принять можно только от одного?

Пастухов задумался буквально на секунду. Потом уверенно сказал:

— Того, кто напугает и сделает больно. Спросите почему?

Ну надо же! В моем знакомом таился неплохой оратор! Или это Ольга перед выступлением как-то стимулировала его способности общаться с залом?

— Почему? — послушно спросил Алишер.

— Да потому что «стыдно» — это для ребенка, который на заборе слово из трех букв написал! — убежденно произнес Пастухов. — Да и то… по нынешним временам это уже даже ребенку не стыдно. Как застеснялись и разошлись — так и снова пойдут безобразничать! А вот если больно и страшно — это до мозгов доходит, до печенки, это в подсознании откладывается. Тем более речь-то у нас о ком?

— О ком? — зачарованно повторил Алишер.

— О лицах, которые уже совершают групповое правонарушение! — энергично взмахнув рукой, сказал Пастухов. — Массовые беспорядки, нарушение правил проведения собраний и

демонстраций, несанкционированный митинг, уничтожение чужого имущества, бандитизм, разбой, кража, хулиганство, нанесение телесных повреждений… В общем — весь букет! А удастся ли всех потом найти, задержать и привлечь к суду за содеянное? Не факт! Скорее всего десяток стрелочников выберут для показательной порки, остальные отделаются легким испугом. Так что хорошо бы наказать прямо в процессе пресечения противоправной деятельности. Пусть будет больно — раз, страшно — два!

Он торжествующе оглядел зал.

А зал молчал. Думал. Но это было вовсе не осуждающее молчание Светлых Иных, сокрушенных людской жестокостью. Нет. Нормально так все молчали, обдумывали его слова. И похоже, готовы были с ними согласиться.

Да в общем-то я и сам был с Пастуховым согласен.

Мне это не нравилось! Но я был с ним согласен.

— Дмитрий, позвольте тогда другой вопрос! — вступила в разговор Ольга. — Немного не по теме, но все-таки… Плывет корабль. Большой. На нем много пассажиров, очень много. В трюме возникла течь. Шлюпок не хватает. Помощи ждать… ну,

в общем, не успевает помощь. Капитан понимает, что все спастись не смогут, но пассажиры пока не в курсе ситуации. Что делать?

Пастухов нахмурился. Потом с легкой надеждой спросил:

— Это как тест, да? К нам психолог приходил, тоже наподобие вопросы задавал…

— Нет-нет! — Ольга замотала головой. — Не тест, нет! Просто вопрос. Как вы думаете, как в такой ситуации поступить?

— Ну, наверное, надо детей посадить в шлюпки, — сказал Пастухов, немного подумав. — И женщин, если влезут.

Он говорил искренне, я это видел. И старший сержант сразу стал для меня гораздо симпатичнее, чем когда рассказывал о целительной силе боли и страха.

— Даже все дети не влезут! — сказала Ольга. — Да и не факт, что они в шлюпках без взрослых выживут, совсем не факт.

Пастухов нахмурился.

— Можно тех, кто достоин, спасать… — задумчиво произнес он. — Ну, каких-нибудь заслуженных людей, все такое… — Он потер переносицу и сам себе возразил: — Нет, не дело. Кто будет решать-то, а? Кто достоин, кто нет… тут такое начнется…

Я бы… я бы, наверное, ничего не делал.

— Ничего? — переспросила Ольга. С любопытством, но без осуждения.

— Ничего! — уже тверже сказал Пастухов. — Понимаете, я бы, конечно, команде велел воду откачивать, пробками какими-нибудь пробоину закрывать…

— Для этого пластырь используют! — сообщил из зала кто-то образованный в морских делах.

— Пластырем, — легко согласился Пастухов. — А так… пусть музыканты играют, официанты еду-напитки разносят…

Видимо, он недавно посмотрел «Титаник», подумалось мне.

— А кто будет спасаться? — продолжала допытываться Ольга.

— Кто сможет, тот и спасется, — пожал плечами Пастухов. — Кто поймет, что корабль тонет, что шлюпок мало. Так честнее всего будет. Уж потом, как до всех дойдет, можно будет какой-то порядок наводить.

— Спасибо, очень ценное мнение, — сказала Ольга. — Еще вопросы?

— Дмитрий, а вот другая ситуация… — спросили из зала. — Вы, обычный человек, мен… то есть полицай… тьфу, простите! Простой полицейский,

ничего не знающий об Иных. Ночью наталкиваетесь на существо, которое по всем повадкам напоминает вампира… ну или оборотня… Как вы поступите?

— Пистолет достану и постараюсь задержать, — ответил Пастухов.

Зал, похоже, удивился. Повисла тишина. Пастухов заерзал на месте.

— Вы не подумайте, что я герой какой-то ненормальный… — виновато сказал он. — Но я-то что подумаю? Что это псих какой-то обрядился вампиром или оборотнем. Значит, можно арестовывать. Чего он против пистолета-то сумеет? А вот если знаю, ну… вот как я немножко про вас знаю… тогда нет, конечно. Ходу дам! Но вы же хотели узнать, как обычный мент среагирует… то есть полицейский…

Я тихонько приоткрыл дверь и вышел из зала.

Что-то мне не нравилось происходящее. Решительно не нравилось. С каких это пор Ночной Дозор стали готовить для взаимодействия с человеческими силовыми структурами? Люди сами по себе, мы сами по себе. Так было. Всегда. Или не всегда?

Нет, мне решительно это не нравится.

— Тебе тоже скучно стало?

Я обернулся. В сторонке, у стеночки, стоял Лас и тихонько курил, пряча сигарету в кулак будто школьник.

— А ты чего? — растерялся я.

— Что нового может мне сказать мент? — риторически спросил Лас. — Помню, лет пять как, встретил я одного милиционера, который играл на флейте «Щегленка» Вивальди. Вот тогда я удивился!

— Ну почему бы человеку не иметь такое хобби? — пожал я плечами. — Пусть он хоть трижды полицейский — играет себе и играет!

— Да, но не стоя зимой, в снегопад, на посту! — возразил Лас. Подумал секунду и добавил: — Хотя играл он фигово, скажу честно. На троечку.

Я покачал головой. Мне никогда не встречались ни милиционеры, ни полицейские, играющие на флейте. Мне вообще не встречалось и десятой доли тех забавностей, что наблюдал вокруг себя Лас. Вот всяких гадостей встречалось в избытке, а забавностей — нет.

— Во-первых, меня не позвали на лекцию, — начал я.

Лас понимающе кивнул и шепотом произнес:

— Да, я бы тоже обиделся!

— Во-вторых, мне вообще странной кажется

вся эта тема, — продолжил я, проигнорировав шпильку. — Мы что, готовимся к каким-то катаклизмам?

— Стабильности нет, — сказал Лас. — Террористы опять захватили самолет.

— Какой самолет? — насторожился я.

Лас посмотрел на меня с подозрением. Потом спрятал окурок в карманную пепельницу и помахал рукой, разгоняя дым.

— Проехали. Это просто фигура речи. Антон, ты вокруг посмотри! На человеческий мир! Вы все Великие, могучие маги, вам неинтересно на обычную жизнь смотреть. А мир лихорадит, финансовый кризис за финансовым кризисом, валюты скачут, в развитых странах правительства падают, революция за революцией в малоразвитых странах. Между тем враг наш хитер и силен, он идет в наступление…

— Вроде бы с Дневным перемирие, — заметил я. — И Завулон не зловреднее обычного…

— Завулон? Ха! — Лас саркастически рассмеялся. — Он мелкая сошка. А наш враг — царь Тьмы!

— Дьявол? — уточнил я. — Ну так нет особых оснований полагать, что он существует… Ты покрестился, что ли?

— Спрашиваешь! — Лас гордо запустил пальцы

за ворот и продемонстрировал новенький блестящий крестик. — Покрестился, исповедался, причастился… все дела!

— Хорошо, что не соборовался… — съязвил я. — Ну все, теперь силы зла обречены.

— Не иронизируй, — обиженно сказал Лас.

Мне стало неудобно. В конце концов, вера — это личное дело каждого. Иной он или человек… Вон Арина, уж на что ведьма — все равно ведь верит!

— Извини, я не прав, — сказал я. — Поскольку вопрос существования Бога принципиально неразрешим…

Лас покровительственно похлопал меня по плечу.

— Ничего-ничего. Я понимаю. Но ведь ты не будешь отрицать, что в мире нарастают противоречия между странами, неразрешимые мирными методами, растет финансовая нестабильность, терпят крах традиционные экономические, политические и социальные модели?

— Не буду, — признал я.

— Ну так в этих условиях Дозоры просто обязаны готовиться к мерам по защите человеческого поголовья!

Мне показалось, что я ослышался.

— Чего — человеческого?

— Поголовья. Ну, населения, — поморщился Лас.

— Как-то ты невежливо о людях, — сказал я.

— А разве они заслужили другого? — удивился Лас. — Две тысячи лет, как людям дана была благая весть! И что за это время изменилось? Войны, насилие, подлости и гнусности!

— В целом все равно прогресс есть, — не согласился я. — Раньше во время войны людей истребляли или превращали в рабов, крестьяне умирали с голоду…

— А теперь во время войны пытают и травят газами в концлагерях, бомбят высокоточными бомбами или, в лучшем случае, захватывают страну экономически и превращают в бесправных сателлитов. А там, где нет войны, дурят своих и держат их за скотов. — Лас развел руками. — Какой-нибудь Чингисхан, Ксеркс или Калигула были, пожалуй, честнее. Так что уважать людей пока не за что.

Я начал потихоньку заводиться.

— Лас, мы — Ночной Дозор. Мы защищаем людей, а не презираем их…

Лас поморщился. И, понизив голос, сказал:

— Слушай, Антон… Ну, ты это… Высший маг. Начальник, и вообще. Но давай сейчас неофици-

ально, по-дружески?

— Давай.

— Тогда не вешай мне лапшу на уши, что мы людей защищаем, — спокойно сказал Лас. — Мы ими управляем… помаленьку. И мешаем Дневному Дозору управлять людьми так, как они считают правильным. Какая защита, если мы вампирам лицензии на людей выдаем? Какая защита, если на каждое сделанное нами доброе дело Темные получают право совершить зло? Мы себя защищаем! Свой образ мыслей, свое удобное существование, свою долгую жизнь и отсутствие человеческих проблем. Да, мы хорошие, а Темные — плохие! Поэтому мы не согласны относиться к людям совсем уж как к скоту. Но мы ведь не считаем их равными себе!

— Считаем, — упрямо сказал я.

— Ой ли? — Лас засмеялся. — Ты когда последний раз жил человеческой жизнью, Антон? Так, чтобы считать в кармане деньги до зарплаты, унижаться перед мелким человеческим чиновником, получая нелепую справку, мыкался по обшарпанным поликлиникам, добиваясь от усталых врачей лечения, стоял в двухчасовой пробке — потому что ради очередного вождя перекрыли пол-Москвы, увертывался от несущейся

по встречке машины с мигалкой и «особыми» номерами?

— В Москве изрядно людей, которые тоже не считают каждую копейку, не унижаются перед чиновником… — начал я.

— Конечно, и они считают окружающих скотами, — кивнул Лас. — Тех, у кого на машине нет мигалки, а в бумажнике — пары кредиток от крупных иностранных банков. И если ты ведешь себя как они — а ты, прости, именно так себя ведешь, просчитав линии вероятности, реморализовав на пару минут встречных хамов, расплатившись в магазине служебной карточкой, у которой вообще лимита нет…

— Почему ты думаешь, что у служебных карточек нет лимита? — поразился я.

— Я проверил, — усмехнулся Лас. — Ты, похоже, стараешься жить в рамках якобы начисляемой тебе зарплаты? Посчитай как-нибудь из любопытства, убедишься, что давно уже тратишь в два-три раза больше, чем зарабатываешь! Единственный лимит — твое внутреннее чувство меры… а оно имеет свойство растягиваться. Так вот, Антон, если ты ведешь себя как те из людей, что привыкли считать себя выше других, то ты ничем от них и не отличаешься.

— Я не езжу на красный свет с включенной мигалкой! — рявкнул я.

— Конечно. Ты проезжаешь перекресток в Сумраке, или накладываешь на машину «сферу невнимания», из-за чего все притормаживают, сами не понимая причины. Чем твоя магия отличается от мигалки? Ничем! Ты тоже считаешь себя представителем высшей расы… только, конечно, с большим основанием. Ты и есть представитель высшей расы! Ты Иной. Светлый Иной. Поэтому хочешь людям добра. Но ты давным-давно не живешь жизнью обычных людей и просто уже не сможешь ею жить. Даже одного дня не выдержишь.

— Выдержу, — упрямо сказал я.

— Тебе только так кажется, — поморщился Лас. — Так что… Я людей люблю, я им добра желаю. Но не идеализирую. И раз они себя ведут как скот, так к ним и приходится относиться. Делать вид, что между мной и дворником Васей нет никакой разницы, не собираюсь.

— Между нами нет никакой разницы, кроме того, что мы имеем магические способности, — сказал я. — Абсолютно. У нас та же мораль, те же мечты… и вообще! — Я поднял руки, коснулся Сумрака, нащупал собственную ауру. — Блок на

сутки!

— Был совершенно убежден, что ты так и сделаешь, — кивнул Лас. — Что ж, попробуй. Только зря сразу с таким размахом… на сутки. Тебе бы хватило пары часов.

— Я в аэропорту на паспортном контроле час простоял, — сказал я. — Ничего… не пищал.

— Жаль, что не два, — вздохнул Лас. — Тогда сейчас был бы осторожнее… Ну ладно, завтра поговорим.

— Поговорим, — кивнул я.

— Тебя до дома подвезти? — поинтересовался Лас.

Я только презрительно фыркнул и пошел к выходу.

Глава 3

Есть такой простой способ понять, что чувствует в жизни слепой человек, — закрыть глаза и попробовать что-нибудь сделать. Что-нибудь привычное и нетрудное. То, что обычно и так делаешь «не глядя», — достать ложку из ящика стола, закурить сигарету, вставить диск в проигрыватель.

Больше пяти минут для того, чтобы все и навсе-

гда понять, не требуется.

Можно провести и более гуманный эксперимент. Привязать на живот груз килограммов в десять, окружив его большой мягкой подушкой. Только груз обязательно должен быть хрупкий и такой, чтобы разбить его было безумно жалко. И походить так хотя бы сутки. И поспать с этим грузом…

Полной аналогии даже так не получить, но почему-то испытавшие подобный тренинг мужчины начинают вскакивать в транспорте как ошпаренные, едва завидев беременную женщину.

Магия, конечно, не дана нам от рождения (если исключить мою дочь) и не так бесценна, как ребенок. Магия — всего лишь дополнительное удобство в жизни. Как эта самая чертова мигалка на дорогой машине… или депутатское удостоверение-«непроверяйка», при виде которого гаишники идут пятнами и с ненавистью козыряют нарушителю. Ну неужели я не обойдусь без магии всего одни сутки?

Хотя, конечно, «сферу невнимания» хорошо было бы оставить. Как магический аналог мигалки… сдалась же она мне!

Впрочем, я понимал, почему мысли непрерыв-

но возвращаются к пластиковой синей херне, которая с крякающим звуком сверкает на крыше «мерседесов» и «БМВ». Меня угораздило возвращаться домой хоть и днем, но уже в час пик (впрочем, после того как новый мэр Москвы выделил на каждом проспекте по широченной полосе «для общественного транспорта», час пик в Москве растянулся на весь день и большую часть ночи), и обгоняющие меня по встречной полосе чиновничьи машины начали вызывать одновременно и отчаянную зависть, и жгучую ненависть. Я попытался вспомнить, видел ли хоть в одной другой стране машины со спецсигналами — ну, за исключением полицейских и «скорой помощи». Вспомнилось несколько случаев — один в Лондоне, один то ли в Испании, то ли в Италии.

А справа была пустая полоса, отделенная сплошной линией. Почему-то машины с мигалками туда не лезли, хотя, казалось бы, уж им-то чего стесняться? За те полчаса, что я провел в медленно ползущей пробке, по выделенной полосе проехало два автобуса и парочка машин с начерно затонированными стеклами и без номерных знаков. В одной машине — громоздком внедорожнике «лексус» — стекло со стороны

водителя было опущено, за рулем сидел смуглый юноша с мобильным телефоном в руке. На дорогу он практически не смотрел. Раньше таких в милицейских сводках называли «лицами кавказской национальности», последнее время стали использовать политкорректное выражение «уроженец Северного Кавказа», в обиходе быстро трансформировавшееся просто в «уроженца».

Ну хоть бы автобусы и такси шли по выделенной полосе сплошным потоком, как это происходит во всем мире! Ведь было бы не так обидно. Было бы понятно, что ты платишь своим временем за комфорт поездки в машине, в то время как пользующиеся общественным транспортом люди получают право проехать без пробок…

Но автобусов не наблюдалось. Впрочем, и водители, кроме нескольких особо уверенных в себе «уроженцев», на выделенку не лезли.

Я закурил. Потом смял в пепельнице сигарету и стал выворачивать вправо. Пропускали меня не то чтобы радостно, но спокойно — пробка сплотила водителей, но пока еще не успела довести до озверения. Миновав четыре ряда машин, ползущих в трех полосах, я мрачно вывернул на выделенку и дал газ.

Что там у нас, кажется, повсюду камеры наста-

вили? Ну и пусть придет по почте штраф, плюну и оплачу… Я бодро двинулся вперед, все-таки поглядывая на спидометр, чтобы не превысить шестидесяти километров в час. Далеко впереди маячил «лексус». По обочине неспешно ковыряли асфальт и твердую осеннюю землю «уроженцы Средней Азии». На каждого ковыряющего приходилось трое-четверо бесцельно стоящих в сторонке или с любопытством наблюдающих за медленной рекой из сверкающих машин. Гастарбайтеры заканчивали снимать с тротуара асфальт, чтобы по новой моде заменить его тротуарной плиткой. Среди них лавировали редкие прохожие, перепрыгивая с островков уцелевшего асфальта на клочки земли поровнее. Молодая мамаша сосредоточенно и непреклонно толкала вперед детскую коляску, будто не замечая окружающего ее кошмара. Мне вдруг представилось, как где-то примерно здесь, только семьдесят лет назад, такая же молодая женщина толкала тачку, вывозя землю со строительства противотанковых рвов — к Москве подступали фашисты. Но если тогда ее мучительный труд был осмысленным подвигом, то теперь подвиг стал бессмысленной и трудной мукой.

Гастарбайтеры кончились, начался просто

перекопанный тротуар, вдоль которого были складированы надолбы серой, мрачной бетонной плитки. Интересно, а что мешало вначале уложить плитку на этом участке тротуара, а уже потом начинать курочить новый?

Ответа на этот вопрос не было. Зато в конце искореженного тротуара, там где почище, была припаркована машина ГИБДД и двое ребят в мышиных шинелях радостно махали мне полосатыми жезлами.

Я прижался к обочине, затормозил и опустил стекло.

— Старший сержант Роман Тарасов! — бодро сообщил подошедший полицейский, молодой и румяный.

— Рядовой водитель Городецкий! — почему-то столь же бодро и даже дурашливо ответил я, протягивая документы на машину и права.

— Нарушаем! — сказал сержант с улыбкой.

— Точно, — не стал отпираться я. — Сил нет уже никаких стоять в пробке.

— Эта полоса — для общественного транспорта полоса! — объяснил мне как ребенку полицейский. — Не видите, что ли?

— Вижу, — признался я. — Но еще я вижу «лексус», который мимо вас проехал. И не вижу ни

одного автобуса за последние четверть часа.

Сержант поскучнел, но все-таки продолжал улыбаться.

— «Лексус»… он большой, почти как автобус. — Похоже, он попытался пошутить. — А что автобусов нет — так это не повод нарушать!

— Согласен, не повод, — кивнул я. — Но все-таки почему вы «лексус» не остановили?

Сержант посмотрел на меня как на идиота.

— Вы что, номера его не видели?

— Не видел, — сказал я. — Да их не было вовсе! Кстати, тоже нарушение… и стекла затонированы сверх нормативов. Целый букет нарушений.

— Букет… — Сержант сморщился, как от зубной боли. — Остановили ребята как-то такой букетик… вылетели с работы, хорошо хоть, под суд не пошли! А мне эта работа знаешь как досталась?

— Как? — еще больше удивился я.

Полицейский осекся. В его взгляде появилась та смесь осторожности и брезгливости, с которой нормальные люди смотрят на неадекватного человека.

— Выезд на полосу для движения общественного транспорта, — сухо сказал он. — Штраф три тысячи рублей.

— Признаю, — снова согласился я. — Выписы-

вайте квитанцию.

Теперь уже он смотрел на меня совсем опасливо.

— Вы же вроде как спешили, водитель Городецкий…

— Спешил.

— И машинка у вас… не «лексус», — блеснул он мудрым замечанием.

— Верно подмечено! — воскликнул я. — «Форд».

— Можно попробовать решить ситуацию… за половину… — совсем негромко сказал полицейский. — И выписывать квитанцию — дело долгое…

Меня стал разбирать смех. Какой-то он был… совсем голодный. Я, конечно, последние семнадцать лет жил не так, как все люди. Но все-таки кое-что помню.

Со времен моей встречи с Пастуховым на ВДНХ они ничуть не изменились…

— Знаешь, Роман, выписывай мне штраф, — сказал я. — Мне, конечно, хотелось бы деньги сэкономить и время не терять. Но только противно. Понимаешь?

У него что-то дрогнуло в лице.

— А мне, думаешь, не противно? — негромко

сказал он. — Что одних остановить не смей… другие корочками машут… что у родителей в городе все заводы закрыли, а пенсии ни на что не хватает… что все вокруг… а я… — Он сбился, махнул рукой и мрачно посмотрел на меня. Протянул документы. — Езжай…

— А как же штраф? — спросил я.

— А никак! — Он развернулся и пошел к напарнику.

Я посмотрел ему вслед. Иногда для реморализации не нужна магия. Жалко только, что и действует такое волшебство недолго… не на всех… и не всегда…

Медленно выруливая обратно в правую полосу, я услышал реплику напарника сержанта:

— Ты чё?

— Да это… актер он, популярный, театра и кино… — неуклюже соврал Тарасов. — Пускай едет…

Я опустил стекло, втиснулся между пыльным «ниссаном» и битой старой «Волгой», мигнул аварийкой, благодаря, что пропустили. И посмотрел на часы.

Ничего, через полчаса буду дома.

Тут пешком-то хода двадцать минут, если напрямик, через дворы…

На самом деле я подъехал к дому через четверть часа — что-то в загадочном механизме московских пробок переключилось, и машины задвигались более-менее живо. Я остановился возле дома, на привычном месте, и сообразил, что на этом удобном пятачке асфальта мной давным-давно было наложено заклятие, мешающее парковаться другим людям. Быть принципиальным до конца и переставлять машину? Глупо, ведь на это место все равно никто не встанет.

Так что я решил не считать ранее наложенную магию нарушением, вылез и закрыл машину. Сейчас пойду домой, там мне способности Иного точно не понадобятся…

Звякнул телефон. Я посмотрел на экран.

«Дорогой, купи хлеб черный и белый, масло растительное, десяток яиц, сосиски. И туалетная бумага кончается».

Светлана всегда пишет СМС с большими буквами и знаками препинания. Некоторых это смешит, а некоторых почему-то даже злит. Мне — нравится.

Я пожал плечами и отправился в ближайший супермаркет — «Перекресток». Как известно, с древних времен перекрестки считались местом встречи злых сил, вампиров и темных колдунов,

недаром их предпочитали там и хоронить, для надежности вколотив в грудь осиновый кол с прицепленными к нему текстами из священных книг. Так, наверное, возникли первые дорожные указатели…

Нынешние супермаркеты, неосторожно взявшие себе это название, особым уважением в Москве не пользовались — в силу невысокой пафосности и разнокалиберности публики. Но мне там всегда было уютнее, чем в немноголюдных «Азбуках вкуса», «Глобусах Гурмэ» или «Седьмых континентах».

Идти было недалеко, минут пять. Но по пути я успел с горьким сарказмом подумать, что именно сегодня, отказавшись от использования магии, я непременно попаду в переделку. Меня обсчитает и обхамит молоденькая кассирша. У кассы будет считать в ладошке мелочь и горько рыдать, складывая с ленты обратно в корзинку куриные окорочка и пшено старушка-пенсионерка. Безусый юнец станет покупать дешевую водку или крепленое пиво, а кассирша (та самая, что меня обсчитает) сделает вид, что не замечает его возраста.

В общем — непременно случится какая-нибудь гадость, на которую в обычной ситуации я мог бы

потратить доступные мне по рангу слабенькие заклинания реморализации — «укор», «стыдоба» или даже «позор», восстановив справедливость и покарав порок.

Но и сейчас я сдаваться не собирался. Я докажу всем, и в первую очередь самому себе, что способен жить как обычный человек, сохраняя достоинство и делая жизнь вокруг лучше. Пристыжу кассиршу (блин, да с чего мне сдалась эта неведомая девушка?), заплачу за старушку, которая будет благословлять меня вслед, а юноше, обдумывающему питьё, сурово укажу на вред употребления алкоголя в отрочестве. В общем — сделаю все так же, как всегда, только без магии.

С дорожной полицией ведь получилось!

Так что, взяв корзинку и отправившись в путешествие по магазину (так… масло — вот оно… яйца рядом…), я был готов ко всему. Сосиски… хлеб… туалетная бумага уже на выходе, там возьму…

Стоя в очереди на кассу, я рефлекторно прихватил со стойки круглый леденец и шоколадное яйцо с сюрпризом. Подумал о том, что последние месяцы эти традиционные подарки уже не вызывают у Нади прежнего бурного восторга.

Что поделать. Дети растут быстрее, чем мы

успеваем это осмыслить.

Старушка в очереди и впрямь была. И юнец с какой-то бутылкой. И кассирша оказалась молодой, нагловатого вида, да еще и с пирсингом в носу.

Я внутренне собрался.

Старушка выложила на ленту курицу, пакет крупы (что же это, выходит, способности к предвидению у меня работают даже при заблокированной магии?) и, несколько неожиданно, бутылку массандровского кагора. Далее из старенького кошелька появилась на свет пластиковая карта.

— У меня терминал не работает, только наличные… — начала кассирша.

— А я обязана знать, что терминал не работает? — мгновенно кинулась в бой старушка.

— Я же табличку поставила… — Кассирша замолчала, ловко сгребла бабкины покупки, встала и перенесла их на соседнюю ленту. — Лейла, пропусти бабушку без очереди…

Что-то возмущенно бормоча, старушка перешла к соседней кассе, буркнув все ж таки «спасибо» кассирше с пирсингом. Очереди терпеливо ждали. Юнец нервничал, смотрел на часы, но стоял. Я изучал табличку «Извините, пластиковые карты временно не обслуживаются».

Мужчина с наружностью строительного рабочего приобрел два пакета лапши быстрого приготовления и банку крепкого пива, после чего уверенным шагом двинулся к аптечному лотку. Я не сомневался, что он собирается приобретать — либо «жидкость антисептическую, содержание спирта 96 %», либо настойку боярышника, которая ко всему еще и обладает приятным запахом. А вот следующий за ним юнец приобрел вовсе не алкоголь, а какой-то витаминизированный лимонад «на натуральных компонентах». Может быть, и он, конечно, собирался замешать этот лимонад на настойке боярышника, но я решил не думать о людях плохо. Иначе и сам стану считать их неполноценными.

Девушка быстро пробила мои покупки и даже выдала дежурную усталую улыбку, после чего принялась за следующего клиента. Я задумчиво пошел на выход.

С одной стороны — Лас не прав. Могу я прожить без магии, не проблема… А с другой — выходит, что я и впрямь от этого отвык, если простой поход в магазин превратился для меня в ожидание подвига…

Да, кстати, а что там Лас говорил про наши зарплатные карты?

Я двинулся к банкоматам. Достал карточку, повертел в руках. Выпущена она была каким-то неизвестным мне «Commonwealth Bank of Australia», что в общем-то было странно. Мало, что ли, в России собственных банков или филиалов известных зарубежных? Я всунул карточку в щель банкомата, ввел пин-код. Так… попробуем… «запрос баланса». Информации нет. Разумеется, банкомат принадлежал «Райффайзену», а банкоматов от австралийского банка Содружества я в России не видел никогда. Наверное, их стоило искать в Австралии. И на Тайване, кажется, я видел их логотип… но в голову не пришло проверить баланс.

Интересно, какой смысл Ночному Дозору выдавать своим сотрудникам карты банка, который не ведет в России никакой деятельности и не имеет представительств?

Ну… к примеру, чтобы сотрудники не могли проверить баланс.

А зачем это вообще нужно?

Я выбрал в меню «выдача наличных». Потом «иная сумма». Усмехнулся каламбуру. Иная сумма для Иного… Обычное ограничение на разовую выдачу денег — тридцать тысяч рублей.

Набрав «30 500», я нажал ввод.

Банкомат подумал секунду и зашелестел купюрами.

Я ввел пин-код повторно. Вошел в выдачу наличных. Выбрал в меню доллары. Помедлил, прежде чем ввести сумму.

Нет, ну это же бред…

«25 000». Ввод.

Да банкомат просто не сможет выдать мне двести пятьдесят купюр!

Внутри машины застрекотало. Выдвинулась стопка стодолларовых бумажек. Как во сне я вынул ее, сунул в карман. Банкомат не стал запрашивать пароль повторно — он принялся вновь отсчитывать купюры. Я стоял, пытаясь прикрыть щель с деньгами от любопытных взглядов — европейская деликатность в этом вопросе в России пока не прижилась.

Еще одна стопка денег.

Шелест купюр — отсчитывается новая порция…

Да что я буду делать с двадцатью пятью тысячами зеленых? Это можно новую машину купить, но зачем она мне…

Вот, собственно говоря, и ответ.

Светлые Иные — не аскеты и не бессребреники. Мы любим красиво одеться и вкусно поесть. И

от нового телевизора не откажемся. И от новой машины.

Но в отличие от Темных нам это… неудобно, что ли. Мы словно стараемся жить по утопическому коммунистическому лозунгу: «С каждого по способностям, каждому по потребностям». Только свои способности оцениваем сами… и порой достаточно критично. И в результате занижаем и свои потребности.

Что сделать, чтобы убежденные альтруисты могли ни в чем себе не отказывать? Ответ прост — отучить их считать. Вот вам банковские карты, ребята. Ваша зарплата (и поверьте, начальство знает, на сколько вы наработали) перечисляется вам на счет… пользуйтесь.

Наверное, мы единственная в мире организация, не важно, человеческая или Иная, где начальство пытается обманывать рядовых сотрудников, завышая им ставки.

А точнее — ничем их не ограничивая.

Смешно…

— Не самый разумный поступок для Иного, заблокировавшего свои способности, — тихо сказали мне со спины. — Я имею в виду — прогуливаться по вечерней Москве с карманами, полными баксов.

— Я думаю, по вечернему Лондону или Нью-Йорку гулять с такой суммой тоже не слишком разумно, — ответил я не оборачиваясь. — Я знал, что ты за мной следишь, Арина.

Ведьма тихо рассмеялась. Я закончил прятать в карманы деньги и повернулся к ней.

Выглядела она превосходно. Как всегда.

— Ты специально заблокировал свою магию? — спросила она. — Чтобы меня выманить?

— Нет, — признался я честно. — Поспорил… с одним товарищем.

— Можешь ли прожить без магии? Ну и как? — В голосе Арины был неподдельный интерес.

— Масса неприятных мелочей, но жить можно.

— А я не могу, — вздохнула Арина. — Превращусь в дряхлую развалину… Кстати, и ты не до конца честен. Ты заблокировал свою магию, но при тебе осталось здоровье Иного, у тебя видна магическая аура — и на тебя не рискнет напасть никакой вампир или оборотень…

— Заблокировал что мог, — мрачно сказал я. — Лучше скажи, что ты собираешься делать?

— Я? — искренне удивилась Арина. — Провожу тебя до дома, чтобы никто не обидел. Поболтаем по пути… Клянусь не причинять зла! А ты не

нападешь?

Разумеется, я мог снять установленный собой же магический блок. Но это заняло бы несколько минут и Арина бы это почувствовала.

— Пока не вернусь домой — нет, не нападу.

— Здорово, — обрадовалась ведьма. — Пойдем потихоньку, а то уже темнеет и силы зла выходят на охоту.

Я подумал, что при виде Арины любая сила зла, хоть чуть-чуть разбирающаяся в магии, наложит себе в штаны, но озвучивать эту банальную мысль не стал. Улыбаясь друг другу, мы вышли из супермаркета и направились к моему дому.

То, что Арина прекрасно знает, где я живу, меня ничуть не удивило.

— Как тебе пророчество? — небрежно спросила Арина, едва мы отошли от магазина пару шагов.

— Никак. Ты же украла флешку.

— Ой, прости, забыла извиниться за то хулиганство, — ничуть не смутившись, ответила Арина. — Но я не поверю, что компьютерщик не сохранил копию.

— Вот и Гесер не верил, — вздохнул я. — Весь дом перерыли, компьютер и ноутбук проверили… игрушку отобрали…

— Только не надо лицемерить, — фыркнула

Арина. — Чтобы ты и не сохранил копии, да так, чтобы ее не нашли? Послал на какой-нибудь емейл, к примеру…

— Я думал об этом, — кивнул я. — Но это тоже элементарно отслеживается.

— Все равно у тебя есть этот файл, — убежденно сказала Арина. — Впрочем… хочешь я просто верну тебе ту флешку? Мне она уже не нужна.

— Я ее уничтожу, Арина. Можешь отнести Гесеру, он интересовался.

— Вот горе-то горькое, я к Гесеру идти не хочу… — развела руками Арина. — Мне ты интересен. Что делать-то будем?

— Повторяю — я не слышал пророчества! — раздраженно ответил я. — Не слышал! И не хочу слышать!

Арина замолчала. Некоторое время шла, раздумывая о чем-то своем. Потом сказала:

— Тебе придется его послушать. Это важно, Антон. Поверь.

— А потом за мной придет Тигр? И мне придется решать — раскрывать пророчество людям или умирать? Благодарю покорно! Оставлю этот выбор тебе!

— Антон, все сложнее, чем ты думаешь.

— Жизнь всегда сложнее, чем мы ее себе пред-

ставляем. Хватит! Мне надоело, понимаешь? Надоело решать за других! Надоело защищать Ночной Дозор! Надоело сражаться за добро! Все надоело!

Я не сразу понял, что стою и кричу, а редкие прохожие обходят нас стороной. Арина тоже остановилась, мрачно посмотрела на меня. Потом сказала:

— Антон, я тебя понимаю. Я и сама не в восторге от происходящего. Но это пророчество ты должен услышать. И ты его услышишь.

— И как ты этого добьешься? — спросил я. — Принудишь? Опять нарушишь свои клятвы?

— Опять? — удивилась Арина. — Я ничего не нарушала. Я не клялась, что не сопру у тебя штаны и флешку. — Она хихикнула, потом посерьезнела. — Нет, Антон, я не собираюсь пользоваться твоей временной беспомощностью и принуждать тебя слушать пророчество. Ты сам это сделаешь.

Я рассмеялся и ускорил шаг. Арина торопливо пошла следом.

— Антон! Ты помнишь анекдот про то, как заставить кошку вылизывать себе под хвостом?

— Нет.

— А зря, он хоть и детский, но демонстрирует разные подходы к решению проблемы… Там, как

водится, представители трех народов действуют. Американец кошку загипнотизировал. Француз долго и тщательно дрессировал…

— По-моему, дрессировал китаец… — ответил я не останавливаясь.

— Не важно. А русский намазал кошку горчицей, после чего она стала вылизываться добровольно и с песней. Вот так и ты, Антон, пророчество послушаешь сам — и с песней!

— И что будет горчицей? — спросил я.

— Твоя дочь. Пророчество мальчишки касается Нади.

— Что? — Я обернулся.

Арина развела руками.

— Что слышал. И не надо так на меня смотреть, я не виновата… Пока, Антон! Когда захочешь со мной поговорить о пророчестве — позови. Просто позови через Сумрак. Я услышу.

Она взмахнула рукой, демонстрируя мне Минойскую Сферу, и исчезла.

— Старая дрянная ведьма! — крикнул я. — Интриганка! Сумасшедшая!

Ответом мне была тишина.

Дрянная, старая, сумасшедшая интриганка…

Да, конечно.

Но горчицей она меня намазала хорошо. Чув-

ствовался профессионал.

О том, что я забыл купить туалетную бумагу, я вспомнил, только выходя из лифта.

Глава 4

Кажется, Светлана поняла все сразу, едва я вошел в дверь. Но вопрос задала только поздно вечером, уже в постели.

— Ты заблокировал свою магию?

— Угу. — Я не стал отпираться, но и в объяснения попробовал не вступать. — Завтра блок сойдет.

— Я вижу. На спор?

— На спор.

Светлана отложила книжку, которую читала перед сном уже второй вечер, заглянула мне в глаза. Я напрягся, ожидая иронии или хотя бы просто вопроса «на фига?».

— Трудно было, Антон? — спросила Светлана.

— Да, — признался я. — Никогда не думал, что постоянно что-то делаю магически… по мелочам, но делаю…

— Понимаю.

— Это трудно понять. — Я улыбнулся, чтобы сгладить невольную резкость. — Пока не попро-

буешь, кажется, что это ерунда…

— Антон, я уже четыре года не использую магию вне дома.

— Что? — Я присел на кровати. — Но это же глупо!

— Да, я знаю, — кивнула Светлана.

— Но почему?

— Мне показалось, что я перестаю быть человеком, — ответила Светлана. — Как-то очень незаметно. Вначале это казалось чудесным — решать все проблемы одним движением, беспокоиться лишь о соблюдении баланса добра и зла… Потом я поняла, что решаю я только и исключительно свои проблемы. Начала успокаивать себя, что в этом нет ничего плохого. Что Ночной Дозор не может уничтожить зло… что это вообще не его задача… мы можем лишь не допустить поражения добра, всего остального люди должны добиваться сами… Ну, ты знаешь. Все то, чему учат юных Иных в школе… те, у кого самые горячие сердца, идут потом в Дозор, а у кого самые холодные головы — просто живут среди людей Иной жизнью… А потом мне стало… — Она замолчала, подыскивая слово.

— Противно? — спросил я с жадным любопытством. Мне важно было понять это самому.

— Неуютно. — Светлана покачала головой. — Не противно. Мы ведь и впрямь стараемся нести добро. Но… неуютно. Это знаешь как… наверное, так себя чувствовал Румата Эсторский, прежде чем достать мечи и встать перед дверью, которую ломали штурмовики.

— Понимаю, — кивнул я.

— Я тебя люблю именно за то, что ты понимаешь и тебе не надо объяснять, кто такой Румата, — серьезно сказала Светлана и улыбнулась. — Вот… и я поняла, что кончу так, как он.

— У меня тоже такое было, — сказал я.

— Ты справился. Ты мужчина, ты по-другому реагируешь. Ты, в конце концов, можешь напиться и обругать Гесера. — Она снова улыбнулась. — А я поняла, что сорвусь и натворю глупостей по полной программе… И перестала пользоваться магией. Ну… кроме как дома. Ненавижу гладить белье!

— Почему ты мне ничего не сказала? — спросил я.

— Ты был занят. Ты спасал мир.

— Прости, — сказал я. Мне было нестерпимо стыдно. — Прости меня.

— За что?

— За то, что я слепой самовлюбленный осел. За

то, что не увидел…

— Ты и не мог ничего увидеть, я не ставила блок. Я просто перестала использовать магию.

Я посмотрел Светлане в глаза. Потом глянул на дверь спальни.

— Спит, — сказала Светлана.

А потом нам была не нужна никакая магия.

Глубокой ночью я лежал в кровати, слушал дыхание жены и думал о пророчествах.

Их два… и что-то тут не складывается…

Нет, на самом деле их не два. Вот в чем моя ошибка.

Было еще и третье.

Пророчество о том, что у Светланы родится дочь, которая станет Абсолютной волшебницей. Иной беспредельной силы. Той, кто сможет изменить баланс Света и Тьмы… изменить весь существующий порядок вещей.

Я как-то почти забыл об этом. А ведь это было пророчество, которое осуществилось. Ради него Ольга переписывала судьбу Светланы. Ради него Гесер сводил нас вместе, интриговал, рисковал, лез в конфронтацию с Завулоном и Инквизицией. Ставки были чудовищно высоки… и вдруг все закончилось? Завулон смирился с поражением?

Да не может такого быть…

Значит, эта игра еще не закончена. Она длится. Пророчество осуществилось, Надя — Абсолютная волшебница, но к чему это приведет, в пророчестве не определено.

Хорошо. Отложим этот факт в памяти, он явно важен. Надя — одна из фигур на доске. Возможно — главная фигура… белая королева…

Что дальше?

Пророчество мальчика Кеши. Его уже знает Арина — значит, Тигр идет за ней… Или не идет? Согласно классической версии, Тигр пытается уничтожить пророка, не допустить озвучивания и осуществления пророчества. И это вполне согласуется с тем, что я видел своими глазами и слышал своими ушами. Штурмуя офис Ночного Дозора, Тигр сказал: «Пророчество не должно быть услышано».

Верно? Верно.

Но по мнению старого китайского мага, Тигр вовсе не преследует таких целей. Его задача — «тормошить» пророков, подстегивать их к донесению до людей своих пророчеств, чтобы те сбылись — и так или иначе изменили человеческую жизнь, не дали людскому муравейнику остановиться в развитии. Версия складная и подтвержденная историей самого Фан Веньяна…

Тигр «тормошит» пророков, пока они не исполняют свой долг — или твердо решают никогда пророчество не озвучивать. Видимо, то, услышанное Веньяном пророчество, несло что-то очень плохое Китаю — и маг готов был умереть, лишь бы спасти свою страну. Тигр понял это и ушел, ему не нужны напрасные жертвы.

Но почему тогда в случае с Кешей «пророчество не должно быть услышано»? Оно какое-то особенное? Выходящее за рамки обычных, приносящих в мир спутники, мини-юбки или рок-музыку? И при этом, если верить Арине, оно еще и касается напрямую моей дочери?

Загадка.

Так, пойдем с другого конца. Кто такой Тигр? Опять же, по мнению Веньяна, а он этот вопрос, похоже, изучил лучше всех наших, европейских мудрецов, Тигр — не просто измененный и направленный Сумраком Иной, как Зеркало. Он более сложен. Он… ну, можно сказать, что в какой-то мере он живой. Живой и разумный.

Как и Сумрак.

В общем, он и есть Сумрак, в доступной нашим глазам форме…

У меня по коже пробежал морозец. «Someone is walking over my grave», как говорят англичане.

Кто-то прошел по моей могиле…

Кто-кто… Тигр в пальто!

Сумрак…

Вот он, вокруг меня. Доступный Иным и только едва-едва угадываемый людьми. Источник Силы… и одновременно ее потребитель.

Если верить Веньяну — живой и разумный.

Как это может быть? Как может быть разумным ничто? Матрешка из семи измерений, одно из которых — наш мир, а остальные разнятся от холодной пустыни и до бледной копии реального мира? Разум должен иметь какой-то материальный носитель…

Или никому он ничего не должен?

Мы ведь даже не знаем, что такое магическая Сила, которую используем. Наши научники — все как на подбор плохие маги, зато умные головы — исследовали этот вопрос весь двадцатый век и продолжили в двадцать первом. Наши — это не только Светлые, не только русские. Иные во всем мире пытались понять свою природу, при необходимости привлекая и человеческих ученых, скармливая точно рассчитанные крохи информации Пентагону и ЦРУ, КГБ и закрытым советским научным институтам. Специально подготовленные Иные сотрудничали с человече-

скими учеными, демонстрируя какие-то грани своих способностей — слишком мало, чтобы их однозначно приняли всерьез, но достаточно, чтобы разжечь любопытство и засадить за работу целые лаборатории с миллионными бюджетами.

Ничего.

Есть Сила, которую мы чувствуем. Ее испускает все живое, но люди в наибольшей степени (следом за ними идут киты, дельфины, свиньи, собаки и крысы — обезьяны, кстати, даже не в десятке). Иные Силу чувствуют, видят как ауру, могут оценить и зафиксировать. Ну и употребить, разумеется… собрать в себе. Чтобы потом, входя в Сумрак или просто призвав мысленно его образ, совершить магические действия…

Как? Китаец совершенно прав — как Сумрак, который нематериален, превращает Силу, которую не фиксируют никакие приборы, во вполне материальный огненный шар или рассекающее металл и камень Тройное Лезвие? Наши мысли, желания — это только переключатель. Ну или пользуясь компьютерной терминологией — команды. А вся та незримая работа, которая и позволяет нам творить чудеса, происходит вне нашего сознания и нам неподконтрольна. Ее осуществляет Сумрак. Значит, Сумрак либо

немыслимый нематериальный компьютер, настроенный на исполнение желаний Иных — но тогда встает вопрос, кто его создал и запрограммировал, либо… либо немыслимое нематериальное разумное существо. Сверхсущество…

В принципе большой разницы тут даже нет. Машина из энергетических полей (допустим!) или столь же экзотический сверхразум. Всесилен ли он?

Нет, вряд ли. Всесилен и всеведущ по определению только Бог. Я как-то не готов поверить, что Всевышний, если он существует, занят тем, что осуществляет желания кучки Иных. Это противоречит и теологии, и здравому смыслу. Да и имеющимся фактам — тоже. Не похоже поведение Тигра или, к примеру, Зеркала на проявление божественной воли, всесильной и всемогущей. Поведение очень сильного и умного существа — да. Поведения Бога? Нет, ни в коей мере.

А чего у нас боится любое живое существо?

Ясное дело.

Смерти.

Значит… значит, пророчество мальчика Кеши так или иначе опасно для Сумрака. Поэтому Тигр и не хотел, чтобы оно прозвучало.

Логично?

Да.

Значит, примем за основу.

Теперь о другом пророчестве. О том, что прокричал в дупло совсем другой мальчик, живший давным-давно в Британии. О пророчестве, которое дремлет, законсервированное в деревянном кубке, вот уже почти триста лет.

Имеет оно какое-то отношение ко мне?

Или оно сообщало о независимости Северо-Американских Соединенных Штатов, открытии пенициллина или крушении «Титаника»?

Нет. В таких вещах, как пророчества, не бывает случайностей. Если уж оно попало ко мне в руки, если я догадался… конечно, если я действительно догадался… как его услышать…

Это два звена одной цепи.

А между ними — третье звено, пророчество об Абсолютной волшебнице Надежде…

И мне уже никуда не деться. Я тот кот, которого намазали под хвостом горчицей, — и я буду ее вылизывать, добровольно и с песней.

Потому, что на кону судьба моей дочери.

И потому, что мне очень не нравится приснившийся мне сон — про Надю, которая с ненавистью кричит: «Папа, что ты сделал с нами?» И это не просто сон, порожденный нервным напря-

жением, глотком спиртного и всплывшей из подсознания песенкой про волшебника-недоучку. Это предвидение… ну или, как говорят люди, «вещий сон».

Тихонько, чтобы не разбудить Светлану, я встал с кровати. Та предательски скрипнула, я замер, но жена не проснулась. Я пошел в гостиную, прикрыл дверь в спальню и зажег неяркий торшер.

В современном доме, если вы не фанатичный противник прогресса, а уж тем более — если увлекаетесь гаджетами, очень много электронных устройств, способных нести информацию. У меня проверили все. Стационарный компьютер и ноутбук. И нетбук Нади. И планшет Светланы. И мобильники. И будильник, в который можно записать свою музыку для побудки. И все флеш-карты. И автоответчик на стационарном телефоне. И даже игрушечного мишку Тэдди, в котором стояла микросхемка с записанной Светланой фразой «Я люблю тебя, Наденька…», тоже проверили — с извинениями. Про MP3-плееры не забыли.

Многие Иные, особенно те, что живут не первый век, плоховато разбираются в электронике и вообще в современной технике. Гесер в этом плане — продвинутый Иной, умница, старается

уяснить, что к чему.

И поэтому ко мне, для предельно вежливого досмотра, он отправил совсем молодых ребят, несильных магов, но зато прекрасно понимающих, где может быть микросхема с записью пророчества.

Ребята проверили все и ничего не нашли. Хотя у них были специальные приборы, я такие видел только в кино, которые на расстоянии определяли любую карту памяти, даже ни к чему не подключенную. Я их поблагодарил — они нашли пару давно потерянных в квартире флешек…

Но они не обнаружили пророчества.

Разумеется. Я и не делал копии на распространенном носителе, я же не идиот.

Из ящика серванта, где валялся всякий электронный хлам, я достал старенький мини-дисковый плеер фирмы «Сони». Тупиковая ветвь развития электроники, сейчас разве что особо эпатирующие публику (или особо бережливые) граждане такие используют. Аккумулятор в нем давно сдох.

Но имелся отдельный пристегивающийся контейнер, куда я и запихнул батарейку, потом прикрутил контейнер к плееру (все честь по чести, надежный винт, а не какие-то там защел-

ки) и нажал пуск. В наушниках хрипло запел Высоцкий:

В заповедных и дремучих,
страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи – то разбойники.
Страшно, аж жуть!
В заколдованных болотах
там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный —
заграбастают,
А уж лешие – так по лесу и шастают.
Страшно, аж жуть!
А мужик, купец и воин —
попадал в дремучий лес, —
Кто зачем: кто с перепою,
а кто сдуру в чащу лез.

По причине пропадали, без причины ли, —

Только всех их и видали – словно сгинули…

В общем-то слушать было не обязательно, но я дослушал песню до конца. До последнего куплета.

…А теперь седые люди

помнят прежние дела:

Билась нечисть грудью в груди

и друг друга извела, —

Прекратилося навек безобразие —

Ходит в лес человек безбоязненно,

И не страшно ничуть!

Вот теперь я нажал на «стоп». Воровато оглянулся. Двери и в спальню, и в детскую были закрыты. Разумеется, я не мог сейчас проверить Сумрак… но наш дом окружен такими мощными защитными заклинаниями, что даже Гесеру вместе с Завулоном пришлось бы пробивать их несколько часов. Заклинания мне положены по рангу… и поскольку здесь живет Надя…

Хочу я услышать пророчество?

Теперь я точно знаю, что оно есть, Арина это

сказала прямо. Нечего надеяться на то, что Кеша не нажал кнопку игрушечного телефона. И что пророчество касается цены на нефть или президентских выборов, тоже не приходится…

Я вздохнул, закрыл глаза и нажал кнопку.

Тишина. Потрескивание, будто от старой грампластинки.

— Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг… — тихо произнес детский голос. У меня затряслись руки, сжимающие плеер — теперь по моей могиле не просто ходили, на ней танцевали джигу-дрыгу… — Вы… вы нас всех отпустите…

Отпущу? Что это значит?

— Тигр приходит, тигр приходит, тигр приходит, — вдруг быстро, сбивчиво заговорил Кеша. — Тигр идет за тобой, тигр хочет жить… Сумрак засыпает… мало, мало, мало силы… пророчества ждут… долго, долго, долго… Надя Городецкая! Надя может, Надя может…

Я даже подскочил, когда торопливое бормотание вдруг прервалось именем дочери.

— На ноль делить нельзя, на ноль делить нельзя… — Это напоминало горячечный бред отличника. — Умножить на ноль — ноль, умножить на ноль… Убей Тигра! Убьешь Тигра, убьешь Сумрак! Убьешь Тигра, убьешь Сумрак! Убьешь

Тиг…

Запись кончилась. В игрушечном телефоне была маленькая флешка.

Несколько секунд тишины — и снова запел Высоцкий…

Много неясного в странной стране —
Можно запутаться и заблудиться…
Даже мурашки бегут по спине,
Если представить, что может случиться.

Вдруг будет пропасть – и нужен прыжок.
Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело?
А? Э-э! Так-то, дружок,
В этом-то всё и дело…

Я снял наушники, выключил плеер и бросил его обратно в ящик.

Собственно говоря, многое было понятно.

«Тигр приходит, Тигр идет за тобой…» Без комментариев.

«Сумрак засыпает… мало, мало, мало силы… пророчества ждут… долго, долго, долго…» Сумраку мало Силы? Странно как-то. Неужели в мире

мало горя и радости? Ну… допустим. Пророчества ждут… О каких пророчествах речь? То, что не озвучил Веньян? То, что «затормозила» Арина? Возможно.

Я представил себе тот поток эмоций, который вызовет — и не единомоментно, а на долгие годы и десятилетия — гибель России… или Китая… Безумие какое-то. Захлебнуться можно. Мир и без того несовершенен, он полон конфликтов, его раздирают мелкие войны и глобальные кризисы. Да пусть даже на всей Земле установится мир и благополучие, человек — это такая скотина, которая всегда найдет повод страдать!

Ладно, допустим, Сумраку мало поступающей Силы. Примем как факт.

«Надя может… На ноль делить нельзя, на ноль делить нельзя… Умножить на ноль — ноль, умножить на ноль…» Пожалуй, тут я тоже понимаю, о чем речь. Надя — нулевая волшебница. Абсолютная. Теоретически ее силе нет пределов. Конечно, она не очень-то умеет с ней управляться… но это дело наживное.

Что значит «на ноль делить нельзя»? Не применительно к математике, а в данном случае? И что значит «умножить на ноль — ноль»?

Я снова посмотрел на закрытые двери в детскую

и в спальню. Прокрался в прихожую и, чувствуя себя преступником, взял с полочки сигареты и зажигалку. Дома я не курю, даже на балконе… но вот сейчас понял, что мне это необходимо. Я набросил куртку, вышел на балкон, плотно прикрыл за собой дверь. Закурил, выпустил в ночное небо струйку дыма…

Кто такие Иные?

Разумные существа, способные использовать Силу.

Сумрак, и Тигр, как его воплощение, — это тоже разумное существо, способное использовать Силу.

Другой природы — но тоже разумное существо…

Кто самый сильный Иной?

Надя самая сильная. Нулевая волшебница.

И Сумрак — тоже нулевой.

Тут неприменимы понятия «сильнее» и «слабее». Даже у Великих, чью Силу нельзя толком измерить, есть различия в уровне Силы, потому и побеждают те, кто придумает более хитрые заклинания, быстрее их применит, ударит в неожиданное место. Но сила Сумрака и Нади — одинакова. Сумрак владеет всей энергией, которая в него стекается. И Надя каким-то удиви-

тельным образом тоже способна распоряжаться всей Силой мира.

Может ли Сумрак уничтожить Надю?

Может ли Надя уничтожить Сумрак?

Вот в этом и весь вопрос.

И судя по словам пророчества — способна.

«Убьешь Тигра — убьешь Сумрак!»

На ноль делить нельзя — Сумрак не может уничтожить Надю. Это, похоже, физически невозможно. И это меня очень радует!

Умножить на ноль — получить ноль…

Что это значит? Надя способна уничтожить Сумрак? А что произойдет при этом с ней? Она тоже погибнет? Или потеряет свои магические способности?

Да не хочу я такого для дочери!

Вот и весь расклад. Я не стану раскрывать пророчество. И запись уничтожу.

А Тигр?

Он за мной не придет. Это не в его интересах, ему нужно, чтобы пророчество не было сказано людям. Он сам так говорил. А я его никому и не скажу, и он это должен понимать. За Арину ручаться не могу, ну так пусть Тигр с ней и разбирается…

Я докурил и некультурно выбросил окурок

вниз. Проследил за его полетом с седьмого этажа — маленькая огненная точка прорезала темноту и затерялась в круге света под фонарем.

Прямо под ногами стоящего там человека…

Я вцепился в перила, глядя вниз. На молодого человека в светлом плаще. На Тигра, глядящего вверх, на меня.

Тигр поднял руку и помахал мне — то ли здороваясь, то ли прощаясь. Потом повернулся и ушел в темноту.

Я достал еще одну сигарету. Потом засунул ее обратно в пачку. Вернулся с балкона в квартиру, повесил куртку, в ванной прополоскал рот, чтобы не вонять табачищем, и тихонько пробрался в спальню. Светлана спала. Я лег и тоже заснул — легко и совершенно спокойно.

Глава 5

С утра те мистические силы, что отвечают за движение по московским дорогам (а эти силы, мне кажется, загадочнее любого Тигра), были ко мне благосклонны. Я легко выбрался на Третье кольцо, и движение по нему было бодрым. В нужную мне сторону, конечно, в противоположную машины ели ползли — но это уж как заведено.

Я встал в левый ряд и включил радио. Вначале меня обрадовали пронзительной песней с припевом «В голове ни бум-бум! Малолетка — дура дурой!», другая станция транслировала оппозиционного политика, который едва ли не матом крыл власть и утверждал, что в стране нет свободы слова. Собственно говоря, в любой стране с развитой свободой слова политик уже по окончании передачи получил бы судебный иск за клевету, диффамацию и инсинуацию. Поэтому я продолжил свое странствие по московскому эфиру и остановился на какой-то станции, транслирующей зарубежную легкую музыку.

— Сделай потише, Антон, — попросили меня из-за спины.

Я скосил глаза на зеркало. Да, мастерство — оно не зависит от возраста. Телепортироваться в движущуюся, защищенную машину, да еще так незаметно…

— Арина, я тебя не звал.

— Но ты прослушал пророчество, — сказала ведьма утвердительно.

— Конечно. Ты умеешь убеждать.

— И что?

— И ничего.

Арина помолчала. Потом вкрадчиво произ-

несла:

— Ты понимаешь, о чем это пророчество? Твоя дочь может уничтожить Тигра.

— И Сумрак, — сказал я. — Замечательная перспектива.

Арина сердито тряхнула головой.

— Антон! Опомнись! Ты же знаешь про то пророчество, что я пыталась предотвратить…

— Я знаю, что если каким-то чудом уничтожить Сумрак, — сказал я, следя за дорогой, — то вся наша Сила обратится в ничто. Будет стекать в никуда… или останется в этом мире… не важно. Но мы уже не сможем… лечить людей, защищать их…

— А то мы так много их лечим и защищаем… — сказала Арина. Не язвительно, а скорее грустно.

— Как можем, — пожал я плечами. — Наверное, все-таки не бывшей Темной, главе ведьм, упрекать в этом Ночной Дозор?

— Да уж, я известная Баба-яга, — хмыкнула Арина. — Лопала на ужин Ивашек, посылала гусей-лебедей на разбой…

— Этого я не утверждаю, — сказал я рассудительно. — Даже готов допустить, что ты лично мыла добрых молодцев в бане и воодушевляла их на битву со злом.

Арина неожиданно рассмеялась.

— А ведь ты прав! Было такое пару раз…

— Но, как любая ведьма, ты творила и добро, и зло, — продолжил я. — Без разбора. Я все-таки стараюсь держаться добра. Так что не надо… меня упрекать.

— Я не упрекаю, — неожиданно кротко сказала Арина. — Но ты же слышал пророчество? Сумраку не хватает Силы. Силу дают человеческие эмоции. Видимо, слишком спокойная стала жизнь…

— Ох уж спокойная! — воскликнул я. — Дня не проходит, чтобы войны не было. С сексом в мире тоже все в порядке. Общество потребления потребляет, третий мир воюет, корабли тонут, тайфуны бушуют, электростанции взрываются… эмоций через край. Еще и Голливуд старается, не оставляет людей без зрелищ.

— Значит, этого мало, — упрямо сказала Арина. — Значит, все идет не так, как угодно Сумраку. Нужны большие потрясения. Гибель царств, массовые исходы людей, холокосты и апокалипсисы…

— А мы-то тут при чем?

— Фан Веньян, если я правильно понимаю, отказался озвучивать пророчество, которое погубило бы Китай как единую державу, — сказала

Арина. — Я сделала нечто подобное с пророчеством о России. К сожалению, — в ее голосе прорезалась искренняя печаль, — мне не хватило ума умереть и остановить пророчество. Я его только задержала. Но Сумраку нужна Сила. И он получит ее… когда наша страна погибнет…

— Это твое мнение, — сказал я. — Мне кажется, что подобные вещи не происходят по причинам… назовем их так — мистического свойства. Это не изобретение мини-юбок, знаешь ли! Гесер считает, что ты и впрямь изменила пророчество, поэтому все предсказанное в нем уже случилось — но в мягкой форме. И революции, и оккупации…

— Хотела бы я согласиться с мнением старого интригана, — сказала Арина. — Но где гарантия?

— А где гарантия, что Надя может уничтожить Тигра? — спросил я. — Бессвязные возгласы третьеклассника? Очень убедительно! А что случится, если Сумрак погибнет? Просто исчезнет магия? Или вообще — жизнь на Земле? Или разум? Ты понимаешь, как все это устроено? Я — нет! А есть старый программистский закон: «Работает — не трогай!»

Арина молчала.

— И почему ты вообще решила, что Сумрак

— враг? — продолжал я. — И что он каким-то образом причастен к осуществлению пророчеств? Мухи отдельно, котлеты отдельно! Вот берет моя дочь — и уничтожает Тигра. А вместе с ним — Сумрак. Магия исчезает. А пророчества — как были, так и есть. Осуществляются. Понимаешь? И что тогда? Даже той малости, что мы смогли бы сделать, мы сделать не можем! Потому что стали обычными людьми!

— Я бы хотела верить Гесеру, — сказала Арина. — И тебе тоже. Но если права я? Что за твоими словами, Антон? Искренняя тревога о людях? О мире, о нашей стране, о твоих ближних? Или просто страх волшебника, живущего своей — особой, интересной и комфортной жизнью. Страх потерять свои особенности и стать таким, как все!

— Хотел бы напомнить, — не выдержал я, — что если свои особенности потеряешь ты, то превратишься в дряхлую старуху. Или вообще рассыплешься в прах.

— Да, — тихо сказала Арина. — Ты прав. Но это к делу не относится. Я готова заплатить эту цену.

— А я — нет! Особенно я не хочу решать за других. За Свету. За Надю. За Кешу. За всех Иных, которые есть и будут.

— Но ведь придется, Антон, — сказала Арина с

едва заметной угрозой.

— Полагаешь? — спросил я. — Что сделаешь? Озвучишь пророчество людям? Оно не утверждает, что Тигр погибнет. Оно лишь сообщает, что Надя может убить Тигра. Ты ее хочешь заставить? Сложновато будет. И даже не потому, что тебе придется пройти через меня и Светлану… и не знаю как я, а Света тебя в бараний рог скрутит. Она — мама. Понимаешь? Но тебе еще придется уговорить Надю. От страха такие бои не выигрывают. А Надя Тигра уничтожать не станет. Она, знаешь ли, вообще зверюшек любит.

— Зверюшек… — горько рассмеялась Арина. — Ну да… Я что-нибудь придумаю.

— Можешь рассказать пророчество людям, — великодушно сказал я. — Как тебе будет угодно. Ничего в нем нет неизбежного. Добьешься того, что Тигр придет за тобой, вот и все.

— Что-нибудь придумаю, — упрямо повторила Арина. — Например… стой, ты куда едешь?

— Как куда? — наигранно удивился я. — На работу. Вот сейчас в ворота въеду…

За моей спиной хлопнуло — Арина исчезла. Офис Ночного Дозора огражден таким количеством магических барьеров, что за его воротами Арина легко могла остаться навсегда — несмотря

на всю свою мудрость и силу Минойской Сферы.

Злорадно рассмеявшись, я припарковался на своем месте. И обнаружил, что в наш разъездной внедорожник грузятся ребята — Семен, Лас, Алишер. Странный состав! Выбравшись из машины, я помахал им рукой.

— Куда собрались?

Семен секунду поколебался, потом ответил:

— Да шухарт очередной выискался… Поедешь с нами?

— Какой уровень? — спросил я.

— Четвертый. Но парень накачался.

И терзаемая своими демонами Арина, и все пророчества на свете сразу вылетели у меня из головы. Когда с кем-то приключается шухарт — это плохо. Очень плохо. Я знаю, со мной самим однажды чуть такое не стряслось. И, как вчера вечером выяснилось, могло случиться и со Светланой…

А уж если парень как следует накачался…

— Едем, — сказал я, забираясь в машину.

Лас за рулем пристально посмотрел на меня.

— Да, спасибо, что напомнил. — Я закрыл глаза и начал снимать блок со своих магических способностей. — Учти, это по необходимости. Считаю, что я уже доказал свою правоту!

Лас спорить не стал. Просто рванул с места.

Возле «Лужников» было тихо. Я вышел из машины первым, огляделся. Да… нехорошо. Судя по количеству мусора на подступах к стадиону, здесь прошло немало народа. Да и количество полицаев на входах говорило о том же… черт возьми, какие каламбуры мы потеряли, когда переименовали своих милиционеров-ментов-мусоров в стандартных «полицейских».

Но было тихо.

— Что тут происходит? — спросил я Алишера. — Для спортивных соревнований — рановато.

— Концерт, — коротко сказал Лас.

— Слава Богу, что не футбол, — пробормотал я. — А что за группа? И почему выступают с утра, это что, детский утренник?

— Почти что. Всероссийский молодежный конкурс новых исполнителей, финал. Всякие рок-группы из Перми и Екатеринбурга, артисты оригинального жанра из Калуги и Сыктывкара, частушечники с Урала…

— Ну, тут много зрителей быть не может, — пожал я плечами. — Хотя зря ты с таким скепсисом, из Екатеринбурга вышла куча шикарных групп…

— Кто-то додумался обеспечить артистам

публику. Сюда нагнали школьников — тысяч двадцать, не меньше. А еще солдат — в качестве культурной программы, тысяч десять, не меньше.

— Блин. — Я ускорил шаг. — Алишер, я пойду на контакт. Дай вводную и обеспечь взаимодействие с Дневными. Лас, подежурь среди школоты, если что — гаси всех вокруг «Морфеем». Семен… страхуй меня, хорошо?

— Да вводной почти и нет… — Алишер поморщился. — Валентин Локтев, двадцать пять лет, четвертый уровень, не специализировался, обучался в нашей школе пять лет назад, в Дозор работать не пошел…

В сознании всплыл посланный Алишером образ — молодой парень, чуть свернутый набок нос, лицо резкое, грубоватое, но не без какой-то породы и внутренней силы.

— Спортсмен, что ли? — спросил я. — Кажется, припоминаю, видел в школе пару раз, когда лекции читал…

— Спортсмен, — усмехнулся Алишер. — Шахматист! А что нос расплющен — так это последствие детско-юношеских драк. Паренек с окраины, из района, славящегося неформальными отношениями.

— Ясно, — сказал я.

Мы уже подошли к входу, и я взглядом выловил в толпе сотрудника Дневного Дозора — молодого вампира, одетого нарочито ярко и вызывающе. На вид парень был ровесником нашего шухарта, лет двадцати пяти. Вампир стоял, прислонившись к металлическим ограждениям возле входа, и грыз плитку гематогена.

— Привет, Городецкий! — Он меня опознал безошибочно. У меня есть среди вампиров определенная репутация. Причем даже нельзя сказать, что дурная. Она такая… сложная.

Но во всяком случае, они меня все знают.

— Антон Городецкий, Ночной Дозор. — Я все-таки предпочел представиться официально, а не переходить на неформальный тон. — Что происходит?

Вампир мою холодность не поддержал.

— Да все как обычно у вас, Светлых. Парню хочется вселенского добра и справедливости. Как водится — немедленно и сразу. Сидит на трибуне, сектор «Б», наверху, качает Силу из окружающих.

— У вас, Темных, тоже интересные случаи бывают, — сказал я. — Захочется горячей крови… и вперед, на ночные улицы.

Вампир облизнул губы. Но продолжал улыбаться.

— И не говорите, Антон. Молодежь нынче пошла несдержанная, анархически настроенная. Бьемся, воспитываем… пугаем… вашим именем, между прочим. Мол, придет Городецкий и разволотит…

Я понял, что эту словесную дуэль безнадежно проигрываю. И сделал вид, что ее вообще не было.

— Что ж, тогда работаем, — сказал я. — Ваша помощь больше не требуется, можете идти.

— Да я постою, посмотрю, — ухмыльнулся вампир. Как же его звали-то… видел в ориентировках на Дневной Дозор, но имя вылетело из памяти. Что-то очень обычное, то ли Саша, то ли Андрей… — Не каждый день Светлые своих мочат.

Вот теперь я завелся.

— Пожалуйста, — я развел руками, — можете наблюдать. Но учтите, если я не смогу обезвредить парня сразу — а я ничего гарантировать не могу, то первым делом он скорее всего примется мочить кровососов. Есть у нас, Светлых, такая дурная черта — больше всего не любим низших Иных.

На миг его лицо дернулось, но он тут же снова

улыбнулся.

— Что верно, то верно. Вы склонны к дискриминации. Спасибо за предупреждение, буду осторожен.

Мысленно представив (с огромным удовольствием, между прочим), как я зажимаю наглого вампира Прессом, а потом срываю регистрационную метку — и он превращается в серый пепел, я прошел мимо Дневного.

Что за вампиры пошли нынче? Наглые, самодовольные… Что тот, который рядом с Болотной площадью охотился, что этот…

Полицейские у входа неуверенно двинулись мне навстречу. Они чувствовали неладное — инстинкты подсказывали им, что люди на стадионе ведут себя неправильно…

Что я несу? Какие еще инстинкты? Это люди, а не животные!

— Пригласительный предъявите, гражданин, — заступил мне дорогу розовощекий парень в форме.

— Тебя не волнует мой пригласительный, — мрачно сказал я, махнув рукой в стиле звездных рыцарей джедаев. За спиной явственно хихикнул вампир.

— Меня не волнует твой пригласительный, —

согласился полицейский, отступая. Его товарищи, которых тоже накрыло легким заклинанием, попятились, освобождая мне дорогу.

И тут я увидел впереди знакомое лицо. Этот полицейский под заклинание не попал и теперь размахивал руками, отчаянно привлекая мое внимание.

Да уж. Тот, кто побывал под магическим принуждением, старается этот опыт не повторять.

— Привет, Дима, — сказал я, подходя к Пастухову. — Ты-то что здесь делаешь? Не твой ведь район.

— На усиление бросили, — несмотря на холодную погоду, старший сержант был весь в поту. — Скажите, Антон… что происходит?

— Небольшое ЧП. — Я отмахнулся. — Не бери в голову, это наша работа.

— Скажите, а там… за вами… это не… — Он заколебался.

— Вампир, — честно ответил я. — Не волнуйся, он тоже на службе. Он плохой, но сейчас не опасен. Ничего никому не сделает.

— Можно мне с вами? — отчаянно взмолился Пастухов. — Я же вроде как свой, да? Помогаю, вместе работаю… вот лекцию вчера читал вашим сотрудникам…

Скорее всего ему просто не хотелось оставаться рядом с вампиром, пусть даже «неопасным». Но с другой стороны… почему бы и нет? Что-то в этом есть любопытное, поработать в связке с сотрудником человеческих правоохранительных органов.

— Пошли, — сказал я. — Только держись сзади и не вмешивайся, хорошо?

Пастухов закивал, а потом неумело перекрестился.

Валентин Локтев был молодым человеком довольно невзрачной наружности. Единственной примечательной деталью его внешности были могучие брови, заставляющие вспомнить руководителя СССР Леонида Брежнева. Но Генсек ЦК КПСС имел при этом внушительную, крупную фигуру, хоть как-то гармонирующую с могучими бровями… ну и должность, позволяющую взмахом бровей вершить судьбы людей и мира. А бровеносец Локтев был парень молодой, худощавый, самой заурядной внешности.

Может, конечно, займи он пост, аналогичный брежневскому, — тот добавил бы ему харизмы, как это зачастую происходит?

Сидел Локтев в отдалении от остальных зрителей. Мы с Пастуховым поднимались к нему, а я с любопытством разглядывал публику. Та

была будто пришибленная. На сцене выступала какая-то рок-группа, звучал довольно задорный «металл», и зрители периодически будто оживлялись, начинали шевелиться, что-то выкрикивать… и тут же стихали.

Светлый маг Валя Локтев откачивал их энергию. Откачивал Силу, выплескивающуюся вместе с позитивными эмоциями. Собственно говоря, это и есть то, чем занимается каждый шухарт.

Слово к таким вот «светлым вампирам» приклеилось от читателей и почитателей братьев Стругацких. Был у них в романе «Пикник на обочине» славный дядька по имени Рэдрик Шухарт, который в конце книги пошел к исполняющему желания Золотому Шару, выкрикивая (или про себя бормоча? Ох, уже не помню…) единственное благое желание, что смог придумать: «Счастье всем! И пусть никто не уйдет обиженный!»

Разумеется, злые языки немедленно переделали этот вопль души мятущегося интеллигента во фразу «Счастье всем! И пусть никто обиженный не уйдет!» Что, конечно, сильно меняет концепцию. Но как-то при этом привносит честный реализм в фантастическую историю.

Шухартами у нас в Дозоре называют Светлых, которые однажды срываются от несовершенства

мироздания и решают творить добро направо и налево. Вся беда в том, что сотворенное ими добро немедленно дает право на аналогичное по силе зло Темным… Конечно, Темные не являются прирожденными негодяями, жаждущими мучить окружающих исключительно в силу своей злобности. Многие Темные в быту вообще милейшие люди. Но Силу им дают по большей части негативные эмоции окружающих. Да и вообще они их в грош не ставят… так что, получив право на темное вмешательство, быстренько компенсируют все причиненное шухартом добро. Как правило — даже с лихвой.

В большинстве своем шухарты имеют невеликую Силу — ну, пятый-четвертый уровень… редко третий. Те, кто посильнее, обычно умнее и выдержаннее. Поэтому, встав на путь воинствующего добра, шухарты отправляются туда, где можно набраться позитивных эмоций, — на хороший концерт, на премьеру долгожданного фильма, на спортивное состязание, где болельщики побеждающей команды в большинстве, да хоть бы и на детскую новогоднюю елку. И там уже накачиваются энергией… так, что даже Высшим магам с ними совладать проблематично.

А потом идут, творя добро во все стороны. Пока

их не остановят.

Любыми возможными средствами.

Однажды я сам едва не стал шухартом. Но мне хватило то ли ума, то ли удачи понять, что именно надо сделать… ради чего я собираю человеческое счастье.

В юноше Валентине я не был уверен.

Подходя к нему, я прекрасно видел, как он накачался. Под завязку, как говорится… он уже даже не мог аккумулировать Силу, а кидал всю выкачанную в Сферу Отрицания. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять — никакое мое заклинание защиту не пробьет. Может быть, что-то сумел бы сделать Гесер. За счет техничности. Но и то не факт, что у него получилось бы сразу.

Значит, Сфера Отрицания. Очень нравящееся слабым Иным заклинание, ведь оно позволяет противостоять куда более сильным магам.

Понятно все с тобой, Валентин.

— Можно присесть? — спросил я, подойдя к парню. Пастухов остановился поодаль и стал очень ненатурально наблюдать за сценой.

— Садитесь, Антон, — кивнул Валентин. И уточнил, стараясь говорить как можно внушительнее: — Только без глупостей, ладно?

— Да на мою долю тут уже глупостей-то и не

осталось… — вздохнул я, присаживаясь.

Валентин фыркнул:

— Вас всегда было интересно послушать, Антон. Умели сказать что-нибудь эдакое…

— Это приходит с возрастом, — сказал я, разглядывая трибуны. — Если доживаешь… Ты что творишь-то, парень?

— Вы же сами видите, — ответил он с непреклонными нотками в голосе.

— Вижу, разумеется. Качаешь Силу. Что надумал сделать? Реморализировать всех вокруг? Уничтожить Темных? Разогнать облака и установить хорошую погоду?

— Ну вот, сами же и говорите глупости, — сказал Валентин пренебрежительно. — Ну что вы меня за дурака держите?

— Нет, за благородного идеалиста с горячим сердцем, — ответил я серьезно.

— Я прекрасно понимаю, что реморализация всех встречных-поперечных ничего не даст, — сказал Валентин. — Я, к вашему сведению, изучал историю тех, кто уже пытался что-то сделать.

— История чему-либо научила? — спросил я.

— Конечно.

Валентин замолчал, вглядываясь в трибуны. Видимо, ловил момент, чтобы всосать очередной

выплеск энергии. Я поймал себя на ребячливом желании опередить его и впитать чужую Силу. Забавно выйдет… нет, не стоит злить парня.

— Валя, а почему ты вообще завелся? — спросил я.

— Мир полон несправедливости, — мгновенно ответил Валентин.

— Не спорю. Но ведь было что-то конкретное?

Валентин подумал мгновение.

— Наверное, да. Бабушка.

— Какая?

— Соседская. Ей лет под восемьдесят уже. Живет одна… дети то ли умерли, то ли не навещают. Вчера шел, увидел ее возле магазина… стояла плакала… копейки в руке считала. Как так можно, Антон? Как мы можем допускать, чтобы люди так страдали?

Я вздохнул.

— Значит, твои претензии не к Темным? Не к вампирам, охотящимся на людей? Не к Темным магам и колдуньям?

— К ним тоже, — быстро ответил Валентин. — Но во вторую очередь. Я не могу видеть, как страдают люди!

— Кстати, а ты бабушке помог? — небрежно спросил я.

— Вы о чем?

— Спросил ее, почему она плачет? У нее нет денег на хлеб с кефиром? Или она потеряла кошелек? Или просто в глубоком маразме и всю пенсию прячет «на похороны»? Знаешь, у старушек такое бывает.

— Всем бабушкам в России я помочь не могу, — обиженно сказал Валентин.

— А почему только в России? — удивился я. — Ты знаешь, как страдают африканские бабушки и дети? Ты же не расист?

— Нет! — возмутился Валентин. — Но там есть другие люди, другие Иные. Полагаю, это их долг.

— Соглашусь, — кивнул я. — Но все-таки! Ты Иной. Хоть и Светлый, но способности Иного позволяют тебе даже в рамках закона и морали жить вполне прилично. Наверняка у тебя есть в кармане тысяча-другая… Ты бабушке-то помог?

— Оставьте эту демагогию, Городецкий! — неожиданно тонко выкрикнул Валентин. — Я убежал! От стыда! Нельзя заткнуть дырку в плотине пальцем!

— Можно, — ответил я убежденно. — Если дырка маленькая, а палец крепкий. Ты Иной. Но прежде всего ты человек. Ты не помог одной-единственной бабушке на твоем пути… так на

что ты хочешь потратить Силу?

— Я пойду в Кремль, — сказал Валентин ледяным голосом.

— И что? — заинтересовался я. — Надеюсь, не станешь убивать всех по пути, как некий дон Румата?

Валентин непонимающе посмотрел на меня.

— Это из другой книжки, не про Шухарта, — пояснил я. — Не бери в голову. Так что ты хочешь?

— Я реморализую их, — сказал Валентин. — Всех их. От президента и до… до… до кремлевского завхоза.

— Допустим, — кивнул я. — Ты пробьешь защиту, наложенную обоими Дозорами… как раз от таких вот желающих вмешаться… и изменишь природу всех людей, которые имеют отношение к власти. Президента, министров, депутатов… И что?

Валентин даже запыхтел от возмущения.

— Как «что»? Прекратится коррупция, будут соблюдаться законы. Жизнь людей наладится!

— Но ты же не реморализуешь всех людей в стране, — мягко сказал я. — Темные получат право на ответку. И что?

— Да ничего! Если власть будет высокоморальной…

— То ее за несколько дней съедят те, кого твои заклинания не затронут. У них не будет угрызений совести, сомнений, колебаний. Честный политик — это оксюморон. Твоим же, высокоморальным, сразу припомнят все грехи… да они и сами начнут в них каяться.

— И пусть уходят!

— Но пришедшие будут ничуть не лучше.

— А что тогда, ничего не делать? — возмутился Валентин. — Люди обречены на страдания? Что вы предлагаете? «Не трогай, пока не воняет?»

— Лучше уж «не трогай, пока работает», — поправил я. — Валентин, вся беда в том, что власть — отражение общества. Кривое, гротескное, но отражение. И пока большинство граждан в стране, доведись им попасть во власть, будут воровать и считать себя лучше других — никакая реморализация верхушки ничего не изменит. Политики, которые обретут совесть, уйдут. А на их место придут новые — без совести. Должны измениться люди, общество…

— Вы это уже говорили, — буркнул Валентин.

— Ага. Но могу и еще повторить.

— Нет, Антон, — твердо сказал Валентин. — Я не верю. В вас говорит усталость… пессимизм. Ну и, уж извините, личный шкурный интерес.

— Какой? — поразился я.

— Ночной Дозор устраивает статус-кво, — мрачно произнес Валентин. — Тешите свое самолюбие, благополучно существуете, а серьезных изменений в обществе боитесь. Может, вообще боитесь оказаться не у дел? Станет в жизни меньше зла, так ведь не только Дневной Дозор сократится, и вы тоже станете не нужны!

Я только покачал головой. Мне вдруг стало совершенно ясно, что спорю я зря. Валентин хочет творить добро. Активно, деятельно, с песнями и плясками. А я ему тут что-то бормочу о человеческой природе, о том, что невозможно взмахнуть волшебной палочкой и принести всем счастье.

— И вы меня не остановите, — продолжал заводиться Валентин. — Я приду в Кремль… там как раз сегодня президент выступает перед Думой. И всех их приведу в чувство! Я все рассчитал. У меня хватит Силы отразить любое ваше заклинание, и еще останется на массовую реморализацию.

— Сфера Отрицания? — уточнил я.

— Угу. — Валентин с гордостью кивнул.

— Хорошее заклинание, — признал я. — Ты и впрямь можешь блокировать любую мою магию, да еще и подпитаешься от нее…

Валентин заулыбался. Выглядел он как школяр,

заслуживший похвалу от строгого учителя.

Тянуть больше не было смысла. Я сунул руку в карман куртки, достал короткую телескопическую дубинку, встряхнул — та раздвинулась.

— А… — Валентин начал привставать. До него запоздало дошло, что происходит.

Я слегка толкнул его в грудь свободной левой рукой — как и ожидалось, Валентин вскинул руки, защищаясь от безобидного удара. Вот тогда я и огрел его дубинкой — с замахом, так что плотная резина с металлическим утяжелителем гулко стукнула незадачливого Иного по макушке.

Глаза у Валентина закатились, и он осел. Я придержал его за куртку, усаживая обратно в кресло. Рядом тут же оказался Пастухов, держа на изготовку свою, куда более увесистую полицейскую дубинку.

— Спокойно, все уже хорошо, — сказал я ему. — Сейчас… минутку…

Ох и накачался же парень! Я впитывал Силу сколько мог, потом начал выпускать в пространство. Лишенная контроля Сфера Отрицания мне уже не мешала. Народ на трибунах оживился, зааплодировал, заорал. Музыка заиграла громче.

Вот учишь их, учишь… А все равно вместо Щита Мага, который защищает от всего, используют

Сферу Отрицания. Ну хоть бы слабенький «хрустальный щит» наложил под Сферу…

Эх, молодежь…

Закончив, я наложил на Валентина «скрепы», полностью блокировав его магические способности. Использовать их можно только на Ином, находящемся без сознания, да и держатся они всего несколько часов. Но этого хватит.

— Живой, — осмотрев Валентина, сказал Пастухов с облегчением. — Слушай… он же вроде ваш, Светлый?

— Если Светлый, то это еще не значит, что наш… — вздохнул я. К нам уже направлялся Семен.

— И что с ним будет? — поинтересовался Пастухов. Похоже, он сочувствовал парню.

— Суд. — Я пожал плечами. — Натворить он ничего не успел… получит лет пять — десять поражения в правах. Это значит — жить без магии.

— Ну, не так уж и страшно, — расслабился Пастухов.

— Не скажи, — вздохнул я. — Ох, не скажи… если уже привык… А он привык.

Глава 6

Гесер смотрел на меня с обидой и удивлением. Нет, не просто с обидой — с разочарованием. Так, наверное, может смотреть на своего ученика великий художник, только что узнавший, что ученик подворовывал у него краски и кисти, а на нескольких картинах шутки ради пририсовал прекрасным дамам усы.

— Почему? — с горечью спросил Гесер и в сердцах бросил мой старый мини-дисковый плеер на стол. — Ну почему ты не выдал мне пророчество сразу?

— Потому что это слишком опасно, — пояснил я. — Не хотел все руководство Дозора ввязывать в это дело. Пришел бы Тигр…

— И всех нас съел, — фыркнул Гесер. — Ничего ужасного в пророчестве я не вижу.

— Правда? — поразился я.

— Оно ничего не предвещает, — спокойно сказал Гесер. — Оно лишь озвучивает возможность того, что Абсолютная волшебница способна уничтожить Сумрак. Ты что, полагаешь, для меня это новость?

Настал мой черед пораженно смотреть на

шефа.

— Да это же аксиома, — продолжал Гесер. — Абсолютная сила способна уничтожить все. Тебя не пугает, что твоя дочь способна взорвать Землю?

— Чего? — пролепетал я.

— Взорвать. Сжечь. Потоп устроить. Исключительно магическими методами… она берет Силу практически из бесконечного источника, ее на это хватит… Ну так и Сумрак она может уничтожить.

— Как? — спросил я.

— Либо схлопнет все слои, — небрежно пояснил Гесер. — Тогда мир порастет синим мхом, в небе появится вторая Луна… правда, по большей части ее скроют от глаз светящиеся облака… в общем, произойдет удивительное смещение пространств. Катаклизм еще тот… Возможно, магия при этом сохранится, возможно, и нет… Но есть и вторая версия, тоже вероятная. Пространства разъединятся. Мир не изменится, но мы не сможем ходить в Сумрак, уровень магии начнет падать… хотя тут снова есть варианты!

Он воодушевился так, что я понял — ему давно хотелось с кем-нибудь все это обговорить.

— Я, к примеру, считаю, что магия будет полностью утеряна для людей, — объяснил он. — А

вот Завулон полагает, что напротив — люди с наибольшей магической температурой, которые ныне не имеют даже слабеньких способностей к предвидению, станут Великими магами!

— Завулон? — глупо спросил я. — Вы с ним обсуждали?

— Да, Завулон, — твердо ответил Гесер. — Пойми, Антон, некоторые вещи столь важны для всех Иных, что ради их понимания забывается любая вражда.

— Но если Сумрака не станет, то как же эти люди-Иные станут пользоваться магией?

— Им не потребуется входить в Сумрак. Они будут оперировать только собственной внутренней энергией… хотя, возможно, они найдут со временем способ откачивать энергию напрямую из других людей… Мы тогда, кстати, станем практически иммунны к магии. — Гесер усмехнулся. — Нельзя ударить током того, кто ток не проводит…

Он помолчал, потом вздохнул.

— Но нам всем придется плохо, конечно. О долгой жизни можно точно забыть.

— Значит, пророчество Кеши не опасно и не несет в себе ничего нового, — задумчиво сказал я. — Может, оно и не первое такого рода?

Гесер промолчал, но улыбнулся.

— А почему Тигр так боялся, что оно прозвучит?

— Потому что шансы, что кто-то попытается уничтожить Сумрак, действительно есть, — спокойно сказал Гесер. — К примеру, как мы видим, твоя подру…

Я нахмурился.

— Твоя знакомая ведьма, — поправился Гесер. — У нее, как ты видишь, личный бзик — она боится, что неосторожным вмешательством в пророчество навлекла беды на страну. А ведь есть и другие. К примеру — радикальные Темные.

— А им-то что? — поразился я. — Они готовы лишиться Силы?

— Они считают, что магия просто изменится. И надеются, что их личная Сила при этом возрастет. А есть и радикальные Светлые. Вот, к примеру, ты сегодня работал с парнишкой, который хотел осчастливить людей, сделав человеческие органы власти высокоморальными. Обычная ситуация, верно? А бывают и такие Светлые, кто мается от сознания своей Силы. И желают, чтобы магии не было, чтобы люди жили без любого волшебства!

— Но многие ли знают, как можно уничтожить

Сумрак и кто способен на это?

— К твоему и Надиному счастью, — сухо сказал Гесер, — не многие. А то постарались бы на нее повлиять.

— Так что мне делать? — спросил я и внезапно ощутил себя тем, кем и являюсь — несмотря на случайно доставшийся мне ранг Высшего, — начинающим волшебником, рядовым Иным, учеником мудрого мага.

— Да ничего, Антон. — Гесер махнул рукой. — Только постарайся больше от меня ничего не утаивать, ладно? И никому ничего не раскрывай. Тигр, как я полагаю, за нами не явится. Он понимает, что мы пророчество никому не раскроем. А если даже его раскроет Арина — это будет лишь вероятность, а не неизбежность.

— Будете охотиться за ней? — поинтересовался я.

— Без особого азарта. — Гесер пожал плечами. — Если случится — передай ей мой совет. Либо снова лечь поспать. Годков десять — двадцать. Либо явиться с повинной. Может явиться ко мне, кстати. Я постараюсь защитить ее от Инквизиции и добиться наиболее мягкого из возможных приговоров.

Я кивнул.

— Спасибо, Борис Игнатьевич.

— Спасибо на хлеб не намажешь, — буркнул он и посмотрел на монитор компьютера. — Ладно… иди… конспиратор. Мне поработать надо.

— Кстати, про хлеб… — вспомнил я. — Скажите, а сколько денег я могу снимать со своей карты?

Гесер нахмурился.

— Какая зарплата у сотрудников Дозора? — уточнил я.

— В зависимости от ранга, — сказал Гесер, не глядя на меня. — Антон, это же все глупости, ты должен понимать.

— Ну как это «глупости», — уперся я. — Я вчера подошел к банкомату…

— Антон, как ты полагаешь, какова ценность человеческих денег для организации, в которой есть хотя бы один предсказатель четверого-пятого уровня? — спросил Гесер.

— Никакая, — ответил я, чуть подумав.

— Вот о том и речь. На одних только курсах валют и колебаниях акций, даже в самый благополучный год, Дозоры способны заработать любые суммы. А поскольку нормального Иного человеческие атрибуты богатства и процветания не интересуют, то и ограничивать сотрудников я смысла не вижу. Даже Темные таким тщеславием

не страдают.

— Но как-то… — начал я.

— Тебе нужен «бентли»? — спросил Гесер, поднимая на меня тяжелый взгляд.

— На фига? — поразился я. — Чтобы собирать на себя проклятия завистливых окружающих? Вот какой-нибудь японский внедорожник я бы купил… летом на дачу ездили, там грязюка по пути, завязли…

— Так купи, — равнодушно сказал Гесер. — Движение денег в природе повышает экономическую активность людей, идет им в конечном счете на пользу. Тем более Япония от землетрясения пострадала. Поможешь им.

— Шеф, вот скажите честно, вы что угодно можете обосновать с точки зрения добра и справедливости? — спросил я.

Гесер подумал. Почесал кончик носа.

— В целом, наверное, да. Но ты не переживай, это ко всем приходит с возрастом.

В час дня я сходил в столовку. Есть не хотелось, наверное, утреннее происшествие отбило аппетит. Я поковырял и отставил котлету по-киевски (повариха тетя Клава, бдительно оглядывающая зал через окошко раздачи, глянула на меня с укоризной). Поэтому пришлось изобразить це-

лую пантомиму, демонстрируя, что ремень на брюках еле сходится, форму я теряю и только это заставляет меня не доедать порцию. Тетя Клава успокоилась. Я налил себе стакан замечательного брусничного морса, выпил залпом, взял второй и снова присел за столик. В столовой было почти пусто, сейчас все-таки день, оперативный персонал либо отсыпается, либо проводит время с семьями… у кого они имеются. Вот через час-другой народ начнет собираться на обед…

— Вкусный морс, Антон? — окликнула меня через зал Клава.

— Очень! — искренне признался я, и повариха обрадованно улыбнулась.

Все-таки есть что-то в шарлатанских теориях о влиянии имени на характер человека. Всякие Андреи-Александры-Сергеи или Лены-Маши-Наташи могут быть кем угодно. А чуть-чуть в сторону от вечно популярных имен — и они начинают влиять.

Вот с именем Клава хорошо быть поварихой. Не обязательно толстой, но крепкой. И звать тебя будут лет с двадцати пяти «тетя Клава». Потому что «тетя» и «Клава» неразделимы.

А как на человека влияет имя Антон, интересно?

Я задумался, вспоминая знакомых Антонов. Особой системы не наблюдалось. Один Антон, к примеру, был здоровый добродушный дядька, хороший семьянин и добросовестный профессионал. При этом еще заядлый любитель устраивать розыгрыши и сочинять неприличные стихи. Зато другой был книжный червь, совершенно неприспособленный к жизни.

Наверное, имя Антон тоже не из редких и влияния на людей не имеет…

Я взял тарелку и стаканы, собираясь отнести их к мойке, но неслышно подошедшая тетя Клава решительно забрала их у меня из рук.

— Иди, иди, работай. Еще Великие будут грязную посуду носить…

— Да я не Великий… — пробормотал я.

— Высший? — спросила Клава и сама же ответила: — Высший. Значит, будешь Великим. Иди уж.

Почему-то чувствуя себя неловко, я пошел в свой кабинет. И еще метров за десять до двери услышал, как звонит забытый на столе мобильник.

И мне вдруг стало не по себе.

Ускоряя шаг, я подскочил к двери, торопливо отпер замок. Блин, ну что за привычки, к чему

я запираю свой кабинет в Ночном Дозоре, здесь чужих нет! Но ведь запираю же…

Телефон лежал на столе и звонил. Упрямо так, настойчиво. Почему-то было ясно, что звонить он будет долго… что звонившему это очень важно.

А еще мне не хотелось брать трубку.

— Алло, — сказал я, поднося телефон к уху.

— Антуан! — с неподдельным чувством воскликнул Эразм Дарвин, отделенный от меня сотовыми станциями, оптоволоконными линиями, висящими в небе спутниками… ну и просто двумя с половиной тысячами километров. — Безмерно рад я услышать твой голос! Пребываешь ли ты в добром здравии и благом расположении духа?

— Спасибо, Эразм, — ответил я, присаживаясь на краешек стола. — Я в добром здравии и хорошем настроении.

— Мне отрадно это слышать, — сказал Эразм. — В Московии ли ты, или служба занесла тебя в далекие неизведанные края?

— Да, я в Москве, — признал я.

Мне не нравилось, как Эразм говорил. Он был чересчур возбужден. Говорил чуть торопливее обычного. И какой-то шум слышался на заднем плане. Негромкий, но неприятный.

— Как жаль, что мы сможем говорить всего две с половиной минуты! — сказал Эразм.

— Почему? — удивился я. — Э… у тебя садится мобильный? Или нет денег на счете?

Эразм тихо рассмеялся.

— Нет-нет! Денег мне хватит до конца жизни! Но я же пророк, ты помнишь? Антуан… прошу тебя. Я не могу больше гадать о подарке Великого Гесера. Скажи мне, Антуан! В чем секрет бонсая, который он мне передал?

Шум в трубке стал чуть сильнее.

Я поколебался мгновение.

— Эразм, я не знаю точно. Я не спрашивал Гесера. Но мне кажется, что я понял, в чем дело.

— Ну, ну? — заинтересованно спросил Эразм.

— Это просто деревце в горшке. Просто бонсай. Без всякой магии. Гесер так пошутил.

Секунду Эразм молчал, только шум в трубке нарастал. Потом он расхохотался.

— Гесер! О, старый тибетский хитрец! О, мне говорили, что он любит дурацкие шутки! Спасибо, Антуан! Я… я должен был узнать. Должен был услышать. Иначе слишком обидно!

— Эразм, что происходит? — спросил я. — Прости за вопрос… ты пьян?

— Да, немного, — признался он. Я отчетливо

услышал глоток. — Но это такое редкое виски… такое древнее… я берег его для особого случая…

— Эразм, что там у тебя? — закричал я.

— Тигр, — очень спокойно ответил пророк. — Я тебя чуть-чуть обманул, Антуан. Не держи зла. Из дерева, куда я кричал свое пророчество, я вырезал два кубка.

— Ты узнал свое пророчество? — Я соскочил со стола. Подбежал к окну. Так… кто на территории… никого… но если я очень поспешу, то на улице есть прохожие… — Эразм, продержись минуту! Я дам трубку человеку, скажи ему…

— Не надо, Антуан, — попросил Эразм. — Все предрешено. Не надо! И не пытайся узнать мое пророчество, прошу. Это… не принесет тебе радости и долгой жизни. Не сердись, что я дал тебе кубок. Забудь о нем. Схорони его.

— Я не могу тебе этого обещать… — сказал я честно.

Эразм вздохнул в трубку.

— Тогда прости меня. У меня всего двадцать секунд, Тигр сейчас пробьет защиту. Завещание я кладу в портфель… портфель крокодиловой кожи… вот так. Он будет лежать на столе в кухне.

— Эразм, мне очень жаль! — воскликнул я. — Может быть, я могу что-то сделать?

— Свяжись с лондонским Дневным Дозором. Попроси их… убрать в моем доме. — Он помедлил мгновение. А потом совсем спокойно и четко, на хорошем русском языке произнес: — Прощай, московский маг Антон Городецкий.

Вначале в трубке стих шум.

А потом связь прервалась.

Я посмотрел на экран.

Длительность разговора — две минуты двадцать восемь секунд. Я услышал последнее пророчество Дарвина… как он и говорил.

Эразм — хороший предсказатель.

Был хороший предсказатель.

И в общем-то неплохой Иной. Как для Темного — так просто замечательный.

Я подошел к окну, открыл его, достал сигарету и закурил. Было холодно и пасмурно, собирался дождь.

Так меня и застала Ольга — курящим у окна. Молча подошла, села рядом, достала тоненькие «женские» сигареты. Выйдя тринадцать лет назад из заточения в теле совы, она поначалу курила «Беломор» — верх шика в ее время. Но достаточно быстро сориентировалась в изменившемся мире.

— Что случилось, Антон? — спросила она. — На

тебе лица нет.

— Мне позвонил Эразм.

— Дарвин? Чего он хотел?

— Попрощаться. У него был еще один кубок, с запечатленным пророчеством… ну, он и не выдержал искуса. Узнал свое пророчество… и тогда пришел Тигр.

Ольга грубо, по-мужски выругалась. Уточнила:

— Помочь нельзя?

— Нет. У него было две с половиной минуты… он хотел попрощаться. И просил меня ни в коем случае не пытаться узнать пророчество.

— Уничтожь кубок, — твердо сказала Ольга. — Антон, не надо играть с пророчествами. Хорошо, что Кешино оказалось таким невнятным… на удивление невнятным, я бы сказала. Но любое пророчество потенциально опасно.

То, что Гесер уже поделился с ней информацией, меня не удивляло. То, что Ольга тут же отправилась ко мне и беспокоится о моей безопасности, — тоже… это было в ее характере. Однако что-то меня тревожило. Что-то было неправильно. Но Ольга требовательно смотрела на меня, и я неохотно кивнул:

— Хорошо.

— Сегодня же, — потребовала Ольга.

— Хорошо.

— Мне хочется проконтролировать тебя, Антон.

— Ольга, я клянусь. Сегодня же вернусь домой и уничтожу кубок.

Она посмотрела мне в глаза и кивнула, успокаиваясь.

— Спасибо. Может быть, все и обойдется. Зря, наверное… — Она замолчала.

— Что зря? — спросил я. — Зря вы с Гесером придумали ту затею, с Мелом Судьбы? Зря создали из моей дочери нулевую волшебницу?

— Кто ж тогда знал, что она будет твоей… — мрачно ответила Ольга.

— Зачем вам это вообще понадобилось? Такой слом равновесия между Дозорами… я представляю, каких уступок он стоил.

— Считай, что мы это сделали в кредит, — небрежно сказала Ольга.

— То есть?

— Расплачиваться с Темными нам еще лет пятьдесят.

Я помолчал.

— Наверное, спрашивать, на что Темные получили право за появление Нади, — бесполезно?

— Совершенно бесполезно, — жестко ответила

Ольга. — Давай оставим эту тему…

— Но зачем? Зачем вам это понадобилось? Нулевая волшебница — это срыв равновесия, это нарушение баланса, это… это как атомное оружие, которое делают, чтобы не применять…

Я понял все сам, еще не закончив говорить.

— Это же не против Темных, так? — спросил я Ольгу. — Потому и Завулон согласился… потому и Инквизиция закрыла глаза…

Ольга молчала. Погасший окурок задрожал в ее пальцах.

— Надя — оружие против Сумрака, — сказал я. — Так? Она единственная Иная, кто способен уничтожить Сумрак… уничтожить всю магию мира. Вы… вы же догадывались… давно догадывались, что Сумрак — не просто среда, не просто энергия… это личность. И вы боялись. Вот почему Гесер совещался с Завулоном… Инквизицию тоже привлекали, да? И было решено, что Иным нужна сдерживающая сила, на всякий случай… если вдруг Сумрак перестанет выполнять наши маленькие капризы и станет слишком уж активен. Как вы решили, какого цвета она будет? Кинули монетку? Завулон поставил на орла, Гесер на решку? Тебя не смущает, что вы растите ребенка как живое оружие?

— Я в этом участия не принимала! — резко ответила Ольга. — Я, как ты помнишь, была чучелом.

— Но Мел держала ты!

— Мне, Антон, очень не хотелось оставаться еще пятьдесят лет в шкафу! А к чему все это, я поняла не сразу. Думаешь, Гесер меня сразу посвятил во все детали? Да уж… он порой, мне кажется, сам от себя свои планы скрывает!

— Я все расскажу Наде, — сказал я. — Она имеет право знать. Чтобы ее не пытались использовать втемную.

Ольга вздохнула.

— Никто ее не собирается использовать. Это так… на всякий случай. Не грузи ребенка, дай ей вырасти.

— Подумаю, — сказал я и закрыл окно. — Все-таки какие же вы…

Ольга прищурилась, глядя на меня.

— Какие? Если руководство Дозоров приходит к обоснованному подозрению, что Сумрак является активно действующей силой, что он обладает волей и желаниями — что прикажешь делать? На контакт Сумрак не идет, самое реальное его проявление — Тигр… а он не из разговорчивых. И как прикажешь себя вести? Положиться на его добрую волю? А кто нам сказал, что мы понимаем

добро одинаково? Лучше уж иметь в запасе Иного, способного в кризисной ситуации противостоять Сумраку. И ты учти, между прочим, что дочку твою де-факто опекают и защищают оба Дозора! Она общее оружие!

— Она не оружие, — устало сказал я. — Она человек.

— Она не человек, она Иная!

— Это все словесная шелуха, Ольга. — Я прошелся по кабинету. Посмотрел на Ольгу, спросил: — А ты не думаешь, что Сумрак и впрямь вреден? Что было бы лучше его уничтожить? Может, мне попросить дочку…

— А ты уверен, что она переживет Сумрак? — спросила Ольга. — Она Абсолютная волшебница. Через нее течет вся Сила мира. Ты уверен, что Надя без нее вообще сможет жить?

— Сволочи, — сказал я. — Все-таки вы сволочи…

Ольга только пожала плечами — «считай как хочешь».

— Свяжись с лондонским Дневным Дозором, — попросил я. — Пусть наведаются в дом Эразма. Его завещание лежит на кухонном столе, в портфеле из крокодиловой кожи.

— Ты куда? — крикнула Ольга вслед.

— Домой. Считайте, что я взял отпуск. — Закрывая дверь, я не удержался и добавил: — Бессрочный.

Глава 7

Чем плоха обычная городская квартира — в ней трудно сжечь крупный предмет. Особенно если он магический, а значит, жечь его во избежание неприятных последствий лучше обычным огнем.

Вот была бы у меня квартира с камином! Я бы кинул деревянный кубок в разгоревшиеся дрова, прикрыл каминную заслонку и смотрел бы, как навсегда исчезает пророчество, из-за которого погиб Эразм.

Да что ж это за пророчество такое? И почему Кешино пророчество, которого Тигр так сильно не хотел допустить, что даже заговорил человеческим языком, и я, и Арина выслушали совершенно безнаказанно? И вообще оно странное, дурацкое… не пророчество, а информационная справка, хоть в Википедию помещай…

Я придирчиво осмотрел балкон. Может быть, устроить костерчик здесь? С пожарными, если что, разберусь…

Но балкон у нас был хороший, застекленный, с выложенным ламинатом утепленным полом. Светлана мне голову оторвет, если на полу появится горелое пятно. Хоть бы осталась керамическая плитка после ремонта… но нет же, всю подчистую истратили…

Помаявшись, я вернулся в квартиру, пошел на кухню, открыл духовку и достал стальной поддон. Вот это годится.

Впрочем, зачем идти на балкон? Деревянный кубок Эразма небольшой, прекрасно входит в духовку.

Я еще раз подержал его в руках. Сделан он был очень аккуратно, любовно. Может быть, и без особого искусства, но со старанием.

Значит, их было два. Жаль, конечно. Даже помимо хитро запрятанной магической начинки, кубок интересен сам по себе. Древняя реликвия…

Но пророчество, заключенное в одном кубке, уже убило своего хозяина.

Нет уж. Хватит жертв. Долой пророчества. Я поставил кубок на поддон, принес флакон бензина для зажигалок (в общем-то я давным-давно пользуюсь копеечными газовыми, но флакон так и стоял в кладовке, ждал своего часа).

— Сумрак тебе пухом, Эразм, — сказал я, щедро

поливая дубовый кубок бензином.

В прихожей хлопнула дверь.

— Папа! Я дома! — крикнула Надя. — Анна Тихоновна приболела, и нас отпустили с последнего урока!

Сегодня ее из школы забирала Света.

— Хорошо, — откликнулся я, присев перед духовкой со спичками в руках.

— Я с гостями!

— Да? — Я настороженно обернулся.

Надя показалась в дверях. За ее спиной неловко появился Кеша.

— Привет, Иннокентий, — сказал я. Почему-то меня его визит не удивил. — Как дела?

— Нормально… — Он помялся, не поднимая глаз. — Уроки интересные…

— Это здорово, — сказал я тем бодрым тоном, которым взрослые разговаривают с детьми.

— У Кеши мама допоздна на работе, — пояснила Надя. — Я его к нам в гости позвала. Мама обещала потом его отвезти домой.

— А мама-то где?

— Она нас до подъезда довезла, а сама пошла за туалетной бумагой. — Надя прыснула. Есть такой возраст, в котором слова «туалетная бумага» звучат удивительно смешно — особенно если

говорить их при сверстнике.

— Да, я вчера забыл купить, — покаялся я.

Надя обернулась и крикнула в сторону прихожей:

— Нет, это тапочки мамины, а для гостей — зеленые!

— Так у нас много гостей? — спросил я, вставая.

— Не очень. — Надя чуть смутилась. — Еще тетя Арина. Мы ее в подъезде встретили, она к нам шла.

Я сделал пару быстрых шагов и встал, отделяя детей от прихожей. В левой руке у меня до сих пор был коробок спичек. Зато пальцы правой уже собрались в знак «щита».

— Антон! — крикнула Арина из прихожей. — Мир, дружба, жевачка!

Она осторожно выглянула из коридора.

— Я пришла с миром! — широко улыбаясь, сказала она. — Никакого зла! Ты же видишь, с детками все в порядке!

Кажется, Надя поняла, что поступила опрометчиво. Нет, она не произнесла ни звука, но крепко схватила Кешу за руку и оттащила подальше за мою спину.

И я почувствовал, как в метре от меня забурлил,

наполняясь, бездонный колодец Силы.

— Надя, — сказал я негромко, — ты прекрасно знаешь, что нельзя приводить в дом чужих… людей.

— Но она же не человек, — попыталась оправдаться Надя. — Она Иная… Светлая.

— Когда-то она была Темной, — сказал я. — Впрочем, дело не в этом… бывают такие Светлые, на которых белого пятнышка не осталось.

— Антон, ты меня обижаешь! — возмутилась Арина.

Она выглядела абсолютно миролюбиво. Длинное платье, уложенные в пучок, как у пожилой сельской учительницы, волосы. Большие пушистые тапочки на ногах дополняли картину.

— Зачем пришла? — спросил я.

В общем-то я не боялся. Сейчас придет Светлана. Я в своей квартире… а дома и стены помогают, это каждый Иной знает. К тому же рядом дочка. Неумелая, но бесконечно сильная. И если она ударит… чем угодно ударит… Арина вылетит сквозь стенку.

— Я так поняла, что ты решил… закончить с кубком, — сказала Арина. — Хочу на это посмотреть. Можно?

— Я хочу его сжечь, — сказал я. — И не пытайся

меня переубедить.

В ее глазах мелькнуло что-то неуловимое. Неужели облегчение?

— Клянусь, не буду! Но могу я посмотреть? А потом уйду! Клянусь…

— Да хватит с меня твоих клятв! — рявкнул я. — Скажи спасибо, что здесь дети… Надя, Кеша! Стойте там, в углу! Сейчас я сожгу эту деревяшку, потом Арина скажет нам «пока» и уйдет. Понятно?

— Можно я скажу «чао-какао»? — спросила Арина, мило улыбаясь.

— Откуда такие познания сленга шестидесятых? — спросил я. — Ты же спала!

— Кино много смотрела последнее время. — Она пожала плечами. — Современное мне не очень нравится, злое оно. А вот полвека назад люди умели снимать добрые фильмы.

— Добрая бабушка Яга, — фыркнул я. Собрался чиркнуть спичкой.

Арина внимательно смотрела на меня и, похоже, не собиралась вмешиваться. Только одна ладонь у нее была крепко сжата. «Минойская Сфера!» — сообразил я.

— Положи ее на пол и отойди на пару шагов!

Она не спорила. Наверное, это должно было

меня насторожить… Раскрыла ладонь, продемонстрировала маленький шарик из белого мрамора… вот ты какая, знаменитая Минойская Сфера, головная боль Инквизиции! Потом присела, осторожно положила шарик на пол и катнула в мою сторону. То ли пол в квартире оказался не слишком ровный, то ли рука Арины дрогнула — шарик закатился под тумбочку для обуви.

— Антон, я играю по-честному.

Ох, не верю я в честных ведьм… да и в честных Иных — не очень-то…

— И без резких движений, — сказал я на всякий случай. Зажег спичку. И, стараясь не отводить взгляда от Арины, кинул ее в духовку.

Пыхнуло. Довольно сильно, видно, скопились бензиновые пары, Надя даже вскрикнула — а Кеша, молодец все-таки мальчишка, выступил вперед, навстречу плите и опасности.

— Вот и все, — сказал я Арине. — Довольна?

Арина пристально смотрела в духовку.

— Значит, ты все-таки решился, папа? — спросила Надя. Спросила нарочито громко, видимо, стеснялась своего испуга.

— Да. Не надо никому слышать это пророчество, — сказал я. — Сегодня оно… уже натворило делов.

Арина вдруг рассмеялась.

— Ах, Антон… — сказала она. — Прямой, честный… простой и наивный. Так ты не понял?

— Папочка, мне кажется, что пророчество открывается при разрушении кубка… — прошептала Надя.

Я даже успел повернуться. Я даже успел сделать шаг к открытой духовке, к пылающему синеватым огнем деревянному кубку…

А в следующую секунду тот порог разрушения, что заложил в свое рукоделие Эразм Дарвин, был достигнут.

И я оказался на опушке ночного темного леса.

Метрах в пяти от меня тянулся едва угадываемый в темноте проселок. За ним были поля, за полями — тусклые огоньки, скорее угадываемые, чем увиденные глазами. Да, с электричеством в ту пору было плохо… точнее — никак.

А на проселке беззвучно метались две тени. Одна — почти бесплотная, немыслимо стремительная. Другая — тоже быстрая, но куда более материальная — и с сияющим сине-огненным бичом в руке. Удары бича то и дело достигали противника, но непохоже было, что того это серьезно ранит.

Я вдруг понял, что начинаю уважать Завулона.

Он не бросил своего малолетнего ученика на растерзание Тигру. Великий Темный маг принял бой, который должен был стать последним.

Рядом со мной раздались странные звуки — будто кого-то тошнило. Я с трудом отвернулся от магической дуэли — и увидел старый кряжистый дуб, росший на самой опушке. Где-то на уровне моей груди в дубе имелось дупло. Из дупла торчали тощие ноги юного Эразма Дарвина. Вроде как ему должно было быть четырнадцать лет, но ростом он, похоже, был с Кешу, а уж комплекцией уступал нашему пророку раза в два. Все-таки акселерация не миф.

— Он приходит за нами… — вдруг едва слышно донеслось из дупла. Я шагнул ближе, наклонился к спине Эразма. Иллюзия окружающего мира была полной — я даже чувствовал легкий запах пота и страха, идущий от мальчишки. — Палач придет, чтобы ты сказал, палач придет, чтобы ты молчал…

Да, все верно. Они тогда называли его палачом…

— Палачу нужна кровь, палачу нужно мясо… — бормотал Эразм. — Палач выпьет кровь, палач съест плоть, палач заберет душу… Мало, мало, мало крови, мяса, душ… Всегда мало, мало, мало…

палача клонит в сон…

Эта ночь, отделенная от меня бездной времени, была теплой. Но меня пробил озноб.

Он же говорит почти то же самое, что и Кеша!

Только другими словами… словами своего времени…

— Палач будет приходить, палач никогда не остановится, палач не спит, палач готов к работе… Только дева, дева, рожденная обманом, дочь Великой волшебницы, отринувшей свою силу, дочь Великого волшебника, взявшего не свою силу, только девочка, девочка, девочка сможет убить палача… Девочка Элпис — дочь обмана, девочка Элпис — сестра палача…

В каком-то полуобморочном состоянии я отметил, что Эразм получил хорошее классическое образование. Элпис — Надежда по-гречески.

Надо отойти. Отвернуться. Заткнуть уши. Не слушать.

Но я не мог этого сделать.

Да и чем это поможет — ведь вместе со мной сейчас бесплотными тенями слушают бормотание Эразма моя дочь Надя, мальчик-пророк Кеша и старая ведьма Арина…

И ни одного человека…

— Палач — вся сила мира, — продолжал ис-

поведоваться дереву Эразм. — Палач — все волшебство мира. Девочка может убить палача. Девочка может убить волшебство. Убей палача — убьешь волшебство! Убей палача — убьешь волшебство…

Нет, но все-таки, ведь ничего страшного не происходит… Это то же самое пророчество. То же самое, что говорил Кеша. Оно не напугало Тигра. Оно вообще не похоже на пророчество… так… разъяснение ситуации…

Преамбула.

Вводная часть.

Предвестник настоящего пророчества.

Я вскинул руки, закрывая уши. Но мир вокруг был лишь иллюзией, он жил по своим законам, и я продолжал все слышать.

Вначале — отчаянный крик Завулона. И его сдавленный вопль:

— Пощады! Я уйду, палач! Пощади меня!

Если он узнает, что я был свидетелем его позора, — мне крышка. Никакие договора и обязательства не помешают Завулону жаждать моей смерти в сотню раз сильнее, чем до того…

А потом я услышал голос Эразма. Более медленный и сильный. Голос уже не испуганного мальчика, а взрослеющего мужчины.

— Ты, волшебник из суровой северной страны, не услышавший нужного в свое время, но пришедший сюда бесплотной тенью и узнавший то, чего не хотел знать… Палач умрет, и волшебство покинет наш мир. Твой выбор. Ее сила. Его судьба. Палач придет, и тебе придется решать. Но что бы ты ни решил, тебе больше никогда не знать покоя.

— Я его и не знал никогда! — закричал я. Мне хотелось вцепиться в Эразма, вытащить из дупла и отхлестать по щекам — чтобы он замолчал. Но я знал, что мои руки пройдут сквозь тело пророка.

— Мне жаль тебя… и прости меня, — сказал Эразм и замолчал. Торчащие из дупла ноги дрыгнули и обмякли, видимо, он потерял сознание.

Я стоял, не сразу осознав, что всхлипываю и по моим щекам текут слезы. Невдалеке стонал Завулон. А к дубу неспешной поступью подошел Тигр. Постоял, глядя на доступную обозрению часть Эразма. Он был такой же, как и в наше время, — молодой, с добрым благостным лицом. Только одежда на нем была старомодная, на мой взгляд — дико неудобная… Тигр несколько секунд смотрел на Эразма. Потом повернул голову — и посмотрел на меня. Будто видел.

И улыбнулся — грустно и понимающе…

Мы все так и остались в тех позах, в которых нас застало пророчество. Я — протянув руку к горящему кубку, Надя — прижавшись к холодильнику, Кеша — отважно прикрывающий ее, Арина — в сторонке, тихо хихикающая и топчущаяся на месте. Неужто старая ведьма сошла с ума?

— Это было пророчество? — спросил Кеша.

Я молчал. Потрогал лицо — оно было мокрым от слез. Посмотрел на ноги — они были в пыли.

Лихо. Это что же, была не просто иллюзия? А что-то вроде путешествия во времени?

— Мне кажется, я что-то такое… тоже говорил… только забыл… — тихо добавил Кеша. — Но… там было про Тигра…

— Микросхема в игрушке была маленькая, — ответил я. — Все не записалось.

— Никогда не доверяла технике, — произнесла Арина. И прыснула от смеха.

— Папа, я должна буду с кем-то сражаться? — спросила Надя. — И убить его?

Я посмотрел на Арину. Ведьма была счастлива, будто наелась каких-нибудь своих ведьминских мухоморов в жабьем соусе.

— Чему так радуешься? — спросил я. — Ты понимаешь, что произошло? Мы услышали пророчество, из-за которого Тигр сегодня убил

Эразма Дарвина.

— Убил? — Арина нахмурилась, но улыбка с ее лица не исчезла. — Жалко старого алкоголика, жалко… Но я рада, что все решилось. Мы покончим с этим, Антон! Ты и я… точнее — твоя дочь. А мы поможем. Тигр придет, и Надя его уничтожит.

— Мне кажется, ты плохо расслышала пророчество, — сказал я. — Мне решать. Понимаешь?

Я шагнул к дочери и обнял ее.

— Мне решать, убьет ли Надя Тигра.

— Я не хочу никого убивать, — быстро сказала Надя. — Папа, я не хочу!

— К сожалению, выбора больше нет, — спокойно сказала Арина. — «Палач умрет, и волшебство покинет наш мир». Сказано! Если сейчас мы расскажем пророчество людям — оно станет истиной.

— А если не скажем? — спросил я.

— Тогда придет Тигр и убьет всех Иных, знающих пророчество. — Арина улыбнулась. — Я-то готова. Я все равно умру, когда исчезнет Сумрак, ты же понимаешь… люди не живут столько, сколько я.

— Это ты виновата, — сказал я. — Ты как-то замешана… ты ведь знала, как активировать

пророчество? Давно знала?

— Догадывалась, — спокойно сказала Арина. — Это в общем-то старый метод ведьм — подвешивать заклинание на разрушение ценной вещи. Тогда можно надеяться, что его используют только в случае крайней нужды. Но ты был совершенно прав, Антон, я не смогла бы повлиять на твою дочь. Я не смогла бы зачаровать Абсолютную волшебницу. Надо было сделать так, чтобы у нее не осталось выбора… у нее и у тебя.

— Выбор всегда есть. — Надя выскользнула из-под моей руки и сердито посмотрела на Арину. — Я не стану никого убивать! Пусть даже меня убьют!

— Но убьют еще и твоего папу. — Арина пожала плечами. — И Кешу, кстати. Ты сможешь спокойно смотреть, как Тигр их убивает?

Надя сникла.

— Значит, на Надю ты повлиять не могла, — сказал я. — А на Эразма?

На мгновение Арина потупила взгляд.

— Всего лишь любопытство… Оно, как известно, сгубило кошку. И старого ирландского пьянчужку — тоже.

— Зачем?

— Чтобы подтолкнуть тебя. Эразм предрек, что

ты услышишь его последнее пророчество. Значит, он должен был успеть с тобой связаться. А ты — запаниковать. И решиться разрушить кубок.

— Оставалось последнее — сделать так, чтобы Надя вовремя попала домой… — Я кивнул. — И не одна… чтобы я чувствовал ответственность еще и за чужого ребенка… Случайно ли приболела Анна Тихоновна, я даже не спрашиваю.

— В нашем возрасте, Антон, здоровье такое хрупкое! — воскликнула Арина. — Ну извини! Извини старую ведьму! Ты же понимаешь — я не ради себя! Ради высшей цели!

— Какой?

— Прекратить все это! Хватит кормить Сумрак! Хватит платить человеческими страданиями за нашу Силу!

— Арина, но ты ведь даже не знаешь, активно ли то пророчество… и про что в нем говорилось! Быть может, все беды уже упали на нашу страну и закончились!

Арина пожала плечами. И твердо сказала:

— Все равно. То, что мы делаем, противно Богу. И если мы можем с этим покончить… то мы должны покончить.

Я вдруг почувствовал покалывание в кончиках пальцев. Резкое, секундное…

Сработали сторожевые заклинания вокруг нашего дома, навешенные давным-давно Гесером… и, как я теперь понимаю, еще и Завулоном. Заклинания, оберегающие Абсолютную волшебницу. Ту, кого Великие держали в запасе как оружие Судного дня.

Я посмотрел в окно. И увидел, как со стороны переулка к нашему дому идет Тигр.

Это было очень легко увидеть — он не скрывался, он не пробовал обойти или снять защиту. Он ее просто проламывал — точно так же, наверное, как ломал защиту нашего офиса, когда шел за Кешей. Тигр был похож на человека, отлитого из раскаленного добела металла. Он шел, а вокруг него бушевал огненный шторм. Вспыхивали ветви на деревьях. Переворачивались, взвизгивая сигнализацией, припаркованные автомобили. Очумевший от происходящего приблудный дворовый кот начал метаться перед идущим Тигром, будто не мог выбрать, в какую сторону убегать.

Коты видят на всех слоях Сумрака. Может быть, он видел сейчас что-то такое, что было немыслимо даже для него, следящего ночами за крадущимися оборотнями и наблюдающего полеты ведьм в сумрачном небе.

Тигр остановился перед котом. Нагнулся. По-

гладил его. И пошел дальше.

Кот, мгновенно прекративший паниковать, сел посреди двора и стал вылизываться.

А Тигр двинулся к нашему подъезду.

— Папа, мне страшно, — сообщила Надя. Они с Кешей стояли у окна, глядя на Тигра.

— Тебе надо будет его ударить, — торопливо сказала Арина. — Только ударить. Чистой энергией. Пресс. Но в полную силу! Понимаешь?

С неба в Тигра ударила молния. Хорошо что тучи есть на небе, люди хоть какое-то объяснение себе найдут…

Тигр, замерший посреди воронки из дымящегося ломаного асфальта, помотал головой. Выбрался. И пошел дальше.

— Папа, у тебя телефон… звонит… — сказала Надя.

Я похлопал себя по карманам, достал трубку. Сказал, не отрывая взгляда от Тигра:

— Да, Гесер.

— Что ты творишь! — завопил шеф.

— Извини. Меня обвели вокруг пальца. Я… я узнал пророчество Эразма.

Гесер выругался.

— Откройте портал, шеф, — попросил я. — Мне… надо чуть-чуть времени. Чтобы понять,

как поступить.

— Я не могу открыть портал, — тихо сказал Гесер. — Извини, Антон. Но… Сумрак будто взбесился. Я ничего не могу сделать.

— А что делать нам? — спросил я. — Пророчество Эразма…

— Нет, не говори мне, — оборвал меня Гесер. — Не надо. Хотя… нет. Если все так, как я боялся…

— Наверное, да. — Я прижался к стеклу, чтобы увидеть, как Тигр открывает дверь подъезда. Там тоже что-то сверкнуло, и пол задрожал под ногами. Но я не строил иллюзий насчет уязвимости Тигра перед ловушками Гесера и Завулона.

— Ты должен решить сам, Антон, — сказал наконец Гесер. И я почувствовал, как изменился его голос. Каким он стал… старым. Древним. Я бы сказал «ветхозаветным», если бы Гесер имел хоть какое-то отношение к христианству. — Ты имеешь на это большее право, чем я.

— Почему? Потому что я в большей мере человек? — спросил я.

Секунды, отпущенные мне, истекали, а я все никак не мог принять решения. И мне очень важно было услышать ответ Гесера.

— Потому что я очень виноват перед тобой, — сказал Гесер устало. — И мне надоело быть

виноватым.

— Что за день такой сегодня, все время передо мной все извиняются… — сказал я и прервал связь.

Посмотрел на Арину. Ведьма то опасливо косилась на прихожую, то жадно смотрела на меня.

— Что ты решил, Антон? Времени нет!

— Время всегда есть, — сказал я и вытянул руку.

Минойская Сфера пулей вылетела из-под тумбочки и мягко приземлилась мне в руку. Ого, какая она тяжелая!

А в дверь раздался звонок!

Он сегодня деликатный, наш Палач-Тигр!

— Надя, Кеша, крепко обнимите меня! — скомандовал я. Дети вцепились в меня, а я на всякий случай обнял их.

— Сволочь! — взвизгнула Арина и прыгнула ко мне.

Как же активировать сферу? Наверное, просто пожелать… энергия в нее закачивается заранее, маршрут, вероятно, тоже…

Я сжал холодный мраморный шарик в ладони и захотел — отчаянно захотел — оказаться как можно дальше отсюда.

И в ту же секунду рука Арины до боли впилась

в мое плечо.

Глава 8

Через портал просто шагаешь. Возникает иллюзия полного контроля над происходящим и даже личного в нем участия. Поднял ногу… шагнул… высунул голову в другом месте… протащил все остальное… Половина в Москве, половина на Сейшельских островах, и никаких проблем… вот только жутковато.

Пути Темных сквозь нижние уровни Сумрака трудны и опасны. Не знаю уж почему, ведь там никто не живет, но я видел пару раз, как Темные выходят из таких путешествий измочаленные в кровь. Не знаю, может быть, они там сражаются со своими внутренними призраками…

А Минойская Сфера протащила нас сквозь пространство бесцеремонно, одним мощным сильным рывком. Это было не больно, не противно, никого не тошнило и не мутило. Но осталось какое-то неприятное ощущение — будто побывал Гулливером в Бробдингнеге и послужил живой игрушкой в руках великанов.

В общем и целом, самолеты мне нравятся больше.

На ногах мы в конце путешествия не устояли. Я повалился на Арину, Надя приземлилась на Кешу. Я встал, молча подал ведьме руку.

— Ах, охальник! — игриво воскликнула Арина, вставая. — Что ни случись, а у мужика одно на уме!

Все-таки она мне нравилась. Очень. Несмотря на всю свою ведьмину натуру…

Рядом Надя уже отпрыгнула от Кеши, всем своим видом демонстрируя, что лучше бы упала в гору мусора, чем приземлилась на какого-то там мальчишку.

Но в целом никто не пострадал.

— Папа, где мы? — спросила Надя.

Я огляделся.

Маленький, в одну комнатушку, дощатый дом. Стены оклеены потускневшими от времени бумажными обоями. Из обстановки — стол с парой стульев, буфет, кровать — железная, с никелированными шариками на спинке… такие были писком моды в тридцатых годах прошлого века, древний громоздкий телевизор, книжный шкаф… почти без книг.

Ну да, Инквизиция все вывезла, когда зачищала жилище Арины.

Странно, что дом не спалили.

Я сказал это вслух:

— Странно, что Инквизиция не сожгла дом. Мне казалось, что это стандартная процедура для жилища беглой ведьмы.

— Сожгли. Только мой дом сжечь трудно, — ответила Арина, оправляя платье. — Здесь моя земля. Село, откуда я родом, тут стояло… Я здесь родилась… видимо, и умру тут. Сжигай дом, не сжигай… из земли прорастет.

Я ей верил.

Дом, кстати, выглядел вполне жилым. Похоже, тут Арина и устроила свою базу, мудро рассудив, что никто не станет проверять пепелище. На столе стоял открытый пакет с дешевыми конфетами, в буфете стоял пакет молока и заботливо завернутые в чистую тряпицу полбатона белого хлеба.

— А книжки утащили, ироды… — вздохнула Арина. — Начала помаленьку восстанавливать библиотеку, да сама не знаю — к чему. Ведь не успею же.

Я шагнул к шкафу, потрогал корешок одной из книжек.

«Алиада Ансата».

Ведьмин травник.

Все остальное к магии отношения не имело. Десяток томиков Пушкина — причем два или три

издания прижизненных. Четвертый том Гарри Поттера, сборник детективов Рекса Стаута и томик стихов Бунина «Листопад» — тоже старый, дореволюционный. Видимо, ведьмам порой хочется просто чего-нибудь почитать.

— Мне жаль, Арина, — сказал я искренне. — И твой дом… и тебя.

— Меня жалеть не надо, — спокойно ответила она. — Со мной уже все кончено. Либо Тигр меня прикончит… либо старость унесет, как только магия иссякнет. Вам-то проще, волшебникам. Просто начнете стареть, как все люди. Ты еще молодой…

— Арина, я не хочу уничтожать Сумрак, — сказал я.

Ведьма помолчала. Потом спросила:

— Почему?

— По множеству причин. Если кратко — я не верю, что Сумрак несет зло… только зло, — поправился я.

— Тигр показался тебе добрым? — поинтересовалась Арина.

— Все мы недобрые, когда нас пытаются убить.

— Врешь, — спокойно сказала Арина. — Тебя тревожит другое. Что скажет тебе дочка, когда вырастет — и поймет, что могла быть величай-

шей волшебницей, а стала обычным человеком. Что жена твоя постареет, морщины покроют ее лицо, а в каждом взгляде будет вопрос «за что?». Что сам ты будешь старым, больным, с одышкой и колотьем в боку, трясущимся над скудной пенсией и стонущим от несправедливости мира… уже не в силах не только другим помочь — но и себя защитить. Ты попробовал, каково прожить без магии один вечер. И тебя это напугало.

Я молчал.

— Но у тебя нет выхода, — продолжила Арина. — Я постаралась и у меня получилось.

— Есть еще путь Веньяна, — негромко сказал я.

— Он нам не поможет. — Арина покачала головой. — Я знаю, что нравлюсь тебе… не как женщина, как человек. И ты мне нравишься. Но Веньян убил друга, которого любил больше, чем себя. Только это доказало Сумраку, что он сохранит тайну пророчества. К тому же… то пророчество, вероятно, несло беды всего лишь миллиарду китайцев. А наше — убивает сам Сумрак. Мы все эгоисты, Антон. Мы все готовы на любые поступки, чтобы защитить себя. Тигр — не исключение. Наше пророчество должно умереть с нами — или исполниться. Любой шаг ведет к поражению.

— В шахматах это называется цугцванг, — внезапно сказал Кеша.

Я посмотрел на него и спросил:

— А ты не знаешь, что мне делать?

Кеша глянул на меня как на идиота. И воскликнул:

— Мне десять лет, откуда мне знать?

— В кино в критической ситуации маленький ребенок всегда подсказывает герою гениальный ход, — сказала Арина. — Не удивляйся, Кеша. Когда взрослые мужики не знают, что им делать, они не то что ребенка — они даже женщину готовы выслушать… Антон, ты уж решайся. Тигр нас найдет быстро.

— Ты можешь перезарядить сферу? — Я протянул ей мраморный шарик.

— Кирдык ей, — осмотрев артефакт, ответила Арина. — Она не была рассчитана на то, чтобы тащить сквозь пространство четверых Иных. Если не сдохла до конца, то лет пять отлеживаться будет. Жалко, уникальная вещь, открывает порталы откуда угодно и когда угодно, в любых обстоятельствах… Нет, Антон. Больше не убежать.

— Можно, я возьму конфету? — спросил Кеша.

— Конечно, — радушно согласилась Арина. — Могу и хлебушка с молоком дать. Надя, а ты

будешь молочка с хлебушком?

Здоровая психика у пацана. Интересно, что это значит? Ведь он пророк; если мы сейчас погибнем, он должен это предвидеть.

Значит, я решился?

— Я покурю, Арина, — сказал я. — Хорошо?

— Дверь открыта, — спокойно сообщила ведьма, доставая из буфета разнокалиберные чашки.

— Не боишься, что Тигр уже там и он меня прихлопнет? — спросил я, открывая дверь.

— Так это же все проблемы решит! — воскликнула Арина. — Неужто дочка за папу не отомстит?

Надя испуганно посмотрела на меня:

— Папа, не ходи!

— Надя, не бойся, — сказал я. — Арина права, Тигру нет смысла меня убивать. Скажи, а ты не можешь открыть портал?

Надя секунду помедлила, потом покачала головой:

— Извини, папа. Сумрак словно кипит. Там такая рябь и пузырики…

Не представляю, что и где она видела. На мой взгляд — Сумрак был как Сумрак. Самый обычный.

На первом слое, во всяком случае.

Я вздохнул, открыл дверь и вышел в вечерний лес. Домик Арины стоял посреди леса, без всяких заборов, огородов и прочих излишеств. К нему вела только одна тропинка.

Единственное, что тут имелось из удобств, — это поваленное дерево неподалеку. Очень удачно упавшее и слегка зачищенное от веток, так, что оно превратилось в некую природную скамью.

Я постоял, глядя на дерево и того, кто на нем сидел.

Потом подошел, сел рядом, достал сигареты и спросил Тигра:

— Будешь?

Некоторое время молодой человек в строгом деловом костюме и светлом плаще молчал, глядя на меня. Потом сказал:

— Курить вредно для здоровья.

— Иным можно, — отмахнулся я.

— Если не станет меня, то не станет и твоей силы, — напомнил Тигр. Но сигарету взял. Она сама затлела у него в руках. Тигр затянулся, достал изо рта сигарету, недоуменно на нее посмотрел. Пожал плечами.

— Кто ты? — спросил я.

— Не тот вопрос. — Тигр покачал головой. — К чему спрашивать, ведь ты не сможешь меня

проверить. Я могу сказать, что я Бог, а быть дьяволом.

— Но все-таки, если бы ответил мне, то что бы ты сказал?

Тигр с любопытством посмотрел на меня.

— Я бы сказал, что я — Сумрак. Что я личность. Что во мне отражен и слит воедино разум всех людей, которые стали Иными, прожили свою жизнь — и ушли… ушли в меня. Что я хочу жить, хотя ты не сможешь представить, на что похожа моя жизнь. Что у меня есть свои интересы, которые ты не сможешь понять. Но все это только слова, и это те слова, что сказаны для тебя.

— Хорошо, — сказал я. — Хорошо. Тогда скажи, чего ты хочешь?

— И снова не тот вопрос! — Тигр поморщился. — Не тот! Но если тебе нужен ответ, то я отвечу — я хочу жить. Просто жить.

— Почему ты убиваешь пророков? — спросил я.

Теперь Тигр помедлил. Я вдруг заметил, что сигарета, которую он курит, не уменьшается. Кошмар врачей и табачных магнатов — вечная сигарета…

— Все ли пророчества должны прозвучать?

— Но убийства…

— Это говорит сотрудник Ночного Дозора, лично убивавший Темных Иных? — спросил Тигр.

— Ты хочешь сказать, что ты — Добро?

— Я не Добро. Я не Зло. Я Сумрак. Я хочу жить, а моя жизнь — это люди. Все, что идет на пользу человечеству, полезно и мне. Все, что идет ему во вред, вредит и мне.

Я посмотрел на избушку — и увидел в окне три лица. Арина, Надя и Кеша. Надя и Арина смотрели напряженно. Кеша пил молоко.

— Но пророчества часто несут зло. А ты позволяешь им звучать и исполняешь их.

— Я? — В голосе Тигра послышалось удивление. — Пророчество — это прорвавшийся нарыв. Кассандра не была виновата, что пала Троя. И я не был виноват. Воля человечества, его стремления и ожидания — они прорываются в мир через пророков. И если прорвались — то они исполняются. Я могу поторопить… а могу задержать… Иногда. Не более.

— А то пророчество, которое пугает Арину? — спросил я. — Которое она пыталась отменить, а в итоге… отложила? Или оно уже свершилось?

Тигр пожал плечами:

— Опять же, что тебе мой ответ? Я могу сказать то, что тебя успокоит. Но откуда тебе знать, прав-

да ли это?

— Все равно скажи, — настаивал я.

— Я не рушу царства и не развязываю войн, — тихо сказал Тигр. — Я видел падение Киша и долгую смерть Урука, гибель Ассирии и разрушение Вавилона. Я видел, как разрушаются великие империи и угасают маленькие государства. Я видел армии, идущие нескончаемым потоком три дня и три ночи, видел разграбление городов и убийство пленных. Народы растворяются друг в друге, меняют имена и языки. Я видел зло, из которого прорастает добро, и добро, смертоносное и безжалостное. Но все это — не я. И даже не вы, Иные, мнящие себя пастухами человечества. Все это — люди. Все это их любовь и ненависть, отвага и трусость. Тебя, как и Арину, волнует судьба твоего народа и твоей страны? Мне нечего ответить. Как нечего было ответить Веньяну. Как нечего было ответить Эразму. Только люди в итоге решают, жить им или умереть. Я палач. Но я не судья. Великая радость устраивает меня так же, как великое горе. Но и радость и горе выбирают сами люди.

— Так что же мне делать? — спросил я.

Вот теперь Тигр молчал долго. Потом сказал:

— Я хочу жить. Если вы донесете пророчество

людям… значит, оно исполнится. Значит, людям больше не нужно волшебство. Не нужны те, кто отличен от других. Те, кто жаждет странного. Тянут человечество и толкают его. Тогда я погибну. И если я буду сражаться с твоей дочерью — я тоже могу погибнуть.

Он помедлил, но все-таки добавил:

— Но тут шанс есть. Она ребенок и может не справиться.

— А есть ли другой выход? — спросил я. — Чтобы не умирал ты и не умирали мы… все.

Тигр пожал плечами. И ответил:

— Ну, ты же понял все сам. В твоем вопросе уже был ответ.

Я кивнул.

— Обидно.

Некоторое время мы сидели молча. Я скурил вторую сигарету, потом третью. Совсем уже стемнело. В лесу темнеет быстро, в лесу нет сумерек. В окошке замерцало дрожащее пламя свечи.

— Ты уж извини… — неожиданно сказал Тигр.

— Да хватит вам всем передо мной извиняться! — завопил я, вскакивая. — Достали!

— Надо на что-то решиться, Антон, — кротко сказал Тигр.

— Дай мне пять минут, — сказал я.

— Десять, — кивнул Тигр, продолжая курить. Огонек то вспыхивал, то угасал в сумерках, пока я шел к дому.

Дети сидели за столом, на котором горели две свечи, притихшие и настороженные. Арина так и стояла у окна, глядя на Тигра.

— Решил? — спросила она, не оборачиваясь ко мне.

— Надя… — Я посмотрел на дочь. Ее лицо едва угадывалось в пламени свечи. — Ты сделаешь то, что я попрошу?

— Что? — напряженно спросила она.

— У нас всего два выхода, — сказал я, глядя на нее. Хорошо все-таки, что я успел увидеть ее взрослой… пусть даже во сне.

Во сне, который не должен сбыться.

— Всегда бывает три, — упрямо сказала Надя. — Во всех сказках всегда три пути.

— Что поделать, у нас неправильная сказка. — Я попытался усмехнуться. — Всего два. Убить Тигра — и уничтожить всю магию на Земле. Все Иные станут обычными людьми. Может быть, случатся какие-то катаклизмы… не знаю.

— Магия стала злом, — напряженно сказала Арина. — Люди должны…

— Люди должны быть людьми, — ответил

я. — Не будет магии — они найдут другой способ уничтожать себя.

— Так ты решил позволить Тигру нас убить? — воскликнула Арина.

— И есть второй вариант, — продолжал я, глядя на дочь. — Доказать Тигру… доказать Сумраку, что мы никогда не озвучим пророчества. Не скажем его людям. Тогда… оно не осуществится. И Тигру не нужно будет нас убивать.

— Чтобы Тигр поверил, нужна жертва, — фыркнула Арина. — Страшная жертва… бесповоротная… — Она на миг замолчала. А потом вскрикнула, возмущенно и негодующе: — Антон! Ты хочешь убить…

— Папа, ты хочешь, чтобы я тебя убила? — спросила Надя с ужасом.

Все-таки Арина бывшая Темная. Они все понимают неправильно. В отличие от Светлых.

Я покачал головой.

— Нет, доча… Я думал об этом, но… не могу оставлять тебя с таким грузом. И ведь есть еще Арина… Пообещай мне. Просто пообещай, что никогда и никому не расскажешь пророчества Эразма! И ты, Кеша, поклянись!

— Мальчика он убьет, — быстро сказала Арина. — Убьет его Тигр. На глазах твоей дочки

растерзает, то-то будет ей неизлечимая психологическая травма, на всю жизнь горемычную сиротскую — мальчики кровавые в глазах…

Вот ведь зараза старая! Она даже подвывать стала, как деревенские бабки на похоронах.

Кеша горячо воскликнул:

— Я не расскажу! Никому!

— Поклянись, — повторил я. — Пусть то, что я сделаю, будет не напрасно. Поклянись.

Кеша отчаянно закивал.

Надя привстала с табуретки.

— Не надо, — попросил я. И повернулся к Арине.

— Ты не справишься, — быстро сказала она. — Мы оба Высшие, но опыта-то у меня побольше, Антон…

Я не стал ничего говорить.

То, что когда-то давным-давно рассказал мне Эдгар. На космодроме Байконур, когда я стоял напротив Кости Савушкина, своего приятеля и Высшего Вампира, собиравшегося превратить всех людей мира в Иных…

Сила прошла через меня, обдав холодом пальцы. Арина поставила «щит» — она не поняла, что я делаю.

Некоторые вещи трудно понять тем, кто слиш-

ком долго был Темным.

Сумрак вздрогнул, когда сквозь него проросли белые каменные стены. Пространство будто раздвинулось — стол, за которым сидели дети, отнесло куда-то вдаль, потолок растворился и его сменил белый сверкающий купол, пол покрыли мраморные плиты.

Мне все-таки не хватило Силы. Чуть-чуть. Но рядом был бесконечный источник — и я потянулся к дочке, зачерпнул — и пространство вокруг оформилось окончательно.

Круглый зал метров десяти диаметром, с потолком-куполом.

Ни окон, ни дверей.

Ничего.

Сверкающий белый камень, в котором заключены мы с Ариной.

Навсегда.

Саркофаг Времен — самое страшное заклинание Инквизиции. Заклинание, срабатывающее и на жертву, и на палача.

— Ты с ума сошел, — прошептала Арина и села на пол.

— Наверное, — сказал я, садясь рядом.

Здесь был воздух, и, наверное, он навсегда останется свежим.

Здесь был даже Сумрак — но ни на одном его слое из Саркофага нет выхода.

Если верить Эдгару, заключенные в Саркофаг не испытывают ни голода, ни жажды.

Им позволено вечно сходить с ума, не испытывая физических мучений.

— Его же невозможно взломать, — сказала Арина. — Ты понимаешь? Никак. Даже твоя дочь не сможет.

Я пожал плечами.

Десятиметровый пятачок белого камня. Плывущая в вечность капсула.

Интересно, сменится ли расширение Вселенной сжатием и новым Большим Взрывом? Если да, то у нас есть какой-то шанс.

Я захохотал, представляя себе миллиарды лет заточения. Арина потянулась ко мне и отвесила звонкую пощечину.

Я замолчал.

— Ты действительно ему веришь? — спросила Арина. — Сумраку?

— Не знаю. Я верю только в то, что люди сами творят свою судьбу. Люди, а не Сумрак… и не мы.

Арина помолчала. Развела руками.

— Что ж… в любом случае мы уже не узнаем ответа. Никогда.

Я полез в карман, достал пачку сигарет. Заглянул внутрь. Две штуки.

Перед лицом вечности экономить смысла не было.

— Будешь? — спросил я.

Арина вяло кивнула. Она была даже не напугана… в конце концов, она и так шла на смерть. Она была задумчива. Будто мой поступок ее поразил.

Я засунул в рот обе сигареты, раскурил и протянул одну Арине. Она удивленно посмотрела на меня.

— В каком-то старом американском кино видел, — пояснил я. — Всегда хотел это сделать.

— Вот ведь Петр, модернизатор хренов, приволок на Русь это зелье окаянное, а я же его просила этого не делать… — пробормотала Арина.

— Не ври, ты родилась, когда Петр Первый уже умер, — возразил я.

— Привыкай, нам теперь нечем заняться, кроме как байки травить, — отпарировала Арина. Затянулась. — Хотя, конечно, будут и другие развлечения. Сам понимаешь — вечность…

Я вынул сигарету изо рта и затушил о пол, глядя поверх Арины — на расступающуюся стену непроницаемого Саркофага.

Тигр стоял в проеме, за которым кипела серая

мгла. Мне даже показалось, что я вижу те «пузырики», про которые говорила Надя.

— Впечатляюще, — сказал Тигр, входя в Саркофаг. — Ты знаешь, что за всю историю Инквизиции это заклинание использовали всего три раза?

Я покачал головой. Арина уже была на ногах — и, похоже, собиралась сражаться.

— В принципе это вполне убедительно, — продолжал Тигр, неторопливо идя ко мне. Арину он игнорировал. — Но тебе не приходило в голову, что твоя дочь может сделать неожиданный вывод?

— Какой? — спросил я.

Рука Тигра схватила меня за шиворот и без малейших усилий вскинула вверх.

— К примеру, такой, что если Сумрак умрет, то любимый папочка вернется из Саркофага?

— А это так? — прохрипел я, хватаясь за горло и пытаясь ослабить воротник.

— Нет! Но разве она мне поверит?

В следующий миг Тигр рванулся вперед — и мы прошли сквозь стену.

Крик Арины оборвался за спиной, будто отрезанный.

Мы снова стояли в домике, затерянном в под-

московных лесах.

— Папа! — закричала Надя, бросаясь ко мне. Тигр отпустил мой воротник и отступил на несколько шагов. Я обнял дочку, посмотрел на него. Тигр мрачно смотрел на стоящего рядом с ним Кешу. Мальчишка будто оцепенел.

— Вот даже не думай! — сказал я.

— А какие у меня гарантии? — негромко спросил он.

— Никаких. Только мы всю жизнь без них обходимся, придется и тебе научиться.

Тигр буравил Кешу взглядом. Потом спросил:

— Мальчик-пророк… Ради собственной безопасности я должен тебя убить…

— Я не хочу! — воскликнул перепуганный Кеша и начал неуклюже пятиться в мою сторону.

— Хорошо. Так и запишем, Иннокентий Толков отказался, — произнес Тигр. И исчез.

Мы остались втроем.

— Он правда ушел? — спросила Надя. — Как ты думаешь, папа?

— Я думаю… — Я потер горло и закашлялся. Тигр меня чуть не придушил, вытаскивая из Саркофага… сил он точно не соизмеряет… — Я думаю, что существо, у которого есть чувство юмора, не может быть совсем уж плохим…

Надя всхлипнула и обняла меня крепче. Кеша помялся секунду, потом подошел и неловко ткнулся с другого бока.

— Все, все в порядке, — сказал я. — Все уже закончилось.

— А где Арина? — спросила Надя негромко.

— В Саркофаге Времен, — ответил я.

— Это значит — навсегда?

— Это значит, что еще никогда и никто не попадал в Саркофаг, из которого нельзя выйти, с Минойской Сферой, которая прокладывает порталы откуда угодно. Не знаю, Надя. Возможно, и Тигр этого не знает.

Я и сам не знал, чего в моих словах больше — попытки утешить дочь или правды.

А еще больше не знал, хочу ли я, чтобы древняя ведьма смогла совершить немыслимый побег из темницы. Как по мне — так лучше бы она там осталась до конца времен.

— Мне попробовать открыть портал? — спросила Надя. — Сумрак успокаивается…

— Через десять минут и тридцать секунд Великие Гесер и Завулон откроют к нам портал… — внезапно сказал Кеша. Голос его изменился. Как это часто бывает с юными пророками, от испуга он начал прорицать. — Следующую неделю вы

будете давать объяснения на Трибунале Инквизиции в Праге…

— Это я и сам догадываюсь… — прошептал я, глядя на растрепанную Кешину макушку.

— Вы — Антон Городецкий, — продолжал мальчик. — Вы — Светлый Иной. Вы — отец Нади. Вы… вы нас всех… вы нас всех…

Я затаил дыхание.

Повисла тишина.

— Я что-то говорил, да? — робко спросил Кеша.

Вот так всегда!

А как хотелось бы знать, правильно ли ты поступил.

Но никто и никогда не даст на это ответа.

Даже Сумрак.

Шестой Дозор

Данный текст обязателен для прочтения силами Света.

Ночной Дозор

Данный текст обязателен для прочтения силами Тьмы.

Дневной Дозор

Пролог

Пятнадцать лет — это большой срок.

За пятнадцать лет человек успевает родиться, потом учится ходить, говорить и пользоваться компьютером, потом — еще читать, считать и пользоваться унитазом, совсем потом — драться и влюбляться. А в завершение порой производит на свет новых людей или отправляет во тьму старых.

За пятнадцать лет убийцы проходят все круги ада в тюрьмах для особо опасных преступников — и выходят на свободу. Иногда — без капли тьмы в душе. Иногда — без капли света.

За пятнадцать лет самый обычный человек несколько раз радикально меняет свою жизнь. Уходит из семьи и заводит новую. Меняет две-три-четыре работы. Богатеет и становится нищим. Посещает Конго, где занимается контрабандой алмазов, — или селится в заброшенной деревушке в Псковской области и начинает разводить коз. Спивается, получает второе высшее образование, становится буддистом, начинает принимать наркотики, обучается пилотировать самолет, едет в Киев на Майдан, где получает дубинкой по лбу,

после чего уходит в монастырь.

В общем, много чего может случиться за пятнадцать лет.

Если ты человек.

…Впрочем, если ты девочка пятнадцати лет от роду — то ты твердо знаешь, что ничего интересного с тобой не происходило.

Ну почти совсем ничего.

Оля Ялова, если бы кто-то сумел поговорить с ней по душам (еще лет пять назад это получилось бы у мамы, года три назад — у бабушки, но сейчас — ни у кого), рассказала бы про себя три интересные вещи.

Первая — как же она ненавидит свои имя и фамилию!

Оля Ялова! Нарочно не придумаешь!

В детстве ее дразнили «Оля-Ялова», как девочек из старого-престарого детского фильма. Но это еще было ничего. В конце концов, фильм был хороший (по мнению семилетней Оли), на тех девочек-близняшек она даже немного походила. Оля-Ялова? Ну и прекрасно.

А вот классе в четвертом кто-то из одноклассников… ну да уж, «кто-то»… хорошо, когда ты уже в десять лет — красавчик, блондин, отличник, родители богатые и тебя обожают, а фамилия твоя

— Соколов… так вот, кто-то из одноклассников решает посмотреть в Интернете, какая фамилия что значит…

И ты узнаешь, что «Ялова» — это всего лишь корова без теленка. Бесплодная корова. И «бесплодная корова» становится твоим прозвищем с четвертого по шестой класс. Иногда сокращаясь до «коровы», иногда даже до «бэ-ка». И от обиды и слез ты начинаешь сидеть дома, читать книжки и лопать чай с печеньем — пока и в самом деле не обретаешь фигуру «коровы»…

Второе, что было главным в жизни Оли Яловой (или Оли-Яло, как она себя мысленно называла), — это хоккей. Настоящий хоккей с шайбой. Женский. Ну или девичий — в секцию она пошла совершенно случайно, когда однажды ей вдруг приснился мерзавец Соколов, перед которым она почему-то стоит совершенно голая, и красавчик Соколов (к тринадцати годам он стал высоким и уж совсем неприлично красивым мальчишкой) морщится, закрывает ладонью глаза и цедит сквозь зубы: «Корова…»

То ли время пришло, то ли хоккей был именно тем, что требовалось, — но весь лишний жир стек с Оли за полгода, а через год — в четырнадцать — она была звездой юношеской сборной России.

И внезапно оказалось, что под пухлыми щеками и толстыми бедрами пряталась высокая (к пятнадцати Оля перегнала всех в классе, а тренер, оглядев ее, мрачно сказал: «В баскетбол не отпущу!»), крепкая (ситуация-то была шутейная, ну, дурацкий спор вышел… но Оля и сама не заметила, как уронила двух одноклассников — и те, сидя на полу, испуганно смотрели на нее и боялись встать) девушка (именно девушка — выходя из душа, Оля бросала на себя взгляд в зеркало и улыбалась, потому что знала — никакой дурачок, чьего имени она и знать не хочет, при виде ее не зажмурится).

А третье, что было в жизни Оли главным, только должно было случиться. Засунув руки в карманы (был мороз, а перчатки надевать не хотелось), Оля шла мимо Олимпийского стадиона, за которым высились недостроенные минареты главной городской мечети, мимо небольшой православной церкви. Был ранний вечер, фонари горели вовсю, но народу на улицах было немного, несмотря на центр города. Отвыкла Москва от настоящих русских морозов, всего-то минус пятнадцать — а все разбегаются по домам или прячутся в машины…

Вот сейчас через улочку, в подземный переход,

на другую сторону проспекта Мира. Там по переулку, где грохочут на путях трамваи, в высотный жилой дом с массивным стилобатом (три года запойного чтения книг не прошли даром, оставив в голове у Оли массу случайных слов и знаний). В этом доме жил мерзавец Соколов. Красавчик Соколов. Ее, и только ее, Олежка Соколов!

Они встречались уже полгода, но этого никто не знал. Ни в школе, ни в спортивной секции. И мама с бабушкой тоже не знали.

Как-то уж слишком долго Оля Ялова и Олег Соколов враждовали.

Но теперь… нет, не теперь… завтра Оля ничего скрывать уже не собиралась. Завтра они придут с Олегом в школу вместе.

Потому что сегодня она останется у него ночевать. Родители Олега в отъезде. Бабушка и мама уверены, что Оля после тренировки останется у подруги.

А она останется у Олега.

Они уже все решили. Раньше они только целовались… ну… в общем, тот вечер на последнем ряду в кино не считается, хоть Олег и дал волю рукам…

Теперь все будет серьезно. Им уже по пятнадцать лет, кому сказать, что еще не занимался

сексом, — позор! Засмеют! Допустим, девчонки из команды не занимались, но у них просто времени и сил нет. А в школе сейчас столько занятий… Но вообще-то в пятнадцать лет девственников и девственниц практически нет.

Это Оля знала точно, потому что прочитала об этом в Интернете, а три года запойного чтения дают не только лишние знания, но и излишнюю веру в печатное слово.

Где-то в глубине души (которая сейчас, вероятно, пряталась в животе) у Оли бился маленький холодный страх. И даже сомнение.

Олежка ей нравился. И целоваться с ним было здорово. И обниматься. И… и хотелось большего. Она прекрасно знала, как все бывает… как должно быть… ну Интернет же…

И в общем-то Оле этого хотелось.

Она только не могла понять — сейчас или потом? С Олегом или с кем-то другим? Но она уже пообещала прийти. А Оля Ялова не любила нарушать свои обещания.

…Переулок встретил ее холодным ветром, дующим со стороны трех вокзалов, и неожиданной тьмой. Неожиданной, потому что горели фонари, светились окна жилых домов, вывески магазинов. Но их свет почему-то не разгонял тьму

— крошечные огоньки зависли в ночи, яркие, но беспомощные, будто далекие звезды в небе.

Оля даже остановилась на миг. Оглянулась.

Ну что за чушь? Ей идти — три минуты. А если бежать — то одну. И у нее рост метр семьдесят пять, а мышцы получше, чем у многих парней. Она в центре Москвы, времени — семь часов вечера, вокруг полно людей, возвращающихся домой.

Чего она боится? Да она просто к Олегу идти боится! Она не хозяйка своего слова. Наобещала — и испугалась, как маленькая девочка. А она взрослая женщина… почти уже взрослая… почти уже женщина…

Оля поправила вязаную шапочку с помпоном, перекинула через плечо поудобнее спортивную сумку (полотенце, чистые трусики и пачка женских прокладок — Оля подозревала, что завтра они ей понадобятся) и ускорила шаг.

Младший лейтенант полиции Дмитрий Пастухов был не на службе. Он был даже не в форме, когда, подняв руку, ловил такси на углу Протопоповского и Астраханского переулков. Причины, почему в этот час Дима Пастухов был здесь, могли бы расстроить его жену, поэтому мы не будем вдаваться в детали. В защиту Димы можно

сказать только то, что в руке у него был пакет, в котором лежала коробка конфет «Рафаэлло» и букет цветов из торгового автомата, купленные рядом, в дешевом супермаркете «Билла».

Цветы и конфеты Дима дарил жене не часто, раз-два в год. Что в данном случае, как ни странно, служит извиняющим фактором.

— Какие пятьсот? — темпераментно торговался Дима. — Да триста — красная цена!

— Ты на бензин цены знаешь? — так же темпераментно отвечал водитель-южанин из-за руля потрепанного «форда». Несмотря на очень нерусскую внешность, речь у него была чистой и интеллигентной. — Вызови официальное такси — никто дешевле не повезет!

— Я потому и ловлю частника, — пояснил Дима. Вообще-то он был морально готов на пятьсот рублей — ехать было не близко, но привычка требовала поторговаться.

— Четыреста, — решил южанин.

— А поехали, — сказал Дима и, перед тем как нырнуть в машину, окинул взглядом улицу. Просто так.

Девочка стояла шагах в пяти. Покачиваясь и глядя на Диму.

Вообще-то девчонка была высокой, фигуристой,

в полумраке сошла бы и за взрослую женщину, но сейчас свет фонаря падал ей прямо на лицо — а лицо было совсем детским.

Девочка была без шапки, волосы растрепаны. Из глаз у нее катились слезы. Шея была окровавлена. Нейлоновая горнолыжная курточка была чистой, а вот на светло-голубых джинсах тоже проступали потеки крови.

Пастухов бросил пакет и букет на сиденье и кинулся к девочке. За спиной у него затейливо выматерился водитель, тоже увидавший девчонку.

— Что с тобой? — закричал Пастухов, хватая девочку за плечи. — Ты как? Где он?

Почему-то он не сомневался, что девочка сейчас покажет, «где он», и он догонит этого козла, и задержит, и в процессе задержания, если повезет, что-нибудь ему сломает или отобьет.

Но девочка тихо спросила:

— Вы полицейский, да?

Пастухов, который толком не осознавал отсутствие на нем формы, кивнул:

— Да. Да, конечно! Где он?

— Увезите меня, мне холодно, — жалобно попросила девочка. — Увезите меня, пожалуйста.

Насильника рядом не было. Водитель выбрался

из-за руля, достав откуда-то бейсбольную биту (как известно, в России почти никто не играет в бейсбол, но вот бит продается сопоставимо с США). Идущая по Астраханскому семейная парочка увидела девочку, Пастухова, водителя — и юркнула в супермаркет. А вот двигавшийся по Протопоповскому пацан с ранцем, напротив, остановился и издал восхищенный возглас — так радостно, что Пастухов подумал о воспетой в Библии пользе телесных наказаний для воспитания детей.

— Тебе нельзя сейчас покидать место происшествия… — начал было Пастухов.

И осекся.

Он увидел, откуда текла кровь. Два крошечных отверстия на шее девочки. Два следа от укусов.

— Пошли, — решил он и потащил девочку к машине. Та не сопротивлялась, будто, приняв решение довериться ему, вовсе перестала о чем-то думать.

— Эй, в милицию ее надо… — сказал водитель. — Или в больницу… Эй, тут же Склиф рядом, сейчас…

— Я сам полиция! — Пастухов одной рукой достал из кармана «корочку» и сунул водителю под нос. — Никакого Склифа. Гони на Сокол.

— Зачем на Сокол? — поразился водитель.

— Там офис Ночного Дозора, — сказал Пастухов, укладывая девочку на сиденье и подсовывая ей под голову ее же сумку. Ноги девочки он положил себе на колени. С высоких «зимних» кроссовок закапал грязный тающий снег. А вот шея не кровоточила. Хорошо, что слюна вампира останавливает кровь после еды.

Плохо, что вампиры не всегда останавливаются вовремя.

— Какой еще Ночной Дозор? — удивился водитель. — Я в Москве двадцать лет живу, не помню такого.

«Ты и не будешь помнить», — подумал Пастухов. Но говорить это вслух не стал. В конце концов, он и сам, когда доводилось заходить к Иным, не был до конца уверен, что ему оставят память.

Лучше не зарекаться.

— Ты быстро вези, — посоветовал он. — Я штуку заплачу.

Водитель красочно объяснил, куда Пастухов должен будет поместить свою тысячу, и прибавил газа.

Девочка лежала, закрыв глаза. То ли впала в забытье, то ли была в шоке. Пастухов искоса глянул

на водителя — тот не отрывал глаз от дороги. Тогда, чувствуя себя насильником и извращенцем, Пастухов осторожно раздвинул девочке ноги.

Джинсы в промежности были чистые, не испачканные. По крайней мере ее никто не насиловал.

Хотя, если уж говорить начистоту, с точки зрения Пастухова — сексуальное насилие было бы куда меньшим злом. Привычным.

Часть первая. Вынужденные действия
Глава 1

— Ты засиделся, — сказал Гесер.

— Где? — заинтересовался я.

— Не «где», а «на чем», — не отрывая взгляда от бумаг, сказал шеф. — На заднице.

Раз уж шеф начал грубить без повода — то он чем-то очень сильно озадачен. Не разозлен — тогда он предельно вежлив. Не испуган — тогда он печален и лиричен. А именно озадачен.

— Что случилось, Борис Игнатьевич? — спросил я.

— Антон Городецкий, — продолжил шеф, не поднимая глаз. — Десять лет в отделе обучения и образования — многовато, не находишь?

Я задумался. Что-то мне этот разговор напоминал. Но что?

— Есть претензии? — спросил я. — Работаю вроде хорошо… от оперативной работы тоже не уклоняюсь…

— А также периодически спасаешь мир, воспитываешь дочь, Абсолютную волшебницу, и ладишь с женой — Великой волшебницей… —

кисло сказал шеф.

— Еще терплю шефа — Великого, — в тон ответил я.

Гесер соизволил поднять глаза. Кивнул.

— Да. Терпишь. И будешь терпеть. Итак, Антон Городецкий. В городе орудуют незарегистрированные вампиры. За неделю — семь нападений.

— Ого, — сказал я. — Каждый день жрут, мрази… А что наши оперативники?

Гесер меня будто и не слушал. Перебирал бумаги.

— Первая жертва… Александр Погорельский. Двадцать три года. Продавец в бутике… не женат… бла-бла-бла… напали средь белого дня в районе Таганки. Вторая жертва — на следующий день. Николай Рё. Сорок семь лет. Инженер. Район Преображенки. Третья — Татьяна Ильина. Девятнадцать лет. Студентка МГУ. Район Чертаново. Четвертая — Оксана Шемякина, пятьдесят два года. Уборщица. Район Митино. Пятая — Нина Лисицына, школьница, десять лет…

— Вот мразь… — вырвалось у меня.

— Средь бела дня, район Матвеевский.

— На женщин перешел, — сказал я. — Распробовал. Теперь стал с возрастом экспериментировать…

— Шестая жертва — Геннадий Ардов. Шестьдесят. Пенсионер.

— Пара, что ли, нападает? — предположил я.

— Может быть, и пара, — сказал Гесер. — Но женская особь там точно есть.

— Откуда информация? Кто-то выжил и рассказал? — заинтересовался я.

Гесер мой вопрос проигнорировал.

— Седьмая, на данный момент — последняя, Оля Ялова, школьница, пятнадцать лет. Кстати, скажи спасибо своему знакомому, Дмитрию Пастухову. Он ее обнаружил и доставил к нам по горячим следам… что было очень полезно.

Гесер собрал все бумаги, подбил ладонью края, сложил их в папку.

— Так что, кто-то из жертв выжил? — спросил я с надеждой.

— Да. — Гесер секунду помедлил, глядя мне в глаза. — Все выжили.

— Как — все? — Я даже растерялся. — А… но тогда… обращения?

— Нет. На них просто покормились. Немного. Последнюю девочку довольно сильно высосали, врач говорит о потере не менее литра крови. Но там все понятно — девочка шла к своему парню… и, видимо, у них намечался первый… э… коитус.

Как ни странно, но, говоря это, Гесер смутился. Впрочем, его смущение показал и использованный вместо слова «секс» медицинский термин.

— Понятно, — кивнул я. — Девчонка была вся в эндорфинах и половых гормонах. Вампир, какого бы пола он ни был, опьянел. Это еще повезло, что оторвался вообще… Я все понял, шеф. Сейчас я подберу команду и отправлю…

— Это твоя работа. — Гесер толкнул папку через стол. — Охотиться на эту вампиршу… или вампиров будешь ты.

— Почему? — поразился я.

— Потому что она или они так хотят.

— Они выдвинули какие-то требования? Что-то передали через жертв?

На лице Гесера появилась ехидная улыбка.

— Можно, конечно, сказать, что передали… Бери дело и иди. Кровь, если решишь работать классически, получишь на складе. Да… и позвони мне, когда до тебя дойдет.

— И вы мне что-то скажете умное, — мрачно сказал я, вставая и беря папку.

— Нет, я просто поспорил с Ольгой, сколько тебе времени потребуется, чтобы понять, Антон Городецкий. Она говорит про час, я — про четверть часа. Видишь, как я в тебя верю?

Из кабинета Гесера я вышел не попрощавшись.

А позвонил ему через полчаса, бегло просмотрев все документы, потом разложив их на столе и некоторое время вглядываясь в строки.

— Ну? — спросил Гесер.

— Александр. Николай. Татьяна. Оксана. Настя. Геннадий. Ольга. Следующую жертву звали бы, к примеру, Роман. Или Римма.

— Все-таки я был ближе к истине, — самодовольно сказал Гесер. — Полчаса.

— Интересно, как они собираются обойтись с «и кратким»? — спросил я.

— Они?

— Полагаю, что все-таки да. Их двое, парень и девушка.

— Вероятно, ты прав, — согласился Гесер. — Что до имени… В Москве немало иностранцев с необычными именами. Но знаешь, лучше бы нам не доводить дело даже до «цэ».

Я помолчал. Гесер не прерывал связь. Я — тоже.

— Что хочешь спросить? — раздался наконец голос Гесера.

— Ту вампиршу… пятнадцать лет назад… которая нападала на мальчика Егора… Ее точно

казнили?

— Ее упокоили, — холодно сказал Гесер. — Да. Стопроцентно. Наверняка. Сам проверил.

— Когда?

— Сегодня утром. Я тоже первым делом подумал о ней. Проверь все, что у нас есть о возможности псевдовитализации упокоенных вампиров.

Вот теперь Гесер прервал связь. Значит, сказал мне все.

Все, что мне требовалось знать, конечно. А не все, что могло понадобиться, или все, что он сам знал.

Великие никогда не говорят все до конца.

И я тоже этому научился. Я тоже не сказал Гесеру все.

Госпиталь у нас размещался в полуподвале, на том же уровне, где и гостевые комнаты. Ниже были хранилища, тюремные камеры, прочие помещения повышенной опасности, требующие охраны.

Госпиталь никто и никогда специально не охраняет. Во-первых, он обычно пустует. Если кто-то из дозорных получает раны — целитель вылечит их за два-три часа. Если же не вылечит — то пациент скорее всего уже мертв.

Ну и во-вторых, любой целитель — это еще и

очень квалифицированный убийца. Ведь стоит применить целительное заклинание «наоборот» — и результат будет фатален. Наших врачей защищать не надо, они сами кого угодно защитят. Как там говорил драчливый пьяный доктор в старой советской комедии? «Я врач! Я сломаю, я и вылечу!»

Однако сейчас, когда в госпитале был пациент, к тому же человек, пострадавший от Темного, у входа посадили охранника. Аркадий, недавно начавший работать в Дозоре, раньше был школьным учителем. В полном соответствии с ожиданиями окружающих он утверждал, что охотиться на упырей — куда легче, чем вести физику в десятом классе. Я его, конечно, знал — как и всех, обучавшихся в Ночном Дозоре за последние годы. Он меня — тем более.

Но у входа в госпитальный комплекс я, как положено, остановился. В соответствии с какими-то своими представлениями о подобающей форме для охранника Аркадий был в строгом синем костюме (что в принципе логично), но при этом еще и встал из-за стола (к счастью для охраны, паранойя у нас не достигла той степени, чтобы заставлять охранников стоять с заклинаниями на изготовку), осмотрел меня в обычном мире и

Сумраке и только после этого открыл дверь. Все по инструкции. Я бы тоже так себя вел еще лет пять назад.

— Кто там с девочкой? — спросил я.

— Иван. Как обычно.

Иван мне нравился. Был он не просто целитель, а целитель-врач. Вообще-то у Иных человеческая специальность и магическое призвание совпадают редко, например, военные почти никогда не становятся боевыми магами. Но вот целители, как я по своей жене знаю, большей частью — врачи.

А врач он был хороший. Начинал еще земским врачом в конце девятнадцатого века. Работал где-то в Смоленской губернии. Там и был инициирован, стал Светлым, но с профессией врача не расстался. Был и в смоленском Дозоре, и в пермском, и в магаданском — жизнь его помотала. После Второй мировой даже осел в Австрии и там прожил десять лет — тоже работая врачом, потом жил в Заире, Новой Зеландии и Канаде. Потом вернулся в Россию и пошел в московский Дозор.

В общем, и жизненного опыта, и врачебного у него было хоть отбавляй. Да и выглядел он так, как положено врачу, — плотный, лет сорока пяти — пятидесяти на вид, седоватый, с короткой

бородкой, в строгих очках, непременно в белом халате (в сумеречном образе — тоже) и со стетоскопом на груди. При виде его дети радостно кричали «Айболит!», а взрослые начинали честно выкладывать свой анамнез.

Единственное, чего он не любил, — это обращения по имени-отчеству. То ли за рубежом привык откликаться на «Иван», то ли была еще какая-то причина.

— Рад видеть, Антон. — Целитель встретил меня у входа в палату, выйдя из своего кабинета. — Тебе поручили?

— Да, Иван. — Я мимолетно подумал, что наш разговор какой-то очень формальный, будто сцена из дурного романа или паршивого сериала. Вот еще надо спросить, как чувствует себя девочка… — Как себя чувствует девочка?

— Уже неплохо. — Иван вздохнул. — Пошли, чаю выпьем, что ли? Она пока спит.

Я глянул сквозь стеклянную дверь. Девочка и впрямь лежала под одеялом, закрыв глаза. То ли спала, то ли делала вид. Проверять, даже незаметно для нее, магически мне показалось неправильным.

— Давай, — сказал я.

Чай Иван пить любил, причем самый баналь-

ный: черный с сахаром, лишь иногда с ломтиком лимона. Но чай этот был неизменно вкусен, каких-то необычных незнакомых сортов, но при этом без травок, которые так часто любят сыпать в чай пожилые люди.

— Я однажды встречал человека, который кидал в чай лепестки герани, — сказал Иван, наливая заварку. Он не читал моих мыслей, он просто был достаточно стар и опытен, чтобы понять, о чем я думаю. — Гадость была жуткая. К тому же эти лепестки его медленно отравляли.

— И чем кончилось? — спросил я.

— Умер, — пожал плечами целитель. — Машина сбила. Ты хотел расспросить про девочку?

— Да. Как она?

— Уже все в порядке. Ситуация была не критическая, доставили вовремя. Девушка молодая, крепкая. Поэтому я не стал переливать кровь. Усилил гемопоэз, поставил капельницу с глюкозой, провел успокоительное заклинание и дал валерьянку с пустырником.

— Зачем и то и другое?

— Ну, она сильно была напугана. — Иван позволил себе улыбнуться. — К твоему сведению, большинство людей, на которых кормится вампир, пугаются… Основная опасность была в

большой кровопотери, шоке и морозе. Она могла потерять сознание, упасть где-нибудь в темной подворотне и замерзнуть насмерть. Хорошо, что вышла к людям. Хорошо, что ее привезли к нам — меньше работы по зачистке. А так — здоровая крепкая девочка.

— Полицая не обижайте, — попросил я. — Это наш полицай. Хороший!

— Я знаю. Водителю память подтер.

— Водителю можно…

Пару минут мы просто гоняли чаи. Потом Иван спросил:

— Что тебя тревожит? Банальность же. Вампир с катушки слетел. Но хоть не убивает никого…

— Там есть одна странность, — уклончиво сказал я. — Если без деталей — у меня есть основания полагать, что это один знакомый мне вампир.

Иван нахмурился. Потом спросил:

— Это… Константин Саушкин?

Я вздрогнул. Ну да. Конечно. История с той вампиршей и случилась давно, и шума особо не наделала. Светлана, Высшая, затмила собой парочку незадачливых вампиров и едва не сожранного ими пацана. А вот про Костю, ставшего Высшим и едва не обратившего в Иных всех людей в мире, знал каждый Иной.

— Нет, Иван. Костя погиб. Сгорел. Совсем другая история, другой вампир… вампирша. Скажи, ты не сталкивался с тем, чтобы вампиры оживали?

— Они и так ожившие мертвецы, — спокойно сказал целитель.

— Ну да. В какой-то мере. Но вот чтобы упокоили вампира — а он ожил?

Иван задумался.

— Кажется, что-то слышал, — неохотно признал он. — Поспрашивай в архиве, быть может, в прошлом что-то случалось… Кстати, о прошлом. Я тут один сериальчик посмотрел, про коллегу своего. Про Мишку.

— Какого Мишку? — спросил я.

— Ну, про Булгакова же! — сказал Иван таким тоном, что стало понятно — он говорит о человеке, знакомством с которым очень гордится.

А я и не знал, что Иван был близок со знаменитым писателем. Может, он причастен к тому, что Булгаков начал писать всяческую мистику и фантастику?

— Похож?

— Есть что-то, — к моему удивлению, сказал Иван. — Занятно сняли, никогда такого от бриттов не ожидал! Молодой паренек играл — начинающий, наверное, но очень старался. С таким

удовольствием Мишку вспомнил! А вот другой сериал глянул…

Ему хотелось поговорить — и не о вампирах. На работе он явно скучал.

Конечно, есть всякого рода иные болезни — от сумеречной ангины (и не надо смеяться, там правда очень холодно!) и до постзаклинательной депрессии (связана с резким перепадом магической энергии у Иного). И еще есть обычные, человеческие болезни, которые он тоже лечил. Но все-таки целителю второго уровня в нашем офисе не так уж и много работы. А по доброй воле врачей навещают редко.

— Извини, пойду я, девочку навещу, — сказал я, вставая. — Спасибо за чай… Так что, можно отпускать?

— Конечно, — кивнул Иван. — Если хочешь, я сам почищу ей память.

Это было дружеское предложение. Шикарное. Стирать память, да еще молоденькой девчонке, — очень стыдно. Даже ради ее же блага. Ведь, по сути, такой чисткой мы что-то убиваем в человеке.

— Спасибо, Иван, — кивнул я. — Но я, наверное, сам. Не буду перекладывать…

Он кивнул. Он тоже все понимал.

Оставив Ивана в кабинете (Или как это у врачей называется — приемная? ординаторская?), я пошел в палату.

Девочка Оля Ялова уже не спала. Сидела потурецки на кровати и смотрела на дверь, будто ожидая, кто войдет. Выглядело это так похоже на предвидение, что я насторожился и посмотрел на ее ауру.

Нет. Увы, но нет! Человек. Ни малейшего потенциала Иной.

— Здравствуй, Оля, — сказал я, придвигая стул и садясь перед ней.

— Здравствуйте, — вежливо сказала она. Чувствовалось, что она напряжена, но старается выглядеть как можно спокойнее.

В принципе ничто не выглядит более умиротворяюще, чем юная девушка, одетая в пижаму чуть большего размера, чем требуется.

Так, повторим-ка еще раз мысленно, что ей пятнадцать лет…

— Я друг, — сказал я. — Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Через полчаса я посажу тебя в такси и отправлю домой.

— А я и не беспокоюсь, — сказала девушка, расслабляясь. Была она от силы на год старше Надюшки, но это был тот самый год, который

превращает ребенка во взрослого. Ну ладно, не во взрослого. В не-ребенка.

— Ты что-нибудь помнишь о вчерашнем вечере? — спросил я.

Девушка подумала. Потом кивнула.

— Да. Я шла… — пауза была едва заметна, — в гости. И вдруг услышала… какой-то звук. Будто песня… — У нее слегка затуманились глаза. — Я пошла… там узенький переулок, с одной стороны какой-то магазин, с другой — огороженный двор… там стоял… стояла…

— Девушка? — предположил я.

Обычно оставшаяся в живых жертва вампира помнит само нападение, но совершенно не запоминает хищника. Даже пол. Это что-то вроде защитного механизма, выработанного кровососами за тысячи лет охоты на людей.

Но в случае с Олей был нюанс — вампир (вампирша, если я прав) кормился слишком долго. В таком состоянии вампиры пьянеют и плохо контролируют себя.

Девочка помедлила и кивнула:

— Да. Девушка… Лица точно не помню, худое такое, скуластое… Молодая, кажется. Волосы темные, короткие. Глаза запавшие, темные. Я к ней подошла как во сне. Она махнула рукой, и я

сняла шарф. Тогда она, — Оля сглотнула, — она оказалась рядом. Как-то сразу. И…

Она молчала. Но я не останавливал, мне хотелось узнать детали. Дьявол — он в деталях, как известно.

— Она укусила меня в шею и стала пить мою кровь, — сказала Оля. — Долго. Она так подергивалась, стонала… и… — Девушка запнулась на миг. — И лапала меня за грудь. Не как парень… но еще противнее. Мы однажды на сборах с подружкой дурачились… ну, даже было немножко приятно. Я не лесби, не думайте. Мы дурачились. А тут была какая-то мерзость. Она не женщина и не мужчина. Она не человек вообще, вампир… — Девочка-девушка Оля очень серьезно посмотрела мне в глаза. — Она мертвая, да?

— Мертвая, — кивнул я. — Это такая особенная смерть… не окончательная. Не переживай, ты не превратишься в вампира.

— Доктор сказал вчера, — кивнула Оля. — А теперь вы заставите меня все забыть?

Я не стал врать. Кивнул.

— Наверное, я могла бы попросить вас оставить мне память, — задумчиво сказала Оля. — Но… но я не стану. Во-первых, вряд ли вы согласитесь. А во-вторых — я не хочу этого помнить. Я не хочу

знать, что на свете есть вампиры.

— Есть еще и те, кто их ловит, — сказал я.

— Это хорошо, — кивнула девушка. — Но все равно я не хочу это помнить. Я же не могу стать одной из вас?

Я покачал головой.

— Пусть я все забуду, — решила девушка. — Пусть я буду думать, что провела время у подруги.

— Только позволь еще один вопрос, — сказал я. — Вампирша точно была одна? Не было рядом мужской особи? Вампира? Может, он и не нападал, просто стоял рядом…

Оля покачала головой.

— Спасибо, ты действительно помогла, — сказал я. — Хорошо. Теперь рассказывай, как все должно быть.

— Я ведь шла к парню, — продолжала Оля. — У нас должен был быть секс. Первый раз. Он вышел меня встречать. И встретил. И когда я пошла к вампирше, он шел следом и спрашивал, чего я, куда я иду… А потом… когда ее увидел… Она улыбнулась Олежке, и у нее клыки блеснули. Тогда он повернулся. И убежал.

У нее была какая-то потрясающая откровенность. Такую иногда встречаешь в поезде, когда

напиваются в хлам совершенно незнакомые люди, сведенные на день-два вместе дорогой — и знающие, что никогда больше не увидятся. Еще так откровенны бывают люди, знающие, что жить им осталось совсем недолго.

Но, собственно говоря, так ведь оно и было. Нынешняя Оля Ялова исчезнет навсегда, ведь двенадцать часов ее жизни окажутся стерты. Появится новая Оля. Версия 1.1. Улучшенная, с вычищенными ошибками.

Я молчал. Хорошо, что девочка сказала про парня. Значит, придется…

— У него не забудьте стереть память, — продолжала девушка. — И пусть забудет, что у нас была любовь. И я тоже хочу это забыть.

— Ты не слишком сурова? — спросил я.

— Он убежал. Понимаете? Бросил меня! Отдал чудовищу!

— Оля. — Я взял ее за руку, надеясь, что жест выглядит дружеским или отеческим, а не заигрыванием. — Зов вампира, так же как его взгляд или запах, действует на любого человека, даже самого сильного. Ты не могла не прийти. Твой друг не мог не убежать. Она велела — и он убежал. Я не думаю, если честно, что это любовь всей твоей жизни, но не будь к парню слишком сурова.

Девушка подумала с минуту. Вздохнула, но, кажется, с облегчением.

— Хорошо. Тогда пусть он думает, что испугался толпы хулиганов. И я пусть тоже так думаю. Что мы убежали, но в разные стороны. Пусть ему все-таки будет стыдно, и я на него немножко обижусь. Ну, так… на неделю-другую…

— Какие же вы, женщины, коварные существа! — не выдержал я. — Коварнее любого вампира!

И Оля наконец-то расслабилась, улыбнулась широко и искренне.

— Да! Мы такие!

— Тогда спи, — сказал я.

И она, конечно, уснула.

Олю, мирно посапывающую на кровати, я препоручил заботам Ивана. Пусть приводит ее в порядок, переодевает, усаживает в такси, отправляет домой. Он доктор, в конце концов. Про юношу Олега, к которому Оля шла на свидание, я тоже ему рассказал — его полномочий хватит на то, чтобы отправить к парню патруль для зачистки памяти.

А я пошел в архив.

Огромная часть наших документов и накопленных Дозором сведений переведена в электронную

форму. Конечно, она доступна только во внутренней компьютерной сети, никакого доступа в Интернет нет и в помине.

Куда большая часть документов и сведений остается в бумажной форме. А также папирусной, пергаментной и даже чуть-чуть в глиняной.

Гесер когда-то говорил, что это связано с безопасностью — куда проще наложить защитные заклинания на материальный носитель, чем на — как сказать-то? — гигабайты и терабайты информации? Но мне кажется, что он лукавит. Большую часть этой информации в электронный вид просто не перевести. Или же неимоверно сложно.

Вот, к примеру, ведьмовская книга заклинаний. Написана детской кровью на страницах из кожи девственниц. Гадкая вещь, не спорю. Но врага надо знать…

Детскую кровь, как мы выяснили, можно заменить кровью стариков. Или взрослых людей. Или свиной кровью. Никакой разницы.

А вот если написать заклинания кровью Иного — они перестанут работать при прочтении. И если собачьей или коровьей кровью — тоже. Но куриная и кошачья годятся!

При этом кожа девственниц — вообще не обяза-

тельна, ее можно заменять на любую кожу, любой пергамент и даже любую бумагу. Хоть на туалетную или наждачную. У ведьм так много рецептов с кровью, кожей, слезами и фрагментами тел девственниц только потому, что большинство ведьм — старые страхолюдины. Омолаживающие заклинания у них не работают, только маскировочные. Поэтому ведьмы и ненавидят молодых красивых девушек и делают им гадости при каждом удобном случае. Комплексы…

Но кровь действительно нужна. Как и почему — ученые так и не выяснили до конца. Но копировать такую книгу заклинаний на компьютер бессмысленно, она работать не станет. Заклинаниям из нее не научишься!

Или рецепты целителей. Светлая магия, никаких ужасов… как правило. Но берем, к примеру, популярный рецепт эликсира от мигреней — и обнаруживаем, что пять ингредиентов из семи не записаны, а обозначены запахами! То есть надо понюхать указанные страницы в сборнике рецептов!

И — да, вы совершенно правы — если вместо запаха написать «ваниль», «каштановый мед» и «ржаной хлеб» — эликсир не сработает.

Составляя его, целитель должен понюхать

ингредиенты. Даже «толченый мел», который ничем особенным не пахнет. Даже «родниковую воду», которая совсем уж запаха не имеет!

…Тут ученые, кстати, почти единодушны: запахи активируют у Иного гиппокамп, кору височных областей, — и это каким-то образом влияет на заклинание. Но каким?..

А что говорить о магических предметах? Или о методиках, которые требуют тактильного контакта? Описать, конечно, можно. Но ценность описания будет очень условной.

Так что в компьютере (а я, конечно, начал с этого) в электронной базе данных оказалась лишь короткая информационная строка:

«ВАМПИРЫ, ОЖИВЛЕНИЕ (некорректное, правильно — ПОВТОРНАЯ ПСЕВДОВИТАЛИЗАЦИЯ) — процесс восстановления псевдожизнедеятельности вампиров после окончательного развеивания (см.), конечного упокоения (см.) или полного физического уничтожения. Описано Чаба Орош (Ч. Орош, 1732–1867), индекс 097635249843, Аманда Ранди Гру Касперсен (А. Р. Г. Касперсен, р. 1881), индекс 325768653166».

С этой распечаткой я и спустился на минус шестой этаж, где после поста охраны (посерьезнее, чем охрана лазарета, двое Иных) меня наконец-то

впустили в помещение архива.

Элен Киллоран была ирландкой — случай для московского Ночного Дозора редкий. У нас, конечно, полным-полно выходцев со всех республик бывшего Советского Союза. Поляк есть. Кореец.

Стажеры по обмену опытом вообще бывают отовсюду. Но они ненадолго приезжают, на год-два.

Когда-то, лет десять назад, приехала в Москву и Киллоран. Черноволосая, неторопливая, пунктуальная, застенчивая, непьющая — в общем, совершенно не похожая на ирландок, как их представляет массовая культура. Она была Иная пятого уровня, что ее ничуть не смущало и не волновало. Ее страстью была древность. Не будь она Иной — все равно проводила бы всю жизнь в архивах, магия стала для нее лишь изюминкой в пироге из старых документов и артефактов.

Элен Киллоран обожала систематизировать. И Москва стала для нее раем, давно уже недостижимым в Европе.

Нет, у нас хорошие архивы. Там ничего не пропадает. Там все надежно лежит. Столетиями.

Я смутно помнил, что до Киллоран архивом заведовал веселый общительный мужчина, у которого был один недостаток — он ничего не мог

найти. Разве что случайно. А так — большее, на что мог рассчитывать посетитель, это открытая дверь и мощный фонарик, потому что проводка барахлила и в любой момент можно было остаться посреди огромного зала в полной темноте.

Элен за год навела в архиве порядок — точнее, то, что мы готовы были признать порядком. Потом она каталогизировала и классифицировала все, включая неразобранные материалы — таких оказалось девяносто процентов. После чего сообщила Гесеру, что работы здесь на сорок-пятьдесят лет, поэтому она примет российское гражданство и заключит контракт с Ночным Дозором. Гесер вытаращил на нее глаза, сказал, что в качестве бонуса Дозор купит ей квартиру рядом с офисом. Элен смутилась и сказала, что ничего покупать не надо, достаточно оплачивать аренду. Гесер резонно объяснил, что за полвека стоимость аренды составит несколько квартир, после чего приставил меня к Элен — помочь ей в прохождении бюрократических препон.

Как по мне — так надо было Элен на все формальности наплевать. И на гражданство, и на квартиру. Она все равно в нашем архиве практически жила, выбираясь раз-два в неделю, — при архиве предусмотрительно была жилая комна-

тушка с санузлом. Но я честно помог ей справиться с московской бюрократией, после чего мы стали приятелями (в той мере, в какой можно было быть приятелем Элен, если ты не древний манускрипт).

Открыв дверь архива, я вошел в огромный темный зал, уставленный стеллажами от пола до высоченного потолка. Таких залов в подвале было несколько десятков, но Элен всегда работала в первом, наверное, даже ей было здесь одиноко. Покашляв, чтобы как-то обозначить свое появление, я двинулся сквозь полутьму к ослепительному конусу света в центре зала. Элен сидела за столом, на котором высилась огромная картонная коробка из-под телевизора «Горизонт-112», и перебирала сложенные в коробку тоненькие школьные тетрадки. Над головой архивариуса горела одна-единственная мощная лампа в металлическом абажуре. На Элен были затертые джинсы и теплая вязаная кофта — отопление не могло согреть огромный подвал.

Моему появлению Элен искренне обрадовалась. Мне был предложен чай (от которого я вежливо отказался, что, впрочем, не помогло) и любая необходимая помощь. В качестве ответной любезности я побеседовал с Элен о

творчестве Констебля и Тернера (моим вкладом в мини-лекцию было внимательное слушание и поддакивание) и выпил полкружки чая.

Мысленно я сделал себе заметку — надо организовать среди сотрудников дежурство по архиву и лазарету. Пусть периодически заходят с вопросами и делами к тем нашим сотрудникам, что закопались в своих берлогах. Кроме доктора и архивариуса, наверняка есть еще кто-то. Ученые в научном отделе. Оружейники… хотя нет, вот к ним заходят часто и охотно. А у Киллоран я и сам невесть сколько времени не был, как бы не год или больше…

Надо, надо направлять молодежь к нашим затворникам. И им веселее будет, и начинающим Иным — польза.

— Зачем такая редкая информация, Антон? — спросила Элен, проглядывая мой запрос. Тут же спохватилась: — Если это не секрет, конечно.

Мой уровень и положение в Дозоре позволяли мне в принципе запрашивать любую информацию без всяких объяснений. Но ничего плохого в том, чтобы посоветоваться с Элен, я не видел.

— Произошла серия нападений вампира на людей, — сказал я. — Жертвы все живы.

— А сколько их?

— Семь, — сказал я. И повторил: — Все живы.

Элен приподняла бровь, глядя на меня.

— Александр Погорельский, — начал перечислять я. — Николай Рё. Татьяна Ильина. Оксана Шемякина. Нина Лисицына. Геннадий Ардов. Оля Ялова.

— Ты назвал имена и фамилии, — задумчиво сказала Элен. — Ты не назвал возраст, род занятий, обстоятельства нападения. Это первая странность. Среди жертв — мужчины и женщины, хотя обычно кровососы гендерно специализируются… в вампиризме очень много сексуального. Это вторая странность. Все жертвы живы — значит, вампир хорошо контролирует себя. Но в таком случае как Дозору стало известно о нападениях? Нет ничего сложного в том, чтобы скрыть преступление, если жертва жива! Просто стереть память, а недомоганию человек придумает какое-то объяснение… грипп… И это третья странность.

Я кивнул. Я искренне наслаждался беседой. Конечно, Элен не оперативник и никогда им не была. Но я ведь уже сказал, что ей нравится систематизировать?

— И четвертая странность — зачем ты все рассказал мне, — закончила Элен. — Видимо, хочешь

либо подтверждения своим догадкам, либо моего совета… что странно, конечно… О нет! Есть еще и пятая странность. С какой стати ты, Высший маг, занимающийся обучением начинающих Иных, вообще занялся этим делом?

— Браво! — сказал я.

— Версия первая, — продолжала Элен. — Ты решил… или Гесер решил… что я засиделась в архиве. Тебя самого когда-то вытащили из компьютерного центра и отправили патрулировать улицы. Мне не нравится эта версия, я очень люблю ваш архив!

— Элен, — я прижал руку к груди, — клянусь, что не собираюсь вытаскивать тебя из уютного архива на шумные московские улицы!

— Тогда вторая версия. Ты ждешь совета.

Элен достала из кармана джинсов потертую записную книжку и огрызок карандаша. Быстро записала что-то на чистую страницу. Потом кивнула.

— Ага. Ты не зря назвал мне имена. Александр-Николай-Татьяна-Оксана-Нина-Геннадий-Ольга. Берем первые буквы. А-Н-Т-О-Н-Г-О… Антон Городецкий. Вампир намекал, что ему нужен ты. Вампир лишь нападал, но не убивал, потому что ему было нужно, чтобы о преступлениях узнали

в Дозоре. Вампиру было плевать, кого кусать — маленькую девочку или пенсионера, лишь бы буковки совпали. Очевидно, все это понял и Гесер — потому и поручил тебе расследование. Этот вампир — это из твоего прошлого вампир… так?

— Все так, — сказал я. — Только не вампир, вампирша.

— Кто-то запомнил? — удивилась Элен.

— Последняя жертва, Оля. Вампирша на ней насосалась до безобразия, память не затерла. Но дело даже не в этом.

Несколько секунд Элен молчала. Потом вновь посмотрела в блокнот.

— Ну да, — сказала она. — Конечно. Погорельский, Рё, Ильина, Шемякина, Лисицына, Ардов, Ялова. П-Р-И-Ш-Л-А-Я.

— «Пришла я». Немного странно для вампира.

Элен удивленно посмотрела на меня.

— Какое-то средневековое благородство, «иду на вы», — пояснил я.

— Странно, говоришь… — кивнула Элен, разглядывая блокнот. — Я пришла, значит… Может быть, напугать хотела? Интересно. Что ж она собиралась в итоге написать… этими укусами… А Гесер заметил?

— Кто ж его знает? Вряд ли шеф глупее меня.

— Но что тебе от меня нужно, вот загадка, — пробормотала Элен. Совершенно беззастенчиво стала грызть ноготь. — Материалы я тебе и так все найду. Совет? Ну, приятно, если так…

— Совет, — подтвердил я. — У тебя склад ума такой… своеобразный. Если ты в этом бардаке навела порядок, то и в этих данных сумеешь.

— Это какая-то вампирша из твоего прошлого, — сказала Элен. — Судя по запрошенной информации — ты ее упокоил… но предполагаешь, что она вернулась.

— Не я упокоил. Инквизиция. Но ее действительно упокоили, Гесер проверил. Это единственная женская особь вампиров, которая могла бы иметь на меня зуб… прости за дурацкий каламбур. Логично предположить, что она как-то восстала из мертвых.

— Я найду все документы, — пробормотала Элен. — Но вот чем еще помочь… ты же не дурак, ты сам все заметил.

— Подумай, Элен, — попросил я. — Я эту историю не хочу выносить на публичное обсуждение…

— Да что тут думать? — Элен закрыла блокнот. — Все, что можно, ты из этих ФИО уже получил… ведь получил? Из всего?

Мы уставились друг на друга. Потом Элен усмехнулась.

— Ты! Русский человек! У вас, русских, есть уникальная вещь — отчество. И ты не подумал, что если имя и фамилия что-то значат, то надо проверить и…

Я уже ее не слушал. Я закрыл глаза и вспоминал. В молодости, готовясь к экзаменам, я был уверен, что у меня плохая память. Но способности Иного творят чудеса…

— Александр Зиновьевич. Николай Алексеевич. Татьяна Тимофеевна. Оксана Олеговна. Нина Борисовна. Геннадий Орестович. Ольга Игоревна.

— З-А-Т-О-Б-О-И, — произнесла Элен то, что я понял уже и сам. И что ожидал услышать.

— Пришла я… — произнес я послание, составленное из первых букв фамилий.

— За тобой… — сочувственно продолжила Элен. — Как я понимаю, в русском языке нет отчеств на «и краткое»?

— Антон Го… — закончил я. — Вот же мразь дохлая… За мной она, значит, пришла? Отомстить решила?

— Успокойся, — миролюбиво сказала Элен. — А если бы она написала «За твоей»? За твоей дочерью, за твоей женой?

Зачастившее было сердце стало биться спокойнее.

— Да. Ты права, это не самый худший вариант, — сказал я. — Спасибо, Элен, ты и впрямь увидела то, что я проглядел.

— Это потому, что я не русская и смотрю со стороны, — наставительно сказала ирландка. — Антон, ты же Высший Иной. И жена твоя — тоже. А дочь — Абсолютная. Что может против вас одна вампирша? Даже если она ожила? Даже если она стала Высшей?

Я не ответил. Все было так… вот только неприкрытая дерзость нападений, этот открыто брошенный вызов — он словно вопил «не все так просто».

— Не все так однозначно, — сказал я.

— Посиди, Антон, — вздохнула Элен. Взяла мою распечатку, из ящика стола достала огромный фонарь. — Пошла я за твоими документами.

— Почему ты ходишь по архиву с фонарем? — спросил я.

— Некоторые документы не любят света, — ответила Элен. — Они могут испугаться и исчезнуть на несколько дней… или лет.

Она сделала шаг из конуса света в темноту и пропала. Через миг ее голос донесся до меня уже

издалека — она шла по залу, не зажигая фонаря.

— А еще в темноте здесь не так страшно, Антон! Многого не видно…

Глава 2

Рано утром, в четверть восьмого, я стоял на кухне и взбивал вилкой омлет в старой эмалированной кастрюльке. Опыт, приобретенный еще давным-давно, в маленькой однокомнатной квартире, позволял это делать практически беззвучно, я лишь один раз брякнул вилкой о дно кастрюльки.

Взбивая омлет, я пытался вспомнить, откуда у нас эта кастрюлька с облупившейся кое-где эмалью и жизнерадостными желтыми утятами на боку. Это ведь не Светланино приданое. Я в этой кастрюльке готовил еще в студенчестве. И она была не новая, мне ее мама дала, когда снимал первую квартиру…

Да ей же лет пятьдесят как минимум… А то и больше. Эта кастрюлька помнит СССР и товарища Брежнева. Я, можно сказать, не помню, а она — вполне. А может, и Хрущева? И Карибский кризис? И Великую Отечественную…

Нет, это я загибаю. Не может быть.

Однако удержаться было уже невозможно! Я посмотрел на кастрюльку сквозь Сумрак. Содержимое укоризненно отсвечивало желтоватыми отблесками, напоминая, что и яйца, и молоко — продукты животного происхождения. Ну извините, невылупившиеся цыплята и обделенные молоком телята, мы, люди, — хищники…

Я отвлекся от ауры пищи и попытался прочесть ауру кастрюльки. Это штука сложная, пожалуй, Иному второго-третьего уровня в принципе недоступная…

У меня получилось. Недостаток опыта я скомпенсировал Силой, бухнув в память металла столько энергии, сколько когда-то тратил за неделю.

Из этой кастрюльки ели. Много и вкусно, как говорится. В ней почему-то (из-за веселенького утенка на эмали?) много готовили детям. В том числе и мне.

А сделали ее не в годы войны, конечно, но в самом начале пятидесятых. И в переплавленном металле было железо разбитых танков, там до сих пор полыхало что-то черно-оранжевое, дымное, ревело и тряслось, плавилось и стонало…

Как хорошо, что ауру вещей не видят не только люди, но и большинство Иных…

— Папа?

Я поднял глаза. Надя стояла в дверях кухни, с любопытством смотрела на меня. Судя по школьной форме (она учится в лицее, там с этим строго), она собиралась на занятия.

— Что, доча? — спросил я. Попытался размешивать омлет дальше, но вилка почему-то не двигалась.

— Ты что делаешь? Так полыхнуло, я думала, ты портал открываешь.

— Я готовлю омлет, — сказал я.

Надя демонстративно втянула носом воздух.

— По-моему, ты его уже приготовил. И он подгорел.

Я посмотрел в кастрюльку:

— Да, есть немного.

Несколько мгновений дочь улыбалась, глядя на меня. Потом посерьезнела.

— Папа, что-то случилось?

— Нет. Хотел прочитать историю кастрюльки. Переборщил с Силой.

— А так — все в порядке?

Я вздохнул. Пытаться что-то скрыть от Нади было бесполезно. Лет с семи, пожалуй.

— Ну, не совсем. Я волнуюсь из-за этой вампирши… Постой, ты куда собралась?

— В школу. Ну я пошла, да?

— Мама еще в душе! Подожди!

Надя занервничала.

— Ну пап! Мне пройти три двора! Мне пятнадцать лет!

— Не три, а четыре. Не пятнадцать, а четырнадцать с небольшим.

— Я округляю!

— Не в ту сторону.

Надя топнула ногой.

— Пап! Ну прекрати! Я — Абсолютная…

— Абсолютная кто? — поинтересовался я.

— Волшебница, — буркнула Надя. Разумеется, она понимала, что этот спор ей не выиграть.

— Вот и хорошо, что волшебница, а не дура. Ты можешь быть безгранично сильной, но обычный камень, которым тебя ударят со спины…

— Папа!

— Или обычный вампирский зов, когда ты не будешь к этому готова…

Надя молча подошла ко мне, отобрала кастрюльку. Села за стол и стала есть вилкой, служившей для размешивания.

— Надя, я не самодур, — сказал я. — Подожди маму. Или пойдем, я тебя провожу.

— Пап, когда я иду по улице, за мной следят

трое Иных.

— Двое, — поправил я. — От Ночного и от Дневного Дозоров.

— И третий — от Инквизиции. У него артефакт мощный, ты его не замечаешь.

Вот оно как…

— Ну разве они допустят, чтобы на их драгоценную Абсолютную волшебницу напала сбрендившая вампирша?

— Я все понимаю, — согласился я.

— Папа, на мне семь амулетов! Из них три особо заточены против вампиров!

— Знаю.

Надя вздохнула и принялась ковырять омлет. Пробормотала:

— Соли мало.

— Соль вредна для здоровья.

— И подгорел.

— Активированный уголь полезен для здоровья.

Надя прыснула. Отставила кастрюльку.

— Ладно, сдаюсь. Пусть мама меня проводит… только никому не показывается. Если в классе увидят, что меня родители до школы провожают…

— Тебя волнует их мнение? — спросил я, до-

ставая сковородку. Мудрить с омлетом уже не хотелось. Сделаю глазунью…

— Да!

— Это хорошо, — сказал я. — Многие Иные, которые осознали себя в детстве, очень быстро перестают обращать внимание на людей. Хорошо, что ты не такая…

— Папа, а та девочка, которую покусали последней…

— Ну?

— Она сама попросила стереть ей память?

Я кивнул. Разбил яйцо над сковородкой.

— Сама. Умная девочка. Даже если бы она упросила нас оставить ей воспоминания, ей было бы тяжело с ними жить.

— Наверное, — согласилась Надя. — Но я бы не смогла. Это как убить себя.

— Какая у меня умная дочь…

— Вся в жену, — сказала Светлана, входя. — Вы тут не ссоритесь?

— Нет! — хором ответили мы с Надей.

— Какие-то… остаточные энергии… — Светлана неопределенно повела рукой.

— Это папа готовил омлет, — сказала Надя и хихикнула.

Разумеется, вчера я рассказал все своим де-

вочкам. И про нападения. И про свои догадки. И про содержимое картонной коробки из-под «магнитофона катушечного стереофонического НОТА-202», который добрая Элен под завязку набила нужными мне документами.

К сожалению, никакого беспокойства мой рассказ не вызвал. И ладно бы у Нади — я понимаю, что юность беспечна и безрассудна. Но и Света к моему рассказу отнеслась со скепсисом. Она согласилась с тем, что в именах жертв зашифровано послание мне. Но при этом наотрез отказалась считать угрозу серьезной: «Тот, кто на самом деле хочет зла, о своих планах не информирует».

Да и мое предположение, что на людей нападала вампирша, которую когда-то упокоили с моей подачи, Света отвергла. Во-первых, пусть я не работаю постоянно на улицах, но мне довелось обидеть немало вампиров и вампирш. Во-вторых, у обиженных могли быть подруги, «сестры по крови» — у вампиров все это довольно серьезно, хоть и не настолько, как в голливудских фантазиях. Ну и в-третьих, в большинстве случаев кровососы не таят обиду долгие годы, не мстят в духе графа Монте-Кристо. Они довольно приземленные существа. Практичные.

Иначе при их образе жизни… э… точнее — по-

слежизни, долго не… долго не просуществовать.

В общем, мое вчерашнее беспокойство было обозвано «пещерными комплексами главы семейства». Я на такой неприкрытый феминизм обиделся, ушел на кухню и сел работать с документами. Потом Света с Надей, посмотрев какой-то свой сериал, пришли на кухню пить чай — и я перебрался в «кабинет». Увы, квартира у нас хоть и просторная, но не настолько, чтобы у меня была отдельная комната для работы на дому, поэтому кабинет я себе оборудовал в застекленной лоджии. И все бы ничего — там было и тепло, и места хватало, но оказалось, что работать с видом на двор, на людей и машины я толком не могу. Не сосредоточиваюсь — все время поворачиваю голову к окну, как нерадивый школьник на скучном уроке…

Однако я честно просидел остаток вечера над документами, разложил их на несколько групп. Потом тяжелым и сложным заклинанием вынудил себя понимать венгерский и датский языки — назвать результат словом «выучил» я бы не рискнул. Снова пересортировал документы. Прочитал статью Аманды Касперсен «О терпеливости кровососов и ее пределах». Понял, что либо в момент написания Дневной Дозор в Дании был

очень слаб, либо нравы в начале двадцатого века были гораздо проще. Фру Касперсен банально пытала нескольких захваченных Ночным Дозором в плен вампиров, подвергала вивисекции (опять же — если термин применим к живым мертвецам) и все это скрупулезно протоколировала. Даже меня и даже при полном отсутствии симпатии к кровососам замутило.

Сжигание… замораживание… нарезание фрагментами… лишение органов… отравление… Даже экзотическая по тем временам радиация — Аманда пичкала пленных вампиров радием в чудовищных дозах!

Я полез в биографическую справку госпожи Касперсен, выяснил, что она с пятнадцати лет, то есть еще с конца девятнадцатого века, работала в Ночном Дозоре. Больше ничего там не говорилось, но, возможно, у нее были личные причины ненавидеть вампиров?

Однако работать после всего прочитанного мне расхотелось, и я пошел спать.

А вот сегодня, отправив дочь в сопровождении жены в школу, я спокойно вернулся к бумагам. То, что явно не относилось к вопросу или было прочитано, складывал обратно в коробку из-под древнего магнитофона (и как они сохранились

в нашем архиве, заклинание, что ли, кто-то наложил?).

Увы, документы Аманды Касперсен, при всей их основательности и свирепости, мне ничего не дали. Трудолюбивая датская девушка выяснила, что вампиры очень, очень, очень прочные, убить их нелегко, повреждения они восстанавливают быстро. Самыми надежными способами (не считая магическое упокоение) Аманда признала отрубание головы с захоронением ее на расстоянии не менее двух с половиной метров от тела (я даже не решился уточнять, как была выбрана дистанция), сжигание «дотла с просеиванием золы на ветру» и «помещение в бочку с водкой, джином, самогоном или иным алкогольным напитком таковой крепости, дабы он поддерживал горение». Ну, про то, что вампиры не переносят алкоголя, знают даже дети…

Сложив все документы Аманды (там, кстати, были не только копии, но и несколько оригиналов — каким ветром занесло?) в коробку, я вычеркнул ее фамилию из распечатки. Аманда убедительно доказала, что если вампира взять и хорошенько помучить, то он умрет окончательно и никому мешать уже не будет. Я открыл для себя много нового в женских характерах и

национальных датских обычаях. Понял, почему датчане разрезали на кусочки перед детьми бедного жирафенка Мариуса. Заподозрил, что уже не смогу прежними глазами смотреть на «Лего».

Но ничего нужного мне в документах не было.

Что ж, оставался Чаба Орош.

Венгрия никогда не слыла местом особого разгула вампиризма. Легендарный Дракула, который, кстати, был не вампиром, а просто жестоким человеком, жил по соседству, в Румынии. Сами венгры, народ в целом добродушный, любящий вино, мясо и что-нибудь сладенькое-вкусненькое, к поеданию себя вампирами относились нетолерантно. К тому же они всегда были настолько нецивилизованны, что в отличие от англичан или американцев в вампиров верили.

Так что на территории Венгрии вампиры влачили довольно жалкое и скрытное существование. Даже без вмешательства Ночного Дозора.

После увлекательных девичьих записей о вивисекции вампиров я даже не сразу понял тональность Чабы Ороша. Но факт оставался фактом — Чаба Орош вампирами восхищался!

Я отыскал библиографическую справку по Орошу. Он был Светлым, седьмого уровня. Инициировали его довольно поздно, в шестьдесят лет.

Работавший провинциальным аптекарем Орош был в восторге от открывшихся перспектив — поездил по миру, добравшись даже до Австралии и Северной Америки. Потом поселился в Будапеште. Стал работать в местном Ночном Дозоре, на какой-то мелкой канцелярской должности. Светлый, без всякого сомнения. Но — поклонник вампиров!

Прочитав все статьи Ороша и несколько более поздних публикаций о нем (что смешно — об Ороше писали в основном Темные), я решил, что понял его мотивы.

Он стал Иным слишком поздно. Возраст назад не отмотаешь — он мог придать себе вид молодого человека, мог укрепить здоровье, мог рассчитывать на многие десятилетия и даже века полноценной жизни. Но молодость — настоящая — уже ушла навсегда.

А ему хотелось юности.

Вампиры и ведьмы — вот две крайности. Вампиры всегда молоды, пусть это молодость нежити, трупа. Ведьмы всегда стары, хотя мало кто настолько полон жизнью, как ведьмы.

Орош восхищался вампирьей молодостью. Лоском. Манерами. Всем тем фальшивым блеском, гламуром, который вампиры выработали как

маскировку, как средство завлечения жертв. И вроде как бывший аптекарь из города Секешфехервар все это понимал — но восхищался. Что ж, о вкусах не спорят.

Чаба Орош, конечно, не пил кровь и не старался обелить вампиров. Сущность их он вполне понимал. Но восхищение физическими кондициями кровососов, их крепостью, выносливостью, отличной от других Иных магией — все это скоро превратило его в очень странного персонажа. Будучи Светлым, работая в Ночном Дозоре, Орош непрерывно писал о вампирах, собирал о них информацию, изучал. Вампирам, похоже, это льстило. Они с ним общались (ну а почему бы законопослушному вампиру, соблюдающему Великий Договор, не пообщаться с законопослушным Светлым Иным). Рассказывали о себе. Даже позволяли проводить какие-то эксперименты (куда более щадящие, чем у датской девушки, конечно).

Всем нравится быть объектом внимания. Говорят, самые жуткие маньяки, когда их наконец схватят, с восторгом начинают рассказывать о своих злодеяниях. Вампиры не исключение.

В общем, Чаба Орош стал собирателем вампирского фольклора. Получил какой-то Знак Гильдии

Вампиров, с которым принялся путешествовать по миру. Тут я первый раз удивился, ибо знал несколько попыток вампиров создать общую структуру, но ничем серьезным они не кончались — вампиры индивидуалисты, признают лишь… кхм… кровное родство. Либо семейные узы, либо узы инициации…

Но Орош со своим Знаком Гильдии и впрямь собирал фольклор повсюду. Снова много колесил по свету. Опять вернулся в Будапешт. И выпустил один за другим пять томов энциклопедии «ВСЕ ОБ ИНЫХ, ИМЕНУЕМЫХ ВАМПИРАМИ».

Вот тут и разразился конфуз (называть его скандалом не стоило, слишком много было хохота).

Иные — Светлые и Темные — читали энциклопедию и обнаруживали, что она наполнена туфтой. Некоторое количество общеизвестных фактов было густо замешено на столь удивительных байках, что бумага готова была покраснеть от стыда.

Чаба Орош на полном серьезе писал, что вампиры — это самые первые Иные, и уже от них потом пошли оборотни («развращенные вампиры» по его терминологии), Светлые и Темные маги…

Чаба Орош живописал, что когда-то давным-давно, на заре человечества, к первому Иному

(вампиру, разумеется) явился Двуединый — Бог Света и Тьмы, который дал ему вкусить божественной крови и тем подарил силы Сумрака.

Чаба Орош рассказал библейскую легенду о потопе, только в его версии потоп случился из-за того, что вампиры в своей гордыне решили сделать всех людей на свете вампирами (деликатный вопрос о том, на ком они станут кормиться, Чаба не обошел — вампиры в его легенде решили пить кровь животных и… собственных детей, то есть вначале на них кормиться, потом превращать в вампиров — эдакий безотходный цикл). И вот за эту гордыню Бог Света и Тьмы и наказал вампиров потопом, спасся лишь Ной с семьей… и один вампир, младенец, которого родители-вампиры положили в деревянный ящик и пустили по водам, потом ящик подобрала жена Ноя… Ну, вы понимаете, что можно сделать из Библии, если у тебя нет тормозов в голове, специфическое чувство юмора и желание все объяснить с точки зрения вампиров?

Чаба Орош поведал также о куче других событий, представив их в новом свете. Вампирами были Орлеанская дева и Тур Хейердал, Эмиль Золя и Томас Эдисон. Тесла тоже был вампиром, конечно же. Вампиром его сделала жена пре-

зидента Рузвельта, Элеонора (которую сделал вампиром сам Рузвельт). Все известные люди были вампирами. Или хотя бы сочувствовали им.

Когда я, уже бегло проглядывая энциклопедию Ороша, узнал, что вампиром был также и Иосиф Сталин, я едва не прослезился от восторга. Как жаль, что в российских либеральных СМИ не читали эту энциклопедию! Они бы на нее ссылались… Хотя как по мне — так в этих СМИ самые настоящие вампиры и собрались.

Я отложил последний, пятый том. Вздохнул.

Бедолага Орош пал жертвой своей сверхценной идеи. Как я понял, ему попалась компания вампиров-шутников (бывают, бывают…), которые с удовольствием навешали ему лапши на уши. И про обычаи вампиров, и про мировую историю с их точки зрения…

Наверное, среди массы фантазий, шуток и розыгрышей, которые он доверчиво записывал и пересказывал, были и здравые зерна. Только как их найти?

Пожалуй, единственное, что касалось возможности оживления вампиров, — это история о Вечном вампире, очень вольно переработанная с истории Вечного жида. Вечный вампир, правда, обидел не Христа, а Мерлина — но с похожими

последствиями. Отныне он должен был бродить вечно, но не мог выпить крови — она жгла его огнем, поэтому, терпя немыслимые муки, питался в основном вином (что было крайне странно и непоследовательно, учитывая непереносимость вампирами алкоголя).

Впрочем, я вдруг подумал, что все известные мне рецепты предлагали обливать вампиров крепкими спиртными напитками. Может быть, вино они способны пить? Да ну, бред какой-то!

Было еще упоминание о том, что самые доблестные (ох и слово подобрал венгр!) и отважные вампиры могут быть оживлены Богом Света и Тьмы после упокоения. Но тут даже Орош не особо фантазировал.

Проглядев последние документы, я узнал, как Орош закончил свою жизнь. Нет, его не выпил вампир, и его не застрелили советские солдаты, чего я смутно боялся, увидев дату смерти. Плевать ему было на политику, а вампиры его не трогали. Орош простыл, гуляя в осеннем парке, заболел менингитом, к целителю сразу не обратился, а человеческий врач не справился. Нелепая смерть!

Я сложил все документы в коробку и пошел на кухню. Заварил чай. Тут как раз и вернулась Светлана — с двумя пластиковыми пакетами

исполинского размера.

— Ну, могла бы предупредить, — упрекнул я ее. — Съездили бы в магазин вместе.

— Увлеклась, — сказала Светлана. — Не собиралась так нагружаться. Проводила Надьку, а потом думаю — загляну в «Ашан»…

— Что-то ты долго. — Я глянул на часы, разгружая набитую овощами сумку. — Четыре часа салат выбирала?

— Я вначале покрутилась вокруг школы, — призналась Светлана без стеснения. — Ты, конечно, зря паникуешь. Но я все-таки посмотрела, как там и что…

— И?.. — Я закончил с первой сумкой и взялся за вторую.

— Охраняют, — усмехнулась Светлана. — Один наш, двое из Дневного Дозора, один Серый, из Инквизиции.

— Серый? — удивился я.

— По происхождению он Светлый, — сказала Светлана. — Но у них у всех такой оттенок… общий…

Я хмыкнул. Я таких деталей в ауре Инквизиторов не замечал. Хотя и чувствовал какую-то общность у них всех…

А потом мои мысли стремительно понеслись в

другом направлении.

— Один Светлый, двое Темных и Инквизитор? — переспросил я.

— Да. — Светлана сразу напряглась, почувствовав мой тон.

— Не может быть. Паритет нарушен. Либо двое наших, либо один Темный.

— Они могли засчитать Инквизитора… как Светлого… — растерянно сказала Светлана. Она сама себя сейчас уговаривала, ей ведь надо было и самой сразу понять, что такой расклад невозможен. Но Светлый-Инквизитор сбил ее с толку. Она приплюсовала его «на нашу» сторону и успокоилась.

— Про Инквизитора никто не знал, — сказал я, захлопывая холодильник и глядя Светлане в глаза. — Его только Надя чувствовала. Я — нет. И Дозоры про него не знали. Надя говорила про одного Светлого и одного Темного…

Через секунду мы уже были в подъезде и бежали вниз по лестнице. Пожалуй, можно было не спешить — если ничего не произошло за четыре часа, то уже ничего скорее всего не случится. Но мы бежали. Провешивать портал было бы дольше, даже в машину садиться и ехать — дольше. В Сумраке школа изолирована, и на открытие

прохода тоже уйдет немало времени. Бежать через дворы — две минуты.

И мы бежали, зная, что либо можно не спешить вообще, либо мы уже давно опоздали.

Бегущий человек в современном городе — нечастый гость. Плестись вдоль витрин — часто. Идти быстрым шагом — всегда. А вот бежать… Для этого есть две ситуации: короткий спринт к остановке в надежде поймать уходящий автобус и ежедневный спурт сторонника здорового образа жизни — где-нибудь в парке или рядом с ним, заткнув уши затычками плеера и натянув спортивную форму.

Человек, который бежит не к остановке и не в спортивной форме, вызывает невольное подозрение. От кого он убегает? За кем гонится? Быть может, это вор-домушник, которого спугнула сигнализация? Или насильник, напавший на женщину в лифте? Гражданам ужасно хочется присоединиться к погоне, поучаствовать в самом древнем человеческом развлечении!

Но нет криков «Держи вора!» или «Хватай злодея!». Бегут мужчина и женщина, одеты неспортивно, но вид такой, будто рады будут кому-то засветить в глаз.

И эгоизм городской жизни побеждает. Граж-

дане отводят глаза — бегут и бегут, значит, так и надо. Только морозостойкие бабушки, гуляющие с внуками или коченеющие на скамейках, украдкой тянутся за подаренными внуками телефонами — чтобы запечатлеть бегущих на мутный фотоснимок. А вдруг придут полицаи, начнут спрашивать, кто свидетель? А тут уже и фоточка есть! Пока в России есть бабушки — ни один вор не может чувствовать себя спокойно.

На нас смотрели с живейшим интересом. Кто-то из числа то ли самых любопытных, то ли отзывчивых окликнул: «Что стряслось?» Мы не ответили, нас не задерживали. Мы пронеслись через три двора и выбежали к ограде школы.

Ну да, три. Надя была права, а я — нет. Но это были большие дворы, особенно третий, так что я имел полное право сказать «до школы четыре двора».

Возле ограды мы не сговариваясь остановились. Переглянулись.

— Вроде все тихо, — сказал я. Посмотрел сквозь Сумрак — в здании школы желтели и зеленели туманные пятна аур. Школьники, ничем не напуганные, не раненые. На первом слое Сумрака, как положено, школа густо заросла синим мхом, растением-паразитом, единственным представи-

телем флоры и фауны сумеречного мира.

Светлана тоже расслабилась. Мы улыбаясь смотрели друг на друга. А потом вновь повернулись к школе.

— Слишком тихо, — сказала Светлана.

Школа — это ведь не только первоклассницы с белыми бантами, чтение стишков на линейке и лес рук от рвущихся отвечать детишек.

Это еще двойки, это обидные прозвища, это нагоняй от директора и запись в дневнике красными чернилами, это несчастная любовь и зуботычина от хулигана, это проигрыш в волейбол и украденный смартфон.

Это очень, очень, очень много эмоций! Это кипящий котел, из которого плещет Сила. Потому школы и обрастают синим мхом, он жрет человеческие эмоции. И не бывает у детей в школе таких вот одинаково умиротворенных аур.

— Пошли, — сказала Светлана. Как-то странно повела левой рукой — и я заметил, как в воздухе засверкали крошечные быстрые искорки, образуя невидимый бесплотный овал. Какая-то локальная защита, что-то вроде Щита Мага, но активированного заранее, в «ждущем режиме». Мелькнула мимолетная мысль, что надо будет выяснить, как она это делает.

— Гесер… — позвал я, двигаясь вслед за Светланой. Мы даже не обсуждали, надо ли вызывать подмогу и кто будет это делать. — Гесер…

Я добавил в голос чуть больше Силы.

«Антон?»

— ЧП в школе у Нади.

«Код?» — В критической ситуации шеф не тратит времени зря.

Я хотел ответить «шесть», что означает «критическая ситуация в месте большого скопления людей, возможны жертвы», но тут Светлана остановилась и взяла меня за руку.

— Два, — сказал я. — Два — Серый.

Двойка — это критическая ситуация в месте большого скопления людей с доказанными жертвами. Серый — погибший принадлежал к Инквизиции.

Он лежал между огороженной металлической сеткой спортивной площадкой и главным входом в школьное здание. Судя по позе — он бежал к школе… Совсем молодой на вид парень с угасающей аурой Светлого Иного (и в этот раз я действительно уловил тот оттенок, который Света называла пыльным — будто общий светлый тон был припорошен темными крапинками). Уровень, конечно, уже был смазан, но не меньше

третьего, ближе ко второму.

А еще парень был окончательно и бесповоротно мертв. Причем убили его так странно, что мне не приходилось о таком даже слышать.

Левая половина тела у Инквизитора была обуглена. Одежда частично сгорела, частично превратилась в ломкие черные хлопья. Ветер милосердно дул с нашей стороны, но даже сквозь него пробивался тошнотворный запах жареного мяса.

Правая половина тела у Инквизитора была заморожена. Точнее, проморожена — когда он упал, у него откололась рука в локте. Лед еще покрывал тело тонкой коркой, только на отколовшейся руке растаял, и она лежала в красной луже.

Я моргнул и послал Гесеру мысленный образ убитого Инквизитора. Шеф выругался. Очень грязно и витиевато. Нет, я не сомневался, что он знает русский досконально. Но это было очень затейливо. Но все-таки недостаточно по сравнению с тем, что мы видели.

«Ждите, — приказал Гесер. — На рожон не лезть. В здание не входить!»

Полагаю, он даже не надеялся, что мы его послушаем, но все-таки сказал то, что считал нужным.

— Гесер, какого уровня он был? — спросил я,

отводя взгляд от мертвого тела.

«Лет семьдесят назад, когда мы встречались, у него был второй. Сейчас, наверное, первый».

— Он был первого уровня, — сказал я Светлане, когда мы двинулись к дверям школы, обходя убитого с наветренной стороны.

Света не ответила. И так все понятно — убить Иного первого уровня, да еще Инквизитора, с их особыми заклинаниями и хитрыми амулетами, — это очень сложная задача. Даже для Высшего Иного — это как минимум тяжелый и опасный бой с непредсказуемым результатом. С Инквизитором же расправились мимолетно и убедительно. Еще и бросили возле входа как предупреждение.

Я размял руки, потряс пальцами, «навешивая» на них заклинания. И поймал себя на том, что непроизвольно делаю перекос в сторону защитных. Что ж, посмотрим. Двое Высших Иных — не один первого уровня.

Мы вошли в школу.

Первые тела я увидел в вестибюле возле гардероба — двое мелких, лет десяти, мальчишек. Судя по всему, нападение произошло во время урока, детей вне классов практически не было.

Светлана нагнулась над одним, я — над дру-

гим.

— Спит, — сказала жена.

— Дрыхнет, — подтвердил я. — «Морфей»?

— Это сработал Надькин браслет, — сказала Светлана. — Ты что, не понял?

И тут до меня дошло. Помимо того что за Надеждой непрерывно ходили двое… нет, как оказалось — трое охранников-Иных, на ней с самого детства еще и болтались защитные амулеты. Какие-то свои сразу после рождения Нади пытался навязать Гесер, но выслушал от Светланы такую отповедь, что заткнулся навсегда.

Амулеты выбирала и заряжала Светлана. Большая часть из них ушла вместе с младенчеством (я уже не помню, чем она заряжала пустышки, но защитная магия в них была), сменилась заколдованными игрушками (если бы вы только знали, что способен был сделать с человеком Надин плюшевый мишка, — у вас волосы бы встали дыбом). Сейчас амулетами служили украшения — как оно всегда и было у женщин.

Мой вклад в безопасность дочери был невелик. Работа с артефактами — это больше женская магия, недаром ее так любят ведьмы. Но все-таки левая сережка в ее ушке была заряжена мной — в случае недружественного внимания к Наде она

генерировала «сферу невнимания» такой силы, что любой человек, зверь или Иной, будь он хоть умирающим от голода оборотнем, начисто утратил бы к Наде интерес.

Надя к этой сережке относилась с большим подозрением. Она считала, что сережка периодически фонит и отпугивает безобидных кавалеров. У нас из-за этого даже состоялся серьезный разговор, я объяснил Наде, как меня обижает такое недоверие, и она извинилась.

Хорошо, что при всей своей силе дочь пока не умеет работать с тонкими материями. Ну конечно же, сережка иногда фонила. Чуть-чуть… Когда Наде исполнится восемнадцать — перестанет. И не надо меня упрекать, если у вас нет дочери-подростка!

Еще я заряжал цепочку, на которой Надя носила подвеску. С подвеской работала Светлана, а вот с цепочкой — я, повесив на него «серый молебен» — заклинание против нежити, то есть — в первую очередь — против вампиров. Ну и на серебряном браслете с наборными висюльками я зарядил одну — маленькую книжку с надписью «Fairy Tales».

(Понимаете, почему ведьмовство и магия артефактов — в основном женская доля? Им есть

на что записывать заклинания. Нам, мужикам, остаются часы да запонки — чего явно недостаточно.)

Заклинание, вбитое мной в серебряную книгу сказок, было «волкодавом» — мощным заклинанием, нацеленным на оборотней. Их оно отпугивало, а если те все-таки атаковали — могло и убить. Вампиров «волкодав» тоже отпугивал, хотя и был менее совершенен. Из недостатков за ним числилась низкая избирательность — Светлые маги-перевертыши получали по полной, как и оборотни.

Браслет с девятью подвесками (шарики, фигурки, чашечки, книжечки) и был основной защитой Нади. Я в принципе знал, как она построена, и теперь мог примерно представлять произошедшее.

— Все в порядке, — сказал я. — Света, все должно быть в порядке. Артефакты отработали.

…Вначале должны были пробудиться защитные заклинания, вроде той самой сережки. «Сфера невнимания», меняющая облик «паранджа», еще несколько заклинаний, целью которых было увести агрессора в сторону, отвлечь. Если они не срабатывали, то шел магический сигнал о помощи (впрочем, больших надежд я на него не питал — все подобные сигналы можно заглу-

шить. Вот и сегодня никаких призывов о помощи не было), а потом срабатывали атакующие заклинания — против людей, против Иных, особо — против вампиров и оборотней…

А «Морфей» был одним из звеньев последней линии обороны. Уж если он сработал, погружая всех людей вокруг в магический сон, то, значит, ситуация критическая. Врага не удается ни отпугнуть, ни уничтожить.

И значит, надо защитить Надю и минимизировать ущерб для окружающих. А что самое безопасное для людей, если рядом с ними начинают свои разборки Иные? Правильно — сон.

Мы двинулись в глубь школы. Двинулись осторожно, как солдат по захваченной врагом территории. Я шел чуть впереди, готовый к атаке или контратаке, Светлана чуть позади и по левую руку.

Но врага не было. Был еще один спящий паренек — постарше Нади, пожалуй. В руке он сжимал пачку сигарет — шел из школы курить, паршивец!

А потом мы увидели охранника, обычно дежурившего между просторным вестибюлем с раздевалкой и собственно зданием школы. Тут у него стояли стол и стул, на столе лежал какой-то

журнал, куда он вроде бы должен был записывать посетителей, но никогда на моей памяти этого не делал. Подобные вахтеры-охранники обычно заняты просмотром телевизора или чтением бульварных журналов. Этот мужик телевизор не смотрел за неимением и ничего не читал в связи с нежеланием. Когда ни детей, ни взрослых у его поста не было, он доставал простенький мобильник и играл на нем в тетрис. Четыре года, которые ходила в эту школу Надя, он играл в тетрис — и, по-моему, даже не подозревал о существовании иных игр.

В общем, мужичок был простой, незамутненный, после службы в армии поработавший там по контракту пять лет, а потом отправленный в отставку. Ибо армия меняется вместе со страной, и таким простым ребятам там все меньше работы.

Спросите, откуда я это знаю? Да я вам про каждого учителя Нади могу подробную биографическую справку привести.

Так вот, сейчас этот недалекий, некрасивый, неумный и в общем-то совершенно чуждый мне человек лежал у стены — врезавшийся в нее с такой силой, что кое-где отвалилась штукатурка. Школа у нас старая, построенная на совесть, никакого гипсокартона и прочей фанеры — если уж

столетняя штукатурка отваливается, так только вместе с частью кирпичей.

Охранника швырнули с такой силой, что кирпичи не выдержали. Как и его череп — под головой была лужица темной крови. Вампиры, если уж не кусают или не очаровывают, предпочитают самое простое, силовое решение конфликтов.

— Жив, — внезапно сказала Светлана. Сделала короткий пасс рукой — послав в сторону бедолаги какое-то заклинание. — Выглядит страшнее, чем на самом деле. Даже позвоночник цел.

Хоть Светлана и шла позади, но она направляла меня — то движениями, то едва уловимыми мысленными указаниями. Сумрак внутри школы был абсолютно чист, никаких следов сражения, никаких аур Иных, в том числе и дочери. Только ауры спящих детей и преподавателей, ну и тусклая, едва заметная аура потерявшего сознание охранника.

Сейчас не время было об этом размышлять. Но я все равно думал, что этот неказистый и глуповатый дядька не убрался с дороги перед разъяренной вампиршей, только что убившей Инквизитора. Многие ли из умных, красивых, сильных были бы способны на такое? Не знаю. Но тихий ехидный голосок, который порой звучит

в нашей душе, чтобы заглушить голос совести, в тот же миг прошептал: «Так, может быть, он потому и не убрался с дороги — что дурак?»

Я кивнул этому голосу. Да. Может быть, именно так. И раз я слышу в своей душе этот голос — значит, я уже настоящий Иной. Но если я все-таки не соглашаюсь с этим голосом открыто — я все еще Светлый.

Глава 3

Даже в детстве, выходя посреди урока из класса, чувствуешь какую-то особую атмосферу школы. Она даже не то чтобы тревожная. Скорее, чувствуешь себя неуместным — как это так, все на уроке, а ты идешь по коридору? Непорядок! Когда ты взрослый, это ощущение только усиливается.

— Третий этаж, — негромко сказала Света за спиной.

— Я не чувствую, — пожаловался я, поднимаясь по лестнице.

— Я тоже. — Голос у жены был совершенно спокойный. Слишком спокойный для ситуации, и это обещало кому-то в будущем очень серьезные неприятности. — Зато я вспомнила ее расписание. Сдвоенная математика в триста шестом

кабинете и английский в триста восьмом.

Коридор третьего этажа был совершенно пуст. Я с тоской глянул в окно — не оцепили ли школу оперативники Ночного (да пусть бы хоть и Дневного) Дозора, не шествует ли по двору Гесер, великий и ужасный.

Нет. Пусто. Только труп Инквизитора.

Кстати, а где же охранник от Ночного и охранник от Дневного Дозоров? Скорее всего мертвы — просто не попались нам на глаза…

Вначале мы заглянули в триста шестой кабинет. Наша математичка Любовь Егоровна спала за своим столом. У доски стоя, привалившись к ней головой, спал рыжий очкастый мальчик. Весь остальной класс спал за партами. Все были умиротворены, всем снились хорошие сны. Вот только класс был другой, то ли параллельный, то ли на год младше.

Светлана тихо прикрыла дверь, и мы двинулись по коридору к триста восьмому кабинету. Стояла все та же мертвая тишина, даже город, казалось, замер вокруг. Я вдруг подумал, что тишина уж слишком глубокая… не применен ли какой-то магический шумодав? Но даже если враг для каких-то целей это сделал, нам сейчас это на руку.

Мы подошли к двери. Переглянулись. Светлана кивнула. И я плавно открыл дверь — не то чтобы ожидая наткнуться на засаду, скорее перестраховываясь. Можно врываться в помещение, выбивая дверь ногой. Можно пытаться просочиться, открывая ее по сантиметру в минуту. Но ничуть не худший эффект — если просто открыть дверь уверенно и спокойно, как человек, имеющий на это право.

Я открыл дверь — и мы с женой дружно выдохнули, увидев Надю.

«Последний рубеж защиты» состоял из трех заклинаний, срабатывающих одномоментно.

Первое насылало на окружающих «Морфей». При удаче он мог зацепить и нападающих, но основной его целью было вывести из-под удара людей.

Второе посылало тревожный сигнал в офисы Дозоров и нам со Светланой. Вот как раз на это заклинание я не особо рассчитывал, и, как выяснилось, правильно — сигнал не прошел.

А третье — третье насылало на саму Надю «фриз».

Заморозка, которую у нас все предпочитают называть англицизмом, «фризом», всегда считалась мягким атакующим заклинанием. «Фриз»

останавливал время — и враг застывал будто муха в янтаре, позволяя тебе обдумать, что же с врагом делать и каким заклинанием угостить.

Но были у «фриза» очень серьезные недостатки. Во-первых, Иному от него можно было довольно легко защититься, так что использовался он в основном против людей или животных. Во-вторых, пока противник находился под действием «фриза» — с ним ничего нельзя было сделать. Абсолютно ничего — ибо он для нашего мира переставал существовать. Нет, объект, подвергшийся темпоральной заморозке, был виден, его окружало слабое голубое сияние, а при касании он казался затянутым в упругую пленку. Но прорвать эту пленку нельзя было ничем, никакими магическими или материальными средствами. Как объясняли ученые, «хотя объект кажется доступным нашим органам чувств, на самом деле мы наблюдаем лишь проекцию, а самого объекта в нашей Вселенной временно нет». В-третьих, «фриз» требовал длительной подготовки, его надо было либо заранее «держать на пальцах», либо записать на артефакт.

В нашем случае все недостатки превращались в достоинства. Обращенный на Надю «фриз» делал ее совершенно недосягаемой для врагов.

Надя застыла у окна, судя по позе, она бежала и собиралась прыгнуть в окно. Прямо через стекло. С третьего этажа.

Для Абсолютной волшебницы, уже умеющий управлять своей Силой, это не очень характерно. Секунду я смотрел на окутанный синеватым сиянием силуэт Нади, потом решил, что она не удирает, а догоняет кого-то. Альтернатива мне очень не нравилась.

А потом мое сознание увидело всю картину целиком, и я совсем расслабился.

Рядом с Надей стоял Денис — Светлый боевой маг из Сибири, то ли из Омска, то ли из Томска, я, как типичный москвич, вечно их путал, вызывая у Дениса ухмылку. Парень он был молодой и перспективный. То, что он охранял Надю, я не знал, но считал это очень хорошим выбором.

Темного мага из Дневного Дозора я не знал. Но, похоже, тоже из молодых, амбициозных, с удовольствием согласившихся поработать на охране Абсолютной девочки. Пожалуй, он был даже слишком молод и смазлив, чтобы я не смотрел на него с подозрением. Ходят тут такие вокруг наивных школьниц, а те потом в Темных начинают влюбляться. Ненавижу все эти человеческие глупости, культ вампиров и прочего зла! Вначале

шуточки, хиханьки-хаханьки, «Драко Малфой душка», «Эдвард красавчик», а потом начинают котят в подвалах душить и молитвы задом наперед читать…

— Я редко применял это заклинание, — сказал Денис. Они с Темным еще не заметили нашего появления. — «Фриз», темпоральная заморозка. Если не знать код снятия, то никак не пробьешь. Кстати, кода может и не быть, придется ждать, пока рассосется само.

— Нет времени, — озабоченно сказал Темный. — Можно ли ее сдвинуть?

Он уперся Наде одной рукой в затылок, другой в поясницу и изо всех сил толкнул. Я понимал, что дочери ничего не сделается, что они просто пытаются быстрее эвакуировать ее в безопасное место, но его бесцеремонность меня покоробила. Темные!

— Может, поднять? — предложил Денис и попробовал подхватить Надю под попу. С тем же успехом.

— Она должна быть завязана на какие-то опорные точки, — рассуждал Темный. — Я что-то вспоминаю… На центр Земли, может быть?

— «Фриз» завязан на условные пространственные векторы, двоечник, — неожиданно зло

сказала за моей спиной Светлана.

Дозорные развернулись.

— Что тут стряслось, ребята? — спросил я как можно дружелюбнее, чтобы сгладить резкость жены. — Там убитый Инквизитор во дворе…

Дозорные не сговариваясь выбросили в моем направлении руки. Денис — левую, Темный маг — правую. Свободными руками они сцепились друг с другом.

Только тут до меня дошло. Это не вампирша убила Инквизитора, ранила охранника и напугала Надьку так, что она попыталась выпрыгнуть в окно.

Это двое дозорных! Светлый и Темный! Дозорные-предатели!

Я видел их ауру, и Денис был Светлый, абсолютно, беспримесно Светлый, а парень из Дневного Дозора был Темным, но они стояли взявшись за руки будто влюбленные геи и собирались сейчас долбануть по нам тем же заклинанием, что убило Инквизитора…

Волна адского огня и порыв космического холода разбились о выставленный Светланой Щит. Это был именно Щит Мага в какой-то незнакомой мне модификации.

Щит выдержал. Понятное дело, что хорошо на-

качанный энергией Щит Мага может выдержать все, что угодно. Я это сам проверял. И понятно, что построенный Великой Щит должен выдержать удар двух обычных, ранговых Иных.

Но это был удар такой силы, что на мгновение мне показалось, что Щит лопнет.

Дверной проем по правую руку от меня даже не загорелся, он просто рассыпался в пепел, и часть стены развалилась в прах, и по полу прошла глубокая черная борозда — будто ручеек лавы протек. Ноги стало припекать сквозь подошвы ботинок.

По левую руку от Светланы стена с тонким печальным звоном стала раскалываться на куски. Я уж не знаю, до абсолютного нуля она охладилась или все-таки нет, но на такой перепад температур строители явно не рассчитывали.

Дозорные медленно опустили руки. Кажется, они не ожидали, что мы останемся живы. Да что они, я уж и сам этого не ожидал!

— Я думаю, — негромко сказала Светлана, — что в целях безопасности мне придется убить одного из вас. А уж о том, что здесь произошло, расскажет второй. Единственное, что вы можете сделать, чтобы уцелеть, — немедленно сдаться.

Это была хорошая, правильная речь. Тем более

совершенно искренняя, я чувствовал, что Светлане хочется кого-нибудь сейчас убить. На месте этих неправильных дозорных я бы сдался.

Светлый и Темный дозорные переглянулись.

И я понял — нет, они не сдадутся. Кажется, несмотря на их удивление нашей стойкостью, они вовсе не напуганы. Они не считают, что выложились на всю катушку. Они готовы продолжать.

Где же Гесер?!

Я ударил сразу по обоим. Плевать, что Денис «свой» — сейчас не время разбираться, предатель он или находится под каким-то заклятием.

В дозорных прошла серия мелких заклинаний, основное достоинство которых было в их разнообразии. Классика боевой магии — файербол, старое как мир Тройное Лезвие — хоть дрова поколоть, хоть человека; «белое копье» — поток тепловой энергии и Опиум — даром что «Морфей» не сработал, и «терка», которую я держал в силу нестандартности. Атаки бытовой магией обычно не ждут, а после того как «терка» пройдется по коже, врагу обычно не до волшебства.

Расчет у меня был простой — набор разноплановых атак перегрузит защиту дозорных, они должны будут отвлечься, это даст нам время на

нормальную атаку. Мало кто из Иных, не принадлежащих к Высшему уровню, способен атаковать каскадом из четырех-пяти заклинаний одновременно. И отбить такую атаку тоже нелегко…

Я ожидал чего угодно. И удачи — тогда противники рухнули бы, пронзенные невидимыми лезвиями, прожженные струей огня, охваченные пламенем, с содранной кожей и спящие… Да уж — чудовищная картина! И неудачи — не дураки же наши коллеги, наверняка на них и Щит Мага, и какой-нибудь защитный амулет, готовый выстроить «хрустальный шар» или Сферу Отрицания.

Так оно обычно и бывает в бою, если честно. Первые атаки гаснут в Щитах. Потом энергия защитных заклинаний кончается, и противник… Обычно противник сдается.

Но того, что произошло, я даже представить не мог! Все заклинания попали в цель. Я видел, как лопнула куртка на Денисе, в которого вонзились три невидимых клинка. Как загорелось пальто Темного, пробитое «белым копьем», и он шатнулся от удара. Как обоих охватило пламя и как мазнула по ним «терка».

И ничего!

Денис стал стряхивать с лица огонь (хороший

файербол липнет к коже, как напалм) вперемешку с кровью. Ран он словно и не заметил. А Темный начал плести какое-то свое заклинание.

Меня подвела логика. То, что я видел, могло происходить в одном-единственном случае — если и Денис, и Темный маг были уже мертвы. Обращены в вампиров или подняты из мертвых. Тогда им было бы плевать на огонь и раны.

И я выложил все силы, что сейчас были мне доступны, в «сером молебне», самом простом, надежном и безотказном заклинании против нежити. Единственное, от чего зависит, сработает ли «серый молебен», — сила заклинания.

Я ударил так, что развоплотил бы всех вампиров километров на десять-двадцать в направлении заклинания. Так сильно я бил только однажды, давным-давно, в Саратове, пытаясь уничтожить своего друга-врага Костю… Нет, если честно, там я бил еще сильнее, меня накачали Силой Гесер и Завулон, кажется, в тот раз я действительно развоплотил нескольких вполне законопослушных вампиров.

Но тогда я был куда менее опытен. Сейчас я не расплескивал «серый молебен» во все стороны, я сжал его в пучок, направленный на дозорных, и еще немного задрал вверх — так что заклинание

должно было пройти над землей вверх, в небо.

Если кто-то из вампиров в этот момент пролетает мимо на самолете — я не виноват…

Когда используешь «серый молебен», мир будто выцветает — это проглядывает в нашу реальность Сумрак. Нежить этого не выносит, как мне однажды рассказали — вся она существует за счет разности магических потенциалов нашего мира и Сумрака.

Вот и сейчас мир выцвел, как старая кинопленка, по дозорным мазнуло серой волной. Они, похоже, это заметили — переглянулись. Но даже не подумали рассыпаться в прах. Они стояли окровавленные, пробитые, в огне. Они не могли быть живыми. Но и мертвыми они быть не могли.

Да что же они такое?!

И тут совершила свою ошибку Светлана. Ошибку вполне простительную. Как говорил Шерлок Холмс, «отбросьте невозможное — и самое невероятное окажется истиной». Она увидела все то же, что и я. И пришла к логичному выводу — дозорные живые, но они находятся под Доминантой, заклинанием безусловного подчинения. Потому и убили Инквизитора. Потому и нападают на нас. Потому и не обращают внимания на

раны и боль.

Светлана наложила на них три заклинания подряд, причем это были заклинания, не заготовленные заранее. «Реморализация» — дозорные должны были освободиться от любой навязанной парадигмы поведения, вернуться к своей базовой морали. «Барьер воли» — если ими управляли напрямую, как куклами-марионетками, то связь должна была быть разрушена. И «сфера спокойствия» — надежная защита разума.

Если бы дозорные подчинялись какому-то могучему Иному, то сейчас они пришли бы в себя. Но они засмеялись! Самое обидное было в том, что они поняли тактику Светланы, и она вызвала у них веселый смех! Они стояли, истекая кровью, на них уже загорелась одежда — а они смеялись, причем искренне, даже с какой-то доброжелательностью, будто взрослые, оценившие усилия детей, читавших стишки и плясавших на утреннике в детском саду.

И в этот миг мне стало страшно. Похоже было на то, что мы, Высшие, этих ребят ничуть не пугаем.

А в следующий миг они стали нас ломать. Дозорные не мудрствовали — они использовали Пресс, давили чистой Силой. Зная Светлану, я

был уверен, что ее Щит заряжен на совесть, но выдержал он секунды три, не больше. За это время Светлана успела поднять новый Щит, я влил в него все, что у меня еще оставалось, — но и этой защиты хватило секунды на две-три.

Потом нас швырнуло через класс, через сожженную и вымороженную дверь — в коридор. В очень неудачно подвернувшуюся батарею центрального отопления под окном. Хорошо, что это был не старый ребристый чугун, но и современная дюраль мягкой не показалась. От удара у меня перехватило дыхание, на миг потемнело в глазах. Через секунду я пришел в себя и поймал взгляд Светланы. Давно она на меня так не смотрела — растерянно, жалко.

— Извини, — прошептала она. — Я что-то не рассчитала…

Дозорные шли к нам, на время оставив Надю во «фризе». Шли без спешки, но и не медля. Огонь на них погас, Темный маг на ходу стряхивал с пальто хлопья сажи.

— Денис… — сказал я, с трудом вставая. — Денис, опомнись. Я Антон Городецкий. Мы работаем в одном Дозоре. Мы… приятели.

— Какие мы приятели, мы виделись-то раза три, — ответил Денис с улыбкой.

И это опять было так ненормально, так дико, что захотелось кричать. Он вел себя как обычно!

Я отступил, прижавшись к стене, уткнувшись спиной в идущую снизу вверх горячую трубу отопления. Потянулся к тем резервам Силы, которые, став Высшим, привык считать неисчерпаемыми. Увы! Все было истрачено начисто. Минута-другая, и Сила снова стечется ко мне — но у меня не было этих минут.

Дозорные снова взялись за руки. Было ли это им необходимо, или просто облегчало магию?

В отчаянии я потянулся, пытаясь достать Силу из Надькиных одноклассников, но они были в зачарованном сне, в таком состоянии люди очень плохие доноры. Рядом была Надя — на самом деле неисчерпаемый источник Силы, но она была запечатана «фризом».

— Держи… — прошептала Светлана, и я поймал посланный ею сгусток энергии. Совсем крошечный. Жалкий. Достойный Иного седьмого уровня, а не Высшей Светлой волшебницы. Светлана беспомощно улыбнулась, словно извиняясь передо мной.

Горячая труба центрального отопления больно жгла меня от лодыжки и до лопатки. Толстая, крепкая труба.

Я развернулся, и последняя капля Силы, которую влила в меня Светлана, рассекла трубу у пола и потолка. Я вырвал трубу — две струи горячей воды ударили вверх и вниз из обрезков, обдавая меня кипятком, и оставалось лишь радоваться, что в школах запрещены системы парового отопления.

И этой трехметровой трубой, размахнувшись через весь коридор, я огрел Светлого мага Дениса по шее. Что-то хрустнуло, он издал сдавленный вякающий звук, голова его наклонилась под таким углом, какого у живых не бывает — люди они или Иные, не важно.

Но умирать Денис не собирался. Он закружился по коридору, удерживая голову руками и будто пытаясь вправить ее. Словно череп слетел с какого-то шарнира на позвоночнике и его можно просто поставить обратно…

Темный все-таки ударил, но прицел у него сбился. Горячая вода, хлещущая из обрезков трубы, мгновенно застыла ледяным сталактитом и ледяным сталагмитом. Но любоваться этим было некогда — я ткнул Темного в живот, навалился, издав яростный вопль, толкнул вперед — и впечатал в стену коридора. Труба скользнула по животу Темного и воткнулась в дыру, остав-

ленную «белым копьем». Я даже слышал звук, с которым труба ударила в стену…

Наступила короткая нелепая пауза — за моей спиной похрустывал лед и неуверенно пыталась встать Светлана, Светлый Денис кругами носился по коридору, пытаясь водрузить голову на место, Темный смотрел на меня округлившимися глазами, насаженный на трубу, будто жук на булавку.

Потом все опять стало плохо.

Светлана упала — видимо, ей очень сильно досталось. Темный схватился за трубу и начал идти ко мне, перебирая руками и пропихивая трубу сквозь себя. А у Дениса голова с хрустом встала на место. Я скосил на него взгляд — Светлый дозорный смотрел на меня очень нехорошо. С обидой смотрел.

— Света, беги! — крикнул я, понимая, что она никуда не убежит, раз и подняться-то не может. Я бы крикнул «прыгай в окно!», но это слишком напоминало неудачную попытку Нади убежать…

— Тебе конец! — сказал Денис. Голос у него изменил тональность, похоже, мой удар повредил голосовые связки. — Я тебя выверну наизнанку…

Кажется, это была не фигура речи. Я и сам мог бы придумать два-три заклинания, дающих такой неаппетитный эффект.

Но в эту секунду все опять поменялось. Откуда-то из пустоты, из теней и бликов света, вырвалась стремительная тень. Я не мог различить ни лица, ни даже фигуры — с такой скоростью двигался вампир. Я видел лишь темную ауру нежити.

Вампир снова сломал Денису шею — именно сломал, я услышал тот жуткий хруст, который невозможно забыть. И метнул через весь коридор — Светлый кубарем покатился к лестнице. В следующий миг трубу вырвали из моих рук, она дважды обернулась вокруг Темного и пронзила его еще раз. Темный заорал, скорее от возмущения, чем от боли, — и отправился в полет вслед за Денисом.

Я ожидал, что спятившие дозорные нападут снова. Но не тут-то было! Денис помог подняться Темному — и оба исчезли на лестнице.

Сделав шаг к Светлане, я присел рядом с ней на пол. У меня тряслись и руки, и ноги. Скорее психологическая реакция — лишенный Силы, я чувствовал себя голым.

Вампира уже не было.

— Вот, — сказала Светлана и облизнула губы. — А ты боялся. Она не охотилась на тебя… или Надю… Она нас защищала.

— Она? — уточнил я. — Ты разглядела?

— Нет. Но такая эмоциональность. Чисто женская. Не находишь?

Я взял ее за руку.

— Ты как?

— Мне очень и очень не помешает магия, — сказала Светлана. — Желательно в ближайшие две-три минуты.

— Да что с тобой?

— Ребро сломано. — Она улыбнулась. — И очень неудачно. Пробило сердце.

— Твою… — выдавил я, на четвереньках двигаясь к классу. — Твою налево… сейчас… Ты только глупостей не делай!

— Пару минут. Обещаю, — еле слышно сказала Светлана.

До закованной во «фриз» Нади я так и добежал на четвереньках. А потом встал и потянулся губами ко лбу дочери.

Так «фриз» развеялся бы к вечеру. А от поцелуя — мгновенно.

Мне пришлось повиснуть на Надьке всем телом, чтобы она не сиганула в окно. Для нее-то ничего не было: рывок к окну — и вдруг мокрый, мятый, дико выглядящий отец возникает из ниоткуда и едва не валит на пол.

— Надька… мать в коридоре, живо! — рявкнул

я, падая на ближайший свободный стул. Рядом со мной блаженно похрапывала девочка с внешностью круглой отличницы. Мне тоже хотелось отключиться и уснуть, словно весь адреналин в крови превратился в валерьянку.

А Надя уже была в коридоре. Я чувствовал, как там полыхнуло Силой — Надя что-то сделала сама, потом влила энергию в Светлану. Все абсолютно беззвучно, без слез и причитаний. У меня боевые девочки!

Потом я почувствовал такой заряд энергии, будто залпом выпил целый кофейник. Встал и крикнул:

— Спасибо, доча!

Осмотрелся. Да, поле боя впечатляло. Особенно вынесенная огнем и льдом дверь. Группе зачистки придется поработать… Только где же она? И где же шеф?

— Гесер, к тебе взываю! — выкрикнул я древнюю как Сумрак формулу призыва учителя. — Гесер, к тебе взываю! Гесер…

— Да не ори ты, — раздалось у самого уха.

Я обернулся. Пресветлый Гесер, он же Гэсэр, он же Гесэр, он же Джору-сопливый, он же Борис Игнатьевич, он же Берл Глайхгевихт (что было очень малоизвестно, а я узнал случайно, в ходе

задушевной дегустации с одним еврейским боевым магом), он же Богорис Пресианович (что я узнал совсем уж удивительным образом и помалкивал о своем знании), итак — пресветлый Гесер, Высший маг и маг вне категорий, Светлый Иной, победитель демонов и Сын Неба, герой Тибета и Монголии, главный персонаж народного эпоса Гесериада, почитаемый калмыками и удостоенный огромного конного памятника в Бурятии, руководитель Ночного Дозора Москвы, а значит, по факту, и всей России, — стоял за моей спиной.

Точнее — не совсем стоял. Он отлипал от стены и пола, обретая человеческую фигуру, собираясь воедино, как жидкий робот-терминатор из популярных фильмов. Несколько секунд я обалдело наблюдал за этим процессом. Часть Гесера, кажется, даже была прозрачной, расползшейся по стеклу.

— Давно вы тут, шеф? — спросил я. Посмотрел на руки — они дрожали.

— Достаточно давно, — уклончиво ответил Гесер.

И тут рядом с ним воздух потемнел, заискрился и сгустился в фигуру в темной одежде.

— Это невозможно, — сказал я, глядя на визитера. Почему-то его появление окончательно

выбило меня из колеи. — Я могу придумать два… даже три способа спрятаться так, как шеф…

— Их не менее шести, — ответил Гесер. — И — не спрятаться, а замаскироваться.

— Но затаиться в Сумраке… — не реагируя на слова шефа, продолжил я. — Это невозможно. Я тут дрался, как вы, вероятно, заметили. Я смотрел сквозь Сумрак. Сквозь все слои. И сейчас еще смотрю. Вас тут не было.

— Портал? — предложил мне ответ Завулон.

Я покачал головой. Завулон вздохнул. Его взгляд быстро и цепко обежал класс, после чего он вздохнул и присел за парту, небрежно сдвинув локтем девочку-отличницу.

— Хорошо, подскажу. Я был между слоями Сумрака. Туда ты смотреть не умеешь. Учить не стану, и не надейся.

— А… — сказал я, будто способ, которым прятался Завулон, был сейчас важнее всего — включая причину, по которой Великий Темный вообще прятался. — Понял. Подумаю на досуге.

В этот момент в класс вернулась Надя в сопровождении Светланы. Если по дочери можно было сказать, что она взволнована, то Светлана никак не производила впечатления выдержавшей смертельный бой, проигравшей и только что

умиравшей женщины.

— Гесер, — сказала она. — Завулон. Почему я не удивлена?

— Потому что ты нас чувствовала? — поинтересовался Завулон. Провел пальцем по школьной парте, лизнул палец, задумчиво кивнул, будто дегустировал редкое вино.

— Потому что я вас знаю, — глядя на Гесера, сказала Светлана. Взгляд у нее был недобрый. Неподобающий Светлой целительнице. Гесер нервно дернул головой.

— Светлана, все очень и очень серьезно. В такой ситуации гораздо важнее наблюдать и получать информацию, чем устраивать магический Армагеддон…

Меня вдруг пробило нервной дрожью.

— Если только ты использовал Надю как живца… — прошептал я, глядя на Гесера.

— Стоп! — рявкнул шеф. — Опомнись, Городецкий! И трижды подумай, прежде чем выдвинуть такое обвинение!

Он поднял руки, демонстрируя мне ладони и одновременно снимая защиту. Теперь я видел все его заклинания, «висевшие» на пальцах.

Я сглотнул. Шесть заклинаний были известными мне боевыми, пусть и с особенностями…

крайне интересными. Четыре других были навешены в явной спешке. Три портала — настроенные на меня, Светлану и Надю. И Саркофаг Времен.

Судя по всему, Гесер был готов эвакуировать нас и отправиться в вечное заточение вместе с нападавшими.

— Простите, Гесер, — сказал я.

— Ты что, полагаешь, угроза вашей дочери, с которой не смогли справиться мать и отец — Высшие Иные, — это ерунда? — спросил Гесер. — Ты всерьез полагаешь, что я мог бы уложить… — он на миг запнулся… — предателей, если с этим не справились вы вдвоем? При вашей абсолютной слаженности?

— Мы наблюдали, — миролюбиво сказал Завулон. Улыбнулся, внезапно ослепительно-белозубо, как голливудский актер. В случае с актером либо вообще с любым обычным человеком все было бы понятно — выдернул зубы настоящие, поставил искусственные.

Но Завулон, конечно, просто их вырастил. Непонятно, правда, с чего он вдруг озаботился внешностью. Раньше у него зубы были как зубы.

— Это я понял, — огрызнулся я.

— Мы были готовы вмешаться, — продолжал

Завулон. — Мы оба. Поверь, Антон, я не люблю, когда обижают моих сотрудников… и превращают их в марионеток!

— Как это вообще могло произойти… — начал я.

— Господа и товарищи, — внезапно сказал Гесер. — Команды зачистки и эксперты Инквизиции прибыли. Присутствующим осталось еще тридцать пять минут сна, за это время территорию приберут и наложат ложные воспоминания. Предлагаю проследовать…

— В мой офис, — внезапно сказал Завулон, усмехаясь. — Там и обсудим ситуацию. Мне неудобно, дорогой Гесер, все время приходить к вам и не иметь возможности проявить гостеприимство.

— Ты знаешь, что должен сделать, — без энтузиазма ответил Гесер.

— Во мне нет власти над вами. — Завулон вновь улыбнулся и развел руками. — Приглашаю вас в гости без злого умысла и помысла, гарантирую защиту и безопасность, свободный вход и выход, неприкосновенность физическую и духовную.

Он поднял ладонь — крошечный сгусток тьмы закружился над ней.

— Хорошо, — сказал я. — Так… тридцать пять минут… — Я посмотрел на часы. — Надя, ты оста-

нешься. У вас еще будет физкультура и хор.

— Папа! — закричала Надя негодующе. — Папа, ну хватит, ты шутишь!

— Школа — это не шутка, — сказал я. Украдкой посмотрел на присутствующих.

Завулон искренне веселился. Светлана едва заметно улыбалась. Надя… Надя кипела. Гесер был серьезен, лишь уголки губ дрогнули.

— Ты совершенно прав, Антон, — сказал шеф. — Но… нам потребуется выслушать рассказ твоей дочери. Так что я снимаю ее с уроков.

— Спасибо, дядя Гесер! — обрадованно сказала Надя. И скорчила мне гримаску.

Завулон встал, потянулся. Придержал сползающую набок спящую отличницу, рядом с которой сидел. Сказал:

— А ведь милая девчушка… Если снять очки, сделать хорошую прическу — красавица выйдет. Как ее зовут, Надя?

— Ее зовут А-пошел-ты! — возмущенно сказала Надя.

— Завулон, девочке лет четырнадцать, — заметила Светлана.

— Ну так пожалуйся на меня Астахову, — хохотнул Завулон. — Для моего возраста что четырнадцать, что девяносто четыре — одинако-

во ничто… Да не бойся, не бойся, не собираюсь я соблазнять эту школоту. Таких на пятачок дают пучок, если уж потребуется.

Подумать всерьез, что Завулоном вдруг овладела половая озабоченность, да еще настолько, что он принялся вслух рассуждать о сексапильности Надиной одноклассницы, я никак не мог. Значит, валяет дурака. Либо кого-то провоцирует, либо от чего-то отвлекает. Увы, сейчас это не поймешь.

— Прошу вас. — Завулон взмахнул рукой, открывая портал. Тот был пижонским — открывался вслед за взмахом его руки и выглядел как темно-серебристое зеркало с поблескивающими в глубине искрами.

— Тебя погубит страсть к дешевым эффектам, — буркнул Гесер, первым проходя в портал.

— Если бы дешевым! — вздохнул Завулон, жестом предлагая пройти нам. — Ах, если бы…

Я взял за руку дочь и шагнул в темное зеркало.

Раньше офис Дневного Дозора располагался на Тверской улице, недалеко от Кремля. Как шутили у нас в Дозоре — «подпитываются негативной энергией».

Не думаю, что негативной энергии в центре Москвы стало меньше, но пару лет назад Темные перебрались в Москва-Сити, откупив три этажа

одного из офисных небоскребов. Разумеется, ни в том, ни в другом офисе Темных я не был. Полагаю, что в физическом теле там не бывал даже Гесер. Во всяком случае, когда мы оказались в средоточии московских Темных, то Гесер стоял и озирался с выражением явной растерянности на лице.

Дневной Дозор Москвы помещался в огромном светлом зале с низенькими, по грудь, перегородками. В образованных этим лабиринтом закутках сидели за офисными столами молодые колдуны и пожилые ведьмы, мрачные вампиры и дурашливые оборотни, боевые маги и целительницы.

— Однако, — сказал Гесер. — Завулон, ты и впрямь идешь в ногу со временем. Пожалуй, даже опережаешь на шаг-другой.

— Нельзя в двадцать первом веке вести себя так, как в пятнадцатом, — сказал появившийся следом Завулон. — Или в двадцатом. Если хочешь, я сведу тебя с владельцем здания…

Никто из Темных на наше появление не реагировал, похоже, были предупреждены. Нет, они косились, конечно же. Некоторые, понахальнее, пытались смотреть сквозь Сумрак. Но в целом в помещении царила бодрая рабочая атмосфера, характерная для какого-нибудь издательства или

конторы по заготовке рогов и копыт.

— Меня вполне устраивает наше здание, — сказал Гесер.

— Конечно, замечательная подземная темница, склады, архив… все как положено Светлым, — пробормотал Завулон. Он был все в том же взбудораженном состоянии. — Прошу в переговорную. У нас, как вы видите, концепция опен-спейс, открытого пространства. Хорошо сближает коллектив, способствует дружескому соревнованию в работе. Но нам сейчас стоит поговорить приватно…

Нет, я не ждал, конечно же, что в офисе Дневного Дозора варят зелья в человеческих черепах и разрезают девственниц на столах из черного мрамора. У нас тоже не ходят с благостными лицами и не разговаривают приторно-сладкими голосами на высокоморальные темы. Но вот так… настолько по-деловому! Какая вожжа попала под хвост Завулону?

Переговорный зал был прекрасен и хоть в какой-то мере примирял меня с современным минималистским интерьером Темных. Строгое помещение со стенами из черно-серого тропического дерева. Огромная стена-окно с видом на Москву-реку закрыта тяжелыми шторами из

багрового бархата. Стол — старый, как минимум столетней давности, покрытый выцветшим от времени зеленым сукном. Стулья тоже «винтажные».

— Из Кремля брал, — сказал Гесер, без спроса садясь во главе стола. Сказал, а не спросил.

— Конечно, — признал Завулон, садясь напротив.

Наша семья как-то сама собой оказалась между ними. Я сел ближе к Завулону, Светлана — к Гесеру. Надя оказалась между нами.

— Рассказывай, Антон, — попросил Гесер.

Я вздохнул:

— Могу я рассчитывать, что вы будете откровенны в ответ? Вы… оба?

— Да, — немедленно сказал Завулон. — Можешь. Все, что я знаю о происходящем, я скажу.

Гесер поморщился, но кивнул.

— Надя за завтраком сказала мне, что ее охраняют трое. От обоих Дозоров и Инквизиции, причем Инквизитора мы с женой не замечали, — сказал я. — А Светлана, когда провожала Надю в школу, заметила двух Темных и Светлого.

— Ты решил, что это та вампирша, — сказал Гесер.

— Да, мы так решили, — кивнула Света. — И

были правы… хотя бы в этом.

— Дальше все просто, — продолжал я. — Кинулись в школу…

— Почему не открыли портал? — спросил Завулон.

— Порталы на территории школы заблокированы, — хмуро сказал Гесер. — Оттуда — можно, туда — нельзя. Я снял защиту для нас с тобой персонально, Завулон.

— А почему не бежали через Сумрак? — продолжал допытываться Завулон. — Время бы сэкономили.

— Вход в Сумрак тоже закрыт, — сказал я. — Максимум добежали бы до ограды школы. Это… все равно что включить сирену, подъезжая.

— Разумно, — одобрил Завулон.

— Во дворе лежал убитый Инквизитор. Мы подумали, что это сделала вампирша…

— Каким бы образом вампир мог нанести такие раны… — пробормотал Гесер. К счастью, это был не вопрос. Наверное, согласился списать нашу глупость на родительскую панику.

— Вбежали в школу, увидели раненого охранника, спящих детей… Кинулись наверх.

— Дальше не надо, там мы уже все видели, — любезно сказал Завулон.

Вот же негодяи! Весь наш отчаянный бой шел у них на глазах.

— Надя, что помнишь ты? — спросил Гесер.

Надя вздохнула.

— Почти ничего. Шел урок. Потом… во дворе был выплеск Силы. Очень мощный. Я даже решила укрыться «сферой невнимания» и выйти посмотреть… Ну, мам, а что такого? Ситуация же особенная…

— Продолжай, — сказал Гесер.

— Но тут через Сумрак пошла… — Надя задумалась на миг. — Волна. Что-то приближалось. Я не видела, только чувствовала опасность. Поставила «сферу», вскочила, кинулась к окну. Я подумала, что надо выпрыгнуть, слевитировать… И все. Через миг меня папа разбудил и крикнул, что маме нужна помощь.

— Мы просто купаемся в информации! — сказал Завулон радостно. — Надо отметить. Никто не против кофе? Сигары? Может быть, коньяк?

Несколько секунд висела тишина. Потом Гесер спросил:

— Завулон, когда я тебя позвал, ты не злоупотреблял какими-нибудь средствами для расширения сознания?

— Что? — возмутился Завулон.

— Ты не пил виски на дегустации в Лондоне? Не глотал таблетки на вечеринке в Таиланде? Не нюхал кокаин в Лас-Вегасе?

— Я работал над документами, — обиженно сказал Темный. — Масса бюрократической волокиты. Я просто счастлив вырваться из этого унылого бумагомарательства… Извини, Гесер, но ты меня обижаешь!

Начальники Ночного и Дневного Дозоров буравили друг друга взглядами. Оба чего-то недоговаривали. Оба хитрили. Оба валяли дурака — только каждый в своей манере. Как всегда, в общем.

— А теперь я хочу услышать то, что скажете вы, — сказал я. — И если мне покажется, что вы… не важно, кто из вас… недоговариваете — я беру жену, дочь и сваливаю отсюда.

— Куда? — заинтересовался Завулон.

Я широко улыбнулся ему.

— Туда, где нас никто не найдет, — холодно сказала Светлана. — Хватит, Великие. Вы долго играли нами втемную… оба. Теперь сыграете всветлую — или мы будем сами разбираться со своими проблемами.

— Что случилось с охраной? — спросил я. — Кто эта вампирша и почему она пришла нам на по-

мощь? Почему вы, Великие и мудрые, боялись показаться?

Гесер и Завулон смотрели друг на друга.

— Давай ты, — сказал Гесер. — У тебя легче получается говорить правду.

Завулон кивнул. На миг задержал взгляд на Наде — будто колебался, стоит ли говорить при ней. Но выгонять ее не стал.

— У нас кризис, Антон. Серьезнейший кризис за последние две… самый серьезнейший на моей памяти, а я помню многое.

— Серьезнее, чем Тигр? — спросил я недоверчиво.

— Час назад все пророки и все Высшие предсказатели выдали одно и то же предсказание, — сказал Завулон.

— Чьи пророки и предсказатели? — резко спросил я. — Темных?

— Темных. Светлых. Какая в общем-то разница? — Завулон иронически улыбнулся.

— Это как раз когда я позвал на помощь… — понял я.

— Нет. Чуть раньше. Как раз когда вокруг школы, где учится Абсолютная, началось побоище.

— Понятно, — кивнул я. Значит, к моменту моего призыва о помощи Светлые уже пытались

разобраться с предсказанием. И Темные тоже. И наверное, оперативные штабы работали сами по себе, а Гесер и Завулон уже обсуждали происходящее приватно… хотя нет, Гесер же спросил Завулона, где тот был… — Какова зона пророчества? Москва? Область? — Меня вдруг обожгло неприятным предчувствием. — Россия?

— Ты невнимательно слушал, — внезапно вступил в разговор Гесер. — И я тебе неоднократно говорил — оставь в прошлом человеческую географию…

— Все Иные, Антон, — сказал Завулон. — Все Иные пророки и все Высшие Иные-предсказатели. Все в мире. Хорошо, что таких не много.

Я облизнул пересохшие губы. Способности к предсказанию есть в каждом из нас. В самом грубом виде «просчитывание вероятности», когда даже слабенький Иной (порой неинициированный) знает, где на дороге будет пробка или на какой самолет не стоит садиться.

Для Высших Иных — включая и меня — становится возможным сознательно предвидеть вероятность того или иного события. Тут только очень важно заранее понимать, какие события вообще имеют вероятность случиться…

Предсказатели видят будущее постоянно. Даже

неосознанно. Их мир — это колышущееся месиво из вероятностей человеческой истории. В этом вареве Украина воюет с Россией за Крым, президент Обама принимает ислам, папа римский совершает каминг-аут, в Нидерландах законодательно разрешают каннибализм в лечебных целях. Ну и куда более невероятные события для предсказателей тоже реальны.

Единственное, чего не видят предсказатели, — это судеб Иных. Все мы, ходящие в Сумрак, скрыты для них. Наши жизни, наши поступки не читаются так просто.

Нас видят пророки. Они вообще видят все. К счастью — не всегда и обычно не прицельно. Пророка нельзя попросить увидеть «что-то» — он сам (ну или Сумрак за него) решает, что пророк увидит и как сообщит миру.

— Что предречено? — спросил я, даже не удивляясь той старомодно-вычурной фразе, что слетела с моих губ. Она была сейчас уместной.

— Пролито не напрасно, сожжено не зря. Пришел первый срок. Двое встанут во плоти и откроют двери. — Завулон внезапно осекся. Он смотрел на меня, и в его взгляде, во взгляде давнего, безжалостного, неизбывного врага, я отчетливо прочитал… ну ладно, не жалость. Со-

чувствие. Но какое-то унылое, и к себе тоже. Так могла бы смотреть первая скрипка на второго тромбона, стоя на палубе тонущего «Титаника».

— Три жертвы, на четвертый раз… — сухо сказал Гесер, глядя на нас.

— Пять дней остается для Иных, — сказал Завулон.

Я почувствовал, как Светлана обняла нашу дочь, прижимая к себе. Я не пошевелился.

Я как-то перестал любить красивые жесты в последние годы. И красивые слова — тоже. А пророчества — они всегда избыточно красивы.

— Шесть дней остается для людей, — сказал Гесер.

— Для тех, кто встанет на пути, — не останется ничего, — добавил Завулон.

И вдруг улыбнулся ослепительной улыбкой.

— Шестой Дозор мертв, — продолжил Гесер. — Пятая сила исчезла. Четвертая не успела.

— Третья сила не верит, вторая сила боится, первая сила устала, — закончил Завулон.

Несколько секунд висела тишина. Потом Надя спросила:

— Вы репетировали?

— Что? — переспросил Гесер, будто не услышал.

— У вас так складно выходило. Один закончил, другой начал.

— Это пророчество, девочка, — сказал Гесер. — Пророчество, которое только что озвучили все пророки Земли. Я полагаю, что вам грозит смерть. Тебе, твоему отцу и твоей маме. Вы — те трое, за которыми пришли двое.

— Я поняла, — сказала Надя. — Все почти открытым текстом… для пророчеств. Нашу семью идут убивать. Через пять дней умрут Иные. Еще через день — умрут все люди. Это отсчет дней от пророчества или от нашей смерти?

— Мы пока не смогли точно понять, — сказал Завулон извиняющимся тоном. — Возможно, отсчет уже пошел, возможно — был сорван, когда ты уцелела. Все пророчества нарочито туманны…

— И поэтому вы, едва прозвучал наш вопль о помощи, явились наблюдать, а не помогать, — сказала Светлана ледяным голосом. — Чудесно. Гесер, ну ты же знаешь, какого я о тебе мнения, да?

Гесер заерзал на удобном широком стуле. Казалось, что ему одновременно хотелось и начать извиняться, и рявкнуть что-нибудь резкое.

— Света, перестань, — попросил я. — Хорошо. Гесер, Завулон, мы вас услышали. Я признаю

обоснованность вашей осторожности. Мы все умрем, я понял. Теперь я хотел бы узнать, что вы поняли, наблюдая за происходящим, какую помощь готовы нам оказать и есть ли в архивах Дозоров и Инквизиции хоть какие-то материалы по данной теме?

Гесер посмотрел на Завулона. Завулон посмотрел на Гесера.

— Твою налево… — внезапно выругался Завулон, что было для него совершенно нехарактерно. — Ну, ты его подготовил, я уверен…

— Не мухлюй, — сказал Гесер.

Завулон опустил руку под столешницу — и извлек ее оттуда уже не пустой. В его ладони была старая, потемневшая, закопченная курительная трубка, вырезанная то ли из камня, то ли из давно окаменевшего дерева.

— Гони, Темный, — сказал Гесер.

Завулон молча протянул ему трубку.

— Может, еще скажешь, что именно Мерлин из нее курил? — спросил Гесер, явно наслаждаясь торжеством момента. — Табака тогда в Европе не было.

— Тебе ее в руках противно станет держать, если я скажу, что именно он курил, — буркнул Завулон.

Гесер усмехнулся и спрятал трубку в карман пиджака.

— Так это все была ложь? — спросила Светлана напряженным голосом.

— Нет, — ответил Гесер. — Чистая правда. Но я все-таки рискнул побиться об заклад, что ни Антон, ни вы с Надей не начнете паниковать. Курительная трубка Мерлина — это уж слишком желанный приз. Даже если обладать им осталось всего пять дней.

Глава 4

Хуже всего было то, что ни Гесер, ни Завулон ничего особенного в Иных-предателях не заметили. Это были именно они — Светлый маг Денис и Темный маг Алексей. Во всяком случае, их ауры остались прежними. И даже уровень их Силы — на взгляд со стороны — не изменился. Третий у Дениса, четвертый у Алексея. Но при этом они оперировали такими энергиями, что Великие предпочли избежать боя.

— Я бы определил их как Высших, — сказал Гесер. — Но не по аурам, по силе заклинаний.

— И сами заклинания совершенно необычные, — добавил Завулон. — Я ни разу не сталки-

вался ни с чем подобным.

— Может быть, они замаскировались? — предположила Светлана.

Гесер тяжело, недовольно посмотрел на нее.

— Может быть. Только видишь ли, Света… Ты от меня замаскироваться не сможешь. Как и я от тебя. Вот Наденька — она сумеет. Маскировка возможна только у более сильного Иного.

— Так что же, они тоже «нулевые»? — спросила Надя. — Как я?

— А ты сама что почувствовала? — заинтересовался Гесер.

— Я вообще не поняла, кто это, — призналась Надя. — Только приближающаяся Сила… и чувство опасности. Как цунами.

— Похоже это на Тигра? — вдруг спросил Завулон.

Надя энергично замотала головой:

— Нет! Тигра вообще почти не видно было. Только… рябь такая… — Она пошевелила в воздухе пальцами. — Если приглядеться.

Беда с этими описаниями неописуемого. Наде три года было, когда она поставила меня в тупик словами: «Второй слой Сумрака — он соленый!»

— Значит, это не Сумрак, — сказал Завулон. — Ну, скорее всего.

— Нас хочет убить неизвестно кто и неизвестно почему, — сказал я. — Замечательно. И самые великие маги России ничего не могут понять. А вампир?

— Вампирша, — уточнил Гесер. — Увы, Антон. Это была Высшая вампирша в атакующей фазе. Пытаться ее разглядеть — все равно что считать взмахи крылышек у колибри, зависшего над цветочным бутоном.

Завулон с удивлением повернулся к Гесеру. Достал из кармана пиджака сигару (уже зажженную), затянулся, после чего сказал:

— Враг мой. Сегодня удивительный день. Скажи, ты никогда не подумывал начать писать стихи?

— О чем ты? — поразился Гесер. — Мелкие колибри делают до ста взмахов крыльями в секунду, что превышает физиологические возможности человеческого зрения. Вампир в атакующей фазе достигает скорости до ста пятидесяти — ста восьмидесяти километров в час, что на коротких расстояниях делает его неразличимым. Мне кажется, я очень четко и адекватно охарактеризовал ситуацию.

— А… — сказал Завулон. — Понятно. Проехали, мне показалось… Да, Антон, твой шеф прав. Это

была Высшая вампирша, разглядеть ее было нереально.

— Доказательств тому нет, но исходя из бритвы Оккама — очевидно, что та самая, — добавил Гесер.

— Какая та самая? — заинтересовался Завулон.

— Не важно, — махнул рукой Гесер. — Была у нас на днях серия… инцидентов. Антон как раз ею занимался.

— Серия инцидентов с вампиром? — Завулон приподнял бровь. — И вы не заявили протест? Любопытно…

— Не важно, не важно, — повторил Гесер таким фальшивым тоном, что ему не поверил бы и ребенок. — Очевидно, вампирша решила защитить Антона в надежде на снисхождение… Я обязательно буду держать тебя в курсе…

Завулон ухмыльнулся. Я не сомневался, что теперь весь Дневной Дозор кинется искать вампиршу. Похоже, этого Гесер и добивался.

— Значит, все пророки в мире сговорились и предвещают конец света, — сказал я. — Простите, Завулон… конец света и тьмы. На мою семью напали сошедшие с ума Темный и Светлый, причем они орудуют такими Силами, что два Высших мага России предпочли наблюдать, но

не вмешиваться в происходящее. И этих спятивших предателей отогнала Высшая вампирша, инцидентами с которой я занимался… Просто великолепно. Что посоветуете, Великие?

— Антон, ты мне ничуть не симпатичен, — искренне сказал Завулон. — Но твоя дочь очень важна. Обидно, что она Светлая, но раз уж так вышло — пусть будет Светлой. Поэтому я склонен защищать тебя и твою семью. Опять же, я уверен, что ваши жизни как-то связаны с жизнями всех Иных… да и всех людей, если уж на то пошло. Так что… предлагаю защиту и покровительство в стенах Дневного Дозора.

Я хмыкнул.

— Завулон, дорогой, поверь, что я сам сумею обеспечить безопасность своих сотрудников, — сказал Гесер. — Хотя, конечно, буду рад видеть твоих упырей… во внешнем кольце оцепления. Похоже на то, что наши спятившие сотрудники беззащитны перед вампирами. Очень странная, но интересная ситуация! Будем работать!

Я посмотрел на Светлану. Она едва заметно кивнула. Я взял Надю за руку и дважды надавил ей на мизинец.

— Хорошо, папа, — сказала дочь.

Вокруг нас затрепетали синие потрескиваю-

щие полотнища света. Стол развалился на части там, где они пронзили дерево. Под нашими ногами задымился узорчатый паркет из карельской березы. Потолок пошел трещинами.

— Прекрати! — рявкнул Завулон, вскакивая с места.

— Песок и маятник, папа, — внезапно сказала Надя.

Мгновение я смотрел на нее. Потом решил, что понял. И ответил:

— Утром восходит синяя Луна.

Гесер нахмурился. Он продолжал спокойно сидеть, глядя на нас, но последние фразы явно были непонятны и вывели его из себя.

Перед нами раскрылся темный провал портала. Мы встали, я отпихнул ногой стул — тот влетел в стены из синего света и рассыпался щепой.

— Извините, Великие, — сказал я. — Но в силу сложившихся обстоятельств я вынужден взять безопасность своей семьи в свои руки.

Светлана шагнула в портал первой, не выпуская руки дочери. За ней пошла Надя, а следом, продолжая сжимать ее ладонь, я. Если бы я хоть на долю секунды отпустил руку дочери — портал перемолол бы меня в фарш.

— Я же тебе говорил, Темный, — донесся до ме-

ня голос шефа. — Кисет Мерлина, будь так добр!

К сожалению, я вошел в портал, который сомкнулся за моей спиной, и не услышал то, что ответил Гесеру Завулон.

Вокруг было темно. Я поднял свободную руку, помахал ею в воздухе. Никакого эффекта. Тогда я засветил на кончике пальцев «светлячка» — самое, пожалуй, простое из всех заклинаний.

Ровный белый свет залил просторную комнату. Датчик движения на стене, похоже, вышел из строя. Все-таки я не появлялся здесь два года. Я прошел к стене, щелкнул выключателем. Свет был — под высоким потолком включилась люстра. Старая уродливая люстра из гнутых латунных трубок и рожков из мутного белого стекла. Сделана небось где-нибудь в середине двадцатого века.

— Что за синяя Луна, папа? — спросила Надя.

— А что за песок и маятник?

— Ну… я подумала, что если ляпну какую-нибудь чушь, — сказала Надя, — то Великие будут пытаться найти в ней скрытый смысл. И меньше шансов, что они отследят портал.

— Я понял. И решил поддержать.

Светлана тем временем обходила комнату. Ничего особенно интересного в ней не было. Мебель

древняя, югославский гарнитур тех времен, когда Югославия еще была большой страной, а не кучкой враждующих территорий. Два дивана. Окно задернуто тяжелыми пыльными шторами. Светлана отдернула штору — за ней была кирпичная стена. Единственной относительно современной вещью был плоский телевизор, впрочем — дешевый и непритязательный.

— Это что за город? — спросила Светлана.

— Я же рассказывал. Питер.

— Точно, — она кивнула, — совершенно не чувствую окружающую ауру.

— Мы старались, — обрадовалась Надя.

Эту квартиру в центре Санкт-Петербурга я купил три года назад, после чего долго и скрытно маскировал. Привлекла она меня тем, что находилась в старом доме девятнадцатого века, который много раз перепланировывали, перестраивали, дробили просторные «барские» квартиры на коммуналки и отдельные клетушки. Где-то в пятидесятых годах и возникла эта странная квартирка — с заложенным кирпичом окном (все равно окно выходило в мрачный темный двор-колодец), крохотной ванной комнатой (сидячая ванна из чугуна и стоящий к ней впритык унитаз). Кухни как таковой не было, имелось что-то

вроде просторного шкафа, в котором помещались электроплитка и крохотный столик.

Раньше здесь жила древняя бабушка, происходившая из богатой купеческой фамилии. Кажется, ее предки владели не то всем домом, не то парой этажей в нем. Бабушка пережила революцию, Гражданскую войну, блокаду Ленинграда, преподавала французский язык и переводила с него какие-то книжки, жизнь проводила в одиноком девичестве, при этом щедро одаривая соседских детей сладостями и игрушками. Жизнь в маленькой комнате без окна и кухни ее ничуть не смущала.

А потом, в шестидесятые годы, уже перед пенсией, она ухитрилась получить разрешение — и уехала в Париж, где и прожила еще четверть века, напоследок успев дважды выйти замуж за французов и со скандалами с ними развестись. В свою странную квартиру она перед этим прописала какого-то дальнего родственника. В общем — интересная судьба, можно лишь руками развести.

Родственник пытался в квартире жить, обставил посовременнее, разобрал кирпичи, открыв окно в темный дворик. Через полгода он не выдержал и заложил окно обратно. Еще через полгода запил. Потом поменял квартиру, в ко-

торой, похоже, уютно себя чувствовала только старушка, на квартиру в пригороде.

Новый хозяин благоразумно в квартире жить не пытался, а вместо того пытался, зацепившись за этот дорогой и красивый дом, откупить себе соседские комнаты и объединить в одну квартиру. Но так у него ничего и не вышло. Квартиру использовали как место свиданий, как залог, как подарок новобрачным, как склад для всякого барахла. Может быть, и для более темных дел — я не проверял.

Потом ее купил я — через подставного человека. И в течение месяца стирал все следы квартиры из окружающего мира. Нет, она по-прежнему проходила по городским документам, я платил за освещение и воду (точнее — деньги сами уходили с заведенного анонимного счета электронной валюты). И среди дверей на лестничной клетке была старая деревянная дверь, ведущая в странную квартиру.

Вот только многослойные завесы защитных и маскировочных заклинаний скрыли квартиру от всех — и Иных, и людей.

Светлана здесь даже не появлялась. Нет, в целом она мою идею одобрила — абсолютно защищенное место, про которое не знает даже

Гесер… У каждой женщины еще с пещерных времен есть потребность иметь надежную нору. Но обустройство убежища она полностью доверила мне — как организатору, и Наде — как бесконечному источнику Силы.

— Телефон работает, — сказал я, поднимая трубку старого проводного телефона. Прошел в крохотную ванную комнату. — Вода… вода есть… только спустить надо, — глядя на ржавую жидкость, текущую из крана, признал я.

— Телевизор, — гордо сказала Надя. — Это я папу заставила телевизор поставить. Тут был «Горизонт» старый. Вот такой! — Она развела руки. — Он работал, но он даже не цветной был!

— В унитазе надо спустить воду много раз, — сказал я. — Там налито масло в качестве гидрозатвора. В душе тоже. Еда в шкафчике на кухне — консервы, галеты, супы в банках, сахар, чай, кофе.

— Мне не нравится, к чему ты клонишь, — сказала Светлана.

— Еще там есть бутылка коньяка и несколько бутылок вина, — сообщил я.

— Все равно не нравится.

— Света, что бы ни случилось с теми охранниками — они в первую очередь охотились на

Надьку, — сказал я. — Это место не известно никому и максимально защищено. Я думаю, что оно надежнее дозорных офисов.

— Пап, а что на диске? — спросила Надя, поднимая компьютерный винчестер с телевизионной тумбочки.

— Кино. Все то, что ты любила три года назад. Мультики и сказки.

— Папа! — возмутилась Надя.

— Извини, я не подумал обновить видеотеку, — сказал я. — А то залил бы на диск аниме и фантастику.

Надя надулась.

— Я согласна, что Наде стоит остаться здесь, — сказала Светлана задумчиво. — Но с какой стати мне…

— Чтобы наша дочь не сделала какую-нибудь глупость, — пояснил я. — Извини, Надя. Но я бы не хотел, чтобы ты из-за дурного предчувствия или просто от скуки вышла отсюда — и наткнулась на тех двоих… Останьтесь здесь, девочки. Я приду за вами через день-два. А пока спрячьтесь.

Светлана кивнула. Неохотно, раздраженно, но соглашаясь с моей логикой.

— Что ты будешь делать?

— Все то же, что обычно, — сказал я. — Искать

плохих ребят и защищать хороших парней.

— Тебе нужен пророк, — сказала Надя.

— Да, доча. И он у нас есть.

Надя кивнула.

— Еще больше тебе нужна боевая поддержка, — сказала Светлана. — Извини, но… один ты не справишься.

— У меня есть идеи и на этот счет, — сказал я. — Не волнуйтесь.

— Связь? — спросила Светлана.

— Никакой, — сказал я. — Все можно отследить. Я… загляну к вам через сутки. Сделаешь кофе, ладно?

Светлана кивнула. Потом порывисто обняла меня. Надя фыркнула и отвернулась, разглядывая винчестер, будто могла на взгляд прочитать его содержимое. Хотя я бы не стал зарекаться, возможно — она и могла.

Портал, который открыла по моей просьбе Надя, вывел меня обратно в переговорную комнату.

Там ничего не изменилось — только попавшийся под горячую ногу и развалившийся стул убрали.

А так — Завулон сидел, мусоля в губах сигару, Гесер старательно набивал трубку Мерлина содержимым кисета Мерлина.

— Вернулся, — даже не глядя на меня, сказал Гесер. — Что ж, не могу тебя осуждать. Рано или поздно каждый из нас понимает, что тайное убежище — полезная вещь.

— На мое возвращение вы не спорили? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил Завулон. — Вот в том, что ты вернешься, я был уверен. Я не ожидал, что у тебя хватит ума спрятать родных.

По его меркам это был серьезный комплимент.

— Я готов слушать дальше, — сказал я, садясь.

— Дальше ничего нет, — ответил Гесер.

— Как нет? Что случилось с нашими ребятами? Что с вампиршей?

— Все аналитики уже за работой, — ответил Гесер. — Но пока мы знаем не больше твоего. Можешь подключиться к ним, можешь работать самостоятельно. Могу придать тебе несколько человек.

— Тоже готов помочь, — согласился Завулон. — Можешь и к моим аналитикам присоединиться.

Кажется, он не шутил.

— Гесер, я прошу разрешения на ведение самостоятельного расследования, право на привлечение любого из сотрудников Ночного Дозора, пользование архивами, спецхраном, первооче-

редного рассмотрения моих запросов учеными.

— Ты получаешь это право, — сказал Гесер. Протянул руку в сторону Завулона, раскрыл ладонь.

— Чего? — недоуменно спросил Завулон. — Клясться Тьмой и Светом?

— Спички дай.

— А, — Завулон достал из пиджака коробок спичек, — держи, эстет.

Гесер молча зажег спичку, подержал чуть, давая выгореть головке, потом стал аккуратно прикуривать трубку.

— Ты точно не хочешь знать, что куришь? — спросил Завулон.

— Нет. Мне достаточно того, что Мерлин это курил.

Завулон пожал плечами.

— Темный, у меня есть просьба и к тебе, — сказал я.

— Слушаю.

— Мне нужна машина, — сказал я. — Я сейчас поеду в школу, посмотрю на следы, поговорю с нашими, кто там работает…

Завулон достал ключи и бросил мне через стол:

— Держи. Можешь не возвращать, она мне уже надоела.

— Спасибо, — кивнул я. — Второе: мне нужно, чтобы твои аналитики и архивисты отвечали на мои запросы.

Завулон подумал.

— Хорошо. Но они будут отвечать только на запросы, касающиеся происходящего.

— Разумно, — согласился я. — Третье…

Завулон засмеялся:

— Ты вырос, Антон. Лет пятнадцать назад ты бы вообще ничего от меня не принял… А теперь «хочу здоровья, денег и потенции — это во-первых…».

— Нет, всего три пункта, — успокоил я его. Покосился на Гесера — дымок от трубки шел неприятный, едкий. Но Гесер с невозмутимым каменным лицом курил. — Машина. Информация… Хоть сколько-то информации, я понимаю, что ты придержишь часть. И третье: я должен поговорить с самым старым вампиром.

Завулон нахмурился.

— Любопытно. Возможно, тебя устроит мастер вампиров Москвы? Или глава европейской организации?

— Мастер Екатерина слишком молода, — сказал я. — Ей и двухсот нет, верно? Мастер Петр постарше, но он давно не у дел и, говорят, не вылезает

из гроба. Мне нужен не обязательно главный, но как можно более старый.

— Впечатлен, — признал Завулон. — Но скажу тебе по секрету — это очень хорошо, что Петр свихнулся на воздержании и большей частью спит в своем склепе. Всем проблем меньше… Хорошо, Антон. Я примерно понял, кто тебе нужен и как я его уговорю к тебе прийти. Но вот на откровенность его выводи сам, тут моей власти нет.

Я кивнул.

— Вечером будь у себя дома, — сказал Завулон. — Я позвоню тебе, если что-то вдруг сорвется. Но полагаю, что все будет в порядке, и тебя навестят.

— Рискуешь, — вымолвил Гесер, глядя на меня.

— Если позволите, шеф, то рискну, — сказал я, вставая. — Звоните, пишите, шлите телеграммы. Посылки не забывайте.

— Удачи, Антон, — догнал меня в дверях голос шефа. Гесер продолжал сидеть рядом с Завулоном, похоже, после моего ухода их разговор только и начнется всерьез. Потом Гесер закашлялся. — Нет, ну что это за дерьмо?

— А я тебе намекал, — ехидно ответил Завулон.

Машину я попросил не потому, что не имел

своей или не мог реквизировать любую понравившуюся. Мне хотелось увидеть пределы, до которых готов двигаться Завулон. Ну и если выгорит — я на это особо не рассчитывал, — то продемонстрировать Темным, с которыми придется общаться, что я в фаворе у их шефа.

Ездил Завулон на «семейной» машине «вольво», пусть это и был нормальный седан, а не какой-нибудь раздутый паркетник. Хорошая машина, но никакой излишней показухи. И в салоне все было аккуратно, обжито, чуть-чуть обустроено под вкус хозяина — и в то же время абсолютно стерильно. Никаких намеков на личность владельца. Пачка бумажных носовых платков и салфетки для рук в бардачке, видеорегистратор на стекле.

Ну а чего я ждал? Черепа, в котором курятся благовония? Журнала с записями совершенных за день злодеяний?

А еще было забавно, что с машины исчезли все заклинания. Они тут были, я еще чувствовал слабый след. Защитные, маскировочные, сервисные… Но пока я спускался из офиса, пока искал машину на стоянке — она стала абсолютно обычной, человеческой. Что ж, и этого стоило ожидать.

Я набросил на машину легкую завесу от гаишников. От камер слежения даже защищаться не стал — Завулон сам снял защиту, вот пусть ему штрафы и приходят. И поехал к Надиной школе.

Двор был чист, останки убитого Инквизитора исчезли. На входе сидел охранник, очень похожий на раненого, вот только был он внештатным сотрудником Дневного Дозора, Иным и, если уж важны детали, вампиром. Я ему кивнул, он встал и вежливо поклонился.

В коридорах было пусто, шел урок. Только на третьем этаже мне встретился мальчик, идущий по коридору. Глаза у мальчика были пустыми, сонными.

— Что ты делаешь? — спросил я. — Куда ты идешь?

— Мне надо учиться. Я иду в туалет, — ответил мальчик. — Я сказал, что мне нужно в туалет. Я на самом деле хочу писать. Но я сказал про туалет, потому что хотел покурить в туалете. Но мне надо учиться!

Мальчику было лет двенадцать-тринадцать, в этом возрасте слово «пописать» не произносят, тем более незнакомым взрослым. Могут сказать «поссать» или «отлить», если уж ребенок интеллигентен донельзя.

Я глянул на него через Сумрак. Ага, понятно. Он, как и все находящиеся в школе, был под легким заклинанием концентрации. Сейчас, может быть, впервые в истории всеобщего образования, все находящиеся в школе дети действительно учились. Вот только в этом подростке тяга к никотину (это очень, очень сильный наркотик) сейчас боролась с внушенной тягой к знаниям.

— Ты отольешь и вернешься в класс, — сказал я. — Тебе очень хочется учиться. А курить тебе больше не хочется, сигареты вызывают у тебя отвращение.

— Я хочу учиться, — сказал мальчик, расслабившись, и двинулся дальше.

А я пошел к классу, где охранники настигли Надю. Там, конечно, занятий сейчас не было. Там шел ремонт. Двое мужчин в спецовках, ведро раствора, кирпичи…

— Здравствуй, — сказал я. — Эсан? Адриан?

Парни повернулись ко мне. Эсан был пятого уровня, Адриан — шестого. Оба — из резерва Ночного Дозора.

— Вот только не прикалывайтесь, Городецкий! — сказал Эсан.

Ему было за сорок. Очень интеллигентный дядька, на родине в университете преподавал,

даже какой-то учебник успел написать. Потом уехал в Москву на заработки, занимался отделкой квартир. У нас и выяснилось, что он Иной — его обнаружил и инициировал Семен, затеявший у себя ремонт.

— Я не буду, — сказал я.

Адриан, молодой чернявый парень, весело улыбнулся:

— А что такого? Тут заклинаниями не справишься, тут ремонт нужен. А у москвичей руки не оттуда растут. Таджик и молдаванин — это сила!

— Хорошо, — согласился я. — Сила.

Насколько я знал, сейчас оба недавно обретших способности Иных владели на паях маленькой строительной фирмой. Почему бы и нет? Прекрасное, светлое ремесло. К тому же всем Иным полезно, когда есть знакомый строитель. Могут не просто дачу построить, а сразу ее немножечко заколдовать.

— Ребята, где наши?

— Сейчас уже на четвертый этаж прошли, — сказал Адриан.

Я двинулся вверх. На полпути меня обогнал парнишка, несущийся из туалета обратно навстречу знаниям. Какая же чудесная успеваемость будет в этой школе несколько дней!

На лестнице я встретил Ласа.

— Городецкий! — радостно воскликнул он. — А говорили, ты с шефом куда-то умчался!

— Уже вернулся.

Лас посерьезнел, видимо, вспомнив, что происходило в школе менее двух часов назад.

— Как дочь?

— Все хорошо.

— А жена?

— Нормально. Справились.

Лас кивнул.

— Обязательно поставлю свечку нашему святому покровителю…

Я к религиозному просветлению Ласа относился хорошо, даже с симпатией. Но тут меня что-то торкнуло.

— Кому? — спросил я с подозрением.

— Илье. Илье Муромцу.

— Чей он покровитель?

— Ну… Нас. Иных.

— Это тебе священник сказал? — поинтересовался я.

— Нет, я сам соотнес. Воин. Боролся с нечистью. В детстве страдал параличом. Был излечен и инициирован тремя калеками-прохожими.

— Каликами! Перехожими!

— Да, извини, — не смутился Лас. — Но остальное-то верно.

— Поставь, — кивнул я. — Не вопрос… Что тут, в школе?

— Ну, приводим все в порядок потихоньку, — сказал Лас со скромной гордостью. — Меня, между прочим, поставили руководить операцией. Потому что я в этой школе когда-то…

— Учился?

— Нет, пение преподавал. На самом деле ничего не преподавал, просто мы с друзьями под этим соусом место для репетиций своего ансамбля имели… Так что место знакомое! Справляемся! Дети учатся, учителя учат, таджики делают ремонт, целители спасают раненых…

— Раненых?

— Ну да. Вампир-то порезвился. Он действительно вас спас?

Я кивнул. Лас озадаченно покачал головой.

— Дела… Нет, вначале он тут не церемонился. Ранил охранника. Потом пробежал по классам, соснул кровушки…

— Что? — тут уже растерялся я.

— Восемь детишек! У всех по чуть-чуть, правда. Может, перед боем готовился?

— Может, — сказал я задумчиво.

— Вообще не понимаю я этих вампиров, — вздохнул Лас. — Это в Средние века, допустим, если хочешь пососать свежей кровушки, без сифилиса и чумы, да чтобы еще без оспин, шрамов и вони, — только на детях и стоило кормиться. Нехорошо, конечно, но разумно! А сейчас, в наши дни, сосать кровь у детей? Там же сплошная химия! Все эти малоалкогольные коктейли! Никотин! Бургеры из пальмового жира! Дикое количество сахара из «колы»! Химические наркотики! Курительные смеси из укропа и петрушки! Прививки! Сплошная отрава!

— И кого бы ты порекомендовал? — спросил я. — Ну, если вдруг заделаюсь вампиром?

— Я этот вопрос для себя обдумывал, — кивнул Лас с совершенно серьезным лицом. — Сейчас наиболее правильной пищей был бы гражданин, занимающийся умственным трудом, в возрасте тридцати — сорока пяти лет. То есть он уже свое перебесился, здоровье не позволяет много безобразничать, в то же время еще не такой старый, чтобы набрать токсинов.

— Даже не знаю, что тебе сказать, — признался я. — Лучше сменю тему. Мне нужен седьмой «А».

— То есть тебе нужен Иннокентий Толков? — ухмыльнулся Лас. — Мы его не заколдовывали,

свой же парень, Иной. Он на первом этаже, в медпункте.

— Что с этим оболтусом? — поморщился я.

Наверное, я не слишком справедлив к парню, но мне не нравилось, как часто он в последнее время общается с Надей.

— Да все с ним в порядке. Помогает нашему доктору в меру сил. И парню практика, и нам чуть легче.

Иннокентий Толков и в самом деле ассистировал нашему доктору. Был он облачен в слишком большой для него белый халат и относился к своему занятию со всей серьезностью.

Иван как раз заканчивал обрабатывать ранки на шее совсем мелкого пацаненка, едва ли не первоклассника. Мальчишка был словно из какой-то детской книжки — большеглазый, длинношеий, с растрепанными светлыми волосами, тихо сидел на медицинской кушетке, склонив голову набок, чтобы доктору было удобнее осматривать его шею. В общем, сплошное умиление, а не ребенок. По жизни, похоже, он был совершенно заводной, баламут и егоза, кошмар родителей и головная боль педагогов. Но сейчас, под заклинанием, мальчик сидел тихо, почти не моргая, и слушал доктора.

— И тогда ты вцепился Лене в шею и исцарапал до крови, — говорил Иван. — А она в ответ вцепилась тебе и тоже исцарапала. И учительница отвела вас в кабинет к доктору. Вы помирились. Учительница сказала, что если родители будут жаловаться, то вас обоих выгонят из школы, и Лену, и тебя. Пластырь!

Иннокентий подал пластырь. Увидел меня, вздрогнул, кивнул. Иван ловко заклеил мальчишке шею и хлопнул по спине:

— Беги в класс, Цезарь. Учительница тебя ждет.

— Царапины? — с сомнением спросил я, пожимая Ивану руку.

— Укусы все поверхностные. — Иван пожал плечами. — Я бы даже сказал, что в большинстве случаев артерии и вены не были проколоты, пара капель капиллярной крови, и все… Я еще чуть-чуть подзатянул ранки, теперь можно списывать на детскую потасовку.

— Значит, кусали их не ради крови, — сказал я.

— Ну да. Кусали ради укуса. — Иван вздохнул. — Безумие какое-то… Я могу чем-то помочь?

— Мне нужен список всех укушенных, — сказал я. — Фамилия-имя-отчество. Желательно — в том порядке, как их кусали.

— Ну, ты усложняешь. — Иван покачал головой. — Ну… Попробую. Судя по местонахождению укушенных, вампир шел от дверей, периодически заходя в классы и кусая детей… Дай мне полчаса-час.

Я кивнул.

— Да не вопрос. Скинь мне список на мобильный, ладно? И еще — я заберу Кешу.

— Если он не против. — Иван посмотрел на парнишку: — Спасибо за помощь.

— Вам спасибо, дядя Иван, — ответил Кеша, стягивая халат. — Было интересно.

За годы, прошедшие с того момента, когда я его впервые увидел, Иннокентий Толков сильно изменился. Когда я его увидел в первый раз, это был катастрофически толстый, потрясающе некрасивый и плаксиво-истеричный ребенок. Ну, бывают такие дети, что уж говорить.

Сейчас Кеше было четырнадцать. Он был почти ровесником Нади, но учился на класс младше. Он оставался полным, наверное, это навсегда, но уже не столь несуразно толстым — вытянулся и «перерос». Некрасивость его тоже никуда не делась, но каким-то удивительным образом переплавилась в то, что женщины смущенно называют: «по-мужски красив». То есть понятно

было, что красавцем он никогда не станет — но бабы на него заглядываться будут. Такой казус очень часто бывает с актерами, особенно русскими и французскими…

Ну и о плаксивости больше вспоминать не стоило. Очень серьезный, собранный парень. Очень взвешенно говорящий. Пророк! Жаль только, что Надя с ним чересчур крепко задружилась…

— Буду, — сказал он, подходя ко мне и протягивая руку.

— Что «буду»? — спросил я, здороваясь.

— Мороженое. Вы же хотели спросить, буду ли я мороженое? Мороженое, зимой — конечно, буду!

Я засмеялся.

— Кеша! Вульгарные предсказания — это не твой профиль. Ты пророк.

— Ну так вульгарный предсказатель и не сможет предсказать слова Высшего, — отпарировал Кеша. — Пойдемте, дядя Антон, я знаю рядом хорошую кафешку.

— А почему ты не спрашиваешь, как там с Надей дела? — укоризненно спросил я, пока мы шли по двору школы.

— Зачем? Я знаю, что с ней все в порядке.

Я тоже взял себе мороженое и чашку кофе. Кафешка была несетевая, уютная, здесь даже

делали свое мороженое в итальянском стиле — мягкое, с фруктовыми наполнителями. Мне сладкого не хотелось, я пил кофе. Иннокентий с явным наслаждением поглощал фисташковое мороженое — похоже, он не часто себе позволял такую калорийную пищу.

— Ты сам-то помнишь пророчество? — спросил я.

— Нет. — Он поморщился. Это явно был неприятный момент — пророки редко запоминают то, что говорят. — Но я потом его прослушал. — Кеша облизнул ложку и начал цитировать: — «Пролито не напрасно, сожжено не зря. Пришел первый срок. Двое встанут во плоти и откроют двери. Три жертвы, на четвертый раз. Пять дней остается для Иных. Шесть дней остается для людей. Для тех, кто встанет на пути, — не останется ничего. Шестой Дозор мертв. Пятая сила исчезла. Четвертая не успела. Третья сила не верит. Вторая сила боится. Первая сила устала».

— Все верно, — сказал я. — Поможешь расшифровать?

— Почему я, дядя Антон? — искренне удивился Кеша. — У меня опыта совсем нет. Уровень вроде как высокий, но я же только учусь.

— Потому что я тебе доверяю. Потому что ты

однажды выдал очень и очень важное пророчество. Потому что мы друзья. Потому что тебе нравится Надя.

Кеша слегка смутился. Не покраснел, не начал отводить глаза, но смутился. Однако ответил достойно.

— Мне очень нравится Надя, дядя Антон. И мне кажется, я ей тоже нравлюсь. Мы хотели с вами об этом поговорить. Через пару лет.

Я вздохнул. Почувствовал, что теперь моя очередь смущаться… И хорошо бы не покраснеть!

— Давай через… э… года через четыре-пять… Может, даже лучше шесть.

— Хорошо. — Подросток не стал спорить. — Но все-таки? Вы можете любого прорицателя или пророка позвать. Глыбу позовите, он умный дядька, он у нас спецкурс ведет…

— Понимаешь, Кеша, мне кажется, что в данном случае не нужно очень много знаний и ума. Наоборот, они будут отвлекать. Вот твердое знание основ — необходимо. И тут ты прекрасно подходишь, по спецкурсу у тебя одни пятерки. Рассказывай, как все было.

— Я сидел на уроке, — ответил Кеша. — Потом накатило… Впал в транс. У меня теперь вот… — Он засунул руку под рубашку и достал маленький

диск, висящий на цепочке словно брелок. — Это записывающее устройство. Я очнулся, на меня все смотрят, хихикают. Ну, обычное дело… Сбрендил, кургу несет, рука-лицо… Я всех усыпил. — Кеша улыбнулся. — И стер всем память последней минуты. Стандартная процедура для пророков, все по учебнику, но я первый раз… Потом прослушал запись. Позвонил в Дозор, перегнал файл. Мне сказали, что я молодец, но что это было массовое пророчество. Ну… Я дождался, пока все очухались. Сидел дальше на уроке. Думал, что это за жесть такая… И тут по Сумраку словно судорога прокатилась… — Кеша поморщился. — Во дворе что-то жахнуло. Я попытался сквозь Сумрак посмотреть, ничего не увидел, только синий мох расползался во все стороны. И тут раз… И меня накрыло. Когда у Нади заклинание сработало. Потом очнулся — надо мной стоит Темный. Смотрит так мрачно, потом говорит в телефонную гарнитуру: «У меня тут Иной, первый уровень. Светлый…» Ну, помог встать. В общем, без обид.

— А обдумать пророчество ты успел? — спросил я, болтая ложкой растаявшее мороженое. В кафе было тепло, обилие растений и грамотно выстроенный свет создавали ощущение летнего дня. Только за окнами начинало смеркаться, было

серо и холодно. Начинал идти снег.

— Дядя Антон, я не волшебник, я только учусь, — предупредил Кеша.

— Принято. Говори.

— Ну, все эти цифры — они антураж. Они, конечно, чего-то значат. Но по большому счету — просто для красивости. Пророчество должно звучать грозно и загадочно, это нам Сергей Сергеич всегда говорит.

— Хорошо. — Я кивнул. — То есть мы учитываем, но не зацикливаемся на всех этих двоих-четверых…

— «Пролито не напрасно, сожжено не зря», — начал Кеша. — Я думаю, это жертвоприношение. Пролили кровь. Сожгли кого-то. Ну, начало пророчества обычно довольно внятное бывает и обычно говорит о плохом…

— Хоть бы раз услышать пророчество о хорошем, — вздохнул я.

— Бывают! — утешил меня Кеша. — Дальше там что? «Пришел первый срок…» Это тоже курга.

Кеша уже второй раз употребил это слово, и я не выдержал, поправил:

— Пурга.

— Не, пурга — это когда просто чушь говорят, а курга — когда чушь полная, вредная или для

отвлечения внимания.

— Я отстал от молодежного сленга, — признал я. — Курга, значит?

— Курга, — уверенно сказал Кеша. — Пришел срок — и пришел. Идем дальше — «двое встанут во плоти и откроют двери». Ну, это пурга. Наверное. Про тех двух спятивших дозорных, да? Тоже мне ценная информация… Потом «три жертвы, на четвертый раз». Вы, наверное, думаете, что это про вас? Надя, мама Надина, вы… Да не факт! Кто угодно может быть. Никак четко не привязано. Если бы было «Нулевая и двое Великих, ее родители…»

— Такого не бывает, — вздохнул я. — Хорошо, ты меня чуть-чуть утешил. Но только чуть-чуть. Они шли к Наде, напали на нее, увидев нас — радостно переключились. Надя точно в списке этих трех жертв. Возможно, что и мы.

— Я хотел вас немного утешить, — признался Кеша. — Ну да… Наверное, все-таки про вас.

— Кеша, давай без утешений. Мы не дети.

— «Пять дней остается для Иных. Шесть дней остается для людей. Для тех, кто встанет на пути, — не останется ничего». Тут все ясно, да?

— Только один вопрос. Пять дней начиная с чего?

— С момента четвертой попытки вас убить, — сказал Кеша тихо. — Если убьют.

— И тогда все погибнут? Вначале Иные, потом люди?

— Да, — поколебавшись, сказал Кеша. — Тут хоть прямо и не сказано про смерть, но общая тональность и использование разрядов, особенно цифр пять и шесть…

— Оставь детали, я тебе верю, — сказал я.

— «Шестой Дозор мертв», — Кеша задумался. — Дядя Антон, вот это на самом деле самое важное. Самое-самое. Шестой Дозор.

— Почему?

— Потому что тут асимптота в точке перегиба, это значит…

— Верю! — Я вскинул руки. — Верю, Кеша.

— Шестой Дозор — это что? — спросил мальчик с любопытством.

— Ну, Ночной и Дневной Дозоры — это первый и второй, — сказал я. — Третий Дозор — Инквизиция. Четвертый Дозор — это органы СМИ. Пятый Дозор — это как пятая колонна, тайная организация внутри Дозоров… Шестой — о, ты спрашиваешь меня про Шестой Дозор…

У Кеши округлились глаза.

— Да шучу я, — вздохнул я. — Никто никогда

не называл Дозоры цифрами. Есть пара дурацких шуток, но не более того. Шестой Дозор — полная бессмыслица.

— Должен быть смысл! — строго сказал Кеша. — Честное слово! У пророчеств есть законы!

— Хорошо, я буду думать.

— «Пятая сила исчезла. Четвертая не успела. Третья сила не верит. Вторая сила боится. Первая сила устала». — Кеша развел руками. — Тут совсем непонятно, дядя Антон. Может, смысл и есть. А может быть, пурга или курга. Просто чтобы пророчество красиво звучало.

— Выходит, в сухом остатке — только Шестой Дозор, — сказал я. — Единственный хвостик, за который можно уцепиться.

Кеша виновато кивнул.

— Извините, дядя Антон… Я завтра спрошу Глыбу на уроке.

— Спроси. — Я встал, положил на стол деньги. Официантка, давно уже раздраженно смотрящая на нас (взяли два мороженых и кофе, сидели целый час), двинулась к нам от стойки. — Пойдем, я тебя отвезу домой.

— Да я сам, на метро…

— Нет, Кеша. Мне спокойнее будет. И все равно сейчас делать нечего, у меня одна встреча вече-

ром, до нее… Кеша?

Иннокентий Толков стоял покачиваясь и слепо глядя на меня. Зрачки его медленно расширялись, глаза чернели, превращаясь в зловеще поблескивающие красными искрами провалы. Лицо побледнело, на нем проступили бисеринки пота.

Я замер. Не надо мешать пророку, когда он впал в транс. На ногах он скорее всего удержится. Может быть, это будет уточнение пророчества? Такое случалось. Или еще одно?

Глаза Кеши вдруг сузились, налились янтарной желтизной. Зрачок схлопнулся, расширился — и стал вертикальным. Я вздрогнул. Официантка, так не вовремя ринувшаяся за деньгами и оказавшаяся рядом, ойкнула.

— Антон, — сказал Кеша, глядя на меня. — Раз — отрока возьми с собой. Два — поспеши домой. Три — не тебе решать. Четыре — я приду опять.

Это не было похоже на пророчество. Это было похоже на то, словно пророка заставили говорить — и перехватили управление. Какие-то внешние формы, построение фраз — это было от пророчества. Содержание… Содержание было совсем иным.

— Что за нелепица? — воскликнула официантка плачущим голосом. — Не подобает приличным

людям так вести себя!

— Простите великодушно, — ответил я, борясь с искушением добавить «сударыня». — Но это всего лишь детское баловство. Простите великодушно, примите за беспокойство…

Официантка чопорно кивнула, сгребла со стола деньги, приняла из моих рук тысячную купюру — и удалилась.

Стремление говорить велеречиво и старомодно — в меру понимания человеком и велеречивости, и старомодности — характерный признак близкого выброса Силы. Но каков должен был быть выброс, чтобы он подействовал на меня, Высшего? И почему я его не заметил никаким другим образом?

Взгляд Кеши медленно просветлел. Он потряс головой. Удивленно посмотрел на меня.

— Дядя Антон… Я пророчествовал? Второй раз в день?

— Нет, парень, ты нес полную кургу, — сказал я. — Пойдем.

— Домой? — робко спросил Кеша.

— Ко мне домой. Считай, что я тебя позвал в гости. Позвони матери…

— Она в Париже. С… — Кеша запнулся. — С мужем. Ну, как бы отчимом. Григорий Ильич

его зовут.

— Как бы? — не понял я, беря у гардеробщика свое пальто. И наложил на нас с Кешей «сферу невнимания» — не стоит всем слушать наши разговоры, уж очень они странные.

— Это я их свел. — И вот тут Кеша впервые смутился. — Год назад. Подумал, ну что я такая скотина неблагодарная, мама ни с кем близко не сходится, все со мной, а она же еще не старая и могла бы сыскать в жизни свое счастье, возможно — даже родить мне брата или сестру. А дядя Гоша — хороший дядька. Добропорядочный, неглупый, обеспеченный. Вот, увез мать в Париж годовщину свадьбы отмечать. И меня звал, но я наотрез отказался, дабы не смущать их.

Кеша натянул куртку, застегнулся и искренне добавил:

— Я, наверное, его готов считать отцом. В некоем общечеловеческом смысле. Тем более что он искренне обо мне заботится… считая, что это мне нужно, пытается выступить образцом мужчины, которому я мог бы следовать в дальнейшей жизни. Это благородно и заслуживает отношения как к отцу. Но увы, это слишком нелепо, учитывая обстоятельства. К прискорбию моему, я сам свел его со своей матушкой… Тьфу! Почему я так говорю?

— Мощный выброс Силы. Он влияет на подсознание, — пояснил я.

— А! Вспомнил, нас учили! — обрадовался Кеша.

Мы забрались в машину, я включил мотор, поставил обогреватель на максимум.

— Так что со мной было-то? — спросил Кеша, шмыгнув носом. — Если я не пророчествовал…

— Тебя использовали как транслятор, — объяснил я. — Через тебя говорили со мной.

— Кто? — Кеша напрягся.

— А сам как думаешь?

Кеша вздохнул.

— Сумрак.

— Да, парень. Сумрак. Точнее — Тигр.

Глава 5

Иннокентий часто бывал у нас дома. В свое время Надя взяла над ним своеобразное шефство, причем не столько в магических делах, как в обычных, человеческих. Я к этому тогда относился скорее положительно. Тем более совсем уж они не подружились — все-таки Надя была почти на год старше, да и возраст у них был такой, когда мальчики и девочки дружить по-детски уже

стесняются, а по-взрослому — не умеют.

Но все-таки Кеша иногда приходил к нам, о чем-то общался с Надей. Потом по просьбе Нади мы устроили его перевод в ту же школу, где училась она. Ночной Дозор был всецело «за» — специально пророка охранять бы не стали, все-таки не столько у нас сил, а вот за компанию с Абсолютной волшебницей — одной головной болью меньше.

И Кеша стал появляться у нас все чаще и чаще, то после школы, то на выходные. Порой он звал Надю в кино, что в целом неплохо, но последний год они уже принялись ходить в какие-то клубы, что, на мой взгляд, совершенно излишне для подростков!

Так что Иннокентий вполне привычно повесил куртку, разулся, пошел мыть руки. Я двинулся на кухню. Кофе — это хорошо, но мы все-таки не Италия какая-нибудь. Мы Россия, страна «чайная». Чай не пьешь — откуда силу берешь…

— Мне зеленый! — крикнул Иннокентий из ванной комнаты, на секунду опередив мой вопрос.

— Вот за такие штучки вас, пророков, никто и не любит! — ответил я. Но сам улыбнулся. Мальчишка играет со своей Силой, проверяет ее, стреляет

из пушки по воробьям. Однако вдруг у него получится управлять способностями пророка так же свободно, как это умеют предсказатели?

Я заварил Кеше зеленый чай — обычный, с жасмином. Себе — крепкий девятилетний пуэр. Пришел Кеша, сел за стол напротив меня. Благодарно кивнул, беря чашку.

— Дядя Антон, зачем Тигр попросил, чтобы я пришел к вам?

— Хочет поговорить, наверное. — Я пожал плечами. — С тобой и со мной сразу.

— Ну, я не велика птица…

— Ладно-ладно, не скромничай… Предчувствий нет?

Подросток покачал головой:

— Нет. Сумрак не предскажешь…

— Со мной у тебя получается.

— Это не предсказание, — признался Кеша. — Просто я вас знаю хорошо. Вы всегда, когда хотите поговорить, предлагаете пойти есть мороженое. А когда идете на кухню, спрашиваете, кто и какой чай хочет.

— Дедуктивный метод, значит.

— Ну… И чуть-чуть пророчества. — Кеша вдруг лукаво улыбнулся. — Я знаю, что завтра у меня будет утром горло болеть. Значит, наверное,

мороженого наемся. Мне его нельзя зимой, вообще-то у меня горло слабое… А сейчас я знал, что напьюсь зеленого чая с жасмином. Значит, вы мне его сделаете. Ваши действия я предсказать не могу, а вот свои — да.

— Хороший фокус! — сказал я с уважением. — Молодец, парень!

Кеша кивнул, без ложной скромности принимая комплимент. Потом спросил:

— А мы кого-то еще ждем? Кроме Тигра?

— Мы? Блин… — Я вздрогнул. — Да в общем-то. Завулон обещал, что ко мне заглянет один… Один Темный.

— Вампир? — уточнил Кеша.

— Совершенно верно. Очень старый вампир. Все-таки предвидишь?

— Да нет, не предвижу. Просто вижу. — Кеша взглядом указал на окно за моей спиной.

Я повернулся и едва удержался от дрожи. На карнизе за окном сидела летучая мышь. Огромная, чудовищная летучая мышь — распластанные крылья раскинулись метра на два, голова была размером с человеческую, тело елозило на оконном отливе.

— А вот и гость, — тихо сказал я.

— Как они все-таки летают? — тоже понизив

голос, сказал Кеша. — В ней же веса как во мне…

— Волшебство, парень, волшебство… — сказал я, вставая и подходя к окну. Летучая мышь смотрела на меня немигающим взглядом.

Только Высшие вампиры умеют превращаться в животных. Но даже Высший вампир не смог бы вот так приблизиться к моей квартире, защищенной всеми возможными заклинаниями Света и Тьмы.

Я посмотрел на летучую мышь сквозь Сумрак. Сквозь первый, потом второй, а потом и третий слой. На всех слоях она выглядела огромной летучей мышью — и ничего более. Да уж…

Я открыл створки. Вампир продолжал сидеть, глядя на меня.

— Я впускаю тебя, — сказал я. — Входи в мой дом. Разрешаю войти внутрь.

Повторенное трижды разрешение разрушило незримый барьер. Летучая мышь, тяжело переваливаясь на лапах и локтевых сгибах крыльев, перебралась на подоконник. Замерла.

Никто не знает, почему вампиры не могут войти в дом неприглашенными. Человеческие легенды врут почти во всем — вампиры отражаются в зеркалах, вампиры могут есть чеснок, солнечный свет им неприятен, но они его тер-

пят, их не пугает серебро (впрочем, серебряная пуля работает не хуже свинцовой), они не боятся крестов и святой воды (разумеется, если пытающийся противостоять вампиру человек не является латентным Иным и не верит в Бога искренне и самозабвенно — тогда крест будет обжигать вампира, а вода — разъедать его плоть). Впрочем, водка или спирт обжигают вампиров еще сильнее, причем их может применять любой атеист. А вот про запрет на вход в чужой дом — это правда.

— Отвернись, — сказал я Кеше. — Они не любят перевоплощаться при посторонних.

— Никто не любит, — хрипло произнесла летучая мышь, когда парнишка отвернулся. Это действительно был очень старый и опытный вампир — он даже научился говорить в животном облике!

Я отворачиваться не стал. Мой дом — мое право.

Вампир вскинул крылья, кутаясь в них, встал на подоконник, почти достигая головой потолка, — и стал перевоплощаться.

Это он тоже делал очень мастерски. Очень аккуратно. Никаких брызг и ошметков плоти, как у неопытных оборотней и вампиров. Стояла

гигантская летучая мышь, завернувшись в крылья, — и вот уже стоит человек. Иной.

Иная.

— Добрый вечер, — сказал я с секундной заминкой и протянул руку.

— Вечера всегда добры ко мне. — Вампирша улыбнулась. Изящно оперлась на руку и спрыгнула на пол. — Мальчик, ты можешь обернуться.

Кеша немедленно и с живейшим интересом повернулся.

— Ты чем-то удивлен? — спросила вампирша.

— Да. — Кеша, к моему удивлению, не стал ломаться и ответил спокойно и искренне. — Я думал, вы будете голая. Как вы ухитряетесь перекидываться одетой?

— Потому что я не оборотень, а вампир, — сообщила женщина. — Оборотни перекидываются голыми, а у нас… У нас свои хитрости. А что удивляет тебя, Городецкий?

— Завулон обещал, что меня навестит один из старейших вампиров.

Женщина засмеялась.

— Антон, ну ты же не ожидал увидеть старушку?

— В принципе — был готов. Особенно зная чувство юмора Завулона.

— А, понимаю… Ты был готов увидеть старую женщину с клыками. Или старого импозантного вампира. Ты представлял себе трогательную невинную девочку, что живет уже сотни лет, высасывая из людей жизнь, — или печального юношу с обличьем Дориана Грея. Тебя не удивила бы ослепительная красавица, знойная и страстная, которую мужчины сами молили бы впиться в горло… Или нежная белокурая девушка, само воплощение беззащитности и коварства.

— Да, — сказал я.

— А увидел ты обычную тетку, — сказала вампирша. — Чуток потасканная, жопа толстовата, но в целом — обычная.

— В точку, — согласился я.

Вампирша была самой обычной женщиной. Средних лет. Что-то «около тридцати». В меру симпатичная. То есть с такой можно с удовольствием пофлиртовать, найдутся люди, которые в нее влюбятся (ну, если представить ее обычным человеком), но ничего сверхпривлекательного. Может, попа и была «толстовата», но на мой взгляд — вполне нормально…

И одета она была обычно. Просто совсем обычно — джинсы, легкое полупальто, на ногах короткие сапожки (либо на автомобиле ездит, либо дом и

работа совсем рядом с метро… либо она летает в образе летучей мыши).

И лицо ничем не выделяется. Никаких интенсивных эмоций. Ни ослепительного обаяния, ни мрачности, ни глупости, ни мудрости.

— Ты похожа на Завулона, — сказал я. — Ты… ты очень обычная.

Вампирша кивнула:

— Да, Антон. Тот, кто живет тысячи лет, должен быть обычным.

— Ничего себе! — воскликнул Кеша.

«Тысячи» потрясли и меня.

— Даже Мастеру Петру…

— Мальчишка. Ему и шестисот нет. Обычный вампирский сосунок. — Вампирша улыбнулась. — Простите дурацкий каламбур.

— Но он Мастер вампиров Европы!

— И что? А Барак Обама — президент Северо-Американских Соединенных Штатов. И что с того? Это не делает его ни самым умным, ни самым богатым, ни самым влиятельным.

Я поднял руки:

— Сдаюсь. Простите мою невежливость. Мы не представлены.

— Ева.

— Антон.

— Это ведь не может быть вашим настоящим именем, — заметил Кеша, с жадным любопытством глядя на Еву.

— Нет, конечно. Но это древнее имя, живущее во всех народах. Меня устраивает.

У меня в голове мелькнула мысль, но я даже не дал ей оформиться. Это очень, очень, очень старая и могучая вампирша. И даже мой Высший уровень не делает нас ровней.

Если она захочет — то разорвет нас с Кешей на клочки.

— Хорошо, Ева, — сказал я. — Я впустил тебя в свой дом, я повторил трижды, я представился. У меня есть древнее право по древнему закону.

— Право на три вопроса? — Ева явно развеселилась. У нее дрогнули уголки губ. — Ах, Светлый, я сама придумала это право… Мне его и менять.

Мягким кошачьим движением она села между нами. Посмотрела на меня. Посмотрела на Кешу.

— Хорошо, Антон. Мы поиграем. Ты получишь три ответа, но это не будут ответы на те вопросы, что тебя тревожат. Это будут просто ответы. Потом мы поговорим всерьез, а сейчас — разминка.

— Кто этот вампир, который нас спас, и почему он это сделал?

Ева рассмеялась и погрозила мне пальцем.

— Хорошо, — вздохнул я. — Разминка. Что связывает тебя с Завулоном.

Ева подумала. Облизнула губы.

— Кровь.

— Это не ответ.

— Это ответ, Антон Городецкий. Ты задал вопрос, я ответила. Это честный ответ. Если он не ответил на твой вопрос — виноват спрашивающий.

— Хорошо, — сказал я. — Второй вопрос. Чаба Орош. Сколько правды в его книге и сколько лжи? Посмеялись ли над ним вампиры, или легенды, которые он пересказывает, — настоящие?

Ева замерла. Кивнула.

— Правильный вопрос. Большая часть сказанного им — правда.

— Можно я спрошу? — попросил Кеша.

— Пусть парень спросит, — сказал я.

— Как вы сохраняете одежду во время трансформации? Это не магия, я бы почувствовал.

— Неожиданный вопрос, — сказала вампирша. — Какой любознательный паренек! Видишь ли, это, — она оправила полы пальто, поддернула джинсы, — не одежда. Одежду я не сохраняю.

— Это вы сами и есть, — прошептал Кеша. — Вы…

— Я голая. — Ева засмеялась. — Но как ты думаешь, малыш, трудно ли придавать своему телу видимость одежды, если ты умеешь перевоплощаться в летучую тварь? Я сама — своя одежда. Любая.

Силуэт Евы задрожал, меняя цвета и формы. Теперь она была одета в белое длинное платье, с ниткой жемчуга на шее, со сверкающими, будто хрустальными туфельками. Из глубокого декольте проглядывала высокая молодая грудь.

— Я вас не смущаю, мальчики? — Она лукаво улыбнулась.

— Нет, — сказал я. — К сожалению, я знаю истинный облик таких, как ты, — поэтому не смогу соблазниться тобой ни в мехах, ни в шелках, ни голой. Извини.

— Ничего страшного, Антон, — очень серьезно ответила Ева. — Сексуальное влечение… у таких, как я… проходит за две-три сотни лет. Его вытесняет пищевой инстинкт, он древнее, знаешь ли. Мой секс — пить кровь.

— Знаю, — сказал я. — Что ж, ты ответила на три вопроса, которые не важны…

— Они важны, даже если ты сам этого не понял, — сказала Ева. — Но пустое. Что ты хотел спросить у меня?

— Я хотел спросить о тех, кто напал на нас. И о пророчестве, которое обещает всеобщую смерть.

— Понимаю. — Ева кивнула. — Но это серьезные вопросы, и они требуют настоящей цены.

— Какой? — Я спросил, зная ответ.

— Настоящая цена — всегда одна, дозорный. Кровь.

Мне очень не хотелось этого говорить, тем более — при Кеше. Но я думал об этом полдня. Я вообще-то довольно догадлив, когда начинают гореть ботинки — обычно догадываюсь посмотреть вниз.

— Я выдам тебе разрешения, — сказал я.

— Какие? — поинтересовалась Ева.

— На кормление.

Ева развела руками.

— Разрешения? Мне? Антон, у меня лежит ворох этих разрешений. Некоторые еще на бересте, а некоторые — на глиняных табличках. Но в конце концов, если уж я захочу кого-то выпить — неужели ты думаешь, что ваши дозорные схватят меня? Вы за новообращенными вампирами охотитесь неделями и не всех в итоге ловите.

Я молчал. Она была права — и я это прекрасно понимал.

— А если я захочу чего-нибудь интереснень-

кого? — неожиданно спросила Ева. — Выпить беременную женщину? Трехлетнего ребенка? Знаменитость, писателя или музыканта, которые сеют разумное, доброе, вечное… Я же знаю, что таких вы из вампирской лотереи вынимаете…

— Не вынимаем, — твердо сказал я.

Ева рассмеялась.

— И все-таки? Выдашь разрешение? На одной чаше весов — гибель всего человечества. Иных, людей, зверей…

— Спасибо за информацию, — сказал я. — Про зверей я не был в курсе.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Но моя жалкая попытка вывести Еву из себя не увенчалась успехом. Напротив — она вдруг посмотрела на меня с сочувствием.

— Не ерзай, дозорный. А то прямо слышу, как у тебя шаблоны рвутся. Мне неинтересна кровь детей и матерей, да и ваших музыкантов-писателей тоже… После Достоевского у всех кровь как-то жидковата…

— Какие литературоведческие изыски, — огрызнулся я.

— То, что я мертва, и то, что я питаюсь человеческой кровью, не значит, что я не могу восхищаться настоящей литературой, — ответи-

ла Ева. — Читала и модных, и талантливых. Нет, Антон. Расслабься, не нужны мне твои индульгенции, можешь их в рамочку и на стенку.

— Тогда что тебе нужно? — спросил я.

— Кровь. Но я давно уже не пью все подряд, я коллекционирую интересные крови, Антон.

— Говори.

— Кровь Высшего Светлого — за ответ на любой вопрос.

— А ты уверена, что сможешь ответить? — спросил я.

— Уверена.

— Сколько крови тебе надо? — спросил я.

— Дядя Антон! — воскликнул Кеша. — Не соглашайтесь! Что вы делаете!

— Молчи, — сказал я. — И запоминай. Ты свидетель.

Кеша попытался вскочить, снова сел. У него задрожали губы. Он переводил взгляд с меня на Еву.

— Не мешай ему, мальчик, — сказала Ева. — Тут нет никакого насилия, все по доброй воле… Я не собираюсь выпивать тебя досуха, Антон. И обращать не намерена… Тем более что в случае Иного — это очень, очень трудно, а в случае со Светлым и Высшим — практически невозможно.

Я не убийца. — Она лукаво улыбнулась, ее глаза блеснули, как живые. — Не просто убийца. Я — коллекционер.

— Сколько? — повторил я.

— Глоток-два. Не больше трех, если вдруг понравится.

— Пей, — сказал я, засучивая рукав.

— Нет-нет! — возмутилась Ева. — Это профанация. Я не перекусить на скорую руку зашла, извини за дурной каламбур. Либо шея, либо бедренная артерия. Не будем смущать мальчика, верно? Шея.

— Соси давай, — сказал я. — Я тебя позвал не разговоры разговаривать.

— Ах, Антон, Антон! — Ева снова засмеялась. — Как же ты мне нравишься! Вся эта чудесная бравада, грубость, завуалированные пошлости…

Она встала и подошла ко мне, я тоже встал. Почувствовал ее запах — одновременно свежий и сладкий, пьянящий. Глаза Евы блестели, на губах играла легкая полуулыбка. Сейчас она казалась по-настоящему красивой.

— Вижу, ты давно не ела, — сказал я. — Феромоновые железы полны.

— Если бы я захотела, — прошептала Ева, — ко мне сбежались бы все мужчины этого дома. А

мальчик потерял бы сознание от вожделения… Не хочешь меня поцеловать?

— Хочу, — сказал я. — Но я знаю, что буду целовать на самом деле, поэтому воздержусь.

— Мое дело предложить, — промурлыкала она и плавным движением положила голову мне на плечо.

Шею кольнуло. Кеша тихо вскрикнул.

— Не отворачивайся, — сказал я. — Считай вслух. При каждом сосательном движении у нее будет набухать на горле мышечный мешок.

Шея слегка онемела. Боли больше не было.

— Раз, — сказал Кеша.

Ева подняла руку и погладила меня по голове.

Никаких ощущений не было. Никакой боли. Никакой слабости. Просто стоит женщина… привлекательная… склонила голову мне на плечо… И пьет мою кровь.

— Два, — сказал Кеша страдальческим голосом.

Столь же ровным, грациозным движением Ева выпрямилась. Облизнула длинным розовым языком рот. Вытерла тыльной стороной ладони остатки крови с губ.

— Кеша, дай салфетку, — сказал я, протягивая руку. Кеша вскочил, чуть не опрокинув стул,

подал мне смятый пук салфеток — веселеньких, разноцветных, с изображением хохочущего Санта-Клауса. Я прижал салфетки к шее.

— Сама сейчас свернется, — сказала Ева. — Я вбрызнула фермент, Светлый.

— Спасибо. И что так — всего два глотка? Не понравилась?

— Алкоголь и табачище, миазмы большого города, адреналин и токсины, — сказала Ева. — Шучу я, Антон. Очень интересная кровь. Знакомый привкус, как я и ожидала, но интересная. Я запомню. Захотелось тебя поставить на место.

— Я не против, — сказал я.

— И запомни на будущее, — сказала Ева. — У таких… старых, как я, сосательный мешок вмещает до полутора-двух литров крови. Я могла тебя убить в два глотка. Или в три. И все было бы в рамках разрешенного тобой, мальчик был бы свидетелем. Не досуха, не обращая, три глотка. А что не смог жить с литром крови в жилах — сам дурак.

Она требовательно смотрела мне в глаза.

— Дурак, — согласился я. — Спасибо. Запомню.

— Теперь ты можешь задать свой вопрос, — сказала Ева. — Любой. Если я не смогу дать полезной информации… что ж, тогда задашь новый. Чест-

но?

— Честно, — признал я. — Что случилось с дозорными, охранявшими Надю, почему они напали на Инквизитора, почему напали на мою семью, откуда их Сила, как их уничтожить?

— Ну ты жулик! — Ева погрозила мне пальцем. — Один вопрос, помнишь? Но я добрая вампирша, Антон. Я отвечу.

Я сел. Видимо, действие гормонов, которые Ева впрыснула в мою артерию, прекратилось — я почувствовал слабость. Литр не литр… Но пол-литра крови она все-таки высосала. В два приема. Все известные мне вампиры могли всосать за глоток не больше ста — ста пятидесяти миллилитров.

— Дозорные всего лишь оказались в неудачном месте и в неудачное время, — сказала Ева, склоняясь надо мной. — Их больше нет. В их телах проявился древний бог.

— Вампирский бог.

— Тогда не было других богов, Светлый. Древний бог, Двуединый. Бог Света и Тьмы. Первый, кого породил Сумрак, первый обретший разум — и сделавший нас, вампиров, своими слугами. Слугами и жрецами, хранителями великого равновесия…

— Какого еще…

— Не надо толковать границы вопроса так широко, дозорный. Древний бог воплотился, и это очень грустно, дозорный, потому что мы предали его. Мы, вампиры, перестали выполнять то, что должны. Мы изменились, пошли иными путями. Многие перестали пить кровь, стали пить жизнь… напрямую…

Я смотрел в глаза той, кто называла себя Евой, и видел в них бездонную пропасть. Видел черное небо детства человечества. Видел воинов, пьющих кровь врагов, — и шаманов, пьющих кровь воинов. Видел, как из тьмы вышел к костру Двуединый — и кровью скрепил самый древний из человеческих заветов…

— Двуединый обижен, Двуединый оскорблен, — прошептала Ева. — Его забыли, его обманули, пошли другими путями… И даже вампиры смирились, погрязли в разврате и чревоугодии, забыли свой долг перед людьми… Двуединый не простит, Двуединый уничтожит всех нас. Всех Иных. А для этого ему надо уничтожить главную опасность — твою дочь. И ее родителей… Потому что вы не отдадите ее на заклание. Инквизитор слишком серьезно понимал свой долг, он пытался им помешать, хотя, как мне кажется, понял, что происходит. Ну… Может быть, он выбрал лег-

кую и быструю смерть? Кто знает? Но помешать Двуединому он не мог. Только Шестой Дозор способен уничтожить Двуединого. Только Шестой Дозор! Но Шестой Дозор — мертв.

— Что такое Шестой Дозор? — прошептал я.

— А это уже другой вопрос. — Ева улыбнулась.

— Ты ведь тоже погибнешь, верно? — сказал я. — Так к чему эти игры! Ответь, просто ответь! Это в наших общих интересах!

— Может быть, я и не погибну? — Ева пожала плечами. — Я последняя из тех, кто помнит кровавый завет. Я последняя, кто видел предыдущее воплощение Двуединого… Шучу, Светлый. Я тоже погибну. Но я согласна, этот мир становится слишком жесток.

— Для вампиров?

— Нет. — Ева покачала головой. — Просто слишком жесток. А я не люблю пустую жестокость, Городецкий.

— Мне нужен еще один ответ, — сказал я. — Кусай снова.

— А мне не нужен дубль в коллекцию, — сказала Ева с ноткой обиды. — Нет, Антон, ты для меня — отработанный материал.

Она помолчала.

— Хотя у тебя есть что мне предложить.

— Надьку ты не получишь, — сказал я. — И не рассчитывай.

Ева вздохнула.

— Да я знаю, знаю. Даже не стала просить, чтобы не провоцировать тебя на излишнюю агрессивность. Но у тебя есть что мне предложить помимо дочери.

— Хорошо, — сказал я, поколебавшись лишь миг. — Я уверен, что Светлана поймет и согласится…

— У меня есть в коллекции кровь Высшей Светлой целительницы, — сказала Ева. — Разумеется, Светлана — мать Абсолютной, и это придает пикантный оттенок, но… Наверное, все-таки нет. Я про мальчишку.

— Да ты с ума сошла, — искренне сказал я. Посмотрел на Кешу и успокаивающе махнул ему рукой.

— Отнюдь. Высший Светлый, пророк — это большая редкость.

— Он не Высший, он первого уровня.

— О! Видишь, ты уже начал торговаться! — сказала Ева удовлетворенно. — Сейчас он первого, но стал бы Высшего. Жаль, не успеет. Но пророки — такая редкость, особенно Светлые! Я готова им удовлетвориться.

— Ева, он ребенок.

— Ему четырнадцать с половиной, какой же он ребенок? — удивилась Ева. — Паспорт имеет. В Гражданскую полком бы мог командовать. Даже в вампирскую лотерею только до двенадцати не включают. И уж извини, Светлый, но он сам вправе решать!

— Я согласен, — быстро сказал Кеша.

— Он не согласен! — рявкнул я.

— Почему? — Кеша пожал плечами. Он был бледен, но вроде бы даже не испуган. — Нам нужна информация, верно? Она меня не убьет. Не превратит в вампира. Ну, выпьет немного крови, что, с меня убудет? Это все немножко извращение, конечно, но она хотя бы женщина. Была. И я считаю донорство полезным занятием, а ведь мы знаем, что двадцать процентов донорской крови достается вампирам.

Ева искренне веселилась, переводя взгляд с меня на Кешу и обратно.

Я думал. Если бы это была только напускная бравада, если бы я видел, что парнишка по-настоящему боится…

Но он не боялся. Точнее, боялся не больше, чем я. Ему было немного противно. Немного страшно. Но он совершенно четко воспринимал ситуацию.

А на кону, как получается, был апокалипсис.

— Не более пятидесяти миллилитров за глоток, — сказал я. — Не более трех глотков.

— Хорошо, — согласилась Ева. Подошла к Кеше. Тот вскочил. Замер перед ней.

— И не окучивай парня своими феромонами, — добавил я.

— Не стану, — легко согласилась Ева, разглядывая Кешу. — Что ж вы, молодежь, так плохо к гигиене относитесь? У тебя шея грязная.

— Я толстый и поэтому легко потею, — ответил Кеша. — Не нравится — возьми полотенце и протри.

Ева захлопала в ладоши.

— Браво! Браво! Антон, какой славный парень, не находишь? С тебя пример берет…

Она наклонила голову и прижалась к шее Кеши.

Я встал, обошел стол, приближаясь к ним.

Ева сделала глоток — у нее на шее надулся мешок. Помедлила. Глубоко и страстно вздохнула, не отрываясь от парня. Глотнула второй раз. Помедлила. Глотнула третий.

— Отрывайся, — сказал я.

Ева стояла не шевелясь. Скосила на меня один глаз — тот был дурной, затуманенный…

— Отрывайся от него, Лилит, — прошептал я ей на ухо. — Или я выпотрошу твое гнилое нутро, клянусь Светом…

Вампирша, называвшая себя Евой, отскочила от Кеши. С ненавистью уставилась на меня. Ее испугала не угроза — имя.

— Раны закрой! — приказал я. — Играем по-честному, помнишь?

Лилит сплюнула в ладонь кровавой слюной, провела ладонью по шее Кеши. Отняла руку — кровь больше не шла. Кеша тяжело сел на стул. Я дал ему остатки салфеток — он прижал их к ране.

— Я тебе припомню, — пообещала Лилит, буравя меня взглядом.

— Не надо считать других дураками, «Ева», — сказал я. — А теперь отвечай на вопрос…

— Кровь дал мальчишка, — сказала Лилит. — Ему и спрашивать.

— Спроси, что такое Шестой Дозор и как его создать, — сказал я.

— Это твой вопрос? — спросила Лилит у Кеши.

Кеша помолчал.

Кеша покачал головой:

— Нет. Мой вопрос другой.

Мне надо было заорать, остановить его. Объ-

яснить, что вопроса важнее сейчас нет. Но я не мог. Он преодолел свой страх. Он дал свою кровь. Эта была самая древняя и самая сильная магия в мире.

Кеша посмотрел на меня, и я кивнул.

— Скажи, каковы отношения между Двуединым, Сумраком и Тигром? — спросил Кеша. — Кто и чего хочет? Кто сильнее? И почему если погибнут Иные, то погибнут люди и животные? И выживет ли Сумрак, если погибнет все живое?

— Это много вопросов, — сказала Лилит. — Это очень много вопросов, наглый мальчишка! И я не буду…

— Вопрос на самом деле один, и ты это знаешь, ценой была моя кровь, и ты забрала данное, ты не можешь вернуть взятое обратно, и я требую обещанного, — сказал Кеша. — Говори.

— Откуда ты знаешь слова требований? — спросила Лилит после короткой паузы.

— Я же пророк, — сказал Кеша. — Я просто знал, что скажу тебе именно эти слова.

— Вам не понравится мой ответ, — сказала Лилит. — Он даст вам то, что нужно, но не даст того, что необходимо, а больше у вас нечем торговать со мной…

— Говори, — сказал я. — Ты дала обещание.

— Сумрак жив, но не имеет разума, Сумрак хочет только жить. — Лилит развела руками, будто сама удивляясь сказанному. — Тигр — хранитель Сумрака, он разумен, но не имеет воли. Тигр силен. Но Двуединый имеет разум и волю, Двуединый — такое же порождение Сумрака, и если Тигр встанет на его пути — Двуединый сметет Тигра. Все живое погибнет, потому что Иные — не только паразиты, но и хранители жизни. Умрут Иные — умрет все живое. Умрет живое — умрет Сумрак. Умрет Сумрак — умрет Тигр, умрет Двуединый, умрет все и вся вокруг этой маленькой кучки грязи. Я дала ответ.

— Ты не ответила, — сказал я. — Почему мы хранители жизни? Мы, Иные, такие же паразиты, как вы, вампиры. Почему вслед за Иными умрут люди?

Лилит оскалилась. У нее даже не были втянуты клыки.

— Вы хитрите, и я хитрю. Вы получили ответ, детали никто не обещал говорить… Светлый.

— Хорошо, — сказал я. — Хорошо. Мы приняли твой ответ. Но нам надо знать, что такое Шестой Дозор.

Лилит развела руками.

— Чем мы можем заплатить за ответ? — спро-

сил я. Где-то в груди нарастала тоскливая давящая боль. Наверное, так себя чувствуют люди за мгновение до инфаркта. — Будет ли кровь моей дочери…

— Нет, Светлый! — Лилит замотала головой. — Время этой цены прошло! Ее кровь может сжечь меня, но я готова была рискнуть, но теперь — нет! У вас нет цены за новый ответ!

И я вдруг увидел, как глаза Кеши округлились. И как в них смешались воедино удивление, надежда и страх — страх в глазах мальчишки, только что добровольно подставившего шею тысячелетней вампирше.

— Может быть, у меня есть цена за любой твой ответ? — раздалось за моей спиной.

Я повернулся.

Тигр стоял у плиты и наливал себе в чашку кофе из дышащего паром кофейника. Он был таким же, как раньше, — высокий молодой мужчина, одетый в строгий деловой костюм. Тигр поднес чашку к лицу, сделал глоток. Медленно повернулся к нам.

— У меня, как ты заметила, нет своей воли, — сказал Тигр. — Но у меня есть кровь. Кровь Сумрака, извини за дурной каламбур. Ты ведь хочешь достойно завершить свою коллекцию

перед концом времен, дряхлая тварь?

Белое платье вампирши порозовело, будто напиталось кровью. Она шарахнулась к стене, врезалась в нее, глухой удар выбил белую пыль штукатурки на ее плечи. Она полусогнулась-полуприсела, выставив перед собой руки. Пальцы превратились в черные когти.

— Ну, так каков твой ответ? — спросил Тигр.

— Н-н-нет! — простонала вампирша. — Нет!

Она отпрыгнула от стены, бросилась к окну, пытаясь то ли открыть его, то ли разбить в прыжке стекло.

Но Тигр уже был у окна. По-прежнему сжимая в руке чашку кофе, не сделав ни единого движения. Просто оказался там, куда прыгнула вампирша, — и его ладонь прервала ее движение.

— Ты не поняла, — сказал он. — У тебя нет выбора. Я заплачу цену, и ты ответишь на вопрос.

— Я отвечу! — выкрикнула Лилит. — Я отвечу, мне не нужна плата!

— Правила есть правила, — сказал Тигр.

Глотнул из чашки. Поставил ее на подоконник. Склонил голову на правое плечо, подставляя шею.

— Кусай.

Лилит затряслась. Потом кивнула, смиряясь.

— Да… да.

Ее рот на мгновение прижался к шее Тигра — и через миг вампирша отпрянула. Губы ее стали бордовыми. На шее Тигра появилось два крохотных укуса.

— Ты взяла цену и дашь ответ, — сказал Тигр. — Что такое Шестой Дозор?

— Шестеро заключали договор с Двуединым, — прошептала вампирша. — Шестеро могут разорвать договор.

— Кто они? — спросил Тигр.

— Порожденная Светом. Порожденный Тьмой. Тот, кто взял чужую Силу. Тот, кто не имеет своей Силы. Тот, кто видит. Тот, кто чует.

— Должно быть три условия, — сказал Тигр. — Я знаю правила.

Лилит кивнула, с ненавистью глядя на него. Из ее рта вырывались облачка пара.

— Любовь, Ненависть, Благородство, Предательство, Сила, Слабость. Это первое условие.

Тигр кивнул.

Лилит подняла руки, с удивлением посмотрела на свои пальцы. Потом продолжила:

— Посланник каждой из великих сторон должен присутствовать. Глава каждой стороны должен прийти или назначить посланника. Это

второе условие.

— Что такое великие стороны? — спросил я. — Свет? Тьма?

Лилит оскалилась.

— Я обязана назвать, но я не обязана пояснять. Так, Тигр?

Тигр кивнул, задумчиво глядя на нее.

— И третье. — Вот теперь Лилит улыбалась искренне. Я бы сказал «от души», но души у нее давно уже не было. — Шестеро должны быть связаны первой и главной Силой.

— Сумраком? — Я не выдержал и все-таки уточнил.

К моему удивлению, Лилит ответила:

— Нет, Светлый. Самой первой и самой главной. Кровью.

— Может быть, ты хочешь сказать что-то еще? — спросил Тигр.

— Я надеюсь, вы сдохнете! — выплюнула ему в лицо Лилит. — Все вы сдохнете! И ты, раб Сумрака, тоже!

— Что ж, мы это скоро узнаем, — сказал Тигр. — А ты — нет.

Лилит захохотала.

— Нет? Посмотрим. Посмотрим. Я хранила верность Двуединому, я приветствую его…

— Там, куда ты отправишься, нет ничего, — сказал Тигр и поднял руку.

Лилит засияла ослепительным белым светом. Что-то сжигало ее изнутри. Белое платье налилось кровью, потом почернело — и вампирша осела холмиком праха.

Я взял остолбеневшего Кешу за голову и заставил отвернуться.

— Извини, я намусорил, — сказал Тигр. — У тебя есть совок и веник?

Некоторое время я смотрел на останки вампирши.

— Нет. Только пылесос.

— Годится, — сказал Тигр. Не спрашивая, куда идти, вышел из кухни, вернулся с пылесосом. Задумчиво осмотрел шланг, опустил. Пылесос тихонько загудел. Тигр протянул щетку к праху — и тонкий пепел струйками потек в мусоросборник.

В розетку он пылесос включить забыл. Впрочем, это не мешало пылесосу работать.

— Спасибо за помощь, уберу я сам, — сказал я. — Как-то будет негостеприимно, если ты начнешь мне пылесосить.

Тигр едва заметно улыбнулся, выключая пылесос. Или мне показалось? Улыбающийся Тигр

— зрелище фантастическое.

— Тогда еще одно, и я уйду, — сказал Тигр. — Если ты спросишь, понял ли я слова Лилит, — нет. Я не Сумрак, я лишь малая его часть. Ответ тебе придется найти самому.

— А если не найду? — спросил я.

Тигр глянул на меня с удивлением.

— Разве ты не слышал? Мы все умрем.

— Как страшно жить, — фыркнул Кеша, повернулся и посмотрел на горку пепла. И зевнул.

Я посмотрел на него.

— Иди-ка ты спать, Кеша. Домой я тебя сейчас не повезу, переночуешь в комнате Нади. Возьми чистое белье, оно в комоде…

— В нижнем ящике, — сказал Кеша, вставая. — Я знаю.

— Откуда? — резко спросил я. — Откуда ты это знаешь?

Кеша удивленно посмотрел на меня.

— Я же все-таки пророк… Кстати, у вас и веник есть, и совок — в кладовке в прихожей.

Рядом послышались тихие булькающие звуки. Я повернулся и посмотрел на Тигра.

Он сдавленно хохотал, зажимая рот руками.

А потом растаял в воздухе.

Часть вторая. Вынужденные союзы
Глава 1

В архиве было все так же холодно и темно. Но сегодня кое-что изменилось — играла музыка. Я бы не удивился, услышав классику — от Вивальди до Баха. Или зажигательную ирландскую музыку — джигу или рилу. Но Элен Киллоран слушала русского барда.

Мы как тени – где-то между сном и явью,
и строка наша чиста.
Мы живем от надежды до надежды,
как солдаты – от привала до креста.
Как расплавленная магма, дышащая небом,
рвется из глубин,
Катится по нашим венам Вальс Гемоглобин.

Я тихо пошел между сумрачными стеллажами, на которых дремали книги, свитки, распечатки, перфокарты, дискеты, глиняные таблички и лазерные диски.

Так сколько ж нам лет, так кто из нас кто – мы так и не поняли…

Но странный сей аккорд, раскрытый, как ладонь, сквозь

дырочки от снов все ж различить смогли —

Так вслушайся в него – возможно, это он качался над Японией,

Когда последний смертник запускал мотор над телом

скальпированной своей земли…[21]

Я подошел к столу, на котором стояла старенькая магнитола с торчащей из гнезда флешкой. Нажал на «стоп».

— Элен!

— Да, Антон?

Я вздрогнул, оборачиваясь. Киллоран стояла за моей спиной, держа в руках пухлый том в кожаной обложке.

— Напугала, — признался я.

— Я тоже испугалась, — ответила она. — Вижу, тень мелькнула. У меня тут трафик небольшой…

Она вдруг смутилась и положила книгу на

---

[21] Примечания: 21

Олег Медведев. *Вальс гемоглобин.*

стол. Огреть она меня, что ли, собиралась этим томом?

— Хорошая песня, — сказал я. — Не знал, что ты любишь русских бардов.

— Не всех. — Она поморщилась. — Но это — хорошо… Как твои дела? Вы поймали вампиршу?

— У нас… все запутанно, — сказал я. — Нальешь чая? Сегодня хочется.

Она улыбнулась и включила чайник. Я сел за стол, налил себе чашку и кратко рассказал все то, что Элен в своем подвале, похоже, не слышала. Только про визит Тигра я умолчал — пусть даже Элен и решила в итоге, что Лилит упокоил лично я.

— Очень… — Она подумала секунду. — Очень серьезно. Ты хочешь еще что-то узнать?

— Да. Я послал запрос в Дневной Дозор и нашим тоже. Но может быть, у тебя здесь что-то найдется…

— Двуединый?

— И еще — Шестой Дозор. И Великие Силы.

— В компьютерах что-то есть? — спросила Элен.

— Нет. Кроме вампирской легенды о Двуедином из книжки Ороша.

Элен кивнула.

— Еще кое-что… Мне кажется, ты должна это знать. — Я достал смартфон и вывел на экран письмо от нашего доктора. — Еще восемь укушенных. В один пробег… Кусала совершенно символически, просто чтобы знак подать. И результат… не тот, что я ждал.

Элен склонилась над экраном.

— Порядок укусов?

— Именно такой, — кивнул я.

— Роман, Олег, Данияр, Елена, Цезарь… разве это имя?

— Имя. Причем мальчик не итальянец, русский. Ты не представляешь, какими странными бывают некоторые родители.

— Куржан, Ирина, Йоаким. Что, правда? Через «и краткое»?

— Совершенно верно. Мальчик — финн. Наверное, в разговоре его наши ребята зовут вообще Акимом, но по документам он пишется через «и краткое».

— «Родецкий», — сказала Элен. — Дописала фамилию, выходит. И даже «и краткое» нашла.

— Угу, — кивнул я. — Это как раз понятно и ожидаемо.

— Теперь отчество, — произнесла Элен. — Что там было? «За тобой»?

— «За тобои», — поправил я. — Но, похоже, там она просто не нашла подходящего отчества.

— Романович, Евгеньевич, Шамильевич, Егоровна, Николаевич… — Элен глянула на меня. — Николаевич — это Цезарь?

— Да, — кивнул я. — Цезарь Николаевич. А что? Торжественно звучит.

— Ибрагимовна… Евгеньевна… Почему прочерк? Нет отчества?

— Да, у финнов отчество не пишется, — сказал я. — «Решение».

— «За тобой решение». — Элен кивнула. — Повеселее, чем просто «за тобой».

— Да. Хотя когда от меня так своеобразно требуют решение… это тоже напрягает.

— Ничего, тебе не привыкать решать, — утешила Элен. — И финал. Было «Пришла я», стало… Семенов, Игнатьева, Лешкарой, Андрухович, Жабин…

Элен нахмурилась.

— Да-да, спрашивай, — сказал я.

— Цезарь Николаевич Жабин? — спросила Элен с содроганием. — Это нынче нормально для России?

— У меня не хватает фантазии предположить, что нынче для России окажется ненормальным.

— А он как вообще… Цезарь? — деликатно спросила Элен. — Ты его не видел?

— Совершенно случайно видел. Совершенно чудесный ребенок. Невзирая на фамилию-имя-отчество.

Элен вздохнула и закончила:

— Дилятдинова. Ёршикова. Тойвонен.

— «Сила ждёт», — кивнул я.

— Смысл в итоге совсем не тот, как ты ожидал, — сказала Элен. — Это не угроза. Не за тобой она пришла. «Пришла я, сила ждет, Антон Городецкий, за тобой решение».

— Я бы не зарекался, что тут совсем уж нет угрозы, — заметил я.

— Но ведь она спасла твою дочь, и тебя самого, и твою жену.

— Может, не хотела делиться добычей? И, знаешь, мне кажется, тут не «пришла я». Тут «пришлая». «Пришлая сила ждет».

Элен развела руками:

— Хорошо, Антон. Не буду гадать впустую. Чем я могу тебе помочь? В первую очередь? Шестой Дозор?

— Лучше начни с Великих Сторон, — сказал я. — По компьютерным базам мне уже все прогнали. Великими силами иногда называют

Изначальные — Свет и Тьму. Но тут явно речь о чем-то другом.

Элен вздохнула.

— Сейчас… Стороны, значит…

Она вновь удалилась в темноту, прошла между стеллажами, остановилась у одного из них. Тускло засветился маленький фонарик.

— Элен, почему все-таки ты так любишь темноту? — спросил я. — Многие фолианты боятся света, понимаю. Но тебе же неудобно!

— У меня очень хорошее ночное зрение, — отозвалась Киллоран, шурша бумагами. — И память.

— И каталоги, — сказал я.

— Разумеется. И каталоги. Великие… Кстати, меня поражает та небрежность, с которой содержал архив прежний хранитель. В России традиционно очень хорошая школа архивистов, вероятно, в связи с тем, что многие документы принято хранить в тайне от народа…

— Ну-ну, иронизируй, — буркнул я. — Суровая Россия, полные тайн архивы, которые стерегут белые медведи с балалайками наперевес…

Киллоран фыркнула.

— По сравнению с американскими, английскими или французскими архивами ваши не такие

уж и тайные. Но это не касается архивов Дозоров, разумеется. Эти — вполне…

— А ты и про архив Дневного что-то знаешь?

— Конечно. У нас свои контакты. Обмениваемся дубликатами документов, списками, консультируемся…

— Ну ничего себе, — сказал я. — Ничего себе тайны дозорных подвалов. Гесер-то в курсе?

— В общих чертах, — уклончиво сказала Элен. — Хм… Великие Стороны. Есть одна ссылка. Протокол одна тысяча двести пятнадцатого года «О мерах требуемых и излишних». Не сам протокол, конечно, список… Там есть упоминание Великих Сторон.

— О чем там говорится?

Элен рассмеялась.

— Откуда я знаю? Ты всерьез думаешь, что я здесь все прочла? Пошли, я знаю, где он хранится. Пошли, пошли!

Я встал, двинулся на слабый отсвет фонарика. Элен крепко взяла меня за руку твердой холодной ладонью и повела за собой в темноту. Бледный молочно-белый лучик света несколько секунд светил перед нами на пол, потом погас.

— Зачем? — спросил я.

— Так лучше, — туманно ответила Элен. — И

мой тебе совет, не смотри сквозь Сумрак. Даже не совет, а настоятельнейшее повеление.

— С чего так? — шагая в темноте и непроизвольно морщась в ожидании удара лбом о какой-нибудь стеллаж, спросил я. Не выдержал, поднял свободную руку и стал держать ее перед собой.

— Тебе лучше не знать, с чего, — сказала Элен. — Да, рукой заслоняйся, если тебе спокойнее, но света не зажигай.

Мы прошли метров десять по старому похрустывающему линолеуму, покрывающему пол в первом зале. Судя по движению воздуха — вышли в следующий зал. Здесь под ногами поскрипывал то ли дощатый пол, то ли рассохшийся паркет. Один раз Элен резко дернула меня к себе. Сказала:

— Извини. Там кость с полки высунулась, я не сразу заметила, приложился бы об нее…

— Какая кость?

— Человеческая. Берцовая.

— Что она делает в архиве?

— На ней заклинание выгравировано.

— Какое?

— Никто не знает, язык неизвестен.

— И почему у тебя в архиве такой непорядок? —

начиная злиться от разговора, спросил я. — Кости поперек прохода торчат…

— Так она только что высунулась, — пояснила Элен. — Когда мы подходили.

Я удержался от глупого вопроса, шутит ли она. Могла и не шутить.

Дерево под ногами кончилось. Теперь мы шли по каменным плитам. В какой-то момент они стали неровными, будто вспученными. Потом снова выправились.

Потом Элен остановилась и после короткой заминки сказала:

— Обойдем через восьмой зал, пожалуй…

— Ты видела фильм «Сталкер»? — спросил я.

— Тарковского? Нет, конечно. Читала в энциклопедии.

Мы прошли по дереву, снова по камню, потом — по грубо уложенному булыжнику. Я спросил:

— А фильм «Буратино»? Это русская версия «Пиноккио».

Элен засмеялась.

— Ты к чему?

— Ах поле, поле, поле чудес… — немузыкально напел я. — И лиса Алиса с котом Базилио везут Буратино на Поле Чудес. Верхом на ослике. По кругу. Мы прошли уже метров двести — у нас нет

таких подвалов.

Элен вздохнула. Включила фонарик, посветила. Лучик, хоть и тусклый, высветил проход между стеллажами метров на десять, дальше все терялось в темноте. Потом она посветила в противоположную сторону — то же самое. Я попытался разглядеть то, что лежит на стеллажах, — но она погасила свет.

— Не по кругу, — сказала Элен. — Напрямую идти — не всегда самый короткий путь, но не по кругу…

Мы шли еще минуты три-четыре. Один раз прошли по луже, где-то рядом капала вода.

— Элен, ну это совсем непорядок, — попытался я укорить ее.

— Да, высохло сильно, — согласилась Киллоран. — Я потом подрегулирую краник…

Я смирился, лишь в последней попытке отстоять свои позиции протянул руку, пытаясь нащупать, что лежит на стеллаже, мимо которого мы проходили. Рука уткнулась во что-то теплое, липкое и, кажется, медленно двигающееся. Я отдернул руку и торопливо вытер о брюки.

Элен обидно засмеялась. Потом сказала:

— Да пришли уже, пришли… Сейчас, Антон…

И она внезапно отпустила мою руку.

— Элен? — спросил я.

Она не ответила. Я бесшумно сдвинулся на шаг в сторону. Очень хотелось зажечь свет. Я решил, что досчитаю до трех и сделаю это.

— Вот и он, — весело сказала Элен. — Теперь можно!

Фонарик в ее руках засветился ярко и чисто, будто переключенный в другой режим. Элен пристроила его на полку, так, чтобы он светил вниз, с улыбкой посмотрела на меня.

— И что ты ожидал увидеть, Великий? Что я превращусь в вампиршу?

— С чего вдруг? — спросил я.

— Ну, для начала — у тебя «серый молебен» полуактивирован, даже я вижу. Пожалуйста, не применяй, а то погубишь массу ценных документов.

— Ты приехала из другой страны, десять лет назад, — сказал я. — Сидишь все время тут, в подвале. На свет носа не кажешь. А уж эта прогулка!

Элен тихо засмеялась.

— Извини, Антон. Но ты что же, всерьез предположил, что вампир может так долго и успешно маскироваться под Светлого? От Гесера? От Ольги? От тебя? А потом завлечь тебя куда-то во тьму на расправу?

— Ничего я не думал! — огрызнулся я. — И руки у тебя холодные!

— Конечно, при такой температуре в помещении. — Элен вздохнула. — Еще раз прошу прощения. Я немного нагнетала, признаю. Считай это профессиональной шуткой. Но тут действительно лучше ходить хитрыми путями и без света.

— И ты извини, я не прав, — признал я, сворачивая полуразвернутое на пальцах заклинание. Готовые уже оборваться ниточки Силы втянулись в кожу. — У меня сейчас не лучший период в жизни.

— Ладно, мир, — согласилась Элен. — Оставим дурацкие шутки. Смотри, вот твой документ…

Стеллаж в этом месте, насколько хватало света и взгляда, был забит фанерными коробками. Некоторые — плоские, некоторые вытянутые наподобие упаковок от дорогого вина. На всех лежали старомодные, но рабочие чары сохранности. На некоторых — незнакомые мне заклинания, разбираться я в них не стал. Стеллаж в этом месте был помечен кодом LT-32, набранным большими медными буквами и цифрами, прикрученными к полке на высоте глаз.

— Список тоже довольно старый, — сказала Элен, доставая и открывая плоскую коробку. — Но

уже бумажный… Вроде как ничего магического в нем самом нет. Ты не видишь?

Я посмотрел на плотный толстый бумажный лист в ее руке. Покачал головой. Не глядя сквозь Сумрак, сказать трудно, но я магии не обнаружил.

— Ты знаешь старонемецкий? — спросила Элен.

— Даже просто немецкого не знаю.

— Тогда переведу близко к смыслу. Официальный заверенный перевод будет у тебя к вечеру.

Элен откашлялась, вглядываясь в каллиграфический рукописный шрифт.

— Итак… «В году одна тысяча двести пятнадцатом…» Чем примечателен этот год?

Я подумал.

— Инквизиция?

— Точно. Папский престол, точнее, Иннокентий Третий учредил Инквизицию.

— Ну, это же… — Я пожал плечами. — Несерьезно. Занималась Инквизиция всякой хренью. Старушек-травниц топили, евреев преследовали…

— Джордано Бруно сожгли, Галилея преследовали, — в тон мне продолжила Элен. — Но понимаешь ли, у Инквизиции был потенциал.

Вера в ту пору была практически у всех, включая Иных. Светлые в большинстве своем считали, что наделены особым даром Создателем, в то время как Темные — слуги… — она запнулась, — понятно кого. И если бы в Инквизицию пришли настоящие Иные, объединили свой потенциал с силами Церкви…

— Пожалуй, мы бы вынесли Темных, — сказал я. — Начисто.

— Начисто бы не вышло, — сказала Элен. — Рождались бы новые. И казнили бы их.

— Может быть, мир бы стал лучше, — предположил я задумчиво.

— И сейчас бы все люди знали об Иных, вампирах, оборотнях. Завидовали бы Силе, долголетию, знаниям. При случае старались бы вынести и Светлых, пусть даже мы посвятили бы всю жизнь защите людей.

— Как-то так, — сказал я. — Как-то так…

Элен вздохнула.

— Итак… «В свете создания Инквизиции и соответствующих пророчеств, после консультаций и соответствующих гарантий…» Тут не совсем «гарантий», скорее «обещаний», но, наверное, «гарантии» будет точнее. «В городе Риме встретились Шесть Великих Сторон…»

— В точку, — сказал я. — Элен, какая ты молодец. Ты и твой каталог.

— «Доклад представили Элпис Иератикус из Афин и Курт Гессе из Кельна…» Странно, даже не указывают, Светлые или Темные. А Иератикус вообще похоже на псевдоним. Так… Они предлагали наладить контакт с Инквизицией, по сути — раскрыться перед ней и сотрудничать. «Обсудили… Спорили… Возразили… Отклонили… Приняли…»

Элен вздохнула.

— Извини, я тоже только общий смысл понимаю. Ну, в общем, это такая выжимка. Мол, обсудили вопрос — опасна ли Иным Инквизиция и стоит ли с ней иметь какие-то дела. В итоге… «Сочтено опасным, искушающим, непредсказуемым и вредоносным — единогласно. Не до́лжно быть никаким сношениям между Иными и Инквизицией, даже если Светлые или Темные сочтут это полезным для себя или вредным для других. Не должно быть явного вмешательства в дела Инквизиции, даже если затронута жизнь Иного…»

— Что-то сомнительно, — хмыкнул я. — Я навскидку назову нескольких Темных, кого Инквизиция сожгла не без помощи Дозоров.

— Жиль де Рей, — кивнула Элен. — Да и хозяйка его… А уж настоящих ведьм среди склочных бабок наверняка не один десяток был. Просто по закону больших чисел. Что ж, все законы нарушаются, но в целом это соблюдалось. Более или менее.

— Так кто же эти Высшие Стороны? — спросил я. — Бог с ней, с Инквизицией…

— А вот про это тут ничего не сказано, — растерянно сказала Элен. — Либо было общеизвестно, но вряд ли, тогда бы любой наш старичок вроде Гесера тебе ответил про Великие Стороны. Либо настолько секретно, что упомянуть-то упомянули, но без конкретности.

— Блин, — сказал я. — Блин!

— Подожди! — Элен вгляделась в бумагу. — Тут еще подписи есть, Антон.

— Ну?

— Без имен. — Она поднесла лист ко мне. — Видимо, подписи переносить не рискнули. Я бы тоже некоторые не рискнула, если честно. Тут только должности.

— Ну!

— Я тоже плохо знаю древневерхненемецкий, — сказала Элен. — С какой стати на нем писали в тринадцатом веке, он уже вышел из обихода! Вот если бы на средневерхненемецком или

на ранненововерхненемецком! Ха! Да на ранненововерхненемецком я могу говорить свободно!

— Я потрясен, восхищен и признаю свою необразованность, — сказал я. — Но все-таки ты можешь попробовать? Или будем искать переводчика?

— Могу, — вздохнула Элен. — Через Сумрак… Сейчас.

Несколько мгновений она смотрела на бумажный лист, потом вздохнула и отложила его.

— Я прочитала. Только не знаю, поможет ли. Кое-что тут понятно, но другое… Тут шесть подписей. Очевидно, это и есть шесть Великих Сторон.

Я не торопил, я ждал.

— Свет, — сказала Элен. — Тьма. Это понятно, да?

— Светлые и Темные, — сказал я. — Я не вижу других вариантов.

— А я бы скорее сказала — Ночной и Дневной Дозоры. — Элен подняла вверх палец, будто строгая учительница, поправляющая ученика. — Это же не Силы. Это Стороны.

— Принимается, — сказал я. — Дальше будет Инквизиция…

— Инквизиции не будет, — сказала Элен. — В тысяча двести пятнадцатом году учреждена че-

ловеческая, церковная Инквизиция. Наша была создана…

— В одна тысяча двести семнадцатом, — сказал я. — Верно. По сути, мы заимствовали идею и название. Что-то я забываю основы. Хорошо, что там дальше?

— Конклав.

— Это понятно, — сказал я с облегчением. — Я был знаком… Это Конклав ведьм. Они всегда держались наособицу. Но… Великая Сторона?

— Сейчас ведьмы — лишь часть Дневного Дозора, — сказала Элен. — Ну или Ночного, просто они предпочитают называться волшебницами, целительницами…

— Элен!

— Извини, Антон, но не стоит быть фарисеями. Целительницы и волшебницы — по сути своей ведьмы. Все женщины в большей мере используют приемы ведьмовской магии.

— Моя жена не ведьма!

— Хорошо, — сказала Элен. — Я вовсе не имею в виду, что она подходит под формальный признак. Я о некой сути.

— По некоторой сути — все женщины ведьмы, даже не Иные, — сказал я. — Но Светлана не может быть одной из сторон, в смысле — той

стороной, которая Конклав… Она не входила в круги ведьм, она не присягала Конклаву, она не ведьма… де-юре.

— Согласна, — сказала Элен, помолчав. — Если тебя тревожит мысль, что Светлана может потребоваться в этом Шестом Дозоре, то я согласна — она не подходит. Действительно, согласна, тебе придется искать настоящую ведьму.

— Что там дальше? — спросил я.

— Хозяин Хозяев.

— Мне кажется, это очень просто, — сказал я. — Хозяин. Как нынче принято говорить — Мастер.

— Логично. Мастер вампиров. — Элен нахмурилась. — Но я никогда не слышала, что у них есть некий верховный вождь. Вампиры связаны узами крови, подчинение идет именно по линии «кто кого обратил». Но неужели есть самый первый вампир?

Я молчал. Я думал о Лилит. Могла она быть самой первой вампиршей мира? Самой-самой? Той, что в преданиях и легендах стала старше Евы, превратилась в демоническое и неудачное творение Бога? Той, что назвалась Евой то ли в приступе гордыни, то ли забавляясь этой нехитрой загадкой? Все может быть.

Но тогда Тигр ее прикончил. И пропылесосил.

Что это значит — Мастера Мастеров больше нет? Или эту должность кто-то займет?

Я мысленно отметил, что у меня есть вопрос к Завулону — очень серьезный и важный вопрос.

— Видимо, есть, — сказал я. — В конце концов, я никогда не слышал и о том, кто главный в Ночном Дозоре. Ну, если брать мировой масштаб. В Москве главный Гесер, по России — тоже он, это никак бумажками не предписано, но все это понимают. Но чтобы по всему миру… Самый-самый Светлый… Великий вождь и повелитель… Не слыхал.

— Наверное, у нас как у вампиров, — ехидно сказала Элен. — Все по географическому признаку.

Мы понимающе улыбнулись друг другу.

— Дальше в принципе тоже понятно. — Элен задумалась на миг. — Принимающий Облик.

— Оборотни, — кивнул я.

— Ты хоть когда-нибудь хоть что-нибудь слышал о какой-то руководящей структуре у оборотней? Вожак стаи или еще кто?

Я покачал головой.

— У Дозоров есть локальное руководство, — сказала Элен. — В Европе, к примеру, де-факто управляют всем французские и немецкие Дозо-

ры. Французский Ночной и немецкий Дневной. Хотя голландцы… Ладно, не знаю, но Гесер тебе подскажет, наверное, кто им командует. У ведьм Конклав, тут все четко. У вампиров Мастер, хоть никто и не слышал о высшем хозяине для всех вампиров. Но оборотни?

— Семейная структура, — сказал я. — Укушенные образуют прайд. Но прайд не бывает большим, там один вожак — самец или самка…

— Эка ты о них жестко, — сказала Элен. — Как о зверях.

Я упрек проигнорировал.

— И никогда один прайд не командует другим. Если возникает конфликт — они сражаются, если конфликт доходит до полного ожесточения — сражаются вожаки. Прайд убитого вожака поглощается победившим прайдом. Но какого-то суперпрайда нет.

— Спроси Хену, — сказала Элен. — Это самый старый оборотень, насколько я знаю. Превращается в смилодона.

— Знаю. — Я потер переносицу. — Принимающий Облик. Даже намека на название структуры нет. Ну ладно. Спрошу Хену. Читай, кто там еще?

— А вот это ставит меня в тупик, — призналась Элен. — Я и перевела-то только через Сумрак.

Основа.

— Основа?

— Краеугольный камень. Фундамент. Опора. Основа. Я не знаю этого слова, я только смысл считала. И подпись шла последней, а в таких документах это важно.

— Знаю, не дурак, — кивнул я. — Скрепляющая подпись, окончательное решение. Основа…

— Сумрак? — предположила Элен.

— Лично. Пришел и подписал документ. — Я пожал плечами. И представил себе Тигра, пылесосящего пол на кухне — с чашкой кофе в свободной руке.

— Все может быть, — сказала Элен.

— Все, — согласился я. — Настала пора задавать вопросы Великим.

Элен вернула документ в футляр, выключила фонарь и взяла меня за руку.

— Пойдем обратно, Антон.

После неизменной прохладной сырости подвала коридоры Дозора казались почти жаркими. Хотя судя по попадающимся навстречу сотрудникам, многие из которых были в джемперах или свитерах, у нас что-то опять не ладилось с отоплением. Старое здание — оно и есть старое здание.

К шефу я не пошел. Я искал Ольгу. В ее кабине-

те было пусто, в отделе внутреннего контроля, который она возглавляла последние годы, тоже никого не оказалось. Да и отдел-то этот, шутливо называемый «внутренней инквизицией», состоял из двух человек — самой Ольги и Алишера.

Нашел я Ольгу в научном отделе, тоже полупустом — последнее время часть сотрудников повадилась работать «по удаленке», а другая, вероятно, сейчас рыла носом землю «в поле» — пытаясь узнать у старых Иных и в региональных Дозорах хоть что-то, относящееся к сказанному Тигром. Удивительно, что при этом никто не удосужился спуститься в архив…

Ольга сидела рядом с единственной оказавшейся в отделе сотрудницей — Людочкой. Выглядела Иная пятого уровня именно так, как должна выглядеть женщина, которую зовут уменьшительным именем, — двадцатилетней девчонкой. Уже лет десять она так выглядела, а вообще-то ей было под пятьдесят. Впрочем, и Ольга никак на свои сотни лет не тянула.

Женщины мило трепались. В окружении пустых столов с компьютерными терминалами, шкафов с книгами и свитками (ну, не архив, но тоже немало) они выглядели сплетничающими в библиотеке студентками.

— А еще он любит спать со мной на подушке, — говорила Людочка. — Представляешь, забирается под одеяло, голову высовывает и кладет на подушку! Как человек. Такая кроха, а умный…

— Как человек, — подтвердила Ольга, косясь на меня. — Привет, Антон. Только он не Иной, не человек. Он собака.

— Конечно. — Людочка слегка обиделась. — Разумеется. Ой, здравствуйте, Антон!

— Могу я с вами посидеть? — спросил я, беря стул.

— Садись, — сказала Ольга. — Удивлен?

— Чем?

— Что я сижу и болтаю. Конец света на носу, а я тут с подружкой присела…

— Может, для тебя конец света — рядовое мероприятие, — дипломатично ответил я.

— Нет. Но жизнь так устроена, что где-то всегда происходит какой-нибудь маленький, локальный конец света. Сходят с путей поезда, падают самолеты, тонут корабли, взрываются нефтехранилища. Эпидемии выкашивают целые страны, убийцы вырезают целые семьи, маньяки пытают детей…

Ольга встала, присела на стол — глядя мне в глаза. Людмила попыталась подняться, видимо,

чтобы уйти, но Ольга остановила ее взмахом руки и продолжала:

— Умирают те, кто кому-то дорог. Годами и десятилетиями полыхают войны. Крестоносцы режут мусульман, мусульмане взрывают иудеев. Хуту режут тутси. А люди живут. Кто-то смотрит в небо, исчисляя ход планет. Кто-то сеет зерно. Кто-то изменяет жене. Кто-то режет кошельки. Кто-то рисует картины. Солдаты задыхались на Ипре, а Бальмонт писал: «Высокий миг — создать свою струну, струить жемчужный дождь, сердца волнуя». Люди заживо горели в танках, дети плакали от голода в холодных постелях, женщины, синие от голода, таскали листы брони, строя танки, — а где-то рядом композитор писал бравурный марш для победного шествия, а где-то писатель сочинял для детей веселые рассказики…

— Какие веселые истории в войну… — начал было я.

— Носова читал, дозорный? — Ольга прищурилась. — Не мог не читать в детстве-то. Да и дочке небось читал. «Мишкина каша», «Огородники»… В сорок втором году он их писал. Когда все на волоске висело. Есть там хоть слово о войне и смерти? Нет. Потому что если нельзя дать детям хлеба, то надо дать хотя бы надежду. Да, ты сейчас

скажешь, что я дозорная, я Светлая, я Высшая, а я сижу и болтаю… Сядь! Я еще не закончила, Людмила! Да, я болтаю, потому что все, кто может заниматься твоим делом, этим сейчас занимаются. А кто не может — занимается обычными своими делами. Своим хлебом, своей мелодией, своими жуликами-карманниками. Своим дурацким маленьким расследованием. Даже если апокалипсис. Потому что если он не случится — хлеб не должен сгнить на корню, а песенка не прозвучать. И вор должен сидеть в тюрьме. И служебные проступки должны быть расследованы.

Она повернулась к Людочке. Та смотрела на нее круглыми перепуганными глазами.

— Сколько лет твоему песику?

Людмила сглотнула. Опустила взгляд.

— Двадцать…

— Не слышу!

— Двадцать семь… Я не… Я очень правильно кормлю…

Ольга молчала.

— Это даже не седьмого уровня воздействие! — со слезами воскликнула Людмила. — Когда я что просила от Дозора?

— Дело не в том, что не просила! — рявкнула Ольга. — Дело в том, что не предупредила, дура!

Тебе положено по рангу несколько вмешательств ежегодно, до пятого уровня включительно! Табель зарплатный открой!

— Но что может…

— Я сегодня лично подписала право на продление жизни ведьминому коту! И это не обычная мелкая гадкая ведьмочка, это Бабушка московского отделения. И ее коту — семьдесят с лишним лет, и хрен бы мы выдали разрешение, мы этого кота отслеживаем невесть сколько, в нем — не меньше половины ее Силы! Но поскольку у ведьмы на руках имелся акт расследования Дневного Дозора о твоем двукратном продлении жизни домашнему животному — ничегошеньки я сделать не смогла!

Людочка, побелев как лист бумаги, смотрела на Ольгу.

— Встала и пошла вон, — сказала Ольга. — И не попадайся мне сегодня на глаза. Иди работай дома — сама знаешь, что происходит.

— А что… что будет… — Людмила сглотнула.

— Да ничего не будет, — буркнула Ольга. — Животное-то ни при чем…

Людмила бросилась к дверям, будто боялась, что Ольга передумает.

— В следующий раз, дура, подавай офици-

альный запрос! — крикнула ей в спину Ольга. Вздохнула, покачала головой. — Антон, ну вот как с такими работать… С чем пришел?

— Ты мне нужна как женщина, — буркнул я.

— Что, мячик в туалет закатился? — поинтересовалась Ольга.

— Слушай, ты что, специально изучила все детские анекдоты? — спросил я.

— Нет. Я, если ты помнишь, очень долго была чучелом совы. — Ольга ухмыльнулась. — И не всегда стояла в кабинете Гесера. Двадцать лет простояла в школе, в кабинете биологии.

— Какой ужас! — искренне воскликнул я.

— Не то слово. Такого насмотрелась и наслушалась… Ну, так что нужно?

— Кому подчиняется твой муж? — прямо спросил я.

Ольга подумала. Уточнила:

— Это как-то связано с расследованием?

— Напрямую. Ты же читала мою утреннюю докладную…

— Конечно, не повторяйся, — отмахнулась Ольга.

— Про шесть Великих Сторон помнишь?

— Да. Чушь. Я на свете пожила, Антон. Всю жизнь в Дозоре. Никто никогда никаких Великих

Сторон…

— Я был внизу, в архиве. Попросил помощи у Киллоран. Она нашла один старый документ, там упоминаются шесть Великих Сторон. Но очень туманно. В общем — это Свет, Тьма, Конклав, Хозяин Хозяев, Принимающий Облик, Основа.

Ольга потерла лоб. Опустила глаза. Посмотрела на меня. Спрыгнула со стола, достала пачку сигарет, закурила. Прищурилась, посмотрела на меня с иронией.

— И ты, соотнеся сказанное Тигром и… новую информацию… решил, что это…

— Ночной Дозор. Дневной Дозор. Ведьмы. Вампиры. Оборотни. И неведомая хрень, может быть, даже сам Сумрак.

Ольга выпустила струю дыма, запрокинула голову, глядя в потолок.

— Значит, Киллоран… Как там ее зовут? Элен?

— Да.

— Шесть Высоких Сторон… — Ольга вздохнула. — Ну смотри, у меня для тебя есть две новости.

— Хорошая и плохая?

— Да, как положено, — сказала Ольга, но тон ее мне не понравился. — Во-первых, ни у Ночного, ни у Дневного Дозоров нет высшего руководства.

Даже по России официально нет, хотя Гесер, конечно, главный.

— То есть у нас как у вампиров? Хозяин территории, который всех на ней укусил…

— Примерно так. Или кто всех инициировал. Не знаю, помнишь ли ты еще, но тебя ведь инициировал Гесер? Если разобраться, то почти все у нас и восходят к нему, как к инициатору.

— Уже плохо, — кивнул я.

— Про ведьм вроде как понятно, — сказала Ольга. — Про самого-самого главного вампира не в курсе. Но у оборотней точно верховных властителей нет. Можешь Хену спросить.

— Вот и Элен то же самое посоветовала, — разочарованно ответил я.

Ольга косо глянула на меня. Потом продолжила:

— Что касается Основы — тоже без понятия. И это, Антон, была хорошая новость.

— А что тогда у нас плохое? — требовательно спросил я.

— Пошли, — ответила Ольга, беря меня за руку. — Пошли… Высший…

Спрашивать я ничего не стал. Во-первых, сам люблю устраивать такие выволочки. Во-вторых, она бы ничего не ответила. В-третьих, я чув-

ствовал, что мне очень не понравится плохая новость.

Мы спускались все ниже и ниже. К шестому подземному уровню. К архиву. У меня тревожно заныло в груди.

— Городецкий сегодня заходил в архив? — спросила Ольга у двух охранников.

Те явно растерялись.

— Да… — решился наконец ответить старший из них, шестого уровня. — Но… Он же имеет право.

— Он бы мог пройти так, что мы не заметили, — добавил второй. Вообще седьмой уровень. Надо же, подняли самых слабых на дежурство, все «в поле».

— Разумеется, — сказала Ольга. — Высший всегда может задурить голову низкоуровневому…

С этой доброй фразой она потащила меня дальше. Распахнула двери архива. Все было как и час назад — темнота, конус света над столом.

Ольга молча пошла к столу. Но я, уже предчувствуя недоброе, посмотрел на нее сквозь Сумрак. К чертям все предостережения Элен!

Ольга шла по архиву, покрытая чешуйчатой броней из заклинаний. Похоже, пока мы опускались, она активировала изрядную часть своего

арсенала. На пальцах Великой полыхали разноцветные радуги заклинаний.

У стола Ольга остановилась. Оглянулась. Потрогала чайник, стоящий на столе. Открыла коробку, которую мы нашли с Элен, достала документ, глянула мельком.

— Не молчи, — сказал я.

Ольга молчала.

— Элен! — позвал я. — Элен!

— Не ори, — сказала Ольга. — Нет ее здесь.

— А где она?

— Откуда я знаю? В Дублине, к примеру. Ты часто к ней заходил?

— Вчера и позавчера.

— До этого?

— Ну, год, наверное, не заглядывал… — пробормотал я, чувствуя, как наползает ужас.

— Она уехала год с лишним назад. Закончила делать свои выписки, скопировала то, что хотела, в обмен на другие документы. Ну и уехала. Надоело ей тут сидеть. Тебя что, не было тогда в Москве?

Я молчал.

— Кто же тебе голову задурил-то? — спросила Ольга. — Высший… Ты понимаешь, что был одурачен, одурманен, околдован? Кто бы тут ни был

— это не Элен Киллоран! Архив давно уже стоит пустой! Надо — спустился, свет зажег, закопался в каталоги и ищешь, что тебе надо!

— Знаешь, что самое плохое? — спросил я.

Ольга замолчала.

— Я помню, как Элен уезжала, — сказал я. — Она же вечеринку устраивала, прямо тут. Мы с ней даже танцевали. Я помню. Теперь — помню.

Глава 2

Картина была старая, похоже — итальянцы семнадцатого века. Ничего особенного, вид на венецианские каналы. Наверное, Гесер был знаком с художником или это место для него что-то значило.

Я сидел, разглядывал домики, мостики, гондолы и старался не обращать внимания на прохладу, волнами пробегающую по затылку. Будто колышутся рядом створки кондиционера, дуют холодным ветром…

— Пожалуй, хватит, — сказал Гесер. Тяжело опустил руку мне на плечо, вернулся за стол. Ольга сидела чуть сбоку, на приставленном стуле.

— Так что со мной? — спросил я.

— Наведенная амнезия. — Гесер посмотрел на

меня с легким удивлением, будто я сказал глупость. — Всего лишь наведенная амнезия. Тебя заставили забыть, что Киллоран шестнадцать месяцев назад покинула Москву. Поэтому, спустившись в архив и увидев… кхм… увидев там кого-то, выглядящего как Элен, ты преспокойно начал с ней общаться.

— Гесер, у меня стоят все положенные ментальные защиты.

— И даже несколько неположенных, я заметил. Дело в том, Антон, — Гесер крякнул, покачал головой, — что это наша промашка. Общая. Мы все хорошо закрыты от возможности навязать нам ложные воспоминания или исказить имеющиеся. Во всяком случае, от более слабых или равных по Силе Иных. Это означает, что никто, даже Высший, не сумел бы внедрить тебе в память некий образ, которого не было. Но…

— От стирания мы не защищены, — сказал я.

— От блокировки. Стирание памяти тоже вызвало бы защитную реакцию. А вот аккуратная блокировка — нет. Ты просто забыл, что Киллоран уехала. Вот и все.

— Но как она, — я поморщился, — если это «она», а не «он», прошла к нам в офис?

— С трудом, вероятно. — Гесер помолчал. —

Защита нашего офиса очень надежна. Но если допустить несколько факторов, то просочиться можно.

— Каких? — спросила Ольга с любопытством. — У меня есть и свои версии, но я бы хотела услышать.

— Высший уровень Силы, — сказал Гесер. — Цвет… Светлый или Серый. Отсутствие вредоносных намерений. При этих условиях преодолеть наложенные чары возможно. А умея стирать память — можно пройти и мимо охраны. Либо заблокировав у них воспоминания об отъезде уважаемой Киллоран, либо стерев вообще воспоминания о прошедшей мимо Иной. Я думаю, что, проверив всех, кто был на охране, мы найдем эти блоки, снимем их и узнаем день и час, когда она пришла.

— Ушла она только что, — сказал я. — Я ведь сразу после разговора двинулся искать Ольгу, она обещала сама отдать документ на перевод. А на самом деле явно вышла вслед за мной и смылась. Борис Игнатьевич, так кто это может быть? Светлых Высших мы всех знаем, нас не так много, даже отставников. Серые — это Инквизиторы?

— Не обязательно, — сказала Ольга. — Это могут быть Иные в процессе смены цвета. Сам знаешь,

случается потрясающе редко, обычно с Высшими. Иногда цвет меняется до конца, иногда застывает посередине, как у Инквизиторов.

— Высший, могущий быть любого цвета, — сказал я. — Прекрасно. Чувствую себя идиотом.

— Не надо, — сказал Гесер. — Если я за свою довольно долгую жизнь не подумал об опасности амнезийного воздействия — то я и есть самый больший идиот.

— В любом случае влиять должен был Высший, — сказала Ольга. — И очень-очень профессионально. Мастерски.

— Я понимаю, к чему ты, — кивнул Гесер.

— И я тоже, — пробормотал я. — Вампиры. Даже самый слабый вампир — мастер амнезии.

— Причем не только из-за секрета в слюне, — кивнула Ольга. — Высший вампир — мастер иллюзий. Это мог быть даже мужчина… Ты там с ней не целовался, Антон? А то, может, это не вампирша, а вампир был.

— Тьфу на тебя, — ответил я.

Ольга засмеялась:

— Ладно-ладно, я Свете ничего не скажу.

— Еще раз тьфу, — сказал я с чувством. — Спасибо за попытку меня развеселить, но я в порядке. Борис Игнатьевич, больше ничего нет? Вмеша-

тельств, маячков?

— Нет. — Гесер покачал головой. — Все было сделано ювелирно. Как ни трудно мне это предположить, но возможно — наш незваный гость желал добра.

— Будь он самым что ни на есть Темным, умирать ему тоже не хочется, — кивнула Ольга. В ее сумочке, лежащей на полу, звякнул телефон, Ольга наклонилась, достала его, молча приложила к уху. Помолчала, что-то выслушивая. Сказала: — Понятно. Продолжайте.

— Из архива? — спросил я, когда Ольга спрятала телефон.

— Да. Все чисто. Следы пребывания постороннего есть, но ни человеческие методы, ни наши ничего не дают. В общем, и не ждали… Антон, ты хотел что-то узнать у Гесера, когда искал меня.

Гесер приподнял бровь, посмотрел на меня. Спросил:

— Хотел узнать у меня, а пришел к Ольге?

— Вопрос деликатный, — объяснил я. — Гесер, кто стоит над тобой?

— Не понял. — Гесер начал хмуриться сильнее.

— Ты глава Светлых Москвы. Ну и всей России, конечно. В какой-то мере, наверное, и сопредельных территорий, да?

— В какой-то мере, — сказал Гесер. — Это все мой тибетский империализм, видишь ли. Ну и то, что Ночной Дозор Киргизии, к примеру, возглавляет Иной второго уровня.

— Кто возглавляет Светлых Европы? А всего мира?

— Ответ простой в обоих случаях, — сказал Гесер. — Никто.

— Этого не может быть.

— Кто глава всех людей земного шара?

— Про ООН не будем, — сказал я. — Но при всем моем старомодном человеческом патриотизме — США самая сильная страна мира.

— Разумеется, — отмахнулся Гесер. — Однако они не возглавляют мир по одной поразительно простой и смешной причине, которую я не буду сейчас объяснять. У людей нет самого-самого главного правителя. У Иных — что Светлых, что Темных — тоже.

— А если потребуется? — спросил я. — Документ из архива датирован одна тысяча двести пятнадцатым годом. И кто-то подписал его от имени Света. Если вдруг сейчас потребуется решать какой-то очень важный вопрос…

— Его и требуется решать, — сказал Гесер. — И об этом я уже сообщил всем региональным до-

зорам, как Ночным, так и Дневным. В письме, которое подписано мной и Завулоном, заверено клятвой Света и клятвой Тьмы.

— И что? — спросил я напряженно.

— Дальше будет так, как уже несколько раз случалось в истории. Мне и Завулону будет дано право принимать решение от имени Света и Тьмы. Формально мы будем главными. В решении этого вопроса.

— Так просто? — воскликнул я.

— Демократия в ее высшем выражении. — Гесер ухмыльнулся. — Хотя нет, скорее это похоже на тот коммунизм, который мы хотели когда-то построить. Два разумных и ответственных чело… кхм… бывших человека, обладающие достаточными знаниями и жизненным опытом, волей судьбы оказавшиеся в нужном месте и в нужное время, облекаются правом решать за всех.

— Ефремов, — сказал я.

— Хороший был дядька, жаль, что человек, — кивнул Гесер. — А на самом деле — простая целесообразность.

— То есть две стороны мы нашли, — сказал я. — Это уже хорошо. Теперь ведьмы, оборотни, вампиры и непонятно что.

— Если, конечно, мы все поняли правильно, —

сказал Гесер скептически. — Ведьмы — да. Все остальное — я не уверен.

— Уже работаем, — сказала Ольга. — Все ориентированы на новые данные.

— Что мне делать? — спросил я.

— Родных навести, — посоветовал Гесер.

— Пока обожду, — ответил я. — Поскучают.

— Тогда работай, — сказал Гесер. — Ольга, что у нас есть на гражданку Юлию Хохленко?

— Да ничего у нас нет, — кисло сказала Ольга. — Три страницы ориентировки. Родилась в одна тысяча восемьсот девяностом, в Малороссии. Потом обитала в Киеве, Одессе, Питере, Москве. У нас и осела. Четверть века назад была выбрана Бабушкой.

— Молода она для Бабушки-то, — усмехнулся Гесер. — Жаль, Арина ушла. Вот она-то была хороша. Или Лемешева. А эта Хохлова…

— Хохленко, — поправила Ольга.

Гесер только отмахнулся:

— Не важно. Не факт, что фамилия настоящая. Скорее прозвище, по месту рождения. Что там с ее Германом?

— Вынуждены были разрешить очередное омоложение, — со вздохом сказала Ольга. — Я потом тебе расскажу. Вот, как раз собиралась отправить

ей бумагу.

— Она же не в Дозоре? — спросил, прищурившись, Гесер. — Давай-ка разомнись, Антон. Ты отвезешь, ты и поговоришь с ней.

— Что могу рассказать? — уточнил я.

— В пределах разумного — все.

— Что нам нужно?

Гесер фыркнул.

— Сам должен понимать. Нынешняя Всеобщая Бабушка. Глава Конклава.

— Если не захочет говорить? — спросил я, вставая.

— Силовых действий не предпринимай, это уж точно, — сказал Гесер. — В таком случае поеду я. Но постарайся справиться. Я сам сейчас навещу Хену.

— А я отправлюсь к московскому Мастеру вампиров, — сказала Ольга. — Время пока есть, но не стоит его терять.

Юлия Хохленко, глава московских ведьм, Бабушка по их терминологии, слишком сильно не молодилась. Может быть, в силу должности. Может быть, из каких-то иных соображений.

Выглядела она, конечно, не на век с четвертью. От силы лет на шестьдесят. Худощавая, обаятельная, с густыми черными волосами —

окружающие наверняка считали, что она их красит.

Работала Баба Юля в обычном муниципальном детском садике «Солнышко» на юго-востоке Москвы. Даже не заведующей — воспитательницей. Как родители, так и дети в ней души не чаяли.

У входа в садик я навесил на себя простое, но очень удобное заклинание «свой парень». После этого можно было не беспокоиться, как пройти мимо охранника, что подумают попавшиеся навстречу нянечки и воспитательницы — каждый из них видел во мне кого-то знакомого, привычного, имеющего право тут находиться. Охранник сердечно пожал мне руку, воспитательницы улыбались, даже суровый похмельный электрик, возившийся с лампой дневного света, выдавил скомканное приветствие.

В ориентировке, которую мне дала Ольга, было сказано, что Юлия Тарасовна Хохленко ныне работает воспитательницей в старшей группе. Садик был маленький, в девяностые годы, когда москвичи практически не рожали, половину садика отгородили и сделали там частный лицей. Но времена сменились, лицей из второй половины садика выселили, сейчас там копошились таджики-гастарбайтеры, штукатуря, крася и на-

стилая полы. Кажется, даже все одновременно. Скоро «Солнышко» обещало расшириться.

Я поднялся по лестнице со смешными двойными перилами — одни на уровне руки взрослого человека, другие ниже — для малышей. Толкнул дверь, на которой была наклеена цветная картинка, вырезанная из какой-то детской книжки: Баба-Яга в ступе и с метлой в руках, вошел в помещение старшей группы.

На меня уставилось тридцать пар глаз. Старшая группа детского сада «Солнышко» как раз вернулась с прогулки. Кто-то уже успел переодеться, кто-то путался в полуснятых комбинезонах и штанах, кто-то даже шапку не снял.

Через мгновение меня захлестнул вал из орущих и галдящих детей.

Если вы думаете, что шестилетний ребенок — ничто по сравнению со взрослым, то на вас никогда не бросалось тридцать дошколят.

— Вы что! — завопил я, когда меня повалили на пол, больно приложив головой о сушилку для обуви. Чей-то мокрый валенок свалился мне на лицо. Тридцать пар рук вцепилось в меня.

Да неужто сумасшедшая бабка превратила своих подопечных в охрану?

— Дядя Дима! — радостно вопил какой-то свет-

ловолосый пацаненок, навалившийся на меня.

— ДядяПашадядяПашадядяПаша! — верещала рыжая девчонка.

— Папа! Папа! — едва ли не со слезами радости на глазах вопил толстый конопатый мальчишка.

— А ну-ка кыш все отсюда! — раздалось надо мной, и дети отступили. Юлия Тарасовна выступила — иначе и не скажешь, откуда-то из комнат, где обитала ее группа. — А не то сварю из вас суп, давненько я молодого мясца не ела!

Дети с хохотом разбежались.

— Всем переодеться, пописать и мыть руки! — скомандовала Юлия Тарасовна. А мне протянула руку, помогая подняться. Я, впрочем, старушкиной помощью пренебрег, встал сам — опасливо поглядывая на малолеток. Сказал:

— Здравствуйте, Юлия Тарасовна.

Ведьма была в ярком цветастом платье, а по обилию бус, браслетов и колец могла поспорить с любой цыганкой. Ну что тут скажешь — ведьмы, магия артефактов…

— И ты здравствуй, Антон Городецкий, Светлый маг, — негромко сказала Хохленко. — Что ж ты, Великий, на себя «обаяшку» навесил, в детский садик входя? Неужто не знаешь, что дети на магию отношений в двенадцать раз сильнее

реагируют?

— Как-то не доводилось проверять, — признался я. — Ваша охрана?

— Ну что ты так, Антон! — обиделась Юлия Тарасовна. — Разве ж можно так о детках? Да хоть бы и охрана — что в том плохого? Три десятка дошкольников в ограниченном пространстве способны задержать, искалечить или даже убить взрослого человека.

— Шуточки у вас, Бабушка, — сказал я. — Где мы можем поговорить?

— Заходи, — вздохнула ведьма. — Только разуйся, у меня тут санитария и гигиена. Дети все-таки!

Мне пришлось дожидаться минут десять, прежде чем Хохленко загнала всех своих подопечных в спальню, распихала по кроватям — и вышла в игровую комнату. Выходя, она что-то сделала, я почувствовал слабое дыхание Силы — и через миг эмоциональный фон вокруг изменился. Дети уснули. Все, разом.

— Ай-ай-ай, — сказал я.

— Обычно я такого не делаю, — строго ответила Юлия Тарасовна. — Но ты же хотел поговорить.

Я кивнул. К моей радости, в игровой комнате была пара нормальных, человеческих размеров

стульев, а то бы пришлось скрючиваться на детском или стоять.

А еще в игровой комнате был кот.

Пока дети не улеглись спать, он сидел на шкафу и умывался. Огромный рыжий котяра, с мордой настолько добродушной, что это выглядело подозрительным. На меня кот поглядывал с умилительным радушием.

Когда дети ушли, кот спрыгнул, подошел ко мне и запрыгнул на колени. Тут же повалился на спину, подставив пузо.

— Вот же зараза, — сказал я.

Но брюхо коту все-таки почесал.

— Любишь животных? — поинтересовалась Юлия Тарасовна, усаживаясь напротив меня.

— Обожаю, — сказал я. Достал из кармана рубашки сложенный вчетверо листок, протянул ведьме: — Вот официальное разрешение Ночного Дозора на использование вами магии с целью продления жизни коту Герману.

— Ох, спасибо, — обрадовалась ведьма, бережно расправляя, разглаживая, рассматривая — и снова складывая и пряча куда-то документ. — Вот радость-то старушкина, вот счастье-то.

— Немецкой породы кот? — спросил я, ссаживая Германа на пол и отряхивая брюки от рыжих

волосков.

— Нет-нет, наш, русский, дворовой породы. А имя получил в честь второго космонавта планеты, Германа Титова!

Я чуть не поперхнулся.

— Очень он мне понравился, — доверительно сообщила Юлия Тарасовна. — Юрик, конечно, обаятельный, одна улыбка чего стоит! Но мне Герман больше нравился. Мужчина! Герой! К тому же — второй. Представляешь, Светлый, как трудно быть вторым? Тот же подвиг — но ты второй. И навсегда им останешься. Пятому не так обидно. Десятому. А вторым быть — тяжкий груз навсегда.

— М-да, — пробормотал я. — Крайне занимательно. Против кота-то директор садика не возражает? Санитария, гигиена…

Хохленко расхохоталась. Кот запрыгнул ей на колени, привычно свернулся клубком. Ведьма погладила его привычным движением.

— Ой, Антон, ой, умора… Ну кто ж мне возразит-то?

— Сделаю вид, что я этого не слышал, — хмуро сказал я. — Юлия Тарасовна, я к вам не из-за этой бумаги пришел.

— Да уж понимаю, что Высшие курьерами не

работают, — сразу посерьезнела Хохленко. — Позволь догадаться? Визит твой связан с тем пророчеством? Нужна тебе Бабушка Бабушек, глава Конклава?

— Вы, я вижу, еще и пророчествами подрабатываете, — сказал я.

— Тут пророчествовать не надо, Антон. Тут голову на плечах надо иметь.

Я кивнул.

— Впрочем, Завулон держит меня в курсе дела, — сказала Хохленко задумчиво. — Так что я знаю. Кое-что.

Спрашивать, знает ли она про архив и то, что меня обвели вокруг пальца, я не стал.

— Мне нужна встреча с главой Конклава, — сказал я. — С Ведьмой Ведьм, Бабушкой Бабушек, Прабабушкой — как ни зови. Я знаю, что эту информацию вы никому не выдаете, тем более Светлым. Но вы сами понимаете — это не для зла.

— Ваше добро нам тоже не в радость, — хмыкнула Юлия Тарасовна.

— Мы все можем погибнуть, — сказал я. — Весь мир. Все Иные. Все люди.

— Может, давно уже пора? — спросила Хохленко негромко. — Все заслужили, если уж честно

говорить. Полной мерой. И люди, и Иные.

Она на миг замолчала. Подняла на меня взгляд — тяжелый, твердый. Не хотел бы я встретиться с ней один на один ночью в темном лесу. Впрочем, и светлым днем в шумном городе — тоже. Если она сочтет меня врагом.

— Понимаю, — сказал я. — Вы же украинка, верно? Да, у вас там нынче…

— Я малоросска, — сказала ведьма. — Хохлушка. Украинкой меня не зови — обидишь.

Я кивнул:

— Понимаю.

— Что там нынче творится — дрянь, да в девятнадцатом при Симон Васильиче и не такое бывало, — сказала Хохленко. — А что, где-то лучше? Русская дурь да пьянство? Американское чванство и лицемерие? Европейское фарисейство? Азиатская жестокость?

— Это все люди, — сказал я.

— А мы лучше? — спросила ведьма. — Что наши, что ваши… Может, и пускай оно, а?

Я перевел взгляд на полуоткрытую дверь спальни, где лежали в своих кроватках дети. Свешивались из-под одеял ручки-ножки, валялись на полу носки и сандалеты.

— Они тоже виноваты? — спросил я. — Им тоже

умирать?

— Всем когда-то умирать, — ответила ведьма. — Они, может, и не виноваты, но это пока… Все рано или поздно будет… Сто лет назад я бы парочку из них точно в поросят превратила, от греха подальше.

Я позволил себе улыбнуться.

— Неужто можете, Юлия Тарасовна?

— Как знать? — Она погладила кота. — Нет у меня для тебя хорошего ответа, Светлый.

— Юлия Тарасовна, Гесер же спросит в Инквизиции, — бросил я наугад.

— Пусть хоть заспрашивается, — фыркнула ведьма. — То дело наше, бабье. Ничего Инквизиция о том не знает.

— Я все равно узнаю, — сказал я. — Так или иначе.

— Тьфу! — Старушка взмахнула рукой. — Да что ж ты дурак такой, а? Ты и так знаешь. Бабушка Бабушек — знакомая твоя!

— Как? — растерянно сказал я. — Но как… она же цвет сменила!

— Ведьма не обязана Темной быть, — отрезала Хохленко. — Сменила и сменила, ее дело, лишь бы законов не нарушала.

— Но она…

— Знаю. Ты ее в Саркофаг Времен посадил. До конца вселенной.

— Ее все равно что нет, — сказал я. — Можно сказать, что умерла!

— Можно, да нельзя. Она не умерла. Она в тюрьме сидит. А что тюрьма вечная и магическая — то ничего не меняет. Собирались мы, Бабушки, на Конклав. Обсуждали. Нельзя, никак нельзя другую Бабушку Бабушек избрать, пока Арина жива.

— Она вечно будет жить.

— Значит, и будет вечной главой Конклава.

— Глупо! — воскликнул я. — Глупо это, глупо! Надо менять правила в такой ситуации! Если с нами не будет главы Конклава — мы не сможем ничего сделать!

Некоторое время Хохленко строго смотрела на меня. Потом сказала:

— Иди домой, Светлый. Ищи, что ищешь, — не думаю я, что все твои дела в старую ведьму уперлись. Сегодня ночью мы, Бабушки, на свои разговоры соберемся.

— И выберете новую? — спросил я с надеждой.

Хохленко пожала плечами.

— У вас есть шанс? — зачем-то спросил я.

— Тебе-то что? — удивилась ведьма. В глазах ее мелькнула застарелая обида. — Нет. У нас не

принято дважды подряд из одной местности брать. Протекционизм, знаешь ли, и у ведьм существует, никому это не нравится. Иди, Антон. Я позвоню тебе завтра утром.

— Мой номер…

— Знаю я твой номер. — Она вздохнула. — Иди уж. Ты тут все-таки натоптал, а мне еще пол мыть. Нянечек не хватает, уборщиц не хватает, зарплата в садике маленькая. Ты же за швабру не возьмешься? Тебе мир надо спасать. Вот и иди, спасай.

На полдороге к офису я остановил машину, запарковавшись под знаком «Остановка запрещена». Смысла в знаке не было совершенно, я здесь никому не мешал. Включив «аварийку» и порывшись в бардачке, я нашел пачку сигарет, закурил. Сделал погромче радио.

Арина…

Насколько все было бы проще, будь она на моей стороне. Старая ведьма много чего знала, много чего умела и отличалась железной устремленностью к цели. Но я посадил ее в Саркофаг Времен. В тот момент это казалось единственным разумным выходом. Красивым таким… С самопожертвованием…

Вот только меня вытащил Тигр. Испугался, что

Надя сорвется и ринется с ним в обоюдоубийственный бой. Арина осталась в Саркофаге.

А действительно ли мне было бы с ней проще? С чего я взял, что она не нашла бы в гибели всего живого позитивный смысл, как ее коллега и, похоже, в свое время соперница Юлия Тарасовна?

Ведьмы — их не поймешь. Что Темные они, что Светлые. Все равно думают иначе. Женщины…

Я вдруг понял, как хочу увидеть Светлану и Надю. Коснуться их. Или хотя бы позвонить и поговорить минутку. Мобильные у них выключены и батареи вынуты, все в лучших традициях конспирологии. Но я знаю номер обычного городского телефона. И у меня есть никому не известная сим-карта для телефона, купленная у московской мечети у торговца-таджика (ничего особо криминального, просто сим-карта, удобная для звонков в Среднюю Азию и без предъявления любых документов).

Нет, глупо. Если меня всерьез пасут — то звонок отследят. А я не хочу никому давать такую возможность. В конце концов, если прижмет, то Светлана сама позвонит мне на мобильный.

С ведьмами пока непонятно. Вся надежда на то, что сегодня они соберутся на свой шабаш и выберут новую Бабушку Бабушек. Надо ждать. И

надо доложить.

Я достал телефон — и тот зазвонил в моих руках. Появилась фотография шефа (не спрашивайте, как мне удалось его сфотографировать, Гесер терпеть не может фото– и видеосъемок), заиграла бравурная музыка:

— Та та-та та та-та-та-та, та-та та-та,

Та-та та-та, та-та та-та та-та та та.

Все Высшие по-своему позеры. Бабушка российских ведьм работает в детском саду и моет грязные горшки. Главный Светлый Москвы не любит, когда ему звонят, и предпочитает позвонить сам за секунду до твоего решения.

— Слушаю, Гесер.

— Как твой разговор с Бабушкой? — спросил шеф.

— Хм… — Я задумался на миг, пытается ли шеф говорить иносказательно или сам не заметил туманность сказанного. — Бабушка говорит, что Бабушка ее, Арина, жива, и никто не заменит живую Бабушку. Но сегодня Бабушка собралась вечерять с подружками, и они хорошенько поговорят об этом.

— Значит, Арина, — сказал Гесер. — Я практически не сомневался. Ясно.

— Вас плохо слышно, шеф, — покривил я душой

против истины. — Вы далеко?

— В Праге, я же говорил.

Значит, Гесер отправился в Инквизицию через портал. На такое расстояние и так быстро — портал у него был приготовлен заранее. Хотя чему я удивляюсь? Обратное было бы странно.

— Как котик? — спросил я.

— Котик? Котик Бабушки? — Мне вдруг удалось озадачить Гесера. — Ты об этом толстобрюхом Германе?

— Нет, я про другого котика, — осторожно сказал я. — Ну, у которого врожденные стоматологические проблемы.

Мне послышалось какое-то ворчание и бурчание на заднем фоне. Гесер что-то коротко сказал на незнакомом мне языке. Потом сообщил:

— Хена просил передать, что парочка больших клыков — это вовсе не проблема. Наоборот. И если ты сомневаешься, он любезно приглашает тебя на охоту.

— Приношу уважаемому Хене свои извинения, — сказал я. Посмотрел в зеркало и показал сам себе язык.

Блин, ну кто же знал, что Хена там рядом!

— И не сообщил ли почтеннейший Хена, не является ли он бесспорным лидером среди… э…

своей… своих…

— Любезнейший Хена сказал, что он старейший из своей породы, — сказал Гесер. — Еще он сказал, что у них нет, не было и никогда не будет общего лидера, ибо это противоречит самой их сути. Он сообщил это твердо и ясно, на языке охотников на мамонтов, в котором просто не существовало понятия лжи.

— Понятно, — разочарованно сказал я.

— Так что Принимающие Облик — это не оборотни. Думай, Антон.

Шеф прервал связь.

Я несколько секунд сидел, тупо глядя перед собой. Не оборотни. Вот так облом. Ведьмы — да, вампиры — да. А оборотни не вошли, какая жалость. Никто не любит бедных оборотней. Даже девочки-старшеклассницы выбирают гламурных вампиров.

В стекло с моей стороны деликатно постучали. Я повернулся. Немолодой грузный инспектор ДПС сладко улыбнулся мне и сделал рукой жест, приглашая опустить стекло.

Я торопливо нажал кнопку, стекло поползло вниз. С моих пальцев сорвался столбик пепла, прямо мне на штаны — закуренная пять минут назад сигарета истлела в пальцах.

— Блин… — сказал я и рефлекторным движением выкинул окурок под ноги инспектору.

— Мужик, ну ты совсем охамел! — воскликнул инспектор с восхищением. — Нет, ну просто совсем! Встал под знаком «Стоянка запрещена». Хорошо, с аварийкой… Вижу, ты по телефону говоришь… Что же, я не зверь, всякое бывает! Я не зверь?

— Не зверь, — растерянно согласился я.

— Останавливаюсь позади, — продолжал инспектор.

Я глянул в зеркало — и впрямь машина ДПС с включенным проблесковым маячком стояла сзади. Видимо, давно стояла.

— Стою жду, — продолжал инспектор. — Думаю, сейчас совесть у человека проснется! Нет, не просыпается. Еще и язык мне в зеркало показал. Слушайте, вы же взрослый и разумный человек. У вас совесть есть?

— Есть, честное слово! — воскликнул я.

— Договорил, — продолжал инспектор перечислять мои прегрешения. — И продолжает сидеть! Хорошо, мы не гордые. Вышли, вежливо постучали… И ты что делаешь? Открываешь окошко и швыряешь в меня окурок!

— Извините, — сказал я.

— Остановка под знаком. Выброс мусора из машины… — Инспектор запнулся на миг. — Честно говоря, даже не помню, что за это положено.

— Оштрафуйте меня, — сказал я. — Я виноват кругом, отпираться не буду. Хотите — штрафуйте, хотите — права отбирайте.

— Права не за что, — со вздохом сказал инспектор. — Ты же не пьян?

— Нет.

— А рожа у тебя вообще-то такая, будто ты выпил.

— Проверьте, — вздохнул я. — У меня вообще такая рожа. По жизни.

Некоторое время инспектор смотрел на меня. Потом наклонился, принюхиваясь. Я выдохнул.

— Что случилось-то? — спросил инспектор с внезапной нотой сочувствия.

— Жена, дочь… — сказал я. Тут же поправился: — Нет, не подумайте, живы-здоровы, только…

— Только далеко, — сказал инспектор.

— Да. Ну и…

— С ними говорил?

— Нет. С шефом.

— Головомойку получил?

— Типа того.

— На работе плохо?

— Кризис.

Инспектор кивнул. Предложил:

— Позвони жене. Сам, первый позвони.

— Не могу, — сказал я. — У нее и мобильник выключен.

Инспектор вздохнул:

— Понятно. Но стоять тут нельзя.

— Я не буду, — кивнул я.

— И курить бросай, — добавил инспектор. — У нас в стране идет борьба с курильщиками. То есть с курением. Премьер-министр бросил курить, а у него работа нервная. Значит, и ты сможешь.

— Смогу, — кивнул я. — Я редко курю. Расстроился просто.

Инспектор погрозил мне пальцем.

— И в зеркало смотри! Что оно, для красоты в машине повешено?

— Зеркало не для красоты, — согласился я.

— Верно. Оно не твой помятый облик должно отражать, а то, что поважнее.

Я молчал, тупо глядя на инспектора.

— Ты точно не пил? — спросил он.

— Вы даже не представляете, какую важную вещь сейчас сказали, — произнес я. — Вы сами этого не понимаете. Спасибо вам огромное! Спасибо!

Инспектор отступил на шаг, покачал головой.

— Езжай-ка ты домой. Слышишь меня? Спокойно и медленно езжай домой. У тебя голова чем-то другим забита, тебе сейчас за руль садиться нельзя. Если хочешь, я поеду впереди, ты за мной.

— Вы очень светлый человек, — сказал я. — Но вы не беспокойтесь. Я в аварию не попаду. Все будет хорошо.

Инспектор еще раз покачал головой и пошел к своей машине.

Я поднял стекло. Посмотрел в зеркало. Сказал вслух:

— Какой же я идиот. Зеркало.

Глава 3

Я подъехал к ВДНХ через девятнадцать минут, что по меркам Москвы вообще малореально, а учитывая зимние дороги и дневное время — просто немыслимо. Если бы добрый инспектор, отпустивший меня, видел, как я еду, — он бы меня проклял.

Всю дорогу я ехал в машине, закрытой «сферой невнимания» — меня не видели, но все равно пытались уступить дорогу пустому месту. К тому же я проглядывал линии вероятности — непре-

рывно.

Большая часть линий заканчивалась разбитой в хлам машиной, столбом дыма и многокилометровой пробкой. Хорошему настроению это не способствовало, но я все-таки выдирал из предвидений все возможное и невозможное.

Тут перестроиться, обогнать, перестроиться снова, выскочить на встречку, обойти идущую по левой полосе «бэху» и вернуться в левую полосу прямо перед носом несущегося «КамАЗа»…

Тут затормозить и две минуты плестись по пустой дороге, потому что какой-то умник полил ее не тем антиобледенительным реагентом, и дорога превратилась в каток.

А тут выжать полный газ. Через узкий переулок. Под кирпич.

Просто потому, что я знаю — никто не поедет навстречу и никто не выскочит на дорогу.

…Ну ладно, я-то так езжу в экстренной ситуации и то потому, что я Высший Иной. Но какого фига так ездят обычные люди, двадцатилетние пацаны, которым папа сдуру подарил машину?

И только у ВДНХ, когда я проезжал мимо старенькой гостиницы «Космос», у меня зазвонил телефон, который я, к счастью, уже привязал к магнитоле машины.

— Да! — ответил я.

— Антон, это Павел, — сказал оперативный дежурный, которому я звонил четверть часа назад.

— Слушаю!

— Егор Мартынов, двадцать восемь лет, неинициирован, работает иллюзионистом, лауреат…

— Короче!

— Нет его в Москве, — обиженно сказал Паша. Он любил тщательные доклады.

— Где он?

— В настоящее время живет и работает в Париже, выступает…

— Он там и находится сейчас? — требовательно спросил я.

— Да. Ты бы знал, каких усилий мне стоило…

Я развернулся над туннелем под улицей Галушкина. Для драматизма стоило бы развернуться через двойную сплошную, но вот незадача — ближе был нормальный разворот. Можно было попробовать доехать через МКАД, но там сейчас стояла глухая пробка — занесло грузовик, и он перегородил три полосы…

— Паша, всю информацию, как его найти, — мне на мейл. Билет на ближайший рейс в Париж. Когда он будет?

— Я уже посмотрел, через час двадцать. Из

Шарика.

— Бери билет. Рейс не должен улететь без меня.

— Только бизнес, — сказал Паша. — Тебе Гесер подпишет расходы? А за командировочными заедешь?

Я засмеялся.

— Паша, бери мне билет. Мои паспортные данные есть в базе.

— Вот бы меня кто так командировал, — буркнул Павел. — Билет я взял. Вообще-то я его взял, прежде чем позвонить.

— Спасибо, — сказал я. — Я тебе магнитик привезу.

— Бутылку коньяка, — ответил Паша.

Париж не так уж и далек от Москвы, хоть самолету и приходится делать крюк, облетая многострадальную украинскую землю. Я искренне надеялся, что занятый своими делами в Праге Гесер узнает о моем вояже, когда я уже буду во Франции. А может быть, и по возвращении.

В отличие от забитого (Павел не соврал) салона экономического класса бизнес был полупустым. Кресло рядом со мной было пустым, да и в соседнем ряду было занято лишь крайнее, у иллюминатора, где сел толстый солидный муж-

чина, еще до взлета натянувший на глаза маску для сна и задремавший. Я в отличие от него выпил приветственное шампанское, пообедал (или поужинал — это уж как кто привык). Я попросил себе бокал коньяка и подумал о том, не подремать ли часик-другой.

Мысль была соблазнительной. Остаток дня никакого покоя не ожидалось, так что…

Я повернул голову. В соседнем кресле сидел Гесер и мрачно смотрел на меня.

— Шеф, — сказал я. И осторожно ткнул в Гесера пальцем.

К моему удивлению, рука не прошла насквозь. Палец уперся в полосатый кардиган, в котором последнюю неделю щеголял Гесер. Кардиган был моднючий, из какой-то особо тонкой шерсти, с вытянутыми деревянными пуговицами, подарила его шефу Ольга — в общем, вещь достаточно узнаваемая.

— Напился, что ли? — спросил Гесер.

— Шеф, это нечестно, — возмутился я. — Гаишник такое заявлял, но вы-то…

— Да у тебя рожа такая, будто ты только что пил, — буркнул Гесер, и я твердо решил, что, если все обойдется, пойду к косметологу. Что ж у меня такое с лицом?

— Вот. — Я протянул ему бокал. — Все, что собирался употребить.

Гесер понюхал коньяк, нажал на кнопку вызова стюардессы. Та возникла рядом немедленно — и тут же растерянно заметалась взглядом по сторонам.

— Это бизнес-класс, пройдите на свое место… — жалобно попросила она.

— Вы же умная женщина с хорошей памятью, Раиса Алексеевна, — сказал Гесер. — Вы помните всех прошедших мимо пассажиров и знаете, что меня на самолете в момент взлета не было.

Стюардесса растерянно улыбнулась.

— Это ровно такой же случай, как девчонки рассказывали в училище, — продолжал Гесер спокойно. — Пассажир из ниоткуда. Не надо бояться, это действительно хорошая примета, рейс пройдет без происшествий. Меня здесь не будет через четверть часа. Принесите мне бокал коньяка и пятнадцать минут посидите в своем закутке.

Стюардесса кивнула, метнулась вперед, звякнуло стекло, потом она возникла снова — с полным бокалом коньяка.

— Все будет хорошо, — буркнул Гесер. — И у Дарьи Леонидовны доброкачественная опухоль,

не волнуйтесь за нее. Все, идите.

— Гесер, к чему это позерство? — спросил я, когда стюардесса Раиса Алексеевна исчезла. — Тебе проще было внушить ей, что ты пассажир. А ты читал ее память, проверил судьбу… Кого?

— Тетка. Но она ее воспитала, почти как мать.

— Так зачем?

— А зачем глава московских ведьм работает воспиталкой в детском саду? — спросил Гесер. — Елозит шваброй по грязному полу и вытирает детям грязные попы? К чему Хена помимо Инквизиции работает волонтером?

— В организации по защите животных? — не удержался я.

— В госпитале для неизлечимо больных психически. Антон, все мы, и Светлые, и Темные, в той или иной мере нуждаемся в показухе. Мы все отрицаем свою человеческую сущность, но при этом возимся с людьми, помогаем им… Или вредим им… И красуемся перед ними.

— Даже вы, Борис Игнатьевич.

— Даже я, Антон.

Мы помолчали, глядя друг на друга. Молча свели бокалы. Выпили по глотку коньяка. Басовито гудели моторы, Гесер поморщился, повел рукой — и звук ушел куда-то, оставшись на грани

слышимости.

— Я уже старенький, глуховатый, шума не люблю, — пояснил Гесер.

— Трах-тибидох… — сказал я.

— Это ты к чему? — нахмурился Гесер.

— Да так… Посмотрите как-нибудь фильм «Старик Хоттабыч».

Гесер ничего не ответил. Вопросительно смотрел на меня.

— Зачем вы сюда? — спросил я. — Наверное, трудно так, прямо в летящий самолет…

— Не то слово, — сказал Гесер. — Но он пролетал над Прагой, был в поле зрения, это сильно облегчило работу.

— Шеф, я завтра планирую вернуться.

— Понимаю. Почему ты мне не доложился?

Я пожал плечами.

— Принимающий обличья. Зеркало. — Гесер кивнул. — Да, это вариант. Мы разрабатываем его с самого утра. Наряду с оборотнями это основная рабочая версия. Но раз оборотни отпали, то мы сосредоточились на Зеркале.

— И не сказали мне? — поразился я.

— А зачем? — удивился Гесер. — Антон, ты не герой-одиночка. Ты работаешь в команде. И то, что твои жена и дочь да и ты сам замешаны в

происходящем, ничего не меняет. Ты часть команды! Понимаешь? И ты не должен срываться посреди рабочего дня и уноситься в Париж, по делу, срочно!

— Гесер, там Егор.

Гесер вздохнул.

— Я знаю, Антон.

— Это мальчишка, которого ты… Мы использовали. Подставили.

— Антон, он один из нас. Слабоуровневый Иной, потенциально — Светлый. И, потенциально, Зеркало. В той ситуации, которая, напомню, привела к твоему браку со Светланой и рождению Надежды, нам нужно было использовать кого-то.

— Взяли бы взрослого.

— Нужен был неинициированный Иной с потенциалом зеркального мага. Они нечасто встречаются.

— Гесер, это аморально!

— Аморально, когда идет война и по городам работает артиллерия и бомбардировщики! — рявкнул Гесер. — Аморально, когда люди называют людей недочеловеками и загоняют в концентрационный лагерь. Привлечь для полицейской операции несовершеннолетнего, с которым, заметь, ничего не случилось, — вполне допустимо.

— Он в итоге отказался становиться Иным.

— Пятнадцать процентов в среднем отказываются, — сказал Гесер. — Не он первый, не он последний.

— Он по-прежнему Зеркало? — спросил я.

Гесер кивнул:

— Да, Антон. Это его судьба. Тут уж ничего не поделать. Если он станет Иным — он утратит эту судьбу. Но он же отказался.

— Есть еще неинициированные Иные с неопределенной аурой? — спросил я. — Способные стать Зеркалом?

— Ищем, — ответил Гесер. — По всему миру ищут.

— То есть нет? — уточнил я.

— Я был уверен, что в каком-то Дозоре окажется такой на примете, — сказал Гесер. — В конце концов, Зеркало не обязано быть одно. Егор жил себе, поживал, а в Москву приехал Виталий Рогоза.

— Он приехал после того, как Егор отказался становиться Иным, — заметил я. — Возможно, способность «плавающая». Перескочила с Егора на Виталия, потом с Виталия обратно на Егора…

— Икота-икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова — на всякого, — буркнул Гесер. Сделал глоток коньяка. — Мы ищем, Антон.

— Но никого не нашли, — сказал я.

— Да. И поскольку версия «Зеркало» стала у нас основной — нам нужен Егор.

Я кивнул.

— Антон, отправляйся домой, — мягко попросил Гесер. — Ты все здорово и быстро сообразил. И быстро нашел. Но теперь позволь мне поговорить с парнем.

— Вы с ним говорили шестнадцать лет назад? — спросил я.

— Антон!

— Гесер, это моя операция, — сказал я. — Отправляйтесь в Москву. Думайте над остальными пунктами. Выясняйте про Двуединого — кто он и что он. А Егор — на мне.

— Ты убедишь его прийти к нам? — спросил Гесер.

— Нет, я дам ему выбор.

— Антон, я приказываю… — начал Гесер.

— Борис Игнатьевич, вы не можете мне приказывать, — сказал я. — Во-первых, я равен вам по силе и веду собственное расследование на основе собственных данных и предположений. Отбирать у меня мое дело вы не вправе.

— Во-вторых? — спросил Гесер.

— Я могу уйти из Дозора в любой момент.

— Есть «в-третьих»? — уточнил Гесер.

— Попробуйте только меня остановить, Великий, — сказал я.

Гесер вздохнул.

— Нет, все-таки пока человек не проживет Иным лет двести, с ним очень трудно иметь дело. Хорошо. Работай. И учти — нам не нужен Светлый Егор. Нам нужен Егор — потенциальное Зеркало.

Он залпом допил коньяк, поставил бокал на подлокотник между нашими креслами.

И исчез.

Я вздохнул и закрыл глаза. Потом открыл один глаз и покосился на подлокотник. Бокал Гесера, из которого он пил, был полон.

Все-таки это была иллюзия, а не шеф во плоти. Просто очень-очень тщательная иллюзия.

Я взял бокал Гесера и выпил одним глотком. После чего закрыл глаза и уснул.

Контроль таможенный, контроль пограничный, контроль для Иных… Я вышел из Шарля де Голля, встал в хвост коротенькой очереди к такси и набрал дежурного.

На связи по-прежнему был Павел.

— Что, уже в Париже? — с нескрываемой завистью спросил он. — Тепло там у вас?

— У них. Да уж, теплее, чем у нас. Плюс пять

примерно. Где Егор?

— Тебе адрес?

— Нет, мне надо знать, где он сейчас. Точнее — где будет через час.

Паша картинно вздохнул:

— Предупреждал бы заранее… Через час Егор будет ужинать поблизости от здания Биржи. Учти, это не предвидение, это перехват его разговора. Он встречается с каким-то другом, они собирались пообедать.

— Ух ты, — сказал я. — Красиво живут простые русские фокусники! Селятся в Париже, ужинают в центре…

— У него на счете меньше сотни евро, — скептически сказал Паша. — Так что — фокус не удался.

Подошла моя очередь, я сел в такси, попросил:

— Emmenez-moi a Bourse de Paris, s'il vous plait.

Не знаю, выглядел ли я похожим на человека, который примчался из Москвы в Париж, чтобы срочно что-то сделать на Бирже. К примеру — продать пару нефтяных месторождений, а купить завод по производству одеколона и виноградник.

Наверное, все-таки нет.

Пару раз темнокожий водитель пытался завязать со мной разговор. Спрашивал, первый ли

раз я в Париже, откуда прилетел и нравится ли мне во Франции. Я отвечал односложно, признавшись, что не первый раз, прилетел из Москвы и во Франции мне нравится.

Последнее сразу вызвало симпатию водителя. Настолько, что он принялся напевать что-то о «прекрасной Франции», видимо, абсолютно классическое, ибо даже я эту песню слышал.

Еще лет сто назад, наверное, такой французский патриотизм темнокожего человека воспринимался бы с иронией. Сейчас — в порядке вещей.

Может, стоило и Иным раскрыться? Ну, в пятнадцатом веке — рано, нас бы жгли на кострах. И в двадцатом могло нехорошо получиться. А в двадцать первом-то чего? Гомосексуализм — можно и почти что нужно. Черный, желтый цвет кожи — прекрасно. Отсутствие конечностей, тяжкие болезни — повод максимально втянуться в общественную жизнь. Любые религии, почти любые убеждения (ну, конечно, если ты в Европе проживаешь).

Что тут особенного в Иных? Ну, умеем кое-что. Так атомная бомба все равно посильнее будет, а спецслужбы позагадочнее.

Приняли ведь люди факт, что городом или страной управляет мужик, входящий вечером в

спальню с другим мужиком. Приняли бы и Иных, способных входить в Сумрак.

В конце концов, мы бы могли распустить слух, что мы все — геи, сатанисты и генетически больные! Тогда нас ни в коем случае нельзя было бы обижать.

Я тихо рассмеялся.

Водитель продолжал болтать без умолку. Хвалил Париж, гордился Францией и советовал мне обязательно пить вино, а не водку. Потому что русские пьют много водки, а надо пить много вина. Только обязательно французского. Все остальные народы не умеют делать вино. Только в Алжире еще умеют. А больше нигде. Русские делают водку, британцы — виски, американцы — бурбон. Это все плохо, хотя водка еще ничего. А французы делают вино, коньяк и кальвадос. Хотя он этого ничего не пьет, потому что мусульманин. Разве что немножко вина и немножко кальвадоса. И то не в пост. Но всегда готов рассказать пассажиру про хорошие напитки. Особенно когда видит, что пассажир любит и умеет выпить.

— Да вы что, сговорились… — тихо сказал я. Достал смартфон, включил программку «Зеркало», мысленно усмехнувшись аллюзиям. Посмотрел на свое лицо.

Мятое лицо, верно. Усталое. Круги под глазами. Глаза красные, невыспавшиеся.

Тяжело далось мне посещение школы.

Ну да, можно принять за конченого алкаша.

— Спасибо за советы, — сказал я. Мы ехали уже по центру Парижа, надо было собраться. — Я обязательно попробую все то, что вы советовали.

Закрыв глаза, я вытащил из глубин памяти образ Егора — каким он был в тот миг, когда я его впервые увидел. Лицо, рост, фигура, одежда — все это было не важно.

Аура остается с человеком навсегда. Ее формирование заканчивается годам к двум-трем (иногда чуть раньше, иногда чуть позже), и в дальнейшем ее слепок надежнее отпечатка пальцев. Да, меняются цвета — в зависимости от настроения и состояния человека, но общий рисунок все равно неизменен.

Так бывает со всеми, кроме людей с неопределенной судьбой. Уже в том возрасте, когда я впервые увидел Егора, в двенадцать лет, такие ауры практически не встречаются. После двадцати их вообще невозможно увидеть. Но Егор, насколько я помнил по случайной встрече несколько лет назад, по-прежнему был неопределенным.

Его аура была переливчатой и разноцветной. В ней менялись все цвета — и ни один не задерживался надолго. Одно мгновение он мог выглядеть как законченный негодяй, другое — как добрейший на земле человек, через минуту полыхал интеллектом словно гениальный ученый, а еще через миг — тускло мерцал какими-то олигофреническими крохами интеллекта.

Даже для человека это было чересчур. Но Егор был еще и потенциальным Иным. А это меняло все. Конечно, он мог быть просто инициирован — и в зависимости от состояния стал бы Светлым или Темным. Но неопределенная аура делала его еще и возможным Зеркалом. Егора мог инициировать сам Сумрак. Он частично утратил бы память, обрел возможность работать на любом уровне Силы — копируя уровень и способности соперника. А потом — выполнив предназначение, прожив короткую жизнь Темного или Светлого и устранив «перекос» в силах сторон — развоплотился бы. Полностью.

Почему Сумрак в данном случае был столь жесток, что не позволял своему инструменту просто вернуться в прежнее состояние — человеческое или Иное, — я не знал. Но, судя по всем известным ранее случаям, Зеркало исчезало полностью.

Есть Иной — есть проблема, нет Иного — нет проблемы…

Я расслабился. Представил мысленно огромную серую равнину. Утыкал ее сплошь силуэтами домов. Набросал бесчисленное множество разноцветных точек.

Примерно так должен выглядеть Париж в Сумраке…

А потом я представил, что сверху на меня падает ослепительный свет, тень моя обретает четкие контуры, и я проваливаюсь в нее, будто в прореху реальности…

И я оказался в Сумраке.

Грубо сколоченная корявая телега плавно катилась по проселочной дороге. В одном направлении с нами и навстречу тоже ехали повозки, тачки, телеги. Без лошадей.

Призрачный силуэт водителя, в этом мире — возницы, белозубо улыбался мне с козел. В руках у него были вожжи, концы которых повисли в воздухе.

Сумрак, конечно же, не наполнен самобеглыми телегами. Но каждый уровень Сумрака так или иначе повторяет наш мир. Первый — в наибольшей мере. Иногда он похож на наш, только лишен цвета и размыт. С опытом, с более частыми

входами на первый слой Сумрака, он начинает выглядеть иначе — как некая проекция, некая «идея вещей». То есть современный автомобиль может выглядеть как современный обесцвеченный автомобиль. А может — как старинный рыдван. А может — как телега. Возможно, что и как верховой динозавр.

Гесер, когда я однажды спросил его об этом, ответил просто: «Видимое в Сумраке есть результат взаимодействия внешнего мира и человеческого сознания. Когда внешний мир меняется непредсказуемо и нереально — сознание наполняется фантазиями».

Наверное, так оно и есть.

Я по-прежнему в машине, в стареньком, но приличном «рено», которое едет по Парижу. Вот только на первом слое Сумрака картина, которую видят мои глаза, изменилась настолько, что воспринимать ее я не могу. И вижу нечто другое…

Ладно. Телега так телега. Главное, что люди в Сумраке не меняются, только становятся медлительными…

Я окинул взглядом сумеречный Париж. Зафиксировал в сознании теплый зеленый цвет. Это умиротворение, спокойствие — самые редкие чувства у людей в большом городе. Их встретишь

только у наркоманов и едва-едва отвалившихся друг от друга любовников. Так… Фиксируем… Выдерживаем… Убираем зеленое…

Теперь желтый. Вначале солнечно-желтый, яркий и чистый. Невинная детская радость. Признание в любви и первый поцелуй. Прочитанная чудесная книга. Убираем.

А теперь синий. От прозрачного голубого и до глубокого индиго. Интеллектуальная работа. Прозрения, догадки, радость познания и открытия. Тоже нечастый гость в больших городах.

Белый. Самопожертвование и самоотверженность. Человек, подписывающий бумагу о донорстве почки маленькому племяннику. Полицейский, с успокаивающими словами и разведенными руками идущий на психопата с ружьем наперевес и собственным сынишкой в заложниках. Убираем.

Красный. От авроры до авантюрина. От разбеленно-розового и до багрового, если вам никогда не было интересно — как же называется все то, что мы видим. Красный — самый разнообразный и яркий. Любовь и страсть. Оргазм и боль. Праведная ярость солдата и низменная похоть насильника.

Я смывал цвета один за другим. Отсеивал, от-

брасывал — все устоявшиеся, успокоившиеся ауры. Всех людей, всех Иных, до кого мог дотянуться взгляд. Остались несколько разноцветных трепещущих детских аур — я заставил себя не видеть тех, кто слишком мал и слаб.

Мир выцвел окончательно, заколебался между серым и сепийным, будто пытаясь, но уже не в силах обрести цвет.

Лишь впереди по дороге пылала одна-единственная аура. Переливчатая и разноцветная. Неопределенная судьба.

— Arretez ici, — попросил я, выходя из Сумрака. Протянул купюру в пятьдесят евро (на счетчике было сорок три). — C'est pour vous.

Биржа была чуть дальше — красивое огромное здание, уже подсвеченное на фоне потемневшего неба. Я прошел метров пять — и оказался у широкого проема в стене. Больше всего это походило на просторный гараж, открытый настежь. Вот только в «гараже» стояли столики, на которых горели лампы и свечи. Сидели люди — одетые и нарядно, и просто. Какое-то странное место, не из роскошных «мишленовских» ресторанов, но и не из забегаловок.

Я нашел взглядом Егора — он сидел ко мне спиной, в середине зала. Беседовал о чем-то с

мужчиной средних лет, солидным и неспешным в движениях — тот аккуратно разминал вилочкой бифштекс по-татарски.

К сожалению, мест не было. Маленький столик за спиной Егора как раз заняла молодая парочка. Мне было очень неудобно, но я не колебался. Посмотрел на пару, потянулся через Сумрак.

Есть им сразу расхотелось. Они вскочили и слились в поцелуе. Официант (да, похоже, и хозяин ресторанчика одновременно) зааплодировал при виде такой страсти. Кто-то из посетителей его поддержал.

Парочка оторвалась друг от друга, растерянно оглядывая окружающих. Возможно, они зашли сюда, чтобы выяснить отношения перед расставанием. А может быть — просто поболтать и разойтись на время.

Но теперь все изменилось. Единственное, чего они по-настоящему хотели, — оказаться наедине и без одежды. Извиняясь, смущаясь, даже отворачиваясь от любопытных взглядов, парочка выскользнула из ресторанчика. Я понял, что до дома ни к ней, ни к нему они не доедут. Прямо сейчас, на углу, снимут до утра номер в маленькой гостинице — и скрип кровати будет одновременно и мешать спать, и восхищать соседей. Что ж.

По крайней мере у них будет совершенно волшебная ночь в Париже.

Я прошел и сел за освободившийся столик. Предположительный хозяин явно не ожидал этого, но спорить не стал. Подошел с улыбкой — какой-то очень профессиональной улыбкой.

— Je voudrais une bouteille de vin rouge, — сказал я. — Je prends ce que vous recommandez.

Официант с замашками хозяина — или хозяин, работающий официантом, — кивнул и исчез в маленькой двери в конце зала.

Я поискал взглядом курящих. Убедился, что вокруг никто не курит — Европа…

В этот миг заговорил Егор. По-русски:

— Это непременно станет популярным, мсье Роман. Вы же видите — тут пустого места нет.

— Только что парочка убежала, — прожевывая сырой фарш и запивая его красным вином, сказал «мсье Роман». Кем надо быть, чтобы, разговаривая с соотечественником, слушать это «мсье» и не одернуть, мол, «давай по-простому». Уродом надо быть! — К тому же владелец действительно известный клоун, пусть и давно на пенсии. Место очень удобное. Аренда, несмотря на это, дешевая. И ресторанчик маленький.

— Последнее — сомнительный плюс, — сказал

Егор с напряжением.

— Дорогой мой, — снисходительно сказал Роман. — Этот ресторанчик держится не за счет изысканных блюд — они весьма банальны, не за счет интерьера или даже месторасположения. Вся фишка в хозяине. В том, что он садится на колени к дамам и отпивает из твоего бокала вина. Падает, но при этом не роняет ничего с подноса. Танцует и напевает «La danse des canards», вынося тебе утиную грудку с апельсинами.

— Но в том-то и…

— Егор, ты прекрасный иллюзионист и престидижитатор, — покровительственно произнес Роман. — И я рад буду предоставить тебе антрепризу в моем ресторане. Но я сразу говорю — у тебя не получится повторить путь этого клоуна. Ты не сможешь развлекать сразу всех посетителей ресторана. Твои иллюзии — занятие индивидуальное. За пять шагов уже ничего интересного не видно. А если ты будешь обходить каждого посетителя и вытаскивать у него монеты из ушей — скоро свихнешься.

— Я не вытаскиваю монеты…

— Егор! Оставим это, — мягко сказал Роман. — Если найдешь себе маленький зальчик вроде этого и хорошую команду — я готов войти в долю.

Напополам. Большой зал — не твое.

Вернулся хозяин, поставил передо мной бутылку красного вина. Загадочно глянул, щелкнул пальцем по донышку — пробка пулей вылетела в потолок. Рядом кто-то засмеялся. Я картинно поаплодировал. Мне был налит бокал вина, после чего хозяин извлек из кармана зажженную сигарету. Затянулся, пустил дым в потолок. Протянул сигарету мне. Я сделал пару затяжек. Хозяин с улыбкой забрал сигарету — и исчез за дверью.

Что ж, физиономист из него очень хороший!

— Жаль, Роман, — сказал тем временем Егор. — Ну, как знаешь. Насчет выступлений у тебя… Может быть, сейчас и обсудим?

Роман торжественно поднял руку, посмотрел на массивный «Патек Филипп». Покачал головой:

— Увы, дела. Вынужден бежать, друг мой. Позвони… Лучше послезавтра.

Все бы ничего, но «Патек Филипп» был сделан в Китае и стоил полсотни баксов — если на рынке в Пекине, и целых сто — если на развалах в Париже.

Я разозлился.

— Послезавтра вам звонить не стоит, — сказал я, беря бокал и придвигая свой стул к их столику. — Завтра вы весь день проведете с мел-

ким русским олигархом, пытаясь уговорить его вложиться в ваш ресторан. Истратите на это последние деньги, а зря, вино он вообще не любит, лобстеров ненавидит. Послезавтра вы будете просить у банка отсрочки по кредиту. Так что Егору не стоит звонить вам завтра, послезавтра… Да и вообще не стоит.

Роман смотрел на меня, открыв рот. К идеально белоснежному пластиковому зубу прилип комочек кровавого фарша.

— Рот закрой, — посоветовал я. — И выметайся.

В последние слова я вложил чуть-чуть Силы — слишком мало, чтобы это вообще считать воздействием, но достаточно, чтобы парижский ресторатор русского происхождения вскочил как ошпаренный.

— Городецкий, ну ты нахал! — с восхищением сказал Егор.

— Кстати, здравствуй, — сказал я.

— Привет!

К моему удивлению, он даже вскочил и облапил меня.

— Ну, Городецкий… Если ты скажешь, что мы встретились случайно…

— Конечно, нет, — сказал я. — Я тебя искал. Уж

извини.

Егор махнул рукой:

— Извиняю. Ты вино будешь?

— Я со своим, — перетащив бутыль со столика, сказал я. — Мы в гости без подарков не ходим. А ты… — Я запнулся.

— Вырос? — усмехнулся Егор.

— Нет, вырос ты давно. Но как накачался! Замастерел, в общем!

Егор и впрямь выглядел атлетом. Со спины я думал, что все дело в куртке, но она оказалась ни при чем. Широкие плечи, наверное, Егору дали занятия плаванием в детстве, но, похоже, он и последние годы не валялся на диване.

— Зато ты такой же, как был, — сказал Егор. — Только…

— Спился? — обреченно спросил я. — Мне тут несколько раз сказали…

— Устал. Ты какой-то совсем помятый и печальный. Что-то стряслось?

Я кивнул.

— Я расскажу. Только давай сядем, выпьем. Съедим чего-нибудь. Я прямо с самолета. Там, правда, хорошо кормили…

— Что случилось? — спросил Егор, глядя мне в глаза. — Я, может, мысли читать и не умею, но у

тебя все на лице написано.

— Кризисная ситуация, — сказал я. — Если в двух словах… Какая-то древняя хрень ожила и хочет всех прибить.

— Ктулху, — кивнул Егор.

— Какой такой Ктулху? — не понял я. — А, Лавкрафт…

— Совсем ты от жизни оторвался, — сказал Егор. — Лет на двадцать. Ты даже бородатых анекдотов не понимаешь. Ладно, неведомая хрень хочет всех убить. Кто эти все? Иные?

— Вначале Иные. Потом люди. Может быть, даже и звери. В общем — все.

— Наверное, это какой-то ботаник, — предположил Егор. — Стремится защитить растительный мир.

— Тебе надо комиксы сочинять, — сказал я. — Фантазия хорошая, а нервы еще крепче.

— У меня было трудное детство, — ухмыльнулся Егор. — Антон, зачем пришел? Рассказывай.

— Я хочу тебя инициировать, — мрачно сказал я.

— Париж, конечно, город широких взглядов, — сказал Егор. — Самое место для таких предложений.

— Егор, ты должен стать Иным, — сказал я. —

Ну поверь мне!

— Я что, как-то могу помочь в сражении с вашими Ктулху? — фыркнул Егор. — Прекрасно помню, что мне уготован на всю жизнь самый низкий уровень Силы.

— Егор, это все равно здорово. Ты продлишь свою жизнь, очень значительно. Станешь непревзойденным в профессии. Сможешь помочь близким…

— Антон, я довольно молодой и уже вполне известный иллюзионист, — сказал Егор. — То, что у меня сейчас на счету пусто, — не трагедия. У меня два предложения, одно из них — из цирка «Дю Солей». Приму — сразу получу хороший аванс. Ты же можешь видеть, что я не вру? Тогда продолжу. У меня жена, которую я реально люблю. Я ей несколько раз изменял, было дело, ругался на нее порой, но я ее люблю. У меня сын, ему три годика.

— Поздравляю, — неловко произнес я. — Это…

— Спасибо. Кстати, назвали Антоном.

Я захлопнул рот.

— Ну, все-таки самые яркие впечатления детства, — с улыбкой продолжил Егор. — Не Гесером же было называть и не Завулоном. Антон имя хорошее, во Франции тоже в ходу, его в садике

Антуаном зовут.

— Это очень трогательно… — начал я.

— К тому же у жены любимого деда Антоном звали. — Егор насмешливо улыбнулся. — Спасибо за заботу, но мне по-прежнему не хочется становиться Иным.

— Вот окажешься в больнице с сердечным приступом или занесет машину на дороге — пожалеешь, — сказал я.

— Без сомнения. Но пока — не хочу.

Я допил бокал. Хорошее вино.

— Егор, ты не просто слабый Иной. Ты — потенциальное Зеркало.

— И что это значит? — Он нахмурился.

— В случае сильного дисбаланса между Тьмой и Светом ты изменишься. Превратишься в зеркального мага, чья Сила неограниченна и равна Силе противника. Светлого или Темного, по ситуации. Победить такого — крайне сложно.

— Пока не вижу причин для паники, — сказал Егор.

— Ты изменишься самопроизвольно. Без всякой инициации. Ты потеряешь часть памяти и будешь, осознанно или нет, действовать так, как угодно Сумраку.

— Вот это уже звучит неприятно, — признал

Егор.

— И когда ты выполнишь свою функцию, ту, которую тебе навяжет Сумрак, ты исчезнешь.

— Умру? — крутя в пальцах бокал, спросил Егор.

— Не знаю. Просто исчезнешь. Развоплотишься.

Некоторое время Егор молчал. Потом кивнул:

— Да. Это совсем не радует.

— А это может произойти, — сказал я. — Есть данные… В общем, среди тех, кто может остановить апокалипсис, должен быть зеркальный маг. Поэтому я и предлагаю тебе инициацию. Светлый, Темный… Какая в Сумраке разница! Если ты станешь Иным, то уже не сможешь превратиться в Зеркало.

— И кто станет им вместо меня?

— Не знаю, — пробормотал я. — Кого-нибудь найдем, уверен.

— Ты изменился, Антон, — негромко сказал Егор. — Стал гибче. У вас, выходит, вообще нет другого кандидата, кроме меня? Но ты готов меня инициировать, чтобы я не погиб?

— Да. Потому что… — Я осекся.

— Потому что ты набит комплексами и сомнениями, как настоящий русский интеллигент, —

бросил Егор. — В твоем сознании я до сих пор маленький мальчик, которого подставил твой любимый шеф. Шестнадцать лет назад тебя ткнули мордой лица в то, что добро — не обязательно добро, зло — не всегда зло, а ты — не в белых одеждах, а в потертых джинсах и рубашке с грязным воротником.

— Пошел ты со своим психоанализом… — Я начал заводиться и повысил голос.

— И ты хоть и смирился, хоть и привык играть с совестью в жмурки, но до конца не успокоился! — выкрикнул Егор. — То, что вы меня использовали, было первой подлостью, которую ты заметил. Так себе подлость-то, если разобраться. Фиговинка! Но у тебя, видать, зудит. Тебе хочется закрыть ту историю — насовсем. Торжественно меня спасти, к примеру. И тогда ты успокоишься. Будто если исчезнет та мелкая уступка совести — она сотрет все последующие. Так?

На миг мне захотелось врезать Егору по лицу. Со всей дури. Я даже начал привставать, и что-то, похоже, мелькнуло у меня в глазах — Егор чуть прищурился и напрягся.

— Stop de vous disputez, les filles! — весело сказал хозяин, ставя передо мной блюдо. Два маленьких медальона из телятины были украшены

тремя ломтиками жареной картошки, веточкой петрушки и затейливыми вензелями ягодного соуса.

Одновременно хозяин слегка оперся мне о плечо. Сильно так оперся. И заглянул в лицо. Глаза у него были мрачные, тяжелые. Ох уж эти клоуны, никогда я им не доверял!

— А ты в него файерболом! — посоветовал с улыбкой Егор. Повернувшись к хозяину продолжил: — C'est de ma faute. — Снова глянул на меня, добавил: — Дожили, за гомиков приняли! — И снова обратился к хозяину: — Desole!

— Desole, — согласился я. На нас и впрямь неодобрительно косились. Не потому, конечно, что приняли за ссорящихся геев — просто не комильфо ссориться так громко.

Хозяин улыбнулся — улыбка была широкой и насквозь искусственной, как у всех клоунов, — и ушел.

Я начал ковыряться в медальоне.

Егор отпил вина.

— Извини, — сказал я.

— Извини, — одновременно произнес Егор.

Мы посмотрели друг на друга и захохотали. А через мгновение весь ресторанчик, повернувшись в нашу сторону, принялся аплодировать!

— Ой, мама родная, — сказал я. — Они же и впрямь…

— Городецкий, у нас, в Париже, нельзя обманывать ожидания публики, — картинно вздохнул Егор. — Теперь нам придется стать настоящими европейцами.

— Слушай, я сейчас отсюда телепортируюсь куда-нибудь… — начал я.

— Куда-куда? — заинтересовался Егор. — Бросаешь?

И это вызвало у нас обоих совершенно идиотский приступ хохота. В окружении доброжелательных французских улыбок все это было и впрямь смешно, но я мог лишь надеяться, что история никогда не станет известна в Дозоре.

Надо мной же полвека хихикать станут!

— Так что насчет инициации? — жуя медальон, спросил я. — Будешь, кстати?

Егор взял вилку, нацепил второй медальон.

— Нет, конечно. Я поеду с тобой… Где вам нужно Зеркало?

— Пока не знаю. Собираемся в Москве, наверное. Егор, ты понимаешь, на что идешь?

— Антон, ты мне объяснил, что через неделю ожидается конец света. И я — или кто-то такой же, как я — могу это предотвратить. Пусть даже

ценой своей жизни. Ты думаешь, у меня действительно есть выбор? У какого-либо нормального человека может быть выбор в такой ситуации?

Я покачал головой.

— Конечно, я поеду, — сказал Егор, жуя телятину. — А готовят тут средне. Неплохо, но… У меня был куда лучше повар на примете. Хорошая была идея — ресторан «Иллюзия»!

— Если останемся живы — я пробью тебе финансирование, — сказал я. — Только сделаешь ресторан «Дружественным к Иным», у нас есть такая партнерская программа.

— Заметано, — кивнул Егор. — Но я не останусь. Я вообще думаю, что должен был на самом деле остаться там, у ВДНХ, в подворотне — белый и обескровленный. Просто ты поторопился. — Егор усмехнулся. — И дал мне шестнадцать лишних лет. Ты не думай — я это ценю. Ты же сам ничего толком не умел, у тебя на лице полнейший ужас был.

— Помнишь? — спросил я.

— Конечно. Я ни на минуту не забывал. И не сомневался, что рано или поздно все закончится так.

— Все? — глупо переспросил я.

— Все. Это получилось… ненастоящее время.

Заемное. В долг. Все пошло неправильно, поэтому я и живой. Но словно понарошку.

— Прости, Егор, — сказал я.

— Да ладно тебе, дозорный. Я давно уже не злюсь.

— Мы все живем в долг, — сказал я.

— Давай лучше говорить «в кредит»? Так солиднее звучит. — Егор поискал взглядом хозяина — тот поглядывал на беспокойных клиентов, — размашисто расписался в воздухе пальцем. Хозяин кивнул и склонился над кассовым аппаратом. — Можем прямо сейчас в Москву поехать.

— А с женой и сыном попроща… — Я осекся. — Встретиться перед дорогой не хочешь?

— Жена и сын в Ницце. — Егор улыбнулся. — Моих звонков она не ждет.

— Ты же говорил, что любишь ее!

— И я не врал, Антон. Вот только я не говорил, любит ли она меня до сих пор…

От необходимости что-то отвечать меня избавил зазвонивший телефон.

Это был Павел.

— Антон, я уже не на смене, — позевывая, сказал он. — Но Гесер велел позвонить тебе в восемь с четвертью по Парижу и сказать, что два билета на рейс Париж — Москва, вылетающий в двадцать

два тридцать, тебе заказаны. На тебя и Егора.

— Понятно, — сказал я. — Ты билеты брал?

— Да. Ругаться на Гесера будешь?

— Нет.

— Тогда спокойной ночи.

Я спрятал телефон в карман и кивнул Егору.

— Уговорил, летим прямо сейчас. У вас, в Парижах, как принято — вызывать такси или на улице ловить?

Глава 4

В кабинет Гесера я вошел в десять утра. Из Парижа мы прилетели в пять утра, после чего я довез Егора до ВДНХ, где по-прежнему жила его мать, лишь после этого поехал к себе и поспал от силы часа три.

Что-то героическое в этом было. Как и в непроницаемо-сдержанном выражении моего лица.

— Доброе утро, шеф, — сказал я. — Егор приехал в Москву, остановился у матери. Он готов при необходимости участвовать в наших операциях.

— Хорошо, — сказал Гесер, с любопытством изучая мое лицо. — Молодцы. Я рад.

— Могу я идти? — спросил я.

— Кхм… — Гесер замялся. — Это все? И никаких

вопросов, споров и обвинений?

— Нет, — сказал я. — Можно идти?

— Подожди, — сказал Гесер. — Сядь.

Я послушно сел напротив.

— Антон, ты имеешь полное право возмущаться, — сказал Гесер. — Но я тебе вначале объясню — даже никакой магии в этом нет! Только психология. Понимание движущих людьми и Иными мотивов. Уговорить Егора приехать в Москву и согласиться на самоубийственную миссию мог лишь ты, да и то если бы искренне отговаривал…

— Шеф, я понимаю.

— Поэтому мне… — Гесер осекся. Нахмурился. — То есть действительно понимаешь? И не обвиняешь? И согласен, что Егор нужен?

— Мне крайне это неприятно, — сказал я. — Мы парню с детства жизнь испортили. Но ставки слишком высоки. Ни его, ни моя, ни ваша жизнь никакого значения не играет.

Гесер помолчал. Покрутил в пальцах авторучку. Зачем-то включил стоящий на столе ноутбук — и тут же захлопнул крышку.

— Так я пойду? — спросил я. — Или есть какая-то информация?

— Есть, — сказал Гесер хмуро. — Во-первых, я не

стану больше играть с тобой втемную. Извини. Я не заметил, что ты действительно вырос.

— Принимается, — сказал я.

— Во-вторых, у меня нет полной уверенности в том, что нам нужно Зеркало. Аналитики дают тридцать процентов за Зеркало, двадцать за оборотней и пятьдесят — на что-то, чего мы не знаем. Не переживай за парня раньше времени, возможно, что он тут вообще не при делах.

— За это спасибо, — искренне ответил я.

— Третье — у Ольги какие-то проблемы с нашими кровососами, — сказал Гесер. — Иди к ней, она хотела все обсудить.

СМС застигла меня перед дверью в кабинет Ольги. Я достал мобильник, глянул. Номер был незнакомый.

«Бабушки всю ночь судили да рядили. Нет согласия. Завтра ночью второй сход. Юлия Тарасовна».

Да что ж это такое! Мир стремительно несется к своему концу, а эти старые ведьмы не могут выбрать себе новую Прабабушку. Хотя бы временно! Все равно есть изрядный шанс, что никто из Шестого Дозора не переживет встречи с Двуединым.

Но нет, они будут снова и снова собираться и спорить, кто из них старее, вреднее и гадостнее!

Я спрятал телефон и вошел к Ольге. Великая стояла у окна и курила в открытую форточку. Дым вытягивался на мороз мощной серой струей.

— Это вредно и запрещено правительственными указами, — сказал я.

Ольга кисло посмотрела на меня. Спросила:

— В Париже был?

— Ага.

— Завидую. Я как-то там провела замечательнейший год…

— У меня получилось пять часов, но тоже было неплохо, — согласился я. — Что там с вампирами?

— А что там с ведьмами?

— Обсуждают. Этой ночью опять соберутся.

— У вампиров… Сложно все у вампиров. Дело в том, что Мастер Мастеров погиб.

— Все-таки Лилит! — воскликнул я.

— Нет, Антон. Ты удивишься, но вовсе не она. Про эту Лилит даже среди вампиров никто ничего не знал. Уточни у Завулона, кто она вообще такая была.

— Почему я?

— Завулон к тебе хорошо относится, — сказала Ольга без тени улыбки. — Нет, Мастер Мастеров был всего лишь трехсотлетним польским

евреем.

— Еврейский вампир? — поразился я. — Как-то он лихо нарушил все талмудические запреты.

— Не спорю. Так вот, был это действительно сильный вампир, с одной лишь слабостью — алкоголизмом. — Ольга щелчком пальцев отправила окурок за окно, закрыла форточку и села за стол.

Я сел напротив и сказал:

— Какая-то чушь! Крепкий алкоголь их сжигает!

— Крепкий. Он довольствовался кровью сильно выпивших людей. Отчасти это его и сгубило.

— Напился и попал под поезд? — скептически предположил я.

— Хуже. Поругался с главой варшавского Дневного Дозора. С которым всегда был в приятельских отношениях. Кончилось дуэлью.

— Ой-ой… — сказал я.

— Вампир проиграл, хотя шанс у него был. Высший против Высшего, маг обычно посильнее, но вампир был поопытнее… Но проиграл, полагаю — поскольку был пьян. Попал под «серый молебен».

— Почему я не слышал? — удивился я.

— Потому что это было в одна тысяча девять-

сот восемьдесят первом году. Поссорились они, кстати, на политической почве — глава Темных был убежденным коммунистом и поклонником Ярузельского, в то время как вампир…

— Ольга, стоп! — Я поднял руки. — Меня не интересуют политические взгляды вампиров тридцать лет назад. Почему у вампиров с тех пор не было Мастера Мастеров?

— Да потому что новый Мастер Мастеров появляется, убив предыдущего. А если предыдущий погиб не от руки вампира — то за звание нового должны сразиться не менее двенадцати Мастеров — и остаться должен только один. Они, конечно, с технической точки зрения уже мертвые, Антон. Только жить все равно хотят. Один идиот, который бросает вызов Мастеру Мастеров, рано или поздно находится. А вот двенадцать придурков, которые отправятся на смертный бой, — такого пока не нашлось. И еще лет сто может не найтись. Профит с этого поста никакой, разве что самолюбию льстит. А проблем — выше головы.

— Matka Boska, jak mógł Wampir-Żyd zginąć od «Szarego Nabożeństwa» Ciemnego komunisty? Jak w ogóle u ich w głowach to godziło się? — воскликнул я.

Ольга иронически покосилась на меня.

— Ты что, Антон, вчера «Петрова» на себя наложил?

— Ну да, — смутился я. — Французский я не знаю, но для простоты общения… Как ты узнала?

— Ты сейчас по-польски возмущался, — хмыкнула Ольга. — «Петров» ведь вколачивает не один язык, а пятнадцать самых употребительных. Надо же, никогда не думала, что польский входит.

— Но как все-таки его угораздило?! — Я ударил кулаком по столу. — Мастер Мастеров — еврей! Это ведь оксюморон! Иудей не имеет права пить кровь!

— Он был нерелигиозным, — сказала Ольга с улыбкой.

— А глава Темных — коммунист? Как у него все это уживалось с научным атеизмом?

— Он объяснял способности Иных исключительно с материалистической точки зрения. Антон, хватит возмущаться. Это уже случилось, причем давно. Вампиры не особо рвались выбрать нового Мастера Мастеров. Не хотят и сейчас. Через три дня они собирают Высокую Ложу, но я бы не питала лишних надежд.

— Ольга, почему так? — спросил я. — У Дозоров нет общего руководства, только региональное. У оборотней в принципе нет главных. У вампиров

и ведьм вроде как есть… А по сути, нет, сгинули главные — и вроде все только рады.

— Потому что мы одиночки, Антон, — ответила Ольга. — Мы даже не волки, те живут в стаях.

— Чушь, чушь, чушь! — Я взмахнул рукой. — Знаешь, что мне вчера сказал Егор? Я его предупреждаю, что не надо ехать. Предлагаю инициацию, чтобы он уже никогда не стал Зеркалом. А он говорит: «Да у какого человека тут могут быть сомнения, что тут выбирать-то!»

— Ну так он человек, — сказала Ольга. — Живой. Мятущийся. С идеалами и заблуждениями. А они — Иные. Вампиры. Нежить. И к тому же ты забываешь одну вещь, Антон. Именно вампиры, как мы теперь понимаем, считают себя самыми первыми Иными. Именно вампиры заключали договор с Двуединым. Может быть, они не так уж и рвутся с ним сразиться?

— Никто не любит кровососов, — кивнул я.

— Ты отстал от жизни, — сказала Ольга. — Их пиар-кампания была очень мощной, охватила почти все страны. Молоденькие девочки, если показать им настоящего вампира, сами с визгом кинутся к нему, подставляя шейку.

— Я тут недавно общался с молоденькой девочкой — она была не в восторге от вампиров.

— Так ее тетка сосала, — ухмыльнулась Ольга. — А был бы юный красавец, способный часами таскать ее на руках, — могло бы и иначе повернуться. — Она посерьезнела. — Пока мне помощь не нужна, Антон. Вампиры сидят в своем гнезде на Манхэттене…

— В Нью-Йорке?

— А где же еще? — удивилась Ольга. — Это их святыня! Мекка! Иерусалим! Там самое большое поголовье на душу населения, там самые старые ложи, клубы, салоны. Заведения легальные и нелегальные. Все там есть. Сейчас они будут судить и рядить, решать, что им выгоднее.

— И пить кровь.

— Да, конечно. — Ольга вздохнула. — Более того, поскольку сбор Мастеров в какой-то мере инициирован нами, я почти убеждена — им выдали дополнительные лицензии.

Я молчал.

— Жизнь — грязная штука, — сказала Ольга. — А жизнь после смерти — совсем уж мерзкая. Иди домой, Антон, и ложись спать. На тебе лица нет.

— Ведьмы тоже будут решать этой ночью, — сказал я. — Но я могу пока повозиться в архиве…

— Антон, ты работаешь в команде, — сказала Ольга. — Успокойся. Не пытайся успеть везде. Ты

притащил Егора — молодец! Теперь отдохни хотя бы до вечера. Все думают. Все читают документы. Все расспрашивают самых старых Иных. Ты заслужил отдых.

Я встал и кивнул:

— Хорошо. Даже спорить не стану. Но займитесь особо этой вампиршей, которая писала мне послания из инициалов укушенных. Она ведь ухитрилась прогнать Двуединого, верно?

— Ею занимаются, не сомневайся. — Ольга нахмурилась. — Во всех направлениях работают. А твое направление сейчас — к постели.

— Слушаюсь, — сказал я.

Вообще-то я мог открыть портал даже из офиса Дозора. Или со двора.

Но я сел в завулоновскую машину, отъехал, припарковался на обочине возле магазина фермерских продуктов и импортного алкоголя. Это была зона платной парковки, но я решил, что Великий Темный не обеднеет.

В магазине я приобрел бутылку вина (вино было не лучшим, но искать хороший винный не хотелось), два килограмма отменной говядины, молоко-творог-яйца-колбасу, кило яблок, свежего хлеба, понемногу разных сортов оливок и острых перчиков, фаршированных сыром.

Потом я вышел из магазина, достал телефон и спрятал в бардачке машины, отошел с тротуара в узкий пустой проулок, закрыл глаза, представил требуемое место, произнес требуемые слова и подался вперед, в открывшийся передо мной портал.

— Папочка! — радостно взвизгнула Надя. — Ура! Папа пришел!

— И подарки принес, — сказал я, открывая глаза. На мне немедленно повисла Надя. — Ну, я же мокрый и холодный! Погоди секунду!

— Я соскучилась, — ответила дочь. — И не хочу ничего ждать.

Портал в убежище провешивала Надя. По ее уверениям, отследить его не было никакой возможности. Но я все-таки не собирался этим злоупотреблять. Я обнял дочь. Через мгновение подошла Светлана, укоризненно сказала:

— Я уж думала, ты не решишься нас навестить.

— Меня Ольга отослала домой, велела отсыпаться. Я решил, что дом там, где вы.

— Правильно решил, — подтвердила жена, обнимая нас обоих.

— Пакеты уроните! — воскликнул я.

— Пакеты на кухню! — скомандовала Светлана. Надя, обиженно надув губы, подхватила пакеты

и понесла их «на кухню», то есть в нишу за занавеской.

— Хлеб, молоко, мясо, — гордо сказал я.

— Овощи принес? — деловито спросила Светлана.

— Овощи? — растерялся я.

— Ну да. В земле такие штуки растут, я их в суп кладу. Морковка, лук, картошка…

— Про овощи не подумал, — признался я. — Но я взял два кило хорошего мяса. Могу пожарить стейки! И кило яблок.

— Хотя бы помидоры? — спросила Светлана.

Я виновато развел руками. Попытался оправдаться:

— Но зато я взял колбасу, масло, яйца…

— В общем — все, где имеется холестерин, ты не забыл, — улыбнулась Светлана. — Ну хоть бы помидоров взял! Салата!

— Кому он нужен, этот салат! — возмутился я. — Да что вы все о еде? Новости вас интересуют?

— Ты есть хочешь? — спросила Светлана.

— Хочу, — признался я. — Хотя меня вчера в самолете хорошо кормили, да еще я в Париже немного перекусил.

Во взгляде Светланы появилось то ли восхищение, то ли возмущение.

— Я вижу, ты ведешь активную жизнь! Дорогой, почему ты не летаешь в Париж, когда я дома и могу что-то попросить?

— Вот, — сказал я, расстегивая куртку и доставая из кармана коробочку. — Что еще может привезти из Парижа бедный командированный? Два пузырька настоящих французских духов…

— Этот мой, этот мой, это самый модный запах сезона! — воскликнула Надя, хватая коробочку.

— С чего это вдруг? — возмутилась Светлана. — Я тоже хотела этот запах!

— Спокойно, второй точно такой же! — торжественно сказал я, доставая вторую коробочку.

Жена и дочь синхронно повернулись ко мне. Потом посмотрели друг на друга.

— Мужчины! — вздохнула жена.

— А ведь это папа. Он еще из лучших! — поддержала Надя.

— Да что же это такое! — возмутился я. — Вы обе хотели эти духи! Я привез каждой из вас по флакону! Что неправильно?

Они переглянулись снова. Надя покачала головой. Светлана сказала:

— Пошли, буду тебя кормить.

Обед вышел вкусным. Светлана приготовила то, что итальянец назвал бы «спагетти болоньез»,

но в них было слишком много мяса, так что скорее это были «макароны по-флотски». Пока я ел, Светлана смотрела на меня, потом сказала:

— Ольга права, тебе надо отдохнуть. Ты похож на…

— Алкоголика? — спросил я настороженно.

— Нет. На лирического героя Гребенщикова. Из песни «Мама, я не могу больше пить».

— Блин, — сказал я. — Что-то все мой вид ругают. Буду пить молоко. — Я поймал взгляд дочери. — Хочешь что-то спросить?

— Папа, а ты не знаешь, сольный диск Гарри Стайлза вышел? Сегодня должны были объявить.

— Это кто? — не понял я.

— Ну, папа! Это парень из «Уан Дирекшн». Самый клевый из них.

— Свет, Тьма и Сумрак! — воскликнул я. — Да откуда же я знаю? Я даже про новый альбом «Пикника» узнал через месяц после выхода!

— Ну спросил бы Кешку, — надулась дочь. — Ты его видел, нет?

Я хмыкнул.

— Да, видел. Надюша, если ты хотела узнать, как поживает твой друг, надо было просто спросить. А не интересоваться всякими Биберами и

Тимотями.

Надя стремительно покраснела.

— С ним все в порядке, — сказал я, выдержав воспитательную паузу. В конце концов, Кеша очень славный парень, а я его, можно сказать, с детства знаю. Далеко не худший приятель для юной девушки, Иной, Светлый, из хорошей семьи… При чем тут семья? Хороший парень, и все тут. — Давайте я все расскажу по порядку. Масса информации.

И я принялся за рассказ.

Про встречу с Кешей. Про визит Евы-Лилит. Про появление Тигра. Про разговоры с Киллоран. Про то, что мне подчистили память. Про визит в Париж и Егора, приехавшего в Москву.

— Бедный мальчик… — ахнула Светлана. — Антон! Ты серьезно? Ты… ты привлек его к операции Дозоров? Зная, что он может стать Зеркалом и исчезнуть?

— Весь мир может исчезнуть, — пожал я плечами. — Я отговаривал. И он давно уже не мальчик. Лучше посоветуйте, что еще стоит сделать? Все Дозоры, не говоря уже про Инквизицию, копают сейчас во всех направлениях. Но может быть, что-то мы упускаем?

— Гляди, папа. — Надя, давно оправившаяся

от смущения, взяла листок. — Я тут записала, пока ты рассказывал. Все данные, которые мы имеем. Пророчества, информация от Киллоран, информация от Лилит… Папа, я правильно поняла — это как раз та вампирша, которая писала тебе послание инициалами жертв, притворялась Киллоран?

— Да, — кивнул я. — Почти наверняка.

— И ты полагаешь, это та вампирша, которую когда-то поймал и которую развоплотили?

— Я уже и не знаю, дочь. Вначале мы исходили из того, что, раз послание укусами гласит: «Пришла я», то это вампирша. Но если Антон Го — это действительно было начало «Антон Городецкий», то «Пришла я», по-моему, скорее «Пришлая». «Пришлая сила ждет». Но с полом мы угадали… ведь Киллоран…

Я задумался. Махнул рукой:

— Не знаю, Надюша. Раз это была маскировка — то откуда мы знаем, кто за ней был? Ничего нельзя сказать. Но я чувствую тут какое-то сильное личное отношение.

Надя очень серьезно сказала:

— Предчувствиям даже люди должны доверять, а мы — особенно. Папа, ты видишь, что все сводится к вампирам?

Я кивнул:

— Как тут не увидеть. Двуединый — это их бог. Проявился через Светлого и Темного, как я понимаю — воплотился в них, «надел» на себя. Примерно так же Сумрак использует Зеркало. Информацию мне пыталась донести вампирша — причем до появления Двуединого. И она же смогла нас защитить от него, что очень странно, конечно. Потом еще дала кучу данных в образе Киллоран. И еще много всего нам сообщила Лилит. А она, похоже, была самой старой вампиршей на планете.

— Все крутится вокруг вампиров, — согласилась Светлана. — У нас умная дочь, Антон… Будешь вино?

— Нет, — твердо сказал я. — Молока.

Светлана встала, отправилась к «кухне». Надька продолжала сидеть, забравшись с ногами на стул и едва ли не грызя ноготь. Размышляла. Блин, какая у меня уже большая и умная дочь! И какой же она при этом маленький глупый ребенок!

— Я думаю, папа, самое полезное сейчас — попытаться понять всякие дополнительные детали пророчества, — сказала Надя. — Я думаю, это самое главное.

— Почему? — заинтересовался я.

— Потому что дьявол всегда в деталях, — очень серьезно ответила она. — Пап! А дьявол вправду есть?

— Ты еще спроси, есть ли Бог, — попытался отшутиться я. Но Надя требовательно смотрела на меня, и я неохотно ответил: — Не знаю. Но старые Иные не любят его поминать. Как и Господа, впрочем. Это важно сейчас?

— Я отвлеклась, — признала Надя. — Папа, я что хочу сказать… Если нам надо собрать какой-то Шестой Дозор — нам ничуть не помогут главы всех Дозоров, вампиров и всех прочих.

— Почему? — спросил я.

— Потому что не соблюдены детали. Ты забыл, пап? Ну, поймут сейчас, кто там главный у вампиров и ведьм, всех вычислят, назначат. И что с того? Ведь надо, чтобы все были связаны кровью!

— Это можно толковать расширенно, — сказал я. — Света, ты мне молока нальешь?

— Так ты серьезно? — удивилась жена. — Сейчас.

— Наверное, можно и расширенно толковать, — согласилась Надя. — Только кровь должна быть. Теперь смотри… Главный от Света — это я.

— С какой стати? — возмутился я.

— А кто же еще? Кто имеет больше прав выступать от имени Света, чем Абсолютная Светлая? — спросила Надя.

— Ты нос не задирай, — посоветовал я. — Даже если будешь выступать, то попросим тебя представителя назначить.

Надя фыркнула.

— Темный… Ну, не знаю. Вампир, понятно. И ведьма.

— Вот последний пункт никто не понял, — пожаловался я. — Что это за сторона такая? «Основа, фундамент»…

— Пророк, — сказала Надя.

Я оцепенел, глядя на нее.

— Помнишь, ты еще книжку читал? «Основание». Фантастика про пророков.

— Про психологов, — поправил я машинально. — Ну или предсказателей, если хочешь…

— Короче, пророк, — кивнула Надя. — Их и так не много, а сильных — совсем мало. Они основа всего, они же будущее не предсказывают, а лепят. Но еще важно про кровь, верно? Разве Гесер как-то связан кровью с Глыбой? Никак. Значит, они не годятся.

— Ты тоже никак с Глыбой не связана, — напряженно сказал я.

— С ним нет, конечно. А с Кешкой — теперь связана.

Мне показалось, что повисла ледяная тишина, когда Надя закончила:

— Кровью.

За моей спиной звякнуло. Я повернулся, посмотрел на Свету. Та опустила стакан, полный молока, на столик и напряженно, вполоборота, смотрела на Надю.

— Как… когда? — спросил я.

— Давно уже. Два месяца назад.

— Это… — Я удержался от нелепой фразы «Этого не может быть» и закончил: — Это слишком рано, Надя.

— Так получилось. — Она с полнейшим спокойствием пожала плечами. — Мы как-то спонтанно решили.

— Надя, ты не в том возрасте, чтобы спонтанно… Или не спонтанно! — едва сдерживаясь от крика, сказал я.

— Почему не в том? — удивилась Надя. — По-моему, даже Том Сойер с Геком Финном, хотя они младше меня…

Мне показалось, что я схожу с ума. И, похоже, не мне одному.

— Том Сойер? С Геком Финном? — воскликнула

Светлана. — Это какое-то очень прогрессивное прочтение!

— Во-первых, Том Сойер и Гекльберри Финн — вымышленные персонажи, — сказал я, пытаясь сохранить хладнокровие. — Во-вторых, ничего подобного нет и быть не может!

— Вы о чем? — спросила Надя, глядя то на мать, то на меня.

— А ты о чем? — уточнил я.

— Я — о кровном братстве, — сказала Надя. — Мы с Иннокентием поклялись на крови и расписались кровью…

— Детский сад… — сказал я и расхохотался. — Надька, какой же ты ребенок!

За спиной забулькало — я снова повернулся и увидел, как Света наливает в стакан коньяка.

— И мне! — попросил я.

— Ты же хотел молока, — уточнила Света.

— Молоко — детям!

— Пап, мам, вы что — решили, будто я про секс? — холодно спросила Надя. — Что мы с Иннокентием сексом занимались?

— Ничего мы не решили, — сказала Светлана, подавая мне стакан. — Мы просто не поняли, о чем ты говоришь.

— Сексом мы решили пока не заниматься, —

успокаивающе сказала Надя. — Кеша считает, что это помешает раскрыться нашему магическому потенциалу.

Я залпом выпил коньяк.

— Хотя я думаю, это он зря, — задумчиво продолжила Надя. — Мне кажется, что он просто немного трусит!

Я взял из рук Светланы стакан молока и выпил вслед за коньяком. Сказал:

— Вы молодцы. Я очень рад, что вы такие разумные молодые люди.

На этом можно было и остановиться, но в глазах у Нади было слишком много ехидства, которое ей не удалось скрыть.

— Но все-таки вы совсем молоды, — продолжил я. — Поэтому мама сегодня поговорит с тобой о том, что должна знать юная девушка.

— Обязательно, — сладким голосом сказала Света. — Мы начнем, наверное, с тычинок и пестиков, но потом обговорим все серьезно.

— Мама! — воскликнула Надя.

— А я поговорю с Кешей, — добавил я. — Если, как ты говоришь, парень немного трусит… На эту тему с ним должен был бы поговорить отец, но поскольку он с семьей не живет — побеседую я. Бедняжке наверняка хочется выговориться,

узнать, что происходит с его организмом, а не с кем…

— Папа! — завопила Надя. — Замолчи-замолчи-замолчи!

— Будешь еще троллить стариков-родителей? — спросил я.

Надя надулась.

— Наверное, я даже куплю ему энциклопедию для мальчиков… — произнес я.

— Не буду! — сказала Надя. — Я не буду больше! Но вы сами виноваты, что вы сразу об одном думаете? И еще про детский сад говорите!

— А о чем могут думать родители девочки твоего возраста? — спросил я. — Твоя ровесница к приятелю на всю ночь шла, когда на нее вампир напал.

— Ну и дура, — хмуро сказала Надя. — Тем более Кеша на самом деле считает, что это мешает магическому развитию…

— Про кровь — правда? — спросил я, уходя от скользкой темы.

— Да. Мы с Кешкой на самом деле… Ну, такую клятву дали… — Надя опустила глаза.

— А говорила — порезалась, когда салат делала, — вспомнил я Надю с пластырем на пальце. — Дурдом «Солнышко».

— Может, и дурдом, — отозвалась Светлана. — Но наша дочь права, Антон. Требование о кровной связи — важно. Возможно, эта связь может быть любого рода, но она обязана быть.

— Пусть команда после сбора поклянется на крови, — предложил я. — Как Надя с Кешей.

— Я не думаю, что это сработает, — сказала Светлана. — Ты же сам знаешь, Антон, такие требования — это некая условность. Игра. Но с четкими правилами. «Кровное братство», сотворенное так просто и грубо, не сработает.

Я не стал спорить. Светлана чувствует такие тонкие вещи лучше меня. Именно чувствует, не знает.

— Тогда я совсем ничего не знаю, — устало сказал я. — Кровная связь. Приехали. Пусть господин Глыба меня усыновит, и мы пойдем на дело…

— Ложись спать, — сказала Светлана, положив руку мне на плечо. — Тебе надо отдохнуть.

— А вы что же, будете подстраиваться под меня? — воспротивился я. — Сейчас день еще.

— Ты нам не помешаешь. Ложись поспи, мы с Надей телевизор посмотрим.

И я не стал спорить.

Сон мой был крепок и спокоен. Без сновидений — лживых друзей пытающегося постигнуть буду-

щее и без кошмаров — честных врагов того, кто знать не желает о грядущем. Просто сон.

Лишь перед пробуждением он обернулся порцией сновидений, не тянущих ни на кошмар, ни на предвидение.

Вначале я стоял в своей московской квартире, а через окно в нее пытался залезть Гесер. Нет, он не левитировал, не обзавелся крыльями. Его привезла пожарная машина на выдвинутой лестнице. Гесер взгромоздился на карниз и с ухмылкой махал мне рукой.

Во сне мне показалось совершенно естественным и то, каким путем он прибыл, и его цель — выпить со мной.

Но пока я шел к окну, чтобы впустить Гесера, тот каким-то образом с карниза слез — и теперь висел под окном, цепляясь за карниз кончиками пальцев. Я открыл окно, попытался его вытащить — но шеф был слишком тяжел. О магии я даже не подумал, словно ее и в помине не было. Тогда я пошел за веревкой, чтобы обвязать Гесера и втащить в квартиру, но когда вернулся — увидел выпученные перепуганные глаза шефа и соскальзывающие с карниза пальцы. Через миг, повинуясь законам сна, я сам вместо Гесера падал вниз — несся вдоль стены высотного дома.

Однако и сейчас никакого ужаса я не испытал. Зато с любопытством смотрел в окна.

Женщина подводит губы перед зеркалом. Женщина красивая, совершенно обнаженная, но в ярко-красных сапогах и галстуке-бабочке красного цвета.

Двое немолодых мужчин играют в карты. Карты какие-то странные, с мелкими многоцветными картинками и текстом. Перед мужчинами на столе помимо карт — крошечные существа. Люди в странных одеждах и с холодным оружием, монстры — все не выше десятка сантиметров, прыгают и машут руками, сражаются, падают…

Пожилой, интеллигентного вида человек в профессорских очках кормит сидящего на кухонном столе стрижа кузнечиками.

Две маленькие девочки, сидя на полу, раскачиваются и меланхолично колотят друг друга куклами. Куклы растрепаны, девочки тоже, пожалуй, им уже должно быть больно и пора плакать — но детские лица сосредоточенны и невозмутимы.

Толстый лысый мужчина курит трубку, стоя перед огромным шкафом-витриной, внутри которого — Карлсоны. Самые разные фигурки, всех цветов, размеров, материалов.

Мальчишка-подросток стоит и разговаривает с матерью. В какой-то миг поворачивается ко мне — я вижу, что это Егор, такой, каким я его первый раз встретил.

Открыв глаза, я некоторое время лежал без движения. Спал я, пожалуй, часа два-три. Если бы чуть больше или меньше — чувствовал бы себя сейчас невыспавшимся. А вот два-три часа — самое правильное время сна, чтобы освежить тело и сознание. Ненадолго, к сожалению, — на полдня.

В комнате было темно, только плясали те слабые разноцветные отсветы, что дает включенный телевизор. Едва-едва слышно бормотали голоса — Света и Надя что-то смотрели.

Вот же странная вещь эти сны! Ну к чему мне снился падающий Гесер? Да еще и лезущий в окно, чтобы со мной выпить! А эти странные люди и события в пролетающих мимо этажах? Маленький Егор?

Нет, если постараться — то всему можно найти объяснение. Гесер пытается наладить со мной человеческие отношения, но это все время срывается из-за моей слабости и нежелания протянуть ему руку навстречу.

Голая баба в красных сапогах и галстуке — тут

все банально, по Фрейду. Секса хочу. С развратной незнакомкой.

Мужики с картами и монстрами-человечками… Это Двуединый. Играет нами, как марионетками.

Профессор, кормящий стрижа кузнечиками? Это… это… ну, допустим, тщетность бытия. Рожденный прыгать — летать не может. Разве что в чьем-то желудке.

Девочки колотят друг друга — это Дозоры бьются.

Маленький Егор — мой комплекс вины перед ним.

Вот только лысый мужик с трубкой и Карлсонами остался неистолкованным. Ну, спишем на шутки подсознания.

К примеру — это моя глубоко затаенная мечта. Быть толстым, лысым, курить трубку и собирать коллекцию Карлсонов…

Бормотание телевизора сменилось той бодренькой музыкой, что идет на титрах. Потом я услышал негромкий голос жены:

— Хорошее кино. Любимый фильм моего детства.

— Только очень уж древнее, — скептически ответила Надя. — Без «три-дэ».

— Тогда «три-дэ» не было, — сказала Светлана.

— А цвет уже был? Или это потом раскрасили?

— Цвет был, — спокойно сказала Света. — Еще в ту пору дети были лучше воспитаны и не старались блеснуть в разговоре с родителями дешевым остроумием.

— Ну, мама… я честно спросила! Вот то кино, что мы вчера смотрели, про детский лагерь, оно же черно-белое…

— Наденька, не считай себя хитрее родителей. Я тоже была девочкой и прекрасно помню все мысли, что сейчас роятся в твоей голове. Поверь, умных там — не много.

— Мам…

— Ты зачем нас с отцом пугала?

Наступила короткая пауза.

— Я… я ради шутки.

— Вот не шути так больше. Ладно?

— У меня переходный возраст. Мне положено так шутить.

— Положено только прыщами покрываться. Все остальное по желанию. Неужели ты не понимаешь, что отец…

Я шумно вздохнул, потянулся. Сел на кровати.

Жена с дочкой и впрямь сидели у телевизора.

— Долго я спал? — спросил я с напускной тревогой.

— Разве ты куда-то торопился? — удивилась Светлана.

— Нет. Но я здесь от всего изолирован. Как и вы. А если Гесер меня ищет?

Светлана скептически покачала головой.

— Вот уж поверь, Гесер нашел бы способ до тебя достучаться, несмотря ни на какую изоляцию. Приснился бы тебе, в конце концов.

— Приснился бы, — согласился я. — Ага.

Я встал, отправился в ванную комнату. Вышел через минуту, вытирая лицо полотенцем.

Светлана понимающе смотрела на меня.

— Что, и впрямь?

— Приснился, приснился, — подтвердил я. — Вот сейчас проверю. Когда вас навестить?

— Сейчас почти восемь вечера, — сказала Светлана. — Ты к нам придешь…

Она на миг замолчала. Мы с Надей переглянулись. У Светланы не так уж часто случались предвидения, но уж если они касались семейных дел — то выполнялись безупречно.

— Придешь к нам в час после полудня, — сказала Светлана с короткой заминкой. Ее лицо стремительно побледнело. — Да. В час… в час дня. Завтра.

Мы с ней все поняли.

Я приду к семье завтра в час. Обязательно приду. Конечно, если буду жив. А это, похоже, вовсе не обязательно.

— Ну, до завтра, — сказал я.

Света кивнула. Прошептала одними губами: «До завтра».

— Пока, пап! — откликнулась от телевизора Надя. — И я не согласна тут сидеть весь остаток детства!

— Хорошо, учту, — откликнулся я, не сводя глаз со Светланы. — Кеше передать привет?

— Ну, пап! — возмутилась дочь. — Проехали уже!

— Я серьезно.

— Тогда передай, конечно, — настороженно ответила Надя.

Я кивнул Светлане.

— Пока. Я захвачу завтра картошку.

Света улыбнулась. Через силу, но улыбнулась. Сказала:

— И лук.

— И даже морковку, — пообещал я. — Все будет хорошо. Я себя замечательно чувствую. Бодр и готов на подвиги.

— Это мы с мамой тебя накачали Силой, — похвасталась Надя. — Я собирала, мама вливала.

— Как же я удачно устроился! — воскликнул я, открывая проход. — Сам себе завидую!

Телефон, казалось, зазвенел еще в тот миг, когда я шагал через портал.

Глава 5

Ночью офисный центр бодрствовал, как и днем. Такие же девушки сидели за стойкой в вестибюле, такие же охранники попадались на пути, такие же неприметные восточного вида женщины в униформе мыли полы и терли панели стен.

— Какая бодрящая бизнес-атмосфера! — сказал я. — А?

— Ты и впрямь бодр, как я вижу, — буркнула Ольга.

— Слушай, ты же сама велела мне идти отдыхать!

— Велела, — мрачно признала Ольга. — И получила от Гесера взбучку по полной программе. Особенно когда он понял, что не может тебя найти.

— Лучше всех спрятанный, — сказал я. — Горжусь собой.

— Гордиться не стоит, Гесер почти дотянулся. Он сказал, что слышит твой сон. И будь у него

несколько дней — он бы тебя достал.

Мы вошли в лифт, я покачал головой:

— Плохо. Очень плохо. Значит, и этот… как его… Двудольный…

Ольга фыркнула.

— А! — Я хлопнул себя по голове. — Двуединый!

— Да уж, он не слабее Гесера, — вздохнула Ольга. — Но он хуже знает тебя, Свету, Надю. Ему будет труднее их обнаружить.

— Ты так говоришь, словно уверена — это не наш друг и не наш враг. Это уже нечто совсем другое.

— Так и есть, Антон. Сумрак их выпотрошил и наполнил заново. Одна видимость.

— Почему тогда не мы? Почему мы со Светланой не стали инструментом Сумрака? Надя даже сопротивляться бы не стала, не поняла бы, что случилось.

Я сказал это — и сам похолодел. Представил, как что-то безжалостное, непреклонное, непреодолимое стирает меня, мою личность. Или — хуже того — оставляет ее где-то на дне души биться и орать в бессильном ужасе…

И «я» — этот выпотрошенный и переделанный «я» — иду и вместе с такой же фальшивой Светой

убиваю Надежду…

— У всего есть правила, — сказала Ольга. Лицо ее было как всегда жестким, непреклонным. — Видимо, этого он сделать не может.

— Почему?

— Может быть, он не в силах воплотиться в тех, кого ему требуется убить. Может быть, в том, кто станет воплощением Сумрака, изначально должна быть какая-то черта.

Я кивнул. Наверное, она была права.

Лифт остановился, мы вышли в холл. Прямо к мрачным охранникам Дневного Дозора — два боевых мага и оборотень.

Видимо, в целях экономии времени на трансформацию оборотень уже был в образе здоровенного волка.

— А если кто чужой заглянет? — укоризненно спросил я, кивая на волка.

— У нас на него документ есть, — приветливо ответил один из магов. — Ирландский волкодав. Прошел курс обучения охранной службе.

— Хотя на самом деле не смог, понимания не хватило, — вздохнул второй маг.

Оборотень зарычал. Маги засмеялись. Что ж, Темные — они такие. Темные.

Нас ждали и даже не стали утруждаться провер-

кой документов, отпечатков пальцев и прочих аур. Точнее, наверное, все проверили — но незаметно для нас. Может быть, еще в лифте — как-то долго он поднимался.

Девушка-маг с восточной внешностью (японка? кореянка? китаянка?) провела нас от приемной до кабинета Завулона, открыла дверь, впустила и осталась снаружи. Выглядела девушка милой и невинной, но я чувствовал, что она — боевой маг второго уровня, причем маг старый, опытный и навоевавшийся вдоволь. Раньше я про нее не слышал, Завулон вытащил ее откуда-то издалека.

— Антон! — Великий Темный дружелюбно улыбнулся, вставая из-за стола. — Как я рад тебя видеть! Ольга! Прекрасно выглядишь!

Я с любопытством огляделся. Если своих сотрудников Завулон посадил в стеклянный аквариум, если для переговорного зала выбрал интерьер поспокойнее, то уж свой рабочий кабинет он сохранил в стиле английского классицизма.

Деревянные панели стен (и заклинаний в это дерево закачано столько, что они едва не трещат от рвущейся наружу Силы). Потолок — тоже панели темного дерева и старинные тканевые обои. Мебель древняя, наверняка какого-то известного мастера, вот только я из всех мастеров знаю лишь

Чиппендейла, да и то из-за мультика.

Окна в кабинете прикрывали пышные шторы из красного бархата с кистями — наверное, последнее, что ожидаешь встретить в современном бизнес-центре из стекла и металла.

У Завулона уже был гость — очаровательная рыжая девушка в строгих круглых очках. Девушка была в сером брючном костюме, делающем ее похожей на бизнесвумен, но — очень привлекательную и сексуальную бизнесвумен.

Плохо было только то, что женщине было двести с лишним лет, из которых два века она была мертва.

— Екатерина, — коротко сказал я, кивая Мастеру вампиров Москвы.

— Антон. — Она улыбнулась уголками губ. Потом нахмурилась. Демонстративно принюхалась. Встала, плавным движением переместилась (это слово куда вернее описывает процесс, чем «подошла») ко мне.

— Аккуратнее, милая, — сказала Ольга холодным как лед голосом.

— Не держи меня за дуру, Великая, — ответила Екатерина, даже не глядя на Ольгу. Она наклонила голову к моей шее, несколько секунд внимательно смотрела на кожу.

— Все увидела? — спросил я.

Екатерина сдвинулась от меня к столу. Присела на обтянутую выцветшей зеленовато-бронзовой кожей столешницу. Во взгляде у нее было совершеннейшее непонимание.

— Кто? — спросила она. Мне показалось, что в голосе Мастера вампиров — зависть и восхищение. — Кто, Высший?

— Не важно, — ответил я. — Уже совершенно не важно.

— Поняла. — Екатерина кивнула, не отводя взгляда от моей шеи. — Но все-таки как… необычно.

Я покосился на Завулона. Что сталось с его протезе, я раньше Темному не сообщал. Но лицо Великого оставалось бесстрастным. То ли знал, что древняя вампирша мертва. То ли ему было все равно. То ли он привык скрывать любые эмоции.

— Не любишь ты нас, — сказала Екатерина с ноткой грусти в голосе. — Не уважаешь.

— Ну почему же, среди моих друзей даже были вампиры, — ответил я.

— Наслышана, — кивнула Екатерина. — Вот только заканчивали они все одинаково.

— Мы все заканчиваем одинаково, — уточнил я.

— Брейк! — Завулон хлопнул в ладоши. — Я бы с удовольствием послушал вашу пикировку, но у нас не так много времени… сколько, кстати?

Екатерина изящным движением приподняла руку, глянула на что-то из розового золота и бриллиантов, опоясывающее ее руку и по недоразумению называемое часами.

— Сбор начнется через десять часов. Это же Нью-Йорк, а у нас все важные события традиционно привязываются к полуночи. Если я лечу самолетом, то мне пора в аэропорт, Завулон.

— Я открою вам портал, — сказал Темный.

— Насчет «нам» мы еще не договорились, — глянув на меня, сказала Екатерина. — Это не было насмешкой или пикировкой. Все вампиры, которые связывались с этим юношей, плохо кончали.

— Это ваш гребаный вампирский бог пытался убить мою семью, — сказал я. — У меня есть право быть раздраженным.

Екатерина фыркнула.

— Я не сторонница давних преданий, диких божков и древних заветов. Как по мне — так пусть Двуединый провалился бы в ад. Меня устраивает моя… — она на миг запнулась, — …моя послежизнь. Красивые парни, сладкая кровь, современное искусство. Я еще не досмотрела

«Касла», знаете ли!

Ольга за моей спиной тихо засмеялась.

— Вот для того, чтобы мир не провалился в тартарары, нам и надо выбрать Мастера Мастеров, — сказал я.

— Хозяина Хозяев, — поморщилась Екатерина. — Зачем использовать английское слово? Оно прекрасно переводится. Мы засоряем свой язык англицизмами не в меру.

Держите меня трое, двое не удержат! Я не многое знал про Екатерину, и сейчас она открылась мне с новой стороны. Хозяйка московских вампиров была русской патриоткой! Ну по крайней мере лингвистической патриоткой!

— Хозяина Хозяев, — согласился я. — Мы хотим в этом помочь.

— Как? — спросила вампирша. — Нас там соберется полсотни Хозяев. Я, сразу скажу, на главную роль не претендую. Не потяну. Но ты же знаешь, как у нас выбирается Хозяин Хозяев?

— Знаю, — сказал я.

— Тогда вы понимаете, что никто из наших не горит желанием умирать… окончательно.

— Но ведь тогда умрут все, — сказал я. — Люди, звери…

— Мышки, птички. — Екатерина фыркнула.

— Вы что, не верите?

— Верю, Антон. — Вампирша чуть подалась вперед, глядя мне в глаза. — Это… наши… сказки. Наши… темные… сказки. Мы… помним… бога… Света и Тьмы…

— Но если все равно умирать!

— Даже тогда хочется прожить на несколько дней больше. — Екатерина улыбнулась. — К тому же на миру и смерть красна. Поверь, куда легче умереть, зная, что вместе с тобой умирает весь мир.

— Серьезно? — спросил я.

Вампирша смотрела мне в глаза. Потом отвела взгляд. Ворчливо сказала, сразу утратив иллюзию молодости:

— Ничего не выйдет. Никто не согласится. Я могу вас взять с собой. Обстоятельства чрезвычайные, я найду объяснение своим действиям. Но это ничего не даст!

— Попробуем! — с неожиданной теплотой в голосе сказала Ольга. — Ну, Катюша… нам ли вешать нос?

— Да пошла ты, хитрая… — Вампирша махнула рукой и не договорила. — Все брыкаются, но без толку. Светлая, мне нужно три лицензии.

— Хорошо, — сказала Ольга спокойно.

— Мужчина лет двадцати пяти, спортивный, накачанный, — продолжала Екатерина. — Только чтобы не употреблял стероиды, я здоровье берегу.

Завулон с любопытством смотрел на меня. Я зевнул, посмотрел на Екатерину.

— Второй… пусть будет кавказец. Горячий, молодой. Лет восемнадцати-двадцати. Ну и мальчишечка, лет пятнадцати-шестнадцати. Блондин. Обязательно девственник.

Ольга тем же спокойным голосом ответила:

— Еще какие-то пожелания?

— Ну, ты же знаешь мои вкусы. — Екатерина пожала плечами. — Разве что… пусть все будут в пределах Центрального округа, у нас времени мало.

— Я знаю твои вкусы, — согласилась Ольга.

Она запустила руку в сумочку, вынула стопку бланков. По-моему, там их было семь или восемь. Ольга отделила три и протянула вампирше.

— Эх, поскромничала я! — вздохнула Екатерина, провожая оставшиеся листки разочарованным взглядом.

— Как ты верно заметила, у нас мало времени, — напомнила Ольга.

— И то верно, — кивнула Екатерина. — Что

ж… пока…

Вампирша двинулась к выходу.

— Через восемь часов на этом месте, — сказал Завулон негромко. — И учти, если опоздаешь — я тебя приволоку в Нью-Йорк сам, к сроку, но другой дорогой. Она тебе крайне не понравится.

— Не опоздаю, — сказала вампирша не оборачиваясь.

Дверь за ней закрылась. Я огляделся, выискивая кресло поудобнее. И сел в то, что занимала вампирша.

— А ты изменился, — сказал Завулон, глядя на меня. — Действительно изменился.

Я пожал плечами.

— Прежний Городецкий мне нравился больше, — добавил Завулон. — Такой искренний в своей бескомпромиссности.

— Да ладно тебе, — сказала Ольга, садясь и вынимая сигареты. — Нравился… Прям сейчас расплачемся от умиления, Завулон симпатизирует Городецкому…

— И все-таки, Антон, неужели тебя не возмутило поведение вампирши? — продолжал допытываться Завулон. — Она сейчас прикончит двух молодых парней. А потом еще и мальчика!

— Мне очень жалко экологически чистого

качка, горячего кавказского парня и невинного мальчика-блондина, — сказал я. — Но через несколько дней могут умереть все качки, экологи, кавказцы и блондины мира. Мальчики и девочки, старички и молодые. Поэтому если гибель трех невинных спасет мир — так тому и быть.

— Значит, так теперь ты решаешь проблему слезинки ребенка? — развеселился Завулон, откидываясь в кресле. — Так теперь ты смотришь на проблему Омеласа?

— Темный, хватит балаболить, — устало сказала Ольга. — Ты что, и впрямь какой-то гадости нанюхался? Ты болтлив и суетлив, Темный!

Завулон кивнул:

— Да, Ольга. Я суетлив и болтлив. Я чую впереди смерть, и мне страшно. Я не хочу умирать, Ольга. Потому я веселюсь как могу. И не сплю вот уже вторую ночь. Я закрываю глаза и вижу пустоту. Она меня ждет, Ольга.

— Нас ждет то же самое, — ответила Ольга. — Хватит истерить. Давай обдумаем все еще раз. У нас одна-единственная попытка.

— А что ж наш мудрый Гесер не пришел? — прищурился Завулон. — Его идея, а реализовывать нам?

— Он на шабаше, — ответила Ольга. — Будет

уговаривать Бабушек выбрать Прабабушку.

— О! Ты рискнула отпустить своего мужчину в такое злачное место, полное развратных стару… — начал было Завулон. Замолчал, откашлялся. — Хорошо, замолкаю.

— Я сейчас за Гесера. Все, что он придумал, — он мне рассказал, — сказала Ольга, дождавшись, когда Завулон замолчит. — У нас восемь часов, верно? Предлагаю поработать четыре-пять часов, потом немного поспать. У тебя здесь найдутся кровати и душ?

— У меня тут даже русская баня и березовые веники найдутся, — ворчливо ответил Завулон.

Он встал, повернулся к стене — и деревянные панели вдруг разъехались, открывая огромный плазменный экран и флипборд, офисную доску, уже исчерканную маркером.

— Итак, в Нью-Йорке соберется сорок девять Мастеров… — начал Завулон. Покосился на нас. — Вы не против англицизма? Мне нравится слово «Мастер».

— Валяй, — сказал я.

Мы действительно плодотворно поработали четыре часа подряд. Никогда бы не подумал, что могу такое сказать, но работать с Завулоном было комфортно. Даже в чем-то легче, чем с Гесером.

Нам приносили кофе и чай, один раз — сандвичи и йогурт для Ольги. Несколько раз, когда требовалось что-то уточнить, появлялись референты и консультанты. Что удивительно — большей частью люди.

Конечно, у нас тоже существовал определенный круг доверенных людей. Мой давний приятель-полицейский был далеко не одинок. Целый ряд ученых, некоторые работали даже в офисе Ночного Дозора. Некоторые люди в правительстве и силовых структурах. Большинство не могло проговориться, их сковывала магия, но изрядная часть работала на доверии и сотрудничала с нами по идеологическим мотивам. Иногда я думаю, что если бы волки и овцы были разумны, то нашелся бы изрядный процент овец, сознательно помогающих волкам…

Но в Дневном Дозоре людей-вольнонаемных было еще больше. Причем, если я правильно считывал их мотивы, у кого-то они тоже были идеологические, но у большинства — абсолютно прагматичные. Кто-то получал от Темных деньги, кто-то — лечение, кто-то — долгожительство. Невзрачный мужичок, филолог, который консультировал нас в конце первого часа, вызвал неожиданно живой интерес и симпатию Ольги.

Я пригляделся — на филологе висело ажурное, мастерски выполненное заклинание, привлекающее к нему женщин. Создавал его настоящий мастер: действовало оно только на совершеннолетних, а если филолог не проявлял к женщине интереса в течение нескольких минут, эффект полностью исчезал. А иначе за несчастным ловеласом волочился бы по улицам многокилометровый хвост из всех горожанок.

Магия сложна в первую очередь второстепенными деталями. Классический пример — царь Мидас, превращающий все, до чего дотрагивался, в золото. Детский пример — ученик чародея Микки-Маус, попытавшийся провести уборку магическими методами. Народный пример — анекдот про джинна, выполняющего три желания, и семью из папы, мамы и маленького сыночка, мечтавшего о хомячке…

Самые простые заклинания — это те, которые используются давным-давно. Они формализованы, описаны, непрерывно повторяются. Если верить в то, что это Сумрак выполняет наши желания, откликаясь на сформулированный словами, жестами или волей приказ (а я не вижу никаких альтернатив), то обычные заклинания — рутинная работа для Сумрака. Все равно что

человек нажимает кнопки на калькуляторе и получает ответ. Конечно, в недрах микросхемы бурлит невидимая миру работа. Носятся микротоки, открываются и закрываются p-n-переходы, калькулятор трудолюбиво перелопачивает море информации, чтобы сообщить наконец: «2×2=4». И все довольны.

Но совсем другое дело, если человеку нужно то, чему калькулятор, да пусть даже суперкомпьютер, в принципе не обучен. «Берем число X и умножаем на число Z. Если результат превышает Y, то прибавляем к результату 5 и печатаем результат. Если результат меньше Y, то рисуем треугольник на экране».

Сложно?

Да ничуть в общем-то. Если знать хоть какой-нибудь древний «Бэйсик». Пишем программу, запускаем…

Не работает!

Провода проверили, питание проверили. Затылок почесали.

Выпили кофе.

Поняли!

Дописали еще одну строчку: «Если результат равен Y, то проигрываем марш Империи из фильма «Звездные войны».

Ну вот, теперь можно слушать тревожную бравурную музыку…

Заклинания — это одновременно и проще (никаких языков программирования знать не надо, мы «программируем» на обычных человеческих языках), и сложнее — потому что вариантов, которые надо предусмотреть, гораздо больше! Да и последствия могут быть куда печальнее. Возьмем простейший огненный шар, файербол, не при Хозяйке Екатерине будет сказано. Если не задать точно и однозначно его размер, точку возникновения, скорость и направление движения, время стабильного существования и факторы устойчивости — есть риск взорваться самому.

Про шаровые молнии слыхали? Это они, родимые. Файерболы, созданные начинающими Иными, как правило — дикими, никем не обученными, полными энтузиазма и уверенности в своей исключительности. Огненный шар и раньше был популярным заклинанием, а уж в наш век фэнтези и компьютерных игр — тем более. Вот и создают начинающие Иные файерболы, забыв уточнить, где именно те должны возникнуть…

А про самопроизвольные возгорания слыхали? Вдруг вспыхнул обычный человек — и сгорел дотла! Обычно это тоже файербол. Только на этот

раз точку возникновения начинающий Иной представил — рядом с собой. Забыл задать вектор движения и время существования огненного шара…

— Городецкий?

Я посмотрел на Завулона.

— Осчастливь нас своим мнением, — насмешливо сказал Темный. — Ты погрузился в столь глубокие и серьезные раздумья, интересно, о чем?

— Об устройстве мироздания, — ответил я. — Завулон, мне кажется, хватит повторять. Мы все спланировали. Если получится — то получится. Давай поспим несколько часов.

— Ты накачан Силой под завязку, — небрежно заметил Завулон. — Мог бы и не спать.

— Мог бы. Но лучше посплю.

— Жена? — поинтересовался Завулон.

— Дочь. Жена направляла.

— Береги ее, — сказал Завулон неожиданно серьезно. — Твоя дочь уникальна, она — единственное, что мы можем противопоставить Сумраку. Ну и к тому же она на удивление умная и ответственная девочка для своего возраста.

Я откашлялся, пытаясь скрыть растерянность. Завулон выглядел совершенно искренним, и

никакого заднего смысла в его словах я не видел.

— Даже не знаю, что тебе и сказать, Темный, — пробормотал я. — Но будь уверен, я ее берегу.

Говорят, что для создания любого портала, хоть на сто метров, хоть на десять тысяч километров, требуется одинаковая Сила. Я лично порталы еще не создавал, мне для этого не хватает способностей, но Наде я верю.

Сложность в создании порталов на большие расстояния — это обеспечить их точность. Никому не хочется выйти в грунт глубоко под мостовой или выпасть из воздуха метрах в десяти-двадцати над землей.

Выпасть метрах в ста, кстати, гораздо безопаснее. Тут уже можно успеть затормозить, использовав заклинание. Не слишком опытные маги порой специально выводят свои порталы высоко вверх.

Портал, созданный Завулоном, был настолько аккуратно притерт к поверхности, что я даже не почувствовал перепада высот, шагнув в него. Только уши заложило из-за разности давлений, и кожа мгновенно покрылась потом, реагируя на изменение температуры, влажности и всех прочих показателей, которые только есть в природе.

Все-таки мгновенно перенестись из Москвы в

Нью-Йорк — не самое привычное дело для человеческого организма.

— Всегда ценила Завулона за стиль, — сказала Екатерина. — Высадил у входа в Эмпайр! Прямо на Пятой авеню!

Я кивнул, озираясь по сторонам. Портал Завулона и впрямь был хорош. Мало того что идеально «пригнанный» к тротуару, так еще и снабженный заклинаниями невидимости и отпугивания.

Никто из людей нас не видел, но маленький пятачок, где возник портал, все суетливо обходили. А людей, несмотря на близящуюся полночь, было полным-полно. Нью-Йорк, Манхэттен, Пятая авеню. Можно как угодно относиться к США вообще и к этому городу в частности, но то, что он никогда не спит, — это факт.

Люди шли, люди стояли и смотрели на здание, люди разговаривали по мобильным, люди ловили такси, люди курили, люди разговаривали на всех языках — мое измученное «Петровым» ухо ловило английскую, французскую, немецкую, китайскую, японскую речь. Было прохладно, конечно, но никак не сравнить с нашей зимой. Так, около нуля…

— Давно я тут не была, — сказала задумчиво Ольга. — Помню, когда только построили, стояло

здание полупустым, никому не по карману было в нем офисы арендовать. Его тогда называли Эмпти-Стейт-билдинг… Эй, Катерина, нам куда?

Вампирша оглянулась. Была она бодрая, возбужденная, порозовевшая. Налитая.

— В главный вход. Там очень красиво, кстати.

— Здание тоже красивое, — согласился я. — Мне как-то казалось, что нью-йоркские небоскребы более уродливы.

Ольга тихо засмеялась:

— Так ты первый раз в Нью-Йорке? Не беспокойся, ты совершенно прав, в большинстве своем небоскребы уродливы. Эмпайр — редкое исключение с тех времен, когда люди ставили красоту выше выгоды.

— А оно всегда такое, кровавое? — спросил я, глядя на уходящий в небо небоскреб.

Эмпайр-Стейт-билдинг был подсвечен бордовым, темно-красным. Подсвечен густо и ярко — даже на тротуары, перекрывая разноцветие реклам, ложился кровавый отсвет.

— Нет, подсветка меняется, — сказала Ольга. — В зависимости от событий… Твои постарались, Катерина?

— Конечно, — с удовольствием сказала вампирша. — Когда мы собираемся на сход, Эмпайр

красят в цвет крови. Раньше ложа собиралась в Оксфорде, но в тридцатые годы мы переехали сюда. Где сила и деньги, где ночь живет, там и мы.

— Не удивлен, — буркнул я.

Портал уже растаял, стало развеиваться и действие заклинаний. В основном прохожие нас огибали, но уже несколько человек едва не врезались в меня, а один уткнулся в Ольгу — и, растерянно извиняясь, двинулся дальше.

— А ты не хочешь узнать, как я погуляла? — спросила вдруг Екатерина, пристально глядя на меня. — Как думаешь, досуха я их выпила? Или позабавилась и отпустила?

— Мне все равно, — сказал я.

— Я выпила одного, — продолжала вампирша.

Вздохнув, я протянул руку и положил Екатерине на плечо. Та с восторгом уставилась на меня, даже чуть подалась вперед. Может, она подраться хочет? Серьезно, что ли?

— Катенька, — сказал я проникновенно. — Да мне все равно, совершенно все равно, чего, у кого и в каком количестве ты отсасывала. Выпила мальчишку? Выпила спортсмена? Выпила кавказца? Жалко, но твое право, лицензии ты получила. А теперь выполняй свою часть обязательств.

Екатерина мрачно смотрела на меня. Красные отсветы блестели на ее очках.

Зачем очки Иному? Тем более вампиру. Исключительно для форсу.

— Я считала, что у тебя серьезный психологический комплекс, связанный с нами, — сказала Хозяйка вампиров.

— Был. Вышел, — коротко ответил я. — Будешь еще тарахтеть попусту — я отловлю пару-тройку твоих выкормышей и развею в прах. Ты меня знаешь, я найду повод. А не найду — так придумаю.

Несколько мгновений мы мерились взглядами. Мне даже показалось, что она готова пойти на поединок воли — и это было бы плохо, очень плохо, мне пришлось бы ее ломать, и остальные Хозяева это бы почувствовали… Но она отвела глаза.

— Я перестаю тебя провоцировать, — сказала Екатерина. — Идите за мной. Молчите. Постарайтесь, чтобы вас принимали за людей.

Ауры мы с Ольгой скрыли заранее, а пробиться сквозь нашу маскировку могли лишь такие же, как мы, Высшие.

Разумеется, среди Хозяев таких будет немало. Но им еще потребуется целенаправленно нас проверять, чтобы обнаружить подлинную природу.

— В качестве кого мы идем? — спросила Оль-

га, когда мы двинулись к ближайшему входу в Эмпайр.

— Ты — в качестве моей любовницы, — сообщила Екатерина. — Антон — в качестве пищи.

— Я полагала, что наоборот, — хладнокровно сказала Ольга.

— У Антона свежий укус на шее, — пояснила Екатерина. — Любой Хозяин его почует. Для любовника это тоже годится, но у тебя нет укусов, и это странно. Если только…

— Нет уж, — сказала Ольга. — Любовница так любовница…

Кажется, Екатерина даже успела чуть-чуть насмешливо улыбнуться, прежде чем Ольга взяла ее за локоть, резким движением развернула к себе и прошипела в лицо:

— Только ты учти, малолетка, я таких, как ты, на кол сажала в ту пору, когда твоя прабабушка еще не родилась. Если будешь хамить, то из твоей любимой человеческой женщины я мгновенно стану твоим самым ужасным кошмаром. Хуже, чем злой Антон. Поняла?

Екатерина быстро кивнула.

— Я знаю, как у вампиров принято обращаться с человеческими партнерами по сексу, — пояснила Ольга, глянув на меня. — Хуже чем с пищей. Так

что во избежание ненужных проблем и обид…

— Все поняла, — сказала Екатерина.

Вампира каждый норовит обидеть…

У вампирской ложи было целое море человеческой охраны. Мы прошли через холл (роскошный), поднялись в лифте куда-то на восьмидесятые этажи, потом нас повели по коридорам. Несколько раз мы спускались по лестницам, несколько раз поднимались.

И все время нас передавали с рук на руки крепкие мужчины и женщины в одежде свободного кроя, под которой нашлось место и пистолетам, и пистолет-пулеметам. Магии на них я не заметил, видимо, люди были либо наемниками, либо работали за обещание вечной жизни. Поверьте, это очень сильный стимул — ведь только вампиры и оборотни могут передать свои способности любым желающим. Насколько я знал, умные вампиры своих обещаний не нарушали, и иногда, нечасто, за особые заслуги, кто-то из их человеческих слуг удостоивался сомнительного счастья стать живым мертвецом. Их товарищи должны были знать, что Хозяин не врет, и драться за это «счастье» до конца.

Наконец после очередной лестницы и коридора мы вышли в небольшой холл, где с одной стороны

в широкие окна открывался вид на Манхэттен, а с другой имелись две высокие двустворчатые деревянные двери. У одной стояла охрана, два чернокожих автоматчика, даже не считавших нужным скрывать оружие.

— Ждите здесь, я должна договориться, — прошептала Екатерина и быстрым шагом двинулась к охраняемой двери. Ее пропустили без вопросов, но зато от нас взглядов не отрывали.

— Эй, бразе! — жизнерадостно позвал я охранников. — Привет-привет!

Нуль реакции.

Слегка обиженный, я прошел ко второй двери, приоткрытой. Осторожно заглянул внутрь. Это был просторный зал с многочисленными диванами, креслами, столиками. На столиках стояли бутылки, тарелки, мармиты с греющимися на них судками. По залу бродили, разговаривали, сидели на диванах, ели и пили у столиков люди.

Их было довольно много. Человек пятьдесят. Самого разного возраста — я заметил среди них и нескольких благообразных стариков, и нескольких мальчишек и девчонок подросткового возраста. Старики смотрели по висящему на стене телевизору CNN, подростки играли на каких-то игровых приставках. Но основной массе

было около двадцати — двадцати пяти.

А еще они все были красивы. Все по-разному, но красивы. Чернокожий юноша, стройный и высокий, молодая девушка в белом платье, с распущенными светлыми волосами, статная женщина с удивительно классическим, правильным типом лица.

— Что там? — спросила Ольга, когда я вернулся к ней.

— Обеденный зал.

Несколько мгновений Ольга смотрела на меня, потом кивнула:

— Понятно.

Мы не стали ничего дальше обсуждать. Понятное дело, что никакой вампир не нуждается в ежедневном питании. И уж тем более — в кормлении на живом человеке, в большинстве случаев им достаточно консервированной крови.

Вообще в большинстве случаев вампиры считают процесс своего питания интимным и по возможности не выносят его на публику. Максимум — внутри клана.

Но сегодня здесь был большой сбор. Всемирная вампирская ложа в лице своих основных Хозяев (на данный момент таких имелось сорок девять) просто не могла не обставить все с подобающим,

по их мнению, шиком.

В том числе и в пищевом плане. Скорее всего все собравшиеся в соседнем зале люди были здесь добровольно. Скорее всего им, как и охране, было обещано превращение в вампиров — прекрасных, блистательных, воспетых лживыми книжками и бессовестным кинематографом вампиров.

И почти наверняка данное им обещание никто выполнять не будет. На них выписаны лицензии. Они — пища. Могут покормиться и отпустить, а могут и выпить насухо.

— Как там у Гесера, интересно, — вздохнула Ольга. — Ты как считаешь? Уболтает он Бабушек?

— Бабушек бы уболтал, — сказал я. — Но там ведьмы. Им самим палец в рот не клади.

Екатерина вернулась в холл. Не одна — с белокурой женщиной средних лет. Если точнее — то с вампиршей неизвестного возраста, разумеется.

— Это не принято, — мельком глянув на нас, бросила женщина.

— Грета, но Винченцо сидит в зале со своими…

— Ему было дано это право. Без малого два века назад, и ты знаешь почему, — отрезала женщина. — Катя, ты требуешь неразумного.

— Все имеет цену, — ответила Хозяйка московских вампиров. — Какова твоя? Ты распорядитель этой встречи, ты можешь все.

Женщина помедлила. Поглядела на нас с Ольгой. Я вдруг подумал, что вся наша маскировка аур может ни к чему не привести — если Грета знает меня в лицо. А она может знать. Вампиры обо мне наслышаны.

— Пояс еще у тебя? — внезапно понизив голос, спросила распорядитель.

— Да, — ледяным тоном ответила Екатерина.

— Это моя цена.

Екатерина глянула на нас. Потом покачала головой:

— Нет. Ты с ума сошла. Это даже не разговор.

— На десять лет, — сказала Грета.

— Нет.

— На год.

О чем они? В очередной раз я пожалел, что ухитряюсь и сталкиваться постоянно с вампирами, и так мало о них знать. Конечно, они очень скрытные, но есть же кое-какая информация…

— На месяц, — сказала Екатерина.

— На три, — ответила Грета.

— Идет.

Женщины улыбнулись друг другу — и обня-

лись.

— Заходите минуты через две-три, — любезно сказала Грета. — Сразу направо, садитесь на верхнем ярусе, чтобы не отсвечивать. И пусть твои люди сидят тихо.

Грета ушла плавной вампирской походкой. Негры-охранники у двери с каменными лицами смотрели перед собой. Что же они все-таки думают, охраняя сборище вампиров и видя в соседнем зале людей, предназначенных на заклание? Радуются, что их не тронут? Мечтают стать бессмертными кровопийцами? Или вообще ни о чем не думают, как и бывает чаще всего?

— Что за пояс? — негромко спросил я, подходя к Екатерине.

— Не твое дело, — ответила она, не глядя на меня.

— А все-таки?

— Артефакт. Старая магическая вещь. Кусок потертой свиной кожи с бронзовыми застежками, — неохотно ответила Хозяйка.

— И что он дает?

Екатерина глянула на меня, усмехнулась.

— Вкус. Один раз в день он дает вкус, и можно есть обычную пищу. Есть и чувствовать вкус, как человек. Это только иллюзия, и кровь все равно

необходима. Но можно есть — и во рту будет не вкус мокрой ваты, а клубника со взбитыми сливками, хамон с ломтиком дыни, паста с пармезаном, гречневая каша с молоком.

— Стейк с кровью, — добавила Ольга.

Екатерина ответила совершенно серьезно:

— Поверь, вот по стейку с кровью мы не скучаем. А вот за тарелку манной каши с вишневым вареньем легко можем горло разорвать.

— Рассказывали бы это своим… слугам… — Я кивнул на чернокожих мордоворотов. — Чтобы не выслуживались.

— Их предупреждают, они не верят, — сухо ответила Екатерина. — Все, идемте.

Вслед за ней мы прошли мимо охранников.

* * *

Зал, где собирались вампиры, походил на университетскую аудиторию — полукруглый, с трибуной внизу и поднимающимся вверх амфитеатром. Пожалуй, здесь могли с комфортом поместиться и сто, и больше человек.

Ну или Иных.

Мы вошли через верхний вход, у самого высокого яруса. Быстро сдвинулись вслед за Екатериной, уселись. В зале царил полумрак, лишь сцена

была ярко освещена. Рядом с пустующей сейчас трибуной был установлен столик, за ним сидели Грета, моложавый красавчик и сухонький хлипкий старичок. Все вампиры, разумеется.

— Минутку внимания, — объявила Грета.

Голос ее был тих, но аудитория и строилась по уму, и вампиры умеют говорить так, что их не хочешь, а услышишь.

— Хозяйка Екатерина из Москвы, — продолжила Грета. — По причине, достойной уважения, с сопровождением.

На нас оглянулись. Но не все и мельком. Я продвигался вдоль длинной скамьи, опустив голову и надеясь, что никому не придет в голову всматриваться в жалкого человечка сквозь Сумрак. Ну кому я интересен? Мы же не заглядываем в пакет с бутербродами к соседу по электричке…

В меня не всматривались. Да и кроме нас, в аудитории были другие люди. Мы дошли до середины скамьи и сели. Я тихонько огляделся.

Прелестные девушки, жмущиеся к импозантным мужчинам. Молодые красавцы, не отрывающие влюбленных глаз от своих мертвых повелительниц. Подростки обоего пола — я слышал, что тут дело было даже не в извращениях, а в каких-то странных стараниях совсем уж древних

вампиров создать себе иллюзию семьи. Вампиры не могли иметь детей, да и секс у них, насколько я знал, имел свои особенности. Но некоторые создавали суррогатные семьи, усыновляли и растили детей — в общем, вели какое-то подобие человеческой жизни.

Я вспомнил таинственный «пояс», один месяц проката которого позволил Екатерине провести нас на заседание ложи. Как же им плохо-то на самом деле. Как же им холодно и беспросветно! Хотя бы без манной каши с вишневым вареньем.

Вампиры все никак не начинали. Видимо, ждали кого-то еще. Я достал наушники, откинулся на скамье. Включил плеер. Выпал «Пикник».

Настрадался Нострадамус от людей
И извлек видения на свет.
Кабы знал тогда, что в двух шагах
Спрятан мир, где будущего нет.

Мир – что призрачный зал.
Научись исчезать…

Здесь, вдыхая холода покой,
Спит как будто времени змея.
Здесь неторопливою рукой

Злые буквы не сложить в слова.

Мир – что призрачный зал.
Научись исчезать…[22]

Дверь снова открылась. Вошла тоненькая девочка лет двенадцати. В клетчатой рубашке на размер больше, чем нужно, потертых джинсах на размер меньше, чем следовало, и босая.

— Рады тебя видеть, Эли, но уже в третий раз все ждут только тебя, — раздраженно сказала Грета.

— Простите, пожалуйста, — тем притворно-вежливым тинейджерским голоском, что приводит взрослых в бешенство, ответила Эли. Села в конце нашей скамьи. Помахала рукой Екатерине. Та холодно кивнула. Эли не расстроилась, достала из кармана жвачку, бросила в рот, принялась жевать. Чистая показуха, вкуса она не чувствует…

Похоже, малолетнюю вампиршу здесь не особо любили — и она к этому привыкла. Я прикрыл глаза, вспоминая…

Ага. Хозяйка Стокгольма. Да уж, древняя и неприятная особа в детском теле.

— По праву сегодняшней распорядительницы я

---

[22] Примечания: 22
Э. Шклярский. *Настрадался Нострадамус от людей.*

начинаю встречу, — сказала Грета. — Тьма, Свет и Сумрак слышат нас.

— Тьма, Свет и Сумрак слышат нас… — слитным хором повторили все Хозяева, сидящие в зале. Даже наглая «девочка» Эли, успевшая закинуть ноги на столешницу и выдуть из жвачки пузырь, — повторила.

— Древним заветом, главным законом… — продолжала Грета.

— Древним заветом… — повторил зал.

— Кровью, жизнью и смертью… — сказала Грета.

— Кровью, жизнью и смертью! — закончил зал.

Наступила тишина.

— Повестка всем известна, — сказала Грета. — Первое слово, по месту и уважению, — Хозяину Джеку.

С первого ряда встал и неторопливо вышел к трибуне чернокожий мужчина. Он был настолько похож на охранников у дверей, что я удивленно глянул на Ольгу. Та пожала плечами, видимо, догадалась о моих мыслях.

Блин, ну они же не размножаются! Как же тогда…

Впрочем, это могут быть никакие не дети. Это

могут быть прапраправнуки. Потомки от детей, зачатых еще в человеческой жизни. Вполне возможный вариант.

— Братья, сестры… — Хозяин Джек распростер руки. Был он в белоснежном костюме, импозантный, ухоженный. Его так и хотелось представить в обычной человеческой церкви, поющим псалмы или цитирующим Библию. — Радостно мне видеть вас! Я сейчас вспомнил историю, которая приключилась в середине прошлого века с моим другом в Техасе. Ему, так уж получилось, выбили в одной забегаловке все зубы! Да еще основательно выбили — за день не вырастишь! А тут приехал к нему приятель, говорит: «Пойдем на танцы, девчонок закадрим, потанцуем, насосемся…»

Совершенно обалдев, едва не уронив челюсть, я слушал, как древний американский вампир, в лучших традициях книги «Как читать лекции и завоевывать внимание зала — для чайников», рассказывает старый, будто дерьмо смилодона, анекдот про вампиров.

Зал внимал этому древнему, несмешному, пошлому анекдоту, от которого и старшекласснику-то смеяться неловко. Зал дружно похохотал и немножко поаплодировал. Хозяин Джек раскланялся.

В растерянности я отвел глаза в сторону. И увидел, как маленькая вампирша выдувает изо рта землянично-розовый пузырь жвачки. Я понял, что мой мир никогда больше не будет прежним.

— Братья и сестры! — продолжил он. — Все мы знаем, почему собрались. И все мы не хотим об этом говорить. Но давайте будем откровенны. Двуединый вернулся!

В зале наступила гробовая тишина, да простится мне этот банальный каламбур. Вампиры вообще перестали дышать, а люди, похоже, задержали дыхание. Во всяком случае, я — задержал.

— Мы же этого ждали? — Джек вышел из-за трибуны и принялся расхаживать из стороны в сторону. Внимание зала было получено, и он заговорил всерьез. — Мы понимали, что равновесие нарушено, что мы забыли древние правила и заветы…

— Хоть бы одна собака кровососущая рассказала про их правила и заветы… — шепнула на ухо Ольга. Я мрачно посмотрел на нее — у вампиров очень хороший слух. Но все были поглощены выступлением Джека.

— И все мы знаем, что только одно может остановить Двуединого — Шестой Дозор. Как встарь. Как у начала нашей истории, когда Сумрак протя-

нул нам две руки — и мы приняли обе, и выбрали наши дороги…

Я мысленно проклял Лилит, Екатерину, вампиршу, притворявшуюся Киллоран, всю их породу.

Ну знают же они, знают что-то! Не все — но гораздо больше, чем говорят!

Конец света близится, а эти раздутые от самомнения кровососы скрывают свои секреты. Но кто бы знал, что вампиры, презираемые и Светлыми, и Темными низшие Иные, на самом деле хранят древние знания? Что они вообще были первыми из Иных?

Хотя чему тут удивляться. Самые простые, самые «низшие» и должны были быть первыми. Чтобы возникли все сложные и тонкие специализации среди Иных, должно было пройти время. Сумрак должен был осознать себя и приноровиться к людям. Люди должны были научиться взаимодействовать с Сумраком. Стать в полной мере Иными. Начать работать с Силой на тонком уровне.

А вначале — все было просто и понятно.

Льющаяся из разорванного горла кровь. Уходящая с ней жизнь. Нарастающий перепад «магических температур». Падение этой темпера-

туры в умирающем человеке. Падение… до нуля. Как у Нади. Или почти до нуля…

И поглощение этой Силы, которая потоком вливается в умирающего человека — и тут же его покидает.

Вливается Сила. Выливается кровь — наполненная Силой.

И кто-то пьющий эту кровь — с голоду ли, или в ярости победившего дикаря — сумел ее ощутить. Воспользоваться. Управлять.

Тогда Двуединый вышел к кострам, где творили кровавую тризну дикари. Двуединый заключил с ними завет от имени Тьмы, Света и Сумрака.

О чем? И зачем?

— Вы хотите спросить меня, готов ли я вступить в поединок за право стать Хозяином Хозяев? — вещал Джек. — Я отвечу! Нет, не готов. Я силен, вы знаете, правда-правда! Но есть те, кто сильнее меня!

Он вдруг повернулся к старичку на сцене, низко поклонился. Старичок благосклонно кивнул.

— Если бы можно было отдать власть! — воскликнул Джек и простер руки вверх. — Если бы можно было! Я отдал бы ее Хозяину Петру!

Легкий одобрительный шум пронесся по аудитории. Кажется, возражений не было ни у кого.

Все взгляды обратились к старичку за столом. Наступила выжидающая тишина — и в ней оглушительно громко лопнул пузырь жвачки на губах маленькой вампирши.

Все обернулись на звук.

— Ой, — сказала Эли. — А что я? Я — за! Мастер Петр, я за вас!

Она помахала старичку рукой, жизнерадостно (как ни чудовищно звучало это слово применительно к ребенку-вампиру) улыбаясь. Старичок добродушно помахал ей в ответ. Негромко сказал:

— Дорогие мои… Спасибо на добром слове, оно всякому приятно. И тебе, Хозяин Джек, спасибо. И тебе, моя дорогая Грета. И тебе, малышка Эли, лапочка моя, — спасибо.

Говорил Петр негромко. Улыбался. При этом от него веяло таким могильным холодом, таким мертвящим разложением, такой смертельной опасностью — что у меня перехватило дыхание.

Это чувствовал не только я. Сидящий между Петром и Гретой юный красавчик заерзал. Если раньше ему и нравилось быть на сцене, то теперь он был сильно этим огорчен.

— И тебе, Екатерина, спасибо, — внезапно сказал Петр, глядя на нее. — Что-то сегодня падает

мой взгляд на тебя все чаще и чаще.

Если бы в жилах Екатерины не пульсировала сейчас чужая кровь — она бы, наверное, побелела. А так — ответила очень достойно:

— Благодарю вас, Хозяин Петр. Это честь для меня.

Старичок нахмурился, но отвел от Екатерины взгляд. На нас он пока не глядел. Не достойны мы были его взгляда.

— Нельзя так власть передавать, Хозяин Джек, — сказал наконец Петр. — Не по правилам. И не будет в такой власти настоящей власти. А чтобы власть получить, стать Хозяином, надо мне дюжину из вас с лавок-то вытащить, по башкам настучать да горло перегрызть.

— С нашего согласия, — негромко сказала Эли.

— Да, девочка, с вашего согласия, — закивал Петр. — А его, я чую, не будет. Можно, конечно, так или иначе похитрить.

Старый вампир вдруг захихикал, часто кивая головой.

— О чем ты, Хозяин Петр? — нервно спросила Грета.

— Тебя не касается, глупышка, — успокоил ее Петр. — Мог бы я, мог бы… бились бы вы со мной. И порвал бы я вас. И стал бы Хозяином Хозяев.

В зале будто потемнело от его слов. Я почувствовал, как напрягаются вокруг вампиры. Как волной проносятся запахи мускуса и аммиака, сладкий аромат феромонов, проступающих на вампирской коже, и кислая вонь нейротоксина, сочащегося из клыков.

— Только не надо мне это, — сказал Петр. — И никому из нас не нужен Шестой Дозор. И не станем мы биться с Двуединым, с тем, кто дал нам Силу. Если он решит разрушить мир — так он разрушит мир, и мы уйдем навсегда…

Его голос стих, будто прикрутили громкость на проигрывателе. Петр даже голову опустил, уставился в стол. Потом резко поднял и хитро улыбнулся.

— Только я так думаю, братья-сестры. Не нас, верными оставшихся, пришел карать Двуединый. Ох, не нас! Тех, кто ушел от правды, от крови — их смертный час пришел! Конец Иным! Темным и Светлым. Магам и волшебницам. Всем им конец, конец, конец! А мы…

Он помолчал. Вампиры внимали. Вампиры ждали.

— А мы останемся, — очень уверенно сказал Петр. — Стадо останется, и мы останемся за стадом следить. Если скотину не резать, то и

порядка-то не будет!

Он мелко захихикал. И в ответ на его смех по аудитории волной заплескали смешки других вампиров.

— Как в старые добрые времена! — воскликнул Петр. — Без унижений, без бумажек! Выбрал деревеньку, городок. Пришел. Попировал. Скоро, уже скоро!

«Ему шестьсот лет, — подумал я. — Это много, очень много. Древняя тварь Ева-Лилит могла смеяться над шестью веками жизни вампира. А я не стану. Это много. Достаточно, чтобы стать сильным и страшным. Достаточно, чтобы сравняться в силе с Высшим Иным и превзойти его. Достаточно, чтобы сойти с ума, даже если он когда-то был».

— Он очень-очень сильный, — тихо прошептали мне в левое ухо. Пахнуло клубникой. Я скосил глаза — девочка-вампир выразительно сморщила губки. — И умный.

Она скользнула по скамье, возвращаясь на свое место.

Так. По меньшей мере на одном вампире мой маскарад не сработал.

Я начал подниматься. Поймал испуганный взгляд Екатерины — да, вот сейчас Хозяйка

ночных тварей Москвы была по-настоящему напугана.

— Хотел бы обратиться к вам, Хозяин Петр, Хозяйка Грета, уважаемые Хозяева… — сказал я, протискиваясь мимо Эли. Почему-то я был уверен, что девочка-вампир не запрыгнет на меня и не вцепится в затылок. Не потому, что она хорошая, совсем нет. Просто она похитрее и поумнее большинства сидящих в зале.

— Так обращайся, раз хочется, Светлый Антон Городецкий, Высший Иной, — с улыбкой сказал Петр. — Ты к нам незваным пришел, непрошеным, ну так мы не в обиде. Верно?

Сорок девять пар вампирских глаз смотрели на меня. И два десятка приближенных людей: пищи, сексуальных партнеров, суррогатных детей — тоже.

То ли маскировка у нас хреновая вышла, то ли разведка и контрразведка у вампиров поставлены лучше, чем мы полагали.

— Спасибо, Хозяин Петр, — сказал я.

— Не за что, Антон, не за что, — хихикнул старичок. — Как он сюда прошел-то, Грета? Как что?

— Заявлен Хозяйкой Екатериной как еда, — ответила Грета.

— Не оспаривал? — поинтересовался Петр.

— Нет.

— Это хорошо, — кивнул Петр. И уставился на меня взглядом белесых немигающих глаз. — Пусть поговорит. Я люблю разговаривать с едой.

Я молча спустился к самой кафедре. Хозяин Джек так и не стал из-за нее выходить. Стоял, мялся на месте. Кажется, этот весельчак-вампир был по-настоящему растерян и перепуган. Да и неудивительно. У них был Хозяин. Настоящий Хозяин — не формальный, утвержденный в схватке, а настоящий — порожденный страхом. Мастер Петр, десятилетиями, как считалось, отлеживавшийся в своей львовской гробнице, был вполне бодр и активен. Он просто не высовывался на свет, к вниманию Дозоров.

И он был совсем не прочь выпить мою кровь. В нормальной ситуации, наверное, не рискнул бы. А сейчас, на краю Армагеддона, — запросто. Старый принцип «война все спишет».

— Мы — Иные, — сказал я, глядя на нависающий надо мной амфитеатр. На вампиров — дряхлых и юных. Они действительно такими были. Древними, как забытая юность человечества. Юными, как бесконечный ход времен. — Мы — Иные. Мы служим разным силам. Но в Сумраке нет разницы между отсутствием Тьмы и отсутствием Света.

Наша борьба способна уничтожить мир…

Петр засмеялся тихим кашляющим смехом.

— Оставь, оставь это, Антон… Великий Договор не для нас. Мы появились до него, и мы останемся после. Ты хочешь призвать нас к сознательности? Ты хочешь напомнить, что и мы — часть мира? Мы — другой мир, дозорный. Вечный мир, а не живая плесень…

— Мертвый мир, — сказал я, поворачиваясь к Петру. Все летело к чертям собачьим. Вся моя придуманная Гесером и доведенная до блеска Завулоном речь. Все консультации шпионов и аналитиков, все фразы, что должны были зацепить известных нам Хозяев — и заставить их ввязаться в схватку за пост Хозяина Хозяев. Все летело в тартарары.

— Мертвый, — согласился Петр. — А только мертвое — вечно. Живое обречено становиться мертвым, живое — только корм для вечности. Мы — вечны.

— Нет, — сказал я. — Ничто мертвое не вечно. Горы рассыпаются в песок, пустыни заливает вода, моря высыхают. Мертвое не вечно.

— Песок остается песком, вода — водой. — Петр пожал сухонькими плечиками. — Где люди, что жили на склонах гор и берегах моря? Даже костей

не осталось. Где языки, которыми они говорили? Ветер унес без следа.

— Тебе шестьсот лет, — сказал я. — Неужто это много? Что ты можешь помнить о стершихся горах и ушедших народах? Лилит называла тебя вампирским сосунком.

К моему удивлению, Петр засмеялся.

— Лилит? Ты знаком с глупой, самодовольной, наивной Лилит? Ах… ну конечно же… — Он запрокинул голову, втянул воздух. — Я вижу, она на тебе кормилась. — Глаза вампира блеснули. — И как она нашла тебя?

— Не знаю, — ответил я. — У пепла не спросишь.

— Ай, как нехорошо, — огорчился Петр. — Она была смешной девочкой… когда-то очень давно… Да-да, она самая старая Иная, простите — была самой старой Иной… Из числа людей, разумеется.

Черты его лица медленно заострялись. Кожа натягивалась, сквозь нее проступали кости. Лоб сгладился, уползая назад. Выперли надбровные дуги. Нос стал шире и крупнее, выступили скулы. Подбородок почти исчез, зато челюсти выдвинулись вперед, укрупнились. Седые реденькие волосы порыжели, лысину они толком так и не закрыли, только посреди макушки вырос неров-

ный пук волос. Кожа стала мучнисто-бледной.

Менялось и тело. Рост не изменился, Петр остался невысоким, но его будто поддули, он стал кряжистым и мускулистым.

— Вот дерьмо, — сказал я, отступая на шаг. Краем глаза увидел, что и Хозяин Джек в полной растерянности пятится от сцены, и Хозяйка Грета сидит в несвойственном вампирам оцепенении. — Срань закарпатская, да ты же неандерталец!

— Что с того? — хладнокровно спросил Петр. — Наша кровь и у вас всех есть. Нет на Земле человека, чтоб от нас не вел своего рода. И сколько б Земля ни стояла — не будет ему переводу.

— Да мне плевать на твою кровь, — сказал я. — Ты древнее мумий, Хозяин Петр!

— Я древнее человеческих времен. — То, что еще недавно казалось старичком, оскалило пасть, демонстрируя нечеловеческих размеров зубы. Если он весь так несуразно развит, то бедные женщины-кроманьонки, что на заре времен спаривались с неандертальцами… — Да, меня не было среди тех, кто вышел навстречу Двуединому и заключил кровавый завет… я и тогда был достаточно стар и мудр, чтобы следить за ними со стороны…

— Кто входит в Шестой Дозор? — спросил я. — Как прогнать Двуединого? Какие договоры нарушили Иные?

Несколько секунд Петр смотрел на меня. Потом начал смеяться. Негромко, с удовольствием. Замолчал, спросил:

— Дозорный, а ты знаешь, что смех — ваше изобретение? Мы не умели смеяться.

— Откуда мне знать, — пробормотал я.

— Мне не нравится многое, что принесли безволосые, — сказал Петр. — Но смех — это хорошо. Смех сближает и объединяет. Смех одного — всегда унижение другого.

— С какой стати? — Я покосился на зал. Но все сидели тихо. Все смотрели на меня и Петра. М-да. Как говорится в детском стишке — и воцарилась тишина, согретая дыханьем зала… Жаль, что дыхание вампира никого не согреет.

— А ты вспомни, над чем смеешься, — ответил Петр с непоколебимой уверенностью. — Смех — если это не физиология — всегда унижение. Юмор — всего лишь унижение человека человеком. Человек смеется над другим человеком, когда тот нелеп и несуразен, не соответствует месту и времени. Нелеп Чарли Чаплин с тросточкой и флагом во главе демонстрации. Нелеп Бенни

Хилл в роли героя-любовника. Нелеп Джим Керри, чистящий зубы унитазным ершиком. Нелеп любовник, прячущийся без штанов за окном, нелеп муж, открывший шкаф, обнаруживший любовника и поверивший, что тот ждет автобуса. Мне нравится человеческий смех — это то, что отличает человека от иного скота. Делает его хуже скота. Христианские проповедники чуяли, что в смехе кроется зло, — не зря комедиантов не хоронили на кладбищах.

— Ты меня озадачил, — признал я через мгновение. — Но ты не прав. Это только частности. Я найду пример другого смеха и другого юмора.

— Жаль, но у тебя не будет на это времени, — сказал Петр. — Считай, что это юмор ситуации, и унижен в ней ты.

— Рискнешь напасть на Светлого? На сотрудника Ночного Дозора? — Я мельком глянул на других вампиров. Не идиоты же они, зачем им война…

Но если Хозяева и хотели возразить, то им на это не хватило смелости.

— Ты назвался пищей, входя сюда, — ответил Петр с непоколебимой уверенностью. — Инквизиция примет нашу сторону. Впрочем, через два дня все это будет уже не важно…

Далеко позади, у самой двери, хлопнул пузырь лопнувшей жвачки. Петр поднял на юную вампиршу тяжелый взгляд.

— Ой, простите, я больше не буду! — затараторила Эли. — Это жвачка плохая, на клык попала, дядя Петр!

Я шевельнул пальцами, проверяя подвешенные заклинания. У меня было много чего в арсенале, и уж какой-то из ударов должен был достать древнего монстра. Вот только успею ли я…

Петр посмотрел на меня тяжелым ироничным взглядом, и я понял, что не успею.

— Учти, я упокоил Лилит, — напомнил я Петру.

Мгновение тот размышлял, потом ответил:

— Я полагаю, ты врешь. Я полагаю, тебе помогли. А значит…

Снова хлопнуло от дверей. Петр возмущенно вскинул голову. Все вампиры дружно повернулись и уставились на Эли.

— А я-то что? — обиженно воскликнула она. — Я ничего! Я вообще молчу и не жую!

Петр шумно втянул воздух. Нахмурился. И наконец-то встал из-за стола — отшвырнув его в сторону. Грета и красавчик вскочили — в скорости реакции вампирам не отказать, — отступили

в сторону.

Петр стоял и смотрел на входную дверь.

Дверь открылась. В нее медленно, на заплетающихся ногах, вошел негр-охранник. В одной руке у него был «узи», ладонь другой он прижимал к горлу. Найдя глазами Хозяина Джека, охранник попытался было что-то сказать.

Но в этот миг его ноги подкосились, и он загремел вниз по лестнице, кувыркаясь, стукаясь головой, но упрямо не отпуская автомата.

Охранник упал прямо к моим ногам, голова его была свернута набок и почти отделена от тела — шею рассекала такая рана, что удивительно было, как он вообще мог стоять и двигаться.

Кто-то из сидящих в зале девушек конвульсивно всхлипнул. Хозяин-вампир одним движением свернул ей шею — будто муху прогнал взмахом руки.

Все смотрели на дверь. В проеме показался тонкий девичий силуэт. Та, кого я знал под именем Элен Киллоран, вошла в аудиторию, посасывая окровавленный палец. Левой рукой она постучала в дверной косяк, вынула палец изо рта и сказала:

— Тук-тук.

Она была вампиром. Теперь, когда мой мозг

не был затуманен, я это видел совершенно отчетливо. Как и то, что она ничем не похожа на ирландку, некогда наводившую порядок в нашем архиве. Иллюзии лежали на ней слоями, а под иллюзиями была еще и нечеловеческая плоть. Увы — я не мог разглядеть, чья плоть.

— Кто ты? — спросил Петр.

Вот теперь было окончательно понятно, что он здесь главный.

— Я посланник, — ответила вампирша.

Петр пожевал губами. Я чувствовал, что он хочет спросить «чей». Но он задал другой вопрос.

— Что тебе нужно, посланник?

— Хозяина Хозяев, — ответила вампирша. — И мне кажется, что это — ты.

Я напрягся.

— Нет, — ответил Петр. — У меня нет времени на споры и свары, хоть я в меру сил даю другим советы и опекаю молодежь. Но я не Хозяин Хозяев и не собираюсь им становиться.

Он боялся! Эта тварь, древнее самих времен, боялась! Может быть, он видел что-то, чего не видел я?

— Очень неудобно и отнимет лишнее время, — ответила вампирша, неторопливо спускаясь вниз.

— Что поделать, — ответил Петр хладнокровно. — У нас демократия. Никаких верховных владык.

— Жалко, — сказала вампирша. — Очень жалко, что ты не стал Хозяином Хозяев. Было бы проще. И чище. Но может быть, я все равно возьму твою кровь.

— Если сумеешь, — сказал Петр.

— Если сумею, — подтвердила вампирша.

— Это не сделает тебя Хозяйкой Хозяев! — вдруг выкрикнула с заднего ряда Эли.

— Знаю, девочка, — кивнула вампирша не оборачиваясь. — Но у меня есть план. У меня всегда есть запасной план. Только один раз его не было.

Она вдруг посмотрела на меня. С печалью.

— Извини, Городецкий. Тебе будет неприятно. Но так надо.

Что-то было в этих словах. Что-то знакомое…

— А ведь и впрямь, он тут совсем не к месту… — задумчиво сказал Петр.

В следующий миг я влетел головой вперед в скамью на третьем ряду. Вампиры, сидевшие там, едва успели уклониться. Я бы на их месте не успел. Как и удар Петра, бросивший меня на десяток метров и разнесший моей головой крепкие доски, не смог отследить.

Спасли меня сработавшие защитные заклинания — а именно «хрустальный щит», которым так часто пренебрегают молодые Иные. Ну, до первой серьезной оплеухи пренебрегают…

Слегка оглушенный я выбрался из груды обломков. И скамья, и столешница в этом месте превратились в доски. Испортил, зараза первобытная, антикварную вещь — эту аудиторию наверняка из Оксфорда привезли…

Я встал, машинально выдернул из руки щепку. И растерянно уставился на лежащего среди обломков, в растекающейся луже крови, мальчика-подростка. Тело парнишки сотрясли мелкие судороги, он умирал. Горло было разорвано.

Это что же… я его задел? Да не может быть!

Вампир, с которым пришел на встречу подросток, сидел на корточках рядом с телом и смотрел на него с явной и искренней печалью. Потом глубоко вздохнул, опустил голову и начал лакать кровь из раны.

Меня замутило. Возможно, для вампира это был вполне естественный и разумный способ попрощаться со значимым для него человеком. Но я-то вампиром не был.

Я огляделся, пытаясь прийти в себя. В ушах звенело, все было каким-то слегка неясным, не в

фокусе. Сотрясение заработал. Впрочем, по сравнению с творящимся вокруг это было мелочью.

Все люди, находившиеся в зале, были мертвы. Я видел изуродованные тела — еще недавно молодые, красивые, полные жизни. За считаные секунды их убили — разорвали горло, вырвали сердца, оторвали конечности. Все вокруг было залито кровью. Вампиры, будто обезумевшие, лакали кровь или сбивались в кучки, явно готовые драться против всех и каждого. Наверху, к моему удивлению, одну такую кучку организовали Екатерина, Эли и Ольга.

Вампир рядом со мной закончил лакать кровь юноши. Погладил его по голове, бросил на меня равнодушный взгляд… И одним прыжком унесся вниз, на сцену.

А там шла драка. Там бушевал вихрь из вампиров, сплетенный клубок тел, сверкали клыки, мелькали руки и ноги.

Петр в схватке не участвовал, стоял чуть в стороне, напряженно вглядываясь в кучу-малу. Грета и юный красавчик со сцены давно свалили. Ой, не совсем… Красавчик вдруг поднялся посреди амфитеатра, держа на руках тело молодой девушки. Секунду смотрел на нее, потом бережно опустил — и стрелой вонзился в побоище.

Я все понял. Наш таинственный союзник среди вампиров — если ее можно назвать союзником — добывала себе пост Хозяйки Хозяев. Единственным возможным способом.

Она убила всех людей в зале. И вряд ли среди них была пища. Это были любовники и любовницы вампиров. Их суррогатные дети — и настоящие потомки, прапраправнуки и прапраправнучки. Те, кто был действительно дорог кровососам. Как это ни странно — по-настоящему дорог.

Она убила людей — и вампиры бросились за них мстить. И сейчас, в этой кровавой безжалостной схватке, она зарабатывала право войти в Шестой Дозор.

Я запрыгнул на столешницу. Пробежал по ней до ведущего вниз прохода, спрыгнул, пошел к дерущимся вампирам. Остановился, поймав взгляд Петра. Мы смотрели друг на друга поверх комка дерущихся вампиров.

В зале тоже начали вспыхивать стычки — но короткие, не смертельные. Видимо, пользуясь случаем, те, кто не претендовал на трон, пытались свести счеты между собой. Но если кто-то и погиб, то это были считаные единицы — драки как мгновенно вспыхивали, так и затихали…

А потом куча-мала на сцене стала уменьшаться. От нее во все стороны полетел мелкий серый пепел. По мере того как один за другим вампиры обращались в прах, интенсивность боя только нарастала. Может быть, потому, что первыми погибали самые слабые?

Глубоко посаженные неандертальские глазки Петра злобно буравили меня. Я нагнулся, не отводя взгляда, вынул пистолет-пулемет из руки убитого охранника. Никто не любит свинцовый град, даже вампиры. А в этом оружии пули легко могли быть заговоренными.

Петр злобно оскалился.

Из совсем уж уменьшившейся кучи вылетел еще один вампир — тот самый, что лакал кровь рядом со мной. Обеими руками вампир крепко сжимал голову, будто от сильной боли. Все в зале как-то притихли, глядя на него, а драка — там теперь сражались всего двое — продолжалась совершенно бесшумно.

Вампир посмотрел на меня безумным взглядом — и я увидел, что глаза у него косят в разные стороны. Потом разжал руки.

Голова вампира развалилась надвое, будто рассеченная мечом. Мгновение вампир стоял, пока чудовищная природа его организма пыта-

лась залечить и такую рану. Потом расколотая голова начала куриться серым пеплом, и вампир рухнул.

В следующий миг взорвался и обратился в прах последний вампир, дравшийся с незваной гостьей.

Лже-Киллоран стояла на сцене и оглядывала Хозяев. Кроме разорванной одежды, на ней не было никаких повреждений, что, впрочем, для вампира неудивительно. Все, что не убивает их сразу, заживает очень быстро.

Вампирша вытянула руку, разжала ладонь. Из нее потекла вниз струйка пепла. Сердце она, что ли, вампиру вырвала? И основное, и дополнительное?

— Я беру власть над вами по праву Крови и Силы, — сказала вампирша. — Есть ли те, кто оспорит мое слово?

Я смотрел на Петра. Ну, давай. Давай, дорогой. Давай, древний. Оспорь! Ну, оспорь же! Я почему-то уже не сомневаюсь — тебя порвут на клочки! Увы, не сомневался в этом и Петр.

— Хозяин Хозяев пришел, — сказал он, склоняя голову. — Слово, Сила и Кровь…

— Хозяин Хозяев… — повторили уцелевшие вампиры. Я поискал взглядом — среди них были

и Джек, и Грета, и Екатерина с Эли.

Ольга, конечно, тоже там была. Напряженно смотрела на «Киллоран».

— Эти люди, — пришедшая кивнула на меня, — мои гости. Ответить на все вопросы, оказать всю помощь, не причинять вреда. Сила и Кровь.

— Сила и Кровь, — повторили вампиры. Я специально следил за Петром — он тоже повторил. Старая дрянь умела выживать!

— Постой! — крикнул я Хозяйке Хозяев. — Ответь ты мне…

— Я приду, когда наступит час, Антон, — ответила вампирша. — Когда соберутся остальные. А пока… пока думай. Решай, что ответишь.

— Вопрос-то задай! — крикнул я.

«Киллоран» насмешливо подняла бровь:

— Где ты будешь стоять, когда наступит час? Среди шести — или перед шестью? Вот он, вопрос.

И она исчезла.

Я уже не скрывался. Я смотрел сквозь Сумрак, я пытался прощупать его всеми способами, которые знал. Ничего не было. Никого не было. Вампирша исчезла бесследно, но и следов от портала я не видел.

— Не понимаю, — сказала Ольга, подходя. — Не

знаю таких способов уходить, а мне казалось, что я знаю все.

В зал тем временем сбегались и сходились остатки вампирского войска — охранники, люди-прислужники, слабые вампиры.

— Кто будет отвечать на мои вопросы? — спросил я.

— Я могу! — с видом прилежной отличницы отозвалась Эли. — Но чтобы знать больше ответов — так это Петр.

Я кивнул Петру, собравшемуся было затеряться среди вампиров.

— Эй, мохнатый. Двигай сюда!

— Как будет угодно гостю Хозяина Хозяев, — расплываясь в широкой улыбке, ответил Петр. — С превеликой радостью и радушием!

— Никогда не думала, что такое скажу, я вообще-то за сохранение исчезающих видов, — сказала Ольга с отвращением. — Но это, пожалуй, хорошо, что они вымерли.

Часть третья. Вынужденные меры
Глава 1

Выглядел Гесер усталым и невыспавшимся. Как и я. Вероятно, участие в шабаше с ведьмами было не менее напряженным, чем посещение сбора вампиров.

— Я спросил у Хены, какие они были, неандертальцы, — буркнул Гесер, прохаживаясь по кабинету. — Из всех наших только он, пожалуй, их застал…

— И что ответил? — заинтересовался я. Инквизитор-оборотень был не из говорливых, но уж если говорил, то в его словах не стоило сомневаться. Он как-то сказал, что жил в те времена, когда ложь еще не изобрели.

— Хена сказал, что они в общем-то почти как люди, — сообщил Гесер. — Только кости очень крепкие и много шерсти. Потом неделю комки отрыгиваются.

— Какие комки? — не понял я.

— Сразу видно, что ты не кошатник, Антон, — вздохнула Ольга. — Это очень познавательно, Гесер, но что по поводу Петра? Хена знал про

него? И часто ли вообще неандертальцы становились Иными?

— Про Петра он не знал. Неандертальцы иногда становились вампирами и оборотнями, магами — ни разу на его памяти. Хена считает, что у них было очень конкретное мышление. Они понимали, как передается Сила через кровь или мясо. А управлять тонкими материями — не умели.

Я кивнул. Это было похоже на истину.

— Но потом они потихоньку вымерли, — продолжал Гесер. — Большей частью их съели. Они, конечно, тоже были не против пожевать человечины, как и все в те времена. Но у них не было магов — это раз. И они были менее воинственны — это два.

— Тогда Петр нетипичный представитель своего вида, — сказал я мрачно. — Мне он показался воинственным и кровожадным. Хотя… когда твою эволюционную ветвь подчистую уничтожили, слопали в буквальном смысле слова… тут как-то милосердием не проникнешься.

— Хена неохотно говорил на эти темы, — сказал Гесер. — Мне кажется, ему не очень удобно. Он активно прорежал поголовье неандертальцев в свое время. Несмотря на безоары. А еще, как мне показалось, неандертальцы были у него в родне.

То ли мать, то ли бабушка.

— Мексиканская «мыльная опера», — сказал я. — Может, они родственники с Петром? Может, наш закарпатский друг — его папа? Стоит их познакомить!

— Обычное дело, — фыркнула Ольга. — Лучшие антикоммунисты вышли из бывших партийных лидеров. Самые ярые антисемиты — евреи, особенно полукровки… Нет, давайте не будем сводить Хену с Петром. Петр — говнюк редкостный, но теперь мы хотя бы про него знаем. А так — съест его Хена, и с концами.

— Может, это и к лучшему будет? — предположил Гесер. Подошел к окну, мрачно посмотрел на двор. — Что рассказал Петр? Что вообще знают вампиры о Двуедином?

— К сожалению, примерно то же, что мы и так знали. Все эти легенды, которые у нас считали вампирским фольклором, для них — абсолютнейшая истина, в которой не принято сомневаться, как в восходе солнца поутру. Вампиры верят… — Я подумал и поправился: — Вампиры знают, что были первыми Иными. Они научились получать Силу, выпивая кровь врагов. Научились менять себя, свое тело, обрели особые качества. И к ним пришел Двуединый — детали облика спорны. То

ли два человека, идущие рядом, то ли сиамский близнец. Вампирам было сообщено, что они отныне — хранители человечества.

— О как! — Гесер посмотрел на меня, приподняв бровь. Потом снова уставился во двор.

— Именно так. Что они лучшая и особая часть людей. Что они получают право резать людей для пропитания, ибо это дает Силу, но должны соблюдать правила… — Я откашлялся. — В общем-то те же, что и сейчас мы от них требуем. Не убивать детей, беременных женщин, не убивать без необходимости… Вампиры приняли эти условия. Как я понял, были те, кто не принял, и Двуединый поступил с ними очень нехорошо и очень наглядно. Да, помимо права кормиться на людях вампиры получили и обязанности. Защищать стада. От хищников. От катаклизмов. От эпидемий. От врагов, не заключивших завета с Двуединым.

— В общем, вампиры не хищники, — сказала Ольга. — Пастухи. Пастух ест барашков, но он их любит, защищает от волков, растит стадо и помогает размножаться.

Гесер молчал. И я знал почему Великий молчит — это все слишком походило на правду, чтобы спорить или что-то уточнять.

— И многие годы, десятилетия, века на Земле

царил Золотой век, — сказал я с иронией. — Люди жили в гармонии с природой и самими собой. Вампиры занимали главные места в пищевой цепочке… и в человеческой иерархии. Да, все знали, что вождь и, допустим, шаман племени пьют человеческую кровь. Ну так и что с того? Обычно ведь не до смерти пили. Зато и в бою — первые, и помочь могут нечеловеческими умениями. А чтобы уж совсем досуха человека выпить — это надо вождя разозлить или врагам попасться… Оборотни, полагаю, выделились из вампиров примерно в это же время, но это никак кардинально ситуацию не изменило. Подумаешь, не кровь пьют, а съедают целиком. То же самое, только вид сбоку… Длилась эта идиллия довольно долго, пока какая-то парочка вампиров не нарушила статус-кво.

— Назовем их условно Адам и Ева, — сказала Ольга.

— Уж не знаю, каких яблок они нажрались, — продолжил я, — но кровушку пить перестали. Может, первыми научились работать с Силой на более тонком уровне? То есть они по-прежнему вампирили, конечно. Но не кровь сосали, а Силу. Постоянно, в фоновом режиме, так сказать. Возможностей это у них не убавляло. Быть может,

вначале они или, скорее, их племя было изгнано теми вампирами, кого оскорбило нарушение традиций. Но потом новые возможности дали им перевес. Стали они плодиться и размножаться. Да и людям, вероятно, новый порядок понравился больше. Кровь никто не сосет, а что Силу откачивают — так обычный человек все равно ею пользоваться не умеет…

— И вот тут, — сказала Ольга, — у нас есть ощущение, что произошел второй визит Двуединого.

— Мы хорошо поработали, — похвастался я.

— Все эти устные предания перемешаны так, что сам черт ногу сломит, — пожаловалась Ольга. — Все появления Двуединого слились вместе. Но нам кажется, что их было как минимум два. С интервалом в сотни или даже тысячи лет.

— И вот вторая — это была уже серьезная встреча на высшем уровне, — сказал я. — Присутствовали, очевидно, представители всех организовавшихся к тому моменту подвидов Иных. Темные маги. Светлые маги. Ведьмы — очень быстро в отдельный подвид выделилась женская магия, завязанная на артефакты и накопление энергии… Вампиры, конечно же, но они уже не главные были в тот момент. Насчет оборотней не знаю, скорее — они шли в одной

обойме с вампирами.

— В общем, тут никакой новой информации нет, увы, — признала Ольга. — Вампиры точно знают про себя, Светлых, Темных и ведьм.

— Как мы понимаем, на этой встрече высокие договаривающиеся стороны имели серьезные терки, — усмехнулся я. — Двуединому не понравилась столь вольная трактовка первоначального соглашения. Но сделать он ничего не смог.

— Нам кажется, что на той встрече был кто-то Абсолютный, — сказала Ольга. — И Двуединый просто не рискнул на конфронтацию. Как мы можем довольно уверенно сказать, Двуединый — это еще одна форма воплощения Сумрака. Другой тип эффектора, скажем так. Тигр работает по пророкам, поскольку те формируют новую реальность и максимально опасны. Двуединый, вероятно, общается по глобальным вопросам… Итак, он согласился на новый статус-кво; появление Высших Иных, не рвущих людей на части и не пьющих кровь, стало свершившимся фактом.

— Но все прошло не так просто, — добавил я. — Было, очевидно, какое-то условие, при котором Двуединый обещал вернуться. И устроить Иным кровавую баню, скажем так. Похоже, что эти условия реализовались.

— Плохо, — сказал Гесер с отвращением. — Все плохо! Информация, которая должна была храниться как зеница ока, — потеряна! В Инквизиции, с ее раздутым штатом и тысячами тонн хранящихся манускриптов и артефактов, никто знать не знает про Двуединого! Бездари!

— Так и вы не знали, шеф, — заметил я. — Что ж вы других ругаете, если сами…

— Конечно, не знал, — неожиданно легко согласился Гесер. — А знаешь ли ты, мой юный друг, про Бабушку-в-пыли? Или про Человечка-Свечку? Или про Домик из кизяка?

— Из чего?

— Из кизяка. Высохшего навоза. Если коровий кизяк, то его еще называют джепа, а если овечий — кумалак.

— Не слыхал. Это же восточное, да? — пробормотал я.

— А зря не слыхал, — заметил Гесер. — Если бы Бабушку не напоили, то мир бы погиб. Если бы Человечка не потушили — мир бы погиб. Если бы в Домик не вошел нужный человек…

— Мир бы погиб, — вздохнул я.

— Нет. Но вонял бы омерзительно!

— Понял, — признал я. — У вас своей работы хватало.

— Вот именно. Территориальную структуру Дозоров можно сколь угодно ругать, но она достаточно гибкая и рабочая. Будь у нас некий серьезный общий центр — там каждый день ревела бы сирена.

— Я понял, понял и еще раз понял, — кивнул я. — Где азиатский аналог Инквизиции? Бейджин? Тайпей? Токио?

Гесер презрительно покачал головой:

— Тхимпху, невежда. Но, увы, у них тоже нет нужных нам данных. Или же они не смогли откопать их в своих хранилищах.

— А в Африке, Америке?

— В Африке, обеих Америках, Антарктиде и Арктике нет центров Инквизиции, — сказал Гесер. — Хотя североамериканцы свой продавят в ближайшие годы. Там, конечно, с наполнением будут проблемы, но они уж очень хотят.

Ольга досадливо махнула рукой:

— Пусть хоть три центра Инквизиции себе откроют. В Северной, Центральной и Южной Америке! Все эти колонисты, с их маленькой историей и большим самомнением, мечтают об одном — превзойти старушку Европу. Что у тебя вышло с ведьмами, Гесер?

— Бабушки полностью прониклись происхо-

дящим, — сказал Гесер. — С информацией у них еще хуже, чем у вампиров, — вообще никаких данных нет. Но они поверили в нашу информацию, не собираются ловить рыбку в мутной воде и готовы на все: оказать любое магическое содействие, войти в Шестой Дозор, погибнуть в бою с Двуединым.

— Хоть что-то хорошее, — кивнула Ольга.

— Не совсем. Они сказали, что готовы помочь, но не могут.

— Почему? — сухо, по-деловому поинтересовалась Ольга.

— Они готовы обсуждать это на встрече сегодня вечером. Но — только с одним из сотрудников Ночного Дозора, — сообщил Гесер.

— Ну почему! — воскликнул я, вскакивая. — За что? За что мне эта честь?

— Больно фотогеничный, — насмешливо сказал Гесер. — Ведьмы мечтают полюбоваться на ясна молодца… Что, неужели не понимаешь, за что?

К моему большому сожалению, я знал.

В столовой было пусто. Я прошел к раздаче, задумчиво уставился на тарелки с образцами салатов. Было тихо, меня никто не торопил, только на кухне позвякивала посуда. Кажется, пользуясь безлюдьем, повара устроили уборку.

На самом деле нынче мы работаем и днем, и ночью. Это когда-то, в старые времена, когда темные делишки предпочитали творить при свете звезд, а не солнца, Ночной Дозор действительно выходил работать по ночам.

Сейчас осталось название, остались какие-то обычаи и фразы (встретив ночью сотрудника Дневного Дозора, сказать ему: «Что ты вообще тут делаешь, это не ваше время» — любимое развлечение начинающего дозорного).

Но работаем мы, конечно, круглосуточно. Посменно. По восемь часов в день, сверхурочные оплачиваются отдельно. С двумя выходными днями, выход на работу в субботу или воскресенье оплачивается отдельно. С двумя отпусками в год — месяц летом и две недели зимой, причем перелет к месту отдыха оплачивается. С прикреплением к хорошей поликлинике (чтобы нашим целителям не приходилось лечить всякую мелочь вроде кариеса и простуды), корпоративным празднованием Нового года и майских праздников, поздравлениями и подарками от коллектива в день рождения и в прочие знаменательные даты.

Если бы у нас был профсоюз, то это был бы очень хороший профсоюз. Но у нас никакого профсоюза

нет, конечно. Просто мы все время мимикрируем под людей. Несознательно, но так получается. Когда люди сидели ночами в домишках, заперев двери и ставни, и только стражники опасливо патрулировали улицы — мы тоже ходили ночами в дозоры, жили в деревянных домах и скакали на лошадях по брусчатым мостовым. Когда люди построили дома в пять этажей, выкопали первое метро, соорудили чудо-машину с бензиновым мотором — мы стали носить сюртуки и галстуки, фланировать по бульварам в свете новомодных газовых фонарей и выискивать вампиров в клоаках больших городов. Когда над землей полетели аэропланы, в моду вошли кожаные тужурки и радиоприемники — мы обзавелись радио, стали передвигаться между городами на самолетах и обсуждать возможность классовой борьбы у оборотней. Когда бумажные книжки превратились в электронные, а в анкетах помимо мужского и женского пола ввели графу «иное» — мы стали звонить по мобильным и выслеживать вурдалаков в Интернете, торговать акциями и исследовать геном ведьм.

Мы ведем себя как люди. И не только потому, что маскируемся под них. Мы, Иные, не создали ничего иного. Возможно, мы ничего и не умеем

создавать — кроме заклинаний. Да и заклинания-то наши работают лишь по воле Сумрака. Мы не более чем квалифицированные программисты, умеющие давать задания немыслимой сложности суперкомпьютеру. У кого канал связи с Сумраком лучше, кто запрос четче и быстрее формулирует — тот и побеждает. А так — все вокруг нас человеческое. Офисы. Одежда. Мобильники. Еда. Кино. Дороги. Музыка.

И менее вещественные составляющие тоже — стиль отношений, структура организаций, моральные принципы и методы поощрения на работе.

Появилась у людей стража — возникли и Дозоры. Завели люди Инквизицию — и мы тоже под свои нужды ее адаптировали. Социальный пакет работникам? Ну так и у нас все будет, включая столовую для персонала…

— Что-то вы загрустили, Антон…

Я встряхнулся, сообразив, что уже несколько минут стою перед стойкой с салатами, и раздатчица, молодая девушка Аня, с улыбкой смотрит на меня. Ане было двадцать с небольшим, она училась в кулинарном техникуме, когда кто-то из наших увидел, что девушка — латентная Иная.

И дальше случилось странное. Аня, которой

обычным порядком рассказали, как на самом деле устроен мир и кто она такая, не стала инициироваться. Но и отказываться, как часто бывает с людьми глубоко верующими («Колдун все равно проклят, пусть даже добро творит») или иногда с представителями творческих профессий («А что, если я свой актерский дар потеряю?»), не стала.

Аня заявила, что хотела бы посмотреть на жизнь Иных. Разобраться, чем мы занимаемся и хочет ли она такой жизни. И вообще, кто ей ближе — Светлые или Темные.

Заметьте — девушка при этом она была очень положительная! Примерная дочь, один-единственный молодой человек, с которым встречалась едва ли не со школы, участие в волонтерских программах по помощи сиротам, защите природы и борьбе с эпидемией Эбола в Африке! Ну, по всему выходит — наш человек! И вдруг такая позиция! «Не знаю, Светлая я или Темная…»

Аней занимался сам Гесер. Говорил, убеждал. Потом отвез к Завулону, но и тот не соблазнил девушку прелестями Темной стороны. В итоге она год уже как работала у нас в столовой, а в дальнейшем собиралась поработать у Темных. И потом уж решить — станет ли она Иной, а если станет — то какой.

Мне кажется, что от этого рассудочного подхода слегка обалдели и Гесер, и Завулон. Это было что-то новое в людях.

— Дел много, Аня, — сказал я с улыбкой. — Ну, ты как, не надумала еще?

— Пока нет, дядя Антон, — вздохнула девушка.

— Ну какой я тебе «дядя»? — возмутился я. — Еще бы «деда» сказала. Ты, конечно, мне в дочери годишься. Но у нас, Иных, такая смешная разница в возрасте, как четверть века, ни во что не считается.

— Так это нигде уже не считается, дядя Антон, — застенчиво улыбнувшись, ответила Аня. — Что в дочери, что во внучки, что в любовницы — был бы человек хороший. А возраст, цвет кожи, пол — это все частности.

— Тьфу, — сказал я. — Ну что за победа толерантности над здравым смыслом? И где — в России! Огорчаешь, Аня… Ты скорей решай, а я тебя сам инициирую. Лично.

— Ох, дядя Антон, это такая большая ответственность, — вздохнула Аня. — Вы! Лично! Я девушка скромная, не верю своему счастью!

— Да ну тебя… — махнул я рукой. — Какой салат посоветуешь?

— Возьмите «Цезарь», — предложила Аня. — Я

для него заправку делала правильную и крутоны лично обжаривала. Не то что в ресторанах — бухнут майонеза, сухарей из пакета сыпанут, курицу настругают — и уже «Цезарь»!

— Соблазнила старика, — сказал я. — Дай-ка мне двойную порцию салатика и тарелку супа. Любого, на твой вкус.

— Борщ сегодня удался, — посоветовала Аня, накладывая мне салат. — И гороховый суп замечательный, но если остался… Сейчас я, деда Антон!

— Ну, это уже совсем свинство, — буркнул я вслед Ане. Я знал, что девушка вышучивает всех, включая Гесера, и каждого поддевает чем-то своим. Беззлобно, даже как-то приятно, что к тебе относятся как к личности, индивидуально. Но с другой стороны — становится понятно, почему девушка Аня никак не решит, со Светлыми она или с Темными. Надо посоветовать Ласу к ней приглядеться. Они могут хорошо подойти друг другу…

Я еще смотрел вслед Ане, когда в кармане зазвенел телефон. Я достал трубку, глянул — номер не определился.

— Да.

И услышал встревоженный голос жены:

— Антон, это я, Светлана, приходи быстрее!

Я не раздумывал ни секунды, я просто открыл портал — снеся при этом часть сервировочного стола. Я даже не выпустил из рук подноса — прямо с ним шагнул вперед.

И остановился, услышав хохот Нади.

Жена с дочкой сидели в обнимку и что-то обсуждали. Телевизор был выключен, неярко горело бра, на столике перед ними стояли полупустые чашки чая и тарелка с бутербродами. Все было совершеннейшим образом мирно и невинно. Ах нет! Перед Светой еще стояла крошечная рюмочка, судя по цвету — с коньяком.

— Я дебил, — сказал я, когда жена и дочь обернулись.

— Ух ты! Папа притащил салат! — Надя, еще смеясь, забрала поднос у меня из рук. Подцепила немного вилкой. — Вкусненький!

Светлана тревожно смотрела на меня. Потом спросила:

— Что? Что случилось?

— Меня вызвал твой звонок, — сказал я. — Ты только что позвонила и очень испуганным голосом попросила немедленно прийти.

— Мама не звонила! — сообщила очевидный факт Надя. Она еще продолжала улыбаться. По

инерции.

— В том-то и дело, дочь, — сказал я. — В том-то и дело!

— Спокойно, — сказала Светлана. — На хвосте ты никого не прицепил. Откуда открывал портал?

— Из нашей столовой. — Я кивнул на поднос. — Из офиса.

— Место безопасное, — будто себя уверяя, сказала Светлана. — Может, Гесер чудит, пытается узнать, где мы?

— Если это он, то не чудит, а… а мудрит! — раздраженно сказал я. — Надя, ты ничего не ощущаешь?

Но дочь уже и сама стояла, раскинув руки и всматриваясь в Сумрак. Каждый Иной невольно придумывает какие-то свои приемчики, запускающие то или иное заклинание. Вот я, когда всматриваюсь в Сумрак, чуть подаюсь вперед, локти прижимаю к бокам, опускаю подбородок, смотрю как бы исподлобья. А Надя наоборот — разводит руки, запрокидывает голову, веки закрывает.

— Ничего, папа, — сказала Надя, встряхнувшись и открывая глаза. — Все… все закрыто. Все обычно. На всех слоях.

Наше убежище и впрямь изолировано на всех слоях Сумрака. Только портал, который может открыть кто-то из нас, способен сюда перенести. Из него, конечно, тоже ничего не видно, единственное, что могла сделать Надя, — проверить целостность защиты.

— Что можно было понять, наблюдая за моей телепортацией? — вслух спросил я. Взял со столика рюмку коньяка и выпил. Светлана, уже чуть успокоившись, погрозила мне пальцем. — Кто-то же меня разыграл. Зачем? Просто шутки ради?

— Максимум — можно было вектор перемещения понять, — сказала вдруг Надя. — Я вот подумала, что если контролировать все слои Сумрака, причем одновременно, то направление можно определить. Ну, как линию такую, тень, по поверхности земли.

Мы со Светланой смотрели на Надю.

— Я бы так не сумела смотреть, — призналась дочь. — Ну и даже если понять направление, то ведь непонятно, где дальше искать, на каком расстоянии.

— Ну как на каком? — спросила Светлана. — Там, где линия упирается в невидимый и непроницаемый в Сумраке барьер. Вот идешь ты, идешь и упираешься лбом в стенку. Бац! Стенка

невидимая, но ты уперся.

— Но барьер же непроницаемый, — сказала Надя. Вздохнула. — Глупо, да?

— Уходим, — кивнула Светлана, вставая с дивана. — Надя, открывай портал. В офис Дозора.

— Какого? — деловито спросила дочь.

— Да все равно. Куда проще. Дневной, Ночной — сейчас не важно!

Надя кивнула. Поморщилась. Нахмурилась. Виновато улыбнулась.

— Не получается. Плывет все… навестись не могу…

Я вдруг понял, что до сих пор держу в руках поднос.

— Это поднос из столовой Дозора, — сказал я. — Ты можешь взять след?

Светлана посмотрела на меня с возмущением. Покрутила пальцем у виска и спросила:

— Ты с дочерью говоришь или с собачкой?

Но Надя такими тонкостями не заморачивалась. Взяла поднос, уставилась на него.

Вещи хранят память. И о том, где и когда их сделали, и о тех, кому принадлежали. Конкретно в этом подносе — и память о заводе какого-нибудь поливинилхлорбензилфторида, и расположение столовой в здании Дозора.

— Да, так легче, — обрадованно сказала Надя. — Сейчас…

Она провела ладонью по подносу. Задела каплю упавшего с салата соуса, посмотрела на ладонь, поморщилась, достала бумажный платочек и вытерла руку. Снова положила руку на поднос…

Я смотрел на дочь и думал о том, что каким-то вещам надо научиться. И не играют роли никакая наследственность, предрасположенность, уникальность.

Тебе может все в жизни даваться легко. У тебя будут пальцы как у Паганини, внешность как у Марлона Брандо, абсолютный слух и скрипка Страдивари в придачу. Но ты опоздаешь на свой первый персональный концерт в Сантори-Холле Токио или Золотом зале Вены, и разочарованные критики смешают тебя с грязью. Не потому, что ты идиот. А потому, к примеру, что ты не заложил в свои планы время на токийские пробки или не перевел часы на венское время. Ошибка будет мелкой, глупой и непоправимой.

Когда ты на войне, когда враг рядом — платочками в кармане не заморачиваются. В крайнем случае, уж если так мешает грязь на пальцах, оботрут об одежду. Секунды могут решить если не все, то очень многое. Этому учит только жизнь.

Я чувствовал, как истекают последние мгновения, которые были нам отпущены, чтобы убежать. Но не мог даже крикнуть, поторопить Надю — сейчас ей надо было сохранить сосредоточенность. Уж если она не может открыть портал, то все очень и очень плохо…

— Сейчас… — прошептала Надя. — Папа, я сейчас…

Воздух потемнел, формируя проем портала. Я успел поймать радостный взгляд Светланы и обрадоваться сам.

Потом дом сотряс тяжелый удар.

Телевизор накренился и упал со столика, в шкафу зазвенела посуда, по стенам побежали трещины. Надя покачнулась и выронила поднос. Почти возникший портал исчез.

Дочь вскрикнула, будто от боли, обмякла — я подхватил ее под плечи, замер, озираясь. То, что происходило, никак не походило на магическую атаку. Но и на землетрясение тоже — впрочем, откуда землетрясение в Питере?

— Надя, что с тобой? — Светлана уже была рядом. Дочь шевельнулась, неловко выпрямилась:

— Оборвали портал, резко, не ожидала.

Она казалась скорее растерянной, чем пострадавшей. Я попробовал представить, как это

— прерванное заклинание. И не смог. Такого опыта не было.

— Пошли, — сказал я.

Мы двинулись к двери — и в этот момент ударили второй раз. Посильнее.

Стена, в которой было замурованное окно, треснула и прогнулась волдырем. В воздухе повисло облако известковой и кирпичной пыли. Часть кирпичей высунулась внутрь комнаты.

— Быстрей! — крикнул я.

Дверь была хорошая, крепкая. Стальная дверь, к которой снаружи аккуратно прикрепили старую деревянную. Еще два мощных замка — если CISA в России распространен, то Bankham ставит любого взломщика в тупик. Еще три засова — не просто задвижки, а мощные засовы, полностью перекрывающие дверь.

Я отпер оба замка и вытащил один засов, когда в стену ударило в третий раз. И старые кирпичи не выдержали, полетели внутрь.

Вслед за ними в комнату ворвалась чугунная «баба» — огромная металлическая чушка на тросе. Ворвалась — и на миг зависла внутри комнаты. Время будто остановилось, я видел замершие в воздухе разбитые кирпичи (раствор схватился так крепко, что кирпичи ломались пополам, а не

в месте стыка), мятый металлический шар, когда-то выкрашенный в веселенькие желто-голубые тона, но ныне безнадежно облупившийся, грязно-серый, залитый неожиданно ярким солнечным светом внутренний дворик-колодец — и в нем едва поместившийся и невесть как сюда попавший автокран с чугунной «бабой» на тросе… В кабине автокрана угадывались два человека.

Я не раздумывал. Взмахнул рукой — и рассек трос, на котором была подвешена чугунная чушка. Удачно рассек — та как раз пошла назад, но, лишившись подвеса, ухнула вниз, на пол, наполовину пробила — и закупорила дыру в стене. Чтобы добавить атакующим веселья, я набросил на нее «кольцо Шааба», заклинание из арсенала Высших Темных. Теперь пройти в пролом будет очень, очень сложно.

Если бы мы не имели дела с Двуединым — то я бы сказал, что невозможно. Но сам факт того, что вампирский бог не стал биться о магическую защиту, а принялся вскрывать квартиру человеческими методами, меня порадовал. Все-таки его силы были не бесконечны.

— Антон!

Дверь уже была открыта — впервые за много лет. Я выскочил вслед за женой и дочерью в

подъезд, захлопнул за собой дверь — и в ту же секунду за спиной полыхнуло, яркий проблеск ударил в щель закрывающейся двери, ее с силой захлопнуло.

Не мудрствуя лукаво Двуединый швырнул в дыру файербол. Если бы квартира не представляла собой защищенную магией, абсолютно изолированную «коробочку» — сейчас бы полыхал весь подъезд.

— Я сумочку там забыла! — возмутилась Светлана, не оборачиваясь и сбегая вниз по крутой лестнице. Надю она держала за руку. Я кинулся следом, но передо мной распахнулась дверь соседней квартиры. Так резко, что я не удивился бы, увидев ухмыляющиеся физиономии Двуединого.

Но это была старая-престарая бабка — с крючковатым носом, бельмастыми глазами и седыми патлатыми волосами. На ведьминском шабаше или конгрессе любителей фантастики ее бы долго критиковали за слишком нарочитое следование образу ведьмы.

Правда, одежда бабки никак не годилась для косплея. Ведьму не «отыгрывают» в ярко-желтых бермудах по колено и футболке с машущей лапкой кошечкой. Ощущение было таким, что бабка не то ограбила правнучку, не то впала в маразм

и вообразила себя шестнадцатилетней девочкой.

При всем этом — и жутковатой старческой внешности, и неуместной одежде — в бабке сквозил какой-то немыслимый аристократизм. Респектабельность даже, не побоюсь этого слова. Пожалуй, такое можно увидеть только в Питере, в старых домах в центре, где доживают свое самые упрямые хозяева, устоявшие и перед бандитами девяностых годов, и перед нуворишами двухтысячных…

— Молодой человек! — неожиданно громко воскликнула бабка. — У нас не принято хлопать дверью!

— Я больше не буду! — пообещал я, пробегая мимо.

— Вы не внучатый племянник Веры Саввовны?

— Нет! — ответил я уже с этажа ниже.

— Вы три года не посещаете собрание членов будущего жилищного товарищества… — укоризненно кричала вслед старуха.

Но мы уже были на первом этаже. Несколько секунд смотрели друг на друга, собираясь. Потом Светлана кивнула. Я распахнул дверь и вышел из подъезда. То есть из парадного, как здесь принято говорить.

Светлана, как обычно, держала Щиты, я готовился к атаке, хотя прошлая попытка энтузиазма не внушала. Впрочем, сейчас с нами Надя — неисчерпаемый источник Силы…

А врагов не было. Была обычная питерская улица — заснеженная, тонущая в легком морозном тумане, но для разнообразия еще и залитая солнечным светом. Удивительно красиво — высокое чистое небо, ослепительное солнце, кружащаяся в воздухе снежная пыль. По путям, позвякивая, проехал трамвай. Осторожно, явно опасаясь гололеда, проследовал за ним солидный седан. Улица здесь была узкой, в две полосы, даже трамвайный путь был в одну сторону.

— Что-то не так, — сказал я, ежась от холода. Плохо, что мы не одеты, на улице минус пять, не меньше, да еще и с питерской влажностью…

— Людей нет, — сказала Светлана. — Кажется, тут поднята «сфера невнимания». Или что-то похожее… над всем районом.

— Плохо, — сказал я. — Идем!

Я сошел с тротуара на проезжую часть, поднял руку, тормозя ползущую по снегу машину. Что-то французское, симпатичное, семейное с трудом форсировало заснеженную улицу. Тоже мне — культурная столица, а снег до полудня не убран!

Женщина за рулем машины с явным подозрением уставилась на меня, крутанула руль, удаляясь подальше, и прибавила скорости.

— Останови ее! — воскликнула Светлана.

— У нее двое детей на заднем сиденье… — возразил я.

Но было уже поздно, жена сделала резкий жест рукой, будто дергая за что невидимое. Машина с визгом тормозов встала.

— У меня тут тоже ребенок, — заявила Светлана и побежала к машине.

Видимо, интуитивно женщина за рулем связала нас и внезапно заглохший двигатель. Хватаясь за мобильный телефон, она закричала что-то вроде «Уходите прочь, я вызываю полицию!».

Впрочем, Светлана не собиралась с ней дискутировать. Она распахнула дверь, будто та и не была заблокирована, а через мгновение уже вытащила женщину из-за руля. Сказать, что та выглядела обалдевшей, — значит ничего не сказать. Симпатичная длинноногая молодая женщина, очень ухоженная, судя по всему, небедная, хорошо одетая — она явно не привыкла к таким ситуациям.

Но, надо отдать ей должное, сориентировалась быстро.

— Детей отдайте! — завопила она. — Отдайте детей, сволочи!

Светлана уже сидела за рулем, Надя, обежав машину, шлепнулась с ней рядом. В другой ситуации я бы возмутился, но сейчас было не до того. Я распахнул заднюю дверь — в детских креслах сидели мальчик и девочка лет пяти, перепуганные, но хотя бы не орущие. Двойняшки, что ли?

— Все выходим, — бодро сказал я. — Мама велела вам выходить…

И в этот момент на машину пролился огненный дождь. Понятное дело, что все сравнения хромают. Но это действительно походило на дождь из огня. Капли зарождались где-то в небе, падали вниз, почти невидимые в солнечном свете, и с шипением вонзались в снег. Будто распылили над нами цистерну бензина — и подожгли.

Щит Мага закрывал меня и сверху, но его диаметр был всего два метра, а пылала уже вся улица…

— В машину! — закричал я женщине, а сам в немыслимом изгибе протиснулся мимо детского кресла и плюхнулся в центр заднего сиденья. Над головой огненные капли барабанили по Щиту.

Женщина обогнула машину спереди, держась руками за капот, словно удерживая на месте, и

села рядом с Надей. Та не стала спорить, сдвинулась. Хорошо, что и моя дочь, и хозяйка машины были одинаково худенькими.

— Гони! — крикнул я, но Светлана уже ударила по газу. Машина с визгом рванула с места — кажется, еще до того, как завелся мотор.

— Прикрывай! — бросила Светлана через плечо. — Надя, страхуй отца!

Защита всегда была ее работой. Впрочем, раз уж в прошлый раз она не справилась — почему бы и не поменять роли?

Я вызвал «ясный взгляд», и автомобиль вокруг меня выцвел, смазался — контуры слегка плыли, ускользали от взгляда. Женщина и дети застыли, похожие на манекены. Дома вокруг высились мертвые, заброшенные. Небо светилось тусклым мрачным светом, по нему призрачной полосой протянулось кольцо пыли и астероидов, что заменяет Луну на первом слое. Глазам стало холодно — не тем зимним холодом, что был на улице, а ледяной стылостью Сумрака.

Светланы изменения коснулись в меньшей мере, лишь кожа чуть поблекла и волосы приобрели пепельный оттенок. Надя вообще не изменилась, даже движения не замедлились, как у всех, на кого смотришь из Сумрака. Она повернулась,

кивнула мне.

Я всмотрелся глубже — автомобиль изменил форму, превратившись во что-то с высокой крышей, вроде английского кеба, но полупрозрачное, будто из стекла. Ощущение холода стало еще сильнее, добавилось давление на глаза — даже при простом взгляде на него второй слой Сумрака был не самым комфортным местом. Мир тоже изменился. Здания стремительно трансформировались в скалы. Краски вокруг погасли полностью, все затянуло серым плотным туманом.

Зато в небе вспыхнули сразу три Луны — маленькая белая, большая желтая и совсем крошечная, пылающая, с едва заметными выплесками лавы — алая.

Хозяйка машины исчезла совсем, на месте детей дрожало призрачное свечение аур… ого, а девочка-то, похоже, с потенциалом Иной… да и у мальчика что-то проблескивает…

Надя помахала мне рукой. Она была столь же живой и быстрой, как и в реальном мире.

Я стал смотреть глубже. Скалы превратились в серые холмы, холмы растеклись потоками бесцветной грязи. Все вокруг стало окончательно плоским и бесцветным, лишь временами слабые

отсветы красок обозначали голубизну неба, желтизну солнца, черноту земли. Потом краски стали вновь проступать, потом проявились в полную силу. Даже смотреть на шестой слой Сумрака было трудно. Но сейчас я чувствовал непрерывный ручеек Силы, текущий ко мне от дочери.

— Нет, — сказал я. — Я не вижу никого!

— А дождь? — раздался голос Светланы с того места, где она должна была сидеть.

Огненного дождя тоже не было. Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать, что это значит.

Двуединый атаковал нас не магией в чистом виде. То ли не был уверен, что магия сработает. То ли по какой-то другой причине. Падающий на нас огненный дождь был самым настоящим огненным дождем — распыленным в воздухе бензином или какой-то другой горючей смесью, которую подожгли над нашими головами.

И убежище, кстати, он разрушил столь же затейливым образом — перенеся в крошечный двор-колодец стенобитную машину.

Что же это значит?

В школе он сражался с нами магией и побеждал. Можно даже сказать — победил. Вампирша обратила его в бегство обычной физической атакой.

Может, он потому и сменил тактику? Или счи-

тает, что магическое столкновение теперь, когда мы втроем, будет не в его пользу?

Но самое главное — где же Двуединый? Его нет ни на одном слое Сумрака…

Ну да, разумеется. Ни на одном, кроме седьмого. Кроме нашего мира.

Я убрал сумеречное зрение и вновь оказался в машине. Справа от меня в кресле сидел маленький испуганный мальчик. Слева — маленькая девочка с испуганными глазенками.

— Остановите, я с детьми выйду, — быстро сказала их мать. — Берите машину, все берите. Дайте мне…

— Вы видите, что происходит? — спросил я.

Как ни странно, она замолчала и огляделась. «Рено» — я наконец-то разглядел марку — ехал сквозь огненный дождь. Сверху нас прикрывал Щит, но на стекло, в движении, огонь заносило. Светлана даже включила дворники, и те смахивали со стекла капли горящего бензина. В сочетании с блистающей в солнечных лучах снежной пылью выглядело это феерически.

Мы обогнали громыхающий по рельсам трамвай, Светлана гуднула, привлекая внимание водителя, и, обогнав трамвай, резко повернула перед ним.

— Ты что творишь! — крикнул я, когда мы промчались под носом железной махины.

— Отрываюсь от погони! — ответила Светлана.

— А ты ее видишь?

— Нет!

Мальчик рядом со мной вдруг весело засмеялся. Не поймешь этих детей — то ревут не к месту, то хохочут.

— Мне придется немного тюнинговать вашу машину, — сказал я женщине. — Вы брали модель без люка нарочно?

— Она дешевле, — пробормотала женщина. Глаза у нее стали совсем уж безумными.

— Сейчас исправим, — сказал я.

Я поднял руку, представил себе невидимый клинок, вырастающий из пальцев. Чуть-чуть чистой Силы… И обвел над головой круг.

Женщина завопила, когда я одним толчком выбил часть крыши. Пацан рядом воскликнул:

— Ура!

Я встал, высунулся в дыру, поднимая Щит над головой. Ветер лупил изо всех сил, но на втором слое Сумрака бывало и похуже.

Мы ехали уже по другой улице, но людей по-прежнему практически не было. Несмотря на хорошую для Питера погоду. Несмотря на почти

что центр города. Мне даже показалось, что в переулке, мимо которого мы проезжали, я увидел поспешно удаляющихся прохожих. Редкие машины проносились мимо, набирая скорость и сворачивая при первой же возможности.

— Они где-то рядом, — сказал я. — Они держат над нами эту бензиновую дрянь… и отпугивают людей.

— Вот за это им спасибо, — отозвалась Светлана. — Женщина, вы извините ради всего святого, но нас пытаются убить, и мы прячемся. Остановиться сейчас и высадить вас мы никак не можем. Вы же видите, что происходит?

— Вижу, — сказала женщина неожиданно спокойно. — Мистика какая-то… Нет-нет, я не знаю ничего и знать не хочу! У меня дети! Высадите меня, и все!

— По возможности, — сказала Светлана.

— По возможности, — покорно согласилась женщина.

Слушая этот сюрреалистический диалог, я озирался по сторонам. Двуединого нигде не было. Он не гнался за машиной, он не бежал рядом по тротуарам.

— Папа, проверь крыши, — вдруг сказала дочь.

Это был не самый красивый и туристиче-

ский район Санкт-Петербурга. Но все-таки и не новостройки. Дома вокруг были старые, как минимум начала двадцатого века. Разноэтажные, с самыми причудливыми крышами — и более плоскими, и крутыми, с мансардами, башенками, узорчатыми фронтонами.

— Нет… — сказал я. — За нами не гонятся.

— Этого не может быть! — воскликнула Светлана. Снова резко свернула в совсем уж узкий переулок. — Они тут, тут!

С этим я был совершенно согласен — Двуединый где-то рядом. Но он за нами не гнался. Двигался впереди, заманивая нас куда-то? Влияя на Светлану, заставляя ее следовать в нужном направлении? Тоже возможно. Все возможно, но если отбросить невероятное, то ответ очевиден.

Я нырнул обратно в машину. Потер пальцем кожаное сиденье под детским креслом. Улыбнулся мальчику, внимательно следившему за моими действиями. А потом развел руки — двери распахнулись, и мои маленькие соседи вылетели из машины вместе с креслицами.

Переулок, по которому мы ехали, был очень, очень узким. Оба креслица врезались в стены домов.

— Папа! — закричала Надя в ужасе.

Светлана резко затормозила. Непонимающе уставилась на меня. Я смотрел на женщину. Та хмурилась, терла двумя пальцами лоб. Это никак не походило на поведение матери, у которой только что вышвырнули из машины двух детей.

— Машина не новая, детские кресла тоже, — сказал я. — Но на сиденьях нет следов от кресел, их только что поставили. Гони!

Светлана покачала головой, в ужасе глядя то на меня, то назад. Я тоже обернулся — кресла лежали на снегу, у одного расплывалось красное пятно.

— Антон… Антон, мне кажется, ты ошибся… — тихо сказала Светлана.

— Я не ошибся, — упрямо сказал я. — Женщина, это ваши дети?

Женщина клюнула подбородком — и завалилась на «торпеду».

— Она сознание потеряла! — воскликнула Светлана.

— У нее шок от оборванного контроля! — ответил я. — Она марионетка! Ею управляли!

— Кто? — закричала Светлана.

— Эти… дети! — Я мотнул головой. — Это они — Двуединый!

Светлана заглушила мотор.

— Я так не могу! Я должна проверить!

— Огненный дождь прекратился, — задумчиво сказала Надя.

— Мог просто бензин закончиться. — Светлана вылезла из-за руля. — Я проверю…

— Стой! — Я выскочил следом. Поймал ее за руку.

Мы стояли возле машины, закупорившей собой весь переулок. За нами лежали два детских кресла, из одного торчала неподвижная ручка.

— Ты убил детей, — тихо сказала Светлана. — Ты…

Я поднял руку — и вал Силы покатился по переулку. Грубая, ненацеленная энергия. Простейшее заклинание — Пресс. И что особенно важно — остановить его можно только таким же простым методом. Выбросом чистой Силы.

Светлана смотрела на меня, закусив губу. Я чувствовал, что она мне не верит. Что ей сейчас безумно хочется остановить Пресс и кинуться к креслам, посмотреть, что там с детьми, попытаться им помочь…

Она мне не верила. Но ждала.

Пресс полз по переулку мутной дымчатой волной — это неторопливое и не слишком эффектное заклинание. За ним оставался ровный сверкающий снег, выглаженный до зеркальной глади.

Кое-где попадались сплющенные, похожие на рисунок пивные банки. В одном месте — стеклянная аппликация бутылки. Еще в одном, после легкого хруста, образовалась проекция мусорной урны на плоскость, совершенно лишенная объема, спрессованная и вдавленная в асфальт.

Я как-то отстраненно подумал, что если действительно ошибся, то сейчас переулок станет похож на фильм ужасов. И что у меня последний шанс остановить Пресс. А еще я понял, что останавливать его не стану.

И в ту же секунду, когда Пресс готов был перемолоть и креслица, и детские тела, за мутной волной что-то взметнулось, дернулось, изменяя форму и размеры. Встречный толчок Силы — и мое заклинание исчезло.

Как и кресла с детьми. Вместо них стояли Светлый маг Денис и Темный маг Алексей.

Или правильнее будет сказать — их оболочки?

— Как понял? — спросил Денис. Голос у него был тот же, что и раньше. Ровно тем же тоном он говорил мне в офисе: «Здравствуйте, Антон». Парень он был вежливый, но ко всем предпочитал обращаться по имени.

— По комплексу причин! — выкрикнул я.

У меня изо рта шел пар. У Дениса — нет.

— Денис, если ты меня слышишь, — сказал я. — Если ты где-то там еще жив… пытайся сопротивляться! Это Сумрак. Это еще одно его проявление. Ты можешь бороться…

Денис засмеялся.

— Городецкий, ты так себя ведешь, будто меня злой маг воли лишил. Все совсем иначе, Городецкий! Я впустил его в себя!

Он протянул руку Алексею, тот шагнул с тротуара на проезжую часть. Маги взялись за руки.

— А теперь мы одно целое! — добавил Алексей.

Ну, все понятно. Обычный словесный понос одержимого. «Я сам впустил *это* в себя!», «Теперь я стал сильнее, мудрее и не потею!», «Когда я позволил Темному думать за меня — мир стал прост и понятен!».

— Как же я рада, Антон, — сказала Светлана и взяла меня за руку. — Как же я рада, что ты был прав!

Получилась какая-то смешная параллель между обеими составляющими Двуединого — и нами. И маги, и мы с женой стояли держась за руки.

Вот только за нами еще была дочь. И она не преминула спросить:

— Папа, а как ты на самом деле понял?

Не отрывая взгляда от Дениса и Алексея, я от-

ветил:

— Доча, на самом деле все очень просто. Они ни разу не посмотрели на маму. Настоящий волшебник — это, конечно, очень интересно для ребенка. Но мама — важнее.

Надя рассмеялась.

Мы стояли, глядя друг на друга. Ожидая, кто сделает первый шаг. Это далеко не всегда выигрышная стратегия — делать первый шаг.

— У нас нет почвы для компромисса? — неожиданно спросила Светлана. — Каких-то возможностей для переговоров? В конце концов, когда-то ты общался с Иными, Двуединый, а не бросался в бой очертя голову.

И Денис, и Алексей синхронно покачали головами.

— Компромисс бывает с сильными, — ответил Денис.

— Вы к ним не относитесь, — поддержал его Алексей.

— Но вы медлите, — сказал я. — Похоже, мы не так уж и слабы? Возможно, мы и проиграем, но что, если при этом прикончим одного из вас? Тебе понравится быть Одноединым?

Алексей открыл рот, будто собираясь что-то сказать… Но промолчал. Они с Денисом развер-

нулись — странно, нечеловечески, сцепленные руки будто прокрутились в плечах, — и бывшие Светлый и Темный двинулись прочь по переулку.

— Кажется, я заставил их призадуматься, — сказал я. — Или его? Как правильнее? Блин, не думал, что я так красноречив!

— Пап… — позвала сзади дочь. — Папа… Это не ты красноречив.

Я обернулся.

Тигр стоял рядом с Надей. В руках у него был картонный стаканчик с кофе, который он попивал через трубочку.

— Здравствуйте, Антон, — сказал Тигр. — Здравствуйте, Светлана. Да, наверное, это я их смутил. Извините, если помешал, сегодня действительно прекрасный день, чтобы умереть.

Глава 2

Кофейня была маленькой, жаркой, заставленной какими-то крошечными столиками с лампами в душно-красных плюшевых абажурах. Кроме кофе, там подавали коньяк и виски, канапе и крошечные пирожные. В общем, место сурово специализированное, недолго посидеть с хоро-

шим кофе и съесть что-нибудь символическое.

Но кофе тут был хороший, не меньше дюжины сортов по происхождению — никарагуанский, бразильский, кенийский, кубинский, коста-риканский…

— Любишь это место? — спросил я Тигра.

Он кивнул, затянулся сигаретой.

— Да…

— Чувствую себя виноватым, — сказал я. — Уж не от меня ли эта вредная привычка?

— От тебя, — согласился Тигр. — И кофе тоже.

Я нахмурился, вспоминая.

— Кофе я тогда не пил…

— Тогда — нет. Но ты думал о том, что сейчас бы еще чашку кофе…

— Трудно с вами, богами, — принужденно рассмеялся я. Посмотрел на дочь — она выглядела самой спокойной из нас. Она вообще органично смотрелась в этой кофейне, полной в основном молодежи от пятнадцати и до тридцати. Я обратил внимание, что здесь практически никто не пил алкоголь, только кофе. Странно, меняются поколения, уходят старые модели поведения, уходят мифы… Мало кто за пределами России понимает, что нынешняя Россия уже не хлещет водку по поводу и без. Да и не курит — Тигр был

единственным исключением.

— Хочешь? — спросил Тигр.

— У нас нельзя курить в помещении, — мрачно ответил я. — Мы же культурные люди, на дворе двадцать первый век.

— Держи. — Тигр протянул мне пачку. — Никто не заметит, что ты куришь. И дым никому не навредит. Даже тебе. И это будут самые вкусные сигареты в твоей жизни.

— Тебе бы в табачном бизнесе работать, — пробормотал я, беря пачку. Такой я никогда не видел — сигареты назывались «Сумеречные», содержание никотина было указано нулевым, содержание смол «–0,6».

— При курении очищают легкие, — сказал Тигр. — Хорошая бизнес-идея?

— Мне кажется, ты опасно очеловечился, — заметил я, снимая с пачки целлофановую оболочку. — Это я не о кофе и сигаретах, а о твоем чувстве юмора.

— И это твоя вина, — сообщил Тигр.

— С какой еще стати? Я совсем не смешной, разве что когда падаю лицом в салат.

— Да, ты серьезный, как надгробие, — признал Тигр. — Дело в другом. Ты довел ситуацию до пата. Я не смог убить мальчика-пророка. Но

оставался риск, что пророчество будет озвучено. Поэтому я был вынужден остаться среди людей. На неопределенное время, до смерти Иннокентия Толкова, а желательно — также твоей, твоей жены и твоей дочери.

— Ну спасибо за откровенность, — вздохнула Светлана.

— Я же отказался от идеи ускорить процесс, — обиделся Тигр. — Я должен был ожидать естественного хода событий. Но это привело к тому, что я остался среди людей. На неопределенное время.

— И стал жить человеческой жизнью, — сказал я. Достал сигарету, понюхал. Пахло табаком. Приятно пахло, с точки зрения курильщика. Нет, не стану я нарушать закон и курить в кофейне! С искренним сожалением я втиснул сигарету обратно в пачку. — Дай догадаюсь… у тебя есть квартира?

— Не одна и не в одном городе, — ответил Тигр. — Ты бы знал, какое у меня бунгало в Доминикане!

— Наверное, девушка тоже есть? — предположил я. — Может, тоже не одна?

Тигр скромно улыбнулся.

— С ума сойти, — сказал я. — А потом будут

рождаться дети со сверхспособностями.

— Нет-нет, — торопливо ответил Тигр. — Это слишком серьезный шаг, я к нему пока не готов.

— Так ты что — воплотился в человека? — спросил я, почему-то понижая голос.

— Не понял, — нахмурился Тигр.

— Это он к Сумраку обращается, — сказала Надя. — Точно, пап?

Я кивнул.

— Я не Сумрак, — досадливо вздохнул Тигр. — Сумрак не имеет… — Он задумался. — Личности? Разума в человеческом понимании? Воплощения? В общем — я некая часть. Рабочий организм. Или механизм. Я сам по себе.

— Ты таким стал, — заметил я. — Тебя совратила человеческая жизнь. Со всеми ее маленькими радостями.

Тигр кивнул.

— Хорошо, — сказал я. — Вообще-то я совсем не против. Ты не убиваешь бедных пророков почем зря — это же прекрасно! Тогда скажи, кто такой Двуединый?

— У меня не больше информации, чем у тебя. — Тигр даже несколько обиделся. — Часть Сумрака.

— То есть часть тебя? — уточнила Света.

— Сумрака! — с напором повторил Тигр. — Зна-

ет ли твоя левая рука, что творит правая?

— Голова знает, — сообщила Светлана.

— К сожалению, я не голова. — Тигр отпил кофе. — У меня была миссия. Ради нее я приходил в этот мир…

— А между приходами? — заинтересовалась Надя.

— У меня не было «между», — усмехнулся Тигр. — А тут я остался. Задумался. И понял, что мне не нравится Двуединый.

— Почему?

— Во-первых, если он вас убьет, то мне придется возвращаться, — сказал Тигр раздраженно. — А я, между прочим, жду выхода следующих «Звездных войн».

— Вот бы Лукас это услышал… — с восторгом сказала Надя.

— Во-вторых, то немногое, что я знаю о Двуедином, мне не нравится, — продолжал Тигр. — Если он считает, что завет Сумрака нарушен, то у него нет другого выхода, кроме уничтожения всех Иных. А исчезновение всех Иных приведет к гибели всего живого на Земле.

— Почему? — спросил я.

Тигр пожал плечами.

— Я знаю только результат. И он мне не нра-

вится. Может быть, Двуединому и все равно, останется ли он на безжизненной планете. Может быть, Сумраку это все равно… или он не осознает происходящего. Но я — против.

— Как же нам повезло, что ты очеловечился, — усмехнулся я. — Скажи, ты можешь его остановить?

— Древнего бога Света и Тьмы? Вампирского бога? Явившегося в мир, чтобы провести апокалипсис? — Тигр покачал головой. — Даже не надейся.

— Но сегодня он ушел!

— Может быть, от неожиданности, — предположил Тигр. — А может быть, потому, что пророчество гласит «три жертвы на четвертый раз». Сколько раз до того он порывался вас убить?

— Один, — мрачно ответил я.

— Теперь два. Я почти уверен, что он нападет в третий раз — и отступит. Может, он будет для себя объяснять отступление вескими логичными доводами, но дело не в них. Осознанно или нет, но Двуединый следует пророчеству. Первый и второй раз отступил, когда появился другой соперник. Найдет повод отступить еще раз…

— А на четвертый раз он нас убьет.

— Если вы не убьете его, — кивнул Тигр. — На-

дежда Антоновна — Абсолютная волшебница. Ее Сила безгранична. Но, как вы прекрасно знаете, важно еще и умение пользоваться Силой. Так что в поединке я поставил бы на Двуединого.

— Как же Шестой Дозор?

Тигр задумался.

— Он будет сильнее Двуединого?

— Шестой Дозор будет правильным соперником, — сказал Тигр наконец-то. — Тысячи лет назад шестеро Иных заключили какой-то договор с Сумраком в лице Двуединого. Сейчас договор нарушен — и Двуединый воплотился, чтобы покарать всех Иных как отступников. Но, вероятно, если Шестой Дозор воссоздать, то будет возможен диалог. Будет возможность перезаключить Договор, исправить ошибки и так далее.

— Но ты не знаешь, что за Договор, что за ошибки, что за Шестой Дозор…

— Говорю же — нет! — с легким раздражением отозвался Тигр. — Я на вашей стороне. Я за Иных и за людей, потому что мне нравится быть Иным человеком. И помогать я готов, но ответов на любые вопросы не ждите. Их нет.

— А предположить ты можешь? — спросила Светлана. — Все-таки ты наиболее близок Сумраку.

Тигр усмехнулся.

— Предположить — могу… Какое-то время о Шестом Дозоре помнили, верно? Вы узнали о случае, когда он обсуждал сотрудничество с Инквизицией. Почему?

— Почему отказал?

— Да нет же! Почему он вообще обсуждал этот вопрос? Почему он существовал, если Двуединый не появлялся уже сотни или тысячи лет?

— Шестой Дозор был древнее всех наших Ночных-Дневных, — мрачно сказал я. — На заре времен Двуединый явился к кроманьонцам и неандертальцам. Они там что-то решили. Допустим, без всякой структуры, так, на уровне шаманов перетерли… Собралась какая-то компания, что-то они решили. Потом Двуединый явился — сильно позже, когда у него возникли какие-то претензии. Уже была цивилизация, древние города…

— Ур, Шан, Египет, Атлантида, — сказал Тигр без усмешки.

— Тогда еще не было наших Дозоров, — рассуждал я вслух. — Но для встречи с ним выбрали какой-то Шестой Дозор. Это были те же Иные, что встречались на заре времен? Или их последователи? И почему Шестой?

— Скорее он назывался «Дозор Шести», — предположил Тигр. — Или «Шестеро дозорных». Как-то так.

— То, что в современном русском блатном языке назвали бы «шестеро смотрящих», — насмешливо сказала Света.

— Да пусть бы и так, — согласился я. Посмотрел на задумчиво выпускающего изо рта дым Тигра и не выдержал. Вновь достал сигарету. Коснулся пальцем, поджигая.

— Пижон, — сказала насмешливо Светлана.

— Да пусть бы и так! — повторил я, затягиваясь.

Это были действительно великолепные сигареты — ну, насколько отрава может быть вкусной.

— Вопрос в том, почему Шестой Дозор исчез, — сказала Надя. — Вначале Двуединый пришел к вампирам-оборотням. Тогда никаких специализаций не было. Ко второму визиту были — и шесть появившихся сил объединились в Шестой Дозор. Но почему он сохранялся веками и до, и после второго прихода Двуединого, а потом — исчез?

— Не просто исчез, сама память о нем была потеряна, — добавила Светлана.

Я развел руками. Тигр повторил мой жест.

— Не знаю. Но я советовал бы вам подумать

именно об этом. Для чего Шестой Дозор был нужен — и почему исчез. Может быть, тогда удастся понять, как победить Двуединого? И кто входит в Дозор?

Он встал, и я понял, что наша беседа закончена.

— Ты следишь за нами? — спросил я.

Тигр покачал головой.

— Но ты появился в самый нужный момент…

— Я появился, когда почувствовал работу с Силой — твою и Двуединого. Понял, что вы сошлись в поединке, — и пришел.

— Вовремя же ты Пресс применил, папа, — сказала Надя. — До свидания, Тигр!

— До свидания, девочка Абсолютная, — серьезно сказал Тигр. — Я надеюсь, что все будет хорошо, хотя шансов на это мало.

Я ожидал, что он просто исчезнет. Но Тигр вначале достал из кармана деньги. Положил на стол две тысячные купюры. А потом скрылся за дверью туалета.

— Совсем очеловечился, — сказал я с восхищением. — Кошмар какой!

— Надя, открой портал в офис Дозора, — попросила Светлана. — Я понимаю, что когда-то вы не смогли там защититься от Тигра. Но все-таки там

надежнее.

— А может, у Гесера есть на примете какое-то убежище… — вздохнул я и затянулся.

К столику подошла молоденькая официантка. Как я полагал — за деньгами, но она встала возле столика и возмущенно посмотрела на меня.

— Что-то не так? — спросил я.

— А как вы думаете? — поинтересовалась девушка. — Вы курите! Мне полицию вызвать, акт составить?

— Да… я… — Растерянно загасив окурок в чашечке с остатками кофе, я помахал в воздухе рукой, развеивая дым. — Извините. Глупо вышло!

— Он задумался! — сказала Надя. — Извините папу. Неприятное известие, он и задумался.

— Что-то случилось? — подозрительно спросила официантка, глядя, как я торопливо достаю из кармана деньги, и слегка смягчая тон.

— Да, — кивнула Надя. — Мы все умрем.

— Баян, юмористка, — фыркнула официантка, сгребая деньги.

Однажды, в совершенно случайном разговоре, Ольга сказала мне, что едва не стала ведьмой. Нет, не в том переносном смысле, что «все бабы — ведьмы», и даже не в том наукообразном, что

любая женщина-Иная склонна к ведьмовским приемам магии. А в самом буквальном. Могло когда-то так все сложиться, что стала бы Ольга варить зелья в котелке, заряжать магией амулеты, наводить порчу, изводить девственниц на лечебные притирания… Но все повернулось иначе, и Ольга стала Светлой Иной.

На самом деле все гораздо сложнее. Да, есть обязательные признаки ведьмы — использование артефактов, растительных и животных экстрактов, частое применение доступной только женщинам магии (и в этом нет никакого сексизма — просто не позволит мужская физиология некоторых вещей: ни создать заклинание «бездонная западня», ни сварить зелье «мамочкино а-та-та», куда входят три капли грудного молока).

Ведьмы вообще часто используют физиологические жидкости — за что их и не любят. В этом они чем-то напоминают вампиров и оборотней, жаждущих крови и мяса. Вопреки слухам все эти «слезы девственницы» и «капли младенческой крови» в большинстве случаев собирают без того, чтобы хлестать невинных девиц плетью или резать детей на части. Но и среди ведьм есть обычные садистки, а девица, которой страшная старуха говорит: «Мне нужны твои слезки!», вряд

ли склонна разумно оценивать угрозу.

За то люди ведьм и жгли, когда удавалось их прихватить. И в какой-то момент это стало настолько раздражать Инквизицию (ведь ведьмы демаскировали всех Иных без исключения), что Конклаву всыпали по первое число. С тех пор ведьмы, некогда могучие и самостоятельные, несколько ушли в тень.

Но в том, что ведьмы были из числа самых первых Иных, — я не сомневался. Пожалуй, изначально они были какими-то вампирами, которые научились довольствоваться малым и выкачивать Силу не с литрами крови, а с ее каплями.

Куда более интересным был другой вопрос. Начали ли ведьмы запасать Силу в бусах, кольцах и серьгах, потому что они их носили, или начали носить украшения, чтобы запасать в них Силу? Я склонялся ко второй мысли. Тогда, кстати, понятна всеобщая женская страсть к ювелирным изделиям — человеческие женщины носили их, чтобы замаскироваться под Иных, под ведьм. В темные времена человечества женщине было полезно, когда ее считали ведьмой. Впрочем, это и сейчас бывает не вредно…

— Как ты? — спросил я Надю.

— Нормально, пап, — ответила дочь.

Вот так всегда у нее в последние годы. «Нормально». «Хорошо». «Четко». Переходный возраст, наверное. Это в десять лет она сама советовалась обо всем на свете, а в двенадцать ее можно было спросить о чем угодно…

— Необычное место для шабаша, правда? — спросил я.

Дочь пожала плечами:

— Ну почему же? Мне кажется, очень хорошее место. Ну не собираться же им все время в Киеве, на Лысой горе, в самом деле!

— Есть еще Брокен в Германии, — напомнил я.

— Так везде есть свои лысые горы. — Надя пожала плечами. — В Москве ведьмы на Воробьевых горах собираются… Догоняй!

Она оттолкнулась палками — и покатилась вниз по склону.

Мы стояли на самом гребне горы. В одну сторону склон был диким, неухоженным, покрытым камнями разной величины, кое-где ветер сдул снег, и темнела скальная порода, кое-где тот же ветер надул огромные сугробы.

В другую сторону склон был выглажен, вычищен, покрыт ровным слоем снега. Стояли снеговые пушки, тянулись мачты подъемников, скользили фигурки лыжников и сноубордистов

в ярких разноцветных костюмах. Солнце клонилось к закату, подъемники уже шли только вниз. В горах темнеет быстро, и через полчаса все эти туристы будут мыться и переодеваться, а еще через час-полтора — ужинать и попивать пиво.

Это был маленький горнолыжный курорт на границе Австрии и Италии. Узкая долина у перевала, застроенная отелями, пансионатами, ресторанами, жмущимися к проходящей навылет дороге. Повсюду, разумеется, были подъемники, и у восточного, и у западного края долины. Летом, наверное, тут тоже была своя жизнь — какой-нибудь экологический туризм, походы по склонам, собирание эдельвейсов и любование коровами.

Но по-настоящему это место оживало только зимой. И еще в те дни, когда сюда съезжались ведьмы.

Я собирался отправиться на встречу один, как и говорил Гесер. Но в последний момент, уже после того, как Наде и Светлане выделили комнату для проживания в подвальных этажах Ночного Дозора, планы поменялись. Явился Завулон, с которым связалась одна из старших Бабушек Конклава. Сообщила, что ведьмы просят Городецкого прибыть не одного, а с дочерью. Полчаса шли пререкания по поводу безопасности — пока ее не

гарантировала Инквизиция (хотя если честно, то я не был уверен, что вся мощь Инквизиции, включая запретные заклинания и артефакты из особых хранилищ, сможет уничтожить Двуединого). Потом полчаса мы с Надей уговаривали Светлану — к предложению отпустить Надю со мной на Конклав она отнеслась с таким же недоверием, как пятнадцать лет назад к моему предложению самому покормить Надю из бутылочки. С точки зрения женщин, мужчины не умеют заботиться о детях.

Но приглашение Конклава было очень конкретно и никаких иных толкований не допускало. Антон Городецкий и его дочь Надежда. Все.

В итоге времени на то, чтобы добраться до Австрии каким-либо человеческим видом транспорта, не оставалось. А ближайшие окрестности отеля, где собрались на свой Конклав ведьмы, оказались заблокированы от открытия порталов. Я еще никогда не видел Гесера и Завулона столь раздраженными и смущенными одновременно, чем в тот момент, когда спросил их, откроют ли они портал прямо в отель.

Они не могли. Инквизиция тоже не могла. Ведьмы использовали какие-то свои заклинания и артефакты — и пройти напрямую к их шабашу

было невозможно.

В итоге все стало напоминать какую-то сюрреалистическую «бондиану» — нам с Надей привезли горнолыжные костюмы и снаряжение, после чего открыли портал на склоне горы, километрах в пяти от отеля. Трасса была несложной, «светло-красной» по местной классификации, ухоженной и размеченной, а мы иногда ездили кататься на лыжах.

Но все же ехать просто так я не рискнул. Покатился вслед за Надей, просчитывая вероятности и с легким испугом осознавая, что тело успело подзабыть горные лыжи. Вот тут я катился бы кубарем, вот здесь меня, неуклюжего и медленного, подрезал бы и сбил молодой отвязный сноубордист, а здесь я расхрабрился бы, стал бы что-то вспоминать, рискнул бы увеличить скорость и снова закувыркался бы…

Так что я спускался вслед за Надеждой неспешно, будто новичок, тормозя «пиццей», меряя склон змейкой и постепенно втягиваясь в забытые ощущения. Как жаль, что мы уже пару лет не ездили в горы! Как это все-таки здорово… и как здорово было, когда Надя спускалась позади, маленькая, смешная и сосредоточенная…

Мы скатились со склона почти к самому отелю,

где проходил Конклав. До этого момента я то ли не всматривался, то ли отель накрывал какой-то ведьмовской морок, а тут — в глазах просто зарябило от аур.

Иные. В большинстве своем — Темные. Ведьмы.

Отель назывался «Winter Hexerei», что было по-старомодному мило и вызывающе. Темные Иные вообще любят такие провокационные демаскирующие штучки — вампиры шутят о крови, зубах и высасывании, оборотни острят про волков, шерсть и полнолуние. Ведьмы обожают говорить про колдовство.

Плакат у входа был столь же ехиден и вызывающ.

«Приветствуем участников DCLXV традиционного съезда феминисток, работающих в сферах геронтологии, косметологии, ботаники и межличностных отношений».

Это, конечно, было длинновато, особенно в версии на немецком языке, но довольно хорошо передавало суть того, чем занимаются ведьмы. Я бы еще про зоологию добавил — масса ведьмовских эликсиров содержит субстанции животного происхождения. Но звучало бы уж совсем громоздко.

— Я хорошо катилась? — спросила Надя, останавливаясь.

— Очень, — искренне сказал я, тормозя рядом. — Смотрела вероятности?

Надя секунду колебалась, потом призналась:

— Ну… чуть-чуть. Я на серединке испугалась, посмотрела. И правильно сделала, если бы не затормозила — упала бы. Нам сюда?

Я кивнул. Мы были рядом со входом в отель, мимо нас двигался неторопливый поток — в большинстве своем ведьмы, в большинстве своем — старые, в большинстве своем — в горнолыжных костюмах, с лыжами в руках.

— Лыжи куда девать? — сбрасывая их, спросила Надя.

Я показал на стойку возле открытой площадки ресторана. Днем тут оставляли лыжи обедающие, сейчас, к ночи, похолодало, и открытая площадка пустовала, только кто-то курил у дверей. Небо уже потемнело — стремительно, как всегда в горах. По всей долине загорались фонари — у отелей, у дороги, у лыжных трасс.

— Бросим тут, — сказал я. — Довольно нелепо будет с ними таскаться, правда?

— Хорошие лыжи, — вздохнула Надя. Но безропотно поставила их рядом с моими. — Так

здорово было снова прокатиться…

— Сейчас закончится этот кризис — и поедем в горы, — сказал я. — Честное слово.

Надя мимолетно посмотрела на меня, кивнула. Но я видел, что она мне не верит. Я и сам себе не верил.

— Герр Городецкий? Юная фройляйн Городецкая?

К нам подошла пухленькая немолодая женщина в ярком бело-оранжевом комбинезоне.

— Да-да, конечно, — ответил я.

Мы видели ауры друг друга, и вопрос, конечно же, был риторическим. Женщина была ведьмой, Высшей Иной.

— Этта Сабина Вальдфогель, — протягивая руку, сказала ведьма. — Я много о вас наслышана, герр Городецкий.

Я отчаянно вспоминал.

— Фрау Вальдфогель… — Кивнув, я спросил: — Не ошибусь ли я, если предположу, что вы — автор «Наставления о путях и путниках»?

Во взгляде Этты Сабины появилось любопытство.

— Вы читали, герр Городецкий?

— Нет, — признался я. — Мне не удалось достать экземпляр.

— Оно довольно редкое, — небрежно сказала Вальдфогель. — И я не уверена, что могу выносить «Наставление» за пределы нашего круга… и что вам действительно пригодится эта весьма специальная литература… Но я могу дать вам «Краткую трасологию фрау Этты». Она более популярна и доступна…

— Я бы с удовольствием почитала, — сказала Надя.

— С удовольствием, милая, — проворковала Этта. — Ну, пойдемте, пойдемте же в тепло!

Вслед за Эттой мы вошли в холл отеля. Людей почти не было — только ведьмы. Даже на ресепшене ведьмы. Даже официантка, разносившая по холлу кувшинчики с горячим глювайном, была ведьмочкой, и не последнего ранга. В отличие от нашей сопровождающей они все носили личины молодых и красивых женщин.

— Как же мне приятно видеть Абсолютную, дитя! — приобнимая Надю за плечи, проворковала Этта. С мороза она стала совсем уж румяной, добродушной, обаятельной пожилой дамой.

Владелица пряничного домика, где гостили Гензель и Гретель, была, наверное, точно такой. А может быть, они с Эттой даже были знакомы и захаживали друг к другу на ужин.

— Спасибо, Бабушка, — мило потупившись, отозвалась Надя. — А уж как мне приятно, что такие мудрые женщины позвали меня, глупую и неразумную, приехать, ума-разума набраться…

Вальдфогель засмеялась.

— О, какой острый язычок! — Она потрепала Надю по щеке. — Да ты ведьма, девочка!

— Я не ведьма, — ответила Надя. — Вы ошиблись, Бабушка.

— Ведьма-ведьма! — бодро отозвалась Этта. — Все мы, настоящие волшебницы, ведьмы…

Надя повела плечом, сбрасывая руку Этты. Я с любопытством смотрел на дочь — она очень долго терпела. Вообще-то Надя с детства не любит таких вот телесных контактов с дружелюбными незнакомцами — погладить по головке, потрепать по щечке… Нет, ничего совсем уж дурного она в людях не подозревает. Просто не любит панибратства.

— Я не ведьма, Этта Сабина Вальдфогель, — произнесла Надя негромко. Но голос ее каким-то образом зазвенел, наполняя собой весь немаленький холл. Ведьмы застыли. — Я не ведьма, не оборотень, не вампир, не волшебница. Я нечто большее. Я — Абсолютная. Запомни это, Мать этих гор.

На миг Вальдфогель изменилась — словно по ней провели мокрой тряпкой, смывая магический грим. Вместо обаятельной пожилой тетушки с легкой полнотой рядом с нами оказалась древняя расплывшаяся старуха. Бусинки глаз тонули в покрытых красной сеточкой складках кожи. Полуоткрытый рот был абсолютно беззуб, и я совершенно не к месту вспомнил, что одним из традиционных ведьминых грехов в Средневековье считалось питье грудного молока. Помимо очевидного высасывания Силы, пожалуй, не меньшего, чем получают вампиры, у таких действий могла быть и еще одна причина…

Потом видимость восстановилась. Рядом с нами опять была милая немолодая женщина.

— Всего лишь голосом, — сказала Вальдфогель с восхищением. — Я тридцать лет не снимала этот облик, я уже сама подзабыла, как это делается… Я восхищена, девочка. Ну, пойдемте же, пойдемте!

Шум в холле возобновился. Ведьмы сновали туда-сюда, кто-то, входя, садился у бара прямо в лыжных костюмах и ботинках, попивая горячее вино, кто-то уходил в номера. Умеют же ведьмы устраивать свои шабаши!

— Все занято, все-все собрались, — бормотала Вальдфогель, ведя нас к лифту. — Уж не обес-

судьте, я вам простой номер забронировала, ну так вам же не ночевать, только в порядок себя привести… Прокатились хорошо? Как снежок?

— Спасибо, получили огромное удовольствие, — ответил я.

— Вот и славно, вот и славно… Вы чаще приезжайте к нам кататься, тут хорошее место, а гору я попросила, она вас запомнила — не разобьетесь, не сломаетесь, если уж совсем глупить не станете, конечно…

Что в ее словах было ведьмовской похвальбой, на которую все они мастерицы, а что правдой? Могла ли ведьма «попросить гору»? А если да — то что имеется в виду? Я не стал расспрашивать.

Мы поднялись на лифте. Вальдфогель открыла дверь ближайшего к лифту номера (я как-то опытным путем установил, что это, как правило, самые маленькие и неказистые номера, которые получают одинокие непритязательные коммивояжеры и курящие путешественники с внешностью алкоголиков, которые с большой вероятностью будут среди ночи ломиться на улицу). Но нам действительно тут не ночевать.

В номере было тесно, но чисто и аккуратно. На кровати, слишком широкой для односпальной и слишком узкой для двуспальной, лежали ве-

ликолепный мужской костюм из темно-синей шерсти, белая сорочка, галстук, носки, трусы и модельные туфли.

Рядом лежало длинное черное платье, к моему удивлению, выглядящее слегка поношенным, черные колготки, черные трусики с черным лифчиком и черные туфли.

Надя возмущенно повернулась к ведьме.

— Простите, фройляйн, — невозмутимо сказала та. — Я не хотела вас смутить. Но вы все-таки с отцом, а не с молодым человеком, и вряд ли вашего отца так шокирует вид ваших трусиков.

Надя вспыхнула, сгребла одежду и исчезла за дверью ванной комнаты.

— Ах, дети… — вздохнула Вальдфогель. — Но я ничего не могу поделать. Девушка, впервые посещающая шабаш, обязана одеться в классическом стиле. Все черное. Некоторые полагают, что белье может быть белым, но я считаю это недопустимой вольностью. Вначале начинают сморкаться в бумажные салфетки, потом не бреют волосы под мышками, заканчивают белым бельем под черное платье — и вот, полюбуйтесь, рушатся государства, падают нравы, сирот отдают на воспитание содомитам, а в церквах устраивают выставки.

— Какая вы неполиткорректная, фрау, — сказал я, стягивая тяжелые ботинки и начиная расстегивать комбинезон.

— Да, я такая, — вздохнула ведьма. — Киндер, Кюхе, Кирхе — как говорят в Германии. Здоровое общество начинается со здоровой семьи и хорошего вкуса! Вам помочь, герр Антон?

— Справлюсь, — стягивая комбинезон, сказал я. — Вы не будете против, если я не стану мыться, а просто оботрусь вот этим покрывалом и надену чистое?

— Не стану, — сказала ведьма. — Запах мужского пота — лучший аромат для женщины. Вы не будете стесняться переодеться при мне?

— Ничуть, — ответил я, скидывая пропотевшее белье.

— Как жаль. — Этта вздохнула. — Я обожаю свое ремесло, мне нравится быть ведьмой, и я хорошая ведьма, поверьте, Антон. Но как же обидно, что наша внешность так… неприятна.

— Этого ведь никто не видит, — сказал я, быстро одеваясь. — И на здоровье вроде как не влияет.

— Я-то сама вижу, — пожаловалась ведьма. — Вы видите.

— Ой, да ладно, нашли проблему! — махнул я рукой. — На Иных свет клином не сошелся.

Можно подумать, мы такие мачо, что без нас и мужиков-то на свете нет…

— Галстук повязать? — поинтересовалась Этта. — Мужчины никогда не умеют завязывать галстук.

Я кивнул, протягивая ей галстук — темно-синий, в тон костюма шелк с вышитыми на нем золотистыми звездами.

— Всем мужьям завязывала, — бормотала Этта, прикидывая галстук к моей шее, хмуро оглядывая его, прикладывая к пиджаку. — И Гансу, пусть ему спится хорошо, и Вольфгангу, и Альфреду, знать его не желаю, и Отто, и Конраду, и Людвигу, и Базилю… а он, кстати, из ваших был, из русских… И еще Антонио и Хорсту…

— Сколько ж у вас мужей было? — спросил я.

— Да под сотню… — Этта махнула рукой. — Не думай, Городецкий, я их не всех хоронила, обычно поживем годка два-три, как-то и мне становится скучновато, и мужиков на подвиги тянет, а я этого не люблю… Вот и разводилась или просто уезжала… Только с Гансом всю жизнь прожили, и с Альфредом, будь он неладен, и с Людвигом…

Дверь ванной отворилась, вышла Надя. Слегка смущенная.

— Как я?

Я придирчиво осмотрел дочь. С удивлением сказал:

— Ты знаешь, а неплохо. Платье как по тебе шили… хотя мне кажется, оно не новое.

Этта захихикала.

— Угадал! Оно не новое, в нем уже три века девушки на первый шабаш ходят. Но под фройляйн Надю его подгоняли, весь день портной работал…

— Ты тоже великолепно выглядишь, папа, — сказала Надя. — Тебе надо носить костюм и галстук. Это так… очаровательно старомодно.

— Спасибо, родная, — кивнул я. — Ты умеешь создать отцу бодрое настроение. Фрау Вальдфогель, как у нас со временем?

— У вас есть четверть часа, — сказала ведьма. — Вы можете выпить пива или вина в баре. Или водки. Водки? Что вы обычно пьете по вечерам?

— Нет, водку не могу, я обещал своему медведю не пить без него, — ответил я. Надя хихикнула. — Фрау Вальдфогель, а удовлетворите мое любопытство… у вас действительно шестьсот шестьдесят пятая встреча?

Кажется, мне удалось смутить ведьму.

— В какой-то мере да, — уклончиво сказала она. — Понимаете ли, Антон… мы, ведьмы, слегка

суеверны. Потому у нас уже почти век — шестьсот шестьдесят пятая встреча Конклава. Потому она и «традиционная».

— Интересное решение, — сказал я.

— Я тоже так считаю, — ответила ведьма без тени иронии. — Ведь главное — это сохранить душевное равновесие и позитивный взгляд на мир.

Я не нашелся что ответить.

Зато Надя негромко сказала:

— Один — один, папа.

Глава 3

Конклав ведьм собрался в ресторане при отеле. Как говорится, «решили совместить заседание и банкет». Нет, гор еды, к счастью, не было, две сотни жующих ведьм — это слишком сильное зрелище. К тому же они в большинстве своем любят поесть, и обильная закуска могла бы отвлечь их внимание даже от начавшегося конца света.

Поэтому на столах были только чай, кофе, вино, пиво и коньяк (многие дамы предпочитали именно его), канапе с красной и черной икрой, фуа-гра на маленьких тостах, различные пирожные и нарезанные торты (ведьмы готовы есть сладкое всегда и в любом количестве).

Мы пришли, когда большая часть дам уже расселась. Большинство предпочитали выглядеть молодо и ярко, но и облик пожилых был обманом, приукрашением реальности. Сила, которой владеют ведьмы, тянет из них красоту и молодость. Они могут жить долго, очень долго, практически вечно — как и все Иные, но мы живем свою долгую жизнь в молодых телах, а ведьмы — в старушечьих.

Фрау Вальдфогель, одетая в роскошное вечернее платье и несовременные (и явно дорогие) украшения, повела нас к столу, за которым, очевидно, собрались самые уважаемые ведьмы. Все, насколько я видел, были Высшие. Сидела среди них и Хохленко, но, как мне показалось, это было неожиданным для нее самой. Скорее всего московскую Бабушку позвали за главный стол из уважения к нам.

«К Надежде, — мысленно поправился я. — Не к нам. К Наде. Она их интересует».

Мы пробирались мимо столов, за которыми выпивали и закусывали ведьмы, и до меня доносились обрывки разговоров.

— …Джек был славный малый, славный. Но с таким детством, ты же понимаешь, голубушка, голову в порядке не сохранишь. Психологов

тогда не было. Вот он и взъелся на этих бедных проституток…

— Нет-нет! Ты все неправильно поняла! Физическая невинность совершенно не важна, то есть желательна, но не является главным критерием! Важна невинность духовная, я бы даже сказала — наивность духовная, чистота, исходящая из глубин сердца, девственность сознания! И вот сердечная мышца именно такой девственницы, будучи обработанной правильным образом…

— Какая гадость, — тихо сказала Надя, беря меня за руку. Она тоже вслушивалась в разговоры. — Одно радует, я на такую девственницу точно не потяну!

Я сделал вид, что не услышал.

Были, впрочем, разговоры и более спокойные.

— Ранним утром! Едва лишь краешек солнца появится на небосклоне — выходишь в поле, начинаешь собирать бутоны. С добрыми мыслями, с улыбкой на губах, можно с тихой песней…

Возможно, если бы мы послушали дальше, то выяснилось бы, что собранные цветы надо использовать для какой-то гадости. Но мы не дослушали, подошли к своему столу.

Да, по сравнению с собранием вампиров здесь все было очень мило — особенно если не

вслушиваться и не пытаться смотреть через косметические заклинания.

Улыбающиеся девицы и старушки, так и норовящие чмокнуть Надю в щеку, а меня приобнять. Обилие розового цвета в одежде — дочь оказалась едва ли не единственной, одетой в черное. Какие-то шуточки, прибауточки, улыбочки, кусочки тортиков, плывущие на блюдцах со стола на стол, разливаемый чаек — а также винишко, пивко, коньячок. Конклав ведьм походил на стайку маленьких пушистых зверьков с розовой шерсткой, сосредоточенно жующих и умилительно виляющих хвостиком.

Главное правило обращения с умилительными зверьками — не тыкать в них пальцем, если на тебе нет толстых перчаток.

— Сестры! — Одна из ведьм, сидящих за нашим столом, поднялась. Голос ее звучал ровно и мощно, заполняя весь зал — тот же фокус, что недавно проделала Надя. — Наш скромный круг почтили своим присутствием Надежда Городецкая и ее отец, Антон Городецкий.

Я поморщился. Да, конечно, это очень приятно, когда твоих детей знают и ценят. Но все-таки ощутить себя лишь довеском к собственной дочке — это грустно.

— Все мы знаем, что происходит, — продолжала ведьма. Она была стройной, смуглой, черноглазой, с волосами цвета воронова крыла, как любят говорить поэты. — Я, Эрнеста, приветствую наших гостей от нашего общего имени и обещаю им всю помощь, которую мы можем дать.

Это звучало очень оптимистично. Немного помощи, для разнообразия.

— Спасибо, госпожа Эрнеста, — ответил я, вставая. Про говорящую я слышал — это была испанская ведьма, одна из самых уважаемых в Конклаве. Но была одна странность… — Могу ли я задать личный вопрос?

Эрнеста улыбнулась и кивнула.

— Мне казалось, что вы уже много лет — в Инквизиции, — сказал я.

— С одна тысяча восемьсот девяносто первого года, — любезно ответила ведьма. — Вы удивлены, что я на Конклаве?

— Да.

— Конклав не является организацией, каким-либо образом участвующей в противостоянии Дозоров. Среди нас есть и Светлые. И вообще Конклав — это вроде девичьего клуба по интересам.

Я позволил себе улыбнуться, поскольку этого от меня и ждали.

— Так что я могу служить в Инквизиции, но при этом оставаться ведьмой и участвовать в Конклаве, — закончила Эрнеста.

— Хорошо, — кивнул я. — Тогда ответьте мне сразу как участница Конклава и действующий Инквизитор. Как могла быть потеряна информация о Двуедином, о боге, порожденном Сумраком? Еще в Средние века о Шестом Дозоре помнили, значит — помнили и о Двуедином. Что случилось потом? Почему мы мечемся, собирая знания по крохам, и до сих пор не уверены, что все понимаем правильно?

Наступила тишина — ведьмы даже жевать прекратили.

— У меня нет ответа. — Эрнеста не смутилась, ведьму ничем не смутишь, но ей явно не понравился вопрос. — Информация подобной важности не должна была быть утрачена. Но ее действительно нет. Отдельные второстепенные документы, намеки, мелкие упоминания в книгах… Если хочешь знать мое мнение…

— Хочу, — кивнул я.

— Информацию сознательно уничтожили. И в этом должны были быть замешаны несколько Иных — Светлых, Темных, Инквизиторов. В этом должны были быть замешаны маги, ведьмы,

вампиры…

— В этом должен был быть замешан Шестой Дозор, — неожиданно сказала Надя. — Ведь так?

— Браво, девочка, — сказала Эрнеста. — Именно так. Мы пришли к выводу, что сами члены Шестого Дозора и уничтожили память о нем.

— Мы? — удивленно спросила пухленькая светловолосая ведьма, сидящая рядом с Эрнестой.

— Мы в Инквизиции, — пояснила Эрнеста. — Антон, к сожалению, никакой информации дать мы тебе не сможем. Никто из наших сестер не знает про Двуединого и Шестой Дозор.

— Даже у нас есть такие страшные сказки, которые мы стараемся забыть… — скрипучим голосом сказала ведьма от соседнего столика. Она была одной из немногих, кто не маскировал возраст чарами. По человеческим меркам она выглядела лет на сто. — Двуединый, милочка, одна из таких…

— Ты что-то знаешь, Мэри? — поинтересовалась Эрнеста.

— О Двуедином? — Мэри замотала головой так, что редкие седые пучки волос, уложенные в подобие кудряшек в попытке украсить лысый череп, сбились. — Нет-нет, сестра… Я знаю про Томаса-со-спичками, про Веретенце и…

— Не надо при чужих, сестра, — мягко, но настойчиво попросила Эрнеста. — Мы ценим твои истории, сестра. Но чуть позже.

Мэри закивала и даже шутливо прикрыла рот морщинистой ладошкой. Я почувствовал некое уважение к этой древней ведьме, не пытающейся скрыть свой возраст.

— Кстати, сестра, а ты ничего не забыла? — поинтересовалась Эрнеста. — И я не про Двуединого.

— Что же я могла забыть? — возмутилась Мэри.

— Ну… посмотреться в зеркало, выходя из номера… — Эрнеста дернула плечиками. — Припудрить носик… Плеснуть в лицо водой из ониксовой чаши…

Мэри нахмурилась. А потом побелела как мел. Опустила глаза, вглядываясь в начищенное столовое серебро.

Ведьмы вокруг тихонько захихикали. Какими бы сестрами они друг другу ни были, но в первую очередь они были женщинами.

Мэри поднесла руки к лицу. Встала. Убрала руки. Это уже была не старуха. Женщина — молодая и ослепительно красивая, белокурая, голубоглазая, с аристократически-правильными чертами

лица.

— Ну спасибо, сестрички, — сказала Мэри ледяным тоном. — Спасибо всем, кто улыбался мне этим вечером…

— Сядь, Мэри, — сказала Эрнеста. — Всем известна твоя экстравагантность. Я полагала, что ты сознательно пришла на встречу в таком виде. Сядь и не позорься.

Мэри села, окинув Эрнесту недобрым взглядом.

Я быстро спросил:

— Ну, тогда встает вопрос помощи. Нам нужен ваш представитель, назначенный или одобренный главой Конклава. Бабушкой Бабушек.

— И в этом есть проблема, к который ты непосредственно причастен, — сказала Эрнеста.

— Арина, — кивнул я. — Да, это так. Я засадил вашу Прабабушку в Саркофаг Времен. В свое оправдание могу лишь сказать, что собирался коротать вечность с ней.

— Затейник, — фыркнула Эрнеста. — Не буду врать, что я грущу по Арине. Да и мы, как ты, наверное, заметил, вообще спокойно относимся друг к другу.

— Как не заметить, — кивнул я, крутя в пальцах серебряную ложечку.

— Поэтому просьба Гесера и Завулона о помощи была нами услышана и принята положительно, — улыбнулась ведьма.

— Но? — спросил я. — У тебя где-то на кончике языка застряло «но». Скажи его скорей, а то можешь поперхнуться.

— Но мы не можем выбрать новую Прабабушку, — вздохнула Эрнеста. — Ибо прежняя еще жива.

— Отстраните ее, — сказал я. — Ну неужели вы не можете проявить гибкость?

— Мы? — Эрнеста приподняла левую бровь, изучающе посмотрела на меня. — Мы можем. Гибкость — наше второе имя. Как иначе мы выжили бы в мире, полном кровожадных грубых мужчин? Но знаешь ли ты, как мы выбираем Прабабушку?

Я покачал головой. И почувствовал, что это знание мне не понравится.

— Бабушку Бабушек должен признать Росток, — сказала Эрнеста.

— Ура! — сказал я с чувством. — Я боялся, что речь идет о чем-нибудь более… Более экзотическом.

— Папа, я знаю слово «фаллическом», — сказала Надя.

Эрнеста улыбнулась моей дочке.

— Я в тебе и не сомневалась, милочка… Нет, Антон. Всего лишь Росток. Вот он.

Она небрежно подняла салфетку со стоящего на столе перед ней горшка. Я привстал, разглядывая то, что было под салфеткой.

Горшок я видел, но думал, что там какая-то пища. А оказалось — что это цветочный горшок. С торчащим из него деревянным…

— Это что? — спросил я.

— Росток, — улыбаясь, ответила Эрнеста.

— Но по виду я бы сказал, что это деревянный…

— Росток, — повторила ведьма с нажимом. — Символ нашего вечно живого и вечно цветущего сообщества.

— Мне кажется, что, судя по Ростку, ваше сообщество немножко засохло.

— А ты не суди по внешности, — отпарировала ведьма. — В руках Бабушки Бабушек Росток начинает цвести. Это и есть явное и однозначное подтверждение должности. Ну и обретение определенной власти и силы.

— Хорошо, — сказал я. — Так вы выбрали?

— Росток не расцвел, — сказала Эрнеста. — Есть предания, что это случалось несколько раз — ко-

гда была выбрана заведомо недостойная Бабушка Бабушек, когда голосование проводилось под давлением и однажды — когда пытались выбрать старшую ведьму, а предыдущая была жива.

— У вас не бывает отстранения от власти? — спросил я.

— Разве что путем отравы в варенье, — зловеще сказала со своего места Мэри. — Старый добрый мышьяк…

— Пока Арина жива — мы не можем переизбрать ее. — Эрнеста развела руками.

— И что прикажете делать? — спросил я. — Зачем же вы нас позвали…

— Мы надеемся, что Росток все-таки позволит нам выбрать главную ведьму, — вкрадчиво сказала Эрнеста. — Если кандидатом будет…

— О нет! — сказал я. — Даже не мечтайте!

— Тогда погибнет мир, — ответила ведьма. — Городецкий, мы не шутим. Мы предлагаем твоей дочери стать Бабушкой Бабушек.

— Чушь, — сказал я. — Чушь и бессмыслица.

— Почему?

— Я немного знаю ваши правила, — сказал я злорадно. — Будущая ведьма должна получить дар, посвящение от настоящей ведьмы, причем в раннем детстве, даже не в отрочестве…

Я замолчал, глядя на улыбку Эрнесты. Я вдруг все вспомнил. Арина похитила Надю. Мы со Светой отбили дочь. Арина, как бы извиняясь, сделала ей подарок…

— Но на ней есть посвящение, Антон, — сказала ведьма. — Сама Арина, Прабабушка, десять лет назад подарила ей способность пользоваться растениями. Основа основ ведьмовства.

— Вы с ума сошли! — воскликнул я. — Ей пятнадцать! Даже четырнадцать!

— Разве в возрасте дело? — удивилась Эрнеста. — Арина тоже не самая старая из нас.

— Моя дочь Светлая, — напомнил я, уже понимая, что проиграл.

— Почти пятнадцать процентов ведьм — Светлые, — любезно сообщила Эрнеста.

— Она стремительно постареет и станет… станет уродиной, — сказал я тихо.

— Как мы, — кивнула ведьма. — Ей придется жить под личиной, и если ее возлюбленные будут Иными — они будут знать, что целуют не юную деву, а ссохшуюся старуху. Все верно. Такова цена. Но мы, кажется, хотели спасти мир?

Я посмотрел на Надю.

— Папа, ну конечно же, я согласна, — сказала дочь.

У нее было очень спокойное лицо. Мирное, невозмутимое, доброжелательное.

— Надя, это необратимый процесс, — сказал я. — И очень быстрый. Ты состаришься за несколько лет. Ну… за десять-двадцать максимум. Сейчас тебе кажется, что это целая вечность, но это не так. Ты еще поймешь, что десять лет пролетают как мгновение. Я не знаю, конечно, Кеша там или кто-то другой… но все-таки Иным проще и честнее жить с Иными… и только ведьмы живут с обычными людьми, потому что те не знают, кого целуют…

В зале было тихо. Оглушительно тихо.

И дочь смотрела на меня молча, будто давая выговориться.

— Ты даже ребенка не сможешь родить… — сказал я. — Нет, вру, сможешь, но только в самые первые годы, как ведьмой станешь… блин, да какие первые годы, ты сама ребенок…

— Папа, я сразу поняла, зачем нас ведьмы позвали на Конклав, — сказала Надя. Голос у нее был успокаивающий, будто это она — взрослая, а я — перепуганный малыш. — Я позвонила Иннокентию, мы все обсудили. Мы поженимся сразу же, как с Двуединым разберемся. Конечно, родить мне придется быстрее. Может, мы даже

двух детей успеем завести. Нет, конечно, мы недостаточно взрослые, в первую очередь психологически, но с мамой мы тоже все обсудили, она сказала, что вы сами будете воспитывать внуков, чтобы мы могли продолжать обучение…

Я стоял, глотая воздух открытым ртом. И видок у меня был, наверное, такой, что ни одна из ведьм не позлорадствовала.

— Все будет хорошо, папочка, — сказала Надя, вставая. Привстав на цыпочки, чмокнула меня в щеку и вышла из-за стола. Встала через стол от Эрнесты. — Я готова. Что надо сделать?

Моя дочь станет ведьмой. Моя дочь, Абсолютная волшебница, умница и красавица, станет скрюченной (или расплывшейся) старой каргой. Причем очень быстро, ей и тридцати лет не исполнится — а она уже будет отвратительной старухой, вечно прячущейся под заклинаниями личины. И ничего не поделаешь, Эрнеста права, и Надя права — речь идет о судьбах всего мира…

— Сестры, готовы ли мы принять Надю Городецкую в наши ряды? — спросила Эрнеста.

Ведьмы ответили одобрительным гулом.

— Согласны ли мы, чтобы Абсолютная волшебница Надя Городецкая стала Бабушкой Бабушек, нашей предводительницей и повелительни-

цей? — продолжала Эрнеста.

— Непорядок! — внезапно произнесла Мэри. Несмотря на нынешний обаятельный облик, голос у нее остался скрипучий, старческий. — Арина была русской, Надя русская. Неправильно дважды подряд из одной местности в главы призывать!

— Из Африки всего раз была Прабабушка! — внезапно встрепенулась темнокожая женщина в глубине зала.

— Можно подумать, что к нам отношение лучше… — раздался другой возмущенный голос.

— Бельгия еще никогда…

— Тихо! — Эрнеста повысила голос. — Нас много, у всех амбиции, обиды и притязания! Но поймите — если сейчас Прабабушкой не станет Надя Городецкая, то ею навсегда останется Арина! До скончания веков! Да еще и весь мир погибнет!

Ведьмы замолчали.

— Арина и так засиделась… — проскрипела Мэри.

— Так что в порядке исключения предлагаю избрать Прабабушкой Абсолютную волшебницу Надю Городецкую! — торжественно сказала Эрнеста. — Поддерживаете!

На этот раз протестов не было. Большая часть

женщин что-то одобрительно говорила, часть промолчала, но никто уже не возражал.

Было в этой процедуре что-то удивительно простецкое, дикарское. Вроде выборов атамана у казаков — когда всем предлагалось крикнуть, люб атаман или не люб.

— Надя, протяни руку и положи ее на Росток, — сказала Эрнеста.

Я смотрел на это похабное и безумное зрелище — свою дочь, сжимающую в ладони древний деревянный фаллоимитатор. И молчал.

— Сожми ладонь… — неожиданно неуверенно сказала Эрнеста.

— Может, еще подергать? — мрачно отозвалась Надя, но руку на деревянном дилдо сжала.

Ничего не происходило.

— Вот в старые времена без полумер обходились… — заскрипела было ведьма Мэри, но поймала мой взгляд и замолчала. Зато Надя отдернула от Ростка руку и обтерла о платье.

— Ты ведь его держала? — зачем-то спросила Эрнеста, будто не видела весь процесс своими глазами. — Но тогда…

Она повернулась ко мне.

— Понял, — сказал я. — Вы не можете ничего сделать.

Эрнеста покачала головой:

— Мне жаль, сеньор. Очень жаль. Мы хотели помочь. Мы… мы любим жизнь.

Я посмотрел на зал. На две сотни старух, закутанных в магический грим, спрятанных в обворожительные обличья, притворяющихся красавицами, которыми они некогда были или никогда не были.

Добрые и злые — они действительно любили жизнь. Во всех ее проявлениях. Они совершали чудовищные злодеяния из этой самой любви к жизни. Они творили разврат и непотребства, препарировали младенцев и совокуплялись с животными, травили скот и высасывали материнское молоко, запрыгивали ночами на одиноких путников и заставляли тех скакать по лугам и бегать по дорогам. Они были безумны чуть менее, чем мартовские зайцы. Они были сутью матери-природы, самой Земли — природа тоже безжалостна и беспощадна, похотлива и глумлива, кровожадна и коварна.

Они были ведьмы. Наивные и жестокие, как дети, загнанные в ловушки старушечьих тел. Не бывает мужского аналога ведьм, ведьмак из сказок — это совсем, совсем другое. Чтобы быть ведьмой, надо уметь давать жизнь. Иначе не

обретешь потребную легкость в ее отнятии.

— А уж мне-то как жаль, — сказал я. — Вы не переживайте, дамы. Мы что-нибудь придумаем.

Надя вернулась ко мне, я обнял дочь.

— Извини, папа, — прошептала она. — Я глупо выглядела, да?

— Не глупо, но смешно, — ответил я.

— Это ты так заменил слово «мерзко», — сказала Надя. — Я поняла.

Эрнеста позвенела ложечкой о бокал — в тишине звук был тревожен, будто ночной телефонный звонок.

— Можем ли мы еще что-то для вас сделать, сеньор Городецкий? — спросила она. — Мы можем частично снять защиту, чтобы вы смогли открыть портал отсюда…

— Уже гоните? — спросил я. Протянул руку, представил тень от руки на столе… она же должна быть, верно? Тень от хрустальных люстр, и не важно, что я ее не вижу. Она есть. Тень моих пальцев, уходящих в Сумрак…

— Нет, но… — слегка растерянно сказала Эрнеста, глядя на мою руку.

Я пошевелил пальцами, ощутил на их кончиках холод Сумрака.

— Папа, что ты делаешь? — спросила Надя

шепотом.

— Если вдруг раздался стук, — сказал я, шевеля пальцами, — не пугайся, это глюк!

— При чем здесь Глюк? — спросила Надя. — Он писал что-то для барабанов?

— Какой же ты ребенок, — сказал я, отбивая пальцами ритм. Три коротких, три длинных, три коротких. Импульсы Силы, лупящие куда-то в пространство, в Сумрак.

— Кто вы такой? — внезапно нахмурилась Эрнеста, глядя за мою спину. — Здесь частное мероприятие…

Ее голос медленно затихал, будто выкручивали громкость на проигрывателе, а глаза расширялись. Видимо, она посмотрела на того, кто стоял за моей спиной.

Я обернулся и кивнул Тигру:

— Извини, что дергаю. Мы не договаривались о сигнале, но я решил, что ты поймешь.

— Ведьмы, — негромко сказал Тигр, обводя старушечье сборище задумчивым взглядом. По мере того как ведьмы приходили в себя (эх, жалко, я не видел, как было обставлено его появление), в ресторане нарастала… ну, не паника. Скорее — напряжение и возбуждение. — Я никогда не любил ведьм.

— Почему? — удивился я.

— Они… — Тигр задумался на миг, будто формулируя словами то, что всегда понимал, но не имел необходимости произносить вслух. — Они дергают. Тормошат. Теребят. Беспокоят.

— Я оценил твою образность и словарный запас, — сказал я. — И что они дергают?

— Сумрак, — просто ответил Тигр. — Обычные Иные — просят. Ведьмы — требуют.

Он поморщился и махнул рукой, будто жалея о вырвавшихся словах.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал я.

— Да. — Тигр кивнул. — Я очень удивился, что ты не попросил сразу.

— Ты не предложил, и я решил, что это сложно. Или невозможно.

Мне показалось, или на лице Тигра появилось совершенно человеческое страдание?

— Не невозможно… Сложно.

— Они не могут выбрать предводительницу, — сказал я. — Даже Надя не смогла ею стать. Пока Арина жива в Саркофаге Времен…

— Есть две вещи, которые я могу сделать, — произнес Тигр, глядя мне в глаза. — Уничтожить Саркофаг. Растворить его в вечности. Скорее всего это будет равнозначно смерти Арины.

— Второе? — спросил я.

— Мы можем попробовать ее вытащить, — сказал Тигр. — Только говорить с ней будешь ты. Вывести из Саркофага можно лишь того, кто хочет выйти. Но тут… тут могут быть непредвиденные последствия.

— Какие? — уточнил я.

— Не уверен. — Тигр нахмурился. — Я… я не вижу будущего ясно. Обе ситуации туманны, но та, в которой мы возвращаем Арину, — туманна вдвойне.

— Антон, если я правильно понимаю ситуацию, — быстро сказала Эрнеста, — то нас вполне устроит первый вариант. Арина упокоится с миром, мы изберем Бабушку Бабушек. И это будет не твоя дочь! Все складывается наилучшим образом!

— Папа! — Надя возмущенно посмотрела на меня. — Ты… ты согласишься?

Я вздохнул. Отстранил Надю и сделал шаг к Тигру.

— Так я и думал, — сказал тот печально. — Городецкий… почему ты так не любишь простых решений?

— У них обычно сложные последствия, — ответил я.

Кажется, у англичан есть выражение «ехать верхом на тигре».

Передвигаться у Тигра в лапах — удовольствие не большее. Даже если Тигр разнообразия ради принял облик интеллигентного молодого человека.

Еще мгновение назад мы были в альпийском ресторане среди двух сотен ведьм, совокупный возраст которых, пожалуй, был под сотню тысяч лет.

А теперь Тигр взял меня за воротник — и мы оказались в клубящемся сером мареве. Это было похоже на пену из мыльных пузырей, слабо подсвеченную неярким белым светом. Вокруг нас пузыри расступались, под ногами пружинили, приближение руки заставляло их отступать.

— Что это? — спросил я. Тигр по-прежнему держал меня за воротник на вытянутой руке. — И не будешь ли ты так любезен меня отпустить?

— Это пространство между слоями Сумрака, — ответил Тигр. — Это отголоски эмоций и эхо чувств. Это все, что когда-либо было в мире. Писк первой мышки, пойманной первым котом. Мяуканье кота, пригревшегося на коленях женщины. Крик роженицы, ощутившей, что ее сын станет злодеем. Плач преступника в ночь перед

казнью. Все звуки мира. Все краски мира. Все чувства мира.

— Спасибо, очень поэтично, — сказал я. — А…

— Если я тебя отпущу, ты распадешься на… — Тигр подумал. — На пузырьки.

— А Завулон говорил, что прятался между слоями Сумрака…

— Твой Завулон много чего умеет, Городецкий. Потерпи. Нам надо поговорить. Мне никакого удовольствия держать тебя за шкварник не доставляет.

— «На пузырьки», «за шкварник», — я усмехнулся, — ну и лексика у тебя. Нахватался. Хорошо, давай поговорим.

— Сейчас мы проходим точку невозврата, Городецкий, — сказал Тигр. Лицо его в слабом сером свете казалось гипсовой маской. Даже губы едва шевелились, а глаза были темными провалами в ничто. — Ты уверен, что хочешь вытащить Арину? Может быть, мы просто ее упокоим?

— В чем дело, Тигр? — спросил я. — Думаешь, старая ведьма запутает меня окончательно?

Тигр покачал головой:

— Нет, Антон. Вовсе нет.

Я понял. Я вообще умнею с каждым днем, страшно подумать, какой стану проницатель-

ный, когда доживу до возраста Гесера.

— Она, наоборот, все объяснит?

— Да, Антон. Арина все знает. Про Шестой Дозор, про Двуединого. Даже про Сумрак она знает куда больше, чем показывает. Может быть, больше, чем я сам.

— С чего ты это взял?

— Предвижу. Если ты поговоришь с ней — все изменится. Все станет совсем-совсем иначе, Антон.

— К примеру? — зло спросил я.

— Очень возможно, что ты умрешь, — сказал Тигр.

— Да как же так, не случается с людьми таких неприятностей.

— Ты не человек, ты Иной. Вам — умирать не обязательно.

— Что еще?

— Я умру, — просто сказал Тигр. — В этой версии будущего я умираю.

— А в другой? — спросил я, помолчав.

— В другой тоже.

— Понятно. — Я кивнул. — Тогда скажи мне самое главное, Тигр…

— Надя умирает в той реальности, где ты решаешь уничтожить Саркофаг, — сказал Тигр. — В

альтернативной — не обязательно.

— Зачем ты вообще тогда спрашивал мое мнение? — Я засмеялся.

— Потому что та реальность, где Надя не умирает, принесет тебе больше страданий. — Тигр отвел глаза. — Возможно, ты станешь жалеть о том, что мы не развеяли Саркофаг в вечности.

— Этого не может быть! — закричал я. — Этого не будет! Почему?

— Я не знаю, — ответил Тигр. — Не уверен. Я ведь не Сумрак. Я его часть. И я болен, Антон. Я болен человечностью, потому и говорю с тобой сейчас. Даже если бы я был здоров, читать судьбу Великих и Абсолютной — чудовищно трудно…

Я застонал. Мне хотелось сбросить с плеча руку Тигра и раствориться «в пузырьках». Никогда не думал, что подумаю о таком простом и трусливом выходе.

— Иди ты… к ведьме, — сказал я. — Может, я и буду жалеть, но сейчас я не могу сказать ничего другого. Я не выбираю то будущее, где Надя гибнет. Мы идем в Саркофаг.

— Хорошо, — сказал Тигр. — Я знал… но должен был уточнить. Пойдем, порожденный Тьмой. К Арине я тебя отведу…

— Что? — закричал я, когда серая ячеистая мгла

рассеялась, а я кубарем покатился по холодному мраморному полу. — Что??? Кем?

Но Тигр не ответил, только донеслось издали тихим шепотом:

— А вот уговаривать будешь сам.

Я встал. Огляделся. Тигра не было. Был только сумрачный каменный зал, накрытый высоким куполом. Арины нигде не было. Я сделал несколько шагов вперед. Воздух был все так же чист и прохладен, как в моих воспоминаниях.

— Арина, — позвал я. — Это я! Антон! Антон Городецкий!

— Да уж догадываюсь, что не Чехов, он интеллигенцией был, не орал, когда люди спят…

Голос ведьмы доносился сверху. Я остановился, задрал голову. Метрах в трех надо мной, косо прижатый к куполу потолка, висел серый кокон, скрученный из каких-то лоскутов и нитей. Кокон подрагивал. Раздвигая стенки, показалась ладонь, другая. Потом в щель высунулась голова.

— Доброе утро, Арина, — сказал я, глядя на ведьму. — Извини, что разбудил.

— Извиненьками не отделаешься, — сказала ведьма. — Один?

— Да. — Я помедлил. — А из чего эта… этот…

— Тебе не нужно это знать, — сказала Арина. —

Отвернись-ка на минуту.

Я отвернулся и сделал несколько шагов к центру Саркофага. За спиной шуршало, потрескивало — будто Арина сматывала свой кокон. Омерзительно, если честно. Очень рационально, очень экологично и природно, очень разумно — сплести кокон и погрузиться в спячку. Но этого ожидаешь от насекомого, а не от человека. Ведьмы…

— Рада тебя видеть, Антон, — сказала Арина. — Хорошо выглядишь. Только усталый ты какой-то…

Я повернулся — ведьма стояла за моей спиной, кокон на потолке исчез. Лицо ведьмы было спокойным, умиротворенным. Строгий брючный костюм, в который она была одета (мне смутно припоминалось, что попала она сюда в другой одежде), был отглажен и чист.

— Как Минойская сфера? — спросил я. — Я все вспоминал про нее. Думал, вытащит ли она тебя отсюда.

Арина провела рукой по одежде, в ее ладони мелькнул маленький шарик.

— Смешно, — сказала она. — Сюда затекает очень мало Силы. Сфера должна была заряжаться еще два-три десятка лет.

— Потому ты и легла в спячку?

— Да. Но когда ты вошел, с тобой ворвалось много Силы. Сфера заряжена.

— Ты не спеши ее применять, — сказал я. — Возможно, мы уйдем другим путем.

— О как. — Арина улыбнулась. — Ну-ка, рассказывай!

— У нас проблемы.

Арина кивнула:

— А новости какие?

— Что ты знаешь о Шестом Дозоре и Двуедином? — спросил я.

Черты лица у Арины вдруг заострились, глаза стали жесткими и злыми.

— Шестой Дозор мертв! Двуединого больше нет!

— Дозор-то мертв, — кивнул я. — А вот Двуединый уже дважды пытался убить мою дочь.

Арина стояла, переминаясь с ноги на ногу и сверля меня глазами. Потом вздохнула и опустилась на пол.

— Садись, Городецкий. В ногах правды нет. Поговорим.

— Ты не насиделась? — поразился я. — Не хочешь отсюда выйти?

— Хочу. Но не знаю, надо ли. — Арина взмахнула рукой. — Да садись же ты! Час-два ничего не

решат, я годы провела здесь…

Я кивнул и сел на пол напротив нее.

— Что случилось? По порядку, — потребовала Арина.

— Вначале появился вампир. Гесер считает, что это возродившаяся вампирша, которую я когда-то упокоил. Она кусала людей, выбирая их по инициалам. Так, чтобы инициалы составили послание: «Антон Городецкий, за твоей или твоим пришла я под конец».

— Что за чушь, — пробормотала Арина. — Какой-то детектив от Агаты Кристи. Это не Двуединый. Не его повадки.

— А я этого и не говорил. Кем бы ни была эта вампирша, но выяснилось — она действовала на нашей стороне. На мою дочь напали в школе. Двое охранявших ее Иных — Светлый и Темный — убили третьего охранника, Инквизитора. Они будто одержимыми стали.

— Как убили? Огонь и лед?

Я с облегчением кивнул. Арина действительно знала про Двуединого!

— Они вместе? — уточнила Арина.

— Стараются держаться за руки, — осторожно уточнил я.

Арина кивнула.

— Мы со Светланой не смогли их победить, — продолжил я. — Но появилась эта вампирша — и прогнала их. Была обычная драка, только очень быстрая…

— Дальше, — продолжала Арина.

— Пророчество. Все пророки и предсказатели разом сообщили одно и то же. «Пролито не напрасно, сожжено не зря. Пришел первый срок. Двое встанут во плоти и откроют двери. Три жертвы, на четвертый раз. Пять дней остается для Иных. Шесть дней остается для людей. Для тех, кто встанет на пути, — не останется ничего. Шестой Дозор мертв. Пятая сила исчезла. Четвертая не успела. Третья сила не верит. Вторая сила боится. Первая сила устала». После этого мы принялись искать Шестой Дозор и тех, кто в него входит…

Арина кивнула и закрыла глаза.

— Ты понимаешь, о чем тут говорится? — спросил я.

— Как давно было произнесено пророчество?

— Четверо суток назад.

— Последний день, — сказала Арина. — Да… Я все понимаю. Что вообще сейчас происходит в мире, Антон? Что там — у людей?

— Все как обычно, — сказал я. — Война на Ближ-

нем Востоке. Война на Украине.

— Это мелочи. — Арина покачала головой. — Впрочем, баланс не обязательно должен быть нарушен столь явно. До самого последнего дня мир может казаться обычным.

— Что за баланс?

— Добра и зла, разумеется.

— Я бы не сказал, что Дневной Дозор как-то уж совсем распоясался…

— Добро и зло не имеет к Дозорам ни малейшего отношения! — резко ответила Арина. — Уж тебе-то это должно быть понятно! Ночной Дозор придерживается позиций альтруизма, точнее — деятельного альтруизма Иных по отношению к людям. Дневной Дозор считает благо людей и их потребности не значащими по отношению к потребностям Иных.

— Но в итоге это все-таки добро и зло. На банальном уровне, — сказал я.

— Скажи это людям, которые гибнут ради возвышенных идей Ночного Дозора, — отмахнулась Арина. — Представления Иных и людей о добре и зле достаточно разные.

— Хорошо, — сказал я. — Пусть баланс сместился. Верю. Мир и вправду словно с ума сошел. Но это человеческие дела, даже если люди затеют

мировую войну.

— Что такое Сумрак? — спросила Арина.

— Некая разумная сила, — сказал я. — Сверхсила.

Арина смотрела на меня, ожидая.

— Порожденная человеческими мыслями, эмоциями, мечтами…

— Сумрак не имеет физического тела, — сказала Арина. — Он даже разума в человеческом понимании не имеет, он совсем другой. Сумрак — совокупность всех человеческих сознаний. Сознание живущих ныне людей — это аналог его воли. Память умерших людей — это аналог памяти Сумрака. Если мир склоняется к злу — Сумрак становится более суровым. Если мир тянется к добру — то и Сумрак добреет. Но Сумрак не любит меняться, суть всего живого в гомеостазе…

— Ты хочешь сказать, что сейчас в мире больше зла, чем во время… ну, допустим, Второй мировой войны? — Я покачал головой. — Не верю!

— Дело не в том, чего больше. Дело в балансе. Мировые войны — это чудовищные злодеяния, это океаны боли и страха. Но еще и великие надежды, жертвенность, милосердие! Война не меняет баланс, она лишь поднимает ставки. Но раз Двуединый пришел — значит, баланс сме-

стился. Значит, зло повсюду. Тихое, спокойное, равнодушное зло. В мужчинах и женщинах, детях и взрослых. Баланс меняется, Сумраку становится некомфортно, он начинает сопротивляться изменению. И — порождает в человеческом мире ту или иную сущность. В самом простом случае — зеркальных магов, выправляющих баланс на локальном уровне. Если дело серьезнее — Абсолютных Иных, способных дать миру новую правду, меняющих природу людей. Если звучат пророчества, способные нарушить равновесие, — приходит Тигр. Но если равновесие все-таки нарушилось окончательно — появляется Двуединый.

— Кто он? — спросил я. — Я встречался с вампирами, я знаю, что это древний вампирский бог…

— Да не вампирский он. — Арина поморщилась. — Тоже мне древние клыкастые кровопийцы с амбициями… Двуединый — великий уравнитель, стиратель, чистильщик. Если человеческая цивилизация несется под откос — он приходит и рушит ее, сводит жизнь к самым банальным истинам. Есть, пить, убивать, размножаться. Вот что делает Двуединый — упрощает.

— Ну, ему это еще не удавалось, — сказал я.

— Кто тебе сказал? — удивилась Арина. — Он

приходил уже много раз.

— Но мы-то живы! Люди живы! А он…

— Да не убивает Двуединый всех людей! — Арина махнула рукой. — Он убивает Иных. Всех или практически всех, честно говоря — не знаю. «Пять дней для Иных, шесть для людей», так? Где тут говорится, что все умрут?

— Ну… — Я смешался. — Как-то по контексту…

— Не все, — спокойно сказала Арина. — Подавляющее большинство. Девяносто девять процентов. Или девяносто девять и девять десятых. А также помрет изрядное количество животных, прежде всего высокоразвитых. Знаешь почему?

Я покачал головой.

— Потому что Сила хлещет в мир. Потому что Сумрак не может ее всю утилизировать, ему столько не нужно. И если погибнут Иные, которые Силой пользуются, через Сумрак ею управляют и стравливают излишек, — Сила захлестнет людей. Все они один за другим обретут способности к магии. Тут-то и начнется! Это даже не автомат человеку дать в руки, а целую атомную бомбу. Представь, ты обычный человек. И вдруг обретаешь возможность творить чудеса. Для начала — простые. Что самое простое, а? Жечь. Взрывать. Морозить. Расщеплять на кусочки.

— У каждого есть враги, — сказал я.

— Конечно. И даже если ты не хочешь причинять никому зла — ты испугаешься, что зло причинят тебе. И ты начнешь молотить магией по сторонам, просто чтобы защитить себя, своих близких. Кто-то чему-то научится, кто-то попытается ввести правила и новые законы, но у людей не будет времени, чтобы совладать с этим даром, не будет учителей, чтобы научиться жить, как Иные. Не будет Дозоров. И мир рухнет.

Она помолчала, потом добавила:

— Да, еще учти животных. Они ведь тоже генерируют Силу. И в условиях, когда магия доступна всем, когда ее избыток, — Сумрак начнет выполнять и их желания. А у зверей простые желания, Антон. Даже проще, чем у людей.

— Мир погибнет, — сказал я.

— Почти. Пока людей не станет слишком мало. Пока выжившие не научатся владеть новой Силой. Пока гомеостаз не восстановится и люди не потеряют магический дар… но среди них появятся новые Иные. По нашим меркам — примитивные и слабые, но в изменившемся мире они станут королями и повелителями. И история пойдет по новому кругу. В который раз.

— Что возвращает нас к Шестому Дозору, — ска-

зал я. — К тому, откуда ты про него знаешь и что мы можем предпринять.

Арина кивнула:

— Хорошо… Только не хочу пересказывать по сто раз. Зови Тигра.

— Какого Тигра? — фальшиво спросил я.

— Того, который тебя сюда привел. Невозможно Иному пройти в Саркофаг Времен. Я же не дура, Антон.

Глава 4

Ведьмы ели. Наверное, это у них было нервное. Я-то предполагал, что после моего исчезновения с Тигром они примутся обсуждать ситуацию или разойдутся по номерам. Но нет — они решили покушать.

Со столов исчезла закуска и разнокалиберная выпивка, зато появилось горячее во всех видах — жареные поросята, седло барашка, ростбиф; птица — от перепелок до глухарей и индеек; рыба — от порционных форелей до огромных нарезанных на ломти осетров. Из алкоголя теперь осталось только вино, но в каких-то немыслимых количествах и ассортименте. Молоденькие ведьмочки, выполнявшие роль официанток, таскали

блюда с устрицами и розовыми креветками, которых поедали сырыми.

— Это я удачно зашла, — негромко сказала Арина.

Мы вернулись в то же самое место, откуда ушли, — сразу за главным столом. Надя сидела на прежнем месте и о чем-то дружески разговаривала с соседками-ведьмами.

— Прошу, — негромко сказал я Арине. — Мне кажется, тебя тут заждались.

Арина фыркнула и подошла к столу. Протянула руку над плечом Эрнесты и взяла с ее тарелки перепелку.

В зале наступила тишина. Челюсти, азартно перемалывающие пищу, замерли, взгляды остановились на вернувшейся из небытия Прабабушке. Только Надя радостно смотрела на меня. Я выдавил улыбку.

— Специй много, — сказала Арина в наступившей тишине. Перепелку она глодала как волк — целиком, с хрустом перемалывая кости. — Зажрались вы тут, сестры.

— Арина! — Эрнеста вскочила и обняла ведьму.

— И тебе привет, старая вредина, — добродушно ответила Арина. — Что, как прижало — вспом-

нили меня?

— Ну, ты же знаешь, милая, у нас нет процедуры отстранения от власти Прабабушек, которые пропали без вести… или дезертировали… — промурлыкала Эрнеста.

— Тебе бы туда дезертировать, где я сидела, — ответила Арина с иронией. — Что, не признал Росток иной хозяйки?

Она протянула руку — и горшок с деревянным фаллосом пополз к ней по столу. Арина легонько хлопнула ладонью по Ростку — и сухое дерево будто взорвалось, выбросило вверх зеленые побеги, превратилось в зеленый куст, мгновенно покрывшийся белыми цветами. Арина выждала несколько мгновений — цветы осыпали лепестки, сжались в завязь, и куст покрылся плодами. Странными плодами, похожими на крошечные белые яблочки.

Арина небрежно сорвала одно, бросила в рот, прожевала.

Эрнеста склонила голову и присела в глубоком старомодном реверансе. Загремели стулья — ведьмы вставали и склонялись перед Ариной, кто в книксене, а кто и опускался на колени.

— Полно, полно… — махнула рукой Арина. — Я вернулась, сестры. Не надо оваций.

— Она забавная, — негромко сказал за моей спиной Тигр. — Хорошо, что я ее не убил.

— И нам повезло, что мы тебя не убили, — согласился я.

Тигр улыбнулся. Потом наклонил голову, вслушиваясь во что-то. Нахмурился.

— Папа! — воскликнула Надя. Вскочила, прижалась ко мне.

Арина отерла руки о бедра. Спросила:

— Эрнеста, вы обеспечили безопасность Конклава?

— Арина! — возмущенно воскликнула ведьма.

— Тише, тише, я тебя не виню… — ответила Арина.

Одно из окон, выходящее на склон горы, покрытый светящимися ниточками лыжных трасс и ползающими по склонам ратраками, внезапно задребезжало. Сидящие рядом ведьмы повскакивали, отступая. Стекло, намертво зажатое в рамах, то прогибалось внутрь, то выпучивалось наружу, будто полиэтиленовая пленка.

— Вам надо уходить, — сказал Тигр. — Антон, ты слышишь меня?

Стекло прощально дзинькнуло и разлетелось кинжальными осколками. Часть из них повисла в воздухе, часть была отражена назад, часть про-

сто испарилась на лету — вряд ли хоть одна из пришедших на Конклав ведьм не была увешана защитными амулетами.

В разбитое окно пахнуло холодом. А потом снизу, одним легким прыжком, в ресторан ворвался Двуединый. Перемахнув подоконник, мягко приземлился на полу и замер. За недолгие прошедшие часы он изменился, причем принципиально. Я понял, что имела в виду Арина, спрашивая «они вместе?».

Бывший Светлый маг Денис и бывший Темный маг Алексей слились воедино. Одежды на них больше не было. Голые тела срослись боками, будто у сиамских близнецов, тазы и плечи вывернулись набок, шеи вытянулись — теперь это было искореженное четвероногое и четверорукое существо. Две ноги остались по бокам, две ноги оказались в центре (и похоже, что они начинали срастаться вместе), гениталии почти бесследно втянулись, по две пары рук торчали с боков, две склоненные к центру головы прижались друг к другу. Безумный гибрид, достойный безумного доктора Моро. Человек-паук, только не обаятельный борец со злом из американских комиксов, а омерзительный монстр.

— Обаяшка, — негромко сказала Надя.

— Уважаемый, это закрытое мероприятие! — громко сказала Арина. — Покиньте помещение!

Двуединый рассмеялся — на два голоса. Раскинул руки, будто собираясь обнять весь зал.

— Я оценил! — сказала голова Алексея.

— Это мило! — продолжила голова Дениса.

— Задержите его, — сказала Арина Эрнесте, разворачиваясь и беря за руки меня и Надю.

И то, что, находясь среди двух сотен самых сильных ведьм мира, в защищенном заклятиями и оберегами месте их сбора, Арина даже не подумала сказать «убейте его», было очень показательно.

Мы бросились бежать — к дальним дверям, ведущим в служебную часть ресторана, оставляя между собой и Двуединым толпу напуганных и разъяренных ведьм. И надо отдать им должное — как бы они ни были напуганы, но приказ Прабабушки выполняли. Я обернулся уже у самых дверей, пропуская вперед Надю и Арину, — и увидел настоящее сражение.

Пол ресторана трещал и разлетался паркетинами, из него вырывались колючие гибкие лозы и оплетали Двуединого — чтобы тут же рассыпаться в прах или сгореть в пепел. Стулья и столы начинали шевелиться и, словно в дет-

ском мультике, шагать в сторону паукообразного монстра. На моих глазах разбежавшийся (у него даже гнулись ножки!) стол ударил Двуединого углом в живот — и тут же разлетелся в щепу. Столовые приборы слетелись друг к другу, сцепились — и встали, образовав скелетообразную двухметровую фигуру с пальцами-ножами и пастью, составленной из щипцов для омаров. Этот металлический монстр дрался с Двуединым дольше всего — полосуя его ножами и пытаясь впиться в тело, пока не был расплавлен.

Двуединый вообще не мудрствовал в выборе заклинаний. Огонь и лед, жар и холод. Лишь несколько раз он действовал чистой Силой — отбрасывая в стороны ведьм и отражая магические удары.

— Антон! — Тигр схватил меня за плечи и впихнул в дверной проем. Лицо его было перекошено злостью, которой я не ожидал увидеть. — Не спи! Они его не остановят!

— Если мы все?

— Не остановите!

— А если ты?

Тигр толкнул меня вперед — и я, смирившись с неизбежным, побежал. Тигр не хотел принимать бой. И Арина не хотела — а она, похоже, знала

даже побольше Тигра.

Это была кухня — и трудились здесь молодые ведьмочки, видимо, крайне гордые своим заданием. В котлах варилось-парилось, плыли вкусные ароматы, пикали таймеры, на столах валялись нарезанные овощи и мясо.

— Was sollen wir jetzt tun? Was sollen wir jetzt bloß tun? — схватила меня за плечи молодая ведьмочка. Действительно молодая, она еще не скрывала подлинную внешность. И любопытная, раз решила выяснить, что происходит, а не скрыться подальше от магической бойни.

— Flieht! — крикнул я. — Беги!

— Aber wir können Ihnen helfen! — храбро предложила она. Развела руки, между пальцами у нее заструились синие искры. Тоже мне, помощница…

— Flieht! — рявкнул я, выискивая взглядом Арину и Надю. Те были уже на другом конце кухни. Тут я заметил сидящего на столе мальчика лет трех. Тот ревел и тер кулачками глаза. Наверное, по моему лицу было понятно, что я подумал, потому что ведьмочка побелела, схватила мальчика и прижала к себе.

— Das ist mein Sohn! — закричала она. — Mein Sohn — nicht das, was Sie denken!

Она не врала, это был ее сын, а не закуска для ведьм.

— Dann solltest du erst recht von hier verschwinden, du Närrin! Bring dich in Sicherheit! — крикнул я и побежал дальше. Тигр прикрывал отступление, перемещаясь среди хаоса и ора с присущей ему грацией.

Не знаю, воспользовалась ли ведьмочка моим советом, или долг перед «сестрами» пересилил страх за сына и она вступила в бой с Двуединым. Я не оглядывался.

Из кухни мы выбежали в просторное прохладное помещение. Какая-то подсобка или склад… Арина уже возилась с замком на широких металлических дверях, вначале попыталась открыть — потом сбила ударом руки (я отметил совсем крошечный, экономный выброс Силы). Распахнула дверь и выскочила наружу, в ночь и метель. Надя помедлила секунду, дожидаясь меня, мы выбежали следом. Я захлопнул дверь и припечатал ее «абсолютным запором».

— Плохо… — выдохнул за спиной Тигр. — Плохо… Сумрак закрыт…

— Открой, ты же сам — Сумрак! — предложил я.

— Теперь он — Сумрак… — отозвался Тигр. — Я

не могу. Я не имею права!

Мы стояли на заснеженной дороге у пологого склона, по которому, мигая синими маячками и издавая заунывные звуки, полз вниз ратрак. Мороза я просто не чувствовал.

— Нам придется драться, — сказал я. — Нам придется…

«Абсолютный запор» нельзя снять, он развеивается только самостоятельно, со временем. Поэтому Двуединый просто разнес дверь в клочья. Металл на миг покрылся синеватой коркой льда — и разлетелся на осколки, как стекло. До абсолютного нуля, что ли, он дверь охладил? Во всяком случае, она осталась закрытой.

Двуединый выбежал за нами — и я понял, что поединок с ведьмами все же дался ему нелегко. Одна из центральных ног была оторвана по колено, из обрубка толчками струилась черная жидкость. Впрочем, это ему словно бы и не мешало. Так же как здоровенный поварской нож, по самую рукоять засаженный в глаз Дениса, и повисший на шее Алексея здоровенный рыжий кот, методично дерущий лицо бывшего Темного мага когтями.

— Ты рано пришел, Двуединый! — крикнул я. — Это всего лишь третий раз!

Единственный уцелевший глаз Дениса остановился на мне.

— Мы засчитаем его за два, — отозвался он.

Четыре руки Двуединого вытянулись в нашу сторону. Я мысленно активировал Щиты, сместился, закрывая собой Надю и Арину.

— Папа! — крикнула Надя, и я почувствовал протянувшийся от нее поток Силы. Мельком покосился на дочь — Арины рядом с ней уже не было. Ушла, старая ведьма! Бросила!

— Стой! — Тигр шагнул между мной и Двуединым. — Ты нарушаешь правила! Время еще не пришло! Пророчество гласило — три жертвы на четвертый раз, на пятый день!

— Уйди с дороги, щенок, — сказал Двуединый. Из его правых рук в Тигра ударили кипящие струи огня, из левых рук — иссиня-черный клубящийся дым. — Мне плевать на твои пророчества!

Тигр встряхнулся — багровое пламя и синие осколки льда посыпались с него наземь. Асфальт под его ногами закипел и вздыбился буграми. Снег и лед испарялись, поднимаясь клубами тяжелого сизого тумана.

— Никто не вправе плевать на пророчества! — словно бы с радостью воскликнул Тигр.

Он сделал шаг, выдирая ноги из поплывшего

асфальта. Даже за поднятыми Щитами мне стало жарко.

— И теперь… это… мое… право! — приближаясь к Двуединому, произнес Тигр.

Двуединый кинулся ему навстречу — и два порождения Сумрака сплелись в клубок.

Они катались по земле — уже не в магической, в обычной драке. А может быть, тут было и волшебство. В конце концов, когда дерутся между собой два воплотившихся закона природы, две обретшие человеческий облик функции — что в этом есть немагического? Пусть даже бой ведется клыками и когтями…

Двуединый не изменялся, так и дрался в своем паучье-человеческом облике. Тигр преображался. Временами я видел мелькающие тигриные лапы, оскаленную звериную пасть. Временами — человеческое лицо с не менее яростным оскалом и окровавленные руки. Мне даже казалось, что все это было одновременно — он был сразу и человеком, и зверем.

В какой-то миг из клубка вылетел растопыривший лапы рыжий кот, с диким мявом прокатившийся по снегу, и метнулся к дверям ресторана.

Я начал пятиться, отступая к Наде. Я ничем не мог помочь Тигру. Я даже ударить не мог, не

рискуя зацепить нашего единственного защитника.

— Открывай портал! — крикнул я дочери.

— Не могу! Сумрак кипит! — в отчаянии повторила она. — Тут все… плывет…

То, что в Сумраке непорядок, я и сам чувствовал. Даже заглядывать в него не нужно было. Земля под ногами стала подрагивать. На вершинах гор засветились призрачные сиреневые огни. Низкий тяжелый звук повис в воздухе.

Сумрак лихорадило. Сумрак сейчас сражался сам с собой — две его ипостаси сошлись в смертельной схватке. Двуединый — древний губитель цивилизаций — и Тигр — их древний хранитель. Оба всесильные. Оба безжалостные. Но за Тигром было только одно бесспорное право — сделать так, чтобы мы умерли не сегодня. Защитить прозвучавшее пророчество.

— Бежим, Надя, — сказал я. — Бежим… эта борьба нанайских мальчиков добром не кончится…

— Папа, мы не убежим… — Дочь взяла меня за руку. И вдруг сказала то, что я от нее даже в детстве не слышал: — Папа, мне страшно…

Сверкнуло — ослепительным огненно-льдистым росчерком, будто в глубине дерущихся тел что-то взорвалось. Клубок распался — в одну

сторону отлетел Двуединый, в другую — Тигр.

Но Двуединый поднялся. А Тигр остался лежать.

Двуединый смотрел на меня единственным уцелевшим глазом — глазом Дениса. Из второй глазницы по-прежнему торчал нож. Лицо Алексея превратилось в кровавое месиво, он слепо крутил головой во все стороны.

— Вы все… — прохрипел Двуединый.

И в этот миг через дорогу, грохоча гусеницами по асфальту, перевалил ратрак. Мигалки и пищалки на нем были выключены, совок опущен. Ратрак врезался в Двуединого, с хрустом подмял его — и закружился на месте, сминая гусеницами человеческую плоть. Двуединый взвыл на два голоса и замолчал.

Мы с Надей стояли, онемев.

Ратрак замер и заглушил мотор. Из открытой двери кабины вылезла Арина, спрыгнула на снег.

— Я думал, ты убежала, — сказал я.

— От судьбы не убежишь, глупый, — ответила Арина.

Я подошел к машине. Посмотрел на торчащую из-под гусеницы кисть руки. Словно почувствовав мой взгляд, рука вздрогнула — и вцепилась

в мерзлую землю. Ратрак дернулся. Подскочил на месте. Изуродованный, полураздавленный Двуединый начал выползать из-под многотонной машины.

— Все тебе неймется, тварь, — сказала Арина. Склонилась над наполовину выбравшимся Двуединым. В ее руке вдруг оказался Росток — уже не цветущий куст, а снова деревянный фаллос. Только теперь он был без горшка, и оказалось, что Росток лишь с одной стороны выглядит столь скабрезно. С другой стороны это был деревянный кинжал.

Арина занесла его над головой — и резким ударом пронзила тело Двуединого. Изуродованный монстр растаял бесследно. Вонзившийся в землю кинжал потемнел, покрываясь корой, и пустил один-единственный тонкий побег.

— Ты убила его! — сказал я. — Ты его убила!

— Двуединого так просто не убьешь, — с сожалением ответила Арина. — Я его остановила. На время.

— И где же он?

— Ушел в Сумрак, — сказала Арина. — Зализывать раны.

— Папа! — крикнула Надя.

Я бросился к ней. Дочь сидела на коленях возле

Тигра. Тот слабо шевелился, пытаясь присесть. Я склонился над ним, протянул руку, помогая Тигру подняться.

— Как это выглядит? — спросил Тигр, поворачиваясь ко мне.

Выглядело это жутко — у Тигра отсутствовала половина головы. От макушки и до уха шел ровный, сверкающий срез, покрытый стеклянистой коркой. Ну или заполненный стеклянной массой.

— Я бы сказал, что ты мертв.

— Очень удачно, что я не человек. — Поднявшись, Тигр ткнул пальцем в дыру и на миг замер. Потом пожал плечами. — А закурить у тебя найдется?

— Не повредит? — Стараясь не смотреть на жуткую рану, спросил я. Порылся в карманах. Перекладывал же сигареты, Тигром и подаренные…

— Мне уже ничего не повредит, — спокойно ответил Тигр. — Мне осталось жить две минуты.

— А потом? — растерянно спросила Надя.

— Потом я уйду в Сумрак, девочка, — ответил Тигр. — Я нарушил правила.

— Ты ничего не нарушил, — сказал я. — Ты защищал пророчество. Выполнял свою функцию.

— Софистика, — фыркнул Тигр. Взял у меня из рук пачку, достал сигарету, сунул в рот. Та загорелась. — Но… она сработала. К сожалению, пока мы дрались, наступила полночь. После этого я не вправе был мешать Двуединому вас убить.

— Но ты же все равно мешал! — выкрикнула Надя.

— Верно. — Тигр кивнул. — Будем считать, что я увлекся.

— Мы можем что-то сделать? — спросил я. — Помочь? Ты же не человек…

— В том-то и вся суть. Сумрак отрезал меня. Отключил от питания, если можно так выразиться. — Тигр выпустил струю дыма, посмотрел в чистое ночное небо. — Вам хорошо. У вас есть звезды. Когда-нибудь человечество перестанет убивать себя руками Двуединого и дорастет до звезд…

— Я могу дать тебе Силу! — крикнула Надя. — Я же Абсолютная! Сколько ее надо, Силы?

Тигр посмотрел на мою дочь, и мне показалось, что между ними произошел какой-то стремительный безмолвный диалог. Надя опустила глаза.

— Не грусти, — сказал Тигр. — Я же говорю — я вообще не человек. Я даже умру не так, как вы. Не грусти. Лучше попробуйте справиться с ним. У вас

есть Арина, кажется, она знает, что надо делать.

— Тигр, — позвал я. Истекали последние секунды его жизни, но я не мог промолчать. — Помнишь, что ты сказал у Саркофага? Ты ведь ошибся. Я Светлый.

— А я и не называл тебя Темным… — усмехнулся Тигр. — Спроси Завулона. Он объяснит.

Тигр затянулся, бросил сигарету и тщательно затушил ее ногой. Потом еще раз запрокинул голову, глядя в небо и улыбаясь. И осел на землю.

Он, конечно, не был человеком, но умер как человек — во всех смыслах. В отличие от Двуединого его тело осталось лежать на земле. Стеклянистая плоть потемнела и начала кровоточить.

Я обнял Надю, прижал к себе. Посмотрел на тихонько подошедшую Арину. Велел:

— Доставай Минойскую Сферу.

— Куда? — тихо спросила ведьма.

— В офис Дневного Дозора. К Завулону.

Арина замерла со сферой в руках.

— Ты уверен?

— Абсолютно. И не вздумай убегать, стыдно будет до конца жизни.

— Можно подумать, много ее осталось, той жизни… — буркнула Арина.

Ох, как они на нее смотрели!

Два наших Высших и Великих. Гесер и Завулон. Уроженец Тибета и сын Иудеи. Светлый и Темный.

И скромно сидящая напротив них, неожиданно органично выглядящая в своем деловом костюме за столом заседаний в кабинете Завулона ведьма Арина. Глава ведьмовского Конклава.

Завулон по-прежнему был в своем удивительном маниакальном состоянии. На первый взгляд это не проявлялось, но Арине он церемонно поцеловал ручку и произнес, почему-то по-французски:

— Comme vous êtes charmant!

— Ах, старый проказник, — кокетливо ответила Арина.

Гесер молчал и буравил ведьму взглядом. Та старательно его игнорировала.

Ольга, сидящая в углу кабинета (она курила, выпуская дым в дорогой японский воздухоочиститель), пристально следила за Гесером. И Арина, бросив на Ольгу мимолетный взгляд, скромно сказала:

— Да перестань ты, Борис. Я давно тебя простила.

Гесер покраснел, как перед апоплексическим ударом, но смолчал.

Светлана просто сидела в сторонке, обнимая Надю. Она даже ничего не спрашивала, когда мы появились в кабинете Завулона, только привлекла к себе дочь и обняла. Может быть, они всё и так знали. Может быть, они всё видели, следили за нами. Мне это даже не было интересно.

— Я обещал Арине, что ей не причинят вреда, не ограничат ее свободу и не принудят к неприятным ей действиям, — сказал я. — Арина обещала рассказать нам все, что ей известно относительно Двуединого и Шестого Дозора.

— Мы тоже кое-что выяснили, — неохотно сказал Гесер. — Кое-что… Говори, Арина.

— Двуединый — чистильщик человеческой цивилизации, — сказала Арина. — Если точнее, то, когда человечество нарушает вековой баланс между добром и злом, Сумрак начинает страдать. Равновесие рушится, он пытается его восстановить. А поскольку Сумрак отражает моральное и нравственное состояние человечества, то склоняющийся ко злу Сумрак выбирает не самый добрый путь. Присылает Двуединого, который… очищает.

— Каким образом? — спросил Гесер.

— Наиболее простым, с точки зрения Сумрака, конечно. Двуединый уничтожает Иных. Всех или

подавляющее большинство — полагаю, ему нет нужды вытаскивать каждого вампира из гроба или каждого оборотня из норы. В нормальной жизни мы, Иные, поддерживаем баланс Силы, утилизируем ее излишки. Это не дает людям возможности пользоваться магией, но зато и избавляет их от чересчур опасных игрушек.

— Если мы гибнем, люди убивают сами себя, — задумчиво сказал Гесер.

— Да. Остатки цивилизации упрощаются, баланс добра и зла при этом, как ни странно, восстанавливается.

— Что ж тут странного? — радостно воскликнул Завулон. — Треснуть соседа дубиной по голове, заставить его трудиться на твоем поле, а его жену — греть твою постель, это не зло. Это нормальное природное поведение. Целесообразность. Животные тоже вне добра и зла, когда волк загрызает зайчонка — он к нему неприязни не испытывает. Зло — это убедить соседа, что тот должен работать на твоем поле, отдать тебе свою жену и при этом восхвалять тебя.

— Спасибо, мы и так поняли, — сказал ему Гесер ледяным тоном.

— Двуединый был первым порождением Сумрака, первым исполнителем его воли, — про-

должала Арина. — Он заключил самый первый, самый давний завет Сумрака и Иных. Мы, Иные, поддерживаем равновесие добра и зла. Обеспечиваем Сумраку спокойное и комфортное существование. Но если зло пересиливает — Двуединый приходит и заставляет платить по счетам. И сейчас это время подошло.

— А если пересиливает добро? — тихо спросила Надя.

— К сожалению, девочка, такого не случалось, — ответила Арина. Как мне показалось — с состраданием ответила. — Во всяком случае, в глобальном масштабе такого не было. Хотя мы, конечно, пытались. Во все времена. Придумывали религии, моральные нормы, новые формы общественного договора…

— Коммунизм все-таки был глупой идеей, — сказал Завулон нарочито тихо. Видимо, чтобы не затевать ненужный спор.

— Уверена, что время пришло? — спросил Гесер Арину, игнорируя Завулона. — Хотя что я спрашиваю… он бы иначе не явился… Почему ты про это знаешь? Почему не знаем мы? Почему пусты архивы Инквизиции, кто вычистил само упоминание о Шестом Дозоре и Двуедином?

— Ты действительно не понимаешь, Гесер? —

спросила Арина. — Правда-правда?

Ольга резким движением загасила сигарету, встала.

— Мы сами это все вычистили. Верно, ведьма?

— Конечно, — сказала Арина. — Это была тайна, разумеется, но был Дозор Шести, который ее хранил, были документы в архивах. И Высшие знали. Вы с Завулоном в том числе.

— Я понял это путем логических рассуждений! — неожиданно встрял Завулон. — Если существует информация, которую я обязан знать, но я ее не знаю, то возможно лишь одно — я сам заставил себя все забыть. На меня не могли повлиять извне! Отбрасываем невозможное, и невероятное становится правдой.

— Спасибо, мы ценим твое мнение, — сказал Гесер. — Когда это произошло? Кто участвовал?

— Шестой Дозор в полном составе. И все Высшие Иные посвящены в тему.

— Зачем? — спросил Гесер.

— Это был тысяча девятьсот четырнадцатый год, — просто сказала Арина. — Сто лет назад. Вы начали эксперимент — с мировой войной, с революцией в России. Как известно, экспериментатор влияет на результат эксперимента, если знает о его сути. Вы хотели повернуть человечество к

добру и боялись, что знание о Двуедином помешает вам делать то… то, что требуется.

— Мы? — возмутился Гесер. — Кто это — мы? Я? Завулон?

— Ты и Завулон в том числе. Вообще-то участвовали все Великие, но вы с Завулоном настояли на том, что полем эксперимента будет Россия. В последний момент, между прочим! Франция лидировала, Германия и Британия наступали на пятки. Только Соединенные государства Северной Америки отвалились сразу — их прошлый эксперимент, с войной за независимость, был сочтен неудачным. Но вы настояли на России как объекте эксперимента.

— Патриотизм, значит, проявили… — крякнул Гесер.

— Ну, как сказать… — с иронией произнесла Арина. — Вообще-то ты сказал: «Страна дикая, ее не так жалко».

Завулон захохотал. Громко хлопнул ладонями по столу.

— Это прекрасно, Гесер! Это чудесно! Это так… так по-светлому!

— А ты… — начала Арина.

— Стоп! Я не желаю знать! — воскликнул Завулон. — Это к делу не относится, и я не желаю

ничего знать.

— Как скажешь, — миролюбиво согласилась Арина. — Мы все вычистили. Все данные из архивов. Все записи в летописях. Остались только ошметки вампирских легенд, упоминания во второстепенных, забытых всеми документах. А потом мы стерли себе память. Очень основательно к этому подошли.

— Почему же ты помнишь? — спросил Гесер.

— У меня изначально особое мнение было, — сказала Арина. — Чуяла я, к добру эти эксперименты не приведут. Ни с войной мировой, ни с революцией коммунистической. Нельзя так природу человеческую нагибать. И нельзя из зла добро делать. Ни у кого это не выйдет.

— Но ты помнишь! — повторил Гесер.

— Я свою память в ином месте сохранила, — усмехнулась Арина. — Есть у нас, ведьм, одна вещица, что хранит память всех Прабабушек. Мне даже ничего не пришлось специально делать, потому вы мою хитрость и не раскусили. Как взяла ее снова в руки — так и вспомнила… и поняла, чего мы натворили. Но уже поздно было. Только и оставалось смотреть, что с Россией творится. Да на вас, идиотов, поглядывать… поручения выполнять… Пока уж совсем тошно

не стало.

Гесер и Завулон сидели как оплеванные. Даже с маниакально-веселого лица Завулона сползла ухмылка. И скажу честно — мне это нравилось.

— То есть ты все знаешь, — сказала Ольга деловым тоном. — Так? Кто входит в Шестой Дозор, как Двуединого победить? Хватит уж о былых обидах пререкаться.

— Хватит, — согласилась Арина. — Да, знаю. Я же потому и дергалась… видела, к чему все идет. Искала пути к спасению. Для себя, для всех нас, для страны, для человечества. Не нашла… А вы что думали — с какой это стати весь тонкий мир стало в России рвать да корежить? Инферно прорывается, Абсолютная рождается, «Фуаран» находится, Тигр приходит… За что нам такие пряники? Где напортачили, там и рвется.

— Ну… — Гесер посмотрел на меня, на Светлану. Отвел глаза. — Абсолютная — это моя инициатива.

— Наша, — сказал неожиданно Завулон, и я с удивлением посмотрел на него.

— Наша, — согласился Гесер. — Мы видели, что в Сумраке неспокойно. Всплывали кое-какие обрывки… знаний…

— Поэтому мы вели определенную работу, —

сказал Завулон. — Готовили появление Абсолютной волшебницы. Оружия против Сумрака.

— Тигр, умирая, сказал мне одну вещь, — произнес я, глядя на Завулона. — Он назвал меня порожденным Тьмой. И добавил, что ты объяснишь, что это значит.

— Могу и объяснить, — легко согласился Завулон.

— Не надо, — попросил Гесер. — Давайте займемся делом…

— Это относится к делу, — сказал я. — Говори.

— Можно сказать, что это вопрос генетики, — произнес Завулон. — Или даже…

— Не надо! — Гесер повысил голос.

— Или даже евгеники, — продолжил Завулон. — Способности Иного не обязательно передаются по наследству, но определенные корреляции есть. Легче всего их рассчитать через несколько поколений. Мы не изучаем гены, но мы рассчитываем линии вероятности.

Гесер больше ничего не говорил. Молчал. Смотрел на меня.

— Абсолютная должна была родиться от двух линий, — не отрывая от меня взгляда, сказал Завулон. — Одна из них — Светлая, и там все было проще, выбор имелся очень большой. Другая

должна была быть Темной, и вот она должна была идти через меня. Обязательно.

Я сглотнул вставший в горле комок. Сказал:

— Но я — Светлый.

— Борис Игнатьевич был уверен, что Светлая с Темным не уживутся, — сказал Завулон. — Поэтому подловил момент… и инициировал тебя в Светлом состоянии духа. Я на него был долго обижен за это. Да и на тебя, если честно, злился, хотя ты здесь ни при чем.

— Мой отец — обычный человек, — сказал я твердо. — Обычный нормальный человек!

— Да, — легко согласился Завулон. — К сожалению, дети редко наследуют способности Иных, обычно они проявляются через поколение. У Гесера с Ольгой, правда, был подготовлен свой кандидат, но они ухитрились потерять мальчонку и нашли его слишком поздно. Да и четыре мои последние внучки никакими способностями Иных не обладают. Вот с внуками вышло получше! Но из вас троих повезло тебе.

— Папа — твой внук? — спросила Надя в тишине.

Завулон смущенно развел руками.

— А я что — твоя правнучка? — продолжала Надя.

— А я?.. Гесер, ты мне кто? — воскликнула Светлана.

Она вскочила, подбежала к Гесеру. Тот отстранился, примиряюще поднимая руки.

— Ты мне кто? Отец? Дед? Это что за индийский кинофильм? Может, мне станцевать и спеть песню потерянной и найденной дочки?

— Ты мне не родственница! — повысил голос Гесер. — В твоем роду были Светлые, у тебя был потенциал Великой, этого было достаточно! Да, мы тебя использовали, мы свели тебя… с надлежащими кандидатами. И вписали в твою судьбу рождение Надежды! Но это все, а я тебе — никто!

— Как приятно это слышать! — воскликнула Светлана и залепила Гесеру пощечину.

Схватившись за щеку, Великий Светлый растерянно смотрел на нее.

— Я об этом давно мечтала, — сказала Светлана радостно.

— За меня тоже добавь, — попросил я.

— С удовольствием! — И Светлана добавила. После чего развернулась и пошла к Наде. — Все, мы уходим!

— Мир погибнет, девочка, — сказала Арина.

— Да мне плевать! — отозвалась Светлана. — Раскомандовалась, старая ведьма! Или ты мне

тоже — мать, бабка, прабабка?

— Чур-чур меня! — Арина всплеснула руками. — Нет. Только все мы, женщины, — сестры! И что бы там мужчины ни творили — нам за жизнь отвечать, так? А ты же докторица, ты клятву Гиппократову давала…

— Присягу советского врача, — мрачно ответила Светлана. Но — села рядом с Надей, привлекла ее к себе.

— Успокойтесь все, — примиряюще продолжила Арина. — Нашли повод ссориться. А то ты не знала, Света, что тебя к рождению Нади подводили да готовили. Ну и что с того? Дочка умница и красавица. Неужто жалеешь? А ты, Антон? Этот старый хрыч имел шуры-муры с твоей бабкой. Ты и бабку-то почти не помнишь, а про деда разве вспоминал когда? Был и сплыл. Ну вот он, твой биологический дед. Что с того?

— Как что? — спросила Надя. — Меня в классе спрашивали: «Городецкая, ты еврейка?» Я отвечала, что нет у нас в роду евреев. Оказывается — есть! Я всех обманывала!

И вот это внезапно разрядило напряжение. Первым начал хохотать Завулон, похрюкивая и колотя руками по столу. Начал улыбаться Гесер, все еще не отнимая руки от первой пострадавшей

щеки. Улыбнулась Ольга; покачала головой, но не смогла задавить смешок Светлана.

— Успокоились? — миролюбиво спросила Арина, и я вдруг заподозрил, что наша веселость вызвана каким-то ее заклинанием — ведьмовским, тонким, незаметным. Она такие вещи хорошо умела. — Теперь продолжим о деле. Дозор Шести состоял из представителей шести Великих Сторон…

— Как неожиданно, — сказала Светлана.

— Во-первых, это вампир, — произнесла Арина. — Представитель древнейших Иных. В Шестом Дозоре вампирскую коллегию представлял Витеслав.

— Мир его праху, — произнес Завулон. — Ах, Костя, ах, паршивец — кого ухлопал!

— Собственно говоря, живых, кроме меня, уже нет, — сообщила Арина. — Во-вторых, это ведьмы. Конклав, как вы понимаете, представляла я. В-третьих, это представитель Светлых магов. Альфред Клаус Ланге.

— Погиб в поединке с Темным магом Кристофом Готье в одна тысяча сороковом году, — сказал Гесер.

— Точнее — они убили друг друга, — поправил Завулон. — С чего-то вдруг приняли близко к

сердцу немецко-французские отношения того времени. Странное дело, их словно тянуло друг к другу… А! Я понял!

— Совершенно верно, — сказала Арина. — Готье у нас представлял Темных магов. Видимо, их с Ланге впрямь подсознательно и болезненно тянуло друг к другу, в Шестом Дозоре у них были очень дружеские отношения… — Она покосилась на Надежду.

— Я маленькая девочка и совершенно не понимаю ваших иносказаний, — заявила Надя.

— В-пятых — это был пророк, — сказала Арина.

— Пророк, — произнес я удовлетворенно. — Все-таки пророк. Все верно… И… Арина, я ведь знаю этого пророка?

— Знал, — кивнула Арина. — Эразм Дарвин. Хороший дядька, жалко — пил беспробудно. Особенно как память себе почистил… будто с цепи сорвался…

— Потерял смысл жизни, — негромко сказал Гесер.

Я посмотрел на Завулона, но тот молчал. Только лицо Темного мага, чьим учеником когда-то был Эразм, застыло как каменная маска.

— И Шестая сторона… — Арина помедлила. — В общем-то ее не представляет Иной в буквальном

смысле слова…

— Неинициированный Иной, — сказал я. — Зеркальный маг. Верно?

Арина кивнула:

— Вы и сами почти разобрались. Зеркало. Славная девочка по имени Мария Монтессори. Забыв про службу в Дозоре Шести, она вообще забыла про мир Иных. Впрочем, она была разносторонней личностью и прожила интересную жизнь. Человеческую.

— Мы с Гесером можем назначить представителей Темной и Светлой сторон, — сказал Завулон. — У нас есть такое право. Ты можешь назначить представителя от ведьм…

— Да что уж там. — Арина покачала головой. — Я сама и пойду.

— Вампиры… у них появилась предводительница, — продолжил Завулон. — И учитывая ее непрерывное участие в последних событиях, я предполагаю, что она к нам явится. Остаются пророк и зеркальный маг. Или?

— Зеркальный маг в Москве, мы с тобой его знаем, — холодно сказал Гесер.

— Ай, как все завязано-то, не развяжешь… — вздохнул Завулон. — Кто его притащил?

— Я его позвал, — сказал я.

— Молодец, Антошка, — кивнул Завулон.

Я сделал вид, что пропустил фамильярность мимо ушей.

— И пророк, — вступил в разговор Гесер. — Полагаю, что Глыба…

— Не Глыба, — сказал я. — Иннокентий Толков.

— Обоснуй, — попросил Гесер.

— Потому что все завязано, — сказал я. — Потому, что есть еще дополнительные условия. И исходя из них — это будет Иннокентий Толков от пророков, Завулон от Темных и я от Светлых.

Глава 5

Офис Дневного Дозора был пуст. Завулон распустил всех сотрудников, даже оперативных дежурных, еще до нашего появления. Помощи от них все равно никакой не было. Поэтому чай и сандвичи принесли Света с Надей.

— В предсказании было сказано еще кое-что, — начал я. — Помните? «Шестой Дозор мертв» — ну, это понятно. Пророки вынуждены соблюдать ритм пророчества, поэтому должны были перечислить шесть Сторон. Но пророки не могут пророчить о себе самих. Об остальных они сказали. «Пятая сила исчезла» — я думаю, что это

сказано о ведьмах. Об Арине конкретно.

Арина кивнула.

— «Четвертая не успела», — продолжил я. — Это о Егоре. Если бы зеркальный маг воплотился или если бы свою функцию до конца смог выполнить Виталий Рогоза… Тогда все пошло бы иначе. Светлана бы погибла. Надя не родилась. Возможно, и я бы умер.

Света молча обняла Надю. Они почти все время теперь сидели так, рядом, прижавшись друг к другу.

— Зеркало пыталось ликвидировать не банальный перекос сил в Дозорах Москвы, — сказал я, — а глобальную проблему. Но — не успело… «Третья сила не верит» — это про нас, Светлых. Про тебя, Гесер. Мы потеряли цель, мы потеряли веру, мы потеряли надежду.

Гесер отвел взгляд.

— «Вторая сила боится». — Я кивнул Завулону. — Извини, дедушка, но это про тебя.

Завулон оскалился в улыбке.

— «Первая сила устала», — закончил я. — Вампиры. Они и были первой силой среди Иных. Они устали. Устарели. Выродились. Мы оказались лучшими хищниками, чем пьющая кровь нежить.

— Хорошо, но при чем тут состав Шестого Дозо-

ра? — спросила Ольга.

— Сейчас продолжу, — сказал я. — А пока хорошо бы вызвать к нам Егора и Иннокентия.

— Уже, — сказал Гесер. — Я пока с тобой не согласен, но их везут. Говори дальше.

— Еще есть то, что сказала Лилит. — Я посмотрел на Завулона. — Но вначале я хотел бы знать, кто она такая и какое отношение имеет к тебе.

— Она из первых, — сказал Завулон. — И когда-то, очень давно… она мне покровительствовала.

Я ждал.

— Мне кажется, что та кровь, что во мне, течет и в ней, — неохотно продолжил Завулон. — Она жила с самых древних времен. Таилась ото всех, даже в Конклав не входила. Но мне была кое-чем обязана. И я был обязан ей. Может быть, она была среди тех, кто встретил Двуединого. Я надеялся, что тебе Лилит скажет больше. По той же причине, по которой она общалась со мной.

— Кровь, — сказал я.

— Да, кровь.

Я вспомнил древнюю тварь, рассыпавшуюся в прах в моем доме. Может ли быть такое, что от нее я веду свой род? Что от нее ведет свой род Надя?

Все может быть. Мы не выбираем предков. И мы не обязаны отвечать их ожиданиям.

— Кое-что из сказанного ею просто подтверждает другую информацию, — сказал я. — Она перечислила стороны, только по-своему. Порожденная Светом — Светлая.

Никто не стал спорить.

— Порожденный Тьмой — Темный.

И снова никто ничего не сказал.

— Тот, кто взял чужую Силу, — вампир.

Гесер кивнул.

— Тот, кто не имеет своей Силы, — зеркальный маг.

Кивнул Завулон.

— Тот, кто видит, — пророк.

Светлана вздохнула.

— Тот, кто чует, — ведьма.

Арина подняла руку.

— Но главное, что она сказала, было очень… вампирским. Древним. Всех Шестерых должна связывать главная сила. Первая сила. Кровь.

— Петр, вампир-неандерталец, говорил, что во всех живущих на Земле есть его кровь, — напомнила Ольга. — В принципе он прав. И все мы одной крови.

— Да, но я все-таки думаю, что имелось не такое гомеопатическое разведение, — сказал я. — И тогда все очень просто. Среди нас обязана быть Надя

— она Абсолютная волшебница. Единственная сила, способная справиться с Сумраком, в каком бы воплощении тот ни был.

— Но я не смогла, — сказала Надя. — Папа, я не боюсь. Но у меня ведь не вышло.

— Тогда ты была одна, — сказал я. — Сейчас ты будешь в Дозоре. Надя — от сил Света. От сил Тьмы — ты, Завулон. Ты и только ты, поскольку ты связан с Надеждой — через меня. Пророком может быть только Иннокентий. Они с Надей побратались. Они связаны.

— Ножичком пальчики порезали, кровью расписались? — спросил Завулон недоверчиво. — Это же смешно. Детская игра!

— Смотря как ты к этому относишься, — тихо сказал Гесер. — Хорошо. Иннокентий Толков.

— Егор. Зеркальный маг.

— И что с ним? — поинтересовался Завулон. — А может, он твой сын, Городецкий? Это было бы неожиданно!

— Когда-то я спас его от вампирши, приманившей его Зовом. Между ними связь крови. И, кстати, тем же Зовом с ними связан я, а через меня — Надя и ты, Завулон.

— Если это действительно та вампирша, вернувшаяся из посмертия, — заметил Темный.

— А кто бы еще? — спросил я.

— Но где она? — продолжил Завулон.

— Она сказала, что придет в нужный час. Она уже приходила, нет оснований не верить.

— Допустим, — согласился Гесер. — Но какая кровь соединяет Арину с кем-то из вас?

— Может, ты сама ответишь? — спросил я ведьму.

Арина всплеснула руками.

— Ну вот же неугомонные! Что вам эта кровь сдалась? Не было в нашем Дозоре Шести никаких связей по крови… — Она на миг задумалась. — Может, и были, слегка-то, по молодости лет… но никто ничего не требовал. Что вы ту Лилит вздумали слушать? Да за одно имя мерзкое, сатанинское не стоит ее словам значения придавать!

— Арина, скажи, — попросил я.

— Может быть, я потерянная в девичестве бабушка Завулона? — предложила Арина. — Да не знаю я, что ж вы пристали-то? Нет у меня детей, единственная дочь в дитячестве померла, а потом ведьмовская немощь свое взяла — и никого уже мне не родить. Кусать никого не кусала, вампиры… тоже…

Она замолчала, закусив губу.

— Что? — спросил я.

— Ерунда, — твердо ответила Арина. — Ко всем перечисленным отношения не имеет. Если вы так уверены, что вам нужны кровные узы с ведьмой, — ищите другую.

Я впервые почувствовал, как моя уверенность тает.

— Нет, связь должна быть, — пробормотал я. — Ведь все складывается…

— Антон, — тихо сказала Светлана. — Я что-то не поняла. Ты хочешь сказать, что в Шестой Дозор входит наша дочь, а также — Завулон, Арина, Егор, Кешка и та вампирша? Даже имени которой ты не помнишь?

Я кивнул.

— Ни ты, ни я…

— Да.

— Ты с ума сошел, — сказала Светлана ледяным голосом. — Ты рехнулся, Городецкий. Ты хочешь отправить дочь на смертельно опасную схватку в компании веселящегося без повода Темного мага, вернувшейся с того света вампирши, страдающего полнотой мальчишки, неинициированного Иного, работающего фокусником, и старой ведьмы?

— Я, между прочим, сменила цвет, — напомнила Арина. — Я теперь Светленькая и чистенькая

целительница. Как ты.

— Старого кобеля не отмоешь добела, — бросила Светлана.

— Это факт, — легко согласилась Арина. — Но я Светлая. И знаешь, Светлана… Антон ведь прав!

Мы с Ариной посмотрели друг на друга.

— Молчи, ведьма, — сказал я. — Молчи.

— Каждый обидеть норовит, — вздохнула Арина.

Мы смотрели друг другу в глаза. И мне казалось, что мы говорим — это не был тот магический разговор, что способны вести Иные, это вообще не было разговором — просто мы сейчас думали об одном и том же.

«Вот как, значит, — думала Арина. — А как ты понял, Городецкий?»

«Как-то понял», — думал я, глядя на лицо ведьмы. Она то ли сняла свою маскировку, то ли я начал видеть сквозь нее — давняя красота исчезла, но и подлинное жалкое обличье не проявилось. Арина была просто старой печальной женщиной.

«Иначе ведь не бывает. Нигде, никогда и ничего».

«Это ты прав, Городецкий. Но лучше бы сказать. Поверь… ведьме».

«Нет. Не сейчас».

Светлана тревожно смотрела на нас. Потом сказала:

— Мне все больше и больше не нравится происходящее. Гесер… Завулон… Вам не кажется, что эта парочка о чем-то умалчивает?

— Тебе виднее, — дипломатично ответил Завулон.

— Антон Городецкий, я прошу тебя ответить, — произнес Гесер. — Как твой начальник, как твой учитель…

— Как тот, кто вопреки предначертанному сделал тебя Светлым, — мстительно добавил Завулон.

— Что ты скрываешь? — продолжил Гесер. — Я тебя знаю, Антон. Ты никогда бы не отправил дочь в столь опасную компанию без себя или жены. Несмотря ни на какие пророчества!

— Я уверен, что членам Шестого Дозора ничто не угрожает в схватке с Двуединым, — сказал я.

Гесер пристально вглядывался в меня. Пожал плечами и сообщил во всеуслышание:

— Кажется, он уверен в своих словах. Учитывая способность Антона принимать нестандартные, но правильные решения — я готов ему поверить.

Светлану это не успокоило. Но, к счастью, в

этот момент двери кабинета открылись, и вошли четверо: Егор, о чем-то оживленно беседующий со старым боевым магом Марком Жермензоном, и насупленный, недовольный Кеша, которого ласково обнимал за плечи пророк Сергей Глыба.

— Я все-таки перестраховался с парнишкой, — пояснил Гесер.

— И правильно сделал! — громко объявил Глыба. — Я уже все ему объяснил, и Кеша согласился, правда, Кеша? Сатурн в Весах, год на переломе. Луна ночью была скрыта тучами.

— Сегодня было новолуние, — сообщила Арина.

— Да? — удивился Глыба. — Но все равно тучи-то были. Так что Кеша согласен, в Шестой Дозор должен идти я…

— Ничего я не согласен. — Кеша досадливо повел плечом, сбрасывая его руку. Увидел Надю, и у него загорелись глаза, он сразу как-то подобрался, даже живот втянул.

Хороший мальчик. Ну и пусть он неуклюжий и полный.

— Спасибо, что пришли. — Гесер встал и двинулся вперед, без спросу беря на себя роль хозяина. Завулон картинно развел руками, возмущенно покачал головой, но ничего не сказал. — Почти

все мы знакомы… ты меня помнишь, Егор?

— Помню, — ответил тот. — Вы не изменились.

Гесер кивнул.

— А вы выглядите лучше, чем тогда, на крыше, Завулон.

Егор был очень спокоен. Даже умиротворен.

— Здравствуй, Егор, — сказала Светлана. — Меня зовут Светлана, я жена Антона. Это Надя, его дочь.

— А я ведьма, — сказала Арина. — Просто ведьма.

— Привет, — кивнул Егор. — Очень приятно.

Он подошел к Арине, протянул руку и достал из ее волос крошечный алый цветок. Вручил ей. Потом совершенно невозмутимо проделал то же самое со Светланой и Надей.

— Я не почувствовала никакой магии, — удивленно сказала Надя, разглядывая цветок.

— Это не магия, это ловкость рук. — Егор вежливо поклонился. — Как я понял, у нас будет команда, которая сразится с монстром ради спасения всего мира. И мне отводится важная функция.

— Можно сказать и так, — подтвердил Завулон.

— Я готов, — кивнул Егор. — О последствиях

предупрежден, претензий не имею, участвую на свой страх и риск. Надо где-нибудь расписаться?

— У нас без бюрократии, — сказал Гесер. — Садись. Будешь чай, кофе? Бутерброды?

— Кофе, — кивнул Егор, проходя к столу. Мне он пожал руку, Завулон тоже потянулся через стол — и Егор, помедлив миг, обменялся и с ним рукопожатием.

— Ольга, принеси, — скомандовал Гесер. — Эспрессо Егору, латте мне.

Ольга развела руками точно так же, как Завулон, когда Гесер начал командовать. Мой любимый шеф не только считал себя главным в любой ситуации, он и к женщине, даже любимой, относился с простотой времен своей молодости. За чаем-кофе для гостя положено ходить женщине — и точка. И точно так же Ольга не стала ничего говорить, а вышла из кабинета в приемную, где у стола секретарши стояла кофе-машина.

— А мне воды без газа! — сказал вслед Жермензон, прошел к Гесеру и сел с ним рядом.

— Мы еще кого-то ждем? — спросил Егор.

— Да, у нас тут ожидается шестой член команды, — уклончиво сказал Гесер.

— Как-то туманно, — сказал Егор. Посмотрел на меня.

— Извини, я должен был сказать, — пояснил я. — Это вампирша. Та, что когда-то на тебя нападала.

К моему удивлению, у Егора не дрогнул ни один мускул на лице. Он поскреб кончикам пальца над бровью, задумчиво сказал:

— Ее же упокоили. Мне говорили.

— Иногда они возвращаются. Но она вроде как на нашей стороне, Егор. Она помогла нам отбиться от Двуединого, когда тот появился в первый раз. А потом захватила власть в собрании вампиров.

Егор удивленно посмотрел на меня. Произнес — я даже не сразу понял, что это слова старой песни:

— «Она так умна, она так тонка, она читала все, что нужно, это наверняка; она выходит на охоту, одетая в цветные шелка…» Антон, ты говорил, что та была неопытная молодая вампирша. Они что, если воскресают — делаются такими сильными?

— Вот! — громко сказал Завулон. — Даже неопытному парню понятно, что это чушь! И я тебе говорю, Гесер! Не может это быть она! Не может! Никакое восстановление усопшего вампира не придает ему большей силы, чем у него была! Да и восстановиться он не может, пепел развеян

над морем, нечего восстанавливать!

Гесер пожал плечами:

— А кто? Она писала Антону послания, она проникла к нам в офис и давала ему советы, она защитила всю семью Городецких — на наших глазах!

— Не она, — твердо сказал Завулон. — Не знаю. Любая другая вампирша, они все мастера иллюзий.

— Мальчики, не ссорьтесь! — крикнула из приемной Ольга. — Мы ведь кого-то ждем?

Гесер и Завулон замолчали.

— В дверь стучат, — пояснила Ольга. — Я открою.

Сергей Глыба как-то очень сноровисто переместился к окну, по пути прихватив за руку Кешу, разговаривавшего с Надеждой. Жермензон, напротив, встал и выдвинулся ближе к двери. На лице старого боевого мага появился азарт.

Я тоже встал и разместился между семьей и дверью.

— Так вот оно что, — раздался голос Ольги. — Любопытно. Входи.

— Красиво держит паузу, — прокомментировал Завулон.

Вначале в дверь вошла Ольга. Посмотрела на

меня загадочным и задумчивым взглядом. Сдвинулась в сторону.

Потом вошла молодая девушка, одетая в джинсы и нейлоновую куртку. Снег лежал на воротнике так, как никогда не лежит у живых людей, вошедших в помещение, — только у вампиров, которые холодны как лед. И эту вампиршу я помнил. Худое скуластое лицо, запавшие темные глаза. Когда организм вампира стабилизируется, это клеймо вечного голода прячется, уходит вглубь. Но эта вампирша не успела вырасти в полноценную особь. Ее развоплотили за нелицензированную охоту и нападение на дозорных.

— Я же говорил, что прав! — сказал Гесер торжествующе.

— Привет, — сказал я вампирше. Что можно сказать мертвому врагу, восставшему из ада? Тем более врагу, который когда-то казался страшным и опасным, а оказался слабой пешкой в чужой игре. А потом внезапно стал поразительно сильным другом.

Вампирша посмотрела на меня. Тень узнавания мелькнула на ее лице, сменилась бессильной злобой. Нет, не могла вампирша, которая так смотрит, меня спасать… И вдруг ее лицо поплыло, меняясь и трансформируясь, тело стало вытяги-

ваться вверх, фигура становилась мужской. Это была иллюзия, которую так любят вампиры, но одновременно это был полноценный морфинг, доступный лишь Высшим вампирам.

— Нет, — сказал я, глядя на лица, проступающие одно за другим. — Нет!

Вампир Витезслав из Инквизиции. В его взгляде тоже было узнавание и даже какая-то симпатия, потом он увидел Арину и явно порывался что-то ей сказать… но ему на смену выплывало уже новое лицо, и я болезненно поморщился, увидев Геннадия Саушкина, развоплощенного мной в Эдинбурге, когда-то законопослушного добряка — насколько это возможно для вампира, а потом — сумасшедшего убийцу…

Каким-то образом я понимал, что все они — ненастоящие. Это не ожившие вампирша, Витезслав, Саушкин, втиснутые в одно тело и живущие в нем. Это нечто другое. Какая-то маскировка, но настолько качественная, глубокая, что маски становятся почти живыми, почти настоящими.

Почти. Но это все-таки маски. Надетые на кого-то…

«Геннадий» тоже меня узнал и с каким-то смущением потупил глаза, будто ему было стыдно

передо мной, его палачом, но на поверхность выходило еще одно лицо, похожее, — но куда моложе.

— Вот только не это… — сказал я.

Костя виновато развел руками.

— Извини. Но это я. В центре матрешки — я.

— Я тебя убил, — сказал я. — Дважды. Ты сгорел в космосе…

Костя кивнул. Поморщился и поправил:

— К счастью, я вначале замерз.

— Потом я развоплотил вас всех на шестом слое, — продолжил я. — Заклятие Мерлина… Ты хочешь сказать, что Мерлин ошибся?

— Мерлин не ошибся. — Костя покачал головой. — Но у Сумрака оказалось другое мнение на этот счет. Он меня… — Костя помедлил, подыскивая слово: — Поднял.

— Интересно зачем? — подал голос Завулон.

— Здравствуйте, шеф! — Как это ни было смешно и нелепо, но к Завулону Костя обратился с почтительностью и даже легкой опаской. — Извините, что я так неожиданно.

— Зачем? — повторил Завулон.

Костя расстегнул молнию куртки, которая стала ему тесна.

— Видимо, ради Шестого Дозора. Чтобы он

был собран. Вы не смогли бы сделать это сами, извините.

— Потому что мы всё забыли? — поинтересовался Завулон.

— Нет, — поколебавшись, ответил Костя. — Потому что если бы здесь не было меня — Шестой Дозор не смог бы победить Двуединого даже теоретически. А Сумрак играет честно.

— Так что получается, Сумрак на нашей стороне? — уточнил Гесер с живейшим интересом.

— Он на своей, — сказал Костя. — Но, видите ли, есть правила, и он их соблюдает. Был заключен договор между Иными и Двуединым. Договор должен быть исполнен или расторгнут. Для этого должны быть обе стороны. И у обеих сторон должен быть шанс.

— Как ни странно, я рад тебя видеть, — сказал я.

Костя серьезно кивнул.

— Как ни странно, и я тоже. Это очень странное существование, в котором я нахожусь. Но оно лучше, чем ничто.

— Зачем он с тобой так? — спросил я.

— Я с ним не разговаривал. — Костя пожал плечами. — Но я думал об этом. По-моему, для Сумрака просто нет разницы. Раз вампир, два

вампир… Он мог вернуть в мир любого, но выпало мне. Может быть, потому, что я убил Витезслава, прежнего вампира Шестого Дозора? И стал, с точки зрения Сумрака, его правопреемником? Но еще Сумрак дал мне немного от других. Даже от отца почему-то.

— Геннадию Саушкину я давала свою кровь, — негромко сказала Арина. — Он пытался повторить твою «пропись», поднять свой уровень. Надеялся, что кровь ведьмы поможет.

— Вот и кровная связь, — сказал я. — Все началось из-за вампиров, все вокруг них и крутилось. Ими Сумрак и сцепил нас всех воедино.

— А теперь заставит делать выбор, — кивнул Костя. — Ты извини, но я вынужден спросить. Не то чтобы я командую, но у нас осталось совсем мало времени… Пришлая сила уже на пороге. Ты должен выбрать. Кто входит в Шестой Дозор?

Я посмотрел на Гесера. Тот кивнул:

— Ты решай… тебя спрашивают.

Он как-то ссутулился, обмяк. Будто воздух из него выпустили.

— В Шестой Дозор входишь ты от вампиров, — сказал я. — В Шестой Дозор входит Арина от Конклава ведьм. В Шестой Дозор входит Иннокентий от пророков.

— Как глава ассоциации предсказателей и пророков я не… — Глыба осекся, глядя на меня. Или уже не на меня? А в будущее? — Я не против… — закончил Глыба растерянно.

— В Шестой Дозор входит Егор от зеркальных магов, — продолжил я. — Поскольку в мире не бывает больше одного Зеркала одновременно — он сам себя утверждает. В Шестой Дозор входит Завулон от сил Тьмы — по праву, данному ему Инквизицией, главами Дневных Дозоров и кровью Лилит, самой старой из Темных Иных. В Шестой Дозор входит… — я посмотрел на Светлану, покачал головой, — Надежда Городецкая, моя дочь, по праву Абсолютной Светлой волшебницы.

— Шестой Дозор созван, — сказал Костя. Помолчал, потом добавил: — Поскольку всем вам, присутствующим, это важно, я могу сделать маленький намек. Шестой Дозор созван правильно. У нас есть возможность расторгнуть договор с Двуединым.

— То есть мы способны победить, — радостно сказала Надя, делая шаг вперед. — Спасибо, пап.

Я улыбнулся дочери, но покачал головой:

— Нет, конечно. Ты же его видела. Это даже не Тигр, он Тигра смял. И весь ведьмовской Конклав не сумел ему помешать. Может быть, ты бы смог-

ла, ты же равна ему по Силе. Но он хитрее, и он привык убивать. И ты при этом убила бы весь Сумрак, а оно нам надо?

Надя нахмурилась.

— Никакого поединка не будет, девочка, — тихо сказала Арина, подошла к ней. — Теперь и я поняла, дура старая. Мы можем только расторгнуть договор. Признать его утратившим силу.

— Он идет, — сказал Кеша. — Он идет и…

Взгляд парнишки вдруг остановился на мне. И теперь уж я не сомневался — он увидел будущее. Увидел и замотал головой.

— А какие варианты? — спросил я. — Сам знаешь — нет их.

В приемной раздались шаги, и те, кто вошел в Шестой Дозор, непроизвольно сдвинулись друг к другу. Даже Завулон со вздохом поднялся из-за стола и приблизился к ним.

А я остался на месте, ближе к дверям.

— Антон! — крикнула Светлана.

— Оставайся на месте! — приказал я.

Двуединый показался на пороге. Он снова изменился. Светлый маг Денис и Темный маг Алексей окончательно трансформировались, сплавились в одно существо. Это был человек не меньше двух с половиной метров ростом, с толстенными

руками и ногами, с головой, непропорционально большой даже для такого гиганта, с выпученными глазами и полуоткрытым зубастым ртом. Он был гол и абсолютно лишен признаков пола.

Таких страшилищ порой рисуют маленькие дети, после чего озабоченные родители начинают задумываться о визите к психологу. Маленькие дети порой вспоминают то, о чем забыли старики, и предвидят то, о чем не хотят задумываться взрослые.

Двуединый, наклонив голову, вступил в дверь — и в тот же миг я почувствовал, как Сумрак вздрогнул. Где-то на других концах мира, в пражских спецхранах Инквизиции и потаенных схронах ведьм под Мадридом, в региональных отделениях Ночных и Дневных Дозоров, в вампирских катакомбах Лондона, в Берлине и Тайбэе, Киеве и Сан-Франциско, Токио и Варшаве, одновременно разрядились все амулеты и артефакты, сотни и тысячи лет копившие Силу.

Исландский вулкан с непроизносимым названием взорвался, выбросив столб пепла и огня, когда сквозь его огненную основу прошел поток энергии. В Атлантическом океане американская подводная лодка попала в линию Силы, отмеченную на стометровой глубине кипящей водой, и

развалилась пополам. Над Испанией легкомоторный самолет превратился в лебедя пятиметровой длины, за шею которого цеплялся обезумевший пилот. Подземный толчок тряхнул Москву, не знавшую серьезных землетрясений, с силой в шесть баллов, разрушив только что построенную и сданную в эксплуатацию эстакаду. В воздухе повис звенящий гул.

Двуединого опутало сетью зеленого огня. Он взвыл, раскинул руки, пытаясь порвать магические путы. Но те не поддавались. Тут было много, очень много Силы — больше, чем мог выдержать даже Сумрак.

Кабинет разгородило мутным белесым Щитом — даже сквозь него пылающая сеть грозила выжечь сетчатку. Двуединый пошатывался, пытаясь устоять, — а сеть сияла все ярче, энергетические линии утолщались, превращались в канаты, ощетинившиеся иглами разрядов, резали его плоть, входили в тело.

— Ну же! — закричал Гесер с азартом охотника, добивающего раненого зверя.

Зеленое пламя вошло в тело Двуединого, сияние поблекло. Щит угас. Двуединый стоял, будто прислушиваясь к чему-то в своем чудовищном теле. Потом он рыгнул — и изо рта его вырвался

клуб смрадного зеленого дыма.

Стало тихо, только на столе звенели чашки и блюдца. Потом с печальным прощальным звоном раскололась чашечка с недопитым эспрессо.

Двуединый поднял голову и тихо зарычал.

— Все-таки следовало попытаться, верно? — извиняющимся тоном произнес Завулон.

Двуединый шагнул вперед.

— Шестой Дозор создан! — Арина шагнула вперед, встала рядом со мной. — Двуединый, Шестой Дозор создан, по праву кровавого завета мы требуем переговоров!

Взгляд Двуединого остановился на ней. Гигант помедлил и спросил холодным равнодушным голосом:

— Кто входит в Дозор Шести?

— Я, Арина, от ведьм. Завулон от Темных. Надежда от Светлых. Егор от зеркальных. Иннокентий от пророков. И… — Арина на миг запнулась, — Константин от вампиров.

— Начну говорить с ним, — решил Двуединый. — По праву первых Иных его голос — вначале.

Костя вышел к Арине.

— Я, Темный Иной, Константин Саушкин, Хозяин Хозяев…

— Обман, — вдруг произнес Двуединый. — Ты мертв.

— Я давно мертв, — холодно сказал Костя. — Я мертв трижды. Я умер, когда стал вампиром, инициированный родным отцом. Я умер вдали от Земли, оторванный от Силы. Я умер на шестом слое Сумрака, убитый Антоном Городецким. Я нежить. Тебе ли возмущаться, что мертвый пришел в Дозор?

— Ты мешал мне.

— Я исправлял твою ошибку. Ты не имел права нападать на будущего члена Дозора Шести.

Двуединый помедлил. Потом сказал:

— Говори.

— По праву вампиров, первых Иных, заключивших завет с тобой, я разрываю его отныне и навсегда. Не все должно решаться так просто, как привык ты. Я говорю — кровавый завет разорван.

— Кого ты приносишь в жертву в подтверждение своих слов? — спросил Двуединый. — Ты знаешь правила. Связаны кровью. Любовь и ненависть. Благородство и предательство. Сила и слабость.

— Я приношу в жертву Антона Городецкого, — сказал Костя, и Светлана за моей спиной

вскрикнула. — Я любил его как старшего друга. Я ненавижу его как своего убийцу. Он поступил благородно, став мне другом вопреки правилам Дозоров. Он поступил подло, отправив меня умирать. Из-за него я стал сильным и из-за него стал слаб.

— Теперь говори ты, ведьма, — сказал Двуединый, никак не отреагировав на слова Кости.

— Я, Тем… Светлая Иная, глава ведьм Конклава, — сказала Арина. — По праву ведьм, укравших свое право на Силу у вампиров и оборотней, по праву женщин, заключивших кровавый завет с тобой, я разрываю его отныне и навсегда. Слишком много крови и зла даже для нас, ведьм. Кровавый завет разорван навсегда.

— Кто жертва твоих слов?

— Антон Городецкий, — кивнула Арина. — Я любила его… — она вдруг рассмеялась, — ведь даже дряхлая ведьма вправе полюбить мужчину. Я ненавижу его, потому что он не замечал моей любви, он любит другую и никогда не стал бы моим. Он поступил благородно, не замечая моей любви, и он поступил подло, не заметив ее. Ему я отдала бы свою Силу, но ему не нужна даже моя слабость.

— Зеркало, — сказал Двуединый.

Егор вздохнул.

— Ну как там… Я, Егор Мартынов, неинициированный Иной, зеркальный маг… наверное. По праву… — он на миг замолчал, — по праву стороны, которая хранит равновесие, по праву стороны, которая реализует себя только в смерти. Я разрываю кровавый завет, потому что равновесие надо выправлять как-то иначе. Не разрушая все. Разрываю навсегда, и бла-бла-бла, как там положено.

— Твоя жертва?

— Антон Городецкий, — сказал Егор. — Я люблю его, он меня спас. И ненавижу, он меня подвел. Он поступил благородно, потому что защищал мое право на свою судьбу, но поступил подло, потому что для него важнее была его собственная судьба. Он показал мне Силу, и я выбрал слабость. Вот. Как-то так.

— Пророк? — произнес Двуединый.

— Я — Иннокентий Толков, — сказал Кеша. — Пророк. Светлый. Первый уровень. Я от всех пророков, потому что только я гожусь. Я разрываю кровавый завет, потому что в нем нет будущего, а я хочу его видеть. Отныне и навсегда.

— Жертва?

— Антон Городецкий… — едва слышно сказал

Кеша. — Он как бы тоже меня спас. Но дело даже не в этом, я его люблю, потому что он отец Нади. И я… я его ненавижу. Потому что я должен был назвать его имя, и он понял, что я назову. И он благородно себя вел, никогда не мешал мне дружить с Надей, хотя я знаю, что я ему не нравлюсь, он считает меня увальнем, рохлей и слабаком. И… и я подлец… потому что мы с Надей его обманываем. И у меня есть Сила, и я знаю, что она не только предсказывает будущее, она его меняет, но я слабак… и не могу поменять будущее так, чтобы назвать другого…

— Темный, — сказал Двуединый.

— Это я, я это, — подтвердил Завулон, не делая даже попытки сдвинуться с места. — Завулон, Темный, Высший, от Темных, что понятно. Я разрываю кровавый завет, это архаизм, нерациональное использование материала. Отныне и до конца времен. Моя жертва — Антон Городецкий. Я его люблю — он самый удачный из моих потомков. Я его ненавижу, он стал Светлым, и ему это нравится, вот за то, что нравится, — особенно ненавижу. Он хороший, благородный враг, но он готов на подлые приемы, и это меня особенно бесит, из него вышел бы величайший Темный. И я сильнее его и, пожалуй, всегда остался бы

сильнее, но сделать то, что он сейчас делает, я не смогу. Вот в этом я слабее. Я порой что-то такое пытался сделать, но всегда вовремя останавливался, а он останавливаться не умеет.

— Светлая, — произнес Двуединый.

Я не выдержал, обернулся и посмотрел на Надю. И кивнул ей, потому что ей сейчас было очень, очень плохо, а поддержать я ее никак не мог и защитить — тоже.

— Я — Светлая, Высшая, Надежда Городецкая, — сказала Надя. Голос у нее был никакущий, от такого голоса кровь стыла в жилах. — Я разрываю кровавый завет. Я его ненавижу. Может, когда-то это и было лучшим и правильным выходом, только то время давно ушло. Я его разрываю навсегда. Пусть будет одно только добро или одно только зло, если люди этого заслужили. Но хватит этого равновесия, равновесие добра — это всегда еще и равновесие зла. Я… я…

— Должна назвать жертву, — сказал Двуединый.

— Моя жертва… — Надежда замолчала, глядя на меня. Я ободряюще кивнул ей. Тут ничего нельзя было поделать. Совсем ничего. — Моя жертва — Антон Городецкий, мой отец. Я… я люблю его, потому что он мой отец, и этого достаточно. Я его

ненавижу! Ненавижу, потому что это я должна была стоять на его месте, а он на моем, но он все понял раньше меня и сделал так, как хотел! И это, наверное, до фига как благородно с его стороны, только это подло, подло, подло! И я бы отдала всю свою Силу, она мне не нужна, я готова жить простым человеком, но я слишком слабая, чтобы тебя убить, но я стану сильнее, и я вытрясу из тебя твою мерзкую душонку спящего божка, я пройду через Сумрак и выжгу тебя, начисто, или придумаю дефолианты для Сумрака и отравлю все его слои, ты что, думаешь, я дура, не понимаю, в чем ты прячешься и из чего состоишь, синяя мшистая дрянь!

Наступила тишина, в которой было слышно только ее громкое дыхание.

— Дозор Шести сказал свое слово, — произнес Двуединый. — Кровавый завет разорван. Больше никто не хранит равновесие добра и зла среди людей. Вы вольны жить сами и убивать себя сами. Ваша судьба отныне в ваших руках.

На какой-то крошечный миг мне показалось, что он развернется и уйдет. Как поступил когда-то Тигр. На какой-то крошечный миг имя дочери показалось мне волшебным талисманом, который сохранит меня на краю.

— Я принимаю вашу жертву, — сказал Двуединый.

Краем глаза я увидел, как он поднимает свои лапищи, вытягивает их в мою сторону. Но мне не хотелось поворачиваться. Я смотрел на дочь, на жену, которую крепко держала Ольга. Где-то там был еще Гесер, вырастивший из меня того, кем я стал; мой неожиданный Темный дедушка Завулон; старая ехидная ведьма Арина с ее неуместной любовью; юный пророк Кешка, который обнял плачущую Надю за плечи; храбрый и хороший человек, который вырос из перепуганного мальчика Егора; старые тертые калачи Жермензон и Глыба…

Но я смотрел на дочь и жену, стараясь улыбаться как можно искреннее, чтобы они запомнили эту улыбку и знали, что я ими горжусь.

А потом льдисто-синее и огненно-красное ударило мне в спину.

Эпилог

Кладбище — место нерадостное в любое время года. Весной, когда воздух прохладен и свеж, а деревья окутаны зеленым дымом свежей листвы, думать о смерти особенно неприятно. Летом, в жару, когда поднимается запах сухой земли, кладбище кажется затаившимся хищником, готовым наброситься на тебя. Осенью, под серым дождливым небом, кладбище отвратительно и тоскливо.

Но хуже всего зимой. Стылая земля не поддается лопатам, а при мысли о том, что сейчас в ней кто-то останется навсегда, мороз пробегает по коже.

Это было старое кладбище, в самом центре Москвы. Хоронили здесь очень, очень редко, людей либо очень известных, либо очень богатых. Нет, конечно, не Ваганьковское и не Новодевичье. Но центр Москвы всегда в цене — и для живых, и для мертвых.

— Мы нечасто хороним кого-то из наших, — сказал Завулон. — Обычно нечего хоронить… вместе со Светлыми мы тоже собираемся нечасто.

Он постоял, кутаясь в теплое пальто. Потом

снял перчатки, взял из рук держащегося за спиной помощника венок с надписью «От Дневного Дозора Москвы» и положил на свежую могилу. Постоял, склонив голову.

— Прощай. Ты честно нес службу.

Гесер вообще не надевал перчаток. То ли привык к холоду в дни своей давней тибетской юности, то ли рисовался непритязательностью. Ему венок «От Ночного Дозора Москвы» подала Ольга.

— Трудная судьба, — сказал он. — И трудная смерть. И… и все равно ты был одним из нас и останешься им навсегда.

Он потоптался на месте. Потом посмотрел на Завулона, достал из кармана пальто фляжку, протянул тому:

— Давай… по русскому обычаю… проводим.

— Вот уж нашел русский обычай — французский коньяк на кладбище из горла хлестать… — негромко сказала Света. И взяла меня за руку.

Завулон сделал глоток вслед за Гесером, сморщился, потом протянул флягу мне:

— Антон?

— Я не буду, если можно, — сказал я. — Мне теперь надо беречь здоровье. Здоровье человека — самая большая его ценность.

— Антон, перестань. — Завулон укоризненно смотрел на меня. — Мы твое здоровье беречь будем. И лечить, если что, всеми силами обоих Дозоров. Ты заслужил.

— Мне не хочется пить за них, — сказал я, кивнув на могилу, где в огромном гробу лежало чудовищное тело Двуединого, бывшего Светлого мага Дениса и Темного мага Алексея. — Все-таки он меня убил. В какой-то мере.

— Все мы рано или поздно уйдем, — ответил Гесер. — Иные бессмертны, но…

— Но люди смертнее, — закончил я. — Простите, не буду. Они не виноваты. Но за своих убийц не пьют.

— Он тебя, можно сказать, пожалел, — напомнил Гесер. — Мог ведь и убить. Просто и окончательно. Развоплотить. Сжечь. Вытянуть Силу начисто.

— А он и убил, — сказал я. — Сделав меня человеком, он меня убил. Пусть не сейчас, но… двадцать лет. Тридцать. И все.

— Люди так и живут, папа, — сказала Надя.

Она стояла рядом, держась за руку Иннокентия.

— Ладно, — сдался я и взял из рук Гесера фляжку.

Коньяк обжег горло. Я закрыл глаза, прислушиваясь к себе. Попытался посмотреть сквозь веки, сквозь Сумрак. Конечно же, ничего не получилось.

— Земля пухом, доброго Сумрака… — пробормотал я, возвращая флягу.

Все уже потихоньку расходились. Пусть похороны и были совместными, но поминки у Светлых и Темных будут разными. Два маленьких автобуса, стоящие у входа на кладбище, повезут дозорных разными путями.

Костя Саушкин махнул мне рукой, но приближаться не стал. Правильно, я считаю. Сумрак оставил его на Земле. Вернул то, что заменяет вампирам жизнь. Но то, что мы были друзьями, не меняло того, что я убил его, а он — убил меня.

— Пойдем, — сказал Семен, подходя ко мне. — Ну… надо. Положено так. Не обижайся ты на Дениса, он на работе сгорел…

— Я потом подъеду, — сказал я.

Семен смутился. Засунул руки в карманы потрепанной нейлоновой куртки.

— Ну… Антон… Ты же это… Ресторан Сферой Отрицания накрыт… Ты не пройдешь сам.

Он был прав, конечно.

— Я его проведу, — сказала Светлана. — Езжай-

те, ребята. Мы следом.

Мы шли нарочито неспешно — я, Светлана, Надя. И Кешка, конечно. Куда от него деваться. Может, они с Надей и разбегутся в разные стороны через пару месяцев… или через сотню лет. Но Кешка явно видел в будущем что-то более оптимистичное на их счет. Придется его терпеть.

— Известные люди тут… — негромко сказала Надя. — Гляди, это же мультипликатор знаменитый! А это писатель… Ой, я же его книжки читала!

— Да, приличные люди собрались, — сказал я. — Двуединый должен быть доволен.

— Папа, ну перестань! — попросила дочь. — Он тебя не убил, это самое главное!

Я вспомнил, как они со Светланой рыдали, обнимая меня. А я сидел на полу, ощупывая обгорелые остатки рубашки на одной руке и обугленные лохмотья на другой. По сравнению с обычным ударом Двуединого меня, можно сказать, поцеловали на прощание.

На прощание — потому что Двуединый в этот момент лежал у дверей. Бездыханный и мертвый, унесший в своем чудовищном теле бывших дозорных Света и Тьмы…

Я даже не сразу понял тогда, что произошло. Я

был слишком рад тому, что жив. И смущенный взгляд Гесера, и разочарованный взгляд Завулона меня не насторожили. И то, как вдруг замолчала Светлана и, отстранившись, пристально посмотрела в меня, — тоже…

А потом Надя сказала со всей беспощадной откровенностью молодости: «Папа, ты человек!»

Да, я стал человеком. Совершенно рядовым. Без малейшего потенциала Иного. С «магической температурой» намного выше того порога, где хотя бы иногда, спорадически, возникают предчувствия и способность творить мелкие фокусы. Я не выдохся, как это бывает с Иными. Я не был выжат, как это случилось со Светланой, сразившейся с Зеркалом. Я стал человеком бесповоротно и навсегда.

— Мне кажется, тебя пожалела та часть Двуединого, что была доброй, — сказала Надя. — Ведь верно?

Обижать дочь мне не хотелось. Она у меня умница. Но она ко всему еще и Абсолютная волшебница, и поэтому ей полезно стать еще и мудрой.

— Нет, Надя, — сказал я. — На меня очень сердилась та часть Двуединого, что была злой. Поэтому я и жив.

Надя примолкла.

Автобусы уже уехали, мы забрались в машину. Завулон обратно свой подарок не потребовал. Светлана села за руль, я не стал спорить — не чувствуя линии вероятности, я был бы на дороге слепцом.

— И все же и ты не совсем прав, Антон, — сказала Светлана. — Ты стал человеком не потому, что тебя кто-то пожалел или возненавидел. Ты стал человеком, потому что ты им был. Ты им остался, прожив как Иной четверть века, а это большая редкость. Поэтому когда Двуединый убил в тебе мага — ты остался жить.

Я кивнул. Наверное, она была права. Наверное, так оно и есть. Но даже моя мудрая жена не ответит, как мне теперь жить.

А научиться придется.

Живут же люди.

2013–2014
Москва — Лондон — Палермо